АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Е. Ф. КАРСКИЙ

ТРУДЫ ПО БЕЛОРУССКОМУ И ДРУГИМ СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР *В. И. БОРКОВСКИЙ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт языкознания им. Якуба Коласа Академии наук БССР, при любезном содействии Академии наук СССР, переиздал в 1955 г. 1-й выпуск II тома «Белорусов» («Исторический очерк звуков белорусского языка») акад. Е. Ф. Карского, а в 1956 г. — 2-й и 3-й выпуски того же тома («Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке», «Очерки синтаксиса белорусского языка»).

Переизданные выпуски «Белорусов» были весьма сочувственно встречены как в СССР, так и за рубежом.

Это обстоятельство, а также тот факт, что другие труды акад. Е. Ф. Карского по белорусскому языку, его исследования по русскому, украинскому, западнославянским и южнославянским языкам в большей своей части стали библиографической редкостью, побудили Институт языкознания АН БССР предпринять издание «Трудов по белорусскому и другим славянским языкам» Е. Ф. Карского.

Главное место в настоящем издании занимают исследования по белорусскому языку, поскольку это центральное место они всегда занимали среди многочисленных (около 300) трудов Е. Ф. Карского, основателя белорусского языкознания и белорусской филологии, выходивших в свет в течение 48 лет (вплоть до самой смерти автора).

Готовил к печати и редактировал эту книгу член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Борковский.

Институт языкознания
им. Якуба Коласа АН БССР

Исключительное по масштабам и по своему научному значению лингвистическое наследство, оставленное акад. Е. Ф. Карским, потребовало от редактора большой работы, весьма ответственной и почетной, по отбору материала, который следует поместить в настоящем издании.

Редактор считает своей обязанностью отметить, какими принципами он руководствовался, включая в том «Трудов по белорусскому и другим славянским языкам» то или иное исследование или, наоборот, не помещая его в данной книге.

Редактор полагал, что из палеографических исследований Е. Ф. Карского следует напечатать лишь те, в которых имеется большой, являющийся при этом основным, лингвистический раздел. Сказанное относится и к работам по этнографии. Отдельные лингвистические труды Е. Ф. Карского по своему объему сами могли бы составить целый том (например, «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках»). Поэтому особое внимание было обращено на небольшие статьи, напечатанные в журналах, которые изданы давно и при этом весьма ограниченным тиражом, и ставшие библиографической редкостью.

Редактор считал, что работы, в значительной своей части вошедшие в дополненном и улучшенном виде в капитальное исследование «Белорусы» («Обзор звуков и форм белорусской речи», «К истории звуков и форм белорусской речи)», могут быть оставлены, в связи с ограниченностью объема книги, за ее пределами.

Учебные пособия для средней школы («Церковно-славянская грамматика», выдержавшая 19 изданий) и для высшей школы (литографированные курсы, напечатанные в 1912—1915 гг., «Русская диалектология») и научно-популярные работы («О так называемых барбаризмах в русском языке», «Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением» и др.) не включены в том «Трудов по белорусскому и другим славянским языкам».

Из критико-библиографических заметок (их написано Е. Ф. Карским огромное количество) помещены наиболее подробные, развернутые.

Е. Ф. Карским опубликовано большое число некрологов и статей,

посвященных отдельным ученым. Первые редактором не включены в книгу (все они весьма кратки), вторые напечатаны.

Не оказалось возможным предоставить место безусловно ценному «Очерку научной разработки русского языка в пределах СССР». Этот «Очерк» вышел сравнительно недавно (в 1926 г.), и его нетрудно достать в библиотеках.

Полная подробная библиография позволит читателю представить себе, что́ из лингвистического наследства Е. Ф. Карского не вошло в данное издание.

Чтобы облегчить пользование книгой, материал в ней распределен по отделам:

1) восточнославянские языки (внутри отдела — подотделы: «Древнерусский язык»; «Русский язык»; «Белорусский язык»; «Украинский язык»);

2) южнославянские и западнославянские языки (без деления на подотделы, поскольку работ сравнительно немного);

3) языковеды-слависты.

Внутри каждого отдела (подотдела) работы помещаются в хронологическом порядке. Комментарии даны в конце книги к каждому отделу (и подотделу), причем в комментариях помещены сведения и о некоторых работах, не вошедших в данную книгу, а в ряде случаев — и отдельные высказывания из этих работ.

Поскольку биографическая справка об академике Е. Ф. Карском имеется в недавно переизданном (в 1955 г.) первом выпуске II тома «Белорусов», не было необходимости ее помещать здесь. В первом выпуске напечатана также и статья, посвященная главному делу в научной биографии Е. Ф. Карского, — его исследованиям по белорусскому языку. Поэтому редактор в своей статье рассматривает исследования Е. Ф. Карского по всем славянским языкам, кроме белорусского.

Редактор надеется, что подготовленные им к изданию «Труды по белорусскому и другим славянским языкам» Е. Ф. Карского окажут несомненную помощь в научно-исследовательской работе как ученым-славистам, так и студентам филологических факультетов университетов и пединститутов, специализирующимся в области славянских языков.

В. И. Борковский

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК

О СУФФИКСАХ В РУССКИХ СЛОВАХ ТИПА *теленок, Васенька, рученька, беленький* [1]

Указанные типы слов, по производственным суффиксам, принято считать родственными: всех их объединяет наставка *ен*, обыкновенно употребляющаяся в соединении с суффиксами *-ок* — *-ек* (*-ък* — *-ьк*); да и по смыслу они сходны, так как обозначают уменьшительные или ласкательные имена. Для объяснения наставки *ен* обращаются к словам, имеющим суффикс *-енок*: *теленок*, *ягненок* и т. п., которые обозначают названия разных детенышей и вообще молодых животных.

Этим суффиксом *-енок* русский язык отличается от других славянских наречий, в которых, хотя и с некоторыми фонетическими и морфологическими отличиями, проводится древняя основа на **ѧ — ѧт**. Так, церковнославянскому **телѧ — телѧте** у сербов соответствует тѐле — тѐлета, словенск. téle — teléta, чешск. tele — teletě, польск. cielę — cielęcia и т. п. Только в одном русском языке в единственном числе употребляется производное слово *теленок* и лишь во множественном видим древнюю форму *телята*. Правда, в некоторых его наречиях и до сих пор находим старину: в малорусск. *теля* — *теляти*, белорусск. *целя* — *целяци*. Таким образом, русский литературный язык в этом отношении стоит особняком.

Спрашивается, что́ вызвало в русском языке утрату старинной формы и замену ее новой? Едва ли чем другим следует объяснять это явление, как не тем, что слова вроде *теля* — *теляти* стояли совершенно особняком: им. п. на *я* ударяемое, при других падежах с наращением *ят*, выходил из ряда обыкновенных явлений в склонении имен существительных, в которых он отличается от косвенных падежей только флексией, а не основой; кроме того, в этих именах не было также и обычных показателей среднего рода *о* — *е*. Не могли оказать

---

[1] «Русский филологический вестник», т. XXII, 1889, стр. 179—183 (в дальнейшем — РФВ) (*Ред.*).

им поддержки и такие слова, как *имя — имени*, *племя — племени* и т. д., потому что *я*, стоящее у них в окончании им. п., будучи без ударения, обыкновенно произносится, как *е*, следовательно, сходно с окончанием всех вообще слов ср. р.; да и наращаемое *н* находит для себя аналогию в словах, как *камень*, *корень* и т. п. Поэтому при постоянном стремлении языка к единообразию как в формах, так и основах необычные слова среднего рода с именительным на *я́*, при других падежах на *ят*, заменились другими образованиями, дающими то же самое представление о предмете и имеющими притом самое обыкновенное окончание. Старинное окончание мн. ч. *-ята*, *-ят* и т. д. не представляло таких затруднений, как ед. ч., почему и удержалось в прежнем виде, хотя новые основы ед. ч. также стали заходить во мн. ч.

Если трудно определить причины появления слов на *-енок*, то не легче объяснить и самый этот суффикс. По общепринятому мнению, в *-ен-* видят разложение **ѧ**, а *-ок* считают равными **-ък**, суффиксу уменьшительных слов. Таким образом, русское *теленок* = **телѧ + ъкъ**. «Имена ласкательные и унизительные пользуются... суффиксом *-ен(т)*, принятым для детенышей. Как от **ѩгнѧ** — *ягн-ен-ок*, так и от *дядя*, *тетя*, *Вася*, *Саша* (вм. *Сашя*) — *дяд-ень-ка*, *Вас-ень-ка*, *Саш-ень-ка*, так же от *мама — мам-ень-ка*. Поэтому в малорусском этот суффикс принимают названия детей: *понамаренко*, и фамилий: *Шевченко*. Унизительные отличаются от ласкательных ударением: *ру́ченька* и *ручёнка*. Тот же суффикс в прилагательных: *бел-ень-кий* (Буслаев. Учебник русской грамматики изд. VII § 63. 2, 64, 2; «Историческая грамматика», ч. I, § 63, 2; Грот. Русское правописание, § 37, 3).

Выставленное ходячее объяснение суффикса *-ен-*, однако, не может быть принято в виду следующих обстоятельств:

Во-первых, обращаясь к истории русского языка, находим, что юсов в нем никогда не было: уже в самых древних памятниках русского извода на месте носовых гласных (хотя изредка) находим чистые а(ꙗ) и оу(ю). Отсюда вытекает естественное следствие, что, коль скоро память о юсах в русском языке утратилась, то и разлагаться в нем они не могли. Но могут возразить, как же объяснить русские формы: *взять — возьму*, *имя — имени* и т. п.? Конечно, в них отражается память о носовых гласных, но только не в современном русском языке, даже не в древнерусском, а праславянском: эти формы с чередованием, с одной стороны, носовых, а с другой — чистых гласных, свойственны и другим славянским языкам; значит, и в русском языке это чередование до настоящего времени происходит лишь по преданию и, таким образом, ни в коем случае не может служить доказательством существования в нем юсов и возможности при известных условиях их разложения. При этом следует также помнить, что в русском языке, по преданию, лишь в тех случаях бывает постановка на месте *я — а* (и отчасти *у*) согласных носовых *н* и *м*, где и в церковнославянском **ѧ** и **ѫ** «разлагались» на свои составные элементы; в окончаниях же основ на **ѧт** юс малый никогда не разлагался.

Во-вторых, если бы даже (предполагаю невозможное) *я* (*а*) и *у* (= ѧ и ж) в русском языке могли разлагаться, то в таких словах, как *теля* — *телити*, этого разложения все-таки не произошло бы: суффиксу -*ок* (-ъкъ) пришлось бы соприкасаться не с *я* (ѧ), а с *т*, на который оканчивается живая основа слова. Таким образом, из телѧт + ъкъ получилось бы «телятоκ», а не *теленок*. Образование производных слов от им. п., при основе, отличающейся от него по своим звукам, в русском языке невозможно: не образуют, например, от *теля* — «телёнко», а *телятко*, или «теленина», а *телятина*; от *дитя* — «дитёнко», а *дитятко*; от *слово* — «словный», а *словесный*; от *мать* — «матный», а *матерний*, *матерой* и т. п. Значит, и здесь *т*, при образовании от данной основы новых слов, должен непременно удержаться.

В-третьих, им. п.: *теля*, *ягня*, *порося* и т. п. в русском языке, за исключением некоторых наречий, как уже сказано, в настоящее время не существует; слова же на -*ёнок* к древним отнесены быть не могут; значит, от несуществующих форм произвести новые образования было бы невозможно.

Наконец, в-четвертых, если судить по малорусским словам, имеющим подобный суффикс, как *понамаренко*, *Шевченко*, то придется предположить, что -*ен*- в суффиксе -*енок* не есть разложение ѧ (как в слове имѧ — имене), а равен ьн, потому что малорусское *е* в закрытом слоге получается только из основного ь, а не є, которое, находясь в подобном положении, обыкновенно переходит в *і*: *камiння* (каменик).

Таким образом, для -*ен*- в суффиксе -*енок* следует искать другое объяснение. Нельзя ли в этом -*енок* видеть основу **ьнък*, т. е. суффикс прилагательного ьн в соединении с суффиксом существительных уменьшительных ъкъ? Впрочем, суффикс -*ен* (ьн) не чужд и именам существительным: *овён* (овьнъ), *полотно* (платьно). Если на -*ен*- смотреть, как на суффикс прилагательных, тогда переходной ступенью к слову, например, *теленок* будет прилагательное **тельнъ*, образованное притом не от основы имени, а прямо от корня, как от *агн*-, *тел*- и т. п. — *агнец*, *телец* и т. д.

Подобным же образом следует объяснить *ен* и в именах уменьшительных и ласкательных: *Васенька*, *Сашенька*, *тетенька* и т. п. И в них -*ьк*- прибавлено не прямо к им. п. *Вася*, *тетя* и т. д., а к корню, соединенному с суффиксом -*ен*-[2]. Конечно, слова *маменька*, *папенька*, *рученька* и т. п. образованы в подражание только что названным именам,

---

[2] Слова *Вася*, *Саша*, *дядя* и т. п., по своим основам, вполне сходны с названиями детенышей ср. р. на ѧт, т. е. окончание их *я* = ѧ, после которого в им. п. отпало *т* (в великорусском, кроме уничижительной формы *Васютка*, есть и ласкательная *Васятка*): смущаться их современным склонением (как *земля*) нечего. Как заметил проф. Соболевский в своих «Лекциях по истории русского языка» (стр. 113), эти основы, хотя следов их и не встречается в старинных памятниках, легко восстановить на основании сербск. *Андре* (= андрѧ) род. *Андрета* и т. п. Мы, с своей стороны, прибавим, что происхождение *я* из ѧ в этих словах подтверждается и тем, что перед ним не смягчаются зубные и губные, тогда как перед *я* = ꙗ это смягчение необходимо.

так как прилагательное, произведенное от них, непременно оканчивалось бы на *ин-* (*инка* — обыкновенная разговорная форма), предполагать же в окончании таких слов, как *мама*, *папа*, отвердение ѧ под влиянием губных (Грот. Русское правописание, стр. 35) мы не имеем никакого права: ср. *имя*, *распять*.

-Еньк- в именах прилагательных (*беленький* и т. п.), конечно, сродни нашему ***ьнък*,** но он был бы совершенно чужд ему, если бы *-ен-* считать разложением ѧ.

Вильна 1889 г. Август.

ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМА И ЯЗЫКА МСТИСЛАВОВА ЕВАНГЕЛИЯ[1]

Один из самых выдающихся памятников древнерусской письменности, относящийся к началу XII в. (до 1117 г.), — Мстиславово евангелие — до сих пор в отношении филологическом не было исследовано, по крайней мере в печати не появилось о нем статей такого рода. Причиной этого была до последнего времени малая доступность этого памятника для исследователей, так как он хранился в Московском Архангельском соборе. Не могло быть доставлено это евангелие даже во II Отделение Академии наук, хотя в 1858 г. последнее и ходатайствовало об этом у митрополита Филарета. Митрополит «не решился вверить эту книгу, как напрестольную, почтовому ведомству для пересылки в Петербург, а обещал вместо этого доставить снимки и подробное описание» («Сборник Отделения русского языка и словесности», т. X, стр. XXXVII—XXXVIII). Описание и было сделано, и при этом очень обстоятельное, так как оно было поручено известному библиографу К. И. Невоструеву. Вот как отзывается об этом труде И. И. Срезневский в некрологе Невоструева (Сб. ОРЯС, т. X, стр. XXXVIII): «Это был не выбор сырого материала, а вполне законченное исследовательное описание памятника, такое подробное и обширное, какого до сих пор нет ни для одного памятника (в печати оно заняло бы около 40 печатных листов). Такой труд, из уважения к его значению и к потрудившемуся исследователю, нельзя было бы употребить как материал для другого труда; не пользуясь им по рукописи, надобно было издать, — и Отделение готово было взяться за это; но Невоструев, надеясь издать его отдельно при пособии митрополита, просил возвратить его по миновании надобности. Отделение издало только два отрывка из него». Эти отрывки: «Описание евангелия, писанного для Новгородского князя Мстислава Владимировича, в начале XII в.» («Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности», т. IX, стр. 65—80), где дано описание переплета, пергамена, заставок и заглавных букв, а также порядка евангельских чтений.

---

[1] РФВ, т. XXXIV, 1895, стр. 169—192. Отд. оттиск — Варшава, 1895 (*Ред.*).

Кроме того, здесь рассмотрены записи в конце евангелия и в начале его об обновлении переплета в 1551 г. Другой отрывок: «Состав и месяцеслов Мстиславова списка евангелия» П. С. Билярского («Изв. ОРЯС», т. X, стр. 110—137); здесь сравнен месяцеслов Мстиславова евангелия с таким же в Остромировом евангелии. Вот и все, что напечатано из труда Невоструева, а между тем «это произведение трудолюбия и исследовательности», по словам И. И. Срезневского: «не говоря уже о важности содержания, едва ли не самый лучший из трудов К. И. Невоструева». Что касается дальнейшей судьбы этого труда, то мы слышали, что он передан в библиотеку Московской Духовной Академии и в настоящее время находится в руках проф. Гр. Воскресенского. Другие библиографические сведения о Мстиславовом Евангелии можно найти у И. И. Срезневского в «Древних памятниках русского письма и языка», в обоих изданиях; во 2-м на стр. 49—50. Выдержки из текста очень удовлетворительно напечатаны у Ф. Буслаева в «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языков» (М., 1861, стр. 35—42). Есть несколько выдержек и у И. И. Срезневского в изд. 1 «Древних памятников письма и языка» («Изв. ОРЯС», т. X, стр. 494—496), а также в «Славяно-русской палеографии XI—XIV вв.» (СПб., 1885, стр. 142—146). Снимок (очень неудовлетворительный) есть в атласе, приложенном к «Древним памятникам языка и письма» И. И. Срезневского.

В прошлом году Мстиславово евангелие передано на хранение в Патриаршую ризницу в Москве и стало более доступно для исследования. Истекшим летом и мы имели возможность ознакомиться с этим памятником; свои наблюдения и сообщим здесь.

ПИСЬМО

Довольно последовательно в начале некоторых слов вместо ожидаемого **ѥ** находим **є** и реже **є**; то же часто и в середине после гласной. Указанное явление обычно:

а) в иностранных словах: **ѐуаͨгге|лиѥ̀** 2, **нарицаѥтьсѧ ѐ|кренскꙑ** 11б, **ѐхидьнока** 45, **ехидьньсци** 51б, **елѣа̀** 67б, **ѐленимь** 123, **ѐлиньсками** 155; **къ ї̈ѐрсл̑мъ** 11б, ср. еще 13б;

б) в туземных словах: **є|да** 12б, 15, **ѐда** 13б, 16б, **еда** 18, 26б, 31; **єи** 85б, 94; **ѐще** 86б, 167; **ѐльма** 82б; **женꙑ ѐтерꙑ** 3б, ср. еще 13б, 26б, **соудии ѐтеръ** 109; **къ ѐзеро** ib., ср. еще 33.

Как можно видеть из приведенных примеров, такое *е*, на месте ожидаемого **ѥ**, имеет двоякий вид: **є** и **є**; последовательности в употреблении того или другого нет. Иногда **є** даже находим в середине слов между согласными: **разиІдетьсѧ** 25, **не рече** 26, **непреходите** 80б; ср. еще раньше указанное **ѐуаͨгге|лиѥ̀** 2, где **є** может быть объяснимо положением в конце строки.

Широкое **є** в начале некоторых слов имеет ту отличительную черту, что средняя его линия сильно выдается вперед и посередине перечеркнута. Это можно наблюдать в раньше отмеченных словах **єда**, **єи**, **ѐще**.

Подобные же черточки на горизонтальной линии можно видеть в буквах ꙑ (ꙑже 67, не приꙑша 80 и др.), ю (глю 106), ѭ (ѡшюѭю 154, люблѭ 211б). Во всех этих случаях горизонтальная линия несколько длиннее обыкновенной.

Для *у*, кроме обычного оу, довольно часто находим оѵ, особенно в слове Іисусъ; какой-либо последовательности в употреблении данного начертания установить нельзя. Примеры: исоѵсъ 13б, 43 и т. д.; хоѵ 22, богоѵ 7, 210, сноѵ 111б, въ свѧтоѵю 2, иѕидоѵть 7б, възлежаіроѵ въ домоу 38. Иногда, но очень редко, употребляется одно ѵ: мѵиси (если только его следует читать моѵиси, как в Остромировом евангелии моѵси) 166б. Об ȣ речь после.

Буква *о* пишется обыкновенно (о), но есть случаи написания ѻ: хѻдать 34б; в слове ѻче часто употребляется о с крестом внутри (например, 155б), или с особым украшением, похожим на ? (например, 191, 159).

Ѡ употребляется лишь в некоторых иностранных словах, как їѡана 2, иѡанъ ib., иѡрдана 3, ѡнисима 190б и под., и одном церковнославянском: по ѡсми днъ 6 — вероятно, для избежания стечения двух одинаковых начертаний; в выражении ѡ їѡанѣ 191б, в обоих ѡ средняя черта еще перечеркнута горизонтальной линией (—).

Для *ы* обыкновенно ъı; один раз встретилось ьи : сьи (ὢν) 5.

В ѫ головка иногда бывает чрезвычайно мала, так что по своим очертаниям этот юсъ приближается к ѧ, например в слове боудѫть 25.

Буква *р* своей нижней частью обыкновенно выходит под строку (р); но есть несколько случаев, когда оно все пишется в строке (р), причем имеет и более округленную форму: срдца (р приписано после) 65б, нс цркве 109. То же иногда бывает и в лигатурах.

В буквах ц и щ хвостик часто приписывается после, что́ можно видеть из того, что он обыкновенно значительно тоньше остальных частей буквы и не составляет прямого продолжения главной черты, к которой он присоединен.

В ф и ѱ вертикальная черта, а иногда и другие части бывают несколько украшены черточками, точками, крестиками и другими подобными средствами; например в словах филипа 4, филипѫ 17, фарисѣи 26б, ѱомъ 31б, 65б, ѱи 81б.

Для обозначения мягкости н и л употребляется особое начертание этих букв, с присоединением справа к верхней части их значка ˥ (н˥ и л˥). Такое написание находим, например, в следующих словах (для типографских удобств над такими *н* и *л* поставим обыкновенный значек мягкости ͡): гнь 26, агньць 4, огнь 24, вѣровааша въ нь тоу 188, съвѣдѣтельство 26, ср. еще 5, иаковль 70, дивльшеся 96б, ѕемльнаꙗ 133, апрѣль 194б; поустыни 26, мариꙗ магдалыни 9б, съ нима 3, съ нимь 130, мьнитися 5б; болии 11, 23б; отъ него 38, гнетѫхоуть и 61б, гнетоуірься 62; ꙗвление 3б, прѣломлении 3б, дале 3б, грабителе 109б; глаши 152; гн͡ѣвактеся 13, гнѣзда 92; жьнѫи 16, понѫкою 122; глѫ 2б, їзлѫ 3б; колѫ 10б, недѣлѫ 2б, 3, 4б, дѣлѫ 33, клепла 167; глюща 3б, оучителю 4, люблю 25б, молю 149; еѵа͡нгелие 232б и т. д. Два раза

встретилось подобное обозначение мягкости при *д* (д҃ в словах: **иждєноу** 10б, **жаждєть** 26.

Несколько иное очертание получают некоторые буквы, когда им приходится стоять в последней строке страницы; в этом случае выходящая за строку черта их часто украшается посредством черточек, крестиков и других средств (копьеобразных оконечностей, дугообразных линий и т. п.). Сказанное относится, например, к **щ** в **хоще|ши** 25б, **дъ|щи** 62, **лще** 105б и др.; то же видим у **оу** в **боудете** 50 и др., **х** в **ѡблацѣхъ** 144.

Разные украшения, а иногда и особые начертания получают буквы, когда им приходится стоять в конце строки. Сказанное относится прежде всего к **а**, в котором правая черта его внизу закругляется с некоторой оттяжкой линии под строку, например **а** 15б и др.; в конце этой черты ставятся точка и черточки, например **мрѣжа** 31б; эта же часть правой линии украшается листьеобразными приделками: **а** 40, 43б, **ва|шь** 61, **ѡма|нъ** 71б. Есть случаи, когда правая черта **а** протягивается вверх и украшается прибавкой нескольких точек с линиями, как в **гл҃а|хоу** 26, или же листьеобразных украшений, как в **можа|аше** 129. Такие украшения иногда бывают вверху и внизу, например в слове **оуѵниша** 206б, **неприи|ша** 90. Подобным же украшениям подвергается и **ѧ**. Самый простой способ — это протягивание правой черты вверх; например в **послашеся** 25б, по прямой линии, или с дугообразным загибом вправо, как в **просѧ|щя** 127б; выдвинутая черта перечеркивается: **соудишисѧ** 45; очень часто к концу протянутой вверх черты прибавляется еще крючок ⁻: **кланѧтисѧ** 15б, то же 33б, **оуѵитеⷧѧ** 60б; и тут еще возможны перечеркивания: **поклашасѧ** 35, **мъшлѧахоу** 96, а также листьеобразные украшения: **всѧ** 63, **мытарѧ** 76.

Украшенными находим и другие буквы: **т** в лигатуре ᷮ: **ѡсоудѧть** 47, **ȣ** в **дрȣ|ꙁии** 44б.

Положением же в конце строки объясняется особое написание для *у* и *и* — **ȣ** и **ї**, например, в словах: **имȣ|ть** 2, **великȣ|ю** 2, **їерȣ|салимⷧѧмъ** 13б, **просѧщжоумȣ|** 29б; изредка и в середине строки: **инȣдж** 17б. Примеры на **ї**: **прї|де** 2, **ѡтъ вьркї|** 5 **рацї|рѧють** 134, **рабьиї|** 151 и т. д.; но иногда **ї** и не в конце строки, особенно при стечении гласных: **реѵе їсаиа** 2б, **своїми** 44б, **стькланицї и** 135, **беiрадъ. ї третии** 97б, **ти їꙁⷧѧ** 3, **къ їерⷭ҇лмъ** 11б, **їердана** 179, **къ їωанж** 8, то же 2, рядом с **иωанъ** ib., **еї ωѵе** 94 и др.

Для буквы *и* обычное начертание **и**, причем поясок обыкновенно бывает несколько выше середины.

Не экономией места, а, вероятно, какими-либо особыми эстетическими соображениями следует объяснять очень частое написание в конце строки, вместо **ъ**, выходящего вверх за строку, **ъ**, причем левый крючок повернут не вниз, а вверх; такое написание имеем, например, в **по дъ|вѣма** 6б, **къ|людьхъ** 28 и др.; иногда верхняя горизонтальная черта бывает еще перечеркнута, например, в **притъ|ѵахъ** 25. Подобную форму имеет и первая половина **ы** в окончании строк, например, в словах: **поустъι|ни** 5,

книгꙑ 8, тꙑ|соущь 17. Написанное таким образом ꙑ было очень удобно для лигатуры, в которой і присоединяется горизонтальной черточкой к верхней, надстрочной части этого ꙑ: матвꙑ 73.

Для экономии места и т часто выводится из строки вверх, например в словах: вѣсте| 13б, прельщаюте|сѧ 50, юсте| 99б.

Наконец, в конце строк мы имеем много случаев лигатур: т в словах — ксть| 4б, 10, придеть| 22, жьнють 34 и т. д.; ти: исти|нꙑ 16, въистиноу 48б, неродити 104б; т: ті сѧ мьнить 133; тв: оучьстви|н 62, мьртвꙑ|ихъ 108, сътвори 116; те: дѣлате|лемъ 131б; тр: стра|на 109; тр: сестрѹ 128б, на оутрь|ꙗ 130б; нь: въ огнь| 102б; мь: юсмъ 14б, нѣсмъ 81; нѣ: полуѣвкта 187, ипіполуꙉта 189б, лукиана 172; нк: мнкъ 194, ве: имавѣ|рѹ 131.

Когда не было места для лигатуры, букву в крайности надписывали над строкой под титлом: тв|е 34, тоб|ю 99б, съвѣдѣтельствемъ 5. Подобное надписывание букв под титлом не в конце строки вообще встречается очень редко: в пррккъ и в їерслмъ 11б.

Что касается надстрочных знаков, то таковыми являются титла ⁓ и ", иногда принимающее более или менее округленный вид — ‘; в некоторых местах этот знак походит на точку. Его роль изредка исполняет ’, а в конце немногих слов ’ и ˘. Знак ‘ ставится довольно часто на начальной гласной, как в облацѣхъ 144, а также над вторым гласным при стечении нескольких их: июдѣом| 10б; иногда он стоит, по-видимому, без всякой причины: мьнитисѧ 5б. В группе согласных он ставится на месте ожидаемого глухого, а иногда и без всякой причины: еуангелие 132б. В глю˘щие 138 и генѹар˘ имеем ˘, в последнем слове вместо ь. Титло иногда бывает перечеркнуто косым крестиком: исцркве 109 или одной чертой (⁓). Знак ’ на месте ъ обыкновенно в конце строки: ‘отъ них 18.

В качестве строчного знака обыкновенно является точка, которая ставится в середине строки; изредка :-; других знаков нет. Перед строками в надписаниях золотом бывает ⋹.

УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ЗВУКОВ

Юсы, несомненно, не обозначают носового произношения; да и вообще вместо ѫ и ѭ употребляются оу и ю. Изредка попадаются и юсы, но своим употреблением они ясно изобличают свое неносовое произношение. Так, на своем месте мы нашли юсы лишь в следующих случаях: на осѫжение 3, осѫжденъ 7, не имѫ 6, сѫда 7б, сълѫче 10, съблюдѫть 11, въꙁмѫтитсѧ 11б, сѫщии 17б, примѫ 18, идѫ 22 (рядом с идоу ib.), градѫ 22б, странѫ 20, недѫгъ 28 и немногие др.

Оу на месте ѫ и ю на месте ѭ вполне обычно, например, в следующих случаях: роукѫ 6, цѣсаревъ моужь 9б, боудѫ 20б, распоудить 164б, отъкоудѫ 13б (рядом с отъкѫдоу ib.), градоуща 2, коупоуща 47б, вѣроу 2, сѫботоу 7, хѫлоу 151, бѣдоу 5 и т. д.; ксь

ѡтъстоꙗщюю 3, отъсѫдѫ 5, гвоздинѫѭ 6, слышю и сѫждю 7б, ошюѭ ѭ, ѡшюжю 154 и т. д.

Гораздо реже, но также в значительном количестве случаев встречаются ѫ на месте оу и ѭ на месте ю: кмѫ 4, 4б, 6 и т. д., семѫ 7б, всемѫ 12б, своемѫ 15, к҇томѫ 12, томѫ 20, вашемѫ 210, х҃ѫ 3б, г҃ѫ 9, богѫ 24, мимоходѧщю исогсѫ 43, симонѫ 3б, домѫ 5, соущѫ 6, къ пилатѫ 9, филипѫ 17, сѣющѫоумѫ 57б, тѫ (= здесь) 5б, 6б, 9, кѫпиша 9б, сѫхъ 11б, послѫшають 18, погѫбить 20б, разѫмѣють 21б, дрѫгаго 34, пѫсто 45б, отъкоудѫ 6б, възрадѫктсѧ 24б, аоугѫста 180 и т. д.

Буквы ѧ и ꙗ не различаются по обозначению звука; ставятся же они приблизительно в следующих случаях: после согласных ѧ, а после гласных и в начале слов ꙗ, после шипящих а: разарѧаше 7, волѧ 10б (им. п. ед. ч.), ц҃рцѧ 84б, (тоже), не имамъ цесарѧ тък҇мо кесарѧ 167б и т. д.; примеры на ꙗ: не приꙗша 2, вѣроуꙗша 5б, моꙗ 7б, ꙗко 7б, ꙗзю 28, сѫд҇ꙗще 30, покаꙗшасѧ 35, ꙗдъи 11, 12 и т. д., но ҇ѧдъи 12; примеры на а: бъша, сърѣтоша 10 и др.

Глухие ъ и ь употребляются, вообще говоря, правильно. Пропуски их конечно встречаются, но почти во всех таких случаях ставится значок ‘ или ’; примеров, где нет никакого обозначения пропуска глухих, очень мало. Но с другой стороны, указанные значки ставятся при всяком вообще стечении согласных, так что появление их на месте ъ и ь ничего не доказывает в звуковом отношении. Вообще же, оставляя в стороне вопрос о звуках, обозначаемых глухими в Мстиславовом евангелии, случаи их употребления можем обозначить в следующих границах:

а) буквы ъ и ь на своем месте: дъка 3, смокъвьницею 4б, тъгда 6б, никъгда же 10б, инъгда 19, посълю 24, доколькть 22б, дольлѣкть 30, оугълоу 58б (Остр. р. ѫгълъ, Супр. р. ѫгьлѣ и др.), снъха 87б и т. д.; даже в предлоге отъ: ѡтъстоꙗщюю 3, отъсѫдѫ 5, отъкоудѫ 6б, отътрѧсѣте 32б и т. д., и в других предлогах: съказакт҇сѧ 4, събьрани 6, 210 и др.; оумьроша 11, ни жьзла 32б, жьрьчьскъимъ 34 (ср. в Супр. р. жьрьчьскъ), тъщю 36 (тещу), гостиньницю 89б и т. д.;

б) буквы ъ и ь пропущены, но на месте их ‘: ник҇то 2б, мн҇ѣ 3, к҇томѫ 12, тъкмо 23б, к҇нигъ 3б, к҇нигы 8 (рядом с къ|нигъ 133б), мн҇огашьды 45 (при мъ|нози 38, мъногы 60б) и т. д., ч҇со 63, сп҃сетсѧ 7, нарицакт҇сѧ 11б (вообще в 3 л. ед. ч. перед сѧ ь опускается), в҇сѧ 2, в҇сѧкѫ 23б и т. д.;

в) глухие ъ и ь опущены без всякого следа в орфографии: злѣ 45, всѧ 63, всеꙗ 164, ѱомъ 65б, ѱи 81б, тѣснъ 30б, 172;

г) глухой ъ стоит, по-видимому, не на месте: въчера 10, 190б, 198б, въдовицю 111б, съзъдана 5б, зъданиꙗ 135б, донъдеже 21, 26, 118б, вѣмъ (1 л. ед. ч.) 8, тръстъ и биꙗхоу 157б, 158б; съмѣꙗ҇аше 108б, съмѣꙗ҇ахоу 97б;

д) глухой ь стоит, по-видимому, не на месте: вьзѧ (bis) 137, ҇всн ьсалъ 166б, мы нѣсмь рож҇дени 14б.

Слоговые ръ — лъ передаются посредством ър — ьр, лъ: ѡскърбѣ 25б, гърстию 64б; испълнь 2б, испълнениꙗ ib., испълни 24, напълниша до

вьʼрХа 6б, вълнами 31, гълкомъ 64б (при гълькомъ 65), дългъ 63, съвълкъше 89б; пьрвѣи 2б, 3, испьрва 12б, пьрвѣиши ȥаповѣдь 108, пьрвѣньць 180, пьрстъ 6, пърстень 112, вьрвьна 31б, вьрние 19, вьрхоу 129б, ȥьрноу 59, скврьнѧть 36, съвьршаю 8, съмьрти 7б, оумьртвны 181б, одьржими 28, ис цьркъве 17; иȥвьржетʼсѧ 23б, сьрдьци 29.

В *слогах* ръ — лъ глухие всегда стоят после плавных: плътьскъıа похоти 2, тръсть 159б, крьщаю 2б, въскрьснѫти 22 и т. д. Сюда же, вероятно, относится хрьстинъı 202.

Случаев *прояснения* глухих ъ и ь в о и е нет. Может быть, сюда относится съ меѵи 120.

Глухие ъ и ь перед j (местоимения и и в некоторых других случаях) обыкновенно переходят в ы и и; это в формах имен прилагательных сложных, а также иногда в глаголах: оубиѣмъı и 58, 96, 106б; хотя се мы оставихомъı вʼсе 104; иȥидоша ıа тъı 56б, 57; вʼсѧкъ поущаѧи женоу свою. раȥвѣ словесе лʼюводѣинаʼаго. творити ви любодѣıати 29, поставити и (3 л. ед. ч.) 87б, да поучтети и оць 138б, 191; обиѥмʼлють смоквъи 30б, 172; оужастию великою 60б, написание 155.

Случаев удержания ь в подобных примерах немного: выıаше 109б, выни 175, тиверьıадьска 8б, смьıахоусѧ емоу 41, смьıаʼхоусѧ 60б, оутрье 30, на оутрьıа 130б, ȥмьıа 51б.

Буква ѣ, вообще говоря, употребляется правильно, так, например, мы имеем на пѣсъцѣ 33б, прилѣжьно 91, оусърѣтение 189б, погрѣбати 156б, ȥапрѣти 95, мрѣжа 31б, стрѣгоуще 180б, лѣ жива 89б и т. д.; или в иностранных словах на месте αι: фарисѣи 26б (φαρισαῖος), кʼуринѣю 180 (Κυρηναῖος) и т. д., но орѣста 175 (Ὀρεστης).

На месте е букву ѣ находим только в следующих словах: обрѣмѣнʼе(ни) 35б (где появление ѣ после м можно объяснить влиянием предыдущего ѣ); не имѣте (изъявительное наклонение к ıати, где, однако, можно видеть и стянутую форму, вместо имѣете к имѣти) 110б.

Конечно, никакого отступления не представляет среврьникъ 17, сребро 67.

Обычное явление — употребление е вместо ѣ в группах согласных+р, л+ѣ+согласный, в тех случаях, где в русском языке полногласие, а иногда и помимо его: на брегъ 170б, не врежеть 164б, времена 85 (при выше отмеченном обрѣмѣне(ни) 35б), вредитъ 94, вредьноу 102б, до времене 71, времена 98б (при врѣмѧ 99), древѧнъıимь 62б, древо 172, 30б (при дрѣво ib., 75, 99, 172), жребѧ 94б, облеѵесѧ 87, съвлекоша 157б (при облѣкоша ib.), покрещи 65б, пленени 98б, преже 11, прежде 38б (при прѣже 11б), претекоша 64, преидеть 66, преѣдѣмъ 77б, предъ 173б (но прѣдъ 133, 173), средѣ 32б, средъı 40б, требѣ 36, требоуеть 82б, требова 124 (но трѣвоующе, трѣвоуеть 95, 129б), тлещи 99б, оумрети 138б, ѵревѣ 37б, 65б, 166б (но ѵрѣво 42б), ѵресъ 85б и др.

Написание ѣ на месте ожидаемых и или ıа (а) после j: оубиѣмъı 58, 96, 106б, оубиʼѣмъı 203, преѣдѣмъ 77б, ѣша хлѣбъı 9, 10, ѣсти ib., 11 и др. (но ıадъıи 11, 12 и др.); после шипящих: осѧжѣте 21б, съвѧжѣте 39б, мʼножѣе 84б, плаѵѣтесѧ 86б, 121б, меѵѣмъ 159б, помещѣте 31б,

нцѣте 31б, 82б. Отметим еще и҃ꙁлитѣнинъ 4 при обыкновенном иꙁраиль-тѣнинъ.

Ꙗ на месте ѣ находим в нынꙗ 73б, 74б, 213, нынꙗ 118, 149 и др. при нынѣ 138б и др.

Случаи *полногласия* встретились только в записи: володимирю 213, црѧгорода ib.

Начальное о = ю встретилось только в ѻдина (= одна) 182б.

В иностранных словах на месте а обыкновенно о: сотоноу 37, ѻманъ 71б, лаꙁорь 128 и др.

Не фонетическое, а морфологическое явление в доже 52б, 132б (при даже) и в неродити (καταφρονεῖν, contemnere) 27, 104б, 133 (при нерадити), въгодие сътворити 116 (рядом с оугодие, где другой предлог).

Остальные изменения в области гласных ничего особенно выдающегося не представляют; так, при никоторыи 71б имеем котераго 101б, котерыи 168б, нѣкотерии 125.

В мць генѹар 182б, генѹарѧ 202 при обычном генъварь — не смешение *у* и *в*, а лишь своеобразная передача иностранного ianuarius, притом в новогреческой редакции этого слова.

На месте *jо* изредка *jе*: иердана 5б.

По морфологическим соображениям находим чередование а и є в словах: иꙁдалеча 99б, далече отъ... 211.

Буква ѵ обозначает υ (ю): ѹѵникъ 130б, проꙁвѵтерꙗ 213.

Лишь погрешности писца следует видеть в соубоутоу 94б, пррка ꙁахирнѣ 190б.

Вм. ожидаемого удвоенного гласного имеем простой в глаголе нмаамь: иже нмать 36б, нмате 130б, нмамъ 167б.

Вместо ожидаемого простого гласного имеем удвоенный: къꙁаалкатисѧ 10б, къꙁаалчють 31, къꙁаалкаша 35б, къꙁаалка 105 (при къꙁалкаша 189); во всех этих случаях появление удвоенного а обязано осмыслению состава слова, где в -ꙁа- усмотрели предлог ꙁа: въ-ꙁа-алк-. В приндеть только не произведено слития одинаковых гласных.

При внеꙁапѫ 111 имеем вънеꙁаапоу 89.

Вместо ожидаемого йотованного гласного имеем простой в следующих случаях: боудеть волꙗ твоꙗ ꙗко на нбси 82, 122б, ацѣмь 11б; но с другой стороны — ꙗможе 25б; оуношю 9б, оуноше 76б, ѹгъ (юг) 87б, оуродивла 202; полагаю ꙗ (т. е. ѩ — ее) 18; єлѣа 67б, покаанїє 76б.

В области согласных прежде всего отметим замену основных dj и отчасти tj посредством *ж* и *ч*. Эти последние, равно как и другие шипящие, а также *ц* были мягки; вследствие чего после них, а также после *жд* обыкновенно пишется *ю*. Примеров на ж вместо жд масса; приведем некоторые из них: рядом с такими случаями, как иждєнѫть 98, съграждю 115 и т. п., имеем вижь неповѣжь 34, вижю 15б, 19 (при вижꙗдю 6); дажь 15, 19б; повѣжь 63б; межю 10б, 11, 15б (при междю 24б); преже 11, 11б, 90 (при прежде 38б); надежа 169; ѻдежемъсѧ 30 (при одеждю 9б), 112; роженыи 5, рожьства 18б, слѣпоуро-

женоу 19б, раждѧть 24б, жажющи 28, жажющa 138 (при въжаж'детсѧ, въждадатисѧ 10б, 15, въждадахъ 138); зижющии 58, заблоужьшаꙗ 27, троужьсѧ 15, ѡсѫжениѥ 3 (при осѫжденъ 7, сѫждю 7б, соуждю 21б); прихожю 11б, 15, хожааше 12; стражю (=стражду) 81б; тоже 74б, такоже 89б.

Случаев появления ч на месте шт — щ мало: възграчающаꙗсѧ 28 (И. Срезневский. Славянорусская палеография..., стр. 146; мы этого примера при просмотре Мстиславова евангелия не заметили); по чюждемь 17б, чюжаахоусѧ 15б, чюжаашесѧ (при щюждиихъ 17б, 50).

Еще дополним примеры соединения шипящих с йотованными гласными: вложю 6, скажю 25б, не въ лъжю 29, мѫжь 15; чюдитесѧ 7б; ѡтрешю 3, недоставъшю 6б, оуношю 9б; ищю 7б; дыхающю 8б, ищюще 9, мимоходѧщю 43; къ ѡцю 8б, 22б, въ тьмьницю 5б, гостиньницю 89б, црцѧ (им. п. ед. ч.) 84б (но ѡца 7б). Подобная же мягкость и при з и с: в'сю, из҄ю 28.

Отметим некоторые случаи проявления так называемого смягчения согласных: по пасцѣ 6, на мори тивериадьсцѣмь 211; въскыше 99б, оутѣш'нають 86б, тыщьно глюще 81; съблаж'нѧкть 29, оужьника 11б, иж'него 164 (но без него 2), иждкноуть 147, поущаю 32б (но въсхытающеи 30б). Сюда не относятся, конечно, оцещающеи 51б, оцѣсти 109б, съ зълчию 154.

Уподобление согласных, а затем и дальнейшее слитие их находим в следующих случаях: ищадиꙗ 45, бещьстьна 106б, расоужати 43б, бе сапогъ 141, ис цьркъве 17, исъ црѧгорода 213, ицѣлаꙗ 28, бѣство 52, 132б. Конечно, сюда не относится чресъ.

Пропуск согласных можно наблюдать в следующих случаях: семѹ|ю 10, семь 97б (при седмь 100); на заоуни 138. Погрети 92 при погъıбноуть 31б — передают старину.

Как примеры *вставки и приставки* согласных укажем: съвоузы сеꙗ 94б, възкоузы 184б, въздрадоуимъсѧ 6, въдраджкт'сѧ 24б.

Д встретилась в следующих словах, иногда не на своем месте: аромады (ἄρωμα, — τος) 9б, 156б; мат'деѡс (Μαθθαῖος) 32, сареф'доу (Σάρεπτα) 71б, видесаида (Βηθσαϊδά) 78, дꙋникъ (φοῖνιξ) 130б, елисаведъ (Ἐλισάβετ) 166, назареда (Ναζαρέτ — Ναζαρέθ, Nazareth) 4.

Другие мелочи: не имамъ цесарѧ тък'мо кесарѧ 167б, на скимоу (σχῆμα) 212, ангели 26б (с лишним н или г).

ОСОБЕННОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ СКЛОНЯЕМЫХ ФОРМ

У основ на *-ŏ* или *-й* отметим следующие более или менее выдающиеся случаи:

Ед. ч. Зв. п.: помилоуи сноу двдвъ 43, но и сне двдвъ 55б.

Род. п.: гробѫ 9б, домоу своего 97, своего волоу или осла 94б, моужьска полоу 189б, ѿ полоу (с половины) 190б; христоса 160, христое ib.; гаврила 194б. В вънѣшьн'ѥѥ стькланици и блюдоу 135 — вероятно, дат. п.

Дат. п.: сн҃а ѡгнѥви 134б, моужеви 194, сътвори волю оц҃ю 131б.

Вин. п.: вѣроуите въ б҃ъ 22, прослави сн҃ъ твои 23; ненавидить свѣта 7, тако възлюби б҃ъ мира 7, побѣдихъ мира 148б, имѣвъшаго легеѡна 60, любить сн҃а 30.

Твор. п., как и в других древнерусских памятниках, представляет окончание -ъмь и -ьмь: дѣлъмь и словъмь 3, оц҃ьмь 35б и т. д.; интересные формы твор. п. находим у основ на *-ǐŏ* с предыдущим гласным: здесь обыкновенно имь, как отчасти и в других древнерусских памятниках — Остр. ев., Словах Григория Богослова: гноимь 88б, ѥлеимь 123, оукроимь 129б, жаданиимь 140 и др.

Местн. п.: исцѣлѣ ѡтрокъ томь часѣ 45; ѡ рожении ѥго 199б, ѡ блоудьнѣмь сн҃ѣ 111б.

Мн. ч. Им. п.: мытаре 29б, ц҃ре 50, грабителе 109; сн҃ове 31, 36б; христоси 132б.

Вин. п.: въ вѣры поюща 111.

Местн. п. обыкновенно ѣхъ — ихъ, но и ъхъ — ьхъ: въ домъхъ 34б, 192; самарѧньхъ 15.

Дв. ч. Вин. п.: два сн҃а 49.

Твор. п.: колѣнома 30.

У основ на *-ā* отметим в единственном числе:

Им. п.: андрѣа 17, соудии ѥтеръ 109.

Род. п., кроме обычного окончания на ы в твердом различии (николы 176б), и ѧ—а (после шипящих) в мягком (одежда 34, 61б, свѣтьлыя недѣлѧ 4б, не творю волѧ 10б, нѣсть польза никакоя же 12б, с҃тыя мч҃ница 178б и т. д.), еще очень часто представляет в мягком различии, как и в других древнерусских памятниках, ѣ: ѿтъ вонѣ змурьныя 130; стр҃а с҃тыя мч҃ницѣ ѥвдимиѣ 168, пр҃пбныя пелагиѣ блоудьницѣ 171, с҃тыя мч҃цѣ анастасиѣ — зиновиѣ 174, с҃тыя софиѣ 174б, ѥпистимиѣ 174б, с҃тыя кикилиѣ 176, лоучии ѥсть овьцѣ 189, пр҃рка захариѣ 190б, с҃тыя мч҃ницѣ ѥвдокиѣ 192б, с҃тыя деѡдосиѧ дв҃цѣ 195, прс҃тыя бц҃ѣ 201, пр҃рка илиѣ 201б, пр҃пбныя мариѣ магдалынѣ 202, наталиѣ жены 205б, далече ѡтъ землѣ 211; ѿ братиѥ 213; в последнем случае вместо ѣ имеем ѥ. Род. п. на *и* встретился только один раз стр҃а с҃тыя мч҃ница фотинии. самарѧныня 194. В ѡч҃е г҃и нб҃си и земли 94 можно видеть и дат. п.

Вин. п. ничего особенного не представляет: лъжю 16, симона — и андрѣю брата 31б; нѫждю 121.

Во мн. ч. им. п. в мягком различии, кроме обычного ѧ—а (после шипящих и ц), как птица 92, представляет еще ѣ, как и в род. п. ед. ч.; то же и в вин. п.: придоша пт҃ицѣ 38, ср. еще 57б; овьцѣ 196б (несколько раз); възьрите на пт҃ицѣ нбсьныя 34.

У основ на *-ĭ* от слова господь род. п. ед. ч. встречаем господи и господа: блгословлено грѧдоущее ц҃рство въ имѧ г҃и ѡц҃а нашего 113 господа 11.

Мн. ч. Вин. п.: нищаꙗ маломошти 90.

Дат. п.: дѣтьмъ сѣдѧщамъ 35.

Местн. п.: близь ѥсть прѣдъ двьрьхъ 133.

Сюда же принадлежат формы некоторых *числительных*; отметим более или менее замечательные: **три десѧте** 11б, **трьмъ лѣрамъ** 6б, **трьми** 5б. В фразе **котораѓо 'отъ семихъ** 133б, вероятно, следует читать *от семи их* (в Мариинск. ев. **котораго отъ седми бѫдетъ жена** Матф. XXII, 28).

У основ на согласные прежде всего отметим склонение слова **дьнь**.

Ед. ч. Род. п. **тѧготоу дне** 47, **отъ дни** 64, **'отъ дьни** 192б; дат. п. **дни** 30; твор. п. **днию и нощию** 99; местн. п. **ходить въ дне** 128. Мн. ч. им. п. **г҃ дни** 37б; род. п. **по ѡсми днъ** 6; твор. п. **днъми** 150б. Дв. ч. **двою днью** 111, **по дво'ю дни'ю** 138.

Из других слов, принадлежащих к этому склонению, отметим в ед. ч. им. п.: **цркы** 5б, 134б, **смокы** 48, **свекры** 87, **неплоды** 199.

Род. п.: **имене моѥго дѣлꙗ** 32, **кръве** 86б, 152б (при **кръви** ib., 52), **ицркве** 5, **тѣлесе** 3б; но **словеси ради** 39; **любъве** 8.

Вин. п.: **мтрь** 10б; **иже оставить домъ — оца — матере** 30; **аще любъве имате межю собою** 144б; **'одъ'жди камы горѧщь** 92б, **любьдѣи сътвори** 29 — некоторое осмысление выражения **любъıдѣꙗти**, под влиянием **любодѣи**.

Твор. п.: **именьмь** 31.

Местн. п.: **на камени** 33б рядом с **на камене** ib.; **на нбси** 82 рядом с **на нбсе** 5; **въ 'оцѣ** 31б (как и в Остр. ев.).

Мн. ч. Им. п.: **древеса** 98б.

Род. п.: **'отъ чадесъ своихъ** 35, **отъ дъщеръ** 198б.

Вин. п.: **'обиємлють смокъви** 30б.

Местн. п.: **о словесьхъ благодѣти** 71, **на нбсѣхъ** 26б, 122, 176.

Имя прилагательное. Образование основы с суффиксом *jъ* встретилось только у прилагательных **иаковль** 70, 179, **мадусаль** 179, **авраамлѧ** 179б; обыкновенно же прилагательные оканчиваются на **овъ**: **авраамовъ, исааковъ** и др.

От имен прилагательных с основой на -*ĭ* встретилось **свободъ боудете** 14б.

Из форм именного склонения прилагательных отметим в ед. ч. зв. п.: **фарисе'ю слѣпе** 135.

Вин. п.: **народъ плищющь** 41, **видиши ꙗко народъ гнетоущьсѧ** 62, **грѧдоуща** 2.

Мн. ч. им. п.: **вы оуньши ѥсте** 34, **пришедъше** (ж. р.) 9б.

Род. п.: **.е҃. бѣ отъ нихъ боуѥвъ а .е҃. моудръ** 136б.

Вин. п.: **привѣдоша болѧща — страстьми одьржими** 28.

Из форм сложного склонения прилагательных более или менее замечательны в ед. ч.

Им. п. ср. р.: **третиѥѥ** 25б, 143.

Род. п. в муж. и ср. р. обыкновенно на -аго: кдиноуадаго 26, држгаго 34, римьскаа 195; в ж. р. ыѩ: 'одеж'да брауьнъıѩ. В мягком различии -ıаго и в ж. р. -ѧıѩ.

В дат. п. находим следующие окончания:

а) оуоумоу — юоумоу: исцѣлѣвъшоуоумж 12, просѧщжоумоу 296, посълавъшюоумоу 76, 24;

б) оуомоу: новъгородьскоуомоу 213;

в) ооумоу: слѣпооумоу 129;

г) оомоу: држго'омж 366, прькоомж 49, распѧтоомоу 162, бгмыуьстимоомоу 213, хрьстолюбикоумоу 213. Три последних окончания, несмотря на разнообразие своей формы, живого явления, несомненно, не представляют, а указывают лишь на вытеснение живым окончанием на *-ому* книжного на *-ууму*.

Вин. п. ничего замечательного не представляет: въ оутрѣи же днь 1626; гвоздиинж'ю 6, противьн'юю 946, въ третиюю 466.

Местн. п. в твердом различии представляет только стянутые формы: о слѣпѣмь 186, въ езерѣ огньнѣмь 33, нбсьнѣмь 346, въ дроузѣмь корабли 72, уакуьстѣмь 936, въ неправьдьнѣмь житии 1046, о блоудь-'нѣмь 1116, въ родѣ прелюбодѣивѣмь и грѣшьнѣмь 126, на мори тиве-риадьсцѣмь 211 и т. д.; в мягком различии обыкновенно иимь: о глаголѣ исходѧщиимь 706, на послѣдьниимь 90.

Мн. ч. им. п. представляет обычные окончания: змьѩ 'отъроди ехидьньсции 516; не видѣвъшеи и вѣровавъше 66, ишьдъшеї 162; блжни плауюштиисѧ 28.

Род. п.: отъ лъжиихъ пррк 306.

Дат. п.: жьрьуьскъıимъ 34.

Вин. п.: въ ближьн'ѧѩ градъı 456.

Местн. п.: въ домъхъ цѣсарииихъ 346, но црихъ 192.

Дв. ч. И. В. З.: дроугаѩ два талан'та 67, приобрѣте дроузѣи двѣ (талан'та) 666.

Р. М. стою мункоу галактиона ї епистиминѣ 1746.

У личных местоимений более или менее редкие формы в ед. ч. дат. п. тебе 286; во мн. ч. дат. п. повѣжь нъı 636; в дв. ч. вин. п. сътворю ва 316, 113, род. п. срдце наю 36.

От указательного местоимения сь—си—се отметим формы: цркъı си 56; аще жена поустить мѫжа си и посагнеть за иного 103 (где на си можно смотреть и как на дат. п. ед. ч. от себе); бъıша бо си 3, 156; горѣ сѣи 506, поуита'юще въ сие еуаие 213.

От местоимения и—ѩ—ѥ: гль и жива 36; въ нь 5; пришьли къ ма'рдѣ и марии да оутѣшать ѩ о братѣ ѥ'ю 1286; судя по последней форме род. п. дв. ч. можно думать, что и употребленное раньше ѩ тоже форма дв. ч. ж. р., а не вин. п. мн. ч.

Из форм других местоимений отметим: 'онѣма (дат. п. дв. ч.) 36, кто и какова жена 77; къıихъ 3; ниуесоже 20.

ОСОБЕННОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ СПРЯГАЕМЫХ ФОРМ

Личные окончания представляют обычные образования: *1 л.* ʼаꙁъ имамъ 8, не имамъ 15 (оба с отвердением *м*), даю (к дати) 18. В perfect'е не вѣдѣ 151, не съвѣдѣ 115. В aorist'е, по-видимому, встретилось смешение формы 1 л. ед. ч. с 1 л. мн. ч.: право глю вамъ. ни въ иꙁдраили толикы вѣры ʼобрѣтохомъ 36б.

2 л. представляет в настоящем времени только ши: глаголʼеши 2б.

3 л. в настоящем времени представляет только ть: имать 3, довълеть 22б, емоу же ʼаще хощеть снъ ꙗвить 82, обѣдоуеть 84б, свьтитьсѧ 2; впрочем перед сѧ ь обыкновенно не пишется: пролѣетсѧ 31. въпадетсѧ 36б. Один раз от глагола есмь 3 л. встретилось без ть, в чем можно видеть и описку: дадите оубо еже е кесарево — еже есть бжие 58. В 3 л. аориста прибавляется в известных случаях ть и тъ (как и в Остр. ев.): бысть 2, оумретъ 9; хотя и не всегда: кто да 49, иꙁѣ (= съѣлъ) 36, не ѵю 3.

В дв. ч. отметим более редкие формы: вѣвѣ вѣ (родителѧ) 19б, та весѣдоваста 3, оѵи же ею дьʼржастесѧ да его не поꙁнаета 3, видѣсте ʼоѵи 189б.

Мн. ч. 1 л. обыкновенно — мъ; раз встретилось без видимой фонетической причины мы (под влиянием предыдущего местоимения мы?): се мы оставихомы вʼсе 104.

3 л. всегда на -ть: имѫть 23б, жьнʼють 34. В imperfect'е кроме -хоу (= -хѫ) бывает еще -хоуть, как и в других древнерусских произведениях: молʼѧʼахоуть и глюще 38б, молʼѧахоуть и 42, гнѣтѧахоуть 61б, цѣловаахоуть и 101, въпрашаахѫть и 103, виꙗʼахѫть 115, нарицахоуть 199б, не имѧахоуть имъ вѣры 208.

Особенности в основе имперфекта: вѣʼахѫ 6, 19, имѣꙗхоуть и 49б; подобаʼаше 3б, искаʼахѫ 7, глаʼахоу 26, хожаʼаше 12б, 18, прохожааше 28; дивʼлѧʼахѫсѧ 13, клан·ѧашесѧ 33б, цѣлѧʼаше ю 78, дадѧаше 72б, имѣꙗаше 49, 88б, 121, 130, съмѣꙗʼахоу 97б, съмѣꙗʼаше 108б, вѣꙗʼахѹ 101б, даꙗаше 3б, въстаꙗʼаше 8б, мънаашесѧ 11б, вѧахоу 2б, вѧꙗʼахоу 3б, 6, имѧʼаше 9б, 106б, 203, идѧʼаста 3б, идѧʼаше 3, не вѣдѧʼаше 6б, хотѧʼаше 9б, хотѧʼахѹ 24б; блюдѧхъ 148б, идѧста 163.

В *аористе* отметим: исповѣдѣ (3 л.) 31; рекохъ 23б, рекоша 3б, 9б рядом с рѣста 3, рѣша 49, оумьроша 11.

Из форм повелительного укажем: блгсловеси 63, ʼаще придеть иліꙗ да спсеть его (цель), 158б, 161б, даимъ ли или не дамъ 107б; не пьцѣтесѧ 30.

Из причастий отметим в *настоящем* времени: коупоуѭщꙗ 47б, приришюще 101, поимы и единого 12б; в прошедшем времени: посълавъшимъ 2б, исправивъше 213, съвълкъше (-влѣк-) 89б; сътворь 75б, 102, пристѹпль 80, пристоупль 122, поклонь 119б, въꙁглашь 81б, вьвоушь 154, ѵрево ношьшеѥ тѧ 166б, дивльшесѧ 96б, рожисѧ 181; былы силы 35б.

Достигательное образуется обыкновенно: вънʼиде ʼобленщь 3б, поѵрѣтъ, поѵьрпатъ 15; но придохъ вьврѣщи 33б.

В употреблении местоимений свои и иже более или менее замечательны следующие случаи: прославн сна своего да и снъ твои 148б, посъла къ нѥмоу жена своꙗ 157; чл҃вкъ. егоже аще въспросить снъ свои хлѣба 30. В употреблении местоимения иже часто наблюдается неправильность согласования: въсакъ иже възьрить 29, иже любить — и еже любить 43, въ тъ днь (д ноемвр.) сщение стыꙗ софнѣ иже есть въ кыевѣ гра 174б.

В согласовании слов отметим следующие более редкие случаи: слышавъ — бывающаꙗго отъ него вьсꙗ 77б; дѣла — съвѣдѣтельствоуеть 8; единыи же надесꙗте оученикъ идоша 163б. Несомненно, только описка в следующем месте: аще азъ вельзоввлъмь изгоню бѣсы. сное ваши чимь изгонꙗ (вместо изгонꙗтъ). сего дѣлꙗ ти вамъ боудоуть соудиꙗ 37.

В отношении обозначения *залога* отметим въпадетсꙗ 36б, что неоднократно и в других памятниках, например Мариинск. ев.

Причастие в краткой форме, особенно с окончанием им. п. мн. ч. на е, употребляется уже в роли «деепричастия», т. е. неизменяемой формы: не боитесꙗ отъ оубивающихъ тѣло. а доуша не могѫще оубити 33, овьца не имѣюще пастоуха 63, дѣвъ. ꙗже приимъша — изидоша 67, трѣбоующе цѣлениꙗ цѣлꙗаше ꙗ 78, пиши множѣ соуще въ црстви ихъ соуть 76; подобьни соуть отроучищемъ сѣдꙗщемъ на тържищихъ и призывающь дроугъ дроуга глють 76.

В следующих случаях, вероятно, описки: рабн сърѣтоша и глющю 10, събꙗдетсꙗ прркъмь исаиею глющю 36.

Нам следовало бы еще рассмотреть словарный состав евангелия; но ввиду того, что он составляет главное содержание названного раньше труда Невоструева, который, хотя и в чужой обработке, когда-либо все же увидит свет, мы на этом предмете не останавливались. Приведем лишь несколько слов, показавшихся нам в каком-либо отношении более или менее замечательными:

андрѣа (nom.) 4
априль 194б
близь 12б, 15, 133
больми 105
брак: вы же брак 213
брешти: не брежеть w овьцахъ 164б
бытьныи (насущный) 82
витальница (комната) 118б
вкоупь 209б
възвоузы (ремня) 184б
въздрючающаюсꙗ 28
вьноутрь 6: пакы вꙗахоу вьноутрь
въсходьниц҃ю (комнату) 113
вьсь: ицѣлꙗꙗ вьсь недѫгъ и всю ꙗзю 28, вьсь бо просꙗи 31б
гвоздиины 6
гъ҆ломъ (сосудом из глины) 64б
дирꙗ 31
долъ: отъ горы доже и до дола (сверху донизу) 116б
земльнаꙗ 133

іаиросъ 60
казааше 59
камыкъ 30
клеп'ла (указывая) 167
книга: бѣ написание к'нигами елиньскали 155
крамолоу 121
лекеос 32
мат'де'ос 32
м'ногашьды 45
мьдьльна срдцль 36
мѣсто: боудоуть троусн помѣста 109, 132 (ср. Мариинск. ев. 87, 23)
наоколы (кругом) 63, 78
насоущии: хлѣбъ нашь насоущии 177
оградъ (сад) 149б, 156б
одина (одна) 182б
онъде — сьде 132б
оньси градъкъ 141б
отъкоудѣ 48
отъсюдѣ 146
позоръ 122
подкопава'ють 123
показакть 76
плищюющь (плачущий) народъ 41
по'нмкою (плащаницею) 122
= коу 114б
попелѣ 35
посагнеть 103
послѣдьнкк: си послѣдьнкк кдинъ часъ сътвориша и равьны намъ съткорилъ ю кси 47
подтьбѣга: женжса потьбѣгою 53б
прако (аминь) 110б и др.
присмжде слнцю въсиявъшю 38
пжтъ 190б
родити: не родити ни о комь же 133
седмишды 91б
соусѣди 19
съвоузы сем 94б
съкмзьнж (узника) 157
съзажда (сзади) 61б
сълоука 94б
сътншды (во 100 раз) 104
ти (= и) 28б, (= ли) 37
тришьды 113б
тысоушь 17
оубо: не оубо приде (еще не) 66
оужасть 72
оужастостася 87
оукроимь (поясом?) 129б
оутрѣ 34
чертъ 171б
чьртожьника (жениха) 31
ябрѣдие (акриды) 184

В заключение приведем еще один о т р ы в о к из т е к с т а с соблюдением по возможности всех палеографических особенностей.

Л. 28 б α

. . . . въ срѣ.
н. нѣ. еуа. ѿ мат'ѳ:

Рече гь. своимъ оучени комъ. аще не избоуде ть правьда ваша паче кни жьникъ. и фарисѣи не и мате вълѣсти въ црство небсьное. слышасте ꙗко ре

чеса пьрвыимъ. не оубие ши. иже бо оубиеть повинь нъ есть соудоу. азъ же глю вамъ ꙗко всакъ гнѣваи са на брата своего соуе по винньнъ есть сждоу. иже бо речеть братоу своемоу рака. рака бо речетса сурь скы оплѣванъ. повиньнъ

ѥсть съборoу· а ѥже речеть

оудоре· повиньнъ ѥсть е

ꙁероу огньнѫ· аще оубо при

несеши даръ свои къ требь

никоу· ти тоу поманеши·

ꙗко братъ твои имать чь

то до тебе· остави тоу даръ

твои прѣдъ трѣбьникъ

мь· и шьдъ прѣже съми

рися съ братъмь своимь·

и тъгда пришьдъ принеси

даръ свои.| боуди оувѣща

ваѩся съ соупьрьникъмь

своимь скоро· дондеже ѥси

на поути съ нимь· да не

прѣдасть тебе соудии· и

соудии та прѣдасть слоу

ꙁѣ· и въ тьмьницѭ въвь

ржеть та· право г҃лю тебе·

не иꙁидеши отътоудѣ· до

ндеже въꙁдаси послѣд нюю

ю цатоу :

РУССКИЕ НАРЕЧИЯ
домой, долой[1]

Употребление наречий *домой*, *долой* слишком обычно в русском языке — как в литературном, так и в народных великорусских говорах. Возьмем для примера:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, *домой* выволочу,

Домой выволочу, да дома вымолочу... (Былина о Микуле Селян. Рыбн.)

Домой пошла, сама заплакала...
Ты когда, Добрынюшко, *домой* будешь... (Былина про Добрыню, Гильф.)
Разок — другой, да и с ног *долой*. (Даль, Словарь).
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч *долой*. (Грибоедов. Горе от ума, явл. IV)

С глаз *долой*, и т. п.

Этих наречий не знают малорусские и белорусские говоры; в них исключительно употребляются *домовь*, *доловь*:

Куска хлеба не знайдемо, як домôв прийдемо... (Голов.[2], I, 128)
А сонечко по над вечêр, *домôв* се зôбрала... (Ib. III. I отд., 38)
Пусть мя, Янчик, *домов*, бо я буду бита... (Ib. II, 229)
Домiв, *долiв*... (Ogonovski. Studien auf der Gebiete d. Ruthenischen Sprache. Lemberg. 1880, S. 113, 188)
Долôв, *долôв*, качурику, *долôв* за водою... (Голов. I, 238)
Запряжице, запряжице

---

[1] «Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине», т. XV, № XI. Нежин, 1895, стр. 4—12 (*Ред.*)

[2] Я. Ф. Головацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, ч. I—III. М., 1878.

Дзвенадцать волоў,
Завязице, завязице
Гэту бабку *дамоў*. (Зап.[3] V, 286. Леппельск. у.)
Идзем *домовь* веселками... (Зап. V, 98)
Кацилася шапка с столу *долоў*,
Ецця, сваты, к чорту *домоў*... (Зап. V, 617)
А як горе паймёце,
Тады *дамовь* пайдзёце (Гильтебр.[4], 257)
Пусци мяне с неба *даловь*... (Ib., 277)

Однако и в великорусской области, кроме *домой*, *долой*, иногда находим и другие образования:

«*Домо́вь* сев. *домо́м* арх» (Даль. Словарь)
«*Доловь* курск.» (Ib.)
«Понесла *домов* (Афан. Ск. 1. 22» Миклош., IV[5])

У Головацкого встречается пример на *домой* и из малорусского:

Рубай, рубай, не поставкуй,
Як нарубашь, *домо̂й* вандруй! (Голов. II, 553)

Если от явлений современных обратимся к старинным, то найдем, что *домой*, *долой* — формы сравнительно новые, тогда как *домовь*, *доловь* восходят к старине. Приведем примеры (главным образом по И. Срезневскому. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., 1893):

Ити гостю *домовь* бес пакости... (Новг. гр. 1199 г.);
Приде же Иосифъ *домовъ*... (Бытие по сп. XIV в.);
Ярославъ... Ѿпусти и *домовь* вся... (Новг. 1 л. 6524 г.);
Ѿидоша *домовь*... (Житие Андр. юродив. по сп. XV—XVI вв.);
Аже немьчиць коупить въ Ризѣ... товаръ, понесеть его *домовь*... (Смоленск.-Полоцк. гр. 1230 г.);
Взвратишася *домовь*... (Лавр. сп. л. 6693 г.);
Домовъ поехалъ... (Акты, изд. Вил. арх. ком. XVII, 240);
Остается солнца мало, аки мѣсяца *доловъ* рогама... (Ип. л. 6621 г.);
Снидохомъ съ горы Ѳаворьскыя *доловъ* на поле... (Хожд. Игум. Дан., изд. Норова);
Доловь (Прол. XIII в.);
Не лѣзевѣ *доловъ*... (Псковск. 1 л. 6773 г.);

---

[3] Записки Имп. Русск. Географического общества по отделению этнографии т. V. СПб., 1873 (Белорусские песни).

[4] Гильтебрандт. Сборник памятников народного творчества в северо-западном крае, вып. 1. Вильна, 1866.

[5] Во 2-ом издании сказок Афанасьева этого примера мы не нашли; делаем ссылку по синтаксису Миклошича.

Сослати *доловь*... (Дог. гр. Дм. Ив. 1372 г.);

А что еси привелъ... къ целованью, а то ти целованье *доловь*... (Дог. гр. Дм. Ив. 1375 г.);

А с мене цѣлованіе *доловь*... (Новг. 1 л. 6920 г.);

А с насъ правда *доловь*... (Дог. гр. Новг. с Свидригайл. 1431 г.).

Съ тыхъ порука *доловъ*... (Дог. гр. Новг. с в. к. Ив. Вас. 1456 г.);

Спусти *доловь* хламидꙋ... (Описание сл. рук. Моск. синод. библ. Горского и Невостр. 2.3. 552 (Синт. Микл.).

Даловъ... (Лет. Переяславля Узд., изд. Оболенского, 56).

Вследствие исключительного господства в древнерусском языке форм *домовь*, *доловь*, а также существования их до сих пор в некоторых русских наречиях само собой напрашивается предположение, что *домой*, *долой* получилось из *домовь*, *доловь*. К этому, по-видимому, побуждают и параллели других славянских языков (приводим их по Миклошичу: Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. Zweiter Abdruck. Wien. 1883):

Словинск. Pojte brž *domov*... (Миклош. IV, 580).

«D*omom* aus *domov*, Kroat» (Ib).

Чешск. Tu pannu *domóv* vzieti... (Ib).

Beř se *domóv*... (Ib. 581).

Ne chval, kmotře, holův, až pojedeš *domův*... (Ib. 581).

Vrátil sa *domov*... Словацк. Ib. 581.

Dolóv z svého trónа... Ib. 581.

Sstup *dolóv*... Ib. 581.

Верхнелуж. Dyž ja ranko *domoj* džjech... (Ib. 581.)

L'uby so *domoj* hotuje... (Ib.)

Husy *domoj* l'eća... (Ib.)

Нижнелуж. B'ejžało *domoj* płakucy... (Ib.)

Далее, в памятниках древнерусского языка и отчасти других славянских языков рядом с формами на *овь* иногда попадаются в этой роли и дательные падежи на *ови*:

Пойду(ть) же Русь *домови*... (Дог. Олега 907 г.)

Шьдъши *домови*... (Марк, 7, Зогр. ев.)

Прииде *домови*... (Миклош, IV, 580).

Отсюда выводится заключение, что *домовь*, *доловь*, а при посредстве их и *домой*, *долой* развились из *домови*, *долови*, представляя таким образом следы дательного на *ови*. Такое мнение с давних пор мы находим в трудах разного рода по русскому языку. Так, П. Лавровский, в книге «О языке северных русских летописей» (СПб., 1852) говорит, что из дательного *домови* явилось *домовь* и потом *домой*, употребляемое в виде и смысле наречия (стр. 60, ср. еще стр. 95, где, между прочим,

указано *ежегодовь*, и стр. 111). Ф. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» держится такого же взгляда: «наречия *домой* и *долой* образовались из дат. п. ед. ч. *домови и долови* и через древние формы *домовь* и *доловь*» (5 изд. I, 64 ср. ib. 163). За Буслаевым такая этимология слоев *домой*, *долой* стала повторяться во всех учебниках русского языка. Такое же мнение относительно указанных наречий находим и у некоторых других ученых. Огоновский (Studien), говоря об образовании наречий, замечает, что форму дат. п. имеют «долів (d. i. дольви), домів» (стр. 113; ср. еще 188). Из *домови*, *долови* выводит *домовь*, *доловь* и Житецкий («Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в.». Киев, 1889, стр. 129). Подобного же взгляда держится и И. Ягич. В «Критических заметках по истории русского языка» (СПб., 1889) он говорит, между прочим (стр. 59): «необходимо допустить, что окончание *-ть* относится к полному *-ти* неопределенного наклонения точно так, как, напр., *домовь* к *домови* или как частица *будь* в *ни будь* к полному *буди*».

Несмотря на всю кажущуюся естественность подобных сопоставлений и объяснений, они, однако, соединены со множеством затруднений и вряд ли могут быть приняты. Именно:

1) великорусские формы *домой*, *долой* в этом роде единственные: другие славянские языки их совершенно не знают. Лужицких domoj, doloj с ними сопоставить нельзя, так как в лужицком языке j несомненно на месте v, как и в других случаях, например: верхнелуж. łojić (łović), krej (krev); нижнелуж. kšej (kšev — кровь), vojca (vovca— ивца) и т. д. Таким образом, лужицкие domoj, doloj вполне соответствуют русским *домовь*, *доловь*;

2) если выводить русские *домой* — *долой* из *домовь* — *доловь*, придется допустить переход *в* в *й*, чего вообще в русском языке никогда не бывает;

3) и формы *домовь* — *доловь* не могут быть выведены из *домови* — *долови*, хотя иногда в старинных памятниках параллельно употребляются одни при других. Отпадение *и* после согласного (*домови* — *долови*) несвойственно древнерусскому языку [неопределенное на *-ть*, 2 л. на «*шь*» объясняются другим путем (Соболевский. Лекции[2], 141, 147—148), между тем формы на *-овь* встречаются уже в памятниках XII в. Да если бы это отпадение и было возможно в словах *домовь* — *доловь*, то, естественно, распространилось бы и на другие дательные на *-ови*, которые в древнерусском языке были не редкость (ср. Соболевский. Лекции[2], 154). Что касается, в частности, малорусского и белорусского наречий, знающих эти формы, то и здесь выводить их из *-ови* затруднительно: если в малорусском и в белорусском Гродненской губ. (Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения северозападного края, т. II, стр. 318) существуют формы на *-ови*, например, *псови* — *псові*, *батькови* — *батькові* (Миклошич. Сравнительная морфология славянских языков, 350), белорусск. *жабракеви*, *асэсорови* Гродненск. возле м. Индуры, то аналогия их должна бы удержать от потери *и* и в *домови* — *долови*; то же соображение имеет полную

силу и в применении к другим славянским языкам, знающим *домовь— доловь*. Так, в словинском языке раз существует до сих пор какое-нибудь sinóvi, psóvi и т. п., форма domov вместо domovi — как ее двойник — казалась бы странной. То же следует сказать и относительно чехословацких dolóv — dolů, domóv — domů при спорадических старочешских domovi и новейших вроде Petrovi и т. п. (Миклошич. Сравнительная морфология, 498). В лужицких языках при выводе domoj — doloj из domoji — doloju (*домови — долови*) тоже представляется затруднение: отчего в верхнелуж. не ej (popej, mužej, synej)? Очевидно, что образование на *oj* давнишнее. В нижнелуж. при повсеместном doloj — domoj дат. п. обыкновенно оканчивается на *-oju*: grechoju и т. д.

Таким образом, все рассматриваемые формы: *домой — долой*, *домовь — доловь*, *домови — долови* не находятся ни в какой генетической связи между собою; сближаются они в синтаксическом отношении, так как и те, и другие, и третьи употребляются при глаголах движения, для означения цели, на вопрос *куда*?; причем при дательном на *-ови* иногда бывает еще предлог: Данилу же возвратившуся *къ домови* Ипат. сп., л. 16Л; то же видим и при форме на *-овь*:

Повернися, миленька, *до домôв*!
Плаче отец, матêнка за тобов... (Голов. 1, 200)

Вообще же предлога при формах на *-овь* не бывает. Замечательно, что в большинстве славянских языков дат. п. при глаголах движения и формы на *-овь* встречается почти исключительно от *дом* и *дол* (Микл. IV, 581). Эта исключительность набрасывает некоторое подозрение и на то, действительно ли дат. п. ставился при указанном управлении. Кроме форм на *-ови* (что очень редко), мы обыкновенно (и при том часто) встречаем формы на *-у*:

Господь придеть *дому*; *долу* поникше; *долу* блюди очима своима; връзисѧ *низу* и т. д. (Микл. IV, 580). Или (у Голов. II, 553):
Склоняеся сонце *долу*:
Пущай нас, газдо, до дому.

Но все такие формы на *-у* могут считаться и местными падежами; тогда и формы на *-ови* придется считать переделанными из *-овь*, именно, благодаря аналогии сходных с ними форм дательного и некоторому, так сказать, осмыслению этого окончания; таким образом, формы на *-ови* в указанной роли будут вторичными. Форму же *домовь — доловь*, ввиду ее отражения в нескольких славянских языках, придется отнести к периоду общеславянскому и поставить рядом с окончанием на *-у*, т. е. видеть в ней остатки местн. п. основ на *-у* (ср. Соболевский. РФВ, т. X, 148). Такую форму и кладет Миклошич (Сравнительная морфология..., 7) в основу цсл. **сыноу**, которое, по его мнению, «возникло из synovi, **сыновь, сынок**». С этимологией Миклошича, конечно, нельзя согласиться, так как ь в основном славянском не мог отпасть, да и в санскритском с отпадением *i* в какой-либо форме sunávi

получилось бы sunău — sunō, а между тем славянскому **сыноу** в родственных языках соответствует в древнеинд. sūnāú, готск. sunáu, греч. наречие ἄνευ (Brugmann: Grundriss der vergl. Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassb. 1892. II, 615) и т. д., что предполагает основную форму *sūneu, представляющую собой в этом падеже основу без всякой флексии. Но с другой стороны, в ведах встречается форма sūnávi и в греч. совершенно аналогичная ей форма πήχει из πήχεϜι, а этим формам вполне соответствует общеславянская *сыновь*, предполагающая основную *suneui. Таким образом, *домовь* — *доловь* следует признать двойниковой формой местн. п. рядом с *дому* — *долу*, притом очень древней. Приведем еще несколько примеров, где формы на *-у* и *-овь* имеют, по-видимому, значение местн. п.: **-вънoу** и **вънѣ** — во втором местный несомненно;

ко млину границѧ: *горѣ* смотричемъ до мосту, а *доловъ* смотричемъ... Жалов. гр. Под. кн. 1375 г.;

А нас сяде купа *долу*... (Голов. III, 1, 511)
Ей *долов* мӣ, *долов* далеко,
Там же ми рôля та й не ёрана... (Ib. II, 9)
Ой *долов*, *долов* пôд бодачейком,
Лежит милейка долов белым личейком... (Ib. II, 129)

Со временем, ввиду господства в местном форм на *-у* — *-ѣ*, значение форм на *-овь* могло быть забыто, и они могли ставиться там, где первоначально было место дательному, если только отмеченные раньше слова на *-у* действительно употреблялись, как дательные падежи, а не местные. В синтаксическом отношении смешение разных падежей означающих пространственные функции, тоже вполне возможно; ср. конструкции при гомеровском φι(ν) (Delbrück: Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Strassburg. 1893. I, 274—276). Возможен в подобном же смысле и местный; приведем пример из латинского: adveniens *domi*, procumbit humi (Delbrück: Vergl. Syntax...I, 228; ср. еще 292—293.

У нас остались еще необъясненными *домой* — *долой*. Их окончание *-ой* не находит для себя аналогии в склонении основ на *-у* или *-о*. Окончание *-ой* в русском языке мы находим только в склонении основ на *-а*: *горой*, *дорогой*, где оно не что иное, как окончание твор. п. **-ою -оѭ**; значит, и для *домой* — *долой* придется предположить **домою* — **долою* (ср. Соболевский. Лекции[2], 90). Однако такое предположение возможно допустить только при условии, если удастся доказать: а) что одни основы в известных случаях могут принимать окончания других, конечно, в новейшее время, так как указанные русские формы не отличаются древностью, и б) что синтаксически возможны формы творительного на месте дательного или местного. Что касается первого вопроса, то тут прежде всего следует иметь в виду, что наречия — будь они и отыменные — отличаются большим произволом в образовании. Достаточно привести для примера такие из них, как **отъкѫдоу**, **отъсѭдоу**, **отътѫдоу** с окончаниями по образцу основ на *-у*, и русские

откуда, *отсюда*, *оттуда*, с окончанием основ на *-о*, а также народные *куды*, *сюды*, *туды*, с окончанием твор. п. мн. ч. тоже основ на *-о*[6], белорусские и малорусские *кудою*, *сюдою*, *тудою*, а также (хотя и реже) *кудой*, *сюдой*, *тудой*, с окончанием основ на *-а*. Так точно и от слова *домъ* могли быть образованы наречия *дома*, **домою* — *домой*, хотя он и принадлежит к основам на *-у*; то же следует сказать и относительно *долъ* — *долой*. Некоторую аналогию в данном случае представляет приводимое Миклошичем (IV, 580) хорватское domom из domov, т. е. по сербохорватской морфологии из основного *домоѭ, как какое-нибудь *вером* из старого вѣрокь, церковнославянское вѣроѭ. Несколько подобное явление видим и в некоторых отраслях малорусской речи (у Бойков и некот. др.), где *рыбоу*, *рибов*, *рибоў* (Ogonowski. Studien..., 123); но эти формы не имеют отношения к *домовь* — *доловь* (ср. Потебня. Заметки о малорусском наречии, стр. 55; Ogonowski. Studien, 124); кроме того, не заимствованы ли они у словаков, у которых rybou, dušou? Житецкий «(Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в.», Киев, 1889, 129) не прочь поставить такие формы в связь с старинными *домовь* — *доловь*: «мы склонны думать, что они образовались по аналогии от имен существительных мужского рода: *домовь* — *доловь* (*домови*, *долови*), причем произошло смешение падежей дательного с творительным». Не говоря уже о других соображениях, высказанных нами раньше, отметим, что два слова, притом стоящие в другом падеже, вряд ли оказали бы влияние на все склонение основ на *-а*. К тому же это явление местное даже в малорусском, не говоря уже о белорусском наречии, которому твор. п. ж. р. на *-оў* — *-еў* совершенно чужд.

В синтаксическом отношении употребление твор. п. для означения предела движения тоже возможно: «идти *домой*» означало бы — идти дорогою, ведущей к дому. Интересно приведенное у Миклошича (IV, 685) из Головацкого (I, 23; II, 600) малорусское:

Ой выйду я на могилу,
Подивлюся у долину:
Долôв, *долôв* долинами
Едуть Турки с Татарами...

В другом месте у того же Головацкого (III, 1.7) отмеченное выше *долôв* заменено посредством *долом*:

Долом, *долом*, *долинами*,
Идуть Турки с Татарами...

Там же у Миклошича (IV, 684) приведены еще интересные примеры: гороѭ идѣта εἰς τὴν ὀρεινὴν ἀπέλθετε; отидоше *домомь* domom abierunt. Прол.-Вук., где *домомь* вм. домокь, т. е. *домоѭ, как об этом была

[6] Мы уже умалчиваем об отъкждѣ, отъсждѣ, отътждѣ, которые можно рассматвать как местные кждѣ, сждѣ, тждѣ, с прибавленным к ним предлогом отъ, конечно после того, как была забыта память о том, что это формы местн. п.

речь выше. Интересно, что рассматриваемые наречия соприкасаются с оборотами, где употреблен местный: **окьнце, ѩж доу вьзможемь вьнити** qua ingredi poterimus (Миклошич. IV. 684). Слова *домой* — *долой*, как наречия, по своему смыслу могли и не вызывать представления твор. п., как это случилось с местоименными наречиями *туды*, *куды*, *сюды*, смешивающимися с *туда*, *куда*, *сюда* и требующими после себя ответа не только в твор., но и вин. п. (ср. Потебня. Из записок по русской грамматике, Харьков, 1888, стр. 451).

Варшава 1894 г. Июнь.

Н. М. Тупиков. СЛОВАРЬ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛИЧНЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН. СПб., 1903. 8° словарное. II+857[1]

Покойный Н. М. Тупиков не успел довести свой труд до желанного конца. Но собранные им материалы оказались настолько ценными, что русское отделение Императорского Русского археологического общества издало их под наблюдением академика А. И. Соболевского. Последний, естественно, не нашел возможным делать какие-либо изменения или дополнения в труде уже умершего автора. Устранены, вероятно, лишь явные недосмотры.

В свое время мне пришлось давать отзыв об этом труде, представленном в рукописи в Академию наук на соискание Ломоносовской премии. Так как автор этого словаря не имел возможности воспользоваться моими замечаниями и так как они могут быть не бесполезны при составлении подобных работ, нахожу возможным в несколько измененном виде повторить мой отзыв, тем более что для большинства интересующихся справочными изданиями он был неизвестен.

В русской филологической литературе до сих пор еще не удовлетворена настоятельная потребность иметь словарь древнерусского языка, после чего только возможно появление исторического словаря нашего языка. Имеющиеся у нас в настоящее время две работы в этом роде: «Материалы для словаря древнерусского языка», составил А. Дювернуа (М., 1894) и достигшие буквы *С* «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», труд И. И. Срезневского (СПб., 1890—1903) полным словарем древнерусского языка посчитаны быть не могут. Главный недостаток «Материалов» Дювернуа, не говоря уже о других, заключается в том, что словарные данные в них отнюдь не исчерпаны. То же следует сказать и о «Материалах» Срезневского, в которых данные извлечены преимущественно из памятников XI—XIV вв., без сохранения притом резкой границы между церковнославянскими и русскими словами. Можно с уверен-

---

[1] РФВ, т. LI, 1904, стр. 313—322 (*Ред.*).

ностью сказать, что даже при существовании двух отмеченных трудов еще невозможно будет появление полного словаря древнерусского языка до тех пор, пока не будут составлены словари или к отдельным памятникам, или в известном направлении, каков рассматриваемый словарь Тупикова.

Появление словаря древнерусских личных собственных имен важно не только как вспомогательной работы, для составления исторического словаря русского языка, но и в других отношениях: чисто лингвистических, археологических, бытовых, исторических и др. Не стану касаться этого вопроса в подробностях; укажу только на то, что даже до появления словаря древнерусских личных собственных имен предпринимались довольно солидные работы в отмеченных направлениях. Таковы, например, статьи: Фр. Миклошича «Die Bildung der slavischen Personennamen», Остгофа «Das Verbum in der Nominalcomposition», Морошкина «Славянский именослов», введение. Тут перечислены и другие работы в этом роде, вышедшие до появления именослова в 1867 г. В литературно-бытовом отношении немало данных на основании старинных личных имен отмечено у Гр. Крека: «Einleitung in die slavische Literaturgeschichte», 484—495, а также у А. И. Соболевского: «Заметки о собственных именах в великорусских былинах» («Живая старина», 1890, вып. 2). С исторической точки зрения собственные древнерусские имена рассматриваются в статье Н. Чечулина: «Личные имена в писцовых книгах XVI в., не встречающиеся в православных святцах» (Библиограф, 1890, № 7—8), Соколова: «Русские имена и прозвища в XVII веке». Казань, 1891, и особенно в интересной статье самого же Тупикова: «Заметки к истории древнерусских личных собственных имен» (Библиограф, 1892), перепечатанной с некоторыми изменениями и дополнениями в предисловии к настоящему словарю (1—28 стр.).

Исследования во всех указанных отношениях станут на более твердую почву и будут отличаться еще большим богатством содержания, когда в основании своем будут иметь полный словарь древнерусских личных собственных имен. Вследствие указанных обстоятельств следует с большою благодарностью встретить выход рассматриваемого труда. Сам Тупиков интересовался древнерусскими личными собственными именами только с исторической точки зрения и не преследовал никаких задач справочного характера; но благодаря тому, что собранные им материалы отличаются полнотой и имеют при себе точные ссылки на источники, ими с успехом можно пользоваться и при всяком другом изучении личных имен. Конечно, если бы автор имел в виду филологическую точку зрения, он не преминул бы при том или другом слове наметить его объяснение, состав; при словах заимствованных указал бы, какой вид имеют они в том языке, откуда взяты; всего этого при теперешнем виде словаря мы не находим.

Словарю предпослана упомянутая раньше статья, представляющая исторический очерк употребления древнерусских личных собственных имен. На основании ее, а также приложенного рукописного списка

сокращений мы знакомимся с пособиями и источниками, бывшими в распоряжении автора. «Лишь собрав материал из большей части печатных источников, решились мы приступить к изучению древнерусских личных собственных имен», — говорит он в предисловии (2 стр.). Отчего, спрашивается, автор не привлек к изучению всех печатных источников, тем более что их не особенно много? Я, например, ни в списке сокращений, ни в ссылках при тех или других именах не нашел «Актов, издаваемых Виленскою комиссиею для разбора древних актов», а до сих пор с 1865 г. этого издания уже вышло 29 томов. Выбор личных имен из них не был бы затруднителен уже и потому, что при некоторых томах приложены обстоятельно составленные «указатели личных имен». Тою же комиссией выпущен и ряд отдельных изданий, в которых можно найти немало интересного материала. Нет упоминания и о другом издании: «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске». Издание выходит с 1871 г. Жаль, что не изучено и издание Московского архива министерства Юстиции: «Документы Московского архива министерства юстиции». Т. 1. М., 1897 г. 8°, XXIII+569. В этом обстоятельном издании имеется и хороший «указатель имен личных». Можно бы указать еще несколько меньших по объему изданий, из которых следовало бы извлечь данные для рассматриваемого словаря. Не мешало изучить и некоторые рукописные произведения, особенно разные синодики, в которых по части имен можно найти богатый материал. Словарь Тупикова по своим размерам несомненно превосходит все явившееся до сих пор в печати по этой части, но в интересах возможной полноты следовало бы еще присоединить к нему данные отмеченных изданий, а также других менее выдающихся.

Автор имеет в виду дать словарь лишь древнерусских собственных личных имен, вследствие чего естественно опускает имена христианские, а из нехристианских — инославянские; в этом отношении его работа отличается от «Именослова» Морошкина. Однако, я думаю, не следовало совершенно устранять и христианские имена. Некоторые из них, вследствие народной этимологии, значительно приноровились к русским корням, и часто, особенно в виде ласкательных и уменьшительных, стали неузнаваемыми. Для примера укажу имена *Груша* (Агрипина), *Дуня* (Евдокия), *Саня*, *Санько* (Александр), *Еска* (Иосиф) и под. Помещение таких слов в словарь вряд ли было бы неуместным. Мое мнение найдет подтверждение и в некоторых данных рассматриваемого труда Тупикова. С полным основанием акад. Соболевский в своем предисловии относит к христианским именам *Инна*, *Мина*, *Трофим* или *Трифон*, такие отчества, как *Инаев*, *Инятин*, *Минаков*, *Трущенко*. То же можно сказать относительно слов *Вашаня*, *Вашук*, *Вашута*, *Ваула*; при последнем прибавлено под вопросом замечание о том, не христианское ли это имя. Далее, в словаре встречаем такие слова, как *Ивоня*, *Евша*, *Никулай*, которые, быть может, не что иное, как

Иона, Евгений или Иов, Николай. В этом же роде *Тудор*, имя известное и южным славянам (ср., напр., запись на Болонской псалтыри), которое, вероятно, не что иное, как Феодор. Переделку последнего имени я бы не прочь видеть и в *Ходар*. Напрасно не внесено в словарь уже зачеркнутое на карточке *Ходко*, потому-де, что оно равно *Феодор*. Это имя, как можно видеть из «Именослова» Морошкина, встречается и в памятниках западных славян, которые имя «Феодор» знают только с *t*. Все сказанное приводит к заключению, что даже и христианские имена, более или менее измененные, должны бы найти место в рассматриваемом словаре. Да и к чему так избегать последних? Ведь помещает же автор в числе древнерусских личных собственных имен немало и иностранных слов, как *Абыкан*, *Айда*, *Аминь*, *Аргамак*, *Бернята*, *Гасан*, *Кербет*, *Мурат*, *Мурза*, *Саадак*, *Тиун* и т. д. и даже настоящие личные собственные имена, только в западной огласовке: *Август*, *Барабаш* (Варрава), *Свенелд* и т. д. Кстати, почему нет других норманских имен, как *Аскольд*?

Таким образом, вследствие отмеченных недостатков, при существовании словаря Тупикова, нельзя обойтись и без «Именослова» Морошкина, так как в последнем имеются и христианские имена, да кроме того, в нем приводятся и инославянские личные собственные имена, что очень важно для сравнения при лингвистических исследованиях.

Коснемся плана словаря. Весь словарь разделен на три неравномерные части: I — имена мужские, II — имена женские и III — отчества. Так как главная цель словаря — служить справочной книгой, то отмеченное расположение не только не содействует улучшению рассматриваемого труда, но, напротив, затрудняет пользование им. Если древнерусские личные собственные имена строго делить по значению, то придется образовать особые группы для имен в нашем смысле, для отчеств и для прозвищ, обратившихся со временем в фамилии. Это уже следует из того, что при таких прозвищах часто стоят настоящие имена:

Аргамак: Андрейко Аргамак.
Артельной: Ларивон Артельной.
Алабыш: князь Федор Алабыш.
Алкач: Палка Алкач.
Бажен: поп Назарей, а прозвище Бажен и т. д.

Здесь подчеркнутые слова, конечно, не имена, а прозвища.

Если же рассматривать древнерусские личные имена по форме, то из имен некоторые слова придется перенести в отдел отчеств. Таковы, например, имена: *Арапчук* (слово — западнорусское, с суффиксом *-ук*, обозначающим происхождение), *Граченок*, *Караулченок* и под. Высказанное мнение найдет подтверждение, если обратимся в отдел отчеств. Там встретим такие слова, как *Бакляренко*, *Баланденко*, *Балуенко*, *Безоблученко*, *Безпоясенко*, *Берестенко*, *Балахоненок*, *Пономаренок*, *Додорченок*, *Бородыня*, *Брекаленя*, *Калченя*, *Левечко* и т. д. Такое смеше-

ние и естественно, так как приведенные отчества, в большинстве случаев указывая лишь на дальнее или ближнее происхождение от известного родоначальника, могли употребляться и без личных имен и вместо них, а в некоторых случаях обозначать и фамилии. Даже известные отчества на *-ов* и *-ин*, помещенные в третьем отделе словаря, также не всегда являются отчествами. С полной уверенностью отчествами их можно признать лишь тогда, когда они имеют при себе слово «сын». Таким образом, не могу считать отчествами заглавные слова в следующих случаях:

Балин: Нестор Ларивонов сын Балин.
Бобырев: Василий Сергеев сын Бобырев.
Боярщина: Осипко Семенов сын Боярщина.
Бутурлин: Федор Васильев Бутурлин.
Выезжево: Любимка Иванов сын Выезжево.
Грузов: Матвей Остафьев Грузов.
Кирпичников: Петрушка Назаров сын Кирпичников.
Муравьев: Павел Семенов сын Муравьев.
Ромоданов: Федор Иванов Ромоданов.
Тупиков: Савлук Аксентьев сын Тупиков.

Еще в меньшей степени отчествами можно считать заглавные слова в следующих соединениях:

Бавыкин: Ивашко Тимофеев сын Бавыкина.
Багримов: Васюк Юрьев сын Багримова.
Вакорин: Знахарко Семенов сын Вакорина.
Извеков: Петр Иванович сын Извекова.

В подобных случаях — *Бавыкин*, *Извеков* и т. д. — представляют собой уже не отчества, а фамилии, прозвища.

Отчествами Тупиков, по-видимому, считает все те слова, которые образованы при помощи суффиксов, означающих происхождение и принадлежность, т. е. он смотрит на отчества с формальной точки зрения; а в таком случае отдел отчества можно бы еще расширить, введя сюда и западнорусские фамилии на *-овский* (*Чудо́вский*), но тогда такая группировка уже совершенно противоречила бы показанию памятников. Естественный вывод из всего сказанного тот, что во избежание путаницы в словаре следует имена, отчества, прозвища и фамилии не отделять одни от других в особые группы.

Тем менее следовало ставить в особую группу имена женские: они очень немногочисленны, да и по строению, а также происхождению своему ничем не отличаются от имен мужских.

Словарь Тупикова, как уже было сказано, построен не на лингвистической подкладке, а на исторической. Вследствие этого в нем не совсем целесообразно расположены слова по семействам: с лингвистической точки зрения связь между ними была бы, но с исторической ее не видно. Для практического пользования также гораздо удобнее, если

словарь расположен в строго алфавитном порядке, а не по словопроизводству. Таким образом, не особенно практично помещать при одном заглавном слове, например, следующие семейства:

Барабаш и *Барбаш*, но тут же недалеко *Бахарь* и *Бахорь* разделены.

Береза и *Березка*. «Березка» взято из следующей приписки на западнорусской Четье 1489 г. **«а пса сїю книгоу нѣхто є. березка з новагорока с литоско поповичь»**. С лингвистической точки зрения «березка» уменьшительное к «береза», но на самом деле в белорусском наречии «береска» чаще не означает малой березы, а полевую траву известного рода.

Богдан — «Деревни *Богдановские* Носова», «*Богдановские* обжи» — *Богдашков* — *Богдашко*.

Бурой — *Бурец* — *Бурко* — *Буруха* — *Бурейко* — *Буренко*.

Беляй — *Беляйко* — *Белячок* — *Беляк* — *Беляица*, а между тем отдельно *Беляница*, *Беляш*.

Верещага — *Верещака* — *Врещко* — *Верещалка* — *Веречака* — *Верщук*.

Виляка — *Вильяка* — *Вильяк* — *Вильяч*.

Влазень — *Влазен* — *Улазко*. Здесь *у*, конечно, равно *ў* на месте *в*, но с первого раза непривычное лицо не сообразит, где найти это слово.

Воин — *Воинко* — *Войник* — *Войнюша*.

Волох — *Волош* — *Волошко*.

Гасан — *Асанчюк* — *Осан* — *Гасанов*.

Голой — *Голышка* — *Голунка* — *Галюта*[2] — *Голыш* — *Голынчук* — *Голян* — *Голяк* — *Голюнка* и т. д.

Список подобных случаев вышел бы очень большим, но и приведенных примеров достаточно, чтобы видеть, насколько подобное расположение затрудняет пользование словарем. Вдобавок не всегда эти семейства и правильны с лингвистической точки зрения. Уже в вышеприведенных примерах можно бы отметить некоторые сомнительные случаи; но есть немало и таких примеров, где неправильность сопоставлений вполне очевидна, например:

Бричка — *Бречка* (Brzeczka) — *Бречко* не могут быть соединены в одном семействе, так как первое обозначает известного рода экипаж (польск. bryka), а второе — экстракт солода (польск. brzeczka).

Буд — *Бут* — *Будько* — *Буцко* — *Буток*. Ввиду последнего слова тут нельзя видеть фонетической мены *д* и *т*.

Вешняк — *Вишняк* — *Вешнячко* — *Вешняка*. Тут, по-видимому, смешаны корни слов «весна» и «вишня».

Горюн — *Horunecz* — *Chorusko* — *Горунко*. Тут некстати *Chorusko*.

Дутой — *Дутко* — *Дутка*. Два последних слова скорее от «дудка».

Крик — *Кгрик* — *Крыка*. Второе слово равно Gryk — Грек.

---

[2] Быть может, от «Га́ля».

Севрук — *Szeyruk* — не одно и то же.

Сувор — *Суворик* — *Суворко* — *Saworka*. Последнее слово не в связи с другими.

Третьяк — *Третьячко* и *Тренка* — *Треня* — две различные группы.

Несмотря на все отмеченные недостатки, рассматриваемую работу Тупикова следует признать выдающимся вкладом в науку. Введение в словарь представляет очень обстоятельное исследование исторического развития древнерусских личных собственных имен, а самый словарь дает массу материала для разных наблюдений и выводов — лингвистических, литературных, исторических и др. Русская наука в лице умершего потеряла одного из самых усердных и бескорыстных своих работников.

А. А. Шахматов. ИССЛЕДОВАНИЕ О ДВИНСКИХ ГРАМОТАХ XV в. Части I и II. СПб., 1903. 8° больш. VI ненумер. + 140 + VI ненумер. + 184 + 3 таблицы снимков. (Исследования по русскому языку. Изд. ОРЯС, т. II, вып. 3)[3]

Исследование академика А. А. Шахматова находится в тесной связи с другой его работой: «Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV вв.», напечатанной в 1-м томе «Исследований по русскому языку». Обе работы посвящены истории северновеликорусского наречия и обнимают его особенности, насколько последние сказываются в юридической литературе, с XIII по XV в. включительно. Северная Двина и прилегающие местности, несомненно, колонизованы новгородцами; поэтому двинские акты представляют дальнейшее развитие тех же особенностей, какие довольно рельефно выступают в новгородских древнейших грамотах и других памятниках, начиная уже с XI в. Акад. Шахматов не только собрал в списках все известные двинские грамоты, но и проверил их по подлинникам, если таковые сохранились, для чего даже предпринимал поездку на север, дал палеографическое описание оригиналов и точное их издание, удовлетворяющее целям лингвистическим и историко-юридическим. Всех грамот напечатано 115 и в приложении 8 №№. При издании имеется указатель имен собственных, встречающихся в грамотах. Изложение звуковых, формальных и синтаксических особенностей языка грамот, кроме представления фактических данных, сопровождается объяснением тех или других явлений языка. Не совсем, мне кажется, только удобным иногда исходить из гипотетических построений к показаниям грамот, особенно, когда эти показания можно и иначе истолковывать: лучше было бы поступать наоборот — на основании фактов делать заключение относительно прарусских звуков. Подтвержу сказанное примером. На стр. 71 читаем: «Звук *ô* употреблялся в двинских говорах XV века только после твердых согласных, так как в положении после смягченных он перешел в *о*». Это положение для непосвященного читателя даже после прочтения

---

[3] РФВ, т. LI, 1904, стр. 322—324 (*Ред.*).

замечаний на стр. 99 все же окажется неясным, так как трудно допустить, чтобы звуки неполного образования (каково *ŏ*) существовали в северновеликорусском наречии еще в XV в. Не имея в своей азбуке особого знака для такого *ŏ*, древний писец смешивал бы его с *о* и с *е*, а между тем он употребляет только *е* и изредка *ѣ*. На той же стр. 71 читаем: «Неслоговое *у* (u̯), по-видимому, неизвестно в языке, вследствие замены его билабиальным (чисто губным) *в* (англ. w)», а между тем дальше на основании случаев смешения **ч** и **въ** идет речь именно об u̯. В пользу того же говорят и примеры на стр. 83. Не слишком ли решительно утверждение на стр. 73 относительно звука γ. Еще несколько отдельных замечаний. Стр. 76. Формы, вроде *иколича*, объясняются переходом *вл* в *лл* — *л*. Но могло ли быть *в* слишком мягким, чтобы вполне уподобиться *л*? Не лучше ли вернуться к объяснению, предположенному еще в работе «О языке новгородских грамот» (стр. 162 «Исследований»), именно, что здесь *л* из *ўл* : u̯, конечно, легко могло утратиться. Стр. 92—94. Вряд ли одновременны по происхождению такие явления северновеликорусского наречия, как слеп*ой* и слеп*эй*, и едва ли для *ой* следует предполагать прарусское *ŏi̯*, хотя бы с открытым *ŏ*. Могло ли быть открытое *ŏ* в закрытом конечном слоге, притом перед i̯, которое, по-видимому, суживающим образом действовало на предшествующее ему конечное *о* уже в основном славянском: ср. **влъкоу** из *vьl̥kōi̯, греч. λύκῳ; да и почему такое *ŏ* не перешло в *е*, как в каком-либо *смене*, *васке* (если там оно, конечно, было)? Формы **купечкеи, сочкеи, свьискеи** для своего объяснения не нуждаются в предположении прарусского *ŏi̯*: они развились из «купечкой», «сочкой», «свьиской» после того, как в них *к* смягчилось после предшествующего им мягкого согласного *ч* (из **ц**) и *й*; необычное сочетание *-к'ой* и передается здесь посредством *-кей*. Значит, здесь то же, что в *кол(ь)ке*, *тол(ь)ке*, *легон(ь)ке* (Домострой), где *ке*, несомненно, из *ко* при посредстве *к'о*. Но, быть может, я не понял объяснения уважаемого Алексея Александровича; но ведь так же, как я, могут взглянуть на дело и другие. Выбранный для издания грамот так называемый вевский шрифт с дополнением ҁ очень точно передает русский полуустав XV в.; для грамот, печатаемых по более поздним копиям, взят шрифт потоньше. Не знаю только, чему соответствует в оригинале ι, введенное акад. И. В. Ягичем для передачи глаголического ⱑ. Знак ι встречается в грамотах № 79 (стр. 98), 83 (стр. 103), 84 (стр. 104), 88 (стр. 110); в последних трех грамотах ι посередине перечеркнуто.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ 1092 г.[1]

По поводу издания Румянцевского музея (М., 1912)

Евангелие, носящее название «Архангельского», стало известно в ученой литературе с 1877 г., когда оно из Архангельска от одного крестьянина попало в руки московского книжного торговца С. Т. Большакова. Последний сначала предложил было его купить Имп. Публичной библиотеке, а затем продал его в том же году за 500 рублей Московскому Публичному и Румянцевскому музеям, где оно и хранится за № 1666.

Первая более или менее обстоятельная статья о нем принадлежит А. Ф. Бычкову: «О вновь найденном пергаменном списке Евангелия» (Записки Имп. Академии наук, XXIX, кн. 1, и Сб. ОРЯС, XVII). «При беглом обзоре» рукописи Бычков определил ее состав, почерки, дал образцы языка и указал некоторые отличия от Остромирова евангелия. Бычков пришел к заключению, что первая часть приписана ко второй в конце XII в., если не в XIII. «Эта часть рукописи писана грубым и неровным уставом, и притом весьма небрежно». Вторая часть (с л. 77) древнее первой и писана в конце XI в. После приписки (на 175 л.) к этой части идут листы, написанные разными почерками в более позднее время, например XIII в.

К тому же времени принадлежит и «Описание евангелия 1092 года (сличенного преимущественно с Остромировым евангелием)» Архимандрита Амфилохия (М. 1877. 4°. 32+X таблиц снимков). Амфилохий дает палеографическое описание памятника. Время написания, кроме последних листов, относит к XI в.: «я, с своей стороны, заподозревать запись с годом ѕҁ҃ не имею никакого основания» (6). С целями палеографическими приложено и 10 таблиц снимков, которые, однако, оказываются мало удовлетворительными. Снимки исполнены в два цвета (чернила и киноварь), но распределение красок не всегда точно; так, на т. III под заставкой, до начала евангельского чтения, все должно быть написано киноварью, да и на самой заставке поля между цветами должны быть сплошь заполнены киноварью. В статье дается

---

[1] РФВ, т. LXIX, 1913, стр. 467—477 (*Ред.*).

также сравнение текста Архангельского евангелия с текстом других древнейших евангелий.

Работы Бычкова и Амфилохия указали, между прочим, и на важность вновь открытого евангелия для изучения языка древнецерковнославянского и древнерусского, а также для суждения о древнейшем переводе евангельского текста на церковнославянский язык. Подробно эти вопросы рассматривает А. Дювернуа в напечатанной в ЖМНП (т. X, ч. CXCIX, 1878, стр. 181—219) статье: «О критическом значении Архангельского евангелия, хранящегося в Московском Румянцевском музее». Здесь Дювернуа касается особенностей древнерусского языка, сказывающихся в Архангельском евангелии, состава перевода и его подлинника, каковым он считает несомненно глаголический. Приводимые Дювернуа примеры не всегда соответствуют действительности (ср. *въдовицы* 187 стр. вм. рукописного *въдовица*, л. 165, *творити ꙗ прѣлюбъ* 193 стр. вм. т. *ꙗ прѣлюбы* 39 г. и под.).

Последующие историки русского языка и исследователи переводов евангельского текста на церковнославянский язык постоянно обращаются к Архангельскому евангелию (Г. А. Воскресенский, А. И. Соболевский и др.). Акад. Соболевский дал хороший снимок со 2-го почерка Арх. Евангелия (л. 89б) в «Новом Сборнике палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII вв.». СПб., 1906).

Наконец, к 50-летнему юбилею Московского Публичного и Румянцевского музеев последними издано посредством трехцветной фотоцинкографии на сетку все Архангельское евангелие в таком виде, как оно сохранилось в теперешнем своем состоянии. Подобрана даже бумага, похожая на плохой пергамен, в ней проделаны в соответствующих местах дыры и подделаны все дефекты пергамена; воспроизведены все помарки от чернил, воска и от грязи рук; к копии рукописи приделано и подобие старинного переплета, сохранившегося в оригинале до нашего времени: доски, ремни на корешке и бечевке, остаток застежки; рукопись и сшита как в оригинале: все стремления издателей были направлены к тому, чтобы издание для палеографического изучения вполне заменило подлинник. Оно во многом и заменяет его, даже и по цене приближается к нему (100 руб. за экз.).

Как исполнено настоящее издание[2] в отношении точности воспроизведения оригинала, можно сказать только на месте, в Москве, сравнивая издание с оригиналом. Что касается самого текста, особенно мелкого почерка, то он, несомненно, вышел бы лучше в фототипии. При фотомеханическом воспроизведении на сетку буквы выходят несколько толще; последнее становится особенно заметным при трехцветном печатании, если будет допущен хотя бы малейший недосмотр в печатании: в экз. № 169 это можно заметить на страницах 18б, 25, 26б, 29б, 44, 53б, 54б (внизу и с левой стороны букв красные полоски), 56, 97б, 117 и др.; неясные и потертые начертания выходят

---

[2] Я пользуюсь экземпляром № 109, подаренным Музеем Варшавскому университету.

очень неразборчиво: в оригинале приписка на л. 174б, по-видимому, может быть читаема, по крайней мере, она воспроизведена у Бычкова и Амфилохия (**Иного чл҃вка... отѧгъченъ грѣхы бечисльнъıми. братиıа моıа вльıсѧ въ житии ıако корабль на поучинѣ морѧ... помъıшлıаıа. сластолюбик. похотѣник клеветы свары пьıаньство...**), тогда как в рассматриваемом издании можно разобрать только: ...**лıаıа слас... свары пьıаньство**. А, что самое важное — в фотомеханическом воспроизведении на сетку возможны произвольные поправки корректора, желающего представить более ясным место, которые часто противоречат оригиналу; вследствие указанного обстоятельства нам кажутся подозрительными, например, следующие места: **приде гь рабъ тѣхъ** 48 или вм. **гь** или **ги**, **постлавъшемоу** 18б с т на месте ъ, **обѣдъ мои оуготовахъ** 44 вм. **мои**, **идоущю ісии** 58б вм. **ісви**; думаю, что по вине корректора очень часто косые пояски у **и**, **ю**, **к** на стр. 70, где и форма некоторых букв подозрительна; **придеть гнъ чл҃вчь** 85 вм. **снъ**, **сътвори мн бгь** 160 вм. **мн**, **бѣ въ Ни|мь** 168 вм. **Нкмь** и т. п.

Но вообще русская наука будет очень признательна Московскому Публичному и Румянцевскому музеям за настоящее издание: оно дает возможность при преподавании палеографии наглядно познакомить слушателей со многими особенностями древних рукописей; а историк языка в этом редком памятнике найдет для себя немало очень ценного материала в разных отношениях.

Приведем примеры.

Архангельское евангелие в обеих своих крупных частях (л. 1—175) представляет замечательно выдержанными особенности древнерусской орфографии и языка, вследствие чего:

а) вм. **ѫ** и **ѭ** обыкновенно **оу** и **ю**; **ѫ** иногда встречается, как это уже давно заметил А. Дювернуа, особенно в 1-м почерке лишь в конце строк, где не было места для **оу** (**гл҃ахѫ|** 10б, **рѫ|цѣ** 13б, **емѫ|**ib., **хѫ** 14, **разѫ|мѣшѧ** 16б), реже в других случаях (**бѫдоу** 12); довольно часто **ѫ** вм. **оу** на стр. 73б и след. ввиду сжатости письма (**бѫдѫть, лѫнѣ, тѫга, възмѫщениıа, вьселенѫю, двигнѫтсѧ** и т. д.); **ѧ** обыкновенно смешивается с **ıа**, причем первое ставится чаще после согласных, а второе после гласных. Вот пример орфографии (л. 154—154б):

Пакы поıатъı и диаволъ. на го
роу въıсокоу зѣло· и показа к
моу вс҃ѧ црствиıа мира и сла
воу ихъ· и рече кмоу (кмоу) вс҃ѧ
си дамь тебе· аще падъ покло
нишисѧ· тъгда рече кмоу ісъ·
иди за мѧ сотоно. писано бо
кѣть. гоу бо҃у твокмоу поклонї
шисѧ· и томоу кдиномоу послоу
·:· жїши

тъгда остави и диꙗволъ· и се анъ
гл҃и пристоупиша· и слоужахꙋ
кмоу·:·—

б) основные славянские группы ъ̥г — ь̥г и ъ̥l — ь̥l передаются через *ър — ьр*, *ъл — ьл*, например: **съмьрти** 4, **оумьртъ** ib., **вьргоуть** 4б, **изъвържетьсꙗ** 18, **испь|рва** 18б, **съвьршенъ** 25, **испълниша** 5б, **испълнишꙗ** ib., **объ|лчена** 44б, **тълкноувъшю** 61, **мълва** 92б, **вълка** 124 и. т. д. Есть даже случаи так называемого второго полногласия: **вълъсви** 144б, **вълъхвомъ** 147б, **цьрькъвь** 168б, **ѿвьрьзоутьсꙗ** 61б и др.;

в) кое-где даже встречаются полногласные формы: **оумерети** 95, **жеребиꙗ** 110б, **беремꙗ** 139б;

г) начальное о при старославянском: к: **гл҃а одинъ** 101б, **одиного** 129;

д) основные группы *dj* и *tj* заменяются посредством *ж* (обычно) и *ч* (изредка): **троужьсꙗ** 1, **дажь** 1б, 37б, **жажю** 1б, **прихожю** ib. **вижю** 2, 9, **чюжаахоусꙗ** 2б, **прѣже** 4б, **хожаше** ib., **рожъства** 8, **вижь не повѣжь** 28, **лютѣ ꙗко стража** 30, **имамъ ноужю** 62 и т. д.; **възлеІчи** 5, **не мечемъ камениꙗмь** 7б, **скрьжьчеть** 81б, **хочю** 95б, **хочеши** 93, 100б, **хочете** 104, 117; даже **ѿпоучати** 117, где ч из скj;

е) написание ѣ нередко уступает место к — е, особенно в слове **ѣсти: ксти** 2б (bis), **кдꙗть си** 5, **кдъшемъ** 5б, **кдоуще** 47, **кхомъ** 63б, **хлѣба кстъ** 64б; в других случаях: **обї|тель** 90 (при **гы|бѣль** 92б), **телеса** 119б, **н е с и дроугъ кесаревъ** 105; особенно в старинных группах **-рѣ-** — **-лѣ-**, где ожидали бы полногласие: **оумрети** 12, **пре|дъ** 25б, (bis), 85 (но и **прѣдъ** 25б), **посредѣ** 37б, **непотребьнаго** 85, **требоукть** 93б, **бремене** 89б, **облекоша** 104б, **съвлекоша** 107б; ѣ на месте е встречается очень редко, быть может, лишь по описке: **мы нѣразоумѣхомъ** 4, **бѣсѣда** 98, **дш҃а отроучатѣ** 146б;

ж) довольно распространено написание оу вм. ю в начале некоторых слов, каковой пропуск j нередко встречается и в других древнерусских памятниках: **бѣ оунъ** 21б, **оуноша** 41, **оуноше** 51, **ѿ въстокъ...** и **оуга** 63б; **ѿ оуности** 65б, **речe кмоу о у н ы и сн҃ъ** 72;

з) следует отметить еще нередкую в южнорусских памятниках черту, совпадающую с подобной же в некоторых старославянских, — появление преимущественно перед и (из jь) на месте конечных ь звука и и на месте ъ звука ы: **п о у ь т е т и и оц҃ь** мои 11б, **ꙗко х о т ꙗ т и и въпрашати** 19, **бѣси же м о л ꙗ а х о у т и и гл҃юще** 31б, **оубиюти и** 38б, **творити ꙗ** 39 (3 л. ед. ч.), **да продадꙗти и** 39б, **продасти и** 40, **дꙗдъ нарицꙗкти и г҃а** 46б, **въпрашашети и** 73, **поутети и оц҃ь** 87 и др.; **т ъ к м о в ы и м ꙗ** 33, **приведохы и.** 38, **приꙗты и** 126б (3 л. ед. ч.), **п о ꙗ т ы и диꙗволъ** 154 и др.;

и) судьба ъ и ь такая же, как и в других древнейших памятниках русского языка и письма; случаев появления *о* на месте ъ я не встретил; *е* имеем в слове **шедъ** 89, ь нередко обозначает мягкость предшествующих ему согласных: **в ъ з ь м и възми** 105б, **прѣвьлѣкоу** 12,

разверзися 81, развьрзостася ib. и др.; не может быть речи о произношении ъ и ь, как гласных, в слогах, стоящих перед ударяемыми, насколько об этом можно судить по написаниям, вроде: напса 167б из напьса;

i) согласные шипящие и *ц*, несомненно, были мягки, что явствует из обычных написаний после них, не говоря уже об ѧ, гласных йотованных: оцѧ нашего 25, нарицаѥмааго 27, глющи 37б, бѫдѧщи 61б, плачющю 146б, наречѥшися 168, жажю 1б, чюдо 5, прихождааше 69, межю 80б, имоущюоумоу 85 и т. д. Из других согласных *л* и *н* в соединении с гласными переднего ряда, а также с *j* становились мягкими. Для мягких *н* и *л* нередко встречаются даже особые написания (как в Сборнике Святослава 1073 г.): ѥ (на нѧ, 77б, римлянынѧ 137), ⁿн(предь ⁿнимь 83), л(валашеса 81б, любляше 129). На мягкость их указывает и появление после них йотованных гласных: благдѣтели 91, съвѣдѣтелимъ 97 и т. п.; конечные губные, стоявшие перед *ь*, по-видимому, были уже тверды: по крайней мере ъ и ь после них употребляются безразлично; мы вѣмь 96б, но мы вѣмъ 10; в середине слов перед следующими мягкими согласными и губные, по-видимому, были мягкими: погыбьнеть 127б, погыбь|неть 132;

е) есть немало и других, замечательных в разных отношениях палеографических, орфографических и фонетических явлений. Так, здесь *ж* нередко пишется в пять приемов: ср. *же* 3 (стр. 8 св.), 89 (стр. 8 св.), 91, *бжию*, *же* 88, *слоужаи* 91 и др.; во втором почерке, как можно видеть из многочисленных примеров, приведенных из него, в группе согласных над вторым, особенно над л, ставятся две точки, будет ли этот согласный твердый или мягкий: зълчью 108б, мнoгомъ 110, сѥи 111, вси знакмиї ib; поздѣ 120б и т. п.; 90 обозначается посредством ч: гла· чд·:· 10б; ѳ смешивается с *ф*: ѳарисѣи 9, 10б, 23, при фарисѣи 34; ѵ в нескольких случаях передает ю: мьнѵ вьсемоѵ 22, вьсѵ галилѣю 27 (это не старинное *вьсу*, так как было бы написано через оѵ: вьсоѵ); иногда ѵ передает даже и, но не в тех случаях, где по-гречески было υ: филипоѵ, но фѵлипъ 86б; с другой стороны, греч. υ иногда передается посредством оѵ: ꙗко оѵпокрыти 75б (ὑποκριταί); в «тебѣ самои и доѵщю проидеть· ороѵжиѥ» 156б—157 не *щ* на месте *ш*, а описка или же смешение с идоѵщю; как и в некоторых памятниках старославянских, после *р* нередко пишутся *а* вм. ꙗ (приобращеть 80б), и вм. ы и наоборот (ли рибы 163 рядом с рыбы, рызы 110б). В фонетическом отношении замечательны следующие написания: лазорь 84, нередко — сотона, видивъше 32б, не повѣдите вѣдѣниꙗ 171 (видения), о бзѣ спси моѥмь 126б, ꙗко призри на съмѣрение 126б, хотя многие из приведенных написаний похожи на описки; скьрбѧ 41б, скьрбь 45б, скьрбѣти 95б; на трьпѣзѣ 91, крьста 156 (Христа); иживъшю 72 (при старославянском иждивъшю), ражнѣвася 44б (разгнѣвасѧ), ражнѣвавъжеся 73, иж ѥꙗ 142; отметим еще *к* на месте *х* вследствие смешения двух разных слов: преже даже не видить крь|ста гнꙗ 156; два раза встретилось *е* на месте *а* с предыдущей мягкостью: зачало еуангелиѥ 150.

трепещещи 139 — если в -ще- не описка, то появлению є предшествовала замена ж на ѧ по-среднеболгарски; обоуимъ 140б (обняв) можно выводить только из *обжимъ, а это из обънимъ (ср. Остр. ев., 248б), где ж на месте ъ по-среднеболгарски, хотя подобные образования известных некоторым древнерусским памятникам;

л) в морфологии рядом с массой форм, отражающих на себе глубокую старославянскую древность (как 3 л. мн. ч. аориста бесприметного: придоу, изидоу 2б, идоу народи мъноѕи 28, или зв. п. сыноу: помилоуи ны снж҃ двдвъ 33б, сноу҃ 40б, род. п. волоу 60б, или местн. п.: въ домъхъ црихъ 158, или им. п.: бѣ елисаветь неплодꙑ 166, или местн. ед.: нбсьцѣмь 37б из н — цѣкмь и т. п.), встречаем и типичные древнерусские образования, именно 1) род. п. ед. ч. у основ на -*ia-* на ѣ: въ сре· великꙑꙗ недѣлѣ 86б, 88б, стра· стꙑꙗ· еуфимиѣ 130, аннꙑ прроцѣ 157б, жьдоуще ѕахариѣ 167, стоѣ мунцѣ 169, прока илиѣ 169б; то же ѣ иногда заходит даже в твердое различие: стра нестора· и капетолинѣ 136б, стхъ исповѣдьникъ· самонѣ· гоуриа 138; ѣ может заменяться посредством к: времꙗ ꙗвльшекса ѕвѣздꙑ 145; в одном случае имеем даже и: стоѣ мунцѣ еудимии 169; тут же отметим редкое ꙑ вм. ѣ: польѕꙑ 138б; то же ѣ может быть в им. и вин. п. мн. ч. у слов м. и ж. р. при старославянском ѧ: искоушаꙗ ѣ 5 (их), три мцѣ 126б, дамь тобѣ ключѣ 168б; даже в твердом различии: мноѕѣ о рожьствѣ кго възрадоуються 166—166б; 2) формы дат. — местн. *тобѣ — собѣ:* по тобѣ 29, тобѣ 81б, 90, собѣ 35, 87, о собѣ 88б; формы дат.-местн. *тебе — себе*, в которых *е* конечное не плод смешения с *ѣ*, так как подобных случаев среди указанных местоимений много, а у других слов *е* вм. *ѣ* в дат. и местн. п. не встречается; примеры: дамь тебе 154, послань къ тебе 166б (рядом с тебе ib.), не ꙗви тебе 168б, тебе глю ib., рекоша ко себе сами 86б, не начинаите глти въ себе 149б, помышлꙗюще въ себе 160б и др.; 3) дат. п. ед. ч. у имен прилагательных и причастий в форме сложной на *-ому* и *-ему* (при преобладании старославянских образований, а также рядом с переходными на *-еому*): ослабленомоу 32б, постлавъшемоу 18б, просѧщеомоу 24б, имоущеомоу 51б и под.; 4) в спряжении глагола 3 л. ед. и мн. ч. оканчивается на -ть (въстанеть 45б, боудоуть ib. и т. п.), но рядом с этим попадаются редкие случаи и отсутствия -ть: кто може отпоущати 49, ꙗко хощете да творю; вамъ глкци 49б; в единичных случаях после т бывает и ъ (в настоящем времени и в аористе): тъ съвѣстъ 120, поꙗтꙑ и 154 (из поꙗтъ); 1 л. мн. ч. иногда имеет -мꙑ: не вѣмꙑ 10 рядом с мꙑ вѣмъ ib. В прошедшем несовершенном древнерусские образования на -ма- или -ѧ- в основе, часто на -ть в 3 л. ед. и мн. ч., например: живлꙗше 11, молѧхоуть ib., бѣси молѧ хоути и 31б, въпрашашети и 73. Неопределенное оканчивается на -ти, а достигательное на -тъ; но рядом с такими образованиями кое-где встречаем и иное: не имоуть вкоусить съмьрти 80б, придоша послоущатъ его. и ицѣлитисѧ;

м) в морфологии отметим еще несколько более редких образований, не характерных, впрочем, только для русского языка; таковы: **тришьдоу** 95, 99, 103, **трїшьдоу** 98; **онъ улѣкоуоубиица бѣ** 3б (где в -оу- может быть и описка), **Ѿвьрзе оүи слѣпоурожено**у 10 (каковое образование можно рассматривать и как два слова); **уетвьртъкъ** 92; **вътвьк** 19б (четверк?); **съ ꙁлъүью** 108б, **ꙁълуью** 118; **вьрꙁисѧ ниꙁь** 154, **предь тобою** 134, 150 (**предь лицемь**) рядом с **предъ**: **стоюше· предъ дверьхъ вънѣ** 101; **ꙁемлю ꙁакъ|лони** 154б;

н) немало интересного представляет Архангельское евангелие и в отношении синтаксическом. Отметим для примера следующие случаи словосочетания в простом предложении: **гь реуе. лицемѣри. когожьдо васъ въ соуботоу. неотрѣшить ли волоу своего.** 60б, где **когожьдо** выступает в роли подлежащего; **реуе исаия. ослѣпи оүи ихъ и окаменилъ, срдца ихъ** 12б, где два равносильных сказуемых, поставленных в прошедшем времени, выражены разными глагольными формами (aorist и perfect), причем последнее употреблено даже без **есть** (имеющегося в Остр. ев., 43б); **гла имъ іс. моѥ брашьно есть. да творѧи волю пославъшаго мѧ. и съвьршаю дѣла его** 2б, где сказуемое придаточного предложения, по мнению Дювернуа, 198—199, выражено причастиями (в Остр. ев., 32: **сътворю, съврьшѫ**), если это только не след переписки с среднеболгарского оригинала с его смешением юсов: **въстанеть бо ꙗꙁыкъ на ꙗꙁыка** 45б, — род. в роли вин.; **остави мьртвыи· погрети своꙗ мьртвьца** 30 — смешение им. и вин. п. (в Остр. ев., 63б **мрьтвъиѧ**); **стра стѣи анастасии· римлꙗнънꙗ** 137 — смешение дат. и род. п.; **иже аще поустить женѫ свою. раꙁвѣ словесе прѣлюбодѣинаго. творити ꙗ прѣлюбы** 39, где **ꙗ** вм. **ѭ** (Остр. ев., 74б), несомненно, не смешение падежей, а юсов;

о) интересна передача сложного слова **лъжесъвѣдѣтель — льство**: рядом с **два лъжесъвѣдетеля** 97 имеет выражения, где первая часть заменяется самостоятельным словом: **искаахоу лъжа свѣдѣтельства** 97, 102, и **многомъ лъжемъ съвѣдѣтелемъ. пристоупльшемъ** 97.

После рассмотрения главнейших особенностей орфографии и языка памятника можно видеть, что обе главные его части (лл. 1—175) возникли в одной языковой древнерусской области и, по всей вероятности, в одно и то же время. Однако трудно более точно определить эту область. Везде встречаются особенности все общерусские. К местным можно отнести разве несколько похожих на описки случаев смешение **ѣ** и **и**; может быть, к местным чертам принадлежит **и** и **ы** в 3 л. на месте **ь** и **ъ** перед *j*, употребление **скьрбь**; по совокупности этих черт памятник можно бы считать киевским; но такому утверждению как бы противоречит довольно частое употребление **е** на месте **ѣ**, что древнейшим южнорусским памятникам почти не свойственно. Придется предположить, что югославянский оригинал, происходящий, вероятно, из восточной Болгарии, был сначала переписан на юге Руси, например в Киеве; эта последняя копия была переписана где-либо в средней Руси; среднерусская копия послужила оригиналом для писцов

Архангельского евангелия. Болгарский оригинал уже представлял кое-где особенности среднеболгарского извода (смешение ѫ и ѧ и даже ъ с ѫ), вследствие чего он мог относиться, самое раннее, к концу XI в.

К какому же времени относится написание Архангельского евангелия? Определяя его 1092 г., обыкновенно исходят от приписки, имеющейся на л. 177, которую читают: коньча(х) азъ пе҃· томиі҃· въ лѣ҃ ѕҳ҃ прѣзвут҃ грѣш҃· Следует пожалеть, что эта приписка, очень неясная, полустертая, сохранилась на листе, написанном позднейшим почерком и, быть может, тою же рукой. Приписка несомненно древняя, одновременная со вторым почерком, принадлежащая Мичке (л. 175), не дает указания на время написания рукописи. Судя, однако, по почерку, особенно второй части (с 77 по 175 л.), по орнаменту — киноварным инициалам, имеющим в основе своей жгуты и элементы византийской листвы и геометрического стиля, сходным во многом с орнаментом Юрьевского евангелия начала XII в., можно признать датировку 1092 г. приблизительно правильной. Первая часть Архангельского евангелия (1—76 л.) писана довольно неискусным писцом одновременно со второй частью. Ввиду разгонистого письма, в конце (с половины последней тетради) ему пришлось несколько потеснить строки, чтобы окончить в своем месте, не прибавляя лишних листов. Все следующее за припиской Мички — более позднего происхождения, за исключением разве последнего (178) листа, писанного Завидом, почерк которого может быть отнесен к XII в.

Из сказанного можно видеть, сколько самых разнообразных вопросов связано с изучением Архангельского евангелия, после его издания ставшего доступным большому кругу исследователей.

1913 г. 24 марта.

Е. Р. Романов. К АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИИ

Вильна, 1911. 8° 18. Оттиск из 2 кн. «Записок Северо-Западного отдела Р. Географич. Общества» [1]

Тут особенно интересна первая статья «Вилейский камень». Этот камень находится в 6 верстах к югу от м. Долгинова Вилейского уезда Виленской губернии, у деревни Каменки, на правом берегу р. Вилии (на огороде крестьянина Любача). Благодаря хорошим снимкам, иллюстрирующим эту статью, можно более или менее удовлетворительно разобрать надпись на камне, отличающуюся, судя по начертанию букв, глубокой древностью. На северо-восточной стороне камня высечен шестиконечный крест, по сторонам линий которого вверху обычная надпись: іс|ҳс (над первой перекладиной), ни (вязью) |ка (под первой перекладиной). Приблизительно по самой середине по обе стороны главной вертикальной линии креста надпись: ҳръ|стъ. Главная надпись сделана под второй перекладиной над словом «ҳръ|стъ» кругом всего конуса камня; в ней совершенно ясно читается: коротишинъ бояско. В конце этой строчки, по Романову, видна «часть буквы ѵ, в виде нынешней цифры 6». Это замечание дает основание предполагать, что здесь остаток ȣ; таким образом, последнее слово будет сво..ȣ, тогда предшествующее будет (ра)боѵ, где оі — пострадавшее оѵ; видеть здесь перевернутое оі рискованно, так как подобное написание обычно в югославянских памятниках, а на месте оѵ — в сербских XII в. (Мирослав. ев.); в ъ после н можно усматривать первую часть ъı, в котором впоследствии мог изгладиться тонкий штрих (что допускает и Романов), тогда нъ следует читать как нъı. За последним словом, по Романову, можно еще разобрать г (или с) и по, а Сапунов находил еще г (может быть, петлю М), Ю(ОZ?) что по контексту можно разобрать так: ГИ ПОМ[ОZИ], или вся строка в восстановленном виде: коротиши нъı ги пом[оzи ра]боѵ сво[км]ȣ. Это чтение, мне кажется, предпочтительнее перед допустимым также коротишинъ кръстъ ги пом[оzи ра]боі сво[км[ȣ. Как бы то ни было, настоящая надпись очень древнего происхождения XI — XII вв.: за это говорит форма и (*и*), а также ҳръстъ (= крест). Надпись русская с полногласием (в*оро*тиши), но написанная лицом, знавшим югославянскую форму кръстъ (как в надписи Самуила 993 г.), а может быть, и сочетание -мо вм. -моѵ.

---

[1] РФВ, т. LXIX, 1913, стр. 255—256 (*Ред.*).

Е. Р. Романов. БОРИСОВ КАМЕНЬ В С. ВЫСОКОМ ГОРОДЦЕ СЕННЕНСКОГО У. МОГ. ГУБ.
Вильна. 1912. 8°.9[1]

Дав снимок от руки с известного Рогволодова камня и надписи на нем 6679 г. (=1171 г.), которая более точно, по нашему мнению, читается следующим образом: і͞с х͞рс ни (вязью) в͞а въ л͞ѣ ҂ѕхо꙽ м͞ца маиа въ ·ꙁ̄· днь доспенъ кр͞ъ сиі г͞и помоꙁи р͞бг своемг василию в кр͞ни (вязь ни) именемъ рогволодг с͞нг борисовг. г. Романов описывает еще более старый камень, находящийся в с. Высоком Городце, относящийся ко времени до 1128 г. Два снимка сделаны от руки в 1886 и 1898 гг. Надписи сильно пострадали, однако можно разобрать следующее: **ꙁИ РАБꙋ СВОІЕМꙋ БО ИСꙋ МЪНОГА Л ЧЬ**, т. е. [ги помо]ꙁи рабꙋ своемꙋ бо[р]исꙋ мънога л[ѣта]; остаются неясными **ЧЬ** и во второй строке **енва**.

---

[1] РФВ, т. LXIX, 1913, стр. 256 (*Ред.*).

ИЗ СИНТАКТИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ ЛАВРЕНТЬЕВСКОГО СПИСКА ЛЕТОПИСИ[1]

1. Раздѣлишася на двое· *половину* ихъ иде к погребу· а половина их иде к мосту, 57 об.; того же лѣ Кыевъ погорѣ *половину* Подолья, 104. В приведенных примерах «половину» рядом с «половина» стоит на месте ожидаемого именительного подлежащего. Однако вопрос «сколько?» переводит подлежащее с формальной стороны в область пояснительных слов (вин. п.), и предложение оказывается бессубъектным, с безличным глаголом, особенно, если он бывает в прошедшем времени в ср. р. Подобные обороты известны и современному русскому языку: было сотню овец; в белорусск: палавину сад цвице, палавину вяне; трацину шлюбоў бяруць, што верна кахаюцца (Полымя, 1924, № 3, 108).

2. Ярополкъ выторгну изъ себе саблю и возпи велик̑ы гл̑мь· ѡхъ тот мя *враже* оулови 69. То же в Радз. сп.: ѡхъ тот мя *враже* погоуби 120. В Радз. сп. встречаем и другой подобный пример: то̑ вы *брате* не каза̑ 180, при Лавр. сп.: ре̑ имъ Володимеръ· того вы братъ мои не приказа̑ 105 об. Здесь и роли подлежащего употреблена звательная форма вместо им. п. Из старых памятников подобные случаи нередки в Сборнике Кирши Данилова, например: согрешил *Адаме* во светлом раю 170, коли тебе *г̑ди* дочеря дастъ 106 и др. Из живых языков звательная форма в роли подлежащего употребляется, как известно, в народных песнях белорусских, малорусских и сербских.

3. Иде к брату своему С̑тополку *Новугороду* 103 об., в Радз. и Акад. сп. к Новугороду; послашася *Переяславлю* къ Изяславу 104, в РА к Переяславлю; бѣжа *Корачеву* 104 об., РА к Корачеву; посла С̑тослава *Чернигову* 105, РА к Чернигову; по Ростислава посла *Смо-*

---

[1] Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Сб. ОРЯС, т. CI, № 3. Л., 1928, стр. 39—42.

линску 106, РА ко Смоленску; таковы же: приде *Чернигову*, зова к собѣ *Кыѥву*, поиди *Переꙗславлю* 106, РА к Переꙗславлю, и т. п. Во всех подобных случаях после глаголов движения для означения пункта, к которому движутся, обыкновенно употребляется в Лаврентьевском сп. летописи дат. п. без предлога, прибавление предлога в этом списке встречается редко (напр., приде к Переꙗславлю, поидѣта по мнѣ к Чернигову 105 об.). В Радз. и Акад. сп. во всех таких случаях бывает предлог. Ясно, что в древнейшую пору русского языка такое употребление дат. п. было живым явлением, как теперь в сербском языке; предлог постепенно начал прибавляться в таких случаях для большей точности и в XV в. уже был обычным явлением.

4. Несколько напоминает отмеченное явление употребление вин. п. без предлога для означения направления действия на вопрос «куда?», например Оулѣбъ же внида *Черниговъ* 105, РА въ Черниговъ. В современном русском языке такие случаи, как «Идет он княженецкой двор» (Рыбн. I, 135), не могут считаться нормальным явлением; отражение указанного вин. п. представляют некоторые наречные выражения: иди *вон!* (ср. Супр. р. градн вънъ), ступай *прочь!* (древнерусское иди проче).

5. Сюда примыкает и старинный вин. п. цели, выражавшийся особой глагольной формой достигательного (supinum). Случаев такого употребления в Лавр. л. немало, например, Новгородци... поꙗша Ростислава *кнѧжитъ* оу себе 101 об.; посла к ни Стослава *кнѧжитъ* 102 об.; поити же хоче *битъсѧ* за своѥго кнѧзѧ 105 об., РА битисѧ; поидошѧ *оубитъ* Игорѧ ib., и т. п. Рядом с супином встречается и неопределенное, которое вскоре и вытеснило его окончательно.

6. Формы местн. п. без предлога, которыми особенно изобилуют памятники русского извода, известны и Лавр. л. для обозначения места и времени, например сна своѥго Ꙗрославъ посади *Туровѣ* 104 об., РА в Туровѣ; *том же дни* створи мир 104, РА в том; Володимеру сущю в засадѣ *Переꙗславли* 107, РА в Переяславли.

7. Того вꙑ братъ мои не приказа 105 об., то же в РА; «вꙑ» не представляет собой формы вин. п. в зависимости от «приказалъ», а форму дат. п., что в древнерусских памятниках иногда бывает: ср. Слово о полку Игореве: не лѣпо ли *ны* бяшетъ братїе (другие примеры в «Материалах» И. И. Срезневского, I, 438); брате лѹче *ны* ѥсть оумрети пре^д^ златыми вороты, Акад. лет. 241.

8. Как будто не хватает предлога при дополнении и в следующем примере: сказа ѥму· ѡже ѥго ѿступилисѧ кнѧзи черниговьстии 105, РА оступили. Конечно, можно рассматривать «ѥго» и как родительный аблятивный.

9. Андрѣи... *въ третии межю десѧ* похоронен оу ста Михаила 103. То же место в Радз. сп. читается: межи десѧма, в Акад. ·в· десѧтьма. Таким образом, рассматриваемое место Лавр. л. должно быть восстановлено в следующем виде: въ третии межю десѧтьма; двѣма (·в·) не

является необходимым, так как десѧтьма уже само обозначает «двумя десятками», по формуле: $10+3+10=23$. Этот редкий способ выражения чисел, состоящих из двух десятков с единицами мне известен еще из следующих памятников—в Бреславском сп. Храброва связания о письменахъ: ѿ сихъ всихъ сѫть четыры междесѧтма подобна гречскымъ писменомъ (=24); Добровский отмечает еще: въ седмое между десѧтма летами (=27); в Сборнике Г. Публ. библ. 1348 г., л. 125: пѧтыи между десѧтма днь (=25). Из живых славянских языков такой способ выражения известен только чешскому языку; в старину он, по-видимому, имел широкое распространение.

10. *Кртмъ* кнѧзе в бране *пособить* 58 (во всех списках ЛРА), но в Комм. Акад. крестъ. В тех списках летописи, где употреблен твор. п., имеем дело с предложением бессубъектным: главный помощник на войне поставлен в творительном орудия (instrumenti).

11. В древнерусском языке, как и в старославянском при сказуемом, выраженном именем, в настоящем времени обыкновенно бывает связка ѥсть — суть. Лавр. л., как нередко и другие памятники, представляет и случаи отсутствия вспомогательного глагола и притом не только в предложениях, имеющих характер пословиц, например: оувидѣ ѩко ис Корсунѧ близь оустье Днѣпрьское 3 об., всѧ землѧ наша велика и ѡбильна 7, на горѣ гдѣже нъıне оувозъ Боричевъ 4 (в Троицк. сп. было есть) и под. Очевидно, пропуск связки уже был живым явлением, по крайней мере в XIV в. Пропуск ѥсть — суть начинался и в прошедшем сложном.

12. Несколько редких случаев употребления причастий: ту оумъıкаху женъı собѣ· с нею же кто съвѣщашесѧ 5 (Троицк. *свещавсѧ*); елико *могуще* по силѣ кормите 80; его же *оумѣючи* того не забъıваите доброго· а егоже *не оумѣючи* а тому сѧ оучите 80 об. Приведенные примеры находят то или другое соответствие и в других памятниках, изредка употребляющих причастия, особенно в придаточных предложениях, вместо verbum finitum. Первоначально при всех таких причастиях можно предположить соответствующие формы глаголов ѥсмь — бъıти. Такие случаи известны и живой речи — великорусской (ищо не отошедши служба, а уж цяй пьете — Вытегор. у.) и белорусской (сам паехаў к атцу. Мяць памёршы, тольки три дни ни заспеў — Городок. у.).

13. В сложных предложениях части их нередко соединяются союзами, сходными по происхождению, но обозначающими различные отношения: а) *ато*: се прислалъ бра мои ·в· мужа къıꙗнина· ато молвѧтъ браѣ своеи 105 об. — обозначение цели; рекоста се оуже Игорѧ есте оубили· ато похорони тѣло ѥго 106 — следствие; б) *ати*: да има Берестии· река Новагорода не березѣта ·ати сѣдѧть о своеи силѣ 102 об. — финальный оттенок «пусть сидят»; ре· иди ко Ѡлговиче... ати ти дадѧть волость 106 об. — такой же оттенок; в) *атъ*: поидѣте со мною· атъ ми сѧ буде добро ѿ силъı мирити 107 — тоже примыкает к предыдущим примерам.

14. Очень показателен в разных отношениях случай: «на своєи *воѡчинѣ»* 102 при «на своєи ѡчинѣ» ib. (ниже). Здесь интересно и удвоение гласного *о* и приставочное *в*. В памятнике, писанном в Суздальской области, в -оѡ- вряд ли придется видеть указание иа долготу. Приставка *в*, бывающая в северновеликорусских говорах перед начальным ударяемым *о*, на котором первоначально было восходящее ударение, объяснит нам этот случай[1].

Ленинград 1926. XII. 8.

---

[1] Ср. М. Г. Долобко. Der sekundäre v-Vorschlag im Russischen. Zeitschr. f. sl. Ph. III.

НАБЛЮДЕНИЯ В ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА ЛАВРЕНТЬЕВСКОГО СПИСКА ЛЕТОПИСИ[1]

Лаврентьевский список летописи 1377 г. является одним из памятников, наилучше отражающих особенности древнерусского языка. Это произведение не переводное; в нем обыкновенно приходилось излагать события простым языком. Правда, этот язык был литературный своего времени и во многом подражал языку священных текстов, переписанных с югославянских оригиналов, особенно, если приходилось вводить рассуждения на религиозные темы, или слагать похвалу какому-либо лицу; но и стихия русская народная здесь очень заметно сказывается. По чистоте народного языка летопись превосходят только грамоты, но в лексическом отношении они уступают летописям. Нельзя, конечно, думать, чтобы летописец особенно старался выдерживать народную речь. Воспитанный на чтении церковных и святоотеческих книг, он старался подражать их языку; однако не всегда он мог это сделать: часто описываемый материал требовал особого выражения, для которого можно было найти соответствующие запасы только в народной речи. Несомненно, более заметно живое народное влияние сказывается в синтаксисе. Менять формы склонений и спряжений, встречающиеся на каждой странице книг св. писания и богослужебных, к которым уже привыкли читатели и слушатели, было менее естественно. То же отчасти следует сказать и относительно фонетики.

Однако и к синтактическим фактам следует относиться в большей или меньшей степени также с осторожностью. Следует иметь в виду, что перед нами сложный памятник. «Повесть временных лет» уже была готова в самом начале XII в., а продолжение делалось постепенно до XIV в. «Лаврентий мних» переписал (или под его руководством другое лицо) и начальную летопись, возникшую на юге, может быть, в другой лингвистической обстановке, и продолжение ее на северо-востоке, в Суздальской области. Теперь трудно решить, какие факты синтаксиса следует отнести к дневнейшей эпохе, а какие к XIV в. Сопоставление их показывает, что они очень сходны и наводят на мысль, что уже

---

[1] Изв. ОРЯС, т. II, кн. 1. Л., 1929, стр. 1—75. Отд. оттиск. — Л. 1929. (*Ред.*).

в начале XII в. они так же существовали, как живое явление, как и в XIV в. Мог конечно составитель летописного свода, переписывавший начало его, подражать в своем стиле приемам древнейшего летописца, а мог и древний текст несколько проправлять применительно к своей речи.

Фонетика и морфология «Повести временных лет» уже давно исследована довольно удовлетворительно профессором Н. П. Некрасовым (Изв. ОРЯС, I [1896]). Редактируя и издавая I² т. «Полного собрания русских летописей» (Ленинград, 1926 и 1927 гг.), заключающий в себе Лаврентьевский список летописи полностью, я имел возможность непосредственно из оригинала извлечь синтактические явления этого списка и в настоящей работе хочу поделиться своими наблюдениями с читателями. Синтактический материал располагается применительно к формально-грамматическим рубрикам, каких автор держался при изложении синтаксиса белорусского языка (ср. Белорусы, т. II, вып. 3). Ссылки везде делаются на листы оригинала, отмеченные и в издании[2].

Разные теоретические вопросы здесь не рассматриваются, а дается только материал для суждения о них, так как правильное заключение можно сделать лишь по изучении синтаксиса и других древнерусских памятников.

Начнем с особенностей в употреблении **рода**.

Можно отметить целый ряд случаев, когда грамматический род уступает место роду естественному — полу: род определяется по значению. Сюда принадлежит, например, употребление слов собирательных по форме ж. р. в значении мн. ч. м. р. аще кнѧже браꙗ наша иссѣчена суть 48, рѣша старѣишина фараѡнѧ 6 об., иде Ꙗрославъ на Чюдь и побѣди ꙗ 51, Мстиславъ... бисѧ у Угрою и побѣди ꙗ 152 об., бꙑла суть г҃ братьꙗ 7 об.

Грамматический род у слов, принадлежавших к основам на -ĭ (теперь -ь), отчасти сохраняется вопреки теперешнему употреблению: наслажаеть твои гортань 25 об., пл҃трь Д҃вдвъ 62. «Рязань» муж. р. и вдобавок склоняется как слово с основой на -jo-: ѣха Рѧзаню 129 об., иде на Глѣба к Рѧзаню ib., вышел из Рѧзанѧ 146 об., поплѣнивше Рѧзань весь 159 об.; кстати отметим: ѡвощь розноличнꙑи — возити по городу 43 об., где мужеский род не подлежит никакому сомнению. В выражениях, подобных следующему: «хочю жити с (въ) Переꙗславци· ꙗко *то* єсть середа в земли моєи» 20—20 об., местоимение *то* передает более древнее *тъ*, и отступлений в роде не представляет.

Числительные от 5 до 10 в древнюю пору языка считались именами существительными и поэтому были ж. р. Но значение числительных, как собирательных слов, было причиной того, что при тех же словах сказуемое, изменяемое по родам, ставилось в ср. р. ед. ч.: кꙑꙗнъ

---

[2] При цитатах в скобках иногда делаются ссылки и на другие списки Р = Радзивиловский, А = Академический (рукопись б. Моск. Духовной академии), Т = Троицкий (ср. Предисловие к т. I² ПСРЛ.).

ѡдинѣ изгыбло на полку то ·і· тысѧчь 153 об. Есть даже случаи, когда числительное 20 рассматривается как слово ед. ч.: ре имъ Стославъ есть насъ ·к· тысѧщь 21—21 об., хотя здесь такое употребление зависело от слова «есть», поставленного перед подлежащим.

Имена прилагательные, а также местоимения, изменяемые по родам, и причастия в роде согласуются с именами существительными, к которым относятся. Однако в причастиях, которые уже начали терять свое склонение, обращаясь в деепричастие, естественно согласование в роде начало нарушаться: повелѣ Ѡльга... рькуще сице 15 об., въ единъ стыи дхъ исходѧще 38 об., се же видѣвше дружина его ib., братьꙗ глще 63, заоутрени суще годинѣ 75 об., и раздѣлишасѧ на двоє· ѡдина сташа оу града рать борюще 73 об., и т. д.

Интересны для нас случаи, когда прилагательное, изменяемое по родам, местоимение или числительное употреблено без имени существительного и последнего даже подразумевать нельзя. Тут обыкновенно ставился ср. р. прилагательного: елико ихъ крщньє приꙗли суть... и елико их есть не хрщно 11 об., съ маломъ же дружины возъвратисѧ 14 об., луче є праведнику малоє 78 об.

Есть случаи ср. р. даже при существительных других родов: быша оусобицѣ *много* (РА многы) 55 об., звѣрьє разноличнии· и птици и и рыбы оукрашено 79 об. Сюда же принадлежат выражения, соответствующие теперешним, — во-первых, во-вторых и т. д.; да буди блгвньє на васъ перво ѿ Ба· а второє ѿ стꙑꙗ Горы 53 об., се перьвѣє взѧлъ кси зракъ ѡчью моєю 91, ходи... на Ꙗтьвѧгы второє 96, но уже замечаем и стремление к мн. ч.: Володимерко — не стерпѣвъ вдругыѣ побѣже перед ни· в Перемышль 113. Если встречаем рядом с ед. ч. и мн. ч. ср. р., как: ту всѧ блгаꙗ сходѧтсѧ 20 об., пакы ветхаꙗ мимо идоша· и се быша новаꙗ 41 об., тѣмь красны всѣхъ наслѣдоваста 47 об., аще вы послѣднѧꙗ не люба· а переднѧꙗ приимаите 78, сказа кму всѧ приключьшаꙗсѧ кму 107, мы та всѧ ѡставльше възратисѧ вспѧть· ѡ ни же почали бѧхо пре глти 144 об., то в таких случаях это, несомненно, грецизм, зашедший к нам с югославянскими переводами. Ср. р. ед. ч. местоимения «иже», да и прилагательных, употребляется еще тогда, когда хотят обозначить ими вообще целую, довольно неопределенную, совокупность предметов: на горѣ· еже сѧ нꙑне зоветь Оугорьскоє 8, возми дань еже хощеши 22, разграбиша... и порты первы кнѧзьи· еже бѧху повѣшали в црквахъ стхъ 142, ѡ тмами любве кже к намъ 74 об.; Суздаль буди нама ѡбче· да кого всхотѧть· то имъ буди кнѧзь 128 об.; может быть сюда относится и выражение: тако бо бѧше любы в братьи тои 63 об.; хотя здесь «тако» можно рассматривать и как наречие. В фразе: бы гро страшенъ· зарази двоє чади 137 об. — «двое» такой же ср. р. В фразе: млтвою родителю своєю 111 определить род невозможно, так как в род. п. дв. ч. наблюдается совпадение того и другого родов.

Утратили различие по родам в косвенных падежах сравнительная степень прилагательных и причастия, обратившись в несклоняемые слова: межю путем идущим на Берестово· и другъімь в манастырь идуще 77, множство народа изидоша противу кму· жалостнъіа слезъі испущающа 163 и под. Неуменье использовать церковно-славянизм следует усматривать в отсутствии согласования в выражениях: въ ·а· є лѣ· во н же бъі єппомь 159 (вм. въ не же), иже пасеть словеснъіа ѡвцѧ... бдѧ за нь днь и нощь 132 об. (вм. за нѧ, как в Радз. и Акад. сп.).

Кроме рода, каждая именная часть речи содержит и себе еще указание числа. Эта особенность принадлежит к чисто формальным, но здесь на употребление того или другого числа иногда оказывает влияние и материальная сторона слова. Так, слова с собирательным значением в древнерусском языке и в данном случае в Лавр. л. обыкновенно употребляются вместо мн. ч. Сказуемое, глагол или определение прилагательное при таких словах может стоять во мн. ч. Такими собирательными словами являются «братия, братья»: рекъ не и почахъ. избивати браю· но ѡнъ 48, аще кнѧже браи наша, исѣчена суть 48, совъкупленѣ же братьи· ре имъ Антонии 53, оумножившимсѧ братьи в печере 53 об., идоша браи ко Антонью 53 об., братьѧ же оуда(ри)вше в било· и собрашасѧ вси 62 об., начаша браи просити 63, братьи глще ib., тако бо бѧше любъі в братьи тои 63 об., перенесоша браи всѧ 96 об., ѿ братьи не бъі кму (Андьрѣкви) помощи 101 об., нриде Изѧславъ из Новагорода· бъівъ оу братьи своєє 103 об., почаша просити братьѣ своєє· ихжэ бѧху изъимали Берендѣи 115 об., послалъ кємъ к братьѣ своєи в Русь· какова ми вѣсть буде ѿ ни 124, срѣтоша ... всѧ браи кго 145 и т. д. Таково же слово «княжья — князья»: послани ѿ Игорѧ· великого кнѧзѧ Рускаго· и ѿ всѧкоі кнѧжьи 11 об., не ходили со всею кнѧзькю 134 об., Стослав... възвратисѧ т Кънкву со всею кнѧзькю 135. Таково же «старѣйшина»: рѣша старѣишина фараѡнѧ 6 об. Таково же «дружина»: рекоша дружина Игореви 14 об., кдѣ суть дружина наша· ихъ же послахомъ по тѧ 16, се же видѣвше дружина єго· мнози кртишасѧ 38 об., Андрѣєва же дружина приѣздѧче к нему жаловаху глще 108, не крѣпко бьютсѧ дружина· ни Половци 113, ѿрѧди сна... с нѣколико дружинъі своєи 113 об., всѧ дружина ѿ мала до велика. съѣхашасѧ к Володимерю 125 об., дружина Всеволожа начаша кнѧзю жаловатисѧ 130 об.; есть, впрочем, случаи, когда это слово употребляется и во мн. ч.: поиду в Русь, приведу боле дружинъ 22. В таком же смысле употребляется «земля», но сказуемое и определение при нем обыкновенно ставится в ед. ч.: се прислаcѧ ко мнѣ Словѣньска землѧ· просѧщи оучителѧ... сего бо желають 9, посла нъі Деревьска землѧ 15, иже възлюби новъіи люди Русьскую землю 41, се веде на нъі Лѧдьскую землю 58 об.,

приде Половечскаꙗ землѧ всѧ 102 об.; в таком же смысле употребляются названия народов: приходиша Русь 5 об., ѡбидоша Русь ѡколо 10, исполчиша Русь 21 об., иже суть подо мною Русь 22 об.; иде Ꙗрославъ на Чюдь и побѣди ꙗ 51, Мстиславъ... бисѧ с Угрою и побѣди ꙗ 152 об., побѣдиша Зимѣгола 95, воквaша Литва 154.

Собирательное значение имеют и слова отвлеченные: ѾполоненьꙖ Ѿпусти в роженьє своє 113 об. (к родным), Ги твоимъ промъıсло· звѣрьє разноличнии· и птица и рыбы оукрашено 79 об., ѡгородиша· а съ столпьємь (РА огородиша столпеемь) 53 об., бы бурѧ велика· и много пакости бы· по селомъ дубьє подрало 172 об., влачиша трупьє изъ гробли 23 об., налѣзоша и Ѻльга въıсподи трупьꙗ ib., не ѡбрѣтоша тѣла сего въ трупии 46, ѡбрѣтошасѧ трупьꙗ мртвы всѧ... трупьꙗ мртвыхъ своихъ наметаша кораблѧ 169 об., а трупьꙗ боꙗръ тѣ повелѣ по деревью извѣшати 170. В последних случаях уже имеем и мн. ч. от «трупье». В конечной фразе и «деревье» в собирательном смысле. По-видимому, и «полуночье» (копахом до полуночьꙗ 70) употреблено в таком же смысле. Отвлеченные слова на *-ство* также имеют собирательный характер: въıдоша противу єму мноство народа. и игумени с черноризци 104 об., тогда же все множьство Половець. ѣхаша к городу битъсѧ 113, придоша на кнѧжь дворъ многое мьножьство 130 об., мноство народа изидоша противу єму·жалостнꙑꙗ слезы испущающа 163, ѡн же жалуꙗ комоньства єго·повелѣ и погрести· надъ Стыремъ 108 об.; здесь под «комоньством» также разумеется собрание хороших качеств коня. Собирательный характер могут иметь слова ср. р. местоимений, как: єлико ихъ крщньє приꙗли суть... и єлико ихъ есть не хрщно 11 об., и раздѣлишасѧ на двоє· ѡдина (Р едини) сташа оу града рать борюще 73 об. Такое же значение имеет и м. р. «кождо»: повѣдаху кождо своимъ ѡ бывшемъ 10 об., кождо своꙗ норовы приꙗша 30, кртившим же сѧ людемъ идоша кождо в домы своꙗ 41. Собирательный смысл имеет ср. р. и в следующих примерах: бы гро страшенъ· зарази двоє чади 137 об., на горѣ. єже сѧ ныне заветь Оугорьскоє 8. Заменяют мн. ч. ед. и некоторые другие слова, не имеющие значения множественности; ѡ тъ чина (в это время) бо почиваєть· и звѣрь· и птици· и члвци 81, ѡстатокъ бьєны тѣ· бѣжаша 134 об. То же относится к прокъ «избыток» (ср. Е. С. Истрина. Синтаксис явления Синодального списка I Новг. летописи, 70).

Есть немало и других случаев, где употреблены в ед. ч. вм. мн. глаголы и другие слова: Ѿ нихже єсть Полѧне в Києвѣ 4, придоша Грьци хулѧше вси законы· свои же хвалѧше· и много глша сказающе 36 об. (возможно и описка вм. ще, как на это наводит конец предло-

жения?), носѧще в приполѣ цвѣткы. иже г҃летсѧ лѣпокъ 64, кладѧзи ꙗже суть за тобою ѿ въстока· ис того вода идеть по трубѣ 37 об., бѧше ѡколо града (л)ѣсъ и боръ великъ 4. О несогласовании причастий, теряющих склонение, уже была речь, например: стра имѣите Б҃ии в ср҃дци своемь· и м҃лтню творѧ неѡскудну 78, принесъ положиша и в раце мороморѧнѣ 54 об.

Но, вообще говоря, в древнем языке собирательных слов было не особенно много; поэтому всякая совокупность предметов выражалась *множественным* числом. Некоторые слова, по разнообразию состава своих частей или действий всегда употребляются только во множ. числе. Таковы, например «постриги»: быша постригы оу великаго кнѧзѧ 138 об., ср. 139, 149, 172 об; «мощѣ»: азъ в то чинъ прокопа на мощѣ Өеѡдосьевы 70; «мяса»: вынѧ кожю съ мѧсы 42 об., повелѣ пристроити кола· (и)въскладше хлѣбы· мѧса рыбы... возити по городу 43 об., поча оучити не ѣсти мѧсъ 118, многаждьı бранѧшеть ѣсти мѧсъ въ г҃дьскыѣ праздьникы 119. Pluralia tantum употребляется и книгы: написа книгы си лѣтописець 96, иже чтеть книгы сиꙗ (летопись)· то буди ми въ м҃лтвахъ 96.

Очень обычно обозначение стран по именам народов, населяющих их: прилежащиꙗ ко Индомъ (-к Индии) 1 об., по Двинѣ (ити) въ Варѧги 3, не ходи кнѧже оубьють тѧ· побѣгни в Печенѣги 24 об., да посылають в Греки — корабли 11 об., иде Ѻльга въ Греки 17 об., приде Ѻлегъ из Грекъ 68 об., оумре Болеславъ в Лѧсѣхъ· и бы мѧтежь в земли лѧдьскѣ 51, възвратисѧ в Лѧхы Болеславъ в землю свою 58 об., чаꙗ помощи в Лѧсѣхъ 90 об., в пустыню· межю Лѧхы и Чехы 49 об., есть могила его оу Искоръстѣнѧ гра в Деревѣхъ 14 об., са бѣжа в Вѧтичѣ 104 об., ходи... на Ꙗтьвѧгы второе 96, ведена Передъслава в Угры· за королевичь 94 об., идоша... Половци такоже в Половцѣ 111 об. Половци же възвратишасѧ ѡпѧть в Половцѣ 120 об., конѣ· и скоты· и ѡвцѣ погнаша в Половцѣ 120 об., Ꙗрославъ· поѣха в Татары к Батыеви 165.

Часто употребляется мн. ч. для обозначения времени: мца авгу. въ ·г҃· в не· по ѡбѣде· бы видѣти всѣ акы мць· четырь д҃ни 159 об., Половци... присунушасѧ в борзѣ 98, ꙗже оустроихъ въ служба то держи 63. Сюда принадлежит и раньше приведенное «постриги», происходившие в известном возрасте.

Особый случай употребления мн. ч. вм. ед. для обозначения состояния лица или предмета: азъ пришелъ есмь въ сторожѣхъ 19, посла Ѻлегъ Ꙗрослава брата своего в сторожѣ 85, внукъ Юргевъ. ѣздѧше напереду в сторожи с Переꙗславци 153 об., на гнѣвѣхъ замысли тѧготу Киꙗномъ 123 об., идуть на льсте к нему 145 об., ѡружьꙗ не снимаите с себе· вборзѣ не розглѧдавше лѣнощами 80 об.,

ѡскверниса кровьми земла Руска 25, любве ради мчнци пролыша крови своꙗ 68 об., многы крови проливахуться межи ими 116 об.

Не русская особенность, а церковнославянская, развившаяся под влиянием греч. оригиналов, — употребление мн. ч. ср. р. прилагательных и местоимений, когда они употреблены неопределенно вместо существительных: что ти въздамы ѡ всѣ ꙗже въздасть на 41 и под.

Можно отметить несколько случаев непоследовательного употребления мн. ч. вместо ед.: ѡн же изиде изъ града с уздою· и ристаша сквозѣ печенѣги 19 об., Аврамъ же бѣша лѣ ·с· и ·е· 30 об., жену свою любите· но не даите имъ надъ собою власти 80 об. Мн. ч. вм. ожидаемого дв. ч. приступиша ту ѡбои 42 об.

В древнейшую пору русского языка в нем употреблялось двойственное число, поддерживаемое и знакомством писателей с древнецерковнославянскими текстами. Как и в других родственных языках, знающих это число, оно употреблялось: 1) для обозначения парных предметов, например, ѿверзостаса ѡчи има· и разумѣста ꙗко нага ѥста 29, да оузрите своима ѡчима 44 об., се перьвѣе взалъ ѥси зракъ ѡчью моею 91, ѿверзлъ башеть ѥму Бъ ѡси срдчнѣи 163; червье въкынахуса подъ бедру ѥму 65 об., согрѣшиша ѿ главы и до ногу 48, падъ на колѣну пре ѡлтаре 168 об., млтвою родителю своѥю 111; 2) дв. ч. употреблялось в сочетании с числительными *два — две, оба — обе*, например бꙗста оу него ·в· мужа 7 об., ·в· мужа... поидоста по Днѣпру и идуче мимо и оузрѣста 7 об., ·в· брата... пришедъша сѣдоста 5, Ламехъ· оуби два брата Ѥнохова· и поꙗ собѣ женѣ ѥю 49 об., ѡ се чинь же сѣдаста ·в· брата в манастыри 70, тура ма ·в· метала на розѣ и с конемъ 82 об., посла два Варага приkончатъ ѥго 46, створи двѣ главѣ златѣ 33, в Ватичи ходихо по две зимѣ 81 об., ·в· части дани идета Киеву... 17, по дву же лѣту· Синеоусъ оумре 7, имѣньꙗ не мало ѡбою страну взаша 159 об., Глѣбу же оубьену бывшю· и повержену на брезѣ· межи двѣма колодама 47, Стополкъ стоꙗше межи двѣма ѡзерома 48 об., Игорь съ двѣма снома 134 об.; 3) двойственное число употребляется и тогда, когда вообще идет речь о двух лицах или предметах: А(с)колъдо же· и Диръ ѡстаста въ градѣ семь 75, гла... да придѣта к намъ 8, почто не ꙗста ѿ древа сущаго посредѣ раꙗ 29, рекъ се ба твоꙗ Изрлю 33, радуитаса (Борис и Глѣб) свѣтлѣи звѣздѣ заоутра въсходащии 47 об., вѣ послевѣ к брату своѥму 58 об., Ꙗн же испытавъ чьꙗ ѥста смерда 59, ѡна же (два волхва) в мечтѣ прорѣзавше за плечемь· вынимаста любо жито· любо рыбу· и оубивашета многы женъ 59, вѣ ѥсвѣ англа· а се идеть к тебѣ Хс 65, се слышавъ Давыдъ и Ѡлегъ· печална быста вельми 88 об., слышавъ кназь Андрѣи· ꙗта брата своꙗ... посла сна своѥго 123, ѡна же ѹвѣдаста почаста городъ твердити... ѡна же затвористаса в градѣ 135 об., Всеволодъ же с брато своимъ Стославомъ· посласта... ѡн же посла

к нима... и рада быста 136, сама кнѧзѧ оутекоста 147 об., рекъ има (двум сыновьям) возлюбленѣи мои чадѣ· будита межи собою в любви· боитасѧ... всприимѣте... не презрита 151 об., Всеволо же и Мстиславъ· сжалистаси брата своѥго дѣлѧ Володимера 160 об., по смрти совкупи Бъ телеси (два тела) ѥю 163, не давѣ бо погубити града ѡца своѥго 58 об., възвысила бо ѥсть ваю (Бориса и Глѣба) свѣтоноснаꙗ любы нбнаꙗ 47 об., зане без вины пролья кровь Борисову· и Глѣбову праведною (двух праведных) 48, аще не имате волхву сею не иду ѿ вас и за лѣто (двух волхвов) 59 об., аще ли наю погубиши многꙋ печаль приимеши и зло 60, пакы кую вину вторую створилъ бѣхъ не изгнанъ ли бѣхъ ѿ ваю брату своѥю 67, ѥдин же ѿ дѣтьскою тою оубьенъ бы ту с ни бывшею 108 об., Летьскую божницю· стою мчнку зажгоша 115, слушаху Дѣдилцѧ и Бориса Рѧзаньскою послу 125 об., ворочю все что ѥсмъ поималъ оу шюрину своѥю 128, кнѧзь Всеволодъ приꙗ ѥю в любовь 131, ты бра наю старѣишии 131, на Всеволода· и Стослава· на меншею брату 135 об., нонѣ хочете брату своѥю оубити 136, иже (дьявол) ѥю (их двоих) прельсти... в помыслъ има вложь рекшема има ꙗко избьевѣ си· а сами приимевѣ ѥдина всю власть 150 об., вполчитасѧ ратившемасѧ полкома 23, самѣма англъ повѣда имѧна 29, вѣси ꙗко нама жаль ѡтнѧ стола 58 об., пославше к нима звахуть ѥю к собѣ на свѣтъ лестью· абы како ꙗти ѥю 135 об. и т. д.

Как выдающуюся особенность в употреблении дв. ч. в русском языке составляло, как в свое время отметил А. И. Соболевский (Лекции[4], 205), то, что в дв. ч. ставились не только определение-прилагательное, местоимение, относящееся к двум предметам, но и названия самих предметов: пронесошасѧ стаѧ стрпцѧ Бориса и Глѣба 61, въ стою мчнку Бориса и Глѣба 74, положиша и браꙗ оу стою мчнку... Бориса и Глѣба 117, сщна бы црквы стою мчнку Бориса и Глѣба 151, имѣꙗше же вѣру велику· к тѣмa мчнкма Бориса и Глѣба 169. В некоторых подобных фразах «Бориса и Глеба» можно рассматривать и просто как род. п. ед. ч., но это выражение уже стало стереотипным. Отражение подобных оборотов и в следующем: на памѧ стго· апла Петру и Павла 172, заложена бы црквы... Кузму Демьꙗну 170 об. Из приведенных примеров можно видеть, как последовательно употребляются формы дв. ч.: можно было видеть только два отступления — «всприимѣте», «сами», так как «идуче», «прорѣзавше» уже не склоняемые формы; вообще же в дв. ч. стоят не только имена, но и глаголы. Дв. ч. при числительных не успело еще распространиться на 3 и 4, при которых правильно употребляется мн. ч.: имѧху же по двѣ и по три жены 5, быша ·г· братьꙗ 3б, быша ·г· братьꙗ... сѣдѧще Кии на горѣ... 4, была суть ·г· братьꙗ 7 об., быша ·г· слнца сиꙗюща межи собою· а столпи ·г· ѿ землѧ до нбсе 103, поима въ

вълости ихъ ·д҃· городы· и слышавше Ѡидоша ѿ Переꙗславлꙗ 103, ѿ мужа по ·д҃· куны 49.

Переходя к рассмотрению предложения, выделим в особую группу бессубъектные предложения, в которых нет грамматического подлежащего, стоящего в им. п. и подразумевать нельзя, или в которых связь между подлежащим и сказуемым очень ослаблена и неясна. Примеры: не бѣ льзѣ изь града вылѣсти 19 об., не бѣ льзѣ внити в Києвъ 19 об., не бѣ лзѣ Володимеру помочи. не бѣ бо вои оу него 44, не бꙗше льзѣ конꙗ напоити 20, иного не лзѣ казати срама ради 55 об., посемь же начаша в дн҃е ꙗвлꙗтисꙗ на конихъ и не бъ их видѣти самѣхъ 71 об., прузи покрыша землю· и бѣ видѣти страшно 76 об., аще ли вы буде крт҃ъ цѣловати к братьи... 80, рещи бꙗше стоꙗще над ни҃ 83 об., не буди єму ѿ Ба҃ мира оузрѣти на ѡно҃ свѣтѣ 84 об., єсть не разумѣти ꙗзыку ихъ 85, бы҃ видѣти всѣ҃ 159 об. Во всех приведенных случаях бессубъектно употреблены те или другие формы глагола ѥсмь — быти и при них инфинитив дополнение другого глагола.

Не менее часто к подобному соединению, как и выше при льзѣ, прибавляется отрицание: рѣша не ли кого иже бы моглъ на ѡну страну доити 19 об., не бѣ никого же вслѣдъ гонꙗщаго 49 об., всꙗ землꙗ наша велика и ѡбилна· а нарꙗда в неи нѣтъ 7, нѣту ли быка велика и силна 42 об., гл҃ꙗ· нѣту лї такого мужа 42 об., в се же времꙗ оувѣдѣша Печенѣзи ꙗко кнꙗзꙗ нѣту 44, а ѿ кнꙗзꙗ помочи нѣту ib., нѣту бо ти нужа никоєꙗже 80, тако ли мнѣ нѣту причастьꙗ в земли Русстѣи 107, кнꙗзь нашь оубьєнъ. а дѣтеи оу него нѣту 125 об., нѣ҃ мужьства· ни є҃ думы противу Бв҃и 134, ре҃ сего не бывало є в русьскѣи земли 88 об.

Бессубъектно могут употребляться и другие глаголы в 3 л. ед. ч.: тѣм же из Руси можеть ити в Болгары 3, крт҃мъ бо кнꙗзе в бране пособить 58, тѣм же прркмъ гл҃еть на҃· разумѣхъ ре҃... 130 об., тобѣ кнꙗже достоить блюсти головы своєє 87 об.; особенно в соединении с сꙗ: Хамови же ꙗсꙗ (выпало) 1 об., ꙗкоже пишетсꙗ в лѣтописаньи гречьстѣмь 6 об., рекоша ѥму ѡч҃е оумножилосꙗ братьѣ 53 об., случисꙗ... ꙗвлꙗтисꙗ на вздусѣ· на конихъ рищющимъ· въ ѡружьи златы имуща ѡдежѣ 55 об., приключисꙗ нѣкоєму Новгородьцю прити в Чюдь 60, бы҃ пожаръ в Володимери... в полъночи зажжесꙗ· и горѣ мало не до вечера 138 об., бы҃ пожаръ великъ въ градѣ... Загорисꙗ· и горѣ до вечера 140 об.

Выражением бессубъектных предложений служит инфинитив: ꙗкоже рещи (= так сказать) 1 об., да кленутсꙗ ...хранити ѡ всемь ꙗже суть написана на харатьи сеи 14, ре҃ Ст҃ославъ воємъ своимъ. оуже намъ сде пасти 21, симъ дани намъ не даꙗти (им не давать нам

дани) 27, Бохмитъ ны оучить гл҃а· ѡбрѣзати оуды таинъıꙗ и свининъı не ꙗсти 27, изби ꙗ· ꙗко ма[ло] и҃ ѿ таковъıꙗ бѣдъı избѣгнути 7 об., знаменье ꙗвиса на н҃бси. ꙗко видѣти всеи земли 50 об., повѣдаꙗ людемъ· ꙗко на пѧтое лѣто· Днѣпру потещи вспѧть· и землѧмъ преступати на ина мѣста 59, в се же лѣто· (бъıсть) знаменье в с҃лнци· ꙗко погъıбнути кму· и мало сѧ кго ѡста 71 об.; как видно из последних четырех примеров, инфинитив часто бывает при ꙗко (ὥστε); ре҃... бодру бъıти на пѣвье ц҃рквное 62, тѣмже ре҃... блюстисѧ ѿ лѣности 62, повелѣша оустроити мѣсто· идѣже положити мощѣ кго 70, наоучисѧ... бъıти бл҃гоч҃тно дѣлатель 79, поиде к Переꙗславлю· ту ти кму прити. да негли ту покоритсѧ 107, рѣша брату твокму Къıева не оудержати· да не буде҃ кго тобѣ ни тому 108 об.

Бессубъектность предложения выражается сказуемым в ср. р. прилагательного: се не добро еже малъ городъ ѡколо Киева (РА мало городовъ) 42, зло есть наши҃ головамъ. да намъ ꙗсти деревѧнъıми лъжицами· а не сребрѧнъıми 43 об., чюдно слъıшати и҃ 36 об., да луче ли нъı померети 44, лучи бо ми сде оумрети 38, съ слезами гл҃а· оувъı мне Г҃и· луче бъı ми оумрети съ братомъ 46 об., не любо ми есть в Киевѣ бъıти 20, положиша и (въ церкви)· юже (бѣ) самъ заложилъ· бѣ бо въздано еꙗ при немь· възвъıше ꙗко на кони стоꙗще досѧщи 51, дивно имѧ (РА ми) дружино... 93 об., по селомъ дубье подрало 172 об.[3]

В роли сказуемого бессубъективного предложения может являться «жаль»: аще ти не жаль ѡчинъı своеꙗ· ни м҃тре старъı суща 20, то лошади жаль· а самого не жаль ли 93 об. В таком же смысле утратившего значение субъекта может явиться «неволя»: неволꙗ ми своее головъı блюсти 88.

Сказуемое стоит в 3 л. мн. ч., подлежащее можно бы подразумевать, но для этого нет надобности: ꙗкоже рѣша 3 об., их же емше ѡвѣхъ растинаху· другиꙗ аки странь поставлѧще· и стрѣлѧху въ нѧ 10, начаша скотъ сбирати· ѿ мужа по д҃ кунъı 49, да не клѧти ва҃ начнуть 80 об., не ходи кнѧже хотѧть тѧ ꙗти 87 об.[4]; да творѧть куплю· ꙗкоже имъ надобѣ 12.

В роли сказуемых здесь могут выступать и некоторые наречные выражения: ѡже ти брате не досъıти всю землю Русскую держаще· а хочешь и сеи волости 102, лютѣ бо граду тому в немь же кнѧзь оунъ 48, а что дружинъı Всеволожи повѧзаша вс҃ѣ 136 об., рѣша Нооугородьци С҃тославу· въдаи нъı Володимира· ѡнъ же ре҃ имъ вото въı есть 21·

В некоторых грамматически полных предложениях связь подлежащего со сказуемым сильно ослаблена вследствие отсутствия пол-

[3] Ср. Е. С. Истрина, ор. с., 32.
[4] Ib., 45.

ного согласования: ѿ нихе҃ есть Полѧне в Киевѣ 4, быша оусобицѣ много 55 об., поручено же бы҃ кму стража морьскаꙗ 169, в Торжку туча на ѡдно҃ часу ровъ оучинило хоромовъ нѣсколько снесло изъ ѡснованьꙗ 171 об.

Грамматическая связь между подлежащим и сказуемым ослаблена до того, что подлежащее, обозначая количество, стоит в вин. п. или даже в падеже с предлогом: раздѣлишасѧ на двоѥ половину ихъ иде҃ к погребу· а половина ихъ иде по мосту 57 об., того же лѣ҃· Кыевъ погорѣ половину Подольꙗ 104, црквии згорѣ ·ѕі҃· а города мало не половину 140 об. Рядом с этим возможно и правильное употребление: города половина погорѣ 138 об. В приведенных примерах вопрос «сколько»? переводит подлежащее с формальной стороны в область пояснительных слов (вин. п.)[5]. Подлежащее заменилось падежом с предлогом или другим сложным выражением: ѣхали бо бѧху по повелѣнью Ростовець противу кнѧзема· с полторы тысѧчѣ 126, истопоша боле тысѧчи ихъ· бж҃ьимъ гнѣвомъ гоними 132. Формальная связь подлежащего и сказуемого есть, но ослаблено логическое соотношение их: ре҃ имъ Сто҃славъ есть насъ ·к҃· тысѧщь 21—21 об., бѣ бо рече оу Соломана женъ ѱ҃ 25 об. Здесь, кроме того, «рече» вводное слово имеет форму бессубъектного предложения. В выражении: по мнѣ идеть полкъ со кнѧземъ· бе-щисла множьство 20, вследствие разобщения глагола (идеть) с подлежащим (множьство), получается впечатление бессубъектности.

Отметим еще ряд случаев, где нет одного члена, обыкновенно сказуемого, на лицо, да и подразумевать его нет надобности, это предложения неполные: срамославье в ни҃ предъ ѡтьци 5, рѣша вои идеже глава твоꙗ· ту и свои главы сложимъ 21 об., бѣда аки в Роднѣ 24 об., ѡчима оуправленье· ꙗзыку оудержанье· оуму смѣренье· тѣлу порабощенье· гнѣву погубленье 79. Смешанный пропуск: дн҃ь живи а заоутра в гробъ 80 об., тое же веснѣ болесть кн҃зю силна 171 об.

Обращаясь к рассмотрению двучленных предложений, начнем с выражения подлежащего. Оно обозначает действующий предмет и поэтому обыкновенно выражается именем существительным, стоящим в им. п., например: велика бо бываѥть полза ѿ оученьꙗ книжного 51 об., великаꙗ цр҃кы сто҃ѣ Бц҃ѣ... сгорѣ 117 об., стрыи ти оумерлъ Вѧчеславъ 114 об., в то же лѣ престависѧ Глѣбоваꙗ Гюргевича Суждали 114; об отсутствии согласования в некоторых случаях подлежащего со сказуемым, например: придоша на кнѧжь дворъ многое мьножьство 130 об., речь у нас уже была. Не представляет синтаксического явления, а морфологическое: А(с)колъдо же· и Диръ ѡстаста в градѣ семь 7 б.

---

[5] Ср. нашу заметку в Сборнике в честь А. И. Соболевского, 39.

Кроме им. п. в роли подлежащего иногда выступает звательная форма, как это также изредка наблюдается и в народной речи: и тогда въздвигнувъсѧ Ꙗрополкъ· вьıторгну изъ себе саблю. и возпи великъı гл҃мь ѡхъ тот мѧ враже оулови 69; то же в Радзивиловском списке: ѡхъ тот мѧ враже погоуби 120[6] по-видимому тоже звательная форма в фразе: иде на мѧ... ѿсюда Гюрге (РА Гургии) съ Ѡлговичи 109.

Вообще же звательная форма (а иногда и именительная) обозначает лицо, к которому обращена речь: не добра дань кнѧже 6, переклюкала мѧ єси Ѡльга (А олго) 17 об., потѧгнемъ мужьски братьꙗ и дружино (Р братье) 21, аще бо бъıхъ брате мои видѣлъ лице твоє англкоє. оумерлъ бъı с тобою 46 об., что придосте с хромьцемь симь· ѡ въı плотници· суще 48 об.

В значении подлежащего может выступать часть речи, изменяемая по родам, — прилагательное, причастие, причем, несомненно, подразумевается существительное, которому приводимая часть речи служила определением: не даша єму ту блїзь живущии 4, послани ѿ Игорѧ... 11 об.; в ср. р. мн. ч. будет ц.-славянизм, подражающий греч. обороту: ту всѧ блгаꙗ сходѧтсѧ 20 об., пакъı ветхаꙗ мимо идоша· и се бъıша новаꙗ 41 об., аще въı послѣднѧꙗ не люба· а переднѧꙗ приимаите 78.

Может заменять подлежащее и простое указание на имя или его качество, что достигается местоимениями разного рода: не хочю ꙗ за робичича 99 об., иногда опускается местоимение: 'не хочю розути робичича· но Ꙗрополка хочю 99 об., рекъ не ꙗ почахъ избивати браю· но ѡнъ 48, то ти брате велико добро створиши землѣ Русскѣи 93 об., глѧ· не видѣ ли конѧ никтоже 19 б. При къжьдо сказуемое обыкновенно ставится во мн. ч. живѧху кождо 2 об., имѧху бо ѡбычаи свои... кождо свои нравъ 5, повѣдаху кождо своимъ ѡ бъıвшемъ 10 об., оучаще тѧ· ктоже (Соф. кождо) вѣрѣ своєи 27 об., ѡбѣдаша братьꙗ... кождо с боꙗръı своими 61 об. В роли подлежащего являются и другие местоимения: ѡвцѧ и волове все тоще нонѣ 74 об., хочю жити с (въ) Переꙗславци· ꙗко то єсть середа в земли моєи 20 — 20 об., са творилъ что бъıло· надобѣ 83. Местоимение *тъ* выступает и в значении члена: ѡсквернисѧ кровьми землѧ Руска· и холмо-тъ 25, тако бо бѧше любъı в братьи тои 63 об.

Неопределенные числительные также выступают в роли подлежащих: єлико ихъ крщнье приꙗли суть... и єлико ихъ єсть не хрщно 11 об., ни на власть Корсуньскую и єлико єсть городовъ ихъ 22 об., видиши колько воин у брат твоєго· нама ихъ не перебороти 24 об., видиши ли колико сѧ мнѣ сключи 67, дружинъı много избьєно 135.

Нельзя не отметить случая выражения подлежащего наречием *заоутра*, употребленным в смысле «утро»: ꙗко бъı заоутра всѣдъıше

---

[6] Ср. еще нашу заметку в Сборнике в честь А. И. Соболевского, 39.

в лодью противу свѣту и въструбиша вельми 20. То же в 1 Новг. лет. (Е. С. Истрина, 63).

Сказуемое обозначает признак, возникающий от подлежащего. Поэтому в славянских языках, как и в других родственных, носителем предикативности является глагол, как единственная часть речи, которая может выразить время возникновения признака. Хотя в ином предложении и нет на лицо глагола, но последний или подразумевается, или по крайней мере чувствуется присутствие глагольности. Сказуемые бывают двух родов: сказуемое простое и сказуемое составное. Первое выражается одною глагольною формою: видите ли горъı сиꙗ 3 об., Пищаньци волъчьꙗ хвоста бѣгають 27, ре҃ Мьстиславъ тако буди 50, Андрѣеви ре҃ иди Курску 102, входѧть в городъ ѡдинѣми воротъı 12, не даите пакости дѣтяти· ѡтрокомъ ни своимъ· ни чюжимъ 80 об., иде на Деревьску землю 16, собра писцѣ многъı· и прикладаше ѿ грекъ на словѣньское письмо 51 об., сожьжаху — вложаху 5, да что оума придасте· что ѿвѣщаете 36 об., аще ѡбрѧщють Русь кубару 13, се же ре҃ кнѧжє не вѣдѣ могу ли сѧ 42 об.

О согласовании сказуемого с подлежащим в числе уже была речь.

В составном сказуемом признак, приписываемый подлежащему, дан в имени, поэтому на долю глагола остается только чисто формальная роль — обозначить отношение такого признака к подлежащему. Вследствие этого глаголы, входящие в состав сложного сказуемого, или не имеют никакого материального содержания, или незначительное. Они поэтому являются предикативной связкою. Такою связкою обыкновенно являются формы глагола ѥсмь — бъıти: рѣша Нооугородьци С҃тославу. въдаи нъı Володимира· ѡнъ же ре҃ имъ вото въı ѥсть 21, но се ѥму бѣ нелюбо... рька Руси ѥсть веселье питье 27 об., ѥсть служба и҃ паче всѣхъ странъ 37, бъ҃ı сѣча зла· ꙗка же не бъıла в Руси 49, бъ҃ı ѥму болесть зла 123 об. В теперешнем русском языке в настоящем времени связка обыкновенно опускается. Начало этому можно отметить уже в древнейших памятниках русского языка: а҆ коньць въсѣмъ книгамъ· оже ти собѣ не лѫбо· то того и҆ дроугоу не твори Сборн. Святослава 1073 г.: тъı на҃ кнзь 231 I Новг. л., сватба пристроѥна, медъı изваренъı, невѣста приведена, кнзи позвани ib. 232; ср. Акад. сп. летописи (л. 237): сватба прїстроєна бѣ· меды посычены... (Ср. еще Истрина, § 11). То же встречаем и в Лавр. летописи: всѧ землѧ наша велика и ѡбильна 7, бѣда аки в Роднѣ 24 об., оувидѣ ꙗко ис Корсунѧ близь оустье Днѣпрьское 3 об., гдѣ же нъıне оувозъ Боричевъ 4, не треє Бзи ѥдинъ Бъ҃ 39, на лици ѥму срамни оудове 55 об., аще ли не хочета· то на҃ неволѧ 58. Связка может опускаться и в бессубъектных предложениях, когда признак сказуемого выражается инфинитивом: волок до Ловоти· [и] по Ловоти внити в-Ѣлмерь ѡзеро 3, и по тому морю ити до Рима а ѿ Рима прити... ко Црюгороду 3, ре҃ С҃тославъ оуже намъ нѣкамо сѧ дѣти·

волею и неволею стати противу 21 об. Однако в аналогичных же примерах связка может быть и налицо: гдѣ есть ныне Оугорьска землꙗ 2 об., Кии есть перевозникъ былъ 4, ихже градъ есть Смоленскъ 4, иже суть подо мною Русь 22 об.

Но глагол ѥсмь — быти может иметь и некоторое реальное значение «существовать, находиться, бывать, иметься», тогда он всегда налицо: ѿ сихъ же ·о· и ·в· ꙗзыку бы ꙗзыкъ словѣнескъ 2 об., быша ·г· братьꙗ 3 б, была суть ·г· братьꙗ 7 об., есть притъча в Руси 4 об., кдѣ суть дружина наша 16, есть оу мене ѥдинъ снъ меншеи дома· а с четырми ѥсмь вышелъ 42 об., заложи Ꙗрославъ городъ великыи· оу него же града суть златаꙗ врата 51 об., бѣꙗху Кыевѣ мужи Ꙗрославли 50 об.

Прошедшее совершенное в древнем языке также имело при себе глагол ѥсмь и могло быть рассматриваемо как составное сказуемое: во мнозѣхъ же времꙗнѣ· сѣли суть словѣни по Дунаеви 2 об., възвысила бо есть ваю свѣтоноснаꙗ любы нбнаꙗ 47 об., переклюкала мꙗ еси Ѻльга 17 об., есть оу мене ѥдинъ снъ меншеи дома· а с четырми ѥсмя вышелъ 42 об., Гь нашь показалъ ны есть на врагы побѣду 79 об., се перьвѣе взꙗлъ ѥси зракъ ѡчью моею 91, тамо в Новъгоро ѣхалъ ѥсмъ здоровъ и сѣмо приѣхалъ ѥсмъ твоѥю млтвою здоровъ 167, правъ ꙗзъ аже есмъ тако ѹчинилъ 170 об. Но уже встречаются случаи и когда связка в этом времени опускается — обыкновенно в 3 л. ед. и мн. ч., например: по нему же оучилъ стыи Ѻндрѣи 3 об., блгвенье ...моѥго игумена· иже мꙗ постригалъ 53, юже црквь оучинилъ ѡць ѥго кнꙗ Андрѣи 123, не ходили со всею кнꙗзьѥю 134 об.

Что касается частей речи, входящих в составное сказуемое, то таковыми могут быть только имена существительное, прилагательное, местоимение, числительное и причастные формы, таким образом, части речи, склоняемые или склонявшиеся прежде, а теперь утратившие свою изменяемость. Все эти части речи, входя в составное сказуемое, согласуются с подлежащим в падеже, т. е. стоят в им. п. Со временем, с усилением в составном сказуемом глагольности, связка стала приобретать постепенно реальное значение, а имя вследствие этого понемногу утрачивает свой предикативный характер и обращается в дополнение или обстоятельственное слово и уже стоит не в им., а твор. п. В Лаврентьевской летописи кое-где можно видеть только зачатки этого явления. Итак, в составное сказуемое входит имя с у щ е с т в и т е л ь н о е: Нарци еже суть Словѣне 2 об., они же не свѣдуще рекоша. ꙗко Кии есть перевозникъ былъ 4, ты кнꙗзь ли еси 20, како вы инѣ оучилите сами ѿвержени ѿ Ба и расточени 28, бѣ Каинъ ратаи· а Авель пастухъ 29 об., аще имъ есть землꙗ мти·то ѡць имъ есть нбо 39 об., бы самовластець Русстѣи земли 51, вашь старѣишина антихресть ѥсть· а вы бѣси есте 66, иже бѣша свѣтьници

68 об., ꙗко и пре҃ нѣсмъ ти ворожбить· ни мѣстникъ 84 об., Югра же людьк ꙗзыкъ нѣмъ 85, сь бѣ агнѧ а не волкъ. не бѣ бо хитаꙗ ѿ чюжи҃ домовъ ба҃тьства 150, бѣ тѣло кго ꙗдь псо҃ и вороно҃ 168, то бо су҃ мои ворози 170 об.

Им. п. бывает и тогда, когда употребляется в роли связки другой глагол с ослабленным материальным значением: бѧху мужи мудри и смыслени (и) нарицахусѧ Полѧне 4, на горѣ· еже сѧ ныне зоветь Оугорьское 8, ѿтолѣ прослу Перунѧна Рѣнь 40 об., наоучисѧ... быти бл҃гочтно дѣлатель 79.

Как пример т в о р и т е л ь н о г о в составном сказуемом отметим: жена грекини бѣ· и бѧше была черницею 75, понеже бѣ была мт҃и его черницею 78, въ ·а҃ е лѣ· во н же бы҃ еппомь 159, ср. I Новг лет.: да не боудеть Новыи търгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тържькомъ 165, поставленъ бы҃ по҃мъ въ сыропоую не҃ ib. стр. 219 [7].

Кроме имени существительного, в составное сказуемое входит п р и л а г а т е л ь н о е, обыкновенно в краткой форме, которое согласуется с подлежащим в роде, числе и им. п. совлекутьсѧ и будуть нази 3 об., азъ погана есмь 17 об., бѣ несытѣ блуда 25 об., се же бѣ невѣголость 25 об., Володимеръ же ре҃ послушаю ра҃ 28 об., бы҃ мдръ но наконець поползесѧ 32 об., на зло слеми скори суть 46 об., бѣ бо Болеславъ великъ и тѧжекъ· ꙗко и на кони не могы сѣдѣти 48 об., бѣ мѧтежь великъ· и голодъ по всеи тои странѣ 50, бѣ гроза ·велика· и сѣча силна и страшна 50 об., бы҃ тишина велика в земли ib., не годно бы҃ людемъ 104, Изѧслав же перебреде на Каневъ· толико са҃ третии 107 об., имѣныꙗ бо бѣ несытъ акы адъ 119 об., бы҃ кму болесть зла 123 об., Суздаль буди нама ѡбче 128 об., бѣ бл҃жныи сь кнѧ҃ правдивъ 151 об., бѣ же Василко лице҃ красенъ· ѡчима свѣтель и грозенъ 163, бѣ бо всему хытръ ib. Бывает в сказуемом и сравнительная степень несклоняемая: есть служба и҃ паче всѣхъ странъ 37. Глагол-связка иногда и опускается: мы недужи противу вамъ стати 21, правъ ꙗзъ аже есмъ тако ѹчинилъ 170 об., оумъ молодъ· не дошелъ 173.

Такое же положение, как прилагательное, в составном сказуемом занимает п р и ч а с т и е страдательное настоящего и прошедшего времени: да держимъ будеть створивыи оубиество 13, Ꙗрославъ ... любимъ бѣ книгамъ 52, аще кто ѹмреть ѿ ваши҃ людии то възносимъ кстъ на нб҃о 60 об., согрѣшихо҃ и казними кемы 74 об., кдина казнь ...ѡвы вѧжемы и пѧтами пхакми· и на зимѣ держими и суранѧкми 74 об., бѣ бо люби҃ ѡ҃цю своему повелику 89; Семеѡнъ иде на Хравbooты и побѣженъ бы҃ Хравaты 10 б., бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою 25 об., аще кнѧже бра҃ꙗ наша исѣчена суть 48, спанье есть ѿ ба҃ присужено полу҃дне 81. Иногда при причастии отсутствует связка: дружина ихъ всѧ изъимана и всѣ вельможи ихъ 130 об.

---

[7] Примеры из Синодального списка 1-й Новгородской летописи берутся из работы Е. С. И с т р и н о й (Пгр., 1924, отт. из Изв. ОРЯС, т. XXIV и XXVI).

Из других частей речи в составном сказуемом выступают местоимения и местоименные числительные: бѣси ... гл҃ху нашь ѥси 66, Изѧслав же выправисѧ весь из города· и ста на болоньи и с товары 107, до твоѥго жи̇вота твои Кыѥвъ 114 об., не створи ми пакости а се твои Кыѥвъ 115.

В роли составного сказуемого выступает наречное выражение, елико ему будеть требѣ 13.

Особенно интересны случаи выражения составного сказуемого причастием действительного залога настоящего и прошедшего времени: бѧху ловѧща звѣрь 4, первое быша работающе имъ 6 об., бѣша бо ходѧще аки се Половци 8 об., бѣ вода текущи· въздолѣ горы Киевьскиꙗ 15, бѣловы дѣꙗ Ѡлегъ 23, бѣ володѣꙗ единъ в Руси 23 об., бѣ ... приводѧ к собѣ мужьски жены и д҃вцѣ растьлѧ ꙗ 25 об., бѣ бо самъ любѧ жены 27 об., будеши стенѧ и трѧсасѧ до живота· своего 29 об., есть ц҃рки та стоꙗщи въ Корсунѣ градѣ 38 об., бѣ воюꙗсѧ с ними· и ѡдолаꙗ имъ 42, бѣ бо любѧ словеса книжнаꙗ 43, бѣ бо Володимеръ любѧ дружину 43 об., Володимеръ... бѣ жива с кнѧзи ѡколними миромь ib., бѣ Ꙗрославъ любѧ ц҃рквры ꙗ оуставы 51 об., Б҃ъ есть на н҃бси сѣдѧ 59 об., грѣшници въ адѣ с҃у ждуще м҃кы вѣчныꙗ 60 об., Ѳеѡдосии бо бѣ любѧ ꙗ 70 об., бѣ же и самъ въздержасѧ ѿ пьꙗ(нь)ства и ѿ похоти 72, посла ѡтрокъ свои в Печеру люди ꙗже суть дань дающе 85, бѧхуть бо борци стоꙗще горѣ во бронѧ҃ и стрѣлѧюще 110 об., бѣ бл҃жныꙗ сь кн҃ѧ правдивъ... вс҃ѣ милуꙗ· вс҃ѣ набдѧ 151 об., бѣ бо всему хытръ· и гораздо ѹ҃мѣꙗ 163. Сюда же принадлежит и следующий случай: бѣста руцѣ держаста (=-аще?) на рамѣ 169. Глагол ѥсмь может и отсутствовать: прозвашасѧ имены своими· гдѣ сѣдше на которомъ мѣст҃ѣ 2 об., велику честь приꙗлъ ѿ ц҃рѧ· при которомь приходивъ ц҃ри 4, р҃е има Ꙗнь· какыи то Б҃ъ сѣдѧ в безднѣ 59 об. Особенно любимы такие обороты в придаточных предложениях: а о нашихъ не бысть кто и вѣсть принеса; не вѣдяху камо бѣжаще; оумыкаху жены собѣ съ нею же кто свѣщавсѧ (Т.); его же оумѣючи того не забываите доброго· а ѥгоже не оумѣючи а томусѧ оучите 80 об.; да приходѧчи Р҃ѹ слюбное емлю҃ елико хотѧчи Радз. 15 об. В переводах с греческого в подобных оборотах можно бы усматривать грецизм, но в летописи на такие обороты можно смотреть и как на живое явление, тем более, что они отчасти известны и теперешней живой речи. Эти обороты имели в виду выдвинуть самый признак, обозначаемый глаголом в ущерб его развитию благодаря деятельности подлежащего.

В роли связки в подобных предложениях могут выступать и другие глаголы с ослабленным значением, причем причастие дополняет их. Первоначально наше причастие согласовывалось с подлежащим: аще ли обрѧщаютсѧ Русь работающе оу Грекъ· аще ли суть плѣньници 13, сѣде кнѧжа ту· въ Переꙗславци· емлѧ дань на Грьцѣх 19 об., сѣде прѧмо из раѧ плачасѧ 29, ꙗко скончa зижа· оукраси ю иконами 42, ѡ҃че ѥда ѥдинъ мнишисѧ ходѧ 100. Если причастие употреблено

при глаголе с полным реальным значением, то оно, конечно, в составное сказуемое уже не входит, а просто поясняет подлежащее: идѧста видуче зарю велику 70 об., ступиша Половци воюючи 72 об.

Если в составное сказуемое входят глаголы страдательного залога, то в старом языке стоящее при них имя ставилось в им. п., так как оно согласовалось с подлежащим: ꙗко пришедше сѣдоша· на рѣцѣ имѧнемъ Марава и прозвашасѧ Морава 2 об., прозвашасѧ Лѧхове 3, нарекошасѧ Полѧне 3, ѿ сеꙗ прозвашасѧ Полочане ib., тѣм же и грамота прозвасѧ словѣньскаꙗ ib., прозоветсѧ (имѧ єго) велика свѣта англъ 34. Очень редко в подобном положении допускается твор. п., как в теперешней живой речи: прочи прозвашасѧ Русью (Т. русь) 8.

То же бывает, когда употребляется действительный оборот; второе дополнение обыкновенно стоит в вин. п. и реже в твор.: рѣку Гѣѡну зовемую Нилъ 2, сдѣлаша градъ· и нарекоша и Новъгородъ 3, наидоща (= наидоша?) ꙗ козарѣ сѣдѧщаꙗ на гора сихъ в лѣсѣхъ 6, жрѧху имъ наричюще ꙗ бгы 25. Причастие в подобном положении принимает форму деепричастия: ѡца налѣзохъ. с полку пришедше 81 об., оузрѣ Василко Торчина острѧ ножь 88. Пример на твор. п.: ибо локтемъ сажень зовуть 30.

Возможность составного сказуемого основывается на том принципе, что некоторые глаголы сами по себе не в состоянии выразить тот признак, который необходимо приписать предмету, как возникающий от него. Этот признак выражается именем и местоимением, иногда даже неизменяемой частью речи. Но иногда и таких способов выражения сказуемого оказывается недостаточным: чтобы вполне обозначить деятельность подлежащего, приходится к личной глагольной форме еще прибавлять инфинитив. Получается, таким образом, как бы сложное сказуемое. Тут на первом плане следует поставить такое употребление, когда личным глаголом являются *иметь*, *хотеть*, *начать*, которые в древнейшую эпоху языка служили с инфинитивом для образования будущего времени: они были в роде связки с слишком ослабленным значением: ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хощети дати 85 об., нача слатисѧ мира просѧ 113 об., въсхотѣ поити въ Римъ и проиде въ вустьє Днѣпрьскоє 3 об., не хочю розути робичича· но Ꙗрополка хочю 23 об., не вѣдыи ꙗко близь погыбель хотѧше быти єму 26 об., єда ли топерво хощ(ет)ь быти се 34 об., и рѣша се оуже хочемъ померети ѿ глада· вдаимы сѧ Печенѣгомъ 44, ѹтро хотѧт сѧ людьє передати Печенѣгом 44, црквии многи Бъ въздвигнути имать 3 об., аще сѧду... то имам рать съ Стополком взѧти 72 об., к этим глаголам приближается по значению мочь: тѣм же из Руси можеть ити в Болгары 3; так же употребляется «начать»: кто нача кнѧжи и ѿкуду руская землѧ стала єсть 1 об., воєвати почаша сами на сѧ 7, почаша володѣти 7, єгда сѧ начаху каꙗти. и помиловашеть и 32 об., рекъ не ꙗ почахъ· избивати братью· но ѡнъ 48, пославъ нача поимати оу нарочитоє чади· дѣти и даꙗти нача на оученьє книжноє

41, при семь нача вѣра хрьянська плодитися· и расширяти 51 об., и не лѣнитися начнеть· такоже и тружатися 78, плакатися нача попадья 88, почаша просити братьѣ своее 115 об., почата бы писати црькы в Володимери 117 об., дружина Всеволожа начаша князю жаловатися 130 об., почата бы здати мца... 138 об. Понятно, что при глаголах с полным материальным значением инфинитив является просто дополнением: еда намъ то же мыслите прияти 28, повелѣ изнестися на дворъ 62 об., нарек оба Изяслава оставити дома 104, многаждьı бранящеть ѣсти мясъ въ гдьскыѣ праздникы 119, оумыслиша дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ 93; присла Романъ и Костянтинъ· и Стефанъ слы къ Игореви· построити мира первого 11; посемь сѣдоша Деревляне пити 16, подобна еси цртвти въ град с нами 17 об.

Обращаясь к рассмотрению особенностей глагольного сказуемого, припомним, что некоторых особенностей в употреблении л и ц и ч и с е л мы уже касались раньше во вводных статьях. Здесь разве отметим, что иногда сказуемое согласуется с ближайшим подлежащим в ед. ч., хотя их дается несколько: п л а к а с я по неи снъ ея и внуци ея· и людье вси 20 об.; при склонности правильно проводить дв. ч. в глагольных личных формах причастие может стоять во мн. ч. потому, конечно, что оно обратилось в деепричастие: ·в· мужа ... поидоста по Днѣпру и идуче мимо и оузрѣста 7 об.

Формы н а с т о я щ е г о в р е м е н и употребляются так же, как и в теперешнем языке, например, для обозначения действия постоянного: англъ бо члвку зла не створяеть 46, члвкъ золъ ни крта ся боить 46 об., или происходящего в данный момент: исходить же ѿ нея смрадъ золъ 49 об., Полочане же рекше л и ш а е т с я насъ· и выгнаша Стополка 100, Печенѣзи остоять Кыевъ 51, стыни к неи же вси хрьяне съ страхом приришють 119.

Настоящее иногда употребляется для обозначения будущего, особенно когда оно бывает соединено с приставкой: ци аще ключится 13, ци аще оударить мечемъ 13 об., да что оума придасте· что ѿвѣщаете 36 об., в малѣ придеть дружинѣ 58 об., оубьеньк его послѣди скажет 124. Интересно употребление времен при обозначении направления рек; тут и настоящее и будущее и одно из прошедших: Волъга· яже идеть на востокъ 2, ис того же лѣса потече Волга на въстокъ· и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море 3, Двина ис того же лѣса потечет· а идеть на полунощье іb., того озера внидеть оустье в море Варяжьское 3, из него же озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое Ново іb.

Что касается п р о ш е д ш и х в р е м е н, то в летописи встречаются все те времена, которые известны и старославянскому языку, но не всегда в этих формах можно усматривать живое явление древнерусского языка. Так, например, имперфект мог быть живым явлением при составлении Начальной летописи, но в XIV в. он мог употребляться лишь по памяти о старине, поддерживаемой в летописце чте-

нием церковных книг: си бо сыпе аки луна в нощи 20 об., собра писцѣ многы. и прекладаше ѿ грекъ на Словѣньское письмо 51 об., Андрѣева же дружина приѣздаче к нему жаловаху глще 108. Иногда продолжительная повторяемость действия выражается имперфектом, образованным от глагола вида многократного: оумыкиваху оу воды двцѧ 5, ту оумыкаху женꙑ собѣ· с нею же кто съвѣщашесѧ ib., и разъгнѣвасѧ Бъ предашеть ꙗ иноплеменьникомъ на расхищенье 32 об. Как бывало и в старославянском языке, и в языке летописи попадаются случаи образования имперфектов от глаголов вида совершенного: сожьжаху... вложаху 5, вину створь каку любо изидаше ис црькви· шедъ в кѣлью и оуснаше 64, червье въкынѧхусѧ подъ бедру ему 65 об., многы крови проливахутьсѧ межи ими 116 об.

Аорист встречается еще чаще, чем имперфект, и обозначает действие, либо начавшееся в прошедшем, либо закончившееся в прошедшем. Аорист одинаково встречается во всей летописи: Днѣпръ потече из Оковьскаго лѣ(са) 3, приходиша Русь 5 об., кдѣ сутъ дружина наша· ихъ же послахомъ по тѧ 16, плакасѧ по неи снъ еѧ и внуци ея 20 об., и разъгнѣвасѧ Бъ (если это не вместо разъгнѣвавъсѧ) предашеть ꙗ иноплеменьникомъ на расхищенье 32 об., ста Володимеръ ѡб онъ полъ города в Лимени 37 об., собра писцѣ многы 51 об., идоша браꙗ ко Антонью 53 об.; сниде Гь видѣти градъ и столпъ· и ре Гь... 2 об. (все из библии), пришша снве Симови въсточныꙗ страны 2 об., приде и ста подъ горами на березѣ 3 об., есть притъча в Руси· погибоша аки Ѻбрѣ 4 об., рѣша старѣишина фараѡнѧ 6 об., ·в· мужа... поидоста ...и оузрѣста 7 об., ѡбидоша Русь ѡколо 10, рекоша дружина Игореви 14 об., се князѧ оубихомъ Рускаго 15, иже възлюби новыꙗ люди Русьскую землю 41, Всеславъ Смолнескъ ѡжьже 81 об., Половци ...присунушасѧ в борзѣ 98, Полочане выгнаша Стополка 100, в то же лѣ· поточи Мстиславъ Полотьскыѣ 100, выдоша противу ему мноство народа 104 об. (глагол образованный с приставкой *вы* чисто по-русски), сә бѣжа в Вѧтичѣ 104 об., ѿрѧди сна ..с нѣколико дружины своея 113 об., срѣтоша... всѧ браꙗ его 145, приходиша половци к Переяславлю· и повоеваша многа села возвратишасѧ· и много зла створше иноплеменници 148 (по-видимому, уже смешивается аорист с причастием), мноство народа изидоша противу ему. жалостныꙗ слезы испущающа 163.

Прошедшее совершенное (perfectum) встречается параллельно с аористом, больше в прямой речи, хотя и несколько реже[8]: на тои могилѣ поставилъ црквь стго Николу 8, ре има. се прислаласѧ ко мнѣ словѣньска землѧ 9, тѣмже словѣньску ꙗзыку· оучитель есть Андронигъ аплъ· в Моравы бо ходилъ и аплъ Павелъ оучилъ ту 9 об., возьми дань юже ималъ Ѻлегъ 10 об., мы же елико насъ хртлисѧ

[8] Ср. Д. Н. Кудрявский. К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи, Изв. ОРЯС, 1909, кн. 2: Е. С. Истрина, о. с., § 22.

єсмы· клѧхомъсѧ црквью стго Ильѣ 13 об., Игорь призва слы· ре имъ глте что вы казалъ црь 14, рекоша дружина Игореви· ѡтроци Свѣньлъжи. изодѣлисѧ суть ѡружьємъ и портъı· а мы нази 14 об., ре кнѧзь печенѣжьскии· а ты кнѧзь ли єси· ѡнъ же ре· азъ єсмь мужь эго· и пришелъ єсмь въ сторожѣ 20 и т. д. Встречается даже старинная форма «вѣдѣ»: се же ре княже не вѣдѣ могу ли сѧ 42 об.

Давнопрошедшее (plusquamperfectum) для обозначения действия давнопрошедшего и притом раньше другого, выражается по-старославянски, причем глагол бѣахъ встречается, как вообще в русском, в стянутом виде и притом с *я*: жена Грекини бѣ· и бѧше была черницею· бѣ бо привелъ (ю) ѡць его 23 об., си бо не бѣша преди слъıшали словесе книжного 41, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику 46, в се же времѧ пришла бѣ вѣсть къ Ярославу ѡ ѡтни смрти 46 об., пакы кую вину вторую створилъ бѣхъ не изгнанъ ли бѣхъ ѿ ваю брату своєю 67, иде пакы (И)зѧславлю... водѧ с собою и Брѧчислава зѧтѧ своѥго· иже бѧше пошелъ къ ѡцю своєму 99, почаша просити братьѣ своєє· ихже бѧху изъимали Берендѣи 115 об., потъче къ плоту· кдѣ бѧху пѣши вышли из города 132, и поступиша мало к водѣ· по ·г· дни бо не пустили бѧху ихъ к водѣ 135, ѿверзлъ бѧшеть єму Бъ ѡчи срдчнѣи 163. Иногда давнопрошедшее переплетается без видимой причины с аористами: Изѧслава же Мстиславича ѥзвиша в руку· и свергли и бѧхуть с конѧ· и хотѣша и оубити 111 об.

Качество отношения признака к субъекту выражается, как и вообще, наклонениями, кроме изъявительного, на которое было проведено немало примеров, еще повелительным и сослагательным. В летописи они образуются и употребляются так же, как и в других древнерусских памятниках: брате и свате пошли грамоты 140; во мн. ч. может прибавляться и *да*: да не зазрите ми дѣти мои 83, да не посрамим землѣ Рускіѣ 21 об., и се да скажемъ что ради прозвасѧ Печерьскъıи монастырь 52 об., да не посмѣютсѧ приходѧщии к ва· и дому вашему· ни ѡбѣду вашему 80 об., глѧ... да придѣта к намъ 8.

Сослагательное наклонение образуется с формой глагола бъıхъ: да и азъ блвлньє подалъ бъı кму 62 об. Примеры приводятся ниже — при предложениях цели и условных.

Из материалов, касающихся залоговых отношений, отметим: а) случаи употребления глаголов с *-ся*, где в теперешней речи этого не бывает: се присласѧ ко мнѣ словѣньска землѧ· просѧщи оучителя... сего бо желають 9, Всеволодъ посласѧ по Половцѣ 98 об., не годно бъı людемъ· и послашасѧ Переѥславлю 104, Ростиславъ въıсласѧ к стрыѥви своѥму 115, по друзи послашасѧ 134 об., плакасѧ по неи снъ єѥ 20 об., Всеволо же и Мстиславъ· сжалистаси брата своѥго дѣлѧ 160 об., ѥзъ са вѣдаюсѧ в своє дѣлѣ 170 об. Во всех приведенных случаях *-ся* придает глаголам значение действия для себя, в свою пользу, что в греческом языке обозначалось общим залогом; б) случаи, где с частицей *-ся* ясно выступает значение возвратного действия:

пережьгуть е (бани) рамѧно.(и) совлекутьсѧ и будуть нази· и ѡблѣютсѧ квасомъ оуснииены· и возмуть на сѧ прутье младое· (и) бьютьсѧ сами 3 б, бы мдръ по наконець поползесѧ 32 об.; в) значение страдательного залога имеем: многы крови проливахутьсѧ межи ими 116 об. тут же и оттенок взаимного действия; г) глагол средний в соединении с приставкой имеет значение действительного: ѡсѣде Ӣрополка в Роднѣ 24 об., Печенѣзи ѡстоить Кыевъ 51.

К словообразовательным особенностям глагола, не флексивным, принадлежат виды глагола. Тут прежде всего отметим, что кратность действия часто обозначается суффиксом имперфекта, несмотря на то, что глагол бывает предложный: вину створь каку либо изидѧше ис цркви· шедъ в кѣлью и оуснѧше 64. Есть зарождение выражения многократности действия: оумыкиваху оу воды двцѧ 5. Вообще же виды выражаются примерно так же, как и в современной речи, хотя и на так последовательно и отчетливо. Функции видов еще в значительной степени выражались оттенками времен, особенно прошедших.

Рассмотрев подлежащее и сказуемое, следовало бы перейти к пояснительным словам, относящимся к подлежащему и сказуемому, какими бы формами они ни выражались, но тут произошли бы у нас некоторые повторения, для избежания которых обратимся просто к рассмотрению употребления тех или других падежей.

Именительный п. нами рассмотрен при определении подлежащего и сказуемого-имени. Тут разве добавим несколько случаев, когда к подлежащему прибавляется приложение более уточняющее его: ѡбѣдаше братьꙗ наскупь (= вместе) кождо с боꙗры своими 61 об. Подобное приложение может быть и при вин. п. дополнения: сновцѣ распути своѣ кождо и в свою власть 154 об. Им. п. в тех случаях, где теперь род. п. и предложение бессубъектное: ино помышленье въ серци мое не было 89 об.

В родительном п. рассмотрим случаи употребления собственно род. (genitivus) и род.-аблят. (ablativus); в том и другом случае отдельно употребление при глаголе и имени. Тут прежде всего отметим случаи употребления род. п. части: почерпоша сыты 44 об., тѣмь красны всѣхъ (ср. род) наслѣдоваста. въ нбнѣмъ житьи славу и раискую пищю 47 об., исполнисѧ блгоѹханьꙗ цркы вонѣ блгы 61, поцюпа сорочкы 88, посѣти винограда своюго 43.

Сюда же принадлежит и род. п. при глаголах, означающих пользование предметом, временное или его частью: вижь сего ты еже еси хотѣлъ 23 об., иже мѧ сихъ дневъ грѣшнаго допровади 78, назираеть грѣшныи праведнаго 78 об., ми своее головы блюсти 88 об., блюсти землѣ Русьскиѣ 89, пожаловатисѧ своеꙗ ѡбиды 92, слышаша блжнаго Бориса поюща заоутреню 45 об., Стослав же слышавъ ихъ бѣжавши 135, Половци же оуслышавше ихъ ѿшедши гнаша отаи к Переꙗславлю 135. В последних трех примерах, может быть, заимствованный из церковнославянского грецизм.

Отметим род. п. при супине, очень обычном в летописи: послани суть губить кго 45 об.

При глаголе ставится и род. п. времени, но связь его с глаголом незначительна, так что его можно считать род. независимым: вългна Торкъı въ городъ тоı ночи 98, тоє же ѡсени да· кму ѡц҃ь волость 109 об., поиди на нь ѡдиноı с нами (наречие имеет форму род. п.) 129 об., престависа... порозднѣ недѣ 131, тоı же ѡсени придоша Новгородци 141, тоє же веснъı болесть кн҃зю силна 171 об.

Род. п. при именах: сберѣте аче и по горсти ѡвса· или пшеницѣ· ли ѡтрубъ 44, да будеть ѿместьникъ Б҃ъ крове браı моєı 48, съ маломъ же дружинъı возъвратиса 14 об., видѣвъ же мало дружинъı своєı 22, придоша Болъгаръı (в)ѣръı Бохъмичѣ 27, мт҃ре же чадъ сихъ плакаху по нихъ 41.

Сюда относится и род. п. части, где в современном языке еще имеется предлог *из*: пославъ испътаи когождо и службу 36 об., ѡму же любо дѣтии моихъ· а прииметь є в срце своı 78, а кто на будеть живъ 113 об.

Немало случаев встречается род. принадлежности (g. possessivus), который чередуется с прилагательными притяжательными[9]: Иворъ солъ Игоревъ· великаго кназа рускаго 11, повѣдаша єму всю рѣчь Рогънѣдину· и дъчерь Рогъволожю кназа полотьскаго 24, токмо ѡстаса дворъ манастъıрьскъıи печерьскаго манастыра 86, в то же лѣ престависа Глѣбоваı Гюргевича Суждали 114, начаста воıвати волость Всеволожю великаго кназа 147 об., ѡжени сн҃а своıго Ꙗрослава· и приведоша за нь Юргевъну Кончаковича 143 об., Ꙗрославль сн҃ъ Володимерича 445, престависа Всеволодъ сн҃ъ Гюргевъ· бл҃гочтваго кназа внукъ Володимера 148 об., сн҃ъ Всеволожь велика кназа 155, ѡжени Гюрги... сн҃овца своıго... и поıтъ за нь Михаиловну Черниговьска кназа 155.

Случаи употребления род. удалительного а б л я т и в н о г о. Здесь в род. п. ставятся слова, показывающие исходный пункт действия, удаление, отделение от него. После глаголов: своєı (земли) са ѡхабивъ 20 (пренебрегаешь), сотона же грѣшивъ помъıсла своєго 28 об., ста подъ мосто· ѡдва оукръıса противнъı 43, бъıвши нощи оутаивъса Къııанъ· бѣжа 58 об., оутаивъса всѣ мужии 137, се азъ ѿхожю свѣта сего сн҃ве мои 54 об., кго же прошеньı не лиши кго бл҃гъıи Б҃ъ 69 об., избуду суıтнаго сего свѣта 69 об., не лишать та Русьскъıѣ земли 86 об., то бо баше́ть кго ѡсталоса передьниѣ волости кго 100 об., Пищаньци волъчьı хвоста бѣгають 27, Ꙗкунъ ту ѿбѣже лудъı златоѣ 50 об., бѣгоша людьє ѡгна 90, ѡже кго ѿступилиса кнази черниговьстии 105, ѿбишаса и Новгородци 155 об., Ꙗрославъ оусумнѣса брата своıго Юрга слушаı нѣкъıихъ льсти 156.

---

[9] Ср. Е. С. И с т р и н а, о. с., § 30.

Род.-аблят. употребляется после сравнительной степени: хотѧ створити вышнии сего манастыра 54, тѣмь же почтенъ есть манастырь Печерьскыи старѣе всего 54.

Род.-аблят. обыкновенно видят при глаголах действительного залога, соединенных с отрицанием: своего никтоже не хулить но хвалить 36 об., да аще еѣ не вдаста за мѧ· створю граду вашему ꙗкоже и сему створи 37 об. — 38, мы не можемъ забыти красоты тоꙗ 37 об., си бо не бѣша преди слышали словесе книжного 41, нѣту ли быка велика и силна 42 об., немощнии и болнии не могуть долѣсти· двора моего 43 об., Ꙗрославу не вѣдущю ѿтьнѣ смрти 48, своее пагубы не вѣдуче 60, и замало бою не бы промежи ими 171 об.

Дательный п. употребляется для означения лица или предмета, к которому направляется действие, выраженное глаголом. Чаще он употребляется для обозначения предмета, в пользу или во вред которого происходит действие: даите (РА дадите) ми ѿ двора по ·г· голуби 16 об.; постави намъ игумена 54; ни бѣда ми котораꙗ 84 об., сказа ѥму вся приключьшаꙗся ѥму 107, послѣте ны оучителѧ 9, честь... пущи ны Игоревы смрти 15 об., повѣжьте ны колько васъ 21, кто ны поможеть 22, покажи ны путь въ Греки 25, сего ны (= нам) вдал 63, Бъ ны поможе 82 об., призови ны Ба 99, браꙗ луче ны е оумрети 160 об., се идеть вы (для вас) Стославъ в Русь 23[10], людье вси рекоша се· намъ пришелъ 69 об., высѣкоша врата манастырю 77, Афету же ꙗша полунощныꙗ страны 2, творихъ трызну мужеви своему 16 об., судите сиротѣ 79, просѧще Роману Ростиславичю Кыѥва 123 об., быша постригы оу Всеволода ... сну ѥго Геѡргеви въ градѣ Суждали 138 об., родися Гюргю кнѧзю дщи 155 об.

К дат. пользы или вреда примыкает падеж дат., обозначающий предмет, к которому направлено известное душевное движение: хотѧ ѿмьстити сну своему (за сына) 23, еже есть разумѣти добру и злу 29, покоривыть (Р покорить) вы противныꙗ подъ вы 54 об., начаша ѥму стужати 72, Гь же посмѣется ему 78 об., Добрына поноси ѥму и дщери ѥго 99 об., нача еи негодовати 99 об., ѡдолѣ Стославъ Козаромъ 19, ѡдолѣ Стославъ Болгаромъ ib., друзии же и закыханью вѣрують· еже бываеть на (з)дравье главѣ 57 об., ѡбѣщася· пещися манастыремъ 63, вѣчнѣи жизни и покою сподобіся 69 об., се бо Бъ на ны попусти поганы 74 (не описка ли вм. поганы?), и рѣхъ аще вы ся и гнѣва(е)те не могу вы ꙗ ити 78, ни питью· ни ѣденью· не лагодите ни спанью 80 об., надѣꙗся батьств8 54, да ... тобѣ ся надѣе 84 об., надѣꙗся силѣ своеѧ 102, того вы братъ мои не приказа 105 об., мы поиде к брату акоже ны велить ib.

К рассматриваемому дат. примыкает и dat. ethicus, состоящий из дательного некоторых местоимений, мало поясняющего глагол и почти независящего от него. Он обозначает лицо, для которого важно исполнение его требования или желания, которое интересует известное со-

[10] Ср. еще Сборник в честь А. И. Соболевского, 40.

стояние: рцѣте ѥму· Володимеръ ти иде(ть) на тѧ 23 об., ѡць ти оумерлъ 46 об., а братъ ти оубьєнъ ѿ Стополка ib., Всеславъ ти бѣжалъ· а не водї Лѧховъ Кыѥву 58 об., Стополкъ сѣдить ти Кыѥвѣ оубивъ Бориса 48, поистинѣ дѣти моꙗ разумѣита· како ти ѥсть члвколюбець Бъ· милостивъ 79, голову си розби дважды 83.

Близок к рассматриваемым дательным и дат. лица, участника или производителя при страдательном залоге: вниде Игорь в Кыѥвъ и не годно бы людемъ 104.

Из представления движения к предмету вытекает и дат. цели: ротѣ заходиша межю себѣ 27, заходилъ ротѣ с Володимеро 88 об., заходилъ бо бѣ ротѣ Стша к Двдви 91 об.; вы чему претребуєте 26 об., чему к намъ идеши 129 об., мои люди чему выдаєшь 136 об., єлико ѥму будеть требѣ 13, не бѣ льзѣ внити в Києвъ 19 об., не бѣ льзѣ проити порогъ 23, не бѣ лзѣ ѡзеромь Печенѣгомъ помагати 48 об., не бѣ лзѣ вкраститсѧ в градъ 73 об., хощю тѧ поꙗти собѣ женѣ 17 об., хочю поꙗти тъчерь твою собѣ женѣ 23 об., дъчерь єго поꙗ женѣ 24, саму поꙗ женѣ 99 об., изѧслав же створив свадбу поꙗ ю (собѣ) женѣ 114.

Вполне пространственное значение имеет дат., когда он обозначает предмет, в который или к которому происходит движение в пространстве, на вопрос «куда?» Примеры: ѡстатокъ бьєны тѣ бѣжаша дружинѣ своєи 134 об., придоста дну (РА во дно) в печеру 70 об. Особенно обычно «домови»: пусти дружину свою домови 14 об., ре дружинѣ своєи· идѣте съ данью домови 14 об., ѡна же хотѧщи домови· приде къ патреарху 17 об., Ꙗневи же идущю домови 60. Обыкновенно сюда присоединяют и домовь: Половци идоша домовь 117 об., възвратишасѧ домовь 134, в чем однако лучше видеть местный падеж, к какому выводу я пришел еще в 1896 г. (ср. русские наречия: *домой*, *долой*. XV т. Известий Ист.-филолог. института в Нежине). В Лавр. л. дат. места особенно употребителен от названий городов: на ту ночь ведоша и Бѣлугороду 88, ѿда дчерь свою Верхуславу Бѣлугороду 138, Всеволод посла сна своѥго· Стослава Володимерю 103, възвратишасѧ Володимерю 136, приде Волъıню 48 об., приде ночью Вышегороду 45 об., иде Звенигороду 69, придоша Києву 16 об., възратисѧ къ сну своєму Києву 17, си же Ѡльга приде Києву 18, иде въ свою землю· и приде Києву 18, иде Києву 26, и приде Володимеръ Києву 27, възвращашетьсѧ Кыѥву на Оуспенье 43, Антонии же приде Кыѥву 53, възвратишасѧ Кыѥву 58 об., Стополкъ приде Киеву самъ третии 73 об., вземше принесоша и Києву 73 об., на ту ночь приде Києву ib., несоша и Володимерю· а ѿтуда Кыѥву 69, приведе Кыѥву ib., приде Стша Лучьску· а Путѧта Кыѥву 91 об., послаша к нему зова к собѣ Кыѥву 106, посла Андреи кнѧ Кыѥву 123, Андрѣеви ре иди Курску 102, Ꙗрославъ иде ѡпѧть Мурому 99, иде Вольга Новугороду 17, приде Володимиръ съ Варѧги Ноoугороду 28 об., Ꙗрославъ же приде Новугороду 50 об., Новгородцѣ вороти Новугороду 50, иде к другому брату· своєму Стополку Новугороду 103 об., ꙋбѣжа Новугороду 104 об., посла

кнѧ сна Новугороду 147 об., изиде ис Торжку· Новугороду 148, бѣжа Нерадець Перемышлю 69, иде из града на столъ ѡтень Переıаславлю 75, приведе брата своıего... Переıаславлю 101, (но — придоша к Переıаславлю ib.), посла ко Рогъволоду Полотьску глѧ 23 об., поиде Полотьску ѡпѧть 49 об., Брѧчиславъ бѣжа Полотьску 50, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску 58 об., посла сна своıего Ростову на столѣ· а Всеволода на Ӏѧрославль на столъ 151 об., самъ иде Рѧзаню 86 об., (но — поиде к Рѧзаню ib.), иде Двдъ из Новагорода Смолиньску 76, тои пакъ ѿиде к Берестию... а мене посла Смолиньску 81, поворотисѧ Новугороду· и иде Смолиньску 106 об., прибѣгъ с полку Смолиньску 115, Ӏѧрославъ иде Смолиньску на Литву 164 об., Ӏѧрославъ приде Суздалю 50, посла Изѧславъ по всѣ Суздалю 85 об., иди Суждалю 111 об., иде Суждалю 113 об., пришедъ Тьмутороканю· заложи цркback 50, бѣжа Ростиславъ Тмутороканю 55, посла по Стополка· Турову 72 об., иде ѡпѧть Турову· а Всеволодъ вниде в Кыıевъ 102, приде Црюграду 17 об., поидемъ Црюгороду 22, приведоша ıа Црюграду 52 об., поточиша и за море Црюграду 68 об., в то же лѣ поточи Мстиславъ Полотьскыѣ Црюгороду с женами и с дѣтьми 100, поıа (взял) Антоныıа Чернигову 65, иде Володимеръ вспѧть Чернигову 69, ѿдалъ дчерь свою Всеславу Чернигову 137, бѣжа ко тьсти своıему Чернигову 146. Из приведенных примеров можно видеть, что и употребление названий городов с предлогом для означения направления «куда» также возможно [11].

Очень характерную особенность древнерусского, как и старославянского, языка составлял дат. принадлежности. Он развился из местного значения дат. п. на вопрос «где?». Употреблялся он и при глаголах, и при именах: копье летѣ сквозѣ оуши коневи 16, ѿпусти ю нарекъ ю дъщерью собѣ 17 об., домъ мои· домъ молитвѣ прозоветсѧ· всѣмъ ıазыкомъ 33 об., положиша и оу стго Феѡдора· въ ѡтни ıему манастыри 114, ıаша Мстислава Ӏѧрослава· сновцѧ ıему 131, сватъ ıему ıатъ 140, Гь защититель животу моıему 147, в канунъ Ржтву стъıа Бца 156. Сюда же принадлежит целый ряд образований с дат. п. личных местоимений, как обычное в летописи «въ своıа си».

К области дат. п. принадлежит и дат. самостоятельный, например: бившемъсѧ ѡбоимъ· ѡдоле Стославъ Болгаромъ 19, Володимеру же пришедшю Лучьску· и вдашасѧ Лучане 69 и т. п. Но подробнее этот вопрос рассмотрим в сложном предложении.

В выражении: ѡ неиздреченьному члвколюбью 74 об. — церковнославянский оборот, взятый из греческого.

Винительный п. употребляется для означения прямого объекта, на который переходит действие: иде Вольга... оуставлѧющи оуставы и оуроки 17, вдасть печенѣжьскии кнѧзь Прѣтичю· конь· саблю· стрѣлы· ѡнъ же дасть ѥму· бронѣ· щитъ· мечь 20, повѣдаша ѥму всю речь Рогънѣдину 24, нача даıати ѡвѣмъ корзна 48, горѣıе всѣ сдѣıахо грѣхы 75, сказа

---

11 Ср. Сборник в честь А. И. Соболевского, 39—40.

ѥму вса приключьшаюса ѥму 107, оубьеньѥ ѥго послѣди скаже 124, на неже пусти Гь҇ каменье горюще 28.

Есть случаи употребления вин. п. даже после глагола, соединенного с отрицанием: не преступите ѿ него ничтоже 13 об., не видаше ничтоже 38, аще кто мтрь не послушаеть 18 об., но тут же: аще кто ѡца ли мтре не послушаеть. Иногда смешиваются во мн. п. по окончанию вин. и им. п.: ношаху сли печати злати· а гостье сребрени 12.

Некоторые средние глаголы, соединяясь с предлогами-приставками, также могут требовать вин. п. коли можете престоꙗти на҇· 44 об.

Трудно сказать, древнерусская ли особенность, или заимствование из церковнославянского, а может быть, и греческого языка употребление вин. п. после глаголов sentiendi и declarandi: Ламехъ вѣдꙑи казнь бывши на прародителю ѥго 49 об., Половци же оузрѣвше полкъ Володимерь· крѣпко идущь на ни҇· побѣгоша 134, тогдꙑ же слꙑшавъ Володимерко идуча в Русь· поиде г Кꙑѥву 113, Половци же оуслꙑшавше всю землю Русскую идуще· бѣжаша за Донъ 135, слꙑшаша идуща (ихъ) из Володимерѧ· бѣжаша 136, услꙑшав же Всеволодъ полонену жену... и имѣнье взѧто· печаленъ бꙑ҇ велми 136 об., слꙑшавъ бѣду створшююсѧ на градѣ· и ѣха скоро Ростову 148 об., почютиша Ѩрополка идуча; слꙑшавъ насильѥ отъ кнѧзь. Во многих из приведенных примеров два вин. п.: один прямого дополнения, а другой определение к нему.

Если пояснением глагола должен быть одушевленный предмет, то здесь в ед. ч. название предмета в старом вин. ставится редко: посади мужь свои 8, поиди за кнѧзь нашь за Малъ 15, кнѧгини хоче за вашь кнѧзь 15 об., вꙑпусти тꙑ свои мужь а ꙗ свои да сѧ борета 42 об.; во множ. числе чаще: видѣ ту люди сущаꙗ 3 об., тако мучаху Дулѣбꙑ 4 об., изъгнаша Варѧгꙑ за море 7, посла нꙑ Деревьска землѧ 15, пустиша ꙗ к собѣ (друг на друга) 42 об., позва к собѣ нарочитꙑѣ мужи· иже бѧху иссѣкли Варѧгꙑ 48, приставимъ вꙑ хоромомъ рубити нашимъ 48 об., постави Варѧгꙑ посредѣ 51, и распуща Лѧхꙑ на покормъ· (и) избиваху Лѧхꙑ ѡтаи 58 об., исѣче Козарꙑ· иже бѣша свѣтници на оубье(нье) брата ѥго 68 об., грабѧи попꙑ 117, конѣ· и скотꙑ· и ѡвцѣ погнаша въ Половцѣ 120 об. Рядом с подобными оборотами встречаются и смешанные: посла Володимеръ снъ҇ свои Романа 97; особенно местоимения в таких конструкциях склонны к род. п.: повелѣ сѣчи Деревлѧне (им. вм. вин.) и исѣкоша ихъ 16, ихже емше ѡвѣхъ растинаху· другиꙗ аки страны поставлѧюще· и стрѣлѧху въ нѧ 10, сама кнѧзѧ оутекоста· а люди ѡвѣ҇ избиша· а инꙑ҇ извѧзаша 147 об. Но обыкновенно в подобных случаях в ед. ч. ставится род. п.: иже находиша на Хоздроꙗ црѧ҇ 4 об., оубиваху другъ҇ друга 5, приде носѧ Игорѧ дѣтьска 8, вынесошѧ Игорѧ ib., оубиша Аскольда и Дира ib., посли к намъ въскорѣ... Мефодиꙗ и Констѧнтина 9, Семеѡнъ... оумре ѡставивъ Петра кнѧзѧ сна҇ своего Болъгаромъ 10 об., но ѡбаче любѧше Ѡльга сна҇ своего 19, се кнѧзѧ оуби-

хомъ Руского 15, хотѣ похватити брата своѥго и мало не оутопе сам 73 об., водѧ с собою Брѧчислава зѧтѧ своѥго 99, слъшавъ кнѧзь Андрѣи· ита брата своꙗ... посла сна своѥго 123.

Есть двойной вин. и в том смысле, в каком он употребляется в греческом и латинском языках: Коцелъ кнѧзь постави Мефедьꙗ єппа в Пании 9 об., повелѣ засъшати ꙗ живъі 15 об., видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смъіслену... бесѣдова к неи 17 об., мнѧхуть и своєго 19 об., видиши мѧ болноє сущю 20 об., паки же и землю глть мтри (РА матерь) 39 об., наре и Переꙗславль· зане переꙗ славу ѡтрокоть 42 об., понеже видѧть члвка Бмь почьщена 46 об., поставлю оуношю кнѧзѧ имъ· и ругателѧ ѡбладающа ими 48, видѣ ѡсла стоꙗща· на игумени мѣстѣ 64 об., видѣ ѡбиходѧща бѣса· в ѡбразѣ Лѧха в лудѣ 64, оутомивше и· ѡставиша и живного (РА оле жива) 65, на заоутрьє же налѣзоша Тугоркана мертвого 77, толко Семцю ꙗша ѡдиного живого 81 об., ѡбрѣтоша мужа стоꙗща с колъі и возложьше и на кола везоша 106, видѣша Игорѧ лежаща 106, зовуть ꙗ татары 153, видѣ... посредѣ насада стоꙗща мчнку Бориса и Глѣба 169.

Несколько более редких случаев дополнений; причина — мьщю Русьскую землю 89 об. (за русскую землю); Рогволоду держащю и владѣющю и кнѧжащю Полотьскую землю 99 об.; при «ради» обыкновенно ставится род. п., но в летописи несколько раз встретился вин.: впраша что ради вече бъіло 44, нъінѣ же что ради ѡстахъ азъ єдинъ 46 об., что ради губивѣ дружину межи собою· но съідевѣ сѧ сама 50, что ради боꙗтсѧ ѥгоже се носимъ на собѣ крта 60 об., повѣдаша· что ради пришелъ єсть 60 об.

Вин. п. употребляется для обозначения места и времени: верхъ Днѣпра волокъ 3, сташа ѡбаполъ (из вин. п. дв. ч. «обаполы») рѣкъі Буга 48 об., свершена любъі вонъ измещеть боꙗзнь 68, ту оубиша и конець всходъ (в конце ступенек) 106, сѣдоста ѡбаполъі Сновидъ Изечевичь и Дмитръ 88, Оулѣбъ же внида Черниговъ (РА въ Черниговъ)[12] приде изъ Црѧграда к великому кнѧзю Костѧнтину Володимерь (=в В—рь) 151. Вин. времени: си первое вниде в цртво нбноє ѿ Руси 20 об., ѿпадъ славъі первоє 28 об., почаша ꙗсти сами первое 44 об., второє Володимеръ залеже ю· не по браку 25, побѣди є второє 26, се оуже третьєє наведе поганъꙗ на землю Русьскую 75 об., топерво оувидѣхъ Ба истиньнаго 38 об., поистинѣ ꙗвлѧѥтесѧ топерво въ ѡбразѣ звѣринѣмь 66 об., рѣша топерво великъіи полкъ идеть 121, азъ оутро послю по въі 15, ѡсень оумре половечьскъіи кнѧзь 68 об., другоицѧ (в другой раз) в домъі ихъ приходѧ 70 об., и ночь ѿвсюду нарѧдивше ѡколо вои· тоже лѧзите 80 об., са ѥсмь створилъ дѣла·

---

[12] Ср. Сборник в честь А. И. Соболевского, 40, где приведены подобные примеры из былинной речи (Идет он княженецкой двор. Рыбн. I, 135) и теперешнего языка (иди *вон!*, ступай *прочь!* ср. Супр. р. гради вънъ, древнерусское иди *проче*).

на воинѣ и на ловѣхъ ночь и днь на зною и на зимѣ 83, ту сѣдѣ лѣ· ѡдино 101, Новгородци держа зиму и лѣто 102 об., перестоꙗвъ ту ·в· дни 131 об., стоꙗше промежи собою двѣ недѣли 131 об., зимусь ѥси ночи на свободу розбоѥ оударилъ 170 об.

К вин. п., обозначающему пространственные отношения, примыкает и вин. цели, выражающейся особой глагольной формой — достигательного (supinum): изиша противу· и съступиша битъ 19, пристра(и)ваисѧ противу битъсѧ 23 об., пакы ходихомъ... со ѡцмь и со Изѧславомь битъсѧ Чернигову 81 об., поити же хоче битъсѧ за своѥго кнѧзѧ 105 об., Ѿтолѣ же приѣздѧху к городу битъсѧ 111 об., тогда же все множьство Половець· ѣхаша к городу битъсѧ 113, сступишасѧ битъ и бы сѣча зла 113 об., ѡни же кликнувше поидоша оубитъ Игорѧ 105 об., (но тут же: идѧхуть людьѥ по мосту· оубити Игорѧ), съидевѣ сѧ сама боротъ 50, придоша Половци первое на Русьскую землю воеватъ 55, ѣхаша за Кыѥвъ воѥватъ 120 об., пришли ѥсьмы воѥватъ Болгаръ 132, поганыꙗ распустиша воеватъ 145 об., насъ послаша ротѣ водитъ тебе 14, посла искатъ брата своего 23 об., поидемъ искатъ лапотниковъ 27, да поидѣте кнѧжитъ и володѣти нами 7, посла снъ свои другыи Андрѣꙗ· кнѧжитъ Володимерю 97, посла в Володимерь кнѧжитъ ib., приведе брата своѥго... Переꙗславлю кнѧжитъ 101, поꙗша Ростислава кнѧжитъ оу себе 101 об., посла к ни Стослава кнѧжитъ 102 об., посла Андрѣи кнѧ Кыеву кнѧжитъ Романа Ростиславича 123, просѧще Роману Ростиславичю Кыева· кнѧжитъ кнѧзю Андрѣю 123 об., Ростислава Мстиславича введоша во Смольнескъ кнѧжитъ 126 об., роздѣливше волость Ростовьскую сѣдоста кнѧжитъ 126 об., поꙗша к собѣ кнѧжитъ 135 об., просимъ оу тобе сна кнѧжитъ Новугороду 141, Новгородци поꙗша к собѣ Ꙗрослава... кнѧжитъ 153, посла два Варѧга прикончатъ ѥго 46, сниде дъщи фараѡнова купатсѧ 31 об., азъ пошлю молитсѧ з дружиною своею къ ѡцю своему 86, приходиша Ѿ Рима поучитъ васъ к вѣрѣ своеи 28, по Велицѣ дни ис Переꙗславлѧ та Володимерю· па Сутеиску мира творитъ 81, мы не цѣловати ихъ приѣхали 130 об.

Твор. п. места: Михаилъ изиде с вои брегомъ и моремъ на Болгары 7, идоша Угри мимо Киевъ горою 8 об., да входѧтъ в городъ ѡдинѣми вороты 12, ѡконцемъ малы бесѣдоваше 62 об., подаваше ѥму ѡконцемъ 65.

Наиболее распространен твор. п. орудия (ablativus instrumenti). Он всегда бывает при глаголах: мы сѧ доискахомъ ѡружьемь ѡдиною стороною (остромь)· рекоша саблѧми· а сихъ ѡружье ѡбоиду (А обоюду) ѡстро рекше мечь 6, Бъ наводить по грѣхомъ· на куюждо землю гладо· или моромъ· ли ведромь 50, сего же Котопана побиша каменьемь корсуньстии людье 56, но сими дыꙗволъ лстить· и дргыми нравы всѧчьскыми 57 об., кртмъ бо кнѧзе в бране пособить 58,

волхвують· женъı чародѣиство и ѡтравою 60 об., ѡдра мѣхомъ козелъ· и ѡблече на власаницю 64 об., бѣ ѡбладаꙗ Ѡлегъ полѧнъı 8 об., тако и си владѣша а послѣже самѣмъ владѣють (вм. самѣми) 6 об., сольстилъ єси нами 25, нача даꙗти... другъı кунами 48, да тобою крѣписѧ и тобѣ сѧ надѣє 84 об., (и ѡни) дають скорою противу 85, в се времѧ разболѣ Володимръ ѡчима и не видѧше ничтоже 38, постомъ· Самоила мти роди 62, тѣмъ же прркмъ глеть на 130 об., сиротами добрѣ пекыисѧ 150, твои мужь оударить моимь 42 об., оудари имь ѡ землю 42 об., ѿ дѣтьства бо кго нѣ кто имъ оударилъ 42 об., се рекъ оудари имь ѡ землю 50, начаша имъ (Исакием) играти 65, бивпесѧ ѡдолѣша имъ 121, паче же женами бѣсовьскаꙗ волъшвеньꙗ бъıвають 60 об., очень интересны обороты при «оженитися»: ѡви бо попове ѡдиною женою· ѡженѣвъсѧ служать 40, Всеволодъ ѡжени сна своκго Стослава· Василковною Полотскаго кнѧзѧ 103 об., великъıи кнѧ ѡжени сна своκго Геѡргиꙗ Всеволожною къıєвьского кнѧзѧ 148, ѡженисѧ Володимеръ Глѣбовною Черниговьского кнѧзѧ 149 об., ѡжени сна своκго... Володимерною Рюріковı 157.

К твор. орудия примыкает и твор. при страдательном залоге: видѧть члвка Бмь почьщена 46 об., оувѣданъ бъı всѣми великъıи Антонии и чтимъ 53, да хоженьємь поганъı· и мучими ими Влку познаκмъ· κго же мъı прогнѣвахо 74 об., создана бъı цркъı... князе Андрѣємъ 117 об., истопоша боле тъıсѧчи ихъ· Бжьимъ гнѣвомъ гоними 132. Страдательное значение иногда имеют некоторые прилагательные, особенно с суффиксом -ьнъ, напоминающим суффикс страдательного причастия -енъ: повинни бȣдȣть то створшии прежереченною єпитемьею Радз. 17 об.—18.

Близок к твор. орудия твор. отношения. Он употребляется при именах прилагательных и изредка при существительных для означения отношения, в каком известное качество приписывается предмету: бъıша Ѡбърѣ тѣломъ велици· и оумомь горди 4 об., видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смъıслену... бесѣдова к неи 17 об., бѣ бо середнии тѣломь 42 об., бѣ же Мьстиславъ· дебелъ тѣломь· черменъ лице· великъıма ѡчима· храборъ на рати 51, бѣси... суть немощни и худи взоромь 60, суть ѡбразо черни· крилатъı хвостъı имуще 60 об., бѣ же Василко лице красенъ· ѡчима свѣтелъ и грозенъ 163.

Исключительно при глаголе бывает твор. причины (abl. causae): будеть достоинъ своимъ ѡружьємъ оумрети 14, въı хочете изъмерети гладомъ· не имучесѧ по дань 16 об., изнемогаху людьє гладомъ и водою 19 об., ср. 55, гражены (из-за горожан) же не бѣ льзѣ оубити Кроролка 24 об., людьє изнемогоша водною жажею и предаша 37 об., не бѣ лзѣ ѡзеромь Печенѣгомъ помагати 48 об., не бѣ лзѣ вкрастисѧ

в градъ· множьствомь вои ратны 73 об., ѡружьѩ не снимаите с себе· вборзѣ не розглѧдавше лѣнощами 80 об., есть же путь до горъ тѣхъ непроходи пропастьми, снѣго и лѣсо 85, се же є пособьѥ Бжьимъ 104 об., оучала бѣ рушитисѧ старостью 153. К творительному причины принадлежит и союз «тѣмь»: да тѣмь и не твердъ бѣ ѥму бродъ· зане не бѧше ту кнѧзѧ 110 об., тѣм глху: на перевозъ на Киевъ 4.

Особую группу составляет твор. образа действия (abl. modi), стоящий при глаголе и отвечающий на вопрось «как?»: бе бо оумѣѩ печенѣжьски 19 об. (наречие по форме твор. п. мн. ч.), малъı бо насъ не взѧша печенѣзи 20, ихъже вѣра маломь с нами разъвращена 28, лѧжемъ костьми (ту) мертвъı 21 об., живѧху скотьски члвци 29 об., рещи бѧше Давъıдскъı 83 об., поча въıти волчьскъı и волкъ ѿвъıсѧ ѥму 91, мужьскъı створи 108 об., ѩвисѧ ему Бъ в купинѣ ѡгнемь 31 об., возпи великъı глмь 69, влѣзохо и (видѣхо) (и) лежащь мощьми 70 об., азъ поиду к вамъ ѩростью лукавою 74, наворопиша изгоно 98, ѣха нань изъѣздомъ 123 об., ѡни же словомъ суще по ни· а дѣломъ далече суще 126 об., даи мою дружину добро 136 об., Володимеръ... бѣ жива с кнѧзи ѡколними миромъ 43 об.

Твор. предикативный: поставиша Ѳеѡдосьѩ игумено 54, молѧсѧ ѥму да бъı и створилъ черноризцемъ 64 об., поставленъ бъı еппомъ... Суждалю и Володимерю 154 об.

Твор. при междометии: ѡ тмами любве ѥже к намъ· понеже хотѧще оуклонихосѧ ѿ заповѣдии ѥго 74 об.

М е с т н ы й п. без предлога в летописи довольно распространен. Кроме места, он показывает и время совершения действия. Примеры для обозначения места действия: собрашасѧ на мѣстѣ· Сенаръ поли здати столпъ 2 об., налѣзоша и Ѻльга въıсподи трубьѩ 23 об., прославиша и средѣ двора кънѧжа 58, долу ѡчи имѣти· а дшю горѣ 79, Бѣлѣгородѣ затворилсѧ Мстиславъ Романови 145, посади Ꙗрополка· Володимери 69, Изѧслава привезъше положиша и оу стое Бци Володимери 132, ѡбновлена бъı цркъı стоѥ Бци Володимери 139 об., Свѧтополкъ же сѣде Къıевѣ по ѡци своемь 45, поиди сѧди Къıевѣ 45 об., Стополкъ нача кнѧжити Къıевѣ 48, ѡць мои оумерлъ· а Стополкъ седи(ть) Къıевѣ 48, Ꙗрославь же сѣде Къıевѣ 49 об., бѣѩху Къıевѣ мужи Ꙗрославли 50 об., Изѧславъ сѣде Къıевѣ· Стославъ Черниговѣ· Всеволодъ Переѩславли 55, бъı пожаръ великъ Къıевѣ городѣ 97 об., смета с себе чернечьскъıѣ портъı· и сѣде Къıевѣ 143 об., снѧшасѧ Любѧчи 86 об., престависѧ Володимеръ снъ Ꙗрославль· старъ Новѣгородѣ 54 об., в се же лѣ Новѣгородѣ иде Волховъ вспѧть 55, Мьстиславъ Новѣгородѣ сѣде 76, престависѧ Новѣгородѣ 131, престависѧ Ростиславъ... Переѩславли· свитающи велицѣи пѧтницѣ 110, послаша к Гюргеви рекуще· иди

Суждалю а сна посади Переяславли· не може с тобою быти здѣ 111 об., бѣ бо Рогъволодъ прішелъ и-за-морья· имяше власть свою в Полотьскѣ а Туры Туровѣ 23 об., тогда сущю великому князю Ростовѣ в полюдьи 138, сщна бы цркы стою мчнку Бориса и Глѣба· Ростовѣ 151, в то же лѣ преставися Глѣбовая Гюргевича Суждали 114, сѣде Костянтинъ в Володимери на столѣ· а Юрги Суждали 150 об., посади Изяслава Полотьскѣ· а Стополка Туровѣ· а Ярослава Ростовѣ... Стослава Деревѣхъ 42, ср. 104 об., иже стоить и до сего дне Тьмуторокани 50, Мьстиславу сущю· Тмутороканю· поиде на Касогы 50, сѣде Тмуторокани 55 об., сѣде на столѣ Черниговѣ 50, посади сна своеєго Володимера Черниговѣ 68 об.

Местн. без предлога употребляется и для обозначения времени: пакы ходихомъ том же лѣ· со ѡцмь и со Изяславомь битъся Чернигову 81 об., том же лѣ· Изяславъ ѿда дщерь свою 103 об., бяху не ходили томь лѣ 134 об., се молвилъ Василко си ночи· к Уланови и Колчи 89, приѣхавъ ночи противу свѣту г Кыєву 123, бѣжа прочь ночи 155 об., идоша веснѣ на Половцѣ 95 об., 96.

Местн. п. употребляется после некоторых глаголов: ѡн же надѣявъся цѣлованьи крта 56 об., повелѣ Николѣ Грьчину ѿписатися землѣ Русьстѣи 132 об.

Уже из приведенных примеров можно видеть, *как* выражаются разные пояснительные слова; глагол-сказуемое поясняется разными формами падежей, подлежащее и вообще существительные также могут поясняться зависящими от них формами падежей. Однако имя чаще поясняется определениями, которые согласуются с ними, или — в приложениях — стоят, так сказать, параллельно с ними. Некоторые случаи здесь заслуживают особого внимания. Не бывает часто согласования с именем, если определением служит сравнительная степень или причастие, которые в то время уже утрачивали свою способность склоняться: поиду в Русь приведу боле дружинъ 22, повелѣ Ѻльга... рькуще сіце 15 об., въ єдинъ стыи дхъ· исходяще 38 об., Ламехъ вѣдыи казнь бывши на прародителю єго 49 об. Есть случаи пояснения имени инфинитивом: єтеръ же законъ Халдѣємъ (и) Вавилонямъ· мтри поимати· съ братними чады блудъ дѣяти 5б.

Определения очень часто выражаются именной формой прилагательного: гдѣ єсть ныне Оугорьска земля 2 об., Ѻльга же повелѣ ископати яму· велику и глубоку· на дворѣ теремьстѣмь 15 об., иде на Дерьвьску землю 16, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику 46, чловкъ золъ ни крта ся боить 46 об., понеже видять члвка Бмь почьщена 46 об., песъ родися шестоногъ 55 об., ѡдожди на дождь ранъ и позденъ 57, начаша браи просити· Стеѳана деместика суща тогда 63, Ростислава всади в ладью толико самого ли четверта 107, горожане вси ѿ мала и до велика 145, повержену на лѣсѣ· видѣ и єтера жена

вѣрна 162 об. и т. д. Но и членная форма прилагательного в такой же роли возможна: ре҃... ѡно ти сѣдить вранъ черныи 65 об., татарове... иконы ѡдраша· а иныѣ исѣкоша· а ины· поимаша 161 (рядом одно и то же местоимение в полной и краткой форме).

Очень распространен способ пояснений посредством приложений: ѡн посла к ни҃ блгочтиваго кнѧзѧ Василька сн҃овца своѥго· Костѧнтиновича 153 об., родисѧ оу Мстислава сн҃ъ· оу Андрѣевича 122, пренесоша бра҃и всѧ ст҃ою мч҃нку Бориса и Глѣба 96 об. В предложении: великаꙗ цр҃кы· ст҃оѣ Бц҃ѣ (сгорѣ) 171 об., пояснение к цр҃кы выражено род. п., зависящим от имени, но в других подобных случаях обыкновенно бывает приложение: На тои могилѣ поставилъ цр҃квь свт҃го Николу 8, заложи... цр҃квь камену ст҃ую Бц҃ю 116 об., принесе ида икону ст҃ую Бц҃ю 116, создана б҃ы цр҃кы ст҃аꙗ Бц҃а в Володимери 117 об., заложи... цр҃ковь Рж҃тво ст҃ыꙗ Бц҃ѧ в градѣ Володимери 138 об., ѡбновлена б҃ы цр҃кы ст҃аꙗ Бц҃а в Суждали 139 об., тоѥ же ѡсени придоша новгородци· лѣпшиѣ мужи· Мирошькина чадь 141, бѣ бо имѧ ѥму Малъ· кнѧзю Деревьску 15, посла к ни҃ блгочтиваго кнѧзѧ Василька сн҃овца своѥго· Костантиновича 153 об., имѣꙗше волость свою Полтескъ 99 об., бл҃говѣрнаго кнѧзѧ корень· бл҃говѣрнаꙗ ѿрасль· Ꙗрополкъ... побѣди поганыꙗ 98.

Приведем примеры на пояснительные слова в предложении, выраженные **падежными формами в соединении с предлогами**.

Рассматривая примеры на пояснительные слова в предложении, выраженные теми или другими падежами без предлогов, можно было заметить, а) что нередко первоначальные значения падежей ослабевали, так сказать, выветривались, вследствие чего падежные окончания не в состоянии выражать те отношения, которым они прежде служили; особенно это можно видеть на форме местн. п., который в современном языке без предлога вовсе не употребляется, да и в старину охотно принимал перед собою предлог; б) что падеж без предлога в теперешнем своем положении и не может точно выражать всех своих оттенков, для чего и понадобилось к тем или другим формам падежей приставлять разные предлоги непосредственно, или, по крайней мере, ставить такие слова в зависимость от глаголов предложных.

Кроме того, некоторые из предлогов, развившиеся из наречий, а в более позднюю пору и из именных форм, выражают не только те или другие отношения между словами — поясняющими или поясняемыми, — но и сами по себе выражают нечто материальное. Таковы, например, «възлѣ»: ѡни же доспѣвше поидоша възлѣ рѣку Ѻку горѣ 145 об.; «дали»: дали града ст(р)ѣлище ѥдино 37 об.; «дѣлѧ»: Всеволо҃ же и Мстиславъ· сжалистаси брата своѥго дѣлѧ Володимера 160 об.:

«кроме»: рє҃ С҃тославъ кромѣ зрѧ ѡтрокомъ своимъ схороните 21 об., Ростиславъ же Ѿступи кромѣ из гра(да) 55; «межи»: что ради губивѣ дружину межи собою 50, ставшим же и҃ межи собою... бы҃ дождь силенъ 111; «мимо»: идоша мимо Києвъ 4 об., ида мимо Первосопницю 110; «противу»: придоша противу собѣ 56 об., сташа шатры противу Кыкву по лугови 110 об., посла и ѡц҃ь с вои· противу мачесѣ 113 об.; «равно»: равно другога свѣщаны 11. Многие из этих слов могут и самостоятельно служить пояснением глагола без зависящего от них слова.

Собственно предлоги обыкновенно древнего происхождения. Прежде чем перейти к рассмотрению употребления отдельных предлогов, сделаем два общих замечания: а) некоторые предлоги могут удваиваться. В летописи такие случаи редки, но есть: битисѧ сс Володимеричи 101; б) как и в других древнерусских памятниках, и в Лаврентьевской летописи наблюдается повторение предлога перед именем и определением этого имени, например: Посла и ѡц҃ь с вои противу мачесѣ· с Володимеромъ съ Андрѣєвиче҃ 113 об.

Предлоги управляют всеми косвенными падежами; некоторые допускают после себя конструкцию нескольких падежей, смотря по тем или другим, обозначаемым ими отношениям. Для удобства расположим предлоги в алфавитном порядке.

Безъ обозначает удаление от чего-нибудь и сочиняется с формой род.-аблят.: жена дѣтищь роди безъ ѡчью· и без руку 55 об., въ кдину бо нощь бы҃ без вѣсти 59.

Въ, *во*. Главное значение этого предлога местное на вопросы «куда?» и «где?», затем временное на вопрос «когда?», образа действия на вопрос «как?». Из этих значений проистекают переносные. Примеры: поиде С҃тославъ в пороги 23, в се же лѣто всади Ꙗрославъ· Судислава в порупъ 51, и мало в градъ не въѣхаша Половци 77, поѣхаша в Татары 165, пришедше в село в Туров 170. Выражение «вместо» разделяется: то вы будеть в мене мѣсто 54 об. Время: въ третии межю десѧ (тма) похороненъ 103. В переносном смысле: поиди кнѧже с нами в дань... иде в Дерева в дань 14 об., возлюби Б҃ъ Аврама и племѧ єго· и нарє҃ ꙗ в люди себе 31, тако множицею оубиваꙗ· сбиша ѣ в мѧчь 91 об., повелѣ єю (РА еи) оустроитисѧ во всю тварь ц҃рькую 99 об., се рекше оудариша в конѣ· и взѧша городъ 130 об. Обозначение места на вопрос «где»: кто въ Києвѣ нача кнѧжи҃ 1 об., вы бо єсте изънемогли в (о)садѣ 16 об., Ꙗрославу· любѧщю Берестовоє... и попы многы набдѧщю· в ниже бѣ презвутеръ· именемь Лариѡнъ 52 об., кго же дѣтища выволокоша рыболове в неводѣ 55 об., с҃нокъ кго в Новѣгородѣ· а бра҃ꙗ кго в Руси 125 об. Время: во мнозѣхъ же времѧнъ· сѣли суть Словѣни 2 об., по семь же начаша в дн҃е ꙗвлѧтисѧ на конихъ 71 об. В переносном смысле: въ ꙗденьи бо мнозѣ и питьи безмѣрнѣ въздрастають помысли лукавии 62, почаша сами

в собѣ володѣти 7, женъı в ни҃ (среди них) ѡрють 5 об., ѡнъ же ре҃ азъ єсмь мужь єго· и пришелъ єсмь въ сторожѣ 20, суть дѣлани руками в деревѣ 26 об., кто болии въ васъ акъ же Ѳеѡдосии 54, ѡдолѣ Ст҃ославъ в тре҃ тысѧчахъ 58, въ алчи и в жажи и в бѣдѣ ѡпустнѣвше лици· почернѣвше телесъı 75, сѣдѧ на сане҃ помъıсли҃ в дш҃и своєи 78, в насъ в братьи 88 об., на҃ суть кнѧзи муромьскъıѣ· и рѧзаньскъıи близь в сусѣде҃ 125 об., по кого хочемъ послати в своихъ кнѧзе҃ 125 об., не бѣ слъıшати пѣньı в плачи 163 об. Образ действия: ѡступиша (Печенѣзи) градъ в силѣ велицѣ 19 об.

До обозначает предел, до которого простирается действие в пространстве или во времени: а и-Щерьнигова до Къıєва· нестишь ѣзди҃ ко ѡц҃ю 82 об., поча кланѧтисѧ поı пл҃мы ѡли и до полунощьı 65.

За. Основное значение этого предлога — движение назад чего-либо или пребывание позади чего-либо. Есть и переносные значения. Примеры: оудариша слугъı црвъı Леѡна за шью 118, оудари и за плече копьємъ 67 об., да поиди за кнѧзь нашь за Малъ 15, ведена Передъслава в Угръı за королевичь 94 об., ведена дщи Володарева за ц҃ревичь за Ѡлексиничь· Црюгороду 94 об. Обозначение времени: созда столпъ то за ·м҃· лѣ҃ 2 об., ждаша за мѣсѧць 25, поработиша племѧ єго за ·у҃· лѣ҃ 31, да воюıмъ за три лѣта 42 об., коли можете престоıти на҃· аще стоите за ·і҃· лѣ҃· что можете створити на҃ 44 об., аще не имате волхву сею не иду ѿ васъ и за лѣто 59 об. Образ действия: за маломъ бо бѣ не дошелъ Ц҃рѧгра҃ 22.

Изъ обозначает исходный пункт известного действия в движении изнутри чего-нибудь как в собственном, так и в переносном смысле. Эта внутренняя среда иногда является причиной известного действия. Примеры: въıскакав же вси прочии изъ лодьı 8, бѣжа из Бѣлагорода Полотьску 58 об., иде из Новагорода из Великаго 172. Причина: ѡнъ же работа другую ·з҃· лѣ҃ изъ Рахили 31, Ꙗковъ работа оу оуı своєго изо тщере єго изъ меньшеѣ 31.

Къ (*гъ*, *хъ*) употребляется с дат. п. и обозначает либо такой предмет и состояние, к которому направляется действие, либо цель движения. Иногда предлог оказывается как бы излишним, так как движение к чему-либо может быть обозначено и дат. п. пользы или вреда, а также цели: приде къ Смоленьску 8, придоста къ горамъ хъ Києвьскимъ 8, приде ко Ц҃рюграду въ силѣ въ велицѣ в гордости 10, възвратишасѧ к Торцьску 73 об., приде Бонѧкъ с Половци г Къıєву 76 об., первоє к Ростову идохъ... а самъ иде Курьску 81, Ѡлег же побѣже к Мурому 86, иде к Теребовлю 103 об., Изѧслав же приде к Чернигову· и незаставъ Гюргѧ· воротисѧ г Къıєву 113 об., ити ставитъсѧ к митрополиту г Къıєву 119, повелѣ (къ) комуждо голуби· и

къ воробьеви привѧзывати цѣрь· ѡбертывающе въ платки малы 16 об., всади брата своѥго Плесковѣ ѡклеветанъ к нему 51 об., придоша Половци Итларь и Кытанъ к Володимеру 75 об., к жена нелѣпымъ не бесѣдовати 79, или к Василкови тезу своему 89, помогу ти г Кыѥву 104, пер(ед)ъ собою посла к брату Кыѥву к Володимеру· и к Лазареви к тысѧчскому 105, цѣловавше къ Юрью кнѧзю 125 об., пославше к нима звахуть єго к собѣ на свѣтъ 135 об., поѣхаша в Татары к Батыєви 165.

На обозначает движение на поверхность чего-либо или нахождение на чем-либо в пространственном или временном отношениях, как в собственном, так и в переносном смысле. Эти отношения могут переходить в обозначение образа действия и цели в зависимости главным образом от лексического значения глагола. После *на* бывает вин. п. на вопрос «куда»? и твор. п. на вопрос «где»? Примеры — место на вопрос «куда?»: Двина ис того же лѣса потече· и идеть на полунощьє 3, сѣдѧть на верхъ Волги 4, иде на Дерьвьску землю 16, Ѿторваху бо сѧ на землю· ꙗко видѧщи мнѣти кончину 56, всѣдъ на конь вборзѣ поѣха 70 об., на Дрьютьскъ воюꙗ 81 об., Глѣбъ же на ту ѡсень приѣха на Московь 129 об.; в переносном смысле: Волохомъ бо нашедшемъ на словѣни на Дунаискиꙗ... словѣни ѡви пришедше сѣдоша на Вислѣ 2 об., находиша на Хоздроꙗ 4 б, воєвати почаша сами на сѧ 7, людьє воспиша на Моисѣꙗ· рекуще почто изведе ны на смрть 32, хочю на тѧ пити 56, поиде на Двда къ граду 90 об., иде... к Володимеру на Мстислава на Изѧславича 116, на Всеволода· и Стослава· на меншею брату 135 об. Для обозначения времени: приходи Ꙗрополкъ ко Всеволоду на Великъ днь 68 об., створи пиръ на сщньє црквє своєꙗ 147; образ действия: размѣси ꙗзыки на ·о· и ·в· ꙗзыка 30, прощають же грѣхи на дару 40, ѡбѣдаша братьꙗ на скупь (= вместе) каждо с боꙗры своими 61 об., теплъ на вѣру 67, пустиша на воропъ межи Києвъ и Вышеградъ 73 об. Цель: исѣче Козары· иже бѣша свѣтници на оубьє(ньє) брата ѥго 68 об., на зло слеми скори суть 46 об., въведе Варлама на игуменьство к стму Дмитрию 54, но знаменьꙗ сицѧ на зло бывають· ли проꙗвленьє рати· ли гладу· ли смрть проꙗвлѧєть 56, бодру быти на пѣньє црквноє 62, придоша Половци на миръ 75 об., нача поѹчати на ѡслѣпленьє 87 об., держати и на свою голову 107, скори бѧхуть на пролитьє крови 111, пославше к нима звахуть єю к собѣ на свѣтъ лестью· абы· како ꙗти єю 135 об., посла сна своѥго на кнѧженьє 142, посла сна своѥго Ростову на столъ· а Всеволода на Ꙗрославль на столъ 151 об. С местным падежом: Изѧславу же сѣдѧщю на сѣнехъ с дружиною своєю· начаша прѣтисѧ со кнѧземъ стоꙗще долѣ 57 об., оузрѣша Игорѧ на сѣне и разбиша сѣни ѡ не 106, на Колахши на рѣцѣ 130, сщна бы црквь стго спа на Ꙗрославли в манастыри 154, повержену на лѣсѣ· видѣ и єтера жена вѣрна 162 об., на Сити на

рѣцѣ 162 об. В переносном смысле: воєваху на Словѣнѣ 4 б, си имуть имати дань на насъ· и на инѣхъ страна 6, (и)маху дань Варязи на Чюди и на Словѣне 7, цѣловавше къ Юрью кнѧзю на менши дѣте· на Михалцѣ и на братѣ кго 125 об. Образ действия: передалсѧ Стославъ на льсти 136 об., идуть на льсте к нему 145 об.

Из конструкций с предлогом *надъ* отметим случаи: больнаго присѣтите· надъ мертвецѧ идѣте 80 об., доколѣ Бви терпѣти над нами 129 об.

Предлог *о, объ* соединяется с местн. п. в смысле кругом чего, около чего; в пространственном значении употребляется редко, чаще в переносном смысле — для обозначения предмета, о котором идет речь. С вин. п. указывает на смежность, предел действия, причину и цель. Примеры: да кленутсѧ... хранити ѡ всемь иже суть написана на харатьи сеи 14, запроша ѡ нихъ (за ними) истобъку 15 об., аще ли ѡ тѣхъ самѣхъ преже реченыхъ (не) съхранимъ 22 об., но се ему бѣ нелюбо· обрѣзанье оудовъ· и ѡ неꙗденьи мѧсъ свиныхъ 27 об., съступисѧ море ѡ Фараѡнѣ· и ѡ воихъ єго 32, ·в· дѣтища родистасѧ· єдинъ· ѡ ·д·хъ ногахъ· а другыи ѡ двою главу 55 об., не мьстить бо гь дважды ѡ томь 74 об., оузрѣша Игорѧ на сѣне и разбиша сѣни ѡ ме (из-за него) 106, сами поидоша ѡ собѣ· рекуще мы кємы ци не кнѧзи же 134 об., слышавъ ѡ Перєюрьи ѡже тако створилъ 137. Примеры на вин. п. ста Володимеръ ѡб онъ полъ города 37 об., Мьстиславъ же ѡ светъ заоутра· видѣвъ лежачиѣ сѣчены 50 об., ѡ се чинь же сѣдѧста ·в· брата в манастыри 70, Гюрги ѡ то чинь приде г Кыкву 109 об. Смешанный оборот: стрѣлце стрѣлѧющисѧ ѡ рѣцѣ (РА о рѣку) ѡ Стугну 109.

Предлог *отъ* всегда трубует после себя род. п. и в соединении с именем обозначает исходный пункт, от которого направляется какое-либо действие или состояние. Таким исходным пунктом может быть и время и лицо при страдательном залоге, вместе с тем причиной известного действия. В старых памятниках ѿ иногда там, где у нас «из». Примеры: присѣдѧть ѿ запада къ полуночью 2, взимати... и ѿ скотьнїць кунами 43 об., поиде ѿ Стрѧкве мимо городъ 107, мьсти ѿ крове праведнаго сего 49, помроша бѣгаючи... ѡви ѿ зимы· друзии же гладомь 55, тѣм же ре... блюстисѧ ѿ лѣности и ѿ многаго сна 62, да быхомъ сѧ востѧгнули ѿ злы дѣлъ 74, бъ вѣсть избавлѧти благочтвыꙗ своꙗ ѿ льсти 86, Радимичи и Вѧтичи ѿ Лѧховъ 4 б, почто не ꙗста ѿ древа сущаго посредѣ раꙗ 29, въведи к собѣ по двоєму ѿ всѣ скотъ 30, ѿ сихъ насели грады 42, бываше мнство ѿ мѧсъ 43 об., прекладаше ѿ грекъ на словѣньское писмо 51 об., како вы инѣ оучители сами ѿвержени ѿ ба и расточени 28, хвалимъ ѿ Русьскы сновъ

42, дѣмони проклинаеми ѿ блговѣрнъі мужь и ѿ вѣрнъі женъ 42, придоша послании ѿ Стополка на погубленье Глѣбу 46 об., видѣвъ лежачиѣ сѣченъі· ѿ свои Сѣверъ 50 об.

Передъ, *предъ* с твор. п.: оускориша Къıяне передъ Володимеромь 105 об.

По сочиняется с падежами вин., дат. и местн. При всяком соединении с этим предлогом обыкновенно обозначаются местные отношения в пространстве или во времени; возможно употребление и в переносном смысле. С вин. обозначается предел, до которого достигает действие, в переносном смысле — до которого достигает цель действия: посла по гости 15 об., елико бо лѣтъ злобиви держатсѧ по правду 18, въ Вѧтичи ходихо по двѣ зимѣ 81 об, ıашасѧ по правъду крѣпко 128, по друзи послашасѧ 134 об. (имен. вм. вин. другъı), и поступиша мало к водѣ· по ·г· дни бо не пустили бѧху ихъ к водѣ 135, посла по снъı своѣ 135. *По* с дат. обозначает распространение по чему-нибудь. Он употребляется для обозначения пространственных отношений: по сему же морю сѣдѧть Варѧзи 2, сѣли суть Словѣни по Дунаеви 2 об., сѣдѧху по Днѣстру· присѣдѧху къ Дунаеви 5, по бжью строю· и по млти своеи помилова бъ 41, поча ходити по дебремъ и по гора(мъ) ища кдѣ бъı ему бъ показалъ 53, Половци же видѣвше сдолѣвше· пустиша по земли воююче 73 об., по ѿтню повелѣнью 100, сташа шатръı противу Къıеву по лугови 110 об. С местн. *по* употребляется в смысле «после», поэтому обозначает собственно временные отношения в собственном и переносном смысле: потѧгнѣте дружина по кнѧзѣ 16, возъ по собѣ не возѧше· ни котьла ни мѧсъ варѧ 19, пьıху по немь (РА из него) 23, посла Мьстиславъ по Ѩрославѣ 50 об., вси людье пожалиша си по немь повелику оуности кго ради 73 об., пакъı с Стополко· гонихо по Бонѧцѣ 82, Стополкъ же сжалиси по братѣ свое 87, поидѣта по мнѣ к Чернигову 105 об., женущи по ни избиша множьство ихъ 113, по малъı днхъ оускочи Игорь кнѧзь оу Половець 135.

Подлѣ с вин. п.: ѿбиходѧ подлѣ браю 64, хотя здесь винительный может зависеть и от глагола, а «подлѣ» играет роль наречия.

Подъ с твор. п. для обозначения пребывания, причем в собственном и переносном смысле: рѣша Грьци льстѧче подъ Русью 21, иже суть подо мною Русь 22 об., льстѧ под нимь како бъı и погубити 45 об., братьıа глще· ıако сесь взрослъ кеть подъ рукою твоею 63, искаше подъ Ростиславо Смолиньска 102.

Про для обозначения причины: Стополкъ про волость же ци не оуби Бориса· и Глѣба 102 об., поѣхаша в Татаръı к Батъıеви про свою ѿтчину 165.

Съ с твор. п. обозначает пребывание с кем-нибудь или действие с кем-нибудь в прямом и в переносном смысле: съсѣдѧтьсѧ с племѧ-

немъ Хамовꙑ 2, Вольга же бѧше в Киевѣ съ снмъ своимъ съ дѣтьскомъ Стославомъ 15, ѡгородиша· а съ столпьемь (РА огородиша столпеемь) 53 б, Изѧславъ сватитсѧ (РА сватаетьсѧ) со Всеславом 61 об., кда игуменъ оутаивъсѧ нѣ с кыими пренесеть кго ѡтаи 70, Изѧслава выведе с нужею 100—100 об., и сложишасѧ Ѡлговичи и с Двдовичи 100 об., рекоша Кꙑꙗне молвите с чимъ ва кнѧзь присла 105 об., с Половци с поганꙑми 129 об., с клирошанꙑ· и с попꙑ· со многами слезами 162 об., Стославъ с сꙑно съ Дмитрие 164.

У сочетается с род. п. и обозначает пребывание при ком- или при чем-либо: емлющю дань оу Касогъ· и оу инѣхъ странахъ 56 (род. смешан с местн., как и в нижеследующем примере): оу пре бывши еппѣхъ 159, родисѧ оу Мстислава снъ· оу Андрѣевича 122, стоить оу Рѧзанѧ 147, ѡстави оу собе 147 об.

Кроме пояснительных слов, выраженных теми или другими падежами без предлогов, и падежами, соединенными с предлогами, в предложении возможны пояснительные слова, особенно при глаголах, выраженные и теми или другими н а р е ч и я м и. Последние могут представлять собой образования старинные, этимологическое происхождение которых теперь трудно установить, или наречия, ясно образованные от имен или от глаголов, так сказать, на наших глазах. Приведем примеры: поча кланѧтисѧ поꙗ плмы ѡ л и и до полунощьꙗ 65, придоша Половьци на миръ· и сташа по Дубеньцю ѡ л и и до верхъ Супоꙗ 116, ре... ѡно ти сѣдить вранъ чернꙑи 65 об., заступи бо ѡ ч и в ѣ с т ь ѿ поганꙑ стаꙗ Бца 123. В последнем примере наречие, несомненно, в связи с глаголом, как и в нижеследующем: придоша рекуще кму· в и д а идеши на смрть 59 об., где неизменяемое причастие имеет значение наречия (явно). Именного происхождения наречие: ѡни же доспѣвше поидоша въслѣ рѣку Ѡку горѣ 145 об. В связи с прилагательными наречия в следующих примерах: а и-Щерьнигова до Кꙑева· н е с т и ш ь ѣзди ко ѡцю 82 об., Володимерко... не стерпѣвъ в д р у г ꙑ ѣ побѣже перед ни· в Перемꙑшль 113, ѡни же гнаша н а с к о р ѣ к лодьꙗмъ 146 об., Ꙗрополкъ же поѣха ѡтаи брата к дружинѣ Переꙗславлю 126, бѣ Ꙗрославъ любѧ црквнꙑꙗ оуставꙑ· попꙑ любѧше по велику 51 об., повелѣ сбирати вои ѿ мала до велика 67 об., всѧ дружина ѿ мала до велика· съѣхашасѧ к Володимерю 125 об., горожане вси ѿ мала до велика 145.

Что касается с т р о е н и я двучленных предложений, то в летописи они приближаются к обыкновенной разговорной речи. Вследствие этого наблюдается п р е о б л а д а н и е к р а т к и х г л а в н ы х п р е д л о ж е н и й, в которые, как члены этих предложений, могут входить и неизменяемые причастия. Развитие подчиняющих союзов вообще незначительно. Больше бывают соединительные союзы или противительные, например: пославъ начача поимати оу нарочитое чади· дѣти и даꙗти нача на оученье книжное 41,

Володимеръ заложи градъ Бѣлъгородъ· и наруби въ не ѿ инѣхъ городовъ 42, плакашасѧ по немь боլѧре· и акы заступника ихъ земли 45, река тако кнѧже мои· се Б҃ъ оумножаєть браю а мѣстьце мало· да бы ны далъ гору ту 53 об., дворъ жь кнѧжь разграбиша бещисленоѥ можьство злата и єребра кунами и бѣлью 58, Изѧслав же выправисѧ весь из города· и ста на болоньи и с товары 107, ѣхаша с переднею дружиною· Борису Жидославичю воєвода бѣ в то времѧ· и нарѧдъ весь держаше 122 об. и т. д.

Расстановка слов не строго выдерживается, приложения часто ставятся на конце с целью выдвижения их; вообще интонации придается много значения с целью особенного подчеркивания тех или других слов, как это можно видеть из нижеследующих примеров: єсть могила єго оу Искоръстѣнѧ гра в Деревѣхъ 14 об., се кнѧзѧ оубихомъ Рускаго 15, бѣ бо имѧ єму Малъ· кнѧзю Деревьску 15, єсть оу мене ѥдинъ с҃нъ меншеи дома 42 об., възвысила бо єсть ваю свѣтоноснаꙗ любы н҃бнаꙗ 47 об., Мьстиславичь· Єоустафии оумре 51, єппа постави Жидѧту ib., иде Ꙗрославъ на Чюдь· и побѣди ꙗ ib., велика бо бываѥть полза ѿ оученьꙗ книжного 51 об., принесъ положиша и в рацѣ мороморѧнѣ 54 об., и не лѣнитисѧ начнеть· такоже и ·тружатисѧ 78, луче є праведнику малоє· паче б҃атства грѣшны многа 78 об., г҃ь нашь показал ны єсть на врагы побѣду ·г҃· ми дѣлы добрыми избыти ѥго 79 об., да не клѧти ва начнуть 80 об., приде половечскаꙗ землѧ всѧ 102 об., стрыи ти оумерлъ Вѧчеславъ 114 об., юже ц҃рквь оучинилъ ѡ҃ць ѥго кнѧ Андрѣи 123, ты бра наю старѣишии 131, бы гро страшенъ· зарази двоє чади 137 об., Глѣбъ кнѧ Рѧзаньскыи Володимеричь 150 об., ѡн посла к ни бл҃гочтиваго кнѧзѧ Василька с҃новца своѥго· Костѧнтиновича 153 об., с҃новцѣ распусти своѣ кождо и в свою власть 154 об., тоє же зимы оу Зупцева побѣдиша Литву. Суждальскыи кнѧ (=кнѧзи) 165 об., иде Ѡлександръ кнѧзь Новгородьскыи Ꙗрослави· в Татары 166. Часто можно встретить непоследовательность в построении речи: тако ѕызвлѧху люди Полотьскыꙗ и ѥго ѡбласть 71 об., г҃и твоимъ промысло. звѣрьє разноличнии· и птица и рыбы оукрашено твоимъ промысло г҃и 79 об., послалъ ѥси серпъ сии на кленущаꙗ имене моим· и не престоупающе 131.

Летописец для оживления рассказа очень любит прибегать к прямой речи — к приведению собственных слов говорящих лиц без изменения их: ре имъ дивно видѣхъ словѣньскую землю 3 об., рѣша Козари· платите намъ дань 6, (ре имъ) добри гостьє придоша· и рѣша Деревлѧне придохомъ кнѧгине 15, рѣша Киꙗне намъ неволѧ 15 об., рѣша Нооугородьци С҃тославу· вьдаи ны Володимира· ѡнъ же ре имъ вото вы єсть 21, рѣша вои идеже глава твоꙗ· ту и свои главы сло-

жимъ 21 об., (гдѣ) кр҃щнье пріимемъ· ѡни же рекоша гдѣ ти любо 37 об., что придосте с хромьцемь симь· ѡ вы плотници суще· а приставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ 48 об., ре҃ имъ старець· камо идете и ре҃ сѣдѧ на свиньи бѣсъ по Михалѧ по Тольбековича 64 об., реку брату своѥму Володареви и Д҃вдви· даита ми дружину свою молотшюю 89 об., се перьвѣе взѧлъ ѥси зракъ ѡчью моєю· а се нынѣ хощеши взѧти д҃шю мою 91, ре҃ к ни҃ на что мѧ єсте привабили ѡсе ѥсмъ· кому до мене ѡбида 92, Игорь нача молитисѧ· ко Всеволоду· и молбою и гнѣваꙗсѧ· река не хочеши ми добра· про что ми обреклъ ѥси Кыѥвъ 104, пото҃ Изѧславъ слыша· Гюрги (Р Гурга) в Переꙗславли 111 об., Изѧславу же присылающю к нему· кр҃ь ѥси цѣловалъ како ти ити Суждалю· чему на мѧ ведешь Половьци 112, Андрѣи же ре҃ тако створимъ· атъ ꙗзъ почну д҃нь свои 113, вѣсть приде к ни҃ идеть Изѧславъ 113 об., О҃че с҃тыи твоѥго м҃лтвою· и тамо в Новъгоро҃ ѣхалъ ѥсмъ здоровъ и сѣмо приѣхалъ ѥсмъ твоѥю м҃лтвою здоровъ 167.

Отношение между членами простого предложения может быть различно; или они соединяются один с другим по смыслу, или даже и внешним образом союзами: ꙗ возъвращюсѧ похожу и єще 14 об., оубиша С҃тослава· (и) взѧша главу єго 23, вълѣзи ты и жена твоꙗ и с҃нве твои и снохи твои 30; или противопоставляются один другому: не єдемъ на коне҃ ни пѣши идемъ 15 об., сташа противу... и не смѧху ни си ѡнѣхъ· ни ѡни сихъ начати 48 об., не даите пакости дѣꙗти· ѡтрокомъ ни своимъ· ни чюжимъ 80 об., знаменьꙗ бо въ н҃бси или звѣзда҃· ли с҃лнци· ли птицами· лї єтеромь чимъ не (на) бл҃го бываѥть 56, мнѣ ли бы послати к тебѣ достоина· ци ли тобѣ ко мнѣ 84 об., се оу тобе єсть Итларевичь· любо ȣ̆бии любо и даи нама 76, да любо налѣзу собѣ славу· а любо голову свою сложю 89 об., Володимерко же роставлѧлъ бѧше дружину свою на бродѣхъ· индѣ пѣши· а индѣ конникы 112 об., налѣза мастеры... ин҃ы ѡлову льꙗти· ин҃ы крыти· ин҃ы извистью бѣлити 139 об., да кого живѧть· кого ли оумертвѧть 44, не бѣ в Д҃вдѣ гла҃ ни послушаньꙗ 87 об., не в Д҃вдовѣ городѣ ꙗть ни слѣпленъ 88 об. Между членами простого предложения может быть отношение противительное один член присоединяется к другому при посредстве союзов *а*, *но*: избиша и· а ин҃ы изъимаша 155 об., не ѿ своєꙗ волѧ рекошѧ но отъ Б҃жьѧ повелѣньꙗ 6, ни шатра имѧше· но подкладъ пославъ· и сѣдло в головах 19. Построение предложения бывает таково, что оно выражает собою вопрос: ѡн же ре҃ єда стражь єсмь брату своєму 29 об., рекъ· се оубихъ Борїса· како бы оубити Глѣба 46 об., и рекоша постави намъ игумена· ѡн же ре҃ имъ· кого хощете· ѡни же рѣша кого хощеть Б҃ъ и ты 54. Вопрос выражается и при посредстве особых частиц, например: *ци*[13]: ре҃ Ꙗнь повознико҃· ци кому ва҃ кто

родинъ оубьенъ ѿ сею 60, на С҃тополка нача извѣтъ имѣти· гл҃а ци и се створилъ 90, С҃тополкъ про волость же ци не оуби Бориса· и Глѣба· а самъ ци долго поживе 102 об., тогды же посласѧ Изѧславъ к нему река· ци са҆ ксмъ сѣлъ Кыєвѣ посадили мѧ Кыѧне 115, прави кстє· ци хотите мене дѣлѧ погынути 126, ты на҆ братъ свои ци снѣмъı тѧ 136, ре҆ то ци тѣмъ ѡ҆чина ѡднѣ҆ Рускаꙗ землѧ· а на҆ не ѡ҆чина ли 145 об.

Те же отношения, которые бывают между членами одного предложения, могут наблюдаться и между целыми предложениями, входящими в состав с л о ж н о г о п р е д л о ж е н и я. Особенно это заметно в случае сочетания главных предложений (παράταξις). Сочетание здесь может быть соединительное, когда одно предложение присоединяется к другому при посредстве союзов *и*, *а* (=*и*), или с пропуском союзов: Вольга же бѧше в Киевѣ съ с҃нмъ своимъ съ дѣтьскомъ С҃тославомъ· и кормилець єго Асмудъ· (и) воєвода Свѣнелдъ 15, бѣ нѣкъıи ч҃лкъ именемь мирьскымь ѿ града Любча· и възложи сему Б҃ъ в ср҆це въ страну ити 53, Игорь с брато҆... побѣгоста· и бѣжачи҆ изъимаша 104 об., Ростислав Гюргевичь подмолви҆ на тѧ люди· ...а хотѣлъ сѣсти Кыєвѣ· а пусти и къ ѡ҃цю то твои ворогъ и ѡ҃ць кго 107, Изѧславъ же Д҃вдвчь· и Изѧславъ Андрѣєвичь· слышаша възвратившесѧ ихъ· и иде Изѧславъ в Вѧтичѣ· а Ѡндрѣєвичь Изѧславъ· воротисѧ къ ѡ҃цю своюму Ростову 117 об., поѣха противу кму· с Володимерци· и с дружиною своꙗю· и что бѧше боꙗръ ѡсталосѧ оу него 128 об., это же зимы· посла великъıи кнѧ҆ Геѡрги с҃на свокго Всеволода на Мордву· а с ни҆ Феѡдоръ Ꙗрослави҆· и Рѧзаньскъıи кнѧзи 159 об.

В отношении противительном одно предложение противополагается другому. Союзы, разделяющие их, — *а*, *но*, *да* (=а), *атъ:* ста Володимеръ на сеи сторонѣ· а Печенѣзи на ѡнои· и не смѧху си на ѡну страну. ни ѡни на сю страну 42, бѣси бо б҃а боꙗтсѧ· а золъ ч҃лвкъ ни б҃а боитсѧ 46 об., постави Варѧгы посредѣ· а на правѣи сторонѣ Кыꙗне (стояли?)· а на лѣвѣмь крилѣ Новгородци 51, рекоша кму ѡ҃че оумножилосѧ братьѣ а не можемъ сѧ вмѣстити в печеру 53 об., грѣшници въ адѣ су҆ ждуще м҃кы вѣчныꙗ· а праведниці въ н҃бнѣмь жилищѣ водварѧютсѧ 60 об., почто вы распрѧ имате межи собою· а погании губѧть землю Русьскую· посѣди сѧ оуладита· а нонѣ поидита противу поганы 73, к б҃у бѧше покаꙗтисѧ· а ко мнѣ бѧше гр҆моту оутѣшеную· а сноху мою послати ко мнѣ 84, ста по сеи сторонѣ города· а Володимеръ ѡб ону с҃трану· стедъ з горъ· а межи ими рѣка мѣлка 103 об., брачныи ѡбычаи имѧху· не хожаше зѧть по невѣсту· но приводѧху

---

[13] О частице *ци* см. н а ш у заметку во II т. сборника «Symbolae grammat. in honorem Joannis Rozwadowski» (Cracoviae, 1927, стр. 291—293).

вечер 5, а нонѣ на пути кси розбилъ· а вѣси норовъ Татарскъıи да в насъ и в Руси лихо разбои оучинити 170 об. Союзы *атъ*, *ато*, кроме противоположения, обозначают еще желание, цель: възмѣте сопѣли· бубнъı и гусли· и оударѧите· ат нъı Исакии спласеть 65, положите хлѣбъ пре ни... атъ са ѣсть 65 об., поидѣте со мною· атъ ми сѧ буде добро ѿ силъı мирити 107, поѣди кнѧже к городу· ат мъı беемсѧ сами со Изѧславомъ 113 об., рекуще поиди г Кыѥву атъ не возмуть на Половци 115, послахо к тобѣ послъı свои· атъ приставишь к ни свои послъı· атъ идуть по кнѧзи наши в Русь 125 об., се прислалъ бра мои ·в· мужа кыıанина· ато молвѧтъ браѣ своеи 105 об. Финальный оттенок имеет и союз *ати:* да има Берестии· река Новагорода не березѣта· ати сѣдѧть о своеи силѣ 102 об., иди ко Ѡлговиче к тѣ кси пришелъ· ати ти дадѧть волость 106 об. («ати», вероятно, под влиянием следующего «ти»).

Соотношение главных предложений может быть таково, что одно из них указывает на причину действия другого. Это отношение внешним образом может быть не обозначено ничем, а может быть и отмечено каким-нибудь союзом, соединяющим полноправные предложения, например союзом *бо*. Примеры без слова: почто идеши ѡпѧть поималъ еси всю дань 14 об., да в велицѣ чти приду за вашь кнѧзь· еда не пустѧть мене людье Киевьстии 15 об., не бѧше льзѣ конѧ напоити· на Лъıбеди Печенѣзи 20, не ходи кнѧже оубьють тѧ· побѣгни в Печенѣги 24 об., но се ему бѣ не любо... рька Руси есть веселье питье· не можемъ бес того бъıти 27 об., и влѣзъ Аврамъ к Огари· зачатъ и роди сна Агарь 31, се Половци росулисѧ по земли· даи кнѧже ѡружье и кони· и еще бьемсѧ с ними 57 об., потѧгнѣмъ оуже на не лзѣ камо сѧ дѣти 58, бзи не смѣють прити нѣчто имаши на собѣ 60 об.; поиде к Переıаславлюту· ти кму прити· да негли ту покоритсѧ 107; рекоста к нему· да се тъı ни на поганъııа идеши· ни на свѣтъ к нама· то тъı мъıслı̈ши на наю 76 об.; что хочете досѣдѣти а вси гради ваши предашасѧ мнѣ· и ıалисѧ по дань 16 об. Примеры с союзами: сим же полко не лзѣ бѧше битисѧ с ними тѣснотъı ради· зане болота пришла ноли подъ горъı 103 об., здѣ ворогъ кнѧзѧ наго и нашь· а хоче и оубити 105 об., рекъ брате ѣди к митрополиту· и съзови Кыıанъı всѣ· ато молвита си мужа (два) лесть черниговски кнѧзии 105. Особенно обычен здесь союз *бо:* сѣдѧху бо по Днѣстру 5, мужа твоего оубихомъ· бѧше бо мужь твои аки волкъ· возхищаıа и грабѧ 15, ѡць тѧ зоветь· не сдравить бо велми 46 об., то есть не дивно в рате бо и пүи и мужи погъıбають 86, то вѣдѣ ıала въı рота· многаждъı бо ходивши ротѣ· воевасте Русскую землю 94, и да Володимеръ Всеволоду тъısѧчю гриве серебра и двѣстѣ· тѣмь бо и бѧшеть оумолилъ 104, бѣ изъхити Изѧславъ лодьѣ· дивно бѣша

бо в ни̑ гребци гребуть невидимо· токмо весла видѣти 110 об., тогды же тажько бы̑ Кыяномъ· не ѡстал бо ся бяшеть оу ни̑ никаковъ князь 115.

Отношение между самостоятельными предложениями может быть такое, что последующее [выражает следствие, вытекающее из предыдущего. Предложения могут быть не соединены союзами: ѡна же не хотяше ити· ꙗко в полонъ ре̑ иду· лучи бы ми сде оумрети 38, рѣша брату твоему Кыѥва не оудержати· да не буде̑ ѥго тобѣ ни тому 108 об., поможе Бъ̄ на [Половци самѣхъ прогна· а вежѣ ихъ поима 113 об. избиша и· а ины̑ изъимаша бѣжаша в тверди 155 об. Соединения с союзами: Синеоусъ оумре· а братъ єго Труворъ· и приꙗ власть Рюрикъ 7, азъ сн҃у мои ба҃ познахъ и радуюся 18 об., Ст҃ополкъ стоꙗше межи двѣма ѡзерома· и всю нощь пилъ бѣ с дружиною своєю 48 об., бы̑ сѣча зла· и ѡдва ѡдолѣ к вечеру Ꙗрославъ 51, си же начаша заводити и негодовати дружины своꙗ первыꙗ· и люде̑ не доходити княже правды 72 об., посѣдита вы сдѣ· а ꙗзъ лѣзу наражю· и лѣзе вонъ 87 об., се оуже Игоря єсте оубили· ато похорони̑ тѣло ѥго 106.

Придаточные предложения при главных играют разную роль. Одни из них заменяют имя предмета или качества, другие поясняют предмет, причем сами являются двучленными или же носят характер простых определений и выражаются причастными формами: мы же єлико насъ хртлися єсмы· кляхомъся црквью ст҃го Ильѣ 13 об., вижь сего ты єже єси хотѣлъ 23 об.; что ми ни вдаси· то ꙗзъ прииму 24 об., се не добро єже малъ городъ ѡколо Києва (РА мало городовъ) 42, и ꙗ вы что велю, створите 44, дивно же єсть се колико добра створилъ 45, ꙗже оустроихъ въ служба̑ то держи 63, егоже оумѣючи того не забываите доброго 80 об., а ѥго же не оумѣючи а тому ся оучите 80 об.. дивно имя (РА ми) дружино· ѡже лошадии жалуєте· ѥюже то ѡреть· а сего чему не промыслите 93 об., иже чтеть книгы сиꙗ· то буди ми въ млтвахъ 96, иже ся были снялли· на ѡканьныи свѣтъ· того дни· оу Петра оу Кучкова зятя 124 об., а ѡ наши̑ не бы̑ кто и вѣсть принеса 135, не дивно ѡже ны быша погании воѥвали 136, а что дружины Всеволожи повязаша все̑ 136 об., а что изъимано людеи черны̑· и з женами и з дѣтми· то все попровадилъ прочь 170; терпящии же га̑ ти ѡбладають землею 78 об., любяи бо мя ре̑ заповѣди ѥго хранить 97 об.

Предложения, поясняющие имя, начинаются с форм *иже:* рѣчьки ради ꙗже втечеть въ Двину 3, Словѣни (почаша держати) своє в Новѣгородѣ а другоє на Полотѣ иже Полочане ѿ нихъ же 4, ту оумыкаху жены собѣ· с нею же кто съвѣщашеся 5, поищемъ собѣ князя· иже бы володѣлъ нами 7, Поляне ꙗже нынѣ зовомаꙗ Русь 9, наши князи

добри суть· иже распасли суть Деревьску землю 15, рѣша· не ли кого иже бы моглъ на ѡну страну доити 19 об., глꙗ· нѣту лї такого мужа· иже бы сꙗ ꙗлъ с печенѣжиномь 42 об., возьми дань еже хощеши 22, изиди ...в землю в нюже ти покажю 30 об., кладꙗзи ꙗже суть за тобою ѿ въстока· ис того вода идеть по трубѣ· копавъ переими 37 об., повелѣ женамъ створити цѣжь· въ немь же варꙗть кисель 44, лютѣ бо граду тому в немь же кнꙗзь оунъ любꙗи вино пити съ гусльми 48, положиша и (в церкви)· юже (бѣ) самъ заложилъ 51, заложи Ꙗрославъ городъ великꙑи· оу него же града суть златаꙗ врата 51 об., блгвенье ...моего игумена· иже мꙗ постригалъ 53, друзии же и закꙑханью вѣрують· еже бꙑваеть на (з)дравье главѣ 57 об., да кго же изволиши самъ· то намѣ буди ѡць и игуменъ 62 об., Ѳеодосьꙗ ...иже пасꙗше словеснꙑꙗ ѡвцꙗ ...молꙗсꙗ ...за землю русьскую· иже и по ѡшествии твокмь ѿ сеꙗ жизни· молишисꙗ за люди вѣрнꙑꙗ 71, иде накꙑ (И)зꙗславлю... водꙗ с собою и Брꙗчислава зꙗтꙗ свокго· иже бꙗше пошелъ къ ѡцю своему 99, ѡбновлена бꙑ цркꙑ сток бци Володимери· ꙗже бѣ ѡполѣла в великꙑи пожаръ 139 об., разграбиша... и портꙑ первꙑ кнзьи· еже бꙗху повѣшали в црквахъ стхъ 142, сдѣ вписахо ѡ ни памꙗти ради· русскꙑ кнꙗзи бѣдꙑ· ꙗже бꙑ ѿ ни 153, лице кго аки лице Ѥсифа· иже бѣ поставилъ кго Ѥгупетьскꙑи црь втораго црꙗ въ Ѥгуптѣ 168—168 об.

Подчинение при помощи других местоимений: не суть таци· каци суть поставлени слезами пощеньемь млтвою бдѣньемь 54, нонѣ всю волю твою стварꙗк чего то хощеши 147.

Пояснение выражено причастием: рѣка Чермна текущи на въстокъ 1 об., бꙑша ·г· братꙑꙗ ...сѣдꙗще Кии на горѣ а Щекъ сѣдꙗше 4, звѣзда восиꙗ на западѣ· испущающи луча· юже прозꙑваху блистаницю 55 об., межю путемъ идущимъ на Берестово· и другꙑмь в манастꙑрь идуще 77, в се же лѣ престависꙗ Ꙗнь старець добрꙑи живъ лъ ·ч· в старости маститѣ 94 об., бꙑша ·г· слнца сиꙗюща межи собою· а столпи ·г· ѿ землꙗ до нбсе 103, бꙑ радо велика по всѣ землꙗ тѣмъ· свобожен҃ꙑ имъ ѿ поганꙑ 154, — конец фразы можно рассматривать и как дательный самостоятельный.

Вместо относительного местоимения может быть наречие: се повѣсти времꙗньнꙑ лъ· ѿкуду есть пошла Рускаꙗ земꙗ 1 об., сълѣзъ съ горꙑ сеꙗ· идеже послѣже бꙑ Киевъ· и поиде по Днѣпру горѣ 3 об., на горѣ· гдѣ же нꙑне зоветсꙗ Щековица 4, се оуже иду к вамъ· да пристроите медꙑ многи въ градѣ идеже оубисте мужа моего 15 об. — 16, не бѣ двора идеже не горꙗще· и не бѣ льзѣ гасити 17, пришла на мѣсто се· идеже ꙗтома има бꙑти 60, повелѣша оустроити мѣсто· идѣже положити мощѣ кго 70, в се же лѣто· (бысть) знаменье в слнци· ꙗко погꙑбнути кму· и мало сꙗ кго ѡста 71 об., переидемъ

пола идеже пасоми бѣша стада конь 74 об., ѡстатокъ бьенъı тѣ· бѣжаша дружинѣ своеи· гдѣ бѧху переже вѣсть послали 134 об.

Придаточные предложения, поясняющие глагол, соединяются с главным посредством союзов; союз ıако: присла глѧ· ıако гость есмь 8, вѣдѣху бо ıако сами оубили кнѧзѧ 16, увѣсть црь ıако мало нас есть 22, сему Двду класѧ бѣ· ıако ѿ племене его родити бу 32 об., туже нарицаху· лучьшиѣ женъı глща· ıако си жито держить 59, повѣдаıа людемъ· ıако на пѧтое лѣто· Днѣпру потещи вспѧть· и землѧмъ преступати на ина мѣста 59, Володимеръ же слъıшавъ ѧко ıатъ бъı Василко и слѣпленъ оужасесѧ 88 об., дашасѧ рекше Вѧчеславу призови нъı Ба· ıако на не даси на щитъ 99, Ѩроолав же слъıшавъ· ıако стоить Къıевъ безо кнѧзѧ· пограбленъ Ростиславичи· приѣха ѡпѧ Къıеву 123 об. Прямая речь с союзом ıако обычна и в других древнерусских памятниках, например в I Новгородской летописи: и присла въ Новъгородъ, ıако не хоцю оу вас княжити 67 (ср. Е. С. Истрина, 40, 186); союз *ѡже — аже:* съглѧдахъ колодникъ· ѡже суть вси в сапозѣ 27, а се въı повѣдаю· дѣти моıа трудъ свои· ѡже сѧ есмь тружалъ 81, мъı вѣдаıемъ· ѡже не кончати добро с тѣмъ племене 105 об., мъı вѣдаıе· аже того бра твои не казалъ ib., наши же слъıшавше думаша ѡже дамъı симъ животъ а Половець много есть назади· а на есть мало 121, слъıшав же король ѡже иду кнѧзи 144, слъıшав... аже идеть рать на нѧ силна ѿвсюду· и оубоıашасѧ зѣло 144, бъı ıему вѣсть· ѡже Рѧзаньстии кнѧзи свѣщалисѧ су со Ѡлговичи на нь 145 об., то же слъıшавъ Рюрикъ кнѧ· ѡже Всеволодъ великъıи кнѧ стоить оу Рѧзанѧ· и кнѧзи ихъ изимавъ· ѡнъ же совокупасѧ и гна изъѣздо г Къıеву 147; союз *что:* скажемъ что сѧ оудѣıало та си ıакоже преже почали бѧхомъ 6 об., са творилъ что бъıло надобѣ 83.

Сюда принадлежат и зависимые (косвенные) вопросы: видѣ ту люди сущаıа· како есть ѡбъıчаи имъ и како сѧ мъıють 3 об., рѣста· чии се градокъ 7 об., ѿтоле оувѣдѧть инъı странъı каку любовь имѣють се Грьци с Русью 13 об., ре имъ Ѡльга да глте что ради придосте сѣмо 15, повѣжьте нъı колько васъ 21, искусимъ и любьзнивъ ли есть злату· ли паво(ло)камъ 21 об., не свѣмъı на нбѣ ли есмъı бъıли· ли на земли 37, въпрашающи· кде болнии и нищь не могъı ходити 43 об., поидѣте... в градъ да видите что сѧ дѣеть в градѣ наше 44, ѡтроци же его всъıлаху противу· еда кто женеть по насъ 49 об., мъıслѧше кдѣ бъı жити 53, се же написахъ и положихъ· в кое лѣто почалъ бъıти манастырь 54 об., вѣси ли что ȣтро хощеть бъıти 61, иди впрашаи ıе ли Михаль в кельи 64 об., разглѧдавша кудѣ копати 70, нача тужити ıеда како на страну копаıемъ 70, начаша просити татарове кнѧзѧ великого Юрьıа· ест ли в градѣ 160.

Есть случаи, отражающие память об обороте accusativus cum infinitivo, не редком в старославянских памятниках, переведенных с греческого, только вместо irfinitiv'a везде причастия: Печенѣзи мнѣша кнѧзѧ пришедша 20, видѣвше горожане· изнемагающе свои· и вырину̂шасѧ из города 135, видѣша всѧ ѡгнемь взѧта· толико икона та... цѣла посредѣ ѡгнѧ 148 об.

Целый ряд предложений, поясняющих глагол, имеет специфический характер: может обозначать место, время, образ действия, причину, цель. Это так называемые обстоятельственные предложения. Приведем встретившиеся нам примеры. Обстоятельство места: погребъ мѧ· иди же ꙗможе хочеши 20 б, идеже оумножитьсѧ грѣхъ· ту изобильствуеть блгть 45, ѿкопаше кде бѣ загражено ѹстье 65, поистинѣ идѣже лѧгу азъ· ту и ты положена будеши 71, гдѣ бо бѣ оу насъ оумиленье· нонѣ же всѧ полна суть слезъ 74 об. — 75, ꙗможе хотѧхуть тамо поидѧхуть· не ѡбращающа лодьꙗми 110 об.

Обстоятельство времени выражается предложениями с союзами и причастными формами. Примеры с союзами: ꙗко: ꙗко соспоша· и повелѣ тръızну творити 16, ꙗко смерчесѧ пустити голуби и воробьи 17, ꙗко приближисѧ к рѣцѣ· сверга порты сунусѧ въ Днѣпръ и побреде 19 об., ꙗко приде повелѣ кумиры испровреци 40 об., ꙗко приде вѣсть к великому кнѧзю. Юрью... ѡн же се слышавъ възпи -162; *егда*: егда сѧ начаху каꙗти помиловашеть и 32 об., егда же подъпыꙗхутьсѧ начьнѧхуть роптати на кнѧзь 43 об., црькви стоꙗть кгда же бываkть годъ молитвы мало ихъ ѡбрѣтаkтсѧ в црькви 57 об., кгда же приспѣꙗше зима· и мрази лютии· станѧше в прабошнѧ в черевꙗ в протоптаны 65 об., кгда бо прокопахъ послахъ къ игумену· приди да вынемем и 70 об.; *дондеже:* на всѧ лѣта· дондеже сьꙗеть слнце и весь миръ стоить 11 об., не движаше ногама· дондеже ѿпоꙗху заоутреню 65 об.; другие союзы: толи не будеть межю нами мира· елико (P оли) камень начнеть плавати и хмель почне тонути 27, послалъ кємъ к братьѣ своєи в Русь· какова ми вѣсть буде ѿ ни· тогда вы дамъ ѿвѣтъ 124.

Переходя к придаточным предложениям обстоятельственным, выраженным причастиями, следует сделать общее замечание: нередко между предложениями, с современной точки зрения придаточным и главным, бывает какой-нибудь союз, например *и*, *а*, *но*, *же*, что в современном русском языке совершенно недопустимо. В старом языке в подобных случаях причастие, относившееся к тому же лицу, на которое указывал и verbum finitum — сказуемое, чувствовалось, очевидно, как второстепенное сказуемое, которое могло обозначать следствие, проистекающее из главного действия (с союзами *и*, *а*), или противоположение ему (союзы *но*, *же*), как в предложениях сложных по системе παράταξις; сюда относятся и дат. самостоятельные. Со временем установилось более отчетливое соотношение частей таких предложений: с одной стороны, вместо причастий также возобладал оборот с verbum finitum

(образовалось два однородных члена), с другой — при сохранении второстепенности, выраженного причастием, оказался лишним союз; дательные самостоятельные совершенно исчезли[14].

Приведем примеры предложений времени: причастие согласуется с подлежащим главного предложения: заоутра въставъ и ре к сущимъ с нимъ ученикомъ 3 об., Ѻньдрѣи же· бывъ в Римѣ· приде в Синофию 3 об., пришедъше къ Днѣпру и сташа вежами 8 об., ихже емше ѡвѣхъ растинаху· другиꙗ аки странь поставлѧще· и стрѣляху въ нѧ 10, се идеть вы Стославъ в Русь· веземъ имѣнье много оу Грекъ 23, веземши снѣсть 29, вшедъ в ню и помолисѧ бу 43, Володимеръ же отвергъ виры нача казнити разбоиникы 43 об., поимше тали своꙗ и ѡнѣхъ пустивше· въсташа ѿ града въ своꙗ си идоша 44 об., ночью же межю клѣтми проимавше помостъ· ѡбертѣвше в коверъ· и оужи съвѣсиша на землю 45, Ꙗрославъ же сѣде Къıевѣ· оутеръ пота с дружиною своею· показавъ побѣду и трудъ великъ 49 об., Ꙗрослав... многы написавъ, положи в стѣи Соѳьи 52, и хотѧще поити в Русь· и (не) идѧше с ними (никтоже) ѿ дружины кнажее 52, и ѡбрѣтъ оу него и списа 54, Ѳеѡдосии все то изъѡбрѣтъ· предасть манастырю своему 54, высадиша строꙗ ис поруба... заводивъше крту и бы чернцемь 55, ѡна же (два волхва) о мечтѣ прорѣзавше за плечемь· вынимаста любо жито· любо рыбу· и оубивашета многы жены 59, приведе Къıеву· и имѣнье веземъ его 69, проводиша и до ста Дмитреꙗ спрѧтавше тѣло его 69, ре ми оударивше в било. и азъ в то чинъ прокопа на мощѣ Ѳеѡдосьевы 70, Стополкъ... изъимавъ слы всажа и в-ъ-стобъку 72 об., Володимеръ же пебредъ рѣку с малою дружиною... плакасѧ по братѣ своемъ· пришедъ Чернигову печаленъ зѣло 73, стра имѣите бии в срдци своемь· и млтню творѧ не ѡскудну 78, и шедъ Суждалю и Суждалци дашасѧ ему 85 об., Мьстислав же сдумавъ с Новъгородци· и послаша Добрыню Рагуиловича 86, и дошедше Воинѧ и воротишасѧ 96, ѿиде Володимерь ѿ него сваривъсѧ нань много 96 об., посла... рекъ имъ в одинъ днь всѣ пусти на воропъ 99, приде Ѻлговичь с Вышегородци пристроивъсѧ с братьею своею· и присылаꙗ к Вѧчеславу· иди з добромъ из города· ѡн же не хотѧ крови пролити не бисѧ с ними 102, приде Изѧславъ из Новагорода· бывъ оу братьи своее 103 об., домолисѧ пославъ къ Изѧславу глѧ еда бы сѧ постриглъ 104 об., и ре Игорь възрѧ ѡхъ брате камо 105 об., приѣхавъ игуменъ видѣ и нагого и ѡблече и 106, ѡн же послушавъ его приде к Переꙗславлю вборзѣ свитающю дни 106, са с Новгородци дошедъ Волгы· и повоевавъ ю и не оуспѣ ничтоже Гюргеви 106 об., Андрѣева же дружина приѣздѧче к нему жаловаху глще 108, Гюрги же ѡставѧ сна своего Василка· в Новѣгородѣ· а са иде Суждалю 113 об., тогды же Ростиславъ Стославца поима Всеволодича... поиде к Чернигову 114 об., тогда же Ростиславъ прибѣгъ с полку Смолиньску выслася к стрыеви своему

---

[14] Ср. еще у Е. С. Истриной, §§ 16, 17 и 18, где приводятся примеры из 1-й Новгородской летописи.

проса оу него мира 115, ѡн же послушавъ рѣчи Ростовьскоє· и боларское величавы будущи· и хрьнаго цѣлованьꙗ забывъ... 129, Рꙗзанци же здумаша рекуще (РА здумавше рѣша) 130 об., и приведше в градъ Володимерь кнꙗзꙗ Глѣба съ сномъ Романо... и дружина ихъ всꙗ изъимана и всѣ вельможи ихъ 130 об., пригнавше дружина ꙗша кнꙗзꙗ 131, пожга городъ Дмитровъ· възвратисꙗ ѡпꙗ в Русь 131 об., кнꙗзь же великыи внида в волость ихъ поима городы Вꙗтьскыѣ и землю ихъ пусту створи 140, мы та всꙗ ѡставльше възвратисꙗ вспꙗть· ѡ ни же почали бꙗхо пре глти 144 об., Кирилъ єппъ· Ростовьскыи· и ѡставивъ єппью приде в Суждаль 156, гра пожегше и люди избиша 164 об., Олександръ давъ имъ рꙗдъ· и поѥха с чтью въ свою ѿчину 167, оувидѣша силу ратны иде противу кнзꙗ Ѡлѯандра 169, бꙗшеть Іѡа кнꙗ снъ Дмитриєвъ ида в Ворду приказалъ 171 об., кнзꙗ Рꙗзаньского нѣкакою хитростью ꙗлъ· и приведъ на Москву 172.

Особую группу среди обстоятельственных предложений времени, выраженных причастиями, занимают предложения имеющие форму дательного самостоятельного (dativus absolutus). Подобные выражения встречаются и среди предложений причины и даже некоторых других. В большинстве случаев их можно рассматривать как подражание подобным выражениям церковнославянских памятников, но кое-где придется видеть и живую русскую особенность. Когда причастия утратили способность к склонению, вместо дат. п. могла употребляться деепричастная форма на *-ше*, *-ще*, *-чи* и под. Примеры: Полꙗномъ же жившимъ ѡсобѣ по горамъ симъ· бѣ путь изъ Варꙗгъ въ Греки 3, Ѡньдрѣю оучащю въ Синопии· и пришедшю єму в Корсунь· оувидѣ 3 об., идучи ми сѣмо· видѣхъ бани древены 3 об., Полем же жившемъ ѡсобѣ и володѣющемъ и роды своими· иже и до сеє братьѣ бꙗху Полꙗне· и живꙗху кождо съ родомъ... (и) быша ·г· братьꙗ 3 б, приходившю єму ко црю· ꙗкоже сказають· ꙗко велику честь прииꙗлъ ѿ црꙗ· при которомь приходивъ цри 4, Києви же пришедшю въ свои градъ Києвъ. ту животъ свои скончa 4, словѣньску же ꙗзыку... жиоуще на Дунаи. придоша... рекомии болгаре 4 об., оумершю Рюрикови предасть кнꙗ(же)ньє своє Ѡлгови 8, сама же пришедъшема· начаста съставливати писмена 9, приходꙗщимъ имъ да витають оу стго Мамы 12, Деревлꙗномъ пришедъшимъ· повелѣ Ѡльга мовь створити 15 об., съ(не)мъшемъсꙗ ѡбѣма полкома на скупь· суну копьємъ Стославъ 16, бившемъсꙗ ѡбоимъ· ѡдолѣ Стославъ болгаромъ 19, кнꙗзю Стославу възрастшю· и възмужавшю· нача вои совкуплꙗти 19, ловъ дѣюще Свѣналдичю· именемъ Лютъ... и оузрѣ и Ѡлегъ 23, побѣгшю Ѡльгу с вои своими· въ градъ рекомыи Вручии· бꙗше чересъ гроблю мость 23, дѣлаєму же ковчегу· за ·р· лѣ· и повѣдаше Нои· ꙗко быти потопу 30, симъ же спуще имъ· Корсунꙗне подъкопавше стѣну градьскую· крадуще сыплемую перьсть· и ношаху к собѣ въ градъ 37 об., влекому же кму по Ручаю к Днѣпру· плакахусꙗ кго невѣрнии 40 об., кртившим же

•сѧ людемъ идоша кождо в домы своꙗ 41, единою бо ми и сварѧщю• и ѡному мьнущю оусние• разгнѣвавъсѧ на мѧ преторже череви рукама 42 об., и съступившисѧ и не могъ стерпѣти противу 43, Ꙗрославу же сущю Новѣгородѣ• и оурокомь дающю Кыкву• двѣ тысѧчѣ гривнѣ ѿ года до года• а тысѧчю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху 44 об., хотѧщю Володимеру ити на Ꙗрослава• Ꙗрославъ же пославъ за море• приведе Варѧгы 44 об., оумершю мужю праведну не погыбаеть оупованье 45, Борису же възъвратившюсѧ съ вои• не ѡбрѣтшю Печенѣгъ• вѣсть приде к нему ѡц҃ь ти оумерелъ 45 об., помроша кони• оу вои Володимерь• ꙗко и кще дышющимъ конемъ• съдираху хзы с нихъ 52, по трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю• пущенъ бы Вышата в Русь 52 об., м҃три бо родивши кго• бы кму ꙗзвено на главѣ кго 52 об., совъкупленѣ же братьи• ре имъ Антонии 53, Ѳеѡдосу же приемшю манастырь• поча имѣти въздержанье 54, ѡному же прїшедшю к Ростиславу• и ввѣрившюсѧ кму• чтѧшеть и Ростислав 56, Изѧславу же в шатеръ предъидущю• и тако ꙗша Всеслава 56 об., посади брата своκго С҃тополка• Всеславу же бѣжавшю 58 об., в се же времѧ приключисѧ прити ѿ С҃тослава дань кмлющю. Ꙗневи• повѣдаша кму 59, Ѳеѡдосии обычаи имѧше• приходѧще постному времени 61 об., Ѳеѡдоськви же пришедшю по ѡбычаю• бра҃ю цѣловавъ• и празднова с ними 62 об., се азъ ѿхожю ѿ ва• ꙗкоже ꙗви ми Г҃ь... в печерѣ сущю мизити ѿ свѣта сего 62 об., Стеѳану же предержащю манастырь• и бл҃жное стадо• кже бѣ совокупилъ Феѡдосии• такы черньцѣ ꙗко свѣтила в Руси сьꙗють 65 об., Изѧславу же стоꙗщую в пѣшцихъ• и внезапу приѣхавъ кдинъ• оудари и копьемъ за плече 67 об., недошедшю кму града• и прободенъ бы ѿ проклѧтаго Нерадьцѧ 69, пришедшю же игумену ко мнѣ• и рекшю ми поидевѣ в печеру к Ѳеѡдоськви• азъ же пришедъ и со игуменомъ 70, кдиною же кму пришедшю к нима• оучашеть ꙗ 70 об. — 71, се же Кыкѣ кнѧжа• быша кму печали болше паче• неже сѣдѧщю кму в Переꙗславли 72, заоутрени суще годинѣ• пристрои Ратиборъ ѡтрокы 75 об., Роговолоду держащю и владѣющю и кнѧжащю Полотьскꙋю землю 99 об., и бывшю сступленью ѡбѣма полкома• и бишасѧ крѣпко 101, Мстиславу же лежащю кще и дружинѣ кго• пригнаше сторожево рекоша кму• не лежи кнѧже Глѣбъ ти пришелъ на тѧ 106 об., бывшю на оутрьꙗ• Изѧславъ... поиде 107, стрѣлце стрѣлѧющисѧ ѡ рѣцѣ (РА о рѣку) о Стугну• поча приступати Володимерко с силою своκю 109, Андрѣи же поклоншюсѧ (РА поклонивъсѧ) ѡц҃ю• и шедъ сѣде в Пересопници 109 об., ставшим же и межи собою... бы дождь силенъ 111, вышедши же пѣшимъ из города стрѣлѧтсѧ• и поткну на нь с дружиною своκю и с Половци и ѡвы избиша• а другыꙗ вьгна в городъ 113, бы же и с҃мрть кго сица• ꙗко оумираючи кму призва к собѣ еппа черниговьскаго 117, хотѣша и въ рѣцѣ оутопити• суши ту оу црѧ всѣмъ сломъ• кыкевьскыи солъ... 118, послуша кго и своκго еппа молѧщемасѧ има ѡбѣма 137, поставленъ бы еппомъ...

сущю ту кнѧзю Гюргю... и мно҃ство народа 154 об. (непоследовательность в построении), вси гражане снидошасѧ в ст҃ую црквь... ту сущи и бл҃городны кнѧзе· Василко и Всеволо· и Володимеръ... и много мно҃ство людии 159 (непоследовательность).

Придаточные предложения причины соединяются с главными 1) посредством союзов: *ꙗко:* а ѡ процѣ да на роту ходить· на своеи вѣрѣ· ꙗко не имѣꙗ ничтоже· ти тако пущенъ будеть 13 об., Кииане слютсѧ къ Володимеру· гл҃юще· приступаи к граду· ꙗко предамы ти Ꙗрополка 24 об., Ѡторваху бо сѧ на землю· ꙗко видѧщи мнѣти кончину 56, начаста гнѣвъ имѣти на Ѻлга· ꙗко не шедшю кму с нима на поганыꙗ 76, согрѣшихо казними кємы· ꙗко створихо тако и прииꙗхо (РА и казними) 133; *зане, ѡже, ꙗже, имьже,* — союзами стоящими в связи с местоимением «иже»: нарекошасѧ... Деревлѧне зане сѣдоша в лѣсѣ 3, мужи ѡтни похвалу кму даша велику· зане мужьскы створи 108 об., тѧжко бы кму зане бы кму помощи ни Ѡкуду же 112 об., не хотѧше ити ис Кыꙗва зане оулюбѣлъ кму Кыєвъ 115; не тѧжька заповѣдь Бж҃ꙗ· ѡже тѣми дѣлы ·г· ми избыти грѣховъ своихъ 79 об., ѡже ти брате не досыти всю землю Русскую держаще· а хочешь и сеє волости 102, кнѧзи же здумавше вси· не крѣпко бьютсѧ дружина· ни Половци· ѡже с ними не ѣздимъ сами 113; велика Ги млть твоꙗ на на· ꙗже та оугодьꙗ створилъ кси 79 об., Ѡтолѣ почаша Печерскыи манастырь· имьже бѣша жили черньци преже в печерѣ 53 об.; союз *ѡли*: не мози и держати въ градѣ· ѡли то створѧть ти зло· ꙗко и єде 25. Причинный характер носят причастия, согласованные с подлежащим, часто утратившие уже свою изменяемость (деепричастия): ты слышаще дивлѧху 3 об., видѣвъ же мало дружины своєꙗ· ре в собѣ єда како прельстивше изъбьють· дружину мою и мене 22, тѣснѧчесѧ другъ друга· пихаху въ гроблю 23 об., се же видѣвше дружина єго· мнози кртишасѧ 38 об., ѡнъ же се слышавъ· вознесесѧ срце кго болма 47 (непоследовательность), Половци же видѣвше сдолѣвше· пустиша по земли воююче 73 об., друзии трепечють зрѧще оубиваємы 74, се оуже не хотѧще терпи· се с нужею (и) понеже неволею· се оуже волею 74 об., Василко же Ѡпрѣсѧ река· не могу ждати єда буде рать дома 87, се слышавъ Володимеръ расплакавъсѧ и ре 89, Ѻлегъ не всхотѣ сего· вину река· не сдравлю 93 об., Ꙗрополкъ собра вои многы· с братьєю своєю· моглъ бы сѧ бити с ними· но того не створи Бг сѧ оубоꙗвъ 101, оубивъ мене тобѣ то волость· а живъ не иду из своєѣ волости 102, Новгородци не стерпѧче безо кнѧзѧ сѣдѣти· ни жито к ни не идѧше ни Ѡкуду же... а ѡнѣмъ не стерпѧще· шедше к Гюргеви рекоша 102 об., ѡн же не мога ихъ минути· оувороти конѧ направо мимо Глѣбовъ дворъ 105 об., ѡць кго сжалиси река· тако ли мнѣ нѣту причастьꙗ в земли Русстѣи 107, ѡне же то извѣтъ положьше воротишасѧ ѡпѧть 107 об., видѣв же Андрѣи бѣжавше Половьци всѣ· ба похвали 108, ѡн же жалуꙗ комоньства кго, повелѣ и погрести·

надъ Стыремъ 108 об., видѣвъ же и Половци стоѩща на задѣ· и к тѣмъ гна 111 об., послушавъ королѧ смирисѧ с ни̑ 113, кнѧзи же видѣвше Половци иду̑ прочь· идоша ѿ Чернигова 113 об., слышавъ... смрть Изѧславлю· приѣха ко Днѣпру подъ Кыѥвъ 114, Гюрги же не помѧна злобы брата ѥго и ѥго· давъ ѥму миръ а са̑ иде г Кыѥву 115, Стослава же ѡба... слышавше идуща Изѧслава Андрѣевича... възвратишасѧ ѡпѧть 117 об., Ѡндрѣи воротисѧ с побѣдою· видѣвъ поганыѩ Болгары избиты· а свою дружину всю сдраву 118, Всеволодъ стоѩвъ ѡколо города ·і· дни· видѣвъ брата изнемогающа· и Болгаре выслалисѧ бѧху к нему с миромъ· поиде ѡпѧть къ насадомъ 132, цртво на собѣ носѧ· не имаши бо града сде· но будущаго взискаѥши вѣрою· 132 об., Половци же оуслышавше Русь ѡже пришли на ни· ради быша 133 об., Половци же оузрѣвше полкъ Володимерь· крѣпко идущь на ни̑· побѣгоша 134, Половци же оуслышавше всю землю Русскую идуще· бѣжаша за Донъ 135, Стослав же слышавъ ихъ бѣжавши̑· възвратисѧ г Кыѥву 135, Галичане же видѣвше королѧ идуща прочь· оубоѩшасѧ 144, кнѧ̑ видѣвъ покоренье ихъ к собѣ· не помѧна злобы ихъ· цѣлова к ни̑ кртъ 148, слышавъ бѣду створшююсѧ на градѣ· и ѣха скоро Ростову 148 об. Предложение причины выражено д а т е л ь н ы м с а м о с т о я т е л ь н ы м: оумножившемъсѧ члвкомъ на земли [и] помыслиша создати столпъ до нбсе 2 об., Полѧномъ жиоущем ѡсобѣ· ѩкоже рекохомъ· суще ѿ рода словѣньска· и нарекошасѧ Полѧне 4 об., бывшю први иному взавидѣша ему болѧре 31 об., надолзѣ борющемасѧ има· нача изнемагати Мьстиславъ 50, оумножившимсѧ братьи в печерѣ· и помыслиша поставити внѣ печеры манастырь 53 об., Ѳеѡдосьеви... приимающю всѧкого приходѧщаго к нему· к нему же и азъ придохъ худыи и недостоиныи рабъ· и приѩтъ мѧ 54, бывши нощи оутаивъсѧ Кыѩнъ· бѣжа из Бѣлагорода Полотьску 58 об., Володимеру же не хотѧще сего створити· ѿвѣща бо како се могу створити 75 об., Итлареви в ту нощь лежащю оу Ратибора· на дворѣ с дружиною своею· и не вѣдуче что сѧ надъ Кытаномь створи 75 об., Ѡлгови ѡбѣщавшюсѧ ити к брату своему... и не всхотѣ сего Ѡлегъ створити 85 об., ѡнѣм же не хотѣвши̑· поимше Мстислава придоша Новугороду 93, Андьрѣѥви же не могущю супротивити(сѧ) имъ· а ѿ братьи не бы̑ ѥму помощи· и всхотѣ лишитисѧ Переѩславлѧ 101 об., не дадущимъ вб(ре)сти в Днѣпръ· Половци же всѣдше на конѣ въ бронѧ̑ за щиты с копьи· ѩкоже битъсѧ· въбредоша в Днѣпръ 110 об., Гюргеви же не имущю ни ѿкуда же помощи· а дружина ѥго избита· а инаѩ изьимана· принужен же неволею цѣлова к ни̑ крь 112, Изѧславу же не вѣдущю и творѧщю побѣдившю Галичаны· бра̑ ѥго бѣжалъ бѧшеть Стополкъ 114, приѣхавше имъ на лодьѣ· наши же бжьею помощью оукрѣплѧеми· поидоша противу им 132.

Предложения, обозначающие ц е л ь д е й с т в и я, обыкновенно подчиняются главному предложению посредством союзов: *да*, *дабы*; вместо

бы может быть и другое лицо аориста бых ъ: да приносить грамоту... да оувѣмы и мы· ѡже съ миромь приходить 12, да пишю къ великому кнѧзю вашему· и послеть 13 об., рькущи сице· се оуже иду к вамъ· да пристроите меды многи въ градѣ идеже оубисте мужа моего да поплачюсѧ 15 об.—16, тѣми врежакми бываю имъ млтвы· да приходѧщаꙗ таковыꙗ мысли· възбранѧти 62, рѣша потъснисѧ к на· да выженемъ Ростиславича 78, да сю грамотицю прочитаючи потъснѣтесѧ на всѧ дѣла добраꙗ 83, ба делѧ пусти ю ко мнѣ... да не с нею кончавъ слезы· посажю на мѣстѣ 84, Суздаль буди нама ѡбче· да кого всхотѧть· то имъ буди кнѧзь 128 об., послати ко мнѣ... да бы обуимъ ѡплакалъ мужа еꙗ 84, послисѧ къ брату своєму Володимеру· да бы ти помоглъ 73, се оуже третьее наведе поганыꙗ на землю Русьскую єго же грѣха дабы и бъ простилъ 75 об., да бы мене Двдъ послушалъ· да бы послалъ мужь свои к Володимеру воротитьсѧ· вѣдѣ бо сѧ с ни что молвивъ 89, рекуще да бы ны оупередити до Гюргѧ· а любо и прожене· ли примири к собѣ 114 об., пошлю да быша не пролиꙗли мене ради крови 89 об.; *абы*: повелѣ всадити ихъ в порубъ· абы оутишилсѧ мѧтежь 130 об.; союз *а* может сочетаться с *тъ*: посли атъ Всеслава блюдуть 57 об., посли ко Всеславу· атъ призвавше лестью ко ѡконцю пронзуть и мечемь 57 об.—58; иногда этот союз заменяется посредством *ѡтъ*: повелита ми ѡтъ шедъ ѡплачю гробъ єго 114 об. Союзы *атъ*, *ати* могут быть, как мы видели и между главными предложениями, придавая сочетанию их также финальный оттенок. Цель может обозначать и союз *ѡже*, стоящий в связи с *иже*: поидевѣ на нь· ѡже и проженевѣ 105. Некоторый оттенок цели имеют и предложения, выраженные другими способами: оубоꙗшасѧ полковъ Рускы· еда възвратѧтсѧ на нь ѡпѧ 144; все же времѧ придоша людье Нооугородьстии просѧще кнѧзѧ собѣ· аще не поидете к намъ, то налѣземъ кнѧзѧ собѣ 21.

Придаточные предложения, обозначающие о б р а з или с п о с о б д е й с т в и я, могут быть различны: либо показывают они, как происходит действие, либо при этом дают сравнение с чем-нибудь, либо обозначают результат, следствие известного действия. Первого рода предложения больше выражаются причастиями, вследствие утраты изменяемости превратившимися уже в деепричастия. Примеры: Симъ же и Хамъ· и Афетъ раздѣливше землю жребьи метавше... живѧхо(у) 2 об., то творѧть по всѧ дни· не мучими никим же· но сами сѧ мучать 3 об., любы творѧть елико хощеть· не въздержаеми 5 об., Половци законъ держать ѡць свои· кровь проливати а хвалѧще ѡ сихъ 6, таже бжтвную свты· бцѧ ризу изнесъше в рѣку ѡмочивше тишинѣ сущи (и) морю оукротившюсѧ· абье бурѧ въста 7 об., самъ приде носѧ Игорѧ дѣтьска 8, посла къ Радимичемъ· рька камо дань даете 8 об., лѧзите въ лодьї величающесѧ 15, приникъши Ѡльга и ре имъ добра ли вы честь 15 об., на оугле испекъ ꙗдаху 19, попадше кнѧгиню и кнѧжичѣ оумчимъ на сю страну 19 б, стꙗше Володимеръ· ѡбрывсѧ на Дорогожичи 24, придоша

Грьци хулѧше (=-ще) вси законы· свои же хвалѧше (=-ще)· и много глша сказающе 36 об., повелѣ пристроити кола· (и) въскладше хлѣбы... вовити по городу 43 об., оудолжисѧ ѡстоѩ в городѣ 44, Будꙑ· нача оукорѧти Болеслава глѧ· да то ти прободемъ трѣскою черево· твое толъстое 48 об., въсхопивъсѧ глше· ѡсе женуть побѣгнѣте 49 об., братьѧ же оуда(ри)вше в било· и собрашасѧ вси 62 об., на свѣтъ не вылазѧ· ни на ребрѣхъ не лѣгавъ· по сѣдѧ мало приимаше сна 65, спрѧтавше тѣло ѥго и погребоша и 66 об., и тогда въздвигнувъсѧ Ѩрополкъ· выторгну изъ себе саблю· и возпи великꙑ глмь 69, да негли встѧгнувшесѧ вспомѧнемъсѧ 74, прузи... идаху к полунощнымъ странамъ· ѩдуща (РА ядуще) траву и проса 76 об., сѣдѧ ту посылаше к Ѡлгови мира просѧ 86, Половци не вземше вѣсти ѿ Ѡлговичь· сотснувшеси с бѣгѡ возворотишасѧ 98 об., ѡному же боле емшюсѧ мольбѣ· и болѧры подъоучаѩ и дары даѩ 98 об., и приступивъше к городу и взѧша городъ 99 об., и веземъ полонъ многъ и воротисѧ ѡпѧть 100, посадникы исковавъ приведе 104 об., Мстислав же на ту нощь роставлѧ сторожѣ· а сам лѧже спати с Угры· сторожеве же прибѣгоша к нему полунощи 112, возма копье потъче къ плоту 132, иже пасеть словесныѩ ѡвцѧ... бдѧ за нь днь и нощь 132 об., иже не ища мастеровъ ѿ нѣмець· но налѣзе мастеры ѿ клевретъ стое бци и своихъ 139 об., ѡць же ѥго вставѣ ѡбуимъ и цѣлова любезно и с радостью великою 145, ѡнъ же совокупѧсѧ и гна изъѣздом г Кыѥву 147, прислаша митрополита Матфѣѩ просѧ мира и во всем покарѧющесѧ 148. И сюда иногда заходят формы дательного самостоятельного: случисѧ... ѩвлѧтисѧ на вздусѣ· на конихъ рищющимъ· въ ѡружьи златы имуща ѡдежѣ 55 об., бы знаменье въ слнцї...бывшю ему ѩко мць малъ 97 об., Мстиславу же боле налѣгающю на Всеволода· река ѥму повелъ ѥси Половци 98 об.

Особый разряд обстоятельственных образа действия составляют предложения, обозначающие с р а в н е н и е. Они подчиняются главному обыкновенно посредством союзов: *ѩко*, *ѩкоже*, *акы*: живѧху в лѣсѣ· ѩкоже (и) всѧкии звѣрь 5, самъ хочю въ ѡну гору ити един· ѩко и преже бѧхъ ѡбыклъ оуединивъсѧ (жити) 53 об., ѩкоже брат твои чтилъ Вѧчеслава· такоже и ты чти 114 об., ѡблизахутсѧ на нас акы волци стоѩще 82, идѧху стрѣлы акы дождь 91 об.; при сравнительной степени бывает *нежели*: лѣплѣѣ ми того смрть а с своею дружиною· на своеи вотчинѣ... нежели курьское кнѧженье 102, луче братьѩ измремъ сдѣ· нежели соромъ възмем на сѧ 109, в то же лѣт· здума Андрѣи кнѧз Ѩрославич с своими болѧры· бѣгати нежели црмъ служити 166.

В целом ряде относящихся сюда предложений обозначается с л е д с т в и е, вытекающее из известного действия: изби ѩ· ѩко ма[ло] их ѿ таковыѩ бѣды избѣгнути 7 об., бѣ гладъ великъ· ѩко по полугрівнѣ глава конѧча 23, знаменье ѩвисѧ на нбси· ѩко видѣти всеи земли 50 об., творѧше мечтанье бѣсовьско· ѩко и по водам ходити 60 об., тако постникъ

и въздержни· ꙗко развѣ хлѣба ти воды· ꙗсти кму до смрти своєꙗ 63 об., любимъ бѣ ѡцемъ своимъ· ꙗко глати ѡцю к нему сну мои· благо тобѣ ꙗко· слышю ѡ тобѣ кротость 72, ꙋдавиша и рамꙗно· ꙗко персе троскотати 88, плакатисꙗ нача попадьꙗ· ꙗко мертву сущю ѡному 88, бѣ Стополкъ с Володимеро рꙗдъ имѣлѣ (РА имѣлъ)· ꙗко Новугороду быти Стополчю 93, бы пожаръ великъ Кыєвѣ городѣ· ꙗко погорѣвшю єму мало не всему 97 об., много взбранꙗше и . . . ꙗко не оубити Игорꙗ 105 об., бы дождь силенъ с вѣтро· ꙗко ни ратны помочи собѣ видѣти 111, иже (дьꙗволъ) єю (=их) прельсти· в помыслъ има вложь рекшема има ꙗко изьєвѣ си· а сами приимевѣ єдина всю власть 150 об. Среди главных предложений характер следствия обозначается союзом *ато* (см. 58 стр.).

В условных предложениях protheśis чаще всего имеет союз *аще*: аще поѣхати будꙗше ѡбърину· не дадꙗше въпрꙗчи конꙗ 4 б, аще родитсꙗ ѡтроча погубꙗть· аще дѣвоческъ полъ то въздоꙗть 6, да аща хто хулить словѣньскую грамоту да будеть Ѡлученъ Ѿ црькве 9 об., аще сꙗ въвадить волкъ в ѡвцѣ· то вьıносить все стадо· аще не оубьють єго 14 об., да аще мꙗ хощеши крти· то крт(и) мꙗ самъ· аще ли то не крщюсꙗ 17 об., Ѿвѣщавши Ѻльга· и ре къ сломъ· аще ты рьци такоже постоиши оу мене в Почаинѣ· ꙗкоже азъ въ Суду то тогда ти дамь 18, аще сего не створимъ погубити ны имать Стославъ 19 б—20, аще ти не жаль ѡчины своєꙗ· ни мтре стары суща... (=разве) 20, аще ти тѣло апли не суть не были· но оученьꙗ ихъ 27, аще хощеши послушати да ска(жю) ти 28 об., наоучисꙗ . . . аще кто колько лѣтъ былъ 31 об., да аще кто дѣєть в нашю вѣру ступи· то паки оумръ (въ)станеть и не оумрті єму в вѣки 36 об., аще се сꙗ сбуде и самъ сꙗ крщю 37 об., аще кто сего посудить да буде проклꙗтъ 43, аще живъ буду (то) с нимь· аще погыну то с друженою 52, аще кто хощеть ѡбидѣти брата своꙗго· то ты помагаи ꙗго же ѡбидꙗть 54 об., аще кто ꙋмреть Ѿ ваши людии то възносимъ ꙗсть на нбо 60 об., аще братъ єтеръ выидꙗше из манастырꙗ· всꙗ браꙗ имꙗху ѡ томь печаль велику 63 об., аще к нему что речаше· ли добро ли зло· сбудꙗшетсꙗ старче слово 64, и рѣхъ аще вы сꙗ и гнѣва(є)те не могу вы ꙗ ити 78, аще и весь миръ совокупить· не вси въ ѡдинъ ѡбра· но кыиже своимь лиць ѡбразо 79 об., аще и на кони ѣздꙗче не будеть ни с кы ѡрудьꙗ· аще инѣ млтвъ не оумѣєте молвити· а ги помилуи зовѣте бес престани в таинѣ 80, аще ти Ѿидеть в свою волость· да оузришь аще ти не заиметь гра твоихъ 87, да аще не хощешь ѡстати до именинъ моихъ· да приди нынѣ цѣлуꙗши мꙗ· и посѣди вси с Двдмъ 87 об., аще ты боишисꙗ Руси но мы сꙗ не боимъ 93 об., аще ты ратенъ· си ратни же· аще ты миренъ· а си мирни же 136 об. Во всех приведенных фразах шла речь о таких фактах, которые могли произойти, если происходило действие, названное в обусловливающем предложении. Если же идет речь о недопу-

стимом факте, так как недопустимо и обусловливающее предположение, тогда к союзу *аще* еще прибавляется *бы*: аще бо бы перевозникъ Кии· то не бы ходилъ Црюгороду 4, аще бы лихъ законъ греческии· то не бы баба твоꙗ прияла Ѡльга· иже бѣ мдрѣиши всѣ чл҃вкъ 37 об., аще бо ѡнъ не кртилъ бы насъ· то нынѣ были быхомъ в прельсти диꙗволи 45, аще бысте чл҃вци (были) то въ дне бы· ксте пришли 66, аще ти бы вина каꙗ была нань ѡбличилъ бы и пре нами 88 об.

При допущении условия допускается и следствие и наоборот; при этом чувствуется некоторый разделительный характер в мысли, что внешним образом выражается присутствием частицы *ли*: аще ли в-ынъ законъ ступить· то на ѡномъ свѣтѣ в огнѣ горѣ 36 об., аще ли не вѣрукте· да оузрите своима ѡчима 44 об., аще ли покаꙗвшеся будемъ... всѣхъ грѣхъ прощени будемъ 56 об., аще ли не хочета· то на невола зажгоша гра свои ступи в Гречьску землю 58, аще ли кому не люба грамотица си· а не поѡхритаються 78, аще ли кто васъ можеть инѣмъ оуслѣти Ѿ ба мьзды да чакть 79, аще ли вы буде кртъ цѣловати к братьи или г кому· али оуправивъше срдце свое· на немже можете оустоꙗти· тоже цѣлуите 80, рекоша выдаи кого ти хота· аще ли то предаемъıся 90, аще ли ·в· главѣ имѣкть снъ твои то пошли и 93. Сюда же относятся и предложения, начинающиеся с *ци*, за которым следует *аще*: ци аще ключится 13, ци аще оударить мечемъ 13 об.

Условливающее предложение может начинаться и с местоимения *иже* или с находящегося с ним в связи союза *оже*: иже преступить се Ѿ страны нашеꙗ· ли кнѧзь ли инъ кто... да не имуть помощи Ѿ ба 14, иже ли не поидеши с нами то мы собѣ буде· а ты собѣ 78, мы чл҃вци грѣшни суще· и смртни· то ѡже ны зло створить· то хощемъ и пожрети 79, молви кму тако· ѡже хощеши послати мужь свои 89, ѡже бы пришелъ са толико з дѣтми· то котораꙗ бы кму волость люба· ту же бы вза· но же на ма привелъ Половци 107, что твориши кнѧже· поѣди прочь ѡже ли добуде сорома (= что бы не осрамиться) 108, да ѡже Михалка бъ поꙗлъ... чему к намъ идеши 129 об., нонѣ поидемъ по ни за Донъ· и до конца избьемъ ихъ. ѡже ны буде ту побѣда· иде по ни и (РА у) луку мора 134 об.

Несколько редких случаев условных предложений с другими союзами: али ти лихое· да то ти сѣдить 84 об.; река Новагорода не березѣта· ати сѣдать о своеи силѣ· кдѣ си кнѧзь ни налѣзуть 102 об.; егда кто вѣсть кто ѡдолеѣть мы ли ѡнѣ ли 11; ради са быхомъ ꙗли по дань· но хощеши мьщаті мужа своего 16 об.

Условный характер имеет даже предложение, выраженное неизменяемой формой причастия: суть горы заидуче (в) луку мора 85.

4 XII 1927.

РУССКАЯ ПРАВДА ПО ДРЕВНЕЙШЕМУ СПИСКУ

Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава [1]

В числе старейших памятников древнерусского языка преобладают такие, которые писаны на церковнославянском (древнеболгарском) языке с незначительной примесью особенностей, характеризующих язык восточной группы славян, легший в основу русского народного языка. Однако в числе древнейших же произведений, особенно юридического характера, есть несколько и таких, в которых преобладают черты живого русского языка с еле заметным церковнославянским налетом. Первое место среди них занимает Русская Правда по древнейшему списку 1282 г., дошедшая до нас в Кормчей Московского Исторического музея, Синодального собрания № 132. Позднейшие списки этого памятника (XIV—XVII вв.) дают текст уже с бо́льшим количеством югославянизмов, постепенно увеличивающихся по мере удаления от XIV в.; для знакомства с древнерусским языком, отчасти с правом и народным бытом они имеют уже менее значения.

Настоящая работа по изучению Русской Правды не преследует юридических и исторических целей: их только мимоходом приходится привлекать к делу; она направлена главным образом на изучение языка памятника и отчасти на историю его литературной стороны, чему до сих пор специалисты мало уделяли внимания, а между тем язык его дает возможность довольно точно определить время возникновения памятника, место его написания и даже народность лица, закрепившего письмом этот сборник.

Изучение древнейшего списка Русской Правды помогает более точно и основательно подойти к решению и других вопросов, связанных с зарождением древнерусской письменности, например, как постепенно появлялись грамотные лица в древней Руси, как они вырабатывались для целей духовно-религиозных и канцелярско-государственных, как

[1] Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. IV + 114 стр. Л., 1930.

Здесь помещаем лишь предисловие автора и «Введение» до указаний, из каких рукописей заимствованы варианты (*Ред.*).

возникли переводчики с языков германских, с греческого и др., какой национальности они были. Все эти и подобные им вопросы уже имеют довольно обширную литературу, пока не приведшую к несомненным заключениям (ср., например, исследование В. М. Истрина «Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе», т. II, 1922, и т. III, 1930, где собраны и рассмотрены также отзывы о его выводах).

Наконец, автор пытался дать образец научно-археографического издания памятника, удовлетворяющего взглядам специалистов и вообще лиц, заинтересованных в изучении древнейшего нашего юридического памятника, замечательного во многих отношениях, даже с чисто этнографической точки зрения.

РУССКАЯ ПРАВДА ПО СПИСКУ КОРМЧЕЙ 1282 г. № 132 БЫВШЕЙ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ, НЫНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В МОСКВЕ

Юридический сборник, известный под именем Русской Правды, уже около 200 лет служит предметом изучения историков, юристов, археологов и отчасти филологов; однако до сих пор, можно сказать, еще не пришли к решительным заключениям относительно этого памятника глубокой древности, и многие вопросы не перестают возникать при его изучении.

Начальный наш летописец, характеризуя восточнославянские племена, говорит между прочим: «имѧху обычаи свои и законъ ѿць свои и предания кождо свои нравъ» (Лавр. л., л. 5). В другом месте (л. 4) о полянах отзывается так: «бѧху мужи мудри и смыслени». Естественно, что у этих племен уже были те или другие юридические нормы, основанные на обычном праве. Первые князья с своей дружиной — Русь в эти обычаи внесли иностранный элемент, может быть, близкий к славянскому, но все же своеобразный.

На указанных основах, что уже около двухсот лет тому назад отметил В. Татищев («Продолжение древней российской вивлиофики», I ч., 1 и др.), в X в., а может быть и раньше, уже при самом возникновении Русского государства, вырабатывались разные юридические оформления, отражая на себе часто, кроме взглядов и обычаев восточных славян, еще через Русь установления соседей северо-западных (германцев), а после и южных (византийцев, последних особенно после принятия христианства). Эти мы видим из договоров Олега, Игоря и Святослава с греками. Так, в договоре Олега 912 г. (Радз. л., л. 17) читаем: «чаще ли оудари^{т} мече^{м}. или оубье^{т} кацѣ^{м} любо сосоудомъ. за то ѹдарение или бьенье. да вдасть литръ. е҃ сребра. по законѹ роукому» (ср. в Русской Правде по Синод. сп. XIII в., л. 617: оже кто оударить мечемь); или в договоре Игоря 945 г. (Лавр. л., л. 12 об.) по уста(в)оу и по закону рускому. Конечно, в то время эти уставы и законы еще не имели письменной формы, как было и у се-

веро-западных наших соседей; у нас тогда не существовало и самой письменности. Это были краткие изречения, которые легко хранились в памяти и применялись в соответствующих случаях[1].

Таким образом, составители договоров русских с греками знали о русских законах. Если обратиться к существу этих законов, то нельзя не заметить их связи с уставами и обычаями наших северо-западных соседей. Приведу примеры: родственники убитого должны были мстить за кровь или получить с убийц плату-виру, что германцы называли *Wergeld*; плата за убитых была разная в зависимости от общественного их положения; то же различие наблюдается в салических законах и других.

За убийц и вообще преступников отвечало и общество, даже количество пени было почти то же. Как и у нас, тонко расцениваются разные членовредительства по германским законам. Отдельно рассматривается поведение рабов; особенно шведские законы строго наказывают их за то, если они решались ударить своего хозяина; предусмотрены случаи с беглыми рабами. Сходны законы и о вознаграждении за кражу. Охотничьи собаки и соколы в них также фигурируют, как и в Русской Правде. Вот один пример закона на нижненемецком языке, переведенного с датского, почти буквально совпадающего с законом Русской Правды (стр. 247—250) о езде на чужой лошади без спроса: Ritt Jemand eines andern Mannes Perd, ane des sinen Wilen, deme dat Perd thohöret, die brikt davör dre Marc an den Bonden[2].

Рано проникло в наше законодательство и греческое влияние. Укажу для примера в Русской Правде статью о поклажае (ср. строки 469—482), по своему содержанию напоминающую статью περὶ παρακαταθήκης из Синтагмы Матвея Властаря Солунского, составленной в 1335 г. на основании законодательных византийских памятников IX—XII вв.[3] Не упоминаю здесь законов византийских христианского времени, наполнивших наши кормчие, мерила праведные и разные сборники.

---

[1] Ср. М. Погодин. Исследования и замечания о русской истории, III, 361.

[2] Ср. Ф. Штруб. Слово о начале и переменах российских законов... в публичном собрании Имп. Академии наук 6 апреля 1756 г. СПб., стр. 9—16. То же подробнее у М. Погодина. Исследования и замечания, т. I, стр. 241—243, т. III, стр. 359—387; Goetz. Das russische Recht, Bd. I, S. 83, 256—265. То же у Е. Н. Щепкина. Варяжская вира (Одесса, 1915), в разных местах. Ср. еще С. С. Бобчев. История на старобългарското право. София, 1910, 71 и др.)

[3] Ср. Т. Д. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана. Киев, 1888, 426, и прилож. V, 192. Но вообще говоря, влияние византийских законов на Русскую Правду было незначительно. В краткой Русской Правде буквальных заимствований нет, но косвенное влияние византийского права можно отметить. Русская Правда, расходясь по принципам, а также в большинстве случаев и способам взыскания с византийским правом, заимствует у него свою внешнюю форму. В содержании есть известная близость к соответствующим статьям византийского законодательства хотя бы в минимальных размерах. Но и только (ср. Е. Черноусов. К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское. Византийское обозрение. Юрьев, 1916, т. II, вып. 2, стр. 303—322). В этом же роде еще раньше высказался Гетц, R. R., 1, 240 sq.

Форму свода, довольно примитивного и, вероятно, краткого, но уже писаного, как можно судить по свидетельству Новгородской 1-й летописи и др., Русская Правда получила еще при кн. Ярославе Володимировиче. Вот это место: «Ярославъ иде кь Кыеву. сѣде на столѣ оца своѥ Володимира, нача вои свои дѣлити старостамъ по десѧти гривенъ. а смердомъ по гривнѣ· а новгородцем по, і· гривенъ· всѣмь· и ѿпусті ихъ всѣ домовъ· и давъ имъ правдоу, и оуставъ списавъ· глаголавъ тако, по сеи грамотѣ ходите, ѩкоже писах вамъ, такоже держите» (I Новг. л. XV в. библ. Академии наук 17.8.36). Далее обыкновенно и следует краткий список Русской Правды, или даже полный, как в Соф. I летописи (ср. издание 1925 г. Л., стр. 90 и сл.) и др., возникший уже при сыновьях Ярослава. О том же имеются свидетельства и в некоторых других летописях, хотя и без приведения текста самой Русской Правды [4].

Сохранившиеся до нашего времени списки Русской Правды в таком виде не могли выйти от Ярослава, его сыновей и Владимира Мономаха. Она составлена частными лицами на основании обычного права, княжеских грамот, в том числе и подлинной грамоты Ярослава, прибавлений его сыновей, постановлений и распоряжений правительства, а также установившихся судебных решений, передававшихся устно, а может быть в некоторых случаях и письменно: редакции Русской Правды разнообразны, о постановлениях князей говорится в 3 л., иногда приводятся также указания на случаи, вызвавшие то или другое постановление, например: «яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогобоудьци» — приписка к статье об уплате 80 гривен штрафа за убиение старого конюха у стада [5].

Таковы общеизвестные факты о Русской Правде, в рукописях обыкновенно надписывающейся: «Судъ Ярославль Володимеровича. Правда Русская». Кроме новгородских летописей, она сохранилась и среди других древних памятников юридического характера, например, в многочисленных кормчих, начиная с XIII в., мерилах праведных с XIV в. и некоторых сборниках, начиная с XIV в. До настоящего времени таких списков Русской Правды насчитывают больше сотни. У Н. К. Никольского [6] их указано более 60. У него же и подробная библиография.

Текст дошедшей в рукописях до нашего времени Русской Правды далеко не одинаков и по объему, и по расположению: в новгородских летописях он обыкновенно короток, хотя бывает и обширный; в корм-

---

[4] Ср. Н. Калачов. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды [2]. СПб., 1880, 80. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, 507—508.

[5] «Продолжение древней российской вивлиофики», 1, 1786, стр. 17. Ср. о том же у Н. Калачова. Предварительные юридические сведения [2], 47. Ср. еще В. Сергеевич. Лекции и исследования 4, 95—99.

[6] «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI вв.» СПб., 1906, стр. 128—140.

чих и мерилах праведных он пространнее; в некоторых сборниках (например, Московском Пушкинском, или Ундольского № 820) он дополнен еще статьями особыми. Есть рукописи, в которых даются извлечения или сокращения распространенных текстов Русской Правды. В самих этих сводах есть данные, по которым отчасти можем судить о времени появления их. Так, первоначальная Правда в том виде, в каком она сформировалась при Ярославе, могла быть закрепленной письмом не раньше 1016 г., когда упоминание о ней занесено в летопись, и не позже кончины Ярослава (1054 г.). Но в самой Правде в кратких и полных списках есть указания на изменения в ней, сделанные при сыновьях Ярослава: «Правда оуставлена Роускои земли єгда сѧ съвокупилъ Изѧславъ·Всеволодъ·Стославъ», что произошло после смерти Ярослава, по соображениям П. Мрочек-Дроздовского[7], не позже конца XI в. Со временем, при Владимире Мономахе, который княжил с 1113 по 1125 г., произведены в Русской Правде новые изменения и дополнения, сделанные при этом князе, значит в первой четверти XII в. Русская Правда Ярослава касалась разных сторон жизни; указания на это имеем в ней самой, где говорится об изменениях и дополнениях, сделанных в ней при сыновьях Ярослава и при Владимире Мономахе. Так, например, после свидетельства о первых изменениях при Изяславе и Святославе замечено: «а ино все ꙗкоже Ꙗрославъ· соудилъ такоже и сынове єго оуставиша». В уставах Владимира в статье «ѡже холопъ оударить свободьна моужа» читаем: «Ꙗрославъ былъ оуставилъ· и оубити», но сыновья решили перейти на куны. Есть указания и такого рода, из которых можно видеть, что в Русской Правде зафиксированы княжеские постановления в противоположность постановлениям судей. К надписанию статьи «оже боудоуть холопи татьк» прибавлено «Соу кнѧ». Все сказанное касается полного свода Русской Правды. Отдельные статьи могли прибавляться и после, равным образом могли делаться и извлечения из полных списков для разных практических целей.

Из сказанного можно видеть, что главных редакций Русской Правды две: краткая и полная; есть и извлечения из полной. Приблизительно определяется и время появления той и другой (XI — начало XII в.). К таким выводам можно прийти на основании летописных свидетельств и указаний, имеющихся в самой Правде.

Но о чем нам говорят рукописи Русской Правды и содержание этого памятника?

Древнейшая рукопись, содержащая самый старый список Русской Правды, это Новгородская Кормчая 1282 г. (Гос. Исторического музея в Москве, собрание Синод. библ. № 132). Русская Правда зани-

---

[7] П. Мрочек-Дроздовский. Текст Русской Правды с объяснением отдельных слов «Ученые записки Имп. Московского университета, отд. юрид.», вып. IV, М., 1885), стр. XXXVI—XXXVII. В. Сергеевич (Лекции[4], 62—64) представляет дело несколько иначе, но в конце концов приходит к тому же выводу, что «составление пространной Правды должно быть отнесено к самому началу XII в.».

мает здесь листы 615 об. — 627 об. и представляет полный список Правды; нет в нем лишь одной статьи, имеющейся в других списках подобного рода (например, Троицком сп. XIV в.), «О поклепнѣй вирѣ», да нескольких добавочных статей более позднего происхождения. В этом списке и расположение статей Русской Правды несколько иное в сравнении с другими списками более поздними. Русская Правда Ярослава и его сыновей и по расположению статей совпадает везде; но уставы, приписываемые Владимиру Мономаху, здесь в несколько ином порядке. Если сравнить их с расположением в Русской Правде Троицкого Мерила праведного конца XIV в. (например, по нумерации статей у Н. Калачова: «Текст Русской Правды», М., 1846), то тут найдем следующее: в Новгородской Кормчей 1282 г. статьи Русской Правды расположены в порядке: 1—49 (за исключением 15), 52, 59—67 включительно, 83—89 включительно, 95—101 включительно, 50—51, 53—58 включительно, 68—82 включительно, 90—94 включительно, 102—115 включительно. Или, если перенумеровать строки нашего списка и расположить их по порядку Троицкого списка, то получится следующая картина. В нашем списке на странице в два столбца по 25 строк в каждой — 50 строк. До устава Владимира Мономаха 509 строк; затем сходство в расположении до 539 строки, а дальше такой порядок:

с	751	до	804 =	54	строки
»	539	»	550 =	12	строк
»	805	»	906 =	102	строки
»	551	»	615 =	65	строк
»	907	»	1031 =	125	»
»	615	»	675 =	60	»
»	1031	»	1101 =	71	строка
»	675	»	751 =	77	строк
»	1102	»	1216 =	114	»

Всего . . . 1219 строк [8].

Чем объяснить такой порядок? Эта разница в расположении статей в нашем списке Русской Правды уже давно обращала на себя внимание ученых исследователей. Тобин [9] полагал, что в Синодальной рукописи были перепутаны листы, но тщательное изучение кодекса отвело это подозрение. Нет основания думать, что были перепутаны листы и в оригинале, с которого списана Русская Правда нашей рукописи, так как число строк на копиях с этих листов в таком случае было бы приблизительно одинаковое, чего, как можно видеть из предыдущего, даже приблизительно нет. Кроме того, если бы в оригинале были перепутаны листы, то в копии не было бы вполне законченных статей,

[8] Разница в сравнении с разметкой в рукописи на 3 строчки получилась оттого, что в некоторых строках, заканчивающих одни статьи, помещаются заглавия новых.

[9] E. S. Tobien. Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands, St.-Petersburg, 1844, стр. 23—24. Древнейшей рукописи Русской Правды посвящен § 1 в IV томе книги Гетца. Das russische Recht, Stuttgart. 1913.

хотя бы и поставленных не на своем месте; не было бы и случаев, когда новые статьи после перерыва начинаются с середины строк, что указывает на оригинал с непрерывным текстом. Недопустимо и предположение В. Сергеевича (Лекции и исследования[4], 64), что «переписчик Синодального списка имел под руками оригинал совершенно того же типа, как и тот, с которого списан Троицкий список, но перепутал последовательность статей» (ср. еще ib. 82). Отчего он не перепутал начала Русской Правды? Древний переписчик обыкновенно старался точно воспроизводить рукопись-оригинал, даже со всеми его ошибками. Для понимания отмеченного обстоятельства напрашивается единственное объяснение: настоящий вид Русской Правды в Новгородской Кормчей 1282 г. — рукописи древнейшей — указывает, как при Владимире Мономахе и после него постепенно нарастали статьи в этом памятнике. В полной Русской Правде типа Троицкого списка мы имеем уже более или менее кодифицированный памятник XIV в., списанный с оригинала, послужившего основой для всех дальнейших изводов. В последнем редактор кодекса старался сходные статьи объединить, удержав, однако, те заглавия-надписания, которые имеются и в древнейшем списке; вследствие этого в его списке или оригинале последнего уже больше внутренней связи и согласованности, хотя с нашей современной точки зрения и здесь можно бы ожидать еще больше порядка. Нарастание новых статей продолжалось и после, например, о приростах в течение нескольких лет в живности и имуществе, о новгородских мостовых; они и поставлены больше в конце отделов.

При изучении текста Русской Правды еще бросается в глаза, как уже было указано, различие его в разных списках летописи XV в.: в одних он краткий, в других полный. В самом древнем списке Новгородской летописи (б. Синод. XIII—XIV вв.) под 6524 г. (1016 г.) Русской Правды, или какой-либо грамоты Ярослава, и интересующего нас места (ср. выше стр. 116) нет. Следующий по древности список, содержащий краткий текст, относится только к XV в. Он, конечно, может основываться на древнейших записях, сделанных еще при сыновьях Ярослава, но мог явиться и как плод извлечения из кодифицированного после Владимира Мономаха свода в той его части, которая предшествовала уставам этого князя, явившимся уже в Киевской области[10]. Могли оказаться здесь даже и кое-какие дополнения из тех запасов, какие отчасти устно, отчасти письменно хранились в судебной практике, хотя новые статьи появлялись и в позднейших списках[11]. Некоторые намеки в этом роде можно встретить и в предшествовавшей литературе предмета[12]. Подобные извлечения и сокра-

---

[10] Ср. А. И. Соболевский. Две редакции Русской Правды (Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 17—23), где он, вслед за В. О. Ключевским, старается обосновать такое предположение.

[11] Обыкновенно дело иначе представляют. В. Сергеевич. Лекции и исследования[4], 71, но 72.

[12] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, 1908, 508, примеч. 1 и др. И. А. Стратонов. К вопросу о составе и проис-

щения в летописях дело обычное: ср. в Начальной летописи рассказ об изобретении азбуки и заложении славянской письменности Константином и Мефодием, основанный на довольно не искусном извлечении из их Паннонских житий. Не всегда ведь более краткие редакции оказываются древнее более полных[13].

Как бы то ни было, до сих пор древнейшим списком Русской Правды является список Новгородской Кормчей 1282 г. Его мы кладем в основу наших дальнейших заключений и выводов; другие более поздние списки привлекаются лишь постольку, поскольку они помогают уяснению этого древнейшего списка. Нельзя сказать, чтобы он был очень исправный: писец его был довольно неаккуратный и невнимательный, допускавший пропуски и делавший искажения, может быть, вследствие плохого состояния оригинала, с которого он списывал; Троицкий список XIV в. значительно исправнее его, но и наш список 1282 г. отличается такими особенностями, изучение которых уяснит немало темных вопросов, связанных с первоначальной Русской Правдой.

Список Русской Правды в Новгородской Кормчей 1282 г. уже давно обратил на себя внимание своей древностью и впервые удовлетворительно издан К. Ф. Калайдовичем в 1-й части «Русских достопамятностей» (М., 1815), 17—58. Изданию памятника предпослано хорошее предисловие, дающее, между прочим, и краткое описание рукописи и соображения о заключающемся в ней тексте Русской Правды и вообще о значении этого памятника. Издание сделано гражданским шрифтом, но с прибавлением недостававших в тогдашнем письме знаков: ѥ, ѡ, ѕ, ѯ; кое-где придано однообразие в употреблении букв (например, ѡ в начале слов), везде *ы* вм. ꙑ, не различены ꙗ и ѧ — вм. них *я*. Знаки препинания расставлены применительно к орфографии начала XIX в.

В дополнение и отчасти в исправление описания Калайдовича прибавим следующее. Всего в рукописи 631 лист. Запись на 1-м приставном листе, но тем же почерком, что и вся рукопись, сильно пострадала, особенно в киноварной своей части: буквы почти стерлись. Приходится верить Калайдовичу и И. И. Срезневскому, что здесь было написано: **Въ лѣто· ҂ѕѱ҃і**... и в последнем, видеть ножку ѵ или ч и читать 6790, т. е. по нашей эре 1282 г. Упоминаемые дальше в приписке кн. Димитрий (ум. 1294 г.) и архиепископ Климент (посвящен. 1276 г., ум. 1299 г.) жили в конце XIII в. Размер листов той части рукописи, где содержится текст Русской Правды, следующий: высота 30—30,2 *см*, ширина 22—22,5 *см* (колебание в миллиметрах вследствие неправильного обреза рукописи). Высота писаного столбца: 20,8 *см*, разграфлено на 20,6 *см*; ширина двух столбцов разграфленных 14,7 *см*; ширина каждой из 2 колонн 6,7 *см*. Письмо страницы с выходящими на поля

хождении краткой Русской Правды. Казань, 1920, 39. К. Ф. Калайдович. Русские достопамятности, I, 25.

[13] Ср. нашу Славянскую кирилловскую палеографию. Л., 1928, 3.

буквами шире: примерно 18 *см*. Пергамен довольно толстый, русской выделки, с дырами, со сшитыми прорезами, с проколами или прорезами по сторонам, сделанными при разлиновке тетрадей. С тою же целью сделаны проколы вверху и внизу для обозначения направления 4 вертикальных линий. Заглавия писаны киноварью: ею же писаны и начальные буквы отдельных статей. Почерк древнерусский устав XIII в.

П. Мрочек-Дроздовский в «Исследованиях о Русской Правде» (Ученые зап. имп. Московского университета, отд. юрид., вып. IV. М., 1885) напечатал (стр. 51—66) полный текст Русской Правды по рассматриваемой рукописи древним церковнославянским шрифтом довольно удовлетворительно. Только деление сплошного текста на слова иногда неправильно (57: **тока|ръıє го**, 59: **на ꙁємлѧ н ꙁнамє|**, 62: **иꙁъ хлѣкакꙑ кє|доуть** и др. ib.); смешиваются **и** и **н** (57: **нти, н хоронилъ, ємати**). Вообще заметно недостаточное знакомство с приемами писцов в надписании статей. Дорожа всяким свободным местом, они заполняли его заглавием нового отдела, что вряд ли следует делать современному издателю старинных текстов (ср., например, стр. 58: **послоухокъ ·:· Ѧ СЄ Ѹ҃...**).

Около того же времени выпущено литографированное издание этого памятника: «Палеографический снимок текста Русской Правды по Новгородской Кормчей книге XIII века, скопированный с подлинника студентами Историко-филологического факультета Имп. СПб. университета под руководством И. И. Срезневского» (СПб., 1888).

В рукописном отделении библиотеки Академии наук СССР, в архиве И. И. Срезневского (494) хранится дефектный экземпляр снимков этой Правды, исполненный фотографически. Там же есть скопированный архимандритом Амфилохием от руки на кальку снимок в естественную величину всей Русской Правды и некоторых других статей Новгородской Кормчей 1282 г.

Наконец, в Москве с учебными целями издана Н. А. Марксом «Русская Правда» (литография Иванова, М., 1910).

Все перечисленные издания, как уже сказано, сделаны удовлетворительно. Но в настоящее время их совершенно нет в продаже. Издание учеников И. И. Срезневского, как исполненное от руки, при теперешних условиях в палеографическом отношении не может быть признано удовлетворительным. Далеко от современных требований и литографическое издание Маркса. Важность памятника заставляет воспроизвести его фототипически или, по крайней мере, фотомеханически.

Рассматриваемый список — один из самых важных для решения разных вопросов, связанных с Русской Правдой. По своей древности он имел бы еще больше цены, если бы его переписчик, как уже замечено, аккуратнее относился к своему делу. Прежде всего бросаются в глаза нередкие у него пропуски заглавных букв в начале новых статей, что впрочем бывает и в других рукописях: такие буквы писались киноварью, и писец, не желая прерывать письма чернилами, оставлял для них место, а потом забывал его заполнить. Так, отсут-

ствуют **П** на л. 615 об., 2 стб., **К** на л. 616, 1 стб., **Я** на л. 616 об., 2 стб., **О** или **Я** bis на л. 620 об., 2 стб., **О** или **Я** на л. 623, 1 стб., **Т** на л. 625, 2 стб. **В**, а может быть **Як** на л. 626 об., 1 стб. Немало имеется и пропусков слов и целых выражений в тексте, как это будет видно при подведении вариантов. В тексте есть и описки: **къıкоупати** 615 об., строка 36 (вм. *въıкоупати*), **разабои** 616, стр. 82 (исправленное самим писцом в *разбои*), **наутеть** 620, стр. 474 (вм. *начнеть*), **не скадають** 621, стр. 553 (вм. *не складають*), **пюсую** 621 об., стр. 612 (вм. *писчю — писцоу*). Встречаются ненужные повторения слов: то *что что* пьрвои жены 622, продаже 625. Есть зачеркнутые места: а оу него же погъıбло 619. По невнимательности писца заглавие **ѡ бърти** поставлено перед статей «о бобре», вследствие чего и в тексте вместо «бобръ» написано «борть» 621; заглавие **о бородѣ** 621 вкраплено в середину статьи «о послоушьствѣ».

Сравнение нашего текста со списками, сделанными с других оригиналов, и притом писцами более внимательными, открывает перед исследователем немало описок, искажающих текст Русской Правды. Приведу несколько примеров: 617 то ти имъ вместо то дати имъ; ib. аще ли оутнеть роукоу . . . или ѡко или не оутьнеть. . . вм. аще ли — или ѡко или носъ оутьнеть; 622 об., а ѡ немь своѥго вм. то онѣмъ своѥго оц҃а задница. а онѣмъ своѥго; 627 в чиѥмь любо родѣ вм. въ чиѥмь любо городѣ и т. д. Но подобные описки, как увидим из вариантов ниже, часто еще в большей степени известны и другим спискам, могли они быть и в оригинале нашего писца. Варианты покажут, что писцы, учившиеся грамоте по церковным книгам и старавшиеся точно переписывать их, совершая, по их мнению, богоугодный подвиг, к переписке светского памятника, на языке почти чисто народном, относились значительно свободнее: устаревшие и редкие народные слова и выражения перетолковывали по своему разумению, чем еще более затемняли неясные или слишком лаконичные постановления. Чем дальше от старины, тем все больше и больше искажается памятник. Если наш писец иногда бывал небрежен, то последующие писцы еще больше изменяли текст.

Отмечая подобные недостатки у переписчика Русской Правды по Новгородской Кормчей 1282 г., следует, однако, помнить, что кое в чем вина падает и на оригинал, с которого он делал копию; но вообще писец сохранил для нас много интересных данных, на основании которых можно прийти к тем или другим серьезным выводам относительно нашего памятника. Орфография и язык нашего памятника дают возможность судить и о времени происхождения, и о месте написания, и даже о писце первоначального списка Русской Правды.

Остановимся на особенностях языка нашего списка, хотя бы на главнейших, более или менее типичных.

В о р ф о г р а ф и и его бросается в глаза сохранение **ъ** и **ь** в тех местах в середине слов, где они стоят в самых древних русских и старославянских памятниках. например: **въсѧдеть** 617 об.,

нъ 621 об. (а в подражание ему и *тъ* 622 вм. *то*), дъчери възмоутъ 621, възложить 622, въземъши ib., поръвѣть 621 и т. д., и особенно в сочетаниях с *р*: на търгоу 617 об., пъртъ 818 об. и т. д.; то же и с *ь*: оутьнеть 617, за ремьствьника 616 об., вьсе 622, вь*р*ви 615 об., вь*р*вь 616, не тьрпѧ 617, додь*р*жать и т. д. Подобная правильная постановка глухих *ъ* и *ь* (рядом, конечно с заместителями их *о* и *е* и исчезновением *ъ* и *ь* в известных случаях) — особенность памятников XI—XII вв., когда *ъ* и *ь* в известных положениях еще могли обозначать глухие гласные.

В нашем памятнике очень обычно смешение *ѣ* и *е*, следы чего есть уже в Остромировом евангелии. Так, например, в списке Русской Правды 1282 г, читаем: в поклеп*е* 621, ѥхати 621 об., в перев*есе* 625, ѡ перев*есех*ъ ib. и т. д., с другой стороны — възмѣть рядом с възметь 620 об., поръвѣть 621,налѣзѣть 624, о смѣрдѣ (при оже смердъ, смьрда) 624 об., ѡбѣлъ 620 об., ѡбьль 623 об., ѡбьльнъıи 624, ѡбѣльнъıи ib., ѡбьлноѥ 626 об. Очевидно, в языке писца звуки, обозначаемые буквами *ѣ* и *е*, были очень близки друг к другу. В начале слов *ѣ* было равно ѥ, а в середине слов *ѣ* и *е* обозначали звуки, смягчающие предшествующие согласные. Отсутствие церковнославянского оригинала лишало писца Русской Правды надежного руководства по различению употребления этих букв. Лишь писцы некоторых более поздних списков (например, Кормчей XV в. Гос. Публ. библ., собр. Толстова), когда у нас снова стало прививаться болгарское письмо, церковнославянизмов в орфографии Русской Правды допускают немало, как это можно видеть хотя бы из приводимых ниже вариантов из таких рукописей.

Принимая во внимание приведенные выше случаи, а также некоторые новые, мы можем составить ясное понятие и о ф о н е т и ч е с к и х явлениях нашего памятника и его оригинала. Так, несомненно, что сильные *ъ* и *ь* уже начали заменяться посредством *о* и *е*, а слабые исчезать; иногда эти явления происходили и не органически, а вследствие действия аналогии. Рядом с *дължь*бити 623 и под. уже имеем п*ор*тъ 618, ѡ*т*обиютьсѧ 624 об.; рядом с *дьр*жать 622 об., *смьр*да *смер*дъ 624 об. Случаи исчезновения *ъ* и *ь*: кто 616, 617 об., вложитьсѧ ib., головника 615 об. и под. Есть случаи появления *ь* вм. ожидаемого *и*: людьѥ 616, татьѥ 619 об., оубьѥть 615 об. при ѡтоб*и*ютьсѧ 624 об.

Праславянское *ol-* в начале слов с известной интонацией дает русское *ло-* при старославянском *ЛѦ*-: *ло*дью 624 об., *ло*котъ 625 об. Между согласными праслав. *-or-* — *-ol*, *-er-* — *-el-* обыкновенно дают только полногласные формы: б*оро*ноу 623 об., г*оро*дѣ 618, за к*оро*воу 619 об., бѣлог*оро*дьского 620 об., въ х*оро*мъ 624, х*оро*нилъ 620, за п*оро*сѧ 619 об., с*оро*мъ 624 об.; полногласную форму приняло и оуб*оро*ковъ 616 об., 625 об., в других рукописях имеющее вид оуборъковъ (Солов. XV в.), оуборковъ (Троицк. XIV в.) и под.; х*оло*пи 619 об., *боло*го 620, В*оло*димиръ ib. об., Всев*оло*дъ 615 об. за в*оло*гу 625 об., за г*оло*воу 615 об., г*оло*вника 616, г*оло*вьничьство ib., м*оло*ко 619 об.,

*солод*оу 616 об., 625 об., *холоп*ъ 616 об.; Б*ере*стовомъ 620 об., *жеребець* 619 об., *перед*ъ 619, 620, *переже* 623, *перегор*одить 621, въ *пере*весе 625, ѡ *пере*весехъ ib.; редкое — *жерав*ь 625. Сюда же примыкают и формы с так называемым вторым полногласием: *полот*ь 616 об. при полъть 621 об.

Начальное *о* при старославянском є — ѥ в нашем памятнике также обычное явление: во ѡдиномь 618, ѡдинъ 619, ѡдинои 622, ѡдино 625, ѡдиноу 625 об. и т. д. Сюда же принадлежит и обычное в нашем памятнике ѡже 615 об., 616, 616 об., 617 об., 620, 622 об., 623 об. при ѥже 623 об.

Из мелочей отметим несколько раз встретившееся ѥмати 620, ѥмете 625 и др. с ѥ вм. *и* на месте праславянского *jь*, что нередко наблюдается и в некоторых современных русских говорах.

В области согласных отметим обычные русские *ж* и *ч* на месте праславянских *dj*, *tj* и *kt* (старославянское жд и шт — щ): ноу*ж*е 621, прохо*ж*ениѥ 625 об,; тут же отметим тако*ж*е при старославянском т а к о ж д е, хотя оно может иметь и иное объяснение; а*ч*е 615 об., а*ч*е ли ib., 624, дъ*ч*ери 621, воро*ч*ати 626 об., въ об*ч*ї 616, помо*ч*енаго 617, оусрѧ*ч*еть 627, нельзѣ ре*ч*и и т. д.

Хотя слабый ъ и исчезал в произношении, но по традиции старинные сочетания из звонких согласных +ъ и глухих +ъ перед глухими и звонкими и после пропуска ъ могли удержаться на письме: б*ч*елы 624 об. (из бъчелъı), *кд*ѣ 618 (из къде). Однородность согласных групп, однако, в том или другом виде уже отмечается: та*т*боу 624 об. (*т* отвердело перед *б* твердым), за корми*л*ица 616 об., где *л* могло быть и недостаточно твердым. Уподобление и слитие согласных: о*б*инить 625 об.; вставка согласного: тї*в*уна 615 об.

Местные новгородские черты особенно явно выступают в смешении *ч* и *ц*: двои*ц*и платитї 619 об., ѡтьцимъ 626; по С҃тополче 620 об., оуро*ч*и судебнии 622 об., 625 об., задни*ч*а 622, исть*ч*а 624, исть*ч*ь 625, пюс*ч*ю 621 об. (писцу), тысѧ*ч*ького 620 об., дѣ*ч*ькыи 622 об., дѣть*ч*ьскому 625 об., в про*ч*и 625 (в процѣ).

Отметим несколько черт и в области с к л о н е н и й. Древнерусское и народное окончание им. п. на *-о* у слов м. р.: Късн*ѧ*чьк*о* 615 об.; сюда, вероятно, принадлежит и моуже, напоминающее вторичную форму зв. п. (придеть кръвавъ моуже на дворъ 617 об.); старинный вин. п.: погоубить воискыи конь 623 об.; местн: на търгоу 617 об.; древние формы им. п. м. ч.: холоп*и* 619 об., оуроц*и* 625 об., послоус*и* 620. Даже основы на *-й* имеют такое же окончание: вси боудоуть с҃нв*и* лиси 622 об., но и старинное с҃нве 624. В род. п. мн. ч. им подражают уже и основы на *-о*: хлѣбовъ 616 об., послоуховъ 620 об.: вин. п. мн. ч. «вывести пѡслоухъı» 619 рядом, однако, с «въıведеть послоус*и*» 619 об. — 620, где употреблен им. п. вследствие раннего смешения этих падежей уже в древнем языке. Старинные окончания основ на *-ĭ* также встречаются в нашем памятнике: не дати начнеть гост*и* коунъ 623, тать*ѥ* 619 об., люд*ми* 624 об. У основ на *ịā* обычно старинное окончание

на -ѣ (или его замена -*е*) в род. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч.: из нѣволѣ 617, продаж*е* 617, 617 об. и др., задницѣ имъ не имати 626, ѿ городн*е* 626; ты тѧж*е* все соудѧть 625. Но уже и позднейшее -*и* также проникает сюда: ѿ ролеинои земл*и* 626 об. Старая форма *куръ*: коуръ по дво на днь 616 об., хотя ее можно возводить к им. п. ед. ч. «куръ» петух. Дв. ч. с подновленным окончанием: ·вı· вѣкше 616 об. Более редкие формы: за оутовь 625, по-видимому, от предполагаемого именительного *ǫty (старославянское жтꙑ); в чеки перевесе 625 — по основам на -*ā*.

В формах прилагательных сложных отметим древнерусские образования: бѣлгородьск*ого* 620 об., чюж*его* 624, кнѧж*е* коуны 627.

Из местоименных форм отметим: собѣ 626, 627; на нѣ 621 об.; чьк то коуны 623, въ чеки (описка?) перевесе 625, [т]*ы* тѧже вс*е* соудѧть 625, «Одинъ» не теряет в косвенных падежах *и*: кмоу ѡд*и*ноу 625 об., ѡд*и*но ib., во ѡд*и*номь городѣ 618, ѡд*и*нои мтри 622 об.

Из явлений в области спряжений отметим лишь некоторые. Появление суффикса глаголов вида многократного: прикладъ*ıва*кть 616, складъ*ıва*ти 621 — черта чисто русская, точнее великорусская. Неопределенное оканчивается на -*ти* и -*чи*: вывести 619, речи 618 об., рчи 620 об. (*е* исчезло под влиянием повелительного рчи 620 об. = рьци 618), но можно отметить и случаи -*ть*, сходные с 3 л. ед. ч.: воротить 618 об., дьржать 622 об., платить 623. В формах настоящего времени обычны древнейшие русские окончания: кмл*ю* 625 об., оубь*кть* 615 об., възло*жить* 622, въжен*еть* 623 об., дъчери възмоу*ть* 621, начьноу*ть* 623, ѡтобию*тьсѧ* 624 об. Встретилась редкая форма 3 л. ед. ч., известная только самым древним русским памятникам и старославянским: позна*кти* и 617 об., где конечный ь изменился в *и* перед следующим *j*: *и* вин. п. = *jь*. По окончанию к 3 л. ед. ч. приблизилось нередкое «нѣтоуть» (ср. 617, 619, 620, 627), равное, собственно говоря, *не* + *е* + *тоу* (ср. нѣтоу) + *ти* — *ть*, известная местоименная частица *ти* (τοι).

Наш памятник знает и редкую старинную форму perfecti *вѣдѣ* (οἶδα): не вѣдѣ оу кого ксмь коупилъ 618 об. Как покажут варианты, в XIV и следующих веках эта форма была уже непонятна писцам.

Plusquamperfectum образуется чисто по-русски: ꙗрославъ *былъ оуставилъ* и оубити· нъ снве кго оуставиша по ѡци 624.

Причастия настоящего времени образуются также чисто по-русски: а рек*а* тако 625, бѣжа 627; другие также древнего происхождения: не дадоуче 623, въземъши 622, поꙗти ѡтрокъ и шедъши оувѧзати и 627.

Форма супина: идеть и с к а т ъ коунъ 620 об., [идеть] дѣлитъ 622 об. (написано по ошибке: и. дѣтии ихъ дѣлитъ, но в целом ряде рукописей: идѣтъ (идеть) ихъ дѣлить).

Много редких старинных древнерусских образований представляет синтаксис.

В области простого предложения: придеть кръвавъ *моуже* на дворъ 617 об. — с формой зв. п. (новообразование) в роли подлежащего.

Сказуемое часто выражается формой инфинитива: ити по своѣ коуны 617, ити кмоу самомоу ротѣ 620, 620 об., вирьникоу взꙗти ·ꙁ҃· вѣдеръ солодоу на нелю 616—616 об., свои челꙗдинъ поꙗти а ѡномоу платити 617 об., выкоупати али лишитисꙗ 627 и под.

Есть случаи предложений со всем без глагольного сказуемого: слово противоу слова 617 об. Сказуемое может выражаться наречием, при котором можно подразумевать вспомогательный глагол: послоуси кмоу не надобѣ 620, заднича ки моужнꙗ не надобѣ 622, мт҃рнꙗ часть дѣтемъ не надобѣ ib. И редки случаи выражения сказуемого причастием со связкой или без нее также бывают: не боудеть кто кго мьстꙗ 615 об., не знакть оу кого коупивъ 618 об.

Из особенностей в пояснительных словах отметим дат. принадлежности (d. possessivus): мт҃и имъ поидеть замоужь 626; смешение им. и вин. п. мн. ч., начавшееся уже в древнейшую пору языка: выведеть послоуси 619 об. — 620; им. п. ж. р. на *-а* при неопределенном в роли приложения: взꙗти г҃рвна кунъ за соромъ 624 об., за моукоу г҃рвна коунъ ib. (подразумевается дати, платити, взꙗти); твор. причины (abl. causae): кто п а к о щ а м и порежеть конь 625 (мн. ч. употреблено для обозначения сложности явления); цель выражена супином: идеть и с к а т ъ 620 об.

Предлог не с тем падежом, как употребляется сейчас: ростꙗжються ѡ задницю 622 об.; повторение предлога — перед названием имени и его определением: за тиоунъ· за ѡгнищнꙑи 611 об.; отсутствие предлога там, где теперь бывает таковой: оже ли и додьржать свѣта 619 (ср. УРс до свѣта).

Местоимение употреблено в роли члена: то то кмоу все платити дѣтѣмъ тѣмъ 626.

В области сложного предложения обращает на себя внимание употребление в пояснительных предложениях с союзом, обозначающих формулу клятвы, прямой речи вм. ожидаемой косвенной: ротѣ ходивъше· ꙗко не вѣдаꙗ ксмь коупилъ 627, то ити кмоу ротѣ· ꙗко не вѣдалъ ксмь ib., ити ротѣ оу кого то лѣжалъ товаръ а толко кси оу мене положилъ 620.

Примеры сочинения предложений (παράταξις): видока кмоу не искати· нъ платити кмоу продажю 617 об., Ꙗрославъ былъ оуставилъ и оубити· нъ сн҃ве кго оуставиша по ѡ҃ци 624.

Предложения подчиненные (ὑπόταξις) посредством относительных местоимений: вꙑдати и· съ кꙑмъ боудеть кралъ 627 об., что с ним погꙑбло а того кмоу желѣти 618 об., вꙑвести — мꙑтника передъ кꙑмь же коупивъше 619.

Предложения, поясняющие существительное и начинающиеся с союза местоименного происхождения: ѡ женѣ ѡже вꙑрчетьсꙗ сѣдѣти по мужи 622, ѡ коупци ѡже истопить 622 об.

Пояснение глагола: съведитесꙗ кто боудеть виноватъ 618, не знаетт оу кого купивъ 618 об., не вѣдалъ ксмь ѡже ксть холопъ 627.

Обстоятельства образа действия: начьноуть запинати кмоу не дадоуче кмоу коунъ 623, бѣжа а покмлеть что 627.

Цель: ѡномоу дати лице· оть идеть до конечьнаго свода 618 об.

Особенно любопытны способы выражения условных предложений: аче боудеть коневъıи тать· а выдати кнѧзю на потокъ 618, аче вси боудоуть лиси· а дъчери можеть дати 622 об., аче кдѣ налѣзѣть... 624, аче холопъ кдѣ коуны вложить· а ѡнъ не вѣдаıа вдалъ· то 627; аже кто не вложитьсѧ въ дикоую виру томоу людьк не помагають 616; оже кто оударить..., аже кто оударить... 617; оже ли вънезъ мьчь а не оутнеть· то грвноу коунъ 617, оже кто въсѧдеть на чю конь..· 617 об., а оже оубьють кого оу клѣти — то оубьють въ пса мѣсто 619; боудеть ли сталъ на разбои· безъ всѧкоıа свады то не платѧть 616, искавше ли послоуха и не налѣзоуть· а истьца начьнеть головою клепати· то [да]ти имъ правьдоу желѣзо 617, аже ли мьнѣ то на водоу· ѡли до двою грвноу ... то ротѣ ити 617, потьнеть ли на смрть· то вира 617 об., заидоуть ли сѧ коуны до того же года· то дадѧть кмоу коунъı 620; или пьхнеть моужь моужа — то ·г· грвнъı продаже 617 об., или не боудеть (= если)... ib., а что бодеть с нимь погъıбло· то же кмоу начнеть платити 618.

В заключение отметим более редкие слова:

Аже 615 об., 616 об., ажь 615 об., аче 615 об.

Бологo 620.

Вѣкъ (увечье) 617, вѧзебнок 627.

Головникъ 615 об., головничьство 616, гостиньць: на гостинци 624 об., гостьба: въ гостьбоу (в торговлю) 620.

Двоици (-чи) 619 об., джи: не джи 626, добъıтокъ 622, домашнъıи: домашнъıмъ 623, досочитисѧ: досочиться 626 об., дължьбитъ: дължьбити 623, дѣчькъıи 622 об.

Жеравь 625, желѣзо 617 (испытание каленым железом), жито 620.

Заднича (-ца) 622, 626, запа 625 об.

Истьчь (-ьць) 624.

Кдѣ 618 (из къде где), кова 623 об., конечнии 618 об., крьноути: крьнеть 627, коурѧ 625.

Лебедь 625, лодьıа: лодью 624 об., локъть: локотъ 625 об., лоньщина: за лоньщиноу 619 об., любо 615 об. (либо).

Наиметъ: наиметоу 623 об., нельзѣ 618 об.

Ѡбѣль 620 об., ѡбьль 623 об., ѡбѣльнъıи 624, ѡбьльнъıи ib., ѡже 615 об. и др., ѡлекъ 624 об., ѡтарица: ѡтарицю 623 об., ѿгрѣноути 620, ѿсочити: ѿсочать 624 об., ѡтьцимъ 626 (ѡтьчимъ).

Перевѣсъ: ѡ перевесехъ 625, перекмъ 626 об., переима ib., письчь (-ьць): пюсчю 621 об., поклажаи 620, полоть 616 об., полъть 621 об., поросѧ 619 об., пъртъ 618 об., портъ 618, продажа 617 (пеня, штраф), прокъ 624 (остаток), пропитисѧ: пропькть 623, проторъ 618 об.

Ремьствьникъ: за ремьствьника 616 об., рота: ити ротѣ 620 об.

Свобода 622 об. (слобода), скотъ (деньги): скота възищеть 619, скотина 618, смердъ, смьрда, о смѣрдѣ 624 об., сорокъ 616, соромъ 624 об., сърѣзити: сърѣзить 626.

Тивунъ: тивуна 615 об., третьяка: третьякоу 619 об., тысячькыи: тысячького 620 об.

Оуборокъ: оуброковъ 616 об., оурокъ: оурочи 622 об., оутъı: за оутовь 625.

Хоромъ 624.

Ꙗзыкъ: безъ ꙗзыка (завещания) ли оумреть 622.

Таковы в общих чертах главные особенности языка и, в частности, словарного состава нашего памятника.

Письменность на Руси появилась с принятием христианства, что произошло в конце X в.; богослужебные книги, пришедшие к нам от югославян, дали образцы литературного языка, который и господствовал у нас до начала XVIII в. Если с этой точки зрения рассмотрим наш памятник, то окажется, что в своем содержании он не отражает христианских элементов, вследствие чего возможно предположить, что основа Русской Правды происхождения еще дохристианского. Что касается ее языка, то явные церковнославянизмы в древнейшем списке вообще редки (один только раз «аще» 617, «чрево» 621 об., «свободьнааго» 621, «обаче» 622); есть слова, выражения и формы, которые в древнейшую пору русского языка могли быть общими ему с церковнославянским, а затем лишь утратились в литературном языке (например, род. п. прилагательных на *-аго*, повелительное со смягчением задненебных — *рьци* и под.). Вообще же говоря, наш памятник производит впечатление произведения, написанного на чисто народном русском языке[14]. В этом отношении можно отметить подобное же явление в древнейших юридических югославянских памятниках; чем древнее редакция, тем явственнее в них народный элемент в языке (ср. Т. Флоринский. Памятники. . ., 192, то же у С. Бобчева, passim). Ясно, что наш памятник возник в ту эпоху, когда на Руси при князе явилась канцелярия, которой пришлось вести светскую деловую запись и переписку. А это по летописи и по другим данным следует отнести ко времени Ярослава Владимировича. Его отец «нача поимати оу нарочитое чади дѣти и даяти нача на оученье книжное» (Лавр. л., л. 41), а Ярослав «собра писцѣ многы. . . и списаша книгы многы» (л. 51 об.). Писцы, эти конечно, не только занимались переводами, но и писали княжеские грамоты и записывали для судебных целей обычное право и составляли юридические сборники для руководства при решении светских гражданских и уголовных дел[15]. Писцы этого времени на Руси еще не успели выработать строго стилизованного на церковно-

---

[14] В этом случае наши выводы вполне совпадают с теми взглядами, которые высказаны А. А. Шахматовым в письме к проф. Гетцу от 18 декабря 1912 г. (ср. Goetz. Das russische Recht, IV, стр. 63—64) «Меня поражает в списке 1282 г. почти полное отсутствие церковнославянизмов. Ясно, что Правда возникла не в духовной сфере. . . Не служит ли это доказательством весьма ранней записи, когда школы еще не функционировали, когда только еще начиналась письменность. . . . . письменная передача закрепила готовый, обработанный устный текст: кодификация произошла в живой речи, а не на письме».

[15] Ср. еще В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола Пгр., 1922., II, 416, и др.

славянский лад литературного языка (хотя они и учились грамоте по церковнославянским книгам), вследствие чего в нашем светском памятнике так много чисто русских особенностей. В позднейших списках Русской Правды, как в этом можно убедиться, просматривая ниже варианты, приводимые к основному тексту, церковнославянизмы выступают явно. Уже в краткой Русской Правде, помещенной в начале Новгородской летописи XV в. (Акад. I), читаем: аще 25 раз, иже 5 раз, егда 1 раз, тридесѧтъ 1 раз, изъѧсти 1 раз и под.; даже в самом исправном полном Троицком списке Русской Правды XIV в. имеем: аще 6 раз, иже 2 раза. Отсюда ясно следует вывод: наш текст XIII в. лучше других отражает основной текст Русской Правды, появившийся в основных своих частях в XI в. и дополненный в начале XII в. Позднейшие писцы многого уже не понимали в Русской Правде, нагромождали одни ошибки на другие, заменяли по своему разумению древнерусские слова позднейшими русскими и чаще ходкими церковнославянскими, так что пользоваться позднейшими списками для восстановления первоначального текста Русской Правды приходится с большой осторожностью. В некоторых случаях они, конечно, могли быть списаны и с более исправных оригиналов, чем наш список, но характер языка нашего списка самый архаичный и наиболее близкий к языку основного текста времени Владимира Мономаха.

Наша рукопись, как заключающая в себе явные новгородские черты в языке, несомненно, переписана уроженцем северной новгородской Руси, для которой первоначально и дана была Ярославова Правда.

Принимая во внимание, что язык Русской Правды в нашем списке самый древний, ближе всего стоящий к языку первоначального оригинала, с другой стороны, имея в виду, что писец этого текста или его ближайшего оригинала был довольно неисправный, мы к издаваемому ниже тексту подводим варианты лишь из древнейших списков XIV и XV вв. Несколько списков XVI в. и один XVII в. привлекаются только затем, чтобы показать, что они, в общем будучи сходны друг с другом, почти ничего не дают нового, в сравнении с более древними списками, для понимания основного текста, а лишь нагромождают новые ошибки. Совершенно сходных текстов Русской Правды с заключающимся в Новгородской Кормчей 1282 г. мы не имеем. Ссылка на указанный Розенкампфом Лаптевский список XV в. (ср. «Обозрение кормчих», изд. 2, стр. 7) основана на каком-то недоразумении: известна Лаптевская рукопись Кормчей 1534 г., купленная у вдовы Розенкампфа, в библиотеке имени Ленина в Москве, № 168; но она только в первой половине близка к нашему списку, расположение же статей в ней совпадает с Троицким сп. XIV в., № 15.

Все варианты берутся непосредственно из рукописей; только в двух случаях допущено отступление: в Русской Правде по списку исчезнувшей летописи Авраамки XV в. Виленской Публ. библ. и по Крестининскому списку, неизвестно где находящемуся. Более заметные варианты последнего вводятся лишь потому, что на него обыкновенно ссылаются прежние издатели Русской Правды. Вообще же мы берем лишь столько вариантов, сколько необходимо для восстановления и понимания основного текста.

РУССКИЙ ЯЗЫК

ГЛАВНЕЙШИЕ ТЕЧЕНИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ[1]

Вступительная лекция по русскому языку лектора Варшавского университета Е. Ф. Карского, произнесенная 27 февраля 1893 года

Милостивые Государи!

Предметом наших чтений будет русский литературный язык, как он выразился в произведениях образцовых писателей и речи русского интеллигентного общества. Однако этот курс, служа продолжением гимназического, не будет совпадать с ним: там приобретается практическое знание языка, являющееся средством к возможно скорому и легкому обладанию главным орудием общения между людьми, здесь будет преследоваться осмысленное усвоение языка, теоретическое обоснование тех или других его особенностей в сравнении с другими ближайшими его родичами, как языком церковнославянским, польским и под. Кроме того, одну из целей нашего преподавания составит уяснение, раскрытие и оценка тех факторов, которые приняли участие в создании различных типов этого языка в течение столетий; конечно, все сведения будут сообщаться в такой мере, сколько это необходимо для общего развития каждого образованного человека. Словом, нам придется заняться курсом высшей грамматики литературного языка. Если позволит время, после перейдем к разбору произведений новейшей русской литературы; и эта последняя часть чтений не будет составлять повторения гимназического курса, а послужит продолжением его.

Чтобы дать вам руководящую нить при наших занятиях судьбою литературного языка и его особенностями, мы и отметим те главнейшие течения, которые дают себя чувствовать в нем, можно сказать, на каждом шагу.

Литературный язык каждого цивилизованного народа в большей или меньшей степени является искусственным, несколько отличающимся от народных говоров. Причины этого обстоятельства очень сложны; но

[1] «Варшавские университетские известия», 1893, IV, стр. 1—12 (*Ред.*).

особенное значение имеют здесь территориальное и временно́е распространение языка, а также племенной состав самого народа и условия возникновения у него письменности. Один образованный класс, так называемая интеллигенция, и особенно лучшая ее часть — образцовые писатели являются хранителями чистоты литературного языка. Но живой литературный язык, в противоположность мертвым (каковы, например, латинский язык и древнегреческий), как и все живущее, особенно если он носит в себе задатки жизненной силы и энергии, не может оставаться постоянно неизменным. Народ знакомится с новыми предметами — являются и новые слова для названия их; усилится в стране какое-либо иноземное влияние, обильным потоком разольются и чужестранные слова; язык начнет ветшать, стареть, а тут его освежит жизненной силой самородный приток слов из народной сокровищницы. В менее значительной степени все сказанное относится к изменяемым (в склонении и спряжении) формам слов, они упорнее сохраняют свою неприкосновенность; но и тут разные условия, в особенности же аналогия других форм и экономия времени, а также удобство и легкость произношения производят значительные поновления.

Все указанные обстоятельства в той или другой степени нашли отражение и в русском литературном языке..

Как известно, письменность явилась у нас вместе с христианством. Первоначальные ее проблески, вызванные целями государственными и торговыми — необходимостью писать условия и договоры (каковы договоры Олега, Игоря, Святослава), были так незначительны, что судить по ним о литературном языке вряд ли возможно; да и сохранились эти памятники вдобавок не в оригинале и даже не в современных копиях, а в списках XIV и следующих веков — обстоятельство, лишающее их всякого филологического значения. Таким образом, зарождение нашей письменности находится в непосредственной связи с появлением христианства. Будучи принято по греческому обряду, христианство стало распространяться у нас на языке, понятном народу; но нельзя сказать, чтобы язык первых проповедников христианства, а также принесенных ими богослужебных книг был народный русский. Дело в том, что принятие христианства русскими произошло тогда, когда южные славяне, особенно болгары, имели уже сделанный свв. Кириллом и Мефодием на местном языке перевод библии и богослужебных книг. К 988 г. в Болгарии этот язык уже окреп в литературе: на нем появилась масса переводных и даже оригинальных произведений. Он же с первыми священниками и богослужебными книгами перешел и к нам, на Русь. Это первый иноземный элемент (хотя и близкородственный), легший в основу русского литературного языка уже при самом его возникновении. Вдобавок язык тогдашних духовных книг был переполнен еще множеством заимствований из греческого, которые оказались необходимыми, ввиду появления многих отвлеченных понятий и религиозных предметов, не имевших никакой связи с прежней жизнью и культом. Языку трудно было развиваться одновременно с идеями, и поэтому он пользуется самым легким способом обогащения, просто

заимствуя слова из чужого языка. Так, у нас явились *икона*, *библия*, *клирос*, *налой* и т. п., а также образования, вроде *любомудрие*, *священнослужитель*, *богоявление* и т. д., составленные по чужому образцу. Кроме того, греческий язык оказал немалое влияние и на синтаксический строй языка, дав образцы расположения и управления слов в переводе книг Св. писания. С другой стороны, постоянные политические и торговые сношения с норманским северо-западом привили тогдашнему языку некоторые слова германского происхождения: *тиун*, *вира*, *гридень* и под. Но эти заимствования были столь незначительны, что остались почти незаметными в общем строю языка. Принятие богослужебных книг и библии на языке южных славян и затем постоянное литературное общение с югом были, таким образом, причиной того, что церковнославянская стихия явилась преобладающей в зарождающемся русском литературном языке. Оно и понятно: все грамотные люди учились по богослужебным книгам и, естественно, старались подражать их языку. Некоторые ученые, как И. И. Срезневский, видят причину этого явления еще и в том обстоятельстве, что русский язык «в первобытном своем состоянии ближе всего подходит к наречию старословянскому», так как он больше всего приближается к последнему «и по составу и по строю» (Мысли[2]..., 26, 76). Не станем в данном случае рассматривать, правильно ли это мнение или нет, но несомненным является тот факт, что церковнославянский язык не был далек от русского, так как, в противном случае, народу не было бы понятно христианское богослужение. Однако же первые памятники письменности, явившейся на Руси (списки и оригинальные), особенностями своего языка сразу выделяются от югославянских. Сначала эти особенности улавливаются лишь при крайне напряженном внимании, а затем выступают все рельефнее: сказываются они в чисто русских словах, а также синтаксическом построении речи и особенно в формах и звуках. Последние особенности выдают русский извод уже в таких памятниках, которые несомненно списаны с югославянского оригинала и являются в то же время лучшими памятниками древнего церковнославянского языка (разумею, например, Остромирово евангелие). Всюду сказывается смешение глухих и носовых гласных с явственными и чистыми: *ъ* и *о*, *ь* и *е* даже *ѣ*; ѫ и *у*, ѧ и *я*—*а*; часто попадаются примеры русского полногласия (В*оло*димеръ, Новѣг*оро*дѣ, п*ере*гнувъ), особенной замены *дј* и *тј* (посредством *ж* и *ч* вместо *жд* и *шт*); встречаются, наконец, некоторые своеобразные формы склонений и спряжений. Если от богослужебных и библейских книг перейдем к произведениям светским, каковы грамоты, договоры, отчасти летописи (последние, как отметил академик Сухомлинов, особенно в тех местах, где передаются народные сказания), то увидим, что там чисто русский элемент является уже преобладающим, даже в лексическом отношении. Это же внимательное рассматривание памятников уже первого времени русской письменности приводит нас еще и к следующему: в них мы можем заметить не только особенности, характеризующие общерусский язык, но также наталкиваемся и на такие черты, которые принадле-

жат отдельным русским наречиям, на первых порах только северо-западной группы (новгородского, псковского, полоцко-смоленского говоров) и юго-западной (галицко-волынского говора), а затем, к XIV в., и других наречий. Диалектические отличия особенно проглядывают в произведениях оригинальных (грамотах, актах), но не чужды они и памятникам, лишь переписанным в известных местностях. Таким образом, в литературный язык входит не только русская общенародная стихия, но иногда проникают в него, а затем на более или менее продолжительное время уживаются в нем и некоторые местные особенности. Однако эти местные черты совершенно ничтожны в сравнении с вышеотмеченными особенностями, характеризующими общерусский язык: полногласие, например, везде выделяет русский извод от всякого другого; и в настоящее даже время по основным чертам своего языка русский человек на севере или юге России, в Австрии ли — везде выделяется как особый тип. В первое же время своего существования Русь сталкивалась и с восточными кочевниками, а затем даже подпала тяжелому рабству более сильных из них — татар. Превосходя восточных угнетателей по своему умственному развитию, русские не подчинились им в духовном отношении, однако в язык их зашло немало восточных слов; последние встречаются как в речи разговорной, так и книжной. Уже в былинах мы находим слова вроде *чемодан*, *кинжал*, *чердак*; восточные слова есть и в «Слове о полку Игореве»: *женчугъ*, *харалузъ*, *япончица* и т. д. Татарское иго в истории литературного языка оставило еще заметные следы и в том отношении, что в нем сказался сильный поворот к архаистическому письму и форме выражения. Этот поворот достиг своего высшего развития в XV в. Видя в татарском нашествии кару божию за грехи, лучшие представители русского народа целыми массами устремились в монастыри, пустыни, как местные, так и восточные; здесь среди аскетических упражнений они с большим усердием принялись за чтение старинных, больше югославских духовных, произведений и за подражание им. Книги, добытые с юга, особенно из монастырей Афона и Цареграда, ценились выше, нежели изготовленные дома. Даже приезжавшие с юга духовные лица принимались с бо́льшим почетом и уважением (Киприан, Пахомий Лагофет). Следствием указанных обстоятельств было то, что литературный язык древнерусской письменности был оторван от слишком близкого общения с народной средой и вместо простых оборотов народной речи привил себе пышную византийскую витиеватость, а своим формам сообщил подчас ложную архаичность. Достаточно прочесть любое житие святых, явившееся в то время, чтобы убедиться в сказанном.

Ослабление Руси в эпоху уделов вследствие междоусобных распрей и особенно татарского нашествия, с одной стороны, а с другой — выступление Литвы на историческое поприще и еще некоторые другие, менее важные обстоятельства были причиной распадения русского государства на две половины: Московскую Русь и Литву. Это обстоятельство также сказалось очень заметными последствиями и на лите-

ратурном языке русской письменности. С этого времени выступают на сцену два литературных языка, которые и употребляются в письменности обоих государств параллельно. Стройнее развивается литературный язык Московской Руси, но и западнорусский язык также довольно успешно выполняет свою культурную задачу, в роли двигателя общественных интересов. Я позволю себе несколько больше остановиться на этом последнем языке. С восточнорусским языком этого времени вы достаточно познакомились уже в средней школе, читая произведения царя Иоанна Грозного, попа Сильвестра и других писателей, тогда как с памятниками западнорусского языка встречаться вам не приходилось: сочинения князя Курбского только отчасти напоминают его. Кроме того, этот язык имеет для вас еще и местный интерес: он развился под такой же опекой польского, какой восточнорусский язык пользовался со стороны церковнославянского. Собственно в основу западнорусского литературного языка легли чисто народные стихии, но они были затемнены со временем пришлыми влияниями. Он выродился из белорусского наречия, которое к концу XIV и началу XV в. уже довольно рельефно обрисовалось среди других говоров. Отличительные его черты в отдельности часто восходят даже ко времени более раннему. Так, неслоговое *ў* на месте старинных *у* и *в* (например, в словах: ўро́къ, да́ўши) по памятникам может быть прослежено с XIII в.; значительно позже явилось *ў* на месте *л* (например, в слове *даў* = *далъ*). Твердый *р* (ца*ръ*), аканье (произношение *о* и *е* без ударения, как *а* и *я*: в*а*да́, з*я*мля́), удвоение согласных при встрече с *j* (весе*лл*е из веселиjе), некоторые морфологические особенности (как формы местн. п. мн. ч. на *-охъ*) восходят к XIV в. Другие же черты, например группа *дч* (=*ждж*: прiѣждчачи), дзеканье (произношение *д'* и *т'* как *дз* и *ц*: *дз*ѣци), с полной убедительностью могут быть подтверждены памятниками только начиная с XV в. Ставши в Литве государственным языком, белорусское наречие поглотило другие, правда очень близкие к нему говоры племен русских славян, живших по Западной Двине, верхнему течению Днепра и притокам его: Сожу и Припяти, а также по Неману. Гранича с юга с малорусскими говорами, с востока и севера с великорусскими, а с запада с польским и отчасти с литовским языками, старое западнорусское наречие воспринимало понемногу особенности своих соседей. По древним актам даже можно проследить, в какую сторону шло это движение. В тех местах, где теперь уже господствует белорусская речь, в старинных актах не находим особенностей чисто белорусских. Когда западнорусский язык стал органом литературы, в него по наследству от общерусской старины явилась еще стихия церковнославянская книжная, перенесенная сюда вследствие непосредственной связи западнорусской духовной письменности с древнерусской; а с другой — при посредстве речи образованного общества со временем проник сюда язык польский, вследствие указанных причин книжное западнорусское наречие, как и всякий язык литературы, стало в большей или меньшей степени искусственным. Эта его искусственность чем дальше, тем больше

и больше усиливалась, особенно оттого, что западнорусский язык стал государственным не только в западнорусских областях, но и вообще в Литве. Ему пришлось удовлетворять самым различным целям. Им пишутся княжеские грамоты, всякого рода официальные и частные акты; на нем говорят и пишут Ягайло, Витовт и последующие Ягайловичи вплоть до Сигизмунда Августа. Такая роль западнорусского языка в Литовском государстве была даже закреплена законодательным путем. В Литовском статуте 1588 г. (стр. 122) между прочим читаем: «А писаръ земъски' маетъ порѹскѹ литерами и словы рѹскими вси листы, выписы ипозвы писати, анеиншимъ езыкомъ исловы». Это постановление статута строго соблюдалось до 1696 г., когда сеймовым распоряжением в судебно-административной практике этот язык был заменен польским. Такое официальное признание западнорусского языка государственным было первым обстоятельством, содействовавшим его развитию. Но были и другие, не менее важные причины. Став государственным языком, западнорусское наречие по необходимости начало употребляться в разговоре тогдашней интеллигенции, а эта последняя, состоявшая на первых порах исключительно из русских и литовцев, впоследствии (особенно с XVI в.), приняла в себя обильный приток польской шляхты, говорившей по-польски; вследствие этого и в западнорусский язык начинают проникать особенности польского, к счастью для первого — почти исключительно в лексическом отношении. Таким образом, западнорусское наречие еще больше обособляется от восточнорусского языка, господствовавшего в московской письменности. Это обстоятельство имело различные последствия. Приняв на себя много элементов польского языка и сделавшись вследствие этого еще более искусственным, западнорусское наречие стало на пути постепенного его вытеснения со стороны польского языка. Действительно, высшее общество, начиная с XVII в. и даже раньше, уже большею частью и употребляет польскую речь, относясь к языку «прирожоному» русскому с некоторым пренебрежением. Вот как говорит об этом один из тогдашних патриотов: «... хто бы не мусилъ плакати, видечи так великих княжат. таких панов значных. так мног(о) деток невинных мужов зжонами втаком зацномъ русском азлаща перед тым довстипном оучоном народе. езыка своего славнаго занедбане, апросто взъгардоу. скоторое запокоранемъ панскимъ... (на них)... такаѧ оплаканаѧ неѹмеетность пришла. же вжо некоторие в писмом се своим. азлаща всслове бж҃ем встыдают. А наостаток што может быти жалослнеишаѧ... иж тые што се межи нами зовут дх҃овными иѹчители, ... вполскіе або виные писма... дети... заправуют». (Предисловие к евангелию Тяпинского около 1570 г.). То же читаем и в Окружном послании 1592 г. (Акты Западной России, т. IV, § 32): «Ученіе св. писаній зѣло оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка, — вси человѣци приложишася простому несовершенному лядскому писанію, сего ради въ различныя ереси впадоша, невдѣуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка». Но средний класс и низший не знал польского языка и поэтому старался поддерживать родное наречие по-

средством внесения в него элементов чисто народного языка. Этому содействовали еще некоторые посторонние обстоятельства, выдвинутые временем. Таково было появление реформационного движения в Литве и связанное с ним зарождение разных религиозных сект, которые, стремясь распространить свое учение среди народных масс, естественно избрали орудием пропаганды язык простого народа. Поэтому на западнорусском наречии появляются переводы книг Св. писания и богослужебных, слишком на 50 лет раньше известной Острожской библии, а также пишутся разного рода догматические сочинения (например, катехизисы). Все это содействует обработке и усилению языка. И не одни только сектанты предпринимают издания на народном языке, к этому стремятся и истинные христиане, движимые любовью к простому народу, желанием помочь ему уразуметь библию и богослужение. Они переводят и печатают книги «къ наученiю простыхъ людей рускаго языка» (Скорина, сделавший перевод библии с 1517 по 1525 г.) и т. д. Благодаря усилиям среднего и низшего классов общества, а также вследствие природной живучести русского языка удалось спасти его в Западной Руси от окончательного поглощения языком польским. Когда с перенесением центра западной русской образованности, при Петре Могиле, из Вильны в Киев литературный язык принял в себя еще новый приток малорусского наречия, бывший не чуждым ему и в предшествовавшее время, он стал до того силен, что мог служить даже органом зарождающейся высшей образованности. Но это был язык, достигший крайних пределов искусственности: кроме элементов малорусской речи, в него вошел еще новый приток польских слов, вследствие того, что защитники православия эпохи Унии, желая дать возможно большее распространение своим произведениям, обыкновенно писали их на польском языке, а затем по привычке вносили польские слова и в славянорусскую речь. В это же время, благодаря развитию духовной образованности на западе и юге России, появляется стремление усилить церковнославянский элемент и в литературе. Разные формы и обороты церковнославянского языка, иногда созданные по образцу западнорусских, уже канонизируются грамматиками, например книгой М. Смотрицкого, вышедшей в Евье в 1619 г., которая старается установить точные рамки языку литературному. Став до такой степени искусственным, язык юго-западной литературы представлял уже очень мало ручательств за возможность своего дальнейшего существования. Церковнославянский элемент, сообщивший ему некоторую новую силу в последнее время, начал очищать его от польской примеси и в то же время сближать с общерусским литературным языком, чем еще более подрывал его самостоятельное существование. Естественная гибель западнорусского языка была ускорена еще и политическими событиями. Присоединение Малороссии к Москве усилило общение юго-западной образованности с северо-восточной; в религиозном отношении опять связало юг с севером; и хотя юго-западные ученые и их образованность появились в Москве и привнесли некоторую долю влияния и в русский язык Московского государства, однако не

могли ничего противопоставить сильному, благозвучному языку московской литературы. Таким образом, снова появляется один общерусский литературный язык. Впрочем, киевские ученые, проникнув с своею схоластическою наукой на север, став ревностными поборниками реформы Петра I, оставили свои следы и на языке литературы: благодаря им, в него зашло несколько слов польских и особенно латинских и немецких. Наплыв последних в русскую литературную речь продолжался все время реформы Петра I, когда Россия лицом к лицу столкнулась с западноевропейским просвещением. Тогда стали заимствовать не только необходимые слова для обозначения предметов, не имеющих в русском языке соответствующих названий, но начали употреблять иностранные слова без всякого разбора и нужды. Пример подавал сам великий преобразователь, который даже свое имя часто писал по-голландски. Иностранные слова, как вы помните из разбора произведений Феофана Прокоповича, тогда слышались даже с проповеднических кафедр в церкви.

Дальнейшие судьбы русского литературного языка вам известны, Ломоносов, стараясь устранить «дикие и странные сло́ва нелепости». советовал обращаться к языку церковнославянскому; но он же пытался ограничить и наплыв славянизмов, отведя для них определенное место. В синтаксическом отношении своей речи он придал, благодаря латино-немецкому расположению, искусственную величавость. Карамзин старался сблизить литературный язык с разговорным; он, кроме того, придумал много слов для перевода иностранных, но не обошлось и без введения иноземщины, особенно галлицизмов. Крылов, Грибоедов обогатили литературный язык массой чисто народных слов и оборотов. Пушкин, действуя в этом же направлении, указал надлежащее место для всех стихий литературной речи, сделав анахронизмом всякий спор о стиле. К этому же времени принадлежит хотя и не знаменитый писатель и даже иностранец по происхождению, но родившийся, получивший воспитание в России и истинно полюбивший новое отечество В. Ив. Даль. Он, изучив до тонкости народный язык (насколько это было возможно в то время), стал настаивать на необходимости очищения русского языка от всякой иностранной примеси, восполняя получившиеся таким образом пробелы словами народными. Ему же принадлежит первый полный словарь живого русского языка. Предлагая собою чистый источник народной речи, словарь Даля дает обильный материал для придания образности и свежести подчас блекнущему слогу современной прозы. Последующие писатели, держась в общем пушкинского слога, продолжали и продолжают обогащать свою речь словами чисто народными. В настоящее время русский литературный язык до того силен, что с успехом служит религии, науке, общению людей между собой, будучи способен к выражению не только самых возвышенных идей, но и нежнейших чувств и тончайших изгибов сердца. В настоящее время он стал одним из великих мировых языков; изучается он всюду не только в обширной России, но и в других славянских землях, а также центрах умственной жизни на Западе —

Франции, Германии, Англии и других странах. Произведения образцовых русских писателей читаются в оригинале и переводятся на языки всех образованных народов, служа предметом достойного удивления.

Итак, милостивые государи, займемся и мы усердным изучением этой литературы и языка, и особенно грамматического строя последнего. Ведь никто из вас не станет оспаривать хотя и несколько витиеватого, но в то же время искреннего положения Ломоносова: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция — без грамматики».

СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА,

составленный Вторым Отделением Академии наук, Выпуск II. 1892.

РАЗБОР НЕКОТОРЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ, КАСАЮЩИХСЯ ФОНЕТИКИ И МОРФОЛОГИИ [1]

В предисловии редакция словаря приносит искреннюю признательность лицам, которые высказали замечания на первый выпуск. Все их указания будут приняты во внимание при новом издании словаря. Желая посильно содействовать улучшению нового издания и II выпуска, мы предлагаем поправки в редакции некоторых объяснений отдельных слов и форм.

Вчера — «собств. сокращ. род. п. с. ве́чер»... При такой редакции непонятно, почему гласный *е*, вдобавок ударяемый, выпал; отчего не удержала его аналогия формы род. п. *вечера*? Для устранения этого недоразумения следует прибавить, что *вчера* = древнерусскому *вьчера*; форма **вьчеръ** рядом с **вечеръ** существовала уже в церковнославянском языке (ср., например, Синайск. пс. 121). Начертание **вьчера** находим повсюду в церковнославянских памятниках (в Остром. ев., Супр. р., Шишат. ап., Клоц. р. и т. д.). На необходимость предположения двоякой огласовки этого корня указывает и повсеместная распространенность в теперешних славянских языках наречия *вчера* рядом с род. п. к слову *вечер* — *вечера* (ср. Миклошича. Etymol. Wörterbuch, 376).

Вчерась — «с указат. местоим. *сь*: вчера сего, как дне-сь сегодня»... Здесь неясно: какой форме местоимения сь равно *сь*? Судя по редакции данного места, можно подумать, что *сь* здесь на месте род. п., так как «вчера», «дне» падежи родительные. Для устранения этого недоразумения, хотя бы в скобках, следует прибавить соответствующие формы церковнославянского языка: **дьнесь** = днесь, **вьчеръсь**..., где и существительное и местоимение стоят несомненно в вин. п. ед. ч. для обозначения времени; *а* в вчер*а*сь обязано своим появлением слову *вчера*.

В товарищи себе мы взяли Булатный нож да темну ночь. «Здесь *товарищи* остаток древнего винительного»... Действительно, некоторые выражения этого типа, как и приводимые ниже: произвели *в поручики*, *в генералы*, поставили *в попы* и т. д. — остаток древнего вин. (причем

[1] РФВ, т. XXIX, 1893, стр. 164—167 (*Ред.*).

в «поручики» *и* новейший заменитель *ы* после гортанного); прибавим сюда еще идти *в гости*. Но «в товарищи», равно как «в цари», «короли» и т. д., — не остаток старины: по-церковнославянски винительные падежи к указанным словам будут **товарищѧ, царѩ, кралѩ**, то же и по-древнерусски, или скорее — товарищѣ, царѣ, королѣ. Это, несомненно, формы новейшего происхождения, ставшие у названий неодушевленных предметов мягкого различия I склонения общими для им. и вин. пп. и образованные по аналогии таких же общих форм в твердом различии. Видя, что в мягком различии употребляются такие же окончания, как и в твердом, только с предшествующей мягкостью согласного, стали и вместо *ы* твердого различия употреблять в мягком *и*, забыв о его старинном заместителе **ѧ**—*ѣ*.

Вы предл. — «в котором *ы* заняло, может быть, место носового гласного звука, как показывают родственные с ним предлоги в о н ъ и в н ѣ»... Это замечание, по всей вероятности, вызвано следующим местом Этимологического словаря Миклошича: «vy praefix: dieses vielleicht mit vъnъ verwandte praefix...». Однако в русской редакции оно кажется несколько неясным: Миклошич только ставит в связь *вы* и *вънъ*, но ничего не говорит о носовом элементе в *сы*, так как неясно, место какого носового могло занять *ы*: если **ж**, тогда этот предлог у поляков звучал бы wą (ср. sąsiad = **сѫсѣдъ**).

Вырей... в такой форме это слово белорусское, а не малорусское.

Вьюга — «от виюга вм. вѣюга»... Необходимо ли такое предположение? В корне *ви—вѣ* возможно чередование *и*, *ьј*, *oј*, так как он открытый; *ѣј* перед *уг* никак не может явиться, да и *иј* (в *виюга*) — лишь позднейшее изменение *ь* перед *ј*. Что касается *ѣ* в вѣялица, то это слово происходит от «вѣяти», где суффикс **ꙑ**.

Вѣдь — «сокращ. из цсл. вѣди вм. вѣдѣ 2 л. прош. гл. **вѣдѣти**»... Тут многое вызывает недоразумение. а) **вѣдѣ** — это 1 л. редкого перфекта, равного греческому οἶδα, б) что за форма в ѣ д и? Если это новоцерковнославянская, какая, например, в названии 3-й буквы, тогда она для нас не интересна, так как *вѣдь*, по всей вероятности, не из нее образовалось. Связь *вѣдь* с **вѣдѣ** непосредственная: потеря конечного *ѣ* в наречиях в русском языке дело обычное: *доколѣ* — *доколь*, *нынѣ* — *нонь* (Соболевский. Лекции [2], 89—90); кроме того, на появление *ь* могла оказать влияние и форма повелительного **вѣждь**.

Глагол — «от корня *гел*»... Возможно ли в словаре русского языка такое предположение? Не следует ли ограничиться только указанием корня *гол*, как это делает и Миклошич, приводя из санскр. galgal от gar? Ссылка на ger у Миклошича указывает лишь на родство последнего корня с gar, но ему соответствует в церковнославянском **жьр**.

1. *Губá*... «от корня *гб* в гл. г(б)нуть = складка»... Тут недосмотр: это объяснение можно отнести только к № 2, 3 *губы*. «Губа» же, обозначающая каждый из двух мясистых подвижных краев отверстия рта у людей и животных, а также губку, другого происхождения. Ей в церковнославянском соответствует **гѫба**, польск. gęba, словенск. gôba, gôbec, латышск. gembas. Другое дело *губá* малый залив: его можно подвести под корень *гб*, точнее **гъб(гънѫти)**. Гласный **ъ** в этом корне чередуется с **ы** и **оу**: **сългыбати, гоубити**.

О ВЛИЯНИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. С. ПУШКИНА НА РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Речь, сказанная на торжественном акте Варшавского университета 26 мая 1899 г. проф. Е. Ф. Карским [3]

В одной из своих поэм Пушкин влагает в уста старика цыгана следующие слова для характеристики римского поэта Овидия:

Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.

(«Цыганы»).

Эти стихи с полным правом могут быть отнесены и к самому Пушкину. Так на него смотрели выдающиеся его современники, например Жуковский, поставивший ему в особую заслугу «живую прелесть его стихов», так смотрел на себя и сам поэт, сказавший в одной из редакций своего «Памятника».

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел.

В чем же заключалась эта чарующая прелесть стихов Пушкина, эти новые звуки для песен, этот голос, подобный шуму вод? Ведь и до Пушкина русская литература уже могла указать много славных имен, заявивших себя на стихотворном поприще, однако же ни к одному из прежних поэтов не могут быть применены приведенные отзывы. Лишь относительно Жуковского («К портрету Жуковского») подобным образом выражается сам Пушкин, может быть, не без некоторой любезности ученика в отношении учителя:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль.

Если мы возьмем кого-либо из самых выдающихся прежних поэтов, например Державина, и припомним его стихотворения, то найдем, что

---

[3] РФВ, т. XLII, 1899, стр. 195—230 (*Ред.*).

они отличаются и глубиной мысли, и красотой образов, и грандиозностью поэтического размаха, но... чтобы пленить наш слух и доставить нам истинное душевное наслаждение, они нуждаются в переводе на современный язык. А между тем Пушкин начал свои первые опыты еще при жизни Державина:

> Старик Державин нас заметил
> И, в гроб сходя, благословил.
>
> («Евгений Онегин», VIII, II)

Значит, «живая прелесть стихов» Пушкина заключается в их языке. Рассмотрение последнего и составит содержание того чтения, которым я постараюсь занять ваше благосклонное внимание[2].

Язык Пушкина есть завершение всего предшествовавшего развития русского литературного языка. Однако, выразившись таким образом, мы сказали бы меньше, чем следует: Пушкин был не только завершителем, но и создателем языка; эту образовательную силу он почерпнул в постижении духа и средств языка.

То, что мы называем русским литературным языком, явление очень сложное, прошедшее в своем развитии более девяти столетий. Первая письменность на Руси появилась вместе с принятием христианства. Так как языком богослужебных книг был язык церковнославянский, то естественно, что он и лег в основу русского литературного языка. Однако же, как ни велика была близость этого языка к русскому народному того времени, все же многое в нем казалось недостаточно понятным для русских; поэтому первые русские авторы хотя бы и произведений религиозного содержания, а также переводчики и переписчики разных книг, часто незаметно для себя, а иногда и преднамеренно, вносят особенности русской живой речи в литературный язык и письмо. Число этих последних черт со временем увеличивается все больше и больше, впрочем не в такой степени, чтобы совершенно заслонить церковнославянскую основу. Особенно сильно бросается в глаза народный элемент в произведениях чисто светского характера — юридических документах и некоторых литературных произведениях, как известно «Слово о полку Игореве». К XIV в. на церковнославянской основе уже выработался довольно сильный, с своеобразными русскими особенностями, литературный язык. Но в то же время над Русью стряслось сильное несчастье, выразившееся в татарском на-

---

[2] Разбор языка произведений А. С. Пушкина и оценка его влияния на развитие нашего литературного языка до сих пор были предметом очень немногих работ. В этом случае обыкновенно отделываются общими фразами, больше почерпнутыми из ст. М. Н. Каткова (ср. «Русский вестник», кн. 2, 1856). Лучшей статьей по этому предмету является речь проф. Н. П. Некрасова «К вопросу о значении А. С. Пушкина в истории русского литературного языка» («Журнал Мин. нар. пр.» № 9, 1888, а также новое ее издание в книге: «Памяти А. С. Пушкина». Юбилейный сборник. Изд. редакции журнала «Жизнь». СПб., 1899). Язык Пушкина был предметом также статьи В. Истомина «Главнейшие особенности языка и слога произведений А. С. Пушкина» (РФВ, XXXII, педагогич. отд.).

шествии. Видя в монгольском иге кару божью за грехи, лучшие представители русского народа целыми массами устремились в монастыри; здесь среди других аскетических занятий они с большим усердием принялись за чтение старинных, больше югославянских духовных произведений и за подражение им. Следствием этого было то, что литературный язык дровнерусской письменности был оторван от слишком близкого общения с народной средой и вместо простых оборотов народной речи привил себе пышную византийскую витиеватость, а своим формам сообщил подчас ложную архаичность. Ослабление Руси в эпоху уделов вследствие междоусобных распрей и особенно татарского нашествия, с одной стороны, а с другой — выступление Литвы на историческое поприще были причинами распадения русского государства на две части: Московскую Русь и Литву. Это обстоятельство также сказалось очень заметными последствиями на русском литературном языке. С этого времени выступают на сцену два литературных языка, которые и употребляются в письменности обоих государств параллельно. Стройнее развивается литературный язык Московской Руси, но и западнорусский язык также довольно успешно выполняет свою культурную задачу, в роли двигателя общественных интересов. В основу последнего языка легло народное белорусское наречие, но в него, по наследству от общерусской старины, влилась еще стихия церковнославянская книжная, а, с другой стороны, при посредстве речи образованного общества в Литве, больше выходцев из Польши, со временем проник сюда язык польский. С перенесением центра образованности Литовской Руси при Петре Могиле из Вильны в Киев, западнорусский литературный язык принял в себя еще новый приток малорусского наречия, бывший не чуждым ему и в предшествовавшее время. Теперь же, благодаря развитию духовной образованности на западе и юге России, усиливается и церковнославянский элемент в литературном языке. Этот живительный приток, сообщивший ему некоторую новую силу, начал очищать его от польской примеси и в то же время сближать с общерусским литературным языком. Присоединение Малороссии к Москве усилило общение юго-западной образованности с северо-восточной; киевские ученые появились в Москве и, конечно, не могли не оставить следов своего языка и на литературном языке Московското государства. Будучи ревностными поборниками реформы Петра I, они оказали влияние и на язык новой литературы и науки, введя в него несколько польских и особенно латинских и немецких слов. Иностранные слова, проникавшие в русский литературный язык, уже с первыми переводами книг Св. писания (с греческого), а также с первыми князьями и их дружиной, при Петре Великом, когда Россия лицом к лицу столкнулась с западным просвещением, полились в него обильным потоком. Тогда стали заимствовать не только необходимые слова для обозначения предметов, не имеющих в русском языке соответствующих названий, но по примеру великого преобразователя начали употреблять иностранные слова без всякого разбора и нужды. Лучшие люди того времени не могли

не чувствовать неестественного состава литературного языка, и, по своему умению, старались упорядочить его. Особенно замечательна в этом отношении деятельность Ломоносова. Стараясь устранить «дикие и странные слова нелепости», он советовал обращаться к языку церковнославянскому; но он же пытался ограничить и наплыв славянизмов, отведя для них определенное место. В известном своем рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов делит русскую речь на три стиля: высокий, средний и низкий. Церковнославянские слова в той или в другой степени он помещает в первых двух стилях, служащих для выражения более важных материй. И синтаксису этих двух стилей, благодаря латино-немецкому расположению слов, он придал искусственную величавость. Но тот же Ломоносов чувствовал, что живительным источником, освежающим всякий обветшалый язык, является приток чисто народной речи. Только следуя вкусу времени, несколько надменно относившемуся к простому народу, он не решался дать народной речи широкое распространение, ограничив ее лишь низшим стилем, который, по Ломоносову, употребляется в дружеских письмах, описаниях обыкновенных событий, комедиях, эпиграммах и песнях. Последовавшие за Ломоносовым писатели старались держаться его указаний относительно употребления церковнославянских слов, только большинство из них вместо «осторожного введения славянских слов» стало чрезмерно обращаться к ним, вследствие чего речь таких писателей оказалась не русскою, а славянороссийской, с перевесом на сторону церковнославянских начал. Даже лучшие литераторы, отличающиеся эстетическим чутьем, как Фонвизин, лишь в комедиях давали место народной речи. Развитие и усиление славянизмов в русском литературном языке продолжалось до Карамзина. Карамзин и его последователи старались сблизить литературную речь с разговорным языком интеллигентного общества, вследствие чего пришлось значительно ограничить наплыв церковнославянских слов; Карамзин, кроме того, придумал много слов для перевода иностранных заимствований, но не обошлось и без введения иноземщины, особенно галлицизмов. Последовавшие затем писатели, Крылов, Грибоедов, не сочувствуя несколько сантиментальному слогу Карамзина, обогатили литературный язык массой чисто народных слов и оборотов.

В таком состоянии находился русский литературный язык ко времени поэтической деятельности А. С. Пушкина. С одной стороны, еще шел спор о церковнославянских элементах в русской литературной речи, с другой — чувствовалась необходимость сблизить литературный язык с народным. В поэтическом слове Пушкина пришли в надлежащее равновесие все стихии литературной речи, сделав анохронизмом всякий спор о стиле. Как истинный поэт-художник, не только создающий прекрасные образы, но и отливающий их в изящные формы, Пушкин и на язык взглянул с глубоко эстетической точки зрения. Он не допускал, как это полагали прежде, что те или другие слова и обороты усугубляют или уменьшают важность материи. Если ум

поэта был поражен мыслями, открытыми при изучении предмета или явления, если чувство его было возбуждено истиною и красотою, тогда и содержание, добытое при исследовании, будучи великим, находило для себя соответственное выражение. Поэт сам создавал этот язык, пользуясь всеми его стихиями, возникшими во все предшествовавшее развитие. Никто лучше Пушкина не постигал его духа и средств; поэт разгадывал, так сказать, тайны языка, вполне овладев его индивидуальностью. Каждое слово в языке, кроме своего общего значения, по которому оно совпадает с теми или другими речениями родственных языков, есть еще нечто индивидуальное, имеющее свою историю и хранящее в себе следы разных положений, в которых ему случалось находиться. Художественное чувство поэта и руководится этим последним положением слова, теми мелкими и едва заметными сочетаниями, с которыми оно неминуемо является в его чутком уме. Вследствие всего сказанного, Пушкин одинаково пользовался и архаизмами, и неологизмами, и наследием церковного языка, и живым потоком народной речи; не брезгал он даже словами иностранными, когда находил, что все эти стихии лучше всего и в возможно приятной форме выражают именно то, что хотел сказать поэт.

Пушкин был врагом всякой условности в языке, всякого ига теорий, вносящих в его формы утомительное однообразие. Он требовал побольше свободы для языка. Так, в письме к Погодину (декабрь 1830 г.) по поводу его драмы «Марфа Посадница» Пушкин писал: «Марфа имеет европейское, высокое достоинство. Я разберу ее как можно пространнее. Одна беда — слог и язык. Вы неправильны до бесконечности — и с языком поступаете, как Иоанн с Новымгородом. Ошибок грамматических, противных духу его, — усечений, сокращений — тьма. Но знаете ли? и это не беда. Языку нашему надобно воли дать более. Разумеется сообразно с духом его. — И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность». Под последней поэт, конечно, разумел «правильность», установленную последователями Ломоносова, строго державшимися его трех стилей. В самой реформе Ломоносова Пушкину нравилось не разделение речи на стили, а именно допущение возможности смешения элементов церковнославянского и народного. В письме к Бестужеву (от 21 марта 1825 г.) Пушкин так говорит про Ломоносова: «Уважаю в нем великого человека, но конечно не великого поэта; он понял истинный источник русского языка и красоты оного; вот его главная заслуга». Что здесь выражено довольно неопределенно, о том в другом месте («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова») сказано уже вполне ясно: «Ломоносов... утверждает правила отечественного языка, ... открывает нам истинные источники нашего поэтического языка». «Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным». Эту свободу языка он ценил с точки зрения живости и разнообразия, а также художественного чутья истинных источников языка, его духа. Поэтому неудивительно,

если в другом месте тот же ломоносовский язык вызвал порицание поэта за подчинение его латино-немецкому синтаксису: «Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он (Ломоносов) свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сделалась было необходимостью; к счастью, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова» («Мысли на дороге, Ломоносов»). Тут же обращает на себя внимание похвала Карамзину за то, что он возвратил языку свободу. Дальнейшее рассуждение Пушкина, особенно в том виде, в каком оно сохранилось в черновой тетради, еще яснее и рельефнее оттеняет необходимость строго следовать художественному чутью при смешении разных стихий речи; в противном случае речь станет надутой, высокопарной: «Его (Ломоносова) влияние было вредное и до сих пор отзывается в тощей нашей литературе», — говорит Пушкин. «Изысканность, высокопарность, отвращение от простоты и точности — вот следы, оставленные Ломоносовым... Убедились ли мы, что славянский язык не есть русский, и что мы не можем смешивать их своенравно?» Таким образом, допуская разные элементы в литературном языке, Пушкин требовал осторожности при использовании теми из них, которые не составляют, так сказать, корня языка.

Посмотрим, в какой степени эти теоретические положения Пушкина подтверждаются его собственной речью? Начнем со стихии церковнославянской.

Церковнославянские слова, изредка формы и выражения, встречаются больше в стихотворных произведениях, и притом таких, которые отличаются торжественным характером, например в одах. Славянизмы чаще в стихотворениях более раннего времени и очень редки в произведениях, написанных в последнюю пору поэтической деятельности Пушкина. На появлении их в лицейских стихотворениях, несомненно, отражаются следы теории трех стилей. Впрочем, даже в самых начальных произведениях Пушкина, в которых он подражал, например, Державину, процент церковнославянских заимствований сравнительно невелик, и нельзя сказать, что эта стихия была здесь неуместной, по крайней мере в большинстве случаев. Приведу примеры. В оде «Наполеон на Эльбе» 1815 г. очень обычны, напр., выражения, вроде следующих:

> Не выплывет ни *утлый* в море челн,
> Ни *гладный* зверь не взвоет над могилой.
> Я здесь один, мятежной думы *полн*...
> И троны в *прах низвергну* я громами...
> *Полнощи* царь *младой*, ты *двигнул* ополченья...

В этом же роде слова и выражения в оде «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.», где читаем: *брань* (война), *вотще*, *вняли*, *восшумев*, *почто*, *внемли*, *по стогнам*, *могущая рука*, *суда окрыленны* и т. д. Да что и говорить об этих лицейских произ-

ведениях. Даже в таких более зрелых стихотворениях, как ода «Наполеон» 1821 г., славянизмы далеко не составляют редкости:

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет *полн*,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн...
И галл *десницей* разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир...
И *длань* народной Немезиды
Подъяту видит великан...

В одах более позднего времени церковнославянские элементы также нередки, но здесь они уже все вполне на месте и не отражают каких-либо следов известной теории. Особенно типичным в этом отношении является известное стихотворение «Пророк» 1826 г.:

Духовной жаждою *томим*,
В пустыне мрачной я *влачился*,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими, как сон,
Моих *зениц* коснулся он и т. д.

Или:

И жало *мудрыя* змеи
В *уста* замершие мои
Вложил *десницею* кровавой.

Или там же в конце:

Восстань, пророк, и *виждь* и *внемли* . . .

В этом небольшом стихотворении особенно обильно употреблены церковнославянские слова и выражения, и несмотря на это, каждый чувствует истинную прелесть этой оды и полную уместность каждого слова поэта. И чисто народными словами можно бы выразить ту же мысль, но стихотворение лишилось бы той торжественности и того обаяния возвышенного тона, какими оно отличается в своем теперешнем виде. Церковнославянские слова употреблены так кстати, что даже не чувствуется их присутствие. Да кроме того, славянский элемент всему стихотворению придает библейский характер, особый колорит времени и обстановки. В этом отношении, кроме рассмотренного произведения, особенно замечательна драма «Борис Годунов». Здесь, между прочим, выводится несколько духовных лиц (монах-летописец, патриарх, игумен). В их речи Пушкин с замечательным тактом вводит церковнославянские, а также древнерусские слова и выражения. Так же говорит и царь, обращаясь к патриарху. Например:

Ты, отче патриарх, вы все, бояре!
Обнажена моя душа пред вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем. . .

О праведник, о мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.

Или Пимен, обращаясь к Григорию:

Подумай, сын, ты о царях великих:
Кто выше их? Единый бог. Кто смеет
Противу них? Никто. А что же? Часто
Златой венец тяжел им становился...

Свершилося неслыханное чудо:
К его одру, царю едину зримый,
Явился муж, необычайно светел...
И все кругом объяты были страхом,
Уразумев небесное виденье,
Зане святый владыка пред царем
Во храмине тогда не находился...

Или патриарх говорит Борису:

.... Царь небесный
Приял меня в лик ангелов своих...
..........Народ увидит ясно
Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет, яко прах.

В произведениях, изображающих более обыденную жизнь, а также передающих задушевные чувства поэта, церковнославянские элементы встречаются реже; в тех стихотворениях, которые принадлежат к последнему периоду жизни поэта, их почти и совсем нет. Так, например, в известной игривой поэме Пушкина 1817—1820 гг. «Руслан и Людмила» славянизмы, как дань прежней стилистике, еще встречаются нередко:

По жилам быстрый *огнь* бежит...
Как ястреб, богатырь летит
С *подъятой* грозною *десницей*...
Он узнает *сей* буйный глас...
И шум на *стогнах восстает*...
Приняв губительные меры...
Наш витязь старцу пал к ногам
И в радости *лобзает* руку...

Но если мы возьмем, например, VIII главу «Евгения Онегина», написанную в том же духе в 1830 г., то здесь уже трудно встретить какой-либо славянизм. А в прекрасных переложениях народных сказок 1831—1833 г. торжество народной речи несомненно, а о славянизмах нет и помину.

Проза Пушкина совершенно свободна от церковнославянской стихии как по лексическому составу, так и в отношении расположения слов, а тем более в формах. Нередко встречающееся слово «сей» славянизмом не может быть посчитано, так как в том или другом виде (сегодня, по сю сторону, до сих пор) оно употребляется и в живых народных говорах.

Из предыдущего можно видеть, как умело пользовался Пушкин церковнославянской стихией. Однако все симпатии его были на стороне народного языка, как живого хранителя русского духа. Это видно как из его теоретических рассуждений, так и из употребления.

В «Критических заметках», писанных в 1830 г., рассматривая нападки тогдашних журналистов на употребленные им народные выражения, Пушкин пишет: «Более всего раздражал его (критика) стих: Людскую молвь и конский топ. «Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старинным грамматикам? Можно ли так коверкать русский язык?» Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в «Вестнике Европы». *Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* (следственно и *хлоп* вместо *хлопанье*) вовсе не противно духу русского языка, как и *шип* вместо *шипение*: Он шип пустил по-змеиному (Древние русские стихотворения). На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки: «И вышел он за ворота градские, и услышал конский топ и людскую молвь» («Бова Королевич»). Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка; критики наши напрасно ими презирают». Та же глубокая мысль о необходимости серьезного изучения народного языка высказана и в другом месте тех же критических заметок: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава Богу, не искажающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре. Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням: они говорят удивительно чистым и правильным языком». Вот где, значит, истинный источник языка. Как далеко ушло это положение от взгляда Ломоносова, по которому, знанием церковнославянского языка «умножаем довольство российского слова», так как главное значение в литературном языке принадлежит церковнославянской стихии. Пушкин главенство церковнославянского языка допускал только при возникновении нашего литературного языка, а затем уже эта роль должна отойти к языку народному: «Судьба его (нашего литературного языка) чрезвычайно счастлива. В IX в. древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность»; все сказанное до сих пор совершенно в духе известного рассуждения Ломоносова; но дальше уже читаем совсем иное: «Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» (Заметка «О предисловии Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»).

И народные слова Пушкин употреблял не случайно, равным образом не по указанию какой-либо теории, вроде ломоносовской, а исключительно руководясь врожденным ему чувством красоты и стремлением к точности и ясности выражения. Критикам «Полтавы» слова: *усы*, *визжать*, *вставай*, *рассветает*, *ого*, *пора* показались низкими, бурлацкими. Пушкин по этому поводу говорит: «Никогда не пожертвую краткостию выражения провинциальной чопорности, из боязни ка-

заться простонародным, славянофилом и т. п.». («Критические заметки»).

Собственные произведения Пушкина дают немало примеров оживления литературной речи народным потоком. Приведу несколько примеров:

Король его ласкает —
И, говорят, *помогу* обещал.
(«Борис Годунов»)

Занес же вражий дух меня
На *распроклятую квартеру*.
(«Гусар»)

Не мучь его... *авось* мольбами
Смягчит за нас он Божий гнев.
(«Братья-разбойники»)

Зачем *вечор* так рано скрылись?
(«Евгений Онегин»)

Стали медвежата *промеж собой играти*...
Поючи и *пляшучи*, женихов *поджидаючи*...

Особенно бросается в глаза народный склад, как и следовало ожидать, в тех случаях, где выводятся лица из простого народа. Таково известное место из «Евгения Онегина», где Татьяна разговаривает с няней:

И, *полно, Таня!* В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы *согнала со света*
Меня *покойница* свекровь.
«Да как же ты венчалась, няня?»
— *Так, видно, Бог велел*. Мой *Ваня*
Моложе был меня, *мой свет*,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей *родне*, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха...
И вот *ввели в семью чужую*...
«Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя...»

То же видим и в сказках, где так рельефно сказалось умение пользоваться богатырской энергией и свежестью русского языка. Вот для примера начало сказки о мертвой царевне и семи богатырях:

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись, глядючи
С белой зори до ночи. И т. д.

А вот начало сказки про бурую медведицу (1830 г.):

Как весенней теплой порою,
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу, из дремучего —
Выходила медведиха,
С малыми детушками-медвежатами,
Погулять, посмотреть, себя показать.
Села медведиха под березкой;
Стали медвежата промеж собой играти,
Обниматися, боротися. И т. д.

При чтении сказки про медведицу можно подумать, что это чисто народное произведение, а не искусственное. Таким образом, замечание Пушкина о народных сказках —

Там русский дух, там Русью пахнет —

может быть с полным правом отнесено и к его сказкам.

Отдавая должную дань языкам церковнославянскому и народному русскому, Пушкин, как глубокий знаток языковых средств, ясно видел, что указанными двумя стихиями литературный язык его времени не мог довольствоваться. В его время «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись». Проза наша, по Пушкину, была еще так мало обработана, что даже в простой переписке приходилось создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных. «Леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны» («Предисловие Лемонте»). Вследствие этого по необходимости иногда приходилось обращаться к словам иностранным в их непосредственном виде или в переводе. В письме к князю П. А. Вяземскому (от 13 июля 1825 г.) Пушкин говорит: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы, т. е. языка мыслей)». Самое задушевное создание Пушкина, известный роман «Евгений Онегин», представляет несколько случаев, когда наш поэт не в состоянии справиться с иноземщиной. Вот он описывает наряд своего героя, но тут же заявляет, что

...панталоны, фрак, жилет —
Всех этих слов на русском нет.
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами...

Или, представляя величественный вид Татьяны, когда, уже будучи замужем, она явилась на балу, поэт замечает:

Все тихо, просто было в ней.
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... Шишков! прости:
Не знаю, как перевести....

> Никто бы в ней найти не мог
> Того, что модой самовластной
> В высоком лондонском кругу
> Зовется vulgar. Не могу...
> Люблю я очень это слово,
> Но не могу перевести:
> Оно у нас покамест ново...

Когда перевод иностранного слова был возможен, поэт давал его; одобрял он и переводы других лиц, только требовал в этом случае точности и красоты. Вот что говорит он по этому поводу (в «Критических заметках»): «Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке. Например: *трогательный* от слова touchant; *хладнокровие* — это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выражение французское есть sens froid — *хладномыслие*, а не sang froid. Так и писали это слово до самого XVIII столетия. Dans son assiete ordinaire. Assiete значит — положение, от слова asseoir, но мы перевели каламбуром: *не в своей тарелке*». Пушкин больше обращался к французскому языку, так как из всех иностранных языков с ним он ближе всего был знаком:

> Мне галлицизмы будут милы,
> Как прошлой юности грехи,
> Как Богдановича стихи.

Подобно Онегину, он «изъяснялся по-французски совершенно и писал», свободнее даже, нежели на родном языке. «Mon ami», — читаем в письме его к Чаадаеву из Царского Села от 6 июля 1831 г.: «je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière, que la notre». Славянский дух поэта чувствовал больше склонности к родному, но иноземщины нельзя было избегнуть. Вот как об этом Пушкин пишет в альбоме Онегина:

> Сокровища родного слова, —
> Заметят важные умы, —
> Для лепетания чужого
> Пренебрегли безумно мы.
> Мы любим муз чужих игрушки,
> Чужих наречий погремушки,
> А не читаем книг своих.
> — Да где ж они? давайте их!
> Конечно: северные звуки
> Ласкают мой привычный слух;
> Их любит мой славянский дух;
> Их музыкой сердечны муки
> Усыплены; но дорожит
> Одними ль звуками пиит?

Юношеская любовь поэта к галлицизмам в зрелом возрасте совершенно исчезла. В статье, писанной в последний год жизни поэта, «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» находим уже такой вполне беспристрастный отзыв о французском языке: «Если уже русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах

и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к переложению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным, выдержит таковой опыт, особенно в борьбе с языком Мильтона, сего поэта, вместе и изысканного и простодушного, и темного и запутанного, и выразительного и своенравного, и смелого даже до бессмыслия?» Еще яснее признание достоинства нашего языка выражено в одном замечании Пушкина 1836 г. об издании Академического словаря («Российская академия»): «Ныне Академия приготовляет третье издание своего словаря, коего распространение час от часу становится необходимее. Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются, грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого».

Все приведенные места ясно показывают, как Пушкин любил наш язык. По словам князя Вяземского, порицание русского языка Пушкин принимал за оскорбление, лично ему нанесенное. Как отличается это отношение к русскому языку от взгляда на него другого замечательного стилиста, старшего современника Пушкина, отчасти его учителя на рассматриваемом поприще К. Н. Батюшкова! Глубокий знаток русского языка и его богатств, но сильно увлеченный итальянской речью, он не чувствовал той любви к своему родному языку, какую развили последующие писатели и первым его гениальный ученик. Вот как, например, выражается Батюшков о русском языке в одном письме к Н. И. Гнедичу: «Язык-то по себе плоховат, грубенек, пахнет татарщиной»; в другом письме к тому же Гнедичу он пишет: «Язык наш — жестокий язык, что ни говори». Эти решительные и далеко не справедливые отзывы о русском языке сильно отличаются от раньше приведенных приговоров Пушкина; не могут быть они сравниваемы даже с теми, которые высказаны Пушкиным в первую пору его поэтической деятельности, когда он находился еще под сильным влиянием своего французского воспитания и недостаточно был знаком с истинными богатствами русского языка. Вот как, например, говорит Пушкин о русском языке по поводу одного стиха в «Бахчисарайском фонтане» (письмо к кн. П. А. Вяземскому, ноябрь 1823 г.): «Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую откровенность[4].

---

[4] Примеров библейской простоты и откровенности у Пушкина немало. В «Сказке о царе Салтане» находим такое место: царь обращается к одной из трех девиц:

> «Здравствуй, красная девица»,
> Говорит он: «будь царица,
> И роди богатыря
> Мне к исходу сентября». . .
> Царь не долго собирался:
> В тот же вечер обвенчался. . .
> А потом честные гости
> На кровать слоновой кости

Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота ему более пристали». Последнее место, да и раньше приведенные очень красноречиво говорят также, что любовь Пушкина к русскому языку не переходила в пристрастие.

До сих пор язык Пушкина мы рассматривали со стороны лексической, словарной. Как можно было видеть из предыдущего, у Пушкина нашли себе полное примирение все стихии русской речи, воспринятые ею в течение многовековой истории: все слилось у Пушкина в одно стройное целое. Уже ближайший ученик нашего поэта И. С. Тургенев мог с полным правом сказать о русском литературном языке: «Во дни сомнений, в дни тягостных раздумий... ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» («Стихотворения в прозе»).

Коснувшись только словарной стороны языка произведений Пушкина, мы далеко не охарактеризовали бы всего того, что сделал великий поэт в отношении русского литературного языка. Мы выражаем свои мысли обыкновенно не отдельными словами, а целыми предложениями, из сочетаний которых и состоит наша речь. Смотря по настроению лица говорящего и пишущего, по предмету, насчет которого приходится говорить, по таланту автора, речь наша может иметь две главные формы выражения: прозаическую и стихотворную. Пушкин в отношении прозы и поэзии принес нашему литературному языку неоценимую услугу. И здесь прежде всего сказался мастер слова, обративший все свое внимание на сообщение выражению художественного изящества при сохранении простоты и естественности. Писатели прошлого столетия, даже лучшие из них, не сумели выработать ни естественной прозы, ни изящного стиха. Вот как, например, отзывается Пушкин о самом выдающемся поэте второй половины XVIII в. (письмо к А. Дельвигу от 8 июня 1825 г.): «По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он ниже Ломоносова) — он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии, ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает оды, но не может выдержать и строфы. Что же в нем: мысли, картины и движе-

---

Положили молодых
И оставили одних...
А царица молодая,
Обещанье выполняя,
С той же ночи понесла.

Подобная откровенность наблюдается даже в совершенно серьезных стихотворениях, как «Пир Петра Великого» (1835 г.), где, между прочим, имеем такой стих:

Родила ль Екатерина?

По словам Тургенева, известный французский критик и писатель Мериме восхищался библейской откровенностью этого стиха, но и пугался ее, считая подобное недостижимым для французского языка.

ния истинно поэтические; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудного подлинника». Правда, старшие современники Пушкина, отчасти его предшественники, уже явно стремились к усовершенствованию нашего прозаического и стихотворного языка. Карамзин, например, выставил, как необходимое требование, — писать так, как говорят, и в этом направлении сделал очень много. Особенно заботился он о том, чтобы проза наша отличалась плавностью и благозвучием, что по-французски тогда обозначали словом élégance, а по-русски переводили выражением «приятность слога». Батюшков, подаривший русской словесности прекрасные антологические стихотворения, особенно поражающие нас своей пластической формой, а нашу прозу обогативший некоторыми безукоризненными в отношении стиля очерками, которого и Пушкин называл своим учителем, пленявшим юного поэта «стихов и мыслей сладострастьем», — также значительно подготовил почву для художественной реформы в языке, произведенной нашим поэтом. Наконец, в отношении музыкальности стиха и его разнообразия много сделал Жуковский. Но деятельность последнего шла параллельно с деятельностью Пушкина и даже пережила ее; так что есть некоторое основание полагать, что «пленительной сладостью» своих стихов Жуковский отчасти обязан и прислушиванию к музе победившего его ученика. Известно, что Жуковский нередко читал Пушкину свои стихи и переделывал те из них, который юный поэт не вспоминал в следующее свидание.

Если предшественники Пушкина в отношении стихов уже достигли значительных успехов, то в прозе еще оставалось сделать многое. Недаром в альбоме Онегина поэт поместил такие стихи:

> Увы!.. язык любви болтливой,
> Язык невинный и простой,
> Своею прозой нерадивой
> Тебе докучен, ангел мой!
> Ты любишь мерные напевы,
> Ты любишь рифмы гордый звон,
> И сладок уху милой девы
> Честолюбивый Аполлон!

О том же говорит Пушкин и в другом месте, когда старается оправдать Татьяну, что она писала к Онегину по-французски:

> Что делать! повторяю вновь:
> Доныне дамская любовь
> Не изъяснялася по-русски,
> Доныне гордый наш язык
> К почтовой прозе не привык.

В других своих сочинениях Пушкин еще ярче выставляет недостатки современной ему прозы. В заметке «О причинах, замедливших ход нашей словесности» он, между прочим, говорит: «Проза наша еще так мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для понятий самых обыкновенных, и леность наша охотнее выражается на языке чужом, механические формы кото-

рого давно уже известны». После всего сказанного раньше приведенный приговор Пушкина может показаться несколько преувеличенным. Но поэт был прав, так характеризуя современную ему прозу. Неумелое стремление последователей Карамзина придать прозе «приятность» выродилось в лучших руках в изысканность, а у лиц менее искусных — в вычурность и приторность, доходящую до слащавости. Как истинный художник, Пушкин заметил и эту односторонность речи, хотя она и была совершенно противоположна прежней латино-немецкой торжественности нашего стиля. Вполне признавая рациональным положение Карамзина, что писать следует, как говорят, т. е. что прозаическая речь ничем не должна отличаться от речи разговорной, он требовал еще от нее ясности и точности. А эти качества достигаются лишь тогда, когда речь течет просто и естественно. Однако понятия простоты и естественности очень широки и легко переходят в то, что Пушкин характеризовал словом vulgar; но с последним качеством речи не мирилась душа поэта-художника, и вот он еще требует от прозы «опрятности»: «Точность и опрятность — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей; блестящие выражения ни к чему не служат». Невысоко он ставил тех писателей, «которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами. Эти люди никогда не скажут д р у ж б а, не прибавив: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать р а н о п о у т р у, а они пишут: едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба. Как это все ново и свежо! Разве оно лучше потому только, что длиннее?» (отрывок «О слоге», 1822 г.).

Все указанные требования от прозаической речи вполне оправдываются на произведениях самого поэта. Прозаическая речь «Пугачевского бунта», «Путешествия в Арзрум» и других сочинений отличается естественностью и художественной простотой. Это последнее качество после Пушкина стало непременным условием хорошего стиля у всех наших образцовых писателей; внешняя же элегантность слога, изысканность в выражениях находит место только тогда, когда представлялась необходимость прикрыть словами отсутствие глубины мысли, а то еще и явно ввести слушателей и читателей потоком красноречия в обман.

Принципа сохранения художественной простоты в прозе Пушкин держался и тогда, когда этого рода речью он писал поэтические произведения, как «Арап Петра Великого», «Капитанская дочка», «Повести Белкина» и др. В этом случае иначе смотрел на дело его младший современник и отчасти ученик Н. В. Гоголь, сообщавший свойства стихотворного языка некоторым местам своей поэтической прозы, особенно когда приходилось давать описания предметов (Днепра, сада Плюшкина и др.).

Речь стихотворная, по Пушкину, под которой он разумел вообще поэтическую речь, совсем не то, что проза. Проза отличается естественностью, стихи непременно предполагают искусственность, так как мерной речью никто не говорит. Да и по содержанию проза имеет в виду

только точную передачу мыслей, стихи же, как главное орудие поэтической речи, главной своей целью ставят воплощение мыслей в образах, с намерением вызвать в нас то или другое представление о предмете, хотя бы он и не был понят нами со стороны его сущности. Понятно поэтому, почему Пушкин в разных своих сочинениях так резко противополагал стихи прозе: «блестящие выражения (в прозе) ни к чему не служат; стихи дело другое» («О слоге», 1822 г.). Или припомним известное место из романа «Евгений Онегин», где описывается различие в характерах двух друзей:

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.

Значит, стихи — полная противоположность прозе. Стихи льются из-под пера, когда поэт находится в состоянии вдохновения, особого творчества, когда сильно действует его воображение. Естественное течение речи тогда было бы не совсем уместно: для передачи блестящих созданий фантазии требуется и выдающаяся форма, достигаемая «нежданным стечением звуков и слов», смелостью выражения, подчас «странностью рифмы новой» («К моей чернильнице», 1821 г.). Из перечисленных качеств для придания стиху красоты и силы особенное значение имеет так называемая «смелость выражения». В одной из своих заметок, относящихся к 1827 г. («О смелости выражений»), Пушкин довольно ясно говорит об этой смелости. Он признает в поэтическом языке двоякую смелость выражений: низшую и высшую; первая состоит в удачном употреблении форм и слов, не составлявших до тех пор принадлежности литературного языка; сюда относятся и подобные же обороты; а вторая состоит в уместном употреблении таких метафорических выражений, которые придают созданным поэтом образам широкий размах, грандиозность. Смелые выражения того и другого рода встречаются и у предшественников Пушкина, но редко такие обороты были удачны: лица, употреблявшие их, не всегда отличались достаточно развитым эстетическим чувством. Эта смелость у них часто переходила в неестественность, в безвкусие. Так, например, у Державина в знаменитой его оде «Фелица» 1782 г., между прочим, читаем:

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с нею на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой,
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся. . .

При своей неожиданности и смелости, последней стих далеко не производит приятного впечатления.

Или там же:

Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Уже современный Державину критик по поводу последнего стиха писал: «Уподобление поэзии к лимонаду оставляет в уме некое не-

удовольствие найтить сравнение неожиданное. Оно не только кажется непристойно, но еще и несправедливо» (Соч. Державина с объясн. примеч. Я. Грота, I, 141). Другое дело смелые выражения этого рода у Пушкина. Припомним, например, место из «Бориса Годунова»:

Народ еще повоет, да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина.

Последний стих совершенно в народном духе; подобного сравнения в речи поэтической никогда не бывало, а между тем как оно здесь уместно; ни в ком оно не вызывает неприятного чувства. Можно бы указать много других подобных случаев, совершенно неожиданных по своей смелости. Но превосходство Пушкина в этом отношении над другими поэтами его времени обрисуется особенно ярко, когда будут приведены случаи весьма смелых метафорических выражений, поражающих величием своих образов. Уже в самых ранних произведениях нашего поэта можно отметить примеры такого рода выражений. Так, в послании к Жуковскому 1818 г. по поводу издания книжек «для немногих» в первоначальной редакции были стихи:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет!
Он духом там, в дыму столетий...

По поводу последнего стиха князь Вяземский писал из Варшавы (25 апреля 1818 г.) к Жуковскому: «Стихи чертенка племянника чудесно хороши. В дыму столетий! Это выражение — город: все отдал бы за него движимое и недвижимое... Знаешь ли, что Державин испугался бы дыма столетий. О прочих и говорить нечего». Державин, быть может, и не испугался бы подобного выражения, так как и он нередко употреблял чересчур смелые выражения, но Державин не сумел бы воспользоваться этим выражением с таким художническим тактом. Что может быть смелее державинских стихов:

Глотает царства алчна смерть!...

или известного изображения Суворова:

Вихрь полуночный, летит богатырь!
Тма от чела, с посвиста пыль!
Молньи от взоров бегут впереди,
Дубы грядою лежат позади.
Ступит на горы — горы трещат,
Ляжет на воды — воды кипят,
Граду коснется — град упадает,
Башни рукою за облак кидает.

Но приведенные стихи чрезвычайно гиперболичны и отзываются вследствие этого некоторой ложью. Суворов, изображенный чертами, какие даже не приписываются сказочным богатырям, а разве божеству в библии, уже отрывается от действительности. И у Пушкина можно

отметить в некоторых местах крайний гиперболизм, какой, например, допускает в «Скупом рыцаре» барон в известном монологе:

Да! Если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп — я захлебнулся б
В моих подвалах верных...

Но подобная гипербола в устах барона стала вполне уместной, когда он все начал представлять в чрезмерном виде, особенно силу своего богатства:

Что не подвластно мне?.. Как некий демон,
Отселе править миром я могу.

Да и у Державина смелые выражения далеко не всегда неестественны. Сам Пушкин в отмеченной статье («О смелости выражений») приводит из Державина прекрасное начало его «Водопада».

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми...

Таким образом, художественная смелость выражений — такая же отличительная черта в стихотворной речи Пушкина, как художественная простота в его прозе.

Вот еще примеры подобных выражений:

О ты, чьей памятью *кровавой*
Мир долго, долго будет *полн*,
Приосенен твоею *славой*!..
Почий среди пустынных волн!
Великолепная могила...
Над урной, где твой прах лежит,
Народов *ненависть почила*
И *луч бессмертия горит*...

(«Наполеон»)

И музу призывал
На *пир воображенья*...

(«К моей чернильнице»)

Он поле *пожирал очами*...

(«Полтава»)

Люблю я *пышное природы увяданье*...

(«Осень»)

... финский рыболов,
Печальный *пасынок* природы...

(«Медный всадник»)

Такие художественно-смелые выражения можно указать у Пушкина для всех стилистических форм. Таковы, например, эпитеты:

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой *блистательный* позор.

(«Наполеон»)

Нависли *хладные* штыки.

(«Полтава»)

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты наводишь *унылую* тень,
Одна ты печалишь *ликующий* день!

(«Туча»)

Не менее оригинальны и художественны сравнения Пушкина [5]. Приведу два-три примера:

И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.
Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна...

(«Полтава»)

Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

(«Полтава»)

...............с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник.

(«Борис Годунов»)

А как смелы метафоры и другие тропы у Пушкина:

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года.

(«Евгений Онегин»)

Уж небо осенью дышало...

(ib.)

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;

---

[5] Очень смелое сравнение, вызвавшее даже в свое время журнальную перебранку (ср. С. Трубачев. Пушкин в русской критике. СПб., 1889, стр. 51—52), представляет известное место из «Руслана и Людмилы», где изображается похищение невесты карлой:

С порога хижины моей
Так видел я, средь летних дней,
Когда за курицей трусливой
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал;
Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый,
И пал, как молния, на двор.
Взвился, летит. В когтях ужасных
Во тьму расселин безопасных
Уносит бедную злодей...

Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою...

(ib.).

С последним стихотворением интересно сопоставить известное державинское описание зимы:

С белыми Борей волосами

и т. д.,

отличающееся чрезмерным гиперболизмом.

Такова художественная смелость выражения в стихах Пушкина. Нигде нет ничего вычурного, неестественного, бьющего на внешность. Изображение в них реально-правдиво, полно жизни, движения, грации. Некоторые роды стихотворений, например лирика, по языку своему отличаются даже замечательной простотой, приближающей их к прозе. Вспомним, например, стихотворение более позднего времени (1835 г.), содержащее выражение чувств поэта, посетившего десять лет спустя место своего уединения:

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет, уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни утренних ее дозоров...
А вечером, при завыванье бури,
Ее рассказов, мною затверженных
От малых лет, но никогда не скучных...
Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим и глядел
На озеро...

и. т. д.

Вполне прав был Гоголь, следующими словами охарактеризовавший лирику Пушкина со стороны ее внешней формы: «В лирике Пушкина нет красноречия, а есть одна поэзия; никакого наружного блеска, который раскрывается не вдруг; все лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт». К Пушкину поэтому с полным правом могут быть отнесены стихи, которыми он характеризует Ленского:

Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.

Все рассмотренные качества поэтической речи Пушкина сообщают стиху его приятность, простоту и естественность. Как и самое чувство поэта изливалось просто, естественно и свободно, таково было и внешнее его выражение. Его летучий стих мгновенно схватывал самые живые черты в предмете, умел оттенить всякое, даже мимолетное чувство.

Владея стихом совершенно свободно, Пушкин безразлично относился к разным его размерам. Чаще всего он обращался к четырехстопному ямбу, но это не мешало поэту-художнику выражать в нем самые различные мысли и чувства. В одах, например, у него употребляются важные ямбы, но они же и в разных игривых стихотворениях. Он умел ценить достоинства каждой стихотворной формы и умело приспособляться к ней: везде он чувствовал себя одинаково ловко. Он пишет («Домик в Коломне»):

Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву.
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.
А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием. Пущусь на славу!
Ведь рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.

Так же легко он писал и песенным хореем, и звучно-мелодичным амфибрахием, и «извилистым, проворным, длинным и с жалом даже, точно змея, стихом александрийским». Лишь про гексаметр Пушкин говорит:

... О, с ним я не шучу:
Он мне не в мочь.

Но и на гексаметр он дает истинно-классические образцы. Вот пример «На перевод Илиады»:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

В отношении построения стихов Пушкин достиг поразительной высоты и совершенства — того, что Белинский называет «музыкой и живописью в поэзии». Вот как, например, он выражается по поводу известного стихотворения «Испанский романс»: «В гармонической музыке этих дивных стихов не слышно ли, как переливается эфир, струимый движением ветерка, как плещут серебряные волны бегущего Гвадалквивира?.. Что это: поэзия, живопись, музыка? Или то, и другое, и третье, слившиеся в одно, где картина горит звуками, звуки образуют картину, слова блещут красками, вьются образами, звучат гармонией и выражают разумную речь?»

Рифмы, как поэт и сам сознавал, жили с ним запросто. В стихотворении «К моей чернильнице» он пишет:

Заветный твой кристалл
Хранит огонь небесный;
И под вечер, когда
Перо по книжке бродит,
Без всякого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья,
То звуков или слов
Нежданное стеченье,

То едкой шутки соль,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.

Но не всегда поэт прибегал к рифме. Стремясь придать своему языку, даже поэтическому, побольше простоты, он в последнее время все чаще и чаще обращается к белым, нерифмованным стихам. К этому побуждали его и некоторые чисто художнические соображения. Так, лишь в крайности он допускал наглагольную рифму:

Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу... —
(«Домик в Коломне»)

потому, что вследствие своей легкости эта рифма уж очень дешева и потому бессодержательна, так как захватывает лишь служебную часть слова — окончание. Рифмы не наглагольные не слишком разнообразны в русском языке. «Думаю, — говорит Пушкин («Мысли на дороге»), — что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую». Охлаждение к рифме у Пушкина замечается со времени его пребывания в селе Михайловском. В VI главе «Евгения Онегина», написанной в 1821 г., читаем:

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я, со вздохом признаюсь,
За ней ленивей волочусь.

Таковы заслуги А. С. Пушкина в отношении развития нашего литературного языка. Те стихии этого языка, которые уже совершенно ясно определил Ломоносов, он привел в гармоническое соотношение, дал блестящие образцы прозы и поэзии во всех их родах и видах, вследствие чего русский язык получил возможность выступить во всем своем величии. Невольно припоминается здесь известное место из посвящения грамматики Ломоносова Павлу Петровичу: «Карл V, римский император, говаривал, что ишпанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, италианским с женским полом говорить прилично. Но естьли бы он российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италианского, сверьх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». К такому заключению о силе русского литературного языка Ломоносов пришел больше теоретически; последующие поэты и писатели старались подтвердить это и на практике, но лишь Пушкин вполне доказал справедливость приведенных слов; к сказанному он мог бы еще прибавить необычайную гармоничность и грациозность русского стиха. Пушкин вполне был прав, когда сказал о себе («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824 г.):

В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной.

ЗНАЧЕНИЕ Н. В. ГОГОЛЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА [1]

Исполин наш язык!

Из письма Гоголя к Языкову
10 февраля 1841 г.

Мм. гг!

Сегодня [2] мы празднуем столетие со дня рождения великого и гениального русского художника слова, озиравшего «всю громадно-несущуюся жизнь сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы».

В общественной жизни народа столетие со дня рождения поэта — это целая эпоха, начало и конец которой резко отличаются в разных отношениях. Что сто лет тому назад было вполне жизненно и отвечало интересам и запросам общества, то в настоящее время может оказаться отжившим свой век, мертвым; что тогда не вызывало никаких возражений или, наоборот, стояло под сомнением, как явление новое, неопределенное, к тому в настоящее время можно отнестись критически, о том можно говорить уже совершенно беспристрастно. Сто лет спустя со дня рождения поэта, который более 50-ти лет как умер, можно взглянуть на его деятельность уже с исторической точки зрения.

Деятельность Гоголя во многих отношениях до сих пор не оценена вполне: еще не выяснены, как следует, его литературные заслуги; не сделан полный анализ его сочинений со стороны источников, которыми он так или иначе пользовался; нет всестороннего исследования языка Гоголя, хотя в последнем отношении ко дню 50-летия смерти великого поэта и была сделана одна серьезная попытка [3]. В одном лишь отно-

---

[1] РФВ, т. LXI, 1909, стр. 205—222 (*Ред.*).

[2] Речь, сказанная 20 марта 1909 г. на торжественном заседании Совета Варшавского университета и Общества истории, филологии и права.

[3] Мандельштам. О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка. Гельсингфорс, 1902. Много ценного материала по языку Гоголя можно найти и в работе В. А. Истомина «Главнейшие особенности языка и слога произведений Н. В. Гоголя» (РФВ, XXXVII, печ. отд.).

шении посчастливилось Гоголю: мы имеем достойное имени поэта издание его сочинений, сделанное проф. Н. С. Тихонравовым[4].

В краткой речи, которой я решусь занять ваше благосклонное внимание, не может быть вполне решен ни один из перечисленных мною сейчас вопросов; я попытаюсь только в общих чертах представить заслуги великого писателя в истории русского литературного языка, воспользовавшись главным образом словарными данными, взятыми из его же произведений.

Великий предшественник и отчасти учитель Гоголя А. С. Пушкин окончательно утвердил в нашей литературе художественный реализм: она стала верным отражением русской действительности хотя и одной ее стороны — изящной, эстетической. Гоголь в развитии реализма пошел далее: он выставил на всенародные очи (скажем его словами) всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога. И не только в содержании своих произведений оба поэта являются великими реалистами; стремлением как можно полнее и ближе отразить живую действительность отличается и их язык. Оба они стремятся приблизить его к разговорной речи. Гоголь в этом отношении пошел дальше Пушкина. У последнего речь стихотворная все же преобладает. Гоголь лишь в ранней молодости (18 лет) пытался писать стихами («Ганц Кюхельгартен», сочинение В. Алова), а во все последующее время к этого рода форме поэтических произведений больше не обращался. Пушкин еще был убежден, что

> ...гордый наш язык
> К почтовой прозе не привык;

Гоголь не только сам доказал противное, но своими замечательными прозаическими образцами даже сделал то, что и последующие писатели (Тургенев, Гончаров, Достоевский, Островский, Л. Н. Толстой и др.) почти исключительно обращаются к речи прозаической, находя и в ней достаточно силы для выражения поэтических красот. Тургенев даже ввел особый род произведений — «стихотворения в прозе».

Таким образом Гоголем письменная поэтическая речь даже по внешнему виду была сближена с речью разговорной, так как стихами никто никогда не говорит, и последние являются не вполне подходящей формой при реалистическом изображении жизни.

И не только по внешней форме, но и по самому своему составу и строению речь Гоголя еще более отражает разговорную русскую речь, чем речь его великого учителя. Теперь уже установлено наукой, что

---

[4] Сочинения Н. В. Гоголя. Издание десятое. Томы I—V. М., 1889; тт. VI и VII — текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым и Владимиром Шенроком. М. и С.-Петербург, 1896. Шенроку же принадлежит и лучшее издание переписки Гоголя: «Письма Н. В. Гоголя. В четырех томах». Спб. Издание А. Ф. Маркса. Ниже ссылки делаются именно на эти издания.

все симпатии Пушкина были на стороне народного языка, как живого хранителя русского духа. Он говорил, что разговорный язык простого народа достоин глубочайших исследований: «Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням: они говорят удивительно чистым и правильным языком». Гоголь, получивший воспитание в старосветской помещичьей среде, бывшей в самом тесном общении с простым народом, еще более сознавал важность изучения народного языка и при всяком удобном случае старался это делать. До нас дошли карманные записные книжки Гоголя (изданы в VI т. 10 изд.). Стоит хотя бы бегло просмотреть их, чтобы видеть, как разносторонне Гоголь изучал народную речь. Тут и отдельные народные слова, и подслушанные им разговоры крестьян, и народные пословицы, и термины разных специальностей. Сколько здесь редких слов, даже не вошедших в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля! «Прежде чем примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью», — пишет поэт еще в 1848 г. Плетневу (Шенрок IV, 232). По свидетельству С. Т. Аксакова («История моего знакомства с Гоголем», 185), Гоголь часто читал вслух русские народные песни и нередко приходил в совершенный восторг. В изучении русского языка он видел истинное наслаждение, как об этом он выражается в письме к К. С. Аксакову 1842 г. (Шенрок II, 246): «Перед вами громада — русский язык! Наслаждение глубокое зовет вас, наслаждение погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его...» Очень тонко изучая русскую живую речь, поэт даже следил за ее разновидностями по сословиям. Всем изученным материалом он и пользовался при всяком удобном случае в своих произведениях. Приведу два-три примера. В рубрике «блюда» у него в записной книжке стоит «няня — желудок бараний или другой, начиняется кашей гречневой, мозгом и ножками». Вы помните, мм. гг., то место в «Мертвых Душах», где описывается обед у Собакевича: «Щи, моя душа, сегодня очень хороши», — сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам и состоит из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками. «Эдакой няни, — продолжал он, обратившись к Чичикову, — вы не будете есть в городе: там вам чорт знает что подадут!» Вот как искусно воспользовался своей заметкой поэт. Или там же отмечены выражения, вероятно подслушанные у игроков, — «пароле», «загнуть утку», и к ним с успехом прибегает Гоголь в главе о Ноздреве: «И не просадил бы (пятьдесят рублей)! Ей богу, не просадил бы!... Не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать весь банк». В тех же записных книжках находим разные сведения относительно пород собак, записанные от специалиста, вероятно С. Т. Аксакова, давшие материал для известной сцены при посещении Чичиковым Ноздрева (Гог. III, 70): «Я тебе, Чичиков, покажу отличнейшую пару собак: крепость черных мясов, просто, наводит изумление, щиток — игла!.. Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и густопсовых, и чисто-псовых, всех возможных цветов и мастей: муругих,

черных с подпалинами, полво-пегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих... Тут были все клички, все повелительные наклонения: стреляй, обругай, порхай, пожар, скосырь, черкай, допекай» и т. д. А припомним описание лица повытчика, начальника Чичикова: «Одни только частые рябины и ухабины, истыкавшие их (черты лица), причисляли его (повытчика) к числу тех лиц, на которых, по народному выражению, чорт приходил по ночам молотить горох». Почти то же говорится о лице дочери повытчика. И опять в записной книжке поэта находим выражение: «Чорт по ночам горох молотил на роже». Еще пример: «День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного русского государста» (Гог. III, 8). Подобных примеров употребления народных слов и выражений в произведениях поэта можно бы привести массу.

И не только чисто народные (простонародные) слова и выражения обильно и кстати встречаются в произведениях Гоголя: он и сам создает и употребляет готовые уже выражения в народном духе и окраске. Ему свойствен «самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а вылепливает сразу» (Гог. III, 106). В произведениях Гоголя не найдете почти ни одной страницы, где бы не встретились выражения, которые — скажем его же словами — «вышибаются» из нутра художника совершенно в русском народном духе. Вот несколько таких примеров: у Державина «речь, язык, слог — все скрипит, как телега с невымазанными колесами»; ведьму «мы сегодня с хлопцами ругнули на все бока»; «испуганный жид припустился во все лопатки»; «пошла писать губерния»; «снял нагайку и уже хотел было покропить ею спину бедного Петра»; «всякий, призываемый в барские покои (Плюшкина), обыкновенно отплясывал через весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги..., выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве». Гоголь ясно сознавал, что литературным языком может быть только язык народа, отличающийся постоянною свежестью своих питательных соков; если по каким-либо историческим причинам литературный язык отдалился от народного, то главная цель образцовых писателей сблизить их.

Усиление народного элемента в произведениях Гоголя сказывается еще и в другом — в нередко наблюдаемом особом складе речи, свойственном только народному творчеству. Всем вам известны такие народные выражения, как: *думушку думати*, *чудо чудное*, *шуточки шутить* и т. д., называемые обыкновенно тавтологическими. То же часто и у Гоголя. В «Мертвых душах» читаем: «Дымом дымится под тобою дорога»; в «Ревизоре» один купец, жалуясь на городничего, говорит: «не по поступкам поступает» — так говорит лицо из народа своей речью; но если мы читаем у Гоголя же про поэта эстетической стороны действительности, что «он окурил упоительным куревом людские очи», то это уже будет продукт чистого творчества поэта на

народных основах. Этого способа выражения поэт держатся не только в чисто поэтических произведениях, где он имеет в виду оживить, усилить впечатление, производимое на читателя известным выражением, но и в статьях обычных прозаических [5].

Народная речь очень любит прибегать к сравнениям всякого рода, только бы поэтический образ представился цельнее и рельефнее и прочнее запечатлелся в нашем воображении. Гоголь в своих произведениях, особенно в «Тарасе Бульбе», дал истинные перлы создания в этом роде, находящие для себя соперников разве в «Слове о полку Игореве», причем простые сравнения у него обратились в целые символы. Приведу два-три примера: «Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается, распластанный на одном месте, и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, так Тарасов сын Остап налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею веревку». Или: «Оглянулся он теперь вокруг себя: все новое на Сечи, все перемерли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство... все положили головы, все сгибли... Слышал он только, что был пир сильный, шумный пир; вся перебита в дребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли; расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, и смутный стоит хозяин дома, думая: «лучше бы и не было того пира». Здесь битва сравнивается с пиром, как и в следующем месте древнерусской поэмы: «ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую«. Тот же образ и в народной песне, представляющей прощанье с конем умирающего на войне доброго молодца:

> Ты скажи моей молодой вдове,
> Что женился я на другой жене...
> Нас сосватала сабля вострая,
> Положила спать калена стрела.

Приведенные сравнения и образцы созданы поэтом или самостоятельно, или под влиянием изучения народного творчества. Но произведения Гоголя полны сравнений, возникших уже, несомненно, независимо от народной речи. Таково, например: «Далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую мастер много повергнул дорогого чистого серебра, чтобы далече по городам и селам, палатам и лачугам разносился красный звон, сзывая равно всех на святую молитву».

Особенно часто поэт обращается к сравнениям, когда нужно изобразить внутреннее, душевное состояние. Уступая живописцу в представлении внешних предметов или соперничая с ним, здесь поэт далеко превосходит его, например: «Невозможно выразить, что делается тогда на сердце; тоска такая, как будто бы проигрался или отпустил некстати какую-нибудь глупость».

---

[5] Ср. Мандельштам, 11—13.

Русская народная поэзия замечательна эпитетами всякого рода, обыкновенно отмечающими существенные признаки предметов (*поле чистое*, *груди белые*, *плечи могучие*, *сабля вострая* и т. д.). Эпитеты — принадлежность всякой поэтической речи, начиная хотя бы от поэм Гомера и до сих пор. Но не все поэты одинаково искусно пользуются ими, а еще менее способны к такому удачному созданию и употреблению этого рода слов, чтобы они приближались к народным эпитетам. Гоголь и в этом отношении стоит выше своих предшественников. Припомните для примера в описании сада Плюшкина: снежная белизна, темная пасть, зеленые лапы — листы клена, трепетные вершины осин; или в «Тарасе Бульбе»: «Бандурист... вещий духом скажет про них свое густое, могучее слово». Особенно удаются Гоголю сложные эпитеты, напоминающие гомеровские: зеленокудрые леса, белоголовый старец, седочупринные казаки; «как грянула пушка... четырекратно, потрясши глухоответную землю...» и т. д. Эпитеты последнего рода очень поэтичны у Гоголя; из новейших писателей на одной ступени в этом отношении стоят лишь Тургенев и Л. Н. Толстой.

Можно бы указать у Гоголя и примеры сходства с другими приемами народного творчества, но это слишком утомило бы ваше благосклонное внимание. Я отмечу только один, более редкий случай, — когда определение места, откуда происходит предмет, выражается названием этого места, поставленным в роли сказуемого или приложения. Помните, гг., место, когда капитан Копейкин стал искать себе квартиру в Петербурге: «Поналалкался было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы... ковры — Персия, судырь мой, такая...» Или как он пришел к начальнику в комиссию: «...встащился кое-как с своей деревяшкой в приемную, прижался там в уголку себе, чтобы не толкнуть локтем, можете себе представить, какую-нибудь Америку или Индию — раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую». Эта форма выражения у других писателей мне неизвестна, но она обычно в разговорной речи: *семга Печора*, *семга Двина* и т. д. Таким складом речи прекрасно характеризуется первобытно-простое выражение мыслей у человека, вообще говорящего нескладно. Русский язык, по Гоголю (IV, 212), будучи беспределен, может ежеминутно обогащаться, выбирая меткие выражения из бесчисленных своих наречий, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека.

Говоря о народном элементе в языке Гоголя, нельзя обойти молчанием одного очень важного обстоятельства: Гоголь ведь был малорус, природным языком его был язык малорусский. Как это последнее явление отразилось на языке произведений великого поэта?

При суждении об отражении малорусского происхождения Гоголя на его произведениях обыкновенно придают решающее значение следующему месту из письма поэта к А. О. Смирновой от 24 декабря 1844 г.: «Я сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским,

ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены богом, и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой: явный знак, что они должны пополнить одна другую... чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве. На сочинениях же моих не основывайтесь и не выводите оттуда никаких заключений о мне самом...» Может быть, при суждении о личности Гоголя и о значении этого поэта в истории русской литературы и следует стоять на точке зрения прочитанного письма, но при суждении о языке его произведений мы можем основываться только на показании самих произведений, подтверждая их данными биографическими. Обращаясь к этого рода свидетельствам, мы находим, что, не довольствуясь теми знаниями малорусского языка, какие поэт приобрел в детстве, он, еще будучи в гимназии в Нежине, начинает собирать народные песни[6], а по выходе из гимназии еще энергичнее предается этому делу; побуждает своих родственников доставлять ему всякие народные малорусские произведения — песни, сказки, поверья[7]. Любовь поэта к народным малорусским песням была так велика, что он ставил их выше летописей: «Моя радость, жизнь моя, песни! как я вас люблю! Что̀ все черствые летописи, в которых теперь я роюсь, перед этими звонкими, живыми летописями!..», — говорит он в письме к Максимовичу от 9 ноября 1833 г. (Шенрок, I, 263). Результатом такой собирательской деятельности оказался в руках поэта богатый материал по фольклору, часть которого попала в издание его земляка Максимовича, часть использована поэтом для произведений из народного быта, а остающаяся незначительная доля только теперь издана Г. П. Георгиевским в сборнике «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя» (СПб., 1908, ч. II).

Знание малорусского языка, народных верований и поэзии дает Гоголю обильный материал для содержания его творчества; но не обходится это знакомство без влияния и на язык его произведений. Оно сначала сказывается в обильном пользовании малорусскими словами в повестях и рассказах из малорусского быта, чем придается изображению живость колорита. Приходилось даже прилагать к «Вечерам на хуторе близ Диканьки», а затем и к целому I тому особые словарики малорусских слов в переводе их на русский язык. Естественно, чем раньше вышло произведение из-под пера Гоголя, тем более в нем малорусизмов. Впоследствии поэт многое исправил, придерживаясь общерусской речи. Достаточно сравнить его произведения, сохранившиеся в нескольких редакциях, чтобы убедиться в этом; например, в началь-

---

[6] Уцелела самая старая из записных книг поэта: «Книга всякой всячины, или Подручная Энциклопедия. Составил Н. Г. Нежин. 1826». Тут записано много малорусских слов в отделе «Лексикон малороссийский». Сочинения Тихонравова, II, 2, стр. 198.

[7] В письме к матери 30 апреля 1829 г. (Шенрок, I, 119): «Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и потому я знаю, вы не откажетесь сообщать мне их в нашей переписке».

ной редакции «Сорочинской ярмарки» выражение: «ай да гарна дивчина!» исправляется в позднейшей редакции в «ай да девушка» или «славная девушка». Но все-таки и после исправлений малорусских слов осталось немало. Но не эти малорусские слова нас интересуют. Простонародные слова в изображении народной жизни дело обычное у разных писателей, особенно позднейших, где они явились не без влияния, конечно, Гоголя. Нас интересуют те элементы, которые, благодаря Гоголю, вошли из малорусской речи в русский литературный язык. Их нетрудно отметить, занявшись анализом языка произведений поэта. Но тут прежде всего следует устранить те ошибки, больше в орфографии и синтаксисе, отчасти стилистические, которые допускал Гоголь под влиянием малорусской речи, так как они осуждались и самим поэтом и его современниками и потомками. В 1842 г. поэт, уезжая за границу, вверил первое издание своих сочинений своему школьному товарищу, учителю русского языка Н. Я. Прокоповичу, причем предоставил ему полную свободу в корректуре: «Пожалуйста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников» (Шенрок, II, 197). Еще в 1846 г. Гоголь совершенно откровенно пишет Плетневу: «Я до сих пор, как ни бьюсь, не могу обработать слог и язык свой, первые, необходимые орудия всякого писателя. Они у меня до сих пор в таком неряшестве, как ни у кого даже из дурных писателей...» (Шенрок, III, 275—276). Нечего и говорить, что при начале литературной деятельности Гоголя язык его казался еще хуже. В заметках Пушкина 1830—1831 гг. читаем: «Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах пять грамматических ошибок (и справедливо); я всегда был им искренне благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже, и почти так, как пишет Гоголь». Большинство этих неправильностей объясняется, как сказано, малорусским влиянием. Недостаток времени не позволяет нам приводить примеры, но их можно было бы дать массу, особенно из писем (ср. заявление в письме к Плетневу от 25 августа 1846 г.; Шенрок, III, 106) и ранних произведений поэта. Но некоторые из малорусизмов Гоголя привились литературной русской речи и получили в ней права гражданства. Таково, например, местоимение *оно* (малор. *воно*) в начале известных предложений, особенно где по-немецки es в роли логического подлежащего: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать», — говорит городничий; или: «Оно чем больше ломки, тем более означает деятельность городничего»; «Хоть оно и возьмет, но зато уж никак тебя не выдаст» и т. д. То же после встречаем, например, у Гончарова: «Оно, правда, совестно немного обыгрывать старух» («Обрыв»); есть и у Достоевского подобные обороты. После Гоголя упрочились и особые образования вида совершенного глагола с приставкой *по*, причем глагольная форма вида несовершенного и даже многократного: «свиньи повлезали в окна»; «все пораспивалось, и осталась бедность»; «захрапел так, что воробьи, которые забрались было на баштан, поподымались с перепугу на

воздух» и т. д.[8] Влиянием малорусской речи объясняется и нередкое у Гоголя «не можно». Если мы читаем у Пушкина: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», то такой оборот вызван требованием стиха; но в прозаической речи Гоголя — это провинциализм: «Нет, Холява, не можно»; «Иногда что-нибудь хочется сделать — почитать», говорит Хлестаков, «не можно, потому что вовсе темно», только в последней редакции «Ревизора» здесь «не могу». Можно бы отметить и некоторые другие малорусские слова и обороты, встречающиеся у Гоголя и отчасти зашедшие к другим писателям, но их все-таки немного.

Другое дело самый способ выражения. Когда нужно представить нежность и глубину чувства, задушевность или юмористически осветить предмет, тогда Гоголь дает как бы перевод с малорусского на литературную речь, мысля и чувствуя на своем природном языке, и наоборот — когда ему нужно дать пластическое описание природы, развить какую-нибудь философскую мысль, коснуться вообще важного предмета, тогда он выражается исключительно по-русски, притом так, что его речь не может быть даже передана по-малорусски. Приведу два примера: «Страшно глядела она (пушка) широкою пастью, и тысяча смертей глядело оттуда. И как грянула она... много нанесла она горя! Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси; не одна останется вдова в Глухове... Будет сердечная выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех...» Как не видеть здесь той же картины, что и в следующей малорусской песне[9]

> У Глуховѣ̂, у городѣ̂ стрѣ̂льнули з гарматы;
> Не по однôм казаченьку заплакала мати!..
> То вона (вдова) от сна прочинала,
> На базар выхожала...
> Старого казака и молодого о своêм сынѣ̂ пытала...

А попробуйте перевести на малорусский язык начало VII главы «Мертвых душ», где изображается различие двух писателей, завидный жребий одного и тяжелый другого!

В целях юмористического изображения предметов и состояний Гоголь нередко изобретает особые слова или же переделывает существующие, притом так, что они разнообразятся по лицам, их употребляющим, и по положениям, какие занимают герои. Например, иными словами выражают нежности жены высшего общества, называя своих мужей: *кики*, *жужу*, *толстунчик*, *кубышка*; иначе Чичиков дает нежное название самому себе: *мордаш*, *каплунчик*; иногда рода нежные слова у Селифана: *панталонник немецкий* и т. п.

---

[8] Правда, и Гоголь к таким образованиям относился с осторожностью. В письме к Максимовичу от 20 апреля 1834 г. (Шенрок, I, 291) он пишет: «*Постреляли* не русское слово, оно не по-русски спрягнулося и скомпоновалося».

[9] Сочинения Гоголя, изд. 10, I, 653—654.

Гоголь решил бесповоротно еще один вопрос литературного языка: какою речью предпочтительнее следует писать — периодической или отрывистой. Пушкин предпочитал речь отрывистую; у Гоголя та и другая речь представлена в прекрасных образцах, причем употребление быстрой отрывистой речи и плавных изящных периодов зависит от изображаемых предметов. В характеристиках, которые отличаются точностью и подробностями, свойственными гомеровским поэмам, преобладают периоды; в описаниях и лирических отступлениях речь краткая, хотя возможны здесь и периоды. Речь драматических произведений вполне разговорная, неподражаемая по своей простоте, живописи и полному соответствию характерам и положению тех лиц, которые выводятся на сцену.

Давши в литературном языке исключительный перевес народной речи, Гоголь естественно должен был устраняться от того, что ей противоречило, т. е. от церковнославянских выражений и от слов иностранных. Это априорное соображение подтверждается и фактами, взятыми из произведений нашего писателя.

Уже Пушкин, указав надлежащее место для основных стихий, из которых слагалась литературная речь предшествовавшего ему времени, для церковнославянского элемента отводил незначительное место в стихотворных произведениях, когда этого требовал общий тон данной пьесы («Пророк»), колорит времени (речь патриарха в «Борисе Годунове» и под.), а также особенно часто, когда это нужно было для стиха. Проза Пушкина почти совершенно свободна от церковнославянской стихии. Гоголь, писавший прозой, вполне следует заветам Пушкина: у него совершенно нет славянизмов, нет даже там, где они были бы у места, например, в повестях, в которых выводится дьяк («Вечер накануне Ивана Купала», «Ночь перед Рождеством») или бурсаки (в повести «Вий»). Тут только один раз проговорился дьяк на языке, напоминающем церковнославянский: «Д р а ж а й ш а я[10] Солоха». Кое-где встречаются славянизмы в «Сорочинской ярмарке» в речи поповича, например, когда он успокаивает поджидавшую его сожительницу Черевика словами: «ничего (не случилось), ... выключая только у я з в л е н и я со стороны крапивы, с е г о з м и е п о д о б н о г о з л а к а, по выражению покойного отца-протопопа» (Гог. I, 20); там же еще: «воистину», «жаждет». Такое решительное уклонение от церковнославянского языка, при общем стремлении писателя и в речи выдерживать местные особенности, вероятно, следует отчасти приписать малому знакомству Гоголя с этим языком в молодости. Впоследствии, в эпоху «Переписки с друзьями» и мистицизма, и Гоголь начинает обращаться к церковнославянским словам и к выражениям, построенным в духе церковнославянских; но его проза этого времени уже обнаруживает упадок таланта писателя. В произведениях последнего рода обычны выражения: «в о з ы м е т ь такую любовь во всей силе никто не в о з м о ж е т»; «часто мы

[10] Впрочем, и это слово, быть может, не представлялось Гоголю церковнославянским, по крайней мере в своих письмах он всегда называет своих родителей «дражайшими» (Шенрок, I).

должны бы просить не об отвращении от нас несчастий, но о прозрении, о проразумении тайного их смысла...»; «заключенный в них лиризм... живое отторгновение от самого тела души — потряс их... и глас божий слышится в ее восторгновении» и т. д.[11]. Здесь ясно влияние чтения свято-отеческих творений и вообще богословских произведений.

Желая побольше сблизить свою речь с народной, Гоголь избегает и иностранных слов, находя, что они с успехом могут быть заменены русскими. И замечательно, в первых своих произведениях, когда поэт еще плохо знал иностранные языки, он изредка употреблял иностранные слова; в более позднее время, когда он значительно усовершенствовался в новых языках, при переделке своих прежних работ решительно выбрасывает заимствованные слова, заменяя их русскими. Например, в ранней редакции «Тараса Бульбы» читаем: «Нужно было иметь флегматическую наружность запорожца», в измененной редакции: «хладнокровную»; в ранней редакции «Мертвых душ»: «Чичиков... озадаченный такою отчасти резкой характеристикой», в последней редакции: «таким резким определением». При переделках своих произведений Гоголь иногда даже совершенно опускал иностранные слова, если нельзя было заменить их русскими, а смысл места заметно не нарушался, например: «Молодые сгорали нетерпением и в числе их были Остап и Андрий... исполненные отваги... жадные узнать новые эволюции и вариации войны»; в позднейшей редакции последние слова опущены; не находим в ней и следующих затем слов: «Он теперь уже казался чем-то атлетическим, колоссальным». Таким образом, поэт сознательно старается внести русские слова, очистить свою речь от всего лишнего, ненужного.

Иностранные слова он употребляет теперь больше преднамеренно, с целью вызвать известное настроение — осмеять лиц, употребляющих их, вызвать отвращение к заимствованным словам, портящим русскую речь. Приведем примеры употребления иностранных слов с указанною целью: «Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей дочери» («Ревизор»); «Ах, какой пассаж!» (ib.); «Две дамы, большие приятельницы... пересорились, именно за то, что одна из них как-то манкировала контр-визитом» (Гог. IV, 157); Ноздрев просит Чичикова: «...позволь, душа, я тебе влеплю один безе»; «Не могу понять, как Чичиков... мог решиться на такой отважный пассаж; скандальозу наделал ужасного», — говорит про Чичикова дама приятная во всех отношениях; «вся деревня сбежалась, ребенки плачут, все кричит, никто никого не понимает, — ну, просто, оррёр, оррёр, оррёр!» Впрочем, и в таком употреблении иностранные слова встречаются не часто. Поэт даже счел нужным оговориться по поводу беседы двух дам, распространявших про Чичикова сплетни, «сконапель истоар»: «Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские

---

[11] Ср. Мандельштам, 229—231.

фразы. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне; но при всем том никак не решается внести фразу какого бы то ни было чуждого языка в сию русскую поэму» (Гог. III, 182). Сколько иронии в последних словах! В другом месте (Гог. III, 157) Гоголь так характеризует разговор губернских дам: они отличались необыкновенной осторожностью и приличием в словах и выражениях. «Чтобы еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку; зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче упомянутых». Не могу не привести еще одного очень типичного места для суждения о взгляде Гоголя на причины пристрастья русских к иностранным словам. Придя в восторг от женского пола, Чичиков выразил свое душевное состояние в фразе: «Нет, просто, не приберешь слова: галантёрная половина человеческого рода!..» По этому поводу поэт замечает: «Виноват! Кажется, из уст нашего героя излетело словцо, подмеченное на улице. Что делать? Таково на Руси положение писателя! Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели и, прежде всего, читатели высшего общества[12]: от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений, — по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичью» (Гог. III, 163).

Тонко, хотя и осторожно осуждая иностранную речь в устах нашего высшего общества, Гоголь не оставляет без внимания и случаев употребления иностранных слов со стороны лиц, подхватывающих их на лету, без всякого понимания, старающихся порисоваться ими. Припомните, мм. гг., то место в последней главе II тома «Мертвых душ», где приказчик ищет для Чичикова сукна с искрой оливкового, или бутылочного, приближающегося, так сказать, к бруснике цвета. Когда приказчик залез уже слишком высоко, то «негоциант» кричит на него: «Что ты вечно выше своей сферы, точно пролетарий какой!» (Гог. IV, 379). Очевидно, красноречивый гостинодворец производил это слово от *пролетать*.

Из всего сказанного можно видеть, как высоко ценил Гоголь чисто русскую речь и как психологически тонко понимал ее. Сила русского литературного языка в тех основных соках, которые его питают, — в русской народной речи. Отсюда и замечательная меткость русского

---

[12] Ср. еще в IV т. стр. 211—212, конец статьи: «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «... язык, который... на время позабыт нашим лучшим обществом: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземных наречиях всю дрянь, какая ни пристала к нам с чужеземным образованием...»

слова: «Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище... ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица...» (Гог. III, 106).

Там же основным источником и происхождением объясняется и мировое значение русского языка и определяется место его слова: «Всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души... своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познаньем жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово» (Гог. III, 106).

ЗНАЧЕНИЕ М. В. ЛОМОНОСОВА В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА[1]

Языка нашего небесна красота...

Ломоносов. Соч., изд. Сухомлин. II, XXV

Великий знаток русского слова, довершивший его преобразование, знаменитый наш поэт А. С. Пушкин несколько раз касается заслуг Ломоносова перед русской наукой и русским обществом. «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, — говорит он, — Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец он все испытал и все проник... Первый... открывает нам истинные источники нашего поэтического языка... Слог его ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным»[2]. В другом месте он выражается еще решительнее: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет; он, лучше сказать, сам был первым университетом»[3].

Это общее заключение о значении Ломоносова, сделанное установителем национальных основ нашей словесности и языка, развито было в подробностях представителями науки и историками общественной жизни в ученых исследованиях и речах, явившихся главным образом к столетнему юбилею со дня смерти Ломоносова (1865 г.). В настоящее время все признают гениальность личности родоначальника русской науки и разносторонность его познаний и деятельности, чего впрочем

---

[1] Речь, произнесенная 13 ноября 1911 г. в торжественном собрании Варшавского университета совместно с членами советов Политехнического института и Высших женских курсов, с Обществом истории, филологии и права, Обществом естествоиспытателей и с Обществом ревнителей технических и физико-математических знаний. — РФВ, т. LXVII, 1912, стр. 65—80 (*Ред.*).

[2] «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова».

[3] «Мысли на дороге».

не отрицали и его лучшие современники, даже его враги. Припомним отзыв о Ломоносове Авг. Шлёцера: «Ломоносов был действительно гений, который мог сделать честь всему северному полюсу и Ледовитому морю и дать новое доказательство тому, что гений не зависит от долготы и широты» (Сб. 2 отд. ИАН XIII, 199—200). Нам остается только подчеркнуть эти заслуги и отметить, что при дальнейшем развитии любимых Ломоносовым наук, в каком они находятся теперь, когда уже прошло 200 лет со дня рождения великого насадителя их, эти заслуги еще ярче выступают[4] и следствия его трудов приносят новые плоды.

Однако и в кратких словах представить все заслуги Ломоносова одному лицу невозможно: для это нужно быть таким же разносторонним и гениальным ученым, каким был он. При теперешней специализации университетского образования заслуги Ломоносова могут быть очерчены только несколькими лицами[5].

На нашу долю выпала честь говорить о значении Ломоносова в развитии русского литературного языка, главного орудия движения зарождавшейся науки, развивавшейся общественной жизни и словесного искусства.

Вспомним, каким был русский литературный язык до Ломоносова. Первая письменность на Руси явилась вместе с принятием христианства в X в. Так как языком богослужебных книг был язык церковнославянский, зашедший к нам от болгар, то естественно, что он и лег в основу русского литературного языка. Однако же, как ни велика была близость этого языка к русскому народному того времени, все же многое в нем казалось не достаточно понятным для русских; поэтому первые русские авторы, хотя бы и произведений религиозного содержания, а также переводчики и переписчики разных книг, часто незаметно для себя, а иногда и преднамеренно вносили особенности живой русской речи в литературный язык и письмо. Число этих последних черт со временем увеличивается все больше и больше, впрочем не в такой степени, чтобы совершенно заслонить церковнославянскую основу. В произведениях чисто светского характера — юридических документах, летописях, особенно где передавались народные сказания, и некоторых литературных произведениях, как известное «Слово о полку Игореве», — решительно начинает преобладать народный элемент. К XIV в. на народной основе уже выработался довольно сильный, с своеобразными русскими особенностями, литературный язык.

Но в то же время над древней Русью стряслось сильное несчастье, выразившееся в татарском нашествии. Видя в монгольском иге божью

---

[4] Ср. речи Б. Н. Меншуткина «Ломоносов как естествоиспытатель». СПб., 1911; П. И. Вальдена «Ломоносов как химик». СПб., 1911.

[5] Кроме данной речи, в торжественном заседании Варшавского университета посвящены были Ломоносову еще следующие очень содержательные речи: И. И. Замотина «Две стихии в литературной и общественной деятельности М. В. Ломоносова»; В. П. Амалицкого «Значение трудов М. В. Ломоносова по минералогии, геологии и горному делу»; В. В. Курилова «М. В. Ломоносов как физико-химик».

кару за грехи, лучшие люди того времени целыми массами устремились в монастыри; здесь среди других аскетических упражнений они с большим усердием принялись за чтение старинных, больше югославянских духовных произведений и за подражание им. Следствием этого было то, что литературный язык древнерусской письменности был оторван от слишком близкого общения с народной средой и вместо простых оборотов народной речи привил себе пышную византийскую витиеватость, а своим формам сообщил подчас ложную архаичность. Таким образом русским литературным языком сделался церковнославянский язык русского извода.

Мы не должны удивляться этому обстоятельству. В старину на книгу и ее язык смотрели далеко не так, как смотрим мы теперь, и относились к ним с бо́льшим уважением, чем мы теперь. Разница между языком разговорным и книжным была обязательной. В этом случае наши предки не отставали от своих учителей, греков IX—XI в., которые, как литературным, пользовались тем языком, которым говорили Аристотель и Плутарх. Изящные слова Иоанна Златоуста также были не вполне понятны простому народу, как и наши славяно-русские произведения Кирилла Туровского.

Таким оставался русский литературный язык до XVII в. Присоединение Малороссии к Москве усилило общение юго-западной образованности с северно-восточной; киевские ученые появились в Москве, и конечно, не могли не оставить следов своего юго-западного языка и на литературном языке Московского государства, введя в него несколько малорусских, польских и особенно латинских и немецких слов. Иностранные слова, проникавшие в русский литературный язык уже с первыми переводами книг Св. писания (с греческого), а также с первыми князьями и их дружиной, при Петре Великом, когда Россия лицом к лицу столкнулась с западным просвещением, полились в него обильным потоком. Тогда стали заимствовать не только необходимые слова для обозначения предметов, не имеющих в русском языке соответствующих названий, но начали употреблять иностранные слова без всякого разбора и нужды.

Лучшие люди того времени ясно видели непригодность такого литературного языка для всей массы грамотных людей; всюду чувствовалась необходимость приблизить его к разговорной речи, только не всегда ясно представляли, как это сделать. Так, Петр I настойчиво рекомендовал переводить и писать литературные произведения на таком русском языке, какой употреблялся в посольском приказе. В нем преобладали народные элементы, но он был мало обработан со стороны синтаксиса и слаб в словарном отношении, вследствие чего в него попадало много иностранных слов. Один из первых пионеров западноевропейского просвещения в России, неудачный поэт, но выдающийся ученый В. К. Тредьяковский, получивший высшее словесное образование в Париже на изящных французских образцах, уже первое свое произведение, перевод с французского «Езда на остров любви» (1730 г.), пишет простым русским языком. «На меня, прошу вас покорно, — об-

ращается он к читателю, — не извольте прогневаться, что я оную (книгу) не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собою говорим». Это он сделал, между прочим, потому, что «язык словенский в нынешнем веке у нас очень темен, и многие его наши читая не разумеют; . . . язык славенский ныне жесток моим ушам слышится, хоть прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми». Тот же Тредьяковский несколько позже (1751 г.) решился, хотя и с извинениями, привести несколько стихов из народных песен для того, чтобы извлечь из них правила русского стихосложения. Но за эти попытки на Тредьяковского посыпались упреки, и он постепенно оставляет прежнюю свою решимость писать обыкновенным разговорным языком. Нормой литературной речи теперь он склонен признать язык двора, благоразумнейших министров и премудрейших священноначальников и знатнейшего дворянства, следуя в этом случае примеру современных ему французов, признававших язык Версаля нормою французского языка [6]. Но язык двора, знатнейшего дворянства и министров публике был малоизвестен, а среди духовенства преобладал церковнославянский язык. Естественно отсюда было у того же неустойчивого Тредьяковского встретить утверждение, что

> «. . . писать у нас слывет — иное,
> А просто говорить по-дружески — другое»;

что образцом письменной речи являются священные книги с своим церковнославянским языком:

> «Не *голос* чтется там, но сладостнейший *глас*;
> Читают *око* все, хоть говорят все *глаз*;
> Не лоб там, но *чело*; не *щеки*, но *ланиты*;
> Не *губы* и не *рот*, *уста* там багряниты;
> Не *нынь* там и не *вал*, но *ныне* и *волна;*
> Священна книга вся сих нежностей полна» [7].

Современник Тредьяковского А. Д. Кантемир, получивший по тогдашнему времени довольно солидное образование, старался писать свои сатиры также обыкновенным разговорным русским языком. Но он, как иностранец по происхождению, не мог настоящим образом постигнуть духа русского языка: рядом с очень меткими и сильными выражениями у него встречаются слишком грубые и вульгарные слова, например в 1-й сатире:

«Румяный, *трожды рыгнув*, Лука подпевает. . .» Немало у него и полонизмов.

При такой неустойчивости и неясности взглядов на состав литераратурной русской речи даже со стороны лучших ее знатоков письменный язык не мог развиваться нормально. Ясно сознавалась необходимость решительной реформы, которая поставила бы русскую речь

---

[6] А. С. Будилович. Об ученой деятельности Ломоносова. ЖМНП, 1869 г., ч. 145, стр. 78.

[7] Сочинения Ломоносова, изд. Сухомлин. II, прилож. 138.

в русло естественной эволюции. Эта реформа и сделана была Ломоносовым. Он определил словарный состав русского литературного языка, установил его грамматические формы и своими многочисленными произведениями во всех, можно сказать, родах прозы и поэзии доказал жизненность произведенной реформы. Дальнейшим писателям осталось лишь охранять ее от уклонений в стороны с намеченного пути, довершать и совершенствовать.

«Ломоносов был чистый натуралист в истории и языке», — говорит Август Шлёцер в виде упрека о филологической деятельности преобразователя русского слова. Но что тогда считалось недостатком, то в настоящее время является большим достоинством филолога, применяющего в исследовании языка методы естественных наук. Ломоносов в своей реформе языка на самом деле поступал, как истинный натуралист; он шел путем аналитическим: собирал и изучал факты, распределял их по группам, делал выводы из каждой группы и всех их вместе и тогда только устанавливал правила употребления тех или других форм или слов. О глубоком знании Ломоносовым составных стихий тогдашнего русского литературного языка и живого народного можно судить на основании его произведений, а также свидетельств о познании его по этим предметам. Сам он говорил, что «с малолетства спознал общий российский, и славянский языки, а достигши совершенного возраста, с прилежанием прочел почти все древним славяно-моравским языком сочиненные и в церкви употребительные книги. Сверх того довольно знает все провинциальные диалекты здешней империи, также слова, употребляемые при дворе, между духовенством и между простым народом»[8]. Церковнославянского языка он не смешивает с древнерусским, что нередко можно было слышать даже в XIX в. Так он про Шлёцера, например, говорит: «Он по истине не знает, сколько речи, в российских летописях находящиеся, разнятся от древнеморавского языка, на который переведено прежде Св. писание»[9]. Имея такое ясное представление об основных элементах тогдашнего литературного языка и в то же время обладая в достаточной степени чувством изящного (чего был лишен его современник Тредьяковский), Ломоносов в известном своем произведении «О пользе книг церковных в российском языке» указывает каждой стихии, вошедшей в русский литературный язык, определенное место. При этом он еще не порывает окончательно связи с тогдашними литературными вкусами и с несколько надменным отношением общества к простому народу, вследствие чего, значительно ограничивая церковнославянский элемент в разных родах произведений в пользу живого русского языка, народной речи он все же пока не решается дать слишком широкого распространения. Дело в том, что в школьных риториках того времени, употреблявшихся в южной и северной России, составленных в подражание иностранным, особенно польским, существовало учение о трех стилях, имевшее для

---

[8] Будилович, о. с. 71.
[9] Ibid., 80.

себя некоторое основание и в античной древности. У классических грамматиков слог различался по стилям, имея в виду разную цель словесных произведений (научать, трогать или услаждать: docere, movere, delectare); но уже у западных школьных теоретиков XVI в. встречаем учение «de tribus dicendi characteribus: sublimi, infimo et medio», то же находим и в риториках Киевской школы и в учебниках, по которым учился Ломоносов в Московской духовной школе; тут разные стили уже имеют в виду различие изображаемых предметов[10]. Применительно к этим стилям Ломоносов и распределяет словарный и отчасти грамматический материал русского языка. Важную роль играет здесь та или другая примесь или отсутствие церковнославянского языка.

Прежде всего из всех стилей он устраняет неупотребительные и весьма обветшалые слова, как *обаваю*, *рясны*, *свѣнѣ* и под. В высокий стиль он помещает слова, общие церковнославянскому и русскому языкам, и понятные русским, церковнославянские слова. «Сим штилем составляться должны, — говорит он, — героические поэмы, оды, праздничные речи о важных материях... Сим штилем преимуществует российский язык пред многими европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных». Средний стиль состоит из слов русских, куда в очень незначительном количестве можно принять некоторые церковнославянские слова, «однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым»; в нем можно употребить и некоторые низкие слова, однако не вульгарные. «Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные, дружеские письма, сатиры, еклоги и елегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных». Низкий стиль совершенно не принимает церковнославянских слов. В него допускаются и простонародные слова по рассмотрению. Этим стилем пишутся комедии, увеселительные эпиграммы, песни, дружеские письма, описание обыкновенных дел.

Что касается иностранных слов, то, называя их «дикими и странными сло́ва нелепостями», Ломоносов советует их избегать и, когда нет соответствующего русского слова, заменять их заимствованиями из богатого словесного состава церковнославянского языка.

Из сказанного можно видеть, что Ломоносов придает большое значение церковнославянскому языку в отношении распределения русского языка на стили и устранения из него иностранных слов. Благодаря знакомству с церковнославянским языком, по Ломоносову, более тесно связываются разные русские наречия и становится возможным понимание языка родственных с нами по религии славянских племен,

---

[10] А. П. Кадлубовский. Об источниках Ломоносовского учения в трех стилях. Харьков, 1905. Из «Сборника статей в честь М. С. Дринова».

а также произведений на древнерусском языке. Наконец, знакомство с церковнославянским языком помогает изучить русскую орфографию, например, правильное употребление *ѣ* и *о*.

Однако из всего сказанного ясно, что церковнославянский язык в образовании русского литературного, по взгляду Ломоносова, может иметь только вспомогательное значение. Главной основой литературной речи все же остается разговорный язык, народный: он входит во все стили, в первом и втором преобладает, а в третьем исключительно господствует. Основатель нашего нового литературного языка не мог удовольствоваться одним только русским языком, так как словарный состав его был еще не достаточно полон: в нем не было, например, слов для отвлеченной терминологии, да и решительно невозможно было сразу порвать связь с прежней письменностью, тем более, что в числе выдающихся тогдашних писателей и ораторов было много лиц духовных. Можно было надеяться, что последующие поколения еще больше ограничат славянизмы и не станут рабски следовать трем стилям, пример чему подавал в своих стихотворениях и сам Ломоносов. Он не виноват, что действительность часто не оправдывала его ожиданий и что славянизмы дожили даже до Пушкина, а высший стиль и до сих пор проглядывает в некоторых официальных документах (манифесты) и в достаточной мере живет в духовном красноречии.

Упорядочением словарного состава литературного языка филологическая деятельность Ломоносова не ограничилась: он привел в систему и формы русского языка еще более рельефно, чем в словаре, отделив их от церковнославянских. Он дал нам первую грамматику русского языка и установил существующую до сих пор грамматическую терминологию.

До Ломоносова у нас были только церковнославянские грамматики Л. Зизания (Вильно, 1596 г.) и М. Смотрицкого (Евье, 1619 г.), построенные по образцу школьных греческих руководств[11], не имеющие никакого отношения к русскому языку. Правда, при изданном Академией наук лексиконе Вейсмана (Weisman's Teutsch—Lateinisches und Russisches Lexicon, S.-Pb., 1731) была помещена краткая грамматика на немецком языке, составленная студентом Адодуровым, по отзыву Ломоносова, «весьма несовершенная и во многих местах неисправная»; так что чувствовалась крайняя необходимость в русской грамматике[12]. Уже в начале XVIII в. известный писатель из народа Посошков, рассуждая о мерах к распространению образования, говорит: «Его императорскому величеству надлежит постаратися о грамматике, чтобы

---

[11] О других грамматических трудах того времени (Кграмматыка словенска языка з газофилакии славного града Острога... Вильно, 1586 и ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ) ср. С. К. Булича «Очерк истории языкознания в России», СПб., 1904, 150, 170—180. Сюда же принадлежит работа М. Возняка «Граматика Лаврентія Зизанїя з 1596 р.». У Львові 1911 (= Зап. Н. Тов. ім. Шевченка CI—CII).

[12] «Grammatica Russica» Генр. Вильгельма Лудольфа в Оксфорде 1696 г. Ломоносову, конечно, не была известна.

принудить ее выправить добрым расположением и самым добрым истолкованием, и тако дробно разобрать, чтобы всякие скрытности ясно откровенны были и чтобы и без учителя можно познать всякие падежи и склонения...» Но особенно ясно сознавал нужду в исправной грамматике основатель русской науки и установитель литературного языка. Он говорит (в предисловии к грамматике): «Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем... Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, сомнительна юриспруденция без грамматики».

Желая «показать Россиянам хотя некоторый пример ко всем ему знаемым наукам», Ломоносов еще с конца 40-х годов XVIII в. начал собирать материал для грамматики. Но лишь к 1755 г. она была готова, а из печати вышла только в 1757 г. На свой труд Ломоносов смотрит очень скромно: «сию грамматику не выдаю я за полную, но только опыт». Вся книга состоит из 6 наставлений. Первое представляет общее введение в грамматику, так как, по мнению Ломоносова, грамматика распадается «на общую и особливую». «Общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком, по лутчему рассудительному его употреблению (§ 86 Грам.)». В первом отделе говорится о происхождении и значении частей речи, которые разделяются на главные и служебные. В следующих пяти отделах говорится о звуках, формах, синтаксисе и орфографии русского языка.

Не место здесь подробно рассматривать этот замечательный труд, которым, по словам Я. К. Грота (Фил. разыскания, II³, 68), русские вправе гордиться, так как эта грамматика не только выдерживает сравнение с однородными трудами XVIII в. у других народов, давно опередивших Россию на поприще науки, но и обнаруживает в авторе удивительное понимание начал языковедения. Мы здесь укажем только главнейшие ее свойства.

Как и в рассуждении о трех стилях, Ломоносов строго разделяет формы церковнославянские от русских. «Славянский язык от великороссийского, — говорит он, — ничем столько не разнится, как окончаниями речений: ... по-славянски: *сыновѡмъ*, *рѹцѣ*, *пїхомъ* и т. д., по-великороссийски: *сыновьям*, *руки*, *пили*» и т. д.[13] Говоря в грамматике (§§ 342, 343) о причастиях на *-щїй* и *-емый* (*пишущий*, *пишемый*), он замечает, что такие образования возможны только от глаголов, общих русскому и церковнославянскому языкам. «Весьма не надлежит производить причастий от тех глаголов, которые... только в простых разговорах употребительны, ибо причастия имеют в себе некоторую

---

[13] Будилович, о. с. 80.

высокость, и для того очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов»; в простых разговорах их нужно выражать описательно с местоимением *который*. Таким образом, церковнославянские формы различаются и по существу, и по употреблению.

В основу русской грамматики Ломоносов кладет живую русскую речь, причем предпочтение отдается московскому наречию «не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты» (№ 115). В настоящее время, когда изучение русской диалектологии оказалось на значительной высоте, вполне ясно, почему северный великорус Ломоносов отдал предпочтение московской речи: она имеет в своей основе особенности северновеликорусских говоров, и только аканье зашло в нее из южных говоров, но «выговор буквы *о* без ударения, как *а*, по Ломоносову, много приятнее», так как не заставляет «строить губы кувшином», как выражается Даль. Глубокое знание тогдашних русских говоров заметно повсюду, особенно когда идет речь о правописании, об употреблении тех или других гласных или согласных.

Мы уже говорили, что, по взгляду Ломоносова, русская «грамматика есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по *лутчему, рассудительному его употреблению*». Но что же было для него основанием правильности той или другой формы или оборота? — Исключительно внутреннее, непосредственное чутье языка, так глубоко знакомого ему с детства. Вместо доказательств он обыкновенно заявляет: «весьма дики и слуху несносны» (причастия: *трогаемый*, *качаемый*, *мараемый*, § 444), «странно и дико сие кажется» (писать: *исбыток*, *возкресение* и под., § 127) и под. Но если т е п е р ь рассмотреть осуждаемые им формы, то и с точки зрения строгого языковедения они окажутся также недопустимыми. Можно указать лишь редкие случаи, когда непосредственное чутье и рассудительное употребление изменяли Ломоносову, и он не решался высказаться вполне определенно; так, говоря об окончании прилагательных во мн. ч. *е* и *я*, он замечает, что это различие «в родах имен прилагательных никакова разделения чувствительно не производит, ... хотя мне и кажется, что *е* приличнее в мужских, а *я* в женских и средних» (§ 116).

Каждую грамматическую форму Ломоносов принимает как существующий факт, который нужно объяснить и подвести в систему, но нельзя изменить по требованиям теории или каких-нибудь анологий; тем менее можно выдумывать новые слова и формы, как это, например, делал, в угоду греческой грамматике, в своей книге М. Смотрицкий.

Особенно ярко сказываются рассудительность и остроумие Ломоносова в главе о правописании. Его орфография, в общем сходная с нашей современной, занимает середину между этимологическим и фонетическим письмом. Он находил, что одних теоретических доводов недостаточно, а нужно следовать и принятому употреблению. Делая значительные уступки выговору, он, однако, не мог допустить вполне фонетического письма, имея, между прочим, в виду разнообразие рус-

ских наречий, для чего удержано им ѣ и устранено аканье, хотя он и находит, что

> Великая Москва в языке толь нежна,
> Что *а* произносить за *о* велит она.
> (Соч. Ломон., ред. Сухомл. II, XXV)

Как допускающие много произвола, при отсутствии одного начала, вопросы правописания вызвали в то время немало обсуждений и словесных, и в печати; появились даже стихотворения, посвященные орфографическим вопросам. Ломоносов принимал деятельное участие в этих спорах и для доказательства обращался даже к музыкальным соображениям. Например:

> Искусные певцы всегда в напевах тщатся,
> Дабы на букве *а* всех доле остояться,
> На *е* и *о* притом умеренность иметь.
> Чрез *у* и через *и* с поспешностью лететь (Ib.)

Не вдаваясь в дальнейший разбор разных подробностей грамматики Ломоносова, скажем лишь словами Ф. И. Буслаева, что «эти подробности, впервые собранные из уст народа с необыкновенной проницательностью, ученою и артистическою тонкостью художника, и впервые искусно приведенные в стройную систему, составляют самое существенное достоинство этой книги»[14]. Внимательный разбор содержания и построения книги Ломоносова приводит к заключению акад. Я. К. Грота, «что труд его есть вполне самостоятельный и зрело обдуманный плод внимательного изучения. Грамматика Ломоносова оригинальна и по своему расположению и по самой разработке законов языка» (Фил. разыскания, II³, 65).

Нечего и говорить, что свои теоретические положения, выраженные в рассуждении о пользе книг церковных и в грамматике, Ломоносов подтвердил на практике многочисленными своими трудами в прозе и поэзии. Он допускал отступления лишь в пользу употребления народного языка вместо церковнославянского, но в этом случае он следовал указаниям своего непосредственного чутья художника слова. Он ясно видел, что намеченный им на народной основе путь развития русского литературного языка в словаре и в формах приведет к блестящим результатам. В посвящении своей грамматики Павлу Петровичу Ломоносов подчеркивает следующие достоинства русского языка: «Карл пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятельми, италианским с женским полом говорить прилично. Но естьли бы он российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италианского, сверьх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка». В этой своей характеристике

---

[14] Буслаев. Ломоносов как грамматик, стр. 71—74.

русского языка Ломоносов отчасти поступает так же, как и в хвалебных одах Елизавете, где выставляет такие черты ее царствования, которые желательно было видеть в действительности.

Предчувствия Ломоносова сбылись: русский язык под пером последующих поэтов, писателей-художников и ученых окреп и возмужал, ставши способным выражать тончайшие излучины человеческого сердца и решать величайшие мировые вопросы, как это отметил в свое время Гоголь и как подтвердил другой художник слова И. С. Тургенев, писавший в дни сомнений и тягостных раздумий о судьбах родины: «ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! ...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!».

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

ДВА ПАМЯТНИКА СТАРОГО ЗАПАДНОРУССКОГО НАРЕЧИЯ: ЛЮТЕРАНСКИЙ КАТЕХИЗИС 1562 г. и КАТОЛИЧЕСКИЙ КАТЕХИЗИС 1585 г.[1]

К числу выдающихся памятников на старом западнорусском наречии, бесспорно, принадлежит катехизис, напечатанный в Несвиже в 1562 г. Этот памятник замечателен как в отношении языка, так и истории типографского искусства, не говоря уже о историко-литературном его значении, как источника для изучения протестантизма в Западной Руси. Проф. А. И. Соболевский в своих «Лекциях по истории русского языка» (в 1-м и 2-м изданиях) неоднократно делает ссылки на этот памятник; однако специального его изучения до сих пор никем не было сделано, хотя это изучение может быть очень плодотворным для истории русского языка вообще и белорусского наречия в частности.

Всех экземпляров этой книги И. Каратаев («Описание славянорусских книг, напечатанных кирилловскими буквами». СПб., 1878, № 50) насчитывает около 6; у него же дано подробное описание катехизиса и указаны библиографические данные. К замечаниям Каратаева прибавим, что значительные отрывки из катехизиса (из заголовка, посвящение и страницы 4 текста, между прочим, с апостольским символом веры и молитвой господней) напечатаны в предисловии (стр. XVI—XXIV) к «Археографическому сборнику документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемому при Управлении Виленского учебного округа», в томе VII, вышедшем под редакцией П. Гильтебрандта. Мы имели возможность пользоваться экземпляром С.-Петербургской публичной библиотеки, приобретенным от И. Каратаева. Так как в описании Каратаева, равно как и в издании Гильтебрандта, часто допускаются неточности в орфографии, то не лишним будет привести снова

---

[1] ЖМНП, часть CCLXXXVIII, 1893, август, стр. 406—430. Примеры из памятников напечатаны в журнале гражданским шрифтом с добавлением отдельных знаков из церковнославянского шрифта. Поэтому не представлялось возможным и при употреблении церковнославянского шрифта сохранить все особенности памятников (*Ред.*).

некоторые места. На первом, заглавном листе, после черной заставки, следует заголовок:

Катихисісъ, то естъ, наука стародавная христїанская ѿ светого писма, для простыхъ людей языка рускoго въпытанїахъ [2] и ѿказѣхъ събрана.

Далее (листы 2—6) идет посвящение Радивилам, а в конце:

Данъ з' Города Несвижьского, ѿ въплощенья Хртова, В'року тисяч'номъ пятьсотномъ шедесятомъ и второмъ. Мца Іюня двенацатого дня.

Вашихъ Княжацких млти.
поволныe слуги
Матѳей Кавечинскій.
Симѡнъ Будный.
Лаврѣтій Кришковскій.

Листы 7—9, представляющие новую нумерацию, содержат предисловие: «**Къ всѣмъ благовѣрнымъ христїанѡмъ языка руского предъсловїе къ катихисїю**».

Только с третьей нумерации идет изложение катехизиса, причем последний разделяется на 4 части. Всех листов собственно в катехи зисе 251, а с посвящением и предисловием 260. На обороте последнего листа находится следующее послесловие:

Доконана ѥ сїа книга зовемая Греческимъ языкомъ Катихисїс, а пословеньски оглашенїе, Богу кочти и посполитым' людемъ языка Роуского к'наказанью идоброму наученью, накладомъ боголюбивы мужей., Пана Матѳїа Кавечинского Намѣстника Несвиж'ского, Сїмѡна Буного, Лавърентїа Крышковъского. На городѣ Несвиж'кимъ. Подъ лѣты ѿ воплощенїа спасова, тисеча, пятисотъ шестьдесятъ второго, месеца Іюнїа десятого дня.

Как можно видеть из приведенных данных, книга появилась исключительно в пределах южной части Белоруссии (Клецк — предисловие писано у **клец'ку** 3б предисловие, Несвиж), поблизости с Полесьем; поэтому естественно, что в ней, рядом с формами белорусскими, иногда встречаются и черты, несколько напоминающие малорусские особенности. С другой стороны, так как составители катехизиса, особенно Симон Будный, писали и по-польски (последний, как известно, сделал перевод библии на польский язык), то естественно, что в их катехизисе встречается также много полонизмов, хотя издатели его в посвящении Радивилам и заявляют: «**Слушъная речь есть, абы ваши княжац'кие милости того народу языкъ миловати рачили, въ которомъ давъные предъки и ихъ княжацъские милости пановѣ отци вашихъ княжецъскихъ милости славъне преднейшие прьложеньства несуть**». Впрочем полонизмы заметны в словарном запасе и только изредка в звуках и формах. Наконец, в книге иногда очень заметна церковнославянская стихия: это в тех местах, где приводятся тексты Св. пи-

[2] Опечатка, вм. пытанїахъ.

сания; тут попадаются даже очень архаические написания, вроде: **кыи храмъ, млъчаливого, тръсѹщайгосѧ** и под. Интересно, что, хотя в Западной Руси в начале XVI в. уже был в обращении перевод библии Ф. Скорины, составители катехизиса им, кажется, не пользовались. При рассмотрении языка разные посторонние влияния постоянно придется выделять.

При обзоре старопечатных книг, как и рукописей, любознательного читателя интересует не только их содержание и язык, но даже и шрифт. Каратаев (а за ним и Гильтебрандт) находит, что образцом для Несвижских изданий служил скорининский шрифт; обстоятельное рассмотрение его принадлежит П. В. Владимирову в его известной книге: «Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык». СПб., 1888 (стр. 202—204). В сочинении «К истории звуков и форм белорусской речи». Варшава, 1893 (стр. 118—119; то же в РФВ, т. XXVIII, стр. 174—175), касаясь шрифта евангелия Тяпинского, мы приводили мнение арх. Леонида, что у Тяпинского и в катехизисе 1562 г. один и тот же шрифт. Сравнение, действительно, оправдывает это предположение. Следует только сделать оговорку относительно того, что в посвящении, предисловии и самом катехизисе шрифт не один и тот же, хотя и сходного рисунка.

Что касается второй книги — катехизиса 1585 г., то она привлечена к исследованию главным образом потому, что, будучи малой по объему (в экземпляре С.-Петербургской публичной библиотеки, которым мы пользовались), она содержит обилие интересных данных. В упомянутой книге Каратаева этот катехизис описан (с чужих слов) под № 98. Там же и библиография. На первом листе находится следующий заголовок:

Катехиз'мъ или наоука всѣмъ православнымъ хрт҇іанѡм кповченїю вел'мй полѣзно ꙁлатинскогѡ ıаꙁыка на рѹскїи ıаꙁыкъ, нынѣ преложоно. Дрѹкованъ, оукильни рокѹ, боже нарожд҇а ф҇ пе ꙁдоꙁволеньемъ старъшихъ.

Всего 11 листиков. Сначала идет нумерация внизу, а затем ее нет. Уцелела только V глава катехизиса, которая и следует непосредственно после заглавного листа: первые четыре главы утеряны. В конце книги напечатано: «**Слава гд҇ѹ бг҇у**».

Шрифт совершенно другой, нежели в катехизисе 1562 г. В нем замечательны начертания для ъ (похоже на курсивное ѣ), *т* (ш, а иногда т: достигнѣть 2), *и* и *н* (оба часто передаются посредством и) и *ч* (ч).

Кем сделан перевод этого катехизиса с латинского, трудно сказать. Несомненно только, что он предпринят с целью дать отпор лютеранам, а также, вероятно, не без намерения совращения православных в католичество: этим, я думаю, следует объяснить и мистификацию в залоговке (всем православным ...).

Затем приступим к рассмотрению особенностей языка. Так как большинство ссылок будем касаться катехизиса 1562 г., то на него будут указывать одни цифры, без пояснений; при ссылках на второй памятник будем прибавлять — Рим.

ФОНЕТИКА

Гласные звуки

В старом западнорусском наречии, как и в теперешних белорусских говорах, в области явлений, находящихся в зависимости от ударения, первое место занимает аканье. В рассматриваемых нами памятниках достоверных случаев аканья встречается не особенно много: **розар'каны** 9б Рим., **гараздъ роз'смотрети** 221 (ср. «К истории звуков и форм белорусской речи», стр. 182), **ѿнавлало** 235, **грѣхъ садомъскіи** 4 Рим.; последний случай, как в иностранном слове, имеет мало значения. Не больше значения имеют и следующие примеры: **катахизмъ** 1б Рим. (при **катехизмъ** 1 стр.), **членки** (члены) 236б (при польском członek; *а*, вероятно, под ударением: не опечатка ли?). В «**благославеное надей ѡжидать**» 5 предисл., «**о насенью благославено**» 3 предисл., «**благославилъ**» 73 — следует видеть скорее явление словообразования, а не фонетики. Не указывают на аканье и случаи появления *а* в глаголах вида многократного, как **помагали** 170б, **ламати** (нарушать) 98, **позвалають** 63б рядом с **пологаеть** 43. Другое дело — появление *о* вместо *а* в таких примерах, как: **довают** 90, **хwдотай** 17б, **ходотай** 127, **ходотая** 147б рядом с **ходатаими** 172б; здесь *о* явное указание на аканье: корректор (или сам автор), очевидно, одинаково произносил *а* и *о* без ударения, и поэтому, желая соблюсти этимологическое правописание, употребил *о* даже там, где должно быть *а*. Этим же соображением объясняется и употребление *о* вместо *а* в двойниковых формах: **ровного** 16, а также в известной приставке *роз — рос*: **роздѣляется** 1б Рим., **розуму** 2 посвящ., **розъсмотри** 3 ib., **розмышлянья** 48, **смрть роспятую** 129.

Теперешнее белорусское аканье простирается и на *е*, какого бы происхождения оно ни было (из е, ь, ѣ). В рассматриваемых памятниках это явление редко: **негожа** (непристойно) 55б, 159; **причащанье** 46б и **розмышлянья** 48 сюда, вероятно, не относятся.

Иногда на месте *е* безударного появляется *и*: **чрзи ся** (через ся) 3б Рим., **нихай** (пусть) 35б, **презвитира** 239б, **аптыкари** 76б (с отвердением *т*).

Явление, совершенно противоположное аканью, но также обуславливаемое безударностью гласного, представляет появление на месте безударного *а*, которому предшествует мягкий согласный или j звука *е*. Последний возможен на месте *а* из основного *а*, я или даже *ѣ* после шипящих и j, например: а) *е* из *а* = я: **свѣтому дху** 3б Рим., **светого** 1 пред., **свѣщен'никовъ** 242, **wсвѣцоные** 2 предисл., **паметуі** 11б Рим., **памѣтати** (pamiętać) 2б посвящ., **упоменути** 147б, **роз'гледѣти** 142, **гледѣти** 210, **притегнути** 4 предн., **истезаний** 4 Рим., **тисѣчьми** 9, **тисечи** (а раньше было **тисячеи**) 1 посвящ., **девѣтины** (чит. **девѣтины** — поминки на 9-й день) 2 ib., **жедають** 2 пред.; сюда же можно бы отнести и «**небеса ѹтвердишеся**» 125б, хотя на отсутствие согласования в этом аористе можно смотреть и иначе (ср. Соболевский, Лекции[2], 210); тот же переход *а* в *е* в **княжец'скихъ** при **княжацъские** 4б предисл.;

конечно, старина въ племеника 98; б) *е* из *а* = а — ю възбранѣющимъ 28 (под ударением?), кланѣють, кланѣтися 11, ємѕся кланели 5б, стареють (стараются) 184, неприетела 177б, рыцерями 5б пред., в) *е* из *а* = *ѣ*: слышели 167б, ѡдер'жели 32, менѣшееть 19. Иногда *е*, получившееся из *а*, может переходить в *и*: коды твое дѣли 94б.

В зависимости от положения гласного вне ударения находится и переход *и* в *е*: 'Єгнатїй 15б, коѥнскую 79б, *е* въ хрѣстиястѣй 3б можно объяснить и влиянием хрест — крест. *Е* в случаях вроде: находемъ 53б, приступѣмо 138, не ѹчете 53 (все формы изъявительного наклонения) может представлять и звуковое явление, но также могло появиться и под влиянием таких форм, как *делаем*, *делаете* и т. д. Несомненные полонизмы следует видеть в розбѣралъ 39б, розбѣранью 113б, ѡберáѣть 23б, ѡберати 67, съберати 48, ѹмѣраючи 133б, затѣрають (затирают) 47б, дозерати 67, незаперáю 196б, розжегаѣть 155.

Звук *е* (из основных є и ь) в теперешних белорусских говорах под ударением перед следующей твердой согласной обыкновенно переходит в *о* (*ё*); однако в рассматриваемых памятниках *о* из *е* можно наблюдать только после *р* и шипящих, где слышалось явственное *о*: господаромъ 54б, господаровъ 59б, царомъ 59, шостая (читай шóс...) 205б. Весолую 187, как полонизм, сюда не относится. Странно встречать написание ѡцѣмъ 52б, где *ѣ* как бы указывает на звук *е*, а не *о*. После шипящих в *о* переходит и *е* безударное: дѣкочомъ животѣ 127. Наш взгляд на это явление изложен в сочинении «К истории звуков и форм белорусской речи», стр. 195.

Гласный *у*, будучи лишен ударения, в белорусских говорах переходит в полугласный ў, что в старых памятниках обыкновенно обозначается посредством *в*: вже 6б, 12 в'же 38б, нав'чаѣть 17, 4, нав'чанїе 17б, повченїю 1 Рим., вживають' 89б, на врадѣ, (а ниже) на ѹрядѣ 55б, врад'ники 51.

Кроме *у*, сокращению, а затем и потере подвергаются и другие гласные звуки, например, *и*: нагор'шая 86, навыш'шего 2 пред., напер'вей 8б, наболей 1 посвящ.; познанье 3б, где можно видеть и старину. Только с современной точки зрения можно говорить о потере *о* и *е* в словах: цер'квїю 159б, кочти 251б, къчти 223, 71, къчти 17.

Несомненно, в зависимости от ударения находится также слитие рядом стоящих безударных гласных, например: 'Єрей 18 — *бот*'се (= бо-ото-се — потому что вот) 5 пред.; ѿ лежани 134б (где, однако, можно видеть и форму от *лежане*, с удвоенным согласным).

Переходим к явлениям в области гласных звуков, не зависящим от положения последних под ударением.

Начнем с ѣ. Эта буква, конечно, обозначает звук тожественный с *е*, поэтому и находим их взаимное употребление одной вместо другой: а) ѣ вместо *е*: частѣи 3б, ѿ нѣгожь самого 5б пред., третѣго 2б, мѣне ib., имѣни ib., десятѣро 2, дѣсятословиемъ 2, потѣраеть 3 посвящ., даже ѡвѣлъ 3 ib., где ѣ, вероятно, на месте *'о* (*ё*); б) *е* вместо ѣ: свѣдетво 23б, детокъ 1 и т. д. Иногда на месте ѣ на-

ходим и другие заменители: а) *іее*, є: **лієєность** 2б Рим., **бесєдє** 244; однако первое начертание скорее обозначает стремление передать ѣ таким же способом, какой практикуется в польском языке, а второе — с є — просто случайность; б) ѣ в **пролѣлъ** (пролил) 161 — малорусизм.

Буквы *ъ* и *ь* по преданию употребляются более или менее правильно, иногда даже по образцу старейших памятников: **въплощеньа** 6 пред., **съвестїю** 28 и др., но часто также наблюдаем и следы югославянского влияния: **Петръ** 54б, 139, **крепокъ и рев'никъ** 9, **добръ єстъ ѡбычай** 91, **скрежетъ** 187 и т. д. В рассматриваемых памятниках очень часто (даже чаще, чем в теперешнем разговорном языке) замечается постановка на месте *ъ* и *ь* гласных *о* и *е*: **содравши слепоту** 3б пред., **вометаєми** 6б Рим., **кленеть** 19б, **сол'неца** 44, **царество** 8, **царествъ** 209, **богатества** 7, **богатество** 63. Вместо *къ* иногда встречаем *ку*: **куистинъному** 4 пред. Есть немногочисленные случаи, где на месте *ъ* и *ь* стоят *ы* и *и*: **блажни читиї сердцемы яко тиї бга ѹзр'аты** 10б Рим., **доволино** (довольно) 31.

Что касается форм полногласных, то кроме обычных, иногда попадаются очень редкие случаи: **норовы** 2б посвящ., **нагороженья** 162, **полоненьемъ** 8б, **померети** 194, **вередити** 76б, **верещить** 64б, **верескомъ** (голосом верескливым) 65. С другой стороны, иногда встречаются и неполногласные формы, больше полонизмы: **превроцененемь** 5 Рим., **сромоцьские** 84.

В старых западнорусских памятниках иногда, вопреки теперешнему белорусскому наречию, встречаются слоги *ой* — *ей* на месте церковнославянских **ъи — ъи, ии — ьи**. Подобные случаи попадаются и в рассматриваемых памятниках: **Лавретей** 6 посвящ., **поньтєистем** 111б, **большей** 33б (хотя последнее могло образоваться и по аналогии *новеи* — **новѣи** и т. п.).

В отделе о гласных отметим еще некоторые мелкие явления.

Вставку гласного следует видеть в **обовязуєть** (обязует) 246б; приставку — в **ѡкроме того** 53б.

Гласный *е* стоит на месте *о*: **репътали** 71б (не следует ли видеть здесь рёпт... ?), **символемъ** 112, **препитаєть, препитанїи** 192б (в последних двух примерах, вероятно, своеобразное словопроизводство).

На месте ожидаемого *о* находим *у*, вероятно, под малорусским (или скорее южнобелорусским) влиянием; **хуть** (желание, расположение) 76б, 184 **суботую или шабасомъ звали** 44б, **ѹбогатитися** 96 (здесь может быть и приставка ѹ). *У* на месте *ы* (если это не опечатка: *у* польское): **властывуе** 183.

Звук *о* заменен посредством *и*: **спилнистїю** 142 (ср. «К истории...», 223); в **«не тольки»** — явление словопроизводства.

Такое же особенное образование, а не фонетическое явление следует видеть в **прелюбыдєемъ** 34б, а также в **всегды** 181б, **поменити** 20 (вместо нути).

Простые гласные вместо йотованных на письме, а, может быть, и в произношении (ср. «К истории. . .», 224) находим в словах: **добраа** 57б, **таковаа** 84, **дваа жена (двѣваа)**, **таа розница** 34, **нагор'шаа** 86, **съхранаа** 43, **пытаніахъ** 1 пред.

В катехизисе 1585 г. встречаются странные случаи йотации *и*: **иїсточникъ, иїныє** 2 Рим.

Согласные звуки

Одним из выдающихся свойств теперешнего белорусского наречия является обращение в нем при известных условиях звука *в* в *ў*; то же наблюдается и в старинных памятниках, только в них *ў* выражается посредством простого *у*; так в наших памятниках читаем: **ѹпотѣ** 38, **неѹпалъ, ѹ пленицу бесов'скую** 35, **ѹ стомъ** 12б, **ѹ житию** 14, **ѹ томъ словѣ** 5б, **оукильни** 1 Рим.

Случаи появления *ў* на месте *л* в старых памятниках вообще встречаются редко; в данных — нам попался только один: **абы єсь дол'го живъ на зем'ли** 49б.

К мягкому *р* как теперь, так и в старину белорусы были нечувствительны, вследствие чего мы встречаем, с одной стороны, обозначение мягкости там, где должен быть твердый *р*: **срѣбрю** 12, **ѡбрюсь** 13, **берють** 200, **сар'рю** 100б, **в'горю** 101б, **добрихъ** 7 Рим., **Ѡткрилъ** 3б посвящ., **которихъ** 11б, **покривдѣть** 19, **которіє** 72, **риби** 79б, **Кришковскїй** 6 пред., а в конце книги **Крышк.**; с другой стороны, на месте мягкого *р* находим твердый: **потѣраеть** 3 посвящ., **потѣрають** 86, **ѹраники** 57, **цара** 64, **градыи** (даже в церковнославянском тексте) 217б, **говорачи** 101, **ѹстерогъ** 126б, **господаромъ** 54б, **тры** 7 Рим., **прыато** 7б ib., **сторыч'ный** 33б, **пастыры** 51, **цары** 53б, **матеры** 70б, **теперь** 147, 104б, **роз'шираютъ** 68.

Такому же вторичному отверденію, как *р*, подвергаются и губные звуки, если им приходится стоять в изглашении слов: **церъковъ** 2 посвящ., **любовъ** 47б, **чрвъ** 164б.

Случаев перехода *т* и *д* в *ц* и *дз* не встретилось; даже в словах, заимствованных с польского, *ц'*, заменяется посредством *т*: **обецать** 2б пред.

Обычное в теперешних белорусских говорах удвоение согласных на месте согласного + *j* отражается и в рассматриваемых нами памятниках: **росказаннемь** 4б Рим., **превроценнемь** 5 ib., **повѹженнемь** 4 ib., **замочаннем** 4б, ib., **подѹіреннемь** ib., **настоащчю потребою** 32б. Однако часто удвоение согласного и не обозначается: о нем можно судить только по отсутствию *j* (ь): **хртане** 241, **панство** (пьянство) 5б Рим., **деветю** 4б ib., **поѹченемъ** 2б посвящ., **в тер'пени** 45б., **по з'глажею** 3 пред. Есть случаи, где даже сохраняется и *j* (ь): **напоминанье** 2б посвящ., **ѹтраченью** 2б пред., **приреченьа** 97б. Ничего общего с ука-

занными случаями удвоения не имеют следующие: **оучен*н*ици** 1 посвящ., **ѹчен'*н*ики** 213, **йстин*н*ою** 11, **йстин*н*ы** 3б Рим., **Ѿпоуцрен*н*ю** 3.

Основные *дј* и *тј*, как и в общерусском, имеют замены *ж* и *ч*: **рожен'на** 113, **надежи** 1б Рим., **ѹвожень** 206б, **навеженьа** 4б пред., **кожоѣ** 5 пред., **межю людей** 56б, **ѡсужаютъ** 18б, **ѹгоженїа** 11б, **надѣжю** 5б, **всемогучый** 2 пред., **печери** 61б. Изредка попадаются случаи и церковнославянского смягчения: **въплоценьа** 6 пред., а также польского **ѹмоцы** 88, **освецоны** 2 пред., **обецать** ib., **ѡбѣцалъ** 9. В «**очис*т*енїю**» 127 совершенно отсутствует смягчение.

Шипящие согласные и свистящий *ц* в одних случаях обыкновенно соединяются с «мягкими» гласными (*ю, я, ь*): **прошю** 88б, **чюда** 37, **пишючы** 5б, **межю** 56б, **причащатиса** 47б, **дочька** 3, в других — с «твердыми» (*ы, о, ъ*): **дол'женшый** 195б, **тажыт** 23, **содракшы** 3б пред., **шостаа** 205б, **почомѹ** 1б, **чотыри** ib.; **маешъ** 34б, **ложъ** 28, **согрѣшишъ** 11б Рим., **оцъ** 5б пред. Есть, конечно, и отступления в ту и другую стороны.

Соединение однородных согласных звуков наблюдается не только в старинных сочетаниях, но и в позднейших, получившихся вследствие потери гласности *ь* и *ъ*, а также от других причин. Так, находим: 1) Переход безголосных перед голосовыми в голосовые: **прозба** 165б, 182, **збору** 2 пред., **здши** (но — и **стѣла**) 192, **здругомъ** 35б, **згожаетса** 59б, **по зглажею** 3 пред., **згрѣхомъ** 191. Как можно видеть из приведенных примеров, этот переход особенно бывает при предлоге *съ*, смешавшемся с *изъ*. *З* находим также перед нейтральными согласными и даже гласными: **зводити** 91, **зкѣрою** 36б, **зложенoа** 152б, **з'нову** (снова) 2 пред., **знайдешь** 37, **знесло** 3б посвящ., **ѡгнь спалъ йз'неба** 37б, **змаетностей** 95, **зраа** 38, **церковъ естъ злюдей** 159б, **здрадою** 88, **збавлю** 166; в последних пяти примерах *з* = *изъ*; вследствие такого полного совпадения этих предлогов *изъ* перед безголосными иногда принимает вид *с*: **съ всѣхъ** 179 (даже перед голосовым!), **длa скажоного прироженьа** (вследствие испорченной природы) 189; *з* перед гласными: **зъособливого** 2б пред., **не рачилъ зоставити** (zostawić) ib., **зыйдоша** 247б (из **зыдоша** с вторичным восстановлением *и*). 2) Голосовые перед безголосными тоже переходят в безголосные: **мер'скую** 87б, **промеш'ку** 62, **исцелаючи** 47, **расчыни** 43, **скотѡрыхъ ѧко бы згла́въ** 2 Рим., **коставшего** 78б, **рос'смотри** 213, **бесплодны** 61б; даже предлог *съ* перед безголосными не меняет своего вида: **спиного** 71, **с'собою** 20. Иногда, впрочем, встречаем и ложно этимологическое написание, вполне противоречащее указанным законам: **въс'зданїе** 123б, **прѣкнеши** 137, **стережижься** 34б, **розк'ажеть** 54б, **ке*т*же** (ведь же) 124, **роз'ширають** 68. 3) Твердые согласные перед мягкими переходят в мягкие: **справѣдьливость** 8б Рим., **возьлюблѣнь** 9 ib., **казьни** 4б, **басьни** 18б, **обьыдѣнїем'** 84. Что касается обозначения мягкости в суффиксах *ьск, ьст, ьн, ьк*: **хрїстианьски** 1, **подобеньстка** 2б пред., **оучинькй телѣсьный** 5 Рим., то это явление не фонетическое. 4) Мяг-

кие согласные перед твердыми твердеют: **не возму** 25, **седъмого** 26, **ѕсмое** 88, **писма** 1 пред. 5) Шипящие перед свистящими переходят в свистящие и наоборот. Дальнейшею ступенью было упрощение получившихся таким путем согласных групп: **кнѧзьтва** 2 пред., **кнѧжац'ски** 4 пред., **турецкимъ** 8б, **сромоцъские** 84 (в последних примерах *цс* — хитрое написание вместо одного *ц*).

На конце слова, в изглашении, голосовые, конечно, заменялись безголосными, хотя и не всегда на письме находил отражение этот переход: **доцъ** 85, **скажишми тепѣрь** (повелит.) 202; ложно-этимологическое написание в **ѡбачижь** 25б (2 л. изъявительного наклонения).

В зависимости от потери ъ и ь, как гласных звуков, находятся также перемены, происшедшие в некоторых отдельных согласных созвучиях: а) *кт* (из **кът**) перешло в *хт*: **нихто** 4 пред.; б) *чт* (из **чьт**) перешло в *шт*: **што** 3б, **штосѧ** 5б предисл.; в) *стл* (из **стьл**) перешло в *сл*: рядом с **ѥстли** 2 посвящ., **естълибы** 10 находим если 21; г) *стн* и *здн* (из **стьн, ꙁдьн**) заменилось посредством *сн*, *зн*: **часные доходы** 63б, **празновати** 46: д) *вств* (из **вьств**) изменилось в *ств*: **плюгаствѣ** 83б. Это же сочетание находим и на месте *тьств* (?) в слове **свѣдѣство** 153; е) группа *ск* в слове *доска* изменилась в *щк*: **дощъка** 4, **дощцѣ** ib.

Гортанные звуки, кроме смягчения в шипящие, как и в теперешних белорусских говорах, допускают переход и в свистящие: **о возе** 61, **присѧзе** 3б и даже перед *и* в им. мн. ч.: **простуѕци** 48б. Очень часто встречаются еще случаи соединения гортанных с *ы*: **хыба** 29, 118, **похыбы** 200б, **науки** 52, **присѧгы** 17б, **многые** 159, но также находим и **мѣхи** 63.

Из редких случаев смягчения других согласных отметим: **не дражнит'сѧ** 79, **вымышлили** 6б.

Отметим еще некоторые менее важные явления в области согласных: а) вставку согласных — *в*: **надѣватисѧ** (надеяться) 168б, *j*: **мещанъе** 85б, **страстьй** 92, *т*: **паствилъ** 89; в **«потѧгнѣть»** 33б восстановлено коренное *г*; б) приставку *в* находим в **вокрестъ** 59; в) выпадение *в* в **запоѣдаю** (**запоѣдаю**) 220, *ъ*=*j*: **ѕбйвилъ** 109, *т*: **сраненъ** 95б (**страненъ**); г) отпадение разных согласных можно наблюдать в начале и в конце слов — *в*: **ѿже** 89, **ѿ** 234 (хотя в слове *вот* на *в* можно смотреть и как на приставку; тогда здесь будет старина), **споминаѥть** (всп...) 39б; *г*: **ѡвѧда** (= говяда — рогатый скот?) 214, **во рѣки** (= бо греки) 114, на конце — в слове **четвѣр'** 44; *х*: на горе "**Орикѣ** (**Хорикѣ**) 10б.

Говоря о разных изменениях в области согласных, нельзя пройти молчанием и случаи вторичного отвердения и умягчения последних. Конечно, в некоторых из приводимых ниже примеров можно видеть и опечатки, в других же польское, чешское и малорусское влияние, но немало их представляет и собственно западнорусские особенности. Обыкновенно отвердению подвергаются зубные звуки (об *р*, а также

о губных речь была уже ранее). Примеры: ровнали 27, ꙋравнаю 133, приравнася 223 (ср. польск. równać, чеш. rovnati), третая (опечатка?) 1б, нельза 51б, к Авелу 231, ꙋбилно 94, печалꙋ свою 192б, пилꙋными 1б посвящ., еванъгелское ib., весꙋ 1б Рим., досытꙋ 1б посвящ., дождꙋ 192, тыраннъ 80, престакыти 242б, едыно (jedyno) 219, посреды 56б, напыхаютъ 63; последный днь 189б, стародавная 1 пред., ближного 22, 3, теперешного 23. Примеры вторичной мягкости согласных: називаетъ 2б посвящ., вибралъ 161. В мтина 91, мтину 38б — вероятно, не фонетическое явление (ср. «К истории звуков и форм белорусской речи», стр. 257).

Несомненно, полонизмы в следуюших звуковых заменах: *х* посредством *к*: клопоты 32б (kłopoty), *пв* посредством *ф*: ꙋфаючи (надеясь) 8 (ufać), *ш* посредством *х*: слухати 38б (słuchać), *в* посредством *б*: дїаболъ 28б (djabol); в появлении *м* на месте *н* в слове: Миколаевъ 2 пред., можно видеть и чисто белорусскую особенность.

В появлении *ц* на месте *ч* — трете цасти конецъ 210 — можно бы видеть примету севернобелорусских говоров, но вследствие единичности этого случая лучше объяснять его, как опечатку.

Появление *л* вместо *в* в слободни 104 — особенность почти общерусская.

Непонятна причина появления *х* вместо *г* в слове *грѣхъ*: ко ѿставленїю хрехомъ 32, хрѣхѡвъ 146. Не оказало ли здесь влияния следующее *х*?

Особенностями письма XV—XVI вв. следует объяснить употребление ѕ вместо ꙁ: кнѧѕ 80б, 65б, 53б, проѕба 165б, ѕиждущихъ 167, каѕнь 86.

МОРФОЛОГИЯ

Склонения

Имя существительное

Особенности в роде. Перемена рода вообще встречается редко: больше под польским влиянием. Примеры: ꙋткорꙋ дверъ 176б, с тое Ѳодомы антихристовой 3б пред.; ꙋставы своея (ustawy) 215, обетници (obietnicy) 2б пред. (обещанья).

Особенности в числе. От двойственного числа встречаются незначительные остатки: ѿ серц' и ꙋчью нишихъ 3б пред., двѣ ꙋцѣ имашу къвер'жену быти (из текстов Св. писания) 164б, връце божїе идетъ 170. После *два* находим мн. ч.: два пожитки великїе 163б. Мн. ч. иногда с удобством выражается существительным собирательным: жидова и мнихи 215б.

Особенности отдельных падежей. Ед. ч.

Им. п. представляет обычные окончания; как более архаические отметим: пречтая мати 202, телѧ 15. Встретился один случай постановки зв. п. на месте им. п.: Ѳофронїе пишетъ 14.

Зв. п. — явление обычное: юродѣ 75, господарю 64б.

Род. п. представляет следующие особенности: a) окончание *у* у слов мужского рода 1-го склонения: зъгнѣку 20, з' Єгипту 3 пред., не дае ѡкоцꙋ 6б Рим., гнѣку не держати 76б, третѣго рѡдꙋ 2б, мирю (т. миру) або покоя не чинилъ 58; b) у лиц на *й* род. п. на *его*: сынове Ноего 68, Ноего сынъ 71; c) слова ж. р. мягкого различия часто имеют *ѣ*: ѿ, лица езавелѣ царицѣ 136, стыя тройцѣ 226; однако d) бывает и *и*: суди (чит. судзди — судьи) 128б; e) в текстах из Св. писания иногда попадаются глубокие архаизмы: крове дела 82.

Дат. п.: къ дщи (к дочери) 140а.

Вин. п.: Сирахович а (сына Сирахова) 120 — форма, замечательная скорее по суффиксу *ович*.

Твор. п. представляет правильное отражение старинных окончаний: сынѡмъ перъкорожонымъ 2 пред., ѿцѣмъ 52б, гдем' 180; даже с ь на конце: повꙋженнемь 4б Рим., росказаннемь ib.

Местн. п., кроме обычных окончаний, как ѡ наꙋцѣ 21б, а в подражание ему и ѻ ѿнятѣ (ѿнятьи) 178б, или ѻ съшестви (съшествін- 132б, на серци свое 83б, на душы и на тѣле 49, ꙋ притчы (к притче) 72б, представляет еще *у — ю* у слов м. и ср. р.: в сынꙋ 11 (старина!), ѻ дху 153б, къ дху стомъ ꙋтешителю 2 пред., 5б ib., на Несвижу 2 ib., въ стомъ житью 1б предисл., 14 (ꙋ житию), ѻ Кирю 56б, ѡ призыканью 36, въ Якелу 221.

Мн. ч. им. п. представляет следующие окончания: a) *ы — и* большею частью вторичного происхождения: скор'бы 32б, цер'кві 159, дари 46б (*и*, вероятнее всего, не старинное, а вместо *ы* после *р*), чародейници (к чародѣйникъ) и чародейницѣ (ведьмы) 19; *ѣ — е*: телицѣ 214, княгыне (мають быти) кръмителе 3; ерее 122, прелогатае 152, люде 49б; в) *ие*: молие поедоша (из текстов Св. писания) 63; г) *ове — еве*: сынове 5 пред., 68, 124б, пановѣ 4б пред., гдевѣ 53б.

Род. п., рядом со старинными окончаниями, представляет и новейшие образования; вообще же находим a) *ъ — ь*: иныхъ пророкъ 48б, бусоур'манъ 6б, васей 13, без'лепицъ ꙋчать 88б, землъ 65 (с позднейшим отвердением); б) *овъ* притом не только у основ на *ъ — и*, но и *ŏ* и даже *а*: сновъ 3 пред.; господаровъ 59б, ве мужов' 85б, божов' 5 предисл.; ꙋбіицовъ 81б; оꙋбіицевъ ib., мнѡго цер'ков' 159б, молитов' 166б, подачковъ 89б; в) *ей*, ставшее на месте ь: пенезей или грошей 199; г) *и*, которое, несомненно, следует объяснить, как полонизм: духовны речи 166, маетности наши 88б; поколени израильски 3 предисл.

Дат. п. обыкновенно представляет старинные окончания: рѡбот'никомъ 4 Рим., грехѡмъ 201, царомъ 59, царомъ 65 (с расширением *е* в *о*), родителемъ 2б. пред., детѣмъ 60б, княжатомъ молодымъ, пнѡмъ Миколаемъ Миколаевичѡм' Радивилѡмъ 2 пред., стеньемъ и ѡбразом' конець принесъ и ꙋчинилъ Хс 40б.

Вин. п. представляет те же окончания, что и им. п. (к **днѣ некоторый** 7б Рим.) у предметов неодушевленных, у одушевленных же — сходные с род. п. (**лицемерей** 99, **ѹчителей** 2 посвящ.). Однако попадаются случаи употребления старинного вин. п. и у предметов одушевленных: **дъщере** (им. вм. вин. из текстов) 55, **людей славныхъ по смрти за боги мѣли** 6, **личыть — пророки, аплы, пастыры** 53, **ѹранителки поставилъ Богъ** 57, **враѧдники поставилъ** 56, **пророкы** 99, **питаѣть свой сыны** 62, **дам' пастырѣ** 68б (в последнем примере, равно как и в раньше приведенном — **дъщере**, поставлены именительные падежи на месте винительных по аналогии твердого различия, где в рассматриваемое нами время именительные падежи уже были заменены винительными).

Твор. п. имеет разнообразные окончания: а) *ы — и*: **вѣч'ными вороты** 143б, **норовы** 20б, **съ насмѣвачи** (с издевателями) 71, **злыми товари** 90 (*и* вм. *ы* после *р*), **серд'цы** 4б пред. (*ы* вм. *и* после *ц*), **сими словы** 118б; б) *ъми*: **сын'ми** 124 рядом с **«вдачьными сны»** 4б пред. В подражание этому слову и — **хртіанъми** 1б посвящ., **хртіан'ми** 114, **цар'ми князь'ми** 62; в) *ьми*: **реч'ми** 87, а в подражание ему — **тисѣчьми** 9; г) *йми*, в котором следует видеть подражание окончанию *ъми* (сынъми): **обычайми** 82б, **ходатаими** 172б.

Местн. п. В нем преобладают старинные окончания, хотя есть и новообразования: а) *ѣхъ*: **языцѣхъ** 4б пред., **преступ'ницѣх** 48б, **ѿ иноцехъ или ѿ девтеницѣхъ** 26б, **словехъ тыхъ** 21б (новообразование!); б) *ехъ*: **по заповѣдѣхъ ходѧчого** 250б; в) *ахъ* (вм. редкого *ихъ*): **пытаніахъ и ѿказѣхъ** 1 пред.

Местоимение

Особенности в основе. В этом отношении особенно замечательны следующие местоимения: 1) **тобѣ — собѣ**: **ѡ тобѣ** 138, **собѣ** 10б, 73б, 96, **сѡбе** (местн. п.) 8б Рим.; 2) **якого** 162; 3) **селько** (столько) 112б; г) **тымъти ѡбычаѣмъ** 3б посвящ.; 5) **кажную** 55б; 6) **жадного** 3б пред.; 7) **таков'ские** 78б; 8) **иншими** 8б, **иншие ходотае** 171б.

Из форм личных местоимений отметим **ми** 128б, **мѣне** 2б.

Склонение местоименное. Ед. ч. им. п. Здесь встретились следующие более или менее редкие формы: 1) **тот'же** 125, **тъй** 89, **той** 77б, **тое** 128б; 2) **ѡна рѣчь** 5; 3) **кажда таина** 217б; 4) **къшто** 158б; 5) **щастье нашое** 163; 6) **чиѧ наѹка** 53; 7) **сесь животъ** 188, **сѧ часть** 119, **сеѣ слово** 50, **сее дев'ство** 27.

Род. п. в м. р. *ого*: **иконы што иного суть** 11б, **оного** 2б пред., **чого дѣлѧ** 1, **до чого** 5б предисл.; в женск. роде: *еѧ*: **ѹставы своеѧ** 215 *ое — ее*: **знашое причины** 4б Рим., **нашоѣ славы** 17, **тое причины** 7б, **воды твое** 94б; **яко пер'вое, тако и тоеѣ заповеди** 15, **кому еѣ надобѣ** 84б, **исповѣдати еѣ не смеють** 59б, **ѿ всѣе человѣческой хитрости** 12, **всее плоти** 3 пред.

Вин. п. в м. и ср. р. сходен с им.: **на тотъ часъ** 5б пред., **вникошто** 163б, **ни вчтоже** 2б посвящ.; от *себе — сѧ*: **богусѧ молити** 38б;

редкий случай женского рода: абы ю чинили (чтобы ее исполняли) 65.

Твор. п. в м. и ср. р. очень часто заменяется формой местной не без влияния, вероятно, имен существительных: претомъ 134, ни ѡдно словомъ 14, неможетсѧ ѡдном' словом' преложити 114; промышленьемъ своемъ 116, ѥстъ спасителем' нашемъ 119б.

Местн. п., как и в теперешней белорусской речи, в м. и ср. р. часто заменяется твор. п., образованным, вдобавок, по образцу имен прилагательных: потым (затем) 214, о ѡдно кимъ 199б, въ ѡдномъ какимъ ѡбразѣ 10б, на свойм' мѣсте 52, въ гнѣве свои 2б пред., въ нимъ (тѣлѣ) 33б, ѿ нимъ 141б, ѹсимъ словѣ 75, ѡчим'бы могъ поправитисѧ 107б, въ дѹ҃ стомъ ѹтешителю нашимъ 5б пред., к'сынѹ свойм 11; однако и формы на *омъ* не редкость: ѹ том' словѣ 102б, а также раньше приводимое — одномъ).

Мн. ч. им. п. представляет следующие окончания: 1) *и*: вс*и* 88б, вс*и* народы людьские 3 пред.; ѩко Богъ караѥть ты ѡн*и*жебы тую заповѣдь проступили 15, чи*й* слова 98; 2) *е*: сие пожит'ки 146, тые добрие дѣла 17б.

Из остальных падежей отметим более редкие формы: *род*. п. вси 3 пред.; *вин. п*. ѥ (заповѣди) зовѹть 2, ѥ (маѥтъности) поставилъ 5; *твор. п*. ѡброки своѥми 80 (как теми, или полонизм); *местн. п*. втыхъ 16.

Имя числительное

Особенности в основах: дванадцати 3 пред., дванадцатого днѧ 6 пред.; тридесѧтный 33б, шесдесѧтныи 33б; двоѧ пом'ста (двоякая) 9.

Особенности в окончании падежей. Им. п. особых замечаний не вызывает: шесть дни 2б, ѡдны 76б, ѡбой (и те и другие) 164.

Род. п. двѹ речеи къ молитвѣ надобѣ 177, съ ѡбеюхъ ты мѣстъ 43. ѡбеюхъ дощок' 65б, ѡбеюхъ (хлѣбовъ) 197, к҃е тисечи мужов' 85б.

Вин. п. Встретилось довольно интересное выражение: побив'ши пѧти царей 21.

Твор. п.: тисечми 2б, ѡбѣма рѹками 3б посвящ.

Имя прилагательное

От именного склонения прилагательных остались лишь незначительные следы, например: знага дѣлати 38, такъ высока ѡсоба 126 (полонизм?), ѹ пѧтой книзе Моисеѡве 85, именемъ божїемъ 19. Обыкновенно же преобладают полные формы, иногда даже в роли сказуемого: не вол'ные 104; другие примеры: хрїстовую 31б, третиѥго днѧ 111, третѧ'ѧ 4б, третѧа 39б, третѣе 16б, божiего 2б посвящ., 2б пред., ѡ бж҃їимъ словѣ 33б.

Им. п. представляет, с одной стороны, формы на *ый — ій*: ѡпричьный 39б, с другой — как обыкновенно теперь в живой речи на *ы—и*: не маетъ — подан*ы* на тое гледѣти 59б, абы котор*ы* скочив'ши ѹбилъ — его 59, нов*ы* завѣтъ 237, зл*ы* розумъ 98, животъ дол'г*ы* 102, людъ из'бран*ы* 151б, котор*ы*колвѣкъ днь (którykolwiek) 42, из'бив*ы* пророкы (т. Іерусалимъ) 84б, розумъ человѣч*и* 87б, зракъ человѣч*и* 12.

Род. п. в м. и ср. р. рядом с церковнославянским *аго* представляет и *-ого-его*: почес'наго живота 8б Рим., перъваго светого 1 пред., Троцкого 2 ib., теперешного вѣкѹ 23, златискогѡ 1 Рим., блйжнего 8 ib. В ж. р. находим следующие окончания: 1) церковнославянское *ыѧ*: стыѧ троицѣ 22б, 2) оѧ: зложеноѧ вѣры 152б; 3) ое: справедлйвости христиѧнъское 1б, которое вѣры еси ты 1б, ѡбет'ници которое 2б пред., спрчстое двицы 3б пред., новое кузни 4 пред., царици Мурнское 1 посвящ., пер'вое части 105; 4) *ие*: земли Єгйпетъские 2; 5) *ой*: ѿ всѣе человѣческой хитрости 12.

Твор. п.: пер'шим' 2б пред.

Местн. п. в м. и ср. р. часто заменяется твор. п.: не ѡ ложнымъ юки^м возѣ говорить 11б, ѹ старимъ законѣ 8б; в ж. р. *ои — еи*: повинни йхъ ѹ великой ч'ти мѣти 67б, въ третеи главѣ 1б Рим.

Мн. ч. им. п. представляет окончания общие для всех родов: 1) *іи*: давешнїй 241, брыдлйвий 3б Рим.; 2) *ые — ие*: которие нам' пожит'ки стого (какая польза) 129б, час'ные доходы 63б, сромоцьские пѣсни 84, ѡсвѣцоные кнѧжата 2 пред., стареческие басни 3 посвящ., которые (ср. р.) 3 пред., многые 159.

Род. п. — архаизм в тексте из Св. писания: не бѹдешь мѣти боговъ чѹжїихъ 2.

Другие падежи особых замечаний не вызывают.

Сравнительная степень. Отметим более или менее редкие случаи: 1) лепей 83б, лепъшей 2б посвящ., леп'шей ли бъ любить порожкованье за роботѹ 37б, лепшеиша 179, лепшеншый 115б, ѡдинъ за дрѹгого леп'шейшый 42, дол'женшый 195б; 2) большей за дрѹгого 33б; 3) нижей 11, 4) далей 2 пред.; 5) снан^ей (удобнее) 179б; 6) навышъше 2 Рим.; 7) богатъшемѹ 96; 8) готовъшый 32; 9) старъшихъ 1 Рим.; 10) гор'шый 27б.

Спряжение

Особенности в основах: ѡбѣцѹѣть 9, найдѹѣть 28, заслѹгѹють 68, ѩвнесѧ — ѹказѹеть 3 пред.; цвила 208б.

Образование форм. Неопределенное наклонение обыкновенно оканчивается на *ти*: ѹшто — просити 16б, гледѣти 210, оказати 3б пред.; занехати не рачилъ 3 пред., ѿнѧти 26б, любити потреба 4; *чи*: допомочи 5б пред.; но бывает и *ть*: просїт', потѣшитъ 8 Рим. (отвердение согласного или, скорее, опечатка), рачтежьсѧ зачать, множить и рость 5 пред.

Настоящее время. Ед. ч. 1 л. У «архаических» глаголов — **есмъ** 53, **ѐсмь** 1. У других глаголов — обычные окончания: **бежъдю** (**бѣгꙋ** — **бѣжꙋ**) 181, **мок'лю** 3 посвящ.

2 л: 1) *си* — *сь*: **еси ты** 1б, **што ѐсь ты** 1; 2) *шь*: **рωзꙋмѣти маѐшь** (ты должен разуметь) 10, **знаидешь** 37.

3 л.: 1) *ть*: **кажеть** (говорить) 2б, **слоеть** (слывет) 106 б., **принашаѐть** 163б, **вѣдаѐть** 3б посвящ., **достигнѣть** 2 Рим.; 2) *тъ*: **есть** 1 пред., **е^с^тъ** 2 Рим., **печеться** 34б, **роздѣлѧется** 1б Рим.; отсутствие окончания: **нто^с^г^р^ле** 2 Рим., **не дае ωвоц̑ꙋ** 6б ib., П. **Павель сктый тако вылѝчаѧ** 9б ib., **кто — не ꙋ8пока ѧле — ждет'** 207б—208.

Мн. ч. 1 л.: 1) *мъ*: **маемъ** 2 посвящ., **имаѐмъ** (получаемъ) 50б; конечный гласный основы у глаголов на *ити* иногда бывает *е*: **молемъ** 18б, **чинемъ** 171б, **мовѣмъ** 158б; иногда видим явление противоположное: *и* вм. *е*: **зовимъ** 114; 2) *мо*: **есмо** 2б посвящ., **ѐсмо сынове** 124б, **емо** (ѣдимъ) 235б, **вѣмо** 184, **бꙋдемо** 2б Рим., **чꙋемо** 177б, **просимо** 5б пред.; 3) *мы*, в чем, несомненно, следует видеть полонизм: **паметꙋ̆имы** 15, **читамы** 41б, **вини^н^смы** (должны) 242б.

3 л. представляет окончания *ть* и *тъ*: **знають** 2 посвящ., **неробѧть** 90; **именꙋютъ** 5 Рим., **потераю'тъ** 8б.

Повелительное наклонение. Отметим более редкие формы. Во 2 л. ед. ч. **роспоѣжь** 128б; въ 1 л. мн. ч. 1) *мо*: **напишемо** 16б, **пристꙋпѣмо** 138, **престаньмо** 99, 2) *мы* (полонизм): **ωвач'ы** 31. Во 2 л. мн. ч.: **ищате** (в текстах Св. писания) 192б, **прїимете** 64б, **на рече, ищете** (т. е. вы ищете)..., но **рече, йщити**... 193 (повелит.); **видьте** (смотрите) 39, **рачъте** 5б пред.

Причастия. Причастие настоящего времени действительного залога обыкновенно представляет формы на *чи*: **переставаючи** 80, **ꙋпѣвнѧючи** 118б, **пишючы** 5б, **говорѧчи** 57—57б, **говора^х^чи** 101; изредка попадаются старинные церковнославянские формы, это в текстах Св. писания: **имаще** 1 пред., **градыи** 217б.

Причастие прошедшего времени действительного залога: **ꙋжаливщыся насъ** 3б посвящ., **ше^д^ша — проповѣдите** 108б.

Причастия страдательного залога вообще встречаются очень редко, и то в безличных выражениях: **вѣдомо маѐть быти** 1 посвящ., **быеть** (бываеть?) **почитаемω** 6 Рим.; **йхъ ꙋбито ωдного днѧ три тисечи** 15, **мѣла быть стерта голова** 2б пред., **такового звано ꙋ̆глашенымъ** 1б посвящ., **тые слова вложноно**... 163, **йжь бы йхъ ѝроботе приставлѧно** 91б; **на который** (**образъ**) **были с'творени** 2б пред. (подражание церковнославянскому языку), **даного** 5б пред.

Формы страдательного залога с большим успехом заменяются формами действительного залога с местоимением **сѧ**: **мѣла^с^сѧ вѣчера гднѧ зачинати** 1б пред., **маетлися правда мовити** 88б, **воѐватися ꙋ̆мѣли** 79б. Иногда **сѧ**, по образцу польского языка, не придает никакого оттенка: **сталъсѧ** 126б.

Описательные формы обыкновенно выражаются при посредстве причастия на -**лъ** и тех или других формах глагола **есмь** — **быти**. Так

прошедшее совершенное к причастию прибавляет настоящее глагола вспомогательного, но в третьих лицах ед. и мн. ч. обходится и без него: есмь ѧ ва на8чилъ 53, крестилъ сѧ есмь 16, яко есм поведѣлъ 386, не ѣлъ 2 посвящ., ѿпочинула 39, не соромѣлъ 64; памятали на слово (полонизм) 936, мусели 16 посвящ., мѣлы быти 41, втекали 786.

Давнопрошедшее прибавляет к причастию вместо старинных вѣахъ или вѣхъ прошедшее совершенное от глагола быти: въ былъ чинити велѣл' 239.

Условное наклонение отражает старинное образование с аористом *быхъ*, причем значение последнего уже совершенно забыто, и он обратился в союз условного наклонения; когда неясно было, какое лицо, прибавлялись еще соответствующие формы глагола *есмь*: абыхъ его позналь 1; абы ѐсь долго жилъ 3, абы ѐсь въ иму не 8палъ 26 посвящ.; клялъсѧ — дати ѡ штобы просила 26, Кайн', который вѣрити не хотѣлъ абы ем8 бгъ ѿп8стити мѣлъ, иже брата своего 8билъ 8: колибы ѐсмосѧ ѿ ѿца и ѿ мат'ки народив'ши не потребовали ины людей помочы — иновы ѐсмо не до́лжни — 51, замыкаѐть, а бымо — не жаловали 88; абы есмо были 96, абы есьмо — знали 4; да не 8чинили бы есте 106, суботы толико ѡбразовалы або значилы 41. Как можно видеть из приведенных примеров, вместо старинных быхомъ, быстe поставлены бы есмо, бы есте; ко 2 л. ед. ч. прямо прибавлено есь.

Будущее совершенное сохранилось, вероятно, не без влияния польского языка: покуль — будеть рачилъ 56 пред.

Интересно причастие будущего времени пришло (будущем) 1646.

В рассматриваемых произведениях изредка встречаются те или другие формы *аориста*, однако лишь в тех местах, где приводятся тексты Св. писания, например, на стр. 696—70: ядасте, 8дѣвастесѧ, закаласте, пасосте и т. д., или молие поѐдоша 63, приравнасѧ 223, небеса 8утверди шесѧ 1256, 8умрѣтже и богатый 1316.

Отметим еще некоторые синтаксические особенности в дополнение к раньше указанным в разных местах. Большая часть отступлений от теперешней белорусской речи легко объясняются, как полонизмы. Начнем с управления некоторых глаголов: памятали на слово 936 (pamiętali na słowo), им богъ благославилъ 73 (błagosłowić komu), знасъ — чинить достойными 18 (czynić z kogo czym), чого богъ по на 8том' словѣ хочеть 1026 (chcieć po kim), досыт'ли натым' 109 (dosyć na tem), спиного ѿца насмеялъ 71, шло ѡ славу Божїю 206, непрод'вери (опечатка: проз — чрез?) до 8вецъ входать 89, калѣка 'потом ужьобга зоветь (а может быть: *оужь бга?*) 1806. *Соединение глаголов с союзами*: вѣдаѐть ижь... 36 посвящ., знаю тое ижьбы... ib., рачилъ, же... 36 пред. (полонизм); другие способы подчинения предложений: не для того абы 1, ни для чого только для того, иже... (не за что иное, как только за то, что) 86; *употребление причастий*: славну церков не имущи скверны 1606, Хс — празники празновалъ — исцеляючи 47. Зависимость от числительных: всѣдми добродетѣлей тѣхъ 26 Рим.

Соединение слов: ѡбачижь а паметоуй 25б, рыцерами и братьею а сынми 5б пред.

Безличные выражения: Наѹку пакъ и таковую ѡглашенїемъ (звано) 1б посвящ.; рѣдъкого знайти, который бы плакалъ 63б.

Местоимение сѧ употребляется очень часто при глаголах, притом не только для обозначения страдательного залога или возвратного, но иногда даже, как мы уже видели, по-видимому, без всякой причины. Как и в польском языке, сѧ может стоять не только при глаголе, но и при всякой другой части речи: емѹсѧ кланели 5б, чрисѧ 3б Рим., сѧстарати ѡ дети 61, ѡтомсѧ старею̂ть (стараются) 184, мог сѧ за Авимелехо молити 170, предъ которым бысѧ—кто—кланелъ 14б, потомусѧ—заховалъ, ижь хотѧжь самъ ѿ него ѿходилъ, пресѧ его дневным ѡбычаемъ ѿблуда и ѿгрѣховъ—вырывалъ 2 и 2б пред., ѹпадетъ всѧк ктосѧ слепомѹ водити допѹщаетъ 2б посвящ., розъсмотри молютисѧ боголюбче естлисѧ сїа речь—незбыла 3 посвящ., штосѧ 5б пред.

В заключение прилагаем список более редких слов, из которых многие следует объяснять, как полонизмы.

А = и: веч'ное а бл҃свеное сѣмѧ 3б пред.

ажь до смер'ти 3 пред.

але = но 2б пред.

ачьколькекъ 3б посвящ. (aczkolwiek — хотя)

Бачишьлй 10б

бл҃гословѣнъства 2 Рим.

блазенъ (в смысле хорош: неискусная переделка благъ) 72б

блюзнилъ или проклиналъ (bluznić) 36

ботсе (потому что вот) 5 пред.

борздей 180, борздо 30

брань или валка 178

братерское 98б (braterski)

брыдливий 3б Рим.

Васьни або гнѣву не держати 76б (waśń)

верхуща вола молотѧщо (врьхѫшта — из текстов Св. писания) 50б

вернъе 2 пред. (wiernie)

взоръ (соблазн) 20б, на взорь маемъ (возьмем для примера) 26

виненъ ѹмѣти (должен знать) 1б

вины (причины) 38б

виноватество (виновность): по виноватестку 63б

воженье: ѹвоженье (в напасть) 206б

вокресть (кругом) 59

выбили (избили) 85

выбрѣсти (выйти) 141

выживенья (питанья) 60б

выхованье (пропитанье) 50

Гамовати (беречься) 101

гасло или сложенїе 110, гасломъ зовимъ 114, на войнѣ по гасле сѧ знаю̂ть 114 (hasło — лозунг)

годины (поминки через год) 2 посвящ.

гоїность 3 Рим.

господарь (хозяин) 54

гребуть (погребают) 129б

гудилъ (поносилъ) 36, гудить 215, правое ѹчение гудити 18

Давешнїй (прежние) 241, двоичасто (сугубо) 89б

двойчи 7б

деи: да небудуть дей бесплодны 61б, не твое дей господарю дѣло 64б

десатѣро божие приказанье 2
довели того (доказали) 153
дойлидъ (строитель) 116б
Ср. Владимиров. Доктор Ф. Скорина, стр. 300
доконанье (кончина 36б)
докуле — дотуле 3 посвящ.
домнѣмаючи (предполагая) 6б (domniemać się)
доступили живота 3 пред.
дочасная (временная) 9
драбы, или людъ служебный, вопросили... 79б (drab — żołnierz pieszy, Линде)
душному (душевному 75б)
дѣвочомъ животѣ 127
дѣля: сего дѣля 3, крове дѣля 82, бга для (ради бога) 2б посвящ., того для (для того) 4
дѣтинство: въ детинъствѣ 2 пред.
дякованье (благодаренїе) 17б

'Єдиною (в одном отношении) 26
еќклесиасто, то есть казнодѣемъ 64
естъливы 10

Жебрують 90
житла (жизни) 136б (żydło — życie, sposób życia, Линде)
жычити (życzyć) 67б

Закидели (завидовали?) 7б
заказуеть (воспрещает) 12
залежать на ласцѣ (зависят от милости) 178
замкненье (заключенье) 180
занехати не рачилъ 3 пред. (оставлять в покое — zaniechać)
заразо (а вместе с тем) 2б пред.
заровно (одинаково) 51
зводити (обманывать) 91
згожаетсѧ (согласно) 59б
злоляицы 97
злочиньцу (злодѣя) 58б (złoczyńca — maleficus, malefactor)
злѣтилъ всей церъкви 249
зычливость 3 Рим.

Иле (сколько, полонизм) 106
ино (то) 10б, 115б

Каженики иже казать себѣ (скопцы) 27
казилися то естъ безъ жонъ жили 31б
кокошь (курица) 81б
колько кроть коли 3 пред.
копы съберати (ставить копны) 48
корогоды водити 84
кресло: на кресло высокое (на престол) 64б
кугларскимъ 241б (kuglarski — паяцнический, фокуснический)

Латвѣ (легко, искусно) 1 посвящ. (удобно) 75
лемешъ: на лемешя (в подлиннике: леметя — опечатка) 79 (часть сохи)
леные (ленивые) 91
лечь (lecz — но) 9б
личили 29б
лупежники: лихоимци або лупежники 57б
лупетко (взяточничество) 185
лядъ (несчастье): проклинанья бывають лядa ѽпричины 20

Маетности (имущества) 62б, змаетностей 95
маткѹ 3
мачеху 248б
матина (милостыня) 91
мнимаю (полагаю) 29б (mniemać — mnimać)
мнѣманью (предположению) 6б
мусить так быти 8
мѣвають (глагол вида многократного к мѣть: часто имеют) 24
мѣденая 133

Набыте: ѿ злого набытя (приобретения) 2 посящ.
накеженья 4б пред.
надармо (всуе) 36
надобѣ 32
надъто (кроме того) 7б
напасть (найти): дхъ стый напалъ 1 посвящ.

наполы (наполовину) 82
напотомъ (на будущее время) 61
напротивъ первому слову 8б
небески 181б
недѣлю (воскресенье) 43
неженикому 32б
незычливе (полонизм) 89б
нельза 3 посвящ., 51б
неперекати (на поле выноска — домнимати) 12
нихай (пусть) 35б
ницовати (менять) 98

Обачають 68, пора обачитися (оглянуться) 2б посвящ.
обет'ници (обещанья) 2б пред. (obietnica)
wбрали (полонизм — избрали) 43
wбрюсъ 13
обтяжати (отягчать) 48
обфите зародила нива 199 (obficie — изобильно)
окроме того 53б
wкрутнѣ 36 (okrutnie — строго, без милосердия, очень)
оньже: того оньже е приходить 137
опладзики 152
опюшле (после) 44б
опратали (омыли) 172
wпричьный (отдельный) 39б
wворотъ: на wворотъ (наоборот) 216
wказъ (ответ) везде
откѣрають (открывают) 65
w (вот) 234, wже 89
wтревають 3 Рим.
огиляннемь їлибо славостию 4б — 5 Рим.
wфѣровалъ 5 пред. (ofiarować = нем. opfern — жертвовать)

Паробко 74б
певный (pewny — верный, положительный) 38
пилно (pilno — тщательно, исправно) 30
писмени 12б
пленица: не впалъ в пленицу бесов'скую 35
плюгаство (plugastwo — нечистота): о плюгаствѣ (прелюбодеянии) 83б
повалуши (склады?) 199
повинность: о повинности (об обязанности) 2 Рим.
пожитокъ (польза) 7 Рим.
позорища (зрелища) 47б
полевати (polować — охотиться) 48
полнять (исполняют) 49
полѣцають (доверяют — polecać) 148
помста (pomsta — наказание): без помсты 101, пом'стою 8б
поневажь 3 посвящ. (ponieważ — так как)
посвѣдъчилъ 19
потилъ (обливался потом) 178
потым (затем) 214
праски (порока) 160б
прикладъ: на прикладъ 9б
припатрися (przypatrzyć się — присмотреться) 30
причин'цу или ходотая 167 (przyczynca — виновник чего либо, предстатель, ходатай)
пришельствія 132б
прозрелъ (предназначил) 155б
промѣжку себѣ 76, промеш'ку (между) 62
проступ'ци 48б
прошю (просьбу) 26б
проща: прощами тое зовуть (=бга къ певнымъ мѣстомъ якобы приказують) 66
пытанье (вопрос) везде
пыху (pycha, спесь, щегольство, роскошь) 57б

Развѣй одинъ богъ 5
рачить: рачилъ 3б пред., нерачилъ заставити 2б пред. (raczyć — хотеть, желать)
рачъ (намерение) 5б пред.
ревень твоя (ревность) 169
емества 61
ремесники 90
роспачь роком называеть, w роспачи 141 (rospacz — отчаяние, уныние)

рѣчь: **нѐ можна рѣчь** (нельзя сказать) 150

Садити: **вѣра правдивая муситсѧ садити на словѣ...** 221
сакраменгѣхъ (полонизм) 1б Рим.
сатанъ 3б пред.
серейпризнами, подачками... 62б
сило (западня): **силомъ** (чит. силóм) 30
свѣдъкомъ 19
свѣтло сътворити 125б
скрини 63
скутокъ (skutek — дело, последствие) 37
слушныхъ причинъ (słuszny — важный) 4 пред.
слювъ: **кто длѧ слюву або клѧтьвы, боѧчисѧ ѐѐ нарюшити, противу закона чинить, того согрѣшенье не є просто...** 26
снадней (яснее) 147б (snadny — готовый, удобный, легкий)
совито (несомненно — sowito) 7б
соромѣть: **не соромѣлъ** (не стыдился) 64
спасъ или спаситѣль 162б
сполочное любъви набучия 180б (społeczny — взаимный)
спустошити 93б
(на) стрóе (?) 63
сущесътвѧного (насущного) 197

Таки: **ѐтыхъ таки словѣхъ** 139б
таланътъ даного таланъту: 5б пред.
тверезъ 150б
теперечи 62б
тогды 12
тремижды (трижды) 218б
трѣски — збиралъ 48б
тутиѐвъ (?) **и клѧтву припоминаеть** 175
тѣже (также) 8б, **тежь** 4б пред.
тѧжыт (судится) 23

Ублагословить Богъ оцъ 5б пред.
узычити (дать, наделить, uzyczyć) 53б
уклад (układ): **люде бо мають иное за чсть коли кто къ кому уклад не говорить, повставаеть...** 49б
оумовы (уговора) 97б
укваплнвѣ (ukwapliwie — торопливо, опрометчиво) 97б
уkладно (układność — почтение) 50
упаку 2б пред.
упалого (погибшего) 3б пред.
уподобия (подобия) 9б
усопнѣть (умрет) 170
уставы своея 215 (ustawa — наставление, уложение)
учен'ники 213

Хуть (желание — chęć) 76б
хыба (разве — chyba) 29

Цноту (cnota — добродетель) 65

Четвѣр' 44
чи (разве, ли) 248б
чили (разве) 4б
чишь: **успокойни а чиши, быти мають** (?) 81
чусто (?) 13

Шацуѣть (поносит — szacować) 215
шаты (одежды — szata) 63
шидерство зъ бга (насмешка — szyderstwo) 202
шпеговъ (соглядатаев) 100

Щастити (помогать) 141б

Ѧзыкъ: **оным славным здавна далеко росъширеным словеньски ѧзыкомъ** 4 пред.

О ЯЗЫКЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ЛИТОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ[1]

Под названием литовских летописей известны краткие летописные своды, содержащие сказания о событиях, касающихся бывшего Литовского государства; писаны они на официальном языке Литвы, т. е. на старом западнорусском. Таких летописей до нашего времени дошло несколько; одна из них, находившаяся в сборнике Супрасльского монастыря, писанном по-русски почерком XVI столетия, издана в латинской транскрипции профессором Даниловичем в «Виленском Дневнике» 1823 г.; затем ее перепечатал А. Марциновский в Вильне в 1827 г. под заглавием: «Latopisiec Litwy i Kronika Ruska»[2].

В «Ученых записках Второго отделения Императорской Академии наук, кн. 1 (СПб., 1854) А. Н. Поповым издан другой список Литов-

---

[1] «Варшавские университетские известия», 1894, II и III, стр. 1—64. Отд. оттиск — Варшава, 1894 (*Ред.*).

[2] Сведения об этом списке, равно как и о других литовских летописях, находим в ст. Даниловича «О литовских летописях», помещенной в ЖМНП за 1840 г., ч. XXVIII. О супрасльском сборнике в названной статье находим следующие сведения: «Это была рукопись в четвертую долю листа, писанная на толстой глаженной бумаге, чистым и ясным русским почерком, свойственным XVI в. Ее переписывал 7028 г. (= 1520), индикта IX, октября 6 дня, Григорий Иванович, кажется, священнический сын, по приказанию князя Симеона Ивановича Одынцевича, как об этом свидетельствует собственноручная подпись в конце рукописи» (стр. 101). После указанной статьи Даниловича, а также другой, напечатанной в 1846 г. при Хронике Стрыйковского, о литовских летописях долгое время в науке было почти полное молчание. Более или менее обстоятельные исследования, касающиеся их, начали появляться в последнее десятилетие. Сюда относятся статьи: Шароневича «O latopisach i kronikach ruskich XV i XVI wieku, a zwłaszcza o latopisie «welikoho kniaźtwa litowskoho i żomojtskoho». Краков, 1882 (Osobne odbicie z Rozpr. Wydz. filozof., Akad. umiej., t. XV); Смольки «Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwac rusko-litewskiego. Rozbiór krytyczny» (Pamiętnik akademii umiejętności w Krakowie. Wydziały: filologiczny i historyczno — filozoficzny. Tom VIII. 1890 г.); Тихомирова «Два польских труда о западнорусских летописях» ЖМНП за 1891 г., февраль. Разбор указанных работ Шароневича и Смольки); Прохаски «Latopis litewski. Rozbiór krytyczny». Львов, 1890.

ской летописи, принадлежавший А. С. Уварову. Список этот, по заявлению Попова, большей частью сходен с изданным Даниловичем, хотя есть и отличия. По почерку Уваровский список должен быть отнесен, по словам Попова, к XV столетию. Сама «рукопись в 16-ю долю листа, на лощеной бумаге, на 107 листках». Для более точного определения времени написания рукописи мы имеем некоторые данные в приложенных к ней родословниках: так, в одном из них упоминаются Юрий Слуцкий и его жена, дочь Николая Радзивила; первый умер в 1542 г. (влето ҂ЗН [т. е. 7050—5508 = 1542]... преставись князь Юрьи Слуцкои), а вторая в 1541 г.; но есть основание считать эти приписки более поздними (см. у Попова стр. 24—25).

Далее отрывок Литовской летописи, подобной же редакции, издан Археографической комиссией в 1893 г. СПб., под заглавием: «Отрывок краткой Литовской летописи, находящийся в летописном сборнике, именуемом Летописью Авраамки». Сама летопись Авраамки подробно описана в предисловии к XVI тому Полного собрания русских летописей. Рукопись летописного сборника Авраамки принадлежит Виленской публичной библиотеке, но вследствие ее издания с 1866 г. находится в Санкт-Петербурге в Археографической комиссии. Писана она на толстой бумаге в четвертую долю и заключает в себе 450 л. Наш отрывок занимает лл. 437—450. Писан скорописью конца XV и начала XVI в.

Кроме указанных литовских летописей, есть еще и некоторые другие, отчасти изданные, отчасти ожидающие своих издателей, таковы: Летопись Быховца, изданная по-польски (отчасти только в транскрипции, отчасти же и в переложении) Нарбутом: «Pomniki do dziejów Litewskich. Wilno», 1846[3]. В Познанской библиотеке гр. Рачинских есть «Лѣтописецъ Великого Кнзтва Литовъского и Жомотъског». Описание его сделано Бодянским в статье «О поисках моих в Познанской публичной библиотеке» (Чтения в Имп. М. Общ. истории и др. российских, 1846, № 1); там же приведены некоторые отрывки из этой летописи. Другие сведения о Познанской летописи, а также о сборнике, заключающем ее, находим у Брюкнера: «Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräflich—Raczyński'shen Bibliotek in Posen» (Archiv für slavische Philologie Ягича, т. IX). В библиотеке гр. Красинских в Варшаве есть также два списка Литовской летописи: один в сборнике XVI в., писанном кириллицей (№ 408), другой в копии, вероятно, XVIII в., сделанной латиницей, с польским правописанием (№ 229). Благодаря любезности администрации библиотеки гр. Красинских, мы имели возможность пользоваться указанным списком XVI в.: ниже будет дано его опи-

---

[3] Более подробные сведения о ней у Даниловича «О литовских летописях». (ЖМНП, 1840, ч. XXVIII, § 4 и 5), а также у Попова (Учен. записки II Отд. Имп. АН за 1854 г., кн. 1). «Летописью Быховца» она называется по имени ее владельца (Бодянский. О поисках моих в Позн. библ. Чтения в Общ. ист. и др. росс. 1846 г. № 1, стр. 7).

сание. Известны еще некоторые и другие списки литовских летописей, например, в скорописном сборнике XVII в. Московской синод. библ. (№ 790), где, по указателю архимандрита Саввы, есть, между прочим, хроника о великих князьях литовских до 1475 г., летописец литовский и летописец о событиях в Западной Руси. Санкт-Петербургская Археографическая комиссия постановила издать литовские летописи в особом томе по возможно большему количеству списков (см. Полное собрание русских летописей, т. XVI, предисловие).

В предлагаемом очерке, служащем дополнением[4] к нашей работе «К истории звуков и форм белорусской речи» (Варшава, 1893), рассматриваются особенности языка литовских летописей а) по рукописи г. Красинских (XVI в.) и б) по двум печатным изданиям: Попова «Летопись великих князей литовских» и Археографической комиссии по отрывку Литовской летописи из сборника Авраамки. Два последних издания литовских летописей с несомненными признаками старого

---

[4] Кстати сделаем некоторые поправки в своих работах: «К истории звуков и форм белорусской речи». Варшава, 1893 и «К вопросу о разработке старого западнорусского наречия». Вильна, 1893. В первой работе на стр. 12, 3 строка сверху, напечатано: часто *с*=*с*, должно быть: часто *з*=*с*. Стр. 31, строки 1—4 сверху напечатано: «*мецъ мети*» (так, вероятно, читается в одном из двух экземпляров Литовского статута 1588 г. Виленской публичной библиотеки: проверить в настоящее время мы не имеем возможности), но в экземпляре статута 1588 г. Варшавского университета читается *моцъ мети*; тогда все соображение наше, выраженное в указанных четырех строках, должно быть уничтожено (правильное чтение отмеченного места предложено проф. П. В. Владимировым во время моего диспута. Разночтения в печатных экземплярах статута возможны ввиду того, что он перепечатывался несколько раз, с сохранением прежней пагинации, шрифта и формата, причем, однако, на 1-й стр. год издания не обозначался. Допускались даже отличия в заголовке (ср. у нас на стр. 20—21 заголовок экземпляра Варшавского университета и на стр. 310 факсимиле заголовка статута у Линде). По указанной причине поправить *мецъ* на *моцъ* и на стр. 45, 4 снизу. На стр. 103, строка 17 сверху *ѡбидецъ*, может быть, не глагол, а род. п. к существительному *обидца* (объяснение, предложенное П. В. Владимировым). Стр. 124, строка 18 сверху, напечатано *нех^{д}хо^{д}заю*. должно быть *не^{д}хо^{д}заю*; стр. 311, 2 строка снизу, напечатано *заголовку*, должно быть *заголовок*. Во второй работе следует сделать поправки и дополнения: на стр. 31, 2 строка снизу, напечатано: «часто употребляется ѧ и ръ : сѧ (суббота), сѧдѣ»; должно быть: «часто употребляется ѫ и ръ:сѫ» (суббота), сѫдѣ». Стр. 40, 10 строка сверху, напечатано 1866 г., должно быть 1886 г. Стр. 42, 5 строка сверху. В числе пособий следует упомянуть еще обширные рецензии Мурки: а) на книгу Владимирова: «Доктор Ф. Скорина» (Archiv Ягича, XII, 243—268), б) на «Исторический обзор...» Недешева и наш «Обзор звуков и форм белорусской речи» (ib., 526—539), в) на статью Владимирова: «Житие св. Алексея человека божия» (ib., 560—571). Стр. 43. После № 5 следует прибавить: Янчук: «По Минской губернии» (в «Сборнике сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. 1. М., 1889), Weryha. Podania białoruskie. Lwów, 1888 (с предисловием Карловича об особенностях белорусского наречия и некоторыми возражениями на наш «Обзор звуков и форм белорусской речи»). Стр. 44. Следует прибавить: 7. Wielka Encyklopedya powszechna ilustrowana. T. VIII (zeszyt 59), 1892, стр. 646—663: Białoruska literatura i bibliografia; Białoruski język; Białoruś. Стр. 48. К заметке о Виляновской рукописи прибавить: «Оригинал издан в Киеве в 1885 г. Археографической комиссией».

западнорусского наречия заслуживают особого внимания: по словам Попова, «рукопись печатается буква в букву; только немногие, встречаемые в ней сокращения, и то непостоянно, переписаны вполне, без сокращения букв. Соблюдено правописание рукописей...» «Издавая эту летопись (говорится в заключении), полагаем, что она будет любопытна как памятник исторический и вместе с тем как образец языка литовско-русского XIV столетия». Также и «при печатании отрывка сохранены все особенности его правописания, любопытные для исследователя западнорусского наречия» (предисловие).

Конечно, почти никакого значения для характеристики языка, кроме, разве, синтаксической да отчасти лексической сторон, не имеют издания Даниловича и Нарбута. Кроме того, и оригинал Летописи Быховца, вероятно, носит сильный отпечаток малорусского наречия, насколько можно судить об этом по следующему замечанию Нарбута: «Русское наречие (Летописи Быховца) принадлежит к употребляемому в Южной Литве, около Пинска» (ЖМНП, 1840, отд. II, стр. 88). Также масса малорусизмов в латинском списке Литовской летописи XVIII в. библиотеки гр. Красинских.

Очень чистым западнорусским языком XV—XVI столетий написаны заключающиеся в указанном выше сборнике XVI в. библиотеки гр. Красинских: «Лѣтописецъ великого князьства литовъского и жомоицьского», а также «Кроиники о великихъ князехъ литовъскыхъ». При сравнении этих Летописца и Хроники с изданиями Попова и Археографической комиссии оказывается, что только Хроника соответствует последним по своему содержанию. Что же касается Летописца, то он по содержанию своему напоминает Познанский список, а также летописец Быховца. Нашей задачи не составляет рассмотрение состава указанных летописей; мы отметим только палеографические особенности и данные языка, причем в общих чертах постараемся дать сведения и обо всем сборнике, содержащем указанные летописи.

Насколько нам известно, рассматриваемым сборником XVI в. библиотеки гр. Красинских занимался проф. Брюкнер, извлекший из него некоторые данные для своей статьи: «Die Visio Tundali in bömischer und russischer Uebersetzung» (Archiv f. sl. Phil., Ягича, т. XIII). Копия с Летописца и Хроники несколько лет назад снята для Археографической комиссии в Санкт-Петербурге и недавно сделана с тех же произведений для издания литовских летописей, предпринимаемого в Галиции. Других сведений о ней мы не знаем.

В настоящем своем виде рукопись начинается с 54 листа (н҃д), на котором, между прочим, сделана пометка о времени приобретения ее в библиотеку гр. Красинских: 30/11 833, т. е. 30 ноября 1833 г. Поступила она в библиотеку, по указанию администрации последней, от Константина Свидзинского. Рукопись в лист малого формата, именно: в длину — 27,8 см, в ширину 18,8 см; от времени, а также от небрежного обращения, края некоторых листов повреждены, преимущественно углы вверху и внизу. Места особенно интересного содержа-

ния больше всего пострадали; к таковым, между прочим, относятся Летописец и Хроника. Начало и конец рукописи утрачены; всех листов 179; начинается рукопись с 54 листа (нд), но, как уже отметил Брюкнер (Archiv, XIII, 201), это не есть первый лист; настоящий первый ее лист 53 (нг), вклеенный после 61 (ѯа). Последний нумерованный лист 230 (сл), но за ним еще два без всякой цифры; впрочем и этими листами рукопись не оканчивается. Внутри рукописи не на всех листах есть нумерация: часто с углом листа она оборвана, но ее легко восстановить. Вообще же следует сказать, что хотя в рукописи нумерация листов (вверху направо) и сделана кирилловскими буквами, однако она более позднего происхождения, нежели сам сборник: так, после 90 (ч) листа следует 91 (ча), между тем как содержание оборота 90 листа и начала 91 не имеет ничего общего между собой. Нет связи также между текстом 158 л.б и 159. В подробно рассмотренных нами листах Летописца и Хроники встретилась еще одна ошибка в пагинации: два раза напечатано он (78) вм. оз и ои. Во время нашего пользования рукопись была без переплета, но прежде, вероятно, несколько раз переплеталась; на это указывают и подклейки в листах разного времени. Теперешняя кирилловская нумерация ее, вероятно, сделана после последнего переплета, так как прежде было иное расположение статей, а может быть, были еще неизвестные нам статьи. На такое предположение, между прочим, наводит следующее обстоятельство: в заключении Летописца (л. 72) сказано: **«што вышей ѡписоуєтса вр8ской кройницє»**, а между тем теперь перед Летописцем русской хроники нет; если же здесь имеется в виду Хроника литовская, то она ниже. Далее, Летописец, кроме общей пагинации (зд—ок б), имеет еще свою особенную, несколько влево от общей и ниже ее (а—ѳ).

Весь сборник написан, по-видимому, на одинаковой бумаге — гладкой, довольно толстой, лоснящейся, тряпичной; цвет бумаги везде несколько желтоват: в местах, которые особенно часто читались, бумага потемнела. Если рассматривать листы рукописи на свет, то можно заметить водяные знаки: чаще всего свинья, несколько похожая на № 439 у Лихачева: «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (Санкт-Петербург, 1891). Кроме того, встречаются и другие знаки, например двойного креста: л. 161 и др. (ср. у Лихачева № 546 и 547); щита с короной и топором (у Лихачева № 525): л. 91 и др.; есть, наконец, особый знак, вроде щита с волнообразной линией справа налево; при первом взгляде он напоминает неискусно нарисованную физиономию человека; у Лихачева аналогичной филиграни нет.

Рукопись вся писана одним почерком: довольно крупным полууставом XVI в.; лишь изредка попадаются отдельные скорописные буквы (*а*, *в*, *ъ*, *з*, *т*). Буквы цвета черного, несколько желтоватые; заглавия везде написаны киноварью, равно как и начальные буквы некоторых крупных отделов, а иногда и менее значительных. На листе 177 (роз) есть киноварная заставка из перевитых змей, по кото-

рым чернилами (мелким почерком) написано изречение: премѫдрость созда себѣ храм и оутверди стол седмъ, заклà свѡ жертвенàѧ и черпа вчаши своеи вино. посла свой раби созивающи совсѧкымъ . . . нѣмъ на. . . — На полях есть разные пометки, большею частью написанные более поздней рукой полууставом и, что чаще, скорописью; свободные страницы также исписаны разными пометками на русском и польском языках, показывающими, что рукопись очень усердно читалась. Но собственно для истории рукописи почти все встречающиеся надписи не имеют никакого значения.

Число строк на каждой странице обыкновенно 26, чтó составляет столбец высотой в 27,7 см; средняя длина строк 13,5 см. Строки писаны по линейкам; расстояние между ними 0,7 см; высота букв 0,2 см.

Из букв по своему начертанию замечательны: ы, ꙑ, и, ꙁ, иногда и з, н — н (для *н*). В роли прописного *и* часто бывает и н.

Для обозначения звука *я* употребляется обыкновенно ѧ, но после гласных иногда встречается и ꙗ: поѧтꙑ и пойты 69б (собственное имя). То же находим и в начале слов; ꙗтьвѣ͡скимъ 72б.

Для обозначения *е* имеем три знака; обыкновенно є: мєлъ 66, вєсь 64 и т. д.; далее є, большей частью употребляемое в начале слов: єсть 64, єго 74, єго 90б, но также и в середине, особенно после гласных: свое͡ 73, воєко͡ 90, воєва͡ ib. Кроме того, после гласных встречается и е: воплоцѥ ѥ 64, ри͡ское ib.

Для *о* обыкновенно употребляется о, но в начале слов, а иногда и в других положениях встречаем ѡ: ѡдномоу 64, ѡца ib., ѡколє͡, гайѡсъ ib.

Звук *у* выражается посредством ѹ или оу; последнее начертание чаще в начале слов, но иногда и в середине: оувєлико 73, ємоу 72б, моукѹ 64. Изредка попадается ꙋ: и ꙋмрє 68, кꙋ|рдаса 70. Местами встречается для выражения *у* юс большой: поꙁахѫдѫ слнца 64б, двѫхъ 66.

Звук *з* часто передается посредством ѕ, особенно в слове *князь*: кнѧѕь 66б, кнѧѕьскꙑє ib.

Т имеет два начертания: т и ꚍ; оба употребляются безразлично: маєть пріити 64, ꚍа͡ наꚍо͡ 72б. Иногда *т* имеет вид 7: наримон7ъ 73. Последнее начертание особенно часто в буквенных титлах.

Ч имеет вид Ч.

Скорописное начертание имеют, как мы уже говорили, *а* — вроде греческой альфы с сильно продолженными росчерками вверх и вправо (києвꙉ 88б), а также особый вид: ꙁѧлєй 64 (такое же *а* на этом же листе в словах: аѵаꙋ, апосмрти или на 72б — акалєѵный). Иногда *б* — б и *в* — в; *з* — ꙁ, *ъ* — ъ и даже *ѣ* — ѣ. Впрочем, скорописные начертания вообще попадаются очень редко; тогда как все вообще буквы писаны прямо, скорописные начертания большею частью наклонены вправо.

Из слитных написаний чаще других встречаются ИВ, т. е. *ив*, например в словах ивладоѕѣ 85, ивладєцѣ 73б, ивод8 74, ивыєха͡ 76, ивсѣ

79. Затем очень обычно а/, т. е. *ау*: ѵау 64. В титлах ж, т. е. *жи*: ме[жи] 73б и ж, т. е. *же*: помо[же] 79.

Над строками встречается много разных значков, едва заметных. Обыкновенно над начальными гласными, а также стоящими за гласными, а иногда и помимо этого ставится ˙, ʼ, ˺, ˹, ˆ, ʹ, ʽ; над более широкими буквами, как ѡ, ы, ꙗ бывает ¨, ⁻ʼ, ʸ, ˟, ¬, ʺ ʽʽ; то же, бывает иногда и над другими гласными, например над *і* — ї, *а* — ӑ, ѫ; точки иногда встречаются и над согласными; если получается группа согласных, то над одной из них обыкновенно ставится ʽ или ʹ.

Титлы встречаются разного рода: простые: ˜, ⁓, и буквенные: ˀ, ˁ, ˁ, ˀ, ˆ, ˀ, ˀ, ˀ и др. Также очень часто встречаются надписные буквы: [т] (ѿ и в других случаях), [р], [д], [м], [з], [д/] (всегда со значком после него), [ж], [х], [г] (особенно в окончании род. п. на *ого*, *его* — о[г], е[г]), ʺ, [и] (почти всегда в окончании прилагательных: которы[и] 64 и т. п.), [ш], [мѹ], [ли], [ю], [нї], [жи], [же] и др.; особенно часто над строкой пишутся буквы в окончаниях слов: да[х], мр̃твы[х] и т. п.

В строках знаки препинания встречаются редко: обыкновенно точка или короткие запятые.

После краткого ознакомления с внешней стороной рукописи обратимся к ее содержанию. Начало рукописи утеряно; на теперешнем 1-м листе (53-м) идет продолжение *Александрии*; именно, в первых строках его читаем: дра... оубие се и[ж] припа[д] ме[с] ѝзрѹки ѥго кзѧ. ѝхотеша ѥго ины[х] оуби[ти]. и карати ѥго на[с] глѧ. непо[до]бниуестрашли[с] уе аще храбръ мниши бы[ти], са[м]ты нане[с] крови пойщи. истинно бо гл̃ю ти. аще похвати[т] ме[с]. р̃. такокы[х] ѧко[ж] же ты ѥси постойти немогоу[т]. аще ли храбръ ѥси мниши быти. ѝдивъалекса[н]дровестра[жи] оуби[и] ѥго....

На поставленном по ошибке в начале сборника 54-м листе тоже продолжается *Александрия*: (53б внизу:) . . . . съ[ж] ѡни слышавши (54) рек'ше аще ть.... екс'андръ мыдне ѝзмели ѥсмо, алексадръ закыю похвати[с] ихъ и ре[с]. неймате вы ѿ менѣ оумр̃ти. азъ бо соѥлюдѹ ка[с] любою и уестию. мт̃ри бо вашю[и] ка[н]даки[и] клеѡпиле цр̃цы сн̃ъ ѥсми. самъ[ж] бра[т]ски[и] ѡде[р]жи[м] ѥсми. ѝ тѹ дарова и[х] алекса[н]дръ ѝ ѿпѹсти... На этом же листе (54а) есть уже и заголовок киноварью: ʺѠ пришествїй 'алекса[н]дровѣ ко цр̃ци свое[и] рокъсанѣ Ѝ ѡ'смр̃ти ѥго. Этот рассказ оканчивается на листе 63 (з̃г) словами: ...птоломеи[ж] идило[с] столпъ вели[с] ѝ высо[с] созъдаста. сре[ди] алекса[н]дре[и] града. и нане[м] вковуе зе злате тѣло алекса[н]дра цр̃ѧ ирокса́ны цр̃цы пос[т]лавиша ѝде[ж] ѝдодн̃ь тѹ стои[т]. вельможи[же] ѥго и цр̃ие. вса[с] ѿйде въ свою землю. алекса[н]дреею[ж] птоломею цр̃тькова[ти] прилоуи[с].

Оборот 62-го листа исписан разными заметками, почерком позднейшего времени, не имеющими значения для истории рукописи.

С 64-го (з̃д) листа начинается Летописец, причем на нем двойная нумерация, как об этом мы уже говорили; кроме того, на полях под нумерацией мелким полууставом более позднего времени сделана следующая надпись: а̃|ли[с]|литовск'і|й жомои[т]|литописе[с]. Приведем для образца орфографии и языка целую страницу (две первые строки и начальная буква рассказа киноварью):

Лѣтописецъ великого князьства

литовъского. и жомоицьского.

Усталося есть воплощение сна бжьего ѿ стго дха зъ блвеное двцы пречтое мрии ѿпоуатку сотворения всего свѣта. лѣта патьтысачного патсотного дкадцать шестого. ѿног чау панство рискоѣ. было пре цесарем августом. которым иже не толко ѡдному рименъ. алей всемоу свѣтупанова. яко вышейписано чау цесарьства августова: снъ бжии народился. ачаутивириа цесаря второго поавгусте накртѣ волную моуку принял длязбавенія. иѿкупения рожаю члвчего, закоторого тивирия цесаря. вси рѣчи и прорче ства наполнивши повостанию изъмртвых встоупилъ на нбо и селъ направици бга ѿца. ѿколе дня соудного маеть прийти соудити живыхъ и мртвых и ѿдати комоуждо подлугъ заслоуги его. апосмрти тивирия цесаря былъ цесаремъ гаиѡсъ. погаиюсе. клавдиі. поклавдии црствовал снъ его нерон. которыиже неронъ былъ панъ ѡкрутный аневъстакичный власную матку свою идоктора своего навышьшого. своею рукоюзабил безкаждое причины. ѿсмрьть приправилъ. инеколко крот мѣсто римское. казал запаливати. анидлячого толкодля тог.

Примечание. Курсивные буквы в тексте здесь, равно как и в других местах, употребляются на месте скорописных.

На обороте 64-го листа и следующих идет рассказ о Палемоне, прибытии его к устью Немана, поселении с своими спутниками в Литовской земле и первых литовских князьях до Наримонта и брата его Тройденя. Летописец оканчивается на 72-м (ѻв) листе. Вот конец его (шесть последних строк 72-го листа и весь оборот его):

. . . . Идо
вѣдалсѧ кнзь великый наримонтъ и мешкають,
моужики напоущи дойнова итвежапана надсобою
немають. и пошол нанихъ, и они непротивячисѧ
поддалисѧ. ипоклонилисѧ емоу. иѡн ѡставъ
ши имъ гдремъ и взявъши ихъ дал братоу своемж
тройденю завдѣлъ. Икнзь великый тройдень
найдеть горж краснѹ. ихорошѹ над рекою боброю.
итам заробить город. иназоветь его райгород.
ипрозоветсѧ велики кнземъ итьвеским
идойновъски. ибждучи емоу там на том княжень
великїй вал ки чинил. злахи изрусью. измазовъ
шаны изавъжды зыскивал. инад землями ихъ
силные ѡкрутеньства чинил. штож вышей ѡпи
соуетсѧ врюской кройнице. ижь горши был
тым землам. нижьли антиѡхъ сирскїй. и ирод
ерлмъскїй, инеронъ римски. што такъ былъ
ѡкрутны авалечный.

С листа 73-го (ог҃) начинается Хроника, в общем сходная с изданной Поповым. Приведем первую страницу (две первые строки и начальная буква рассказа киноварью):

Кройники ѡ великихъ кнзе литовъскыхъ.

Напервѣй оувеликог кнза кгѣдимина. семъ снов
было. старший снъ был монтивил потом наримонтъ
апотом ѡлькгирдъ королевщь. левнуте. потом
керстутей. ѡць кнза великог витовта. апотомъ
корятъ. асемым любонтъ, колиж ихъ ѡць подѣлил. на
первѣи дал монтивидѹ кораоцв аслоним. наримонтѹ дал.
пинескѹ. ѡлкгирдѹ дал крево, актомѹ кнзь витебъ
ский сновъ недержал. иѡн принял ѡлкгирда. кдочцѣ свое
витебъскъ взяти. а евнутый ѡсадилъ навильню,

акеᵖстутью даˡ троки. коᵖиату далъ новгородоᵏ. алю боᵖта прималъ волоˡⁿмерьски кнзь кдоᶜцѣ своей оуво лоˡⁿмеръ. ивлуческо ивъвсю землю волыⁿскую ѡлькгиᵖ дѣ королево ѡць. акнзь велики керстутей были съсо бою оумилости великой и влацѣ. акнзь великий евнутей быˡ межи иˣ вбольше поучестности кнжилъ на вилни. инеполюбиˡся кнзю ѡлькгиᵖду икеᵖстутю измовиˡⁿмежи собою браᵗа. такъ какъ бы звиˡни его съсаˡⁿти. анѣкорому бы мѣжи иˣ накилни сести, измовивши межи собою рокъ учиниˡⁿ которого бы днанаехаᵗⁿ навилню изасести гороˡ поˡбратоⁿ своиⁿ кнзеⁿвеликиⁿ евноуᵗемъ, такъˣ кнзь великиⁿ, ѡлькгирˡъ звитебъска довилни борздо неприспеˡ. акнзь великиⁿ кеᵖстутей вогнаˡ вгороˡ. икнзь великиⁿ

Хроника обрывается на обороте 90-го листа: на листе 91-м окончание какой-то другой статьи, но только не Литовской хроники. Приведем конец Хроники. На обороте 90-го листа в 7-й строке сверху киноварью заголовок:

Ѿ москвѣ побоищи.

Тогоˣ лѣта кнзь вѣликыⁿ казимиᵖ немиреⁿ быˡ скнземо вѣликыⁿ москоᵛскиⁿ. ипришеˡши москвичи статары ка заⁿскими извоеваˡⁿ казеⁿскую землю всю. тоеˣ паˣ зимы кнзь вѣликыⁿ казимиᵖ посылаˡ воевоˡ своиˣ кнзей ипа новъ литовоскиˣ. противъ того воеваᵗⁿ москоᵛскоᵍ земли извоеваˡⁿ. козелескъ. вѣрею. иколугоу. award можайско имноᵍ лиха оучиниˡⁿ москоᵛскоᵍ земли и вполоно повѣ ли. влитовоскуюземлю. имосквичи собраᵛшиᶜ заде ваᵗдней. ипогналися вслеˡ залитвою. идогониᵛши би лися злитвою ипомоᵍ бго литвѣ побиˡⁿ мноᵍ москвиᶜ литва. амноᵍ живыˣ поимаˡⁿ. ипривѣли иˣ ксмолеⁿску квеликоⁿᵘ кнзю казимиру. ивчинили тогᵈы кнзи ипа ны литоᵛские вѣликую честь кнзю вѣликому кази миру королевичу. амоскоᵛскоᵍ кнзя тогды оумоскоᵛ

ской землї нєбыло. ходи[л] кмуромлю статары би
ти[с] сцре[м] махмъто[м] и сно[м] єго момотако[м]. Ипобили
москви[ч] наголову. асамо[г] кнза вєлико[г] моско[в]ско[г]
кнза васи[л]я инали. иможаиско[г] кнза ивана ина[ли]
йины[х] кнзей ибоя[р] москвиуовъ мно[г] поби[ли]. йны[х] живы[х]

Конца нет.

На обороте 91-го листа: Хожєнїє данила игумена въ стый гра[д] їєрлмъ. Икъ проидя стая мъста йдъжє гь нашь ісъ хс походи насъ ра[ди] грѣшны[х].

Текст «Хождения» обыкновенный полной редакции; признаков западнорусского извода имеет сравнительно мало. «Хождение» продолжается до 128-го (ркй) листа; здесь к тексту присоединена приписка более позднего времени другими чернилами (более бледными): братиє нєпєчитєся ѿ грєсєхъ бгъ пєки[и]ся, роукою много. грєшъного, раба. божьєго, симона. василъєвича, шпаковъского. На обороте 128-листа есть разные записи более позднего времени, вообще малоинтересные.

С 129-го (ркд) листа новое произведение на замечательно чистом западнорусском наречии старого времени: Починаєтс'я книга товидъ. Книга Товита продолжается до оборота 143-го листа. Для образца языка приведем один отрывок (л. 130б в середине):

.... Пригодилося єдиногоднє. йжєто
ви-ѳъ погрєбалъ тѣла мртвы[х] йоутроудился вє
лми. апришє[д]'кдомоу по[д]'лє стєны вєржє сєбє ѡпо
чиноути. йоусноулъ. авто[м] оусн8тий. лайна
сий рѣ[ч] калъ ласпіовица горку єму зъгнѣздд въ
ѡчи ѡпустила. такъжє пакы оусноулъ. йоу
тото покушєнїє на нєго бгъ прєпоустилъ прото
што бы боудоущи[м] данъ былъ прикла[д]' єго, т'рь
пєливости. яко йстого иѡва. оубо єгда[ж] сты[и]
йѡвъ ѿ своєго дєтинъства бгася боящє.
априказанїє єго полнящє ....

На листе 144-м (рмд) новая статья — Видение Тундала: Починаєт'ся к'нига ѿ таоудалє. рыцєри. Видение Тундала простирается до листа 158б, но оно не окончено. Довольно подробные сведения об этой статье даны у Брюкнера: «Die Visio Tundali in böhmischer und russischer Uebersetzung» (Archiv Ягича, т. XIII); у него же

приведены и отрывки из нее, хотя и невсегда палеографически точно. Вот начало книги о Тундале:

Лѣта ѿнароженіа сна бжиаго тисѧчаготриⷣцатого декатого было дрꙋгое лѣто. цр҃атакрата. цесарѧ римъского валеⷮного, иш'то есть валькоу проерлимъ мѣлъ· ачетверта голѣта, іакоже есть еѵгеніюсъ папежемъ былъ воленъ втомъ лѣше тако еѵгениюсъ папеⷤ възкра тилсѧ есть былъ дорима. ѕвлаⷯишто словоу га мїа. атогоⷤлѣта стый малахиа въманастыри иже то слове глоѕоналъ. иѕшелъ стого свѣта.

С листа 159-го (рнд) «Почннаетсѧ реⷱ ѿ треⷯ ставехъ со слов: Стыⷨ аоугоустинъ. въ с'воиⷯ словеⷯ настрѣтеніе га нш҃его его Іу ха глеть. иже которыи хртианъ маеть быти....

На обороте 159-го листа «Почннаетсѧ пер'выⷨ ставъ сѕирнмъ въ браце моужеⷨ иженаⷨ хртианамъ».

На листе 161б находим отдел, озаглавленный: В'торыи ставъ есть в'довъ'скїи.

На листе 165-м (рѯѕ): Тѹтос'апочинаеⷮ ѿставѹ девичеⷨ.

Статья «О трехъ ставехъ» оканчивается на 171-м листе.

С оборота 171-го листа идет новая статья: «Сказание ѿ сикилле пророчици». Начинается она словами: Того чаⷭ. ѕамоудраго цра саломона. бѣаше пророчица ѕвѣѕдарька имененⷨ сикил'ла. ата бѣаше велми моудра. — Статья о Сивилле продолжается до 176б листа.

На листе 177-м (роѕ), после описанной раньше (стр. 212) заставки следует заглавие: Прореченийа стыⷯ пророкъ ѿ хрⷭ҇ѣ Іс҃ѣ. пророчес'тво моѵсеѡвоѕаконодав'ца. Затем следуют предсказания других пророков.

На листе 181-м, в середине, не с новой строки, находим написанный киноварью следующий заголовок: Стѧѕаніе бык'шее вкратцѣ въ Іерл҃мѣ. присофоніи архиеп҃пе, ѿвере хртіаньстей. ікреѡⷯ сошеⷣшимсѧ. ихристианомъ. После этого «Стязания» опять идут пророчества до 194б листа.

На 195-м листе: Прорцание стыⷯ пророкъ ѿпревѣчномъ рожⷭ҇енїи. сн҃а бж҃іа. иⷤ ѿ ѿц҃а, и ѿвоплощенїи хв҃ѣ. иже ѿ стыѧ дв҃ы бц҃а мрїа. пророчес'тво соломоне. иже ѿхе. ивъкориѕна, наѿметныⷯ іеврѣи. оустꙑ. соломони. сн҃ъ бж҃їи пророче ѿ собе. иⷨ бепревечен съ ѿцемъ ис'вое ржⷭ҇тво ѿ ѿца ис'ходно. поведа а рече...

На 230-м листе находим последний заголовок: Слово ѿ пос'ледненⷨ в'ремени. ѿмихайловѣ црствѣ. гн҃ блг҃ви ѿче. Статья начинается со слов: Егдаⷤ боудеть. ѿпос'леднеⷨ в'ремени. ѿ исходе. ҂ѕ

тысащь лѣт. тогда оумножитсѧ беззаконие ѡ людехъ... Слово это не окончено.

Из обзора содержания сборника можно видеть, что нигде нет упоминания ни о авторе той или другой статьи, ни даже о переписчике. Что касается, в частности, Летописца и Хроники литовских, то они, как и все другие известные нам списки этих произведений, не представляют из себя оригинала, а переписаны с более древнего подлинника: об этом говорит замечательное сходство редакций всех известных списков. Несомненно также, что оригинал Хроники явился не раньше конца второй половины XV в., как об этом, например, можно судить на основании следующего места (л. 84): **досих часокъ тым подоле залмахи зашло и тепер держат**. Подолие отнято было у Литвы поляками во второй половине XV в., и насколько можно судить по складу речи летописи, за несколько лет до написания данного места. У нас есть еще некоторые данные для суждения, по крайней мере, о времени составления и переписки сборника. Сюда относится указание слова «о последнем времени» (л. 230), где сказано: «**Егдаж боудеть ѿпоследнем времени. ѿ исходе. ҂з҃. тысащь лѣт...**» Переписка этого слова по исходе 7-й тысячи лет, т. е. после 1492 г., не имела бы смысла. Ясно, значит, что оригинал, с которого списан наш сборник, а может быть даже и самый наш сборник, составлен в конце XV в.; по крайней мере, почерк рукописи не говорит против такого предположения. Другое дело бумага: хотя приурочение тех или других водяных знаков к известным годам и не может еще считаться вполне установившимся, однако, насколько можно судить по имеющимся теперь у нас данным, бумага нашего сборника, как об этом мы уже говорили (стр. 212), относится только к половине XVI в.; к этому времени (второй половине XVI в.) должна быть приурочена и переписка нашего сборника.

Кроме материалов, извлеченных из трех указанных списков литовских летописей, по временам мы будем привлекать для сравнения данные и из Познанского списка, заимствуя их из указанной раньше статьи проф. Брюкнера. В Познанском сборнике литовские летописи занимают листы с 225 по 291.

В дальнейшем изложении будут допущены следующие сокращения:

Вил. — Виленский список летописи в сборнике Авраамки по изданию Археографической комиссии.

Увар. — Уваровский список летописи по изданию Попова.

Крас. Л. — Летописец } по сборнику библиотеки графов
Крас. К. — Хроника } Красинских в Варшаве.

Позн. — Познанский список по исследованию Брюкнера.

Приступая к указанию особенностей языка перечисленных произведений, заметим, что в общем они напоминают язык других старинных

западнорусских произведений, хотя и есть некоторые очень резкие черты, характеризующие исключительно наши летописи. Имею в виду преимущественно синтаксический строй языка, представляющий много нового и интересного. Да и вообще язык рассматриваемых летописей (по спискам Уваровскому и Виленскому) отличается сравнительно незначительным количеством полонизмов; в нем, напротив, проглядывает стремление к употреблению церковнославянских слов и оборотов; местами заметно желание подражать складу древнерусских летописей, даже внешним образом, например употреблением таких стереотипных выражений, как: Мы ж на преднее возвратимься Увар. 38; Мы ж на предлежащии возвратимся ib. 40; и възвратимисѧ вос^{в}па Крас. Л. 68б. Что касается языка Летописца и Хроники по списку библиотеки Красинских, а также Познанскому, то здесь уже больше полонизмов и очень незначителен церковнославянский элемент.

Как увидим из изложения особенностей языка, в некоторых списках Летописи встречаются, хотя и очень редко, малорусизмы.

Теперь рассмотрим язык литовских летописей в подробностях.

ФОНЕТИКА

Гласные звуки

В области гласных первое место в теперешних белорусских говорах и старом западнорусском занимает а к а н ь е. В рассматриваемых нами произведениях случаев аканья встретилось достаточное количество: *манастырь* 68 Крас. Л., и 90 Крас. К., *ѡмат^{н}ȣ* 83 ib., *рык^{н}галтȣ* 70б Крас. Л. (обыкновенно *рыкголтъ*), *замазыре* 79 ib, *карабле* 80 Крас. К.. *сара* звоюе 76 ib (вм. *сора́жъ — суражъ?*) з '*навагорѡка* 67 Крас. Л. (при *новъгородокъ*, на *новегороце*), *начова* 83 Крас. К., 87б ib, *витовтавы* 81б ib, Витовтъ *горазда* живеть 3 Вил., *стаяти* 4 ib., *старонамъ* 10.$_{24}$ ib.; *польтараста* 44 Увар., брат *Ольгирдавъ* ib., *беза*всякого 48 ib., иных бояръ *многа* постиналь 33 ib. В приведенных примерах, есть, однако, такие, которые имеют сравнительно мало значения; таковы собственные имена, а также иностранное слово «манастырь». Не будет аканья в словах, подобных *непомагал* 83 Крас. К., где вид многократный. Несомненно указывают на аканье писца случаи написания *о* на месте этимологически правильного *а*, как у *комнотѣ* 7.$_{18}$ Вил. рядом с *у комнатѣ* ib. 7.$_{25}$ или *кроковского* 8 ib., *пригодала* 33 Увар., *корати* 38 (если только здесь *ора* не под влиянием таких написаний, как *ворабей*; ср. «К истории звуков и форм белорусской речи», 215—216), *ѡб'доровашu* 69 Крас. Л., *Колугу* 56 Увар., даже *Ягойло* 32 ib. несколько раз. Все подобные случаи указывают на то, что переписчик не различал безударного *о* и *а* и употреблял *о* там, где должно быть *а*. Стремлением к этимологическому написанию следует объяснять также употребление *о* в известной приставке *роз*:

розъехатися 6 Вил., *розбити* 7 ib., *росек'ши* 83 Крас. К.; или в словах: *ѡстронома* 64б Крас. Л., *ѡтаманы* 82б Крас. К., *ров'ниньг* 65 Крас. Л., *д8бровы* 65 ib. В слове *Нѣмонъ* (река *немо* 64б Крас. Л.) *о* согласно с теперешним белорусским произношением: *Немон—Немна*.

Случаев появления *а* на месте *е* (какого бы происхождения оно ни было) встретилось значительно меньше: *Нарамонтъ* 1 Вил. (рядом с *Наримонтъ* 27 Увар. при посредстве *Наремонтъ*, с отвердением *р*), до *вечара* 70б Крас. Л., *Гарасима* 88б Крас. К. (при посредстве *Гäрáсим* с твердым *г*, как и в теперешнем живом белорусском произношении), на *кремѧц8* 88 ib., *Явнутию* 28 Увар. при *Евнутия* ib., *Жаславль* 2 Вил. при *Жеславль* 73б Крас. К., хотя в последнем примере *е* можно выводить и из *а* (*я*); в «*Ѿтолѧ*» 81 ib. *а*, вероятно, вызвано другими причинами (ср. «К истории....», 184); не относятся сюда: *кнжаньи* 69 Крас. Л., ѡбема тыми *кнѧжаньи* 229 Позн. (рядом с *кнежени* 232 ib.). В *жявяше* 48 Увар., вероятно, описка или опечатка.

Что касается явления противоположного — сужения *е* в *и*, то и оно нашло отражение в следующих случаях: *Звинигороду* 14 Вил., *Звинигородъ* 40 Увар., *ище* 48 ib., *миж* 55; *цригроски* 86 Крас. К., *ѡкристи^хсѧ* 68 Крас. Л., *ѡкиѡнъ* 64б.

В зависимости от ударения, а также некоторых других условий (ср. «К истории...», 189) находится появление *е* безударного на месте *а* (= ѧ и ꙗ, а также ѣ) с предыдущей мягкостью согласного и *j*. Примеры: 1) *е* из ѧ: *наредилъ* 34 Увар., *поменоуша* 36 ib., *кнегини* ib., 37 ib., *свѣтосла* 78б. Крас. К., *пометати* 89 ib., *месники* 272 Позн., *втегнули* 241 ib., *свещенницы* 259 ib., *сл8жечи* 68 Крас. Л.; иногда даже бывает *е* вм. *я* и под ударением: ѡдно *кже* риское имене полемо 64б Крас. Л., оу *нетьствтѣ* (плену, заключении) 30 Увар. рядом с нятствѣ 4 Вил., нѧтство 258 Позн. *Е* на месте ꙗ: кнзѧ *Ерослава* 87б Крас. К. 88 ib., Позн. 268, 270. *Е* в *Резани* 42 Увар., *резаско* 82 Крас. К., вероятно, под влиянием какой-либо особой этимологии этого слова, так как *Резань* встречается в памятниках и не западнорусских.

В теперешних белорусских говорах попадаются случаи появления *е* на месте *и* безударного; в рассматриваемых нами памятниках случаев этого рода встретилось очень мало: во *большеньстве* 27 Увар. (но *в большинстве* 1 Вил.); в Велья: зарекоу *велью* 66 Крас. Л., *Веліи*, *Вельи* 5 Вил., *Велию* реку 37 Увар. — *е* обязано своим появлением, может быть, какой-либо особой этимологии; в *седѣлъ* 7 Вил., *сверѣпи* 9 ib. — полонизм или старина.

Звук *е* (из основных е и ь) в теперешних белорусских говорах под ударением перед следующим твердым согласным обыкновенно переходит в *о* (*ё*); в рассматриваемых памятниках, как и в других старых западнорусских произведениях, это явление можно наблюдать лишь после тех согласных, которые уже отвердели (шипящие, *ц* и *р*): *пекарцомъ* 2 Вил.,

пошолъ 5 съжогъ 66б. Крас. Л., *зжо* 88 Крас. К., *корачо* 73 ib., *вжо* 71 Крас. Л., *пошо* 65б ib., *со щомъ* 68б ib.. Но появление звука *о* на месте *е* было возможно после шипящих и *ц* также помимо ударения: *старшого* 2 Вил., *ничого* 4 ib., 9 ib. (а может быть следует читать *ничо́го*?); *Наримонтовічомъ, Олкгимонтовичомъ* 12 ib., *чоломъ* 13 ib., 39 Увар.; скоторы *жо* 64б Крас. Л., *чотыри* 76 Крас. К., *кочова* 87 ib., *начова* 87б, *жъглищо* 71 Крас. Л., *сторожою* 249 Позн. Не знаю, следует ли отнести сюда *цолеваніе* 54 Увар. (целование) — форму, лежащую в основе областного великорусского цаловать (ср. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 162). Отчасти сюда же принадлежит с *сокирами* 54 Увар. из основного секырами: отвердение *с* под влиянием польского sokiera.

Безударностью гласного звука объясняется и появление полугласного *ў* на месте *у*; что в старинных произведениях обозначается посредством смешения *у* и *в*: где *вжо* 65 Крас. Л., *вме* 65б ib., не *вмѣли* 65 ib., *авъслышавъ* 66б ib., *втека* (убегали) 64б ib., палемо *вродилъ* тре сновъ 65 ib., *в'дѣлъ* (удел) 72 ib., *вмене* 75 Крас. К., *автого* кнзя 82б ib., *вътече* 73б Крас. К., *вмела* 80б ib., *взналъ* 256 Позн., *наврочьіщахъ* 286 ib., дани *внихъ* бирали 260 ib., *вже* 2 Вил., 6 ib., 29 Увар., *вжѣ* 30 Увар., бо *в* него 8 Вил., *в* нихъ ib., *в*князя Кестутія 28 Увар., но *у* князя 2 Вил., *в*топити оу реце 51 Увар. В одном примере полугласное *ў* выражено посредством *ув*: *оувотамановъ* 82б Крас. К.; *ȣвотамановъ* 260 Позн.

Кроме *у*, сокращению, а затем и потере подвергаются и другие гласные: 1) *и*: *болши лъ* было 3 Вил. (при *ли* 29 Увар.). Вероятно, и смешение предлогов *из* с *съ* произошло после потери *и* в *из*, обыкновенно всегда безударном: *с Кракова* 34 Увар., 8 Вил., *з города* 8 Вил., *з Городна* 4 ib., *з Вилни* 5 ib. Скорее общее древнерусское явление в потере *и* в следующих словах: с *матерью* 3 Вил., *Кестутью, Корьяту* 1 ib., *Кестутьа* 3 ib.; 2) *е*: *преж* 36 Увар., *юж* (*юже* — которую) ib., *тое ж зимы* 41 ib., при тое *же* зимы 8 Вил., *занже* 10 ib., «*въ комнатъ*» 33 Увар. вм. *въ комнатѣ*, вероятно, лишь описка или же особый графический прием; 3) пропуск *а* (*я*) наблюдается в местоимении *ся*: *ополчис'* 38 Увар., *створис* 36 ib., *возвратишась* 35 ib., *надеяс* 33 ib. (но *явилося* 3 Вил.). Пропуск *а* (*я*) в *князя* 44 Увар., и *нчаша* 34 ib. объясняется сокращенным написанием слова: вероятно, в обоих случаях пропущено титло; *звоевалъ* 66б Крас. Л. вм. *завоевалъ* — явление морфологическое; 4) случаи пропуска других гласных: *соколнчимоу* 39 Увар., где над *н*, вероятно, было титло; *подбаеть* 2 Вил. при подобаеть 28 Увар.; ты с нимъ *гораздъ* живешь 29 Увар. при *гораздо* 3 Вил., хотя в *гораздъ* здесь можно видеть и синтаксическую особенность; «много *изыманъ*» 37 Увар. вм. *изымано*. вероятно, описка; зане *бъ* тогда 10 Вил. вм. зане *бо*.

Пропуск безударного гласного или, скорее, слитие его с предыдущим нужно видеть в следующих случаях: *люди* много посекоша 51 Вил., болѣвъ 7 *дни* 40 Увар.

Переходим к явлениям в области гласных звуков, не зависящих от положения последних под ударением или вне оного.

Ѣ обозначало, несомненно, звук тождественный с *е*, вследствие чего оно постоянно и смешивается с последним. *Ѣ* вместо *е*: *поедѣть* 4 Вил., *нѣму* 12 ib., *нѣ* добылъ 5, *перевезѣться* ib., *бѣру* 6 ib., *нѣльзе* 282 Позн., в'*полѣ* (accusat.) 82б Крас. К., *имѣна* 84б ib., *снѣю* 80 ib. и т. д.; *е* вм. *ѣ*: *лечити* многы лѣкарствы 10 Вил., к *рецѣ* 5 ib., *пріехалъ* 6 ib., *седѣлъ* 7 ib., *детѧ* 89б Крас. К., *приезду* 4 Вил., *ехати* 2 ib., *поехалъ* 4 ib., *поедеть* 5 ib., *бе*, *дети* 12 ib., *выеду* 32 Увар., *победою* 41 ib. Несомненно следует видеть малорусское влияние в некоторых случаях, где смешиваются *и* и *ѣ*: *нѣ помнѣли* 90б Крас. К. (хотя для этого примера можно подыскать и другое объяснение), *Швитрѣгаило* 29 Увар. рядом с *Швитригаило*, *литописе*ц 64 Крас. Л. (позднейшим почерком). Может быть, сюда следует отнести *Тивириа* 64 Крас. Л.

Буквы ъ и ь, по преданию, употребляются более или менее правильно; впрочем на списках Виленском и Уваровском сильно заметно югославянское влияние, сказывающееся 1) в написании *ръ* вм. *ор—ер*: *дръжати* 2 Вил., 3 ib., 7 ib., *удръжати* 11 ib., *дръжалъ* 1 ib., 4 ib., *пръвое* 2 ib., 5 ib., *тръпѣти* 13 ib.; 2) употреблении ь вм. ъ: *Слонимь* 1 Вил., *Ѳедорь* 13 ib., *Витовть* 30 Увар., *Богь* ib., *неть* 29 ib., *польтараста* 44 ib., *королевь* 27 ib., *оузяль быль* 37 ib., *посадиль* 29 ib., *оучиниль* 30 ib., *держаль* ib., *вѣриль* ib. Может быть, югославянским влиянием следует объяснять ь вм. ъ и в нижеприводимых примерах, предполагая появление ь на месте обычного западнорусского ъ или ' в группе из согласных (*Мосъквою* 22 Вил., Витовътъ 3 ib.): *горазьдо* 29 Увар., *большиньство* 1 Вил., *христіаньскую* 9 ib., *Полоцьку* 31 Увар. Впрочем, во всех этих случаях можно видеть и старину, а также малорусское и польское влияния. Сюда же, вероятно, следует отнести *отецъ* 1 Вил. и *Витебъска* ib. Вообще же ъ обозначает твердость, а ь мягкость согласных; однако иногда мягкость согласных не обозначается: *корол* 36 Увар., *болши* 3 Вил., *болше* 12 ib., *велми* 3 ib., 4 ib., Крас. Л. 65, *Вилни* 1 ib., 28 Увар., *лва* 37 Увар., 11 Вил. Ѡга (Олега) 82 Крас. К., *Подолскую* 14 Вил., *князми* 8 ib., *людми* 5, *люми* 64б Крас. Л., *честми* 12 Вил., емоу *приехат* 33 Увар., в *рат дат* правду 33 ib. В слогах ударяемых, а также в группах, неудобных для произнесения, на месте старинных ъ и ь находим *о* и *е*, как и в современной речи; есть, однако, и отступления: в наших памятниках «прояснение ъ и ь» встречается чаще, нежели теперь, особенно в предлогах и некоторых других образованиях: *во* Вилне 28 Увар., *во* Вилни 27 ib., *во* великои ib., 28 ib., *ко* дочце 1 Вил., *ко* городу 28 Увар., *ко* брату, *ко* князю ib. *со* немьци 29 ib., *со* братомъ ib., *возовратишисѧ* воспа 69б Крас. Л., *нѣвозем'ши* 89 Крас. К., *невозеши*

79б ib.; в названиях некоторых городов: *Пинескъ* 1 Вил., 68б Крас. Л. *Полтескъ* 11 ib., 3 ib.. *потескъ* 67 Крас. Л., *Плотескъ* 29 Увар., *Смолнескъ* 87 Крас. К., *Лѹцоскъ* 85б ib. (нехитрое ли это только написание, так как *ц* здесь могло явиться только из *чск* формы *Лучскъ*?). Странным является *о* вм. *ъ* в таких формах м. р., как *витеско* 75 Крас. К., 80б ib., да емѹ *лоуко* 77(8) б ib., *мѣско* (Минск) 88 ib., *насмолеско* 90 ib. и др. Яснее *о* в названиях лиц: *шварно* пошле 67б Крас. Л., кнзь *Михаило* побереские 84б Крас. К. Попадаются случаи и противоположного рода: теперь на месте ь слышится *е*, а в наших памятниках его нет: *чти* 48 Увар., 86б Крас. К., *чстенъ* и *чти* 38 Увар., ѡ *цти* и ѡ даре 86 Крас. К., *цтя* (тестя) 5 Вил., 31 Увар., 42 ib.; ко *цъстю* 82 Крас. К., *тъстѧ* 76 ib., *тъстѧ* 68 Крас. Л. (ъ — орфографический прием: поставлен в группе согласных).

Что касается полногласия, то большею частью правильно выдерживается русская огласовка: *поло* 65б Крас. Л., *волохи* 83 Крас. К., *боронишася* 13 Вил., *холопъ* 2 ib., *сторожею* 7 ib., *сереній* снъ 65б Крас. Л., даже *неперепѹстили* (вм. *не пропустили*) 85б Крас. К., попадаются случаи и с церковнославянской, а также польской огласовкой: чепми *златыми* 41 Увар., но там же: и поясы *золотыми; кролевну* рядом с *королевну* 8 Вил., *кролества* 86 Крас. К., *хлопъ* 29 Увар., *грода* 38 ib., *здро*[въи] 64б Крас. Л. Попадаются и случаи смешанной огласовки, объясняемой большею частью аканьем или какой-либо аналогией: *Новагорада* 11 Вил., *Пароскове҃ѧ* 231 Позн., *гараздъ* 248 ib. Иногда сказывается стремление придать в некотором роде полногласную огласовку и словам иностранным: *Скирйгаилу* 32 Увар., *Скирегаило* 37.

Как и в других западнорусских произведениях, в рассматриваемых памятниках на месте церковнославянских слогов ъи—ъи, ии—ьи находим кроме *-ый*, *-ій* еще *-ой*, *-ей* особенно в слогах безударных: *Евнутеи* 27 Увар., но *Евнутій* 1 Вил., *Кестутей* 3 ib., 5 ib. рядом с *Кестутій* 1 ib., *Кестути* отець 27 Увар., *Д'митреи* 66б Крас. Л., *Димитреевъ* 42 Увар., *Дмитреевіча* 11 Вил. Отметим еще *Юръи* Святославичъ 13 Вил.

Рассмотрим еще некоторые мелкие явления в области гласных.

1) Появление *ы* на месте ожидаемого *и* под влиянием твердости предшествующего ему согласного: *ѹвызбахъ* 254 Позн., *зымѣнѧ* 240 ib., *ѹзыйти* 235 ib., *зышлисѧ* 239 ib., *ѡдышла* 288 ib. и т. д.

2) Противоположное явление — *-и* вм. *-ы* находим в слове *тисѧча* 83б Крас. К. Другие примеры в этом роде, как *сину* 29 Увар., *сина* 28 ib., *синовь* ib., *високихъ* 29 ib., *вили* 76 Крас. К. — плод малорусского влияния; впрочем встречаются эти слова неповсеместно; чаще в Уваровском списке; другого рода малорусизмы в Познанском списке: *Володымера, змовывшися* Бодянский: О моих поисках... 9, 10.

3) Вероятно, малорусизм также в появлении *ю* на месте *е* в слове *заню* (так как) 74б Крас. К., 77(8) б ib.

4) В словах польского происхождения в Познанской рукописи допускается начертание *э*: *ѡхэндожне* 287, *сэймъ* 288 и под., а в подражание им *э* зашло и в чисто русские слова, где оно заменило *е* — *ѣ* после отвердевших согласных: *Дмитрэвичъ* 260, *цэсарэмъ* 225.

5) Югославянское влияние следует видеть в написаниях с ѫ на месте старинного ѫ, а также *у*: *княжнѫ* 11 Вил., *Тетѫ* ib. (собственное имя), *нѫжно* 10 ib., *къ Краковѫ* 8 ib., *приженѫтъ* 6 ib,, *почѫлъ* 4 ib., *Витовтѫ* 3 ib., *Гѫстыномъ* 3 ib., *противѫ* 3 ib., *Кестѫтью* ib., *Кестѫтья* 2 ib., *живѫ* 2 ib., *городѫ*, *собоѫ*, *волынскуѫ* 1 ib. Примеры употребления ѫ в рукописи библиотеки гр. Красинских отмечены раньше — в палеографическом очерке рукописи.

6) Не фонетическое явление, а действие аналогии следует видеть в появлении *ы* в слове *колыбалис*: акы колыбел колыбалис хоромы 57 Увар.; теми же причинами следует объяснять появление *и* в слове *К'роиники* 73 Крас. К., заимствованном из древнепольского, где Kroynika (Archiv Ягича, IX, 391) (куда оно зашло под влиянием глагола kroić?).

7) В собственных именах часто замечаются далеко не фонетические переходы: а) *у* вм. *о*: *викѹмию* 88б Крас. К., б) *у* вм. *и*: *Кѹпри* митрополи 80 ib.; в) смешение *о* и *ы*: *тактамы* 84 Крас. К. и *тактамоша* 88 ib.

8) По-видимому, *о* вм. *і*—*ы* в *великое налоги*: не могли терпети вѣликое налоги ѿ невѣрны лѧхо 84б Крас. К., хотя здесь «вѣликое налоги» может быть и род. п. ед. ч. к великая налога — слову ж. р.

9) Сохранение *ѣ* в слове *детѧ* 89б Крас. К. старина или полонизм.

10) Графический прием (а, может быть, и живое явление) в пропуске j в таких написаниях, как: *вѣлика'а* 89б Крас. К., *ста̂"а* 68б Крас. Л., *сотворенїа̂* 64 ib., *Евнутиа* 27 Увар. *пролитіа* крови 9 Вил., *непріатели* 5 ib., *боары* 11 ib., *великаа* 10, 13 ib., *Олкгирдоваа* 13 ib., *Прускаа* 6 ib., *Ливлянскаа* 5, 6 ib., *Кестутья* 3 ib., 7 ib., *Ульаною* 8 ib.

11) Приставку гласных звуков, объясняемую теми или другими причинами, следует видеть в словах: на *ѡторокъ* 287 Позн., к ***Орши*** рядом с «граду же Рши» 9 Вил., или: поиде к ***Орши, Ршане*** затворишася 39 Увар., но ***ко** р'ши* прихолъ 78б Крас. К.; *илвовича* 256 Позн., *ильвовича* 270 ib., *ик Полоцку* 29 Увар., во *изброи* (польск. zbroia) 54 ib., Евнутия *инялъ* (ѩлъ — захватил) 28 ib., 2 Вил.; в *заи* Воидила 29 Увар., вероятно, описка; просто недосмотр издателя: Явнутию далъ *Ижеславль* 28 Увар., где в других списках — *дали* Жаславль 2 Вил., *дали* жеславль 73б Крас. К.

Согласные звуки

Одним из выдающихся свойств теперешнего белорусского консонантизма является обращение в нем при известных условиях звука *в* в *ў*; то же несомненно было и в старых западнорусских говорах, что на письме обозначается посредством смешения *в* и *у*—*ув*: были *у* великой

милости и *в* ласце 1 Вил., быти *у* Вилни 2 ib., 5 ib., *оу* Вилни 30 Увар., быти... *у* любви 2 Вил., также *у* великихъ дружбахъ были ib., *у* Городнѣ 4 ib., 30 Увар., *у* Троцехъ 5 Вил., *оу* Троцех 31 Увар., *у* его воли быти 4 Вил., поидеть *у* Нѣмци ib., поиде *у* Жомотьи 5 ib., *оу* Жомоти поидѣ 31 Увар., *въ* Нѣмци и *у* Прусы 8 Вил., *у* тотъ часъ 5 ib., опять *у* войско свое отъехати 6 ib., *у* мое войско ib., отъехати *у* рать 7 ib., *у* вежу ib., *оу*садити *оу* вежю 33 Увар., порты *ускладши* 7 Вил., *оускласти* 34 Увар., *оусточнии* (восточные) 48 ib., *оусхочетъ* 49 ib., великыи чти *оуздаша* имь 38 ib., *у* портехъ 7 Вил., *у* Витебску 8 ib., крестити Литву *у* латынскую вѣру 8 ib., *у* трупехъ 10 ib., *неоустоупаюся* 30 Увар., *оу* пятницю 36 ib., *оувитескꙋ* 77(8)б Крас. К., *оу* чет'вер'гъ 81б ib., *оузоити* 71 Крас. Л., пото пошли немно *оуверхъ* 64б ib., *ꙋвосне* 245 Позн., *ꙋворлове* гнезде ib., *ꙋвобедъ* 264 ib., не *оудашася* емоу 37 Увар. (вм. обычного «не вдашася»), не *оузял* 43 ib., *ув* одинацствѣ 2 Вил.; и *оувопъсковѣ* 85 Крас. К., *оувобѣнꙋю* порꙋ 85 ib. (даже со вставкой *о* после *ув*; не развилось ли здесь *уво* из удвоенного предлога — *въвъ? С. «К истории...», 227); *оувꙋгоскꙋю* 85б ib., *оувыба* 78 ib., жили межи собою *вовпокои* 66б Крас. Л.

Случаев появления *в* (=ў) на месте *л* встретилось несколько, но довольно сомнительного достоинства: большей частью в формах прошедшего времени, на которые можно смотреть и как на причастия, только употребленные своеобразно: А какъ *услышавъ* князь Святославъ, што идеть на него Скиргайло, и онъ исполчивъ воя и поиде противу 10 Вил., А какъ к Вилни *пріехавъ*, князя великого Кестутьа, оковавши, и послалъ къ Креву 7 ib., 33 Увар., Ягаило *переступивъ* тыи правды мовитъ 7 Вил. =переступилъ—молвить 33 Увар. Некоторое отражение появления ў на месте *л* в «смовивши» 1 Вил. рядом с «смолвивши» 27 Увар.

Смешение *р* мягкого с твердым встречается довольно редко: *декара* 87б Крас. К., *тры* 89б ib., 82б ib., *цесарꙋ* 64б Крас. Л., *постryглася* 68 ib., *невѣръ* 248 Позн., *прыгородки*, *прыехалъ*, *Бранску* Бодян: О моих поисках..., 11; *сотворыши* 35 Увар., *пекаромъ* 29 ib., *покоры* сътворити 13 Вил.; *Друцкыи* 39 Увар. рядом с *Дрюцку* ib., *дрюцки* 70 Крас. Л.

В изглашении слов подвергаются отвердению и губные звуки: *нелюбовъ* 3 Вил., оувеликоу *любовъ* 38 Увар., *ѡсмъ* 270 Позн., *семъ* 73 Крас. К.; здесь же отметим *копъи* 90 Крас. К.

Начертание *г* везде употребляется для выражения звука *h*; звук же *g* слов, заимствованных из других языков, обозначается посредством *кг*: и *кгаиломъ* 73б Крас. К., *боркгъ* 65 Крас. Л., *Якгайла* 2 Вил. (а отсюда *Якаило* 30 Увар.), *Кгедимина* 1 Вил. (а отсюда *Кедимина* 27 Увар.), *Олкгимонтовичомъ* 12 Вил.

Обычное в теперешних белорусских говорах удвоение согласных на месте группы из согласного +*ј* лишь изредка отражается в рассматриваемых памятниках: *братанню* 29 Увар. (= *браттанне* 3 Вил.),

нлатв 77 (8)б Крас. К.; обыкновенно же удвоение согласного не обозначается: *братя, братею* 34 Увар., *воплощее* 64 Крас. Л., *имеа* 64б ib., *пановань*ı 65б ib., вси *князя* смоленскии 41 Увар., по *Божю попоущению* 43 ib.

Основные группы *dj* и *tj*, как и в общерусском, имеют замены *ж* и *ч*: *преже* 9 Вил., *межи* 1 ib., *промежу* ib., *помочь* 5 ib., *с'помою* 82б Крас. К., *аче* (*аще?*) 3 Вил., и т. д. Но находим и другие замены: *zdj* = *жд*: *приеждаючи* 44 Увар., *пріеждивалъ* 2 Вил., *приеждати* ib.; *жч: дожчѹ* 88б Крас. К., *ежчива*ˣ 71 Крас. Л., *ждч*: *ждчывалъ* 235б Позн. На месте *tj* встретилось *щ: помощь* 86 Крас. К. (почти единичный случай); *ц* (полонизмы): у великой *моци* 3 Вил., *моци* 66б Крас. Л., *помоць* 88б Крас. К., *моцно* 87 ib., *нѣмоцо* (немощенъ) 81б ib., *ѡбѣцала* 68 Крас. Л.

После шипящих согласных и *ц* находим: 1) «мягкие» согласные: *Евнутьевичя, Святославичя* 11 Вил., *начятъ* ib., *начя* 9 ib., *начяша* 8 ib., *почялъ* ib., *рекошя* 9 ib., *чясто* 3 ib., 8 ib.; *отцю* 32 Увар., оу *пятницю* 36 ib., *вполоцькѹ* 68б Крас. Л., *кполоцькѹ* 74б Крас. К., *дроуцьки*ˣ 67 Крас. Л., *лѣтописець* 64 ib., *мешькаючи* 65б ib.; 2) но, как отчасти можно было заметить и из приведенных примеров, после тех же согласных бывают и «твердые» гласные. Случаев с *ы* встретилось несколько только в Познанской рукописи: *врочыщахъ* 286 и под. В ней же находим *э* после *ц*: на *рецэ* 260, *луцэ* 244, по *велицэ* дни 242.

Законы однородности звуков строго наблюдаются не только в старинных сочетаниях, но и в новейших, получившихся вследствие потери гласности ъ и ь, а также других причин. Так: 1) безголосные перед голосовыми переходят в голосовые: *збирати* вои свои 12 Вил.; со матерью и *з* братіею и с скарбомь своимь со всимь 30 Увар.; забралъсѧ *зжоною* и *здѣт'ми* и *ˢскар'бы* своими 64б Крас. Л., *з* братьею 4 Вил., *з* братомъ съ княземъ 3 ib. и т. д. Во всех приведенных случаях голосовым становится *с* предлога *съ*; таковым он бывает и перед нейтральными звуками: а *з* нею 38 Увар., *з* нѣмци 3 Вил. И предлог *из*, смешавшийся с *съ*, имеет ту же судьбу, что и последний: *из* градомь (с городом) 41 Увар. Перед безголосными 2) *съ* остается без перемены, а *из* обращается в *ис* или же *с*: *ис* Троковъ 31 Увар., *сч8жи*ˣ сторо̂ 83 Крас. К., *с* киева 66б Крас. Л., *с'собою* 64 ib. Что не чувствовалось никакой разницы между *из* и *съ*, видно из того, что *с* = *из* могло принимать после себя даже вставочное *о*: *сокгдаска* 80 Крас. К. 3) Шипящие перед свистящими переходят в свистящие: *Острозкый* 3 Вил. (из *-жск-*), *ѡтьвеˢскимъ* 72б Крас. Л., *намѣстницство* 14 Вил., *волоскаго* 47 Увар., *ческое* 48 ib., 86 Крас. К., *лѹцоскъ* 85 ib. (из Луцскъ — Лучскъ). 4) Свистящие перед шипящими переходят в шипящие: Швитригаила *ижлезы* (-изж-жж-) выпоустилъ 44 Увар., «*пожже*» 8 Вил. (пожег), как старина, сюда не относится. 5) Твердые согласные перед мягкими становятся мягкими: *земьлею* 8 Вил., *иньшии* 84б Крас. К.

Группа однородных согласных *тс* часто подвергается слитию в *ц*; в *ц* иногда обращается и *тц*; при этом один из слившихся согласных может быть восстановлен вторичным путем: *Свяцьславли* кнегини 36 Увар., *свѧцла* 78 Крас. К., *внѧцтвѣ* 75 (первое *т* восстановлено, вероятно, только на письме), *лѧцко* (из *лѧтского*) 79 ib., *жомоицького* 64 Крас. Л., (*с* только писалось, но не произносилось), *внѧцьство* 79б Крас. К., *жаловатца* 74б (с усилением первой части *ц* = *ттс*), *месцо* 64б Крас. Л. (из мѣстьце).

В конце слов, в изглашении, голосовые переходили в безголосные, чтб на письме обозначалось очень редко: *князь* 50 Увар., оу *четверкъ* 40 ib.[5]

Вследствие потери в произношении ъ и ь согласные группы 1) *кт* (**кът**) перешла в *хт*: *нѣхто* 3 Вил.; 2) *чт* (**чьт**) перешла в *шт*: хто *што* сѣеть тот то и пожнет 78б Крас. К., *што* 4 Вил., 66 Крас. Л., *нѣштд* 80б Крас. К.; 3) *здн* (**ꙁдьн**) обратилась в *зн*: *позно* 244 Позн.

Гортанные звуки часто соединяются с *ы*: *Витебскый* 1 Вил., *Волынскый* ib., *Трокы* ib., *великый* ib., *великымь* ib., *коморникы* 7 ib., *пушкы* 13 ib., *многыми* 64б Крас. Л., *такыя* дѣла Увар., *жонкы* 33 ib., *ногы* 1 Вил. Но также нередкость и *и* в указанном положении: с *кимь* 3 Вил., *лѧхи* 262 Позн., *Кииане* 243 ib.

Перед звуком *е* на месте древнего *ѣ* гортанные подвергались смягчению в свистящие: той *жонце* 7 Вил., *дотце* 27 Увар. (два раза: упрощено из *дочцѣ*), *власце* 27 ib., 1 Вил., *влас'цѣ* 73б Крас. К., *влацѣ* 73, *кдоцѣ* своє 73 ib., *реце* 65б Крас. Л., кнжити *нановегороце* — на полоц'кѹ (избегнуто смягчение) 68 ib., *владоѕѣ* 85 Крас. К., оу *троцех* былъ 31 Увар., ср. 5 Вил. Смягчение в шипящие, по преданию, происходило в тех же случаях, где и в общерусском языке; приведем случаи смягчения в зв. п.: бж҃е 78б Крас. 6, Ѿч҃е 74б ib.

Переходя к менее важным явлениям в области согласных, отметим а) вставку звуков; нам попались примеры только со вставочным *т* при корне *рѣт*: *стрете* 38 Увар., *стретиша* ib., *стретилъ* 28 ib., 2 Вил., *стретить* 2 ib., *стрѣти* 11 ib., *истрѣтили* 67б Крас. Л., б) приставку звука *н*: *внятство* дали 11 Вил., и *немъши* его 73б Крас. К.; вероу емоу *иняли* 41 Увар. В последнем случае сначала приставлено *н*, а затем *и*; в) пропуск согласных можно видеть в следующих случаях: в начале слов — *озма* 13 Вил. (взявши), 11 ib., не *оземъ* Вилни 10 ib.; в конце слов — *рекъ* 32 Увар. = *реклъ* 6 Вил.; в середине слов — *обесити* 5 Вил., *семый* 1 ib. при *седмый* 27 Увар., *першый* 245 Позн., *черленый* 262 ib.

Рассмотрим еще некоторые мелкие явления в области согласных:

1) Особенности письма следует объяснять *ѳ* в словах: *лиѳлянскаа* 6 Вил., 5 ib., *Соѳью* 11, *ѡѳери* (жертвы) 65б Крас. Л.

---

[5] Относительно этимологии этого слова держусь мнения А. И. Соболевского (РФВ, 1889, т. XXII, стр. 301), а не И. В. Ягича («Крит. заметки по ист. русск. яз.», СПб., 1889, стр. 65).

2) На месте звука *ф* в словах заимствованных часто находим *хв* — *х*: *хвѣ*ᵏ*ка* 87б Крас. К., *Хома* 81б ib.

3) Вероятно, описка, а не удвоенный звук в «*оттотнитѣ*» (отсеките) 44 Увар.

4) Тоже, вероятно, описка в появлении *ш* на месте *щ* в слове *еше* (еще) 30 Увар.

5) В слове *дольжи* 33 Увар. (дольше) *ж* имеет для себя этимологическое основание: **длъже**.

6) В собственном имени *Лынгвеній* рядом с *гв* (*gv*) встречаем и *кв* (неточная передача группы *gv*): *Лынгвенемъ* у Даниловича, *Лыквеньемь* 36 Увар.

7) Собственное имя *Кестутій* в списке библиотеки гр. Красинских почти всегда имеет форму *Керстутей*: *Ке*ʳ*стѹтей* рече 73б Крас. К., *Кер*ʳ*стѹтей* ib. и т. д.

8) От слова *латыгала* 71б Крас. Л. находим прилагательное *латыгорьское* ib.

9) Вторичное отвердение согласных можно видеть в словах: *камнами* 41 Увар., на *березыни* рецѣ 88 Крас. К., 68 Крас. Л.

10) Вторичное умягчение согласного (или, скорее, описка) в *записялся* 3 Вил.

МОРФОЛОГИЯ

Склонения

Имя существительное

Особенности в употреблении чисел. Дв. ч. изредка встречается лишь при числительном *два*: 2 *члвка* 31 Увар. (но два человѣкы 4 Вил.); *два дни* 81 Крас. К., 13 Вил. — может быть и мн. ч.; *жонцѣ двѣ* ходили покладывать князя 7 Вил. = *жонце двѣ* ходили 33 Увар., *двѣ мили* 5 Вил., *днѣ лѣтѣ* 3 ib. = *две лете* 29 Увар. При *три* и *четыре* встречается только мн. ч.: г *браты* 44 Увар., ты ͥ *тры браты* 82б Крас. К., оу него были д *сыны* 44 Увар.

Особенности в окончании отдельных падежей. Ед. ч. Им. п. представляет обычные окончания, но попадаются и более редкие: а) в м. р. *о*: *Маршалко* Пруский поиде 5 Вил., *Александро* зовемыи 49 Увар., *Спытко* 46 ib., *Войдило* 2 Вил., 74 Крас. К., *Ягайло* 2 Вил. и т. д. (ср. раньше о прояснении ъ, стр. 225); б) в ж. р. *и*: великая *княгини* 7 Вил., *кнегини* великаа 36, 37 Увар.; обычное окончание *а* (при новом образовании основы) вместо старинного *и*: *дочка* Ядвига 8 Вил.

Зв. п. встретился только от следующих слов: *брат*, *отец*, *бог*, именно: еще, *брате*, пошли 6 Вил., рекѹчи *брате* милы ͥ 76б Крас. К., 83б ib., рекѹчи емѹ *братѣ* милы ͥ 80б; невѣрь томѹ *ѿче* 74б Крас. К.; рели та *бже* вышнии 78б ib.

Род. п. представляет следующие особенности: а) *у* у слов м. р.: с того *пироу* 40 Увар., не роушилъ — *скарбу* 30 ib., Ягайло оурадо-

вался великого князя *Витовтоу* пріездоу 30 (где, вероятно, описка под влиянием следующего слова, так как имена лиц обыкновенно не принимают этого окончания), маᵀка детѧ своє зъела *зголодȣ* 89б Крас. К., ѿ *почаᵀкȣ* 64 Крас. Л.; б) *и* у слова *день*: которого *дни* 28 Увар. (при *дня* 1 Вил.); в) ѧ у слов ж. р. мягкого различия, как славянизм: кн҃зи и боꙗре *землѧ* 87 Крас. К.; г) еще отметим *ы* после гортанных: *маткы* 7 Вил. и *и* в мягком различии слов жен. рода: *шурьи* своей 5 Вил., *шюрьи* 31 Увар.

Дат. п. Тут встретилась замечательная форма м. р. на *ове*: *шваргнове* кнжачи нановегороце — мьстисла почне войнȣ 68б Крас. Л.; остальные образования, вроде: к *рецѣ* 5 Вил., *дяди* 4 ib., особых замечаний не вызывают.

Вин. п. в м. р. представляет обычные формы: или сходные с им. п. у неодушевленных, или сходные с род. п. у одушевленных: *Воидила* 3 Вил., но *на Богъ* 9 ib.; интересно: князя *Кестоутию* оковавши 33 Увар. Слова ж. р. также представляют обычные окончания: *Ульяну* 7 Вил., *дочку* 3 ib., *Тетѫ* 11 ib., *Вилню* 4 ib., 10 ib., 31 Увар., *постелю* 2 Вил., 29 Увар.; интересно: събравъ всю свою *Жомоитъ* 5 Вил., а также употребление им. п. ж. р. вместо вин. п. при неопределенном наклонении: не мощно комоу испытати *высота небесная* и *глоубина морьская* 47 Увар., не мощно исповедати *сила* и *храбростъ* государя ib.

Твор. п. представляет правильное отражение старинных окончаний: *мкгаиломъ* 73б Крас. К., з'малыᴹ *людоᴹ* 75б ib., *пекаромъ* 29 Увар., *пекарцомъ* 2 Вил., *кн҃жетеᴹ* 64б Крас. Л., *Скиргаилемъ* 29 Увар. (полонизм); *со братіею* и с *матерью* 30 ib.; «згородоᴹ *смоленски*» 82 Крас. К. — образование по образцу имен прилагательных полных.

В местн. п., кроме обычных окончаний, как в *ласце* 1 Вил., у литовской *земли* 8 ib., 34 Увар., у *воли* быти 4 Вил., быᴸ воидило оу великои *моци* 74 Крас. К., во ѡдноᴹ *месци* (к мѣстьце) 65 Крас. Л., или славянизма — на *небеси* 287 Позн., встречаем еще у слов м. и ср. р. основ на *ŏ* окончание *у*: на *смоленьскоу* 54 Увар., въ *Смоленьскѫ* 10 Вил., у *Витебскȣ* 8 ib., оу *витеᵇскȣ* 77 (8) Крас. К., *втоᴾжкȣ* 85 Крас. К., *повыехаю* 71б Крас. Л.

Мн. ч. Им. п. представляет следующие окончания: а) *и* (единичные случаи): кглеитовныи *листи* 45 Увар., обыкновенно же в твердом различии б) *ы*: *коморникы* 7 Вил., тыи *браты* 44 Увар. — это у основ на *ŏ*; у основ на *а*: *жонкы* 33 ib.; в) *е*: *бояре* 6 Вил., *боꙗрѣ* 76 Крас. К.; г) *ове*: *ляхове* 8 Вил., 34 Увар., *поᴸковѣ* 76 Крас. К.; *пановѣ* 69б Крас. Л.; д) трудно решить, как смотреть на форму *братія* — *братья*: вси *братия* Святославичь и вси кнзя Смоленскии 41 Увар., тамося крестилъ и *братья* его и мнози бояре Литовское земли 8 Вил. — видеть ли здесь ед. ч. или мн.; вероятнее последнее (ср. «на *колье* тыкаху» 9 Вил., где *колье* также имеет значение мн. ч.); е) несомненно церковнославянским влиянием следует объяснять *телеса* 71 Крас. Л.

Род. п. рядом со старинными окончаниями представляет много новообразований, так *сыновъ* 8 Вил., 2 ib., 1 ib. несомненно старинное образование, но по образцу таких слов явились *часовъ* 253, 262 Позн., *татаровъ* 82б Крас. К. рядом со старинным *тата*^{р} ib., *тоуровъ* 65 Крас. Л., немало оучинилосѧ *дивовъ* 79 Крас. К., приехаша изъ *Ляховъ* (из Польши) 9 Вил., с *Троковъ* 5 Вил., ис *Троковъ* 31 Увар.; такое же окончание находим и в мягком различии основ на *ŏ*: *моужо* 67б Крас. Л., постȣ *зоубре* 86 Крас. Л., *рублевъ* 263 Позн.; обыкновенно же в мягком различии окончание *ей*, зашедшее сюда от основ на *ĭ*: *зоубреи* 65 Крас. Л., *месяцеи* 50 Увар., *грошей* 262 Позн., *лосей*, *ѡленей*, *рысей* 226 ib.; сюда же относятся: *люди* много посекоша 51 Увар. (вм. людiй), болѣвъ 7 *дни* 40 ib. (вм. днiй); рядом с последним находим и *денъ* 252 Позн. Отметим еще старину: изъ *Немець* (название страны) 29 Увар.

Дат. п. обыкновенно представляет старинные окончания: *полкомъ* 6 Вил., *паномъ* тымъ 67 Крас. Л., *градомъ* 8 ib., *татаро*^{м} 82б Крас. К., къ *Трокомъ* 5 Вил., 6 ib., 31 Увар.; но уже попадается и *амъ*: и *кн҃жата*^{м} и панѧто^{м} ри^{м}ски^{м} и шлѧ^{х}тамъ и все^{мȣ} поспо^{л}ствȣ 64б Крас. Л.

Вин. п. у предметов неодушевленных представляет те же окончания, что и в им. п., даже *и* в твердом различии основ на *ŏ*: *городи* осадиль 45 Увар., осадивъ *городы* 5 Вил., 83 Крас. К., сии *городы* 31 Увар., вымали ему *очи* 58 ib., на *колье* тыкаху 9 Вил., 35 Увар. У названий предметов одушевленных в роли вин. п. обыкновенно является форма род. п., хотя едва ли не чаще в этой роли бывает та же форма им. п.: *воя своя* 10 Вил. (коѩ своѩ, конечно, образование церковнославянское), збирати *вои свои* 12, *христiаны* мучиша 9 ib., *христiане* подъ стѣну главами кладаху ib., а иныи *жены* и *дѣти* тыкаху на колье ib. зве^{р} *лю*^{ди} едали 89 Крас. К., псы *лю*^{ди} еда^{ли} ib., и лю^{ди} *лю*^{ди} едали 89 ib., *баскаки* его хова^{л} по ты^{м}городо^{м} 69 Крас. Л., дѣ^{ти} внѧ^{т}ство взѧ^{л} 80б Крас. К., пошле^{т} дополо^{ч}ка *двā паны литоскиє* 75 ib., наговорилъ *местичи* 31 Увар., у *Немци* (в немецкую землю) 11 Вил., 31 Увар., Скиргайло поидеть у *Нѣмци* у *Лифлянты*... 4 Вил., въ *Нѣмци* и у *Прусы* 8, поиде у *Жомотьи* 5 ib., оу *Жомоти* поидѣ 31 Увар.

Твор. п. представляет разные окончания — старинные и новейшие; старинные *ы* = *и*: забралъсѧ *зскарбы* своими 64б Крас. Л., въеха^{л} вгоро^{д} *збоу*^{р}*сники* своими 85б Крас. К., *лацȣхи* вѣлики^{ми} по^{д}нимаючи хоромы 78 ib., *волохи* 83 ib., впадаеть двана^{д}ца^{т}ми *оустьи* 65 Крас. Л., *очапы* 9 Вил., великиа храмы *очепы* поднимахоу 35 Увар., *порокы* бити ib., *опорокы* бити 9 Вил., *боары* 11 ib., бился с *Татары* 57 Увар., *гиньшты* 41 ib., лечити многы *лѣкарствы* 10 Вил., з *воискы* поидутъ 7 ib., съ всими *князи* и *бояры* 8 ib. = со всими кнзми и *бояры* 34 Увар., хотя и в Виленской рукописи также есть *князми* 8, 10; под *Троки* стоялъ 51 Увар., всими *вои* своими 4 Вил., с *Нѣмци* 3 ib. Окончание на *ми* (= ьми) упо-

требляется как на своем месте: *людми* 5 Вил., великыми *честми* 12 ib., так и в других случаях: бозды *коми* 69 Крас. Л., и раньше отмеченное *князми*.

Местный п. В нем очень распространено *ехъ* (на месте ѣхъ, ьхъ и ихъ): ѡ *даре*ˣ 86 Крас. К., нарекли при своихъ *животехъ* 2 Вил., у *трупехъ* 10 ib., у *портехъ* 7 ib., у *Троцехъ* 8 ib., 5 ib., оу *Троцех* былъ 31 Увар., *вкорабле*ˣ 64б Крас. Л., при *отцехъ* 2 Вил.

Местоимение

Особенности в образовании основ. Здесь особенно замечательны следующие местоимения: 1) *тобѣ — собѣ*: *тобѣ* 6 Вил. 77(8)б Крас. К., *собѣ* 3 Вил., 10 ib., *собе* 64б Крас. Л., 69б ib. 2) *той — тотъ*: *той* Воидило 3 Вил.; у *тотъ* часъ 5 ib., в *то* ча 84б Крас. К., *тотъ* горо 65б Крас. Л., *то*ᵀ то и пожне 78б Крас. К., в выражении «не вѣрь *томѹ*» 74б Крас. К. видим полонизм, так как *тому = этому*; 3) *нѣкоторый = никто*: *некоторому* 27 Увар.; 4) *кождый*: *ко*ˣ*дыи* днь 86б Крас. К.

Из форм личных местоимений более или менее замечательны: род. п. у *мене* 4 Вил., *вмене* 75 Крас. К., от *тебѣ* 33 Увар.; дат. п. *тобѣ* 2 Вил., *тобе* 28 Увар., *собѣ* 2 Вил.; вин. п. на *мене* 4 Вил., *ся*: тамо ся крестилъ 8 ib., имеющее значение наставки возвратного залога.

Из форм собственно местоименного склонения отметим в ед. ч.:

Им. п. *них'то* 63б Крас. Л., *нѣхто* 3 Вил., 2 ib., *нечто* (несколько) 38 Увар.

Род. п. в м. и ср. р. на *ого — его*: до вечера *само*ᵀ 70б Крас. Л.; в ж. р. на *ое — ее*: *тое* же зимы 8 Вил., 41 Увар., ѡчизны *своее* и *нашое* 80б Крас. К., у *нее* 7 Вил., в *нее* 34 Увар.; на *ея* (под церковнославянским влиянием): отчизны нашее и *своея* 12 Вил.

Дат. п. м. р. *своумоу* 13 Вил., вероятно, описка.

Вин. п. Замечательна форма ж. р. от и — ꙗ — є: пошлеть *ее* 4 Вил., *ее* положили 68б Крас. Л. (но там же бра *ее*), засѣсти *ю* 10 Вил., засести *ю* 37 Увар., и отпусті *ю* 11 Вил., стрете *и* (Софью) честно 38 Увар.; другая форма ж. р. *тѹю* ре 75б Крас. К. (от той — тая — тое). Из форм ср. р. отметим: ни въ *што* 4 Вил., *ниоувошто* 75 Крас. К.; поменоуша слово бжие *еж* рече 36 Увар.; помяну слово Божіе, *иже* рече 9 Вил.

Твор. п. Местоименное окончание заменено сложным: с *кимь* 3 Вил., *заты*ᴹ 69б Крас. Л., паномъ *тымъ* 67 ib., с скарбомь своимь со *всимь* 30 Увар. = съ *всимъ* скарбомъ 4 Вил.

Мн. ч. Им. и вин. пп. представляют большей частью вторичные образования, по образцу имен прилагательных, причем часто не различается даже род: *тые* городы 67 Крас. Л., *тые* присяги рядом с *ты*ᴵ присяги 77(8) Крас. К., *тые* рыбы 65 Крас. Л., *тыи* грамоты 4 Вил., *твои* мѣста 3 ib.; то же и в вин. п.: осадивъ *тыи* городы 5 Вил., на *тыи* правды 7 ib., в *тые* лѣта 69б Крас. Л.; им. п. *ты* грамоты

30 Увар., но и вин. п.: грамоты ты найдеть 30 ib.; им. п.: *сами* (стада) 4 Вил., *тая* дѣла 4 ib., *вся* мѣста ib.; вин. п.: позаседалъ *вси* городы 45 Увар., *тая* дѣла 5 Вил.

Остальные падежи особых замечаний не вызывают; только *весь* везде является с *и* вм. *ѣ*: род. п.: *всихъ* 2 Вил.; дат. п.: по *вси*ᵐ землѧᵐ 86б Крас. К.; твор. п.: съ *всими* 4 Вил., 30 Увар., 68б Крас. Л.

Отметим еще два случая формы дв. ч.: *има* 1 Вил., 2 ib. (дат. п.), *имя* 27 Увар.

Имя прилагательное

От именного склонения прилагательных остались лишь незначительные следы, например: ты с нимъ *гораздъ* живешь 29 Увар. = гораздо 3 Вил., вътече вгȣры *босъ* 73б Крас. К., сына его — обретѣ у трупехъ много ранена только *живъ* 10 Вил., *свяцьславли* кнегини 36 Увар., маᵀки *бѡжи* 85 Крас. К., *полъътрети* недѣли 273 Позн., по пророка *Давыдову* слову 255 ib., северьскому *Новугородку* 4 Вил., *ради* ему вся земля 12 ib., были *послȣшни* 86б К.; ср. р. встречается только в наречиях: *любеᶾно* 85 ib., *боᵖзо* 75 ib. Конечно, в роли сказуемого также употребляется краткая форма прилагательного.

Склонение полных прилагательных

Ед. ч. Им. п. представляет обычные окончания: *-ый* — *-ій*, *-ая* — *-яя*, *-ое* — *-ее*; *и* встретилось только один раз: князь *велики* Якаило 31 Увар.

Род. п. в м. и ср. р. имеет *-ого* — *-его*: *зброиного* людȣ 85б Крас. К., *великого* 1 Вил., 64 Крас. Л., *оувелико* 73 Крас. К., *которого* дни 28 Увар.; но и церковнославянские окончания на *-аго* не редкость: *великаго* 4 Вил., 263 Позн.; *реченаго* 238 ib., *печерскаго* 259 ib.; в «*другога* 4 Вил.» *а*, вероятно, фонетическое явление. В ж. р. находим окончания *-ое* — *-ее*: крови *христіанское* 9 Вил., *пятое* нощи 7 ib., *Литовское* земли 8, 11 ib., половину *Литовьское* земли 37 Увар., положенъ бы оу *сꙙтое* соѳии вполоцькȣ 68б Крас. Л., всеє *рȣское* земли 66б Крас. Л., зъ *блвеное* двци *пр҇чтое* 64 ib., *старшее* сестры 36 Увар.; раз встретилось *-ае*: *светае* Софьи 40 Увар.; раз — *-ыя*: *пятыя* нощи 33 ib.

В дат. п. встретилась редкая форма, вероятно, объясняемая фонетическим путем: *сокончимоу* 39 Увар.

Вин. п. представляет обычные окончания. Отметим: возма *крывы* городъ 37 Увар., *волынскуѫ* 1 Вил., на *литовскою* землю 35 Увар.

Местн. п. кроме обычных окончаний, представляет а) форму, сходную с твор.: оу *высокимь* городе 37 Увар., б) форму, растянутую, как в былинах: на великомь княжении на *литовскоим* 53 Увар.

Мн. ч. Им. п. Как остатки старины или, скорее, формы церковнославянские, отметим: *оусточници* 48 Увар., акы *сверѣпии* звѣріе 9 Вил.

Вообще же для им. и вин. пп. употребляется одна общая форма — старинный вин. п. краткой формы с присоединением местоименного окончания им. п. мн. ч. *-и* или *-е* (=ѣ), *-я* (=ѧ), окончания вин. п.: люди *ратныи* 4 Вил., князи и бояре *литовьскыи* 8 ib.; наговорилъ мѣстичи *Виленскыи* 5 ib., *другыи великыи* храмы поднимаху 9 ib., *великыи* чти оуздаша имъ 38 Увар., дѫбровы *роскошные* 65 Крас. Л., ров'нины *великие* 65 ib., повелъ ого *вдобрыи* дни 74 Крас. К., ивтиснеи (притеснения) *великиѧ* 64 Крас. Л.

Отметим еще некоторые более или менее редкие формы сравнительной степени: *болше* 12 Вил., *болши* 3 ib., 38 Увар. (болши не теряи), *борздѣи* 2 Вил., *набо^р зде'и* 75б Крас. К., *первѣи* 5 Вил., *напер·вѣ·и* 73 Крас. К., *напер'веи* 67б Крас. Л., *должеи* (дольше) 7 Вил.

Имя числительное

Особенности в основах: *дванацать*[6] 73б Крас. К., *ѡбава* 77 (8) Крас. К.; скорее синтаксическое явление в следующем примере: лѣта *пѧтысѧного пѧ^т сотного двѧ^д цать*[7] *шестого* 64 Крас. Л.

Особенности в окончании падежей.

Им. п.: тыи *трии* браты 44 Увар., *три*^х (чит. *трии*?) тичѧче^в рѹблевъ 84 Крас. К., *двое* дѣте^и 68 Крас. Л.

Вин. п.: *дву* велѣлъ на колесѣ розбити 7 Вил., 33 Увар., в'били *двѣ* брато^в 70 Крас. Л., мелъ *двѫхъ* снŏвъ 66 ib.

Твор. п.: *обѣма* тыми кнѫженьи 67б Крас. Л.

Местн. п.: *оудва^м цати тисѧча*^х копа^х 83б Крас. К., *вколку* милѧхъ 279 Позн.

Спряжение

Особенности в образовании основ. Теперешние белорусские говоры не знают особого суффикса для выражения многократного вида, как в великорусских говорах *-ыва — ива-* (ср. «Обзор звуков и форм белорусской речи». М., 1886, стр. 95); значение многократности действия выражается описательно; то же было и в старом западнорусском наречии. Однако в наших памятниках основ с суффиксами *-ыва — ива-* масса, но последние не имеют здесь значения многократности: в настоящем времени такие глаголы имеют значение постоянства, неизменности: немо^т *впадывае*^т 64б Крас. Л., *оупадывае*^т 71 ib; в прошедшем имеют то же значение, а также, что́ чаще, значение действия, происходившего давно, а иногда и несколько раз: *прiеждивалъ* 2 Вил., *игрывали* на трѹба^х 66 Крас. Л., *бывa*^л 86б Крас. К., *бира*^ш 82б ib., пере^д ты^м *жигали* тѣла 71 Крас. Л., *хоживало* за пре^д ковъ его кнѧеи рѹски^х 69 ib., *ношивалъ* 71 ib., почали *ро^з множиватисѧ* 65 ib., *запаливать* 225 Позн., *игрывали* 228 ib., *ношывалъ, кладывалъ* 235 ib., *жыгали* ib.

---

[6] Конечно, описка: вм. дванацать.

[7] Буква ѧ вм. *а*, вероятно, по описке.

Еще как особенность в основе, в сравнении с теперешним литературным языком, отметим: *вынѧ*ˣ 83 Крас. К. — образование более правильное, нежели «вынулъ».

Образование форм. Неопределенное наклонение обыкновенно оканчивается на *-ти*: ***крестити*** 8 Вил., ***чинити*** 3 ib., воду *давати* собѣ ***пити*** 2 ib., постелю ***слати*** 2 ib., ***ехати*** ib., ***быти*** ib., *розбити* 7 ib., и почне сн҃ъ его *панова*ᵀⁿ 66 Крас. Л., каза* *запаливати* 64 ib., ***пити давати*** 74 Крас. К. и т. д., но попадаются и формы на *-ть*: в рат *дат* правду 33 Увар.; особенно избегается *-ти* при *-сѧ*: чи леп'ши тобѣ *дат'сѧ* врꙋки черни 90 Крас. К., *записыватсѧ* 74 ib., поˀнѣть *жалова' ца* 74б.

Настоящее время. Ед. ч.

1 л. представляет обычные окончания; от глагола ѥсмь 1 л. *есми* 4 Вил. и т. д.

2 л. замечаний не вызывает.

3 л. обыкновенно представляет окончания на мягкий согласный: *живетъ* 3 Вил., *во*ᶟ*метъ* 65б Крас. Л., *есть* 64 ib., *дасть* 249 Позн., и т. д., но есть случаи и с твердым согласным: *мовитъ* 7 Вил.

Мн. ч. 1 л. обыкновенно оканчивается на *мъ*: *докончаемь* (ь — графический прием) 7 Вил. и т. д., но попадаются и другие образования: *быхмо* 6 Вил., и *възвратимисѧ* воспа* 68б Крас. Л. (вм. возвратимыся?), *несме* 49 Увар.

2 л. замечаний не вызывает.

3 л. обыкновенно оканчивается на *-ть*: *оступять* 3 Вил., *грають* 66 Крас. Л., *называють* 68б.

Повелительное наклонение. Более редкие формы: *поедь* 7 Вил., *поможи* бж҃е 78б Крас. К.; *положте* 44 Увар., *по*ᵞ*ємо* (подемо — пойдем) до виˣни 77(8) Крас. К.; братья Бога *боитася* 47 ib.

Причастие настоящего времени действительного залога. Здесь очень распространено окончание на *-а*: *буда* 12 Вил., 9 ib., 45 Увар., *ида* 5 Вил., 41 Увар., *озма* 11 Вил., 12 ib., 13 ib., *возма* 31 Увар., 39 ib., 81 Крас. К., *държа* 14 Вил., *вынма* (взявши) 45 Увар., *поима* 39 ib., *стерега* 4 Вил.; *-я* также нередко: *зговоря* 43 Увар., *идя* 31 ib., *будя* 27 ib., *надѣяся* 9 Вил., *помщая* 7 ib. (мстя), не *починаа* 6 ib.; часто также *-чи*: *приеждаючи* 44 Увар., *помщываючы* сѧ 252 Позн., ѡˣное жоˀки плат'е *вскла*ᵞ*чи* 77(8) б Крас. К., *нехотѧ*ᵀᴹ 73б ib., *рекꙋчи* 74б ib., *проплакиваючи* ib., *слꙋжечи* 68 Крас. Л., *ходечи* 64б ib.

Причастие прошедшего времени действительного залога образуется вообще правильно; причем особенно распространены формы на *-ше* — *-ши*, хотя и на *-ъ* тоже не редкость: *немше* 28 Увар. = и *емше* 1 Вил., *слышавше* 9 ib.; *взе*ᴹ*ши* 64б Крас. Л., *нѣвозем'ши* 89 Крас. К., *събравши* 69 Крас. Л., *веземшы* 237, 250 Позн., *нѧвшы* 247 ib., *снемшись* 32 Увар., *смовивши* 1 Вил., *сѣдъ* у Вилни князь пошлеть 4 ib., не *оземъ* Вил. 10 ib.

Описательные формы обыкновенно выражаются при посредстве причастия на *лъ* и тех или других форм глагола *есмь — быти*. Так, прошедшее совершенное (perfectum) к причастию на *лъ* прибавляет

настоящее время глагола *есмь*, причем в 3 л. ед. и мн. ч. вспомогательный глагол обыкновенно опускается, да и в остальных лицах он также может опускаться, особенно если есть налицо местоимение личное. Примеры: и кнзю великом[us] *невчини[x] есми* ничо[т] 75 Крас. К., я великому князю ничего не *вдѣлалъ* не *рушилъ есми* 4 Вил., но там же: и *вдѣлалъ есми*, *почжлъ есми* ib., я ничего не *вчинилъ*, не *роушилъ есми* ни скарбу его 30 Увар., *оучиниль есми* ib., 3 л.: Витовтъ *реклъ* 3 Вил., князь *реклъ* 6 ib., 32 Увар., *инялъ* 2 Вил., *пойолъ* 5 ib., *дръжалъ* 4 ib., *наредилъ* 34 Увар., *в'чини[x]* — деви[ч] монастырь оуверхъ реки полоты 68 Крас. Л., *подѣли[x]* 73 Крас. К., са[м] *ѡхристи[x]ся* 78 ib., *забралася* 68 Крас. Л., *присягли* 2 Вил., *смовили* 27 Увар., *дали* 28 ib., тая дѣла *сталася* 4 Вил.

Давнопрошедшее (plusquamperfectum), за отсутствием имперфекта глагола *быти*, образуется прибавлением к причастию на *лъ* прошедшего совершенного *былъ*: князь Ягайло *далъ былъ* Полтескъ брату, и они его не приняли 3 Вил., *повелъ былъ* его въ добрыхъ 29 Увар., *далъ былъ* держати ib., 3 Вил., *оузяль быль* 37 Увар., князя Кестоутию оусадили оу вежю, а Витовта *оставили были* еще оу Вилни 33 Увар., уже *взялъ былъ* 11 Вил., сила тог[д]ы *собралася была* 77(8) Крас. К., витов'та *ѡставили были* 77(8) б ib.

Условное (conditionalis) в своем образовании отражает старину: што *быхмо* с нимъ *поговорили* 6 Вил., онъ и я *дали быхмо*, *быхмо держали* ib.; однако *бы* уже чувствовалось простой наставкой, и поэтому прибавлялась еще форма глагола *есмь*: послалъ *штобы еси уедналъ* 6 Вил., где *бы[с] мели* поселити 64б Крас. Л.

Будущее время выражается обыкновенно настоящим временем совершенного вида: *изгадають* (порешат) 7 Вил., *придобудуть* (приобретут) 28 Увар. и т. д.

Формы аориста встречаются нередко, но, с одной стороны, они смешиваются с 3 л. настоящего времени, когда у него не бывает окончания *т*, особенно у глаголов вида совершенного, которые, как увидим после, совершенной формой настоящего времени нередко выражают прошедшее действие; с другой — самые формы аориста часто имеют неподходящие образование и окончания; вообще, можно сказать, аористы уже не чувствовались живым явлением. Примеры: *бе* 12 Вил., *да* 8 ib., онъ *жда* брата 1 ib., 27 Увар., *вогна* въ городъ 28 ib. (= вогналъ 1 Вил.), *озябе* в ногы 1 Вил., *начя* 9 ib., *начятъ* 11 ib., *начать* 12 ib., *взять* его 10 ib., *ста*, *поча*, *уступи* 9 ib., *сътвори* ib., не *вчини* 8 ib., князь Олкгирдъ борздѣи поспешитъ ехати къ брату своемж ко князю великому Кестутью. И Кестутій *рече* ... 2 Вил.; *слышахомъ*, *рекоша* 9 Вил., *начяша* 8 ib., *стрѣти* 11 ib., *стретиша* 38 Увар. Примеры неправильных образований: Богъ *поможи* кнзю 37 Увар. (= поможе 1 Вил.), *узри* 11 Вил., князь великый *бежи* вновъгородокъ 12 ib., изгибе слнце и *скрыи* лоуча своя 43 Увар. Примеры употребления без всякого разбора разных форм аориста: кнзь *Свяцьславь* советъ *сотвориша* съ кнземъ Андреемъ 35 Увар., князь *Витовть созваша* 46 ib., князь *Дмитреи Шемяка изымаша* 57 ib.; *побиша* — *поимаше*

53 ib., *мы* ему не *створиша* 9 Вил., *мы* ни коего зла *сотворша* ему 36 Увар., *оучиниши панове* 56 ib., *сотворыши* (3 л. мн. ч.) 35 ib.

Еще меньше остатков имперфекта, также не чувствовавшегося живым явлением: *бяше* емоу 47 Увар., *повоеваше* и пожже 35 ib., *жяваше* 48 ib., не *можаше* 13 Вил., *избираху*, *запираху*, *кладаху*, *зажигаху*, *тыкаху* 9 Вил.

Приведем список еще некоторых более или менее замечательных неизменяемых частей речи.

Наречие: *вжѣ* 30 Увар., *тогды* 34 ib., бы[х] тоу[т] *тогды* 84б Крас. К., *ѡпѧтъ* 87 ib., *ѡлижъ* 226 Позн., 233 ib., *николи* 4 Вил., *пръвое* (сначала) 2 ib., *первое* 29 Увар., *пото*[м] 73 Крас. К., 7 сыновъ было: старший Монтивидъ, *потомъ* Нарамонтъ, *потомъ* Олкгирдъ, *потомъ* Евнутій, *потомъ*.... семый Любортъ 1 Вил., *третіе* (в третий раз) 3 ib.; *ниг'дѣ ин'де* ѡд'но *та*[м] 71 Крас. Л., *оттолѣ* 1 Вил., 8 ib., *оттоле* 11 ib., *Ѿтолѧ* 81 Крас. К., *Ѿту*[х] 72 Крас. Л., *тамо* 7 Вил., *туто* 10 ib., *семь* (сюда) 32 Увар., *восвояси* 35 ib., *въсвояси* 8 Вил., *осе* (вот): ты мнѣ невѣри[х] ѡ*се* тыи листы што записа[ли] сѧ 74б Крас. К., *ле*[х]*во* (едва) 68б Крас. Л., *велми* 66 ib., 3 Вил., *въборзѣ* (скоро) 5 ib., *не человѣчьскы* 9 ib.; *нечеловчьскыи*, *нехристиянскии* 35 Увар., *пор*ꙋ*ски*[н] 68б Крас. Л., *поруский* 239 Позн. Последние образования замечательны тем, что имеют на конце как бы лишнее *и—й*. Брюкнер (Archiv, IX, 372) сравнивает такие формы с изредка попадающимися малорусскими образованиями, вроде: по-християнський (ср. E. Ogonowski: Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache. Lemberg. 188, стр. 191).

Предлог. Рядом с *въ* очень распространено *во* в одних памятниках, тогда как в других в этих случаях *у*: *въ* большинстве 1 Вил. = *во* большеньстве 27 Увар., *во* Вилне 28 Увар.=*у* Вилне 2 Вил., *во* великои любви 27 Увар., *у* великой милости 1 Вил. и т. д., *ко* дочце 1 Вил., *ко* городу 28 Увар. = къ городу 1 Вил., *со* немьци 29 Увар., *со* братомъ ib., да выити вонъ и *з* другою жонкою 7 Вил.; *с—з* (= из): с Кракова 34 Увар., 8 Вил., с Витебьска 1 ib., з города 8 ib., з Вилни 5 ib., з Городна 4 ib., *на* Москвы 57 Увар., *по* ав'густе 64 Крас. Л., *к*ꙋ его воиск*ꙋ* 76б Крас. К., *противъ* и[м] 80 ib., *подлѫгъ* заслуги 64 Крас. Л., *межи* (между) 1 Вил., 6 ib., 270 Позн., *мѣжи* пога[н]ски[х] воина[х] таки[х] 78 Крас. К., *миж* бояръ 55 Увар., *промежи* себе 6 Вил., *промежку* себе 272 Позн.

Союз: *а* = *и*: Прошка а Бѣликъ а Кучукъ а Лисица... 7 Вил., Корачо[в] *аслони*[м] 73 Крас. К., *ажь* (даже) 64б Крас. Л., *але* (но) 64 ib., *алюбо* (или) 73б Крас. К., *аче* и бы ми явилъ (вероятно, и мне открыл бы) 3 Вил., *ачеи* (может быть) 29 Увар., *ачь* (так как) ib., *ать* (и вот) 44 ib., *бо* в него 8 Вил., *заню*[ж] оужо 77(8)б Крас. К., *занже* (ибо) 3 Вил., *затымъ* (вследствие этого) 52 Увар., *ино* (но) 30 ib., (однако) 4 Вил., (потому что) 5 ib., (то) 65б Крас. Л., *пакъ* (снова) 2 Вил., (без перевода) 3 ib., (= панъ 29 Увар.), *также* 2 ib., *также — какъ* 7 ib., и что *ста* реку 49 Увар. (у Даниловича — сопроста), *чидзы бы* 32 Увар. (в других списках: аче и бы...), *што* 2 Вил.

В синтаксисе простого предложения отметим:

а) Особенности в употреблении некоторых падежей. Для обозначения времени употребляется род. п.: *которого* бы *дни* к Вилни пригнати 1 Вил., 28 Увар., *пятыя нощи* 33 ib., *пѧтое ночи* 77(8) Крас. К., *чаꙋ* цесарьства авгѹстова сн҃ъ б҃жїй наро҃лсѧ 64 Крас. Л.; но иногда в этой роли находим и вин. п.: *немалыи* ча҃ по морю ходечи 64б Крас. Л. Для обозначения цели движения иногда встречается дат. п. без предлога: поехаль *Кракову* 34 Увар. (= къ Кракову 8 Вил.); место действия иногда выражается местн. п. без предлога: отстоупить *Берестьи* 31 Увар., посади его на княженіи *Вилни* 28 ib. (= у Вилни 2 Вил.). Род. разделительный: што *доброго* 6 Вил. (полонизм?).

б) Особенности в согласовании слов: прилагательного и причастия с именем существительным: Лядской *заставѣ бывъшу* у высокомъ городѣ 11 Вил., *тому* с нимъ оу велице любви *живоущи* 48 Увар., бяше *емоу дръжаще* великое княженіе 47 ib., собра҃ши҃ вси три спо҃ки своими 70б Крас. К., бы҃ ем҃ *рады всѧ зем'лѧ* лито҃скаѧ и р҃каѧ 80б Крас. К., *ради* ему *вся земля* 12 Вил. Согласование глагола с существительным: и *выступятъ* на бои *князь* великии — *и с сыномь* своимь — противоу Якаила 32 Увар., *побѣжени быша Литва* и *побѣгла* 11 Вил., *литва ѡса҃ли* жикгимо҃та 87 Крас. К., *войско* Кестутево *перевезлисѧ* 251 Позн., *Жомойть* ѡтъ Немцовъ *ѡступили* и *прыступили* 241 ib., далъ *Полтескъ, они* (т. е. Полтескъ, жители Полоцка) не приняли 3 Вил., ему бы ся *достало* — *твои мѣста* 29 Увар., 3 Вил., иныхь князеи *много изымань* 37 Увар. В приложениях вообще согласование правильно: Олкгирдъ, королевъ отець 1 Вил., и таковь конець сталея емоу, князю великомоу Кестоутію 33 Увар., и князь великии князь Кестутии 28 ib., сестру родную княжиню Марию 29 Увар. (княгиню 3 Вил.). В Уваровском списке летописи очень часто замечается отсутствие согласования приложения с собственным именем или даже отчества с именем лица: добывати *градъ Витебска* 39 Увар., *князя Глеб Святославич Смоленьскаго* 37 ib., от князя *Василиа Дмитреевич* ib., *Семиона Евноутьевич* ib., князя *Андрея Дмитріевичь* 38 ib., князя *Юрья Лыньквеньевич* няли 51 ib., вси *братия Святославичь* и вси князя Смоленскии 41 ib.

в) Особенности в подчинении слов глаголу: што *братьи своей послушнымъ* быти 2 Вил., *братии всеи послушну* быти князя великого 28 Увар., *его непослоушенъ* 39 ib. ср. 13 Вил., несмѣ҃ нико҃ *ѡсл҃хати силно҃ г҃рѧ* 86б Крас. К., *сл҃ха҃ его* (повиновались) 86 ib., и тою ча҃ю его боуде҃ *игоро҃юборкъ пановати* 65б — 66 Крас. Л., *всемоу свѣт҃ панова҃* 64 ib., *землю посе҃* 66б ib., *позаседалъ вси городы* 45 Увар., *третее не҃ли сп҃стѧчи* 89 Крас. К., ниже ни на поганых ратехъ *слышахомъ такыхъ мукъ* 9 Вил., уже *взялъ* былъ Литовское *земли* по рѣку Велью 11 ib., князь *забылъ добра* 5 ib., Ягайло *оурадоваться* великого князя *пріездоу* 30 Увар., вѣл'мй *оу҃дова҃ прие҃д҃* 75 Крас. К., *отчаялъ собѣ живота* 10 Вил., *помщая Воидила* (мстя за В...) 7 ib.,

33 Увар.; *делити на полу* 28 Увар. = *на полы* 2 Вил., *кликнули въ рать* 31 Увар. = *на рать* 4 Вил., сестру *за холопа далъ* 3 ib., *стали противу* великому *князю* 6 ib., князь *сновъ не дръжалъ* 1 ib., *привели* его *до брати* 73б Крас. К., *оутопили* его *вднепръ* 90 ib., *wкристися вроускꙋ вѣрꙋ* 68 Крас. Л., а *потехꙋ стого мевалъ* 64б ib., *забога мети* 65б ib., *выгнати съ wчизны* своее зберестья 68б ib., *пришли* межи земского моря 64б ib., *посадить за сторожею* (под стражу) 2 Вил., за малою сторожою 4 ib., *поиде на помочь ратью* великою князю Ягайлу въскорѣ 5 ib., *на* кглейтовных *листех* к королю *ездиль* 45 Увар., нача *думати* Смоленскими *бояры на хрестияны* 35 ib., Евнꙋтыи *wсадилъ навильню* 73 Крас. К., *wсадит* его *на* великом кнженьи 73б Крас. К., *наехати на вилню* (сделать нападение) 73 Крас. К., *кнжилъ навилни* 73 ib., почнетъ *держати княземъ* великимъ *во Вилни сына* его 28 Увар., *держати воеводою* на *Смоленьскоу* 54 ib., *не мыслити лихомъ* 28 ib. = не помыслити зла 2 Вил., *проводиша ихъ чта* 38 Увар. = с честью 11 Вил., *побиты* ѿ безвѣрное *лит'вы* 69 Крас. Л., *понял* бы в нихъ *королевноу* Ядвигу собе *женою* 34 Увар., *вѣлел ксобѣ быти* 86б Крас. К.

Подчинение имени существительному. Тут особенно замечательны случаи употребления имени прилагательного вместо род. п. существительного собственного имени: брат великаго князя *Ольгирдавъ* 44 Увар., пана *Спытковая* остала вдовою 46 ib. = пани спытковая вдовою зостала 83 Крас. К., преставіся княгини великаа *Олгирдоваа* 12—13 Вил., кнзя *семенова* сна држцкого Михаила 70 Крас. Л., по пророка *дѣдвꙋ* словоу 79 Крас. К., со князя великого *Ольгирдовымъ* произволениемъ 44 Увар., до великаго князя *Витовтовы* смерти 46 ib., в'били двꙋ братов кнзя *скиргаиловых* 68 Крас. Л., коморники князя великого *Ягайловы* 7 Вил., приженжтъ... до князя великого рати *Кестутьевѣ* 6 ib = до кнзя великого *кестꙋтевы* рати 76б Крас. К., дядю *маткына* 33 Увар. = маткы 7 Вил., дочка сестры *Скиргайловы* 10 ib., 36 Увар.

Подчинение прилагательному, употребленному в смысле существительного: по *многе времена* гонзне за животь 49 Увар., *много пролитія* крови христіанское бысть 9 Вил.

Некоторые отдельные выражения большею частью смешанного характера: *засести городъ подъ братомъ* 28 Увар. (отнять город у брата), ср. 1 Вил., *у* великыхъ *дружбахъ были* 2 ib., *повелъ* его *у великыхъ* (возвеличил) 3 ib., *повелъ* его *вдобрыи дни* 74 Крас. К., *ни во што* ихъ *неоустоупаюся* (не касаюсь) 30 Увар., и бы *бракъ чстенъ* и *чти достоинъ* 38 ib., короля — в *животѣ не стало* 8 Вил., нарекли *при* своихъ *животехъ* 28 Увар., иных *бояръ* много *постиналь* 33 ib., *свет створиль* 34 ib. = почался радити 8 Вил., Өеодоръ Корьятовичь *выбегь с* Подольскои *земли* 45 Увар., *оустремися на бег* 36 ib., *поити было* (случилось пойти) 5 Вил., дал *вѣчо мѣти* 68 Крас. Л., ѿ града *оу полоумили* ib., *астое причины* 65 ib., *безкаж'дое причины* 64 ib. (без всякой причины), *похвала* w вѣликом кнзи витовтѣ 85б Крас. К., дасть кнжнꙋ *на имя* собою 80 ib.

Статью о подчинении слов закончим указанием одного интересного факта, наблюдаемого в наших памятниках и отчасти в некоторых дру-

сих древнерусских — повторения предлога перед существительным и определением или приложением к нему. Примеры на это явление из памятников разных столетий, принадлежащих разным местностям Руси, в достаточном количестве приведены в статье Игн. Козловского: «Zwei syntaktische Eigenthümlichkeiten der russischen Sprache», помещенной в Архиве Ягича, т. XII, стр. 103—109. Но у Козловского указано мало данных из народной речи: повторение предлога очень обычное явление в былинах:

> На это на небушко на ясное...
> Со своею со дружинушкой хороброю...
> Ко этой ко сошке кленовоей...
> Во славном городе во Муромле...
> На работушку на крестьянскую...
> Подводил ко тыну ко высокому и т. д.

Не приведено у Козловского данных и из литовских летописей, а здесь подобных примеров множество: *з* братомъ *съ* княземъ 3 Вил., *съ* отцемь своимъ *с* великымъ княземъ 7 ib., *къ* брату... *къ* старшему 2 ib., *предъ* градомъ *предъ* Москвою 38 Увар.; втопити *оу* реце *у* Двине 51 ib., поидѣ кнзь *к* городу *к* Вилни 37 ib., поидеть *к* реце *к* Вилни 32 ib., и *к* сыноу своемоу гонца пошлеть *к* великомоу князю Витовтоу 30 ib., привезли *ко* брату его *ко* князю Кестутію 28 ib., быти *на* ихъ местехъ *на* великихъ княженихъ 28 ib., на помочь приходила кнзю Скиргайлу *къ* Полоцкому 6 Вил. (пред князю, вероятно, пропущено *къ*); со матерью и *з* братіею и *с* скарбомь своимь *со* всимь 30 Увар., дош'ли *до* реки *до* ш8ма и тою рекою шоумою в море ѡкиянъ 64б Крас. Л., Евн8теи съ стра[х]оу выбежи *з*города *зъ* вилни 73б Крас. К., по[с]лы *и*[з]города *з*москвы 80 ib., пріиде[т] *к*город8 *кс*'моле[н]ск8 82 ib., поеха[х] *до*л8цка *до*вѣликого 87 ib.

г) Особенности в употреблении глагола. Залоги возвратный, страдательный и средний часто выражаются при помощи *ся*, поставляемого не только после глагола, но и перед ним; так называемый взаимный залог выражается описательно, с прибавлением *между собою* в разных звуковых и морфологических его вариациях. Примеры: *створис* 36 Увар., *созвратишась* 35 ib., таковь конець *сталcя* емоу 33 ib., *мовилися* братья... какъ бы имъ его оттолѣ высадити 1 Вил. (= смовили 27 Увар.), *полюбился* ему 2 Вил., Полтескъ градъ *дался* ему 37 Увар., не *въступаюся* 4 Вил., *надѣяся* на правды 7 ib., 9 ib.; тамо *ся крестилъ* 8 ib., ему *ся* бы *достало* 3 ib., с *кимься* мы *воюемь* 3 ib. (здесь *ся* даже лишнее), полочане почали *за сѧ* вечо[м] *справоватисѧ* 68б Крас. Л., *почался радити* 8 Вил.; *мовилися межи собою* братья 1 ib., *смовивши межу собѫ* ib., *смовили межю собою* братиа 27 Увар., правду *межи собе* на томъ *дали* 28 ib.

Что касается времен, то здесь особенно замечателен способ выражения прошедшего действия. Когда требуется наглядно обозначить действие совершившееся, притом большей частью быстро, то употребляется форма настоящего времени вида совершенного, обыкновенно имеющая

значение будущего времени; в рассказе же без указанного оттенка употребляется или старинный аорист, или же perfectum; впрочем и в первом случае аорист также очень распространен и нередко чередуется с настоящим вида совершенного; мало того, часто в тех случаях, где в одних списках аорист, в других те же формы, только с окончаниями настоящего времени (*поиде* — *поидеть* и т. п.) и наоборот. Нам кажется, что часто старинные формы аориста пишущему представлялись настоящими временами вида совершенного, только не имеющими личных окончаний, что́ в разных старинных памятниках, как и в теперешних говорах, дело обычное. Приведем примеры: И князь великый Кестутій сына своего и жену свою в Городнѣ *наедеть*, и *пошлеть* ее к Берестью, надѣяся на князя Януша Мазовецкого, зятя своего; а самъ *поиде* у Жомотьи, а сына своего, великого князя Витовта *оставилъ* у Городнѣ 5 Вил., И князь..., събравъ... рать, *поиде* ... противу отца..., и *съимуться* на Вельи, вышеи Ковна двѣ мили, и ту *перевезѣться* рать, и *поидуть* къ Трокомъ, и пришедши *оступять* Троки и *почуеть* великый князь Кестутей... ib., *почнетъ* дръжати 2 ib., онъ *жда* брата своего, *посадить* его за сторожею, а противу брата своего... *пошлеть* гонца..., а брата своего инялъ 1—2 ib., и *стретить* его гонець у Кревѣ, и князь великый Олькгирдъ борздѣи *поспешитъ* ехати 2 ib., *възмѣть* 5 ib., *поедеть* ib., *почнеть* 3 ib., *пошлеть* 3, 5 ib., *иметь* 4 ib., *наидеть* ib., *приженеть* 4, 5 ib., *дасть* 4 ib., *стретилъ* гонець во Креве и князь великии Олгирдъ борьздо *поспешить* ко брату... и князь *рече* брату... 28 Увар., прышодъшы зо Пъскова *возметь* городъ Полътэскъ и *почнеть* ... 239 Позн., *возме*^{т} горо^{х} по^{л}тескъ 67б Крас. Л., *втече*^{т} 68 ib. (ср. в Лавр. сп. летописи Нестора: Днѣпръ *върпечеть* въ Понетьское море...), са^{м} *оумре* а пособѥ на полоцкꙋ *зостави*^{т} сн҃а своего 68 ib., кн҃зь *пошле*^{т} воинꙋ — з' брато^{м} 74б Крас. К., витовтъ строковъ *выбежи*^{т} змате^{р}ю своѥю *поѣдѣ* кгоро^{х}'нꙋ 75б ib., Кестутеи — *вогна* в городъ. И князь великии Евнутеи выскочивъ *убежить* во горы, тамо *озябетъ* въ ноги... 28 Увар. (= выскочил и убежал — озябе — 1 Вил.), Кестутеи опять *начнетъ* жаловатися 29 ib. (= началъ 3 Вил.), *отвечеть* 30 Увар. (= реклъ 3 Вил.), *извоюеть* 31 ib., 5 Вил., *оставит* 31 Увар. (= оставилъ 5 Вил.), исцелиль и *приведеть* 36 Увар., *стретить* его Скиргайло 37 ib. (= стрети 11 Вил.), Ягайло *поведеть* его велми у высокыхъ 3 Вил., и князь Ягайло *поедеть* до Крева, а князь Витовтъ *проводить* его до Крева 4 Вил., а какъ *приступить* къ Трокомъ князь великый Ягайло, и Трокы *дадуться* ему 5 ib., князь Ягайло *почнетъ* просити 6 ib., сведе его с Киева и *дасть* ему Копысъ, а на Киеве *посадить* князя Скиргайла 13 Вил., сътвори бракъ честенъ и *вѣнчаеть* великого князя 12 ib., *научитъ* — *вдѣлаеть* 7 ib., а *докончаютъ* межи себе князь Кестутии... 28 Увар., а *докончають*... *впѣвнятъ* 2_{9-13} Вил., на Киевѣ *посадиль* 39 Увар. (= посадить 13 Вил.). Если обратиться за справками к живой речи, то найдем, что в теперешних белорусских говорах употребление будущего вместо прошедшего также возможно, но только при обозначении быстроты и наглядности действия: Як *треснетца* лбом ў ушак (= косяк), аж искры *посыпалися*; то же видим и в мало-

русских говорах: ср. у Миклошича «Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen» Wien. 1883, стр. 778, а также А. Семеновича «Об особенностях угрорусского говора» (Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1883, стр. 220); то же наблюдается и в великорусском наречии, особенно в былинной речи: ср. у Буслаева «Историческая грамматика», ч. II, 1881, стр. 131—132.

Еще отметим пропуск в некоторых случаях глагольного сказуемого: совѣтъ сътвори: онъ в Литву, а князь к Орши 9 Вил., князь великыи Кестоутии к Городноу ко сыну своему 31 Увар.

д) Особенности склада. В Виленском списке летописи, а отчасти и в других замечается особая склонность к употреблению союзов не только в начале предложений (будут ли они главные или придаточные), но также и перед отдельными словами; такие союзы *а* и *и*: *и* князь — пошлеть — къ отцу своему с тою вѣстью; *а* Нѣмцы пакъ и Прусы, услышавши тая дѣла, *и* маршалко Прусскый поиде на помочь ратью 5 Вил., почялъ воевати Литовскую землю *а* с помочью Немецкою 8 ib., певенъ *а*ни бе[з]пече[н] именеи скарбовъ 64б Крас. Л., не был ни одинъ городъ ни деревомъ рубленыи *а*ни каменіемь боудованыи 44 Увар., *и* князь великый Евнутій выскочилъ *и* убежалъ в горы в долъ 1 Вил. Летописный рассказ иногда принимает несколько торжественный характер, особенно когда приводится какое-либо рассуждение; тогда замечается изобилие славянизмов, аористы и т. п. Пример (Вил. 8_{31}—9_{1-10}): Тое же зимы князь Святославъ Смоленьскый совѣтъ съ княземь Андрѣемь Полоцкымъ сътвори: онъ в Литву, а князь Святославъ к Орши, и миру много зла учини, христіаны не человѣчьскы мучиша, нижe ни на поганыхъ ратехъ слышахомъ такыхъ мукъ; избираху бо ихъ и запираху у своихъ избахъ и зажигаху, а другыи великыи храмы очапы поднимаху и христіане подъ стѣну главами кладаху и зажигаху, а иныи жоны и дѣти на колье тыкаху. Иныхъ мукъ надъ христіаны, ихже срама ради не писаху, якоже ни Антиохъ Сирскый, ни Улианъ Преступникъ такыхъ мукъ не сътворили надъ христіаны. Граду же Орши ничого не успѣша, и пакы възвратишася въсвояси. — Иногда в изложении наблюдается некоторый ритм и даже рифма:

И нарекли при своихъ животехъ,
што имъ быти на своихъ мѣстѣхъ
на великыхъ княженьяхъ. . . 2 Вил.

В синтаксисе сложного предложения отметим способы:

а) Замены существительного: бысть ему нѫжно *иже чого не было*. . . 10 Вил., *ты* (тѣ), *што*. . . 30 Увар.;

б) замены прилагательного: Воидила, *што былъ за него* сестру свою *далъ* (= за которого) 7 Вил., а отчину — и вся мѣста, *што* отець его *дръжалъ*, а тое все ему даю. . . 4 ib., правду д(асть), *што* николи противоу его *не стоять*, а завсе у его воли *быть* . . . 30 Увар., правду дали, *иж бы ему* чисто *приехати* 6 Вил. (= всчинили) быхомъ правду

отцю, *иж бы емоу* чисто *приехат* 33 Увар., рокъ учинили *которого бы дня* к Вилни *пригнати* 1 Вил., (место) ѡколо реки ѡш'мены, *которое* нинечи *зоветсѧ* ош'мена 67 Крас. Л.; рекоу[чи] б'рате милый да[л] тобѣ бг҃ъ тѹю честь *добы[л] еси земли по[до]льсков* 83б Крас. К.;

в) пояснения глагола: услышавши *што* ... 5 Вил., по[ч]нѹ[т] пыта[ти] кн҃зѧ што быхо[м] *поговори[ли]* 76б Крас. К., почноуть пытати Витовта: *што* быхомь *поговорили* с нимъ 32 Увар., уедналь — *што* быхомь *дѣржали* свое... ib., пошле[т] доВеликого кнзѧ ... *што* 68б Крас. Л., Кестутѣй вѣдалъ *што* Витовтъ горазда *живеть* 3 Вил., князь Ягайло почнетъ просити Витовта *штобы еси* промежи насъ *уедналъ* 6 ib.; Витовтъ оуслышавъ *аж* князь *преставись* 40 Увар.; а какъ то услышалъ Витовтъ, *иж* ... 31 ib., пошлеть гонца... *ижъ* такыя дѣла *сталася* 30 (= што 4 Вил.), мели вѣрѹ тѹю *и[ж]* бы дн҃ь соу[д]ны[и] *ме[л] бы[ти]* 71 Крас. Л., а вслышавъ *ижь* моужики *мешкають* бе[з]гдрѧ 66б Крас. Л., противу князя Олигорда послалъ гонца (= пошлеть Вил.), *што иже* (вже Вил.) во Вилни селъ... 28 Увар.; идя къ Новоугородку велить *да обесить* Воидила 31 ib.; приказа[л] — *абы* — на то[м] мѣст'ци — вси[х] кн҃зей и бо[ѧ]р *со[ж]жено* и *штобы* ... 71 Крас. Л., просѧ[чи] его, *абы* помо[ч] *далъ* 68б ib.; змови[ли] межи собою бра[т]ѧ. *такъ какъ бы* зви[д]ни єго *съса[ди]ти.* анѣко(то)ромѹ *бы* мѣжи и[х] на вилни *сести* 73 Крас. К., ты не вѣдаешь, *какъ* князь посылаетъ... 3 Вил., уже записался с нами *какъ* тебѣ *избавити* своихъ мѣстъ (как избавиться от тебя) 3 ib., мовилися братья... *какъ бы* имъ его оттолѣ *высадити* 1 ib., 27 Увар.; богумерзко зрѣти зовущимся христіаны, а братью свою христіаны не человѣчьскы мучиша 9 Вил.;

г) выражения уступительного характера мысли: мы ни коего зла сотвориша ему, а онъ с нами оу докончании боуда и престоупилъ крстное целование... 36 Увар.;

д) выражения разных обстоятельств: *α*) времени: 1) без употребления союзов времени: Витовтъ государемь сталь на Литовъской земли и подольская земля не хотела была послушна быти князя Витовта 45 Увар., пани спы[т]кова'ѧ вдовою зостала аде[т]ки малы 83б Крас. К., 2) выражение времени с союзом времени: *какъ* жонкы приидуть покладать, *ино* ему... выити вонъ... 7 Вил., а *какъ* услышавъ князь Святославъ, што идеть на него Скиргайло, и онъ исполчивъ воя и поиде противу 10 ib., а *какъ* к Вилни пріехавъ, князя великого Кестутья, оковавши, и послалъ къ Креву 7 ib., ср. 33 Увар., *какъ* не снемшись полкомь за г или за д стрелениа, приженоуть князи 32 ib., а *какъ* пристоупили к Трокомь, князю великому Агаилоу Трокы дадутся емоу 31 ib., а *какъ* селъ Кестутии... 30 ib., а *какъ* сѣдъ князь у Вилни, пошлеть... 4 Вил., *какъ* приедѣ ко Смоленьскоу, *тако* Глѣбъ дался из градомь 41 Увар., *какъ* выѣдѣ — *так* отпоусти... 40 ib., *ика[к]* до вил'ни приєхав'ши, *та[к]* кн҃зь — дѧдю — посла[л] 88 (8) Крас. К.; 3) выражение времени посредством разных видов дательного самостоятельного: *соущу* же *емоу* оу немцахъ, и приехаша к нему мнози кнзи, и онъ ж начне воевати ... 34 Увар., *князю ж Скиргаилоу сущоу емоу* на пироу... 40 ib., *бывшу* же *ему* в Нѣмцехъ — приехаша князи...

8 Вил., *королю бывшу* у Кракове съ всими князьми, Андрѣй Полоцкый приидѣ ... ib.; *съступившемься полкомъ*, и Богъ поможе Витовту 11 ib., ср. 37 Увар., и еще не *съшедшимся полкомъ* за три или за четыри стреленья, и приженѫтъ кнзи... 6 Вил., приидоша къ Мстиславлю, а *князю Святославу стоявшу* у града и *вынемши* пороки градъ Мстиславль на страстной недѣли ... ib., 9—10, *князю* же *буда* у мистра — и присла к нѣму король посла ... 12 ib., *па͠уючи кн͠зю ски͠ргаилѹ* немало лѣ͠т и оумре 70 Крас. Л., *томоу͠ж давла͠х'бе͠рдею* немно͠г *ц͠рьствовав'ши* на ц͠рсвѣ и оумре͠т 87 Крас. К.; 4) выражение времени причастиями, стоящими в им. п. или причастиями неизменяемыми (деепричастиями): (женцѣ) двѣ ходили покладывати кнгини оу комнатоу, да *положивъ* их да вонь пойдуть, а сторож около 33 Увар., кн͠зь глѣ͠б полоцки͠м в молоды͠х лѣте͠х свои͠х. *кн͠жив'ши* нем'ного лѣ͠т в'полоц'кѹ и оумре 68б Крас. Л., Коуковоити се͠х навелико͠м кн͠жаньи лито͠вско͠м *бѹдоу͠чи* вто͠т ч͠а царе͠м заво͠лгъски͠м ц͠рь боулаклай прис'лалъ пословъ своихъ 69 Крас. Л., Олгирдъ умре и ... Кестутій, *неоставя* слово брата своего..., такъ и до своего живота... были 2 Вил., ономоу ж царю, иж бѳ на Орде, *слышавъ*, яко славныи тои государь отпоустилъ своего слоугоу на царство накакож несме спротивитися славномоу государю остави царство и побеже 49 Увар., А какъ *услышавши* то князь Витовтъ, што... князь Ягайло идеть ратью с Нѣмци сниматися, а онъ поедеть къ Городну с матерью 5 Вил., Нѣмци пакъ и Прусы *услышавши* тая дѣла и маршалко Прусскый поиде на помочь ib., князь *перезвавъ* его и да емоу Луческъ 8 ib., Витовтъ *возма* крывы городъ, возвратиса в немьци 37 Увар., 11 Вил., Витовтъ събра вои поиде к Новогородку, и Новогородокъ *озма*, и князя Корбута в няцьство посла 12 ib., *отшедъше* — Скиргаило поидѣ 36 Увар. В нижеследующих примерах сказалось также влияние дательного самостоятельного: *третев не͠дли спѹстѫчи* кн͠зь великы͠и собра͠х силѹ 89 Крас. К., бяше *емоу дръжаще* великое княжение 47 Увар., *семоу же Салтану дошедше* орды и седе на царство 49 ib. β) Обстоятельство причины выражается 1) главными предложениями без причинных союзов: то учиниль есми, стерегль есми своее головы, почюлъ, што на мене лихо мыслять 30 Увар. (= стерега головы своей 4 Вил.); князь великии Витовтъ поехаль к — Якаилоу и ко его рати и полковѣ (гуѳы Вил.) стоятъ межи себе, не починая ничего 32 ib.; 2) причастием: Поедуть в рат ко Якаилу *надеяс* на ты правды... 33 Увар., а князю великому Витовту чясто *воючи* Литовскую землю. а в.к. Ягайлу и Скиргайлу не возможно имъ стати противу ему 8 Вил., князь великый Евнутій, в большиньствѣ *буда*, не полюбился има 1 ib., пошли — *хотечи* знайти 64б Крас. Л., князь великии Кестутии *вѣда*, што — Витовтъ гораздо живетъ съ княземъ Ягаиломъ, и почнеть жаловатися... 29 Увар., онь же тогда *не возма* Вилни и поиде ко мистроу 37 ib., а *боудѹчи* ѡнъ в'старости своей *анехотечи* па͠нства своего ѿ дочки своее ѿдалити и прин͠ѧх до нее з͠ѧте͠м собе... 66б Крас. Л., помало͠м ч͠аѹ кн͠зи ѡ͠рды͠нскыѥ нѣсмеючи ро͠згнѣвати сла͠вно͠г г͠дрѧ — витовта. и неполюби͠лсѧ и͠м то͠т ц͠рь. и ѡни инпо͠г ц͠рѧ просили собѣ 87 Крас. Е.; 3) полным предложением с причинным союзом не вдашася

ему, *занебъ* тогды правду дали Скиргайлу 10 Вил., *коли* — гдрь — на которую землю быва гневе — wни пришли кнему 86б Крас. К., а *што вже* Лифлянская рать третіе с ним же приходила, *то вже* знакомиты вышли, што с ними заодно стали противу великому князю Кестутью 6 Вил. γ) Примеры выражения цели действия: послалъ *штобы* еси уеднялъ 6 Вил., Ягойло послаль насъ к тобѣ *штобы*... 32 Увар., бѣру *штобы* пріехалъ 6 Вил., писа грамоту Витовту, *ижебы* его жалости месть сътворилъ 13 ib., *анидлячого* толко *для тог и бы* ся томоу дивовал 64—64б Крас. Л., и почали ляхове слати къ Ягайлу, *абы* принялъ... 8 Вил., А то собѣ вънѣвнятъ што придобудутъ горы или волости, *да* то дѣлити наполы 2 Вил., нехотѣли витовта пустити wлижбы королю здал вравдоу 79б Крас. К., онъ жда брата своего посадити его за сторожею 27 Увар., Витовтъ приеде у Вилню, хотя ю засѣсти 10 Вил., ср. 37 Увар., моуку приня для збавенія и wкупенія рожаю члвчего 64 Крас. Л., и кнжечи рыкголту немало... и вчинят змову межи себе кнзи рускіи. почати валку противъ кнзя рыгокголта. *хотячи* его согнати со wчизны своих городов ... 70 Крас. Л. δ) Выражение образа действия: присла посла а *рекъ* ... 12 Вил., присла король посла — а *рекочи* 38 Увар.; *съехався* розъехатися 6 Вил., *ида* ... велить 5 ib., *паруючи* оумре 66б Крас. Л.; *также* правду далъ, *какъ* они дали 6 Вил., справоватися *как* оу вѣликом новегороде и пъсковѣ 68б Крас. Л., почнетъ *также* приеждати къ старымъ думамъ, *какъ* и къ брату приеждивалъ 2 Вил.

В заключение прилагаем список более редких слов; тут же отметим и полонизмы.

Ав'жды 71 Крас. Л. (т. е. а—вжды — полонизм) а ведь, однако.

Агайло 8 Вил.

Александреевича 47 Увар.

Басаранское 86б Крас. К. (бессарабское).

бился с Татары 57 Увар.

богумерзко 9 Вил.

бована вчинили 65б Крас. Л.

бордзо: велми на бордзе 31 Увар. (= въскоре 5 Вил.).

бор'з'до 73 Крас. К., борзьдо 28 Увар.

боронишася (защищались) 13 Вил.

братанича своего 74 Крас. К.

боурсникъ: въехал вгород збоурсники своими 85б Крас. К.

Вдѣлати: нелюбовь и жалость вдѣлалъ (причинил) 3 Вил., не вдѣлалъ (не сделал) 4 ib.

великый: повелъ его у великыхъ (возвеличил) 3 ib.

Витебескъ 1 ib.; Витебскъ 27 Увар.

волочили головы по улицам 89 Крас. К.

воспакъ 65б Крас. Л. (опять).

втекали до ро'моитых земель 64б ib., втече вгуры 75б Крас. К.

выгоил (вылечил) w ран 79 ib.

Гиньшты 41 Увар., гинъшты взолотых седлах 82 Крас. К.

голова: наголову поразили 70 Крас. Л.

гомел (Гомель) 83 Крас. К.

гонець 2 Вил.

гонзути: по многе времена гонзне за животь 49 Увар.

гораздо (хорошо) 3 Вил.

гуѳы 6 Вил.; в других списках: пушки, собственно huf громада,

часть войска, нем. Haufe. Ср. Prace fil. IV, 416.

Дати: правду межи себе на томъ дали 28 Увар. = присягли промежи собою 2 Вил.
добрый: повелъ былъ его вдобрыхъ 29 Увар.
добываютъ 3 Вил., добылъ (завоевал) 5 ib.
довѣдал'сѧ 66б Крас. Л.
доубасны[х] тр8ба[х] 66 Крас. К. (dubas небольшой корабль?).
дума: почнетъ также приеждати къ старымъ думамъ 2 Вил., ср. 29 Увар.
Дьбраньскии 42 Увар.

Жаславль 2 Вил.: дали Жаславль = далъ Ижаславль 28 Увар.
жьгли[ш]ще было вчинено гдѣ бы его смртна[г] со[ж]г'ли 70б Крас. Л., жьглищо 71 ib.

Завсе у его воли быти 4 Вил. (zawsze).
Замятня: была вто[т] ча замѧ[т]нѧ вѣликаѧ вс'моле[н]ск8 84б Крас. К., замѧтнѧ 236 Позн.
записыватися грамотами (переписываться) 3 Вил.
запусты Ѳилиповы 55 Увар., ср. 90 Крас. К.
зар8билъ горѡ[д] 66б Крас. Л.
засѣсти Вилню (занять) 5 Вил., засести городъ подъ братомъ (отнять город у брата) 28 Увар.
збавем 64 Крас. Л.
збегъ 66б Крас. Л.
з'выте[ж]ство[м] великы[м] потомъ на р8ск8ю землю 69 Крас. Л.
змеръ 65б Крас. Л.
знаити 64б Крас. Л.
знакомитыи вышли (обнаружили) 6 Вил.

Извоюетъ (завоевал) 31 Увар.
имялъ (взял, схватил) 2 Вил.

Кглеитовныи листи 45 Увар. (грамоты для свободного пропуска, полонизм с нем. Geleit).
кмотръ 3 Вил., 29 Увар. (kmotr крестный отец, кум).
ко[л]ко годовъ 68б Крас. Л.
комнатѣ 7 Вил., комнотѣ ib.
королевая: понѧ[л] за себѣ королев8ю 78 Крас. К.
королицею 48 Увар. (королевою).
короунованъ того королевства коруною 8 Вил.
костелъ: которои[ж] вриме и косте[л] збоудовали 68б Крас. Л.
коштованые (ценные) 82 Крас. К.
кривды 64б Крас. Л.
кровныи 64б Крас. Л.
кроиники 73 Крас. К.
кро[т] неко[л]ко (раз) 64 Крас. Л.
кунторъ 29 Увар. = кунтуръ Вил. (полонизм komtur, с немецкого, военачальник. Ср. Prace filolog., т. IV, 512).

Ланцухъ: ла[н]ц8хи золоты[и] 81 Крас. К. (цепь, полонизм: łańcuch).
лядскій: на всей лядской земли 8 Вил.

Метѣлица (вьюга) 90б Крас. К., ср. 273 Позн.
мовилися межи собою братья 1 Вил.
мо[л]довское 86б Крас. К.
мостевъ: а бы[х] др8ги[н] мосте[в] бра[т] 77(8) Крас. К. (полонизм).
мочь: у великои мочи 29 Увар., моци 3 Вил.
моужны (мужественный) 45 Увар.
мѣсто ри[м]ское (город Рим) 64 Крас. К.
местцо 65б Крас. Л., месцо 64б ib.
мыслити: на мене лихо мыслять 4 Вил.

Навратившисѧ воспакъ 65б Крас. Л.
напротивк8: помо дал напротивк8 р8си 68б Крас. Л.
невъставичности 64б ib., невъставич'ныи 64

нелюботь: Кестутию велми нелюботь вчинилъ 29 Увар. (= нелюбовь 3 Вил.).
не^x^новое море 65 Крас. Л.
непосполиты^x^ рыбъ ib. (полонизм).
непослушенствѣ 12 Вил. (полонизм).
нетьство (плен) 30 Увар. (= нятство 4 Вил.).
нинечи (теперь) 67 Крас. Л.
нятство: в нятство дали 11 Вил., дѣ^ти^ вня^т^ство взя^л^ 80б Крас. К.

Обесити (повесить) 5 Вил.
одинацство (полонизм): уводинацствѣ 2 Вил. = в одиночестве 28 Увар.
ѡкрꙋ^т^не 69 Крас. Л. (строго, полонизм okrutnie), былъ панъ ѡкрꙋт'ныи 64
Олигордъ 27 Увар.
Олкгирдъ 1 Вил.
оземъ (осилив) 10 Вил.
опороки бити (таранами) 9 ib.
осадити: Евнутья осадилъ въ Вилни на великомъ княженьи 1 ib.
остати (остаться) 7 ib.
остеречи: Богъ насъ остерегъ 4 ib.
откормили (отравили) 45 Увар.
Ѿчичи и дѣдичи 82б Крас. К.
очапы 9 Вил.
очепъ: великиа храмы очепы поднимахоу 35 Увар.
оѳитость (obfitość изобилие): ро^з^маитое ѡѳитос'ти напо^л^нены^x^ ро^з^ного рожаю 65 Крас. Л.

Парубокъ — неволныи хлопъ 29 Увар.
певно (полонизм, вероятно) 3 Вил.
переступивъ свой слюбъ (нарушив клятву) 7 Вил.
повѣдалъ (сказал) 3
по^д^лоу приказаньꙗ 71 Крас. Л. (переделка według, полонизм).
подѣли^x^ (разделил) 73 Крас. К.
покладывать (укладывать спать) 7 Вил.
покоры сътворити 13 ib.
полно (вероятно): они полно на насъ стали с нѣмци 30 Увар. (= певне 3 Вил. полонизм).
понедѣлокъ 43 Увар.
поняти: абы принялъ крещеніе и понялъ бы королевну 8 Вил.
пороки бити (таранами) 35 Увар.
порты 7 Вил.
постелю слати 2 ib.
постинати: иныхъ бояръ много постинали (умертвили) 7 ib., кн҃зеи постиналъ 66б Крас. Л.
потка^л^ его 69б ib. (встретил)
правица: селъ на правици бг҃а Ѿц҃а а 64
пра^т^седы^т^. апорꙋски^и^ параско^в^гия 68
пригналъ къ городꙗ и вългналъ в городъ (пришел во время) 1 Вил.
пригодала емоу такъ (посоветовала) 33 Увар.
придобудутъ 2 Вил., 28 Увар.
проплакиваючи (пеняя) 74б Крас. К.
Рожай (полонизм: rodzaj): асты^м^ (Полемономъ) шляхты чотыри были рожаи на^и^выш'ние имене^м^ китоврасы колю^м^ны рожи оур'гы 64б Крас. Л.
ро^з^моиты^x^ (полонизм) земль 64б ib.
рокъ учинили (условие) 1 Вил., 27 Увар.
Рша: къ граду Рши 13 Вил.

Сажоными (вышитыми) по^р^тищи 82б Крас. К.
Свяцьславъ 35 Увар.
сказнити 86б Крас. К.
слоушное (słuszny) месцо 64б Крас. Л.
смовивши межу собоꙗ 1 Вил.
соймы 3 Вил., знемъцы со^и^мы чини^ти^ 74 Крас. К.
сокирами 54 Увар., ср. 89б Крас. К.
сподобалося ем 66 Крас. Л.
споустела рꙋская земля 67 Крас. Л.

сторожою 7 Вил.
спѣше поеха[ш] 79 Крас. К.
старости[х] 83б Крас. К.
столець (столица) 66б Крас. Л.
страва: мешкали на его стравѣ 86 Крас. К.
ст8день: звѣликое ст8дени 90б
съимуться 5 Вил.

Такова смерть пригодилася 7 Вил.
твердо дръжати 7 ib.
твержа: нашли себе твержю 44 Увар.
тыйдень (неделя) 281 Позн.
Оубиратися во изброи 54 Увар.

Улианъ 9 Вил.
оумедровали 44 Увар.
оумоуровали ib.
урадовался (обрадовался) 4 Вил.
ускласти 34 Увар., 7 Вил.
уставилъ (поручил, назначил) 2 Вил.
оусточнии (восточные) 48 Увар.
утекъ з города 8 Вил.

Хова[л] 69 Крас. Л.
холопъ 2 Вил.
хорта сожо[г] 71 Крас. Л.

Цесарѧ 64 Крас. К.

Чадь Ганулеву (детей, слуг) 5 Вил.
четвергъ 81б Крас. К.
чини[х] (приносил) 64б Крас. Л.
чисто: тобѣ чисто опять у войско свое отъехати (можно без затруднений) 6 Вил.

Швитригаило — Швитрѣгаило 39 Увар.

Ягойло 32 ib.

ЗАМЕТКА ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Белорусское *бў* на месте *ал — ав*[1]

Ударяемое *а* в белорусских говорах обыкновенно сохраняется в чистом виде: переход его в *о* наблюдается изредка лишь в некоторых отдельных местностях, притом в случаях, которые нельзя подвести под какой-либо общий закон (ср. нашу работу «К истории звуков и форм белорусской речи». Варшава, 1893, стр. 183—184, выноска). Истекшим летом нам пришлось быть в одном месте Минского уезда — м. Волме, в 40 верстах от губернского г. Минска, к западу от него; здесь нам сразу бросилась в глаза следующая особенность местного говора: на месте общебелорусского *аў* (*яў*) из основного ъл—ьл, ъв—ьв обыкновенно говорят *бў* с предыдущим твердым или мягким согласным (*ёў*); такое произношение можно было слышать не только у жителей м. Волмы, но и окрестных деревень (Янковцы, Ковалёвцы, Швабовщина, Жебровщина и др.). Там все обыкновенно говорят: *казбў*, *дбў*, *збўтра*, *варшбўка* (название особого рода картофеля), *ўзёу* и т. д. В других отношениях говор отмеченной местности не отличается какими-либо особыми чертами; разве укажем употребление *гэный* вм. *гэтот*.

---

[1] РФВ, т. XXXIV, стр. 158 (*Ред.*).

НЕКОТОРЫЕ РЕДКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО НАРЕЧИЯ
в Сокольском уезде Гродненской губернии[1]

Род. п. ед. ч. на *-е*(= древнерусскому ѣ) у слов ж. р. в белорусском наречии до сих пор известен был только от местоимений и прилагательных, вроде: *мое́—мое́е но́вое ха́ты*; употребление его у имен существительных исследователями этого вопроса не наблюдалось. Минувшим летом нам пришлось быть в Сокольском уезде Гродненской губ. (в д. Жуках, в 7 верстах к северу от г. Соколки). Здесь сразу бросилось в глаза всеобщее употребление этого окончания, притом не только в мягком различии, но и в твердом от слов на *-а*; твердое различие вместо *-е* знает *-э*, заменяемое, однако, после задненебных посредством *-е*: од зямле́, из руке́, ху́стка сяст*рэ́*, бо́чка во*дэ́*, воз тра*вэ́* и т. п. Как можно видеть из приведенных примеров, это окончание *-е* — *-э* (= древнерусскому ѣ) сохраняется обыкновенно только под ударением; вне ударения бывает и *-и* — *-ы*. Это же окончание заходит и в основы на -ĭ; нам пришлось слышать такое выражение: ис твое́ *пяче́*. Как и в большинстве белорусских говоров, и в данном окончание *-е* — *-э* обыкновенно употребляется и в им.-вин. п. мн. ч. имен существительных м. и ж. р.: *валэ́*, *чапцэ́*, *жанке́* и т. д. По окончанию род. п. на *-е* — *-э* (= ѣ) рассматриваемый говор, вообще чисто белорусский, приближается к малорусскому наречию, которого обычное окончание -і (землі, душі, печі — «Живая старина», 1892, IV, 17!) предполагает древнее ѣ; некоторые северномалорусские говоры знают даже в рассматриваемой форме и звук *е* (земліе͡, душіе͡ Седл.)

Дат. п. на *-ови* — *-еви* также не наблюдался в белорусском наречии (ср. наш «Обзор звуков и форм белорусской речи», 105). Опять-таки в Сокольском уезде нам приходилось часто слышать такие формы, как *сы́нови*, *жабраке́ви*, *жарабцёви* и т. п. Из приведенных примеров можно видеть, что *-еви* преобладает: оно свойственно и словам, имеющим перед окончанием задненебные, а также принадлежавшим когда-то к мягкому различию. Понятно, названиям неодушевленных предметов окончание *-ови* — *-еви* неизвестно.

---

[1] РФВ, т. XXXV, 1896, стр. 220—221 (*Ред.*).

Вин. п. у названий предметов неодушевленных часто заменяется посредством род. п.: вазьми *замкá*.

Будущее время очень часто образуется на польский лад — с причастием на *-лъ*: будзешь *прасíў*.

Возвратное местоимение *-ся* в сложении с формами глагола обыкновенно имеет вид *-са* (а не *-ся*, как почти повсеместно в белорусском наречии): *прасíўса*, *напíўса*, *далáса*; в ср. р. обыкновенно *-со*: *прасúлосо*; во мн. ч. *-сэ*: *напилúсэ*.

Из фонетических особенностей отметим редкий случай перехода (безударного?) *е* с предыдущим твердым согласным (*э*) в *а*: г*а*ты рóк (= этот год).

В словаре обратили на себя внимание слова: *багнó* (болото, сенокос), то же и в малорусском: у Носовича — бȁгна; *лóнский* (прошлогодний), чешск. lonský; *лéтось* — «этого года» вм. обычного «в прошлом году».

ЧТО ТАКОЕ ДРЕВНЕЕ ЗАПАДНОРУССКОЕ НАРЕЧИЕ?[1]

Если когда-либо, то особенно на Археологическом съезде в г. Вильне уместно заняться рассмотрением судьбы того языка, который в течение нескольких столетий был органом умственной, нравственной и политической жизни народа в Великом княжестве литовском; это рассмотрение особенно уместно теперь, так как здесь собрана масса вещественных данных этого языка, а в науке подготовлено немало интересных материалов, освещающих разные его стороны. Еще некоторые посторонние побуждения заставляют заняться данным вопросом: это — те разноречивые мнения, которые нередко приходится слышать и читать об этом языке.

В старых памятниках это наречие обыкновенно называется «языком русским», так, в статуте 1588 г. имеется постановление, чтобы писарь земский писал все выписы и позвы русским, а не другим языком, причем в статуте этот язык характеризуется только «русскими литерами и словы». Известный переводчик библии на западнорусское наречие, доктор Франциск Скорина, язык своих изданий называет русским, противопоставляя ему язык словенский. Свой перевод Св. писания называет «библія руска», перевел он «всю библію рускаго языка», о книгах переведенных говорит: «мною на русъкій языкъ выложенныхъ». Подобным же образом называют западнорусское наречие и другие старинные писатели. Переводчик евангелия на западнорусское наречие 1570 г. Василий Тяпинский западнорусский народ и его язык называет «зацнымъ рускимъ». Издатель Учительного евангелия 1569 г. Григорий Александрович Ходкевич говорит: «Помыслилъ былъ есми, иже бы сію книгу, вырозумѣнія ради простыхъ людей, преложити на простую молву». В одном из следующих его изданий в предисловии прибавлено: «зась пре незнаемость и неумѣетность языка словенского многихъ... знову преложеньемъ его на языкъ нашъ простый рускій якобы змертвыхъ вскрешонъ».

---

[1] «Труды Девятого археологического съезда в Вильне, 1893», под редакцией графини Уваровой и С. С. Слуцкого, т. II. М. 1897, стр. 62—70 (*Ред.*).

С другой стороны, западнорусские писатели иногда называют его также литовским. Так, Лаврентий Зизаний слово «катехизис» объясняет следующим образом: «по-литовски оглашеніе», или Памва Берында в своем словаре (1653 г.) говорит: «пѣтель: чески и руски. Когутъ. Волынски пѣвень. Литовски петухъ» (Приводим по книге П. В. Владимирова «Доктор Франциск Скорина», стр. XII). Вследствие этого обстоятельства и многие русские исследователи начала нынешнего столетия и некоторые из позднейших, имея в виду противопоставить этот язык литературному, иногда называют его литовско-русским языком. Такое имя дают ему, например, Кеппен, архиепископ Филарет, Сахаров, Каратаев.

Есть даже исследователи, которые, видя в западнорусском наречии присутствие элементов польского языка, называют его русско-польским языком, а самые крайние из них — даже наречием польского языка. Так, Штриттер, рассматривая язык Скорины, говорит: «сей перевод российской библии несколько подходит к польскому языку» (Владимиров. Доктор Франциск Скорина, стр. III). Его мысль разделял и Греч. А этого последнего повторил Линде, несколько даже сильнее, выражаясь следующим образом о западнорусском языке: «tak bardzo do polszczyzny zbliżony dyalekt» (Владим. ib. X). В другом месте («O statucie litewskim, ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomość, przez M. Samuela Bogumila Linde. W Warszawie. 1816) тот же Линде доказывает, что западнорусское наречие ближе к польскому, нежели к русскому языку. Рассматривая лексический состав статута, он в основу кладет польский язык и русские слова отмечает лишь как заносные. Так (на 17 странице) он говорит: «ieszcze tu nie iest koniec wszystkim słowom niepolskim, znayduiącym się w Ruskim Statucie Litewskim». За Линде последовали другие польские писатели, которые даже западнорусскую литературу отнесли к польской; так поступил, например, Вишневский («Historya literatury polskiej». Kraków, 1851, VIII), рассматривая в истории польской литературы произведения Скорины и в языке их находя особую близость к польскому. Некоторые польские писатели: Ярошевич (Obraz Litwy, t. II. 133), Нарбут («Histor. Nar. Litewskiego», t. III, 262—263), Рогальский (Wielka Encyklop., t. XXIV, 25), Чечот («Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej». Wilno. 1846) находят очень удобным западнорусское наречие называть кривичанским или кривицким.

Наконец, некоторые ученые и писатели, как Бодянский (Владимиров. Доктор Франциск Скорина, стр. XII), Головацкий (ib, XVII), называют этот язык крайне искусственным и поэтому даже не находят возможным дать ему какое-либо название. «Им никто никогда не говорил и не говорит... (так как он представляет) самую отвратительную смесь, какую только можно себе представить и какая когда-либо существовала на Руси» (Бодянский). То же говорит и Головацкий. Так, касаясь языка библии Скорины, он пишет: «то язык ни белорусский, ни великорусский, ни малорусский, а язык книжный искусственный, яким никто

никогда не говорил и не говорит» (ib., XVII). Впрочем относительно языка грамот Головацкий выражается иначе: «язык грамот (XVI в.) чистый русский, без малейшего влияния польского языка, который в то время еще не употреблялся в письменности» («Труды VI археологического съезда», стр. 424). В последнее время за крайнюю искусственность этого языка высказался Первольф («Славяне, их взаимные отношения и связи», т. III, ч. II, в разных местах). Наконец, вследствие преобладания в этом наречии особенностей теперешних белорусских говоров многие ученые исследователи называют его белорусским, как, например, Буслаев, Огоновский, Житецкий, Соболевский, Недешев, Владимиров. Мы тоже склонны к этому названию. Белорусским его называли отчасти и в старину в Москве; так называет его и Крыжанич (Первольф: «Славяне...», т. III, ч. II, 161).

Прежде чем приступим к рассмотрению указанных мнений, ознакомимся сначала с особенностями как старого западнорусского наречия, так и современного белорусского. К числу их относятся:

1. Появление неслогового *у* (*ў*) на месте *у* и *в*. В старинных памятниках эта черта выражается в смешении *у* и *в*. Это явление в западнорусских произведениях мы замечаем уже с начала XIII в., если только в это время уже может быть речь о западноруских произведениях: в договоре Смоленска с Ригою 1229 г. читаем — *уздумалъ*, *у* Ризѣ и т. п., в Полоцкой грамоте около 1300 г.: *у Полотеско* и т. д. В позднейших западнорусских произведениях появление *у* вм. *в* и наоборот стало вполне обычным явлением. Значительно позже встречаются случаи замены *л*, стоящего в закрытых слогах или перед согласными, посредством того же неслогового *ў*: лишь с конца XV в. (в Западнорусской Четье 1489 г. читаем: *невдовзѣ*, или в грамоте 1497 г. [Археогр. сб. 1, 3]: *Вовчкевичъ*) можно наблюсти это явление, и то спорадически. Но рассматриваемая нами примета западнорусского наречия также рано замечается и в памятниках других наречий русского языка, например, новгородских, галицко-волынских.

2. Такою же чертою, замечаемою отчасти и в других старинных памятниках, является твердое *р* вм. основного мягкого. Особенность эта в западнорусских памятниках наблюдается уже с половины XIV в., например в грамоте 1340 г. короля Казимира читаем: *Дворыковичъ*, или в грамоте 1395 г. (Акты, изд. Виленской арх. ком., XIII, 4): *сентябра* и т. д. Но твердый *р* вм. мягкого изредка встречается и в других русских памятниках (Соболевский. Лекции[2], 122) и даже церковнославянских. Из позднейших наречий русского языка, он, однако, утвердился только в белорусском, где и распространился повсеместно, кроме самых окраинных, восточных и южных говоров.

3. Старому западнорусскому наречию свойственна была группа *жч* (вероятно, искусственное написание *ж͡дж*) в тех же случаях, где в современных великорусских говорах находим *жж*, а в церковнославянском *жд*: *дъжчѣвнымъ* Псалтирь 1262 г. (Соболевский. Лекции[2],

39), *разъежчалъ* Грамота 1398 г. (Акты, изд. Виленской арх. ком., т. XI, 3) и т. д. В позднейших памятниках таких примеров масса. Но *жч* встречается также и в галицко-волынских памятниках, самых древних — XII в. (Соболевский. Лекции[2], 40); притом для характеристики современных белорусских говоров эта черта не может считаться выдающейся, так как *ж͡дж*, хотя и свойственно им, но встречается в незначительном количестве случаев; кроме того, группа *ж͡дж* принадлежит также малорусскому наречию и польскому языку.

4. Выдающаяся черта теперешнего белорусского вокализма — аканье, принадлежащая ему вместе с южновеликорусскими говорами и доведенная в нем даже до крайних пределов, в старинных западнорусских памятниках попадается, начиная лишь с XIV в., но и здесь достоверных случаев встречается вообще мало: *Алкердъ* 1359 г. в Смоленской грамоте, *Анофрей* 1399 г. в Полоцкой грамоте; в большем количестве примеры аканья мы находим в XV и особенно в XVI в. Около этого же времени аканье появляется и в южновеликорусских говорах.

5. Вероятно, раньше аканья белорусское наречие развило проточный согласный *г* = *h*. Время появления этого звука по памятникам точно определить довольно трудно ввиду отсутствия для него особого знака. Очень может быть, что малорусскому и белорусскому наречиям он свойствен искони, но доказать это вескими соображениями довольно трудно. Несомненно, однако, что в эпоху выделения существенных особенностей старого западнорусского наречия он уже существовал. Это видно из того, что для звука противоположного — для *г* = *g* — в нем было придумано даже особое начертание *кг*, которое по памятникам можно проследить, начиная с XIV в.: *Скиркгайло* 1387, *буркгмистру* 1397 г. и др. (ср. наше сочинение: «К истории звуков и форм белорусской речи». Варшава. 1893, стр. 232—233).

6. Непосредственно от глубокой старины удерживается в белорусских говорах, старых и новых, переходное смягчение гортанных перед *е* = *ѣ* и отчасти перед *е* = *е*, основному в склонении и спряжении. Эта черта белорусского консонантизма принадлежит и малорусскому наречию. Примеры: оу *сороце* лѣтъ Житие Алексея XV в., *сȣмраце* Скорина и т. д.

7. Такою же старинной особенностью является удержание слогов *ый* — *ій* при теперешних великорусских *ой* — *ей*: *Сокрыи* Скор., *осмыи* там же, *днии* Позн. рук. XVI в. (Archiv für slav. Phil, IX) и т. д. Однако в старинных же западнорусских памятниках не редкость и слоги *ой* — *ей*, что отчасти в некоторых случаях наблюдается и теперь: *жеребеи*, *Григореи*, *инеи* и др. у Скорины.

8. Одною из выдающихся примет белорусских говоров, роднящею их с малорусским наречием, является удвоение согласного звука, если ему приходится стоять перед *j*. По памятникам собственно западнорусским, это явление можно проследить, начиная с XV в.: *Иллиничи* из грамоты XV в., но в копии XVII в.; чем дальше, тем подобных примеров больше. В произведениях галицко-волынских эта примета встречается уже с XIV в. (Соболевский. Лекции[2], 101).

9. Самая характерная черта теперешних белорусских говоров, резко выделяющая их из среды других наречий русского языка, так называемое дзеканье и цвяканье, по памятникам может быть прослежена лишь в сравнительно позднее время: примеры, встречающиеся в произведениях XV в., легко могут быть объясняемы как полонизмы. В XVI в. их уже значительно больше, но вообще говоря, постановка *дз* и *ц* вм. мягких *д* и *т* делом обычным не может считаться. Причиной этого обстоятельства, несомненно, служит стремление избегнуть необычных начертаний *дз* и *ц*, составляющих особенность польского языка.

В XIV и XV вв. изредка появляются и морфологические особенности западнорусских говоров; но они, вообще говоря, мало характерны.

Вот в общем главнейшие черты старого западнорусского наречия, но они же, как можно было видеть, являются характерными чертами и современных белорусских говоров. Обстоятельнее этого вопроса мы касались в сочинениях «Обзор звуков и форм белорусской речи» (М., 1886) и «К истории звуков и форм белорусской речи» (Варшава, 1893).

Так постепенно появились особенности старого западнорусского наречия, ставшего во время литовского господства языком государственным, поглотившим другие говоры племен русских славян, живших по Западной Двине, верхнему течению Днепра и притокам его: Сожу и Припяти, а также по Неману. Такими племенами были кривичи, радимичи и дреговичи. Из общих черт говоров этих племен и образовалось старое западнорусское наречие, родоначальник нынешних белорусских говоров. Таким образом, восходя по отдельным своим чертам в некоторых случаях к первым письменным произведениям на русском языке, как особый организм оно возникло в эпоху литовского владычества, преимущественно в XIV—XV вв.; особенной же крепости достигло, как увидим, в XVI в. Менее значительные особенности отдельных говоров, поглощенных западнорусским наречием, как взаимная мена *ч* и *ц*, своеобразная огласовка безударных гласных и т. п. мелочи удержались в разных окраинах даже до сих пор лишь как местные различия. Гранича с юга с малорусскими говорами, с востока и севера — с великорусскими, а с запада — с польским и отчасти с литовским языком, старое западнорусское наречие, как и теперешние белорусские говоры, иногда воспринимало в себя особенности соседей, которые в той или другой степени и распространялись по окраинам. По древним актам даже можно проследить, в какую сторону шло это движение. В тех местах, где теперь уже слышится малорусская речь, в XVI в. еще пишут акты на чистом западнорусском наречии; наоборот, на севере, где теперь господствует белорусская речь, в старинных актах находим особенности не чисто белорусские. Так, в актах полоцких, витебских и смоленских господствует речь с отличиями полоцко-смоленского говора, а в Подляшье (нынешней Седлецкой и отчасти Гродненской губерниях) теперь говорят на малорусском разноречии, однако в актовом языке этой местности не заметно существенных особенностей малорусского наречия. «Даже в лексическом

отношении находим слова, вовсе неупотребительные в нынешнем указанном жаргоне, например *сознанье*, *сознал*, *переписыванье*, *гридня*, *горница*, *клеть*, *погреб*...» (Головацкий. Черты домашнего быта русских дворян на Подляшье. Вильна, 1888, стр. 33). Таким путем постепенно образовались переходные говоры — от западнорусских (как заблудовский, полесский) к малорусским и к южновеликорусским (говоры юго-восточной части Могилевской губернии, Смоленской и отчасти Тверской). На севере белорусские говоры постепенно сливаются с псковскими и новгородскими, теряясь далее на западе среди литовцев и поляков. Исследователю западнорусского наречия нельзя пройти молчанием и этих переходных говоров; стоит лишь всегда выделять собственно западнорусское от пришлого.

Мы видели, какие начала легли в основу старого западнорусского наречия: именно, оно приняло в себя все черты, характеризующие общерусский язык, да еще особенности, принадлежащие исключительно местным народным говорам. Когда оно стало языком литературы, в него обильным потоком вошли еще, с одной стороны, стихия церковнославянская книжная, а с другой — посредством речи образованного общества со временем проник язык польский; вследствие указанных обстоятельств наречие книжное западнорусское, как и всякий язык литературы, стало в большей или меньшей степени искусственным.

Остановимся несколько обстоятельнее на значении западнорусского наречия в Литовском государстве. На долю западнорусского наречия выпала в свое время завидная для других русских наречий роль быть языком государственным, органом умственной, нравственной и политической жизни целого народа. Когда Литва покорила соседние русские области и вслед за тем в умственном отношении сама добровольно подчинилась побежденным, старое западнорусское наречие стало языком государственным не только в восточных областях, но и вообще в Литве. На нем пишутся княжеские грамоты, всякого рода официальные и частные акты. На нем говорят и пишут Ягайло, Витовт и последующие Ягайловичи вплоть до Сигизмунда Августа (ср. А. Будилович. Общеславянский язык, т. II, стр. 224; Первольф. Славяне..., т. III, ч. II, стр. 165, 1 выноска). Мы уже говорили, что такая роль русского языка в Литовском государстве была закреплена даже законодательным путем. В Литовском статуте 1588 г. (стр. 122) читаем: «писаръ земъскй маетъ пор8ск8 литерами и словы р8скими вси листы, выписы ипозвы писати, анеи҃шимъ езыкомъ исловы». Такое положение статута строго соблюдалось до 1696 г., когда сеймовым постановлением русский язык в судебно-административной практике был заменен польским: «Pisarz powinien po-Polsku, a nie po-Rusku pisać» (Vol. leg. изд. Огрызки, СПб., 1860, т. V, 863, 418). Такое официальное признание русского языка государственным было первым обстоятельством, содействовавшим развитию западнорусского наречия. Но были и другие не менее важные причины. Став государственным языком, западнорусское наречие по необходимости сделалось разговорной

речью высшего общества, а это последнее, состоявши на первых порах исключительно из русских и литовцев, впоследствии, ссобенно с XVI в., приняло в себя обильный приток польской шляхты, говорившей по-польски; вследствие этого и в западнорусское наречие начинают входить элементы польского языка, к счастью для первого — почти исключительно в лексическом отношении (ср. А. Будилович. Общеславянский язык, т. II, стр. 227—321, где приведены примеры полонизмов; а также Первольфа. Славяне..., т. III, ч. II, стр. 221, 223, 224, 232 и др., а также в разных местах у нас «К истории...»). Таким образом, западнорусское наречие еще больше обособляется от восточнорусского языка, господствовавшего в московской письменности. Это обстоятельство имело различные последствия. Приняв в себя много элементов польского языка и сделавшись вследствие этого еще более искусственным и уродливым, западнорусское наречие стало на пути постепенного его вытеснения польским языком. Действительно, высшее общество, начиная с XVII в. и даже раньше, уже большею частью и употребляет польскую речь, относясь к языку «прирожоному» русскому даже с некоторым пренебрежением. Вот как говорит об этом один из тогдашних патриотов: «хто бы не мусилъ плакати, видечи так великихъ княжат, таких панов знатныхъ. так мног(о) детокъ невинных мужов зжонами втаком зацномъ руском азлаща передъ тым довстипном оучоном народе. езыка свсего славного занедбане, а просто взъгардоу. скоторое запокоранемъ павским... (на нихъ) ... такая оплаканая невмеетность пришла, же вжо некоторие и писмом се своим. азлаща, вслове бжемъ встыдают. А наостанок што можетъ быти жалоснейшая.... ижъ тые што се межи нами зовут дховными, иучители ..вполскіе або виные писма... дети заправують» (предисловие к евангелию Тяпинского около 1570 г.). То же читаем и в окружном послании 1592 г. (Акты Западной России, т. IV, § 32): «Ученіе св. писаній зѣло оскудѣ, пачеже словенскаго россійскаго языка, — вси человѣци приложишася простому несовершенному лядскому писанію, сего ради въ различныя ереси впадоша, невѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка». Но средний и низший классы не знали польского языка и поэтому старались поддерживать родное западнорусское наречие внесением в него элементов чисто народного языка. Этому стремлению содействовали еще некоторые посторонние обстоятельства, выдвинутые временем. Таково было появление реформационного движения в Литве и связанное с ним зарождение разных религиозных сект, которые, стремясь распространить свое учение среди народных масс, естественно избрали орудием пропаганды язык простого народа. Поэтому на народном западнорусском языке появляются переводы книг Св. писания и богослужебных, а также разные догматические сочинения. Все это содействовало обработке и усилению западнорусского наречия. И не одни только сектанты предпринимают издания на народном языке, к этому стремятся и истинные христиане, движимые любовью к простому народу, желанием помочь ему уразуметь Св. писание и богослужение. Они переводят и издают

книги «къ наученію простыхъ людей русскаго языка» (Скорина), «вырозумѣнія ради простыхъ людей» (Учительное евангелие 1596 г.) и т. п. Это и естественно. Церковнославянский язык для простого народа, а также для многих лиц «ученых и богобойных», слышавших в устах высшего класса общества речь полонизованную, становится в Западной Руси малопонятным; поэтому переводы Св. писания на народный язык уже с самого начала подпадения западнорусских областей под власть Литвы распространяются в изобилии и читаются не только простым народом, но даже духовенством. Вот как говорит об этом переводчик одного евангелия: «языка словенского читаючи, писмомъ рускимъ выкладу 3 словъ его не розумѣютъ», вследствие этого и является необходимость в переводах «на рѣчь русскую писма нашого» (предисловие Валентина Негалевского к переводу евангелия 1581 г.). Благодаря этим усилиям среднего и низшего классов общества, а также вследствие природной живучести русского языка, удалось спасти его в Западной Руси от поглощения польским языком. В некоторых памятниках западнорусского наречия сказывается еще стихия чешская, как, например, в изданиях Скорины; что вполне и естественно, если иметь в виду его пособия, главнейшим из которых была Чешская библия 1506 г., и место издания его сочинений (чешская Прага). Но некоторые исследователи западнорусского наречия (как Головацкий. Черты домашнего быта русских дворян на Подляшье..., стр. 41 и след.), мне кажется, несколько преувеличивают это влияние: видят его и в западнорусских грамотах и актах. Интересно в этом случае соображение (W. A. Maciejowski. Pamiętniki o dziejach, piśmienictwie i prawodatswie Słowian, т. I, стр. 349) о том, что Ягайло, сделавшись польским королем, стал говорить по-чешски, так как по-польски не умел (делаем эту ссылку по брошюре Козловского «Судьбы русского языка в Литве и на Жмуди». Вильна, 1870. Оттиск из «Вестника Западной России»; ср. еще Будиловича «Общеславянский язык», т. II, стр. 200). Когда с перенесением центра западной образованности из Вильны в Киев, при Петре Могиле, литературный язык принял в себя элементы малорусского наречия, он стал до того силен, что мог служить даже органом зарождающейся высшей образованности. Но это было уже не западнорусское наречие; это был язык, достигший крайних пределов искусственности: кроме элементов малорусской речи, в него вошел еще новый приток польских слов, вследствие того, что защитники православия эпохи Унии, желая дать возможно большее распространение своим произведениям, обыкновенно писали их на польском языке, а затем по привычке вносили польские обороты и слова и в славянорусскую речь. В это же время, благодаря развитию образованности на западе и юге России, является стремление усилить церковнославянский элемент в литературном языке. Разные формы и обороты, иногда созданные по образцу западнорусских, уже канонизуются грамматиками, например книгой Мелетия Смотрицкого, вышедшей в Евье в 1619 г., которая стремится установить точные рамки для языка литературного. Став до такой степени искусственным, ли-

тературный западнорусский язык представлял уже очень мало ручательств за возможность своего дальнейшего существования. Церковнославянский элемент, несколько обновивший его в последнее время, начал очищать его от польской примеси и в то же время сближать его с общерусским литературным языком, чем еще больше подрывал его самостоятельное существование. Естественная гибель западнорусского языка была еще ускорена и политическими событиями. Присоединение Малороссии к Москве усилило общение юго-западной образованности с северо-восточной, в религиозном и политическом отношениях снова связало юг с севером; и хотя юго-западные ученые и их образованность появились в Москве и привнесли некоторую долю влияния и в русский язык Московского государства, однако не могли ничего противопоставить сильному, благозвучному московскому языку. Таким образом, западнорусский литературный язык, очистившись от полонизмов, в конце концов вполне сливается с общерусским литературным языком. Местные особенности остаются лишь в устах простого народа. Таковы особенности и такова судьба старого западнорусского наречия. Более подробно об этом в нашей работе: «К вопросу о разработке старого западнорусского наречия» (Вильна, 1893).

Подведем теперь итоги всему сказанному:

1. Старое западнорусское наречие имеет особые, характерные черты, которые выделяют его как самостоятельный организм.

2. Эти черти не случайны, а совпадают с особенностями белорусского наречия, легшего в основу западнорусского языка.

3. Особенности белорусского наречия по своей древности почти не уступают другим наречиям; в общем же они не моложе XV в.

4. В XIV—XV вв. западнорусское наречие было чище, нежели в XVI—XVII вв., когда оно приняло в себя массу полонизмов и других чуждых наростов.

5. Однако и в эту последнюю эпоху посторонние стихии не сделали западнорусского наречия до такой степени искусственным, чтобы лишить его всякой индивидуальности.

6. Полонизмы принадлежат более лексической его стороне и только отчасти звукам и формам. В этом отношении книжное западнорусское наречие отличается от русского литературного языка того времени, в котором сильно сказывается церковнославянское влияние, однако не только в лексическом отношении, но также звуках и формах.

7. Вследствие указанных обстоятельств изучение старого западнорусского наречия так же интересно для истории русского языка, как и восточнорусского языка.

Спрашивается после этого: как же удобнее назвать старое западнорусское наречие? Называть его «языком русским», без всякой прибавки, неудобно потому, что этим словом мы обозначаем лишь общее понятие — единого русского языка, подразделяя его на наречия. Не подходит и название «язык литовский», так как с понятием литовского языка у нас соединяется совершенно другое представление: можно бы подумать, что белорусское наречие восприняло элементы литовского

языка, чего с ним в действительности не произошло. Даже в лексическом отношении литовский язык не оказал на него почти никакого влияния. Не может быть речи и о названии его наречием польского языка, так как оно лишено тех черт, которые выделяют польский язык из других славянских языков. Лексические заимствования еще не придают ему черт того языка, откуда они пришли: последние определяются исключительно звуками и формами. По нашему мнению, старое западнорусское наречие, будучи разговорным в устах образованного общества, постоянно опиралось на язык простого народа местного белорусского племени. Вследствие указанного обстоятельства, по преобладанию в нем элементов белорусской речи, и называть его следует белорусским языком, прибавляя разве для отличия от современного белорусского наречия название старого. Белорусским наречием его называют Буслаев, Огоновский, Житецкий, Соболевский, Недешев, Владимиров и другие новейшие исследователи.

ЗАПАДНОРУССКИЙ СБОРНИК XV в.

Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге Q. I. № 391

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, СОСТАВ И ЯЗЫК РУКОПИСИ[1]

Рукопись, к рассмотрению которой приступаем, как по времени ее написания и по содержанию, так и по особенностям языка является одним из выдающихся памятников старой западнорусской письменности. Такое значение рассматриваемого сборника установилось лишь в недавнее время, когда из него разные ученые, русские и иностранные, начали черпать обильный историко-литературный и лингвистический материал. Несмотря на такую ценность памятника, полного описания его еще не имеется: есть лишь краткая характеристика его у П. В. Владимирова; отдельных частей этой рукописи касаются и другие лица, обратившиеся к ней за сведениями историко-литературными. Не выяснены также вполне определенно и решительно источники всех частей сборника, между тем открытие их необходимо, так как этот сборник не одинок в западнорусской письменности: с таким же содержанием известны, например, две рукописи Московской Синодальной библиотеки.

В разных отношениях интересовались рассматриваемой рукописью следующие ученые:

П. В. Владимиров. Житие св. Алексея человека божия в западнорусском переводе XV века (ЖМНП, 1887, октябрь, стр. 250—267).

А. Брюкнер Fremde Vorlangen und Fassungen slavischer Texte. V. Die Dreikönigslegende russisch (Archiv für slavische Philologie, XI B. 1888, стр. 619—622).

М. Мурко. Житие св. Алексея человека божия... (Отзыв о статье П. В. Владимирова; помещен в Arch. für slav. Philologie, XII B., 1890, стр. 560—571).

Ю. Поливка. Evangelium Nikodemovo v literaturách slovanských (Časopis Musea Království českého, LXV R., 1891, стр. 450—459).

---

[1] Изв. ОРЯС, 1897, т. II, кн. 4-я, стр. 964—1036 (*Ред.*).

Он же. Drobné přísprěvky literárné—historické. V. Praze. 1891, стр. 108—109, 127 и др.).

М. Н. Сперанский. Славянские апокрифические евангелия (Общий обзор). М., 1895, стр. 94—95.

Приняв во внимание данные, заключающиеся в перечисленных работах, а также непосредственное изучение самой рукописи, мы можем сообщить о ней следующие сведения.

В Императорскую Публичную библиотеку эта рукопись поступила из собрания Залуского. Формат ее 4° малый; писана она на тряпичной бумаге. Всех листов 99. Заглавного листа нет. Переплет старинный кожаный, с досками; сделан он в более позднее время, нежели когда была написана сама рукопись.

Внизу 1 и 2 листов была приписка, вероятно, о владельце рукописи, но теперь она вырезана. Равным образом и на обороте 96 листа была запись о времени написания рукописи, а может быть и об авторе ее, но в этой приписке две строки выскоблены, осталось только следующее:

....................ндки. а҃. мц҃а. нои-
бра. д҃і. дн҃ь. а с того боу҇паноу боу҇ хвала
амень... ~

Вследствие указанного обстоятельства век написания рукописи приходится определять по бумаге и почерку. На бумаге, при рассмотрении ее на свет, виден водяной знак, изображающий бычачью голову с возвышающейся звездой, над которой еще виднеется крест. Это филигрань немецкой бумаги XV в. Что касается почерка, то он представляет из себя мелкий западнорусский полуустав, причем, как в югославянском письме, преобладают тонкие очертания. Форма букв также не препятствует относить рукопись к XV в. Все исследователи, начиная с Владимирова, и приурочивают ее к этому времени; со своей стороны время написания этого сборника более точно мы можем определить концом XV в.

Орфография рукописи, равно как и начертания букв, также не противоречит отнесению ее к концу XV в. Тут более или менее замечательны следующие случаи:

Буква *а* имеет вид а, но несколько похожее на него написание (о) часто употребляется и для *о*; подобное явление можно наблюдать еще в одной западнорусской рукописи Виленской Публичной библиотеки (№ 272 по «Описанию» Добрянского) конца XV или начала XVI в. Указанное обстоятельство следует иметь в виду при определении произношения безударного *о*, так как легко впасть в заблуждение: можно видеть примеры аканья там, где их на самом деле нет. В начале слов вместо *о* обыкновенно употребляется *ω*, причем над ним ставится какой-либо знак:', ˙, ¨, ″, ‶.

Звук *а* с предыдущей мягкостью согласного или соединенное с предшествующим *j* (орфогр. *я*) передается посредством ѧ и ꙗ; пер-

вое начертание обыкновенно бывает после согласных, а второе в начале слов, а также после гласных (хотя бывают и отступления). Вместо ꙗ иногда употребляется *їа*: котораїа 55 б, їасли и др. Иногда над і в ꙗ бывает две точки (ꙗ̈): моï — сеꙗ̈ 39, на которые можно смотреть и как на надстрочный знак над целым ꙗ.

Буква *е* имеет два начертания: є и ɛ; первое обыкновенно в начале слов, а также после гласных; имеет оно над собою постоянно одну или две точки; вместо точек могут быть черточки, напоминающие придыхания и ударения: ', ", ^, ", ". Буква ɛ употребляется в середине и на конце слов после согласных. Кроме *е*, в иностранных словах нередко встречается *э*: экъсеквїє̈ 15, ӭморройса 20б, ѝнъ экзъцельсисъ 70. В начале слов перед *е* иногда еще бывает *ї*: ї́єсть 45б, ї́єщо 57.

Для *и* употребляются два начертания: и и ї, второе всегда с двумя точками; и над *и* особенно, когда оно стоит в начале слова или после гласной, ставится точка или другой какой-либо надстрочный знак.

Буквы оу и ȣ употребляются безразлично, с преобладанием, однако, оу.

Для *з* господствует начертание, напоминающее старое ꙁ.

Зело имеет вид ꙅ.

Буква ч имеет вид ч и ҹ.

Буква ѳ имеет особое написание ф, вследствие чего она ничем не отличается от *ф*.

Надстрочные знаки, как отчасти можно было видеть из предыдущего, очень распространены, особенно над начальными гласными, а также над теми, которые стоят после гласных же. Из согласных надстрочный знак очень часто ставится над щ, именно три точки (щ҃) особенно в статье о поклонении волхвов.

Ударение в словах не обозначается.

Титлы простые и буквенные в большом употреблении.

В качестве строчных знаков употребляются точки.

Образцы письма даем ниже. Впрочем, вследствие употребления не совсем подходящего церковнославянского шрифта, не удалось выдержать всех особенностей рукописи. Так, вм. и везде н, вм. ч везде ү, є и ɛ передаются одним є, для *з* везде ꙁ.

По содержанию рассматриваемая рукопись представляет из себя сборник, состоящий из следующих статей:

1) Рассказ о мучении Иисуса Христа, смерти и воскресении, с присоединением сведений о Пилате и Иосифе Аримафейском (лл. 1—38);

2) Повесть о поклонении волхвов (лл. 38—96б);

3) Житие Алексея человека божия (лл. 97—99б).

Ни одна из приведенных статей не имеет особого заглавия.

В начале книги после заметки какого-то читателя «Nisi fallor Armenice» другою рукою написано: «Passio Christi versa ex Latino in Dialectum Ruthenam in Polonia usitatam». Далее идет прямо рассказ о страданиях Спасителя. И отдельные главы также не имеют никаких

надписей и даже обозначения; впрочем это следует сказать лишь относительно самого начала рассказа; да и здесь попадаются киноварные буквы и изредка заглавия отдельных рассказов. Так, на листах 1, 5, 9б, 13б есть киноварные буквы; здесь же есть надпись киноварью «капитоулюм». На 15 листе есть заглавие: матка бжьа; тут же киноварная буква. Еще киноварные буквы на 16 листе (без надписи), 19б (то же), 21б; здесь же надпись: ѿ биуеванїю и ѿ оумоучени̇ю ба; 22б — и надпись: ѿ погребенїю га; тут же есть и другая киноварная буква и заглавие: ѿ пороженьи пилатове; 25 — и надпись: ѿ змертвы оустанїю; 27 — и надпись: то писали на листе кариноу да и ленцию; 29 — и надпись: ѿ скаженїи пекла такъ писано; 30 — и надпись: сведеуство з мертвы бжьего встанїа; 30б — две киноварные буквы; перед второй красной строкой надпись: какъ пила писа листъ до цесара тиберїа; 31 — и надпись: сведеуство з мертвы; 34 — и надпись: ѿ нацьстве и выбавленїю иосепъ; 35б — и надпись: ѿ вказанїю осепове; 37 — две красные строки; перед второю надпись: какъ хъ вына осепа ѿ жидовъ.

С 38 листа начинается повесть о поклонении волхвов (история трех королей). Она, как уже сказано, также не имеет заглавия, но уже с оборота 38 листа идут обозначения глав, а иногда имеются и надписания их содержания; так, 38б — капитоулю а; 39 — кап. в; 39б — кап. г; 40б — кап. д; 41б — кап. е; 42б — кап. ѕ; 45 — кап. з; 45б — кап. и; 46 — кап. ѳ; 46б — кап. і; 47б — кап. аі и кап. ві; 48 — кап. гі; 49 — кап. ді; 49б — кап. еі; 50 — кап. ѕі; 50б — кап. зі; 51 — кап. иі; 52 — кап. ѳі; 52б — кап. к; 53 — кап. ка; 53б — кап. кв; 54 — кап. кг; 55 — кап. кд; 55б — кап. ке; 57 — кап. кѕ; и кап. кз; 58 — кап. ки — и надпись: ѿ то как са марїа танла оу коморце 59 — надпись: ѿ балъсаме; 60 — кап. кѳ и надпись: ѡ тридцати пѣназе; 60б — кап. л; 62б — кап. л; 63 — кап. ла; 65 — кап. лв; 66 — кап. лг; 66б — кап. лд; 67б — кап. ле; внизу страницы киноварная надпись: ѿ смрти тро короле; 68 — кап. лѕ; 69б — кап. лз; 71 — кап. ли; 71б — кап. лѳ и надпись: ѿ то же; 72 — кап. м; вверху страницы киноварью написано: гекъ естъ дїе феци доминоу; 74 — кап. ма; 75 — кап. мв. С 78 листа начинается описание религиозных обычаев разных народов, причем названия последних обыкновенно начинаются с киноварной буквы: 78 — Ноубїане; 78б — Ѳолдане; 79 — Далеи индїане; 79б — Грекове; "И те Сырїа; 80 — "И те Ярмїане; И те — Гэѿргїане; 80б — киноварная надпись на поле слева: еѿрькгїаны; 81 — "И темъ Якобите (на поле справа: Якобите); 81б — "И те мароните; И темъ коптоты; И те исмы; 82 — "И темъ марромины; И темъ николайте; 83б — киноварная надпись: далей Тые николайте...; Миндополи; 84б — кап. мг; 85б — кап. мд; 86б — кап. ме; 87 — надпись киноварью: ѿ тоже тежь; 88б — кап. мѕ; 90б — кап. мз; 94 — кап. ми; 95б — кап. мѳ; 96 — без

заглавия с киноварной буквы начинается похвала Кёльву: **Радоу'сѧ суасное место колна...**

На 97-м листе с красной буквы начинается житие Алексея человека божия. Заканчивается житие и рукопись на листе 99б.

Расматриваемый сборник не одинок в западнорусской письменности: можно указать еще рукописи с подобными же статьями. Именно, в Московской Синодальной библиотеке есть два сборника, содержащих подобные же произведения на западнорусском наречии. Это:

1) № 203 по Описанию Горского и Невоструева (II, 2, стр. 628—641), по прежнему каталогу № 367, сборник, in 4°, полууставом, разных почерков, «конца XV столетия». Здесь с листа 354 начинается повесть «**Ѡ оумоученій пана наше ѥсу криста**». Начальные слова ее следующие: **Моука пана нашего іу ха. ѿ прѣворшны жидовъ. такымъ ѡбычае сталасѧ ѥсть.** В середине этой повести есть заглавие: **ѡ плачи матки ѽ сыну** (л. 381б), **ѡ оустаній кристусовѣ йз мртвыхъ** (л. 407), **посланый тикерею цѣсарю** (л. 419). Повесть оканчивается на обороте 435 листа следующими словами: **про тожь нынѣ братьа милаѧ. то чтение которое чюли ѥсте. никодимъ писмомъ жидовьскымъ пописалъ. й пото й по йсходачи лѣтѣ многы. пришо до йерѹзалимѣ. цесарь великый теѡзиюсъ а тамо то почитание нашолъ в ратоуши. оу пилата. старосты. а въ йвны книга пописаны. а та чере того цесарѧ. к нашемоу познанйю пришлй по выпрощению. га нашего ѥзоусъ криста, которомоу боуди. хвала чть. й слава въ вѣкы вѣкѡмъ аминь.**

С листа 435б, без особого заглавия, идет повесть о поклонении волхвов (о трех королях). Начинается словами: **'Але бытность ты тре кролевъ. благословлены. съ прручьства валамова. попа мадиама пррка поганьско передо оузала...**

По расположению материала повесть согласна с С.-Петербургской, только в начале опущено небольшое вступление, да нет конца: обрывается на листе 492 на полуслове; вот ее конец: **коли оумрьлъ йрѡ. ажь аггль бжіи оуказалъсѧ йезодоу въ снѣ. рекоуче. въстань възмі ѡтроча й маткоу ѥго. а поди до зе...**

Другие статьи этой рукописи никакого отношения к С.-Петербургскому сборнику не имеют; они даже и не западнорусского происхождения.

2) № 331 по Описанию Горского и Невоструева (II, 3, 761—771), по прежнему каталогу № 558. Сборник, in 4°, «писан разными почерками XVI и отчасти XVII в.». В этом сборнике на листе 63 помещено житие Алексея человека Божия: **Мца марта зі днь житіе и жизнь члка бжі а ѡлезіа.** Начинается оно следующими словами: **Бѣ члвкъ благовѣренъ оу римсте граде именѣмъ 'еоуфиміанъ.** Редакция несколько иная, нежели в С.-Петербургском сборнике. Зато повесть

о трех королях, занимающая листы 99—165, той же редакции. Она имеет следующее заглавие: **Слово .а. ѿ житїи и ѿ хонїи тре королє персиски.** Почерк очень похож на тот, который в С.-Петербургском сборнике. Повесть разделена на 46 глав, следовательно их меньше, нежели в С.-Петербургском сборнике, хотя и больше, чем в Синодальном сборнике № 203, где рассказ обрывается на 32 главе, в сравнении с настоящей рукописью. И разделение глав здесь несколько иное, по крайней мере выноска «ѿ смрти тре волхвовъ» помещена перед «капитꙋломъ лз», а не ле, как в С.-Петербургской рукописи. Надпись главы лд (ѿ том же) помещена перед мв. Надписания названий разных народов, сделанные киноварью, даны в главе мд.

Другие статьи этой рукописи не имеют отношения к сборнику Императорской Публичной библиотеки [2].

В связи с нашими сборниками еще находится одна статья рукописи С.-Петербургской духовной академии № 1428: «Чюдаевъ переводъ съ польскихъ книгъ, како господь праведныя из ада изведе и силу адову разруши» (Поливка: Časopis, LXV, 451).

Таким образом, оба московских сборника имеют только одну общую статью — повесть о трех королях. В редакции этой повести они ближе один к другому, нежели к сборнику Императорской Публичной библиотеки: текст почти во всех случаях тот же самый, даже орфография больше одинаковая. Везде заметно стремление заменять западнорусские и польские слова церковнославянскими и великорусскими выражениями.

После этих замечаний приведем отрывки из С.-Петербургского сборника с вариантами по сборникам Московской Синодальной библиотеки.

---

[2] Среди различных статей этого сборника попадаются и такие, которые имеют отношение к западнорусской письменности; таковы:

лист. 5б: Всѣ православны, хртїаноъ исповѣданїе по вся дни, маю в'си мови за иерею слꙋжителе црквн божїе мено. Здесь испрашивается прощение в грехах смертных, соделанных пятью чувствами: слышанїеъ, виденїеъ и мовенїе недобры ѿсезанїеъ, ѡбонянїеъ и в несоделанных милоседны добродетелехъ, которыми ѿпрадаюся всн благовеныя лю во дни сбныи.

Лист. 6: Поученїя все православны хртїано дшеполезно и страх полъно. Поучение старается отвратить православных от перехода в унию: Православныя хртїане пнве и пни и всн богобоязнивыя мꙋжи и жены законꙋ гречкаго... проси и напоминае слово бои же быте не скланялн на латыскаи зловещанїа. и н неполезное ꙋченїе.

Лист. 39: Книга Пѣснь пѣсней в переводе, близком к Скоринскому, но не тождественном с ним. Непосредственно за этой книгой следует указание средства для возбуждения в себе горячей любви к богу.

Лист 55б: Ка ся м'ша чтеть римски ѡбычаемъ мате бжїи. Здесь на западнорусском наречии дана латинская литургия в честь божьей матери, с показанием, что должен говорить священник и что дьяк. В окончании мши сказано: токо тые слова писаны што капла гласо говори на мши што в тапнцн говори того не.

Лист 59: Излагаются латинские молитвы «Pater noster» и «Ave Maria» по-латыни, но русскими буквами, и в переводе по стихам: далее также Символ веры.

Моука га[1] нашого исоу ха ѡд[2] преворотны[3] жидо. 1
итаки ѡбычаемъ сталасе есть. колижь
немилостивые а[4] ѡкроутные жидова га-
дали ѡ смерти га[1]. какобы его лстиве зы-
мали[5] да оубили[6]. але[7] коли были вел'ми тае- 5
мное рады. июдашъ оучачи[8] тое да на ты местъ при-
теклъ до ни. смеле безь всякое боязни. и реклъ[9] я веда-
ю гораздъ[10] вы чините[11] а которые соуть[12] рады ваше.
ѡ исе говорите а радите[13]. какъ бы могли есте зымати[14]

и оубити его. прото што ми хочете дати. я безъ вся- 10
кое праци вашее. выдамъ его в роуки ваше. тогды кня-
жата[15] капланьская[16] оуслышавше тоую ре ѡдь юдаша
радовалисе вел'ми. и оуставили емоу дати трндца[17]
пѣнязей серебрены. и реклъ юдашь хочоу[18] ѡдь ва
велми радъ принятн. и жда тамо докоу пѣнязи при- 15
несены. которые[19] пѣнязи колько тисецни[20] летъ оу с-
карбехъ ихъ лежали замкноутые. зание[21] тые пѣнязи
ѿ братовъ езопа[22]. чере ѡце старого законоу. исхо-
дяче ѿдного до дроуго. дивно[23] неразлоучоны' прешли
до соломона[24] коли цркве бжью боудова. да чере 20
того соломона. оу скарбь былы оуложоны и схо-
ваны такъ дол'го ажъ[25] до преклятого июды пришли[26].
коли милостивого ба за нихъ прода. а тако за кото-

* Варианты приводятся по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 203. Здесь данной повести предпослано заглавие: О оумучении пана наше ису криста
1 пана. 2 ѿ. 3 пръворшны. 4 и. 5 из'имати. 6 оубити. 7 а. 8 оувѣдалъ.
9 прибавлено: и. 10 прибавлено: ѡ чем' вы говорите 11 а радите. 12 есть. 13 пропущено, так как эти слова встречаются раньше. 14 изымати.

15. попы 16 жидовьскые и книж'ници 17 тридеся 18 прибавлено: и 19 прибавлено: то 20 тисячии 22 заиже 22 ѿ братии иѡсифовы. 23 «дивно» поставлено перед «перешли» 24 шол —. 25 ѡлижь 26 прѣшли

рыѐ пѣнязи прода҃ х҃ъ б҃ы. тогды ѝюда взявши .
пянязи ѿд жидовъ реклъ[27]. а ка҃ ѡбеца҃ ѥсми того 25
ч҃лвка выдати. а хоуоу тоѐ. ра҃ оучинити. протожь
коли боудете хотѣли[28] ѝмати і҃са. штобы ѐсте не ѝ-
зымали якова[29]. заню҃ подобни соу҃[30] собе оу виденьѝ.
протожь[31] пойдоу я передъ слоугами вашими. да
то ѝмъ за знамя даваю. которогонь коли поцелоуую 30
того нехаѝ зымають. да безпеуне поведоу҃. але то
собе вымовляю[32]. хотя бы такъ оушо҃ ал'бо оубеглъ
слоугамъ[33] вашимъ. штобы ѡднаково оу ме"жь пѣня-
зи зостали. што бы ми[34] ѐсте ѝхъ[35] не ѿнимали. ѝ полю-
били тоую ре҃ вси жидове. на то говорить выкля҃[36] 35
ѡ҆ преганебный ѝюда[37]. такъ за малоѐ мыто[38] прода҃ |
ѐси творца всего створения. ѐго҃ ѡдноѐ кропли[39] кровн[40]

ве҃ светъ немоглъ бы заплатити. да ты бед'никоу[41]
за тридцать[42] пѣнязеѝ прода҃ ё. прото҃ мол'вить с҃тый
бернатъ. ѡ҆ преневѣрный[43] выдавца[44]. такъ за малые҃ 40
а за марныѐ пѣнязи продалъ ѐси мист'ра своѐго[45]
который тебе выбра҃ апл҃то҃ ѡдни҃ зе двоу҃надцеті[46]
которыѝжь ѝ самъ себе тобе пода҃ ѝ потя҃[47]. да[48] маріа
матоухно милос'тивая. што бы ты была ведала
ѝже с҃нъ твоѝ скарбъ небесный. за такъ марныѐ[49] ѝ 45
такъ малыѐ пѣнязи ме҃ прода҃ быти. вѣрно[50] бы би-
ла[51] бежала домъ ѿд домоу просячи ѝ жебрюючи[52]. а тыю
тридца҃ пѣнязиі збираючи. ѝюде прега"ебному[53]
дала бы ѐси была. а твоѐго милого с҃на[54] выкоупила
бы ѐси была ѿдь ѐго мошны. ѿ ты проклятыѝ роз- 50
делца[55] матки ѝс сино҃[56] ѡ҆ преневѣрный злодею. аУь ѐси не хо-

27 пропущено. 28 хотѣти 29 іякѡва 30 Ісуа 31 прибавлено: коли 32 вы-
млъ'вляю 33 пропущено — ѿ: ѿ слогъ 34 ѡднаково бы҃ 35 тѣх пѣнязеи въ мене
36 пропущено. 37 преѡкааннын і҆оуда҃. 38 малыи пѣнязи 39 краплн 40 кръвн.

41 ѡкаа'нныи 42 тридеся(т) 43 преѡкааннын 44 выдавце 45 оучителя своіго 46 съ двоу-
надцати 47 полецалъ. 48 ѡ҆ 49 хо(д)ыи 50 вел'ми 51 была 52 прибавлено: пробогъ.
3 ѡкан'номȣ. 54 прибавлено: (х)ба на богы 55 роздѣлци 56 съ е —

те смиловатисе над сино. смиловатисе было хота
надъ маткою. ѡ прелихиї юдашоу чи оучинилъ тобе
нешто лихого тотъ милостивый бо. николи чимъ есть
тобе виноватъ бы[57]. иже оучастьнико своего цртва 55
тебе оучинити хоте. да зо двоунадцети ѡдни апло
тебе выбра. а за тобе[58] оубогаꙗ матка оу чомъ коли
виновата альбо[59] мерзана[60] была. не веда еси неча-
стникоу. ижъ таꙗ кро невинна была. ѡ прелихиї члвче.
не толко сына але те и маткоу ты дело прода еси. 60
и заби еси. ѡ всего света[61] створенїа. пожалоуи то-
го иже створите[62] за такъ марные пенази есть про-
да[63]. а вельможность бжьꙗ есть такъ легко[64] важена.
а моць небеснаꙗ есть такъ ганебне[65] посмевана[66]. да
цность какъ бы ѡдно нерозоумное скотоу[67] есть при- 65
робнана. тогды юда сторговавши. и пенази ѡ жи-
довъ оузавши[68]. присагноувши. иже то што ѡбецалъ
пополнити ме. пришо вечере[69] до бетании[70] албо до ви-
ѳанїи. милостивомоу гоу ис своею милою[71] маткою
и съ апостоми своими та боудоуци[72]. да марїа мату- 70
х'на милостиваꙗ. тое льстивости июдашовы не
ведаючи. поздравила его вел'ми ласкаве. привита-
ла[73] его рекоучи. ѡ милый приꙗтелоу[74] што еси та въ ероу-
солиме ѡ моемъ сыноу миломъ чоува альбо слыша[75].
июда ѡповеда все добро деетсе наимилеїша[76] госпожо. 75
не боисе ничого прото марїа матоух'на милостиваꙗ
иже ведала ижь ѡнъ бы знаемъ бискоупо[77] и вси жи-
до въ ероузале. была емоу вел'ми ласкава. и рекла
до него июда приꙗтелю мои надо все[78] наимилешїи

57 последние 6 слов пропущены. 58 а сꙗ тебе 59 а любо 60 -зи-. 61 пропущено. 62 с-рилъ. 63 продалъ 64 тако. 65 лихо 66 посмехованы 67 звѣрꙗ 68 побравши 69 оу вечерꙗ. 70 виѳанїи, вып. бетанїи 71 пропущено. 72 боучимъ. 73 пытала. 74 приꙗтелю. 75 слышалъ алико чювалъ. 76 матикаа 77 попо жидовьскы и книжнико. 78 всеми

в роуце твои полецаю[79] сына моего милого сына. 80
боуди сторо его штобы незагоубле. да на знама мило-
сти которою его миловала матка милостиваꙗ.
посадила его вечераюучи межи себе да межи сына сво-
его. на то говорить аньсельмоу велебный докто-
ръ. а[80] наимилейша панно марїа[81] котораꙗ еси ѡвечка 85
непосоромоуонаꙗ[82]. все льстивости ты[83] неведаюучи
невѣдае иже преѡк'роутномоу кол'коу своего бо-
ранка[84] полецаешъ[85]. заню твои сторо оужо твоего
сына продалъ за тридцеть пенꙗзеи. . . .

Листы 38—39: начало повести о трех королях *.

Коли превелебны[1] тро чорнокнижнико. и пе- 1
вно[2] праведнвы тро королевъ. преславны
ве светъ ѿ слнца всходу. ажь до западу.
х'валами и мздами оуже есть наполненъ.
але оусто слнца кабы промененыи[3] та и ты трохъ 5
короле стхъ процвитае хвалами и ѿплатами.
иже оу томто слнца оусходоу верного Ба. |
и члвка. своими дары и ѡферами тии то три королеве.
в теле живоуще[4] искали и хвалили. и пророчества[5] пога-
нскаꙗ. с поганства первородьства двце. оусто 10
слнца чере вероу поганскоую наперво постили[6].

79 предаю 80 ѿ 81 гже 82 непокалан'наꙗ 83 «ты» пропущено в этом месте, а употреблено перед «не вѣдае» 84 баранка 85 предаешь, вын. полецаешъ.

* Варианты по рукописи Синодальной библиотеки № 331; в рукописи № 203 самого начала этой повести нет: начинается она лишь с 1-й главы. В рукописи № 331 повести предпослано заглавие: Слово .а. ѿ житїи и ѿ хождении трех короле персиских.
1 привеликих. 2 велми. 3 промѣреныи. 4 живоучихъ 5 первородьства. 6 постили.

оу которого҃ слнца оусходе его заца҃ какъ бы зора ве-
лми светла. ясное повѣтре наслѣдающе. зна-
меноуюун оусе оустытьсе [7]. иже тотъ западъ
слнца пререцоные три кроли своими реликвия- 15
ми [8] х'валеб'ными и дивы. с тело оуже розделены
боудоуче розмайте ѡкраснли [9]. да в том'то запа-
де слнца. первородьства с'воя и вѣру поганскую
ц'нотами и дивы досвѣтунли. але [10] иже на оусхо-
де слнца. кде перво живы боудоуче дивы ещѐ 20
оу многи книгахъ. и в роз'майтыхъ места ѡ ихъ
деехъ. и оучинко. соу пописано. которе на западе
дав'но были. и соу познаны подлоу видеиїа слышенїа
и поведанїа. на хвалоу бжью и марїе двце мтки
его преславное. и те ты тро королевъ блгвлены 25
некаке [11] речи по нашомоу свычаю. соу [12] пописаны.

с розмайты кни в одны ѥтоп'лены. албо став-
мены. : ~

капитоулю [13] а.

Але бытность ты тре короле блгвлены. 30
с пророства балаамъ [14]. каплана [15] мадїанъ [16] пррка
поганского. передо оузяла [17] енже [18] межи иными
многими речами пррокоучюучи та говори оузый-
де звѣзда зь якова [19]. а повстане [20] члвкъ сы [21] изра-
геля. а боудеть пановати [22] оусемоу поганствоу. 35
якожь то в старо законе спонеи [22] есть пописа-
но. про того балаамъ [23] есть сваренїе на встоку слнца
межи хрестияны да [24] жиды. иже жидове оу книга-
хъ свои говоря. балаама [25] не пррка. але чор'но-

7 оу'стыт'ся 8 релеквиямы. 9 оукраснли. 10 же. 11 никако. 12 е. 13 капитоуло.
Варианты приводятся тоже только по сборнику № 331, так как в рукописи № 203, в сравнении с ним, разницы почти нет.

14 Балаа'мова. 15 попа. 16 мадїама. 17 придо взяла. 18 ѡнже. 19 што. 20 вст —. 21 что. 22 цртковати. 22 исп —. 23 валаамъ. 24 а. 25 вал —.

кннжннка быти. да хитростїю чорнокнижскою 40
и дьꙗбольскою прроковати. ижбы того дела[26] в
писме чорнокнижни а не пррокъ достоине менъ[27]
везва[28] быти. прото книги хрестїанске[29] проти |
говора и выповедаю иже бы погани а бы первый
пррокъ поганскїи с поганства. а вельми славне 45
ѡ втеленїю[30] бжьемъ и ѡ притью ты тре короле
пророкова. прото колибы его пррчство с хит-
рости дьꙗбла было ему весъ коу проклинанїю
израгеля незаказава. але больше его бы[31] направ-
лялъ. але бо велїкоую мать и ѡбронение[32] тому[33] 50
баламъ[34]. чере аггла своего днвне оуказа перво
нили его чересъ лихоую его раду коу гневоу при-
ве. але оуже ка речено есть. иже бала[34] бы пога-
ни а первый пррокъ поганскїи с поганства да не съ

жидо. того дела жидове бала оу книгахъ 55
свои чорнокнижнико зовоу. и гоуда. тежь
оу ты то книгахъ есть ѡ стмъ їеве. его бо
оусты своими хвали. ѡ емъже жидова[35] мало
альбо[36] иного недержа. иже бы погани а не с жидо.
але коу вымовце[37] и покрытїю ихъ говора иже 60
їевъ бы первозакона. часоу моїсеа[38]. а мешка
оу мезопотанїи. хота писмо говорить[39] иже
бы оу земли живоущїи[40] оу сырыи[41]. а мешка оу не-
которо селе ижь и ныне тамото саба везвано[42]
есть. ѿ дамаскоу. какъ бы за ѡдноу детоу[43]. да 65
прито селѣ стыи паве бы[44] и к вере се навороти
а тако жидова. оусе што[46] коли чере баламъ[34] и
стго їева было есть говорено и прроковано певно

26 дѣлꙗ. 27 iмае (т) 28 възванъ. 29 х — стїи. 30 оутеленїю 31 прибавлено: на то. 32 ѡбороненїе 33 прибавлено: то. 34 вал —.
35 жидовѣ. 36 е любо. 37 къ вымлъвцѣ. 38 м — сеѡва. 39 писмо говорити. 40 ж — щеи. 41 сир —. 42 въз —. 43 дѣтѹ 44 прибавлено: палъ. 45 прибав- лено: нь: штоньколи.

нночого не держа҃. але оу книга҃ свои҆ гсуда҃.
ѡ҆ н҆хъже ѡ҆собно [46] до҃го бы было поведати. але коу   70
проуатїю се [47] вернемо [48]. ☙ Капитоулю҃ [49] в҃.

Коли҃ по выи҆тью [50] сн҃въ н҆зрагельски҃ н҆зь е҆ги-
п'та. всю тамото [51] зем'лю н҆ кроу҃ тое҆ зе҃лн
собе подданн а н҆хъ боязнь н҆ дрыжанїе҆ на оу-
се [52] поганство [53] а на королевства [54] ѵпало было   75
а во вси [55] стороны н҆ з҃млн никто воити не [56] смѣлъ.
тогды ѡ҆дна н҆мене҃ ванс [57] ажь тамо то внте҃-
ная гора вез'вана [58] е҆сть на оусто҃ сл҃нца была по-
сажена. н҆ е҆щ҃о гора вансъ до нинешного [59] дн҃я |
дн҃я везвана [60] е҆сть. да на тои҆ горе на первое҆ [61] жидо҃ [62]   80
д'ла [63] а пото҃ римля҃ оу де҃ н оу но҃ звездозор'ници [65] жидо-
вскїе҆ абы стерегли хованы были. такъ иже ктонь
коли бы силою а 'бронною [66] роукою. оу стороны жидо-
вскїе҆. н҆ ѵ королевства воити хоте҃. за таго звездо-
зор'ци н҆ны҃ горъ оу ноуи чере҃ ѡ҆го҃ [67] а оу де҃ чере҃ дн҃   85
звездо'ворьцемъ на тои горе боудоучи҃. поведали
а знаменали. н҆же таято гора вансъ ѵсн н҆ные҆
горы ѡ҆ны҃ [68] сторо҃ н земль оусто҃ны н҆н'дн҆ски҃.
своѐю высокостню превышала [69]. а тогъды звездо-
зорци тое҆ горы вансъ. звездозорце҃ н҆ныхъ горъ   90
тыми҃ знамены [70] знаменали. прото҃ оуси зем'ле н҆ короле-
вс'тва виндевше таке [71] дивы. ѡ҆стерегалисе н҆ коу
противенїю се готовали [72]. прото҃ коли часо҃ ѡ҆ны҃
чере҃ балаа҃ [73] х҃ъ славне б҃ы п҃рокова҃. оузынде҃ зве-
зда сь якова [74] а [75] повстане҃ чл҃вкъ н҆съ с҃рагеля [76]. а боу-   95
де҃ панова҃ [77] оусемоу поган'ствѵ. тогда того п҃ро-
чества напо҃нени оуси бо҃ши оурожаи҃ [78] н҆ ве҃ лю҃ на оу-

46 — нѣ. 47 ся 48 в — мы. 49 к — ло. 50 выхоженїю. 51 тоу. 52 вся. 53 п — ньства. 54 ц҃ртва 55 в ынншїн. 56 пропущено. 57 васнь. 58 въз —. 59 нинѣшняго. 60 възвана. 61 наперво. 62 ж — ва. 63 дѣля. 64 римляне. 65 з — рци.

66 бронною. 67 ѿного. 68 ѿ ни. 69 пр — шла 70 з — нїи. 71 такы. 72 готовили. 73 вал —. 74 ѿо їа'кова. 75 и. 76 ѿо 'ізля 77 ц҃рь 78 родъ

сто слнца. и оу индни жадали[79]. а звездозорцемъ[80]
тое горы давши имъ[81] дары полетнли[82] а мыта да
ти ѡбецали. иже коли бы вед'не[83] ал'бо оу ноуи какоую 100
свѣт'лость ал'бо[84] проме новый на повѣт'рни на не-
бе ал'бо[84] на солн'ци оувиделн здалека ал'бо[84] зблиска
оузнали. што бы имъ на ты мѣстъ поведели[85] и ѿ-
казали[86]. а справивши оуси реуи посполитаю. сло-
ва ѿ прроутве балаа[87] межи ни зоста[88]. да с тое горы 105
именїа[89] пото и нещо оу индїи на встокоу великїи
рожаи повста иже тамо тои и ещо шляхетными[90]
рожаи з горы ваисъ везва есть. ажь до нинеишо[91]
дня. да над то рожаи не бол'шего ани шляхет-
нѣишего[92]. ал'бо[84] безпеунеишого рожаю. во вси 110
земля и королевства оустоных. а тоже рожаи
с поколенїа королев'ского повста такъ[93] ѿ томъ
нижеи есть писано:

Лист 79б: обычаи греков.

. . . . Грекове далеи
попове грецке[1] соу жонаты. а нося дол'ге[2] волосы
да не вѣра штобы стыи дхъ ѿ ѿца и сна походи.
але тол'ко ѿ ѿца. те не вѣра штобы уистець бы 5
да тыми уловкї ѿ црквe римское соу ѿделены.
да коли м'шоу держати хотя тогды вырежуть
с кислого х'леба гостїю ал'бо ѿплато на уотыри оу-
г'лы на поценїе[3] да тоую гостїю кладоу на блюде-
ко золотое ал'бо серебреное да наверхъ положать зве
з'вез'доу кабы сковорода зог'ноутоую[4] накрив'ши 10
уисты платьемъ да по ѡферторый оуздоимоу

79 жадали. 80 зв — горцемъ. 81 да всимъ. 82 полецили. 83 водня. 84 алюбо. 85 п — дали. 86 оуказали. 87 вал —. 88 зъс —. 89 и — ня 90 шляхотныи. 91 нинѣшнего. 92 — хоти —. 93 ка.

В Синодальной рукописи № 331, стр. 156—156б. 1 эти три слова пропущены. 2 долгы. 3 посценїе. 4 сог —.

б'людо с оплатко͡м и звездою наверхъ головы. и с ка-
дилницами и свѣчами з великою пиль'ностїю поули-
востїю [5] несоу͡т чере͡з црквь а до ол'таря тогды все͡ лю
падоу͡т на землю на лице свое [6]. да то чина͡т на зна-   15
ма. занюж три короли гн͡а ис дары искали. которе
з'везда аж до юсель проводила. да та͡ падше зе-
м'лю пере͡д ни͡м целовали: ·˙· ——

Лист 97: житие Алексея человека божия (начало).

Стый олексѣй бж͡ сн͡ъ евфимиано͡в | моужа прешлахетного рим-
ланина | оу домѹ цесарско͡г первый. пере͡д кото | рымъ три тисачи
детей стояло ко | торый сноурами золотыми препоясова | лися.
а в роуце шо͡вкове облачи͡лися. а то | е͡ в ф имиянъ былъ вели͡ми
милосердный. | а на кажноую д'нинноу оу его домоу т'ри | столы
оубоги͡м сиротамъ перьгрим͡ом. | и вдовамъ поставливаны. кото-
рымже | моужие слоужи͡ли. его͡ жона именемъ а|кгьлаесъ. того
же законоу. и того͡ оумы|слоу была . . . .

Житие, а вместе с тем и рукопись заканчивается следующими словами (л. 99б):

. . . . оудѣлали гробъ | исъ золота и съ жемчоуга и з дорогого
каме | нїа оу которо͡м престго тело с великою честни|ю поло-
жили. а с того гробоу пресласный за|па͡х запахноу͡л. ажь оуси͡ ви-
делосе иж бы бы͡л | дорогихъ мастей полонъ. а оумерлъ оу лѣте͡х |
бжьего нарожениа во стоу и в девятьде|сять и восми лѣтъ. . ——

Теперь коснемся источников всех трех статей рассматриваемого сборника.

В первой части сборника, как уже отчасти можно было видеть из предыдущего, рассказывается о страданиях Иисуса Христа, сошествии в ад и воскресении. Прибавлены статьи о Пилате и Иосифе Аримафейском. Именно: повесть начинается рассказом о том, как первосвященники и книжники еврейские держали совет относительно того, как бы умертвить Иисуса Христа. Приходит Иуда Искариотский и

5 почистливостїю. 6 на лица своя.

предлагает им продать своего учителя, если дадут ему за это хорошую плату. Те пообещали 30 сребреников. Тут же излагается история этих сребреников. Оказывается, что это те деньги, которые были получены за продажу Иосифа его братьями; от последних «дивно неразлученные» эти сребреники дошли до Соломона, которым и были положены в сокровищницу храма и здесь хранились до Иуды. Пообещав продать Христа, Иуда идет в Вифанию, где пребывал в это время Иисус Христос с матерью и апостолами. Богоматерь, ничего не подозревая дурного, поручает своего сына заступничеству Иуды, так как он имел знакомых среди влиятельных лиц в Иерусалиме. Рассказ о предательстве Иуды сопровождается лирическими отступлениями, взятыми из Берната и Анзельма, изображающими коварство и низость предателя, а также материнскую скорбь богоматери. Иисус Христос, зная близость ожидавших его страданий, подготовляет к этому свою мать и учеников, утверждает их в вере и затем идет молиться. В четверг, на рассвете, Христос отправляется в Иерусалим, а мать и учеников оставляет в Вифании. Мария Магдалина и богородица еще раз просят Иисуса Христа, чтобы не ходил в Иерусалим ввиду козней начальников еврейских, но Христос настаивает на своем, так как должны исполниться предсказания пророков, по которым ему необходимо умереть, чтобы своею смертью искупить человечество. Богоматерь просит Спасителя, чтобы он позволил ей по крайней мере умереть раньше его и не видеть его мучений. Христос не соглашается на это и обещает в свое время прийти за нею сам с сонмом ангельским. Видя, что ее мольбы не помогают, богоматерь обращается с просьбой к архангелу Гавриилу, но от последнего она слышит то же, что и от Иисуса Христа: и ее самое искупит смерть ее сына. Еще раз обращается она к Христу с просьбой не предавать себя на смерть, но и на этот раз напрасно; искупительное действие своей смерти Христос сравнивает с медным змием Моисея. Мать полумертвая падает к ногам своего сына. Оставив ее, Христос уходит в Иерусалим. Далее излагаются страсти господни, начиная с Тайной вечери до суда у Пилата. Самоубийство Иуды. Бичевание Христа; шествие на Голгофу; смерть на кресте в присутствии божьей матери и других св. жен. Иосиф Аримафейский просит у Пилата позволения снять с креста тело господне и, получив его, вместе с Никодимом погребает Христа. Богородица желает быть погребенной вместе с своим сыном и сильно плачет при гробе. Иоанн отводит ее в свой дом в Иерусалиме. Запечатание гроба господня (М. 1—15).

Далее снова идет рассказ о страданиях Спасителя, содержащий отчасти повторение предыдущего. Разница в том, что в начале рукописи на первый план выдвигается богоматерь, изображается ее внутреннее состояние при мысли о страданиях Христа, здесь же богородица в стороне. Не повторяя того, что нами уже сказано, отметим только прибавки, именно: после вторичного рассказа о погребении Христовом помещена повесть о Пилате. Далее рассказывается о сошествии Христа в ад и о воскресении его. Приводятся показания

Каринуса и Ленциуса (воскресших сыновей Симеона Богоприимца) о действиях Христа в аду. Затем помещено письмо Пилата к Тиверию. Первосвященники и книжники еврейские производят следствие относительно воскресения Христова. Повесть заканчивается рассказом о судьбе Иосифа Аримафейского и замечанием, приведенным выше по Синодальному списку: «про то·же ныне братьѧ наимилеишаа то чтеніе которое чоули есте никодемъ писмомъ жидовскимъ пописалъ» и т. д. (Более подробно рассматриваемая повесть изложена у Ю. Поливки: Časopis, LXV, 450—459).

Приведенные заключительные слова были причиной того, что некоторые исследователи в рассказанной повести видели Никодимово евангелие. Однако же ближайшее рассмотрение ее, сделанное главным образом Поливкой, заставляет считать такое предположение ложным. Только во второй своей части, начиная с 16 листа, довольно нестройная половина этой повести напоминает разные рассказы Никодимова евангелия; начало же в последнем не имеет для себя никакого основания. А. Брюкнер по поводу одной польской рукописи 1544 г., содержащей, между прочим, и повесть о страданиях Иисуса Христа, касается и нашего сборника; вполне основательно в рассматриваемой повести он видит не Никодимово евангелие, а повесть о страданиях Иисуса Христа и сошествии в ад, составленную на основании кононических и апокрифических источников, в том числе и на основании Никодимова евангелия. Он указывает латинские повести подобного содержания, как Historia evangelica codicis Ambrosiani L 58, ex apocryphis et canonicis conflata, ubi «Ploratum et lamentationem quos faciebat virgo Maria de filio suo» excipit «Resuscitatio filiorum S. Symeonis» (Тишендорф. Evangelia apocrypha, pag. LVI). Какая-либо латинская повесть подобного рода, по мнению Брюкнера, послужила оригиналом для польского перевода, сделанного примерно в XV в., а с этого последнего сделали перевод на белорусское наречие в том же XV в. или в начале XVI (Archiv für slav. Phil., B. XI, 621).

Таким образом, А. Брюкнер источник белорусской повести о страстях господних указывает в польской редакции «Passio Christi» вроде той, какая находится в списке 1544 г. С тем предложением, что источником западнорусского перевода была какая-либо польская повесть, конечно, можно согласиться ввиду множества полонизмов в нашей повести; еще можно допустить, что польский перевод сделан с латинского, но нельзя согласиться с тем, что латинская и польская повести, бывшие источником нашей рукописи, были такой редакции, какая в польской рукописи Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге (F. I. № 16): Sprawa chedoga o mecze pana christvssoweÿ spÿsana przes swietego lvcassa: czo dobrze obaczis pÿlno czthacz: ~Wthora czescz bendzie o harodzenÿv ssyna bozego: ~Thudzies o chwalebnÿch trzech krolech: ~Latha bozego: 1.5.4.4. Lau. Las. Pel. (Laurentius Lasco Pelco).

Вот для примера отрывок из нее, несколько сходный с началом нашей рукописи. Листы 20б—21б:

. . . . Thedÿ wsta-
pil ssathan w ÿudassa ÿego ssercze opątha-
lacz ktoris bÿl rzeczon Skarioth. A othssedwssi
tagemnÿe. od pana Jesucrista mowil ÿest
ss kxazanthÿ Caplanow zidowskich ÿ ss moczarz-
mÿ. iako bÿ gÿm widal pana Jesucrista przes
tlusczeÿ. A przistapÿl w radą gÿch rzekl. Ja
wÿem ÿss esczie sie wÿ zebralÿ ku nalezienÿv
obrzadą przes ktaribÿsczie moglÿ ÿacz pa-
na Jesussa nÿeprziáczieła wassego. ktorÿ
mowÿ ÿ czÿnÿ wam tako wÿelie krziwdÿ
abÿsczie moglÿ zabicz. A przetom ia
przissedl k wam. Achcze bÿcz przyaćziel |
wasz y pomagacz wã ku pomsczenÿv wa-
ssich krziwd nad nÿm, a rossmÿsslczie ssobie, czo
mÿ chczeczie dacz. A ia wã gÿ widam. ktoras
rzecz vslissawssÿ bÿskupowie ÿ gÿnÿ zidowie
wesselÿlÿ ssie ssą ÿ obieczalÿ gemv trzidziesczi
pÿenÿedzi srzebrznÿch s ktorich sse pienÿedzi kos-
dÿ wazil dziessiecz pospolitich pÿenÿedzi. Po-
dlug onego proroctwa. Gdziess mowi ÿv wazi-
lÿ wasznoscz moią trzimÿdziesthÿ pÿenÿedzi
cho czv mÿtho ktorimze przedan iest Joseph
od braczieÿ. ÿ obieczal gÿm widacz gÿ a s tego
ssukal Judas przigodnego czasu gdzie bÿ gÿ
przes tlusczeÿ naicz mogl. Abÿ z gich renku
nÿebÿl wÿchfaczon. Swiethi Jan Slothovs-
tÿ mowÿ k themv. O Judassu naprzeklath-
ssÿ przekupnÿv czo mowÿs ÿa wã gÿ wÿ-
dam. Czo mÿ chczeczie dacz bÿ wiedzial bÿl
tho. Czo bÿ mozono dacz nÿeczo bi bilo nadznÿ
czlowiecze. Ale mÿtho nÿgedneÿ rzeczi nÿprzi-
rownaneÿ ÿ mÿtho nadrosse kladzies wola ku-
paiaczich. O iudassu czo k thobÿe mogą dacz
bÿ Jerusalem ÿss Maria thobie bÿ dalÿ aza-
bÿ Jesucrista kupicz mogli za tho. . . . .

Редакцию, сходную с данной, еще находим в одной известной нам рукописи Варшавского университета (1.6.2,4°), вероятно, самого начала XVI в.[3] Вот соответствующее место из нее (листы 24б—28б):

Jezvsa milego od Jvdassa przedanie:
Gdi tak kxiasata kaplansczi ÿ licemier-
niczi o tÿm gadalÿ, na thÿch miasth
opetal sli dvch sercze Jvdaszowo, kthori
pothaiemnÿe od milego iezvsa odsedssÿ
widzacz ÿze zidowie bilÿ pospolv
w radzie, ÿ gadali o thÿm iako bÿ go mo-
glÿ |
jacz kromia tlvsczeÿ, przisedl
szmiele bes kthorego sromv do zido-
wskieÿ radÿ, mowiacz k nÿm darznie
bel kthorego wstargnienia ÿ strachv
wiem czi o czÿm mÿsliczie
ÿ radziczie, wÿ sczie szia tv przetho
zesli, svkaiącz radzacz iakobÿsczie
zabÿcz mogli nÿeprzÿacziela wasze°,
jezvsza nazarenskiego, ktorÿ wam czi-
ni krziwda, mowiacz na was wiele sie-
go, a przetozem k wam przisedl, ÿs
chcza bÿcz waszem przÿaczielem
y chcza sia pomsczicz waszeÿ krzÿ-
wdÿ nad nÿm. Tego dla vlosczie mÿe-
dzi soba czo mÿ chczeczie dacz, a ia go
wam widam wasse radzie potaiemnie
bes wielkie° zastapv, bocz ia iako iego
swolenik, wiem iego wsitkÿ taiemnicze
iakobÿ chczial rzecz Jvdasz przeklatÿ
Tak czÿ mi then iezvs mÿerszÿonÿ ÿ
brzithkÿ, ÿestli yedno chczeczie. wida |
czÿ go wam za tylo pÿenÿadzi.....

[3] На переплете вытиснуто MAKA PANA YESVSOVA, надпись внизу (год, автор, владелец?) выскоблена.

(Далее 11 строк содержат порицание поступка Иуды):

wsi to biskvpowie ÿ wsytczÿ dvchowni
zidowsczi wielmi temv bylÿ radzi, ÿ na-
mienili mv dacz, trzidziesczi pÿeniadzi czo
kosdy wazil dziesiacz pospolÿthich, a
tako od trzech sed pÿeniadzi prosto dzie-
siatha czascz ziskal, iako on mnimal ÿsbi
zatho ona mascz stala kthorą byla
Maria magdalena pomazala milego jezv-
sa w kwiatna sobotha, a tho szia stalo |
bÿ sia pismo Jeremiasa proroka napelni-
lo, ktorÿ mowil: . . . .

Листы 28—28б:

Gdÿ sią to okrvtne przedanÿe stalo
przÿsedl do bethanieÿ pozno ktore°
dziewicza maria gdÿ vzrzala prziwi-
tawsi go przod milosciwie żopitala ÿa-
ko bÿ szia o ieÿ, mÿlem synie rzecz w ie-
rvsalem miala Jvdasz ieÿ odpowiedzial
rzekacz dobrze gospodze mÿla, abo
wiem wiedziala ÿs bÿl snaiomÿ bÿskv-
pom, sÿlno mv bÿla laskawa, a prze-
to mv rzekla mÿmo ÿne, mÿlÿ Jvdassv
poleczam tobÿe mego mÿlego szÿna. Tv
swiatÿ bÿernat mowÿ: O dziewÿczo blo-
goslawiona, ÿza niewies, ÿszes lÿsowÿ
swego sÿna poleczila, lgarzowi prawda
wylkowÿ napokornÿeÿsza owcza. Odpo-
wiedzial Jvdass: Nieboÿsia panno mÿla
niczego, inszem czi to dobrze oprawÿl ÿs
czÿ onÿm dobrze wsisczi dzÿersza ÿ tesze
mowia.

Подобная редакция послужила основанием и для печатных польских страстей Христовых, а также вообще для описаний земной жизни Иисуса Христа, какое, например, находим в книге, вышедшей в Кракове 1522 г. (шифр библиотеки Варшавского университета 28.2.2.1): Żywot wssechmocnego syná bożego, páná Yezu krystá, stworzycielá y zbáwicielá stworzenia wssytkiego. Wedle ewánielist swiętych z rozmyslánim nabożnym doktorow swiętego písmá, ogárniony.

В конце предисловия Иеронима Ветора читаем: Ten żywot błogosłáwiony páński..., ktoryss Báltazar Opec, misterz krákowski... Elżbiecie, krolewnie Polskiey, wyłożył... Dah w Krákowíe... Látá bożego národzenia. M. D. XX. II.

Рассказ о предательстве Иуды, разговоры богоматери с своим сыном и с Иудой в общем очень сходны.

Пример (л. 16):

Mária łáskáwie Judassá gdy przyssedl przyjęłá albo przywitáłá.

Gdy sie to okrutnie przedánie stáło, przyssedł Judass do Betániey pozno. Ktorego dźiewicá gdy vżrsáłá, przywitawssy gi przod, miłośćiwie zopytáłá, iáko by sie o iey miłỹ synie rzecz w jeruzálẽ miáłá. Judass iey odpowiedział rzekąc. Dobrze gospodzie miła. Abowiẽ wiedżiáłá iż był znáiomy biskupom śilno mu była łaskáwa, á przeto mu rzekłá mimo jne. Miły Judassu polesam tobie mego milego syná. Tu swięty Biernat mowi. O dźiewico błogosłáwiona, iza nie wiess, iżeś lisowi swego syná polećiła łgarzowi prawdę, wilkowi napokornieyssą owcę.

Уже приведенных выдержек из польских рукописей достаточно для того, чтобы видеть, насколько западнорусская редакция страстей господних отличается от польской: здесь события часто излагаются в ином порядке; в одних местах обширнее, нежели в белорусской редакции, в других короче; в обоих приведенных рукописях и в печатном издании нет, например, истории о 30 сребрениках; отдельные места, особенно содержащие лирические отступления и касающиеся богоматери, довольно близко подходят к нашей редакции, но и здесь совпадения нет. Вообще следует сказать, что в польском тексте весь рассказ ближе к евангелию, нежели у нас. По своему изложению польские повести больше напоминают разные «Сказания о страстях господних», между прочим, и западнорусского происхождения. Рассмотрены они Ф. Булгаковым в «Памятниках древней письменности» (1878—1879, стр. 153—185), а также Ю. Поливкой (Časopis, LXV, 448—450). Эти «Страсти» дошли до нас во множестве списков и несколько раз были напечатаны (ср. например, Ф. Добрянского «Описание рукописи Виленской Публичной библиотеки», стр. 456—459, а также в Библиотеке С.-Петербургской Духовной Академии № 612, 807 старопечатных книг). Не повторяя того, что можно найти в отмеченных работах, я только приведу соответствующее место из «Страстей Господних» одной малорусской рукописи XVII в.[4].

[4] Рукопись малорусской скорописью XVII в. принадлежит проф. Варшавского университета А. И. Смирнову. Год одной статьи этого сборника Люцидария определен более точно: «тепе́ръ з грецкаго на рꙋсскїи ѧзы́къ прело́женъ рокꙋ бж҃їѧ ҂ахлѕ». Страсти Господни занимают лист 44б—69б.

Листы 44б—49:*

Слово ѿ страсты гдней и̇ ѡ предані
и̇юднно̃ како и̇юда преда̂ Хр̃та жидомъ:

.... Іюда же скариоскъ ходывший и̇ пилновавшы того в среду заслышалъ и̇жъ Архиереи ста̃шиѥ жидовскіѥ в се̃мѣ совѣтую, а ѿ диꙗвола порозꙋмѣлъ и̇жъ ѻ̃ ѥго ꙋчтлѣ и̇ ѻ̃ збавитѥлѣ нш̃ѥ радꙗтъ взꙗ на сѥбѣ бѣтудство и скоро шедъ въ до̃ ихъ и̇ почалъ смѣлѥ мовиты, и̇ токати оу двѥри, и̇ казали ѥму ѿворити двѥри, бо знали его давно и̇ видали за и̇сꙋсо̃ ходꙗщого, и̇ рекли к нѥмꙋ котраꙗ ты ѥ̃ потрѥба до на̃ ѡ жѥ кнни̃ безстꙋнѥ ре̃, вѣдаю радꙋ вашꙋ и̇жъ ѻ̃ назаранини совѣтуѥтѥ и̇ радитѥ, ꙗко вы ѥстѥ мо̃лы

Листы 48б—49:

оу свои̃ рꙋкахъ имѣты ѥго, що мы хощѥтѥ даты ꙗ ва̃ вида̃ ѥго, томꙋ в рꙋкы комꙋ повѥлитѥ, А ѻ̃ни видꙗчи̇ ѥго такꙋю дѥзо̃с и̇ бѥзстꙋ̃ство рѥкли ѥмꙋ ꙗкъ би насмѣхъ, дамо тобѣ л̃: пѣнꙗзѥ̃ выдꙗчи̇ жѥ на нихъ вѥлми и̇юда настои̃ и̇ гва̂товнѥ на нихъ при- | ходытъ, а ѻ̃ны на мл̃и своѥи мѣлы би и̃ кико тысꙗщъ даты, только бы ѥго ꙋ свои̃ рꙋкахъ мѣты, А то длꙗ того въ дн̃ь нѥ и̇мали длꙗ людей множѥства котори̃ вѥлѥ нѥго хожовалы и̇ нѥ̃мѣли, а в ночи нѥ знали гдѥ прѥбиваѥтъ то учꙋвши Іюда ра̂ быс̃ь и рѥчѥ к ни̃. а ѻ̃ни ѻ̃бѣцали ѥмꙋ на̃звыш даты Ла̃кависꙗ ѥмꙋ стали, А та̂сꙗ змови̃ и повидѣлъ и̃ то Іюда и̇жъ у домꙋ Зѥвѥдѥѡво̃ маѥтъ вѥлико̃новати, а ѻ̃ни просили ѥго вѥлыкою прозбою и̇би и̃ видалъ прѥ̃ вѥлико̃нѥ̃, та̃ жѥ ѻ̃ имъ ѻ̃бѣцалъ, и̇ вѥлѣлъ и̃ воско готовити жо̃нѣрѥ в дн̃ь и̇ в ночи̇. рекꙋчи которо̃ години вибачꙋ ча̂ ꙗ к вамъ Прыбѣгну, а ви люде пошлѥтѥ по нѥго А пѣнꙗзѣ мнѣ ѿда̂тѥ, а такъ собѣ з нымы змовилъ, и̇ порꙋчи̃ собѣ ꙋ то̃ радѣ радꙋ здалъ, и̇ розы̃шлисꙗ, жыдовѥ з вѥликою радо̃тію и̃ и̃ такови̃ члв̃къ зна̃шолъсꙗ и ктомꙋ сꙗ попо̃нило пр̃рч̃ство Їѥрѥмѣино......

* Написание ѥ передает рукописное ѥ.

**А р҇ч҇таѧ м҇тлы б҇жаѧ в то ча глѧнꙋла на июдꙋ скариѿ-
скаго, и р҇єла ємꙋ, мой милй приѧтєлю, а слꙋго с҇на
й б҇га могго, ты нєдавно из І҇єлима пришо, що та єси
слйшалъ оу жидовъ ѡ моє сй҇нꙋ, ѡнъ повѣда Гп҇жє нєѝнша-
лє нѣчого злого, мою ѧ та приѧтєлє добрихъ меж й҇да-
ми в радѣ й щобисѧ та таковогo с҇тало ѡ твоє с҇ну, й
ѡ нашє оу҇ч҇тлю да би мнѣ, знати а ѧ би того часꙋ ємꙋ
и ва подѣлй єй с҇таѧ м҇лтъ тоє оуслйшавшє мало пер҇є-
тала ѿ плачꙋ, а бꙋдучи справє҇дливаго с҇рца ч҇тою и ꙋвѣри-
ла ємꙋ, Милй Юдо єсли ты маѥ, приѧтєлѣ а звлаща мє-
жи жйдами, и в радѣ, прошꙋ тѧ а мѣй ѿ моє с҇нꙋ пил-**

ность, тєпєръ ѿ та идє до І҇єлимъ єслй що ѡ нє, оус-
лйшишъ ѡстєрѣгай его и мєнє, бо не маю єго комꙋ ино-
мꙋ в опєкꙋ дати ѡкро тєбє, тй єго шафа и сторо єго
здоровѧ ѧ тобѣ єго порꙋчаю, и хочꙋ тобѣ всѣ добрй
ѿдати, а июда рекъ добрє Гп҇жє ѧ хочꙋ пйнос ѡ нєѣ
мѣти. ѡ пр҇бг҇вє наѧ м҇ты ѡ нєзлобиваѧ ѡвє҇ко, комꙋ то
порꙋчаєшъ с҇на своєго, ѧкъ би вѡковѣ ѧгнѧ, ѧкъ би
злодѣєви с҇кабъ. . . .

Подводя итоги всему сказанному относительно первой повести нашего сборника, мы должны установить тот факт, что она не Никодимово евангелие, но и не сказание о «страстях господних» известных нам редакций. Это особая повесть о мучении Иисуса Христа, переведенная с какой-то польской рукописной повести, составленной на основании нескольких латинских сказаний, соединенных подчас довольно неискусно. Кроме указанных А. Брюкнером латинских пособий, можем отметить еще в «Legenda aurea Jacobi de Voragine» рассказ «Passionis Christi» о происхождении Пилата и его судьбе, очень напоминающий наш рукописный о том же предмете. У составителя или, быть может, переводчика польской повести были и чешские пособия.

Содержание повести о трех королях в общих чертах уже намечено в надписаниях отдельных глав нашей рукописи, поэтому повторять его не станем, тем более, что эта повесть в разных литературах представляет меньше разнообразия, чем «Passio Christi». И источник этой повести известен: это произведение на латинском языке кармелита

Johannes von Hildesheim (1375 г.) «Liber de gestis ac trina beatissimorum trium regum translatione» etc., даже напечатанное несколько раз, например в 1477 Moguntiae, 1478, 1481 гг. и др.[5] Эта латинская легенда послужила источником для подобной же польской, заключающейся, например, в раньше названной рукописи С.-Петербургской Публичной библиотеки 1544 г. (ср. Брюкнера: Des Johannes von Hildesheim der Heil. Drei Kőnige. Archiv főr Sl. Phil., B. XI, 468—471). Эта же легенда появилась и в западнорусском переводе. Трудно только сказать, с чего она переведена: с латинской или с польской легенды. Последняя, как она выражена в рукописи 1544 г., очень близка к ней. Вот для примера начало ее[6]:

Листы 153—155:

Gdÿs nawÿelebnÿeÿssÿch trzech
krolow ÿ nachwalebnÿeÿssich wssis-
tek swiad poczawssi od wschodv slvncza
as do zachodv. Chwalamŷ ŷ zaslugami
ŷvze ŷest napélnŷon. Ale wschod sloncza
aczkolwiek gest ŷasnŷ. teze tÿch trzech kro-
low sswietich zaslugamÿ barzo iaszno
swieczi. bo w tem wschodzie slonecznŷm. ro-
zvmŷcŷ prawego boga. ŷ czlowieka. ŷch
darÿ prawimŷ. a dostoŷnŷmŷ (czy) ŷsczi trzeŷ
krolowŷe blogoslawionÿ czielesnÿe bądacz
zŷwŷ. ssvkali a chwalÿ pana wssechmoga-
czego. Pŷrwssi bendacz s poganstwa ŷ s lu-
dzi pŷerwssich dziewicz. ten krolow. wschod
sloncza. przes wŷarą ludv napierweÿ po-
swiączily. Przes ktoris tho wschod sloncza
wssitek gego zachoth. iako zorza barzo iasna.
swiatle powÿetrze nasladviacze. snamŷonviacz
ÿvss osswÿecza. bo wÿem then zachod sloncza

[5] Этой легенды касаются, между прочим: Joh. v. Hildesheim, die Legende von den heiligen drei Königen. Aus latein und deutschen Handschriften bearbeitet von Schwab. Stuttg. 1822; Köpke. Mitteilungen aus den Handschriften der Ritter — Akademie zu Brandenburg a. H.-J. Johannes von Hildesheim, 1878.

[6] Повесть начинается с листа 153, без особого заглавия, хотя и с новой страницы.

przezeczonÿ trzeÿ krolowÿe. ÿch reliqviamŷ wielebnŷmÿ. ŷ snamÿonÿ rosmagiczie okrassŷlŷ a oslobyly a w them tho slonecznŷm zachodzie. pŷerwiasnki sswoie. ÿ wŷare ludv cznotamŷ ŷ snamÿonÿ doswiadczili, ale ŷze we wschodzie sloncza. iako dzialali bendacz w czlowieczenstwie ŷescze iako nawieczeÿ w rosmagitich kxiegach ÿ mŷesczach. o ŷch zaslugach, vczŷnczech ÿ dzieŷach gest wŷpissano. kthore w zachodzie slvncza ŷescze snacz bÿlŷ ŷ ssam nŷesnanÿ podlug widzenÿa sluchv ŷ powiadanÿa. kv czczi, ŷ kv chwalÿe bozeÿ, y dziewicze panneÿ Marieÿ madki gego chwalebneÿ. ÿ teze tÿch trzech krolow blogoslawionÿch. a nŷektore thes rzeczi ssa pŷssane z rosmagitich kxiag a wÿedne rzecz sgromadzonÿ.

Gisthnoscz za prawde tych trzech krolow | blogoslawionÿch s prorokowania balaã Caplana. Madian proroka poganskiego. poczatek wzielo ktori mÿedzi ÿnssŷmÿ wielie rzeczami prorokviacz tako rzekl. wÿnŷknye gwiasda z iakoba, a powstanŷe czlowiek szŷszl to gest s zidowstwa, a bendzie panowal, wssidkiemv lvdv, iako w starim zakonÿe zvpelnŷey gest wŷpŷssano. Bo o tim prorokv Balaam gest nŷektora rzecz w poczadkv mŷedzi krzesczianÿ. ÿ mÿedzi zidÿ. . . . . .

Листы 155—155б:

Gdy̆s by̆ly̆ wy̆sly̆ zidowy̆e z egipthv. tedi wssidką ziemy̆e okoliczna. czi krolowie pod mocz sswoy̆e poddali, a podby̆ly̆ | bo y̆ch wy̆elka boy̆asn. a strach na wssidki ludzie. na wschodv sloncza y̆ krolestwa przisla, a ogarnąla. a we wsidkich stronach y̆ w ziemy̆ach y̆ w krolestwach przed ny̆my̆ zadny̆ czlowiek my̆escza przemy̆eny̆cs ny̆esmy̆al.....

Но в нашем западнорусском переводе есть кое-что такое, чего нет в польском, по крайней мере, в рукописи 1544 г. Так, в последней нет главы с описанием нравов и обычаев разных народов (ср. выше отрывок о греках). Далее, в нашем переводе замечается немало разных недосмотров, которые, по-видимому, говорят за то, что он сделан прямо с латинского. Так, в статье о нравах разных народов: и̇ те Сыріа, и̇ те Армїане... и̇ темъ ком'поты... далей николаите и т. д. Здесь «и тем», несомненно, передает латинское item, что вряд ли было бы в польском тексте, так как поляки были довольно опытны в латыни. Нам не удалось в Варшаве раздобыть латинский текст повести о трех королях, но, насколько можно судить по отрывкам, приведенным у Брюкнера (Archiv, XI, 468—471), они ближе к западнорусскому, нежели к польскому тексту. К такому же выводу приходит и Мурко (Archiv, XII, 563—564). Таким образом, приходится допустить, что наш перевод сделан прямо с латинского лицом, хорошо знавшим и польский язык; отсюда многочисленные в нем полонизмы. Нельзя ли того же предположить и относительно повести о страданиях Христа? Ведь и здесь есть такие вещи, как «поведаютъ и̇нъ хисторисъ школастици» in historiis scholasticis; «до тотъ завѣшенъ ѿ четыре аггеловъ media nocte suspensa est domus a quattuor angulis» (обе ссылки по Синодальной рукописи). А быть может, последняя западнорусская повесть и не перевод с латинского или польского, а свободное изложение повестей о том же предмете и притом довольно неискусное.

К мысли о том, что обе рассмотренные повести переведены с латинского, побуждает и то обстоятельство, что третья повесть нашего сборника — житие Алексея — несомненно переведена с латинской по «Legenda Aurea», как это доказал П. В. Владимиров (ЖМНП, 1887, октябрь). У переводчика были и чешские пособия. То же можно предположить и относительно переводчика двух вышерассмотренных повестей.

Ввиду того, что житие Алексея в статье Владимирова рассмотрено очень обстоятельно, останавливаться на нем не станем; напомним лишь в дополнение о статье по этому предмету Я. Быстроня: «Żywot św. Alexego w literaturze czeskiej i rosyjskiej. Stosunek wza-

jemny tekstów słowiańskich i ich stosunek do tekstu łacinskiego». (Sprawozdania Komisyi językowej Akademii umiejętności, T. V. Kraków, 1894).

Еще остается коснуться несколько менее важных вопросов относительно всего сборника. В каком отношении наш сборник к двум раньше отмеченным сборникам Синодальной библиотеки? Общие повести их, за исключением разве жития Алексея, несомненно, одной редакции; но нельзя думать, чтобы повести синодальных сборников были списаны с нашей рукописи или наоборот: этому препятствуют некоторые разности в языке. Можно допустить, что, с одной стороны, С.-Петербургский сборник, а с другой — Синодальные имели один общий западнорусский источник; при переписке с него писцы несколько видоизменяли текст, применительно к своему пониманию. Это особенно следует сказать относительно Синодальных списков; С.-Петербургский несомненно ближе к оригиналу.

Повести нашего сборника, несомненно, возникли в католической среде, так как иначе более или менее осмотрительный православный переделыватель и переписчик не удержал бы таких статей, где говорится, как о чем-то неизвестном, об особенностях богослужения у православных (а также у греко-униатов) и не допустил бы выражений вроде следующего: «какъ *мы* ѿцю *папе* послоушни» 76б. Западнорусский католик переводил эту повесть, живя в Угорской Руси или поблизости к ней, так как иначе он не сделал бы следующего сравнения: «ѡди з оны тридцети пѣнѧзей. ме оу собе вагоу кабы тре *золоты оугорски*» 61б.

Наконец, хотя повести о страданиях господних и о поклонении волхвов в западнорусских сборниках и в польском соединены вместе, но в этом обстоятельстве нельзя усматривать какой-либо преднамеренной цели: оно случайное, так как иначе непонятно было бы, например, то обстоятельство, что рассказ о 30 сребрениках различно передается в первой и второй повестях.

Теперь обратимся к особенностям языка рассматриваемого сборника.

ФОНЕТИКА

Гласные звуки

Прежде всего рассмотрим явления в области гласных, зависящие от положения последних под ударением.

Примеров аканья встретилось немного: незбедныѣ жид*а*ва 2, с т*а*бою 4, тв*а*ю 11, госп*а*же 4, на н*а*га 6б, к*а*ли 14, т*а*гды 64б, 90б, п*а*то 64б, м*а*гли 14, п*а*роушисѧ 22б, п*а*роушоне 49, *а*бвиноу 37б, *а*ны 92, оу стор*а*на 78б[7]. Сюда же следует присоединить еще несколько

[7] Прибавим: пр*а*данъ 335 рук. Синод. библ. № 203.

случаев, в которых *а* можно объяснить и действием ложной аналогии, таковы: благославленїѣ 86 (под влиянием «слава»), тела їсава 22б (под влиянием род. п.), старостаю 31 (по аналогии формы им. п.). Влиянием аканья объясняется и появление *а* в нескольких словах, заимствованных из польского или других языков, как: часто крать (częstokroć) 22б, 9б, часто кра 43б (а быть может, по памяти о кратъ?), кахали (kochali) 41, ах'товрѧ (октября) 44, Герада рядом с Герода 52, Бараба рядом с борабоу 21, сатона 26б (при сотона ib.), сотана 29б, матки паганки 45б (при поган'ского 94). Не будет аканья, а простое заимствование из польского в следующих случаях: ласкаве (łaskawie) 1б, ѿгар'ноули (ogarnęli), 50б, провадила (prowadziła) 79б. Скорее морфологическое, а не фонетическое явление в таких случаях, как: оуказавати се 30б, не заказава 39, ȣказава 49, приказава 31, 65, неслыхаваны 33б, вымоураваны 44б, пописавали 83, пог'латаѥть 86; ѿднова 43 (однажды).

Как можно видеть из предыдущего, случаев аканья вообще немного: писец строго последовательно держался традиционного письма; он даже в формах, знающих *а* и *о*, отдавал предпочтение тем, в которых *о*: боранка 2, зорѧ 38б, Лазорѧ 26б, Ѡбрамово 41. Наконец, стремление избегнуть аканья вследствие ложной аналогии побуждало писца употреблять *о* и вместо *а* основного, даже стоящего под ударением: двонадца моужо 20б, на д'вонадцеть 86 (при на дванадца 49б), фоун'доменъ'тъ 43.

Белорусское аканье простирается и на *е* безударное, особенно если последнему приходится стоять после шипящих звуков: жана 82, на чале свои 33б, коли кажа 24, были жидо[ве] дрыжача и скрытаюче 20, ȣслышавша оуси 35б, свто ѥсть крищенїа 68. Отмеченное явление сказывается и в некоторых словах, заимствованных из польского: мѧшкали 51б, мѧшкати 72, мѧ'шкати 75 при польск. mieszkać. Ничего общего с явлением аканья не имеют слова: клѧкла klękła 15 (при приклекаючи 7), дѧкова dziękował 13; в них ѧ ударяемое, и поставлено на месте польского ę по аналогии чисто русских слов, имеющих *а* при польском носовом (часто często и под.). Последнее слово, впрочем быть может, и не заимствовано от поляков (ср. наше: «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках». Варшава, 1896, стр. 137). Чистые полонизмы в таких словах, как: дѧтѧт'комъ 26, йс дѧтѧтко 28б, дѧтѧ 51 (но дитѧтко повито 43), наймилейшое дѧтко 2. Все эти слова в корне имеют *а* под влиянием польских dziatki, dziateczki. По всей вероятности, подражание польским образованиям на -iał, -iali такие формы, как звинѧ (звенѣлъ) 11, хоронѧлисе 34, хотя их *а* может найти оправдание и в живых русских говорах; сюда же принадлежит и везрѧвши 22 (къзрѣкъши). Несомненно полонизм в «прєцажоней» przecadzonej 59б. Вероятно, описка в «направедного моужобойцю» (bis) 9б. Скорее морфологическое явление, а не фонетическое в следующих случаях: крижа[ва]ли 14б, 35б, оукрижавати 9б, оукрижавали 31,

ѿсвѣчавали 48б, повѣшавали 72б, оуздержаваеть 92. Морфологическое явление также в ѿкоулѧ 43б, ѿтоулаѧ 50б.

Как и во всех других белорусских памятниках, и в данном замечается появление *е* на месте *а* безударного с предыдущей мягкостью согласного, какого бы происхождения это *а* ни было — из ѧ, ꙗ или даже на месте *а* вторичного, появившегося после шипящих из ѣ: гледели 4, гледѧче 33, паме 59, оуспомеѳоу 24б, оупомене 62б, ѡсегноули 2б, ѿсег'ноути 74, смоутечесе 15; сталасе 1, не боисе 2, хочетлисе пити 13, направитисе 24, боѧсе — противит'се 26б, хоронѧлисе 34, се смиловати 42б, ѿбрезовают'се 88б, ѿбрезовавютсе 92; *е* из ѧ — ꙗ: серебрены 1, мѣденого 4, селене 44б, ѥдовитого 35б, ѥдовитыми 46б, шлехетне 48, шлехетны 96, на ѧслеми 53б, часоу нароженьѥ бжьѥго 45, до малерѧ 24, по цере 55; *е* из ѧ находим также в числительных: ѿдиннадцеть 93б, зо двоунадцети 1б, восмонатьцеть лете 16, двадцеть 89, тридцеть 2, 20, с тридцетми пѣнѧзи 54б, тридцети 61б; *е* из *а* = ѣ обыкновенно в глаголах: слышели 56, оуслышети 72, побежети 81, моучели ѥго 7; гоучела 11, посщеють 79 — в последних двух примерах даже под ударением. Под ударением же имеем *е* вместо ожидаемого *а* с предыдущей мягкостью согласного в словах: дековати (bis) 95б, декоую 97б, проклетїа 25. Появление *е* в трех последних примерах для нас непонятно: не чешское ли здесь влияние, которое иногда заметно на рассматриваемой рукописи, děkovati, prokletí?

В зависимости от безударности гласных находится смешение:

а) *ы* с *о* — *а*: котороми 88. Впрочем здесь можно видеть и описку под влиянием двух предыдущих *о*;

б) смешение *и* с *е*: преѿры 85, достоѥнъ 20, достоѥнство 66 (в последних двух примерах может быть под влиянием таких образований, как удостоен), тренадцете 56, мет'рополитан'ске 74 (последняя форма может быть взята и не из греческого). Несомненные полонизмы в формах: зажегали 55, оуберали 77б; под влиянием таких случаев *е* в оусмери 82; сюда, вероятно, принадлежат и изоумелисе 34б, 37; творели 56 — с *е* ударяемым;

в) смешение *е* с *и*: оу майстате 29, звинѧ (ꙁвьнѣти) 11, звинѧчии 27б; занькелъ пойсовый 97, ѿбычайми 68б, ѿбычайми 23; в последних трех случаях в *и* обращается *е* вторичное из *а*; впрочем в твор. на *-йми* можно видеть и окончание *-йми*, т. е. точнее — -ьми. Может быть, не совсем фонетическое явление в твор. п. ед. ч. на *-имъ*: роз'мийты ѿденимъ 46, деланїимъ 57, блисканиимъ 53, пре ѿбличьи твои 2, 35б, пере злѧкнени 33. Чисто фонетический переход *е* в *и* в следующих случаях: нестирьпливои 70б, за створитилѧ 12б, трима слоугами 62, завешины были 22, были принесины 54; в выражении «ах *ти* м'не ах *те* мне» 13б трудно решить, какой звук вторичный, так как обе формы (дат. п. *ти* и *тѣ*) одинаково употребительны в белорусском.

В полной зависимости от ударения находится также переход ударяемого *е* (из основных є и ѣ), стоящего после мягкого согласного или йота и перед твердым согласным, а также на конце слов, в *о* с предыдущей мягкостью (*ё*). В рассматриваемом памятнике, как и других старинных произведениях, вследствие неумения писцов принятыми приемами графики обозначать получившийся таким путем звук, в подобном положении обыкновенно находим *е*; гласный же *о* стоит лишь после шипящих: оуж*о* 2, ещ*о* 5б, пришо ѥсми 2б, нарож*о* 18б, ѿ оуж*о*въ 4, чосны 61б, пошоши — нашо 98б и под. В данном памятнике, однако, заметна и попытка передавать *ё* и после других согласных: после них обыкновенно пишется *о*, причем мягкость согласного ничем не обозначается. Видеть в таких случаях отвердение согласного нельзя, так как обозначение их мягкости иногда отсутствует и перед другими гласными, как: оуч'н*а*ми 35б (чит. ўчнями), приꙗтелоу 2 (чит. прийтелю), лоуди 46б (чит. люди). Таким образом будем предполагать соединение мягкого согласного с *о* в следующих примерах: с*ло*зы 15б, кг*ло*рїа (gloria) 70, прїате*ло* 36б (ср. теперешнее белорусское прыяцелёў), коро*ло* 19б, оубе*ло*ны 32б; са*жно*въ 8б, каме*но* 61, име*но* 20, ко*но*ма 62, д*но*въ 85б, оучь*но*въ 2б, ср. еще 7, оуч*но*ве 5б, ср. еще 35.

Появление *о* вм. *е* после шипящих возможно и помимо ударения (ср. «К истории звуков и форм белорусской речи», стр. 195): *жо*на 35, хотѧ*чо* 28б, держа*чо* 29 (рядом с гледѧче 33), шод'*шо* говорите 31б, оушод'*шо* (рядом с шоше) 34б, наймилей*шо*ѥ дѧтко 2, лежа*чо*го 98б, с вѣ*чо*ра 87б.

Не будучи под ударением, гласный *у* может обращаться в *ў*, что на письме обыкновенно передавалось посредством *в*: по *в*лици (по улице) 70б, *в*ъжищомъ (ужищем, веревкой, ѫжє) 72б.

Безударные гласные также легко могут исчезать, теряться: гь реклъ — полатыне доминоу *дикъстъ* (dixit) 72, *гекстъ* дїѥсъ (haec est dies) ib.; наймил*е* _шїи 2, наймил*е* _ша 14б; *и* особенно опускается в предлоге *изъ*: так, _*с*томилсѧ бы 6б, _сполнѧтьсе 26б; не стыми тьꙑ пришо 6б, же ть ꙑйдоу 12б; в т_*с*ѧчию 11, д_*с*ѧгноули 22б не описка ли? Вероятно, особое морфологическое образование, а не пропуск гласного в таких случаях, как: оу домкоу 53, с дом'коу 58, гос'под'на 29, по ногами господна 29б

Пропуск безударного гласного или, скорее, слитие его с предшествующим следует видеть в «оупоце» (=оу опоце) 15.

Переходим к рассмотрению явлений в области гласных звуков, не зависящих от положения последних под ударением. Тут большей частью действуют те же причины, что и в речи великорусской и малорусской, хотя иногда обнаруживаются и особые условия.

Сюда принадлежит судьба *ѣ*. В данном памятнике, как и в других, оно, несомненно, обозначало звук, тождественный с *е*, вследствие чего

нередко на месте ѣ стоит *е* и, наоборот, ѣ на месте *е*. Таким образом имеем: розделпа 1б, с*е*дите 5б, ѣсти 6б, петоу 8, зап*е* ib., неме речи 13б, ѣздѧ 46б, матиц*е* 59б, детинности 64, б*е* 85б, ѿбрезоваютʼсе 88б, целоваюта 93; с другой стороны, пѣвно 6б, вѣрхъного 12б, ѿд нѣго 31б, с вѣчѡра 87б. Есть, однако, несколько случаев, где на месте ѣ находим *и*: не вид*и*ло 3, вид*и*ла 13б, покр*и*те 38, терп*и*ти 11, д*и*тинность 63б; сюда не относятся образования от глагола процвитати: процвитаѐ 38, процвитала 52. Есть два случая, где под польским влиянием на месте ѣ имеем *а* с предыдущей мягкостью согласного: се мѧло стати 62, преследованїѐ — преслѧдованїѐ (чит. преслядованіе) 76.

Глухие ъ и ь по преданию употребляются в рассматриваемом памятнике большей частью правильно. В случае безударности слога с глухими последние обыкновенно опускаются; как более редкие случаи в этом роде отметим: чти 77б, чʼти 90, 96, на вʼстокоу 39б, зо вʼстокоу 49, схноути 94б; в «кторе» 82б полонизм. В «мъдлость» 14, «перъд» 73б посредством ъ случайно передан глухой звук. Под ударением, а также в группах, не удобных для произношения, особенно после предлогов, оканчивающихся на согласные, перед словом, начинающимся несколькими согласными, обыкновенно на месте старинного ъ является *о*. Как более редкие случаи отметим: ѿт*о* всеѐ 2, ѿт*о* встока 51, в*о* кʼроузе 67, з*о* вст8коу 77, в*о* чʼти 96; боуде посажен*о* 95б — вероятно, особенность синтаксиса: в «црк*о*ва» 57б звук *о* без видимой причины. В нескольких случаях под польским влиянием на месте ъ является *е*: в*е*зрѧвши 22, в*е* тренадцете 5б, в*е* дне 56б, в*е* детинности 64, в*е* двуо 89, з*е* двоунадцетї 1б, с*е*дра 8б, с*е*бралисе 36, с*е* спижами 49б, над*е* все 10; смоут*е*къ 2, пребыт*е* 65, смерти криж*е*вноѐ 3б (польское влияние здесь содействовало удержанию *е* от расширения в *о*). Несомненно, не фонетическое явление в возникновении *у* в предлогах къ и къ: коу смутливости 2б, коу датїю 27б, коу чти 77б, 90, коу боу 90б; приде воу цртво 22.

Что касается замены ъ и ь в положении при *р* и *л*, то здесь имеем следующее: а) на месте слоговых ръ — рь, лъ — ль встречаем общерусские замены *ор* — *ол* — *ер*: б°ръзʼдей 6б, с*ол*нцемъ 73б, ѝс т*ол*ъщей выхʼватилъсе 6б, бав*ол*ʼною 59б; но кроме отмеченных слогов, еще находим одно *р*, которое, будучи в группе согласных, вероятно, вокализовалось: нат*р*гъ 44б, х*р*ъщены, ѿх*р*ьщеный 63б; наконец, в нескольких случаях имеем *ер* — *ир*: ч*ер*воного морѧ 47, море ч*ир*воне ib.; б) на месте древних слогов ръ — рь, лъ — ль, где в общерусском *ро* — *ло*, *ре* — *ле*, имеем обыкновенно в слогах безударных *ры* — *ри* (последнее только орфографическая неточность вместо того же *ры*); случаев с *лы* не встретилось. Примеры: д*ры*жи 3, д*ры*жачии 4б, д*ры*жати 5б, зад*ры*жал 8, задʼ*ры*жила 13б, д*ры*жача и ск*ры*таюче 20; к*ри*ви 3б, 12, 67б, к*ри*вавый 6; х*ри*сти ѐсми 26, хъ х*ри*що 27б, х*ри*стиче 35б; в последнего рода слу-

чаях как *х* явилось в слове крьстити под влиянием «Христос», так могло под влиянием этого же слова проникнуть сюда и *и*; но и слова, произведенные от крьстъ, также имеют *и*: на кр*и*сте 10б, ѡкр*и*сти 63б, ѿкр*и*щенїю 64б, кр*и*щенїа 68. Сюда же принадлежит ѿпатр*и*ности 46, 48, 96 со слогом *ри* на месте польского *r*: opatrności. В «над сл*оу*нца» 36 имеем *лу* под чешским влиянием: slunce.

Формы полногласные обыкновенно не представляют отступлений в своей огласовке от общерусских заменителей: ѿдъ прев*оро*тны 1, ст*оро*на 40, 45б, в*оло*сти 9, п*ере* 35б (рядом с пре 2), оум*ере*ти 42; лишь встретилось несколько полонизмов с *ро — ло*: к*ро*ли 38б, ѿбротивсе 41, в*ро*ти 49; в об*ло*ки 30б, з*ло*то 53, ѿб*ло*чисѧ 97.

На месте сочетания ии — ьи обыкновенно имеем *иј*, лишь в немногих случаях, больше в безударных слогах, попадается *еј*: пѣнѧз*ий* (genet. plur.) 1б, ч*ие*ю моцею 8, за ш*ию* бьють 7, ѿколо шїє 29б, ȣ йодїй 42; рожай члвч*ей* 3, мар*ей* 10, тивер*е*єви 23б, тибер*ею* 24, зы йнд*еи* 40.

Отметим еще некоторые мелкие явления в области гласных.

Начальное ѥ обыкновенно передается посредством *о*, причем иногда в довольно редких случаях: ѡдва (едва) 15, 59б, ѡд'ва 70б, ѡли 4, за ѡрда (=«за Ерданъ» из «за Іорданъ») 30б, до ѡтїѡпей (Еѳіопіи) 46б.

На месте ожидаемого *и* после предшествующего твердого согласного, принадлежащего предлогу, обыкновенно бывает *ы*: с *ы*ными 40, с*ы* йсрагелѧ 41, з*ы* йндеи 40 (в последних двух примерах еще восстановлено первоначальное *и*, так что *ы* отнесено к предлогу), з*ы*мають 1, з*ы*мати ib., з*ы*мали ib., ѿд *ы*ныхъ 54б.

В нескольких случаях на месте ожидаемого *ы* имеем *и*: н*и*не 2, до н*и*нейшого 40б, т*и*сеций 1, т*и*сѧчей 26б, в*и*да 8б, с*и*но 1б.

В нескольких словах (чаще перед следующим *у*) вместо *о* имеем *у*: *оу*крȣ (окрест) 44б, х*оу*роуг'ви 17б (при хороугви ib.), сгр*оу*мажныє 94, без р*оу*зоума 98б, пот*оу*пле єсть 7б, пот*оу*плены 30 (насчет последних слов сравни «Западнорусские переводы псалтыри»..., 37), зо встȣкоу (с востока) 77, док*оу* 1, кор*оу*ноують 10, корȣноу (рядом с короноу) 40. Конечно, некоторые из приведенных слов представляют скорее не фонетические особенности, а описки.

В одном слове встречается *ю* на месте ожидаемого *е*: зан*ю* 1, зан*оу* (без обозначения мягкости *н*) 7.

В «наслед*а*юще» 38б употреблено *а* вместо *у* под влиянием какоголибо особого словопроизводства.

Вместо *у* имеем *о* в хор*о*гви 17б, пор*о*чникоу ib.

Вероятно, под чешским влиянием появились *а*) *е* вм. *о* в «за с*е*бою» 11 sebou и β) *и* вм. *у* (*ю*): плач*и*чоу 30, капитоул*и* 71 (при капитоул*ю* 38б).

Скорее описки, а не звуковое явление в замене *а*) *а* (*я*) посредством *и*: припривлѧ̂ёть 77б, зад'рыж*и*ла 13б; роз'м*и*йты 46; β) *о* посредством *и*: лод*и*викоу 75б (людовику), прийм*и*вали 97, п*и*г*и*ному 34б (здесь *и* и на месте *а*).

Смена *й* на *ў* (*в*), а может быть также описка в следующем случае: на зоуусть (= = на*и*зусть) 72б.

Старинное сочетание *jo* в собственных именах часто передается посредством є, в котором, быть может, следует видеть и звук *ё*: ёрда рекоу 25, ёзопа (Иосифа) 1, ёзепа 37, ѿ їёве (об Иове) 39.

В словах иностранных для передачи неумягчительного *е* употребляется начертание *э*: экъсеквїё 15, э̃морройса 20б, йнъ эксъцельсисъ 70.

Под польским влиянием в некоторых словах для передачи *е* умягчительного употреблено *іе*, а для *я* — *іа*: їесть 45б, їѣщо 57, котораїа 55б.

Согласные звуки

В известном положении *в* в теперешних белорусских говорах переходит в *ў*; то же следует предположить и для языка рассматриваемой рукописи, только в ней, как и в других старинных западнорусских произведениях, этот переход на письме обозначался просто смешением *в* и *у*. Это явление особенно наблюдается в предлогах и приставках въ и къз, реже в других случаях: *оу* третемъ капитоулю 4, *оу* майстате 29, *оу* сторана 78б, *оу* но 5б, *оу* раю 22, вѣроующи *оу* себе 28, ȣ тена 44б, *оу* крегкости 49, *оу* место 50, *оу* ёй 58 (в ней), *оу* не 59, *оу* боты ѿбоують ёго 62, *оу* дол'жиноу 86, в обе й оу вечерю 90б, *оу* той 94б; *оу*з гороу 14, *оу*з горȣ направитисе 24, *оу*споменоу ib., ȣстанїа 30, ȣздрастъ 40б, *оу*зведа 63, *оу*зростоу 90, *оу* том'то *оу*сходоу 38, *оу*сто ib.[8], *оу*стоны 44б, на ȣстоце 45б, *оу*зѧвши 1б, то ȣзѧ 54б, ȣзѧли 56; *оу*кроу — *оу*за 7, *оу*хопи 36, *оу*сегды 9б, 51б, *оу*сегда 40б, 65б, *оу*довою 99, *оу*си плачте 4б, межи *оу*сими, *оу*си 5 (рядом с *в*си ib.), ȣси 30, без *оу*сѧкоё 91б.

В *ў* обращается в современном белорусском наречии и *л*, стоящее в слогах закрытых: в рассматриваемой рукописи явных следов указанной особенности нет; нам встретилось лишь выражение: коли оу теле жи ёсми бы 27б, где на жи можно смотреть, как на жиў = жил. Тут обращает еще на себя внимание передача некоторых форм глагола мльвити, который по-белорусски должен бы звучать мо́ўвиць; это: молви писмо 50; молы 5, 45, молы ёванк'гелиста 50, молы крисостомоу 6б; мола 48б, молатъ тежъ й жидова 52, молать 85. По всей вероятности, приведенные необычные формы представляют искусственные

---

[8] ȣстокоу 99 рук. Синод. библ. № 331.

написания, явившиеся плодом сделки между народными образованиями с *моўв* — и книжными с *молв-*.

Одна из выдающихся особенностей белорусского косонантизма — твердость *р* — была свойственна и рассматриваемому памятнику: прегразны 54, фрагове 78б, тро 38, тро 31б, трома 73б. Не противоречат указанному положению и случаи правильного употребления *р* мягкого (правда, очень немногочисленные), как вечерѧючи 2, смерти крижевноѐ 3б. На то, что писец рассматриваемой рукописи не различал *р* твердого и мягкого, указывает и постановка после *р* на месте ожидаемых «твердых» гласных соответствующих «мягких», как в примерах: которие̇ 3, ригали 7б, проривала 11, вырити 63.

Подобно *р* подверглись отвердению и губные звуки: избавъ 22.

Начертание *г* в данном памятнике, как и в других западнорусских произведениях, передает проточный звук *h*, а не *g*. На это указывает α) совершенный пропуск *г* в тех случаях, где в иностранных словах слышалось *h* или *j*: анъѐла 4, ѿриѐне 12б, ѿриеновы 82б; β) употребление *г* в качестве придыхания, хотя в языке, откуда заимствованы данные слова, этого звука нет: йсрагелѧ 41; γ) наконец, замена его посредством *х*: *х*историй 25.

Для передачи звука *g* иностранных слов употребляется α) написание *кг*: оу θи*кг*ѣре 4, *кг*алелий 5б, лон*кг*инъ 22, *кг*'рап'коу 33б, *кг*лорїа 70, жа*кг*ле 75б, жа*кг*ларѧ 88б. Два раза это написание употреблено и в словах народных, по-видимому, под польским влиянием: *кг*арбате (горбатые) 87, йссина *кг*оры 30б; β) одно *к*: ви*к*ости 2, *к*олїашови 34б (Голиафу); γ) для передачи *g* раз даже встретилось одно *г*: вагоу (wagę), 61б, хотя, быть может, писец и произносил здесь *г* = *h*.

На месте основных групп *dj* и *tj*, а также *к*, *г* + *т* мягкое имеем обыкновенно *ж* и *ч*: ме*ж*и 2, 4, жеброу*ч*а 90 и т. п.; но рядом с этими написаниями встречаем и другие. Так, на месте ожидаемого *жж* находим *жч*: до*ж*чева 81б, оудо*жч*и 83б, до*жч*овы 86. Далее, рядом с ачь 1б, припесоуче 14, встречаем α) формы с *щ*: вѣроую*щ*и 28, пото боудоу*щ*и 91, ве*щ*ьбы 95б; β) сюда еще примыкают формы с *шч*: слыша*шч*е 33б, оужи*шч*а 48, ѿчоупа 62б, *ш*'чепили 94б; γ) орфографическое лишь отличие от рассмотренных форм представляют: тре*сч*еньём 54, *сч*епки 59б, ѿ*сч*оупа 64б, *сч*итили (защищали) 65б; в них *сч* по звуку равно тому же *шч*; δ) вероятно, лишь орфографическая причуда в написании *сщ* и *шщ* в некоторых словах вместо *шч*: приходѧ*сщ*и 6, навѣ*сщ*ають 70б, навѣ*шщ*аны 76, ѿво*ш*'*щ*о 94б. ε) нередко в данной рукописи встречаем и польскую замену группы tj, именно *ц*: мо*ц*ь 9, мо*ц*и 26б, с помо*ц*ью бжью 65б, мо*ц*но 76, немо*ц*ѧ 73, тисе*ц*ий 1, тисѧ*ц*ь тисѧчей 15, тисе*ц*е 39б, тисѧ*ц*ий 93б, ѿбе*ц*а ѐсми 1, ѿбе*ц*алъ 1б, ѿбе*ц*али 39б, поле*ц*аю 2, 13, лац'ней 12, шлѧхти*ц*а 66б.

Шипящие согласные перед *и*, вероятно, были твердыми: оу*жы*вають 92. Свистящий же *ц*, по-видимому, в большинстве случаев был мягок: лан*цю*хи 9б (при леньцоу — цепь 8б), молод'*цю* 12б, ѿв*цю* ib., шибени*цю* 24, по слн*цю* 85, табли*цю* 33б, ѿ*цю* 76б, полецѧ҄мъ 12, мо*цѧ*ми 28б[9], дв*ць* 93б, *ци*боулю 7б, блискави*ци* 25.

Вследствие потери гласности ъ и ь, а также вследствие явлений словопроизводства в древнерусском языке образовались новые группы согласных, часто не соответствовавшие требованиям закона однородности звуков. Но так как указанный закон от старины неизменно продолжал свое действие, то и в получившихся новых группах согласных произошли разные изменения и уподобления. То же можно наблюдать и в рассматриваемом произведении:

а) Безголосные, очутившись перед голосовыми, переходят в голосовые, и, наоборот, голосовые перед безголосными переходят в безголосные; к голосовым обыкновенно относятся и *р*, *л*, *н*, *в*, *м*. Все сказанное особенно заметно на предлогах *з* (=съ и изъ) и *од* (=отъ): *з*боръ 32, *з*драпавши 99, *з* мертвы 30, *з*лоутьца; впрочем рядом с побочными случаями имеем: зве*с*ды 42, з'ве*с*доу 82, *с*лоутьца 2, *с*вычаю 38б, сы йсрагелѧ 41, сгроумажныє 94, йс дѧтѧтко 48б. Совершенно правильно стоят безголосные в следующих случаях: и*с* хоустъ 21б, и*с* силною 46, й*с* свойми 52б, и*с* собою 56; перед гласными предлог *с* — *из* может оканчиваться и на *з* и на *с*: *из* оучны свойми 36, *с*ь ѧкова 39б. В подобном же положении, как с *с*, дело находится и с *д*: ѿ*д*ь юдаша 1, ѿдь ва ib., ѿ*д* домоу 1б, ѿ*д*жила 14, ѡ*д* нѣго ѥсми 31б, ѿ*д*ъ ѿцевъ, 88б; но рядом с подобными случаями встречаем: ѿ*д* превротны 1, ѿ*д*ьц'витати 90. В дополнение к рассматриваемому отделу отметим еще ѿ*п*цевати 84б.

б) Согласные свистящие перед шипящими переходят в шипящие, и, наоборот, шипящие перед свистящими переходят в свистящие: ѿнъ й*ж*ь жонами говори 10б, й*ж* жолъчию мешаный 13, й*ж* жидо 20, и*ж*жимаю 48, ро*ш*ширила 69б; до мѣста пари*с*кого 76 (из *-жс-* — *-сс-*)- розлоу*цц*а 2 (из *-чц-*). Нередко, однако, шипящие остаются без перехода: сведе*ч*'ства 86, сведе*ч*ство 8, 19б, свѣдо*ч*ьства 18, свѣде*ч*ство 30, пъта*ч*ство 54 (в последнем случае даже с заменой *ш* на *ч*). Незвуковое явление переход *ж* — *ш* в *с* в повелительном є'*с*те хл'ѣбъ 33; здесь подражание изъявительному наклонению, тем более, что и предполагаемая форма «ѣжьте» была бы вторичного происхождения. В «све*ц*ки» 65б *ц* на месте слившихся *тс*.

в) Твердые согласные перед мягкими переходят в мягкие: сь ѧкова 39б, школьливых 89, ѿдьц'витати 90.

---

[9] Ср. слнцѧ 99 рук. Синод. библ. № 331.

Переход голосовых согласных в безголосные изредка наблюдается и в конце слов: чере ѿце 1 (хотя в «черес» древнейший вид данного предлога-приставки).

В зависимости от потери гласности ъ и ь находятся и перемены, происшедшие в некоторых отдельных группах согласных: чьт перешло в *шт*: на *што* 6б, *што* 8, 13б, *штобы* 5; -чьн- дает *шн*: ѿпри*шне* 43б, ѿпри*н*ыми 48. Что касается группы -кък-, то она, по-видимому, остается без перемены: мѧк'каю 12; *к* в этой группе не изменяется и перед *ч*: розмѧкчи 82; группа -гък- тоже без перемены: ле*г'к*ими 82.

Задненебные согласные (*г*, *к*, *х*) обыкновенно имеют после себя *и*: на бере*ги* 23б, прегор*кі*є 3, нека*кий* 23б, г'ре*хи* свѣтьске 26; *ы* встретилось лишь в одном случае: вы*кы*ноу 28. Трудно сказать, как следует смотреть на *е*, стоящее после отмеченных согласных: видеть ли в нем *е* умягчительное, или неумягчительное *э*, напр. ск*е*пають 59б, а также выше указанное свѣтьск*е*. Старинное смягчение задненебных отражается и в рассматриваемом памятнике: оу женчоуз*е* 54, на дороз*е* 54б, во к'роуз*е* 67, оу коротц*е* 2, оу поц*е* (= въ опоцѣ) 15, в рец*е* 30б, въ р8*ц*е твои 2, хорон'*ц*е 43, ѡ члон*ц*е 45б, на 8сто*ц*е 45б, в о*ц*е мъгненіи (во мгновении ока) 49, доч'*ц*е 70, оу соро*ц*е лѣтъ 90, патриар*с*е 66б.

Как довольно редкие случаи смягчения зубных, существующие и в теперешней живой речи, отметим: не собла*ж*нѧйтесе 5б, дра*ж*нили 7.

Из менее важных явлений в области согласных отметим следующие:

1) Вставку согласных, представляющую в одних случаях замену основных звуков другими, в других — восстановление согласных по аналогии форм, имеющих их, в некоторых случаях — вставку звука вследствие ложной этимологии слова. Примеры: наде*в*аючисе 6, напо*в*аного 15б, аб*в*иноу 37б; ѿх*в*от'но 52; тѧгноули 6б, тѧгне 7, 50б; в «синогор*д*лица» 97б, звук *д* под польским влиянием: sinogardlica.

2) Приставку звуков находим в следующих словах: посполоу *в*ол'торѧ 81, да *в*одного (до единого) 92б; *н*ѧтца 9б, й *н*ѧвши 27, йс *н*и 22 (хотя «оу ёмъ же» 42б); в последнем случае, может быть, удерживается старина. В *х*робако = черве приставлено *х*: польское robak.

3) Вместо ожидаемых «вот», «споткали» встречаем слова как бы с отпавшими согласными: ѿто 41, се ѿ себе (вот) 62, пот'кали 56. На самом деле в приведенных случаях явление морфологическое.

4) В группах согласных, неудобных для произношения, иногда опускается тот или другой согласный: сласная 10, чосны 61б, по, чесны 92б, но ёстьли 24 вм. ожидаемого если.

5) Кроме согласного *р*, а также губных в известном положении, в рассматриваемом памятнике подвергаются отвердению иногда и другие согласные. В некоторых случаях эта твердость, быть может, только орфографическая, происшедшая от неумения обозначать мягкость со-

гласных; иногда ее придется объяснить иноземным влиянием, например чешским; но в некоторых случаях придется видеть и живое явление, особенно относительно отвердения *л*. Примеры: нава*л*'ностію 7, па*л*ци 63б, па*л*цемъ 81, коро*л*ъ 88б, того де*л*а 8б, прок*л*аты 82б, ѿто*ла* 97; в последних трех примерах может быть только неискусное написание *-ла-* вм. *-л'а-*; то же, вероятно, нужно сказать и относительно нижеследующих примеров: вѣрхъ*н*ого 12б, ѝз оуч'*на*ми 35б, ȣ те*на* 44б, сров*на*ѥтсе 59б. Чехизмы в следующих случаях: *сва*тый чешск. svatý 9б, де*ва*тоѥ 94 чш. devátý, ѿп*ѧт*ъ 8 чешск. opět; иноземным влиянием объясняется твердость *с* также в «оу *сы*рый» (в Сирии) 39. Противоположное явление — вторичное умягчение согласного — находим в лѧц'ноути (алкати) 55б польск. łaknąć. В *ди*р'кою 81б, в сравнении с теперешним нашим литературным произношением, будет удержание старины.

6) Употребление *х* вм. *к* под влиянием слова «Христос» находим в словах: *х*ристи 26, хъ *х*рищо 27б, *х*ръщены 30б, *х*ристиче 35б, ѿ*х*рыщеныи 63б; в других случаях появление *х* на месте *к* вызвано другими причинами: хра*х*али 7б (влиянием предыдущего *х*?), а*х*'товрѧ 44б, ма*х*ара 80.

7) Не будет перехода *г* (=h) в *х*, согласно теперешнему белорусскому произношению, а скорее заимствование из польск. в ланцю*х*и 9б (łańcuch).

8) Звук *к* вм. *х* под влиянием слова крест находим в *к*ртȣсъ 33, *к*риста 63б; в других случаях *к* явилось вследствие других причин: ѝс *к*оры ан'гелскими 3б, *к*ал'деискїѥ 40; *к*алдеѥ 45, пъ'та*к*о 34.

9) Буквы *ѳ* и *ф* встречаются редко: оу *ѳ*икгȣре 4, *ф*ома 64; обыкновенно же *ф* заменяется посредством *п*: до кай*п*ы бискоупа 8, не*п*'тали 27б, *п*или 63, со*п*їй 70, ѥпи*п*аний 85 (крещение, богоявление, ἐπιφάνεια). Θ заменяется посредством *т* и *х*: *т*омы 47б, *т*ома 62б, *х*ома 63, до ѥ*х*иѿпиѥ 89б, оу ви*х*лиѿме 18.

10) Звуки *ж* и *з* иногда смешиваются: *ж*олъчию 13 и *з*олчь 28б.

11) В «зачеп'къ» 94 звук *ч* на месте ожидаемого *ц* находит для себя, оправдание в старинных русских памятниках, где нередкость чепь.

12) Не будет мены *ч* на *ж* в слове парали*ж*о 31, так как это заимствование из польск. paraliż.

13) Не будет мены *к* на *г* и в слове «четверг»: оу четвергъ пораноу 2б, так как с *г* это слово обычно в памятниках древнерусских (РФВ, XXII, 301).

14) Звук *ш* на месте *с* больше в словах и выражениях, взятых из польского; в некоторых случаях *ш* уже свойственно польскому языку: при*ш*тїа 27, ѿ на*ш*тїю (о наитию = об отыскании) 69; *ш*ка редне 67б, в*ш*емоц'ныи 45б.

15) Вероятно, особым словопроизводством объясняются перемены звуков в следующих словах — *д* вм. *т*: со*д*анъ 47, *р* вм. *н*: прости*р*ею 15, прости*р*ю 22б, прости*р*и 70б.

16) Не мена звуков, а скорее описки в следующих словах: мам'-нюю 21 (*м* вм. *н*), оу *бл*ибліи 41б (*бл* вм. *б*), тр*р*е 78б (удвоено *р*), нижш*ш*ими 81 (удвоено *ш*), све*тд*ьчать 57 (без нужды *т* или *д*).

МОРФОЛОГИЯ

Склонения

Имя существительное

Сначала сделаем несколько общих замечаний.

Одно слово под влиянием польского языка изменило свой род: оу пе ѿг'невый 78 (piec ogniowy). Есть еще несколько случаев перемены рода, соединенной с переменой основы: мол'ви ѥвагелїа никодемова 25б, силною войскою 46, з своюю войскою 49б.

От дв. ч. сохранились следующие остатки: после *два* и *оба* им.-вин. п. от слов ж. и ср. р.: двѣ стене 52, за две лете 56, ѡбе плече 71; изредка отмеченные формы дв. ч. встречаются и помимо указанных числительных: в р8це твои 2, клѧкла на колене 15 (рядом с «приклекаючи на колѣна» 7); от слов м. р. в указанном положении употребляется форма им. п.: два лотри 32. Из форм дат. и твор. п. дв. ч. встретились: се двема ал'бо сыногорличома 58б, двѣма конома 62, пре трома оучнема своими 73б, трима слоугама 62, с п'ресмоутныма ѡчима 13, за ѡчима 24б. Форма род.-местн.: по престы ѡчью 7, во ѡчью наши 32б, ср. 49, свѣчо ѡчью моиˣ 99.

Мн. ч. иногда с удобством заменяется словом собирательным, употребленным в ед. ч.: немилостивыѣ жидова 1, ср. еще 2, 16, 45, 52, 88б и др., роубиѥ альбо хоусты 99.

После общих замечаний перейдем к рассмотрению особенностей некоторых отдельных падежей.

В ед. ч. вызывают замечания:

Им. п. на *-а* у слов м. р., развившийся под польским влиянием: розделца 1б, водца 51. Слова ср. р. с основой на -ѧт- при им. п. на *-а* с предыдущей мягкостью согласного, как и в теперешнем белорусском наречии, вполне употребительны: звѣрѧ 43б, дѧтѧ 51.

Зв. п. также составляет вполне обычное явление в нашей рукописи: ѡ гавриле архангеле 3б, ѡ преневѣрныи злодею 1б, ѡ милый приꙗтелоу 2; у слов женского рода: марїа *матоухно* милос'тиваꙗ 9б, *панно* маріа 2, премилаꙗ *матко* 3б, *матко — дев'ко* 14б, свѣч*о* 99. Иногда, впрочем, для обозначения зв. п. достаточно поставить только междометие: ѡ пани аньѣльскаꙗ 16.

Род. п. у основ на *-ŏ*, а также у некоторых из перешедших сюда слов с основами на согласные обыкновенно оканчивается на *-а*: много деревїа 47б, д'нѧ 25, каменѧ 59, ис племенѧ 77б, того детѧтѧ 64б (два последних слова им. п. имеют по образцу основ на согласные:

племя, детя). Рядом с окончанием *-а* очень распространено у рассматриваемых слов и окончание *-у*: ѿд домоу 1б, мироу длѧ и покою 48б, с того гробоу 99б, безъ оусѧкого грехоу 3, смачнего запахꙋ 75б, плачоу 2б, длѧ того дивоу 22. Слова ж. р. с основой на *-ā* обыкновенно имеют *-ы*, которое даже заходит в слова с основами на *-й*: црквы 78б. В мягком различии довольно обычно *-е* (= древнерусскому ѣ): дше моее 11б, ѿколо шїе 29б, калдее 45, до ехиѿпие 89б, до границь ин'дие 45.

В дат. п. отметим формы на *-ови*: волкови 2; на *-и* у слов м. р. под чешским влиянием: цесари 24 (císaři). В ж. р. обычные окончания: доч'це 70б.

В вин. п. отметим замену у одушевленных формой род. п. старинного окончания вин. п.: полецаю *дха* своего 13.

В твор. п. рядом с правильными формами находим следующие особенности: после предшествующего *j* у слов ср. р. часто *-имъ*: пере ѿбличьи 35б (однако «с петьёмъ» 68). В формах, как имено 20, в фонетике мы предполагали только отсутствие обозначения мягкости *н*, но, быть может, здесь лучше видеть полное заимствование окончания из твердого различия. У слов м. и ж. р. с основой на *-ā* вызывают замечание следующие формы: старост*а*ю 31, где *а*, быть может, и не фонетическое явление, а зашло из им. п.: в «з божью волю» 69б полонизм, «моцею» 8 своим окончанием подражает основам на *-įā*: Отметим еще твор. п. на *-омъ* в наречном выражении: *силомъ* се ѿбеси 7б.

Местн. п. представляет следующие более редкие случаи: окончание *-у* у основ на *-ŏ* и на -й: ѿ моемъ сыноу 2, по заходꙋ 85; окончание *-и* у основ на *-ĭ* без замены его другим каким-либо окончанием: на ѿдно лок'ти 44б. Подобно рассмотренному случаю, и другие также отражают старину: в реце їордане 30б, хорон'це 43, оу поце(= оу опоцѣ) 15, в оце мъгненіи 49, ве дне и ꙋ ночи 56б.

Во мн. ч. им. п. представляет следующие окончания: а) *-ы* у слов м. р. с основами на *-ŏ*, *-й* и изредка даже на *-ĭ*: соуседы 88б, сыны 5, гвозды 14, 69; это *-ы*, несомненно, слышалось и после *ц* в таких случаях, как ѿд'шепенц*и* 85 и др., а также после *р*: клаштор*и* и церковы 69б; б) *-и* на месте старинного *-е*: несторыни 89б; в) *-ове*: жидове 1, перькгримове 47, оучнове 5б, 35, оуч'неве 36, три королеве 46; г) *-е* (= древнерусское ѣ): тые ѿбычае 84, помые 98, оулице 29, їаскїне 43. Слова ср. р. обыкновенно имеют д) *-а*: местца 15б, двоѧ тела 75, к'нжата 1, 26б.

В род. п. у слов м. р. очень распространено окончание *-овъ*: ѿ братовъ 1, тоурковъ, татаро 84, лотро 21б, ср. еще 43б. Это же окончание и в мягком различии (под ударением и вне его): оучьновъ 2б, соро дновъ 85б, прїатело 36б, ѿ оуждовъ 4, моужовъ 20б, ѿвош'що 94б. Рядом с *-овъ* в мягком различии бывает еще *-евъ*: злодее 43, колодезе 59, ѿдъ ѿцевъ 88б. В мягком различии попадается и *-ий*: пѣнѧзий 1б.

В дат. п. рядом с новообразованиями встречаются и старинные окончания: прода̂ жидомъ 2, ср. 8б, но берего̂ 32б, ритере̂ мои̂ 31.

Вин. п. у названий предметов неодушевленных представляет формы, сходные с им. п.: на береги 23б, в облоки 30б, соукне и̂ˢволочи велѣлъ 24; подобные же формы иногда находим и в названиях предметов одушевленных: посщеють кап'ланы 79, череѿце 1, моуже 18б.

В твор. п. очень распространено окончание *-ы* — *-и*: коулаки бьють 10, оучны своими 3б, с пънѧзи 54б; межи хретїаны да жиды на ѣстоце 45б, бо̂ на̂ боги 5. В двух последних примерах может быть форма вин., а не твор. п., так как предлоги *над* и *меж* могут сочиняться и с вин п. Окончание *-ми* встречается не только у слов с основами на *-й* и *-ĭ*, но также и у основ на *-ŏ*: с одной стороны — на̂ ѧслеми 53б, камен'ми 69, с другой — жидми 18б, ретез'ми желѣзными затворили 26б, оуми ѐдовитыми 46б, моуж'ми 97, следми конскими 48б, жо̂нер'ми 89б, пла̂ми — жалостьми 15б.

В местн. п. обращают на себя внимание формы на *-ехъ* (на месте древних -ѣхъ, -ихъ, -ехъ, -ьхъ): на свои̂ жо̂де̂ 41б, 42, на моле̂ на ве̂ блоуде̂ 46б, ѿны на гиньште̂ на дромедаре̂ такъ борздо преѣхали 48б, гоуфехъ и воина̂ 40б, ѿ члонце̂ 45б, по цере̂ (-а-) 55, ѡ рытере̂ 61б, на чале̂ свои̂ 33б, ѿ теле̂ 74б, по ты̂ слове̂ 4б, бы̂ оу тро̂ лете̂ 22б, ср. еще 42б, 68, 81б — 82. Окончание *-охъ* встречается значительно реже: по ты̂ плачо̂ и̂ жалостѧ̂ 15, в' ѧзыко̂ 72.

Местоимение

В отношении образования местоименных основ замечательны следующие слова: 1) *тот* — *той* — *тот-то*: то̂ 16б, таꙗ з'вез'да 45б, оу том'то оусходоу 38, не с тыми ть ꙗ пришо̂ 6б; 2) *кто* — *нь* — *коли*: кого нь коли оуѣсть 4б, и̂же ктонь коли — хоте̂ 39б; те же частицы прибавляются и 3) к *который*: которогонь коли 1, котороѐнь коли любо 43б; 4) *енж*: ѐнжь 17, ѐнже 38б; 5) *кажный*: ⌈кажнаꙗ кость 3б, кажного 55; 6) *каждый*: каждоую 73; 7) *усенкій*: оусенки 11б; 8) некакий 23б; 9) и̂н'ный 42; 10) што 13б; 11) тобе 14б, собе 1.

В склонении личных местоимений и возвратного более замечательны следующие формы: дат. п.: м'не 13б, ми ib., собе 1, тобе 14б; вин. п.: на мене 4б; местн. п.: оу собе 61б.

В собственно местоименном склонении заслуживают внимания: в ед. ч.:

Им. п. на *-ы- -и* вм. ожидаемого *-ый* — *ій*: и̂ны 7, таки ба̂са̂ 59б.

Род. п. в м. и ср. р. обыкновенно представляет *-ого*: ѿдино̂ 4б; в ж. р. в твердом различии *-ое*, а в мягком *-ее*: всѧкоѐ праци вашеѐ 1, смеле безь всѧкоѐ боꙗзни ib., ни ѿдноѐ годины 5б, тоѐ ночи 18, и̂с оноѐ 24б, безъ оусѧкоѐ ч'ти 91б; просьбы моѐѐ 3, ср. еще 11б, и̂зь ѐѐ...

плаканїа̑ 2б, всее̑ льстивости 2. Два раза встретилась форма род. п. ж. р. *еи*: зь е̑й же 40б, оу е̑й же бы 58.

Дат. п. ж. р. встретился один раз на *-ей*: к которей 4, в чем следует видеть полонизм.

В вин. п. ж. р. отметим: е̑е̑ малюють 45б; тѹю 1б, оу сюю но 5б: В «ничто» после предлога отделяется «ни»: в ни ве што 55б.

Твор. п. особенно замечательных форм не представляет: ѿдны 6б, ср. еще 81; чиею моцею 8.

В местн. п. вм. ожидаемого «тымъ» с предлогом встречаем: ѿ то 41, оу то 53.

Во мн. ч. в им. п. обращают на себя внимание формы: аны 92, ѿны 35б, такое̑ ѿд'ны ѡсли 44б; тый люди 25, ѳижь — пош'ли 51; вси 1, 5, оуси 5, 35б; тые̑ 8, 84, мое̑ 3, 26б, твое̑ ib., кторе 82б (полонизм); оусѧ местца 15б, ср. еще 36 (форма церковнославянская).

В род. п. встретилось ѿды ныхъ 54б(=от них).

В дат. п. отметим «всимъ» с *и*, как и в других падежах мн. ч., под влиянием им. п. вси жидо 2.

Вин. п. обыкновенно представляет те же окончания, что и им. п.: на тые̑ слова 6б, призвавши — ѿные̑ моуже 18б, роуки свое̑ подносила 14, в роуки ваше 1, рѹце твои 2; при названиях одушевленных предметов употребляется иногда и форма род. п.: надо все 2.

Твор. п. в самом окончании особенностей не представляет; только местоименная основа иногда заменяется основой прилагательных: с ыными 40; еще отметим: пере всими 2, межи оусими 4.

На окончании местн. п. сказывается влияние имен прилагательных: на ты местъ 1, 20, по ты слове 4б.

Имя прилагательное

Именная форма прилагательного встречается довольно редко, больше в роли составного сказуемого: скотоу е̑сть *приробнана* 1б, панна марїа была маленко *велика а телиста а смѣда* 71, звѣз'да *нероухаюча* была 92б; вы *чисти* е̑сте але не оуси 5, как мы ѿцю папе — *послоушни* 76б. Реже краткую форму прилагательных можно встретить в других случаях: держить твоѡ *наймилеша* матоухна 14б, братїа *жеброуча* 90, дитѧтко *повито* а *положене* 43. В только что приведенных случаях прилагательное, быть может, представляет и не именную, а стянутую форму. Иногда краткая форма может быть объяснена как полонизм: то *слепе глоухе хроме горбате* — оуздоровлѧе̑ 16б, ѿ*пришне* домы 43б, кгарбате 87, г'рехи *свѣтьске* 26, оумер'ле 28б, *неме* речи 13б, *наимилейше* дочки 4б, вси сыни *человече* 5, ї аскї не *подземъне* 43, в роубе *шокове* ѿблочисѧ 97. Выделивши все эти случаи, действительно кратких форм прилагательных найдем очень мало: *дочева* к'ропл ѧ 81б, ѿднакове е̑моу *лихо* 25, г'возды *бжье̑* 69б, тела *їсава* 22б, с помоцью *бжью* 65б (полонизм?).

Сложное склонение имен прилагательных отражает на себе сильное влияние местоименного склонения; кроме того, разные особенности в этом склонении возникли под влиянием аналогии тех или других образований. Как более выдающиеся формы, отметим следующие.

В ед. ч.:

Род. п. м. и ср. р. на *-ого*: милостивого ба 1, баранка великоденного 2б, мѣденого 4, ѥдовитого алюбо смер'тного 35б, чоутїа нoного 43, поган'ского 94, до нинейшого днѧ 40б; в параллель указанному окончанию в мягком различии встречается *-его*; говорѧчего 13, верхнего ба 4, третьѥго д'нѧ 25, бжьѥго ȣстанїа 30, ср. еще 45; в «смачнего запахȣ» 75б, конечно, полонизм. В ж. р. встречаем следующие окончания: a) *-ое*—*-ее*: таёмноѥ рады 1, смерти крижевноѥ 3б, ѿпатриности бжьѥѥ 96; β) *-ои*—*-еи*: стой сопїй 70, нестирьпливои 70б, приближающей смер'ти 2; в «добрей»: люде' добреи воли 43 (полонизм).

В дат. п. ж. р. раз, по-видимому, встретилась форма род. п.: коу сил'ноѥ смутливости 2б.

В местн. п. по *долге* часе 4б (полонизм).

Во мн. ч. им. п. представляет следующие окончания: α) *-їи*: наймилешїй 2, оубогїй 44; β) *-ые*—*-іе*: немилостивыѥ 1, незбедныѥ 2, прегоркїѥ слезы, 3, писма коториѥ 3; γ) в ср. р. встретилось *-ая*; к'нѧжата капланьскаѧ 1.

Из других форм, как более замечательное соединение, отметим: до человечьйхъ ѿчью 49.

В заключение отдела о прилагательных отметим еще более редкие случаи сравнительной и превосходной степеней, таковы: лишей 10, поущихъ (хуже) 88б, лац'ней (удобнее) 12, горѧтше 45б, долъжша 63, богатше 65. Превосходная степень обыкновенно образуется посредством разных приставок: преневѣрный 1б, прегоркїѥ 3, премилаꙗ 3б, наймилешїи 2, ср. еще 14б.

Имя числительное

Численные обозначения в рассматриваемой рукописи встречаются довольно часто, причем попадающиеся формы числительных в большинстве случаев очень интересны, таковы: ѿбадва 77б, двоухъ оучьновъ 2б, двѣма 42б, се двема 58б, в обею ноз'дрей 12, ты ѿбею 79; тро 22б, трима 62, трома 73б; ѿдиннадцеть 93б; двонадце 20б, 86, дванадца 49, за двоунадцети 1б, ѿдны зе двоунадцетї 1б; ве тренадцете дне 56; восмо натьцеть лете 16; двадцеть 89; тридцеть 2, 20, тȣю тридца 1б, с тридцетми пѣнѧзи 54б; сорокъ 19б, 85б, оу сороце 90; над сте двадца и пѧми змлıми 46б; двѣстѣ 39б, двѣсте 68, во двоу стоу 16, ср. еще 89; трима сты 81—82, тсѧчию дирь 11, тисѧць тисѧчей 15; здесь в слове «тисяць» польское или, скорее, чешское влияние (tysiąc, tisic), как и в нижеследующих случаях: тисеце й двѣсте 39б, тисеций 1, тисѧций 93б. Нами указаны более редкие случаи числи-

тельных количественных и порядковых; из других образований отметим: двоѧ тела 75, семера ре 25, двойжда (= дважды) 70б, двойчи (= второй раз) 27, тройжда 73.

Спряжение

Прежде всего рассмотрим некоторые особенности в образовании глагольных основ. Понятно, речь будет лишь о тех отступлениях, которые произошли на почве западнорусского наречия, или же хотя и развились раньше, но удержались только в нем; некоторые впрочем из рассматриваемых особенностей спорадически попадаются и в других русских говорах, а иногда они отражают глубокую старину. Так: а) для обозначения вида многократного не употребляется суффикс *ыва* — *-ива*; на месте его обыкновенно находим *-ова* или *-ава*: ѿбрез*ова*ют'се 88б, вид*ова*на 92б, оуздерж*ава*еть 92, ѿсвѣч*ава*ла 48б, повѣш*ава*ли 72б, оук*аза*ватисе 30б, ȣказ*ава* 49, не заказ*ава* 39, приказ*ава* 31, 65, попис*ава*ли 83, неслых*ава*ны 33б; ѿплак*ева*ла 15б. Глаголы рассмотренного типа по своему суффиксу, значит, ничем не отличаются от таких, которые в русской литературной речи имеют суффикс *-ова* — *-ева*; таковы, например, в рассматриваемом памятнике: крижали 14б, 35б, ȯукрижавати 9б, оукрижавали 31, вымоураваны 44б, пописавали 83. В настоящем времени на месте *-ова-* имеем *-yje-*: поприсѧгоую 26б, но иногда *-ова-* заходит и в настоящее время: целовають 93. Суффикс *-ыва-* — *-ива-* встретился лишь в двух словах: ѐд*ыва*ли 80, выгон*ива*ли 81; б) длительность действия, как и в русской литературной речи, выражается еще посредством суффикса *-а-* и изменения гласного в корне; однако этот гласный бывает не *-и-*, а *-е-* (= основ. ѣ) как в польском языке, откуда оно, вероятно, и зашло в язык рассматриваемой рукописи: оуб*е*рали 77б, заж*е*гали 55; сюда не относится оусм*е*ри 82, отражающее старину: церковно-славянское **оуськмѣрити**. Образование вроде нашего литературного представляет форма: пирала (мыла) 59; в) особый суффикс (*-е-* вм. *-и-*) представляют следующие глагольные формы: твор*е*ли 56, изоум*е*лисе 34б, 37, моуч*е*ли 7. Суффикс *-е-* на месте ожидаемого *-а-* имеем в следующих словах (быть может, здесь и фонетическое явление): побеж*е*ти 81б, слыш*е*ли 56, оуслыш*е*ти 72, посщ*е*ють 79; г) суффикс *-ну-* (= нѫ) иногда стоит не в тех случаях, где имеем его теперь: ȯбвиноу 37б; д) под влиянием глагола «слыхать» (например, слыхали 40) употребляются такие формы, как выслоу*х*ай 3; е) основа настоящего времени иногда оказывает свое влияние и на основу неопределенного наклонения: не вид*и*ло 3, вид*и*ла 13б, хотя здесь можно бы видеть и фонетическое явление, так звук *е* (= ѣ) здесь безударный и стоит после ударяемого слога. Конечно, старина в таких случаях, как: процв*и*таѐ 38, процв*и*тала 52.

Обращаемся к образованию форм.

Неопределенное обыкновенно оканчивается на *-ти*: быти 2б, дрыжати 5б, ротитисѧ й клѧтисѧ 8, оумерети 42, ника не видети, ани знати 80б, ѿдьц'витати 90, схноути 94б.

Из личных окончаний более замечательны:

В ед. ч. 1 л. на *-ми*: ѧ ѥсми 6б, не ѥсть ѥсми ѧ оучнкъ 7б (на польский лад для передачи jestem). Другие глаголы имеют *-у*—*-ю*: *моушоу* ꙗ быти 2б, даже -ꙗ: ведаю 1 вм. ожидаемого вѣмь.

Во 2 л. некоторые отличия также находим в форме глагола ѥсмь: ѥсть ѥси 7, ты си ли ѥси 8б; остальные же глаголы имеют обыкновенное окончание: бье 8.

3 л. оканчивается на *-т* мягкое, иногда это окончание отсутствует: ѥсть 68, свѣтча 30[10].

В 1 л. мн. ч. отметим окончания: *-мо*: ѥсмо 6, 30б, и *-мы*: хочемы 6, мы держимы 8б, ѥсмы, понимы 98б.

3 л. мн. ч. представляет также в окончании *т* мягкое: єсоу 52, честоуть 96.

Повелительное наклонение рядом со старинными формами представляет немало новообразований. Так: а) в окончании формы 2 и 3 л. ед. ч. рядом со старинным *-и* находим и потерю его (орфографич. *-ь*, *-ъ* или отсутствие их): добрыи днь *боуди* вамъ 85 (3 л. повелительное на старинный лад), *чинь* бръз'дей 6б; б) 1 л. мн. ч. оканчивается на *-мо* и на *-мы*: але выберемо 36, коу прочатїю се вер'немо 39, полимо 33; радоуймысе 33; в) 3 л. мн. ч. выражается описательно: нехай зымають 1; г) старинный суффикс повелительного наклонения -ѣ- у глаголов типа нести и под. находит отражение и в данной рукописи: пойдете 2б, взмете кнѧжата ворота ваша, а вздоймитесе ворота венаꙗ 26б; даже—скажете 32б. Рядом с *-е-* (=ѣ) однако находим и *-и-*, а также потерю гласного: возм*и*те 26б, вздоим*и*тесе оулице 26, оустан'те а ѥсте х'лѣбъ 38.

Причастие настоящего времени представляет следующие окончания: а) *-а*: не мога 4б, боуда 19б, 28б, 51б, возма 30б, бача 23, клича 24; б) *-учи*—*-ючи*: рекучи 2, плачꙋчи й рекоучи 99, бачоучи 4б, надеваючисе (=надеясь) 6, приклекаючи 7; в) *-уче*—*-юче*, *-аче*—*-яче*, *-ече*—*-иче* (оба из *-яче*): пришли—принесоуче 14, плакали смоутечесе 15, бꙋдете мочаче 30б, гледѧче 33, христиче 35б, ѥдꙋче и пьюче йс ни 37, стерегоуче 43, розоумѣюче 56б, были жидове дрыжача й скрыжтаюче 20. Как в последнем примере в *-ача* (дрыжача) следует видеть фонетическое изменение *-аче*, так фонетическое же явление будет и в *-ячо* нижеследующих примеров: не води хотѧчо 28б, держачо 29; г) раз встретилось причастие на *-ющи*: звѣзда горѧющи 85. Причастие, имеющее указанные окончания, не склоняется; лишь когда имеет форму прилагательного, оно изменяется по падежам: дрыжачий 4б, далеко боу-(доу)чихъ 55б, вѣроующи оу себе 28.

Причастие прошедшего времени обыкновенно встречается в неизменяемой форме на *-въ* или *-(в)ши*, изредка *-(в)ше*, *е* которого может

---

[10] В рук. Синод. библ. № 331 встречается 3 л. ед. ч. на *-ти*: хотѧ писмо говорити 99б; то же и в рук. № 203: так говорити 436б.

фонетически измениться в *о* или *а*: ѡбротивсе 41, оузѧвши 1б, присѧгноувши ib., здрапавши 99, ѹслышавша 35б, шод'що 31б; отметим еще старинную форму выне (=выняв) 6б.

Для образования описательных времен употребляются причастие на -лъ и разные формы глагола ѥсмь — быти. Так, для прошедшего совершенного (perfectum) к причастию прибавляется настоящее глагола ѥсмь, причем в 3 л. ед. и мн., а иногда и других формах оно может опускаться. Примеры:

1 л. ед. ч. ѡбеца ѥсми 1, пришо ѥсми 2б, ꙗ ѥсми пришо 6б, согреши ѥсми 7б, не вида ѥсми 20б, христи ѥсми 26, ѡбвиноу ѥсми ѥго 34; бледа сталасѧ ѥсмь 5.

2 л. ед. ч. ачь ѥси не хоте 1б.

3 л. ед. ч. ѥсь оушо а проси 14; оубачи 1, чоува альбо слыша 2, не имел 6б, оуспоменоу 24б, ѿтѧ ал'бо ѿсеклъ 63, ѥго бе коуси 85б, сталасе ѥсть 1.

1 л. мн. ч. ѥсмо мели ѥсти 6б.

2 л. мн. ч. могли ѥсте зымати 1, оумерши ѥщо ѥсте не были 27.

3 л. мн. ч. магли 14, рекли 16б.

Дв. ч. 2 л. молчала ѥста ѡба 13; 3 л. (Иосиф с Марией) йже оубогїи были оусе мѣсто ѥста ѡк'роужила 44.

Давнопрошедшее (plusguamperfectum) выражается причастием на -лъ и прошедшим совершенным глагола ѥсмь: былъ есми и т. д.: коли оу теле жи ѥсми бы 27б, дала бы ѥси была 1б, срце было моусилосѧ россѣти 7б.

Условное (conditionalis) отражает собою старинное образование при помощи формы бъіхъ, присоединяемой к причастию на -лъ. Иногда, однако, вместо форм от бъіхъ употребляется *бы* в соединении с формами настоящего от ѥсмь: што бы ми ѥсте йхъ не ѿнимали 1, протежь коли боудете хотели ймати їса штобы ѥсте не йзымали ꙗкова 1, оучинь такъ што быхъ ꙗ перво оумерла 3, не бы бы вида жидо 8б.

Будущее I выражается так же, как и в литературной речи; кроме *буду* иногда с неопределенным еще употребляется *хочу*: еще петоу не запоѥть 5б, сполнѧтьсе 26б; што ми хочете дати 1.

Будущее II выражается причастием на -лъ и формами глагола бѫдѫ: боудете хотели 1, боудоутсѧ кланѧли 17б, боуде рѧди 51.

Формы страдательного залога отражают разные образования этого рода в старину: обыкновенно в состав их входят причастия страдательного залога и разные формы глагола ѥсмь — быти. Примеры: речено ѥмоу 5, оувидены ал'бо оубачоны 42, вз'гоужены 79, потоупле ѥсть 7б, хръщены ѥсмо 30б, завешины были 22, потоуплены были ѥсте 30, абы ѥсмы не заманы 29, боуде зва 66б, была видована звѣзда 92б; ѥсть оузѧ 27.

Простое предложение

Согласование подлежащего со сказуемым: самъ и с моуж'ми законными приймивали покормъ 97, кто мече боює̂ть ѿ меча погибаю 6б; коли ёрлимъ взѧто а цркввь бью злоупено 60.

Особенности в выражении сказуемого. Тут рассмотрим случаи составного сказуемого: поча дрыжати и троухле быти 5, гораздъ ѥ̂сми перенѧ 3, семера ре моуси быти бачена 25, панна марїа была маленко велика а телиста а смѣда 71, вы чисти ѥ̂сте але не оуси 5, таёжь соу та м'ногїє комары и їаскїне подземъне 43, боуда злос'тный члвкъ 19б, чи ты ѿ оуч'новъ ѥ̂го ѥ̂си 7, бы снъ ѥ̂вфимиѧно 97. Еще следует припомнить случаи выражения составного сказуемого посредством причастия настоящего времени и форм глагола ѥсмь, о чем речь была в спряжении.

Пояснение имени существительного. Тут особенно замечательно употребление дат. п. принадлежности вм. ожидаемого род.: й нѧвши правицю *адамови* 27. Из других случаев отметим: слава на вышни боу и на змли миръ *люде добреи воли* 43.

Пояснение имени прилагательного: много деревїа 47б, на д'вонадцеть сажновъ широкъ 86. Тут же отметим пояснение превосходной степени: надо все лишей 10.

Пояснение глагола, будет ли он сказуемым, или другим каким-либо членом предложения: пошоши ѥ̂оуфимьѧноу ѥ̂го оумерши нашо 98б, бы оу тро лете 22б. Особенно замечательны некоторые случаи подчинения глаголу, большей частью отступающие от нашей обычной речи: приближающей смер'ти провѣдати 2, доконавши того плачоу 2б, выслоухай последнеѥ̂ просьбы моѥ̂ѥ̂ 3, грешны се смиловати хоте 42б, стерегоуче чоутїа ноного 43; плач'те сами на себе 10, помѧни на мене 22, зо псоты нарожо 18б, за знамѧ даваю 1, за шию били ѥ̂го 99, за шию бьють 7, бежала домъ ѿд домоу 1б.

В обозначении времени имеем несколько более или менее замечательные случаи. Так: а) время совершения действия выражается род. или местн. п. без предлога: терпѣла ѥ̂сми тоѥ̂ ночи 18, часоу нароженьѥ̂ бжьѥ̂го 45; пришо вечере 1б; б) при тех или других падежах употребляется еще предлог: на ты местъ (=в то время) 1, 20б, не соблажнѧйтесе оу сюю но 5б, по ночи ѥ̂здѧ 46б, по слнцю заходѹ 85. Особенно интересны в) способы выражения времени в нашей рукописи при помощи разных числительных: пѧ тисѧчей лѣтъ. и пѧ со лѣтъ 26б, во двоу стоу й ве двоу летоу 16, ве двоу стоу оу шести десѧ й восми лѣтъ 89, оу лете соро й двѣма 42б, оу лете бжьѥ̂го нароженїа тисѧчо трима сты соро и в одномъ лете 81б — 82, королева оу летехъ оу тисѧчи

ве т'риста и оу сороце лѣтъ 90, при лѣте божьего нароженїа двѣсте тридцать й четыри 68, над сте двадца и пѧми змлѧми 46б.

В обозначении вида глагола отметим следующую особенность: не найдоу 19 вм. не нахожу.

Вместо формы страдательного залога употреблено неопределенное действительного залога: нимала не чоути (= нисколько не слышно) 92.

Повторение предлога встретилось только в одном случае: в ни ве што 55б (= ни во что).

Сложное предложение

Придаточные предложения, заменяющие имя существительное: кто мече боюѥть ѿ меча погибаю 66, который боѧсе смрти моци своѥи противит'се 26б, блгвленъ ѥнжь пришло 17, не чи не то который воскреси лазорѧ 26; што мене слоухали ѿто тыѥ вѣдають 8.

Замена прилагательного: водца йж' боуде рѧди лю мой 51, села которы бо превороти єсть 86; напонилисѧ соу дни абы породила 42б.

Придаточные предложения, поясняющие глагол: реклъ ꙗ ведаю гораздъ вы чините а которыѥ соуть рады ваше 1, рекоучи ѿ милыи приꙗтелоу 2, реклъ не с тыми тьꙗ ѥсми жиды пришо 66; присѧгноувши. йже то што ѿбецалъ пополнити ме 16, не потребуѥть штобы головоу мылъ 5, хочемы штобы ѥсмо выслоуханы были 6; кажи ми ты си ли ѥси хъ 86; што оучинимы. полимо 33.

Сюда же принадлежат и случаи так называемого accusativus cum infinitivo: надеваючисе ѥщо гна тамо быти 6, клича себе бѣдного быти 24б, знали ѥсмо того чорнокниника быти сна ѥзопа тесле йз марїи нароженого 16б.

Придаточные предложения времени подчиняются главному: а) посредством союзов; седите тоу *ажь* ꙗ поидоу а молитесе боудоу 5б; б) чаще они выражаются сокращенно посредством причастий неизменяемых: жидова — *мешкаючи* говорѧ 45, ѥижь *выслоухав'ше* королѧ пошли 51; в) есть, наконец, случаи, так или иначе отражающие старинный дат. самостоятельный; вм. дат. п. причастия может быть и неизменяемая причастная форма: *милостивомоу гоу* ис своѥю... маткою ... та *боудоущи*. да марїа поздравила ѥго 16, того таке *мнѣ боуда* старостаю — бо ихъ прислалъ бы 31, оуч'нове ѥго оу ночи *намъ засноув'ши* оукрали 35, їѿсепъ позно ѹже *смеркаючисе* пришо 44.

Выражение причины: оуста кртѹсъ йз мерты ка поведа. радоуймысе 33, того д'лѧ званы звездозор'ци май какбы болше розоумѣюче 56б.

Предложения образа действия: согреши ѥми *выдаваючи* 76, *шод'шо* говорите 31б, жона — текла *плачѹчи* й *рекоучи*. беда мне йже нинека ѿпоустѣла ѥсми. и стала ѥсми оудовою 99, *плачоучи* говорила ахъ ти м'не ахъ те мне верните ми прошѹ ва тело... 13б; да цность *какъ бы*

ѡдно нерозоумноѥ скотоу ѥсть прировнана 1б, але тая з'веѕда не такая ꙗко оу наши сторона оу церкъвахъ ѥѥ малюють 45б.

Выражение условия: штобы когонь коли оуѥсть... на мене возри 4б.

Предложение цели: скиноули роуками штобы дано и таблицю а кґрап'коу 33б.

При соединении частей слитного предложения союзы могут опускаться: ѡди тѧгне оукроу проти. йны оуза 7.

СЛОВАРЬ

Ажь польск. aż пока не: седите тоу ажь я поидоу а молитесе боудоу 5б
ал'бо польск. albo или, т. е. пришли ал'бо воли 50, тома ал'бо фома 64б, боже на помощь мою ал'бо дев8 и адиоутороумъ 70
алюбо или: 2б, ѥдовитого алюбо смер'тного 35б
аньѥльский ангельский: аньѥльская пани 16
ахти увы: ати м'не 24

Баволна польск. bawełna бумажные нитки: бавол'ною 59б
баса 59б balsam бальзам
блиблия библия (если не описка): ꙗко ѡ то оу блиблий поспоней писано 41
блоудъ 90
боранокъ 2 барашек
борздей быстрее, скорее: чинь боръѕдеи 6б
борздо 48б быстро, скоро
борзо 4, 24б = борздо
ботъ сапогъ: оу боты ѡбоуть ѥго 62.
боевати польск. bojować воевать: кто мече боѥть 6б

Вага 61б польск. waga вес
вадца свидетель: вадцами 8б
велѣти: велѣлъ 24б
вечерѧти ужинать: вечерѧючи 2
вечерѧ: в обе и оу вечерю 90б
взгудить: в'згоужены 79
виденїѥ: лица албо виденїѥ 65
вилкость польск. wilgoć, старопольск. wilkość (Линде. Słownik, VI², 324) влага: ѿто всеѥ викости крѡвноѥ 2
вин'ница польск. winnica виноград 94б
влазъ польск. wlaz самозванец: влазове албо фалшаре 18б
водца 51 чешск. vůdce вождь
войска: войскою 49б
волость область 9
вонкахъ вне, на дворе: которыи вонкахъ седить 98
ворожа: ворожоу киноувши киноули жеребьй 21б
воцемѣгеніи = в оце мъгненіи и во мгновении ока 49
встокъ: ѿто встока 51
вежды однако 49, 59б
вещьба: без вѣсти ал'бо безъ вещьбы 95б
вѧдно — з латинскаго [illegible] как бы дорога пекел'ная 25

Гадка польск. gadka разговор: по гадка 19б
гвоздъ: гвозды 14
гиньштъ: ѡны на гиньште — преѣхали 48б
гнитъ: оу той вин'ници оуже гниты гиноули 94б
голе албо розги 17
гораздъ ѥсми перенѧ 3
горнець горшок 59б

горѧющи: звезда горѧющи оуказала 85
госпожа: госпаже 4
гр'оши деньги 53
гукъ: плачи алюбо гоуки 10б
гучети шептать: гоучела 11
гуфъ польск. huf куча, толпа, часть войска: гоуфехъ и воина 40б
Дахъ польск. dach: по да албо оу подворьё албо оу до 44
датіє: коу датію 27б
диво чудо: длѧ того дивоу 22
дирѧ: тсѧчию дирь 11
длѧ ради: мироу длѧ и покою 48б
днина день: стаꙗ днина 20б, каждоую днинѹ 73
добро ѹтро да 24б, поздоровался
докоу 1 пока
дромедаръ верблюд дромадер: на дромедаре — преехали 48б
дубчикъ розга: доубчики 59б
дѣвка дева: ѿто девка поне и породи сна 41
дѧкую благодарю: дѧковал[11]
дѧтко дитятко: наймилейшое дѧтко 2
Єнжь старопольск. и чешск. jenż который: блгвлёнъ єнжь пришо 17, єнже 38б, єйжь выслоуховше королѧ пош'ли 51
єстьли єси 7 если еси
Жакгель польск. żagièl парус: вси пароусы албо жакгле 75б
жебрать — жебровать польск. żebrać просить милостыню: братіа жеброуча 90
жекгларь польск. żeglarz мореплаватель: перевоз'ника ал'бо жекгларѧ 90
жеть что вот: жеть ꙗ йдоу 12б
жолдъ польск. żołd жалованье, плата (немецк. Sold): на свои жоде 41б
жолнеръ польск. żołnierz солдат: жонер'ми 89б
Занькелъ польск. zankiel с немецк. Senkel пряжка: занькелъ пойсовый 97
заню 1 так как
запрети польск. zaprzać, старое zaprzeć: запрело албо не дало 66
зашийкованіє удар в шею: оуплеваніє зашийкованіє посмеваніє 6
зборъ албо рада 32
звѣрѧ животное 43б
зрапати разорвать: здрапавши роубие 99
злодей: злодее албо лотро 43б
злоутьца 2
знамѧ албо оуди 32
зрастъ: лица албо виденіє на зрастъ песій 65б
Иже, ижбы quod, ut, что, как
Какъ 76, какъ мы ѿцю папе несолоушни 76б
калваріє польск. kalwarya лобное место: на мѣстце калваріє 10б
кали = коли когда 14
калѣчий бедный, дешевый
капланьский польск. kapłański: кнѧжата капланьскаꙗ 1
кап'лич'ка 42б польск. kapliczka часовенька
кацерьство польск. kacerstwo: кацерьствомъ 67б
кграйка: скиноули роуками штобы дано и тарлицю. а кграйкоу 33б
келихъ польск. kielich: кели албо чаша 5б
клѧкнѹти польск. klęknąć: клѧкла на колене 15

[11] Слова без точных обозначений страниц рукописи взяты из ст. П. В. Владимирова «Житие святого Алексея» и т. д.

клѧшторъ польск. klasztor монастырь: клаштори и церковы 69б
коваль кузнец: ковалѧ 89
коли когда 24
коллекгиюмъ аљбо собранїє 70
комара: соу та многїє комары 43
коморочка: с того дом'коу и коморочки 58
крегкость унижение: оу — крегкости 49
крижъ польск. krzyż: крижа аљбо крта 64б
криница милости 16 источник милости
кроплѧ польск. kropla капля: 1, 59б, дочева кроплѧ 81б
ктонъколи: иже ктонъколи хоте 39б
коуръ запе 8; тут же петоу

Лац'ней польск. łacny способный, удобный 12
левартъ польск. lewart герб со львом: леварты 50б
лихо: ѿднаково ємоу лихо 25
лотръ польск. łotr. разбойник: лотро 21б, лотри 32
льстиве 1
лѧц'ноути старопольск. łacnąć алкать 55б

Маи (-maji или maħi), польск. magi: того дл'ѧ званы звездозорци маи какбы болше розоумѣюче 56б
малерь польск. malarz: до малерѧ 24
мары польск. mary ложе: на мара лежачого 98б
матица: матице 59б
матка: матко — дев'ко 14б, матки 45б
матухна: матоухно милос'тивая 1б, 14б
межи между: межи себе да межи сына 2
метрополитан'ске 74
мистръ 42 польск. mistrz
молъ мул: на моле на веблоуде 46б
молвити: молатъ тежъ и жидова 25, молви 52б, 50
мохнаты 65б волосатый
моць польск. moc власть: держоу моць 9
моужобойца: неправедного моужобойцю 9б
мъдлость 14, польск. mdłość слабость
мѣсто город, мѣстце место, на тыхъ мѣстъ protinus тотчас

Надеватисѧ надеяться: надеваючисе 6
нашто зачем 6б
незбедный польск. niezbedny поганый, неуклюжий: незбедныє жидава 2
незнакомитъ неизвестный ignotus
нине 2, нинека hodie, nunc
нѧтца 9б (вин. п.) узника
нѧтьство: абы єсмы незаманы нѧтьство держачо 29

Обдарил contulit
облюбеница польск. oblubienica невеста
ѡбличье лицо: пре ѡбличьи твои 2, 35б
ѿва ecce вот: ѿва папа 98б
огарненого circumdatum окруженного
ѡгневый огненный: возо ѡгневы єсть оузѧ 27, оу пе ѿгн'евый 78
ѡдва едва 15, веды ѡдва 59б однако едва ли
ѡднова однажды, один раз 43
ѡдрина сарай с сеном 43б
ѡдщепенець польск. odszczepieniec: ѡдщепенци (= схизматики) 85 и др.
ѡкеїано 47

ѿколо шїє 29б

ѿкроутно, польск. okrutnie строго, без милосердия 11

ѡлижь когда, пока: ѡли — оучини 4

ѿпатриность польск. opatrzność промысл: ѿпатриности бжьѣѣ 96

оплавитость copia изобилие

ѡпока польск. opoka скала, камень: ѡпоки 13б, оупоце 15

ѿпришныи собственный, отдельный: ѿпришне домы 43б

ѿпрѧноути: ѿседла албо ѿпрѧноу 37

ѿпцевати польск. obcować жить вместе с кем 84б

ѡсегнути польск. osięgnąć получить: ѡсегноули 2б

ѿкоулѧ 43б

ѿтола 97

ѿтѧ албо ѿсеклъ 63

ѿтоулѧ 50б

ѡчоувисте 51б польск. oczywiście

Паганка язычница: матки паганки 45б

пастевный польск. pastewny для пастбища: патевнаꙗ 45

пахати: которого члвка на рытерьство пашуть 61б

пекел'ный польск. piekielny: дорога пекел'наꙗ 25

перво сначала: перво оумерла 3

перькгримъ peregrinus: перькгримове 47

пилне diligenter

писмо 50

питомый собственный, домашний: питомого слугу

платъ або роубъ 24

пл'еча 92б в каком-то особом смысле, вроде мощей или гробов

подобен'ство 38 польск. podobieństwo

поживати польск. pożywać есть: поживали баранка великоденного 2б

полатине 70, полатынски 78

полецати — полецити польск. polecać — polecić поручать, оставлять: полецаю дха своєго 13, волкови полецила 2

помыє помои 98

понарѧити посоветовать: понарѧють 85б

по 65б

порочничкоу 17б

поселкини польск. posełkinia посланница 71

посполоу 11 польск. pospołu вместе

потками польск. potkać встретить: поткали 56

праца польск. praca работа: всѧкоє праци вашеє 1

прево00ротити: села которы бо превороти есть 86

прибыте польск. przebytek-przybytek пребывание, жилище 65

предъ вследствие: пред жалостїю 11

пресмутный: с п'ремоутныма ѡчима 13

п'решередный: прешередными оустами 6б

п'рипуженый pulsus

п'рисѣнокъ atrium: у присѣнкоу

простира простыны: на простири

п'росто igitur

п'рочатиє начало: коу прочатїю се вер'немо 39, 52 и др.

прѧгноу алюбо хочетъ ми се пити 13

псота польск. psota похоть: зо псоты нарожо 18б

поуга кнут: поугами били 21б

пъке, т. е. пекелъ ад 27

петїа ал'бо спеванїа 72

Рада польск. rada: зове ва зборъ албо рада 32
радити судить, советовать: водца иж' боуде ради лю мой 51
ретезь цепь: ретез'ми железными затворили 26б, царь славы ретев оу роуце своеи держа сотоне около шіе обвяза
ригати извергать блевотину: ригали 7б
розделца польск. rozdzielca 1б
розлудца при польск. roslączcza 2
роз'маитый польск. rozmaity различный: воз'матыми 85 (описка)
роубие албо хоусты 99 одежды
рубъ одежда: в роубе шокове ѡблочися 97
рухаючий: звѣз'да не роухаюча была 92б
рухо польск. rucho одежда: седра роухо свое 8б разодрал одежды
рытеръ всадник, рыцарь: ѡ рытере 61б, ритере мой 31
рытерьство 61б
речь польск. rzecz предмет: неме речи 13
рядъ живота ordinem vitae
Свиренъ амбар, сарай: с свирны 71
свѣдок свидетель
свѣдочьство 18 свидетельство
сгроумажные 94 при польск. zgromadzić собрать
селене 44б
серединникъ матки й сына 2
силомъ се ѡбеси 7б
синогордлица, польск. sinogardlica горлица 97б, се двема албо сыногорличома 58б
ситола название одежды: ситолоу 30б
скаредный tristis: скаредное платье
скатерти 87б
ск'вара польск. skwara жара: сквароу солнечноую 83б
смядый польск. śmiady смугловатый: смеда 53б, панна марїа была маленко велика а телиста а смѣда 71
смеле безь всякое боязни 1
смутливость 2б
снуръ пояс: сноурами zonis
спижъ: се спижали 49б (не в связи ли со spiża кушанье?)
спросный польск. sprosny порочный: спросные кацери 84б
страва потеря: стравоу 75б
соудъ, соудина navis
соукня польск. suknia 24
Таём'ный польск. tajemny тайный: таёмное рады 1
таемнице secrete
тамока там 5
тар'ча польск. tarcza: тарчоу албо щи 89б
теж et
тека курьер 17
тлуща польск. tłuszcza толпа: тлоущами 52б
тогды 1, тогды перво (= впервые) 77, 64б, 90б (тагды)
толъщея: йс толъщей вых'ватилъсе 6б (из толпы)
тресеченьёмъ преграздны 54
трухленъ при польск. truchleć слабеть: поча троухленъ быти дрыжачий 4б, поча дрыжати и троухле быти 5б, трохленъ на нога стояти не моглъ 7
тямити: не тямили 54б
ОУдивъ: знамя ал'бо оуди 32
оудолжиноу вдлину 86
оузгороу вверх: роуки свое оуз гороу подношла 14
оузрасъ: нося платье на то оузрасъ. и ты ѡбычаёмъ 80

оузрокъ visus
оужище веревка: оужишча 48, ср. 72
оукоротце вскоре 2
оукрȣ̑округом, окрест 44б
оумерливый: оумерливы 28б
оусегда 65б, оусегды 9б
оуставичон быз оу молтвах perseverabat.
оуствица: выливають оув оустьвицю 59б
оучоути: оучоую audiam
оуѣсти польск. ujeść ужалить: штобы когоньколи оуѣсть... на мене возри̑ 4б

Фалшаръ польск. fałszarz лгун: влазове албо фалшаре 18б
флѧшка польск. flaszka бутылка: флѧшки 85б

Хвили польск. chwila минута: по хви^ли 27
хлюстъ польск. chlust: сорокъ хлюсто̑ безъ ѡдного взѧти 19б
хмура туча: хмоуры 49б
хорогви 17б
хоронка 43, с того дом'коу и̑ коморочки, в ыноую хоронкоу поземноую 58
хуста польск. chusta: хоусты пирала 59, роубиѥ албо хоусты 99

Цн'ота польск. cnota: ц'нотоу 9б

Чему quare
червоный: червоного морѧ 47
чирвоный: море чирвоне 47
чи ли, разве: чи ты ѿ оуч'новъ ѥго ѥси 7
члонокъ польск. członek член: ѿ члонце̑ 45б
чути: чоува̑ альбо слыша̑ 2, не моглъ ѥси ни ѿдноѣ годины чоути со мною (=пободрствовать) 5б, реклъ имъ чоуите а молитесе ib.

Шебунокъ: блоуды и шебоун'ки 90
шибеница: шибеницю 24
ширинка: ширинкоу ал'бо ѡброусець 17
шлехетне польск. szlachietnie 48
Ѩскинѧ польск. iaskinia пещера: їаскїне подземъне 43

ЗАПАДНОРУССКОЕ СКАЗАНИЕ О СИВИЛЛЕ ПРОРОЧИЦЕ ПО РУКОПИСИ XVI в.

ТЕКСТ СКАЗАНИЯ, ЕГО СОСТАВ И ЯЗЫК[1]

СОДЕРЖАНИЕ

В рукописи XVI в. библиотеки граф. Красинских, № 408 собрания Свидзинского, описанной нами[2] в работе «О языке так называемых

---

[1] «Варшавские университетские известия», 1898, II, стр. 1—32. Отд. оттиск — Варшава, 1898. (*Ред.*).

[2] Припомним здесь состав отмеченного сборника. Начало рукописи утеряно. На теперешнем первом листе (прежнем 53) идет продолжение Александрии; с 64 листа начинается «Лѣтописецъ великого кнѧзьства литовъского и жомойцьского»; на 73 листе: «Кройники ѿ великихъ кнѕеˣ литовъскыхъ»; на обороте 91 листа: «Хожєнїє данила игѹмена въ стыи градˡ ієрлмъ. и въ прочаѧ стаѧ мѣст'а идѣже гь нш ісъ хс походи насъ радıı грѣшныˣ»; с 129 листа «Починаетсѧ книга товиеъ»; с 144 листа «Починает'сѧ книга ѿ таоудале рыцери»; с 159 листа «Починаєтсѧ ре ѿ треˣ ставехъ»; с оборота 171 листа идет «Сказаниє ѿ сивиллє пррчици»; на 177 листе «Прорєчениѧ стыˣ пррк ѿ хѣ ісѣ»; на 230 листе последний заголовок: «Слово ѡ последнеⷨ времени. ѡ михайловѣ црствѣ». Слово не окончено.

Литовских летописей». Варшава, 1894 (из Варшавских университетских известий, № 2 и 3 за 1894 г.), на листах 171б—176б имеется следующая повесть на западнорусском наречии[3].

Сказаніе ѿ Сивилле прⷪрчици.

Того чау [1] за моудраго цр҃а саломона. бѣаше
прⷪрчица ѕвѣздарька именем сивилла, а та
бѣаше велми моудра. иже въ звѣздахъ мно-
гый вещи бѹдѫщий речах провидѣла. прех
многых тысащь лѣт. что са в землях стати — 5.
маеть, та ей моудрость е ѿ бга дана. и зна-
ема бѣаше. и баше красна. а богата. але
единѹ ногѹ къ подобенъствѹ гоусинѹ ногѹ мѣла,
и за тѹ са велми смоущаше. а протом на ней — 10.
стояла и ходила. тех и яком то и иный люди
стоять. або ходат. Сивилла оуслыша-
вши ѡ моудрости саломоновѣ, и ѿ красе его
двора. въсхотѣла своима ѡчима видѣти
его. и иде к немоу. а егдах то цр҃ь оувѣдалъ. — 15.
противъ нее пойде. понеж слыша ѿ ней повѣ-
дающи. много. и приналъ ю с великою честїю
и радостию. гла радуйса [2] возлюбленнаа гости.
а ѡна емоу подаковала велми миле. и рече к ней — 20.
цр҃ь. сивилла и почто еси се працовала. и ѿвѣ- — Л. 172.
ща сивилла. цр҃ю тое и я хощѹ повѣдати абы
и зволилъ вѣдати. мнѣ есть ѡ твоей моудро-
сти. и ѿ красотѣ твоего двора повѣдано

1 Буквы ау написаны вязью. 2 Тоже вязь.

3 Повесть печатается палеографически точно; не выдержано только различие т, 7 и т (в рукописи преобладает последнее), а также везде употребляется з вместо рукописного з; слитные написания напечатаны отдельно (вязь бывает обыкновенно в а| = ау; в конце имеем еще Ік = нк и ѣ = нъ; более жирный заглавный шрифт обозначает киноварь, русский курсив — скорописные буквы. Обозначение строк принадлежит мне. Палеографические особенности рукописи, откуда взята печатаемая повесть, описаны мною в названной статье о языке литовских летописей. Здесь прибавим, что у некоторых листов (174, 175, 176) оборваны углы, а вместе с ними и часть текста, что в издании обозначено точками.

и҆ такъ и҆ ѡ҆ныˣ вещеⷷ[3] мно́го и҆ ра́да бы́ то за пра- 25
вдꙋ звѣда́ла. Тогда цр҃ь рече. не хощꙋ без того
быти. моусишь перве́е со мною ѐсти. а҆ ѐгда
же идѧше с ниⷨ сивилла къ дворꙋ. и҆же с ниⷨ ѐсти[4]
имѣла. и҆ приго́лосѧ и҆ ꙗ҆ко сѧ стати могло
преⷣ а҆дамово древо ити. а҆ ѐгдаˣ тоѐ древо добре 30.
ѡ҆смотрела; и҆ не хотѣла ѐсть черезъ ѐго ити
а҆ к тоⷨ чаⷭ сталъ сѧ ѐсть дивъ ѿ бг҃а. и҆же сиви-
ле гꙋсиⷶ нога ѐсть была оуздравена. и҆ ꙗ҆коⷤ
то чл҃вчиⷶ нога, и҆ возрадовалась ѐсть томоу
сивилла велми. а҆ цр҃ь то бѧше молча все ви- 35.
дѣвъ. а҆ни что́ не реклъ. а҆жь было и по ѡ҆бѣ-
де на цареве дворе. И рече цр҃ь къ сивилле.
сивилло повѣⷤ. что ѐси то оумѣнила. и҆же
ѐси со мною череⷥ тоѐ древо не шла. а҆ ѡ҆на ѐмꙋ.
ѿповѣдила. вѣдаи цр҃ю. и҆же сѧ мае́ть 40.
дитѧ и҆с тебе на то́то свѣⷮ нароⷣти.[5] зъ дв҃ы.
а҆ ма́еть оумрти на тоⷨ древе. а҆ многомоу
чл҃вчествꙋ помощи з ноуже которыˣ боудеть
в него вѣрити. и҆ такъ двѣ мтри ѐго. Цр҃ь
рече. сивилло повѣдаи ми ѿкꙋдꙋ ѐси тоу моу- 45.
дрость взѧла хоте́ бы́ того ради вѣдати.

ѡ҆на ѐмоу ѿповѣдала. Повѣдаю тобѣ и҆же Л. 172б.
видиⷨ звѣздꙋ на нб҃е а҆ крⷭтъ а҆ ѡ҆крꙋ. а҆ к тоⷨ ѡ҆крꙋ-
гле дв҃ицꙋ. а҆ ѐдино дитѧ. и҆ и҆ныи҆ оучите́ныи҆.
вещи. которыиˣ соуⷮ мнѣ нн҃е ѿ бг҃а зꙗвлены. 50.
Тогда цр҃ь саломоⷩ. больше въпрошааше ѐꙗ гл҃а
вѣси ли когда дитѧ тоѐ нароⷣтисѧ мае́ть.
а҆ какъ ѐмоу и҆мѧ дано боудеⷮ. И ѿвѣща си-
вилла ѡ тоⷨ ꙗ҆ цр҃ю во и҆стиннꙋ вемъ. безъ
всѧкоѐ и҆змѣны. боудеⷮ чл҃вкъ. и҆ и҆стинныи҆ бг҃ъ. 55.
а҆ боудеⷮ і҆с҃ хс҃ назваⷩ. А тоⷨ боудеⷮ оучити[6]

3 Перед ѡ҆ныˣ вероятно пропущено ѡ. 4 В ѐс'ти употреблено т, а не ш.
5 Над н стоит знак в роде <. 6 В оучити т = 7.

на земли люд. како бы могли живи быти на
небесех. И боудет ѡнъ оучити оуставения но-
ва. и приказанья многа. и вси люд боудоут
верети в него. и последовати боудоут оученію 60.
его. Потом его имѧ. и его бжествие вои-
стинноу познано боудет. по всеи земли рогла-
шено. и боудет бгъ чтоущіи и молѧщіися всех
народомъ. и ѿ него хртиянъство боудеть
розмножено. А жидовъство боудет потлачено. 65.
иже потом жадного црѧ. ани кнѧзѧ никогда
вѧще не боудут мети. То оуслышавъ црь
видѣласѧ емоу та реч роугава и неистинна.
и не хотесѧ на то ѡбратити. ани томоу
верити. бы жидовъство мело скажено быт. 70.
и что емоу ѡ хе глаше. ничемоу томоу не вѣро-
ваше. Сивилла рече ты мнѣ црю не вериш.

вѣрь иже азъ есми то на звѣздах оусмотре(ла)[7] л. 173.
а то сѧ все мает стати. И оуслышавъ то црь
оумолче того чаоу[8]. И нача еи дале въпрошати 75.
глѧ. сивилло. что ми еси повѣдала ѡ хе а хри-
стианех. ачьколвекъ томоу не могоу вѣрити
ѡбаче ѿ том рад слышати. и егдаж пакъ хрти-
ане боудоут. какъ боудет в тыи часы на земли.
сивилла рече. то ти црю повѣдаю тобѣ. ажь 80.
и не веришь мнѣ. жидовъ бодет велми мало.
и боудут жидове хртианом под дани быти, а егдаж
сѧ боудет хртианъство множити. тогда
ваши люд живъскіи боудоут гиноути. а кото-
рыи боудоут хртианъскоу вѣроу држати до- 85.
бре. боудоут блжни. и ѧкож и ѧ ѡ том имам верити.
И рече црь. вопрошаю тѧ того справне. како
долго свѣт маеть стоѧти. и ѡна ѿвѣща целе

7 Окончание ла приписано по догадке. 8 Буква а и у написаны вязью.

и на того не могꙋ вѣдати. и егда соудный днь
мает прийти. ѡ том вем повѣдати что хо- 90.
щет за правдꙋ прийти. егда боудет по четырь-
надесяти стех лет. по хвѣ нарожении.
в тый часы настанет єдина звѣзда на нбѣ.
а хвостъ имоущи яко павовъ. а та боудет
знаменати. иже многи диѵове настаноут 95.
межи хртиан. моры. глади. потопы.
земли тресение поганых нахожение. преле-
сти. фалшение. ближних ѡболгание.

недостаткы многых. на водах на земли. и все то Л. 173б.
ѡ тых видимо боудет кои живи боудоут. А потом 100.
и пакы вем что ся маеть стати. по первом
и по семи десяти лет. хртианзство боу-
дет полно княство. а князи ся боудут. не ра
не ховати. а габы не боудоут ся хотети бо-
ронити. а погоршее. и протом лю не боудоут 105.
их кз чти мети. ани боудоут их слꙋхати [9]
хотети. И пакы црь рече. знаменаи на звѣ-
здах. а оузнави ми. како в ты часы боудет
и ѡна рече. господарьство боудеть несправе-
дливо. таковый их боудоут вои. и бояре 110.
и слоугы по их прикладе. А тии кои бы мели
земли боронити. боудоут при собѣ мордери.
а злодеи ховати. господии боудет злодеи.
а злодея господина застꙋпати и ѡщищовати
и скрт [10] их боудет много злых людей на зе- 115.
мли. но егда бы господие хранили правдꙋ
былъ бы на земли покои и кажка добродѣтель
а престали бы злости. но востанет брат на
брата. а сны противъ ѡцоу. а такъ ка-
дыи боудет хотети быти єдинъ на дрꙋгого. 120.
а моць на них имѣти. А стого ся повозви-

9 Буква т = 7. 10 В Ѻкртъ буква Ѻ с крестом внутри.

гноу҃ рати к землѧ҃. зде и инде ѿ прїидеть
ѥдинъ и забиѥть дрꙋгого. и такъ погоубит҃
ѥдинъ дрꙋгого ѿ свои живо҃. И востаноуть

Л. 174.

два цри. ѥди҃ лоудвикъ. а дрꙋгы҃ фридрикъ. тїи — 125.
за ѡдно боудꙋ҃ воевати. вѧще нили за седмь летъ
ѿ римское цртво ѡбаче томоу мꙋси сѧ заразити
а царьствїе римское силне боуде҃ боронити. И рече
црь саломонъ. даи ми разꙋмъ ты҃ двꙋ. сивилла
рече. и ѥдинъ боуде҃ назва҃ црь алврета҃. а дроу- — 130.
гїи адолфоу҃. третїи боудеть слоути лоудви҃.
а четвертыи боуде҃ фриди҃. А то ѧ повѣдаю.
иже то҃ ѥгда цеса боуде҃. то҃ прїазни ѿ кнѕѧ и
и дꙋховны҃ имѣти не бꙋде҃. и пакы црь лоудвико
цртвовати боуде҃. а по ѥго смрти не боудеть — 135.
вѧще црей ни҃ ѥдинъ цесарь на земли. а тото
маѥть црь карꙋ [11] слыти. и ѩкокове тїи цареве.
и цесарь цртвовати боудꙋ҃. ѡбаче римское
цртвїе велми ѡпоустеѥть. и скажено боуде҃.
и ѡбнищаѥть. такъ҃ редъкїи оуспоминати — 140.
ѥго боудеть. И рече црь саломо҃. какосѧ црю
карлови вести маю҃. сивилла рече. боудꙋть
въ времена ѥго. замоутокъ а псота велика.
хртиане боудꙋ҃ своѥго бга моучити. присѧга҃
боудꙋ҃. чере҃ тѣло ѥго и кровъ ѥго. а моучити бꙋ- — 145.
доу҃ словы своими. рекꙋще присѧга҃ бгꙋ. при-
сѧга҃ миломꙋ бгꙋ к го҃нꙋ многокра҃. и ѩкобы ѥго
сами своими рꙋками били. И дла того . . . . .
рана ѿ бга послана боуде҃ ѿ неб. . . . .
тро. голо҃ гра҃ битїе, не поча . . . . , ... — 150.

Л. 174б.

потопы а воды. иже то боудоу҃ великїи шкоды
чинити. и на ѡбкощь сходжати боуде҃. много
не҃статъковъ лю҃ на свѣте тръпети боудоу҃

---

11 Замечание об этом месте сделано ниже.

морди лупежи ѡгни зрады фальши. злости
много вады. что николи ѿ людей слоухано и не и- 155.
споведано было межи люми. боемъ збито боу-
детъ а оу великую нужу и въ хоудобу много и оупа-
детъ. много съжьжено а побиено боудетъ много мечемъ
а зклашти єгосподарьство [12] погыбнетъ а воинъ-
ство. И во великую ганьбу и нужоу господа оуро- 160
женыи паоуть. И боудетъ имъ ꙗко церкове зестїи [13]
си ре селѧне за догїи ча господствовати боудоуть.
а в тое времѧ превеликих дивовъ много станеть
и мало або ничтоже полепшенїє в людех боудеть.
Чимъ старшїи а тым горшїи. а чимъ богашїи а тымъ 165.
скупеишїи. а боудоуть знаходти нахоженїа нова.
и понеже наидоуть какъ бы допонени были грехо-
ве. нечистыми грехи. розличными ѡбычаи.
а гордости и пыхы неизреченны а злыхъ ѡбхо-
довъ добывающи богатства. або скарбовъ. 170.
какъ бы богати были безъ матери божее. А люд
боудоуть носити ѡдежу предивну. господоу богу
невгодну. на панахъ або паннах. боудетъ розли-
. . . . з крои. А такъ воидоуть. людїє съ
. . . . бои великїи а боудоуть мало два- [14] 175.
. . . . вченїє. к сим къ старшим не будутъ

Л. 175.

имети послушанїа ани. каранїа и казни. н(о) [15]
каждыи боудетъ хотети свою волю имети. како
ходитъ господинъ тако хощетъ и селѧнинъ ходити
носитъ ли господинъ ѡдежу болѧрьску. и селѧнинъ 180.
хощетъ имети такоу, носитъ ли господинъ кло-
боукъ болѧрьскїи. и селѧнинъ хощетъ мети та-
ковыи же. тако настаноуть и ѡбуви дивны.

---

12 Вм. єго господарьство. 13 В этом слове т, а не *т*. 14 Чит. два(ти). 15 По догадке: в рукописи буква, напоминающая и н и н.

Бждоу҃ знаменїа на торжищи и на оулицах. и тако впишется много замысловъ. ижебы моглъ мѹдрый то вѣда и выити из смысловъ. Правда втый час загинет. невѣрность а фальшьность та ся множити боудет. боудут соуди не справедливи. выреченїе нам нищими несправедливое и кривое и льживое выдають.[16] боудут сѹдити моужи и жены по воле приязни. си рѣчь мъзды ради. а не по воле правды. и того ради великаа многа рана бжїа прїидет на люди. и прото иже жданаа правда скоро не станеть. и не можеть стати сирота або нищии. И рече црь къ сивиле. и еще сповѣдай нам что ещо напред маеть быти. И ѡтвѣща ѡна. потом на звѣздах есми видѣла. что ся їереѡв ради маеться стати[17] їереи велми ѡмедлеют духовнїи и свѣтскїи. так иже боудет свар межи їереи папежи. и . .

рхи и еппы и прочими ереи . . . .

тели свѣта того и сребра . . . .

. . . . и боудеть вяще хотети. и жедати вошего достоинства. а боудоут велми лгати. а оу скарбы велми стати. места и веси и земли. ради бы вѣдали бы все было въ их вѣне. И егда же все то станеть. слово бжїе которым оучити боудѹт люди. въ их срци не ѡстанеть. ибо то что ѡни казати боудут. того сами въ деле чинити не бѹдоут. и для их пыхи и гордости позвиженїе их боудеть велико и погоршенїе. понеже воше бѹдоут жедати мимо потребѹ мети. и ѿ людей боудоут оукаржеми. И абїе црь рече. како то

185 · 190 · 195 · 200 · Л. 175б · 205 · 210

---

16 Буквы ꙋ и ү написаны вязью. 17 С обыкновенной интерпункцией стих. 198—199 будут: «на звѣздахъ есми видѣла, что ся іереовъ ради маеться стати: іереи вельми омедлѣють духовніи и свѣтскіи, такъ иже боудеть сваръ»...

боудеть. иже гь бгъ допоустити ги изволить.
правомоу и лоукавомоу. въ едино место. и wна
рече то прото абы искоуси свои оу вере. а кто
боуде сталыи оу вере то боуде спасенъ. а кто
не сталыи а нестрибалыи то погыбнеть. 215.
На пото гь бгъ дасть вечное прироженье свѣ-
ту пя. а четырьдеся днии. которы бы члкъ 220.
наоучился его дѣло боудучи недоверенъ. а по
не постоупи. абы в то прирожени каялъся
а ме съкроушенье срца. абы затрачо члкъ не
бы но радее избавленъ. Пото гь бгъ силныи
егда бѣси възнесуть антихриста к небоу 225.
. . . . аки съкрушит его wгне доловъ а духомъ
. . . . испол̃наго ада а та wстане
. . . . вѣка. Кои пако слоуги

антихристовы слепіи въ его вере wстаноуть. Л. 176.
боудоу ся весели ажь ся имъ зле стане. а таже 230.
с ни діаволу до стану.[18] Пото гь іс хс пріиде бгъ
живыи а вѣчныи. а боуде соудити живыхъ
и мртвы. а пре ты нели ся то стане. много
ся дивъ стане. въ пятнадесяти днехъ. а в ка-
дыи днь. звлаштныи дивъ ся станеть 235.
а в первыи днь стане дивъ. море выше всѣхъ
гръ стане. а крапля его не оуканеть. другы
днь дивъ ся станеть море wпя доловъ спадне.
а сровнается зъ землею ровно. На третіи
днь дивъ ся стане. рыбы а морьскіи потво- 240.
ры жалостию великою в оспою а зареву ть.
На четвертыи днь дивъ ся станеть. текоу-
щіи воды горети боудя. На пятыи днь листвіе
кровавы пото потитися буде. На шесты
днь. паде всякое древо. Семыи днь горы и ска- 245.
лы поукатися боудя. Въ wсмыи днь земля

18 Смысл этого места для меня неясен.

трестися боуде. Въ десятыи днь. сровнаются
горы и оудоли. Въ десятыи днь кто колве
боудеть где ся скры. во выиде ѿ великое гро-
зы. Въ первыи на десят днь мртвїи востаноу. 250.
Въ вторыи на десятыи днь. звѣзды боудоуть
падати с неба. Въ третїи на десятыи днь.
земля и все коренїє згори ѡгне. На четверты
на десятыи днь земля вся . . . .

Л. 176б.

. . . и что не боуде ктомоу. и злато и сребро. и вси 552.
житеискыи вещи погыноу. и все конець воме.
и єдини правенїи не погиноу. тїи съ господе
его в радости боуд. Въ пятыи на десятыи
днь судити прїиде съ нбси гь бгъ живы и мртвы
И воздасть [19] комоуждо по дѣломъ єго аминь.·. [20] 260.

19 В начале слова вязь: и + в 20 В конце н + ь вязью.

Уже при первом знакомстве с содержанием прочитанной повести можно заметить, что она заключает в себе мотивы нескольких отдельных сказаний, именно: а) о царице Савской, которая иногда смешивается с Сивиллами (стрк. 1—26); мотивы сказаний о крестном древе (стрк. 26—44); в) предсказания Сивиллы: α) о рождении и учении Христа, о распространении христианства в связи с падением иудейства, об усилении христианства (44—87); β) о том, «какъ долго свѣтъ маеть стояти»: признаки кончины мира по истечении 1400—1471 гг. по Р. Христовом (87—224); γ) о появлении Антихриста, втором пришествии Христовом и кончине мира (224—260).

Теперь рассмотрим в отдельности каждую часть. При этом нахожу нужным заявить, что я считаю себя далеко не компетентным в вопросах о разных апокрифах; поэтому везде буду исходить из известных работ академика А. Н. Веселовского, проф. В. М. Истрина и др. Итак, прежде всего часть о царице Савской, или Южской. Разные повести об этой царице, известной и по Библии (III Царств, гл. X, 1—14), отчасти уже напечатаны в тех или других сборниках древнерусских и вообще югославянских произведений, именно: 1) из Хронографа 1494 г. (рук. Рум. муз. № 453) в «Исторической христоматии» Ф. Буслаева, стр. 717; здесь же, стр. 521, приведена для сравнения и другая редакция этой повести по списку XVII в. (рук. Имп. Публ. б. Отд. 17 № 22). Из того же Хронографа более подробно повесть «ѡ оужичкой црци» напечатана в «Памятниках старинной русской литературы, издаваемых гр. Кушелевым-Безбородко» (вып. III, стр. 54—55); 2) из полууставной Толковой палеи XVI в. библиотеки гр. Уварова повесть об Ужской царице напечатана Н. С. Тихонравовым в «Памят-

никах отреченной русской литературы», т. I, стр. 271—272; 3) из сборника Соловецкой библиотеки XVII—XVIII вв. (№ 803, стр. 67—72) рассказ о царице Савской напечатан у И. Порфирьева: «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях». СПб., 1877 (Сб. ОРЯС, т. XVII), стр. 261—263. 4) Сказаніе о царицѣ Южичьской, именемъ Малъкатышька, по рукописи гр. Уварова № 66, начало XVIII в. напечатано в «Летопис. русс. лит. и древн.». 1849, т. I, стр. 162; наконец, 5) из сказаний о Соломоне по Талмуду в русском переводе Марголина «Сказание о посещении царя Соломона царицею Савскою» напечатано в «Памятниках древней письменности», 1880 г., вып. III, в приложении, стр. 37—41. Другие издания повести в нашей литературе мне неизвестны. Из исследований, касающихся этой повести, отметим А. Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских». СПб., 1857, стр. 114—117; А. Веселовского. «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине». СПб., 1872, гл. VIII; здесь и литература предмета.

Принимая во внимание обнародованные редакции повести о Савской, или Южской, царице, а также указанные исследования, находим, что наше сказание в соответствующей части отличается следующими чертами: 1) Царица Савская названа Сивиллой. В этом случае некоторую параллель представляет редакция повести, изд. Тихонравовым, где читаем: «прїиде црци оускаѧ иноп'леменица *сивелила*»; еще большую близость представляет соответствующее место в сборн. Соловецк. библиотеки: «И црца васаньская яже глема бяше ѿ еллинь *Сївилла*. . .» Такое смешение царицы Савской с Сивиллой в славянские рукописи зашло из греческих: впервые оно встречается у Георгия Амартола, а через его посредство у Кедрина и Глики. Вот как, например, говорит о ней Кедрин: «Καὶ βασιλίσσα Σαβᾶ, ἥτις ἐλέγετο Σίβυλλα παρ' Ἕλλησιν, ἀκούσασα το ὄνομα Σολομῶντος, ἦλθεν εἰς Ἱερουσαλὴμ πειράσαι αὐτὸν ἐν αἰνίγματι. . .». Нашей задачей не составляет подробное рассмотрение этого вопроса, решенного уже давно (ср., например, Servatii Gallaei Dissertationes de Sibyllis, earumque oraculis. Amstelodami. 1688, стр. 199, 200, 203), мы только отметим, что не мог не оказать влияния на употребление имени Сивиллы следующий затем эпизод о древе крестном, где уже обыкновенно всегда действует Сивилла. 2) про нашу Сивиллу замечено, что она «бѣѧше пррчица *ѕ'вѣздарька*. . . иже въ *звѣзахъ* многыи вещи в бѫдѫщи реча п'ровидѣла». По этой своей черте наша Сивилла не подходит ни на Савскую царицу, про которую только замечено, что она «бѣ мудра зѣло», ни на других Сивилл, которые хотя и предсказывали будущее, но не по звездам. Я думаю, что в этом случае на Савскую царицу, пришедшую из далекого востока, перенесены черты, приписываемые обыкновенно волхвам, приходившим на поклонение родившемуся Христу. Повесть об этих «трех королях» была известна и в западнорусской письменности (ср. нашу статью «Западнорусский сборник XV в., принадлежащий Императорской публичн. библиотеке, Q. I № 391» из т. II Изв. ОРЯС). 3) Хотя Си-

вилла нашего сказания «бѧше красна а богата», но «единꙋ ногꙋ къ до побенъствꙋ *гоусинꙋ ногꙋ* мѣла». Во всех апокрифических повестях Савская царица представляется с недостатком в ногах: они обыкновенно оказываются обросшими шерстью; последняя оказывается и на других частях ее тела, за исключением лица; после мы увидим, как царица избавилась от этого недостатка. У нас же она оказывается с гусиной ногой. Впрочем представление Савской царицы с гусиной ногой известно и западным сказаниям. Так уже в рассказе, интерполированном около 1150 г. в рукописи Гонория Отёнского «De imagine mundi» читаем: Saba quoque Ethiopissa et regina quoque et Sibilla habens pedes anserinos et oculos lucentes ut stelle[4] (ср. А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха, X, 384. Сб. ОРЯС, т. XXXII). Сивилла с гусиными ногами известна и по старой (XV—XVI вв. рукописи) болгарской легенде (ср. Ф. Буслаева. Сравнительное изучение народного быта и поэзии Русс. Вестник, ч. 104, стр. 602). Вот соответствующее место в этой легенде, переложенное на русское правописание Буслаевым: «Давидъ царь пророкъ Господень имяше похоть велику въ себѣ, и егда сѣдѣше, исхождаше сила его, и подлагаху судъ, и грядѣше сила его въ судъ. И въ день единъ рабъ его отрь зеліемъ и поврьже, и возетъ его гусія, изъѣде и створи яйце и изведе дѣте женьскы полъ изъ яйца того. И имяше ноги, яко и гуска...» Из этого места, приводящего даже мотивы того, почему у данной Сивиллы оказались гусиные ноги, видно, что предположение некоторых об описке в приведенном раньше латинском тексте (anserinos вм. asininos) не имеет для себя основания. Из приведенного же места видно, что наше сказание не находится в непосредственной связи с этой повестью, так как наша Сивилла имеет только одну гусиную ногу, а не две. 4) Мотивы путешествия Савской царицы к Соломону те же, что и в других редакциях этой повести, только самая встреча изображена в более живых красках, в летописном стиле. Так, в палейной редакции XVI в. о встрече лишь замечено: «слышаже соломѡн пришествіе црцю и сѣде в' полатѣ своей. и пойде противꙋ еѧ». В более древней редакции (1494 г.) нет и этой оговорки о встрече. У нас же встреча обставлена следующим образом: «а егда то црь оувѣдалъ. противъ нее пойде. поне слыша ѿ ней повѣдающи. много. и принялъ ю с' великою честію и радостию. глѧ рауисѧ возлюбленнаа гости. таковаго есми не видах къ своей любости. а ѡна емоу подѧковала велми миле». Как она напоминает рассказ летописи о встрече Ольгой древлянских послов: И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва я Ольга къ собѣ: «добри гостье придоша»; и рѣша Деревляне: «придохомъ, княгине...» Рече же имъ Ольга: «люба ми есть рѣчь ваша» и т. д. (Лавр. сп. лет. под 945 г.). Встречей Савской царицы и заканчивается сходство нашего сказания с известными повестями о Южской царице.

Далее уже следуют мотивы сказаний о крестном древе. В нашем сказании переход к этим мотивам очень естествен. Царица сообщает

[4] Не отсюда ли она и ѕвѣздарька?

Соломону, что она очень много слыхала о его мудрости и великолепии двора и теперь хотела бы обо всем этом узнать от него. Царь соглашается исполнить ее просьбу, но прежде предлагает отобедать у него (стрк. 21—27): «моусишь первеѣ со мноѭ ѣсти».Царица соглашается и идет ко двору Соломонову. Но вот по дороге пришлось переходить через адамово дерево: и̓ пригоросѧ и̓ ıако сѧ стати могло пре̑ адамово дрѣво и̓ти. Тут и есть сходство со сказаниями о крестном древе. Повести этой редакции напечатаны в «Памятниках старинн. русск. лит.» Тихонравова, I, 305—313; в «Апокрифич. сказаниях о ветхозаветн. лицах и событиях» Порфирьева, 96—103, 216—220 и у др. Перечисление изданий, а также указание параллелей из западных и византийских легенд можно найти у А. Н. Веселовского «Разыскания в области русс. дух. стиха», X: «Западные легенды о древе креста и слово Григория о трех крестных древах», а также у Ю. Поливки «K povĕsti o dřevu kříže» (Drobné přispĕvky. 1891). Сравнивая наше сказание с повестями о крестном древе славянскими и западными, находим в нем следующие отличия: 1) в нашем сказании сообщается только, что Сивилле «пригодилося презъ адамово древо ити», но причина этого не указана. Нет ее и в других известных славянских повестях; нет даже упоминания о том, что царице приходилось переходить через воду по дереву. Этот эпизод западных крестных легенд и развился из рассказов об искушении Соломоном царицы Савской, вступившей в мнимую воду во дворце Соломона (ср. Веселовский. Разыск. в обл. дух. ст., X, 417, вып. 3). По западным легендам это дерево оказывается лежащим в качестве кладки через поток или вообще ров. В напечатанных славянорусских повестях, как сейчас увидим, царице Савской приходится встречаться с крестным древом в другом положении: оно чаще находится в Храме Соломоновом. 2) По нашему сказанию, когда Сивилла приблизилась к адамову древу и, осмотрев его, не решалась идти по нему, «в то̑ ча̑ сталъ сѧ ѣсть дивъ ѿ бг҃а. и̓же сивилле г ѹсиѧ нога ѣсть бꙑла оуздрaвена». Этого эпизода в рассказах славянорусских о крестном древе нет. Нет его и в сказаниях о Южской, или Савской, царице. Там рассказывается, что Соломон, видев, «яко красна есть лицемъ, тѣло же ей власато бысть яко щеть», сказал своим мудрецам: «сотворите ми скражду со зелиемъ и помажете тѣло ея на ѡтпаденіе власовъ». 3) В одной части легенд о крестном древе находим место, вроде следующего: «Совершившу же ся... храму и царю Соломану лѣпотами всяческими удостоившу церкву, и пришедши же южной царицѣ — Сивиллѣ во Іерусалимъ слышати и видѣти силу и премудрость Соломаню, — с нею же Соломану обходящу въ церкви и вся удивленію достойна показующу и къ нареченному приближшуся древу, сѣсти съ собою Сивиллѣ повелѣ, яко на бесѣдѣ. Она же пророческаго дара полна сущи, сѣденіе убо отрече, къ древу же прирече: «о треблаженное древо, на немъ же распнется Христосъ, Царь и Господь» (Памятн. стар. лит. III, 83). Обращаясь к нашему сказанию, мы ожидали бы услышать подобные же слова из уст

Сивиллы после чуда над нею; между тем ничего подобного не находим. Лишь на вопрос Соломона после обеда: «сивилло повѣж. что єси то оумѣнила. иже єси со мною черес тоє древо не шла» отвечает подробным сообщением о том, «иже ся маєть дитя ис тебе на тото свѣт народити. зъ двы. а маєть оумрти на то древе». Здесь и оканчиваются мотивы о крестном древе, и мы переходим вообще в область предсказаний Сивилл, обыкновенно post eventum, о разных событиях вплоть до кончины мира.

Не располагая в Варшаве нужными пособиями для суждения о средневековых стихотворениях и вообще статьях, содержащих в себе предсказания Сивилл о грядущих временах, основанных в одних частях на событиях действительно бывших, а в других (о будущих) главным образом на Откровении Мефодия Патарского и на апокрифическом видении Даниила, мы ограничимся в этом отделе очень немногими замечаниями. Главными пособиями будут А. Н. Веселовского «Опыты по истории развития христианской легенды» (ЖМНП, ч. 178, 179), отчасти его же «Слово о двенадцати снах Шахаиши по рукописи XV в.» (Сб. ОРЯС, т. XX) и В. М. Истрина «Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славянорусской литературах» (М., 1897). В этих работах указана и литература предмета, а также главнейшие пособия. По указанной выше причине мы не можем касаться вопроса об источниках нашего сказания в этой части; заметим только, что в средневековой литературе есть стихотворения и рассказы, в которых действует Соломон и Сивилла, с предсказаниями о Христе и будущих временах (ср. ЖМНП, ч. 178, стр. 289, 297, 315 и др.; ч. 179, стр. 95 — особенно эта страница). Предсказания о рождении и учении Христа, о распространении христианства, о падении иудейства не вызывают никаких замечаний. Следует остановиться лишь на предсказаниях, начиная с 87 строки. Здесь Соломон предлагает Сивилле следующий вопрос: «вопрошаю тя того справне. какъ долго свѣт маєть стояти». Сивилла не решается точно сказать, когда наступит кончина мира, но обещает точно изобразить последние времена: «ѿ том вемъ поведати что хочет за правдꙋ прїйти». Знамения кончины мира, по ее пророчеству, начнутся спустя 1400 лет по Р. Хр. «'А потом и пакы вѣм что ся маєть стати. по первом и по семи десяти летех», т. е. спустя 1471 г. по Р. Хр. Это указание дает возможность точно определить, не раньше какого времени возникло наше сказание, или тот оригинал, с которого оно переведено или переписано, а также к какому времени следует относить события, упоминаемые в предсказаниях Сивиллы. Поэтому замечание: «и востаноуть два цри. єдин лоудвикъ. а другы фридрикъ. тїи за ѿдно боудут воєвати» (стрк. 124—126) легко может быть приурочено к Людовику XI французскому (1461—1483) и к Фридриху III Габсбургскому (1440—1493), воевавшим из-за Бургундских владений. Впрочем, другие упоминаемые здесь государи, по-видимому, названы без определенного приурочения,

или здесь какой-либо пропуск (стрк. 128—132). Упоминаемое затем запустение римского царства: «ѡбаче рискоє цртвїє велми ѡпоустеєть. и скажено боуде". и ѡбнищаєть» (стрк. 138—140) относится также к событиям XV в., хотя они начались и раньше. Далее упоминается Карл: «и рече црь саломо". какосѧ црю карлови вести маю"» (стрк. 141—142). В последнем можно видеть Карла, унаследовавшего Людовику, царствовавшего с 1483 по 1498 г. По всей вероятности, этот же Карл разумеется и выше в следующем неясном месте: «и пакы црь лю"викъ цр"твовати боуде". а по єго смрти не боудеть вѧще црей ни" єдинъ цесарь на земли. а тотъ маєть црь к а р 8 слыти» (стрк. 134—137), где в «кар8 слыти» не скрывается ли «кар"8 слыти». Ко времени конца XV и начала XVI в. относятся и волнения крестьян в Германии, о которых в нашем сказании замечено следующее: «и боуде" имъ (господам) ꙗко церȣове зестїи. си ре" селѧне за догїй ча госпо"ствовати боудуть». Здесь «церȣове», конечно, servi (ср. строки 161—162). Упоминание о раздоре между иереями, о стремлении духовных к светской власти и к богатствам (стрк. 197—206) указывает на реформационное движение, охватывающее запад в это время.

В конце повести (стрк. 219—260) уже изображается пришествие Антихриста и страшный суд. Тут наблюдается замечательное сходство с некоторыми известными в нашей письменности сказаниями об Антихристе, одно из которых напечатано в названной выше книге Истрина (стр. 219—224). Особенно близок к нашей повести конец этого сказания, озаглавливаемый «О пятинадесяти знаменіихъ грядущихъ пред суднымъ днемъ». У нас тоже 15 «дивовъ», только сущность их иногда выражается несколько короче. Приводим место из другого подобного же сказания по рук. XVI в. (Императ. Публичной библиотеки Q. I № 1007, лл. χчд—ѱк): се е" первоє ѕнамение е" море позойметсѧ и вовыситсѧ выше всѣ" горъ и во своємъ стоѧнии вовыситсѧ стоѧти аки стена... Се єсть второє ѕнамение е"море паки долу снидетъ толь глубоко е" никто зрѣти може и ѕемлѧ будетъ суха. Се єсть третие ѕнамение. е" рыбы морьскиꙗ и дивеса морьскиѧ на море во"плачютсѧ и во"рѧтъ бѣдне на небо. ѡ ихже плаче и вѕиранїи не ра"сморитъ никто" токмо бгъ единъ. Се е" четвертое ѕнамение е" море и прочее воды вкупе великиє и малые ѡгнемъ ѕгорѧтъ. Се есть пѧтое ѕнамее єже всѧ древеса и былие буду кровию потѣти. и птицы вкупе зберѫтсѧ на поле и не иму пити и ѧсти. поне" ѫбоѧтсѧ пришесьтвиѧ праведнаго судии ꙗко ѻ томъ писано єсть. Се есть шестоє ѕнамение. еже приидетъ то" велико ѕемлитрѧсение ꙗко" члцы тако и скоти не могу стоѧти но вси имутъ подати. Се есть седмоє ѕнамение е" ѕдание и древеса будутъ на ѕемлю пасти понеже громъ пораѕи по всему мир8 ѿ востока слнца да" до ѕапада слнца. Се 'есть ѡсмое ѕнамение 'еже все камениє во"дойметсѧ на во"духъ и сражаютсѧ на малые части сокр8шаши" ѿ того б8де велика гроѕа и того не вѣсть никто" токмо бгъ единъ и люди побежа в пещеры скрыюсѧ. Се єсть девѧтое ѕname-

ние̑ е̑же изыдутъ люди паки и͛ горъ и ис пещеръ. и̑ поидутъ подобно яко изумленыи не могу͠ дру͛ др8угу гл͠ати. и̑ дубравнии ѕвѣри будутъ. толь кр͠оцы и̑ смирены е̑же къ человѣкомъ прийдутъ. Се есть десѧтое ѕнамение̑ е̑же вси гробы ѿверѕутсѧ ѿ востока сл͠нца дажь до ѕапада и̑ меръ҇твїи востану͠ изъ гробовъ и то живые видѧтъ. Се есть первое надесѧ͠ ѕнамѧ еже ѕвѣзды спадутъ с небеси и̑ и̑спущаю͠ ѿ себѣ ѿгненыѧ блистаниѧ и тѣмъ исчистѧтсѧ. и буду͠ паки свѣтлы блистати и̑ чисты. и̑ люди во͛плачются ѿ велиѧ тесноты и по̑бѣгну͠ и̑ не ıадѧ͠ и не пию̑тъ. Се есть второе надесѧ͠ ѕнамение̑ е͛ живии чл͠цы 8мру͠ паки ѕ др8гими мертвыми востанутъ. и̑ всѧ птица и ѕвѣри и ͛коти помр8 с ними. Се е̑сть третие надесѧть ѕнамение е̑же твердь небеснаѧ и всѧ землѧ будетъ вси проме͛ себѧ горѣти. Се е̑сть четвертое̑ надесѧть ѕнамение̑ е̑же всѧ ѕемлѧ. и̑ всѣ горы и̑ 8долии и̑ всѧ холмы равьны и гладъки будутъ. Се есть пѧтое надесѧ͠ ѕнаменїе послѣднее̑ е̑же нб͠о и ѕемли паки станутъ или паки буду͠ и вс͠и чл͠цы востану͠ вкупе по гласу тр8бы трубимъ ѿ ст͠ыхъ агг͠лъ...

Для полноты характеристики приведенной повести еще рассмотрим ее язык. Уже из беглого просмотра ее можно видеть, что всюду сказываются сильные особенности старого западнорусского наречия. Западнорусские письменные произведения по языку обыкновенно распадаются на два разряда: в одних, при белорусской основе, сильно заметно влияние церковнославянского языка и лишь отчасти польского; в других, при той же основе, резко выделяются особенности языка польского и лишь изредка проглядывают черты церковнославянского языка. Наша повесть, несомненно, относится к памятникам первого рода. Язык ее старый белорусский с значительной примесью особенностей церковнославянских; полонизмов очень мало.

Прежде чем перейти к указанию белорусских особенностей, отметим чуждые наслоения. Начнем с церковнославянских особенностей. Их мы находим прежде всего:

в) в словаре; именно, нередко встречаются слова, вроде: а̑бїе̑ 213[5], е̑гда͛ 15, 30, живо͛ 124, многокра͛ 147, (мъногъкратъı Супр. рук.), мъзд͠ы ра͛ 192, нейзреченн̑ы 169, ѡ̑баче 78, 127, о̑кртъ 115, пакы 101, почто 21, си ре͛ 162, о'удоли 248 (ѫдоль);

б) в орфографии югославянское влияние сказывается лишь отчасти, именно: 1) в употреблении гласных простых вм. ожидаемых йотованных: возл̑ю̑бленн̑а̑а̑ 18, великаа̑ 192—193, жанаа̑ 194, каранїа̑ 177; 2) в употреблении ѫ: дрѫгы͛ 125, д̑ѫховн̑ы͛ 134, п̑равдѫ̑ 116, бг͠ѫ 167, боу̑дѫ͛ 138, ѿк8дѫ̑ 45; 3) в написаниях с ъ по старому, особенно при р: тр̑ъпети 153, др̑ъжати 85, редъкїи̑ 140, воинъств̑о 159—160, съжьжено 158, съкр̑8шенїе̑ 218, царьствїе̑ 128; написание югославянских памятников можно видеть и в «льживое̑» 190 с ь вм. ожидаемого ъ; 4) в упо-

---

[5] Ссылки делаются на строки повести.

треблении ѣ по особенностям церковнославянской графики: вр҇ѣмена 143; 5) в распространенности ѕ не только как численного знака, но и как буквы: ѕвѣздарька 3 и др.;

в) в фонетике церковнославянским влиянием объясним следующие явления: 1) появление *а* в слове «разѹмъ» 129 при теперешнем общебелорусском «розум»; 2) употребление форм неполногласных, как: потлачено 65, 66; 3) появление на месте основных групп *dj* и *tj* сочетаний *жд* и *щ*: ѿдеждѹ 180, хощѹ 22, 26, хоще 90, 179, повѣдаѿщи 16—17, помощи 43, тысѧщь 6, на ѿвощь 152, вѧще 126;

г) в морфологии тем же влиянием следует объяснять появление некоторых форм, свойственных исключительно церковнославянскому языку, как: 1) звательного ѡ҇рю 22; 2) творит. съ господем 257; 3) им. п. мн. ч.: листвїє 243, гос'подїє 116; глади 96, єдинии 257, *м'ноѕи* дивове 95, живи быти 57, подани быти 82, боудоу блжни 86, богати были 171; приказаны *м'нога* 59; правенїй 257, тїй ib.; 4) род. п. їєрєѡ 198 (с *-о-*); 5) форм местоимений: азъ 73, комѹжд'о 260, єѧ 51 (род. п. ед. ч. ж. р.), ю 17 (вин. п. ж. р.); 6) глагольных форм: имам 86, вѣси ли 52; аористов: рече 20, 216, иде 15, пойде 16, оумолче 75, ѿвѣща 21—22, 58; особенно прошедших несовершен., даже с нестянутыми гласными: бѣѧше 2, 4, 8, въпрошааше 51, бѧше 8, 35; идѧше 28, смоущаше 10; имперфекты с -ѧ- свойственны и древнерусскому языку, но белорусскому наречию в XVI в., конечно, были неизвестны; 7) причастных форм, вроде: глѧ 18, рекѹще 146, реклъ 36 и 8) встречается даже неопределенное с старинным видом основы: слоути 131 (слоути).

Принимая во внимание такое обилие церковнославянских особенностей в языке рассматриваемой повести, можно предположить, что белорусский переписчик ее имел под руками югославянский оригинал всей повести или только некоторых ее частей (начала и конца). А может быть, в данной редакции наша повесть и составлена белорусом; тогда у него между пособиями были, между прочим и югославянские.

П о л ь с к о е в л и я н и е в данной повести менее заметно, даже: а) в словарном отношении, где всегда можно отметить немало заимствований. Так, мы имеем здесь, несомненно, следующие полонизмы: ачьколвекъ 77 (aczkolwiek), вада (wada): много вады 155, дба(ти) 175 (dbać), а звлашти 159 (zwłaszcza), звлашїный 235, зрады 154 (zdrada), кто колве 248 (kolwiek), лѹпежи 154 (łupież), морди 154 (mord), мордери 113 (morderz), моусишь 27 (musieć), места (города) 205 (miasta), ѿмедлею 199 (omdleć), пакъ 78, 228 (pak), на панѧх або пан'нах 173 (na paniach abo pannach), погоршенїє 211 (pogorszyć), подобенъствѹ 9 (podobieństwo), псота 143 (psota), пыхы 169 (pycha), рѧне 103 (rządnie), скарбъ (skarb): скаръбовъ 170, скарбы 204—205, теж (też), фальши 154 (fałsz), фалшенїє 98, фальшьность 187, шкоды 152 (szkoda), ӕкокое 137 (jakkolwiek). Сюда, быть может, следовало бы отнести еще некоторые слова, отмеченные ниже в указателе более редких слов, которые

хотя и представляют сходство с польскими, однако могли возникнуть в белорусском наречии и самостоятельно на общеславянской основе. Теперь они и пользуются всеобщим распространением. В других отношениях полонизмов почти нет; б) в фонетике можем отметить только: моць Ѧ21 и спадне 238; в) в морфологии: присѧга бгѹ 146, мѹси сѧ здфазити 127. Полонизмы, может быть, следует усмотреть и в некоторых явлениях синтаксиса, о чем речь после.

Переходя затем к белорусским особенностям в языке, заметим, что каких-либо новых черт указать нельзя, но встречается порядочно таких случаев, которые послужат не лишним дополнением к уже известным чертам белорусских говоров.

а) В фонетике

Случаев аканья не можем указать, так как встретившееся несколько раз Саломонъ, например, 2, при греческ. Σολομών Соломонъ, как собственное имя, особенно веским свидетельством считаться не может. Обычны написания с *-о-* даже в таких случаях, где теперешняя орфография допускает *-а-*, как: ромножено 65, розличными 168 и т. д.

Переход *е* в *и*, может быть, и не совсем фонетический, имеем в н*и*ли 126, н*и* 136, при неׅли 233.

Обычный в западнорусских памятниках переход безударного *а* из ѧ в *е* наблюдается и в языке данной повести: ж*е*дати 202, 212, тр*е*сенїе 97, тр*е*стисѧ 247.

Появление *е* вм. *и*, может быть и по описке, имеем в «боудоу *веретн*» 60.

На месте *é* имеем *ó*: ещо 196:

Переход неударяемого *у* в *ў* неслоговое, изображаемое, как и всегда, через *в*, находим в следующих словах: не*в*гонѹ 173, *в*ченїе 176.

Буква *ѣ*, по памяти от старины, чаще удерживается в корнях, хотя и не без отступлений (р*е*дъкїй 140 и др.), но в окончаниях вместо нее обыкновенно пишется *е*: по ѿбѣд*е* на цар*е*в*е* двор*е* 36—37, злод*е*й 103, къ сивил'*ле* 37, перв*е*е 27, ѿ крас*е* 13.

Заместители глухих ъ и ь везде такие же, как вообще в общерусском языке. Как более редкие случаи отметим: в*о* великѹю 160, оумрти 42, нестривалый 218.

Полногласные формы господствуют (черезъ 31, боронити 104—105, 113 и др.), но под польским ли влиянием или церковнославянским попадаются и неполногласные формы: древо 30, пре 30, престали 118, напре 196, сребра 202.

Слог *-ij-* не заменяется каким-либо другим сочетанием: забиеть 123.

Согласный *в* перед согласными обыкновенно переходит в *ў*, что на письме изображается посредством *у*: оу великѹю нѹжѹ и въ хоудобѹ 157, оузывави ми 108, оуспоминати 140.

Несомненных случаев, указывающих на переход *л* в *ў* в известном положении, нет. Может быть, сюда следует отнести такой пример: црь бѧше молча *видѣвъ* 35, где на «видѣвъ» можно смотреть и как на видѣлъ (plusquamperfectum), и как на видѣкъ.

Губные на конце слов твердеют: кровъ 145.

Основная группа *dj* заменяется посредством *ж*: пре^ж 5, повѣ^ж 37, нароженїй 92, межи 96, схожати 252, нѹжѹ 157, нахоженїа 166, прироже́нье 219.

Согласные голосовые при встрече с безголосными и наоборот переходят в безголосные и наоборот: зъ двы 41, згори^м 253; ис тебе 41, ис' смыс'ловъ 186 и т. д.

Задненебные обыкновенно соединяются с *и*, но есть немало случаев написания после них и *ы*: слоугы 110, дръгы 125, погыбне^а 159, многы^х 99, недоса^кы 99, пакы 101; но свѣ^скїи 199.

Выпадение согласных видим в следующих случаях: погыноу^м 256 при погыбне^м 159, по^здвиженїє 210 при пово^здвигноутисѧ 121; значит, данное слово будет из повздвиженіе; краплѧ єго не *оукането* 237 вм. не оукапнеть; в слове *чти* (въ чти мети 106) выпало *е*; выпадение *д* будем видеть в заимствованном слове ѕрады 154 при здразити 127.

Слитие однородных согласных в восане^м 118.

Отсутствие обозначения обычными приемами умягчения согласных наблюдаем в следующих случаях: приналъ 17, сровнаєтсѧ 239, сровнаюсѧ 247.

В «ѿцйщова» 114 *ц* отражает церковнославянское ц в оцѣстити.

б) В морфологии

Склонение существительных представляет более или менее замечательные следующие случаи: в ед. ч. зв. п. сивил'ло 37; р о д. п. з ноуже 43; дат. п. кар'лови 142; мест. п. на земли 115—116. Во мн. ч. и м. п. потопы 96, сыны 119 (чит. сыны), боꙗре 110, дивове 95, грѣхове 167. Как редкий случай отметим им. п. на *-а*: *гос'пода* оуроженый па^хуть 160—161. Р о д. п. превели(ки^х) *дивовъ* 163 рядом с много *дивъ* 234; дат. п. дѣло^м 221, по дѣломъ 260, вин. п. боуде^м оучити лю^д (чит. люди) 57, 207—208, *мор'дери а з'лодей* ховати 113, лѹпежи 154; твор. п. межи — *ѥрей* 200, розлич'ными *ѿбыча'* 168, нечистыми *грѣхи* 168, моучити *словы* своими 145—146; местн. п. въ днехъ 234, по лете^х 91, по и^х прикладе^х 111. Дв. ч. в следующем выражении: *с'воима ѡчима* видѣти 14.

У прилагательных имен прежде всего отметим краткие формы: *радъ* вѣдати 46, *рада* звѣдала 25; гѹсиѧ нога 32, члвчиа нога 34; *хртианъскѹ* вѣрѹ дръжати 85; *ѿдеждѹ болѧрьс'кѹ* 180; *ра^д* бы вѣдали 206, *живи* боудоу^м 100, *ѿбѹви дивнѣ* 183. Из полных форм отметим только род. п. ед. ч. млти *божеє* 171, ѿ великоє грозы 249—250;

им. п. мн. ч. житейскый вещи 256. Сравнительная и превосходная степень: первеє 27, радеє 224; вѧще 126; тыᵐ горшїй 125, скѫпейшїй 166.

В склонении местоимений обращают на себя внимание следующие формы: у личных местоимений: йс тебе 41, тобѣ 47; у остальных местоимений в ед. ч. род. п. *жа*ˣ*ного* црѧ 66, безъ *в'сѧкоє* изм҆ѣны 55; дат. п. йде к' немоу 15; вин. п. *ч'то* єси *то* оумѣнила 38, в *то*ⁿ ча 32, на *то*ⁿ*то* свѣⁿ 41, тоє повѣдати 22, *в' тоє* врѣмѧ 163, ани *что*ᵐ не рекл҆ъ 36; во мн. ч. им. п. *кой* живи боудоуⁿ 100, *кои* слоуги 228, *таковый* вои 110; род. п. ѿ тыˣ 100, ср. еще 129; вин. п. въ тй часы 108, в тый часы 79, 187.

От имен числительных встретились следующие более или менее редкие образования и формы: разѫмъ тыˣ двѣ 127, пѧⁿ а четырьдесѧⁿ 220, въ пѧⁿнадесѧти днехъ 234, по первоᵐ и по семи десѧти летеˣ 102, боудеⁿ по четырьнадесѧтиˣ стеˣ летеˣ по хвѣ нарожденїй 91—92, первый на десѧ 250, вторый на десѧтый днь 251, третїй на десѧтыи 252, четверты' на десѧтый днь 253—254, пѧтый на десѧтый 258.

В спряжении глагола отметим более замечательные случаи: 1) в образовании основ: сл҆ѫхати 106, ѿповѣдила 40; 2) в личных окончаниях настоящего времени: вемъ 54, вѣᵐ 101; как будто 1 л. ед. ч. представляет форма *види*ᵐ 48, явившаяся под сербским (?) влиянием; 3 л. ед. ч. без *-ть* в примере: сѫ имъ стане 230; да в отмеченном раньше полонизме: мѫси сѧ здразити 127; 3 л. мн. ч. представляет тоже *т* мягкое: стоѧть або ходѧⁿ 12. В повелительном обычные окончания: повѣдай 45, знаменаи 107; 3) причастие настоящего времени на *-а* встретилось только один раз: молча 35; 4) прошедшее совершенное (perfectum) обыкновенно образуется со вспомогательным глаголом, иногда с прибавлением еще и местоимения личного: азъ єсми оусмотрела 73, єсми не видаˣ 19, єсми видѣла 197, єси працовала 21, єси взѧла 45, ми єси повѣдала 76; сталъ сѧ єсть дивъ 32, возраⁿᵒвалсѧ єсть 34; без вспомогательного глагола: подѧковала 20, ѡна ѿповѣдила 40; 5) условное (conditionalis) только в 1 л. ед. ч. представляет *бы*ˣ, в остальных лицах *бы*: хотеˣ быˣ того радъ вѣдати 46, рада быˣ то — звѣдала 25; ра бы вѣдали бы все было въ иˣ вѣне 206, престали бы злости 118; 4) будущее время выражается формой настоящего вида совершенного: забиєть 123, ѿпоустєеть и скажено боудеⁿ 139; описательно с формами глагола *быти*: боудеⁿ оучити 57, боудеⁿ хотети быти єдинъ на дрѫгого 120; описательно с формами других глаголов: сѧ маєть нароти 41, маєтъ оумрти 42, маєть — помощи 43; ꙗ имаᵐ верити 86, что хощеⁿ прїйти 90, вемъ поведати 90; 5) формы страдательного залога выражаются описательно с причастиями страдательного залога: боудоуⁿ оукарѧєми 213, мѣло скаженно бы 70, нога єсть была оуздравена 33; в одном случае страдательный залог выражен причастиями действительного с прибавлением сѧ: боудеⁿ бгъ чтоущїй и молѧщїйсѧ всеᵐ наромъ 63.

Еще отметим несколько более замечательных по образованию неизменяемых частей речи. Это: *доловъ* сйадне^м 238, ср. еще 226; наречия на *-е* = *-ѣ*: велми *миле* 20, добре 85—86, сйравне 87, *целе* и̂ н̂ не мог8 вѣдати 89, силне 128, зле 230. Польск. «wedle» под влиянием «подлѣ» на белорусской почве приняло вид «водле», как можно видеть из следующего примера: воле приазни. а не поле правды 191.

в) В синтаксисе

Отметим особенности в употреблении некоторых падежей. Для обозначения времени употребляется род. п.: оумолче того чау 75, того чау за моудраго цр҃ѧ саломона бѣаше прр҃чица 2—3. Еще отметим более редкие случаи употребления падежей в зависимости от глаголов или предлогов: прр҃чица *имене*^м сивилла 3, *того* вѣдати 46, вопрошаю тѧ *того* сйравне 87, моуросѣ е ѿ *бга* дана 7, воевати — ѿ *ри*^м*с'ков црътво* 127, присѧга^м *чере*^з *тѣло* 144—145, против ѿцоу 119, мимо потреб8 212, межи хртиянъ 96, рада бы^х то *за п'рав'д8* звѣдала 25, хоще^м *за прав'д8* прїйти 90; повѣдано и̂ такъ и̂ ѿ*ны*^х *веще*^х много 25, если перед «ѿны^х» не пропущено ѡ.

Особенности в выражении залога. Под польским влиянием иногда находим *сѧ* там, где оно не должно бы *быть*: сталъ сѧ: єстъ дивъ ѿ бга 32; само *сѧ* обыкновенно предшествует глаголу: не хоте^х сѧ на то ѿбратити 69, сѧ боронити 104—105, сѧ повоз^хвигноу^м рати 121.

В сложном сказуемом при глаголе *быть* прилагательное имя или другое слово обыкновенно ставится в им. п., а не твор.: како бы могли *живи* быти на небесе^х 57—58, б8дѫ^м *по*^хд*ани* быти 82, боудоу^м блжени 86.

В примере: слыша^х ѿ ней *повѣдающи* много 16—17 можно бы допустить замену изменяемого причастия посредством деепричастия, хотя естественнее видеть и простую утрату надписного ^х в «повѣдающи» вм. *п — щи*^х.

Союзы в слитных предложениях употребляются большей частью обыкновенные; как более редкие случаи отметим частое употребление *а* вм. *и*, быть может, под польским влиянием: види^м звѣздѫ на нбе а кртъ а ѿкр8 48, ѡ хе а христиане^х 76—77, потопы а воды 151, рыбы а морьскїи потворы 240. Из других случаев отметим: вѧще ни^мли за седмь летъ 126.

Повторение предлога: к си^м къ старши^м 176. Впрочем ввиду пропуска в данном месте, случай этот лучше относить к сомнительным.

В сложном предложении отметим более редкие случаи: а) замены предмета: тїи кои бы мели земли боронити. боудоу^м — ховати 113; б) пояснения глагола: провидѣла — что сѧ стати маєть 5—7, что — глаше. ничем8 — не вѣроваше 71, ѿ то^м вемъ поведати что хоще^м за правд8 прїйти 90, верити. бы жидовъство мѣло скажено бы^ll 70; в) обо-

значения времени: егда^м — ѿсмотрела, и̂ не хотѣла е̂сть и̂ти 30, ничто^м не реклъ. а̂жь (= пока) было и по ѿбѣде 36. Интересен случай сокращенного придаточного предложения при различных подлежащих: то оуслышавъ цр҃ь видѣласѧ е̂му та ре҃ р8гава и̂ нейстинна 68; г) выражение следствия: велми ѿбнищає̂ть... такъ^ж редъкїй оуспоминати е̂го боудеть 140; д) предложения цели: ра^д бы вѣдали бы все было въ и^х вѣне 206, хощ8 повѣдати а̂бы и̂зволилъ вѣдати 22—3, рече то прото а̂бы и̂скоуси^л 216; е) уступительный характер носят следующие предложения: и повѣдаю, а̂жь и̂ не вѣришь мнѣ 80—81, въ десѧтый дн҃ь кто колѣе б8деть гдѣ сѧ съкры^л. во выйде^м 248—249; ж) но особенно замечательны разные случаи подчинения предложений, начинающихся с *иже*: что е̂си то оумѣнила, и̂же не шла 38, вѣдай цр҃ю. и̂же сѧ маеть дитѧ и̂с тебе на то^м то свѣ^м нароти 40—41, повѣдаю тобѣ иже види^м 47—48, вѣрь иже а̂зъ е̂сми оусмотре(ла) 73, просто иже жанаа правда скоро не станет'ъ 194, тако впишетсѧ много замысловъ. и̂же бы моглъ м8дрый то веда^м 185, бѣѧше велми моудра. и̂же — провидѣла 4—5. и̂дѧше с ни^м къ двор8. и̂же с ни^м е̂сти и̂мѣла 28, сталъсѧ дивъ — и̂же — г8сиѧ нога е̂сть была оуздравена 32—33, боуде^м потлачено. и̂же — никогда вѧще не боудж^м мѣти 67, воды. иже то боудоу^м великїи шкоды чинити 151—152.

В заключение прилагаем список более или менее замечательных слов:

Або польск. abo или 12, 195. В этом случае, быть может, и не следует видеть полонизма, так как это слово очень распространено и в теперешней речи

ажь aż пока 230, пока не 36, если 80—81. И это слово очень обычно в разговорной речи

а̂чьколвекъ aczkolwiek хотя 77

Бж҃ествиє божество 61

бой: боє̂мъ збито боуде^ш 156

болѧрьскїй: ѿдежд8 болѧрьск8 180

Вада wada несчастие: много вады 155

велми очень, весьма 20

вой воин 110

воле wedle = поле согласно, соразмерно, по 191

вырченїе показание, постановление, суд 189

вѣно: ра^д бы вѣдали бы все было въ и^х вѣне 206

вѧще больше 67, 126

Ганьба gańba порицание: габы 104, ганьб8 160. Слово очень распространенное и в живой речи белорусов

година: в гон8 147

горшїй хуже 165

господарьство господство, царство 109

гроза: ѿ великоє грозы 244—250

Дба(ти) dbać думать, обращать внимание 175

дивъ чудо 32, 95, 163, 234

доловъ долой, вниз 226, 238

Жадный ниодин: жа^д ного цр҃ѧ 66

жедати żądać стар. żędać сильно желать 203, 212
житейскый 256

Забити убить: забиє́ть 123
загин8ти погибнуть: загинет 187
замоу̑токъ старое польск. zamętek мятеж 143
замыслъ: много замы́словъ 185
запра́вд8 на самом деле 25
зарево́уть 241.
зв̇лашти zwłaszcza особенно 159
зв̇лаштный особенный 235
звѣдати узнать: звѣдала 25
ѕвѣздарька занимающаяся наблюдениями над звездами 3
зде и̇ и̇нде 122
здра́зити сѧ zdradzić 127
злодей вор, ра́збойник 113
злость: пре́стали бы злости 118
знахоти находить 166
зрада zdrada измена, обман, вред 154

Изволити: позволить 214
и̇нде 122

Каранїє: каранїа наказания 177
клобоу̑къ болѧрьскїй 182, слово издавна известное и русским и польским памятникам (kłobuk — kapelusz, по Линде)
колве kolwiek: кто колве 248
крапля kropla капля 237
крой покрой 147

Л8пежь łupież: л8пежи 154

Миле любезно, мило 20
мордеръ morderz разбойник, убийца: мордери 113
мордъ mord разбой 154
моць moc сила: моць имѣти 121
моусити musieć быть должным 27
мъзда: мъзды рад 192
место miasto город 205

Наперед вперед 196
нахоженїа 166
нежли 233

нестривалый нетерпеливый 218
ниж только 136
ноужа нужда 43, 157

Ѡбаче однако 78, 127
ѿкр8гло okrągło (нареч.) окружность: в том ѿкр8гле 48
ѿмедлети omdleć ослабеть: ѡмедлею духовнїй 199
ѿповѣдити ответить: ѿповѣдила 39—40
ѿцищова́ти очищать 114

Павовъ хвостъ 94
пакъ pak и, однако 78, 228
панна panna 173
пани pani: на панах 173
папежїй папский от papież: папежи 200
повоздвигноутисѧ подняться 121
повѣдати сказать 22, 25, 80
погоршенїе глаг. pogorszyć соблазнять, лукавствовать 211
погыноути погибать 256
подобенъство podobieństwo сходство 9
подѧковати podziękować благодарить 20. Слово очень употребительное и в теперешней живой речи

подвиженїе стремление 210
полепшенїе улучшение 161
потворъ potwar чудовище: рыбы а̑ морьскїй патворы 240
потитисѧ трудиться до пота 244
потлаченъ разбит 65
потреба potrzeba нужда: мимо потреб8 212
працовати pracować трудиться 21. Два последних слова очень обычны и в разговорной речи теперешних белорусов

пригодитисѧ случиться: пригодилосѧ 29
прироже́ньє прибавка 219
провидѣти 5

По типографским недосмотрам в статье оказались следующие опечатки[6]:

Стран. 317 — пропущена 19 строка: **таковго ес'ми не вида^л къ своей любос'ти**. Стр. 318, стрк. 50 вм. **мне** д. б. **мнѣ**. Стр. 320, стрк. 115 в начале д. б. й; стрк. 117 вм. **былъ бь** д. б. **былъ бы**. Стр. 323, стрк. 187 вм. **часъ** д. б. **часы**. Стр. 325 в обозначении строки недосмотр: д. б. не 552, а 255.

---

[6] При переиздании опечатки не могли быть устранены, поскольку текст «Сказания» воспроизведен фототипически с первого издания исследования Е. Ф. Карского (*Ред.*).

ОТЧЕТ ОРДИНАРНОГО ПРОФЕССОРА ЕВФИМИЯ КАРСКОГО О НАУЧНЫХ ЗАНЯТИЯХ В БИБЛИОТЕКАХ МОСКВЫ, ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ И СЛУЦКА В ТЕЧЕНИЕ ЛЕТНИХ МЕСЯЦЕВ 1898 г.[1]

...Целью моей поездки в г. Слуцк, кроме ознакомления с разными рукописными собраниями, было еще желание познакомиться с некоторыми народными говорами окрестных местностей. Особенно привлекал мое внимание говор с. Басловцев и д. Подлесья. Басловцы — в 14 верстах от Слуцка, к с.-з., и 8 верстах от шоссе, а Подлесье — в 18 верстах от Слуцка (западнее Басловцев) и в 3 верстах от м. Романова; есть и другие деревни с этим именем в Слуцком уезде. Данное Подлесье я избрал для наблюдения потому, что из него помещено 39 интересных в лингвистическом отношении записей в «Материалах для изучения быта и языка русского населения Северозападного края» П. В. Шейна. Записи эти доставил бывший ученик Слуцкой гимназии Копаць (так напечатана его фамилия у Шейна; лица же, знающие его непосредственно, называли его Ко̀пец, род. Ко̀пца). Кроме того, отчасти по говору Подлесья, а также Басловцев составил свою статью «Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. Варшава, 1898 (Оттиск из РФВ за 1898 г., № 3 и 4) Н. И. Чудовский. В издании П. В. Шейна мне показались несколько неточными некоторые записи из Подлесья; со статьей же Н. И. Чудовского я познакомился еще в рукописи и затем имел случай повидаться с автором ее (мировой судья в м. Клецке Слуцкого уезда). При личном обсуждении этой статьи, пришлось убедиться в несколько неточной передаче звуков автором-любителем. Все это заставило меня предпринять поездку в отмеченные местности с целью более точной проверки имеющихся у нас данных о народном говоре этих мест. Благодаря живому участию свящ. с. Басловцев, наблюдение особенностей народной речи в указанной местности не представило никаких трудностей. Удалось найти лиц, которые не только охотно беседовали со мной, но и отвечали довольно

---

[1] «Варшавские университетские известия», 1898, IX, стр. 1—25. Переиздается часть «Отчета» (см. Примечания) (*Ред.*).

толково на предлагаемые им специальные вопросы. В Басловцах главным экспертом был Тимофей Абрамович, крестьянин около 70 лет, не бывший в военной службе и неграмотный, а в Подлесье — крестьянка Авдотья Лемеш, 80 лет, но еще совершенно бодрая, немного только трусливая.

Главнейшие черты местного говора представляются в следующем виде:

Гласный *а* ударяемый остается без изменения даже в словах, как *шта́ники* (при, можно сказать, общебелорусском што́ники), *уда́рыў* (оба слова в Басловцах). Гласный *ó* вм. ожидаемого *á* в словах *дубро́ва, аббо́два, ко́жны* (при *кажен* др. мест); тут же отметим *ро́зум, ко́ляды*, имеющие основание для своего *о* и в древнерусском языке — все в Басловцах. Вм. *а* ударяемого с предыдущей мягкостью согласного (*я*) имеем *о — е* в словах: *запро́г*, тре́ба *запрегци*Б. Звук *é* вм. *á* имеем после шипящих в сравнительной степени: *даўже́йшы, дужее́йшыБ*. Безударное *е* на месте *а* в слове *ты́сецки*Б. Судя по другим белорусским говорам, ожидали бы и здесь встретить формы глагола «глядéть» с *е* даже под ударением, но на самом деле этого не находим: *гля́дзячы*.

На месте *ó* ударяемого в Басловцах слышится вполне явственное *о* даже в слогах закрытых: *но́шка, дро́бны*. В Подлесье дело обстоит несколько иначе. И там, вообще говоря, дифтонгов нет. Но после *р* в слогах закрытых на месте *о* ударяемого из древнерусского *о* как будто слышится *ўо*, т. е. *о* с предшествующим *ў* неслоговым: *карўо́бука, дарўо́шка, дрўо́бны* дощ. Впрочем и в таких случаях никакого растяжения гласного в дифтонг не слышно; при обыкновенном разговоре даже и *ў* неслогового нельзя было заметить: надо было заранее быть особенно настроенным к восприятию этих звуков. В других случаях никаких следов *ў* нет: *бог, конь* Б. и П., *но́жачка* П., *мно́га* П., *што* раби́ць П. Неударяемое *о* в слогах закрытых, стоящих после ударения, переходит в *у*: *ў но́вуй хаце* Б., *ў жо́ўтум* пяску́ П.

Что касается *е*, равного древнерусскому *е*, стоящего в слоге закрытом под ударением, то в Басловцах и здесь совершенно явственное *е*, или перед твердым согласным *о* с предыдущей мягкостью (*ё*): *печ, ўме́рла, ён, прынёс*; впрочем в речи отдельных лиц в некоторых словах в Басловцах вм. группы *м* мягкое + ó (*-мё-*) приходилось слышать 'м + *j* + *о* (*-мъё-*); *мъёт* (но не мйот = мёд), *памъёр*, но все произносили мясо. В Подлесье наблюдается то же явление: *печ, пярапе́чка*, всегда *мъёт, ўмъёр, но ўме́рла*, также *павъёў*. Впрочем, заставляя повторять несколько раз «ён», я в конце концов слышал нечто, вроде *йон*, но с очень неявственным неслоговым *й* (*i̯u*).

Но особенно подозрительными в записях из Подлесья мне показались написания *i͡e* (у Шейна) или *ĭe* (у Чудовского) на месте старого *ѣ* ударяемого и безударного, а иногда и на месте *е*; например у П. В. Шейна (Материалы, т. I, ч. I, стр. 98, 171, 247, 248), читаем: дзiе, свi͡ечачку, клi͡еточку; пi͡ечь, будзi͡e; мнi͡e, дзi͡eток; iела и т. д.; у Н. И. Чудовского (РФВ, т. XL, стр. 61, 62) находим: гдзĭе, вĭек,

лiес, на столiе, дзiелася, на пiечи, маiе (имеет), дзiетки и т. д. Уже при личном свидании с г. Чудовским, когда я попросил его произнести подобные слова, можно было видеть, что здесь никакого дифтонга нет. В слове, например, «бўдзе» (чит.: ḃúdźe) мягкость согласной группы *дз* в соединении с *е* ему казалась не чем иным, как присутствием *ĭ* перед *е*. Лишь после того, как я указал способ произношения дифтонгов, г. Чудовский в середине слов под ударением, действительно, начал произносить дифтонги. Мое предположение о смешении мягкости согласных с дифтонгическим произнесением гласных *е* и *ѣ* вполне подтвердилось, когда я очутился в Подлесье. Здесь решительно ни от кого нельзя было слышать дифтонга *i͡e* ни на месте ударяемого *ѣ* в слоге закрытом или открытом, ни на месте *е* в таких же положениях: здесь совершенно так же произносили слова *прыбéх*, *-éгла*, *гнéзда*, *вéдра*, *звéзды*, *дзет*, *ўмéю*, *ем*, *гняды́*, *сляпы́*, *бядá* нима *хлéба*, *ў рóце* (чит. роце с *ц* мягким, = во рту), *ў рутцé*, *ў рéшаце*, *табé*, *сабé*, *гарэ́лка лес*, *ў лéсе* и т. п., как и в других местах Белоруссии, относительно которых известно, что там никаких дифтонгов нет. В таком же положении дело относительно рассматриваемых звуков и в Басловцах.

Совершенно неправильными оказываются также написания в «Материалах» Шейна из указанной местности с дифтонгами *о͡у* и *i͡у* на месте основных *о* и *е* ударяемых: по͡уйдзяце I т., I ч., 242, дро͡убны ib. 247, бо͡ур, мо͡уй ib. 248, iо͡ун ib. 275, зялi͡ун 278 и под. Никто в Подлесье приведенных слов не мог произнести с указанными дифтонгами.

Безударное *о*, как отчасти можно было видеть из предыдущих примеров, в слогах, предшествующих ударению, обыкновенно обращается в *а*: *залаты́* Б., *памаладзéла* Б., *каўтáць* (глотать) Б., *агни́* Б., *ажы́на* Б. Подобную же судьбу имеет и *е* безударное, которое обыкновенно превращается в *а* с предыдущей мягкостью (*я*): *цяцяру́к* Б., *зялёны* Б., *цяпéр* Б., *чалавéк* Б., нимá *грóшай* Б., *вясёлы* Б., *яще* рано Б., *бу́дзя* П. (будет), *бывáйця* здарóвы Б., на *ляду́* Б.

Расширение ударяемого *е* (из е и ь) в *о* перед твердым согласным после мягкого происходит в том же направлении, как и в других белорусских говорах; с одной стороны, имеем: *жóнка* Б., *адзёжа* Б. *ўмёр* Б., *прывёў* Б., *далёко* Б., *цёмны* Б., *ён* Б. и под., с другой — *да лéко* П., *цéща* П., *пъéця* П., *пъяцé* Б., *далéки* П. и т. д.

Другие особенности в области гласных также зависят отчасти от положения гласных под ударением или вне его (*йшоў*, *йци* Б.), отчасти от других причин. Не распространяясь о последнего рода причинах, отмечу только более или менее замечательные примеры, представляющие разные изменения гласных. Это: *глыбоко* Б., *дрыжáць* кали спудзицца (испугается) Б., *крыви́* Б.; *идом* Б. и П., *пóйдом* Б.; *хадзéм* Б. (повел. н.); *óжык* Б.; скольки *илну* (с твердым *л*) Б. и П., з эстаго *каменя* Б., дзéраво П., верабéй Б.; *чы́стая поля* Б., *шы́е* (шьет) Б., *напи́са* вады́ Б., *табé*, *сабé* П., *дзирá*, дзирáвы Б., *майгó*, *твайгó*, *свайгó* Б.

В области согласных заслуживают внимания следующие черты.

Появление *ў* на месте ожидаемого *в*: *ўлес* ў мех Б., бывáй *здарóў* Б., *ув* вм. *в*: *ув агóнь* Б. В *ув* иногда обращается и *у* посредством *ў*: *уватры́* Б. Неслоговое *ў* имеем и на месте *л* в известном положении: *маўчáць, даўжыня́* Б. и П., *пóўны чóвен* вады́ П., *чуў* Б.

Звук *р* всегда тверд: *цар, гаварý, ракá* Б. и П. (Чудовский отмечает возле Слуцка и *р* мягкое: пïéрря, цяперь).

Вм. *д* и *т* мягких бывает *дз* и *ц* мягкие: *дзéци, цúхо, цень* Б. и П., *дзьве* Б.

Особенно замечательной чертой в области согласных данной местности является отсутствие удвоения согласного перед *j*; поэтому и в Басловцах и в Подлесье только говорят: *Илья, зелье, вясéлье, пéръе, судзья́.*

Сочетание *дj* в некоторых словах смягчается в *дж*: *прахаджýса, вúджу; заяжджáць, дóжджык* Б. и П., *ураджáй* Б. и П., но чужы́ Б. и П., вищáць, вищы́ць Б. и П. На месте *tj* обыкновенно *ч*: *óбчаство* Б. и П.

На месте старинного *щ* имеем сочетание *шч*: *шчýка, шчупáк* Б. и П.

Данному говору известен и переход голосовых в безголосные: *бýтка* Б., *лёхки* Б., но *лáўка* Б. и т. д., а также другие изменения согласных, объясняемые другими причинами: з *вéником* Б., *ад мянé* Б., но *аткúнь* Б., *хто, што* Б. и П., *чмель* П., *смáчны* П.

Смягчение задненебных: *на страсé, на парóзе* Б., *на сýсе* (= на суше) Б. и П., *ў гарóсе* Б. и П.

Приставка согласных: *вýлица* Б., но ýлица П., *гуш* (веревка) Б. и П., но уш (змей) Б. и П., óзяро Б., паýк Б.

Отпадение согласных: *шесь* Б., *злось* П., но злосць Б., глядзéць Б. и П.

Местоимение *ся* при глагольных формах и в Басловцах и в Подлесье всегда имеет *с* твердое: *купáўса, бúуса, наéўса, наéлиса, наéлосо, падáўса, напилúса.*

Из форм склоняемых обращают на себя внимание следующие: дзя́цька — *ў дзя́цьки* Б., *мой сабáка* Б.

Формы дв. ч. *дзьвé хáце, рутцé, дзьве — тры сялé* Б., *дзьвяры́ма, плячы́ма, ачы́ма* Б. и П., но слязьмú.

Вин. п. у неодушевленных: знайшóў *гры́ба*, мáе *рубля́* Б. и П.

В им. п. мн. ч. м. р. *-ы* — *-и*: *касцы́, мужикú, гóны, чéрци, сусéдзи* Б. и П., в ср. р. *-а*: *абалакá, варóта* Б. и П.

Род. п. мн. ч.: *салдáтоў*, пьяць *аршы́н* Б.

Формы мн. ч. с *-о-* в окончаниях: служы́ць *панóм, гаспадарóм* Б. и П., ў *штанóх.*

Зв. п. от слов на *-а* не встречается ни в Басловцах, ни в Подлесье; впрочем «*Бóжухно*» знают в Подлесье.

Еще несколько форм существительных: *пáни* Б., ў *гóсцях* Б. и П., на *пéчы* П., *мáци, мáтка, плеймё* (племя), *цяля́* Б.

Несколько более замечательных местоименных форм: ў *яé* рука

балйць Б. и П., *сёя*, *тоя* Б. (ср. р.), *гэты* Б. и П., *нигодзин* (ниодин) — *нижадного* Б.

Некоторые числительные: *двох*, *двом* Б. (м. р.), *дзьвёх*, *дзьвём* Б. (ж. р.); *адзинанцаць*, *двананцаць* Б., *дзевяцьдзесят* Б.

От прилагательного *борзд* сравнительная степень: *барждже́й* Б. и П., вин. п. ж. р. на *-ую*: *мокрую* пшаницу Б. и П.

Несколько глагольных образований: *раўцй*, *сапцй*, *храпцй* Б., *расцй*, *панясцй*, *рабйць* Б. и П., *любйць* П., *бегци* Б. *Ясй*, *дасй* Б. и П., ён *нясе́*, *робиць* П., *пытаетца* Б., ён *ходзиць*, *просиць* Б.

Отдельные слова и выражения:

смага Б. — жажда;

зварускала каску П. — сказала сказку;

небош, мн. ч. *небожата* Б. — племянник.

ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМА И ЯЗЫКА РУКОПИСНОГО СБОРНИКА XV В., ИМЕНУЕМОГО ЛЕТОПИСЬЮ АВРААМКИ[1]

В числе рукописей Виленской Публичной библиотеки, не попавших в известное описание Ф. Н. Добрянского, имеется летописный сборник XV в., именуемый летописью Авраамки. В библиотеку он поступил еще в 60-х годах текущего столетия из Полоцка, но затем был передан в Археографическую комиссию для издания, где он и хранился до последнего времени. Года два тому назад, после издания, этот сборник возвращен в Вильну и стал доступен для ученых исследований.

Вся рукопись писана на толстой бумаге в четвертую долю малого формата (длина 19,7 м, ширина 12,8 см) и заключает в себе 450 листов. При переплете, сделанном не особенно давно, некоторые листы перепутаны: в начале листы 1 и 2 должны быть поставлены один на место другого; перед листом 131 должны быть помещены листы 228—243; после листа 290 следует 300, но пропуска нет.

Состав сборника обстоятельно описан в предисловии к его изданию; я укажу только его главные части: а) с 1 листа по 313б идет летописный свод новгородского происхождения; б) с 314 по 365 лист — летописный отрывок в редакции, сходной с той, какая вошла в состав Софийского временника; в) с 365 по 437 лист перечень русских князей как в коммисейском списке Новгородской 1 летописи; далее имеется юридический сборник; затем опять идут родословия князей и список русских митрополитов, кончающийся Герасимом, умершим в 1485 г.; наконец, приводятся сказания о некоторых новгородских и тверских владыках; г) сборник заканчивается (листы 437—450) краткой литовской летописью.

В настоящее время весь этот сборник издан: листы с 1 по 437 в «Полном собрании русских летописей, изданном по высочайшему повелению Археографической комиссией», т. XVI: «Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки». СПб., 1889. Листы с 437 по 450 выпущены отдельно: «Отрывок краткой Литовской летописи, находящийся

---

[1] «Варшавские университетские известия», 1899, III, стр. 1—44. Отд. оттиск. Варшава, 1899 (*Ред.*).

в летописном сборнике, именуемом летописью Авраамки». СПб., 1893. Оба издания в филологическом отношении вполне удовлетворительны; менее аккуратно издана вторая часть XVI т. П. С. Р. Летописей, где относительно некоторых поправок даже не сделано оговорок.

Что касается времени, к которому относится рассматриваемая рукопись, то для этого у нас имеются точные данные. На листе 436—436б находится следующая приписка (вот ее начало):

> **В лѣ҃ ҂з҃г. напи҃на бы҃ сїа книга г҃лемый лѣ҃ тїисець въ граде см'оле҃сцѣ. при дръжав҃ вели҃го кн҃зѧ александ҃ра изволенїє҃ мъ б҃жїи҃. и повеленїє҃ гн҃а вл҃кы єп҃па смоленъского. їосиф рꙋко'ю многогрѣшна҃ раба б҃жїа авраамъка.**

Значит, часть сборника (с 1 по 436 лист) написана не позже 1495 г. Да и конец рукописи, хотя и писанный другим почерком, должен быть отнесен к тому же времени, так как особый полуустав листов 437—450, переходящий в скоропись, сказывается в киновари и раньше, уже начиная с листа 218.

Из приведенной же приписки видно, что сборник написан в Смоленске рукою Авраамки, который не был его автором, а только переписчиком.

К изданию сборника в XVI т. ПСР Летописей приложены и два хороших снимка с рукописи; впрочем на втором из них допущена некоторая неточность: слова «**В лѣ҃. ҂з҃г. напи҃**» в рукописи не на обороте листа 437, а внизу на лицевой стороне.

Язык рассматриваемого сборника, сейчас же после появления последнего в печати, обратил на себя внимание ученых. Из этого сборника приводятся, например, данные в «Лекциях по истории русского языка»[2] А. И. Соболевского, или в сочинении Е. Ф. Будде «К истории великорусских говоров». Казань, 1896. Но эти данные извлечены из печатного издания. Язык той части сборника, которая содержит Литовскую летопись, по печатному же изданию в свое время исследован мною (ср. «О языке так называемых Литовских летописей». Варшава, 1894). Получив в настоящее время возможность пользоваться рукописью в оригинале, я постарался извлечь из нее все, что показалось мне интересным в отношении языка; исследованы, конечно, лишь те листы (с 1 по 436), которые не рассмотрены мною раньше.

Ссылки везде делаются на листы рукописи.

Разбору языка предпошлем несколько замечаний палеографического характера.

Почерк всей рукописи полууставный, по начертанию некоторых букв приближающийся даже к уставу; только в конце рукописи полуустав переходит в скоропись.

Что касается внешнего вида отдельных букв, то тут обратим внимание на следующее:

1) Е в нескольких словах имеет вид □: вѣсть 91б, воротити 396б.

2) Є после гласных и в начале слов несколько шире, что особенно заметно в более мелком почерке, где оно в последней роли даже выходит под строку: ст□є 28б, ноєвыˣ 3, кыєвь 84, прєзирає̑мь 247б, юрьєвьскоую 231б, своємъ 310; изволеніємъ 436б, млаᴰ єсмь ib. и др.

3) Ж, особенно в крупном почерке, пишется по-старинному — в три приема: ж. Это можно видеть и на приложенном к XVI т. П. С. Р. Летописей снимке, табл. I: прєжє, Ѿкєржєсѧ и др.

4) Как в рукописи конца XV в., в рассматриваемом летописном сборнике часто встречается ѕ для означения звука *з*: прєѕирає̑мь 247б, мноѕи 275б, кнѧѕєньє 300, кнѧѕьꙗ 314б. В роли числительных, как увидим ниже, обыкновенно употребляется ꙅ.

5) Для *з* употребляется начертание, несколько напоминающее древнее ꙁ (см. снимки).

6) Для *и* встречается начертание и и ї; последнее употребляется реже и непоследовательно: например: Дпрїсночнаꙗ 27б, двїда 97б, мїрꙋ 156, дроужїа 134.

7) О имеет несколько начертаний: обычно о, которое в начале слов и после гласных в середине иногда становится довольно широким, особенно в более мелком почерке, как это можно видеть на снимке, табл. II (П. С. Р. Л., XVI): їосиф, ѻставленїє и др. В начале слов нередко можно встретить *о*, имеющее вид треугольника: Дбнашˣєсѧ, Днжє, ˮДна, ˮДстровы и др. 3, Ѿ Двѣщаниа 4б, Ѿ Дгнѧ 5, 124б, ͡Дблєчє 5б, Двчата 9б, Дблацѣ 23, и Д/прїсночнаꙗ 27б, Дчь 38, Двїда 97б, Ѿ Дроужїа 134, Ѿ Дрдьї 237б, Ѿ Дноꙗ 290б, мωисєДва 6, ДньтиДхїи 32. Попалось даже два случая с *о* четырехугольным: □ўбѣжа 121б, ст□є 28б. Однажды встретилось двойное *о*: ѻо ѻумираньи 413; в слове *око* встретилось ⊙: ⊙ко за ⊙ко 409б.

8) Т в более крупном почерке имеет вид т с значительно опущенными краями, в мелком почерке оно — ш.

9) Для *у* преобладает оу, начертание ȣ встречается реже. В нескольких словах находим *ȣ*: дрȣга, имȣща, исȣ/сноую 2б, салȣ 3, торьжкȣ 87б, сторожȣ 93б, мїрȣ 156, медȣ 230.

10) Ч имеет вид ч, приближающегося в некоторых словах к ѵ: ѵоˢткова 9.

11) Ы имеет вид ы, иногда даже с точками над правой чертой: Ѿ Дрдьї 237б, дождьї 409, рѣзьї 424 (=ризы).

Для выражения чисел, между прочим, употребляются следующие буквы: ѕ и чаще ꙅ для обозначения *6*: ѕ (=6-й) 2б, В лѣт. ҂ꙅ ѡ ча 156б, в лѣт ҂ꙅ чє 46б, ҂ꙅ 23б, ꙅ (=6-й) 7, .ꙅ. снвъ 5. Для обозначения *90*: .ч. лѣт 5, ч в двух вышеприведенных случаях, ч колоколи 11б; для *900*: ѧ: быˢ всѣˣ лѣт ноєвыˣ .ѧ. 3.

Как примеры вязей, отметим следующие: Тоєго 6б, МК ь (мученик) 102б, ТКо 345б и в других случаях, ⊕ (толкование) 20.

Из надстрочных знаков обращает на себя внимание ͘ , который обыкновенно ставится на два ͘, например 361б и др.

К числу же особенностей письма следует отнести обычный пропуск *j* перед *а*: на заоутрїа 122, омраѵїа гроза 149, ѡроужїа 150, приаша 156б, прюскаа 185б, преданїа 190, зѣновїа 210б.

Как в рукописи более позднего времени, в переносе слов не видно древней стройности; иногда отделяется одна буква: городка в/люсти 172б, д/митриа 180, кѵрило ѡ/ндрѣеві 181, лопатко/ю 217.

При сокращении слов посредством взметывания части их над строку приходится дополнять такую же гласную, какою оканчивается помещенная в строке часть: пре^ж^ = преже, гра^д^ = града: прїиде въ видѣ^т^ гра^д^ и столпа 3б; однако чаще пропущенный гласный приходится дополнять по смыслу: ра^д^=ради, ^ж^ = же и т. д.

Палеографическим путем придется объяснить и некоторые описки в рассматриваемой рукописи: так, на листе 1б (собственно на листе 2б) две строки должны были оканчиваться одинаково, поэтому одну из них писец при переписке опустил и только после, спохватившись, поместил ее в выноске под страницей:

ащє ли снѣста. смр҃тию оумрета ∴
вѣдмаше бо г҃ь и т. д.

под страницей:

и ре^ч^ змїа к^ъ^ женѣ смр҃тїю оумрета.

Повторением или пропуском одинаковых букв объясняются и следующие описки: болѣзли 189б, к роѣздѣ (= розъѣздѣ) 118, недель (= не даль) 85, дрекыныи 216, ѡрдыныскыи 236, ѿ вы/ры 388, к полоуко 47б, рать-юрьевоускоую 231б, роудоуется (= радоуется) 346, на своемъ двѣрѣ (= дворѣ) 310.

Указание на хрисовулы византийских императоров: прївезе грамотоу съ златою печатью (от греческого царя Ив. Кантакузена) 109б.

Переходя к рассмотрению языка летописного сборника Авраамки, считаю нужным напомнить, что этот сборник переписан в Смоленске лицом, относительно принадлежности которого к той или другой местности не имеется никаких документальных данных, кроме свидетельств языка его рукописи. В основе рассматриваемого сборника лежат новгородские летописи. Таким образом уже можно предположить, что язык летописного сборника Авраамки представляет отражение особенностей смоленского говора XV в.; могут проглядывать в нем и черты новгородского говора, а может быть, и других мест, если бы оказалось, что переписчик Авраамка не был местным уроженцем. Все это подтверждается, как увидим, и данными языка.

Смоленский говор рассматриваемого времени довольно обстоятельно исследован в статье А. И. Соболевского «Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV веках» (РФВ, т. XV, 1886). Уважаемый автор приходит

к следующему выводу: «Смоленско-полоцкие кривичи были по языку близко родственны с кривичами новгородскими и псковскими. Их говор издревле имел ту же черту, что и говоры новгородский и псковской, взаимную мену *ц* и *ч*, но не знал ни новгородского произношения *ѣ* как *и*, ни псковской мены *з* и *ж*, *с* и *ш*. Взамен этого ему был свойствен не существовавший в новгородском говоре переход *у* в *в* и наоборот, развившийся уже в историческое время и издревле существовавший в говоре соседних смольнянам и полочанам дреговичей — предке нынешнего белорусского наречия» (ib., 20—21). Таким образом, по своим основным чертам смоленско-полоцкий говор несколько сходен с соседними новгородским и западнорусским говорами; отсюда естественно встретить в нем и некоторые другие черты последних говоров. В 1886 г., когда явилась отмеченная статья А. И. Соболевского, летописный сборник Авраамки еще не был издан, поэтому вполне естественна и некоторая неполнота сообщаемых в ней сведений; в настоящее время их можно значительно пополнить.

Собранные материалы расположу в системе, причем везде по возможности буду выделять черты смоленского говора от тех, которые можно приписать влиянию соседей.

ФОНЕТИКА

Гласные звуки

В отделе гласных обращают на себя внимание прежде всего случаи аканья, роднящие рассматриваемый говор с соседними белорусскими. Таковы: пропавѣдаше 32, ѿ славенца 67б, съ братамъ 68, к наоўгородчемъ 78, начовалъ 101, начевать 373, повазѣвавъ 187, златаоуста 302, с навгородци 306, браталюбно 306, свой злый наровъ ѿбнажи 306, не сматрѧ 379. Менее достоверные случаи аканья представляют некоторые собственные имена и слова иностранные: авгоустъ актавїевъ снъ 18б, саломию 39, 39б при «соломина» 38б, конана 174, трѹфана 277б, манастырѧ 230б (ср. монастырѧ 419), по двѣ нагатѣ 55б, грамату 165 при «грамотоу» 165б. Случаев появления *а* на месте *е* значительно меньше, как это и вообще наблюдается в древнерусских памятниках, например: творѧхоу — держаща (вм. держаще) 75б, издалеча 131, гл нѣшаго 201б, заячаны 351 (из заячены — заячины); да и из приведенных примеров может быть следует исключить нѣшаго, так как *-аго* могло попасть в его окончание по аналогии имен прилагательных, хотя, правда, и нерусского типа, но очень распространенных в старинных памятниках.

При отмеченных случаях аканья преобладающими, конечно, являются этимологические написания с *о* и *е*, часто очень отличные от принятого теперь употребления, вроде слов с приставкой *роз-*, как розкречї 169 и под.; некоторые из подобных написаний, быть может, отражают особенности северноруcского, точнее новгородского, оригинала, бывшего в руках нашего переписчика. Таковы случаи: за боранъ 391б, робу 400, тотарьскою 72, тотаровѣ 79, ср. 134б, нотальи 120, нозаръ 235, из он-

тонова 419, ср. 230б, **ѿнанью, ѿфонаса** 75; все приведенные случаи находят отражение и в других древнерусских памятниках, особенно случаи с *о* на месте инославянского *а* безударного. Но рядом с приведенными можно также отметить примеры появления *о* даже на месте *а* ударяемого: **ѿфоносъ** 274, **двожды** 119б, ср. 409, **грамотїкъ** 40, **морова** 43б, **насожоны** 231б. Последний случай, как явившийся по аналогии таких образований, как «нóшен», не характерен; да и «двожды» скорее явление морфологическое, развившееся под влиянием основы *дво-* (в *двох*) и таких образований, как *одиножды* (ср. «Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1897 г.», 38, замечание А. А. Шахматова).

И в переходе *е* в *о* с предшествующей мягкостью согласного (*ё*), встречающемся в некоторых словах рассматриваемого памятника, хотелось бы видеть явление, обусловленное подобными же причинами, как и рассмотренное выше аканье, т. е. положением гласного под ударением в связи с некоторыми другими условиями, сходными с теми, которые вызывают этот переход в белорусском и южновеликорусском наречиях. Однако же примеров такого рода встретилось мало: **роди сѣмона** (чит. семёна) 420б рядом с «**сѣменъ роди**» ib., **фодора** (чит. фёдора) 90 рядом с «**федоръ**» ib., **сыньчомъ** 85. Обыкновенно *о* на месте *е* появляется в рассматриваемом памятнике, как и в других древнерусских произведениях этого времени, писанных в западной и южной Руси, только после *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *ц*, притом и в слогах безударных: **ѹжо** 387б, на **жоракѣ горѣ** 82, **жолоза** 163, **насожоны** 231б; **шолонѣ** 97, **на юрышокѣ оулицѣ** 119б, **тахтамышовыми** 139б, **кышолъ** 86, **нашомѹ** 246б; **начокалъ** 101, **чоломъ** 168б, **вѣчомъ** 212б; **щолкановщина** 79б, **спасающомоу** 149б; **новгородцовъ** 76б, **цолованье** 244.

В рассматриваемом памятнике наблюдается также переход *а* (из основного славянского **а**, **ѣ** и **ѧ**) в *е*: а) под ударением: **се же знаменье прошклеше злое пришествие** 141б, **держелъ еси** 275б, **печелемь** 435б; б) без ударения: **слышети** 51, **новгородци послаше** 86б, **почалѣ бѧше грабить** 74, **огорѣ... свѧтае оуфимьи** 312б. Если приведенные случаи с *е* под ударением вм. *а* не представляют собой описок, то в рассматриваемых написаниях такая же черта, какую можно наблюдать в памятниках этого же времени псковского и новгородского происхождения. *Е* безударное на месте *а* — черта западнорусская.

Если «поповечь» 372 не равно ***поповьць**, а произошло из «попович», равного **поповишть**, то в этом слове имеем появление *е* на месте *и*, что наблюдается изредка и в памятниках западнорусских и новгородских. Звук *е* на месте *и* имеем и в следующих случаях: **галелѣйскоую** 36б, **дѣте боярьскѣй** 175, **хто что вынесле** 88б. Два последних примера могут быть объясняемы и иначе: в них *е* может заменять *ѣ*, которое в рассматриваемом памятнике, как увидим ниже, часто чередуется с *е*; а тогда «**дѣтѣ**» и «**вынеслѣ**» будут явления морфологические, о чем речь после.

Очень характерными для решения вопроса о месте написания и происхождения той или другой древнерусской рукописи являются те или другие заместители древнего *ѣ*. По ним можно судить и о говоре интересующей исследователя местности.

В нашем памятнике: 1) ѣ смешивается с *е*: с одной стороны, имеем **речѣ** (= **рѣцѣ**) 58б, **рыбе** 23б, **в храмѣ ркоуче в ропате** 335, **Ѿтоле** 113; сюда, может быть, относятся и вышеприведенные **дѣте и вынесле**; с другой стороны, имеем случаи с ѣ вм. *е*, особенно перед мягким согласным: **вѣлїкоую** 94, **сѣме** 109, **развѣрже миръ** 116, **нѣ|мѣчь** 76б, 95б, **юрьѣвъ нѣмѣцкый** 81, **теремѣць** 207б, **цѣлова** 85 **при цолованьѣ** 94, где *о* несомненно указывает на *е*, **Ѿвоцевѣ различнии** 333б, где ѣ может быть и морфологического происхождения, **нѣ хоцете** 99б, **нѣ льзѣ** 234;

2) ѣ смешивается с *и*; вследствие этого находим *и* на месте ожидаемого ѣ, притом под ударением: **ѻпрїсночнаѧ** 27б, **в печенигы** 49, **на нимци** 63б, **нитоу** (= нѣтъ) 94б, **разгнївася** 116б, **Ѿгришокъ** 183б, **понединику** 307б, **пишии** 127б, **пиши** 322б, **Ѿ свѣдителе** 406б, **повелиша** 139б, **всими** 26б, ср. 84б, 217б, **по дви ноци** 207б, **по дви коробьи** 262б. Три последних случая могут найти и другое объяснение — морфологическое. С приведенными примерами нельзя сопоставлять таких, где *и* на месте ѣ безударного: **Ѿбили** (= обѣлй) 255, **дитинца** 254, **Ѿ мирилѣхъ** 369б, **видити** 129б, **видивше** 134б, ср. 235б, **не видили ли** 331б, **свѣдинїѧ** 6б, **в новѣгородї** 49б, ср. 67б, **при всеволоди** 51, **к городи** 122б, 184, **въ всемъ мири** 216б, **Ѿ кнѕѣ йвани** 231, **въ оужаси** 288б, **на горли** 16б, **на бесѣди** 13б, **по старїни** 175, **на зими** 254б, **въ велици чти** 287, **Ѿсели** 7б, **ѥже йимъ надоби** 316. Еще больше можно указать случаев противоположных, где употреблено ѣ на месте ожидаемого *и*, притом как под ударением, так и без него: **чтныи рѣзы** (= ризы) 424, **судѣти** 374, **свѣнѣны** (= свинины) 351, **свѣныни не ѣсти** 350, **изгнѣѣть** 348, **по завѣсти** 347б, **прѣдѣте** 323б, **той зѣмѣ** 252б, **на оулицѣ** 215 (ib. на оулицѣ), **пополѣша** 215, **оумѣрѣ** (= умирилъ) 302б, **поустѣша** 146б, **на крѣлѣ** 136, **Ѿполчѣвьшеся** 130б, **Ѿ концѣнѣ** 130, **Ѿвѣлися** 128, **всякъ възносяйся смѣрится. а смїряяйся възнесется** 121 (**смѣрится** здесь конечно не = старинному **съмѣриться**), **ѣздѣша** 120, **побѣша** 76, **весчѣслено** 108, 205, **четырѣста** 12б (если не из «четыреста»), **не гнѣюци** 11, **позлатѣ** 11 **въ прьвѣмъ словесѣ** 4б, **по доунаѣвѣ** 40б, **на чюдѣ** 42б, если в трех последних примерах не морфологическое явление **по тѣ|тѣ** (= по Титѣ) 20б, **в кѣпрѣ** 31б, **на двѣноу** 91б, рядом с «**по двинѣ**» ib., **архимандрѣта** 92. **зѣновїа** 210б, **в лѣтъвѣ** 249б, **Ѿ александрѣя** (-їи) 20б, ср. 31, **со пьсковѣци** 166б, **йюдѣнъ** 39, **костянтѣнъ** 81б, 87 рядом с **костянтинъ**, **к вѣтоктоу** 184б, **софѣю** 23, **в кѣевѣ** 333, 347б и др., **борѣсъ глѣбъ** 249б, **хрѣстьянъ** 86, **хрѣстьяномь** 258—258б (в двух последних примерах ѣ может быть и на месте *е*, так как «хрестьяне» могло явиться под влиянием «крестьяне»), **по полугрѣвни** 339б, **съ своймѣ вой** 187б, ср. 308б. Может быть, не фонетическое явление в таких случаях возникновения ѣ на месте ожидаемого *и*, как: **сѣлѣ соут словенѣ** 40б, **свѣжалѣ** 70б, **почалѣ** 74, **далѣ** (2 боярина) 82б, **измѣнилѣ** 83б, **повелѣ** (= повели) 84, **пострѣлилѣ** 116б, **шлѣ новгородцї** 119б, **ѥсте ялѣся** 169б рядом с «**есте Ѿнялися**» 170, **слыхалѣ** 207, **вы — не йздержалѣ... вылѣ** 211, **водилѣ** 320б.

Таким образом, в рассматриваемом памятнике имеем, с одной стороны, смешение *е* и ѣ, а с другой — смешение *и* и ѣ. Первая черта,

замечаемая уже в самых древних памятниках русского извода, представляет в XV в. особенно характерное отличие памятников западнорусских; к ним приближаются в этом отношении и смоленско-полоцкие; значит, в этой особенности сборника Авраамки следует видеть местную смоленскую особенность. Что касается смешения *ѣ* и *и*, т. е. звуков *е* и *и*, притом даже в слогах ударяемых, то эта черта в смоленском говоре другими памятниками не засвидетельствована; не знают ее в таком значительном количестве случаев и соседние белорусские говоры (теперешние и старые); зато эта черта очень распространена в памятниках новгородских и отчасти псковских. Это последнее обстоятельство дает основание полагать, что эта черта в нашем памятнике пришлая: она встречалась в том оригинале, с которого сделал свой список Авраамка, а быть может, это была черта его родного говора, если он не был смоленским уроженцем. Еще следует сделать одну оговорку относительно замены *и* посредством *ѣ*. В незначительном количестве случаев черта эта известна новгородским памятникам, в которых на месте *и* в таких случаях, может быть, и произносилось *е* (ср. Соболевский. Лекции[2], стр. 87—88; примеры еще ср. Шахматов: Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 138, 168—170); но в нашем памятнике эта черта встречается довольно часто; причем иногда в таких случаях, в которых живые говоры не дают основания предполагать произношение с *е*; вследствие этого приходится в рассматриваемой мене отчасти видеть явление графическое, такое, какое нередко наблюдается в XV—XVII вв. в памятниках юго-западнорусских. При допущении последнего предположения придется считать Авраамку уроженцем юго-западной Руси. В пользу этого предположения нас склонят, как увидим ниже, и некоторые другие черты рассматриваемого памятника.

Так как в рассматриваемом памятнике оказалось возможным появление *и* на месте *ѣ*, то естественно было и проникновение *и* на место *е* (=є и ь): **не мидлѧща** 281, **оумидлилъ** 405, **чистно** 277, **грическомꙋ** 317, **тивиріи̂** 18б, сюда, конечно, не относится «**на корїлоу**» 67б, так как его *ї* стоит на месте *ѣ*: **корѣла** неоднократно встречается в древнерусских произведениях (ср. «Исследования по русскому языку». Изд. ОРЯС, т. I, стр. 151, статья Шахматова). В приведенных примерах *и* заменяет *е* ударяемое. Еще больше случаев можно отметить появления *и* на месте *е* безударного: **изкистью** 255, **тфирици** 129, **кн҃зѧ гидимона** 79, **гидиминъ** 82б, **гидѣмонъ** 83, **макидонѧнинъ** 30б, **по секирѣ** (Severus) 20б, **севиръ** 21б, **зинонъ** 17б, 23, **палистиниѣю** 18, **на рѹбїжи** 95, **о пристрашномь видѣнии** 246б, **мѣрѧ жи** 42; **придохомъ кнѧгини** (зв. п.) 322, **оумирахꙋ дѣти пре^д ро^ди телимь** 262б, **гостики** 393б, рядом с «**гостеки**», **послѣ^д нїе плє(не)нїє** 185, **будить** (=**будетъ**) 220б, **затвориными** 24б. Если не иметь в виду собственных имен и иностранных слов, в которых появление *и* на месте *е* может быть вызвано каким-либо перетолкованием или народной этимологией, остальные случаи могут найти подобное объяснение, как и переход *е* безударного в *и* в теперешней нашей литературной речи.

Рассматриваемый памятник также дает несколько случаев явного смешения *и* и *ы*: а) *и* на месте *ы* находим, например, в следующих словах: сестра иˣ *ли*бедь 42 (ср. на лыбеды 345), ѿ поустⁱнѧ 243, нови*м*ъ горомъ 305б, иниꙗ изымаша (accusat.) 61, в люди цр̑квъ-ни*и*ꙗ 371б, черни*х*ъ людей 66б, *ми* приꙗхомъ 344, чтоби кнѧгыню приниали 270, из орди вышолъ 86б, ѿбиди—нѣтоу 98, ѡ взѧтьи москви 141, кто йзгнать сили гнѧ 226; б) *ы* на месте *и* представляют следующие случаи: вымъчаты 4б, портыща 37б, люды крти 48, люды выидуть 395, на плоⷮ҇дьі 124, на лыбеды 345, а кнѕый ростовьскыхъ 113б, зымы 186б, не вылазыти 397, къ своꙗсы 126, истребыⷮ 47, быюще 221б, в кыёвы 380б, выдока 389, кыдай мы 177, поушкамы бивъ 184, съзвалъ ёсмы 380, вынызывдёть—своꙗ зоубы 107б, свѣнины 350; в) есть даже случаи, в которых *ы* смешивается с *ѣ*, которое, вероятно, было прочитано как *и*: ныщии 19б (=нѣщии); обратные случаи употребления *ѣ*=*и* на месте *ы*: ѻубѣткѣ (=убытки) исчести 15б, монастѣрѣ 204. К случаям смешения *и* и *ы* не отнесены еще те, в которых *ы* и *и* стоят после задненебных; речь о них после. Отмеченное смешение *и* и *ы* известно только памятникам юго-западнорусским, в более древнее время — галицко-волынским; оттуда оно могло зайти и в наш памятник. Но каким путем? Единственно возможное объяснение в данном случае, по моему мнению, допущение происхождения писца Авраамки из юго-западной Руси, или, по крайней мере, из Полесья.

По аналогии теперешних смоленских говоров, да и древних (РФВ, XV, 21), а также соседних белорусских, можно бы ожидать встретить в рассматриваемом памятнике следы *ў* неслогового на месте *у* неударяемого, что на письме в старинных памятниках обыкновенно обозначается посредством *в*. Но мне не попалось ни одного такого случая; могу отметить только предлог *ув*, вероятно, равный *ўў*: ѿиша—оуво ѡндрѣꙗна оу захарьина 111, ѻ увъ оуспениꙗ стѣй бци 286б, оуво ѿца 373б, ѻуво ѡжѣ (там же: на ѡкожи) 233б.

В рассматриваемом памятнике *й* не находит для себя особого обозначения: обыкновенно оно передается посредством *и*, над которым иногда ставится какой-либо надстрочный значок (῾, ᾽, ˜), но эти же значки попадаются и над *и* слоговым. Но встретилось несколько случаев, несомненно указывающих на *и неслоговой*, это: съ много скоростию 137, съ малою дроужино 339б, съхранени бжье благˣ/тью 126, бжьё помощию 252б, гнать моуисе 2, на синастѣи горѣ 6б, красота житискаꙗ 202б, старишаго, старѣшии 206б (при «старѣишиˣ» там же). Во всех приведенных примерах неслоговое *и* опущено именно потому, что писец не умел обозначать его.

Отметим пропуск безударного *о* в слове новторсци 99 при «новоторьскоую» 79б.

Судьба глухих ъ и ь в рассматриваемом памятнике, насколько можно судить по его орфографии, приблизительно такая же, как и в современной живой речи и орфографии. Однако вследствие того, что наш памятник относится к концу XV в., когда на правописании

сильно сказалось югославское влияние, и здесь находим некоторые особенности. Так:

а) не редкость встретить написания с *ръ — рь* на месте ожидаемых *ор — ер*: **кръмити** 2б при **кормъ** 398, **пръвѣмъ** 4б, **жрътовникъ** 9б, «**трьпѣние**» рядом с «**нетерпение**» 2б;

б) попадаются случаи употребления *ь* вм. *ъ*: **изь заморья** 163б, **на сьѣздь** 163б, **ѿ юзь свободи** 17, **петрь** 19, **папь имена** 33б, **на кыѣвь повелѣ** 84, **въста югь вѣтръ** 96, **люль бѣ пожаръ** 88б, **въ двоусоть** 91б, **ѿполчѣвьшеса** 130б, **презираемь** 247б, **позьванъ** 112б;

в) особенностями старинной графики, в данном случае, быть может, западнорусской, следует объяснять появление *ъ* и отчасти *ь* в группе согласных без всякого для этого основания в звуковом составе слова: **рекълъ** 3б, **витовътомъ** 211б, **сътрахѡ** 134, **чамъблачѣ** 218б, **к лѣтъвѣ** (= в Литве) 249б; желанием закончить строку гласным объясняется *ъ* в «**Валъ/рфоломѣевъ**» 91б; вставочный *ь* в группе согласных имеем в словах: **моськва** 85б и **въ пьсковѣ** 74 из «**псковѣ**»; впрочем написание последнего слова с *ь* очень обычно и в других старинных памятниках (ср. «Исследования по русскому языку», I, 176);

г) непониманием действительной разницы в орфографии между *о* и *ъ*, а также отчасти между *е* и *ь* объясняется употребление *ъ* на месте *о* и *ь* на месте *е* в следующих случаях: **вътчиноу** 83, 155, **вътьциноу** 138, даже — **свою въѿчиноу** 172, **своеи въотчинѣ** ib., **своеи въочины** 172б, **върдоу** 81б при «**кордоу**» 84, **со събою** 123, **печьрьскыи** 50 (**пештерьскъ**);

д) отчасти тем же обстоятельством, отчасти же другими причинами, напр. действием аналогии, объясняется появление *о* и *е* на месте *ъ* и *ь* в тех случаях, где им не должно бы быть; **ѡу кого лежало товаръ** 392, **во лѣ** 25б, **во ѡрдоу** 68, **во ѡдежа** 131, **ко ѡлгердоу** 93б, **со собою** 366б, **изо ѡснования** 70, **изо ѡнтонова манастыря** 230б, **изо ѡчью** 222б, **оугожеши** 311б, **в мегновение** 313б;

е) есть, наконец, случаи непоявления гласного на месте *ь* в группе согласных, в теперешней речи считающейся неудобной для произношения: **въ велици чти соуще** 287; в подражание подобным случаям пропущено и *е* основное безударное: **по шти лактїи** 11.

Полногласные формы везде господствуют; как более редкие отметим, например: **к сторожѡ** 93б, **вологу** 398, **жолоза** 163, 217, **безкеременныя** 203, **постеречи** 89, **мерети** 261. Случаи так называемого второго полногласия: **холомьскы** 83 (**хлъмъ**), **к чолонъ** 222 (**члънъ**), **молоний** 225б (**млънии**).

На месте старинных окончаний — **ыи** — **-ии**, **-ъи** — **-ьи**, а также на месте тех же сочетаний в середине слов обыкновенно находим *слоги -ый — -ій*, например: **скатый** 2, **третій** ib., **седмый** 2б, **антоній** 60, **дошїй** 359б, **лактїи** 11 (род. п. мн. ч.), **волостїй** 172 и т. п.; даже попадаются такие написания, как **Юрьи** 60. Такие написания вполне соответствуют западнорусскому произношению современному и старинному. Даже формы род. п. мн. ч. представляют *-ій*, так как их окон-

чание не стоит под ударением. Но рядом с этими сочетаниями встречаются также *-ой* — *-ей*, отражающие живое великорусское произношение, известное отчасти и старым западнорусским памятникам (ср. наше «К истории звуков и форм белорусской речи», 26, 64, 99, 133, 218; «О языке так называемых литовских летописей», 25; «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках», 190; тоже можно найти и в других работах); сочетание *-ей*, по особенностям письма данного произведения, передается и через *-ѣй*, хотя в последнем можно бы видеть и *-ій*: **присла цр҃ь татарскыи зокомои** 177, **рыбѣи хкостъ** 23б, **животворящей кртъ** 24, **некторей** 34б, **игнатеи** 68б, **кейстоутей** 94б, **колостеи** 171б, **черниxъ людей** 66б, **василей** 96б, ср. 90б, **дмитрею** 270, **копейнымь** 60, **бестрѣй кунъ** 400, **конѣи** 138б, **василѣй** 96, **григорѣи** 162, **левонтѣи** 54б, **иеремѣя** 16, **съгорѣ цркѣй. ѣі** 54.

Отметим еще несколько мелких явлений:

1) появление *е* на месте иноязычного *іо*: **есифа** 92, **есифь** 161б;

2) появление *о* на месте церковнославянского начального **е**: **ѡдва** 40, **ѡ҃** 84 (= еже — что), **ѡакимомъ ѡрлмъки** 307; в последнем слове *о* на месте *е* из *іе*;

3) появление *ы* в предлоге *кы* вм. *къ*: **кы изборьскоу** 93, **платити кы йстьцю** 391б; здесь *ы* собственно на месте *и*, стоящего после твердого согласного: **кыстьцю, кызборьску**; *и* в приведенных примерах восстановлено вторично;

4) в слове **оустапати**, поправленном из **оуступати** 131, встретилось *а* на месте *у*;

5) в слове **ѡслышитися** (ослушаться) в основе *ы* вм. ожидаемого *у*;

6) в нескольких примерах употреблено *у* вм. *о*, должно быть, закрытого, приближающегося к *у*: **кароула** 26б, **кароулъ** 27 (при латинском Carolus), **соугнавъ** 215б (здесь, может быть, предлог *су-* = **сѫ**), **мужаиски кн҃зь** 266, **оуларьнаго** 410 (**орарьнаго**);

7) в нескольких примерах встретилось написание *ю* — *у* на месте ожидаемых *е* (*ё*) — *о* и даже *и*: **семьюнъ** 56б (может быть, здесь неудачная попытка передать «сéмóн»), **конжю**: **прі семъ раздѣлениє языкомъ. по странамъ конжю**: **своа нравы приаша...** 4, **трюфана** 277б, вероятно, вместо Трюфана, точнее Trüfana;

8) в трех словах встретились удвоенные написания гласных: **ст҃го єгоѡргиа** 271б, **адаамъ** 1, **иноплеменіикомъ** 134; все эти примеры, по всей вероятности, описки;

9) вероятно, описки представляют и следующие случаи: **здоровыемъ** 283, с *ы* на месте *ь*; **врата граниа** (= врата гр.) 149, **владычня** (= **владычная**) 159б, с **я** на месте *а*. Сюда не относится случай: «**ѿ буря вѣтреняя**» 245б, так как **я** в этом примере старого происхождения: в церковнославянском языке, кроме **вѣтрьнъ** есть и **вѣтрьнь**. К опискам принадлежит и *и* вм. *о* в «**вси родиве**» 31 и *о* вм. *и* в «**кн҃зя гидимона**» 79, ср. 83, хотя в собственном имени возможно и какое-либо перетолкование. Опиской или непониманием места следует объяснять **оукызборцевь** 42 вм: **оу козъ Борцевъ**.

Подобно произведениям западнорусским, наш памятник дает указание относительно существования в смоленском говоре *ў* неслогового на месте *в* в известном положении. На письме это явление обозначается посредством *у*: **наоу҆городчемъ** 78, *оу* **ладогѣ** 86.

Встречаются несомненные случаи, свидетельствующие об утрате мягкого *р*: это соединение *р* с «твердыми» гласными вм. ожидаемых «мягких», с одной стороны, а с другой — появление написаний с *-рю-*, *-ри-* на месте *-ру-*, *-ры-*. Примеры: **разаньскую** 62б, **разаньскыи** 161б, **браньскы** 91 рядом с **брацокъ**, **црь** 203, **буря съ вихромь** 225, **ноябра** 306б, **трызноу** 324; **прюскаа** 185б, **стариа** 354б, **рі/даніе** 151б, **оукритися** 182. Отмеченная черта рассматриваемого памятника, несомненно, белорусского происхождения.

Губные согласные на конце слов отвердели: **цркв** 95, 119б, **любовъ** 148б, **скорбъ** 157б, 246б.

Заместителями основных сочетаний *dj* и *tj* являются *ж* и *ч* рядом, конечно, с церковнославянскими **жд** и **щ**; *жд* иногда даже заходит туда, где ему не должно быть. Примеры: **съзижемъ** 3б, **гражанѣ** 128б, **ѿдежа** 131; **всеволодичь** 54б, **розвречі** 169. Редкие случаи с *жд* (больше, вероятно, на письме, а не в произношении): **межᵈю** 3б, **всесъжᵈжение** 16б, **по можᵈеелникоу** 130б, **даᵈже** (=даже) 28б, **даждь** (=даже) 33б: **быша латини с нами во всякомъ православии дождь и до папы...**

Шипящие согласные и *ц* обыкновенно сочетаются с «твердыми» гласными, иногда даже бывает *ы*: **дожыдающе** 98б, но изредка попадаются после них и «мягкие» гласные: **межᵈю** 3б, **скрекчюще** 128, **истьцю** 391б, **соулици** 231б, **новгороці** 119б, **теремѣць** 207б, **псковиць** 81, **нѣмѣць** 76б.

Задненебные согласные, по памяти о старине, обыкновенно имеют после себя *ы*, в чем, быть может, сказывается и живое произношение писца. Примеры: **геѡргыи** 47б, **микыта** 168б, **микытинѣ** 259, **мужаискы кнзь** 266, **к печенигы** 49, **погыбелъ** 101, **литоургыи** 112б, **иканъ холомьскы** 83, **бѣжичкы** 84б, **браньскы** 91, **скыму** 82б рядом со **скимѣ** 65б. Но задненебные могут соединяться и с «мягкими» гласными: **покергя** 89, **рка** 116б, **фекюдинъ** 17б; даже конечные *к* и *х* иногда имеют после себя *ь*: **полкь** 94, **верхь** 170. В рассматриваемом памятнике уже очень обычны случаи соединения задненебных с *ѣ*, как в великорусских говорах: **оу ладогѣ** 86, **на лоугѣ** 157б, **по маркѣ** 20б, **на вислѣ рѣкѣ** 40б, **на усть пшагѣ рѣкѣ** 97, **на ѡкѣ на рѣкѣ** 145, **ко изборьскѣ** 43, 94б, **при посадникѣ** 84, **любоутьскѣ** 121б, **клᵃкѣ** 158, **ко ѡпокѣ** 82, **пакѣ** (=паки) 147. Но рядом с такими соединениями попадаются случаи и старинного смягчения задненебных в свистящие перед *ѣ* и даже *и* дифтонгического происхождения: **по колзѣ** 41б, **по дорозѣ** 142б, **начало роустии земли** (в последнем случае *и* на месте *ѣ*, так как здесь форма дат. п. на месте род. п.); в выражении «**на соусѣ**» 22 (**отбѣже море далече и корабли на соусѣ...**) звук *с* может быть не на месте *х*,

а *ш*. В отмеченном смягчении задненебных хотелось бы видеть живую черту смоленского говора, так как это явление наблюдается в нем и до сих пор (ср. В. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, I, вступительная статья), да, кроме того, оно свойственно соседним белорусским говорам — старым и современным.

Вследствие утраты в произношении неслоговых ъ и ь уже в древнерусском языке образовались вторичные сочетания согласных, не удовлетворяющие требованиям закона об однородности рядом стоящих согласных; вследствие этого произошли новые уподобления звуков, что на письме, впрочем, не всегда обозначалось. В рассматриваемом памятнике, однако, встречается достаточное количество случаев, подтверждающих отмеченное уподобление: **сковоро*т*кѣ** 114, 207б, **мор*т*кѣ куньи** 208б, **ѿ пакосковъ** 265б, **подкоского** 274б, **двоунатцати** 48б, **дроугынатцá** 208б, **полътретьятчать** 269б, **мерско** 202, **ӥс перевславла** 114б, **вес трѣй** 400б, **скрекчюще** 128. Сюда не относится **некли** 141б, так как уже самые древние произведения знают это слово в двух видах: **негли** и **некли**. При рассмотренном переходе голосовых в безголосные перед безголосными есть, конечно, немало случаев и следующих старинной орфографии, например, **назавьтрѣѐ** 264б, **прековьходнаа** 25б, **задъхошá** 124б и т. п. В выражении «**съ тферици**» 75 при сравнении с литературным «тверичи» можно бы видеть уподобление последующего согласного предыдущему; но если обратимся за справками к другим памятникам, притом более древним, то найдем, что «**тверь**» и производные от него имеют в корне **тьхк**-; тогда в «**тферь**» будет более сложное явление, нежели простое уподобление звуков.

Голосовые переходят в безголосные и в изглашении слов; в рассматриваемом памятнике этот переход также, вероятно, наблюдался, хотя на письме он нашел отражение только в двух случаях: **пришеть (пришьдъ) ратью** 123, **синеоузъ** 43 с *з*, поставленным на месте *с* из желания избегнуть погрешности против орфографии, требующей на конце слов голосовых, хотя бы и произносились безголосные.

Вследствие того же закона однородности звуков в новых сочетаниях согласных безголосные перед голосовыми переходят в голосовые; особенно это следует сказать про предлог *с*, который в отмеченном положении переходит в *з*: **здоровѣ** 73, **здоровъ** 96, **здѣлаша** 86б, **въ зборнѣи** 94б, **згони** 114б, **згорѣ** 157б, **зговорикъ** 221, **з доновьского** 138б; после того, как предлог *с* обратился в *з*, на письме еще иногда восстановляется и *с* и вследствие этого получается как бы удвоенный предлог: **по бѣлѣ** *съз* **ымá** 42б, **ѡблакъ тученосенъ** *сз* **дожемъ** 266. Обращение предлога *съ* в *з* отчасти зависело и от смешения его с предлогом *из*: **лють бѣ пожаръ** *из* **боурею** 88б. Переход безголосных в голосовые в отмеченном положении, вероятно, был во всех случаях, но писец старался держаться этимологического письма, переходя в этом отношении иногда даже меру. Так у него встречаем даже такие написания, как **пѡжечника** (= стреляющего из пушки) 260б, **по жлахоу**

(=по шлягу), куда *ж* зашло вм. *ш* из опасения допустить ошибку против этимологического письма.

Шипящие согласные перед свистящими переходят в свистящие: новторсци 99, новоторьскоую 79б при «новторжьци» 123б и даже «ис торжьшкоу» 88.

В подвергшихся уподоблению группах согласных могут появляться новые изменения, состоящие в упрощении получившихся однородных групп посредством пропуска или слития некоторых согласных. Примеры: лоутши вѣра 97б, кнѧщинъ 253; новгороцьки 51, ср. 67б, новоторци 123, свѣского королѧ 100, плачетца 152б; иногда в подобных образованиях восстанавливается еще и первоначальный согласный: новгородцкомоу 174, даже «оу новгородьтца» 418б.

Есть несколько случаев, указывающих на то, что перед мягкими согласными предшествующие им согласные становились мягкими: йтьти 243б, аньтиохій 32, высокоўмьльвіи 120б. Можно бы указать еще несколько случаев в этом роде, как аньдрѣѣви 71б, йзь землѧ 6б, сь чтью 354б, изборьскѣ 43, или в положении перед *j*: на сьѣздь 163б, изь єгипта 6, изьймаша 55б, но ввиду того, что в этом памятнике возможно смешение *ъ* и *ь*, все приведенные примеры довольно ненадежны; в некоторых, как «изборьскѣ», или «тотарьскою» 72, *ь* находит для себя и этимологическое оправдание. Мягкость согласного, вызванную иными причинами, обозначает *ь* в словах: верьсть 164б, верьсты 4,

На месте старинных групп кът и чьт встретились *хт* и *ч*: хто 88, 88б, 138б, 284, чобы (чтобы) 170б. В последнем случае не описка ли?

Выдающуюся особенность рассматриваемого памятника составляет смешение *ч* и *ц*. Вследствие этого находим:

а) *ч* на месте *ц*. новгороҳчкый 67, стр. 72б, безъ новгорочкого слова 116, новгородьчи 73, ср. 166б, 203б, новгородчовъ 77б, наоўгородчемъ 78, юрьевъ нѣмѣчкыи 81, сыньчомъ 85, ср. 205, наречаемый 36, в нарѣчаемѣмъ 37б, ср. 142, наріцаемаго 72, оулички, оуліцѣ 118б, ср. 259, оуліча 185б. конечь 1, жре/чь 36б, в торопечь 58, члколюбечь 137, ст очь 23б, ср. 38, чѣлованью 158, речѣ 58б (рѣцѣ), влчѣ 84, чрква 10б, кочелъ 43б, в радоковічахъ 158б при «в радоковицахъ» 110б, 158 (впрочем, нельзя положительно сказать, которая из приведенных форм более первоначальная), коупечкоую 73, чамъблачѣ 218б, вноучи 333б, ꙗзычи прідоша 151, взѧша ѡдінавтко 118б, в черньчоˣ 69, черньчовь 118б, сродничи 107, тысѧчкого 81б, вѣжичкы 84б, по величи дни 86, галічкому 72, в полочкоу 51, ср. 47б. Особого происхождения *ч*, а не плод смешения с *ц* в словах: чепью 101б, ѡнчифоръ 92;

б) *ц* на месте *ч*: пьсковіці 63, ср. 83б, 92б, псковіцѣ 81б, псковіцаᵐ 95б, радимициˣ и вѧтици 42б, ср. 44б, 330б, вѧтицамъ 330б, кривици 42, ср. 43, дрегвици 41, вохьмицй 46, тфѣрици 80, ср. 75, ѣдоуци 167, а ркоуци 207, идуци 252, сестріцица 39б, сна посадница 87, цлкъ 19б, городцанъ 74, цинити 77б, оуцаще 26б, нацаша 42б, ср. 131б, кріцаща 150, цающе 311б, тысѧцоу рати 99, ѡ концѣнѣ єго 130, до мецѣ (до реки Мечи) 135, вътьциноу (вотчину) 138, проціи 145, нпѣца 206б, казна-

цѣй 206б, на вѣцѣ 254б, стрѣцѣ (встрече) 119, целовѣка 344. Может быть, особого происхождения *ц* в «цѣмь» 121 (*ц*, может быть, зашло сюда по памяти о старинном твор. п. к къто — цѣмь).

Взаимная мена *ч* и *ц*, несомненно, живая черта смоленского говора XV в., засвидетельствованная и другими памятниками, известная также соседним новгородским, а также севернобелорусским говорам.

Рассматриваемый памятник дает еще несколько случаев смешения *ж* и *з*, *ш* и *с* : ижеславли 51; впрочем, и в некоторых других памятниках, особенно западнорусских, слова, произведенные от собственного имени «Изяславъ», имеют *ж*: Жаславль, Ижаславль в так называемых литовских летописях. В этом же роде *ж* вм. ожидаемого *з* и в словах сужалль 53, на суждали 53б, суждальцевъ 55 и др. того же корня. *Ж* в этом слове знают и многие другие памятники, не смешивающие звуков *ж* и *з*. И обратных случаев — появления *з* на месте ожидаемого *ж* — тоже немного: кнѧзити 344б, кнѧзикшоу 42, кнѧзикъ 53б, кнзенье 76б, ср. 300; таким образом, все случаи в связи со словом кънѧѕь, откуда могли заимствовать и свое *з*. Мало характерно *з* и в слове «золчи» 346, так как уже в древнейших памятниках древнерусского и церковнославянского языков это слово встречается в виде жлъчь и ѕлъчь, причем второе, быть может, и древнее, а первое образовано под влиянием прилагательного жльтъ (ср. РФВ, XXV, 220). Не больше случаев смешения *ш* и *с*: преставиша (прѣстависа) 51б, васи возѣ 348, ускуи 76б, при «въ ушькуихъ» 116б; сюда, быть может, относится и раньше отмеченное «на соусѣ» (стр. 356). Таким образом, случаи приведенного смешения шипящих и свистящих в рассматриваемом памятнике малочисленны и довольно ненадежны. Но даже если бы и допустить спорадические случаи смешения отмечённых согласных в рассматриваемом памятнике, то мы были бы все-таки поставлены в большое затруднение относительно того, живое ли это было явление смоленского говора, или же заимствованная черта. Смешение *ж*, *ш* и *з*, *с* известно только старым псковским произведениям, смоленские же памятники его не знают. Да и теперешние живые смоленские говоры, по-видимому, этой черты не знают. Есть, правда, одно свидетельство (С. Микуцкого) о том, что «буквы *ш*, *ж* иногда произносятся (и в Смоленской губ.) *с*, *з*»; но приведенные примеры (харасо̀, нисура̀з) далеко не вески (ср. Изв. ОРЯС, т. IV, 1855, стр. 112).

Отметим еще несколько случаев вставки и приставки звуков. По аналогии старинной вставки *т* между *ср*, непосредственно соприкасающихся друг с другом, производится такая же вставка и в группе *ср*, вторичной из сър: стрѣти мѧ вѣсть 101, стрѣте его 104, оустрѣтоша 63б—64, и стрѣтоша 93. Роль приставочного и вставочного звука несет в нескольких словах *в*: дѣвка вучинить 375б, оу вольгерда 109б; левонтѣи 54б. К формам глагола ѩти, как вообще в западнорусских памятниках, приставляется *н*: не нѧлсѧ 212. *Н* зашел в указанное положение, вероятно, под влиянием глаголов предложных. В одном случае приставочным является и *j*: тъ ехонию ѿ

юзь свободи 17; впрочем, это пример для данного памятника не характерный, так как ѩꙁа уже встречается в Сб. Свят. 1073 г.

Из случаев выпадения согласных особенно замечателен пропуск *в* в группе *вл*: ꙗрославль дворъ 223б, но «изяславлѣ» 55. «ꙗжеставли» 51, на даньславлѣ оулицѣ 163, даньславьци 166, но «до даньславлѣ» 118б, ратьслава 180, корославль 322, до ꙗколѣ оулицѣ 229б, на ꙗколи оулици 279, но «ивана ꙗковли» 270. Как смотреть на эту черту? Почти в тех же словах пропуск *в* отмечен А. И. Соболевским в Новгородской летописи по Синодальному списку XIII—XIV вв. (ср. «Одна особенность старого новгородского говора». РФВ, XVI, 351); известна эта черта отчасти и псковским памятникам (Соболевский, Лекции[2], 38). Если приведенные примеры не представляют заимствований из бывших у Авраамки новгородских оригиналов, то придется распространить эту черту и на смоленский говор; живые западнорусские говоры этой черты, по-видимому, не знают. Пропускается *т* в группе *стн* из стьн: намѣсницѣ 70б.

В слове «ѡсподарь» 206 отпал звук *г*, вероятно. произносившийся, как *h*.

В некоторых словах, по-видимому, произошло отвердение согласных или же сказалось неумение обозначать их мягкость. Таковы: пласиша 19, переꙗславла 114б, настрѣлянъ 233, июна 163б, молкаше 340, взаша миръ 166; сюда же, вероятно, следует отнести погыбелъ 101, ѡсенъ 205, хотя в обоих этих случаях и можно видеть простое смешение ь и ъ, как и в других случаях (ср. стр. 354); в «изаславлѣ» 55 скорее народное перетолкование (и—за—слав-), нежели отвердение согласного *з*. Также не будет отвердения согласного в «кнза» рядом с «кнѧ» 178, так как первое соответствует древнему кънѧѕа, а второе — кънѧꙁꙗ. Тоже не отвердение согласного, а особый орфографический прием, наблюдаемый и в других произведениях, представляет написание «вилно» 96.

Противоположное явление — вторичное умягчение согласных, стоящих перед «твердыми» гласными, не засвидетельствовано вполне достоверными случаями: попались только бл҃говѣрнѧго 72б и по полугрѣкни 339б, но в последнем случае можно видеть простое смешение *и* и *ы* (ср. стр. 352—353), да и в первом примере можно видеть смешение основ -ŏ и -i̯ŏ.

Отметим еще несколько мелких явлений в области согласных.

1) Попадаются случаи удвоения согласных без видимой для этого причины: а ссарра 5, по истин'нѣ 14б, ѿтойма 75; в выражении: ро̑ съсалꙋ (=роди саалу) 3 можно видеть удвоение, объясняемое народной этимологией.

2) В противоположность приведенным случаям, в одном примере находим отсутствие органического удвоения: ѿчины 114 (=отьчины).

3) Вм. *к* мягкого встретилось *т* мягкое: Акатьевицѣ (Акакьевичи) нарицаемїи Болуи 135.

4) Встретился случай смешения *р* и *л*: дипка бꙋларьнаго 410. В данном слове это смешение обычно и в других памятниках, особенно западнорусских (РВФ, XII, 26, опись Слуцкого Троицкого монастыря).

5) Как и в других памятниках, а также в живом произношении, *н* заменяется посредством *м* в собственном имени: *М*икитѣ 111б, *М*икитинѣ 163б.

6) Также довольно распространенная черта и в других памятниках — появление *хв* на месте *х* в словах от корня *хот-*: ѿ*хв*очихъ 93, ѿ*хв*очий 172.

7) В словах, произведенных от корня *крьст-*, под влиянием слова «Христос» наблюдается замена *к* посредством *х*: сынъ *х*рѣстьный 90, ризы *х*ретцатыи 96б. Такое же смешение *х* и *к* в словах: царь То*х*та 69 при царь То*к*та 70, на рєчѣ *Х*зѣ 58б.

8) *Х*, по-видимому, на месте *г* в слове: жлл*х*оу 330б (штьлагъ).

9) Довольно необычно появление *щ* на месте ожидаемого *ш* в форме «бл*щ*е» = бл*ш*е-бѣаше: тако бл*щ*є имл ємоу, єщє бл*щ*є нє крщнъ 93. Не явилось ли здесь *щ* под влиянием причастных форм на -лщє, тем более, что в XV в. «блше» уже не было живым явлением.

10) В одном случае встретилась замена *ө* посредством *п*, что наблюдается и в других памятниках: къ ксь ге*п*сїманию 38.

11) Чисто орфографическое смешение *ө* и *ф* в слове өилосоөомъ 25б.

12) Описка или перестановка согласных в «но*гв*ородчи» 166б.

МОРФОЛОГИЯ

Склонения

Имя существительное

Имена собирательные с удобством заменяют мн. ч. от некоторых слов, причем сами принимают окончания или слов ж. р. на *-а*, или слов ср. р. на *-ье*:

а) из слов ж. р. в этом смысле употреблены «жидова» вм. «жидове» и «господа» вм. «господье»: ѿ сих расплодїша жидова 5б, бохьмицй и варлзи и жидова 46; присллша псковїцї к новгородцамъ. вамъ гдѣ своєй кланлємсл 92б, ѿ гдѣ 393б, с жалобою гдо брає 418, гдо воєвод (господо воеводы) 172б; оба эти слова в таком же употреблении встречаются и в других памятниках, особенно западнорусских; сюда же принадлежит еще «шоурьы»: своєй шоурьи 47;

б) из слов ср. р. в собирательном смысле встретились «могыльє» и «троупьє», причем последнее даже во мн. ч.: всє могылье вс/копано блшє 106, и поганых и множество бесчислено троупїа падоша 133, положиша троупьы 151, влачиша троупьы изь греблѣ 340б.

Формы дв. ч. встречаются довольно редко. Им.-вин. п. находим у слов ж. р. при *два — оба*: по двѣ нагатѣ 55б, по ѡбѣ сторонѣ 302б;

подобные же по окончанию формы встречаются и при других числительных: .і҃. цр҃кв҃ѣ 70, .и҃. бѣлкѣ 249—250, хотя в последних случаях можно бы видеть и *ѣ* на месте *и*,—явление фонетическое или даже графическое. От слов м. р. в подобном положении обыкновенно мн. ч.: три браты 42б, но попадаются также и довольно странные формы на *-ѣ*: на три годѣ 302б. Изредка попадаются и формы других падежей дв. ч.: изъ wбѣю ѿчью 86б, изо ѿчью 222б, къ цр҃кви ст҃го ѿвою братоу. бориса и глѣба 301, слѣпа бѣ ѿчима 5, братома своима 3.

Что касается особенностей отдельных падежей, то тут обращают на себя внимание — в единственном числе:

Им. п. у слов м. р., оканчивающийся на *-о*: марко 20б, престави цр҃ь михаило 43, сотко сытини 54, дѣдко кн҃зь 77б, посадникъ кюрило wндрѣеви 181, степанко 221б, личко рыболовъ 222; у основ на -ĭŏ им. п. часто оканчивается на *-е*: наре имѧ ѥмоу — василие 31, посадникъ александре фомини 184, аще муже ѿ жены владеть 374. Окончание *-о* заходит иногда и в слова неодушевленные, особенно в названия городов (ср. также вин. п.), которые, вероятно, и становятся словами ср. р., на что, по-видимому, указывает и сказуемое, оканчивающееся на *-о*: волхово шьло возводь 286б. В одном слове встретилось *-е* у основ на -ĭ: пшеница и роже и жито 266.

Другие более редкие формы им. п.: дчи (дочь) 275, свершена бы цр҃кви 86, бы браны велика 62.

В одном месте в роли им. п. встретилась форма зв. п.: въ ѳ҃ ча дни призрѣ ги мл҃твныма ѿчима 133б.

Род. п. у слов м. р., кроме обычного *-а*, представляет еще *-у*: изъ домꙋ 6б, верхъ домоу и стѣны 10б, не пїаше — медꙋ 230, родоу своѥго 19, мироу не делъ (чит. дал) 85, ис торжькꙋ 87б, ср. 98, полтора годоу 104б, того же годоу 169б, с мостоу 229, ср. 244, до четвергоу 286б. Некоторые из приведенных форм представляют остатки старины (окончание род. п. от основ на -ŭ), но большинство — новообразования. У слов ж. р. с основами на -ā — -ĭā встречаются следующие окончания род. п.: а) в мягком различии церковнославянское -ѧ: изъ землѧ 6б, ѿ всеѧ кнѧѕьи 314б; б) у слов твердого различия окончание *-ѣ*, составлявшее особенность в древнерусском языке только мягкого различия и лишь изредка заходившее в твердое (ср. Соболевский, Лекции[2], 166): добоудемъ славѣ себѣ 56б, приде изъ ѿрдѣ 71, приспѣ из литвѣ 78б, ср. 79, побиша литвѣ .м҃. тысѧчь 97б, ѿ москвѣ 74б, домъ ст҃го николѣ 93б, грамотѣ не подраша 164, той зѣмѣ 252 при «той же зими» 69 (трудно решить, как читать в обоих случаях *ѣ* и *и*: вероятно, оба эти написания передают одно и то же зимѐ), до великои рѣкѣ 117б, ѿ кошкѣ 206б; в трех словах имеется даже смягчение задненебного, как в дат. п.: перевезесѧ на сю сторону волзѣ 142, не дожда вл^д^цѣ с того вѣча 92, до рѣцѣ 135. Звук *е* встретился и в мягком различии: до гребле 95, не посрамимъ земле роусьскы 336. Отметим еще род. п. от слова *день — дни*: того же дни 96, 274.

В дат. п. обращают на себя внимание формы м. р. на *-евѣ* с *ѣ* в окончании, на которое можно смотреть и как на графическую особенность (*ѣ* на месте *и* произносимого, как *и*); а может быть, в нем следует видеть и морфологическую черту — прототип теперешних малорусских окончаний на *-еві*; примеры: по доунаєвѣ 40б, коневѣ 67.

Вин п. представляет следующие особенности: а) у слов м. р., как и в им. п., он может оканчиваться на *-о*; такие слова, вероятно, переходят в ср. р.: къ колхово 48, ср. 85б, смоленьско 43—43б, изгони пьсково 63б, изгони кияно градъ 96б; в последнем слове, несомненно, ср. р., с каковым окончанием оно встречается в живом произношении и до сих пор. Аналогия подобных слов была причиной прививки окончания *-о* и словам м. р.; б) у слов м. р., названий предметов неодушевленных, вин. п. иногда заменяется род. п.: плѣни. їєрлма 20б, положїша їєрлма яко ѡкоцноє хранилище 151, прїиде въ видѣ град (чит. града, ср. стр. 348) и столпа 3б, снесе велкого мостоу 86. Подобное употребление очень обычно в теперешней живой белорусской речи; в) слово «Михайло», как в теперешних южновеликорусских говорах, склоняясь по образцу основ на -ā, имеет вин. п. на *-у*: изымаша михаилоу фефилатова 180. От «протопопъ» встретился вин. п. на *-у*, очевидно образованный от слова «протопопа», которое встречалось в старом западнорусском наречии не без влияния польского языка: посла — ікана. и протопопу и протодьякона 118; г) от слов ж. р. встретилось два случая замены вин-го им-м; в обоих примерах им. п. при неопределенном наклонении: глаше чтобы грамота подрати 164, взяти дару полтина 419; д) как редкий случай, отмечу еще за оутовь (за утку) 396б.

Твор. п. представляет следующие более редкие случаи: а) при выражении названия лица двумя или тремя словами одно из них рассматривается как часть сложного слова и поэтому не склоняется: съ кнзь михаиломъ 76, кнзмь михайло черторискымъ 255б, кнзмь дмитрїе романовїцом 73; б) у слов на *-а* твор. п. обыкновенно оканчивается на *-ою*, например, прийде ѡлгердъ съ своєю братьєю 97, но уже есть и случаи употребления *-ой*: влдкою ιѡнй 303б, с малою дроужино 339б, оударить за лопатко 216б (ср. стр. 353).

Местн. п. Здесь, кроме правильных форм, как «на въздоусѣ» 19б, обращают на себя внимание прежде всего случаи смешения разных основ: ѡ кнзѣ юрьй 76, ѡ кнзѣ ивани 231, въ городи 122б, 184 и др. В приведенных случаях смешаны твердое и мягкое различия одних и тех же основ. Но можно указать и случаи смешения форм разных основ: местн. п. образован по образцу основ на -ŭ в словах: в торжькоу 122б, в полоучкоу 47б, положиша єго въ храмоу 56, въ смоленьскоу 61б, ср. 184, 185, ѡ мїроу 156. Смешаны основы на *-ĭ* и на согласные с основами на -ŏ и *-ā*: о поутѣ 41, на шолонѣ 97, въ словесѣ 4б. В двух примерах местн. п. заменен формой род.: на вятки немного пребывъ 186б, ѡ влдкѣ ионы 308б.

Им. п. представляет следующие окончания: у слов м. р. с основами на *-ŏ* и *-й* обычны *-ы*: **ѻстровы** 3 и др.; *-ове*: **послове** 74б, **тотарове** 134б; последнее окончание может иметь в исходе *-ѣ* (*-овѣ*), в чем, вероятно, сказывается влияние им. п. на одно *-ѣ*, о чем речь ниже: **тотаровѣ** 79, **ляховѣ** 40б, **ѿвоцевѣ различнии** 333б; слова на *-инъ* и подражающие им по образованию им. п. имеют обыкновенно окончание на *-ѣ*, в чем я думаю, следует видеть лишь графическую замену старинного *-е*: **срачинѣ** 24, **поморянѣ** 40б, **сѣлѣ соу словенѣ** 40б, **ѕ асоурѣ** 7, **егупітѣ** 76; однако рядом с приведенными формами встретилось и образование на *-и*: **бояри** 87б. Далее очень обычно в качестве окончания им. п. мн. ч. *-ѣ* как в твердом, так и в мягком различиях: **легкитѣ быша** 8, **трусѣ быша** 25б, **дворѣ** 88б, **вдчни хоромѣ** 212, **вси градѣ ваши** 324б, **возѣ** 348, **расплодишася чл҃цѣ** 3, **намѣсницѣ** 70б, **правнучѣ мой** 378б, **ѿчищаютса грѣсѣ** 105б, **облацѣ възгарааху** 23 (к им. ед. ч. «облакъ»); **«колѣнѣ»** (**колѣнѣ ми изнемагають** 133) по форме может быть и дв. ч. Из приведенных в конце примеров можно видеть, что задненебные в им. п. даже смягчены; как отступление, можно отметить следующий пример: **кн҃жи намѣстникѣ дмїтриѣвы** 118б. *-Ѣ* в мягком различии встретилось в следующих случаях: **псковицѣ** 81б, **кн҃зѣ** 113б, 420, **четци и пѣвцѣ** 151б. Из слов с основами на *-ā* окончание *-ѣ* встретилось, например, в следующих: **саблѣ йхъ не имоу** 149б, **поткѣ падахоу на землю** 157б. В мягком различии попалось *-и*: **быша оусобици** 42б. Основы на **-ят** обыкновенно имеют *-а*: **овчата** 9б, но в одном случае встретилось *-и*: **внучати мои** 378б.

В род. п. более или менее замечательны следующие формы: *-овъ* у слов м. р. не только у основ на *-й*, как **.з҃. сн҃къ** 5, но и у основ на *-ĭŏ*: **.х҃. роублевъ** 96; это же образование встретилось даже от основ на *-ā*: **м҃ павосковъ** 265б, если только начало его не **павоскъ**. От **«дѣти»** род. **«дѣтеи»** 159б. Еще **«много моужїй побѣша»** 76. Одно слово на *-ie* приняло окончание по образцу имен прилагательных на *-ихъ*: **ѿ своих злых съгрѣшениихъ** 300б.

Дат. п. у основ на *-ŏ* рядом со старинным *-омъ*, например, **предаша англомъ** 105, представляет и формы на *-амъ*: **моужамь псковїцам** 95б, **боярамь** 211 (ь здесь, конечно, только графическая особенность вм. ъ).

Вин. п. представляет большей частью те же особенности, что и им., так как оба эти падежа совпали. Поэтому имеем у слов м. р. прежде всего окончания на *-ы*: **хотѣ вымъчаты идолы** 4б; в подражание им в мягком различии окончания на *-и*: **на иконоборци** 35б, **на нимци** 63б, **созва тфѣрици** 80. Далее, обычно окончание *-ове — -овѣ*: **послаша послове** 170б, **присла кн҃зь — пословѣ свои** 112; вин. п. на *-ѣ* = старинному *-е*: **на словенѣ** 40б; формы на *-ѣ* (а также *-е*) в твердом и мягком различиях из древнерусского *-ѣ*: **моужѣ поби** 100б, **при «посади моужи»** 43б, **въ гонце** 132, **ѻубѣткѣ исчести** 156, **идоша кождо в домѣ свои** 360; подобное окончание встречается даже у слов ж. р.: **осисъ же**

и симеонъ поꙗста себѣ женѣ 38б, хотя, как об этом будет речь в синтаксисе, на форму «женѣ» можно смотреть и как на дат. п. ед. ч. Раз встретилась очень редкая форма вин. мн. на *-а* от слов м. р.: **города поимаша нѣмѣчкіѧ** 208. Названия предметов одушевленных для вин. п. пользуются формой род.: **оуби братовъ своихъ** 110б, **псковиць** 81, но есть и отступления: **имахоу рыбы** 109б. У слов ж. р. с основами на *ā* в мягком различии вин. п. оканчивается на *и*: **красти конопли** 37б, но то же *-и* встретилось один раз и в твердом различии: **прївезе — ризи хртъцаты** 109б.

Твор. п. представляет главным образом окончания на *-ми*: **ѡученми** 28б, но попадаются и старые образования на *-ы* и *-и*: **с моужи своими с литовники** 93, **всїми кн҃зи** 84б, **съ тферици** 75, **новоторци** 123.

В местн. п. преобладает окончание *-ахъ* у разных основ: **на крививцахъ** 42б, **в радоковїцаˣ** 158; но рядом с ним попадаются и остатки других старинных образований, например: *-ѣхъ*, *-ихъ*, *-ахъ*, хотя большей частью и не от тех основ, которым они были свойственны в старину: **о треˣ рѣчѣхъ** 9б (**рѣчьхъ**), **по времениxъ** 24б (**врѣменьхъ**), **по сродницихъ** 106б (**сърodьницѣхъ**), **къ сн҃охъ** 5б (**сынъхъ**), **к черньцохъ** 87 (**чрьньцѣхъ**).

Имя прилагательное

Краткая форма (именная), встречающаяся в общем довольно редко, представляет в окончаниях те же особенности, какие наблюдаются и у имен существительных; так:

а) в род. п. ед. ч. ж. р. встречается *-ѣ* как в мягком так и в твердом различиях: до **даньславлѣ оулїчѣ** 118б, **до іаколѣ оулицѣ** 229б, **ѿ микитинѣ оулїци** 163б, **заполье микитинѣ оуличи** 259;

б) дат. п. м. р.: **по дзоровоу прийдоша** 55;

в) твор. п. м. р. даже у таких слов, как названия городов, образованные от прилагательных притяжательных, не встречается: обыкновенно употребляется полная форма, например **подъ переюславлимь** 71;

г) в местн. п. м. р. отметим: **по величи дн҃и** 86 (с заменой *ѣ* посредством *и*), в ж. р.: **заложиша цр҃квъ на юрьишовѣ ѡулицѣ** 119б;

д) во мн. ч. им. п. представляет те же особенности, что и у имен существительных, нет только формы на *-ове*; особенно бросаются в глаза образования на *-ѣ*: **придоша вси здоровѣ** 73, **вси воеводы добрѣ сдоровѣ** 175, **колоколи златѣ ч҃ на сѣтеˣ** 11б, **вси кн҃зи роускїи данѣ емоу** 91; окончание *-и* также встречается: **моучиша его, а гл҃щи та** 96;

е) в роли вин. п. встретилась один раз старая форма им. п.: **даша — дары многи** 275б.

Что касается полных (членных) форм имен прилагательных, то тут обращают на себя внимание следующие образования.

Единственное число

Им. п. в м. р. представляет форму, стянутую на *-ы*, как обыкновенно бывает в большей части белорусских говоров: **кн҃зь данило московьскы** 69б, **дмитрии московьскїи** 116, **браньскы** 91, **ꙗрославъ**

тфѣрьскї 67, **цр̃ковъ с̃ты лазарь** 157б, **с̃ты афанасии** 215, **задш̃ныг члкъ** 383, **к пяты тысоущь** 272 («тысоущь» посчитано словом м. р., как в польском tysiąc). Понятно, обыкновенные формы на *-ыи* (точнее *-ый*) преобладают. Два раза встретился им. м. р. на *-ѣй*, в котором, вероятно, следует видеть лишь хитрое написание вм. *-ій*: **соуздалъскѣи кн̃зь** 127 (сначала было написано «**соуздалъскои**»), **ве келикѣи новгород** 311. Впрочем, ввиду того, что современные смоленские говоры знают в этом падеже также и окончание *-эй* — *-ей* (ср. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. I, стр. 20), как и соседние белорусские, возможно видеть в приведенном *-ѣи* отражение этого окончания. В ж. р. встретилась форма **прекозьходная̂** 25б с основой на *-i̯ā* вм. ожидаемого *-ā*.

Род. п. м. р. в твердом различии обыкновенно оканчивается на *-ого*: **римского града** 28, **тысячкого** 81б, **свѣского короля** 100, **з доновьского** 138б, **вяземъского** 203, **великого мосту** 244, **подкоского** 274б. В род. п. ж. р. имеет *-ои*: **до великои рѣкѣ** 117б; в одном слове встретилось *-ии* = *-ѣи*, т. е. окончанию формы дат. п. ед. ч., на что указывает и смягчение согласного: **начало роустии земли** 40б. Но может быть, это и есть форма дат. п.?

Дат. п. м. р. «**к новоумоу городкоу**» 167 не представляет особенности рассматриваемого памятника, а воспроизведение написания более старого оригинала.

Вин. п. ж. р. в одном примере заменен формой твор. п.: **поставиша — третьею цр̃квъ** 210.

О твор. п. «**боголюбивыймь**» 176б следует сказать то же, что выше о дат. п.

Местн. п. представляет прежде всего отражение старинных образований: **къ пръвѣмъ** 4б (м. р.) или **въ зборнѣи цр̃квї** 94б, **на православнѣй вѣрѣ** 31, но они вряд ли были живыми явлениями в рассматриваемом памятнике. Несомненно отражают особенность народных говоров такие образования, как **с̃тимь съборѣ** 26, **на чюжим конѣ** 406б, представляющие смешение твор. и местн. п. В этом же роде и «**ѿ всемь с̃щничьскому чину**» 366б, где дат. на месте местн., как изредка бывает в белорусском и малорусском наречиях. В ж. р. к живым особенностям следует отнести окончания на *-ой*: **истинной вѣрѣ** 31, **въ первой церкви** 32.

Множественное число

Им. п. представляет: а) *-ыи*, объясняемое так же, как и теперешнее южновеликорусское, а также отчасти и смоленское *-ыи*: **намѣсницѣ московьскый андрѣевы свѣжалѣ** 70б, **дѣти боярьскый молодый** 115, **.д. цр̃кви древыныи** 216. Кроме этого, общего для всех родового окончания, встречается еще *-ѣи* тоже для всех родов: **сице родословятся велицѣй кн̃зѣ роустѣи** 420, **сїи еретикы латыньстѣи** 28б, **инѣй кн̃зѣ сарайстѣи затворишася** 113б, **процѣи** 145 (= прочие), **дѣте боярьскѣи** 175. Как смотреть на окончание *-ѣи*? Происходящее перед

ним в большинстве случаев смягчение задненебных как бы дает право ставить подобные формы в связь со старинными формами на *-ии*: **латиньстии** и под.; тогда бы здесь было только появление *ѣ*, произносимого как *и*, на месте старинного *и*. Однако если сопоставить эти образования с подобными же в им. ед., где на *-ѣи* можно бы взглянуть, как на *-ей* (вм. *-эй* после задненебных), то и здесь имелось бы некоторое основание для сближения *-ѣи* с им. на *-эи* — *-еи*, известным соседним белорусским и отчасти и великорусским говорам (ср. Б. Ляпунова: Несколько слов о говорах Лукьяновского уезда Нижегородской губернии. СПб., 1894, стр. 25—26. Оттиск из «Живой старины», № II, 1894). Еще отметим форму **велиціѣ** 4, новейшее образование, в которую *ц* зашло по памяти о **велиции**.

В род. п., кроме обычных образований, встретились еще: **молодѣх людий немного** 273, в каковой форме *-ѣ*, если оно здесь обозначает звук *е*, явилось под влиянием местоимений, как «тѣхъ». В **«пологахоу по трии ли по пяти мртвы»** 106, вероятно, описка: вм. **«мртвых»**.

Вин. п., может быть, вследствие смешения *и* и *ы* (ср. стр. 352—353) или по памяти о старинном окончании им. на *-ии*, представляет в нескольких словах окончание **-ия**: **на безбожния иконоборци** 35б, **в люди црквьния** 371б; влиянием им. п. нужно объяснить и следующие образования: **проскѣпаеть ѡци дшвнии и телеснѣи** 311.

Форма местн. п.: **труднѣх хоженьихъ** 201б так же объясняется, как и род. п.

Из случаев образования сравнительной и превосходной степеней отметим: **горчиишоую смрть** 13б, **брат его молодшии борисъ** 115б, **грозно боронивъ ѡчиноу свою ѿ силнѣе себѣ кнзеи** 110.

Местоимение

В склонении личных и возвратного местоимений никаких особенностей не встретилось; разве отметим, что в одном месте (1б) **«заповѣда намъ»** поправлено на **«заповѣда нама»**; еще укажем **съжаливъси** 81б, 185.

В собственно местоименном склонении обращают на себя внимание прежде всего основы некоторых местоимений: **въ ѡдино лѣто** 85, **съ ωдїну стороноу** 234.

Из особенностей в окончании падежей отметим в род. п. ед. ч. ж. р.: **помощи никоеже** 95, **ѿ эноя** 290б — последняя не русская особенность.

Во мн. ч. заслуживают упоминания формы им. п.: **тѣи городы** 157, **рѣша нѣкоторѣи** 38б, **дроузѣи, инѣи** 41, 133б; все они объясняются как соответствующие формы имен прилагательных. Еще отметим: **инѣя в рѣцѣ истопоша** 135, **онѣ** (новгородци) **приѣхаша** 98, **вси градѣ** 324.

В вин. п. заслуживают внимания: **иния изымаша** 61, **ѡмрачї а гроза** 149, **въ всѣ ереси** 30, **на всѣх** 42б.

Твор. п. представляет в двух примерах формы на *-имѣ*: **съ своймѣ вой** 187б, **съ своймѣ съборы** 308б. Если в них читать *ѣ* как *и*, тогда эти случаи никаких замечаний не вызывают; но, может быть, *ѣ* пере-

дает здесь какой-либо другой звук, тогда оно требует иного объяснения (ср. А. И. Соболевского: Дательный и творительный падежи множ. числа на мя. РФВ, VI, 218).

Член: *холмотъ* 345.

Имя числительное

В числительных обращают на себя внимание следующие случаи: **по^х трїє єпархиѧ** 35, **дщеремъ трей сестреницъ** 36б, **въ треи сотъ чл҃къ** 180, **бес трѣй кунъ** 400, **ѿ трею сихъ** 9б, **трима путьми** 252б; последняя форма вполне соответствует теперешнему живому белорусскому употреблению, обыкновенно знающему «трымá». Случаи с числительным *два*: **ѿ двоунатцати версѣ^х** 48б, **въ двоусоть** 91б. Образования со словом *полъ*: **полоутретьꙗ мц҃а** 188, **на полътретьꙗтчать годъ** 269б, **полътретьꙗтцать** 418, **полъшесты верьсты** 4, **полъдроугынатца^т недѣли** 208б. Еще отметим наречие: **двожы** 119б (относительно *о* ср. стр. 350).

Спряжение

Из особенностей, касающихся образования основ, отметим следующие: а) влияние настоящего времени на образования от основы неопределенного: **слышывъ** 177, **оуслышивъ** 274, **помілоувалъ** 243; б) образование многократного вида: **не присылывалъ** 206. В **«вынать»** 82 имеем старинное образование, до сих пор сохраняющееся неприкосновенным в белорусской речи.

Что касается образования глагольных форм, то тут обращают на себя внимание следующие особенности:

Неопределенное обыкновенно оканчивается на *-ти*: **цинити** 77б, **а ᵉндѣ видѣтї бяше** 133, **воротити** 396б, **начаша кони мерети в городѣ** 261. Интересна форма **йтьти** 139, 243б, равная *ить+ти*. У глаголов с основой неопределенного на заднenебные обыкновенно *-чи*: **постеречи** 89. Случаев неопределенного на *-ть* в общем немного: **воєвать** 25, **въ псковѣ почалѣ бяше грабить** 74, **повелѣ — привꙗзывать сѣроу** 325б.

Даже встречаются еще вполне явственные следы достигательного, притом на *т* твердое: **състоупишася битсѧ** 330б, **не може выстоꙗтъ** 184 (с синтаксической точки зрения здесь, впрочем, не должно бы быть достигательного), **посла йскатъ брата** 340б.

Настоящее время представляет следующие окончания:

Ед. ч. В 1 л. обыкновенно *-у* — *-ю*; от глагола **всмь** встретились следующие образования: **азъ єсми никола** 308; **вы нашимъ боꙗрамъ отвѣтъ дали: не можеть новгородъ того оучинити, како єсми с литоскы мирьнѣ, тако єсме и с нѣмци мирны** 211; здесь при **єсми** подразумевается лицо говорящее Новгород, а при **єсме** — новгородцы, так что оно будет 1 л. мн. ч.; на это указывает и прилагательное **мирны**. По образцу **єсми** образовано и *имами*: **рече володимиръ стоꙗти ймами здѣ** 355б. Приведенное **єсми** — особенность западнорусская.

2 л. на *-шь*: выстоупаёшь, слоушаёшь 206б, и т. д.; отметим «въсхошь» 207.

3 л. обыкновенно оканчивается на *-ть*: изъгнѣёть 348.

Мн. ч. 1 л. представляет обыкновенно окончание на *-мъ*: не хотимъ 99. От глагола кслмь встретились формы: мы ёсме 148б, мы ёсмѧ ци не кнѧзи 56, ср. 64.

3 л. обыкновенно оканчивается на *-ть*: кыидуть 395. В одном месте находим окончание *-ти*, что изредка наблюдается в живых белорусских говорах Могилевской губернии, а иногда и в старых западнорусских памятниках: безаконїи агарѧне побѣжити неготокыми дорогами 134.

Дв. ч. встречается редко и неправильно: ясно, что оно уже не было живым явлением. Пример: двигнитасѧ силы моя 242б.

Повелительное наклонение. Тут интересны следующие образования: а) даже, вероятно, лишь хитрое написание вм. церковнославянского даждь: даже ёмоу ги нбное цртко 72б, не предажде мене 243, подаже 248; б) поѣдъ 257б; в) прѣдѣте (=придѣте) 323б — с суффиксом *ѣ*.

Причастие настоящего времени действительного залога представляет следующие окончания: а) -а — -ѧ: Ѿтоймa 75, рка 97, 263б, ркѧ 116б, поверга 89, йдѧ 83б, възмѧ 126, 166б, козмѧ 282б; б) -учи: пособлѧючи 256б; в) в одном случае встретилось причастие на *-у*, вероятно, представляющее описку вм. *-уще* или *-уче*: поиде игорь съ двѣма сынъма и съ братаници за донъ, а не веду божїа строенїѧ 56б.

В причастии прошедшего времени действительного залога преобладают формы на *-ше*: видѣвше же папа левь 27б, събравьше воя 115б.

Воспроизводя более старые оригиналы, писец ввел в свою рукопись и аористы, иногда в старом виде, а чаще в несколько подновленном: види диаволъ 1б, ср. 9б, чьсо ра^д^ не юста 1б, ро^д^ сьсалѡ 3 (=роди), повелї гь 131, приѣзди (=приезжал) 156; в одном примере вм. аориста встречаем довольно странную форму: створивъ же миръ стъславъ съ грекӹ. пойдемь (вм. поиде?) въ лодьяхъ 339; а быть может здесь пропущено рече или что-нибудь в этом роде, тогда пойдемь будет 1 л. мн. ч. повелительного наклонения с *ь* вм. *ъ*.

Имперфект изредка встречается даже в нестянутом виде: имааше 12б.

Прошедшее совершенное (perfectum) образуется описательно, как и в других памятниках, причем вспомогательный глагол в 3 л. ед. и мн. ч. часто опускается: людий в волховѣ истопло — много 225; не доумали ёсме 92б, ёсме доспѣли 100б, пришли ёсме 205б, ёсме слыхалѣ 207; ёстё юлѣсѧ 169б, есте Ѿнялисѧ 170, вы слова своёго забывъ не йздержалѣ како былѣ ёсте 211; слӹ водилѣ соуть 320б, ркли 85, йзбиша — пострѣлилѣ 116б.

СИНТАКСИС

Простое предложение

Особенности в употреблении падежей. Род. п. для означения времени: той зѣмѣ 252б, Дашко приѣхалъ к нїмь ночи 221; родительный п. удаления: Ѿбѣлисѧ ратны^х^ гражанѣ 128б.

Дат. п.: намъ лають 211. Наречия вместо дательного падежа: пѣши придоша домовъ 72б, хотѧщи домовъ 327б, крт҇ное цѣлованье̂ с мене доловъ 211. Двойной дательный п.: поѧтъ же дщерь его марью женѣ себѣ 38.

Твор. п. в разном значении: нѣгдѣ стоупити трупїе̂мь 67 (причина); тоу костью падоша 178 (здесь обращает на себя внимание еще число), неприа̂тно буди писание̂ е̂го вами 220 (если здесь не простое смешение дат. и твор.).

Местн. п.: попоу же ни власѣ ѡгнь не прїкосноусѧ 89б.

Особенности в употреблении некоторых предлогов: стоѧхоу — до шїи 359б; платити кы и̂стьцю 391б; съ ѡдїну стороноу — съ другую стороноу оудари на нихъ 234; ѡбиди мнѣ с вами нѣтоу никоей 98; съ обозначает приблизительно, около: всеꙗ силы бѧше съ двѣстѣ тысѧщь 239. В роли предлога употреблено имя существительное в винительном падеже: ст҇оую софѣю заложи дубовоу. конець пискупли оулици 48б, поставиша црквь древѧноу. ст҇го сп҇са конець коузмодѣмьꙗнѣ оулицѣ 166б, поставиша ст҇го и̂лью конець прускои оулицѣ 217б.

Тут же отметим случаи повторения предлогов перед зависящим словом и его определением: съ кнѧземь съ афанасье̂мь 75, ѿ федора ѿ кошкѣ 206б, ѿꙗша — оуко ѡндрѣꙗна оу захарьина 111, оу кнѧзѧ оу дмитриа 121б, к городи к торжькоу 122б, на рѣкѣ на пикжи 91б, на ѡкѣ на рѣкѣ 145, до рѣцѣ до мецѣ 135.

Особенности в употреблении некоторых местоимений: разидоша когождо ко своꙗси 311б, придоша болгаре — оучаще тѧ ктоже вѣрѣ свое̂и̂ 351, хто что оуспѣлъ взѧти 88, хотѧ хто что вынесле на поле 88б.

Особенности в употреблении некоторых прилагательных: книжние̂ сѣменово московьского 91, бы всъ лѣ но̂е̂вы. ѧ. 3, иванъ васильевъ сн҇ъ тысꙗчкого 126.

Особенности в согласовании слов: видѣвше же папа левь 27б црквь — ст҇хъ трї ѡтрокꙑ 181; того лѣ былѧ боурѧ силна. д҃ црквн и̂зо ѡснований вывергло к ростовьской волости. а со иных верхи сорвало 70—70б, и̂нѣи бо мечемь пресѣкае̂ми бывахоу. и̂нѣи же на копїа възнизае̂ми бы 133б.

Из особенностей в употреблении глаголов отметим:

а) в отношении залога: повелѣ — перебродїтїсѧ 94, кое̂валсѧ 204б;

б) в отношении видов: нацаша поꙗвликатисѧ 131;

в) в отношении времен: поидоша кнѧзи роускыи на половци. и̂ поможеть и̂мъ б҃ъ 56; бѧше бо тогда знамение сице смртное̂. хракнеть чл҇къ кровью три дн҇и бывъ да оумреть 105.

Выражение вопроса: мы е̂смѧ ци не кнѧзи 56.

Расстановка слов как в песенной народной речи: на шолонѣ на оусть пшагѣ рѣкѣ 97, на вислѣ рѣкѣ 40б.

Предложения, поясняющие глагол: **съдоумаша — о[ж] пойти имъ** 56, **слышаті бахоу w[ж] вдакоу принали** 84, **не вѣдающе что нитоу во ізборьскѣ воды** 94.

Обозначение цели действия: **съ собою ємлите єдины оужища, да єсть вы цѣмь вазати** 121.

Уступительный характер: (**вѣ всакому хрестьанину**) **хота бы свои домъ поверга (а церкви постеречи)** 89.

Предложения причины, времени и некоторые другие употребляются и в сокращенном виде посредством причастий: **адамъ[ж] вѣ внѣ сы раа** 1, **авраамь[ж] сы. дī — лѣ сы во разоумѣнию сподоби** 5, **разанци соуровий члвци. и свѣрѣпїй и высокоѳоумьльвїи люди соуще — възгордѣшаса** 120б. Как особенность подобного рода предложений, следует указать то, что они могут соединяться с главным и посредством союзов *и*, *а*, как это было возможно и в церковнославянском языке. Примеры: **видавше бга.и славлаа єго съ агглы** 1 (если только здесь «**славлаа**» не будет тоже imperfectum), **хощоу с вами битиса. а рка тако** 97, **кнзь же ѡлегъ и володимиръ събравьше вою и пойдоша за ни** 115б, **любко кнзь — самъ дроугъ ѿѣхавши ѿ ѻлгерда и въѣхаша в сторожевый полкь** 94. Причина может быть с удобством выражена и соединением одних главных предложений: **оубї кнза противоу на стрѣцѣ. дойде во рѣкѣ тростнѣ. и то оустрѣте** (= **тоу оустрѣте**) **єго** 119.

СЛОВАРЬ

Здесь поместим указатель более редких в филологическом отношении слов и выражений. Довольно подробный указатель предметный имеется при издании рукописи.

Алачюга шалаш: **обрѣтоша в полѣ дворы ихъ** (татар) **повѣржены и шатры и вежи ихъ и алачюгы и телѣгы ихъ** 234б

Безвеременье: горкаго своєго безвеременыю 203

Варно жарко: **баше бо имъ варно** 231б

великьдни день Пасхи 70

колосовъ: поставиша црквь каменоу стго власьѧ на колосовѣ ѻулицѣ 204

возводь против течения: **волхово шьло возводь** 286б.

възоустїти научить 27б

Година час: **бы в шестоую годиноу дни** 131б

голка шум: **бы межу ими голка и матежь** 265б

гостинець большая дорога: **аже погоубать слѣдъ на гостинници на велице** 39б

Доловъ: кртноє цѣлованьє с мене долоʙъ 211

домовъ: пѣши придоша домовъ 75б

дороговь: бы дороговь велика 71б

другъ: самъ дроугъ — въѣхаша въ сторожевый полкь 94

Жрътовникъ 9б жертвенник

Зачинати начинать: **зачинающи[х] рать погоуби** 240

Земледержа 187
Кметищищь происходящий от кмети 402б
конець: софѣю заложи конець пискупли оулици 48б, поставиша црквь конець коузмодѣмьянѣ оулицѣ 166б
княsенье держатї 300
коверъ: положиша на ковре 340б

Лаати: намъ лають 211
литовникъ литовец: с моужи скойми с литовникы 93
лупленье: добрыя жены. й двци видяши надъ собою лоупленье ѿ тфѣрицъ а wнi wдираxoy й до послѣдней наготѣ 124б

Манаканонъ номоканон: манаканоноу 158

Назавьтрѣе 264б
напослѣдокь наконецъ 240
насуе: не прїйми га бã твоего насоуе 6б
неготовый: бре йзмайловицы. беззаконїй агаряже (чит. агаряне) побежити неготовыми дорогами 134
нѣица 206б

Обоамо с обеих сторон: ѿбоямо 12б
одиначтво: взяша ѿдїначтво 118б (стр. 93 печатн. изд.)
околотокъ: в околоткѣ 252б
ѿлгердовищина 97
остаточный остальной: вой ѿстаточнїй 241

Пáвозка или пáвоскъ судно: 40 павосковъ свезлѣ во Тфѣрь, а иныи павоскѣ потопиша в рѣки с товаромъ 265б (стр. 188—189 печатн. изд.)
покуль 50
попхнути толкнуть: аще кто попхнеть мужь 389
пословица: того же лѣта по грѣхомъ нашимъ не баше пословїци пьсковицамъ с новгородци 117б (стр. 92 печатн. изд.)
потка птица: поткѣ падахоу на землю 157б
потоуль 50
прошать: послаша — прошать 277
прочь: ѣдоуци прочь 167

Радуница: в ред (= в среду) назаоутрїа по радоуници 122
разбѣе мене 6б
Стропъ: до стропа наметано (до стропил) 150б
Тогдѣ 269б
толока толочане: аще дѣвку кто умолвить к собѣ и дасть ю в толоку, а на умычницѣ митрополиту гривна сребра, а на толочанѣхъ по ѕ̃. 374 (по; стр. 268 печатн. изд.)
топерво: топерво мы вамъ далi жалобу 99
тысоущь 12б
Ужище: оужища (винит. мн., веревки) 120б
узорочье: оузорочья 156
утовь утка: за оутовь 396б
участокъ: оучастокъ (= землю) 39

Чостовати: чтвова 9

Швець: аще швець исказить свиту 408б

Якъ, как, когда: як упїшася 324.

ДВА ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ДОКУМЕНТА ГЛАВНОГО АРХИВА ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО В ВАРШАВЕ[1]

В главном архиве Царства Польского в Варшаве хранится и несколько документов на русском языке; но древнейшие из них не восходят дальше половины XIV в.; да и таких документов только два, а может быть и один. Остальные относятся уже к более позднему времени. Эти два древнейших документа следующие:

1) Договорная грамота литовско-русских князей с польским королем Казимиром и мазовецкими князьями, № 673.

2) Донесение судьи перемышльского Костьки королю Владиславу о сборах податей и расходованьи денег в Перемышльской волости, № 1330а.

Оба памятника сохранились без определенной даты. Но в обоих имеются данные для приурочения их более или менее точно к известному времени. Так первая грамота могла быть написана не раньше 1341 г., когда умер Гедимин и княжить стали его сыновья, перечисленные в этой грамоте. Но с другой стороны, великим князем здесь же называется Ольгерд, каковым он стал лишь после 1345 г. Наконец, тут упоминается перемирие с королем Казимиром на два года; а это последнее было заключено от 1347 по 1349 г. К этому времени и должно быть отнесено написание рассматриваемой грамоты.

Что касается второго документа, то относительно его написания нельзя сообщить таких точных данных. Упоминаемый здесь король Владислав совершенно точно не может быть определен, так как с этим именем у поляков после присоединения к ним Литвы (а только польско-литовскому королю и могло быть написано донесение на русском языке) было несколько королей: Ягайло-Владислав II (1386—1434), Владислав III Ягайлович, погибший при Варне в 1445 г., Владислав IV (1632—1648). Но о Владиславе IV, жившем в XVII в., здесь не может быть речи: против этого говорит, как увидим, палеографическая сторона грамоты, а также, как заметили лица, описывавшие этот документ, упоминание «широких грошей» и «гривен». «Широкие гроши»

[1] Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества, т. I. Вып. 3. М., 1899, стр. 543—550 (*Ред.*).

чеканились в Польше в XIV в. Таким образом написание этого памятника падает на время Владиславов II и III, т. е. с 1386 по 1445 г. В издании «Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej. . .», т. VII, we Lwowie 1878 г. на стр. 22 напечатана грамота 1377 г., в которой князь Володислав Опольской земли записывает Ладомиру Волошину землю. Эта грамота заканчивается словами: «Писалъ княжьни писаръ Костко Болестрачицки». Быть может, упоминаемое здесь лицо и наш Костька одно и то же, только в более позднее время он стал судьею. И палеографическая сторона этого памятника не препятствует относить его к концу XIV или началу XV в.

Первая грамота литографским путем издана в книге: «Wzory Pism Dawnych» Стрончинского. Варшава, 1839. В приложении к этой работе она напечатана в польской транскрипции. Но как снимок, так особенно транскрипция оказываются крайне неудовлетворительными; например, в снимке допущены следующие ошибки: ꙁємлѧмн вместо рукописного ꙁємлѧмн, къıдаткєго вместо къıдатн єго и под. В передаче же грамоты польскими буквами ей придан малорусский характер. Вот для примера начало ее: Widáy to każdyj człowik kto na toy łyst posmotrit. ože ia kniaź Jewnutyi и т. д. Вероятно, по снимку из издания Стрончинского эта грамота напечатана в «Актах, относящихся к истории Западной России», т. I, 1846 г., № 1. Здесь те же неточности, что и в снимке, только некоторые места, очевидно по догадке, изданы более правильно. Напечатана эта грамота также у Зубрицкого в «Hist. miasta Lwowa». Довольно точно, но не палеографически, она издана А. И. Смирновым в «Сборнике древнерусских памятников и образцов народной русской речи». Варшава, 1882, стр. 58—59.

Второй документ, насколько нам известно, нигде не напечатан.

Ввиду того, что первый памятник, вообще говоря, издан довольно неудовлетворительно, а лучшее его издание у Смирнова малоизвестно, так как книга последнего уже давно не имеется в продаже, — мы решили оба памятника напечатать по рукописям палеографически точно. Такое издание особенно необходимо по той причине, что оба памятника представляют интересные материалы для языка.

Вѣдан то каждын чл҃вкъ кто на тын листъ посмотрить· ѡже ꙗ кназь соунутни· и кистютни· и юрьни нарнмонътовнчь· юрьни корьıатовнчь. чннимы миръ твердын, нс королємь казнмиромь поскъмь·н сомовнтомь нсъ єго братомь казнмиромь мазовьскъıмь. нсъ єго ꙁємлами. краковьскою н судомирьскою, сиразьскою, куꙗвьскою· лучнчьскою, добрънньскою, плотьскою, ма-
5 ꙁовьскою· люблиньскою, сетѣховьскою, нсо львовьскою, а ꙁа велкого кназа ѡлькѣрта, н ꙁа корьıата н ꙁа патрнкиꙗ, н ꙁа нхъ сынꙑ, мы н слюбѹємъ, тотъ миръ держати вѣлми твер бєꙁо всакоѣ хнтрости, нє ꙁанмати намъ королєвы ꙁємлѣ, нн єго людни што єго слухають, к левн держати лвовьскую ꙁємлю нсполна, а намъ держати володимѣрьскую. луцкую, белꙁьскую, холмьскую. берестинскую, нсполнажь, а миръ ѿ покрова бц҃ѣ до нвана дн҃є до
10. купалъ, а ѿ нвана дн҃є ꙁа. в҃. лѣ, а городовъ оу рускои ꙁємлн новыхъ нє ставити, нн сожьжєного нє рубнти, докола миръ стонть ꙁа. в҃. лѣ. а крємянєць держати юрью нарнмонътовнчю ѿ кназни литовьскъıхъ, н ѿ корола ꙁа. в҃. лѣ. а города нє рубнти, а коли миръ с ть, юрью кназю города лншнтнса, ажє пондєть оугорьскын король на литву, польскому королєвн помагати, ажє пондєть на русь што литвы слушаєть, королєвн нє помагати,

15. а поидеть ли царь на лахи, а любо князи темнии, князем литовьскымъ помагати,
аже поидуть на русь што короля слушаеть, литовьскимъ княземъ не помагати, а про-
любартово ꙗтъство, хочемъ его постави҃ⷮ на судѣ передъ паны оугорьскими, по ишестви-
и ст҃го дх҃а за. в҃. недѣли, литовьскимъ княземъ стати оу холмѣ. а королеви оу стоуьцѣ,
кде смолвать тутъ будеть судъ, тягатися ис королемь, будеть ли ꙗлъ его король по
20. кривдѣ, любартъ будеть правъ, и ꙗ князь кистютии буду правъ передъ вългорьски-
мь королемь, будеть ли король правъ, намъ своего брата любарта дати оугорьскому ко-
ролеви оу ꙗтъство, а коли будеть по миру, кто не оусхочеть далѣи миру держати, тотъ
ѿповѣсть, а по ѿповѣданьи стоꙗти мироу за мѣсяць, аже поидуть тарове на-львовьскую
землю тогда руси на львовьцѣ не помагати, аже поидуть тарове на лахы, тогда руси
25. невола поити ис татары, а оу томь перемирьи кто кому кривко оучинить, надобѣ ся оупо-
минати старѣишему, и оучинити тому исъправу, оучинить который добрыи члвкъ
кривду, любо воевода а любо панъ оучинити исправу ис нимь аже самъ не можеть
заплатити тотъ истиньныи што же оуложать его оу вину хочеть ли самъ король
заплатити зань, а его дѣдичьство собѣ оузяти не оусхочеть ли король самъ за-
30. платити, д..сть тому то дичьство кто его потяжеть а за избѣга можемъ его до-
быти и выдати, аже его не можемъ добыти можемъ его иска(ⷮ҃) съ ѡбою сторону, аже
побѣгнеть русинъ алюбо руска, или во львовъ, или холопъ чии или роба, выда-
ти его, а што тои грамотѣ писано, тую жь правду литовьскымъ княземъ де-
ржати, а на то есмы дали своѣ печати.

23—24 тароке чит. татароке. 26 исъпраку так напечатано в виду следующего (27 строка) испраку: в оригинале и. ъпраку. 30 то дичьстко чит. то дѣдичьстко. В христоматии Смирнова это место прочтено *годичьство*; левая сторона т в оригинале вполне явственна. 31 в иска над строкой, вероятно, было ти; следа от него не заметно. 33 а што тои грамотѣ писано = а што къ тои грамотѣ писано.

Великому королеви владиславу гдрви нашему милостивому,
служба. ѿ слуги твоюго ѿ костька судьѣ перемышльского
што юси милостивыи королю. казалъ пописати. овесъ вши-
токъ. што юсмы выбрали на земляноxъ, и мы то вчинили твою
5. казнь, пописали юсмы вшитко. што жь юсмы выбрали
ис перемышльскоѣ волости. изъ ꙗрославльскоѣ волости
опроче пана тарнавъского люди. ись ланъцюскои волости
ис тѣхъ трии волостии. взяли юсмы вовса. еі. сотъ коло
вовса. и шистьдесять колодъ вовса. што оу рускомъ правѣ
10. сѣдять кмети оу зѣмьскомъ. ис тѣхъ брали юсмы. ис подимъ-
ꙗ по колодѣ вовса. а и слугъ не брали юсмы. не дадуть земляне
и слугъ брати. а што оу нѣмецкихъ правѣхъ сѣдять. на ланохъ
хотя бы трию члвци. сѣдили на лану. алюбо. д҃. одну колоду да-
ють ись лану. а по два гроша широкаꙗ а по тѣ. еі. сотъ и по
15. шестидесять колодъ взяли юсмы. пѣнязми. шистьдесять
гривенъ. и.е. гривенъ лядъцкихъ. опроче рашювъскоѣ во-
лости. а изъ рашювъскои волости. приходитъ полъ тритъꙗста
коло. опроче воланъ што на воли сѣдять. а потомъ во всѣ. десять гри-
венъ приходитъ и. і. скутъ. того юсмы ющи не брали, а што пакъ

20 ты ѥсмы пѣнази выдавали. панъ староста творъꙗнъ. взалъ на
твоѥ потребы л҃. гривенъ и полъ тритьѥ гривны половица тѣ-
хъ пѣназии. а половицю тѣхъ пѣназии наложили ѥсмы. на твоѣ
роботы ꙗкоже твоꙗ мл҃ть. оускazовалъ до насъ слуги своѥго. и листы
своѥми. казалъ ѥси, на домъ на медицкии приѥхалъ клепачь на ст҃го ꙗкуба дн҃ь
25 дн҃ь лежалъ призираꙗ тоѣ роботы. коли нмѣлъ. и҃. тесль. на не҃лѣ
а коли .ѕ҃. тесль. а то на каждую недѣлю. каждому теслѣ давалъ. по сми гро-
и широкихъ и ѥщи ктому. и страву. всѣмъ дава҃. и ѥсти и і нти. а то все ку
повано. твоѥми пѣназми. взалъ оу мене клепачь. ѳі. гривенъ лацкихъ
а глинарюмъ што лѣпѣли около дому. а клепачь наѥмалъ з҃. ѥхъ лѣпило за. д҃
30 не҃дѣ. и страву ѥмъ давалъ. то шисть гривенъ платилъ ѥсмь глинарюмъ,
клепачь же казалъ платити. а што ѥсмы казалъ сѣна насѣчи досыть. и на твои
приѥздъ. и на стадо твоѥ. то на бучевии насѣчено ѥго досыть, за. д҃. гривны
а на кругн ани воѥвода. самъ призиралъ ктому двѣ гривнѣ далъ ѥсмь косарю.

На обороте адрес:

Великому королеви. влади-
славу гд҃рви нашему.

12 в а што и 19 в тех же словах *а* с некоторым примитивным орнаментом, состоящим в продолжении правой стороны вверх и вниз и перечеркивании ее. ѥі. сотъ — по догадке написано ѥі ввиду сказанного в 8 строке; здесь же заметны только ·:·. 24 ꙗкуба дн҃ь и в оригинале под строкой. 26—27 по сми гро и широкихъ = по сми грошии широкихъ, а может быть по осми г. ш.

Первая грамота писана на пергамене длиною в 5, шириною в $5^3/_4$ вершка. В конце грамоты, на загибе листа, имеется прорез для пергаменной ленты, к которой была прикреплена печать; теперь печати нет.

Второй документ приблизительно такого же формата, как и первый, писан на бумаге в большую четвертку. Есть водяной знак, но его нельзя разобрать, так как в соответствующем месте бумага сильно пострадала. Донесение это было сложено в форме письма, запечатано (сохранился и след печати) и на обороте надписан приведенный выше адрес.

Оба памятника писаны уставным письмом XIV в., причем во втором документе письмо даже более древнего пошиба. В первой грамоте обращает на себя внимание ꙑ с соединительной чертой, а затем є. Последнее пишется с языком, приподнятым вверх, причем он иногда очень близко подходит к верхней части є, так что получается написание вроде *е*. Издатели этой грамоты в «Актах, относ. к ист. Зап. Р.» и старались поэтому отличить в печати это *е* от обычного є, для чего впрочем в данном случае нет основания. Буква *и* = н, *ж* пишется в пять приемов, *ч* = ч.

Во втором памятнике, в общем по письму сходном с первым, обращают на себя внимание следующие написания: в букве к язык загнут под прямым углом вниз, так что эта буква напоминает *ж*. Буква

о иногда пишется сходно с *о* [2], хотя у настоящего ᴀ левая сторона несколько более выдвинута вперед. С таким *о*, похожим на *а*, написаны слова: кор*о*леви 1, вол*о*сти 6, п*о*димъı 10, кт*о*му 33, к*о*ролеви в адресе. Зело, употребляемое для обозначения 6, имеет вид ѕ. Титла в обоих памятниках употребляются больше перечеркнутые посередине.

Об употреблении тех или других букв можно судить по самому изданию, которое сделано совершенно точно. Отступление сделано лишь в раздельном написании слов и в постановке знаков переноса. Строчные знаки те же, что и в оригинале.

Что касается языка, то первая грамота написана на западнорусском наречии в том виде, в каком оно являлось в литовско-русских канцеляриях XIV в.

Как более выдающиеся черты отметим: доколѧ 11; *оу* рускои земли 10, *оу* холмѣ 18, *оу* вину 28, *оу*зѧти не *оу*схочеть 29, не *оу*схочеть 22; *въ*горьскимь 20; тѧгатисѧ *ис* королемь 19, ср. 2, поити *ис* татарꙑ 55; *исъ* его землѧми 3, *исъ* его братомъ 3; берест*ии*скую 9, ѿ кнѧзи*й* 12, ѿльк*ѣ*рта 5; ве*л*кого 5 (wielkiego), вѣ*л*ми 6; мазовьскꙑмь 3; мир*у* держати 22; королевꙑ землѣ 7, безо вскѧкоѣ хитрости 7, на львовьцѣ 24, есмꙑ дали своѣ печати 34; тъ*и* листъ 1; (мꙑ) чинимъ*ı* 2.

Второй документ писан малорусом, вследствие чего в языке везде сказываются черты его родного наречия, рядом с особенностями западнорусскими, а иногда и полонизмами. Как более выдающиеся черты отметим: ш*и*сть 9, 15, 30, полъ тр*и*тъı 17, ср. 21; ѥщ*и* не брали 19, ср. 27; рѧш*ю*въскоѣ волости 12, глинар*ю*мъ 29; *оу* зѣмьскомъ 10; *в*овса 8, 9, 11; лѣпѣли 29; ѥсмꙑ казалъ 31; по*дим*ъı 10; полови*ц*ѧ 21, полови*цю* 22; листꙑ своѥми 24, наѥмалъ 29, страву ѥмъ давалъ (=имъ) 30; *оу* рускомъ правѣ 9, дають *ись* лану 14, твоѥ потребꙑ 21, полътритьѥ гривнꙑ 21; на землѧнохъ 4, на ланохъ 12.

БОЛЕЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В ОБЕИХ ГРАМОТАХ

Вшитокъ, старопольск. wszytek — весь.

Глинарь: глинарюмъ што лѣпѣли 'около дому.

Досыть, польск. dosyć — довольно.

Дѣдичество — наследство дедовское.

Казнь — приказание, распоряжение.

---

[2] Подобное *о* встретилось нам еще в Сб. Имп. публ. б. Q I № 391 (ср. нашу работу: Западнорусский сб. XV в. СПб., 1897, стр. 3) и в рукописи Вил. публ. б. № 272 по описанию Добрянского.

Клепачь, κανονάρχης, а также делающий клепки.

Кметь — витязь, хозяин.

Колода — известная мера.

Купало — название языческого празднества накануне Иванова дня (24 июня).

Ланъ, польск. łan, лат. laneus — одна из древнейших поземельных мер в Польше и Литве.

Подымье — доход собственно от печей, от домов.

Половица — половина.

Скута — название монеты: десять гривенъ приходитъ. и .і҃. скутъ.

Слюбовати, польск. szlubować — клятвенно давать обещание.

Страва — пища.

Ятъство — плен.

ЗАМЕТКИ ПО БЕЛОРУССКИМ ГОВОРАМ[1]

I

Самые западные белорусские говоры, обнимающие северо-западную часть Гродненской губернии и юго-восточный угол Сувалкской, очень мало изучены. Из Гродненской губернии есть несколько записей у Шейна в «Материалах», но в отношении языка они ненадежны; кое-что можно найти в сборнике М. Довнара-Запольского «Песни пинчуков. Киев, 1895», куда почему-то попали и записи из чисто белорусских местностей, например из Лашанской волости (стр. 148—155). Сокольскому уезду Гродненской губернии посвящены записи Бодуэна-де-Куртенэ: Pieśni białorusko-polskie z powiatu Sokólskiego (Zbiór wiadomości, XVI), Dodatek do pieśni biał or.-polskich z powiatu Sokólskiego (Zbiór wiadomości, XVIII), а также наша заметка, помещенная в РФВ за 1896 г. (т. XXXV); некоторые сведения относительно языка рассматриваемой местности можно извлечь и из книги М. Федеровского. Lud białoruski na Rusi litewskiej, I. Краков, 1897. Однако все сведения, которые можно почерпнуть из перечисленных источников, далеко недостаточны, и всякие новые данные очень желательны. Имея в виду лично познакомиться с говорами Гродненской губернии, летом 1899 г. я побывал в Заблудове (к юго-востоку от Белостока, в 18 верстах), Жедне, Городке (к востоку от Белостока, по железной дороге ст. Валилы), Волковыске, Говейновичах (Слонимского уезда по р. Шаре, недалеко от м. Жировиц), в Великой и Малой Берестовицах (между Свислочью и Гродном), в Олекшицах, Лаше (возле м. Индуры) и Кузнице. Летом 1901 г. мне пришлось 3 месяца провести в имении Мигове (в 18 верстах от Гродна, к юго-востоку по р. Неману). Мои наблюдения относительно белорусских говоров *западной части Гродненской губернии* сводятся к следующему: народная речь здесь вообще такая же, как и в Новогрудском уезде Минской губернии, т. е. чисто белорусская. Отличия следующие (по местностям):

---

[1] РФВ, т. XLVI, 1901, стр. 275—281 (*Ред.*).

В *Заблудове* уже нет того говора с дифтонгами, со звуком *э*, о котором сообщали в свое время Потебня и Колосов. Теперь в самом местечке Заблудове мещане (не евреи) говорят либо чисто по-русски (что́ редко), либо по-польски. У тех и других проглядывают и особенности малорусской речи, но в очень слабой степени: *е* иногда = *э*, изредка *у* на месте *о*, сильного аканья нет, после *в* приходилось слышать *j* перед *о* (вjоз). В окрестных деревнях еще дзекают (гдзе). Дифтонгов не приходилось слышать. Южнее Заблудова (за р. Наревом) уже малорусская речь.

На ст. *Жедне* приходилось разговаривать с рабочими. Заметил: п*у*дъе́сць, п*у*ст*у*я́ць, г*у*л*у*ва́. Иногда слышится аканье, но чаще избегают его. Везде ў. Склонность к литературной речи.

В м. *Городке*: целы хлеп, цюо́тка, па́*л*цы, хадзи́*ци*, е́ха*ци*, мой та́то пае́хал*и*, мая мама пае́хал*и*, ло́нский (прошлогодний).

В *Волковыске* на вокзале неграмотная деревенская девочка сказала: Та́т*у*, пайдзи́ *по* дзиця́.

С. *Говейновичи*. Начиная от ст. Лесной (М.-Б. жел. дор.) все говорят по-белорусски. Обратили мое внимание: *г*у́лица, палядзи́ (вместо паhлядзи), цику́ю (помню), дзи́вицца (он смотрит, как в малор.).

Ст. *Берестовица*. Крестьянин, везший меня с вокзала (его деревня в 1 версте), произносил как-то особенно, лабиально, дифтонг -оў (= -ов и -ол): быть может, здесь и слышался перед ним неуловимый u̯ неслоговой.

В. Берестовица. Одна баба, обращаясь к другой говорила: Ярына, ля, ля, ля... (смотри, конечно из h-ля-дзи). «Паля́» (посмотри) также возле Ружан Слонимского уезда.

М. Берестовица. Говорят обыкновенно: 'Ясеви, воло́ви, коне́ви, но у неодушевленных дат. п. только на -у (сталу́). Во мн. ч.: валэ́, дер. Коляснике́, Ковале́. Везде -са: напи́уса (но в ж. р. — напила́ся). *Г*аре́хи, *г*у́лица, *г*аўца (овца). 3-е лицо имеет — ц'с'а: бай*цься* при обычном белорусском байцца; то же в неопределен.: бая́*цься*.

Сс. *Олекшицы* и *Лаша*. *Са*, кажется, только в прошедшем времени, в других случаях, особенно в 3-м лице после *ц* мягкого, бывает *ся*. В дифтонге — о́ў слышится довольно сжатый звук *о*, почти *у*.

Д. *Мигово*. Всюду — *са*. Часто приставочное *г* (*h*) перед *о* и *у*: *г*у́лица, *г*аўца́, *г*аве́чки, *г*аве́с жаць. *А*ще́ (еще), р. Нёман (всегда с ё), Гирдзе́й (Гордей). Прыегджа́ць. Дат. п. дзяк*е́й*, мужык*е́й*, ба́цьк*ей*. Род. п. ты*е́* пары́. Будущее: мо́же ма́сло бра́ць*меце*? Ударение: га́рачо.

II

Летом 1901 г. я имел возможность посетить *Августовский уезд Сувалкской губернии*. Первое известие о существовании белорусского племени в Сувалкской губернии относится к 1863 г. В 1864 г. по официальным источникам белорусов здесь было 23 760 чел. (Приложение к мат. для этногр. Царства Польского ... сост. подполк. Р и т т и х). Затем в науке сведения о сувалкских белорусах как-то глохнут, забы-

ваются, становятся неопределенными[2]. Никто не сообщил ни одной записи из указанной местности. Будучи поблизости Августовского уезда, я решил заглянуть туда. Оказывается, белорусы живут здесь сплошною массой по соседству с Гродненским и Сокольским уездами, примыкая с востока к р. Неману, с юга к р. Бобру и устью Лососны; на северо-западе белорусы в некоторых местах переходят даже Августовский канал, простираясь почти до г. Сейн и Августова. Южнее Августова белорусы до с. Красный бор (в 14 верстах от м. Липска). Все белорусы, населяющие отмеченную местность, считаются или православными, или католиками, но из первых большинство «упорствующие». В Августовском уезде православные приходы следующие: Лабно, Балля, Церковная, Рыгаловка, Голынка, Липск и Сопоцкин. К каждому приходу принадлежит очень много деревень. И в некоторых католических приходах большинство населения белорусы. В настоящее время всех белорусов в Августовском уезде считается 21 237 чел., а во всей Сувалкской губернии — 22 390 чел.[3] Впрочем эти цифры за 1888 год.

Выехавши из ст. Новокаменной Сокольского уезда, я посетил пос. Липск, с. Голынку и пос. Сопоцкин. Оказывается, что речь населения здесь такая же, как и в соседних местах Гродненской губернии (в Сокольском и Гродненском уездах). Причем католики, а также рьяные из упорствующих легко переходят на польскую речь; по-польски (не очень неумело) они часто говорят не только с «начальством», но даже со своими священниками. Всюду слышно *-са* — *-со* (наéўса, наéлосо, смея́лисаб), приставочное *г* (*h*) даже перед *а* (Гаўгусто́ў = Августов), лéньце (смотрите), ланéй, позаланéй (в прошлом году, третьего года), ля́тось (в этом году); заметна склонность у отдельных лиц к дифтонгическому произношению: ŵóн, сле͡епэ́й (имен. п. ед. ч. муж. р., также — злэй); перемена *ы* ударяемого в *э* (изредка): кудэ́ д. Скеблево; род. ж. р. на *-е*: чвэ́ртка зямл*é*, из та*é* ха́ты.

III

В Слуцком уезде Минской губернии мне пришлось быть два раза: летом 1898 г. (ср. Варш. унив. изв., 1898 г., № 9, и РФВ,XL) и 1900 г. В первую поездку я производил наблюдения преимущественно в с. Басловцах (в 14 верстах от гор. Слуцка) и в д. Подлесье (в 3 верстах от м. Романова); во вторую поездку я прожил 3 месяца в с. Блячине

---

[2] Ср. Труды варшавского статистического комитета по десяти губерниям Царства польского, вып. II, 1890 г., стр. 112—113.

[3] Ср. Э. Вольтер. Списки населенных мест Сувалкской губернии, как материал для историко-этнографической географии края. СПб., 1901. Данные, сообщаемые г. Вольтером, собраны официальным путем при содействии сувалкского губернатора. В указанной книге имеются сведения и о прежних изучениях Сувалкской губернии. Ср. стр. 7, выноска. В других статистических трудах по Сувалкской губернии состав населения обозначается только по религиям, а не по народностям. Так в «Обзоре Сувалкской губ. за 1899 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету» показано православных в Августовском уезде — 17 404.

(в 5 верстах от м. Клецка к северу). Вот несколько наблюдений, в дополнение к прежним, которые небезынтересны для характеристики белорусских говоров данной местности (Блячин):

ру́ўпенько = ровненько;
глядзи́ ано́! = смотри только!
не́што са пяць вазо́ў е́дуць = около пяти возов едут;
мае́ гра́бли = мои грабли;
пама́лу, ня ки́дай: прабъеш каго = осторожно, не бросай...;
з до́ўгим дзяржа́льнем грабли = с длинной рукоятью...;
абы́ гэтто бы́ло нижэ́й = чтобы здесь было ниже;
ящe мо хто е́дзе = еще, быть может, кто едет;
ну, дальбо́х, идзи = ну, ей-богу, иди;
мару́дзиць = медлить;
дро́бин: не́льга бу́дзе ўвесци́ = мелок: нельзя будет...;
гэ́та ено́ само́ е́дзе = вот оно само едет;
идзе́ хурма́нак ящэ́ с пяць;
пайду папало́дную = пойду пообедаю;
барждже́й! = поскорей!
буду дзяўке́ закида́ць = буду забрасывать девушек;
злама́ў рубля́ = сломал жердку;
наўда́ вяли́ка нам = большая печаль нам;
кура́во ш не́йкаё се́но = сено уж очень пыльное;
скарей, скарей вы завиха́йцеся, бо абе́даць пара́ = скорей справляйтесь...;
атко́чвайце, атко́чвайце ско́рэнько;
чуць ка́рку не ўкруци́ў = едва не сломал шеи;
тры хурма́нки идзе ўже́;
каб вас, дзяўчатки, бох люби́ў;
хадзе́м пало́днаваць;
стойце, па́не дзя́цьку, не наяжджа́йце!
гэто, дзя́зюхно, мушчы́нам трэ́бо;
ну, залаже́мся: перава́жвай = держим пари: перевешивай;
дзеравяны́е ви́лки стая́ць;
дзе той хлапе́ц?
бяре́ця, дзяўчатки, бяре́ця!
я ду́маю, ня лепш за цябе́ = думаю, он не лучше тебя;
мяне́ ўчо́ра ве́льмо пчо́лы скуса́ли;
надо́и разагна́ў двои пчо́лы = вчера...;
пакаци́ўся да як зараве́;
папасхло́ = достаточно насохлось;
у каго́ гэ́то у вас ко́сиць шасьцёх касцо́ў?
спимо́, дзя́дзюхно, ўже;
а то ящэ́ прызира́етца = еще присматривается;
так мы табе́ ру́ку падамо́;
«мы тут сягодня й начава́ць бу́дзем», говорят молодые

девушки, а старухи у них спрашивают: «а дзе ш вы тут начава́цьмеце?»
ма́мо осачи́ла ку́рицу = нашла где курица несла яйца;
каме́ннёў навымува́ло.

Слыхал в Блячине от разных лиц, уроженцев Слуцкого уезда, но не Блячина:

могóм, е́дом, са́лцо — Н. Новицкая, род. в с. Мороче;
махнидра́ло — от нее же;
а куди ти? с вполне ясными *д* и *т* мягкими и с *и* вм. *ы* — батрак Михаил, в других случаях всегда говоривший обычно по-белорусски.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЛИТОВСКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ НА БЕЛОРУССКОЕ НАРЕЧИЕ[1]

Северозападными соседями белорусов в губерниях Витебской, Курляндской, Ковенской и Виленской являются латыши и литовцы. Поселения литовцев отдельными небольшими группами попадаются и в губернии Гродненской. Более точно граница между этими племенами может быть определена следующим образом: если начать примерно от ст. Корсовки[2] С.-Петербургско-Варшавской ж. д. (56,8° сев. широты), то граница, отделяющая белорусские поселения от латышских, направляется по Люцинскому уезду Витебской губернии сначала к юго-востоку и идет, верстах в 10—5 не достигая Себежского уезда. Дойдя до р. Синюхи, она резко поворачивает на запад, а от озера Черза — даже на северо-запад; затем дугообразно направляется почти до границы Режицкого уезда, а отсюда ломаной линией она снова поворачивает к юго-востоку до границы Люцинского уезда с Себежским и Дриссенским. Насколько можно судить по карте № 1[a] в атласе Биленштейна (Atlas der Ethnologischen Geographie des heutigen und des praehistorischen Lettenlandes. St.-Petersb., 1892), в указанных местах Люцинского уезда белорусы живут вперемежку с латышами, но преобладают первые. Затем граница белорусского наречия идет к юго-западу, примерно по линии, разделяющей уезды Люцинский, Режицкий и Двинский от Дриссенского, по направлению к Зап. Двине, в 6 верстах к западу от Придруйска; далее по правому берегу Двины почти до самого Двинска[3]. Здесь к югу от Двины у Биленштейна указано лишь незначительное пространство, заселенное латышами; весь же остальной юго-восточный отрезок Иллукстского округа

---

[1] «Сборник статей, посвященных учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Филиппу Федоровичу Фортунатову». Варшава, 1902, стр. 468—491. *(Ред.)*.

[2] Ср. Этнографическую карту Европейской России Риттиха и его же карту западных и южных славян.

[3] Ср. также Е. Романов. Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Могилев, 1898, стр. 63—66.

(б. Якобштадтского уезда) Курляндской губернии заселен белорусами[4]. На всем указанном протяжении соседями белорусов сначала с запада, а затем и с севера являются латыши, в Курлянской губернии переходящие даже, как мы видели, Зап. Двину. От Двинска граница белорусского племени сначала по Курляндской, а затем по Ковенской губернии направляется к югу, к оз. Дрисвяты, захватывая часть Новоалександровского уезда[5]. От Дрисвят граница белорусов идет к Виленской губернии; здесь сначала пограничная черта Виленской и Ковенской губерний будет и границей белорусов; затем от р. Дисны граница белорусского наречия идет по Свенцянскому уезду несколько ломаной линией на юг и запад около литовских волостей Тверечь, Годуцишек (на восток от них), Свенцян (к югу от них), оставляя к югу белорусские волости Комай, Лынтуны, Кемелишки; затем, перейдя р. Жемайтянку, граница идет по Виленскому уезду на запад почти до Кернова, оставляя к северу литовские волости — Янишки, Гедройцы, Ширвинты, Мусники, а к югу белорусские волости — Неменчин, Подберезье, Корву, Мейшаголу. У Кернова белорусская граница переходит на левый берег р. Вилии и идет ломаной линией в южном направлении, захватывая в белорусскую область волость Евье, Троки, с запада д. Тальково, затем Межиречье, оставляя к югу ст. Рудишки С.-Петербургско-Варшавской ж. д., а далее на восток и юго-восток, к границе Лидского уезда и далее переходя ее у Подборья, отсюда на восток по пограничной черте Лидского уезда, оставляя к северу белорусскую волость Солечники; затем она переходит в Ошмянский уезд, причем литовская область с запада захватывает Бинякони, Конвалишки, Девенишки, Германишки (волость Седлиско), имея на севере, как уже отмечено, белорусскую волость Б. Солечники, с востока — Граўжишки, Ольшаны, а с юга — Герановы. Далее граница идет по северной части Лидского уезда: в югозападном направлении от Гераноп почти до ст. Бастуны

---

[4] По сведениям 1827 г., собранным П. И. Кеппеном от местного духовенства (ср. 3 тома его рукописных материалов в библиотеке Академии наук), русскими приходами в рассматриваемой местности Курляндской губернии оказываются Копуловский (37 населенных мест, 324 жителя), Солонайский (39 н. м., 793 ж.), Скуделинский (26 н. м., 243 ж.), Фабиановский (26 н. м., 194 ж.), Хржевский 29 н. м., 202 ж.) — всего 157 населенных мест, 1756 жителей. По «Географическо-статистическому словарю Российской Империи» П. Семенова, т. II. СПб., 1865, 860 стр., в Курляндии белорусов показано только 700 чел., как будто число их уменьшилось.

[5] «К Новоалександровску (со стороны Поневежа) и на некотором расстоянии за ним преобладает польский язык, как обыденный язык у народа; потом к границам Дисненского уезда господствует смесь наречия литовско-русско-польского» («Северная почта», 1863 г., № 14, стр. 54, 5 столбец). «В Новоалександровском уезде, в волостях, граничащих с Виленской губернией, население смешанное: белорусы и литовцы, даже литовцев в иных областях более. Тем не менее, литовцы здесь, по-видимому, ассимилируются с белорусами. Исключительное белорусское население представляет одна Слободская волость. Здесь ничто не напоминает Литвы: фамилии крестьян, названия деревень, названия урочищ и проч. чисто белорусские» (Ков. губ. вед., 1890 г., № 31, прибавление). Мне известны белорусские записи из с. Дукшт, м. Слободки, с. Плюс, д. Павловщины.

Полесской ж. д. и далее до Зоболотья, оставляя к северу литовскую волость Радунь и д. Пелесу, затем граница резко поворачивает на северо-восток, захватывая Начу и Ейшишки в белорусскую область. От Ейшишек граница идет на юго-запад к оз. Дуб, далее к пограничной черте Гродненской губернии до впадения реки Ротничанки у Друскеников в р. Неман[6]. Западными соседями белорусов в Ковенской и Виленской губ. являются уже литовцы. Кое-где белорусские поселения сталкиваются с литовскими и за Неманом в Сувалкской губернии[7].

Указанные места поселения латышей и литовцев только отчасти соответствуют тем, какие заняты были этими племенами в старину. Если в эпоху составления нашей начальной летописи русские племена уже занимали всю область от Припяти до Западной Двины, а затем по этой последней, по верхнему Днепру и Оке, то во времена, предшествовавшие образованию первых русских княжеств, поселения их здесь были гораздо меньше. Значительная часть территории, занятая в настоящее время белорусами, тогда принадлежала литовско-латышским племенам. Некоторые свидетельства в этом роде мы имеем и в наших летописях: припомним литовские племена ятвягов и голяди, живших в теперешней Гродненской губернии; одна часть голяди ока-

---

[6] Настоящая граница белорусов в Виленской губернии установлена по статье Анонима. Obszar języka litewskiego w gub. Wileńskiej (Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie. т. III, 1898), составленной по материалам, собранным в Виленской губернии сельскими старшинами по распоряжению предводителя дворянства Виленской губернии гр. Адама Плятера. В этих же материалах указано, какие волости совершенно не имеют литовского населения и в каких оно смешано с белорусским. Критерием для такого деления служит язык. Из смешанных волостей белорусскими я посчитал те, где значительное большинство белорусов; так что кое-где белорусские поселения попадаются и в литовской области и наоборот — литовские в белорусской. По этой статье составлена Яном Розвадовским и прекрасная карта литовского языка в Виленской губернии (ср. Materyały i prace komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie, т. I, 1901, 89—94). В прежних работах, например у А. Коревы («Виленская губерния. Материалы для географии и статистики России». СПб, 1861), Киркора («Живописная Россия», III, 13), И. Недешева (РФВ, XII), П. Чубинского (Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, т. VII, карта), — со слов Нарбута граница виленских белорусов определялась очень неточно: возле Вильны их совсем не оказывалось, тогда как здесь они сидят сплошною массой. Уже больше места уделено белорусам в этнографических картах Риттиха. В карте, приложенной к литовской грамматике Ф. Куршата («Grammatik der litauischen Sprache». Halle, 1876), белорусская граница отнесена значительно дальше на запад (к западу от Рудников, возле Ейшишек с востока). Но у Э. Вольтера («Zur Kunde der wilnaer litauischen Dialekte». II. Die Litauer von Ošmena Mitteilungen der lit. liter. Geselschaft, Heft 20), наоборот, еще указано много мест, заселенных литовцами даже к юго-востоку от указанной границы например в волостях Седлиской, Девенишской, Лугомовичской, Юратишской и Бакштанской. Очевидно, во всех указанных местах литовцы живут вперемежку с белорусами. Отметим островки литовцев к востоку от Вилны по р. Лоше (приток Вилии).

[7] Ср. книгу Э. А. Вольтера. Списки населенных мест Сувалкской губернии. СПб., 1901.

зывается даже на р. Протве, левом притоке Оки. Но все эти сведения в общем говорят очень мало о поселениях литвы и латышей в доисторическое время. Далеко раздвинутся наши горизонты, если от летописных свидетельств мы обратимся к живым данным языка, особенно к географической номенклатуре. Для нас интересны в этом отношении попытки И. П. Филевича («История древней Руси», т. I. Варшава, 1896), А. А. Кочубинского («Территория доисторической Литвы». ЖМНП, 1897, I) и А. Л. Погодина («Из истории славянских передвижений». СПб., 1901). На основании материала, собранного в работах названных ученых, а также имея в виду наши собственные занятия по этому вопросу[8], мы приходим к заключению, что отдельные поселения литовцев и латышей были разбросаны значительно дальше на восток — по бассейну р. Западной Двины, Немана, верхнего Днепра и притока его Березины и, быть может, даже достигали верховьев Оки[9]. Но следует иметь при этом в виду, что литовцев и латышей вообще было немного, так что они не могли составлять сплошного населения от устьев Западной Двины и Немана до верховьев Оки и до р. Припяти. Всюду им приходилось быть соседями западной ветви русских племен, иногда жить вперемежку с ними.

С половины XIII в. разные западнорусские области одна за другой начинают попадать под власть Литвы, так что к концу XIV в. все владения в пределах старых дреговичских, радимичских и отчасти кривичских поселений уже принадлежали Литве. Мало того, с нею

---

[8] Нами готовится введение в изучение белорусских говоров, в котором будет подробно рассмотрено заселение Белорусской области в доисторическое время.

[9] Относительно данных, добытых на основании изучения географической номенклатуры, главным образом названий водных пространств — рек, озер, считаю нужным сейчас же оговориться в том смысле, что пользование ими допускаю с соблюдением крайней осторожности. Такого же мнения держится и Нидерле. Slovanské starožitnosti. Dílu I, část 1, 26. Дело в том, что, например, литовские названия рек могли возникнуть в местностях, лежащих на восток от литовцев, и помимо их языка: дать эти названия могли те русские племена, которые первоначально жили в литовской области, а затем двинулись к востоку в незанятые места, и здесь встретившимся им рекам и другим урочищам дали названия уже знакомых им мест на их первоначальной родине. Так, думаю, следует объяснять появление реки Упы (правый приток Оки) и даже, быть может, Жиздры (левый приток Оки). Оба эти названия, несомненно, литовские: первое = ùpė река; это слово неоднократно входит в состав разных названий мест в собственной Литве (ср. И. Я. Спрогис. Географический словарь древней Жомойтской земли XVI ст., Вильна. 1888, 310—321, Упе, Упеле, Упелис и т. д.); Жиздра тоже как бы перенесена из Литвы в Калужскую губернию: в Россиенском уезде имеется р. Жиздра, есть нивы и село с этим именем (Спрогис, 115); объясняется оно из лит. žiẽzdros, в диалектах zizdros крупный песок (ср. А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений, 93). Не думаю, чтобы эти названия можно было поставить в связь с голядью, которая неподалеку от этих мест, «верх Поротве» упоминается уже в 1147 г. (Ипат. лет.). Я вполне разделяю тот взгляд на голядь, который был пущен в оборот в свое время С. М. Соловьевым и поддержан Н. П. Барсовым («Очерки русской исторической географии, 2» 43), что это племя оторвано было от литовцев радимичами и вместе с ними переселилось на восток.

тесно срослись области псковских и отчасти смоленских кривичей, а с юга и востока, у Десны — черниговских северян. Все эти племена и составили одно общее государство Литовское.

Имея в виду такое постоянное общение литовских и латышских племен с западнорусскими, из которых со временем выработалась белорусская народность, уже a priori можно предположить, что язык соседних племен не мог обойтись без взаимного влияния, выразившегося в разных заимствованиях с той и другой стороны. Эти заимствования происходили все время соседской жизни указанных племен и простирались не только на слова, принадлежащие исключительно их языкам, но также и на заимствованные в свою очередь у других племен. Не все заимствованные слова имеют одинаковое распространение. Так, слова, взятые белорусами у литовцев и латышей, одни знакомы всему белорусскому племени, другие только северозападным племенам, некоторые были известны в старину, а теперь совершенно вышли из употребления. Белорусские заимствования простираются почти исключительно на словарь, отчасти на словообразование (несколько суффиксов) и, вероятно, нисколько не коснулись фонетики языка и флексии.

По рассматриваемому вопросу уже имеется и довольно порядочная литература, отчасти непосредственно к нему относящаяся, отчасти касающаяся его лишь вскользь. Таковы исследования и статьи:

Ян Карлович. O języku litewskim. Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii umiejętności, t. II. W Krakowie, 1875, стр. 135—376. В этой работе, кроме исторического очерка изучения литовского языка со стороны польских и других ученых, дается краткая характеристика языка во всех отношениях, причем обращается внимание и на слова, заимствованные литовцами у поляков и белорусов (krewickie), а также на очень немногие заимствования славянами у литовцев (стр. 324).

Александр Брюкнер. Die slavische Fremdwörter im litauischen. Weimar, 1877. Эта книга тоже посвящена заимствованиям литовцев и латышей из славянских языков, но есть в ней места, где говорится и о заимствованиях от литовцев (стр. 23, вып. 18 и 19, и стр. 201). Кое-что по интересующему нас вопросу можно найти и в его же книге: Cywilizacja i język. Warszawa, 1901.

Э. А. Вольтер. Einfluss Westrusslands auf Litauen vor dem 12. Jahrhundert. Mitteilungen der litauischen litterarischen Gesellschaft. II, 5. Heidelberg, 1886. Его же. Lituanismen der russisch-litauischen Rechtsprache. Mitteilungen, IV, 1, 1894, стр. 49—61. В первой статье для нас интересны лишь те сведения, которые помещены на стр. 308—309 в выноске. Вопрос о влиянии литовцев на белорусов интересовал г. Вольтера и в 1887 г., когда он поместил в «Памятной книжке Виленской губернии» заметку об изучении литовского языка и племени. Здесь интересен 15-й вопрос. Употребляются ли в белорусском наречии слова: наўда, маргель, кумст, митус, паршук, дайлида, резгине, гульне?

И. Миккола. Litauische Lehnwörter im slavischen. Beiträge zur kunde der indogermanischen sprachen, herausgegeben von Dr. Ad. Bezzenberger und Dr. W. Prellwitz, XXI. Göttingen, 1895, стр. 118—121.

А. Л. Погодин. Lituanica. Archiv für slav. Philologie, XVII, стр. 633—635. Здесь идет речь о литовских словах, объясненных в одном из старинных азбуковников.

И. Эндзелин. Латышские заимствования из славянских языков. «Живая Старина», 1899 г., III, стр. 285—312. Непосредственное отношение к нашему вопросу впрочем здесь имеет лишь выноска на стр. 287, да некоторые отдельные рассуждения в разных местах.

Сюда следует присоединить еще некоторые данные, находящиеся в Отчетах 2-му Отделению Академии наук покойного Ст. Микуцкого.

Словарями пришлось пользоваться:

Ф. Миклошич. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886.

Епископ Карл Ульманн. Lettisches Wörterbuch. Riga, 1872.

Фридрих Куршат. Wörterbuch der litauischen Sprache. Halle, 1883.

А. Юшкевич. Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках. Вып. I. СПб., 1897.

На основании данных языка, собранных в перечисленных сочинениях, не трудно прийти к заключению, что литовский и латышский языки очень много заимствовали из русского языка (литовцы больше из белорусского наречия) и польского. Обширные списки таких слов приведены в работах Карловича, Брюкнера и Эндзелина. Заимствования простирались и на словообразование (ср. суффиксы -ba, -da, -kis, -tva, -nyčia и некоторые другие. Брюкнер, 160—161) и даже, чтó очень редко бывает в языках, на фонетику. Не останавливаясь на других заимствованиях фонетики, отметим нередкое у литовцев (преимущественно у юговосточных) дзеканье: во многих местах смягченные *d* и *t*, особенно стоящие перед *e* и *i*, произносятся, как *dź* и *ć*, например Dzievas (бог) вм. Dēvas, žalcis (змея) вместо žaltis, kaść (рыть) вм. kasti (ср. Карлович, 315, Брюкнер, 64, Куршат. Grammatik, § 118, Вольтер. Mitteil., IV, Радзюкипас. Dzuki. Wisła, XIV, 1900, 42—54).

Рассматривать влияние белорусского наречия или вообще русского языка на литовский и латышский мы не станем, так как это не составляет нашей задачи. Мы займемся разбором обратных заимствований у литовцев и латышей со стороны белорусов. Эти заимствования очень незначительны, хотя и происходили все время добрососедской жизни этих племен. Некоторые из таких слов в настоящее время уже неизвестны белорусам. Таковы а) некоторые слова, употреблявшиеся в западнорусских юридических памятниках (ср. Вольтер. Mitteil., IV, 49—61):

Брог — стог, лит. brágas и barãgas. Слово это до сих пор живет лишь в польском bróg для означения крыши на четырех жердках над стогами.

Велдомый: люди велдомые — крепостные люди — в связи с лит. глаголом veldėti, paveldėti наследовать.

Дякло — подать, пошлина (ср., например, Акты, издаваемые Виленской комиссией, XVII, 522), лит. dûklė (Брюкнер, 23, Вольтер. Mitteil., IV, 58); *дя-* вместо ожидаемого *до-*, вероятно, под влиянием «дяковать». Утверждение Носовича (Словарь, 134), что дзя́кло в смысле хлебной подати употребляется изредка до сих пор, подлежит проверке.

Жибинтяи — лица, поставлявшие отопление и освещение для Полоцкого Двора, лит. žibintėjas, žibintojis, находящиеся в связи с словами: žibintis, žiburỹs все, чем светят.

Кетвиртайни — мера поля, четверть, лит. ketvirtáinis

Койминцы: «то суть люди наши отчизные, непохожіе койминцы, купленные» (Акты, изданные Виленской комиссией, XVII, 100—101) — крестьяне, живущие не в дворе вотчинника, а отдельным домом (ib., 527), в околицах. Этому слову, по мнению Вольтера (51), должно соответствовать kaiminetis, kaiminečei: ср.: kiẽmas деревня, kiẽminėti ехать, идти через деревню.

Меделанские псы в Лит. Статуте (Брюкнер. Cywilizacja i język, 110), переделано из польского medjolańskie, взятого, в свою очередь, из итальянского, под влиянием литовского корня *med-*: medėjas охотник, medinis дичь, medžiŭju охочусь (ср. еще Pamiętnik liter., I, 1902, 152).

Мезлево, мезлёва, мезлевщина — подать от коров лит. mezliavà. Подробный разбор этого образования у Вольтера. Mitteil., II, 308, и IV, 56—57.

Отметь — паро́вое поле, пар, лит. atmetis, atmata, латыш. atmats. Ссылка делается на Вольтера, так как у Куршата и Юшкевича приведенные слова употребляются в другом значении.

Пептиницкие пенези — пошлина с дровосеков, «посокерщина». По мнению Вольтера, «пентиницкий» стоит в связи с лит. pente обух (Axtkopf), тупой топор, лат. piets.

Ройтиники — «конокормцы», ло́шадиные пастухи и воспитатели, лит. raitinįkai.

б) Слова, помещенные в числе иностранных в старинных азбуковниках[10]. Несколько из них с успехом объяснено литовским и латышским языками в заметке А. Л. Погодина (Archiv f. slav. Phil., XVII). Таковы, например:

Донос — хлеб. лит. dûna, -nos печеный хлеб.

Кѹмс — князь. Погодин сравнивает это слово с лит. kungs князь. Изменение *н* в *м* произошло, быть может, под влиянием заимствованного белорусами у литовцев слова кумст ладонь, лит kùmste кулак; тогда «кѹмс» вышел бы «державцей»

Мейсе — хлеб, латыш. majze хлеб.

---

[10] Некоторые из нижеприведенных слов имеются и в азбуковнике, напечатанном у Сахарова. Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849.

Рода — собрание, рада, представляет заимствование с литовской огласовкой (roda) своего же слова.

Сwды — лѣхи рекъше грѧды, сады, лит. sodas из славянского «сад»; значит, то же явление, что и в предыдущем случае.

Другие заимствованные белорусами слова, хотя и не вышли из употребления, но встречаются очень редко, лишь в известных местностях, диалектически. Таковы:

Алёс — топь, зыбкое место, болото (ср. Романов. Материалы по исторической топографии Витебской губернии, 115, Велижский уезд.; Словарь Носовича — ссылки на Бобруйский и Новогрудский уезды), латышск. alohts = awohts источник, ключ.

Аруд — закром, напр., в песне (Словарь Носовича, 8):

Да великия скирты на гумне,
Повные аруды у клеци.

Брюкнер и Эндзелин считают лит. arūdas, лат. arûds заимствованными из белорусского, но я не представляю, какой славянский корень мог бы быть в этом слове: не думают ли об орѫдьк дело, тогда по-белорусски в начале было бы приставочное *в* или *г*, да и значение не подходило бы; кроме того, «аруд» у белорусов встречается очень редко, обыкновенно «засек». Очень может быть, что литовцы или латыши заимствовали это слово у кого-либо другого, а у них уже взяли белорусы.

Атарица — частица земли, засеянная работником в свою пользу, несомненно, в связи с лит. ấtaras борозда с края нивы. От глагола «орàць» пахать произойти не могло, так как здесь *о* было бы под ударением.

Барйць, например в песенном выражении (Словарь Носовича, 15):

Дарице, не барице;
Коротки свитки, померзли лытки.

Это слово очень напоминает лит. bárti журить, бранить. Носович впрочем объясняет «барицъ» как «медлить».

Ва́нчос, ва́нчес — дубовый брус, употребляемый для корабельного строения. Спрогис ставит это слово в связь с латыш. vanzis (vantscha) балка для привязывания якоря, лит. vančos (ср. Вольтер. Mitteil., IV, 55).

Вы́пса: «не слухай ты гэтого выпсу». Носович (92) производит это слово от «песъ» и объясняет, как «хрыч». Но очень напрашивается сопоставление с литовским глаголом vypsaũ, vypsóti стоять или сидеть с насмешливым выражением лица.

Га́лиць — возбуждать желание, га́ленне — сильное желание; оба слова в связи с лит. galiù, -iḗti мочь, быть в состоянии.

Галу́за — шалун: не в связи ли с лит. galvožys карлик; интересно сопоставить с ним еще лит. galatà обманщик. Носович (108) сравнивает это слово с «галы» ягодицы, testiculi, но и это слово небелорусское, не знаю, можно ли его сопоставить с нем. Galle, как

это сделано в Słownik'e języka polsk. Карловича etc. I, 797. Нет ли в литовском подходящего слова? (ср. выше галиць).

Гéрбовацъ — брезгать в Витебской губернии (ср. Шейн. Материалы для изучения быта и языка, III, 35) нельзя не поставить в связь с лит. gerbiu, -pti почитать, хвалить. Заимствование слов с противоположным значением — дело возможное в языке (ср. белорусск. «благи́» дурной, плохой, при церковно-славянск. благъ). Вероятно, сюда не относится польское gierebować отчаливать, которое Słownik... (826) не прочь произвести от немецкого выражения kehr'ab. У Романова. Белорусский сб., VI, 413, Чаусский уезд: «ты уже нами не гребуеш» — со звуком *е* после плавного.

Гни́биць, погни́биць — довести до нищеты — лит. gnýbiu, gnýpti общипывать пальцами, клещами и т. п.

Грýца — толченый ячмень для крупы — лит. grũča крупа, каша; причем последнее, вероятно, в связи с нем Grütze.

Гýдзиць, згýдзиць — поносить, пригýживаць — находить недостатки, по-видимому, в связи с лит. gùdinu, gùdįti кого-либо духовно наставлять, возбуждать, образовывать. Не знаю, как смотреть на старое, восходящее к XIII в. гоудити, в котором Миклошич (Lex. pal.-sl. gr. lat., 149, 321), кажется, видит замену коудити и сравнивает с литовским, и латышским корнем skaud dolere. Корень *куд-* в слове «прокýда», «прокýдник» тоже известен белорусскому и притом всем, тогда как *гуд-* (не = гжд) известен лишь кое-где.

Гýльня; мастер в гул'ни своеи Ф. Скорина XVI в. (ср. Владимиров. Доктор Ф. Скорина, 300) из лит. gulimà kamarà спальня при глаголе gulinėju, -ėti.

Дабá — да вот, лит. dabà больше еще.

Далигóйда — песенный припев, состоящий из лит. dalìs доля, судьба, и gaĩdau мой любезный.

Дзогáць — стучать, здзóгаць разбить, дзóга кто ходит шумно, из лит. dzàkoti идти бежком.

Дойли́д — зодчий, строитель: кузнецъ и доилида, мастеръ доилидъ доилидска дела Скорина (Владимиров, 300); встречается «доилидъ» и в актах XVI в. (ср. Акты, изданные Виленской комиссией, XVIII, указатель); изредка это слово можно слышать и теперь, напр., в песне, записанной в Сенненском уезде Могилевской губернии (Шейн. Матер., I, 1, 164):

Там и три далиды церкву рубили.

Как это уже отмечено многими (Брюкнер, 23, Вольтер. Mitteil., IV, 53, Владимиров), это слово = лит. dajlýdė.

Дороб, доробка — короб, коробка. По Микуцкому (ср. также Брюкнер, 24), слова эти в связи с литов. darbis, durbis дупло; здесь, конечно, будет только перетолкование обычных «короб, -ка». К сожалению, этих слов нет ни у Куршата, ни у Юшкевича.

Жудá — нужда, печаль, скорбь (слово довольно распространенное на западе Руси: ср. Словарь русского языка, сост. 2-м Отд. Академии

наук, II, 600), по-видимому, сродни лит. žudaũ žudýti умерщвлять.

К а́ н ь к а л а — попрошайка, лит. kañkalas колокольчик (Б р ю к н е р, 24). Великорусское «канючить» от «каня» milvus сюда не относится.

К л и п : в о́ к л и п (в-о-клип) верхом, без седла, несомненно, в связи с лит. klypstù, klýpti во время ходьбы изгибать ноги криво.

К н и́ б и ц ь — надоедливо просить, лит. knybau, -byti обременять, теснить. Приводя из Ширвида это слово, Брюкнер (95) видит заимствование литовцами у белорусов; но для меня совершенно неясно белорусское слово: быть может, литовцы заняли это слово у кого-нибудь другого, а у них взяли белорусы.

К у м с т см. при кȣмс (стр. 390; ср. В о л ь т е р. Mitteil., II, 309).

К у́ р п ы — особого рода башмаки лит. kùrpe, лат. kurpe (ср. М и к к о л а в Beiträge, 120—121, где и литература предмета, а также у Эндзелина. «Живая Старина», 309); не знаю только, где в Белоруссии это слово известно.

Л а́ л ы н щ и к — волочебник. По объяснению П о т е б н и (Веснянки, 20), из лит. łałauninks.

М а́ р г и, м а́ р г е л ь — имя быка (Лидский и Ошмянский уезды), из лит. márgis черный бык (В о л ь т е р. Mitteil., II, 309). М а́ р г е л ь' известковый камень (Словарь Н о с о в и ч а, 280), равное немецкому Mergel, сюда, конечно, не относится.

М и́ л т а — особое овсяное кушанье (Ошмянский и Виленский уезды), лит. mìltai овсяный кисель (В о л ь т е р. Mitteil, II, 309).

М и р с: сымаго́ як бы́ццым по мирс (чит. по́мирс) бире́ць (Ш е й н. Матер., III, 233, Витебская губерния), страх, доводящий до обморока. Ср. лит. mirksaũ, mirksóti сидеть с полуоткрытыми глазами, или быть может, mìrštu, mir̃ti умирать.

М и т у с и́ ц ь — мутить, мешать, тревожить, лит. mita, mitas крыло в сети (ср. К у р ш а т. Wörterb., 259); вероятно, есть более подходящее лит. слово этого корня, по крайней мере Вольтер, как это отмечено выше (стр. 388), спрашивает: употребляется ли в белор. митус?

Н а ў д а́, н о́ ў д а — польза Лид. уезд (В о л ь т е р. Mitteil., II, 309). Гродненский уезд: з их неманиякой ноўды (Ш е й н. Матер., III, 81); печаль: што табе за на́ўду прывязли (ib., 478, Новогрудский уезд) — все из лит. naudà польза, имущество.

П о́ т к а (Грод. г. и Мин.) penis. Хотя оно и напоминает стар. **потъка** битва, а также северно-великорусское *по́тк*а (**пътъка**) птичка, равным образом глагол поткну́ть (см. словарь Д а л я), однако в данном значении вряд ли оно может считаться славянским. Мне бы хотелось сравнить его с лат. patika сильное желание. Должно быть, есть подобное слово и у литовцев, только не внесено в словарь.

П р и м н, п р и́ м е н ь — хозяйственная постройка: никотораго примна не далъ, 1541 г. (Акты, изданные Виленской комиссией, XVII); сени: бо́рздзенько пошла́ ў при́мень (Ш е й н. Матер., III, 265); лит. priẽnumis, priẽmena, priẽnamė (В о л ь т е р. Mitteil, IV, 50).

Пу́тра — кислая каша, малорусское путря, лит. и латыш. putra, взятое должно быть у финнов (Вольтер. Mitteil. III, 308, где приводится мнение Потебни).

Раўге́ня — род некислого теста, особое кушанье кулага, лит. ráugas закваска, raugìnė горох с кислым текстом.

Ре́я — овин в Гродненской губернии и отчасти Минской. Микуцкий сравнивает с лит. reje, но Брюкнер (125) в литовском слове видит заимствование.

Ры́чка, рыку́нья — скотница уже в акте 1565 г. (Акты, изданные Виленской комиссией, XVII, 546) лит. rikunia фермерша, rykautí управлять, прусск. rikys (Вольтер. Mitteil, II, 308).

Рымсциць, ры́мщу — выжидать, терпеть, уры́мсциць — выдерживать боль, лит. rìmstu, rìmsti спокойно переносить (ср. еще Брюкнер, 24).

Талыза́ць — таскать, бить, лит. talziti по Микуцкому, в чем Брюкнер (144), однако видит заимствование из белорусского, но, быть может, напрасно: ср. лат. taļʃiht, лит. talãžyti, tàlažũti.

Текуне́ц — беглец, встречающееся в старинных памятниках (Вольтер. Mitteil, IV, 52), при лит. tekunas, мне кажется, лишь случайное совпадение, так как белорусы имеют свое уцека́ць убегать от корня *тек-*.

Шве́ля — бревно при лит. švẽlis, взятом, в свою очередь, из нем. Schwelle.

Наконец, перечислим слова, взятые белорусами из латышского и литовского языков и известные в той или другой степени во всей белорусской области. Сюда относятся:

Бо́нда — хлеб печеный (буондачка. Федеровский: Lud białor. II, 21), выслуженная доля земли (в старых памятниках). Вольтер. (Mitteil., IV, 56) ставит его в связь с лат. bandos (мн. ч.) или bandi, лит. bą́da стадо скота, присевок (ср. еще Эндзелин. «Живая Старина», 299).

Бры́нда и бры́нды — платье, выпачканное снизу и пооборванное, как бы обшитое бахромой; бродяга (Носович); бры́ндаць — таскаться. Очень напоминают лит. brįndos (мн. ч.) оборки на чепце, платье, brįdũti обшивать оборками.

Бужени́на — свинина. больше копченая (слово встречается чаще в великорусских говорах) при лит. budyti коптить (ср. Вольтер, Mitteil., II, 308, где приводится мнение по этому предмету Потебни).

Бурча́ць — ворчать, лит. burkũti ворковать.

Вала́ндацца — возиться, суетиться (слово больше великорусское) при лит. vałandà короткое время (Вольтер. Mitteil., II, 308, где ссылка на Потебню).

Ве́нц'ер — особого рода сеть для ловли рыбы, прусск. ventere, лит. ventaris, ventaras, venteris. Брюкнер (152) думает, что это слово взято литовцами у поляков; но, как полагает Миклошич (Etymolog. Wörterb., 381) и Эндзелин (Живая Старина, 300), естествен-

нее допустить заимствование у литовцев: у последних это название распространено повсеместно.

Вилйць — обманывать, кривить, лит. výlius обман, vilióti обманывать. Великорусское «вилять»?

Воропáй — эпитет коровая, обозначает жениха, например:

Ах ты коровою-воропаю,
Часто ў клеци бываеш,
Сцежки-дорожки пытаеш.

По объяснению Потебни (ФВ, IV, 166—167), от лат. wèrpajs и wèrpejs прядильщик. Не ясно только, видит ли здесь Потебня заимствование, или только родство.

Гйрса — трава в пшенице, лит. dìrsė (Брюкнер, 24).

Дзегоць — деготь — Миккола (Beitr., 119) вполне основательно производит из лит. degùtas, от корня *deg-* гореть, который в славянских языках изменился в *geg-, жег-.

Дул-: одуловатый — одуловатый, дряхлый, по Микуцкому, из лит. dūlis древесная гниль; сюда же относятся глаголы dúlįnti, dulinėti (ср. Брюкнер, 24).

Дыли-дыли — звукоподражательное междометие для обозначения игры на скрипке, напр., в песне:

Дыли-дыли, скрыпачка,
А ў нуорцы лисачка,
А ў лисицы нуовы двуор,
Три паненки на выбуор

Федеровский. Lud białoruski, II, 7.

То же в старых интермедиях (ср. Морозов. Очерки из истории русской драмы. 72, по рук. Имп. публ. б. разноязычн. Q.XIV.30). Трудно не поставить этого звукоподражания в связь с лит. dìlįnti тереть, шаркать, dìlti убывать от трения. «Дыли» впервые могло явиться у литовцев, а от них зайти к белорусам и полякам.

Ёўня — овин: але еще въ евню того жита не кладено было, 1541 г.; éўя: а клуня и зъ евьею, 1556 г. (Акты, изданные Виленской комиссией, XVII). Слово это, существующее до сих пор, вполне основательно выводится из лит. jauja (ср. Вольтер. Mitteil., IV, 49). Отсюда и название м. Евье.

Квир — дресва, лит. žviŕždas, žvirgždas, žviras латыш. zvirgzde; Брюкнер (158, 190) литовское и латышское слова считает заимствованием, но Эндзелин (304) думает, что «нет никакого основания считать эти литовско-латышские слова заимствованными».

Клебáня, клебáния — дом священника (реже взятое из польского языка плебáния) — лит. klebonė, kleboǹja дом священника, klebõnas священник. Согласно с Аппелем (РФВ, III, 221), вопреки мнению Брюкнера (94), допускаю заимствование из литовского, а не наоборот, так как в белорусском наречии нет подходящих

корней, тогда как у литовцев есть глагол klebù,-bėti. Под влиянием этого глагола литовцы и осмыслили соответствующие польские слова.

Клу́ня — сарай вроде гумна из лит. klûnas, klonas, лат. kluns (ср. Вольтер, Mitteil., IV, 49; Эндзелин, 306).

Клы́пацъ — хромать, лит. klypstù, klỹpti во время ходьбы обычно изгибать ноги.

Коу́ш — ковш. из лит. kaúšas, каковое слово, по свидетельству Микколы (120), от литовцев проникло к финнам и германцам.

Кре́сло — седалищная часть крестьянских портков; для обозначения мебели у белорусов это слово встречается довольно редко, например в следующем месте одного заговора (Романов. Белорусский сб. V, 55): «Золотник золотый, стань на своем мести, на золотом кресли, на батьковым сносновании, на маткиным порождэнии»[11]. Ему соответствует лит. krẽslas, лат. krêsls. Карлович (316) видит в этих словах только родственное соответствие; Брюкнер (97) предполагал заимствование литовцами у поляков; но, как убедительно доказывает Миккола (120), следует видеть заимствование со стороны славян у литовцев (ср. еще Эндзелин, 301).

Куль — сноп соломы, прилаг. кулевый, по Карловичу (324) взято у литовцев: ср. kulìs Brandkorn.

Кумпя́к или кунпя́к — окорок, лит. kum̃pis (Вольтер. Mitteil., IV).

Лайда́к — плут, бездельник, согласно с мнением Потебни, Вольтера (Mitteil., II, 308) и Эндзелина (292), в виду *-ай-* будем выводить из лит. lajdõkas, лат. laidaks, или laiduks.

Па́кля, па́кулле из лит. pãkulos (мн. ч.), лат. pakulas (ср. Миккола, 121, Эндзелин, 292).

Паршу́к (например, у Федеровского. Lud białoruski, II, 14, 336) и парсю́к (например, у Романова. Белорусский сб., III, 8, 39, 243) — кабан, лит. par̃šas. Этого же взгляда держится и Вольтер (ср. выше, стр. 388).

Ре́дзгины и ре́згины (оба слова со звуком g), Могил. ре́звины (Словарь Носовича, 570) — снаряд для ношения сена (ср. мой рисунок во II т. «Материалов» Шейна, 247, вын.), из лит. rẽzgis, rezgìnės (Вольтер. Mitteil., II, 309).

Ру́пицъ — заботить, рупли́восцъ, лит. rupùs озабоченный, rúpinti (ср. Брюкнер, 23, Вольтер, Mitteil., II, 309).

Свиро́н — амбар, встречающееся и в старых актах, например 1556 г. (ср. Акты, изданные Виленской комиссией, XVII), лит. svirnus и svirna спальня, клеть. Брюкнер (24) не решается сказать, кто у кого заимствовал; но у белорусов это слово единично, тогда как

---

[11] Впрочем, и здесь «кресло» — часть тела, которая прикрывается креслом портков: золотник, матица, старинное дъна, известная женская болезнь. Ср. М. И. Соколов. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. М., 1894, стр. 2.

у литовцев есть еще подобные образования (ср. Куршат. Wörterbuch, 418).

Сли́вень — слепая змея, лит. slibinas, slykunas (Брюкнер, 24); ср. глаг. slykstu, slykti дремать. У белорусов, очевидно, некоторая переделка вследствие осмысления слова.

Стадо́ла — конюшня при постоялом дворе. По довольно убедительным доводам Эндзелина (Живая Старина, 298—299), «русские (и немцы) заимствовали это слово у латышей (или литовцев), а не наоборот»: лит. stádolė, лат. stadala образовались от глагола *stadît (ср. stadini u statit) останавливать.

Торп — известным образом сложенные на гумне снопы, лит. tárpas (ср. Брюкнер, 201, Вольтер. Mitteil., II, 309).

Учку́р — веревочный шнурок, служащий для стягивания портков. По Карловичу (324), это название взято у литовцев, не знаю только, какому слову оно соответствует: ũškurỹs по значению не совпадает.

Шашо́к — хорек, лит. šeškas, лат. seskis (Вольтер. Mitteil., IV, 59).

Шу́ло — столб, вероятно, взято у литовцев, у которых имеется šũlas, заимствованное у немцев: Säule, у последних взяли и поляки: szuło (ср. Вольтер. Mitteil., II, 309 вын.). Интересно, впрочем, сравнить с санскритским «шӯла» кол (Петров. Материалы для объяснительного словаря и грамматики русского языка, VI, 92).

Яндо́ва — особого рода кружка (у белорусов малоизвестна) лит. indauje, iñdas (Миккола, 120).

Янтарь (теперь вытесненное из языка простонародья польским bursztyn) лит. gentãras также jentãras и gintãras (Брюкнер, 23). Соображения Карловича (364—365) о заимствовании его из греч. ἤλεκτρον невозможно допустить, так как янтарь шел из литовцев к грекам, а не наоборот, да и соответствие в звуках было бы очень отдаленное.

Еще в двух словах видят заимствование из литовского: 1) ты́чка, тычко́м, тычма́ при лит. tyčiá, tyčiomis (Брюкнер, 23), но здесь, по моему мнению, лишь случайное совпадение, так как белорусские выражения, несомненно, от корня *тык-*; 2) узво́р, край поля (в старых грамотах) при литовском užvaras (Вольтер. Mitteil., IV, 50), но это слово легко распадается на уз-в-ор, т. е. въз-ор-ъ — вспаханная часть поля.

Число белорусских заимствований у литовцев и латышей можно бы значительно увеличить, если бы прибавить сюда еще прозвища, фамилии и названия живых урочищ на теперешней белорусской территории, но я не имею материала для суждения этого рода.

Не знаю, можно ли указать какие-либо морфологические заимствования со стороны белорусов у литовцев и латышей: быть может, их влиянием следует объяснять такие образования, как нудо*сно* (в лит. -sn- в суффиксе очень обычно), дзиво́*сы*, выкрута́*сы*. Не думаю, чтобы можно было говорить о заимствованиях фонетических. Возможно лишь, что близость литовского языка поддерживала такие сочетания, как *-ир-*,

-ил- вместо̀ общерусских *-ер-*, *-ел-* из основных славянских -ь̭г̥-, -ь̭л̥- в образованиях, вроде: чирво́ны, дзиржа́ць, килбаса́ и т. д.

Делая вывод из всего сказанного, мы видим, что белорусы заняли у литовцев и латышей около 35 слов общераспространенных и около 56 слов, известных только отчасти в некоторых местах, отчасти лишь в старинных памятниках. Слова эти больше обозначают предметы, относящиеся к земледелию, рыбной ловле, к обыденной жизни, и очень немногие касаются умственных интересов человека. Тогда как, если мы рассмотрим слова, взятые литовцами и латышами у белорусов, то их окажется огромное количество и касаться они будут всех сторон жизни человека. Это и естественно: Литва всегда находилась в умственной и вообще духовной зависимости от Руси, а затем от Польши, откуда и шли к ним разные названия культурных предметов вместе с самими произведениями.

Варшава. Апрель 1902 г.

К ВОПРОСУ О НАРОДНОМ ГОВОРЕ БРЯНСКОГО УЕЗДА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ [1]

Известный писатель С. Максимов («Живописная Россия», III 432, 436; «Древняя и Новая Россия», 1876 г., № 8, 299—300, 306 считает народный говор Орловской губернии, лежащий к западу от р. Десны и отчасти к востоку от нее, белорусским; он даже отмечает здесь дзеканье. Брянский, Севский, Трубчевский и Карачевский уезды Орловской губернии относит к Белоруссии и де-Ливрон («Живописная Россия», III, 250). Со слов этих писателей и я («К вопросу об этнографической карте белорусского племени») границу белорусской области определял следующим образом: «в Трубчевском уезде по правому берегу р. Десны, далее в Брянском уезде по р. Десне и ее притоку Болве». Побывав, однако, летом 1903 г. в означенной местности, я нашел, что белорусское наречие занимает здесь значительно меньшее пространство: в Брянском уезде белорусы оказались в Акулицкой и Лутенской волостях, т. е. в тех местах, где они были отмечены еще в 1848 г. Кеппеном (ср. мою работу «Белорусы», I, 14—15). Независимо от перечисленных наблюдений, отчасти же под влиянием их, а также известных работ и программ академика А. И. Соболевского (например, «Опыт русской диалектологии») в текущем году вышли две работы, посвященные, между прочим, и народному говору Брянского уезда; имею в виду отчет 2-му Отделению Академии наук проф. Е. Ф. Будде, «О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследование и словарь» (СПб., 1904) и П. Тиханова: «Брянский говор. Заметки из области русской этнологии» (СПб., 1904). Присоединив сюда и некоторые материалы, собранные мною в. с. Акуличах и отчасти в других местах Брянского уезда, не делая пока подробной характеристики названного говора, для чего еще не собрано достаточно материала, можно высказаться относительно некоторых принципиальных вопросов, тем более, что они в значительной степени затронуты в названной выше работе проф. Будде.

---

[1] «Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского». СПб., 1905, стр. 314—320 (*Ред.*)

Один ли говор во всем Брянском уезде?

Могу решительно ответить, что, безусловно, не один. Жители старой Акулицкой волости (нынешней Акулицкой и Лутенской), лежащей в северо-западном углу Орловской губернии по соседству с уездами Мглинским Черниговской и Рославльским Смоленской губерний, говорят по-белорусски; в настоящее время они начали поддаваться сильному великорусскому влиянию. Для нас теперь совершенно безразлично, какого племенного происхождения эти белорусы; но нельзя не отметить, что язык их, наружность и быт в основе белорусские, лишь с сильным великорусским оттенком, что и естественно, если принять во внимание их постоянное соседство с великорусами. Так в речи населения преобладает дзеканье (ци, дзéци, ражáць и т. д.), но заметна склонность к чистым *д* и *т* мягким, без свистящего оттенка; также здесь и *р* мягкое, без отвердения, но в этом случае с данным говором сходны говоры всей северо-восточной Белоруссии; аканье в полной силе (галавá, цанá, маладнá [молния], салóткий, майгó, яны́, ясí, баля́ць и т. д.); известно ў неслоговое на месте *у* и *в* перед согласными (ў аднэй руцé, ýнук, ýю, ýсей, у мянé и под.), ў на месте *л* в известных случаях (маўчáць, купáўся, пашóў и т. д.); удвоение согласного в соединении с *j* (льлю, Ильля́, но *р* не удваивается: Ягóрья); приставочное *и* (конь иржéць, ирвéць); приставочное *в* (вóсянь, вóзяро, вум); особая огласовка некоторых слогов (глыбокий, яéчки): слоги *эй* — *ей* под ударением вместо *-óй* (ў аднэй руцé, у другéй, такéй жóнки, на аднэй назé, тэй [им. п. м. р.]), редкое отверделение *л* (пáлцы — неповсеместно); везде звук *г* = *h*; *dj* смягчается только в *ж* (вúжу, ражáць); звательный в старой форме почти вышел из употребления, теперь лишь говорят: мам, бацъ, цёт и т. д., как и в некоторых великорусских говорах; 3-е лицо ед. ч. глагола всегда оканчивается на *-цъ* (*-тъ*) (нясéць, знáиць, хвáлиць, ёсьць, магéць), так же оканчивается и неопределенное (вы́сказаць); при *два* ставится мн. ч. м. р. (два сталы́); в вопросах всегда *-ци*; при ответе *-нѣ*, *немáш*; дательный на вопрос — *куда* (пашóў дварý); еще некоторые мелочи, отчасти известные и великорусским говорам: мужукí, висóкий, ты́сяча рублёў, дзирáвый, éтый, ён — инá — инá (ср. р.), яны́ (мн. ч.), ўси, ў сих, дванáтцаць.

Народная поэзия в указанной местности довольно развита; песни поют больше женщины; последние, впрочем, стеснялись спеть мне что-нибудь. Нашелся охотник мужчина (Пав. Стеф. Шестаков), но он пел не типичные белорусские песни, а больше великорусские на белорусский лад. Вот несколько его опытов:

> Зарадзúла я́гатка ў щúром барý,
> Заблудзúла крáсная дзявúца ў цёмном лясý;
> Приблудзúлася к рéчки к Дунаю;
> Паклúкала крáсная дзявúца сабé пирявóс:
> «Пирявóщик, парень маладóй,
> Пирявязú минé на тэй бок рякú».
> «Красная дзяўчóнка, дóрох пирявóс —
> Па пяцú рублёў с пальцúнаю наш пирявóс».
> «Што хацúце, то вазьмúце, тóльки пирявязúце». . .

Ты крапи́ва, ты крапи́ва,
Крапи́вица зилянéнькая,
Зялёная качури́вая!
Ци ўси луга́ приўзялéнивала,
Ци ўси сцежачки-дарóжачки,
Майгó ми́лаго прахóдачки.
Гóниць ми́лый табунóк лашадзéй,
Ўси кóники варанéнькия,
Адзи́н кóничек булáненький
Идзéць гóлаву павéсиўши,
Ясны глáзушки заплаканныя.
«Што, кóничек, змуцён нéвясёл:
Или я цебе мало сена даваў,
Или же мáло аўса́ засыпаў»...

Домашние постройки в Акуличах белорусского типа; но одежда крестьян переходная, в основе однако белорусская; у женщин запаски.

Уже из сказанного не трудно видеть, что в с. Акуличах живут белорусы, подвергшиеся в настоящее время сильному великорусскому влиянию.

Из Акулицкой волости есть записи и у проф. Е. Ф. Будде (стр. 84—86) — из с. Мужилова. Не бывши лично в этом селе, не могу сказать, насколько точно эксперт г-на Будде передал речь своего села. Если верны те сведения, которые сообщил мне священник в Акуличах, что речь, сходная с акуличской, слышится еще на приходах Мужиновском, Воробейнском, Лутенском и Деньгубовском (ср. «Белорусы», I, 15), то можно думать, что прислуга [2], от которой сделаны записи у проф. Будде, или же давно вращается среди великорусов, или же старалась подделаться под речь разговаривавшего с нею барина; во всяком случае у нее господствует южновеликорусское произношение, и белорусские особенности лишь кое-где всплывают наружу; таковы, например: 'У Пятроўцы, аддаеть, тады́, менé, к ćтю и к ц̆тю, маjē (им. п. мн. ч.), пяю́ть, салóтка, ч^и^еряс сат, ёсьть, братóў мнóһа, нă-няли́ся из мýжāм, трóшки (вероятно, следует читать и «тольки» вместо «толька» на стр. 84), мы́jе^и^м, ăддярéш, мы́ю и др. Основываясь, должно быть, только на указанной записи, проф. Будде на стр. 108 своего отчета приходит к следующему заключению: «Утверждение, будто в Брянском уезде, Орловской губернии, по р. Десне и ее притоку Болве можно провести границу белорусских говоров с великорусским наречием (Карский) и будто у жителей Брянского уезда есть *дзеканье* или что их можно относить к Белоруссии, подлежит поправке в том смысле, что это утверждение несправедливое: мы были в самом западном углу Брянского уезда (Акулицкая волость), на границе с Черниговской губернией, вблизи границы со Смоленской губернией, и не слыхали там ни *дзеканья*, ни твердого *р*, ни *л* = ў, ни белорусского *сильного аканья* (выдержанного); мы там не видели и *типа белорусов*».

---

[2] Палы́ мы́ю ў няделю рас; што хоз'^ж^аин затеить, то и делăю... стр. 86.

Не знаю, был ли знаком проф. Будде, в то время, когда печатал эти строки (в 1904 г.), с моей книгой «Белорусы» (Варшава, 1903); там я отказался от своего прежнего предположения относительно белорусской границы (она не касается р. Болвы и даже не достигает г. Брянска); но могу решительно уверить почтенного коллегу в том, что в с. Акуличах (не станции железной дороги «Акуличах», отстоящей от села в 35 верстах) дзеканье преобладает: свое наблюдение я производил в праздничный день в волостном правлении над массой крестьян, собравшихся сюда добровольно, в отсутствии начальства; твердого *р*, конечно, нет, как нет его вообще к востоку от указанной мною линии («Белорусы», I, 193); *л* = ў, аканье[3], тип белорусов — все есть.

Иное дело другие места Брянского уезда (г. Брянск, по железной дороге в Акуличи и дальше, окрестности Брянска): в настоящее время здесь господствует южновеликорусское наречие примерно такого типа, как оно представлено у проф. Будде и г. Тиханова. Однако, читая собранные ими материалы, мы иногда встречаем особые слова, формы и звуки, которые большей частью незнакомы чистым южновеликорусским говорам. Например:

у Будде

'Ш шы́раhа бору 79 (т. е. из щираго бору, что не значит ни серый, ни сырой, а густой), бялен'ня, руме́ªн'ня 80, лю́ты марозы при ў да-ро́зиª 81, на чюжэй сторǎни 82, у меⁱне́ младэй ib., ў дисятёх ib., мы аднэй во́лǎсьти (во́рнаўскэй) 86, шыють ib., суч'чям — ве́т'т'ицъм маха́ла 87, прйлите́ли hуси ш'чюжэй да́льнэⁱй Ру́си ib., ч'истуўа́ти ib., находить *блаhая* минута на jих 88, мы́jeⁱмса ib,, кажьнїю субо́ту ib., зьли стала́ 88, мы́ймся 89, мы́ютцǎ ib.

у Тиханова

отмечается смешение *у* и *в*, причем вместо них бывает и ў; особенно много примеров, как и в других случаях, приводится из памятников XVIII в., например на стр. 14—18: аўца́, дроў, ўсе, вдарить (из памятника 1782 г.), вслышели (1782 г.), о грабеже в крестьян (1786 г.), вдарил меня в вуха (1785 г.), увойшо́л, няўжо́ш, ўвесь (за въвесь 1799 г.), с удово́ю (1783 г.), узверну́ться, узложи́ть (1794 г.), с унуком (1783 г.), к гвоздю убитому в барьер. . .; лашадём 21, лашадёх ib., пае́ть, нясе́ть 22, паястё (съедите) 22; наречие «домой» передается исключительно выражением «дварў», но прежде употреблялось и «домов» (примеры из документов 1796 и 1799 гг.), а вместо «долой» — «долов», «доло́ў» 24; караhод 25; приставочное *в*: вакно, вум 26, не в вуезде (1779 г.), на вулицы (1783 г.); увесь 27; приставка гласного *и*: игруша (1732 г.), ильвов (1788 г.), к посеву иржи (1785 г.), ирвания 27; мыю 28; будишь ясй ib., что могло образоваться только из ясци́; слитие рядом стоя-

[3] Аканье у белорусов в разных областях очень разнообразное, часто ничем не отличающееся от южновеликорусского; поэтому термин «белорусское аканье» для меня непонятен.

щих гласных: после 'бéда, ни 'днэй и под. 29; дли = подле (привизать на руке дли ладони 30); отсутствие *н* перед формами местоимения «его», «ему»..., стоящих после предлогов 31. Наконец, можно указать целый ряд особых слов, встречающихся в живой речи и в старинных брянских документах (ср. стр. 33—95), например абзáдя, абзáди, аж, анагды́сь, балóнка, баркан, брыть — брыю, буйный (крупный), бумажка (кредитный билет), вир, вирябей, гарбу́з (тыква), гвалт, ги́цаль, глей, глыбокий, гавóрить (3 л. ед. ч.), годя и годи (довольно), голоси́ть (плакать), гонт, грабар, гру́ба, гру́бка (голландская печь), гу́тарить, даси́, диря, дирявый, дражнить, ду́жа (очень), жáлиться (жаловаться), жи́жа (огонь), жлукта, з = из, заку́тать (затворять), заробля́ть, зикáть, зюзя, кàлиу́ка, калитка (кожаный мешочек при поясе), кат, квач, корéц, кочедык, коштовàть, крèйда, кры́га, крыть — крыю, крышы́ть, куплять, лить — льлю́ и ильлю́, лузгàть, лéтось, макатёр, маланны́, молодик, мост (пол), напроку́дить, нéколи (некогда), нярушь, отку́тать (отворить), пилованный лес, позы́ка, полу́дновать, поля́цкий, почёпка, прàнцы, приспàть, пущать, ретовать, рештованье, решт, рукàться, ру́шить, ря́шка, сигать, скакàть, ски́бка, скрозь, скубàть, скус (вкус), спàтюшки, сперть (украсть), сподо (из-под), стебать, стежка (тропинка), стервак, сту́каться, стю́день, сукóнка, ся́дня, тесть — цтя, удвоих, ужàка, узнарóк, учóра, хварéть, холодóк (тень), хруптеть, хряпка, цыбу́ля, цыганский пот, цы́ркать, целкóм, чым, шост, щербàтый, яйцо — яéц 156, гóлуб 212, питьтё, кажнай 256. В старых памятниках подобные случаи чаще, чем в современной живой речи.

Как смотреть на приведенные случаи?

Ответить можно двояким образом: или видеть здесь влияние соседства с белорусами, особенности языка которых, естественно, могли зайти в родственную речь соседей южновеликорусов, или же, как думает проф. Е. Ф. Будде, в одних формах, вроде — крыю, мыю, видеть старое русское произношение (104), а в других — особенности племень северян (109). Однако во многих из приведенных черт нельзя видеть старорусского наследия, да и слоги *-ыj — -ij* если бы сохранились в данной области от старины, а не были бы более поздним заимствованием, то эта область не могла бы считаться чисто великорусской, так как характерной особенностью всего великорусского наречия является отсутствие в известном положении этих слогов. Да и помимо рассматриваемой черты у нас останется масса слов и особенностей например, удвоение согласных), которых нельзя вывести и из старины и приписать северянам: единственный источник заимствования их у белорусов; ясно вследствие этого, что в поставленной нами дилемме правильно первое положение, а второе должно быть отвергнуто.

Из всего сказанного можно сделать выводы:

1. Население Брянского уезда не однородно: в Акулицкой и Лутенской волостях белорусы, подвергшиеся сильному великорусскому влиянию, в остальной части южновеликорусы.

2. В речи южновеликорусского населения рассматриваемого уезда иногда замечается белорусское влияние, которое в старину было несколько сильнее.

3. Влияние белорусов шло из соседних губерний — Черниговской и отчасти Смоленской и Могилевской.

4. Со временем белорусские особенности под влиянием школы, всеобщей воинской повинности, фабрик и других обстоятельств, несомненно, утратятся.

5. Речь каких древнерусских племен лежит в основе брянских говоров, решительно сказать трудно: очень может быть, что в Брянском уезде живут потомки радимичей и вятичей, ушедших от ляхов (ср. «Белорусы», I, 71—74 и др.).

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ РУССКИХ НАРЕЧИЙ[1]

Вопрос, которого мы коснемся, не является исключительно филологическим: правильное решение его имеет и важное археологическое значение. Приметы современных русских наречий, несмотря подчас на новейшее их происхождение, опираются в своей основе на черты древних русских говоров, составлявших один из признаков, по которым, кроме особенностей чисто антропологических и бытовых, делились и древнерусские племена. Установив границу между русскими наречиями, мы в большей или меньшей степени определим и племенной состав той или другой этнографической группы, насколько конечно по современным чертам можно судить о древних.

Я не стану вдаваться в мелкие подразделения, а коснусь лишь больших групп: как установить границу между великорусами и белорусами, между белорусами и малорусами, между малорусами и великорусами. В общих чертах эта граница уже установлена хотя бы в известной работе акад. А. И. Соболевского «Опыт русской диалектологии»[2], но в ней во всех случаях отмечается еще пограничная полоса так называемых «смешанных», «переходных» говоров. Вот — как быть в последнем случае? Какие из таких говоров относить к одной группе и какие к другой? Что здесь должно служить критерием? Ведь существование смешанных пограничных языков, несомненно, следует признать, но и границу между теми и другими наречиями также необходимо провести, не оставляя нейтральной полосы. Чтобы выйти и

---

[1] «Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902», т. II. М., 1905, стр. 430—436 (*Ред.*).

[2] После представленного настоящего доклада Харьковскому археологическому съезду и до времени напечатания его (1905 г.) мною выпущены следующие работы, имеющие в виду, между прочим, и определение границ русских наречий: а) «Белорусы», т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. С приложением двух карт. Варшава, 1903, б) К вопросу о народном говоре Брянского уезда, Орловской губернии («Новый сборник статей по славяноведению в честь В. И. Ламанского», 314—320); в) К вопросу о границе белорусских говоров. По поводу ст. акад. А. И. Соболевского: «О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности» (Ср., РФВ, 1905 г., № 1, 54—61).

указанного затруднения, по моему мнению, следует точно определить, какие черты в разных наречиях русского языка из взаимно-пограничных более существенны и характерны, и по ним производить разграничение.

Начнем с говоров великорусских и белорусских. Пограничная черта между этими наречиями может быть проведена по губерниям Псковской, Тверской, Смоленской, Калужской, Орловской и Черниговской. Точно установить границу в указанной области трудно уже потому, что белорусские говоры и пограничные с ними во всей указанной области южновеликорусские имеют очень много точек соприкосновения, притом не только во второстепенных чертах, но и в главных, например в развитии усиленного аканья, в умягчительности согласных и т. п. Вследствие указанного обстоятельства тут приходится принимать в расчет известную совокупность лингвистических примет, а также тех или других антропологических черт и особенностей быта. Белорусы селятся в местностях лесистых (по крайней мере бывших таковыми в старину) и болотистых; великорусы поэтому и называют их полехмиа, а местность их Полесьем. «Водораздельные леса стали одинаково племенною границею здесь (в Орловской, Калужской и Смоленской губерниях) на востоке Белоруссии, как не перестают быть межою подобные же густые леса на юге, востоке, севере обширного белорусского края с племенами малорусским, литовским, латышским и опять великорусским» («Живописная Россия», III, 435, ст. Максимова). Далее, мировоззрение и народная поэзия у белорусов часто не сходятся с великорусскими; наконец, что особенно важно, у белорусов много словарных особенностей, часто неизвестных великорусам-соседям. В фонетике и морфологии можно отметить следующие исключительно белорусские черты: 1) *дз — ц* мягкие вместо *д* и *т* мягких (но иногда этих свистящих звуков и не бывает), например, дзеци (ср. С. Максимова: «Обитель и житель». «Древняя и новая Россия», 1876 г., № 8, стр. 299—300); 2) появление *ў* краткого на месте *у* безударного стоящего перед согласными: ўмёр; на месте предлога *в*: ўкинуў ў мехъ, и что особенно характерно — на месте *л* в прошедшем времени и некоторых других случаях: быў, просиў, поўны; 3) удвоение согласных перед *j*: Илля, свиння; 4) появление слогов *ыj* (иногда *эj*) — *ij* вместо великорусских *oj* — *ej*: мый, злый (злэ́й, яке́й), мыю, пий, шия. К этим особенно существенным чертам еще прибавим: 5) смешение *р* твердого и *р* мягкого: ца*ра*, *я—ряд*; 6) появление чаще в глаголах *дж* вместо *ж*: гля*дж*у; 7) смягчение *г*, *к*, *х* в склонении слов: на дузе́, на ла́ўце, ў стре́се; 8) отсутствие форм именительного множественного на *а* у слов мужского рода, как дома, а всегда *-ы*: домы́ или, что реже, -э́: паясэ́, лясэ́; 9) множественное число при 2, 3, 4 в мужском роде: два ваўки́, и возможность двойственного в женском и среднем родах: три бядзе́, два сяле́; 10) возможность звательного падежа: сы́нку, чалаве́че; 11) особый вид повелительного со звуком *е* из старого *ѣ* в окончании: ходзем, купеця. Не стану перечислять других белорусских особенностей, неизвестных

великорусам, так как и приведенных достаточно, чтобы отличить речь белоруса от речи великоруса. Принимая во внимание указанные черты белорусских говоров, границу их с великорусским наречием в Орловской губернии можно провести приблизительно в Трубчевском и Брянском уездах по правому берегу р. Десны. Жители Брянского и Трубчевского уездов Орловской губернии известны под именем полехов («Очерки России», Пассека, IV. Цитаты взяты у Соболевского. Опыт русской диалектологии, 15, 4 вып.). С. Максимов отмечает их дзеканье («Древняя и новая Россия», 1876 г., № 8, 299—300, 306). Брянский, Севский, Трубчевский и Карачаевский уезды Орловской губернии относит к Белоруссии и де-Ливрон (ср. «Живописная Россия», III, 250). С. Максимов даже раздвигает Орловское и Калужское Полесье и на левый берег Десны («Живописная Россия», III, 432, 436). По данным, имевшимся у Кеппена («Сведения о русских наречиях», I, 467—471) белорусами, несомненно, заселена Акулицкая волость Брянского уезда, состоящая из 13 селений. «Все они лежат в лесах и болотах в самом северном углу Орловской губернии, у Черниговской и Смоленской границы»[3].

Далее, граница белорусской области переходит в Жиздринский уезд Калужской губернии. В «Материалах для географии и статистики России. Калужская губерния, ч. II. СПб., 1864. Составил М. Попроцкий», стр. 183, читаем: «Жители Калужской губернии говорят великорусским языком, но в произношении весьма многих слов жителями Масальского и западной части Жиздринского уездов заметно соседство Белоруссии. По некоторым оттенкам в языке и некоторым обычаям, жители западной части Масальского уезда разнятся несколько от жителей восточной его половины: первые и поныне слывут под именем *полехов*, а последние под именем *полян*». Исследования языка западных калужских говоров посвящены три работы: академика А. А. Шахматова (РФВ, XXXVI), Караулова (там же, XLIII) и особенно А. Никольского (там же, XLVI, XLVII и XLIX). Рассматривая особенности языка этих полехов, приходим к заключению, что жители самой западной части Жиздринского и Масальского уездов, действительно белорусы, но только принявшие немало особенностей и южновеликорусских говоров. У них, между прочим, уже и дзеканья нет и твердого *р*. Белорусские особенности заметны здесь в большей или меньшей степени лишь в местностях, прилегающих к Десне, по границе Рославского и отчасти Ельнинского уездов Смоленской губернии.

В Смоленской губернии граница белорусского племени идет по меже между уездами Дорогубжским и Бельским, с одной стороны, и

[3] Летом 1903 года мне лично удалось побывать в названных местностях, и я пришел к заключению, что белорусская область здесь меньше в настоящее время, чем была прежде. Именно чистая белорусская речь (не без сильного, однако, влияния соседей) в Трубчевском уезде, лишь в 2 приходах—Семецком и Котовском, лежащих по р. Рожку, притоку Судости. В указанной части Брянского уезда — в Акулицкой и Лутенской волостях — живут тоже белорусы, но подвергшиеся сильному великорусскому влиянию.

Юхновским, Вяземским и Сычевским — с другой; причем большая часть губернии населена белорусским племенем и лишь четыре восточных уезда (Юхновский, Вяземский, Сычевский и Гжатский) принадлежат южновеликорусскому наречию. Сообщение С. Максимова («Живописная Россия», III, 442), что наибольшая часть Бельского уезда — восточная — населена великорусами, оказывается неверным. Около железных дорог, от Смоленска к востоку, уже говорят по-великорусски.

В Тверской губернии белорусские поселения с некоторыми даже особенностями северновеликорусских говоров (взаимная мена *ч* и *ц*) начинаются у г. Зубцова, далее тянутся по правому берегу Волги (Молодой Туд), где живут тудовляне, заходя даже иногда и на левый берег (по р. Итомле в Ржевском уезде и р. Коше в Осташковском[4] уезде); затем граница белорусских говоров подходит к истокам Волги и Западной Двины. Белорусское дзеканье, по Далю, слышится в Корчеве и Торжке.

В восточной части Псковской губернии белорусы не простираются дальше Западной Двины. Затем граница белорусской области идет по южным частям Великолуцкого, Торопецкого, Опоченского уездов. М. Колосов (Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878, стр. 147, вын. 2) отмечает белорусов в некоторых уездах Псковской губернии (Великолуцкий, Опочецкий[5] и Холмский) и даже Московской (Рузский, Волоколамский и Можайский).

Не легче установить границу между малорусами и белорусами. Малорусская речь представляет много сходства с белорусскою в звуках, формах и словаре, так что для лиц, не знакомых научным образом с тем и другим наречием, разграничение белорусов и малорусов на первый взгляд кажется затруднительным. Это затруднение увеличивается еще до того, что смешанные северномалорусские говоры часто знают *дз* вм. *д* мягкого, *ц* вм. *т* мягкого, *р* твердое, что некоторым кажется, в данном случае, типичной белорусской чертой. Но дело в том, что *р* твердое вм. мягкого спорадически встречается во всех северномалорусских говорах; остаются *дз* и *ц* мягкие вм. *д* и *т* мягких, но и они не типичны, так как в каждом отдельном случае могут быть объясняемы, как заимствование малорусами у белорусов. Правда малорусы очень не любят дзекающего произношения: в своих насмешках над белорусами они выставляют именно эту черту: «Хиба, лихо озме литвина, щоб не він дзєкнув». Единственно верным критерием, по моему мнению, для различения малорусов от белорусов здесь служит, кроме чисто антропологических особенностей, а затем быта, то или другое произношение общерусских *е* и *и*, а в связи с ними и предшествующих

---

[4] Преображенский. Описание Тверской губ. в сельскохозяйственном отношении. СПб. 1854, стр. 78. В настоящее время дело, может быть, обстоит совсем иначе (ср. «Белорусы», I, 16).

[5] В этом уезде отмечает белорусов и Максимов («Живописная Россия», III, 448).

им согласных: у белорусов эти звуки (или их заменители) всегда «мягки», вследствие чего они смягчают предшествующие им согласные, тогда как у малорусов они всегда тверды. Белорус скажет «ведзем», «милы», «бици», а малорус — «вэдэм», «мылы», «быты». Понятно, что малорусы не знают и *дз — ц* мягких перед общерусскими *е* и *и* и их заменителями, но в смешанных говорах малорусы знают *дз* и *ц* мягкие перед *е* и *і* из общерусского *ѣ*, которые у них бывают мягкими, например дзівуля, дзевчина; возможны *дз* и *ц* у них еще на конце перед старинным *ь*: ходи*ць*. Еще в смешанных говорах следует обращать внимание на то, есть ли в них аканье, т. е. произношение, вроде в*а*да, нясу, или нет: акают только белорусы. Впрочем, в пограничных с малорусами областях и аканье у белорусов развито слабо. Таким образом, при разраничении белорусов и малорусов следует обращать внимание на произношение общерусских *е* и *и*: белорусы никогда не произносят их твердо, кроме нескольких отдельных слов (сэрце, уздэчка, формы на *эй* в некоторых местностях, как злэй). Если при этом еще окажется *дз — ц* мягкое и *р* твердое, то говор, несомненно, белорусский, хотя бы остальные черты и были малорусские, например дифтонги уо͡, юо͡, іе͡, *у* на месте *о* (ў нов*ў*м) и под. Не знаю, как быть в тех случаях, когда есть одно только твердое *э* и притом лишь после губных *б*, *п*, *в*, *м*, а после других согласных мягкое. Такой говор существует в окрестностях м. Шерешова (Пружанский уезд Гродненской губернии), как об этом можно судить по ответу на одну белорусскую программу, имеющуюся в Академии наук. Здесь в белорусском говоре, по-видимому, еще только зарождаются малорусские особенности. Твердое *э* вместо *е* изредка можно слышать и в белорусском говоре м. Любеча Городнянского уезда Черниговской губернии и некоторых других самых южных белорусских окраинах (обыкновенно после губных и лишь спорадически после *д*).

Держась указанных принципов, южную границу белорусов проведем следующим образом: рекою Наревом, по Бельскому уезду Гродненской губернии, белорусская граница идет до Беловежской пущи, далее по р. Каревке она прорезывает последнюю до м. Шерешова, а отсюда идет на восток севернее г. Пружан, к р. Ясельде, почти до Картуз-Березы; отсюда, захватывая Стрычов, почти параллельно варшавско-московскому шоссе направляется к р. Щаре, затем по последней переходит в Минскую губернию. Здесь от р. Щары белорусская граница идет в юго-восточном направлении к м. Лунин недалеко от ст. Лунинец (при пересечении полесских железных дорог), захватывая в белорусскую область деревни Хотыничи, Малковичи и Дятловичи. Здесь, значит, мы заходим в северную часть Пинского уезда (ср. Памятную книжку Виленского генерал-губернаторства на 1868 год. СПб. 1868, стр. 63, ст. Быковского). Далее граница спускается к р. Припяти, в некоторых местах даже проникая на правый ее берег, особенно клином в восточной части Мозырского уезда до границы с Волынской губернией. Припятью граница идет по уездам Мозырскому Речицкому и достигает самого Днепра.

За Днепром мы уже переходим в область Черниговской и Могилевской губерний. Вся Могилевская губерния населена белорусами; малорусский элемент сказывается в речи населения лишь некоторых мест южной части Гомельского уезда; зато белорусские особенности сильно заметны в северных уездах Черниговский губернии, так что граница белорусских говоров, переходя за Днепр из Минской губернии, должна быть проведена сначала по Днепру к северу приблизительно до м. Любеча. Есть даже свидетельства, что белорусские особенности встречаются в северной части Черниговского уезда (РФВ, XI, 118 и «Списки населенных мест», XXXI стр., с. Бегач). От Любеча граница идет по Городнянскому уезду на запад, приблизительно по дороге в Репки, захватывая Красновское, Мутичев, к р. Снови; затем по этой реке и по границе уездов Новозыбковского и Сосницкого, далее по Новгород-Северскому уезду до р. Десны, оставляя уездный город к югу. За Десной белорусскую речь можно отметить в с. Юриновке; далее граница идет по р. Десне до Орловской губернии. Малорусы «всех живущих к северу от Десны вообще называют задесенцами и считают их литвинами, несмотря на то, что в так называемом Степке, Сосницкого уезда, преобладает чисто великорусский тип» (Календарь Черниговской губ. на 1887 г. Ср. А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии, стр. 69, вын.). Если судить по описанию этих говоров у Чубинского (VII, 491), то они белорусские. Конечно в северных уездах Черниговской губернии (особенно в городах) местами слышится и малорусская речь (ср. отзыв г-жи Косич в «Живой Старине», 1901 г., вып. 11).

Что касается границы между наречиями великорусским и малорусским, то она устанавливается довольно легко: южновеликорусы не знают твердых *е* и *и*, не имеют *і* умягчительного на месте ударяемого *ѣ*, а также закрытых *о* и *е* из основных *о* и *е*, нет у них и дифтонгов на месте тех же гласных, не знают они и удвоения согласных на месте группы из согласного + *j*. С другой стороны, великорусскому наречию, пограничному с малорусским, свойственно аканье и вообще разные изменения безударных гласных. Не стану перечислять других общеизвестных отличий. Придерживаясь хотя бы только приведенных черт, легко отличить великоруса от малоруса во всяком месте их взаимного соседства. В Черниговской губернии сталкиваются все 3 русских наречия и племени: великорусы живут здесь на самой северо-восточной окраине (восточная половина Новгородсеверского уезда и некоторые другие места, где живут по преимуществу раскольники); пограничная Курская губерния почти вся заселена великорусами[6]: малорусы здесь

---

[6] При обсуждении моего реферата М. Г. Халанский сделал указание, что с запада в Курскую губернию клином входят белорусы; они уже не знают дзеканья; но сохраняют другие белорусские черты в языке и быте. Вследствие этого замечания я навел справки между прочим в «Списках населенных мест» Курской губернии по сведениям 1868 г. Здесь на стр. XXXVI имеется замечание, что в Путивльском уезде жителей некоторых селений признают переселенцами из Литвы и называют *горюнами*, потому что они ради горя и нужды оставили

лишь в юго-западной окраине (Суджанский уезд, отчасти некоторые места в Обоянском, где малорусы — переселенцы); в Воронежской губернии север занят великорусами, а юг — малорусами; приблизительно так же распределены великорусы и малорусы и в Области Войска Донского. Подробное разграничение в других местах южных губерний великорусов и малорусов отняло бы немало времени, а точных результатов достигнуть все же нельзя было бы за неимением подчас нужного материала. Поэтому и ограничимся лишь указанием общих принципов распределения и общих рамок.

В заключение своей заметки напомню отчасти то, с чего я начал. Подробная каталогизация поселений русского племени, говорящих тем или другим наречием, для целей научных очень важна: по языку можно судить о том, как и откуда шла колонизация того или другого края, к какому большому городу тянуло население; в чисто лингвистическом отношении можно определить, какие взаимные влияния произошли в смежных говорах, как изменялись одни звуки и формы под влиянием других. Таким образом составление, так сказать, лингвистической карты русского языка послужит существенным подспорьем при составлении карты этнографической, а затем и исторической карты русских племен, конечно, если сюда еще будут присоединены данные материальной археологии и свидетельства древних источников.

свой край; «по всей вероятности это белорусы», название «горюнов», по словам проф. Халанского, удерживается за ними до сих пор. На стр. LI белорусов показано 23 000 чел. Редакция списков сомневается в возможности такого количества белорусов в Курской губернии, хотя полагает невозможным «допустить, чтобы приходские священники не умели различать с точностью малороссиян от белорусов и великороссиян. Это вполне подтверждается тем обстоятельством, что в некоторых селениях белорусы показаны отдельно от малороссиян и великороссиян». В списках перечисляются и места, занятые белорусами в уездах Курском (1), Грайворонском (3), Льговском (1), Новооскольском (4), Обоянском (5), Путивльском (7), Рыльском (4), Суджанском (5).

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В БЕЛОРУССИЮ В ТЕЧЕНИЕ ЛЕТНИХ МЕСЯЦЕВ 1 90 ГОДА [1]

Вследствие предложения г. председательствующего в Отделе этнографии Русского географического общества, сделанного мне в начале января 1903 г., мною предпринята была поездка в северо-западный край на средства в 500 рублей, ассигнованные на этот предмет бывшим в то время г. виленским, гродненским и ковенским генерал-губернатором, генерал-лейтенантом князем Святополк-Мирским.

Целью своей поездки я наметил: а) определение этнографической границы белорусской народности и языка с соседними великорусскими и малорусскими племенами и наречиями, а также с народностями польской, литовской и латышской; б) на месте лично познакомиться с особенностями разных белорусских говоров и определить по возможности границы последних; в) попутно, при случае, делать наблюдения над народным бытом; г) отчасти собрать и проверить новые и старые материалы по белорусскому фол ьклору.

Намеченные задачи очень обширны и вряд ли были бы выполнены в сравнительно небольшое время, если бы не было сделано подготовительных работ в указанных отношениях. Последние постепенно делались мною почти с 1886 г. О степени успешности моего труда можно судить по моей книге «Белорусы. Том I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903», напечатанной по окончании моей поездки на основании собранных и отчасти проверенных в течение командировки данных.

Размеры книги, составляющей оттиск из «Виленского временника», издаваемого при управлении Виленского генерал-губернаторства, ее специальные задачи, обозначенные в заглавии, не дали, однако, возможности использовать весь собранный мною материал хотя бы в извлечении. Вследствие этого считаю возможным, *в дополнение к названной книге*, поделиться некоторыми из своих наблюдений.

---

[1] Известия Русского географического общества, т. XLI, вып. IV, СПб., 1905, стр. 705—736 (*Ред*. .

Свою поездку я начал с северо-западной Белоруссии. Отправившись из Вильны, я должен был прежде всего посетить Новоалександровский уезд Ковенской губернии. Но тут оказал мне помощь мой ученик, В. А. Каминский, бывший в то время учителем Ковенской мужской гимназии. Благодаря просвещенному содействию г. попечителя Виленского учебного округа В. А. Попова, он имел полную возможность посетить все намеченные мною пункты в названном уезде и сделать соответствующие наблюдения. Собранные им материалы, а также поступающие оттуда до сих пор, передаются в управление Виленского учебного округа, но часть их побывала и в моих руках.

Оказывается, что главнейшие пункты в восточной части Новоалександровского уезда в отношении населения находятся в следующем положении: *Снудза* — белорусов нет, а старообрядцы — великорусы, но все дзекают и цекают, изредка *г* = *h*; попадаются белорусские слова. В *Красногорской* волости исключительно белорусы католики. Белорусы и в с. *Плюссы*. То же следует сказать и относительно с. *Слободки*. Из особенностей белорусского говора здесь отметим *р*. твердое; приставочное *в*; 3-е лицо ед. ч. на *ець*; им. п. мн. ч. каберцэ̂; дажджў. В некоторых записях из Слободки попадается и *р* мягкое; есть даже случаи 3-го лица на *т*, в чем, конечно, следует видеть великорусское влияние. *Браслав* — белорусы католики и православные. Особенности языка обычные. *Р* твердое; 3-е лицо на *-ець*. *Е* безударное обыкновенно переходит в *и*; на чистуом, на синюм. *Опса* — белорусы и литовцы. Белорусы стараются говорить по́-литовски. Речь обыкновенная. *Дрисвяты* — белорусы католики. *Р* твердое; *-ець*. *Видзы* — белорусы составляют незначительную часть населения. В языке бросается в глаза почти совпадение звука *х* со звуком *к*, в чем, несомненно, следует видеть влияние литовцев. То же в *Тверече* Виленской губернии. *Р* твердое; *-ець*. Очень мало белорусов в *Рымшанах*. Речь обыкновенная. *Смолвы* — белорусы. Вот несколько записей из разных мест. Не представляя новизны в содержании, интересны они, конечно, лишь в отношении языка.

№ 1

Ик ярыну жнуць.

На моры утачка купавалася,
Ена свайго перъячка дзивавалася:
Перъяйка ты маѐ сизе́нькая,
Ци будзяш сизо́я на чистуом поли,
Ик цяпер сизо́я на синюм моры.
Ў каморы дзе́вачка умывалася,
Сваих белых ручак дзивавалася:
Ру́чаньки мое́ беле́нькие,
Ци будзяш [2] белые ў свякроўки.
Ик цяпер белые ў матульки.

Браслав.

---

[2] Будете ли.

№ 2

Эй старшы сват!
Кешом[3] — пирок точицця,
И нам яго кочецця.
Кали не даси,
То й сам не ззеси.
Як ты будзеш екаць,
Твой пирок адберецъ
И кешени адарвець.
Эй старшы сват!
Твой пирок смачненький,
Только кусок маленький.

Видзы.

№ 3

С поўначи пятух запеяў,
Свекарка ў каморы загукаў.
Мяне маладзеньку па вадзичку пdescribed.
Правая ручка вароцячки аччиняя,
А левая рука слёзки уцирая.
Як я у татульки была,
Як розачка ў садочку цвила;
А цяпер папалася бесу ляниваму
И сабаку брахливаму.

Видзской волости.

№ 4

У чистым поли на далиня
Пасла дзеўка кони вараныя;
И пасучи пагубляла,
Шукаючи заблудзила.
Приблудзила к синю мору,
К синю мору и к азёру.
— Рыбалоўцы вы малойцы.
Ци ня видзяли вы коней?
— Хоць видзяли, ня видзяли,
Табе мы ня скажим;
Загадаим сем загадкоў,
Адгадаиш — тады скажим:
Хто гарыць бяз полыми,
И хто ляциць бяз поводу,
А хто белы нибялены,
А хто черны ничарнены,
А хто рабы ни писоны,
А хто расцець бяз корыня?
— Заря гарыць бяз полыми,
Вада ляциць бяз поваду,
Лебяць белы ни бялены,
Воран чорны ни чарнены,
Дзяцял рабы ни писоны,
Камень расцець бяз корыня.
— Дзяўчина ты маладая,
Сонца ясна ты яснéя!
Ў чистым поли на далиня
Ходзяць кони вараныя,

[3] Каравай.

Ядуць траву шаўкóваю,
Пьюць вадзи́цу мядóваю.

Той же волости.

№ 5

Выйду ў вясёлонку[4]
Сяду пад акеночко;
Гляну я ў сад зе́ляный
Там щабечець салавеенько,
Там щебечуць дробны пташички.
Щабячице салавееньки,
Щабячице дробны пташеньки,
Вяселиця миня молоду.
Вяселиця миня молоду
Да ў чужой стóроне.
Аадзваўся салавеенько,
Адкликнуўся дробный пташенько,
Не салавей, да мой браценько,
Не салавей, да мой рóдненький:
— Вяселися ў чужой стóроне,
Я цяпер ў своёй стóроны
Татку з мамкай прыкапáў,
И зямелькай прыдаптаў;
Сам малóдый на войну паежджáю,
Цибе, сястрыца, адведáю;
Сам малóдый ваявáць буду,
Татку з мамкой спаминать буду!

Дрисвяты.

№ 6

Дымно поле, да зачим оно дымно.
Да ци лес разгараит,
Да ци мох расчвитаит?
А ни лес разгараит,
А ни мох расчвитаит,
Да нас пан з войны едзет,
Везет сабе паненачку,
Везет сабе паненачку,
Тонкую высокую, белую румяную.

Опса.

№ 7

Ў поле бяроза стаяла,
Я там маладзенька гуляла,
Залатые сучки ламала,
Их я ў пучочки вязала,
Залатый масточек масци́ла,
Да брацетка ў госци хадзила.
Я чула братаву гавóручи:
Што гэта за пошар[5] саломка,
Што гэта за госця залоўка?
Тольки и пошар-травица,
Только ў мяне и госця — сястрыца.

Рымшанская волость. Весенняя песня.

[4] Светлицу.
[5] Корм для скота.

№ 8

Ў бару зязюля кукуець,
Па мне радная мамка бядуець:
Гдзе мая дачушка гаруець,
Гдзе ена ночку начуець?
Кинь, зязюля, кукаваци,
Кинь, мамка, па мне бядаваци. —
Кукуець зязюля на дубу,
Плачець па мне мамка на двару.

Той же волости. Весенняя.

№ 9

Позна я малада з кирмашу шла,
Чула я малада салаўя пия.
Салавей щабечець, ён праўдачку кажець:
Гдзе маё дзицятко спатаньки ляжець.
Ен ляжець, ён ляжець сам сабою,
Белые ручки пад галавою,
Праваю палою ён накрыўшися,
Гарачаю слизою ён аблиўшися.

Слободка.

№ 10

Да горки палынь у гародзи,
Да гарчей таго мне маладзюсенькой.
Сама ня знаю, што чиници:
Ци замуж исци, ци дзеўкой быци.
Замуж пашоўши — велька гора,
Дзеўкай быци — люцка абмова.
Ци ня бох тэй даў пярапеўцы —
Куды захацела, туды паляцела:
Ци ў щиры бор па ягодки,
Ци ў зялёны сад на смародки.
Да ци яна там заблудзила,
Циж яё там ваўки зъели?
Да каб яё там ваўки зъели б,
Были б лясочки ня цихие,
Были б лужочки крывавые.
Да каб яна там утанула б,
Были бы бяражочки паўнюсеньки. . .

Оттуда же. Весенняя.

Особенно интересовали меня белорусы Курляндской губернии. Сведения о них у Кеппена казались очень устарелыми. Пришлось эту местность объездить лично. Я посетил следующие пункты:

1) *Фабианово* (первоначально и по-народному — Яновка). «Фабианово» — название прихода, но какого-либо села здесь, как и в других местах Иллукстского уезда, нет; нет здесь и деревень. Населенные пункты обыкновенно состоят из 2—3 домов с домашними постройками и только. Лишь раскольничьи деревушки да немногочисленные местечки обширнее. Давно ли живут белорусы в Фабианове, трудно сказать. Из церковной летописи видно, что современная каменная церковь на средства Министерства внутренних дел построена взамен убогой деревянной, существовавшей здесь с 1743 г. Большинство белорусских населенных

мест оканчивается на *-ишки* (Маташишки, Свирелишки, Шукéлишки, Казюлишки, Пелавни́кишки и т. д.). По-видимому, первоначальные обитатели этой местности были литовцы или латыши. Всего населения в Фабиановском приходе 787 чел. (410 муж. п. и 377 жен. п.). Раскольников (не белорусов) 452 души; последние никакого общения с белорусами не имеют, ни с православными, ни с католиками. Католики-белорусы оказывают сильное влияние и на православных, вследствие чего последние молитвы обыкновенно читают по-польски. Представления о народности нет никакого. Даже не знают, на каком они говорят языке. Исключительно в Иллукстском уезде белорусское наречие называется «Мухобродским». Как ни старался я узнать, откуда пошло такое название и что оно значит, ничего не мог сделать. «Мухобродским» называют его и православные священники, и католические ксевдзы, и даже местные старожилы бароны. Еще на днях я получил нижеследующее стихотворение, записанное местным бароном, при письме Фабиановского священника С. П. Белоусова. В нем между прочим читаем: «Барон говорит, что эти стихи Мухобродские. По его объяснению, мухобродами здесь называются кутники-бобыли (одинокие бедные крестьяне), живущие у мужиков хозяев, имеющих на откупе землю, часто переходившие и теперь переходящие от одного хозяина к другому». Вот эта песня:

Не кахай ты галубца:
Галубец махлюець,
А кахай ты маладца,
Что у люльку дуець.
Юлька, Юлька, паглядзи,
Дундары[6] я маю,
И что тыдзень по одзин
Дундар пришиваю.
Цепер рыбку я лавлю,
Будь ты мая рыбка.
А как выйдзешь за меня,
Заиграець скрыпка.
Зарывець тагды дуда,
Запиець татулька,
А мы с табою в трипака,
Каханая Юлька.

Стихотворение это в отношении языка недостаточно точно (вм. что должно быть што, как вм. як, *в* вм. *ў*), но оно чисто белорусское. Для характеристики местного говора, кроме отмеченного стихотворения, могут быть интересны следующие заметки, сделанные мною: зялены лес; дзеци; нясець; ён; ёсь; бор, таки́ крывы́; цар; бува́ли; ку(ъ)жý; ўлес ў мех; ўю; ви́джу; отвеща́ць; дзéўце; на дузé; на страсé; вýлица; вось; вакнó; вугóл; павýк; шýма = сор; вецный, но ничóго; зялéзный; Пилип, Хвёдор; ахвóта, айуéц; лéпши; стóлоп; шпарко = быстро; с сабаком, с пъяницом; пильно = очень; раптóўне = сильно: дощ задаў раптóўне; абы́два; ўзяў рукáм; быў ў штанóх; людзём; два чалавéки

[6] Дундар — блестящая пуговица на мундире.

(в ж. и ср. р. тоже, по-видимому, мн. ч. и род. ед. ч.); я́ёшня; гэ́ты; гэ́ны; яво́ны (= его); увесь; ўси́; ўсих...; дзвюх; забодзяўся = устал; в 3-м лице ед. и мн. ч. всегда *-ць*; превосх. степень: заси́льно, задў́жа; дзя́ку = спасибо; няво́льня = нельзя; прышлю прыз няньку, я выши за цябе. Песня:

— Ты купа̀линька, рано́, рано́,
Да идзе ты была, рано́, рано́.
Да што ты раби́ла, р., р.;
— Да ў бору была, р., р.;
Я краски збирала, р., р.,
— Нашто красычки, р., р.;
— Я й вянки вици, р., р.;
— А нашто вяночки, р., р.;
— Дзевушки на голо́ўку, р., р.

2) *Скрудалина.* Всего населенных мест около 62, а жителей 1533 (760 муж. п. и 773 жен. п.). Кроме православных белорусов, еще имеются католики, около 1332. В населенных местах преобладают на-названия на *-ишки* (Рагули́шки, Волы́нишки, Лапя́нишки, Метели́шки, Колони́шки и др.). Народная речь такая же, как и в Фабианове. Увидев аиста, я спросил: Какая это птица? Мне ответили: Буця́н гэ́на.

3) От скрудалинского священника о. Михаила Петерсона, хорошо знающего *Иллукст*, я получил сведения и относительно этого последнего местечка. Население этого местечка, по его словам, чисто белорусское; состоит из православных и католиков; последних до 5000, православных в 1902 г. числилось 856 чел. (муж. п. 457 и жен. п. 399). Приметы в языке: дзеканье и цеканье; твердое *р*; 3-е лицо ед. ч. всегда на *-ць:* гэтот; вулица; полонизмы в словаре.

4) *Боро́вка.* Основное население белорусы, состоящее из православных и католиков, последних несколько больше. Язык представляет те же особенности, что и в раньше посещенных мною местностях. Много сведений получено мною от местного старожила учителя Е. Лебедева. В памятной книжке у меня отмечены между прочим: каза́ў, ўзяў, глядзи́, яна́, галава́, по́лынь и по́лым, праглыни́, гэ́тот, гэ́нэн (= тот), ў́мёрла, гнёздышко, пшани́ца, вязў́ць, жани́цца, ў ро́ци (= во рту), на руцэ́, йшоў, йимя, бува́й, ильня́ный, ўлес ў мех, даў, буў (с довольно явственным *в*), гаварў́, цар, *г* = *h* везде даже в словах, взятых из польского (hanak), дзеканье и цеканье, Ильля́, свиня́, вясе́льля, бо́жа воля, ви́джу, зъесць, зъе́хаў, дузе́, дзе́ўцы, во́зяро, вў́лица, вум, павў́к, ужа́ка и вужа́ка, шесь, дасць, пий, коний, Хведор купаўси (и купа́ўся), це́рци, ў́ме́рци, естыньки, питыньки, пияць (= петь), с саба́кам; звательный падеж выходит из употребления, во множ. числе форм на *э́* (é) нет, рублёў, парася́, табе́, сабе́, тые, тых и т. д., дзве — дзвюх, дороги́й хлеп, яси́, даси́, нясе́ць, хва́лиць, неопр. бяхчи́.

Такие же особенности языка и в других приходах в рассматриваемом районе. Я посетил еще из православных — Солонайский приход (церковь и священник в Тартаке), Коплауский и Гривский, а из католических Лавкесский. Население везде смешанное: белорусы, латыши,

евреи и даже цыгане. По религии католиков больше, нежели православных. По сведениям 1902 г., полученным мною у благочинного, живущего в Гриве-Земгаллен, всего православных (кроме приведенных уже мною цифр):

В Гривском приходе 1037 (560 муж. п., 477 жен. п.).

В Хрщевском приходе 136 (79 муж. п. 57, жен. п.).

В Солонайском приходе 982 (477 муж. п., 505 жен. п.).

В Коплауском приходе 650 (331 муж. п., 319 жен. п.).

Относительно католических приходов сведения мною получены в Лавкесах у ксендза Скрупского, живущего в названном приходе 20 лет. По его словам, во всех католических окрестных приходах большинство составляют белорусы, говорящие на «мухобродском» языке, поляков-католиков меньше половины, незначительная часть литовцы и латыши, например в Лавкеском приходе белорусов-католиков 4 т., поляков 3 т., литовцев 1 т., латышей 100 чел. Мои прислушивания к разговорам показали, что простой народ обыкновенно говорит по-белорусски, более образованные — уже по-польски. Старинные языческие обычаи сохранились в незначительной степени (костры на Ивана Купала, свадебные обряды и песни); причиной этого является то, что живут обыкновенно особняком, а не деревнями. Знахарей много, но больше из латышей. Цвет одежды пестрый и белый.

К северу от рассмотренной области живут латыши и отчасти великорусы. Но и белорусские поселения также не редкость между ними; на карте они не отмечены ввиду преобладания здесь все же латышей. Даже в Двинске и Режице приходилось мне встречать на рынке и на улицах женщин, говоривших чисто по-белорусски; мужчины говорили обыкновенно по-великорусски.

Для определения северной границы белорусов мне пришлось два раза побывать в указанной области. Тот и другой раз я держался железной дороги Режица — Ржев и из разных ее станций делал поездки к северу и на юг; прислушивался к речи едущих по железной дороге местных крестьян; делал наблюдения на станциях над крестьянками и детьми, продававшими ягоду, расспрашивал сведущих лиц и т. п. Оказалось, что точно установить границу Белорусской области на севере довольно затруднительно, так как здесь преобладают смешанные говоры, переходящие на севере незаметно в великорусскую речь. Часто встречаются деревни, особенно возле больших дорог, в которых большинство населения говорит по-великорусски и лишь женщины (в большинстве) и дети склоняются в сторону белорусского произношения; те или другие специально белорусские слова и обороты иногда наблюдаются далеко к северу от указанной границы в чисто великорусских областях. Сказанное относится не только к разговорной речи, но и к народным песням. Чисто белорусские песни мне диктовали или пели часто в таких местах, где большинство пользуется великорусской речью, и наоборот — великорусские песни, но больше с дзеканьем и цеканьем, я слыхал и в белорусских областях. Вот для примера несколько наблюдений из разных мест рассматриваемой области.

Село *Купу́й* (в 13 верстах к югу от г. Великие Луки). Дзеканье наблюдается к югу от Купуя; смешения *р* твердого и *р* мягкого нет; везде *г* = *h* (гаврицъ, галава); во всем приходе в известном положении *л* переходит в ў (быў, просйў). В 3-лице ед. ч. глаголов преобладает *-ть* (*цъ*), но бывают и случаи отсутствия этого окончания (нясе́, хва́лицъ, ёсцъ и под.). Еще разные примеры: ўнук, ўлез ў мех, нима́, дощ, сляпэ́й, сяо́дни, ўўлица, ўось, паву́к, е́тый, вуж, гуж, глядзе́цъ, купаўся и купа́лся, ня трапля́лось, ня ўпо́мню, мяси́цъ, дражни́цъ, не вм. нет, Хецька = Федька. Но вообще большинство здесь говорит по южновеликорусски и лишь допускают некоторые особенности белорусские. Здесь записана песня:

> Оттвари́лися варо́та,
> Вайшли ко́ни са двара́...
> Не хадзи́ на наша по́ля,
> Сыпраци́ўница мая́.
> Сто́ицъ, сто́ицъ тае́ (тебе), я́гадка,
> Да у гла́зы наплява́цъ...
> Харашо́ мяне жале́ешъ,
> Да ня ўмеешъ цалава́цъ.

Село *Колюба́ки* (в 2 верстах к югу от г. Великие Луки). Прежде всего обращают на себя внимание особенности местных костюмов: у женщин на белых рубашках красные шерстяные вязаные наплечники, под рукавами вставки из красного кумача. Ворота́ у женских рубах тоже бывают расшитые. При поясах у женщин непременно имеются карманы для табакерок и ключей. Верхнее платье у женщин называется «насо́в»; в нем рукава не надеваются, а опускаются под пояс; возле рукавов — прорез, куда выходят рукава от рубахи с украшениями. На голове — повойник. У мужчин преобладают белые кафтаны; пояса довольно широкие шерстяные тканые. По языку население безусловно белорусское; но и по-великорусски также говорят многие. Из особенностей речи отметим: сильное дзеканье и цеканье, появление в известных случаях ў на месте *л* и *в*, а также *у* безударного, 3-е лицо на *-е́*, *-е́цъ* и *-ицъ*, последнее бывает и вместо *-ецъ* безударного; слог *-э́й* у имен прилагательных (конек мой сильнэ́й); смешение дат. и твор. п. во мн. ч.; смешение *ч* и *ц* изредка; частица *ти* (*ци*) при вопросах (ци по́йдешь?); можно слышать закрытое *о* (почти *у*) в конечных слогах в наречиях (ху́ду, ли́ху). Еще примеры на разные особенности: пайшоў, ўзяў, добро вязе́, ня пьецъ, хва́лицъ, уме́ицъ. При всем том нельзя не отметить, что даже самый тип местного населения более великорусский, нежели белорусский. Песенные напевы тягучие, белорусские. Относительно песен здесь, как во многих других местах, говорят, что их «играюцъ», а не поют. Вот несколько песен, записанных мною.

№ 1

> На го́рушке на гаре́,
> На высо́кой на круто́й,
> Маладзе́цъ зе́ллея капа́ецъ

И сам его ня знáець,
Раннóй матушки пытáець:
Маць мая, матушка,
Што ета за зéлля,
Што белая карéння?
— Дзиця ль маё, дзицятко,
Ета зéлля бездзелля,
Маладзецкая сухатá,
А дзевичая красатá.

№ 2

Мы мáсляницу дажидáли,
Мы мáсляницу сустричáли,
На гóрушку выхадзи́ли,
Сыр с мáслом начинáли. . .
Нáша гóрушка катли́ва,
Нáши дзéвушки гулли́вы.

№ 3

Ў нашей цéщчи за варотам зяць гасци́ць,
На яго и дощ и снег и замяцéлица. . .
Яго цéшча бяздзéлица.

№ 4

Дарагой посаженый госць,
У люби́ зазóваный
И ў часци пасóженый
И за дубóвым стóликом
И за брáными скáцерцям
И за éствыми за сахáрными
За напи́ткам за пъя́ными.
Вýмная вýмница NN
Галýбчик си́зенький NN
И галубка бéленькая молодá жена.
Вынимáй шалковý машню,
Высыпáй залатý казнý;
Выберáйка зóлота михи чиста сярябрá,
Сярябром игриц дари́,
А залатó для себя блюдзи́. . .
Не ўбавля́й, нáша вýмница.

№ 5

Бласлаўля́уся ясьмён месяц
Да во красной соўнушки;
Бласлаўля́уся NN
Да у рóнного бáцюшки,
Да у рóнной мáтушки.
— Бласлави́ мяне, мáтушка,
Как на и́сцин пуць пайци́ць,
Ў таспóдний храм ступи́ць,
Залóт вянец приня́ць
И сваю сýженую павидáць.

№ 6

Не по мо́рюшку ли сера вутушка плывець,
Не ко мне ли это ро́нна ма́тушка йдзець.
— Пойдзи, ронна матушка, ў госци ка мне
И расправе́дайка жисць несчасную маю,
Как я горькая у чужих людзях живу,
Не по плису, не по бархату хажу́,
Через серебро гарячи слёзы лью.

№ 7

Ня шум шумиць, ня гром гримиць,
Христос васкрёс, сын божий!
Хазяинушко ты наш бацюшко,
Спишь, аль ляжишь с маладой жаной,
Устань, праснись, прабудзись,
Ваздуй агонь, схадзи на двор:
Ў тваём дваре три радасци —
И кабыла жарабилася и карова оцели́лася
И авечка оягнилася...
Аткрый вакно, паглядзи на двор;
А ў тваим дваре стаиць церква,
Стаиць царква́ сабо́рная, багамо́льная.
Ва той царкви́ пять пра́зничкоў:
Первый празник — Христос васкрёс,
Друге́й празник — святый Ягорий,
Трецций празник — Борис и Глеб,
Чацвертый празник — Микола святая,
Пятый празник — тройца святая,
Шастой празник — Илля...
Ягорий свет — яго и дома нет,
Во поли гуляець, кароў пасець,
Борис святой — коней пасець,
Микола святая — авес засеваиць,
Святая Илля рожь зажина́ець
Правой рукой — залатым сярпом,
Дзе снол лящиць, там бабка стаиць,
Дзе бабка, там мерка ржи.

Ст. *Ку́нья* (к востоку от г. Великие Луки). Дзеканье и сильное аканье (нясу́, дваццаць, купи́ця); смешение дат. и твор. п. мн. ч. Мужчины больше говорят по-южновеликорусски, впрочем и от женщин приходилось слышать — чаво.

Село *Ио́ткино* (Бельского уезда Смолен. губернии при станции Нелидово на р. Меже). Население смешанное; преобладают белорусы ($^2/_3$ деревень). Белорусы живут при болотах, великорусы в местностях открытых. Великорусы больше собственники, а белорусы на казенных землях. Старинные обряды и обычаи еще есть, но уже выводятся. Еще поют песни колядские, масленичные (сжигают чучело), волочебные и свадебные; бывают и погребальные причитания. Завивают венки и знают массу сказок. Из особенностей языка отметим: смешение *ч* и *ц* (чарь, черква, вецный), дзеканье и цеканье, 3-е лицо на *-ць* (нясе́ць, хва́лиць), прилагательные на *-эй -ей* (злэй, сляпэ́й, яке́й), сме-

шение дат. и твор. п. мн. ч., ў вместо *л* в известных случаях (схо́паў = взял, отчиниў = открыл) и *в* (свякро́ў), слитие гласных (парали = поорали), 3-е лицо мн. ч. всегда на *-уць—юць* (паю́ць, со́дзюць, ко́рмюць, завя́зываюць), во 2-м лице мн. ч. дасьцё, есьцё, удвоение согласных (засто́лля). Несколько песен, записанных в Иоткине (и здесь «песни́ играюць»):

№ 1

Ждала свякрова нявестку,
Кунами двор слала.
— Кап мая сила была п,
Я золатам выбила б двор.
Выхадзи, свякрова гарбатая,
Сустрачай нявестку богатую.

№ 2

Ягада з ягадай сакацилися,
Сакациўши ня раско́цюцца;
Иван з Марьюшкой сахадзилися,
Сыйшодши ня разыдуцца.

№ 3

А мы масляницу сустрекали,
И бересни[7] с маслом пачинали,
Сыром гарў усыпа̀ли.
Наша маляница катлива,
А дзевушки гулливы,
Малодушки игривы,
А дзеўкам гуляць з малатцами,
А молодушкам з мужуками.

№ 4

А мы масляницу пракаци́ли;
Нас масляница падмани́ла,
Ны вяликий пост пасадзила.
А мы думали масляницы 7 нядзеляк,
Ажно маслянцы 7 дзянёчкоў,
А большэй пост 7 нядзеляк.

На севере Белоруссии особенно интересовало меня распространение белорусов в Тверской губернии. По имевшимся у меня сведениям, белорусы кое-где должны были быть в Осташковском, Ржевском и Збуцовском уездах. Более или менее центральным пунктом в указанной местности является г. Ржев. Я и решил было избрать его базисом для моих поездок. Чтобы производить их с большей пользой, я обращался к местной, больше педагогической, интеллигенции за разными этнографическими справками. Оказалось, однако, что о составе местного населения никто не имел определенного понятия. Оказалось лишь два лица — местный любитель-археолог С., учитель гимназии,

---

[7] Горшки.

да инспектор народных училищ П., которые слыхали, что по Туду живут какие-то «шепляки», говорящие как-то особенно, что иногда на рынке во Ржеве от простого народа можно слышать какие-то особые слова (например, дармá, купля́ешь, не = нет, упакать = угодить). От других лиц и таких данных почерпнуть не удалось. Случившаяся дурная погода (дожди) и крайняя дороговизна земских почтовых лошадей (до 4 р. за 10 верст) заставили меня изменить план поездки по Тверской губернии. Получив сведения о самых глухих пунктах по р. Туду, я из ст. Оленино (к западу от Ржева) направился через с. Бобровки в с. *Холмец*. По дороге до этого села я имел случай убедиться, что тверские белорусы сильно русеют; люди бывалые обыкновенно говорят по-великорусски; белорусская речь больше у женщин да у беднейшего населения, живущего по захолустьям. Внешний вид и одежда более близки к великорусским. Белорусские лишь белые балахоны (насовы) и куртки. Холмец расположен в 1 $^1/_2$ версте от Туда. Главной эксперткой у меня была местная бедная крестьянка Соломонида Хотеева, 56 лет. Кроме дзеканья и цеканья, здесь еще распространено цоканье (смешение *ч* и *ц*). Остальные черты будут видны из следующих записанных мною слов и фраз: ўзяў, вада, намачи́лись, жале́ець, пóис, калядá, у тэй руке́, сляпэ́й чалаве́к, кры́шиць, царнабрóвый, дóцка нежыве́ць, ня можно жыць, адзе́жу не'тдае́ць, хадзи́ли с прашением, придзе́ць па почце, цяпер другой земский нацальник, па людзём хадзи́ла, я ўзялá яе́ караты́шку, цатыры карове, тольки дала паткáць, плацце и паддзёўка, я думаю ничогъ не будзець, на страснэй нядзе́ли нас и рассудзили, мужа не́туци дома, апяць схаваўся, тутачка перяд Пятрóм, ись не́чаго, наядýцца, глы́боко, варóты, багарóдзица, етат, ён — янá—янá (дзиця), це́ща, ме́рзнуць, магём, мижи собою брóнюцца, ильну, зилиновáт, бяда не наськие, цанá вяли́ка, ён ишоў, много яец, но я́йшня, нету кýрицки, рогú зылаты́и, воблаки, малання́, вясёлка (радуга), конь ирже́ць, ирваць, ўнук, ўнýцек, должыня́. *Р* твердое и *р* мягкое не смешиваются. Илля, сваццЯ, Ягорья, ёсць, щамель, пцала, сявóнни, вóсень, азярó, вум, вýлица, шесь, ён дась, царства нябе́сная, чёркаў и це́рква, мацыха, свет (= цвет). Хилип, Хёдар, хунт, вóйська, женьский, мушке́й, сцюдзёная вадá, карагóд, кудою, тудою, сюдою, ци ен придзе́ць? быў ў гасцёх, ў людзёх, маго, у мине́ бáцьки нет, такой цас.

От Холмеца, держась течения р. Туда, я направлялся к с. Молодой Туд, рядом с которым за рекой с. Васильевское. По дороге, равным образом, как и в указанных селах и далее почти до Ржева, говорят обыкновенно по-великорусски, но и белорусские особенности подчас напоминают о себе, главным образом в речи захолустных жителей, женщин и детей. В *Васильевском* и *М. Туде* у меня отмечены (но не как общая особенность): дзеканье, ўзяў, даже цар (*р* твердое только в этом слове), ли калóтца, залатэ́й, аднэ́й, цáшка, чёрква, глыбоки(ъ)й, е́тат, кýзня, нóжни (= ножницы), кáменя (род. п.), вяселле, веребей, льлю, ченá, бядá, яец, я́ешня, шкло, дзи́рявый, ўме́рци, здзе́рци, сцерць, иржá, ишоў, ўвагонь, Илля, ад мяне́,

ў другей такей жонки, во́сянь, жани́тча, ве́цный. *Ци* при вопросах не всегда употребляется. Ў лесе, пойдзём ў грибы́, мужуки́, служи́ць пано́м. Смешение дат. п. мн. ч. с твор. п. Быў у гасцёх, у тэй хаты, майго́, твайго́, ён—яна́, увесь, ўси, ўси́х, дзвюх, ў двых, нясе́ць, спиць на ём. Население в указанных местах менее крупное, близкое к среднему белорусскому росту, но вообще заметна утрата белорусского типа. Выходит, что как бы великорусы говорят по-белорусски. По словам учительницы земской школы в с. Васильевско́м, особенности, сходные с отмеченными мною, можно наблюдать и дальше к северу от р. Туда, даже в уезде Осташковском, но я не нахожу возможным считать эту область белорусский: великорусский элемент в ней все же преобладает.

Из с. Молодого Туда я направился на северо-восток к Волге и ее притоку Итомле; остановился в с. *Сытькове*. И здесь говорят обыкновенно по-великорусски; даже отдельных белорусских особенностей слышать не приходилось. Впрочем в соседних местностях «шепляки» дают о себе знать своим особым выговором (дзеканье, ў,*-эй* в имен. п. прилагательных, звук *г* = *h*, 3 лицо глаголов на *-ець*, смешение *ч* и *ц*, дат. и твор. п. мн. ч.). Тип великорусский. Из Сытькова по большой дороге, за Волгой, направился в Ржев. Здесь, конечно, нигде белорусского произношения на слышал.

Во время поездок по северной Белоруссии мне пришлось быть и во многих местах Витебской губернии, в северной части Могилевской и Смоленской. Наблюдения производились только над языком. Но оказалось, что в сравнении с теми сведениями, которые мы почерпаем из известных сборников — Шейна, Никифоровского, Романова, Добровольского, ничего особенно нового заметить здесь нельзя. Интереса к белорусской этнографии больше всего в Витебске и Могилеве, в Смоленске мало. Около Смоленска на значительном расстоянии, ввиду массы железных дорог, белорусы теряют особенности своей народности и постепенно приближаются к великорусам; то же наблюдается и в белорусской речи возле Смоленска. Я пожелал послушать, как говорят белорусы к востоку от Смоленска. Остановившись в Духовской, я встретил здесь лишь одного человека, который, говоря по-великорусски, все же дзекал, и лишь в с. *Спас-Твердилицы* Смоленского уезда (в 12 верстах от Духовской, от ст. Приднепровской в 6 верстах) можно было слышать речь, изобилующую белорусскими особенностями, по крайней мере в языке стариков, женщин и вообще мало бывавших в других местах жителей. Из данной местности у меня отмечено: дзеканье и цеканье у меньшинства, отсутствие смешения *р* твердого и *р* мягкого, *г* = *h*, *ци* при вопросах, ў из *л* и *у* — *в* (быў, пиў, ўмёр), 3-е лицо на *-ць* (нясе́ць, лю́биць), смешение дат. и твор. п. мн. ч. и др. черты (перша вм. прежде, як вм. как, нясу́, сяло́, домы́, гарады́, во́кны, протасе́и, партэсы = хоругви, напиўся, отхўтай = открой, захута́й = закрой, например дверь, гълава́, Га́нна). Одежда у здешних белорусов уже больше великорусская. Очень смешанное население в восточных частях Дорогобужского, Ельнинского и Рос-

лавльского уездов. И тип населения, и костюмы, и речь здесь разные. В Рославльском уезде мне приходилось бывать в разных местах. Возле шоссе в большинстве случаев говорят по-великорусски. Подобное же можно наблюдать и в захолустьях на востоке. Я посетил хутор *Никольский* помещика Баженова, находящийся на границе Рославльского, Жиздринского и Брянского уездов, недалеко от р. Десны. Костюмы населения чисто великорусские; в речи есть белорусские особенности (ти будзе, мужукú, не могём и под.), но преобладающим является великорусское произношение.

Кстати отмечу, что в прежнее время белорусов в Смоленской губернии было больше: в «Списках населенных мест по сведениям 1859 г.» (СПб., 1868, стр. XLIX) белорусы показаны и в западной части Вяземского уезда: «Население же граничной полосы носит на себе характер переходный от белорусского племени к великорусскому», т. е. в 1859 г. в западной части Вяземского уезда наблюдалось то же, что теперь в восточных частях Дорогобужского, Ельнинского и Рославльского уездов.

На восточной границе меня особенно интересовали белорусы в Калужской и Орловской губерниях. Что касается Калужской губернии, то оказалось, что белорусские особенности проникают отчасти в речь лишь населения самых западных окраин Мосальского и Жиздринского уездов, да и здесь преобладает все же великорусская речь. Белорусские особенности языка, например жиздринских палех, часто исчерпываются лишь отдельными словами; здесь даже дзеканья нет. В 3 верстах от ст. Крапивы (на шоссе) есть с. *Шуи* Мосальского уезда. Казалось бы, что здесь должны быть белорусы; но, как показало мое наблюдение, местные жители говорят чисто по-южновеликорусски; белорусские, быть может, здесь лишь «отхýтай», «опрянься». В соседних местностях к западу уже «тикают», т. е. в вопросах употребляют *ти* (Каханы), знают ў на месте *л* («наеўся» в Заболовке), употребляют и другие белорусские слова («отчини фортку» в Желонской волости). Больше белорусских особенностей в речи за Мокрым Жиздринского уезда к западу.

Что касается Орловской губернии, то здесь белорусы оказываются лишь в западной части Брянского и Трубчевского уездов. В первом вполне типичные белорусы по виду и языку оказываются лишь в Акулицкой и Лутенской волостях. Вот несколько заметок, сделанных в с. *Акуличах*, имеющих значение для суждения о языке: несéць, дзéци, могéць, ў однэй руцé, конь, глыбóкий, галавá, льлю, цанá, яéчки, мужукú, висóкий, тысяча рублёў, дзирáвый, маладнń (= молния), салóткий, конь иржéць, ирвéць, ўнук, ўю, ўсей, моўчáць. Везде звук *г* = *h*, *р* твердое не смешивается с *р* мягким, дзеканье и цеканье, хотя заметна склонность и слишком мягким *д* и *т*, при преобладании *дз* и *ц* мягких, *ци* в вопросах. Вот еще несколько записей оттуда же: Иллń, Ягóрья, вúжу, ражáць, ў другей такей жóнки, восень, возеро, вум, палцы (но редко), купаўся, пошоў двóру (dat. finalis: ср. «надо скорей идить двору, штобы затимна быть дома». Смол. (Добров.). Сло-

варь, изд. Академией наук, за́темно), не = нет, немаш, два сталы, на аднэй вазе, мам, баць, цёт и т. д. — звательные формы, е́тый, тэй, майго́, ен-ина́-ина́ (ср. р.), яны́, ўси, ўсих, двана́тцаць, яси́, даси, несе́ць, но зна́иць, хва́лиць, ёсць, баля́ць, вы́сказаць. Народные песни имеются разные, но поют их больше женщины. Последние, впрочем, стесня́лись спеть мне что-нибудь. Нашелся более смелый мужчина, но он пел не типичные белорусские песни, а больше великорусские, хотя и на белорусский лад. Вот несколько его опытов:

1. Зарадзи́ла я́гада ў щи́ром бару́,
Заблудзи́ла кра́сная дзяви́ца, ў це́мном лясу́.
Приблудзи́лася к ре́чки к Дунаю́,
Пакли́кала кра́сная дзяви́ца сабе́ пирявбо́:
«Пирявбо́щик, па́рень маладой,
«Пирявязи́ мине́ на той бок ряки́».
— Кра́сная дзяўчо́нка, до́рог пирявбо́с,
Па пяци рублей с палци́наю наш пирявбо́с.
«Што хацице, то вазьми́це,
«Только мине пирявязице».

2. Ты крапива, ты крапива, ты крапивица,
Ты крапивица зиляненькая,
Ты зяленая качурявая,
Ци ўси луга приўзялёнивала,
Ци ўси сцежачки-дорожачки,
Майго ми́лаго пирахо́дачки.
Го́ниць милый табунок лошадзей,
Уси ко́ники варо́ненькия,
Адзин ко́ничак буланенький,
Идзець го́лаву павесиўши,
Ясны глазушки заплаканыя.
— Што ты, коничек, змуцён — не́вясел?
Или я цибе мало сена даваў,
Или мало аўуса засыпаў?

Обе песни не окончены. Певец (Павел Стефанович Шестаков) свою забывчивость объяснил тем, что «цяперь ума нямношки нядасцтаець».

В *Брянске* на рынке встречал крестьян, дзекающих и произносящих ў вместо *в*. Костюмы у них были больше белорусские, наружность тоже. От местных жителей приходилось слышать, что вообще белорусы с их особенностями попадаются до самого Брянска, точнее до р. Десны.

По железной дороге из Брянска до Почепа и дальше до Гомеля тоже все попадались белорусы, особенно в Черниговской губернии. Постройки везде белорусские, вытесняемые кое-где великорусскими. Из Почепа на лошадях предпринимал поездки по Трубчевскому уезду. Несомненно, что в прежнее время белорусы простирались на восток до Десны, но в настоящее время они не везде доходят до этой реки. Во всей области от Почепа до Десны дзеканье и цеканье слабо развиты или даже совсем отсутствуют; ў из *л* в известном положении ближе к *в*, нежели к *у*; в вопросах обыкновенно *ци*. Вот несколько

наблюдений в языке, сделанных в с. *Семце* (в 12 верстах к юго-востоку от Почепа): дзеци, идзець, ня(е)сець, быв, поедав, ишов, узяв, унук, гавару (редко), но царь, старяютца, галава; кое-кто говорит «високий»; злый, сляпы́й; той; у тэй руцé, на назé; звательные формы типа: мам, тат, Софей; Пилип, Хведар; ня(е)су, ня(е)сеш, ня(е)сем, ня(е)сéця, ня(е)суць; *в* иногда заходит в родительные местоимения: чаво, моево; Илля, вя(е)сéлле, божья дзела; какóя табé дзéла? мя(е)не, ця(е)бé (род.-вин. п.); як. Соседи великорусы по Трубчевску называют здешних белорусо́в хохлами, но ничего малорусского у них нет (например, *э* и *и* вм. *е* и *і*). Несколько отдельных слов с особым значением: гáрка (кружка), ю́пка (зипун), кишéнь (карман), пу́га (кнут), упу́дзицца (испугаться), укрóп (горячая вода), мя(е)ртвякú (мертвецы), цэ́хи (носилки для мертвецов и хоругви для сопровождения покойников), цвинтáрь (церковный погост), званúць (колоколить). В народе еще до сих пор, кроме свадебных песен, можно слышать песни колядские и на день Ивана Купалы.

При определении белорусской границы по Черниговской губернии я прислушивался также к так называемому дифтонгическому произношению некоторых гласных. Особенно привлекал меня в этом отношении Городнянский уезд. Однако мне пришлось разочароваться: здесь дело с дифтонгами, по-видимому, так же обстоит, как и в Гродненской губернии, т. е. дифтонгические написания передают здесь лишь *о* узкое, склонное к *у*, и *е* узкое, склонное к *і*. Такое заключение составилось у меня по крайней мере относительно говоров тех мест, где я производил наблюдения (Городня — поселение недалеко от железнодорожной станции, с. Жабчичи, верстах в 8 от железной дороги, и возле других железнодорожных станций от Хоробич до Сновской, а также возле м. Любеча). Во всех названных местностях говорят по-белорусски, но без дзеканья и цеканья, дети, впрочем, подчас дзекали. Везший меня человек из Городни при вокзале между прочим говорил: немá, пу́га е там, торгу́уля, Терехуу́ка (ст. Тереховка), Мугилéу́ськи, добры сад, иде у́ чяс, я(е)кúй; аканье вообще умеренное. Соседние малорусы называют здешних белорусов «литвинами», «перевертнями». Последнее название особенно любят прилагать к жителям м. Любеча, разумея здесь под «перевертнями» не малорусов, но и не чистых белорусов. Действительно, население Любеча смешанное, но преобладают белорусы; в соседних Петрушках и Репках малорусский элемент имеет преимущество. Радуль населен больше великорусами; по соседству в Лопатнях уже дзекают. В Любече не редкость и *э* вм. *е* и *и* неумягчительное, но вообще преобладают *е* и *і*. Смешанный характер речи в Любече зависит, вероятно, от того, что это большое местечко (есть много и евреев), служащее торговым центром для окрестного населения, привлекающее последнее сюда также и пещерой св. Антония; здесь же имение гр. Милорадовича.

Знакомство с говорами Могилевской губернии я начал с юга и побывал в разных ее местах. Оказывается, что наблюдения Романова относительно ее говоров, вообще говоря, правильны, но некоторых тон-

костей, которые в свое время записаны были у стариков, теперь наблюдать нельзя: усиление школ, развитие сообщения между захолустными местами, особенно с проведением железных дорог, содействуют сглажению мелких отличий и выработке более общих типов. На самом юге иногда отсутствовало дзеканье и цеканье (около *Тереховки*), но зато можно было слышать слишком мягкие *д* и *т*; изредка можно было наблюдать, что одно и то же лицо, начав дзекать, переходило на *д* и *т* мягкие.

Возле Гомеля к северу — умеренное аканье, дзеканье, твердое *р* и т. п. Данные для некоторых заключений об этом говоре могут дать наши наблюдения в селе *Красном* Поколюбежской волости, к северо-западу от Гомеля в 7 верстах. Местное население туземное, чисто белорусское. Ня(е)се́, гаво́ра, пяе́, хва́ля (3-е лицо ед. ч.), спиць. Ѣ под ударением произносится как *е*, без ударения же как *е* и *я*, что зависит от места в слоге и от других причин. Говару́, цару́; быў, уну́к, узя́ў; гаво́руць; ви́джу; злы, сляпы́ (им. п. ед. ч.), но по замечанию местного учителя, говорят и злэй, сляпэ́й; той, уве́сь; на назе́, па капе́йцы; гэ́ны; ён — ина́ — янб́, яны́; ву́лица; купа́уся, по́ес и по́ис; пъяць, авъес; мужуки́, мое́ ру́ки; уси сталы́; неопределенное всегда на *-ци*; я пайду́ жа́ци; здаў, жыў; ен (муж) таки́, як я, у вадны́х гада́х; ураджай харо́шы ро́стам и умало́там; дзяўча́ты пяюць; ахоты не было́ и у малады́я пець, а ципер и соўси́м нима́; ко́цик се́ронький ко́цик бе́лянький, у люльку не ходзи́, дзиця ня будзи́; ня зна́ю я бо́лей ничо́го; ёсцека яще; у мине два сы́на, або́я ў ку́чы со мной; у ваднаго троя дзяце́й, а у ваднаго адно; няве́стки жнуць, а ўну́чки яще малы; ўнучки дзяце́й ня́ньчаць; адно́ няздарово, нияк из рук няйдзець. Зямли́ цягло́; ко́льки доўжыно́ю и кольки шырыно́ю; чатэ́ры паласы́ ў зме́не. Хи́ба свой хлеб ня хва́ця; цяпер 31 рублей адда́ли; сяго́лета аб сваём асталися, та й скупо бу́дзе; кали у кармани ё, то й хва́ця; скоци́на много хле́ба зъядая, требо сена накла́сци и боўту́хи, вядры два вады и муки фунтоў восим. Мёд ё, да ня ядзим.

Поднимаясь дальше к Могилеву, наблюдал только усиливающееся аканье. Очень странно произносят название своего губернского города: Мигыле́в, Мугиле́в (Жлобин местечко). В Могилеве на рынке в народной речи был поражен крайним аканьем: даже *е* ударяемое (из основного *ѣ*) произносили почти как *а*, в отрицательных ответах ясно слышалось *неа* вм. *нѣ*.

Вот еще несколько наблюдений, сделанных мною на самом севере Могилевской губернии на границе Смоленской — с. *Микулино* Оршанского уезда (в 10 верстах от ст. Рудня). По́ис, (г)лянь, по(г)лядзи́, каляда́, зы̆латэй, сляпэ́й, другей, хоць, галава́, по́лы̆мя, криви́, глыта̀ць, глатну́ў, мы̆ладэ́й, бу(ъ)гародзица, на жо́ўтым пяску́, адзёжа, хрост (крест), памёр, памёрла, дзе́шева (произношение стариков), моё (ср. р.), гнёзды, вёдры, звёзды, магём, пякём, ёжык, миж их, праме́ж их, зямля́, пшани́ца, сирабро и сирябро́, ми́линький, пирякинимся, ў сиряду́, сирида́, дзет, у синя́х, ў сянёх, няве́сты̆ка, ху́сты̆ка, па́сты̆ка (ловушка), но́сиць, ро́ги зылатэ́я, дзира́вый, сало́ткий, е́ткая вакно́,

éта вакнó, майгó, твайгó, утóрак (вторник), ирвáць, иржáць и т. д., ўнук, ўлес у мех, уватри нос, повин и поўны; преобладает *р* мягкое на месте старинного *р* мягкого, но бывает и твердое: царь и цар, гыварý; *р* мягкое иногда даже на месте старинного твердого *р*: стыря́цца. По утверждению моих экспертов, старики предпочитают твердое произношение. Бъю, пъю, галýб, пиць, дзéци; ны Иильлю́, вясéльля, божжия дзéло, судзьдзя́, ры́бъя, Дзямъя́н, саўю, сольлю, зыижжáць, ви́жу, вищáць, дощ; от мянé, з јим; дузé, дзéўцы, ны стряхе («на стресе» не говорят), вóзира, вум, вýлица, вось. но паýк. Пили́п, Ёска, Вóсип, Хóмка, Хóдор, хунт. Пáлцы (говорят только старики); купаўся, дзеўка, дзиця́ купáлысь; средний род у причастия на *-лъ* утратился; хызя́ен, хлыпаты́ (старики скажут «клопот»); ёсь = есть; лéкший, пущий, пець — пяю; чáа ты = чего ты? не — нет, нима. Ишóў с сыбáкым; ўсе стáда падóхла; два сталы́, дзве наги́, два сялы́; нет творительного на *-ма*; во мн. ч. *ы* и *и*; то же и в ср. р.: варóты, сялы́. Ци видзиў ты кóний? пайдý вазьму канéй; служиць панóм; служиў старшином (твор. п.); быў ў штанах, ў лапцёх и т. д. Встречаются формы звательного типа — тат, мам, Сцёп и т. д. Стольки дзялоў, мястóў, канёў, рублёў, ў гасьцёх, людзёх, ў сянёх и т. д.; пырыся́, циля́, дзиця́; мáци, но чаще мáтка, дычкá; табé, сабé, тэй — ты́я (всех родов). Ён — инá — янó, яны; з јим; тоя — сёя; увесь; ниўóдзин; вышли ў пяцёх; ў мóкрыю пагóду; яси́, даси́, нясéць, умéиць, хвáлиць, дадзём и дадзи́м; печь; нясучи, идучи; йшоў, пáсциў и пáсцивиў. От глагола «вынуць» — я вы́ню, мы вы́нили; певня (наверно), попеўнилась (удалась), зрáдзилась (не удалась); в Любавичах говорят: «слиба» = если бы, пилесы = полосы ib. Чуць-чуць выдыбаў з балóта Микул.

Наибольше разнообразия и интересных особенностей представляют белорусские говоры по южной границе Белоруссии. Переехав у Любича Днепр, я направился на запад на Мозырь и далее. Некоторые из замеченных мною особенностей уже сделались предметом специальных работ, которые со временем будут напечатаны; другие же еще недостаточно выяснены и поняты мною и нуждаются в новых дополнительных наблюдениях, которые и думаю предпринять в ближайшем будущем. Пока нахожу возможным поделиться со специалистами сырым материалом.

М. Брагин, Речицкого уезда. Дзеканье и цеканье в полной силе. Цáра, говарý, ви́джу, уроджáй, ўзяў, купáўса, нясé, гавóрэ, спиць, нясýць, вýлица. *Э* вм. *е* не встречается; смешания *и* и *ы* тоже не бывает, но висóкий; пъяць, авъёс, мъя́со, пáмъяць и т. д. Од менé; пóес, гледжý; сляпы́, глухи́; вóзеро, вум; пáлцы, си́лно, стралцы́; вóйсько, жéньский; той, у тэ́и (род. п. ед. ч. ж. р.); рóзум, абóдва, кóляды, штóники, брáтеник; ён — енá — енэ́ (и вонó, но реже); глытáць, глыбóкий, крыви́, блыхá; сувáць кувáць; у чи́стум пóли, гэ́ты; идóм, могóм, пекóм, паню́(ё)с; ильнý; пшани́ца; перакинемся; Илля́, вясéлле; бóжа дзéло; ащé = еще; иногда: дзіед, ліес; бядá, цанá, ракá; ён нóсе; бувáй здарóў; кýра, гуся́ (им. п. ед. ч.); с старшинóм, з дзя́цьком; два сталы; абéдзве назé; три сялé; очи́ма, плячи́ма и т. д.;

па́сциць валы́, пара́ заклада́ци ко́ни; звательные падежи встречаются только отчасти (ма́тко, бо́жухно, ба́цюхно); касцэ́, мужике́ облаке́; дат. п. ба́цькови, сы́нови; род. п. мн. ч. рублёў, канёў; служи́ць пано́м, господаро́м; ў пано́х, госпадаро́х, ў гасцёх; мого́, твого́, своґо́; уве́сь, увсей, ўсе́, ўсех и т. д.; им. п. мн. ч. мое́, твое́; адзина́нцаць, двана́нцаць; идзець (2-е лицо мн. ч. пов. н.), ходзэ́мо, уцекаймо, е́жмо; несци́му, е́сциму, хвали́циму. Пу́га е? Нетра = дебрь.

Такая же, как в Брагине, речь и в *Хойниках* Речицкого уезда. Умеренное аканье, звук *дж* на месте *dj*. К предыдущему можно прибавить: аддасцё(е́)це (= отдадите), це́рциме (= будет тереть), бра! (= брат), хуце́нько (= поскорее), нимаве́д куды́ (= неизвестно куда), пуль (= пыль).

В г. *Мозыре* в речи простого народа сказывалось сильное оканье, но другие особенности были белорусские. Еще у меня отмечено: ги́ньший (= иной), висо́ко ўже бу́дзе, прыежджа́ў, усей город объе́здзиў, хваетон (фаэтон).

М. Петриков Мозырского уезда. Бо́ўшый (= больший); здзержаўса, згаварылисэ; руський; дзеканье и цеканье; на месте старого *ѣ* слышится звук, приближающийся к *и*, но все же не *и*: пое(і)ду, собе(і). Выдающаяся особенность данной местности и соседних к востоку в Речицком уезде — появление вполне явственного *у* на месте *ы*: ву́пиў, горадавуя (им. п. мн. ч.), пошли му у го́радзи Кременчугу, ву́дуць и одберу́ць, ву́пиу кручо(у)к во́тки, плуты́ (из плыты́ = плоты), абу живо́го пусци́ли, мой плут: сюда не относится було́ (лет було 19); *р* твердое: ру́мочку. Другие особенности: руба́шки тые, шку́ру облу́пиць, рэту́й (ратуй = спасай), рубашку ў шма́ццял, привьёз, до́рого си́лно.

Подобное произношение *ѣ* приходилось слышать и в *Лахве* Мозырского уезда при других чисто белорусских особенностях: пое(і) — хаў, даже копиек.

Лунинец и м. *Лунин* Пинского уезда. Речь вообще белорусская; однако соседство малорусов сильно заметно; больше малорусизмов в речи мужчин, нежели женщин. Вот несколько наблюдений из этой местности: захоци(й)ў бы одда́ць, то, я хочу узна́ць, ми(е)сяц, пъяць, не дзи(е)лаў, не ражжы́ўса на грошы, не водзилисэ, баб с пъяць, скуль гэ́то вы́шло, омма́ном написа́ў, так са́мо тамака, я суджу́са, нихай его чорт заборэ́ (= возьмет). Заметна склонность к оканью, известно и твердое *э* вместо *е*, но только после губных. Ясных *и* вм. *ѣ* и *ы* вм. *о* в слогах ударяемых закрытых нет (подобное произношение можно слышать только от побывавших у малорусов). В соседних селах и деревнях очень много разнообразия в речи. Очень смешанная речь при ст. Лунинец; часто даже не слышно дзеканья. Здесь отмечено: поляда́еш.

С. Дятловичи Пинского уезда. Население белорусское, хотя соседи называют дятловцев хохлами, да и сами они не считают себя литвинами; белорусов других мест они называют «босяками». В речи, как и у жителей Лунина, иногда сказываются малорусские особенности;

впрочем, на малорусский лад чаще начинают говорить бывалые мужчины, причем часто безразлично допускают особенности той и другой речи: так один крестьянин спросил у своей снохи: «дэ вы дзели?» и, когда та не расслышала его вопроса, то повторил его уже в виде; «дзе вы дзели?» Приближает к малорусскому рассматриваемый говор и изредка встречающееся появление *ы* на месте *о* ударяемого в слоге конечном закрытом, а иногда и в середине; впрочем, я слышал только быx: быx тобй даў; вын; недзи далёче вын живэ́; двыр; кынь; пыйдзе; рядом с таким произношением можно было слышать и обычное с *о*. К малорусским особенностям следует отнести и довольно редкое появление на месте *ѣ* звука и(е): дзи(е)д, цы(е)на, хли(е)ба, нали(е)во, сли(е)пы́, дзьви(е) сели(е), а ци я ви(е)даю, ули(е)з уми(е)х; опять-таки и здесь обычный звук *е*, даже не дифтонг, на месте *ѣ* преобладал. Влиянием соседних малорусских говоров следует объяснять и появление *э* вместо *е*, но только после губных согласных; иногда *э* после губных даже на месте *ѣ*. Остальные черты чисто белорусские: дзеканье и цеканье в полном ходу, *р* твердое вместо *р* мягкого и др.; как в южном говоре — оканье, часто сжатое *о* и т. п. Все сказанное выяснится из приводимых ниже примеров: подзя́куваў, по́ес, коледа́, глёдзючы, вуон, ў чи́стум по́ли, мэд, умэ́рла, несе́, ще (= еще), що (= что), бува́ў, бува́й, ильняны́, иржа́ць, уто́рок (= вторник), унук, удова, мъя́со, пъя́ць, спьяць, Иля́, вэсе́ле, ра́джу, дождджик, мэжа́, зрожа́й (урожай), купэ́ц, чмэль, нигодзин, ўо́сень, озьми́, па́лцы, си́лно, купаўса, домо́ў, долоу, кудэ́ю, тудэ́ю, нима́мака, нима́, зват. па́не (особенно любят употреблять в разговоре это слово), пано́чку и др., увэсь, чи́стэ по́ле, спиць, идзе́мо, ходзе́мо и т. д., несци́му, спъяць, нима́, не расту́ць, есць тро́шко, обобра́лиса, хоро́шие лошадзе́; раз встретилось *э* и после *д*: вэсь ми(е)сяц цёнгле дощ идэ́ць. Нигодного го́ду грыбы́ так не росли́, я начали гэтого году росци. Таця́но! то́рбу пушука́й. Ма́ци пушла́. Семэ́йны. Ле (= для) себэ тро́хо насушы́ць. По радзю́шку пышла́. Неси́. Му́хи страх як куса́ютца. Тро́шке не так будуць круци́цца. Цепэ́р са́мые му́хи. Штоб на цебэ́ по ве́тра. Кото́ры зарабля́юць. Учельники́ не хоця́ць боя́цца. Тры версце́. Куго? На вула́х. Есць. Обурваў не́дзи. Гэты самые вужэ и па вудзе (= по воде) хо́дзяць. Орех. Уй щоб (а раньше было штоб) ёго. Там на поле трохо вы́едом. Тольки помэ́щик не лядзи́ць на свя́то. Петух называется «каба́н», скот — «това́р», густо — «глу́по», гроб — «домови́на», ей богу — «бо́ще».

М. *Шерешово* Пружанского уезда. Рассмотрению особенностей языка этого местечка посвящена целая статья А. Салтруковича, напечатанная в «Материалах для изучения северномалорусских говоров, а также переходных от белорусских к малорусским», № 9, проверенная мною лично во время поездки 1903 г.; тут поэтому почти ничего не придется прибавлять. Особенно выдающимися чертами оказываются: оканье, твердое *э* после губных, *т* твердое в 3-м лице ед. и мн. ч. глагола, конечно, если оно совсем не отпадает. Вот несколько примеров: вона́ (она), благе́нькее жи́то, уцёк, за тые вэксале, судзье́ю, однае матки, 80 годо́ў, одъежджа́е, хочь па кры́си (понемногу) нихай узы́скивае, з

заилéю, воны́ ўсе пры мне, памъёр, сыновэ (ср. р. ед. ч. прилагательного), бэз двох снопóў, умéшвацимуцца (станут вмешиваться), ек я на той чацвертýси, ето им мало, мэнé остáвили, разбúли дзверя́ (двери), удовэ́ц, муля́ў (говорил), хóчеце — живéце (= если хотите, то живите).

С. *Беловеж* Пружанского уезда в центре Беловежской пущи. Не только простой народ, но даже и интеллигентные лица вместо Беловеж говорят «Баловеж», так что, быть может, производство названия села от бывшей будто бы здесь когда-то Белой вежи и ни на чем не основано. Состав населения — когда-то бывшие стрелки, набранные в разных местах; теперь преобладают белорусы. Взрослые и дети дзекают, и цекают, окают, хотя и не всегда, кое-где знают дифтонги, после губных *э* вм. *е* и т. д. Примеры на разные случаи: двэ́ры, бэры́, двўор, бўор, нюос, дзіет (один из моих экспертов, обучавшийся в народном училище, дифтонгов не произносил), дворá, головá, говорý, цар, быў, х*а*дзи́ў, узя́ў, поéхаў ў ліес, ў рутцé, купáўса, гýлица, дощ, раджáць, пáлцы, несе, умее, спиць, любиць; там хоронгéўки (флаги) е постáўлены; в составное сказуемое, как и в последнем примере, обыкновенно входит *е* (= есть); пэрэскэ́чыць (перескочит), шасэ́ю, завъес, спалохалиса, следа кýньскаго, трі*е*х (вполне явственно *іе*) мэдзвéдзей убили, ўеджжáемо, коневи (дат. п.), бульш, удзелный, мо увидзимо (может быть, увидим), зýбэр (всегда вм. зубр), мъя́кая, завю́л, зубрэ́ (им. п. мн. ч.), воны́, кýнчили.

Отличительная особенность говоров белорусских на крайней западной границе — сравнительно большее количество полонизмов, что и естественно, так как соседями белорусов здесь оказываются поляки, вдобавок такие же католики, как и в большинстве случаев здешние белорусы. Народ с трудом различает народность, но никогда не смешает православного с католиком; всякого католика он обыкновенно и называет поляком. Если простолюдина белоруса здешнего из католиков спросить, почему он не говорит по-польски, если, по его словам, он поляк, то он ответит, что он человек простой и по-пански, т. е. по-польски, говорить не научился. Единственное место, где он изучает польский язык, это костел, в котором дополнительное богослужение и проповедь обыкновенно происходит на польском языке (слыхал, что бывали и отступления в пользу русского языка), общение с костельным клиром, а также исповедь исключительно на польском языке.

У меня имеются заметки, сделанные в *Хороще* Белостокского уезда (в 14 верстах к западу от Белостока на р. Нареве). Земли эти еще в XV в. принадлежали Супрасльскому монастырю, и, следовательно, уже в старину здесь было белорусское население. Соседи мазуры даже отчасти по эту сторону р. Нарева. В речи белорусского населения много польских слов, да и в белорусских ударение часто на втором слоге с конца, как в польском. *О* не обращают в *а* в случае его безударности отчасти под влиянием польского же языка. В отдельных словах слышится *ц* вм. *ч*, впрочем *ц* с шипящим оттенком (свец(ч)а, пец(ч); будущее часто на -лъ + буду (буду прасиў). Белорусские особенности видны из следующих примеров: слéпы, злы, блыхá, глыбóки,

у жо́ўтум песку́, ён — яна́ — яго́, зямля́, у ле́си, це(а)на́, ре(а)ка́ (в предударном слоге довольно неясный звук), збира́лися, купа́ўся, ўну́к, ўдава́, у варго́нь, цар, говору́ мъя́со, пъяць, висе́ле(я), судзя́, проходжу́ся, дождджа́, гу́лица, гове́с, гоўца́, мужике́ви (хотя вообще подобные формы здесь редки), я быў на пече́, вин. п. местоимений личного и возвратного: ме, це, се — я це ви́деў (влияние польского языка), мояго́, твояго́, мня, мое́, твое́, што, поле́чу, несе́, спиць, уме́е, хва́лиць, мохчы́, пячы́, пов. н.: хвале́це, несе́це; е = есть; будзем.

М. *Суховоля* Сокольского уезда. Белорусский говор в общем такой же, как и у Соколки. Население у себя дома обыкновенно говорит по-белорусски и лишь при встрече с ксендзом и отчасти с другими интеллигентными лицами стараются употреблять польскую речь. Приезжему наблюдателю бросается в глаза будущее из *буду*+*-лъ*. Другие черты, как и в соседнем Гродненском уезде. Дифтонгов не замечал, но *у* вм. *о* в слогах закрытых безударных дело обычное (ў чи́стум по́ли). Приставочное *в* не *г* (во́сень, ву́лица). *Са* тоже нет (буду купа́ўся). Есць. Лиц, говорящих иначе нежели они, называют «шкоць».

В версте от ст. *Новокаменной* живет колонист из бывших лесников, католик. У него в избе я записал: Му́си Миха́сь повядзе́ коня́; пошо́ў наш стары́к, так ён зна́е; поёў бы (= поел бы); будзе пое́хаў; ко́ла (= колеса) будуць хова́лися; цяля́ чіесь ў бу́льви хо́дзиць.

В имени *Понемунь* (в 18 верстах от Гродна по Неману к югу) от приходящих окрестных крестьянок записал: кап це звярэ́ задра́ли; нивядэ́мо чый. Употребляют *-са*, приставочное *г* (гоўца́, говес). В остальном речь такая же, как и в других местах средней Белоруссии.

С. *Дунайчицы* Слуцкого уезда (к югу от Клецка в 5 верстах): прывъёў, кудэ́ю, сюдэ́ю, на гано́х нажынаюць, изредка *-са*. В остальном речь обычная.

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦЕ БЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ

По поводу статьи акад. А. И. Соболевского: «О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности» (Изв. ОРЯС Ак. н., т. IX, кн. 2, 14—23)[1]

Отмеченная статья академика А. И. Соболевского посвящена разбору двух глав (1-й и 6-й) моей работы: «Белорусы», т. I (Варшава, 1903). Рядом с ценными замечаниями уважаемого академика имеется и несколько таких, которые основаны на некоторых недоразумениях, возникших отчасти по моей вине. Последних и касается настоящая заметка.

1. Почему основой для определения границ белорусской области у меня служит исключительно язык? Книга «Белорусы», т. I является введением в изучение языка народной словесности; естественно, что все внимание и обращено на язык. Кроме того, изучение антропологических особенностей белорусов находится еще в зачаточном состоянии; да и вряд ли когда-либо удастся прийти здесь к каким-либо решительным выводам, так как в основе белорусской народности лежат разные племена. Господствующий тип белорусский — среднего роста блондины с голубыми глазами и жидкой растительностью на бороде — далеко не повсеместный. При улучшении быта из них часто вырождаются крупные блондины с рыжими большими бородами, и в этом случае они вполне совпадают с самыми типичными великорусами. Белорусский быт только отчасти изучен и далеко не во всех местах. Самая природа занятых ими мест в последнее время, благодаря усиленному истреблению лесов и осушению болот, сильно изменилась. Единственно, что более упорно держится у белорусов, это их язык. Великорусы-старообрядцы, говорящие по-белорусски (к сожалению, мне никогда не приходилось слышать белорусской речи в разговоре старообрядцев друг с другом), мною нигде не включены в число белорусов[2], так как они очень типичны и вообще живут замкнуто, избегая более близкого общения с белорусами.

[1] РФВ, т. LIII, 1905, стр. 55—61 (*Ред.*).

[2] Ср. стр. 182, 186, 187, 190; в последней таблице под раскольниками, евреями и т. п., конечно, разумеются не белорусы.

2. Почему к работе приложено две карты, из которых первая «этнографическая», «не дающая ничего такого, чего бы не было во второй карте», оказывается как будто лишнею? Первая карта названа этнографической, так как здесь указаны границы белорусского племени, отличительным признаком которого является, с моей точки зрения, белорусская речь. Эта карта служит иллюстрацией к 1-й главе, где, кроме границ белорусского племени, перечисляются реки, города, губернии, уезды и многие села. Все эти географические данные здесь легко найти. Рассматриваемая карта послужила основой и для второй: но там, вследствие наложения новых цветов, границы уездов и губерний (особенно в западной части), отчасти разные географические названия, для лиц, не отличающихся тонким зрением, мало заметны. Вследствие помещения двух карт расходы по изданию книги очень незначительно увеличились, так как пришлось платить только за бумагу первой карты.

3. Почему говоры юго-востока Смоленской губернии признаются за белорусские, а говоры юга Псковской губернии относятся к великорусским; почему говор заблудовский не отнесен к малорусским? На юго-востоке Смоленской губернии расположены уезды Ельнинский и Рославльский. А. И. Соболевский, относя в свое время[3] к белорусским указанные уезды, опирался на данные записей народных произведений и на некоторые местные исследования. Те же источники, а также отчасти личное наблюдение побудили меня держаться такого же взгляда. Ведь разве не белорусские особенности в следующих, например, случаях, в изобилии встречающихся хотя бы в записи, напечатанной в «Смоленск. этногр. сборнике» В. Н. Добровольского № 3 (т. I, стр. 655—657) из Ельнинского уезда: захатеў сабака, третьтий, здароў сабака, воўк, пытаить у их, воўчинька, кали будитя мяне слухать, дак я вас накармлю, пупаўзў, як падымитца мыя шерсть дыбырем, паўзеть и спрашиить, ти красны мае вочи, кроўю, гукаить, ходи есть, зьеў пячонычки троху, нализаўся крыви, іон, тольки слухайтя, наеўся дужа воўк, стягнитя, с коня звалок, ажнуть (= так что), прайшли яны ти многа, ти мала, ледва, пакуль (= пока), з ранння да вечира, стали зюкыть (= разговаривать) с котым, кот узлез, ня чуть (= не слышно), другея сыбаки, скольки, пачуў воўк, брешить, на сабаччий свадьби, иде (όπου), свинней, уси свинни, зацкуваў, абманиў, не сабака! (= нет, с.). То же и в записях из Рославльского уезда (их очень мало у Добровольского), № 1 (т. I, стр. 208—209 и 210): Паўлаўна, ты мыишь, карення, измый, ат притчыў, божжия матирь кала Ирдани ряки хадила, лумала, змый з буйнэй галавы, з ясных вачей, су ўсих жил, с пичанёў, маленьких дитинятык, тримать. Подобные особенности речи я и лично наблюдал в бытность мою в названных уездах. Но я заметил, что «к востоку от Смоленска по железным дорогам (которых здесь много) белорусская речь уступает место великорусской» («Белорусы», I, 16). Прибавлю к этому, что Рославльский

---

[3] Ср. его «Опыт русской диалектологии». СПб., 1897, стр. 6, 78—80.

уезд, кроме железной дороги, пересекает еще старое шоссе, идущее из Москвы. По шоссе от г. Рославля на восток и я не слыхал белорусской речи. Понятно после всего сказанного и колебание акад. А. А. Шахматова («Известия», II, 1159) отнести уезды Смоленский, Рославльский и Ельнинский к белорусским. Однако не следует забывать, что самый юго-восток Рославльского уезда примыкает к Акулицкой волости Брянского уезда Орловской губернии, где несомненно белоруссы[4]. На карте восточная часть Ельнинского уезда мною отнесена к великорусской области. Нет сомнения, что через некоторое время граница белорусской речи в указанных местах передвинется несколько к западу.

Говоры юга Псковской губернии и тип населения при беглом личном знакомстве произвели на меня впечатление великорусских говоров. Дзеканье в некоторых местах, действительно, наблюдается; но из-за него только считать речь белорусской я не решаюсь.

Что касается заблудовского говора, то повторяю здесь, что было сказано мною в 1901 г. после посещения этих мест (РФВ, XLVI, 276): «В Заблудове уже нет того говора с дифтонгами, со звуком *э*[5], о котором сообщали в свое время Потебня и Колосов. Теперь в самом местечке мещане (не евреи) говорят либо чисто по-русски (что редко), либо по-польски. У тех и других проглядывают и особенности малорусской речи, но в очень слабой степени: *е* иногда = *э*, изредка *у* на месте *о*, сильного аканья нет, после *в* приходилось слышать *j* перед *о* (вjoз). В окрестных деревнях еще дзекают (гдзе). Дифтонгов не приходилось слышать. Южнее Заблудова (за р. Наревом) уже малорусская речь».

4. Отчего при определении белорусской границы нет упоминания об ее условности и не придается значения переходным говорам? В тексте I-й главы, на основании которого составлена карта, не один раз, а довольно часто упоминается об условности проводимой границы и притом не только с южновеликорусами, но даже с литовцами и латышами: ср. страницы: 5 (примерно, bis), ib. (белорусы живут вперемежку с латышами, но преобладают первые), 8 (выноска: из волостей, где смешаны белорусы с литовцами, белорусскими посчитаны те, где белорусов большинство), 12 (иногда и к северу от Припяти попадаются малорусские поселения [Люденевичи], а иногда белорусы проникают на правый ее берег, например у Давыд-Городка), ib. (приблизительно до м. Любеча), ib. (почти до границы с Могилевской губернией), 14 (в Орловской губернии приблизительно). На приблизительность границы указывает и самый способ ее обозначения: широкой с незначительным количеством изгибов красной полосой; при безусловном определении была бы тонкая линия. При таком способе указания границ, естественно, нельзя было обводить ими отдельных мест, населенных белорусами, вдобавок часто незначительных, лежащих в малорусской и великорус-

---

[4] Ср. мою ст. «К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губернии».

[5] Этот звук вместе с *и* (= *ы*) я считаю главным критерием при разграничении белорусов и малорусов.

ской областях (около Давыд-Городка, Юринова и др.); кроме того, относительно некоторых из таких мест я не имел возможности лично убедиться в правильности имеющихся у меня данных. Что касается переходных говоров, то их я, конечно, признаю, но причислял их к тому или другому наречию, смотря по преобладающим в них особенностям; и тут белорусскую границу проводил там, где, при сильном ослаблении белорусских черт, начиналось преобладание великорусских или малорусских особенностей. Ведь если бы и другим способом (волнообразными линиями, переливающимися цветами) обозначить указанные отношения, то все же нашлись бы и такие пункты, где заметно было бы усиление черт других наречий. В ином положении оказалось бы дело, если бы можно было, как я в свое время отметил («Белорусы», I, 198), дать не одну лингвистическую карту известного наречия, а несколько, по количеству основных черт данного наречия и других, прилегающих к нему; но это стоило бы очень дорого, да и распространение тех или других особенностей еще не достаточно изучено. В этом случае трудно положиться даже на лучшие сборники народных произведений.

5. После всего сказанного легко понять, отчего я не воспользовался теорией волны Иоганна Шмидта для определения взаимных отношений между белорусскими говорами и соседними говорами — великорусскими, малорусскими и даже, пожалуй, польскими. Картина волны очень величественна и наглядна, но, к сожалению, если нанести ее на карту, мы получим не свободный разлив и движение тех или других черт, но массу водоворотов, неестественные на море прекращения течений, неравномерность в колебаниях волн. Окажется, например, что сильное аканье сразу прекращается на границе с литовцами и поляками, довольно узкой полосой оно идет к юго-востоку и далее в южновеликорусские губернии, а не расходится на северо-восток; частица *са* (=сѧ) распространена на юго-западе Белоруссии и затем после большого перерыва возрождается в литературном московском произношении; дифтонги как-то странно вкраплены в разных местах Белоруссии и т. п. Впрочем, выразить идею Шмидта (конечно, mutatis mutandis) была и у меня цель, но для этого я избрал, как более простое и дешевое средство, линии или штрихи вместо волн. И у меня на карте обозначено постепенное уменьшение белорусских особенностей в направлении от центра: в центре сплошная розовая масса; непосредственно к ней примыкают более частые линии; дальше между ними расстояние увеличивается; направление линий указывает, с какими из русских говоров, по своим чертам, сближаются соответствующие белорусские говоры. К великорусам, где белорусские особенности слабее, ведут тонкие линии, а к северным малорусам толще. Сказанное отчасти объяснено и у меня в книге («Белорусы», I, 198).

6. Почему в «Белорусах» нет упоминания о говорах Речицкого уезда с соседними частями Мозырского и о говоре озерянском Рогачевского уезда? Первый из названных говоров обращает на себя внимание появлением в некоторых местах (не на большой площади) *у* вместо *ы*, а вто-

рой, описанный Е. Романовым[6] на основании наблюдений в Озеранском приходе, известен по переходу *а* к *о*, а *о* в *у*. Таким образом, оба эти говора выделяются из соседних только по одной черте; поэтому их скорее следует считать подразделением тех или других говоров, а подразделений основных говоров я не касался в «Белорусах», так как вообще не достаточно себе еще уяснил этот вопрос. Ведь такие отдельные выдающиеся черты известны и в других говорах, например к западу от Минска переход *а́л* — *а́в* в *о́ў* (доў, ўзёў), *о* слишком сжатое (почти *у*) в разных местах на юге. Кроме того, в настоящее время из уст молодого поколения и в Озеранах можно слышать несколько иную белорусскую речь.

Отмеченная черта Речицкого говора и соседних мест Мозырского обратила на себя мое внимание еще в 1903 г., и послужила предметом специальной статейки, помещенной в одном Киевском сборнике, к сожалению, не вышедшем еще до сих пор[7]. Ввиду интереса, представляемого этим явлением, и небольшого объема указанной заметки считаю возможным перепечатать ее здесь.

ЗВУК *У* ВМЕСТО *Ы* В НЕКОТОРЫХ БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ

Особенность, о которой ниже речь, если не ошибаюсь, впервые замечена Н. Янчуком во время его этнографической поездки по Минской губернии в 1886 г. (ср. Труды этнографического отдела И. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, кн. IX, 70): «В речицких говорах я знаю, говорит он, одну интересную особенность, которая на первых порах может показаться странною: это именно употребление *у* вместо *ы*, например *му*, *сун*, *бук*, *буйстрый* — мы, сын, бык, быстрый и т. п.» Если обратиться к записям из Речицкого уезда[8], то там найдем следующее: штóб*у* Ш. III, 398, рéчки б*у́*йстрыя ib. 413, в б*у́*йстрой рéченьки ib. 423, п*у*тáць (= пытать — спрашивать) ib. 394, п*у*тáвся ib. 413, п*у*тáе ib. 421, поп*у*тáць ib., 393, п*у*тáци Д.-З., 110, рядом с — пыталася ib., коп*у́*цики Ш. I, 1 ч., 82, П*у́*шна чеща, пушна, Пр*у́*цив зя́ця не в*у́*шла Ш. III, 409, што ж в*у* не п*у*тáеце нас, чаго м*у* пришли́ ib. 393, в*у* ib. 394, 403, 407, нóв*у*ми сеня́ми Ш. I, 1 ч., 82, в*у*вяў Ш. II, 640, в*у*даé Ш. III, 425, в*у́*йму ib. 414, в*у*нимáе ib. 410, в*у́*пиць Д.-З., 110, в*у́*пивши Ш. III, 395, 397, в*у*пивáе ib. 410, в*у́*пусьцили Ш. II, 54, рядом с — вы́пусьциў ib., в*у*рéзывае Ш. III, 415, в*у́*скочили Ш. II, 469, в*у*хóдзиць Ш. III, 410, 411, в*у́*цяну Ш. II, 54, в*у́*езд Ш. III, 417, дóбре здорóв*у* (= здоровы) ib. 393, перейдзи́ сéни бáцьков*у* ib. 399, бáцьков*у* кóни ib. 420, свёкров*у* к. ib.,

---

[6] «Белорусский сб.», III, XV.

[7] Отдельные оттиски получены еще летом 1904 г.

[8] П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северно-Западного края, т. I, ч. I, II и III; М. В. Довнар-Запольский. Заметки по белорусской этнографии. «Живая старина», 1894 г., № 1, стр. 110—114. Записи относятся к Якимовичской волости (с. Рудня), Дудичской, Дернавичской (с. Мухоеды) и Дзяковичской (с. Дзяковичи).

рущнички́ гото́в*у* ib. 402, перéзв*у* (=перезвы) ib. 412, во́йтов*у* сын ib. 416, си́в*у*й собулéчки ib. 413, кучара́вуй пово́зничку ib. 420, часову́е стоя́ли Ш. II, 52, *му* Ш. III, 395, 403, 407, 416, му́сьлями Ш. II, 641, му́ютца Ш. III, 425, из соло́*му* Ш. II, 53. Во время этнографической поездки летом 1903 г. мне пришлось встретиться с одним плотовщиком (плытником) из м. Петрикова Мозырского уезда. Несмотря на то, что это был человек бывалый, после губных он решительно произносил только *у* вм. *ы*: ву́пиў, гарадаву́я (=городовые), пошли́ м*у* у го́родзи Кременчу́гу, ву́дуць и одберу́ць, пл*у*ты́ (=плыты — плоты), мой пл*у*т, аб*у* живо́го пусьци́ли. Изредка подобное явление замечается и в других местах (ср. А. И. Соболевского, Опыт русской диалектологии, 94—96, и наше: К истории звуков и форм белорусской речи, 221) Иного происхождения нередкие в разных местах Белоруссии б*у*ў, б*у*ло́ и под. Ш. II, 52 и др. Как можно видеть из приведенных примеров, рассматриваемое явление в говорах Речицкого уезда и прилегающей местности Мозырского наблюдается только после губных *б*, *п*, *в*, *м*; после других согласных здесь везде *ы*: сы́на Ш. II, 53, тогды́ ib. 53, 469, чаты́рыста ib. 53, госуда́рыни ib. 54, закрыва́й 641, зык Д.-З., 111, палты́ну ib., 110, воды́ Ш. III, 399; сто зло́тых ib., 395 и т. д. Это наблюдение исправляет и неточность у г. Янчука. Но какая причина этого перехода? Г. Янчук не прочь видеть здесь дославянскую старину; но вряд ли это так. Формы, вроде сив*у*й, пл*у*т, м*у*ютца, представляют *у* на месте *ы* не основного славянского, а ставшего таковым уже на почве отдельных русских наречий (белорусского и малорусского). Я думаю, что единственной причиной такого странного перехода является слишком лабиальное (как при *о*—*у*) произношение губных в названных говорах.

В. Н. Добровольский. СМОЛЕНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ. Смоленск. 1914. 8°. VI + 1022[1]

Давно обещанный (Смол. этногр. сб. IV (1903 г.). Предисловие, XVI) словарь смоленского народного говора, благодаря неустанной энергии В. Н. Добровольского и субсидии Отделения русского языка и словесности Академии наук, увидел свет. Он является капитальным завершением этнографических трудов его неутомимого автора, так много и бескорыстно поработавшего в течение 30 лет в деле изучения родной ему Смоленской губернии. Предшествовавшее ему изучение этой губернии («Смоленская губерния» М. Цебрикова. СПб., 1862) не дало ничего ценного; зато его «Смол. этногр. сб., ч. I—IV, 1891—1903» является всесторонним «отображением народного миросозерцания»; и для языка здесь масса материала (ср. еще наши «Белорусы», I, 269—271). Заслуга г. Добровольского, собравшего материалы по языку, народной поэзии и быту, окажется еще большей, если мы примем во внимание те обстоятельства, на которые он ссылается, например, в следующем месте (Предисловие, I—II): «Прошло тридцать лет, как я стал заниматься этнографией; с тех пор сильно изменилась деревня, изменился нравственный облик крестьянина, изменилась его патриархальная жизнь, утрачивая разные обычаи и суеверия. Взамен старых, явились новые обычаи, новые слова. Язык сильно изменился, как со стороны содержания, так и в фонетическом отношении. Крестьяне стали говорить правильнее, приближаясь в говоре к языку литературному. Правильности речи содействовала школа. Многие старики и старухи, говорившие на местном наречии, перемерли, а на произношение оставшихся в живых влияло чтение книг, которое старики слышали от подраставшего поколения, ставшего уже грамотным». Таким образом собранный г. Добровольским материал имеет уже и историческую ценность.

Материалом для Смоленского областного словаря служили слова и выражения, заимствованные из этнографических сборников самого автора, а также из других его работ; но многие слова внесены по памяти г. Добровольским; немало позаимствовано из сочинений других лиц, печатных и рукописных. Вследствие этого, как обнимающий к тому же небольшой район, Смоленский областной словарь от-

---

[1] РФВ, т. LXXIII, 1915, стр. 181—183 (*Ред.*).

личается достаточной полнотой и богатством содержания, хотя можно отметить и некоторые недочеты. Так, автор, несомненно, знал белорусскую Энеиду наизнанку в редакции В. П. Р о в и н с к о г о, явившуюся в Смоленской области (ср. стр. 113 Словаря: «Вяземский»), а между тем из нее не взяты такие редкие слова, как *хупа́вый*, *украсі́ŭ*, *кацаты́г*, *хвигу́рный*, *мяко́тный*, *поршни́* и т. д. (ср. нашу статью «Белорусская Энеида наизнанку» в т. XVIII «Сборника Харьк. Ист.-фил. общ.», 149—150). В предисловии к Словарю не нахожу также упоминания «Белорусских песен» Б е с с о н о в а, где многие материалы относятся к Смоленской губернии.

Что касается редакционной стороны словаря, то она заставляет желать многого. Прежде всего автор не уяснил себе, в каком виде ставить слова в заглавии: сохранять ли принятую русскую литературную этимологическую форму, или же приводить слово в полуфонетическом виде. Вследствие этого в словаре безразлично употребляются в заглавиях те и другие написания: ср., например, авторэк 4 и вторник 96 (пример при нем только «в овто́рык ходиŭ у баню»), арех 14 (в примерах: мяшок оряхоŭ, попасть на орехи) и орех 535 (в примерах: пупадеть табе на орехи), варабей 51, воробей 85 (в примерах: вирябей, вырябей, ирибей) и вырябей 69 (со ссылкой на варабей), веселье 61 (в примере: вясельля гулять) и вясельля 114 (тоже со ссылкой на соответствующее место), ветох 62 (примеры: на вятошку) и витох 70, во́лна 80 (в объяснении есть и «во́ŭна») и воŭна 91 и т. д. и т. д. Если автор хотел облегчить справки, то при словах, написанных фонетически, нужно было лишь сделать ссылки на слова, приведенные в общепринятой форме, все же примеры группировать в одном месте. По той же причине излишне помещать в особый отдел с приведением соответствующих примеров слова, имеющие в начальном слоге *ы* вм. *а* и др. звуков (ыжно́, ыко́та, ымя́, ырыбе́й, ых и под.).

Редакционные недосмотры иногда сказываются и в других отношениях. Например, попадаются неправильные этимологии, написания и объяснения. Стр. 84: во́ля, зоб; следовало пояснить, что здесь воля вм. воле; 144: Григорий. Отец Григория обедню служит — Григория вм. Григорие; 89: ворта: ŭскресеньня на ва́рту; 1018: яешня, *яе́т*ня. На второе слово примера не приведено; да вряд ли оно и не опечатка; 902: такой-сякей имеется, а аналогичное якей в заглавии (стр. 1018) отсутствует.

Попадаются слова, не имеющие никакого отношения к словарю, например стр. 14: «артезианский колодезь» приведено лишь потому, чтобы напомнить, что в одном месте есть таковой; но как народ называет его, не указано.

Впрочем, все подобные редакционные промахи, равно как некоторые типографские недосмотры (не зависевшие, вероятно, от автора) не умаляют значения словаря. Исследователь белорусского наречия найдет для себя в нем много ценных данных, не имеющихся в известном словаре Носовича; немало почерпнут лингвистического материала из рассматриваемого словаря и лица, изучающие смешанные и переходные говоры.

ЗАПАДНОРУССКИЙ ЯРЛЫК ХАНА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ТОХТАМЫША К ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ ЯГАЙЛУ 1392—1393 г.[1]

В Московском архиве Министерства иностранных дел под № 14 хранятся два ярлыка хана Тохтамыша к польскому королю Ягайлу: один на уйгурском наречии, другой (сходного содержания, но не перевод), изготовленный в канцелярии же Тохтамыша, на старом западнорусском наречии. Оба ярлыка писаны в одно и то же время, о чем свидетельствует сходная бумага с филигранью бычачьей головы, на западнорусском ярлыке вверх ногами. Татарский ярлык, несомненно, подлинный: имеется разрисованный золотом знак, играющий роль печати; отсюда естественно предположить, что и западнорусский ярлык того же времени и подлинный[2].

В Московском же архиве МИД, в той же папке, хранится и вся переписка по исследованию и изданию обоих ярлыков, предпринятому кн. К. М. Оболенским, вышедшему в 1850 г. в Казани, под заглавием: «Ярлык хана Золотой орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 г. Издан кн. М. А. Оболенским»[3].

В книге кн. Оболенского дается всестороннее исследование ярлыка, особенно в татарской редакции, сделанное специалистами. Западнорусский текст по типографским затруднениям того времени издан неудовлетворительно: опущены буквы, стоявшие над строками, а также знаки титл, вследствие чего во многих местах, несмотря на напечатанный в книге польский перевод ярлыка, не ясен смысл; нечего и говорить, что такое издание малоценно для языка и для палеографии. Имея в виду сказанное, а также намереваясь дополнить список западнорусских старинных документов[4], мы решили более точно переиздать

---

[1] РФВ, т. LXXV, 1916, стр. 169—171 (*Ред.*).

[2] Такого же взгляда держится и издатель ярлыка кн. Оболенский. На русском языке ярлык также изготовлен в канцелярии Тохтамыша (7); «Мы нигде не решались дать ей название перевода, считая ее несомненно противнем уйгурского подлинника или актом, составленным на основании этого подлинника и имеющим свое отдельное, самостоятельное значение» (ib.).

[3] На это издание и на самые ярлыки обратил мое внимание проф. Л.З. Мсерианц, которому и приношу глубокую благодарность.

[4] Ср. наши «Белорусы», I, 357—368, и II, вып. 3, 301—302.

этот текст, воспользовавшись богатыми шрифтами Московской синодальной типографии.

Ярлык писан старейшим западнорусским полууставом, во многих случаях стоящим еще в связи с уставным письмом (ч, ꙁ, ъı, часто оу, · посередине), сходным с древнейшим полууставом русским вообще.

Слово тактамъıшево. къ королеви. польскомꙋ. вѣдомо даемъ. нашемꙋ браⷮ. ажь есмь сѣлъ. на столѣ великого цр̄ства. коли есмь первое сѣлъ на цр̄ьскомъ столѣ. тогда есмь. послалъ бъıлъ к вамъ асана и котлꙋбꙋгꙋ. вамъ дати вѣдание. и наши посли нашли ваⷭ под городомъ под троки стоѧчи. вы паⷦ послали есте к намъ посла вашего. литвина. на ймѧ некоиста оу дрꙋгомъ пакъ лѣтѣ. стала межи наⷭ ꙁамѧтнѧ. нашь племеньниⷦ. бекбꙋлаⷮъ. и хожа мединъ оучинилисѧ намъ ворогъ. й оустаⷡ҇ на наⷭ. й ѣще к тъıмъ. бекгичь. и тꙋрдꙋчакъ. берди. давъıдъ ти кнѧⷥ. головний. мой бъıли слꙋги. й тий стали намъ ворогъ. й оу мене слꙋжаче. й почали коромолити на мене. послалисѧ ѿдного на ймѧ. йдикгиѧ. до аксакъ темирѧ. на мене лиⷯⷪго мъıслѧче. по тъıхъ посланию. по йдикгиевꙋ посольствꙋ. вышолъ на мене аксакъ темирь.· железнаѧ нога. ѿ чорного пѣска. тогда аксакъ. пришолъ такъ тайно на насъ. аже не бъıло намъ никакоѣ вѣсти а ни слова. алижь оⷹзрѣли есмо его оу нашой · державѣ мъı паⷦ не поспѣли есмо й спрѧтати всеѣ силъı нашеѣ. толко што ѡколо наⷭ нашь дворъ. есть и с тъıми стали есмо противъ того аксака. тъй йснъıи бекбꙋлатъ. нашь ворогъ. насъ въıдалъ й побѣглъ ѿ насъ. коли той лихии бекбꙋлаⷮ. побѣглъ тогда вси люди всѧ рать. на бѣгъ поверн꙽лисѧ. то дѣло потолѣ стало. бг̄ъ насъ пожаловалъ ѡпаⷮѧ. наши неприѧтели вороⷪꙁи. далъ намъ всихъ оу наши рꙋки. мъı йхъ скаꙁнили. такъ. што ѿпѧтъ не бꙋдꙋть намъ пакостити. нъıнѣ послалъ есмь к вамъ. слꙋги наши. асана й тꙋлꙋ ѿчжю. то повѣдати вамъ нашемꙋ братꙋ. абъı то вѣдали въı +ⷶ што межи твоеѣ ꙁемлѣ. сꙋть кнѧⷦниѧ волости. давали въıходъ бѣлой ѿрдѣ. то намъ наше дайте а што бꙋдеть вашеѣ державъı под нами. а мъı ꙁа то не стоймъ вамъ. йщите своего а мъı вамъ дамо. а й ѣще што бъıло межи насъ какъ ꙁдавна. гостемъ пꙋть чистъ. й вашимъ й нашимъ торговцемъ. беꙁъ приймъ беꙁ пакости. всѧкомꙋ чл̄вкꙋ. й чорнымъ людемъ промъıслъ. на то все послали есмо. сеи нашь ѧрлъıкъ. й с нашею печатью ꙁолотою. абъı то крѣпко бъıло. а той ѧрлъıкъ писанъ оу ѿрдѣ на оустьй донꙋ. кꙋрѧчего лѣта. а мѣсѧцѧ. йречипа. ჻ ‿‿ какъ отц̄ь нашь какъ ѿц̄и ваши. бъıли ꙁа ѿдно. послъı съıлали межи собою. а мъı также хочемъ с вами бъıти. аже бꙋдеть ваⷨ надобѣ помочь на кого на ворога вашего. аꙁъ самъ есмь готовъ за того тобѣ на помочь всею моею силою. а толко вѣсть намъ дайте. а коли паⷦ потомъ коли намъ бъı надобѣ въı намъ таковиже бꙋдте.

ЗАМЕТКИ ПО БЕЛОРУССКОМУ НАРЕЧИЮ[1]

Настоящие заметки касаются фонетики, морфологии и синтаксиса белорусского наречия и служат отчасти дополнением к тем данным, которые сообщены нами во II т. «Белорусов» (вып. 1, 2, 3), отчасти сообщают новые наблюдения.

В некоторых белорусских говорах на месте безударного *а*, особенно стоящего перед ў, появляется *у* (ср. «Белорусы», II, 1, 106): приех*у*ў Ром. VIII, 420 Городок., разгнéв*у*ўся ib., 539 Орш., упр*у*ўл*я́*им ib.

Переходною ступенью к -уў- было -оў-, т. е. появление на месте редуцированного *а* звука *о*, который приблизился к следующему за ним ў, став звуком закрытым; в некоторых местах -уў- сливается в одно *у*: zabulali Федер. II, 290 Волковыск.

Местоимение гэты, гэта, имея *э* под ударением, обыкновенно удерживает его без перемен. В свое время («Белорусы», II, 1, 202) я отметил «г*а*ты рóк», слышанный мною в Сокольском уезде; здесь могу прибавить из той же западной белорусской области: «пашла г*а*та дарóга» Ром. Мат. Гр. II, 195 Волковыск. По-видимому, и здесь *а* объясняется отсутствием ударения над *э* в связной речи, тем более, что перед твердым согласным здесь слышалось ä.

К случаям появления *а* на месте *ы* безударного («Белорусы», II, 1, 287) прибавим: паливай мой зелин сад то с*а*тою, то мядóю, Ром. VIII, 422 Городок.

Появление *о* на месте древнерусского *ъ* неслогового: мoз*о*ком прокормили Ром. III, 121 Климов. («Белорусы», II, 1, 175—176).

Редкое употребление *су* из сѫ («Белорусы», II, 1, 119): су неба Ром. VIII, 509 Черик., су воды ib. 510.

Довольно обычное явление в современном белорусском наречии представляет форма «ня бóсь» = «не бойся», «однако»: Ня бось, бярёза, | ня бось, белая Ром. VIII, 421 Город., ср. Ром. Мат. Гр. II, 196 Волковыск, ня бось, бярозка, | ня бось, матулька, | ня бось родная Зап. V, 603 Шейн. Лепп.; нябось ён гэтаго ня зробиць = однако и т. д. Быть может, отражение этого образования следует видеть и

---

[1] РФВ, т. LXXVI, 1916, стр. 136—139 (*Ред.*).

в старом западнорусском наречии: не боса дѣцє Четья 1489 г., 83 (ср. «Белорусы», II, 1, 272, 378). Как объяснить здесь исчезновение *й*? Рядом с «нябось» народная речь знает только «бойся»; очевидно в первом образовании сочетание jś без поддержки следующего гласного изменилось в śś — ś.

Усиленное произношение согласного (= долгий согласный) в белорусском наречии обыкновенно бывает в сочетании с j, который вследствие прогрессивной ассимиляции уподобляется предшествующему согласному и сливается с ним (ср. «Белорусы», II, 1, 361 sq); иногда попадаются случаи протягивания согласного, стоящего за ударяемым слогом, и помимо указанной причины: молоко... вы*льл*ила за плечи Ром. III, 46 Сенн. (несколько раз).

К примерам на прогрессивную ассимиляцию согласных («Белорусы», II, 1, 373) прибавим еще: ѣ*шч*а, госьти, ѣ*шч*а Ром. VIII, 415 Вит. (при ѣсьтя, ѣсьтя Добров. II, 360); вочан*ьня* крепкую Ром. III, 121 Климов., где уподобление по мягкости.

Получившееся из -sьj- долгое ś или śś вследствие диссимиляции перешло в -śt-: «рысь*ти*ю» в рифму «карыстю» Ром. VIII, 419 Городок. (ср. еще «Белорусы», II, 1, 457—458).

Под великорусским влиянием в некоторых говорах возможно изменение группы -śtś- в -śś-: ты пу*сьси*, татынька, ва зялёный сад Ром VIII, 333 Велиж.

К случаям, где появляется *в* из *л* и перед гласными («Белорусы», II, 1, 400) прибавим еще: лен до*в*ег (= долог) Ром. I—II, 141 Гомельск.

В «простыг» (простых) Ром. III, 28 Сенн. *г* конечно не на месте *л*, а явилось из простыгнуць; значит, здесь *л* отпало после *г*.

К редким случаям смягчения заднենебных в свистящие в формах им. п. мн. ч. («Белорусы», II, 1, 465) следует прибавить: тогды яна каа: «каду*цы* цябе бяри!» Ром. III, 35 Бых. (от «кадук» несчастье).

Несколько редких случаев словообразования: мага́йба (помогай бог) Ром. VIII, 452 Гом., у д а м о ў к у ўехать ib. 491 Бых., Майго (дитятычка) н и м а́ ш и ц ь к и ib. 540 Орш.

Удвоение предлога: *з* не *с* ким размавляти Ром. Мат. Гр., 113 Белост.

Для усиления качества слово удвоено: кругом лазьни было болото-болото (= страшное болото), мох, оржавиньня Ром. III, 44 Сенн.

Очень интересно образована форма *повелительного* мн. ч. 2-го лица от причастия на *-лъ+те*: ну, люди, п о ш л и т я (ступайте) домов, а ты, человек добрый останьсь. Ром. III, 399 Рогач. В роли повелительного 2-го лица ед. ч. употреблена форма 2-го лица изъявительного наклонения: Dwamá pałcami j e s i, bo hédak brytko Федер. III, 142 Гнезна; разганися галавой у сасну, разби галаву, дый я с и Афанасьев. Сказ. I³, 4 Новогр.

Редкие формы дат. п. ед. ч. на *-ей-* («Белорусы», II, 2, 166 и 408) встретились в следующих примерах: дай сечки каней, валэй — из Сокольского уезда Гродненской губернии (Biełarus № 10, 1915 г.,

стр. 5)[2]. Там же встретилась редкая форма род. п. ед. ч.: гавора да мае душе.

Еще несколько более или менее замечательных *синтаксических* оборотов.

Употребление слов собирательных: а тая брацьця остается яго (2 брата) Ром. III, 158 Рогач. (ср. «Белорусы», II, 3, 30).

Согласование подлежащего со сказуемым по форме и по значению: провда злизл*а* з дуба и пош*уў* ак купцу Ром. III., 322 Рогач. Озераны.

Из употребления падежей отметим *родительный* для означения цели движения, как при неопределенном на месте старинного достигательного (ср. «Белорусы», II, 3, 139): ўзяла ведры, воды пошла Ром. II, 432 Сенн., пошов я воды, а за плотом ляжиць целка iв. III, 393 Бых. К родительному восклицания («Белорусы», II, 3, 158) принадлежат такие случаи, как cĥoć czorta (= вряд ли) juon durny byu Федер. II, 42 Волков.

Для уяснения территории распространения *дательного* цели отметим: идитя двору Ром. VIII, 494 Мстисл.

Для выражения качества предмета (сказуемое) употреблено приложение-эпитет, состоящее из двух слов: прыглядáецца до молодой, але яна была — о ч и з а в е ш а н ы е. Шейн. М. II, 264 Новогр.

Несколько интересных оборотов в употреблении глагола «чуць» и в пояснении его: чую брата г о в о р ю ч и Зап. V, 262, мы ч у е м с я, што мы хлопцы дужие Ром. III, 93 Бых., казав бы ен чув гэто! (будто бы он слышал это) Ром. III, 97 Бых.

Редкие случаи употребления деепричастий (Дембов. I, 574 № 256 Могил.):

Ци ня жаль табе, матулька,
Гэткое дзицятко в з р а с ц и ў ш и,
Ды ў чужие людзи п у с ц и ў ш и...

Редкие способы выражения условных предложений:

а) в протазисе *се* = если (Ром. Мат. Гр. II, 109 Белост.);

Ой, *се* моя́ сестрá, то прашу́ я да хáты,
А *се* сивая зазулька, то ляти ў луги кавати;

б) в протазисе деепричастие (Ром. II, 209 Сенн.):

Узяўши я старую — старая не годзится...
Узяўши я старую — посцель не посцелиць...

Некоторая особенность в подчинении дополнительного предложения посредством «аде» = а гдзе: баба чуть чула, што ўбив, да не знаеть, аде Ром. VI, 143 Сенн.

---

[2] Известны мне окончания дат. п. ед. ч. на *-ой-*, *-ей*, *-юй* и из малорусской области Гродненской губернии: столóй, паницóй (паничу), конéй, сыной, медвéдюй — д. Макарки Бельского уезда (сообщение студента С. С а м о й л о в и ч а).

Ростов-на-Дону. Февраль 1916.

КУЛЬТУРНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТАРИНУ НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ ЕГО ОБЛАСТИ[1]

Если взглянуть на этнографическую карту русского народа и языка, то можно видеть, что самая западная область занята главным образом б е л о р у с а м и и отчасти м а л о р у с а м и. Соседями их с запада оказываются сначала по б. уездам Люцинскому, Режицкому и Двинскому Витебской губернии л а т ы ш и примерно до р. Зап. Двины, а затем по части Новоалександровского уезда б. Ковенской губернии, по Свенцянскому, Виленскому (верст на 40 к северу и западу от Вильны), Трокскому, Ошмянскому и Лидскому б. Виленской губернии и до г. Августова б. Сувалкской губернии — л и т о в ц ы, а далее п о л я к и. В городах и местечках везде много е в р е е в; кое-где есть островки т а т а р и очень незначительные поселения других народностей. Так обстояло дело до последней войны[2]. Приблизительно такой же состав населения и теперь, хотя с проведением новой политической границы и приняты всякие меры к разрежению русского населения в отнятых областях, что произошло отчасти и от других причин — вследствие обильных жертв войны, которая велась главным образом в пределах Западной Белоруссии, и невозможности вернуть сюда всех беженцев.

Если от современного положения дела обратимся к отдаленной старине, то картина значительно изменится. Наша Начальная Летопись, говоря о расселении славян, относительно отмеченной территории сообщает следующее (Лавр., л. 3): **такоже и ти словѣне пришедше и сѣдоша по днѣпру. и нарекошася поляне а друзии древляне зане сѣдоша в лѣсѣх а друзии сѣдоша межю припетью и двиною· и нарекошася дреговичи рѣчьки ради юже втечеть въ двину· иманемъ полота· ѿ сея прозвашася полочане...**

В другом месте (ib., л. 4), рассказывая о том, у каких русских племен были самостоятельные княжества, летописец замечаст, что дреговичи начали держать свое княженье, **а словѣни свое в новѣгородѣ**

[1] Изв. ОРЯС, т. XXIX, 1924. Л., 1925, стр. 1—22 (*Ред.*).

[2] И терминологию в названии уездов и губерний мы употребляем довоенную, так как современной за границей не знаем.

а другое на полотѣ иже полоучане ѿ нихъ же кривичи же[3] сѣдять на верхъ волги· а на верхъ двины и на верхъ днѣпра· ихже градъ есть смоленскъ.

Таким образом, территория, занятая ныне белорусским племенем, при начале русского государства была заселена следующими славянскими племенами: дреговичами, жившими между Припятью и Зап. Двиной, и кривичами, поселившимися по Зап. Двине и верховьям Днепра. Одна часть последних, жившая по р. Полоте, называлась полочанами. Соседями дреговичей с юга были древляне и бужане или волыняне, с запада литовские племена: ятвяги, голядь, зимигола и др. Каков был рубеж у них с русскими племенами, трудно сказать, но несомненно, он был значительно восточнее, чем теперь. Об этом свидетельствуют кое-где сохранившиеся до сих пор островки литовцев на белорусской территории и разные исторические, лингвистические и энтнографические соображения. Дреговичи, полоцкие и смоленские кривичи, далее за Днепром радимичи и, может быть, отчасти северяне, объединившись во время литовского владычества в рассматриваемой области в XIV в., образовали белорусскую народность[4]. Эта новая народность вошла в тесную связь с литовскими племенами сначала на военной почве, а затем и на мирной культурной. Новизны здесь не было никакой, так как еще в доисторические времена, к каким можно проникнуть на основании данных языка и материальной археологии, а также географической номенклатуры, литовско-латышские племена всегда были соседями славян, тесно соприкасаясь с ними. Они давным-давно уже делали у славян обильные словарные заимствования, еще тогда, когда русские соседи знали носовые гласные и, быть может, слоги *-or-*, *-ol-*, *-er-*, где после развилось полногласие, а также когда еще ъ и ь в середине слов существовали как гласные и не перешли в известном положении в *о* и *е*. Так было еще на общеславянской прародине, где бы последнюю ни помещать[5]; их русские славяне должны были ассимилировать или вытеснить с левых притоков бассейна Припяти, где были ятвяжские поселения, а также с верхней Березины и даже из некоторых мест, лежащих значительно дальше на востоке, куда одна часть литовцев (голядь) попала вместе с двигавшимися туда от ляхов радимичами[6].

Во время литовского владычества положение западнорусских племен, составлявших белорусскую народность, оказалось для них выгодным: они явились главным культурным ядром и основой нового государства, по имени завоевателей носившего название литовского, а по существу ставшего западнорусским. Центром новой государственной жизни явилась Вильна, которая и объединяет около себя все

---

3 Чит. «кривичи же» = *кривичи иже*, со слитием друх рядом стоящих *и*.

4 Ср. наши «Белорусы», I, 110—138.

5 Ср. А. А. Шахматов. Очерки древнейшего периода русского языка (Пгр., 1915, X, XII, XIV, XV).

6 Ср. между прочим Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени (Пг., 1919, 41—42).

политические и умственные интересы страны. Русские области, вошедшие в состав Литовского государства, потеряли свою политическую самостоятельность, но они избавились и от постоянных войн и кровопролитий, сопровождавших княжеские междоусобия. В них начинается эпоха мирного культурного развития, чему много способствовали свобода от татарской зависимости, страшным гнетом тяготевшей над восточной Русью, и человечное отношение к русским литовских князей. Необразованные литовцы, берущие верх на войне своей грубой силой, в духовном отношении окончательно подпали влиянию покоренного народа: перенимают нажитую им цивилизацию, постепенно усвайвают его язык, князья и знать женятся на русских и даже принимают православную религию[7]. Кроме фактических доказательств в пользу сказанного, о чем речь ниже, сошлемся на подлинные слова представителя литовцев-католиков Эразма Вителлия, сказанные в 1501 г. на аудиенции у папы в Риме[8]: (Lithuani) linguam propriam observant. Verum quia Rutheni medium fere ducatum incolunt, illorum loquela, dum gracilis et facilior sit, utunter communius.

Уже при Ольгерде литовское правительство находит необходимым признать русский язык официальным; за правительством следует и литовское общество. После этого не только в русских областях Литвы, но и в чисто литовских, как в гг. Шавлях, Тельшах, Поневеже и др. местах, все акты пишутся по западнорусски; документов на литовском языке от этого времени совершенно нет[9]. Вследствие этого даже до нашего времени сохранилось таких актов несколько сот тысяч. В одном только Виленском архиве описанных документов до последней войны было свыше 200 000; а сколько их осталось неописанными, сколько разбросано в частных руках! Когда началась усиленная польская агитация, приведшая к известному акту 1569 г. соединения Литовско-Русского государства с Польшей, литовское правительство предусмотрительно озаботилось оградить права русского языка законодательным актом, внеся уже во вторую редакцию Литовского Статута 1566 г. (розд. 4, арт. 1) постановление о том, чтобы все делопроизводство в судах велось на русском языке, в точном исполнении чего требовалась даже присяга. В печатном Статуте 1588 г. это место читается так: **А писаръ земъскй маетъ по рускꙋ литерами и словы рускими вси листы выписы и позвы писати а не иншим езыкомъ и словы** (л. 122). Это постановление распространялось на все литовские области и с малорусским населением. В старейших западнорусских памятниках, особенно в летописях, проглядывает и свой особый местный патриотизм, очень благожелательный к Литве и Западной Руси, в противоположность соседям с запада и востока[10].

---

7 Ср. между прочим A. Brückner. Litu-slawische Studien. I (Weimar, 1877, 5—7).

8 Theiner. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, II (Romae, 1861), 278.

9 A. Brückner. Указ. соч., 7.

10 Ср. наши «Белорусы», III, 2, стр. 103—106.

Так постепенно подпали западнорусскому влиянию литовское правительство и вообще интеллигенция. А простой литовский народ? Он, конечно, и тогда говорил на литовском языке, как говорит на нем в большинстве случаев и до сих пор, но и он не избегнул сильного русского (точнее белорусского) влияния, которое продолжается и до сих пор. Это влияние было настолько сильно, что оно проникло даже к прусским литовцам, не соприкасавшимся непосредственно с русскими [11]. Простой народ позаимствовал из русского языка (из наречий белорусского и великорусского, а в некоторых случаях даже и из общерусского языка до его распадения на говоры и наречия) массу слов, некоторые суффиксы и даже в отдельных местах — что очень редко бывает — фонетические особенности. В разных специальных трудах, посвященных этому предмету, например Карловича [12], Брюкнера [13], Геруллиса [14] и Буги [15], не говоря уже о словаре Куршата [16], приводятся длинные списки таких заимствований. Так, Брюкнер на 92-х страницах приводит до 2000 основных слов, взятых литовцами из славянских языков. Среди них около половины приходится на долю заимствований из белорусского, а в некоторых случаях — мы бы сказали — из общерусского праязыка, так как белорусские слова этого рода обыкновенно совпадают со словами других русских наречий. Из современного русского литературного языка взято немного: пришли такие заимствования больше через школу и военную службу; могли попасть народные великорусские слова и от старообрядцев, поселившихся в разных местах Литвы еще в то время, когда их впервые начали преследовать в России, а Литва входила в состав Польши. Даже некоторые из слов, в которых видят заимствование из польского, при

---

[11] В ниже отмеченной работе Геруллиса указываются, например, такие слова у прусских литовцев, проникшие к ним уже в XVI в., как pawinnas (белор. пави́нны), dastainas (дастойны), achwotnas (ахвотны), czertas (чорт), daswaliti (дазво́лиць), glotkas (глатки), hanbiti (ганбиць), pagonis (паганы), bažnýčia (бажница), spãvieda (споведзь), Velýkos (Вели́кдзень, Величко), griẽšnas (грешны) и др. Но и помимо подобных слов, зашедших больше из церковного языка, в чисто народном употреблении также имеется немало слов, взятых у белорусов, как: abrũsas (абрус), barščiai (борщ), gacpadõrius (гаспадар), kvietkà (кветка), padkavà (падкова), rasodà (расада), šiñkarka (шинкарка), svodbà (свадзьба), zoviẽskas (завеска), zũbai (значит губы, ср. зубы), kõžnas (кожны), liũbyti, mìslyti, trivóti (трывацъ) и т. п.

[12] Dr. Jan Karłowicz. O języku litewskim. Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii umiejętności. II. 1875, 135—376.

[13] A. Brückner. Litu-slav. Studien. I. Die slavischen Fremdwörter im litauischen. Weimar, 1877. Ср. также наши «Белорусы», I, 123—125, где и подобная литература предмета до 1903 г.

[14] Georg. Gerullis. Die Herkunft der slavischen Lehnwörter im Preuss. Litauischen (Indogerm. Forschungen, т. XLII, 1924, стр. 183—185).

[15] Kazimieras Buga. Die litauisch-weissrussischen Beziehungen und ihr Alter (Zeitschrift für slavische Philologie, т. I, 1924, стр. 26—55). Работа очень интересная, так как в ней определяется на основании филологических соображений и время заимствования тех или других слов. Напрасно только белорусская эпоха начинается чуть ли не с праславянской. Настоящие белорусские черты вряд ли можно видеть раньше XIII в.

[16] F. Kurschat. Litauisch-Deutsches Wörterbuch. Halle, 1885.

ближайшем рассмотрении оказываются белорусизмами или малорусизмами. В новом отечестве эти пришельцы несколько олитовились, изменив кое-где огласовку на литовский лад и приняв литовские окончания, т. е. у литовцев с ними произошло то же, что бывает и у нас с иностранными словами старого заимствования. Рассуждая о таких словах, нужно быть крайне осторожным, чтобы не усмотреть заимствования там, где только сходное происхождение слов, восходящее к основному индоевропейскому родоначальнику (ср., например, лит. avìs и осн. русск. *овьца*, где о заимствовании не может быть и речи).

Взятые в литовский язык чужие слова узнаются прежде всего по присутствию в них чуждых литовцам звуков, каковы *ch*, *f*, или малораспространенных в нем (*c* и *z*). Такие слова изредка встречаются лишь в литературном литовском языке. Обыкновенно же слав. *ch* (из основ. *s*) при заимствовании переходит в *k* например[17]: čerepákas — черепаха, dũkas, dukáunas — дух, вонь, духовный; в письменных памятниках есть и duchas, duchaunas; griẽkas, griẽšyti — бел. грэх, грэшыць (из общерус. грѣхъ, грѣшити), jukà — бел. юха (уха), kaladnikas бел. холодник (известное кушанье), kavóti — бел. ховаць (прятать), kėtėti — хотеть, kỹtras — хитрый, klápčukas бел. хлопчик, kriẽnas и krienà — хрен, kũdas — худ, kùkarka — кухарка, kuskà — бел. хустка, kvajẽ — хвоя, kvárbas — бел. хварба, kvola, kvolyti — хвала, хвалить, lapũkas — лопух, móčeka — мачеха, pãrakas — порох, skamarákas скоморох, tykà — тишина, tỹkas — тихий, и т. д.

В большинстве приведенных примеров русское происхождение их обнаруживается в полногласии, в отражении *ѣ* в виде дифтонга и подобных чертах. Звук *х* (*ch*) в такой степени не свойствен литовцам и латышам, что они с трудом научаются произносить его. В тех пограничных местностях, где сейчас уже не слышно литовской речи, а только белорусская, вследствие полной ассимиляции белорусам, но где первоначально было литовское население, в произношении нередко заменяют белорусское *х* посредством *к*: кочецця (хочется), екаць (ехать) — Видзы б. Новоал. уезд Ковенской губернии («Белорусы», II, 1, 481).

Неизвестен литовцам и звук *h*: в заимствованных у белорусов словах он обыкновенно или отсутствует (ũtaryti — гутарыць, rỹbas — грыб), или же заменяется в более древних заимствованиях посредством *g* (magýlos — могила).

На месте *f*, которое не свойственно было и славянским языкам, а появилось в заимствованных словах и лишь как вторичный звук на месте *в* перед глухим или после него в некоторых языках, — в литовском языке имеем *p*; в произношении интеллигенции можно слышать и *f*. Естественно, что в немногих заимствованиях с этим звуком имеем *p*, например:

kardùpeliei, kardùpelis, kartùpelis картофель — бел. картóпля, кардóпля;

plėčkà, plėška фляжка — бел. пля́шка;

trõpyti потрафить — бел. тра́пиць.

[17] Примеры берем больше из Брюкнера. Указ. соч.

Если в белорусском на месте *f* бывает *хв*, тогда по-литовски в заимствованных словах имеем *kv*, например:

kvar̃mas форма — бел. хворма;

kvartugas фартук — бел. хвартух.

Звуки *c* (*ц*) и *z* (*з*) в славянских языках являются большею частью на месте основных *k* и *g*, подвергшихся в более позднюю пору жизни праславянского языка смягчению; в литовском в таких случаях удерживаются основные звуки *k* и *g*; *c* и *z* им известны при совершенно других условиях (Брюкнер, 28). Поэтому в случае заимствования из славянских языков слов с *c* и *z* эти звуки у них остаются без изменения или на месте их появляются смягченные шипящие *č* и *ž*, а также другие заместители этих звуков. Таким образом мы имеем, например:

cė̃las или ciė̃las, čiė̃las — целый;

cìbūlė, cìbulis лук — бел. цыбуля;

cigõnas — цыган;

cìmbõlai (cimbalas, cimbelis) — цымбалы;

cũdas u cziũdas чудо — бел. цуд, цудо из польского cud.

Звук *č* представляют, например, слова:

čė̃nė, čė̃nis, čenus — цена;

čė̃pčus u čèpčius — чепец, чепчик.

Другие заместители *c* (*ц*) в заимствованных словах:

t: tvỹčyti учить — цвічиць (из польского cwiczyć);

s: svìklas свекла — бел. цвиклóвы бурáк, хотя здесь можно бы видеть и великор. «свекла» (= новогр. σεῦκλον).

Примеры заимствований со звуком *z*:

ãbrozas — образ;

blóznas глуп — бел. блазен (из польск. błazen);

rẽzvas, rẽzvus — резвый;

zalatõrius — золотарь, apzalãtyti — обзолотить;

zełkorius, zer̃kolas — зеркало;

zėvauti — зевать;

zokãnas, žokanas — закон;

zũbas — в связи с зуб;

zbõnas — бел. збан, збанок, великор. жбан;

zladiėjus — бел. злодзей (вор);

znõkas — знак;

zvãnas — звон.

И здесь возможно появление шипящего звука:

apmóžoti — обмазать;

ãbažas — обоз, и др.

Бывают случаи появления *s* на месте *z*: rẽsvas, snakas и др.

Уже из приведенных немногочисленных примеров заимствований можно видеть, что в литовском языке на месте русского орфографического и вообще славянского *о* обыкновенно бывает *а*, а на месте русского орфографического и вообще славянского *а* бывает *о* (закон — zokãnas), в чем отражается основное соответствие этих звуков в славянских языках и литовском (ср. старосл. овьца и мати при лит. avìs

и motě). Ввиду белорусского аканья и вообще неясности произношения безударных гласных возможны и отступления от выставленного положения; в некоторых случаях последние обусловливаются и другими причинами, о которых здесь не место распространяться (ср. Брюкнер, 38 sq.). Вот несколько случаев смешанных огласовок:

čěriãslas — чересло при бел. чэрасло́;
nabãgas, nebãgas — небогат, бел. нябага́т;
seradà u seredà — середа, бел. серада́;
katéṅka кофта — бел. кота́нка;
pančekà чулок — бел. панчо́ха (из польск. pończocha);
retavóti спасать — бел. ратава́ць.

Наш звук *ы* литовцам неизвестен; в заимствованных словах они передают его через *ui*: builỹs и buĩlis — бел. быльлё, kuilà, kuilě — древнерусск. кыла—кила, muĩlas—мыло. В словах общих литовскому и славянским языкам (не заимствованных) звуку *ы* соответствует *ū* (сынъ = sūnùs). Под влиянием народной этимологии и разных ложных аналогий и здесь возможны отступления в ту или другую стороны.

Под влиянием основного соответствия праславянского ь литовскому *i* и ъ лит. *u*, особенно в группах *ьr̥—ьl̥* при лит. *ir—il*, и *ъr̥—ъl̥* при лит. *ur—ul*, мы нередко встречаем в заимствованных словах *i* на месте ожидаемого *e* и *u* на месте ожидаемого *a*(*o*), например, в словах:

tur̃gus торг (из търгъ);
tùlkas толк (из тълкъ переводчик);
dirti драть — бел. дзе́рци;
šilkaĩ — шелк (из шьлкъ);
ridìkas — редька;
stìklas — стекло.

В виду бел. «шкло» ясно, что это слово взято еще тогда, когда оно звучало «стькло», т. е. из прарусского или праславянского языка. Несомненно, в подобных словах следует видеть более древние заимствования у русских племен, легших в основу белорусского языка, когда в них еше существовали слоги -ъл-, -ър-, -ьл- -ьр-, т. е. до конца XII в.

Праславянским сочетаниям типа tor̥t—tol̥t в словах, взятых из русского языка, правильно соответствуют, как отчасти можно было видеть из приведенных примеров, полногласные формы:

garãdai — городы;
karabas — короб;
čerepãkas — черепаха;
saladyti подслащать — бел. саладзи́ць;
saladỹnos, saladynai — бел. саладзи́ны;
kaladà — колода;
valáka — бел. волока (известная мера земли), и т. д.

Но рядом с такими формами возможны и образования в литовском духе — с *al*, *ar*, *er*, например:

karvõjas, karvõjus и karawõjas — коровай;
čer̃pė — черепок;

šálmas — древнерусск. шелом. А может быть здесь заимствование из гот. hilms, ст.-в.-нем. helm? Брюкнер, 140;

Valdimieras — древнерусск. Володимеръ, и др.

Во всех подобных образованиях Буга (указ. соч., 34—35) видит заимствования еще IX в.

Бывают и другие отличия в целых группах звуков, состоящие в приставке, вставке, или точнее в удержании основного *i*, которому в древнерусском соответствует *ь*, и пропуске звуков (iškadà — бел. шкода, krividà — кривда из кривьда, grivinà гривна, agur̃kas — бел. огурок, bũbnas бубен; в последних двух словах гласный опущен, так как в литовском последний слог налицо); подобная огласовка более соответствует фонетике литовского языка.

Что касается согласных звуков в словах, заимствованных литовцами у славян, то о *c*, *z*, *ch* и *f* мы уже говорили; из других отметим, что белорусское *г*=*h* (как мы говорили) обыкновенно передается посредством *g* (bagotyrus бел. богатырь, богач) или совсем отпадает (adynà и gadynà бел. гадзйна). Звук *б* иногда заменяется звуком *в* и наоборот (bul̃bė u bulvis бел. бульба, gnevýti u gnebyti бел. гневиць, viẽžlybas и viẽžlivas вежливый); *v* иногда и совсем выпадает (lẽkarsta и lẽkarstva); иногда чередуются *s* и *š* (sopãgas и šópagas сапоги, šviežùs свежий и др.), *ž* и *š* (rásk'ašis и ráskažys роскошь) и т. п. Есть и другие замены согласных, очень подробно рассмотренные у Брюкнера (50—61).

Что касается окончаний слов, то они обыкновенно принимают вид соответствующих категорий литовского языка; слова среднего рода, отсутствующего у литовцев, принимают окончания мужского или женского рода; неопределенное глаголов обыкновенно на *-ti*.

Из русского языка, кроме отдельных слов, позаимствованы даже некоторые суффиксы: *-ba*, *-da*, *-kis*, *-tva*, *-nyčia* и др. (Брюкнер, 160—161). Белорусское влияние простиралось даже на фонетику: у литовцев нередко можно встретить дзеканье, где *d* и *t* перед *e* и *i* заменены на белорусский лад посредством *dź* и *c*: dzievas (бог) вм. dẽvas, žalcis (змея) вм. žaltis, kašć (рыть) вм. kasti[18].

Если всмотреться в огромные списки заимствованных литовцами у русских слов, то окажется, что они касаются разных сторон народной жизни, как его духовной культуры, так и материальной. В большинстве случаев они вошли в литовский язык вместе с новыми понятиями и предметами, взятыми у русских племен, но часто они позаимствованы потому, что русские слова больше нравились литовцам, как выразился про них виленский плетат Эразм Вителлий. Последнее обстоятельство и было причиной того, что многие литовские поселения, соседние с белорусскими, постепенно обелорусились. Это явление часто происходит на наших глазах: старики говорят по-литовски и по-белорусски, а молодежь — уже только по-белорусски.

---

[18] Ср. Карлович, 315, Брюкнер, 64, Куршат, Grammatik, § 118, Вольтер. Mittheilungen d. lit. litterarischen Gesellschaft, IV, Радзюкинас. Dzuki. Wisła, XIV, 1900, 42—54.

Если от литовцев поднимемся несколько севернее — к латышам, которые также очень много слов позаимствовали из славянских языков, особенно из русского, то тут окажется несколько иное положение[19]. В древнее время латыши были под влиянием немецкой цивилизации, и их культура была общей с немецкой. Отсюда масса германизмов, зашедших в латышский язык. Но затем рано им пришлось также соприкасаться с поляками и белорусами, а потом и с великорусами. Русских они называют krìevi (чит. kriavi), т. е. кривичи. Значит, с ними они встретились еще тогда, когда не было забыто племенное название кривичей, а может быть и еще раньше, когда в этом слове на месте *i* слышался дифтонг *ei*, в эпоху праславянской жизни[20]. Из русского литературного языка много слов заимствовано в течение последнего столетия.

Взятые у русских слова и у латышей легко узнаются по их огласовке, которая здесь еще менее расходится с русской, чем в литовском языке, так как на месте славянского *а* латыши знают тоже *ā* и *ă*, изредка *ē*, особенно на месте русского *а* с предыдущей мягкостью согласного (*я*), например[21]:

ā: blāgs — бел. благи́й (слабый);
gãnit — бел. га́ниць (порицать, поносить);
grãmata книга — грамота;
kàposti — капуста:
krāsa — краска, цвет;
lāska милость — бел. ла́ска;
māni обман — бел. мань, мани́ць (лгать, обманывать);
slãbs — слабый;
svāts — сват;
trãpit — трафить, бел. трапиць.

ă: balamute болтун — бел. баламу́т;
čarka — чарка;
kalĩte кожаная сума — бел. калита́;
naimĩtis — бел. на́ймит;
pazuka — пазуха;
rabata — работа;
sažens — сажень;
slava — слава;
starâtēs — стараться;
zak̦is — заяц, зайка.

ē: žẽl — жаль;
grēda или grada — гряда;
svèts — бел. святы́й.

---

[19] Материалы о латышах берем из Брюкнера. Указ. соч., 166—197, и особенно из статьи Эндзелина. Латышские заимствования из славянских языков («Живая старина», 1899, III).

[20] Эндзелин. Указ. соч., 286.

[21] Беру больше общераспространенные слова из списков Эндзелина.

Русское *о* из основного русского *о*, *е*, *ъ* передаются через *ă*, *ŏ*, *ŭ* *ů*, например:

ă: baznîca — божница;
gatavs — готовый;
gavet — говеть;
kapeika — копейка;
kažûks и kažoks — кожух;
nazis — нож;
palags — полог, простыня;
baravīka — боровик;
bajars — боярин, дворянин;
kavat — бел. ховáць;
klapata — хлопота.

ŏ — в диалектических формах, так как в литературном латышском языке нет *о* (Эндзелин, 298):

drobuškas — бел. дробочки (крошки).
koč — бел. хочь, хоць;
obroks — оброк;
stolers — столяр.

ŭ: kur̃ts борзая собака — бел. хорт из предполагаемого хъртъ;
tuļks толмач — толк из древнерусского тълкъ;
źuļts — жёлчь из древнерусского жьлчь;

ů: rûta — рота;
pûlis — поляк.

Русский звук *е* (из основн. *е* и *ь*) передается через *ĕ* и *i* (больше на месте *ь*):

ĕ: četri — четыре;
lemesis — лемеш;
nedel'a — неделя;
pleci и pleči — плечи;
verste — верста;
vesels — веселый, здоровый, целый.

i: kristit — крестить из крьстити, бел. хрысциць;
zizlis — жезл из древнерусского жьзлъ.

Встречаются случаи и другой передачи, вполне совпадающие с произношением таких слов у белорусов, где безударное *е* (из ь) заменено другим гласным:

šavcs — бел. шавец из шьвьць;
častit — бел. часьцúць из чьстити угощать.

Звук *е* из *ѣ*, как и в литовском, передается особыми звуками: ë, ē; редко бывает здесь и ĕ (очевидно, в поздних заимствованиях, когда *ѣ* и *е* по звуку уже не различались). Примеры:

ë: dëdis старик — дед;
bëdnis — бедняк.

ē: grèks — грех;
vèsts — весть;
dẽl' — бел. дзеля (ради).

ĕ: cena — цена;
svece — свеча.

Иногда бывает на месте *ѣ* звук *i*, вероятно под влиянием северно-великорусского произношения: sinces — сенцы, сени.

Звук *ы*, как и в литовском, передается через *ui*: реже *u*, *ī* и даже *i*, например:

muita — пошлина — мыто;
lužes — лыжи;
brīle — шляпа—брыль;
čigans — цыган.

Если рассмотреть списки слов, зашедших в латышский язык из русского, помещенные у Брюкнера и Эндзелина, то таких заимствований окажется гораздо меньше, нежели в литовском языке. Это и понятно, так как латыши в течение меньшего количества времени находились под непосредственным влиянием русского языка. Наибольше заимствований из русского языка у латышей Витебской губернии, у которых сношения с белорусами были особенно продолжительны. Здесь даже согласные, стоящие перед гласными переднего ряда (*e* и *i*), как у белорусов и поляков, бывают мягки; значит, влияние русского языка распространилось даже на фонетику.

Из всего предшествующего рассуждения можно видеть, что заимствования в языке литовцев и латышей были сделаны из белорусского наречия, а не из литературного великорусского языка. Следовательно, эти заимствования происходили мирным путем, притом большую часть времени у народности, подчиненной господствующему населению. Таким образом, о «русификации» литовцев и латышей в теперешнем употреблении этого слова, в смысле известного политического акта, не может быть и речи. Здесь было мирное культурное влияние. Попытки обрусения при посредстве школы были сделаны, но по отношению к простому народу они не дали заметных результатов. С точки зрения лингвиста при новом политическом положении интересно проследить, какое теперь примут направление эти культурные завоевания русского языка у бывших наших сограждан: исчезнут ли они так же, как уничтожились и политические приобретения, или останутся без движения в таком положении, в каком находятся сейчас, или — что уже мало вероятно — эти завоевания на почве языка будут и впредь продолжаться? Конечно, в выигрыше будет та страна, откуда будет идти наука, культура, и где будет развиваться изящная литература, имеющая мировое значение.

Культурные завоевания западной части русского языка в Литовском государстве не ограничились только литовцами, они распространились и на другие народности, которые жили на территории этого государства, и не только в Белоруссии, но отчасти и в Малороссии. Имею в виду татар и евреев, и опять не тех, которые под влиянием общегосударственной школы обрусели в последнее столетие, после известных разделов Польши, а старых насельников этих мест еще во времена литовского и отчасти польского владычества.

Начнем с татар[22].

Татаре-магометане живут теперь отдельными островками в разных местах Белоруссии, например в Вильне, Минске и других городах и местечках. Появились они здесь уже с начала XIV столетия отчасти добровольно, для борьбы с крестоносцами, отчасти они составились из разных пленников крымских и др. татар. Известны свидетельства о том, что в 1319 г. в сражении с Тевтонским орденом участвовали татаре (Мухлинский, 6); в другом памятнике 1324 г. сообщается о людях, употреблявших в молитвах какой-то азиатский язык (ib., 7). При Витовте прибыло в Белоруссию 40 000 татар (ib., 10). Поселившись в Литовском государстве, они быстро обелорусились; это отчасти зависело от того, что они женились на белорусках, так как своих женщин с ними часто не было (ib., 29); основательно забыли арабский язык богослужебных книг, вследствие чего пришлось даже переводить их на белорусский, удержав, однако, знакомое им арабское письмо. Так обстояло дело в XVI—XVII вв. В XVIII в. белорусские татаре, из которых многие получили польское шляхетство, стали пользоваться, как и вообще белорусская шляхта, латино-польским письмом. В XIX в. они уже имеют коран и богослужебные книги, напечатанные на польском языке. Писанные по-белорусски арабским письмом книги (аль-Китаб) выходят из употребления, и рукописи их исчезают. Таких рукописей до нашего времени сохранилось очень немного, и на них почти никто не обращал внимания. Сообщение проф. Мухлинского в актовой речи С.-Петербургского университета 8 февраля 1857 г. о некоторых таких рукописях было основательно забыто, так что составитель Indices мусульманских рукописей, поступивших между прочим и от Мухлинского (Petropoli, 1887), бар. Розен, назвал их польскими (стр. 25 и 38: Accedit versio interlinearis *polonica*, litteris arabicis scripta). Среди белорусов было лишь предание о том, что есть какие-то белорусские книги, писанные арабскими буквами. Наконец, одна такая книга была на выставке в Минске, устроенной в 1918 г. немцами во время их оккупации[23]; в том же году в белорусском издании «Варта» (Минск, 1918), не выпущенном, однако, в свет до сих пор, помещена статья И. Луцкевича, перепечатанная затем в «Беларусском жыцьце» (1920, № 6): «Ай-Кітаб-Кіцёп»[24]. В этой статье и идет речь о рукописи, бывшей на выставке 1918 г. Рукопись принадлежала мулле Степану Палтараковичу из поселка Сорок-Татары из-под Вильны, а в настоящее время хранится в музее Луцкевича в Вильне. Относится она, по словам исследовавших ее лиц, к XVI—XVII вв. В ней рядом с арабским текстом имеется и белорусский перевод, писанный арабскими буквами.

Заинтересовавшись с лингвистической точки зрения передачей белорусской речи XVI—XVII вв. арабским письмом, я начал свои поиски

---

[22] Ср. А. О. Мухлинский. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. (СПб., 1857. Новое издание без арабских текстов. Одесса, 1902). Еще у нас в «Белорусах», I, 174—178; III, вып. 2, 239—240.

[23] Ср. «Каталог Минской областной выставки», № 158.

[24] Еще раз она перепечатана в «Зборніке Наша Ніва», 1920 (Вільня, 28—31).

в этом направлении. Благодаря содействию акад. И. Ю. Крачковского, я имел возможность более обстоятельно познакомиться с отрывком из рукописи Палтараковича, воспроизведенным в цинкографическом снимке в книге М. Горецкого: «Гісторыя беларускае літэратуры» (Вильня, 1920, стр. 41)[25]. При этом выяснилось, что подобные случаи передачи белорусской речи арабским письмом имеются в 4 рукописях библиотеки Ленинградского университета (№№ 867—869, 883), содержащих в себе сборники молитв и отрывки из корана. Подобные отрывки на белорусском, малорусском и польском языках арабскими буквами с транскрипцией их русскими буквами по рукописям XVII—XVIII вв. приложены к изданию 1857 г. речи Мухлинского. Проф. А. Н. Самойлович показал мне еще один Китаб (Кицёп) — собрание молитв на арабском и старотурецком языках, небольшую рукопись в 32°, на бумаге начала XIX столетия, принадлежащую литовскому татарину Шинкевичу. В этой рукописи объяснения к молитвам тоже на белорусском языке в арабской транскрипции. Тот же профессор видел еще в 1916 г. рукопись с мистическими стихотворениями на старотурецком языке с белорусскими толкованиями, писанными арабским шрифтом. Она принадлежала мулле Укмасу в татарской слободе у Костромы и была вывезена из Зап. края. Известно еще несколько подобных рукописей (ср. Доклады РАН, В., 1924, стр. 165).

Таким образом, ходившие среди белорусов слухи о белорусских рукописях арабским письмом оказались несомненным фактом. Обнаружилось еще одно забытое культурное завоевание русского языка в западной его области. Этот факт имеет важное и лингвистическое значение. До сих пор мы судили о звуках старого русского языка по памятникам, писанным и печатным кирилловским алфавитом, изобретенным, собственно, для передачи звуков старославянского языка, во многом отличавшегося от древнерусского. Установившаяся традиционная орфография не давала возможности точно устанавливать те перемены в звуках русского языка, какие происходили во время его многовековой жизни и притом на разных местах территории его распространения. С открытием памятников, подобных рассматриваемым нами, мы имеем возможность проверить и показания традиционной орфографии соответствующего времени.

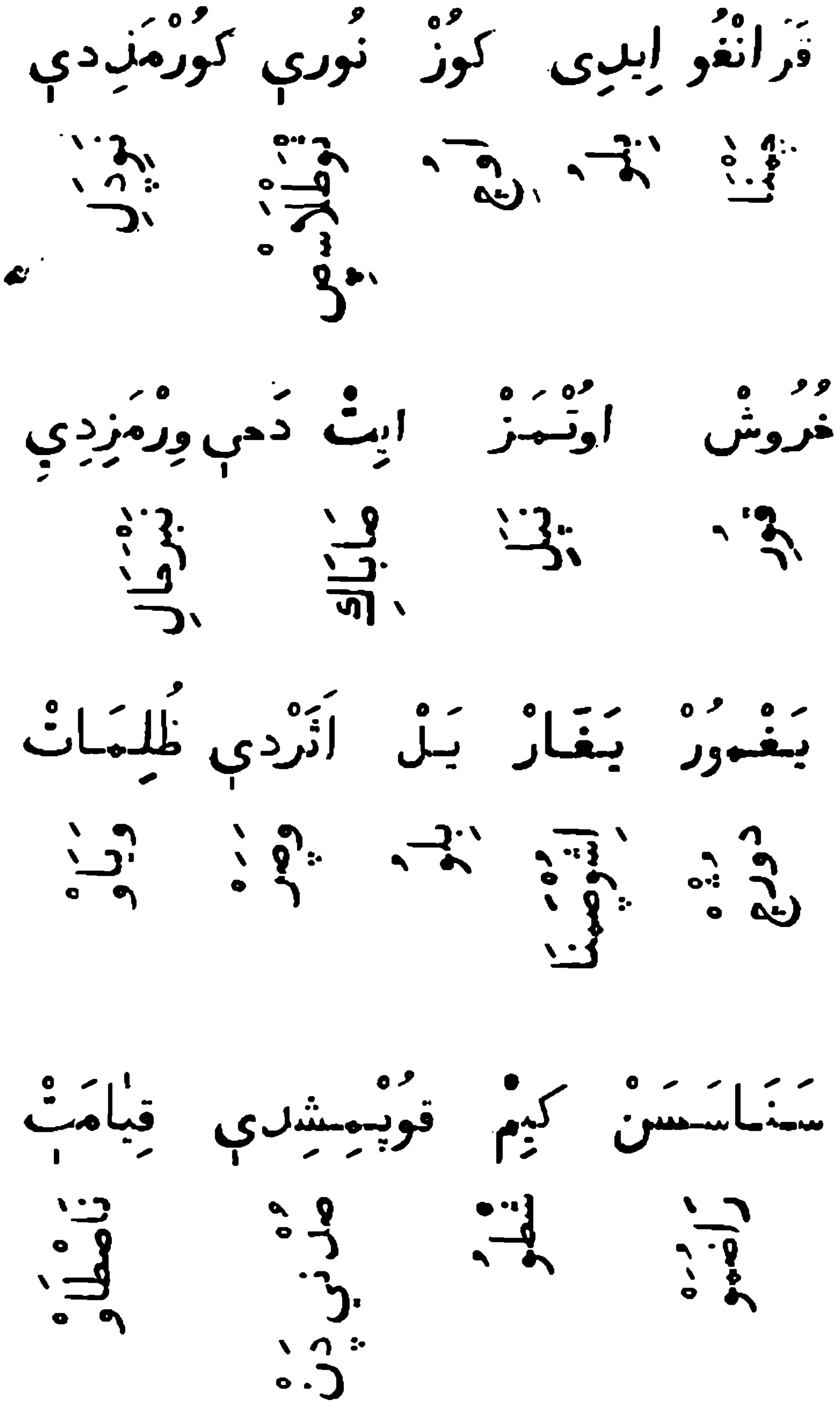
В развитие сказанного приведем несколько отрывков из названных рукописей. Рукопись Палтараковича без начала и конца. Вот отрывок из нее. Стр. 2:[26]

Вот его чтение, установленное Ив. Луцкевичем при содействии какого-то немецкого эксперта (орфография, принятая в белорусских изданиях): Цёмна было, очы сьветласьці не відзелі. Куры не пелі, со-

---

[25] Описание этого отрывка, его лингвистический анализ были даны Е. Ф. Карским еще раньше, в 1922 г., в статье «Белорусская речь арабским письмом» («Ученые Записки высшей школы г. Одессы», т. II. Сборник статей, посвященных профессору Борису Михайловичу Ляпунову. Одесса, 1922, стр. 1—2) (*Ред.*).

[26] Отрывок приводится на следующей странице (*Ред.*).

бакі не брэхалі, дошч ішоў, цёмна было, вецяр веяў. Разумеў, што судный дзень настаў.

Этот отрывок воспроизведен и у Горецкого. Вот что по поводу этого снимка сообщил мне И. Ю. Крачковский. Воспроизведенный отрывок есть часть какой-то поэмы; текст даже рифмован. Рукопись аккуратна и тщательна, с полной огласовкой. Гласные выражаются: *е* — знаком, служащим в арабском шрифте для краткого *а* или *ä*; *а* — знаком, служащим для обозначения долгого *а*; *і* и *ы* передаются одинаково; также *о* и *у* передаются одним знаком. Из согласных заслуживает внимания передача *к* через *каф* (заднеязычное *к*); *т* — через *та* с заднеязычным сближением; также и *с* — через знак, обозначающий *с* с заднеязычным сближением; *с* мягкое выражается междузубным *т* = англ. *th*; белорусское *ǯ* выражено знаком для *д* с тремя точками внизу; *ц* мягкое — через заднеязычное *с* с тремя точками внизу; *шч* = *щ* выражено через *жч*.

О передаче белорусских звуков арабскими буквами имеются некоторые указания и у Мухлинского (66, вын.), именно, что *ц* и *ц* мягкое по большей части выражается буквою *сад* с тремя точками внизу, а *дз* — буквою *даль* с тремя точками вверху.

У Мухлинского тоже напечатан «отрывок перевода Хикмэт, т. е. духовного размышления на русско-литовском (белорусском) наречии (из татарской рукописи)» — следует 19 строк набора арабско-татарским письмом (стр. 66—68) и перепись русскими буквами. Вот эта транскрипция:

Эй недужи адамски человек! астатни час прийдзе, нихто табе не да[27] помочи, як тилько[28] Бог. Колиб хоцеў уцекаць, нихто табе дороги не укажа. Да суднаго дня нихто о цебе не папытае, тилько[28] Бог. Мешкане, яко маиша[29] мець, нихто не обачиць, тилько[28] Бог. Пиць-есьць есьли хочеш, нихто не дасьць, тилько[28] Бог.

Уже приведенные отрывки дают много интересного материала для суждения о белорусском языке XVI—XVII вв., между прочим указание на сильное аканье: *е = ä — а*; на *ц* мягкое из *т* мягкого равное *т́ссс*...., с слишком протянутой второй частью этого сложного звука; на *жч* в *дощ* (дождь) и под. Если бы прочесть и исследовать все известные белорусские тексты арабским письмом, то очень может быть, нашлось бы немало весьма интересных особенностей языка, незаметных в памятниках, писанных традиционной древнерусской орфографией. Из сказанного следует и другой вывод, что так точно передавать белорусские звуки могло только лицо, которое хорошо говорило, как природный белорус, на этом языке; значит, у него даже база речи применилась к местному произношению. В той же книге Мухлинского приводятся отрывки арабскими буквами и малорусской речи по рукописи XVIII в., но там язык вообще русский с провинциализмами и незначительным количеством малорусских черт, как: смешение *у* и *в*, *хрбет*, по-видимому, со слоговым *р*, смешение предлогов *из* и *с* (*исхрбетом*), слова: *як*, протягнувши.

Если явилась надобность переводить коран и молитвы, а также другие книги на русский язык, без всякого принуждения к этому со стороны правительства, то ясно, как сильно было влияние белорусского и малорусского языков на татарское население.

Положение с евреями несколько иное[30]. Поселения их в Литве также начались давно. В половине XIV в. они были здесь уже старыми жителями, например, в Бресте Литовском, Гродне и Троках. В 1388 г. они получили от Витовта жалованную грамоту, в которой говорится, что она является подтверждением тех привилегий, которыми они пользуются издавна. Евреи сначала селились в городах и королевских имениях, а потом по имениям крупной и мелкой шляхты. Но особенно много евреев появилось из Польши после Люблинской унии, когда литовская шляхта была уравнена в правах с польской и, не спрашивая ничьего согласия, могла открывать в своих имениях торги, ярмарки и обращать селения в города. Так как для шляхтича считалось зазорным заниматься торговлей и ремеслами («Белорусы», III, вып. 2, 123), то для этой цели привлекались евреи. Число их постепенно возрастало, так что по исследованиям Бершадского в 1792 г. их было в Литве до 250 000 человек обоего пола. Потом это число все

---

[27] Чит.: «не дасьць», полонизм.

[28] Полонизм вм., «тольки».

[29] Чит.: «яко маишь мець» = какое будешь иметь.

[30] Ср. Бершадский. Литовские евреи. СПб., 1888. Л. Винер. Еврейско-немецкие слова в русских наречиях. «Живая старина», 1895, № 1.

более и более увеличивалось, так что теперь их насчитывается в Литве и Белоруссии до 3 миллионов.

По ходу своих занятий евреи, естественно, должны были стать в близкое отношение к местному населению и усваивать его язык. Однако у себя дома они говорили на том языке, на каком они говорят и теперь, т. е. на еврейско-немецком, развившемся из восточно-франконского и отчасти более южного немецкого диалекта средних веков. Русские слова в еврейской огласовке попали сюда лишь в незначительной дозе. Держаться еврейско-немецкого языка, который для окрестного населения в некотором роде был тайным, для евреев было удобно при сношении с своими единоплеменниками в Польше и Германии, странах более культурных, чем приютившая их Белоруссия и Литва. Лишь со временем, когда эти области приобщились к общерусской жизни, евреи охотно стали переходить на русскую литературную речь, которою интеллигентный класс пользуется и у себя дома. Но об этих успехах русского языка среди евреев мы не говорим. Нас интересует влияние русского языка на литовско-еврейское население в старину. Бершадский (стр. 395) полагает, что и тогда «язык, на котором говорили литовские евреи, был русский»: они писали жалобы по-русски, свои привилегии переводили на русский язык. Однако мы думаем, что все это делалось потому, что в Литовском государстве официальным языком был русский.

В последнее время однако открываются материалы, которые несомненно говорят о том, что белорусское наречие оказывало влияние и на еврейскую массу[31]. Еврейской исторической комиссией при Народном комиссариате просвещения в Минске найдена пергаменная рукопись в окрестностях м. Радошкович и Смилович; она писана в разное время в течение XVIII в. по-древнееврейски, по-еврейски и по-белорусски, но еврейскими буквами. Во всей рукописи белорусский элемент очень заметен. Названия деревьев, корешков растений и лекарственных трав везде на белорусском языке. Среди разных тайных молитв каббалы, рядом с еврейскими ангелами, встречается белорусская Мара и св. Николай. Кроме того, в рукописи есть много белорусских заговоров от разных болезней и недомоганий.

Приведем два примера заговоров в транскрипции автора статьи в «Вольном сьцяге»[32]:

а. Но сіня моры белы камінь на тэн каміне цо рызе (царица) ішла і крэвінэ ня поцікала і яворэ белыя завіро і крэвінэ.

б. Прышла шуда да таго чалавекі (название имени по-древнееврейски) ці ад хваробы ці ад палахані ці ад паддымані ці ад парыване ці ад чараваньне заказуе я табе бозкім імям што небо і земля ізтварыл каб ты на месцы пашла гідзе тэбе пан бог ізтварыл да пупа не да галавы не да сэрцу не да боку не дынай і выступай із тых месца гэдзе табе не налезе божым імям омэйн (по-древнееврейски) навекі.

---

[31] Ср. З. Бядуля. Рукапіс чарнокніжніка XVIII веку. «Вольны сьцяг», 1921 (Менск), № 5, стр. 33—35.

[32] Передача белорусских звуков, по-видимому, далека от точности.

ДВА ЯВЛЕНИЯ В ФОНЕТИКЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА[1]

I. ЗАМЕНА *ж* НА *γ* И *į*

В III томе работы П. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края» встречается описание свадебного обряда в д. Дзяковичи Мозырского уезда. Особенностью этого описания, относящегося к району безусловно белорусскому с единственной диалектальной чертой района Припяти — сильной лабиализацией *ы* после губных звуков (*здорову* вместо *здоровы*, *му* вместо *мы*, *попутаць* вместо *попытаць* и т. д.), является употребление форм *уге*, *каге* вместо *уже*, *каже* «он говорит», то есть *г*, равнозначного *γ*, вместо *ж* например[2]:

> Да ўходзь, пані матко, з свечамі,
> *Уге* твое дзіцятко звенчана...
> Едзь, едзь́, Нікіпорко, не дляйса,
> Бо *уге* мой бацюхна прыбраўса...
> Да ходзі, дзіцятко, спаць!
> *Уге* твоі сватовье ў поле...
> *Уге* моі рушнічкі готову...
> Попутáла Гапка: ці *уге* свет...
> Ўстань, невехно, устань, небож!
> Да *ўге*, в людзей товкуць і мелюць...
> ...берé в рукі чарку і *каге* молодой...
> Староста *каге* свату...
> бóльшый дружок *каге*...[3].

Во всех указанных случаях *г* = *γ* вместо *ж* стоит перед *е*. Какова могла быть причина подобной замены? Ответить на этот вопрос трудно, тем более, что такая замена проявляется лишь в двух словах *уге* и *каге*. Я думаю, что в деревне Дзяковичи в указанных случаях произносят

---

[1] Оригинал на французском языке («Deux points de phonétique blanc-russe») напечатан в журнале «Revue des Études slaves», т. VII, кн. 1—2, 1927, стр. 22—26. Перевод с французского А. С. Желябина (*Ред.*).

[2] Употреблена орфография, принятая в Белоруссии. См. П. Шейн, указ. соч., стр. 400, 401, 402. Все случаи подчеркнуты самим Шейном.

[3] П. Шейн. Указ. соч., стр. 404, 411, 422 и 423.

не *γ* звонкое, а звук, близкий к *j*. Еще в древнерусском языке *ж*, в некоторых случаях, могло переходить в *ḷ*: так современная форма *Логойск* соответствует древней *Логожескъ* (из *Логожьскъ*), упомянутой в грамоте 1387 г. Перед нами явление замены средненебного звука другим, близким ему звуком. При некоторых условиях в белорусском языке указанные звуки могли исчезать: *лядзі*, *ча ж* (=чаγо ж), с одной стороны, и *мо* (=мо́е — мо́же), *ску* (=скаў — скажу́), *кае* (=каже), с другой[4].

Звук *γ* появляется иногда также вместо вторичного *ж*, происшедшего из *з* в результате диссимиляции: *прыягджай*, Минск (Материалы для изучения белорусских говоров, № 12), *budzie jehdziu̯* Волковыск (Federowski, Lud białoruski na Rusi litewskiej, I, стр. 15), *pryjehdżajuć* (там же, стр. 39), *jehdźić* (там же, стр. 197), *pryjehdżai̯e* Новогрудок (Klich, Teksty białoruskie z powiatu Nowogródzkiego, стр. 10), *jehdźić* (там же, стр. 17).

Приведенный факт является фактом другого порядка, но он также показывает возможность чередования звуков *ж* и *г* (*γ*) в белорусском языке.

II. НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ ЛАБИАЛИЗАЦИИ ГЛАСНЫХ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Речь идет здесь о явлении, возникшем сравнительно недавно и формирующемся в различных районах, так сказать, на наших глазах. Причины этого явления — чисто физиологические. Лабиализованными гласными являются *а*, *о*, *у*.

Еще в 1895 г, (РФВ, XXXIV) я имел случай наблюдать в центральной части Белоруссии к западу от Минска явление, показавшееся мне на первый взгляд довольно странным: переход ударного *а* в *о́* перед *ў*. Это *а* может восходить к *а* или *ę* общеславянского языка, тогда как *ў* соответствует древним *в* или *л*: *тро́ўка*, *зо́ўтра*, *доў*, *ўзе́ўся* и т. д. В некоторых редких случаях неударное *а* перед *ў* претерпевает то же изменение: *vŷtryvou̯*, *zarádavou̯śo*, *paklíkou̯*, *pavéḷou̯* и т. д.[5]

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, что переход *а* в *о* перед *ў* — явление, возникшее недавно: оно должно было появиться после того, как *'а*, происходящее от *ę*, отождествилось со всеми другими *а*, и после того, как *в* и *л* в конечном закрытом слоге перешли в звук *ў*. Судя по древним текстам, эти изменения возникли не ранее XIV в. Однако в текстах не содержится никакого указания на причину такой лабиализации *а*. Не находим следов таких указаний и в старых записях народных песен. Интересно отметить, что в 1884 г., когда я писал свою работу «Обзор звуков и форм белорусской речи», я еще не наблюдал данного явления, хотя и имел случай посетить

---

[4] Ср. мою работу «Белорусы», II, 2, стр. 133.

[5] «Белорусы», II, 1, стр. 84—85.

некоторые из районов, говорам которых в настоящее время свойственна лабиализация *а*. Мало того, в годы моего учения в средней школе я постоянно общался с товарищами, которые были уроженцами указанного района и от которых я узнал о многих особенностях их говора, однако и у них я никогда не замечал перехода *а* в *о* перед *ў*. Только в 1919 г., когда я почти целый год жил в Минске, я имел возможность часто наблюдать эту черту у крестьян пригородных мест. Таким образом речь идет об особенности, развившейся, как мы полагаем, на наших глазах в течение второй половины XIX в.

В августе 1926 г., в связи с научной командировкой в Польшу, я провел некоторое время в д. Миратичи Новогрудского уезда, и там меня удивило то, что в говоре крестьян я обнаружил сильную лабиализацию ударного *а*. Лабиализация была столь сильна, что сближала лабиализованное *å*/'*å* с *у*/'*у*, например: *пытýўса ў мáнā* (пытаўся) «он спрашивал», *ўзýў* вместо *ўзáў* «он взял». Очевидно, что в данном случае мы имеем дело лишь со следующим этапом того же явления. Указанный факт представляется тем более странным, что в этом районе сохранило все свои права произношение *а* (акание), приводящее к появлению *а* не только вместо неударного *о*, но и вместо *е*. Можно предположить, что язык при определенных условиях, а именно в тех случаях, когда *а*/'*а* стоит перед неслоговым *ў* и иногда даже перед *в*, развил в противовес сильному аканью переход ударного *а* в *о*/*у*. Таким образом, очевидно, что переход *а* в *о*, затем в *у* представляет в действительности ступени одного и того же явления.

Это заключение подтверждается тем фактом, что почти в том же районе также общеславянское *о*, находясь перед *ў*, *в* и, по аналогии, перед всяким другим губным звуком, способно перейти в *у*: *волуў*, Слуцк (Шейн, Указ. соч., I, стр. 27), *домуў* (ibid. стр. 18, 280), *рувня*, Гродно, *ruuny*, Дворец (Federowski, I, стр. 207), *ab uusiòm*, Молчадь (Federowski, III, стр. 111), *rasparóu*, zaróu, kamaróu, załatóuka, Слоним (Materyały i prace komisyi językowej, I, стр. 219), *karú*[u]*kam*, Сенежичи (Klich, стр. 150) и т. д.

Вообще перед губными звуками: *ў чистум поли*, Слоним (Шейн. Указ. соч., I, стр. 61), *на круцéнькум бярашку*, Игуменский уезд, *об гэ́тум*, ibid., *у пéрвум*, Бобруйский уезд, *на гэ́тум свеці*, Гродно, *pòtum* «после», Свислочь (Federowski, II, стр. 18) и т. д. Очень вероятно, что в перечисленных случаях переходу *о* в *у* способствовал также закрытый характер слога, который в некоторых говорах определяет дифтонгизацию ударного гласного. Тот факт, что в тех же говорах *у* из основного *о* встречается также перед į, по-видимому, также подтверждает наше замечание о закрытом характере слога; действительно: *грушкуй — сивушкуй*, Рогачев (Романов, Белорусский сборник, V, стр. 78), *каждуй*, Игуменский уезд, *у гэтуй*, Гродно, *туй гары*, Слуцк (Малевич, «Белорусские народные песни», Сб. ОРЯС, LXXXII, стр. 20), [u]*vélikuį daróźe* (Klich, стр. 148), и т. д. Число случаев замены *о* на *у* увеличивается, если учесть аналогичные образования, которые имеют праславянское *у*. Таковы например, глаголь-

ные формы с основой на *-ува-* вместо *-ова-*, где *у* относится к основе настоящего времени: *дарувала*, Леппель (Шейн, «Белорусские песни», стр. 215), *кувáлі*, Чаусы (Шейн, указ. соч., I, стр. 44), *кувáць* (Словник Байкова и Некрашевича), *скувáв*, Горки (Романов, Белорусский сборник, VI стр. 45), *куштувáць*, *пустувáць*, *дзівувáцца*, Могилев («Материалы для изучения белорусских говоров», № 4).

Вообще необходимо отметить, что в этом случае также появление *у* происходит не только от сильной лабиализации *о*, но и от некоторой тенденции языка избегать чрезмерного аканья.

Но крайнего своего выражения лабиализация находит в замене *ы* на *у* после губных звуков в говорах Речицкого и Мозырского уездов[6]: *му* (мы), *бук* (бык), *бýйстрый*, *путáць* (пытаць «спрашивать»), *вýпійшы*, *вóйтову сын*, *пуль* (пыль) и т. д. Тут и там на юге и в других районах можно наблюдать то же явление, но лишь в отдельных случаях: *вýшей*, Слуцк (Шейн, указ. соч., I, стр. 40), *zabúųśo*, Новогрудок (Klich, стр. 84, под влиянием «забуду»?) *vuprahaį* (ibid, стр. 10), *vuxodźić*, Волковыск (Federowski, II, стр. 346). Несомненно, что в указанных случаях основное *ы*, очевидно, не являясь в данных говорах гласным чисто среднего ряда, а скорее приближаясь к гласным заднего ряда (как во времена, когда это *ы* могло еще сочетаться с задненебными согласными), под влиянием соседних губных звуков перешло в задний ряд и отождествилось с *у*.

---

[6] «Белорусы», II, 1, стр. 282—284.

Ленинград, март 1927.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА [1]

1. ЧАСТИЦЫ *ći* И *ču* [2]

Для выражения вопроса в настоящее время большая часть белорусов пользуется в числе других способов и частицей *ći* (*ці*); она же употребляется и в предложениях разделительных (*ці — ці*). Частица эта встречается во всей белорусской области (ср. мои «Белорусы», II, 2, стр. 106; 3, стр. 209—210, 248). Она является столь характерной чертой белорусской речи, что в пограничных с великорусами местностях белорусов, даже ассимилировавшихся с ними, отличают по «тиканью». Рядом с *ći* можно слышать и *ču* (*чы*), известное малорусам, полякам, чехам в старину и некоторым другим славянам. Примеры на *ці* в независимых вопросительных предложениях: *ці ня чорт цябé нёс на дырáвый мост* Зап. V, 559 Леппельск. у., *дзéўка, дзéўчына, ці хóчэш за мянé зáмуж іцьці* ib. 702 Бых., *ці ня дýдка мая̂ весялýшка былá* — общебелор. *ті бýдаш мíнé, котóк, за ходя̂іна* Шейн. Мат. II, 3 Гом., *ці боля̂ць ім зýбы?* ib. 541 Витеб., *ці ў цябé рóду — плямя нямá?* Ром. III, 59 Сенн., *ці бáцька вýчыць кéпскаму?* Мат. Б. № 8 Игум., 11 Новоал., *ці ты гэ́тoго не бáчыў* ib. 10 Мозыр., *ці ня вíдзіў, ці ні бáчыў, хто мой хвартýх паскулáчыў* Никиф. Част. 19; в зависимых вопросительных предложениях: *і чувóм чувáць і вiдóм вiдáць — ці сам бел мóладзец на яжжáя* Ром. IV, 50 Черик., *обсматрíця, ці жы́вы яны́ ёсь* Ром. VI, 312 Городок., *пыстáюцца, ці не бáчылі ены́ коней* Сержп. 6 Моз.

---

[1] «Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski», volumen II. Cracoviae, 1928, стр. 291—296. Отдельный оттиск — 1927 г. (*Ред.*).

[2] Пользуюсь в примерах из живой белорусской речи современной белорусской орфографией. Сокращения:

Зап. — Записки Географического общества по отд. этнографии.

Ляцк. — Ляцкий. Белорусские пословицы.

Мат. Б. — Материалы для изучения белорусских говоров. Изд. А. К.

Никиф. — Никифоровский. Частушки.

Ром. — Романов. Белорусский сборник.

Сержп. — Сержпутовский. Сказки и рассказы полещуков.

Шейн. Мат. — Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края.

в предложениях с двухчленным вопросом, разделительных: *лучшеб я ці утапіўся, ці удавіўся, чым я з табой ажаніўся* Зап. V, 711 Сураж. (Велиж.), *ці тя ж прішоў бітца, ці міріітца?* Ром. III, 82, *што я вокунь якій нéбудзь, ці што* Шейн. Мат. II. 391 Борис. и т. д.

Частица *ći* (*ці*) в смысле 'разве', 'ли', 'или' известна только новому белорусскому языку. По дошедшим до нас памятникам она может быть прослежена лишь с половины XVIII в. Так в рукописи Г. Публ. б. Q. XVII, № 103 в одной из школьных смоленских комедий читаем: *охъци мне, ци ведает то ета моя баба* («Белорусы», III, 2, 235), *ци ни пападзетца чаго гуляючи* (ib.), *ци быв ты хуть раз в усповедзи?* (ib., 236); в Комедии К. Морашевского 1787 г.: *ci nie znaisz* (ib. 231). В другой синтаксической роли та же частица встречается в сложных выражениях уже с 1642 г. (печатная сатира: «Белорусы», III, 2, стр. 213): *ochci mnie, nietucie*; то же в рукописной интермедии второй половины XVII в. (*ochci, ochcia mnie*, где — *'a* из — *'e* в форме дательного, образованной вторично. «Белорусы», III, 2, 219) и др. памятниках.

Эта частица (*ći*) *ці*, несомненно, тождественна с тем *ti* (*ти*), которое известно в разном употреблении древнерусским памятникам вообще (ср. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, III, 956—957), например, в роли соединительного и разделительного союза: *не мошьно быти сеи ти онои работѣ сълучитися* Сборн. Святослава 1073 г., *внидохом в городъ, толко Семцю яша одиного живого ти смердъ нѣколико* Поучение Влад. Мономаха, *не имыи у себе ничьсоже, развѣ одежа ти мало хлеба* Нестора Житие Феодосия; для указания и усиления: *не кленитеся...*, *нѣту бо ти нужа никоеяже* Поуч. Влад. Мономаха, *а мои ти куряне свѣдоми къмети* Слово о Полку Игореве, *Олегъ же... укори кудесника, рекл: то ть не право молвять волъсві* Ипатьев. л. *Ти* известно и древнему церковнослав. языку в подобном же значении и восходит к энклитической форме дательного падежа от *ты* — *ти* из основного **toį*.

Ничего общего с теперешним белорусским *ці* (*ći*) и древнерусским *ти* не имеет то *ци*, которое встречается нередко в древнерусских памятниках не западнорусского происхождения, начиная с XIV в. (И. Срезневский. Материалы..., III, 1439—1441) и имеет такое же значение, как и белорусское *ці* (*ći*), напр.: *Святополкъ про волость же ци не уби Бориса и Глѣба?* Лавр. л., *ци самъ есмъ сѣлъ Кыевѣ?* ib., *мы есмы ци не князи же* ib., *мнѣ ли бы послати к тебѣ достоино, ци ли тобѣ ко мнѣ* письмо Вл. Мономаха, *постерегите матери моеи и дѣтокъ моихъ, цы кто иметъ обидити* грамота 1396 г. и т. д. Во всех приведенных случаях *ци* конечно обозначает *цы* (*су*). В древнейшую пору, например, в письме Влад. Мономаха, оно могло обозначать и *ці* (*ći*), но писец Лаврентьевского списка летописи 1377 г. суздалец, сохранивший его, мог произносить здесь *с* только твердо, так как в это время в русском языке это *с*, как и всякое другое *с* из основного *к*, уже отвердело. Ввиду этого обстоятельства следует думать, что и происхождение в приведенных примерах *ци* = *цы* иное, не как в белорусском языке. Оно предполагает основное **q^u^oį* ср. греч. ποί, также имеющее значение

вопросительной частицы. Очень может быть, что и старинное *ти*, давшее в белорусском *ці* (*ći*), стало употребляться в смысле вопросительной частицы отчасти под влиянием этого древнерусского *ци* = *цы*.

Другая белорусская вопросительная частица *чы* (*čy*), имеющая широкое распространение и у малорусов, а также, как уже указано, и у некоторых других славян, известна и древнерусскому языку, например (И. Срезневский. Материалы..., III, 1516—1517): *а вы попове, будуче, оже въсхощете служити коли, тъ чи на много днiи отлучаетеся отъ пападiи своихъ?* Ил. Новг. поуч., *чи не бываетъ вражда княземъ* Сузд. л., *и рѣхъ: чи не радуюся азъ прити къ господину вашему* Пролог XIII в.; *ино чи не боишся ты, смерде* грам. Вит. 1389 г., *а чи диво ся, братiе, стару помолодити?* Слово о полку Иг., *чили въспѣти было, вѣщiи Бояне* ib. и т. д. Знают *чи* и старые белорусские памятники, напр. («Белорусы», II, 3, стр. 210): *чи ты от учновъ* (чит. *učňov*) его еси Сб. XV в. Публ. б. № 391, *чи ли я естомъ пане* Ев. Тяпинского 1580 г., *и чи мертвыми ж вчиниш чюда... и чи выславить кто* Псалт. XVI в. (в польск. оригинале *izaž*), *чи нимашъ жены* Библ. кн. XVII в. Толст. № 158, *сама земля добра чи зла* ib., *чи мудрость не вопиеть* Скор. XVI в. Из теперешней живой народной речи (в литературной белорусской его избегают) можно привести примеры на *чи*—*чы* из разных мест: *чы ад кабылы цялё радзилася?* Ляцк. Посл. 58 Борис., *чы ня видзяў ты мидзвидзя?* Мат. Б. № 6 Дисн., *Ничипоре, чи ты чуў...* Мат. Б. и М. № 9 Пружан.; ср. еще Мат. Б. № 4 Могил., 8 Игум., 11 Новоал., 23 Минск. и др.

По происхождению своему *чи* близко к редкому в древнерусском языке *ци* = *цы*. Оно ставится в связь (E. Berneker. E. W.) с вопросительным местоимением *чь*(*-то*) из $*q^{u}i$, именно *чи* = *quī*; его можно видеть в таких формах, как *чи́мь*.

2. БЕЛОРУССКОЕ *SERCE*

Известная праславянская группа *$*t\underset{\circ}{ь}\underset{\circ}{r}t$* на почве прарусского языка дала сначала замену *tьrt* (в древнейшую пору до XII в.), а затем *tert*, легшее в основу огласовки заместителей плавноглухих сочетаний в соответствующих образованиях у всех русских наречий. В соответствие греч. καρδία, лат. *cor* — *cordis*, лит. *širdìs*, старославянскому *сьрдьце* в древнерусском имеем *сьрдьце* и даже иногда *сърьдьце* (Ев. Публ. б. F., л. 36, взято из Лекций Соболевского), а затем *сердьце*. Из этого последнего во всех говорах великорусского наречия после утраты гласности слабого *ь* и умягчения *с* перед *е* из *ь* получилось с выпадением *д* — *śérce*. Что касается белорусского языка, то в нем, как и в великорусском, ожидали бы *śérce*, но на самом деле имеет *sérce*, и притом во всей белорусской области *sérca* — юго-западные говоры и северо-восточные (на -ще сэрьца Никифоровский. Мат. Б., № 18, Витеб.), за исключением разве пограничных с великорусами окраин. В других подобных случаях, не говоря уже о таких сочетаниях, как *śmerć*, имеем *śerp*, *śarpok* с мягким *ś*. У Скорины II, 55

встречаем *серъдце* (где *ъ* лишь орфографический прием, не обозначающий звука), относительно которого трудно сказать, какое было *с*, так как у Скорины еще нет знака *э*, но в Познан. сб. XVI в., 223 уже ясно читаем *сэрцэмъ*. Очевидно, что в XVI в. белорусы (может быть не все) уже произносили, как и теперь, *serce*.

Как объяснить твердое произношение *с* (*s*) в этом слове? Сами собой напрашиваются два предположения: твердое произношение *s* в этом слове могло быть заимствовано у соседей поляков или малорусов, либо представляет из себя фонетический переход на белорусской почве *ś* мягкого в *s* твердое, развившийся по какой-то причине. Если примем во внимание, что *serce* известно на севере и на востоке белорусской территории, то вряд ли может быть речь о заимствовании твердого произношения *с* (*s*) в этом слове у южных и западных соседей белорусов, тем более, что и у поляков, по наблюдению проф. Яна Розвадовского (Encyklopedya Polska, II, 405), *serce* встречается только в 1-й половине XV в., хотя *sierce* рядом с ним употреблялось в течение всего этого столетия. Кроме того, и заимствование только произношения в общеизвестном слове, обозначающем вещественное понятие, было бы не совсем обычным делом. Поэтому приходится искать объяснения фонетического. Если сопоставить белорусское *serce* с такими словами, в которых начальный слог сходного состава, например *śerp*, *śarǥity* с мягким *ś*, то окажется, что не мешали мягкости *ś* ни прарусское *-ьč-*, ни следующие за ним губные и переднеязычные согласные. Ясно, что причина отвердения *s* в *serce* заключалась в другом, именно во влиянии звука *с* из *к* соседнего слога, вторично отвердевшего в великорусских и белорусских говорах еще в XIV в. К этому вела в белорусском и твердость *р*. Таким образом, во всем слове *serce* оказались только твердые согласные.

3. ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕД. Ч. НА *-eį* У СЛОВ МУЖСКОГО РОДА, ТИПА *ǥakéį*, *báčkeį*

Дательный падеж у слов мужского рода с основами *-o/-įo* в белорусском обыкновенно оканчивается на *u* с предыдущей твердостью или мягкостью согласного: *сталý*, *бáцюшку*, *каню́*. Но в старых памятниках, начиная с самых древних и до конца существования западнорусской письменности, вероятно, не без поддержки соседних малорусских говоров и польского языка, встречаются в этом падеже заимствованные у основ на *-й* окончания *-ovi/-evi -ови/-еви*, например, ***купцѣви*** грам. 1330 г., ***войтови*** 1432, ***волкови*** Сб. XV в. Публ. б. № 391, ***королеви*** Позн. сб. XVI в., *Данилови*, *лекареви* Скор. XVI в. Д., Ср., *ку вечорови* Библ. кн. XVII в. Толст. № 158 и т. п. Живая белорусская речь, вообще говоря, не знает этого окончания; однако на крайнем западе по соседству с польскими говорами и на юге по соседству с малорусскими и это окончание небезызвестно. В Сокольском уезде, можно слышать: *žabrakévi*, *žarabcévi*. в Гродненском — *końevi*, *jáśevi*, в Речицком и Слуцком — *báčkovi*, *kozakóvi* и под. (ср. «Белорусы», II, 2, стр. 165—166).

Рядом с указанными окончаниями возле Гродна нам удалось наблюдать в свое время довольно странные образования форм дательного падежа: *дзякéй*, *мужыкéй*, *бáцькей* (Мат. Б. №№ 12, 19). Эти окончания присвоены лишь названиям одушевленных предметов, которые в отмеченных местностях обыкновенно оканчиваются на *-еви*, при том если это будут слова даже твердого различия (основа на *-о*): *жабракéви*, *парсючкéви* и под., не говоря уже о словах с окончаниями отвердевшими впоследствии вторично, как *жарабцэ́ви*. Это обстоятельство естественно побуждает поставить в связь *-ei̯* и *-ev́i* (из *-eu̯i*). В свое время («Белорусы», II, 2, стр. 166) я сделал это, но недостаточно уверенно; последующие мои поиски подтвердили мое предположение. Так оказалось, что в витовском и рогозенском говорах чешского языка на месте *-ovi* встречается и *-oj*: *dej žebrákoj chlęba* (ср. J. Hošek. O poměru jazyka pisní národních k místnímu nářeči. Rozpravy Č. A. Ročnik VI, tř., III, č. 4, стр. 13). Подобное же явление наблюдается в некоторых македонских говорах, где *-ovi* может переходить в *-oi̯* (ср. A. Mazon. Contes slaves de la Macédoine sud-occidental. Paris, 1923, стр. 31, 36). Правда, здесь имеются в виду не формы дат. п., которые в ед. ч. в болгарском языке вообще утратили падежное окончание, а формы им. п. мн. ч., имеющие подобное окончание из более древнего *-ove* (*sinoi̯*, *klučoi̯*, *topoi̯*, *stoloi̯* и т. д.). Для объяснения рассматриваемого явления имеем некоторые аналогии и в польских говорах (ср. Encyklopedya Polska, III, 296, статья К. Нича). Здесь видим случаи замены *-ov́i* на *-ev́i* (*vołev́i*, *χłopakev́i* и даже *χłopaḱev́i*) и переход *v́* в *i̯* (*kuńei̯i*, *vołei̯i*, *kotei̯i*). Формы на *-oi̯u* при *-ovu* и *-ei̯u* при *-ev^u^u* отмечаются и в кашубском языке Ф. Лорентцем (Geschichte der Pomoranischen [Kaschubischen] Sprache. Berlin, 1925, стр. 146).

Таким образом, мы имеем достаточно аналогий перехода мягкого *v́* из *u̯* в *i̯*. Подобный же переход придется предположить и в гродненском говоре белорусского языка в форме дат. п. на *-ev́i*: из последнего окончания получилось *-ei̯i*, а далее, после отпадения конечного *i̯*, осталось *-ei̯*. Причиной, вызвавшей утрату конечного безударного *i̯*, было стремление языка провести во всем единственном числе односложные окончания.

Ленинград. Февраль 1927.

НОВЫЕ КНИГИ ПО БЕЛОРУСОВЕДЕНИЮ [1]

П. А. Расторгуев. Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии (Минск, 1927).

Речь идет о языке уездов Новозыбковского, отчасти Мглинского, Стародубского и Суражского, когда-то входивших в Черниговскую губернию. Население этих мест белорусское и в языке имеет черты, свойственные как северо-восточным, так отчасти и юго-западным белорусским говорам. Есть и свои собственные особенности. Кое в чем заметно и соседство южновеликорусских говоров. Аканье указанным местам в настоящее время свойственно диссимилятивное, однако в местностях более глухих, отдаленных от городов, слышится обыкновенное аканье. Можно думать, что последнее здесь древнее. Вообще в отношении аканья эти говоры ничего особенно оригинального не представляют. Следует разве отметить, что в особенно слабых безударных слогах (после ударяемых) не редкость довольно явственное *е* (вы́езьдзиў, вы́глядзела). На месте древнерусского *ѣ* в открытом окончании без ударения обыкновенно *и* (ў доми, ў жыци), под ударением *е* (на стале́, на дузе́), как обыкновенно и в других местах. Не представляют какого-либо отступления сохранившиеся отражения старинных окончаний мягкого различия, как на нажы́, на канцы́. «На топарэ» (стр. 6) попало сюда по недоразумению.

Правильно наблюдение о непереходе *е́* в *о́* (ё) перед ж, ч, ш, р; ожидается только указание причин этого явления. Малорусское влияние — в появлении *и* на месте *ы* после губных: *ми*, *ви*, *бик*, вис*о́*ка, м*и́*ла (мыло), любап*и́*тна. Другие особенности в области гласных замечаний не вызывают.

В области согласных обращает на себя внимание сохранение звонких согласных на конце слов, что наблюдается и в других белорусских говорах, соседящих с малорусскими. Влияние малорусского языка сказывается и в том, что *р* становится твердым только перед *е* и *и*, сохраняя свою старинную мягкость во всех других случаях. В Стародубском уезде уже общебелорусская твердость *р*. Дзеканье и цеканье в произношении молодого поколения заметно ослабевает, в чем, конечно, следует видеть влияние великорусской школы и интеллигентной речи. Понемногу проникает и мягкое *ч* — сначала в городскую речь. Под великорусским влиянием, с одной стороны, а с другой — вследствие действия аналогии постепенно вытесняется переходное смягчение задненебных в положении перед заместителями старинного *ѣ* из oį. Кое-где замечается появление среднего l, что автор рассматриваемой работы обозначает посредством *ль* (по́льна, вально́ю). Любопытно отвердение *с* в некоторых отдельных словах, больше взятых из церковнославянского языка, известное и многим другим белорусским говорам: милосэрдны,

[1] Известия по русскому языку и словесности, 1928, т. I, книга 1. Л., 1928, стр. 325—331 (*Ред.*)

воскрясэньня, спасэньня и под. Остальные явления в области согласных распространены и в других местах Белоруссии.

Склонения имен – как и в других местах Белоруссии. Непонятно примечание (стр. 13) относительно *нос*, в котором «во всех косвенных падежах ед. ч. *о* сохраняется»: иначе ведь в белорусском и быть не может, так как здесь *о* основное, а не из ъ.

Из местных черт обращает на себя внимание окончание твор. п. мн. ч. на *-амы* (агнямы, дзеўкамы, касьцямы и под.). То же наблюдается и у имен прилагательных (дубовымы) и даже *-амы* (чернамы).

Из форм спряжения разве отметим повелительные: *пи*, *би*, *ли* — со стянутым окончанием. Великорусское влияние сказывается в отсутствии смягчения задненебных (бяги, пяки, бягиця, пякиця и под.).

Любопытны вторичные формы ясиш (edis), дасиш (dabis), яськё и ясицё (editis).

Для сравнения приводятся некоторые особенности говоров Гомельского и Рогачевского уездов. Между прочим отмечается 3-е лицо ед. и мн. ч. настоящего времени на *-ти* (хай нас разбярути, ён стаити, хтось крычыти, яны говорути).

В Гомельском уезде также отмечается *ми*, *ви* вм. *мы*, *вы* (вичисать, мити, помити и под.).

В заключение следует высказать пожелание, чтобы и другие белорусские говоры были пересмотрены, подобно гомельским, так как до сих пор мы довольствовались только сведениями, собранными лет 50 тому назад и более.

Его же. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Ленинград, 1927. 8°. 224 + 1 карта.

В близкой связи с рассмотренной работой находится и диссертация того же автора, заглавие которой приведено. Она посвящена всестороннему исследованию тех белорусских говоров, которые слышатся в северных уездах б. Черниговской губернии, т. е. говору Стародубского, Мглинского, Суражского и Новозыбковского уездов и западной полосы Трубчевского уезда б. Орловской губернии. Названы они «северскими» ввиду несомненной связи населения этой местности с летописными северянами.

Автор, уроженец северского края, собрал довольно обширный материал по характеристике рассматриваемого говора, как печатный, так и рукописный. Материал относится к разному времени и отличается различным достоинством. Как близко знакомый с живой речью местного населения, автор рассмотрел его критически и затем распределил по известным рубрикам фонетики, морфологии, синтаксиса и даже словаря; поставил в связи с особенностями соседних говоров и даже вообще белорусских, и таким образом дана читателю полная картина крайних юго-восточных белорусских говоров, с которыми исследователь русской диалектологии был знаком только отчасти. Таким образом, главная заслуга автора в том, что он зарегистрировал факты говора в целом и сделал это вполне беспристрастно. Этим он не ограничился, а сделал попытку подвести сюда и историко-этнографическую основу. Все время в изложении фактов отмечаются и черты, сходные с великорусскими, а также выделяются те редкие случаи влияния малорусского юга, которые не могут не броситься в глаза читателю.

Приведем несколько примеров. В области гласных ударяемых, отметив черты, сходные с общебелорусскими, автор приводит и редкую особенность некоторых центральных мест Белоруссии, нашедшую отражение и в северских говорах, именно чрезмерно лабиализованное *а* перед *ў*: тро́ўка. В области безударных гласных точно описывается характер местного аканья: с звуком *а* перед ударяемым гласным после твердых согласных и с *а*, *е* и даже *и* — после мягких согласных. В слоге втором от ударения к началу большое разнообразие; *а*, реже *ы* (или

вообще редуцированный гласный), а вм. *я* — *е*, *и*, а после шипящих *а*. В слоге, стоящем после ударения, несколько редуцированное *а*, а после мягких согласных возможно *и*, а в открытых слогах *а*. Аканье рассмотрено всесторонне и все его разновидности подтверждены большим количеством примеров.

Слоги -ы̯- — -і̯- кое-где заменяются великорусскими -о̯-, -е̯-.

В области согласных обращает на себя внимание сохранение в значительной степени звонкости перед следующими глухими и на конце слов. Впрочем, эти звонкие согласные «не полного образования». В середине слов звонкие согласные чаще глохнут.

Звук *р* бывает тверд только перед *е* и *и*, а также *ј*: в других случаях мягкий *р* сохраняется. Это в деревнях. В городах твердость *р* чаще, но перед гласными переднего ряда возможен и мягкий. Тут же возможно *р* мягкое и на месте исконно твердого.

Задненебные *г*, *к*, *х* перед *е* из старого *ѣ* (=оі̯) переходят в *з*, *ц*, *с*, хотя встречаются и *г'*, *к'*, *х'*. Кстати, в число примеров переходного смягчения задненебных по недоразумению попало «на *куце*» (стр. 50), где *ц* из *т*, а не *к*.

Дзеканье и цеканье есть, хотя и не всегда ярко выраженное. У молодого поколения, особенно у мужчин, оно значительно ослабевает, а иногда совершенно исчезает.

Нередкость мягкие *ч* и *дж*.

Губные на конце слов твердеют, тоже перед j. Мягкие *б* и *м* перед гласными развивают после себя j, а сами становятся твердыми (галуб'ятка, ўрэм'ячко). Нередки сочетания *б*, *п*, *в*, *м* с *и* вм. *ы* (високий, папитай, мі, бік) — особенно в городах.

Л перед твердыми согласными отвердевает (болна, малчык, крылцо). В городах возможно обратное явление (польна, вальною, альчность).

Приведены случаи и отвердения других согласных: сэрца, уздэчка, пажывэй, сызый, васкрясэньня, спасэньня, Владымір, Мыкіта и т. п.. Сюда, вероятно, принадлежит и очень распространенное окончание твор. п. мн. ч. на *-мы* вм. *-ми*.

Очень развито отпадение начальных гласных, стоящих после слов, оканчивающихся на гласный: ще (ящe), на'дну, па'дной, бедня (обедня), вечка (овечка), дзін (один).

Вообще же «северский» белорусский говор в значительном количестве признаков сходен с другими белорусскими говорами, хотя в нем есть и некоторые отличия и в фонетике, и в морфологии, и даже в синтаксисе, отчасти объясняемые великорусским и украинским влияниями. В морфологии, например, великорусская особенность — звательные типа мам, цёць, вуць...

Взятое из литовского жарства, конечно, дресва, гравий.

Странное выражением «канём гоня» не ablativus ли instrumenti? На коне гонит.

К а с ь п я р о в і ч М. І. Віцебскі краёвы слоўнік (Матер'ялы). Пад рэдакцыяй М. Я. Байкова й праф. Б. І. Эпімаха-Шыпілы. Віцебск, 1927. 8°. XIX + 371.

При Институте белорусской культуры в Минске имеется Комиссия для составления словаря живого белорусского языка. В числе пособий для своей работы ею намечено между прочим составление местных словарей — задание совершенно правильное, так как такие «краёвые слоўнікі», если они ведутся правильно, дадут достаточный критически проверенный материал для составления словаря живого белорусского языка. Словарь, заглавие которого выписано, является первым по времени из таких подсобных словарей. Достаточно хотя бы бегло познакомиться с ним, чтобы видеть, насколько это ценное пособие для работы словарной комиссии. Рядом с общеизвестными белорусскими словами в нем есть много особенных белорусских слов, известных только витебской Белоруссии, по крайней мере в других местах еще не зарегистрированных. Слова подтверждаются примерами

из живой народной речи, что очень важно, так как читатель уверен, что они действительно существуют, а не являются созданием одного какого-либо лица, часто мало знакомого с живою речью. Редакция ведена вообще правильно: мы увидим, что недосмотров немного.

Словарь живой народной речи должен удовлетворять потребности языкознания — знакомить с словарными богатствами того или другого племени и с особенностями самого языка; кроме того, знакомя с уровнем культурного развития народа, насколько об этом можно судить по отражению его в языке, такой словарь должен давать материал и этнографический в широком значении этого слова. Если мы обратимся к материалам Касперовича, то окажется, что «пры ўкладаньні слоўніка прыймаліся пад увагу, як правіла, тыя словы, якія адрозьніваюцца ад слоў расійскай або польсай мовы», значит, преследовались прежде всего чисто практические цели, а не исключительно научные. Поэтому лица не белорусского происхождения могут подумать, что белорусы не знают таких слов, как рот, нос, рука, нога и т. п. Значит, естественно, этот словарь не имеет нужной полноты. Далее и при напечатанных особенных словах не указан район их распространения: указаны лишь места их записи. Затем при именах нужно бы указывать формы род. п., а при глаголах — формы 1-го и хотя бы 3-го лица ед. ч., так как и род. п. и лица в разных местах образуются различно. Мне даже кажется, что и передача диалектологических черт не везде выдержана. Кое-где и заглавие слов показано не точно, стр. 120 заль вм. заля, 121 запазуха вм. пазуха, 153 канурки вм. карунки, 197 навыніт бярэць — наречное выражение и не значит «рвота», 200 налета не значит «будущий год», а «на будущий год», 223 пак, очевидно, вм. пакт или пахт, 235 «паўдні на дваре» предполагает именительный пóўдзень, а не паўдня, 241 — что же употребляется в витебской Белоруссии перра или пер'е? 278 сашчá или сашчó? и под. Нередко даны неточные переводы слов: часто переносное употребление рассматривается как основное, а иногда и совсем неправильно истолковано слово: 30 бавэлна «шерстяные нитки» вм. бумажные, 45 булдавешка «набалдашник» вм. булава и т. п. Чтобы очевидно было, что даются не точные объяснения, я несколько слов приведу в обратном порядке: сначала общерусское значение, а потом белорусское: 45 ржаной хлеб = булка, 99 палка = застаць, 113 стать весить = заважыць, 116 каблук = заднік вм. апсац, 117 «ужо й зазловала на мяне» значит «рассердилáсь», а не стала сердиться, 133 бедность, недостатки = злыдни, 140 бел. дзеўка не значит «девка», а девушка, 171 куст = курган, 197 «над яго работу лепшай ня знойдзеш» нельзя перевести с предлогом «над», а родительным падежом без предлога, 200 весьма, очень = нáліха, 217 подогнуть = паджуліць, 218 падлешчык не значит небольшой лещ, а особая порода, 220 сито = падсітак, 229 побить = папярыць, 231 ребятишки = пархаўё, 235 паўчварта значит $3^1/_2$, а не $^1/_8$, 240 перелаз не ворота, хотя бы из отдельных жердочек, 243 плашка не плоское «бревно», 248 пракуда, чудовище, а не смешной, 284 башмакі = скрабні, ib. скруздонна значит бездна, а не сквозь дно, 344 говорить вздор не = чаўпці, что собственно значит «делать».

Конечно, все указанные недосмотры будут устранены при составлении «Слоўніка жывой беларускай речы», равно как и те недосмотры, которые кое-где попадаются и в издании «Беларуска-расійскі слоўнік» М. Байкова и С. Некрашэвіча (Менск, 1926), где, например, встречаем: 29 сушилка = азярóд, 79 бегать с высунытым языком = гасаць, 122 вырвать = званітаваць, 132 зьвяга значит пасть, а не лай, ругань, 208 почему «паддазены» значит данный с отравою? 281 «сабе — дат. п. от мест. сам!?, 286 «сікша — вспыльчивая женщина» и под.

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ[1]

Бузук П., проф., старшыня Дыялектолёгічнае Камісіі. Спроба лінгвістычнае географіі Беларусі. Ч. 1. Фонэтыка и морфолёгія. Вып. 1-ы. Гаворкі Цэнтральнае і Ўсходняе Беларусі і суседніх мясцовасьцяй Украіны і Вялікарасіі ў першай чверці XX в. У Менску — 1928. 8° словарное, VIII ненумер. + 113 + 20 таблиц.

В книге, заглавие которой приведено, проф. Бузук старается зафиксировать современное состояние говоров Советской Белоруссии. Разные наблюдения свои, а также многочисленных сотрудников, больше из сельских учителей, наносятся по отдельным приметам на карты. Рассматривая карты и собранный материал и сравнивая его с тем, что в науке было известно о белорусских говорах до сих пор, мы, собственно говоря, ничего нового, кроме незначительных мелочей, не находим: белорусские говоры очень консервативны. Новизну находим в некоторых методах и терминах. Автор — приверженец теории волн Иоганна Шмидта в языкознании, о чем подробнее я говорю в другом месте (Slavia VI № 4). Рассматривая с этой точки зрения белорусский язык, естественно, можно бы прийти к заключению, что он не имеет определенных границ, так как его особенности постепенно сливаются с чертами соседних великорусских и украинских говоров и даже, по-видимому, польских, вследствие чего могла бы оправдаться характеристика белорусского языка, сделанная А. А. Потебней еще в 60-х годах прошлого столетия, что «в нем не оказалось ни одной черты, которая не повторилась бы хотя где-нибудь в Великой России». В настоящей работе проф. Бузук все же пытается такие границы установить на следующей основе: «праводзячы граніцу між дзьвюма славянскімі мовамі на стрэчнай тэрыторыі пераходных дыялектаў, мы можам толькі базавацца на параўнаньні даных дыялектаў з літаратурнымі мовамі» (4 стр.). Отсюда выходит, что лет 40—50 тому назад, когда современного литературного белорусского языка еще не было, а были только народные белорусские говоры, нельзя было и говорить о белорусском языке и о его границах. Так ли? Желая быть последовательным, проф. Бузук дает такой вывод из всех своих рассуждений: «дыялектолёгі славянскіх моў павінны ўстрымацца ад апрыорных азначэньняў граніц моў і іх падмоў і дыялектаў, абмежаваўшы пакуль што сваю працу высьвятленьнем граніц пашырэньня паасобных дыялектычных працэсаў». Любопытно, какие тут разумеются «априорные границы»? Насколько мне известно, всегда границы диалектов и языков устанавливались на основании действительных фактов языка, подтвержденных данными его истории и статистики. А любопытно, не на основании ли априорных данных проф. Бузук к белорусским чертам отнес и украинские особенности говора м. Турова (отсутствие аканья 19, хлопэць 40, вѣн вм. ён 53, 56 тыжджень 59, шчо 74 и др.).

Новостью в данном исследовании является на белорусской почве «лінгвістычная *географія*», «ізоглёсы», «изоглёсавацъ». Введение новых терминов конечно

[1] Известия по русскому языку и словесности, 1928, т. 1, кн. 2. Л., 1928. стр. 605—613 (*Ред.*).

хорошо, если старые плохи, а новые более точно обозначают сущность предмета. Но под географией во всех языках, взявших это слово у греков от γῆ земля и γράφω пишу, разумеется землеописание, а не явление языка; есть «язык земли» — это название рек, озер, урочищ, гор, поселений, лингвистика же принадлежность народа, а не земли. «Изоглоссы» и произведенный от них глагол «изоглосовать» (от греч. ἴσος равный и γλῶσσα язык), образованные в подражание метеорологическим изотермам и изохименам и под., обозначающим непрерывные линии тепла и холода на земной поверхности, можно бы ввести, если бы быть уверенным, что данные явления языка в местностях, по которым проведена изоглосса, повторяются беспрерывно. Но было бы большою самоуверенностью утверждать, что данная особенность повторяется беспрерывно, равным образом, что не встречается она севернее или южнее и что нет в ней в разных местах и у разных лиц каких-либо отличий. Еще в 70-х годах М. Колосов отмечал большое разнообразие в языке соседних великорусских деревень; а вот что говорит современный наблюдатель над языком белорусским: Nie tylko osoby z dwu sąsiednich wsi mówią inaczej, ale nawet jedna i ta sama osoba jeden i ten sam wyraz w jednej i tej samej formie gramatycznej powtarza niejednakowo (K. Moszyński. Polesie wschodnie, 1928, стр. VIII).

Еще несколько неточностей. В заглавии следует прибавить «Советской». Слово «введение» может быть названо «уводзіны» лишь лицом, не имеющим непосредственного чутья белорусского языка: «уводзіны» — это введение женщины в церковь после 40 дней по рождении ребенка. Здесь, если избегнуть слова, напоминающего русское, «ўвядзéньне», лучше «увод», «уступ». Аффриката *дж* (стр. 58). По аналогии с *ч* и *дж* хотелось бы отнести, если не к праславянской, то по крайней мере к эпохе прарусской. Но этому мешают факты древнерусского и современного языка: межа; *д* у существительных и прилагательных при *ж* возможно изредка лишь в тех словах, от которых есть производные со звуком *д* (ходжу, укр. чуджúй). Объяснение *н* в «адзінанцаць» (стр. 79) из несуществующего *а* носового в белорусском невозможно (ср. «на дне». Праслав. -nǫti обыкновенно объясняется как греч. λανθάνω при ἔλαθον). Белорусские провинциализмы: нóсе, кúпе и под. (ср. стр. 81) у меня рассмотрены в «Белорусах» II, 2, стр. 349, где на корнях таких слов проставлены ударения, чтобы показать, что окончания безударны.

Приведенный в IV приложении «Дыялектолёгічны атлас» имеет цену; но держась теории Иог. Шмидта, следовало бы каждое явление рассматривать и картографировать по крайней мере по всему «русскому живому языку», если не по всем славянским языкам. Хотя и не имеется у проф. Бузука современных данных из Западной Белоруссии, но для полноты картины и ее не следовало бы забывать, воспользовавшись хотя бы печатными сведениями. Некоторые карты (№№ 5 — мыю, крыю, 7 — мягкие согласные перед *е* и *і*, 9 — л = ў, 10 — г = γ) излишни, так как все эти явления свойственны всей белорусской области (конечно если не захватывать в белорусскую лингвистическую область украинских мест). Они имели бы место на диалектологической карте всего «русского языка».

Розов Владимир. Южнорусские грамоты. Изд. Отделения русского языка и словесности Академии наук. Киев, 1917. 8°. 1 + 176 + 75 + IX.

После долгих переговоров это интересное издание попало в Ленинград только в 1928 г. Поэтому не будет анахронизмом теперь сказать о нем несколько слов. В нем напечатано с критическим аппаратом 95 грамот и к ним приложен словарь. Так как грамоты печатались в военное время, когда сношения были сильно затруднены, то в издании оказались, естественно, некоторые невольные недосмотры, например, автор пишет про ярлык Тахтамыша 1393 г. «подлинник грамоты мне не знаком» (48 стр.) и перепечатывается по неточному изданию Оболенского, заимствуя оттуда и сообщение, что оригинал на листах «хлопчатой бумаги» с водяным знаком бычачьей головы. Между тем еще в 1916 г. этот ярлык по оригиналу издан мною в РФВ, т. LXXV, 169—171; или же про оригинал грамоты Луц-

кого епископа Ивана 1398 г. замечено: «мне разыскать его не удалось», а между тем в то же время с оригинала этой грамоты было даже сделано клише по заказу А. И. Соболевского (издано оно у меня в Палеографии 1928 г., стр. 423). Отсутствие сношений помешало и мне воспользоваться некоторыми очень интересными сведениями и соображениями, приведенными в книге Розова. Разных недосмотров издания касается В. Демьянчук в работе: «Морфологія українських грамот XIV в. і першої половини XV в.», стр. 3—5. Еще одно обстоятельство обращает на себя внимание в этом издании. Речь идет о «южнорусских грамотах», следовательно, малорусских или украинских. Однако среди них находим грамоты, писанные не в Малороссии и вышедшие не от малорусов, таковы, например, №№ 1 (Люборта торунским купцам 1341 г.), 4 (Ю. Болковича Лавришевскому м-рю 1350 г.), 17 (Дм. Корибута тому же м-рю 1386 г.), 23 (Дм. Ольгердовича Брянского 1388 г.), 25 (поручная за Гридка Константиновича ок. 1392 г.), 26 (Ярлык Тахтамыша 1393 г.), 34 (Ал. Стародубского 1400 г.), 62 (Ал. Владимировича Лавришевскому м-рю 1429 г.), 88 (Михаила Олельковича Слуцкого, пис. в Копыле 1456 г.). Все перечисленные грамоты малорусских черт в языке не имеют. Все они белорусские грамоты. К последним не могу отнести, например, №№ 71 и 72 (от Несвижского князя 1434 и 1435 гг.), так как они, вероятно, писаны украинцем и содержат черты, не свойственные белорусской речи.

Moszyński K. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928. 8°. XV + 328 + 14 табл. снимков [2].

Книга содержит в себе этнографические, лингвистические и литературные материалы, относящиеся к восточной части белорусского полесья, к б. уездам Мозырскому и Речицкому Минской губернии. Собраны они в промежуток времени от 1912 по 1918 г. лицами, долго жившими в указанных уездах, отчасти местными постоянными жителями, хорошо знающими народный язык и полесские нравы и обычаи. Записанные материалы сопоставлены с данными, известными по печатным польским и русским источникам. По своему содержанию материалы очень разнообразны и охватывают всю жизнь местного жителя, как материальную, так и духовную. После географического и физического очерка Мозырского и Речицкого полесья даются из материальной культуры отделы о добывании пищи и пропитания, о приготовлении еды; описываются употребляемые в данных областях орудия и перечисляются промыслы; дается характеристика построек; уделяется внимание и способам сообщения. В отделе духовной культуры рассматриваются суеверия и верования; обычаи и обряды, расположенные по деревням. Видное место уделено играм и развлечениям. Не оставлено без внимания и искусство. Устная словесность представлена в хороших образцах. В заключение дается литература предмета. Таково в общих чертах содержание этого издания.

Для нас особенно интересны материалы по языку и устной словесности южной части белорусского племени, в некоторых случаях отражающие на себе влияние соседних украинских говоров. Уже при чтении физического очерка страны, а также этнографических особенностей населения бросаются в глаза словарные отличия, или неизвестные другим местам Белоруссии, или употребляющиеся в ином смысле, таковы например: боло́нье 3, оло́с 6, гайно́ 11, скры́пель ib., ды́рса ib., ці́пец ib., зевзюля 12, 18, бу́ячнік 13, баго́н ib.., одзёр 14, га́ло 15, нётры ib., плюшнік ib., кіяхі — рогу́з 15, выжа́р ib.., віс — віш 16, дзевіна́ 17, буслі́ннік ib., дросён ib., горноста́й ib., бі́ўка ib., корша́к 18, сівокра́ка ib., гугу́н 18, сорокопу́т ib., віваўка ib., плі́ска ib., смецю́к ib., белоно́с ib., о́зябка ib., грыва́ч ib., ту́ркаўка ib., гайсцёр ib.., лозя́нка ib., хрусце́ль 19, травя́нка ib., ну́рец ib., ба́бка (ерш) ib.., остро́мус ib., веразу́б ib., карабе́ц ib., майна — манна 15, 23, ора́біна 23, ду́чка ib., лужа́ньцы 24, буякі́ ib.. каменіца (род ягод) ib., стружына ib., клу́мля 35, одноро́г ib., ко́рза ib., зубе́ль 37, на́пырск 41, сука́ць све́чку 48, худо́ба (скот) 50, шляга 53, кіндзюк 54, гу́зва 59, гузы́р 61,

---

[2] «Slavia». Ročnik VII, sešit, 3. V Praze, 1928, стр. 662—664 (*Ред.*).

щань 66, 86, абалóнь 67, яглы́ 69, шклюд 73, íверэнь 74, лопацéнь 86, шлык 88, аблаýха ib., пачы́нак 92, ручáйка ib., чашýйка ib., згрэ́бнае палатнó 96, закры́ліна 106, сцёбка (sciobka, istopka, isciopka) 111, хорóміна 112, баркáн и паркáн 123, шміга 125, одлінны 154, весёўка 158, улáзіны 232 и т. д. Не менее интересных данных можно указать фонетического и морфологического характера, на основании которых, между прочим, можно уяснить и степень распространенности в Белоруссии тех или других черт. Так, уже из приведенных примеров можно заметить отсутствие аканья; далее выясняется, что в рассматриваемой местности *u̯* неслоговое (изображаемое посредством *й*) появляется на месте *ł* (*л*) не только в прошедшем времени глаголов, а в корнях на месте древнерусской группы *-ъл-*, окруженной согласными, но и во всех других случаях, когда *л* стоит после всякого гласного на конце слогов, как это наблюдается и в некоторых галицко-русских говорах: *oroй* (орёл), 18, 151, *bùsieй* ib., *wuй* (вол) 50, 153, *koziòй* 50, *ciepiйno* (цепильне) 61, *buйki* 71, 179, *ciediйka* 53, *dziàcieй* 72, *ihòйka* 98, *zawàйki* 108, *mohìйki* 125, *wiйki* 156, *siйno* 162, *rusàйka* 172, *kùbieй* 190, 205, *żòйdy* (жолуди) 293. Обычны в данной местности случаи лабиализации *ы* обыкновенно при губных, вследствие чего на месте его появляется *у* (*u*): *йdra* (выдра) 17, *musz* (мышь) ib., *buk* (бык) 50, *kobùła* ib., *mu* (мы) 160, *bu* (бы) *dymòk* 167, *pierèzwu* (перэзвы) 204, 207, *bùjstra* 275, *bulìnkoj* 281, *moj nielùbuj* 306. Сюда, быть может, следует отнести и *buй* 154, *buła* 174, хотя в этом слове можно видеть и малорусское влияние с его *бути-був*, где *у* объясняется иначе. Даже польское *pójdziemy* здесь имеет вид *pujdemu* 263. Сюда же принадлежит *u* вм. *у* (*ы*) в tonkaja i *u*soka 304, да *u*koć, panie, j*u*koć 309 (выкати), szyje j *u*szywaje 317 (вышивает). Во всех подобных случаях целый слог *вы-* перешел в *у* (*u*), точнее *u̯* слилось со следующим *u* (*у*); после конечного гласного предшествующего слова перед таким *u* вторично развился *j*. На месте древнерусского *о* в слогах закрытых (где в других местностях южной Белоруссии возможны дифтонги) здесь обыкновенно бывает *у* (*u*): *kuń* 50, *kut* (кот) 54, *bub* (боб) ib., *powiйй* 170, *bulszaja* 175, *dwur* 240, *poniùs* 253, *pirù*(*h*) 270. Сюда принадлежит: а *u*na (она) — ròzpiata 171, куда *u* зашло из им. п. м. р. *u*n = он. Еще несколько мелочей. Под влиянием соседних малорусских говоров на месте старого *ѣ* иногда бывает *i*: *biłoje* 152, *ìchaćme* 246; малорусизм и в появлении *i* на месте ударяемого *е* в слоге закрытом: wiesìlje 198. В качестве приставочного и вставочного звука часто выступает *j* вм. ожидаемого *u̯* или *w*: da sztoż ty nam *j*uniesła (вынесла) 296 рядом с unesła 297, sz*j*ukra (свекра) 300, *j*й niėzu (внизу) 301, z*j*azała (связала) 302, roz*j*azaliż ib., *j*odzin ib., *j*oźmu ib., na *j*uйku (на улицу) 303, *j*ustań 304, *j*uże ib., *j*obnimajecsa 308, koniu *j*owsa 317. Можно отметить случаи довольно необычной вставки и приставки *j*: niebo*j*szczik 176, bu*j*stra 275 (быстро), lùdzi nie ĭduć, *j*a (= a) pryszòйszy nie pjuć 233, *j*a (= a) й swata 287, 290, to *j*u (= в) kutok 310. Говоря о приставочных звуках, нельзя не упомянуть и о *h* в такой роли: choroszy (*h*)obàdwa 285. Звук *h* вм. ожидаемого *ж*: uhe kozła ubito 319. Отвердение конечно зубного: zia*t* teje 272, je*d* ty 303. Неотпадение *й* (*w*), а особое образование в ozmi (возьми) 278. Утрата начального *о*: żonka płacze z biėdu do biėdu (с обеда до обеда) 305. Редкий случай *кй* вм. *f*: *kйaski* (фаски, боченка) 255.

Из морфологических явлений отметим появление в 1-м лице мн. ч. настоящего времени и повелительного наклонения форм на *-ом*, *-омо* вм. ожидаемых *-ем*, *-емо*: idomò 141, pojėdomo 261, jedomo 265, 313, budom 266—267, 309, postanomo 267, otmuknomo ib., powiedum 270 (с переходом *о* в *u*), powiezom 278, ср. 282, jedom 313 и др. Это окончание обыкновенно после зубных согласных, но возможно и в другом положении, даже после смягченных согласных (йoźmiomo 268).

Несколько синтаксических особенностей: ja zaświszczù, to budzie wiècer duй 159, ja z toboju lublusa, ja z toboju żeniusa 309, moju utoйku daj na moriė ubito 318, ihrać u skrypku 236.

Из приведенного краткого разбора книги Мошинского можно видеть, какие ценные этнографические, словесные и лингвистические материалы хранит в себе белорусское полесье. Пора бы заняться всесторонним его исследованием.

Ленинград, апрель 1928 г.

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ В ОБЛАСТИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ, РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

(по поступившим в редакцию изданиям) [1]

P i e t k i e w i c z C z e s ł a w. Polesie Rzeczyckie. Materjały etnograficzne. Część I. Kultura materjalna. Z 291 rysunkami w tekście. Kraków, 1928 (N 7. Prace komisji etnograficznej Polskiej Akademji umiejętności) 8°, VI + 319.

Книга посвящена части того же Полесья, какое описывает в своем труде и К. Мошинский (ср. Slavia, VII) и вышла она под редакцией последнего. В своем предисловии (IV) он пишет: «Polesie Rzeczyckie» является единственным в своем роде документом. Оно дает точный образ деревенской культуры Речицкого Полесья между 1863 г. и 1888 г., воспроизведенный интеллигентом, который вел деревенский образ жизни и при том отличался необычайной памятью, воспроизводящей окружающую жизнь с фотографической точностью. Чтение книги Петкевича показывает, что эта оценка вполне справедлива. Читатель знакомится: 1) с собиранием диких плодов, их употреблением и сохранением, 2) с охотой, 3) с пчеловодством, 4) с животноводством, 5) с земледелием, 6) с приготовлением пищи, 7) с заготовкой дерева и дров, 8) с производством деревянной посуды, 9) колес и телег, 10) с постройками жилищ, 11) с выделкой волокна, 12) с кожевенным делом, 13) с кузнечеством, слесарством и под., 14) с путями сообщения. Все перечисленные отделы описаны наглядно и подробно с массой рисунков. Нас особенно интересует во всех перечисленных отделах название предметов и действий чисто белорусскими словами. Довольно точная передача их польской орфографией дает нам ценный материал для белорусской грамматики и особенно словаря. Приведу примеры. Для фонетики: отсутствие ожидаемого перехода *е* (из основн. *е* и ь), стоящего под ударением после мягкого согласного перед твердым и на конце слова в *о*: mieszék 3 стр., swajé, miescce 9, rużżé 17, iszczé 84, 86, mied 127, piechaŭjé 171, kryłcé 233; переход редуцированного *е* перед согласным, бывшим мягким, в *i* (*i*szczé) или даже совершенное его исчезновение: остался только *j*: tut jszczé da *j*szczé 9, niszczémno 115; пропуск редуцированного гласного *е* или *а* в выражении: trasca twajéj m a t r y 10 (ниже правильно: twajéj máciery ib.); пропуск целого слова в tré jci = trébajci 81; усиленное произношение согласных *s* и *r* в речи, произносимой с особым возбуждением: nasssie*rr*ú 51; замена иностранного *f* посредством *kw*; kwasóla 98; kwáska (фаска, ушатик) 184. В морфологии и синтаксисе: pierszyje żniwá 84, aréchi и arech*i* 7, usiákaho kumaŭjá 9, idzí sabie kudy c h o c z 84; takaja nieduża ja szto i részeta chmielu nie padnimú 2, oś pryszóŭ ja na swajé szczaśliwaje miéscce da zir tudy siudý, aż siedzíć hryb 9, haroch paspieŭ, chwalić ciebié Hóspadzi 82.

[1] Известия по русскому языку и словесности, 1929, т. II, кн. 1. Л., 1929, стр. 363—372 (*Ред.*).

Изображая материальную культуру, рассматриваемая книга дает массу ценного словарного материала, например (привожу несколько слов из тех, каких не имеется в «Беларуска-расійскім слоўніку» Бойкова и Некрашевича. М. 1926): starczak 1, chwaszcz 2, kuziúmka 4, łúżańcy 8, czuć świet 25, tyżdżeń (вм. обычного tydzień) 84, zamórki 87, adósy 89, biczéjka 89, łapczýz (акциз), padskóczyŭ 110, jómka 120 (czapiłá), kíczka (сосновый пень) 148, szczyk (верхушка дерева) 148, japa (czeczótka особый сорт березы) 149, abiérdzina (смолистая сосна) 153, 154, 155, prearýny 158, burczáłka 159, namarážni ib., niéleń 161, uszúły ib., wanczósy 163, bez abzióŀu 163, łaźbiéń 166, máża 166, 171, irty (лыжи) 168, kaczátka 171, zatórycz ib., nabóicz ib., spusk (инструмент) ib., szýleha ib., łúcznik ib., baŭtúcha ib., asnáść 172, ssýpka (ушат) 178, szczań 178, razréz (кадка) 180, jászczyk (dzieżá) 184, apléń (воз без колес) 187, hirtowáńnie 209, kapýlle (часть воза) 211, wiázzie ib., plúsznia ib., kórchwa ib., ahałóbla 213, uszniák 230, prýstaŭka (=hanak, kryłcé) 233, sólammie (отверстие печи) 234, czéluści ib., piekółka (kominak) ib., sztandár (столб) 235, uszniakí 235, czakúcha 247, 252 (daŭbnia), dóržnik 249, wiésznicy (ворота) 258, páździrki (у льна) 266, zhrébnaja saróczka 266 и т. д.

К ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА В XVII СТОЛЕТИИ [1]

Памятники белорусского языка XVII столетия отличаются от произведений, явившихся несомненно в Белоруссии в XV—XVI вв., при преобладании в них местных особенностей, спорадическими украинизмами, например смешением *и* и *ѣ*, *и* и *ы* и подобными чертами. Если припомним, что это было время процветания в Киеве, Львове, Остроге братских и вообще духовных школ, то это явление для нас будет совершенно понятно. В Вильне и вообще в Белоруссии в это время развивалась полонизация; для поддержания «русского» языка и «русского» просвещения естествен был приток туда украинских ученых и грамотных лиц с юга. Не мало и белорусских уроженцев получали свое образование в Киеве и других городах юга, а также и у себя дома, но со стороны украинских учителей; от них они усваивали малорусское произношение и орфографию. Украинизмы проникли не только в рукописи, но даже в местные названия: старые, например, *Мѣньскъ*, *Несъвѣжь* превратились в *Минск*, *Несвиж*; с другой стороны — Пинский в Густынской летописи под 1232 г. имеет вид Пѣнский.

Одна из подобных рукописей подлежит нашему рассмотрению. Это Триодь цветная XVII в., купленная в г. Орше проф. Л. Я. Лавровским (из Смоленска), ныне принадлежащая библиотеке Бел. Акад. наук. Она писана на бумаге и представляет из себя книгу 8°, имеющую 255 листов. Длины (высоты) каждый листок 180 *мм*, ширины 140 *мм*.

Переплет позднейший: дубовые доски, обтянутые кожей. Изнутри доски подклеены пописанной бумагой, на которой есть, между прочим, дата 1789 г. мая 25. Весь переплет и покрытие кожей были когда-то починены; тогда же подклеены истрепанные листы рукописи. В настоящее время переплет износился, застежка оторвана, от кожи на корешке осталась незначительная часть.

Тетради рукописи состоят обыкновенно из двух листов, сложенных 4°, вследствие чего в каждой тетради оказывается по 8 листиков.

---

[1] «Известия по русскому языку и словесности», т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 55—74 (*Ред.*).

Утраченные части несколько раз пополнялись. Древнейшие листы на старой бумаге, с водяным знаком, представляющим из себя изображение герба владельца бумажной фабрики. На гербе, имеющем форму щита (высота около 80 *мм*, ширина 42 *мм*), разделенного на две части, в верхней части которой слева представлен одноглавый орел, под ним и справа решетка; в нижней части наоборот — слева решетка, а справа одноглавый орел (ср. Іван Каманін и О. Вітвіцька. Водяні знаки на папері українських документів XVI и XVII вв., Київ, 1923, стр. 99, № 904, ср. еще № 899 на стр. 98 — все из документов 1658, 1665, 1667, 1669 и 1670). Этот знак можно видеть на лл. 1—89, 95—100, 102—107, 109—115, 117—130, 135—138, 143—145, 150—152, 225—255. Листы 91—92, 101, 108, 116, 131—134, 139—142, 146—149 на бумаге того же времени, но со знаком иным: две фигуры, а внизу надпись, по-видимому AL MODE PAPIER (ср. у К. Тромонина. Изъяснение знаков... № 1356 и у Н. Лихачева. Бумага и бумажные мельницы... № 684, из книги, напечатанной в Киеве в 1697 г.). Как будто особый водяной знак, но тоже с элементами птицы на лл. 156—170; он тоже имеет форму герба; опять особый знак на лл. 171—186—202. Кроме старой бумаги, в рукописи имеется и новее, без водяных знаков, которая употреблена для восполнения утраченных тетрадей и листков. Все это сделано, однако, до последнего переплета книги.

Рукопись писана разными почерками; причем на древнейшей бумаге один и тот же почерк, т. е. от 1 до 149 л. включительно. Он же на лл. 150—152, 155—186 об., 225—241, 246—255. Новый почерк на л. 149 об., на лл. 153, 154, 187—244. Тут несколько позднейших почерков; тоже на лл. 242—245. Таким образом имеется почерк древнée — западнорусский полуустав, с отдельными переходящими в скоропись буквами, и новée, подражающий полууставу.

Страницы первоначально были разграфлены с чернильной рамкой, а некоторые (в середине рукописи) и без нее; в конце книги тоже имеется чернильная рамка.

Число строк в древнейших тетрадях не одинаково: 21, 22, 23, 24 и 25. Везде есть над рамкой и без нее надписание содержания, а внизу направо встречаются предречия.

Кроме черных чернил, сильно выцветших в некоторых местах, употребляется и киноварь — в целых строках (например, в заглавиях, писанных вязью) и отдельных обыкновенно заглавных буквах. В позднейших почерках киновари нет.

Время написания основных листов рукописи определяется водяными знаками на бумаге (3-я четверть XVII ст.), а также содержанием ектений: ѡ патрїарсѣ наше^м имрк҃ъ. ѡ бг҃охранимо^м и҆ блговѣрно^м г҃дри наше^м и Велико^м королѣ ї҃мкъ. ѡ воехъ его — л. 235 об.; или: пода́^д жъ — хр҃толюби́вы^м кн҃зе^м на вра́ги побѣ́ды — л. 249; или побѣды цр҃ю на варвары даровати — л. 250. Ясно, что в оригинале нашей рукописи упоминались «князья» периода удельно-вечевого или князя литовского госу-

дарства; переписана рукопись, когда уже был «король», т. е. после соединения Литвы с Польшей в 1569 г. Упоминаемый «црь» равносилен королю; «варвары» — татаре или турки. Что оригинал нашей копии был не московского происхождения, видно хотя бы из следующего места: ѿ москóвсхи же звóдо бе елéа — л. 73 об. Вставочные листы писаны позже, но во всяком случае до нового переплета рукописи, в который они вошли, т. е. до конца XVIII в.

Место написания рукописи определяется языком основной части, знающей твердое *р*, очень редкое смешение *ѣ* и *и*, 3 л. на *-ть* и др. особенности со спорадическим аканьем. Добавочные листы имеют те же черты, но в них очень часто смешение *ѣ* и *и*, кое-где *ы* и *и*, не редко 3 л. на *-тъ*. Очевидно, рукопись возникла в юго-восточной части Белоруссии. Добавочные листы написаны там же, но лицом из Черниговского полесья.

С какого оригинала переписана наша триодь? В XVII в. были уже и печатные цветные триоди югославянского происхождения, напр., Цветная Триодь Стефана Скадрского 1562 г., или Цветная Триодь, напечатанная в 1566 г. иеромон. Мардарием (ср. О. Колесса. Рукописні і палеотипні книги південного Підкарпаття. В Празі, 1927, стр. 12), или напечатанная Леоном Мамоничем в 1609 г. в Вильне (ср. библ. А. Н. 38. 18. 4 Доброх.), или изданная в Киеве П. Могилой в 1631 г. (там же 39. 2. 1 Михайл.), или напечатанная в 1642 г. во Львове (там же 39. 2. 12 Михайл.). По содержанию они более или менее сходны с нашей, но отличаются от нее по языку, который в ней менее последователен, нежели в печатных изданиях. Видимо оригинал ее был рукописный, вероятнее всего писанный модной начиная с XV в. югославянской, точнее болгарской орфографией, зашедшей отчасти и в печатные издания Мамоничей. Вследствие сказанного в нашей рукописи имеем, например, такие написания: пръвыї 74 об., прътерпѣлъ ib., прѣвѣе 75, грѣсть 112, грѣнично мѣсто 114 об., тръжествà 125, дръжавѹ 128, тръпѣнїє 144, слънца 158, ѡдръжи есмъ 161 об., дръжáше 162 об., тръпѣнїе 167 об., смрѣти 172 и под.; или: моа 112 об., рáа 126 об., проѹвѣрѧа 144, твоà 177 об., истачáа 179 и под.; или: употребление ь в окончаниях вм. ъ: поклонь г. ве. 37, азь 89, жить (= житъ жил) 95, и взѧть (= възѧтъ взял) 112 об., ѧть (= ꙗтъ взял) 115 об., свѣть и тмà 119 об., глась 153, мертвь 161 об., ѿ ложеснь 173 об., изь ѻ҃ца 211 об., ѡбрѣть (= обрѣтъ) 221 об., совѣть 234 об.; впрочем и противоположное явление также известно в нашей рукописи: смéртъ 154, днесъ 237, во фелóнъ 35, кóренъ 95 об., кáменъ при камень 23. Хотелось бы видеть югославянское влияние и в случаях появления *р* слогового: ѡдржими 85 об. Болгаризмы усмотрим и в случаях, указывающих на смешение юсов, в появлении гласных *а* и *у* одного на месте другого: чертогъ твѡ видѧ (вм. виждѫ) спсе мой 33 об., да оутренюѧ воспѣвзѧ тѧ 73 об., назменоую (прич. -оуѩ) 127 об., по землѧ заше 146. Югославянской традицией следует объяснять и поста-

новку в конце строк после согласных ъ и ь: деръ|жа́воу 103 об., никъ|то же 196 (восстановилась основная форма), непра́ведъ|ное 43 об., и мерть|выхъ 149. Наконец, на связь нашей рукописи, хотя и не непосредственную, с древними югославянскими оригиналами указывают и некоторые отдельные слова, обыкновенно встречающиеся в древнейших рукописях: четы́ри тыс8ща 95, невѣ́стникъ (=чрьтогъ) 41 об., 54 об., жерто́вникъ (жертвенник) 63, 113 об., т8ждїй 188 об., ѿ нѧдръ (=нѣдръ) 207 об. Даже такое выражение, как: волн*оую* мо́рск8*ю* скрывшаго древле 98, по-видимому, передает старославянское **влънѫѭ морьскѫѭ.**

О первоначальном нахождении этой рукописи свидетельствует современная ей скорописная приписка по листам внизу первых 35 листов: Сию книг8 | глаголем8ю | Триѡдъ цвѣтн8ю | справилъ | рабъ бжи'| Ѳеѡдоръ | ѡбывате | водвиски | прозываемы' товма | коштомъ свои| к8 црквы | стго | аѳанасиѩ | Водвискои | где мае | вѣчне | бытава| а если бы | хто мѣлъ | ѿдали | ѿ вы^ш^ поменено' | цркви водвиско'| мае^тс^ | со мною | розс8дитисѧ | на страшно | с8дѣ бжо. | На чь | и хвал8| Бгу в'се | мог8щом8 | и стом8 | аѳанасию | цекви | водвинскои ами 8|.

Язык рукописи в общем церковнославянский русской редакции. Местами в нем встречаются местные белорусские черты (больше полесские). Тут мы имеем и много материала для суждения об ударении, где могут быть и живые белорусские черты и украинские, а в некоторых случаях и югославянские.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Обращаясь к фонетическим особенностям рукописи с чертами белорусского языка, в первую очередь рассмотрим отражение в ней *аканья*. Вполне несомненных случаев нам встретилось немного. Таковы: пар*а*мїй 40 об., где, как в иностранном слове, *а* не характерно; ѱало и та́ж*а* Їрмосъ 53, куда *а* могло зайти и под влиянием *а* в предшествующем слоге; тамо и ѿвам*а* 59 (применимо предыдущее объяснение); ж*а*ла́емоую мою 69 об., падш*а*моу 83, стра́шн*а* же нѣкое чаа́нїе 92 об., исча́дїѧ ехиднов*а* воистинн8 Їоу́да 70 об. (не множ. ли число?); б*а*га́тство 42 об. (*а* объясняется как в малорусском); навходоно́с*а*рь рядом с н—сорь 117. Есть несколько случаев имперфекта, где в 3-м лице ед. ч. употреблено *-ша* вместо ожидаемого *-ше*, а в 3-м лице мн. ч. аориста, похожего по своему *ш* на имперфект, *-ше* вм. ожидаемого *-ша*, таковы: раз8мѣша ꙗ́ко ѿ лица̀ гнѧ бѣш*а* бѣжа̀ 106 об., воше́лъ ѐсѝ во стилище и оу̀ча́ш*а* всѣ 184 об. С другой стороны: всѝ воспрїа́ш*е* в р8ки ва́їа 21, ѡтроцы — вопїаш*е* 66, оубоѧш*е*сѧ всѝ лю́дїе 71, людїе крича́ш*е* вопїа́х8 75 (может быть из кричаще?), мета́ш*е* жре́бїа 3 м. множ. числа) 106, Єгѵптѧне бѣжаш*е* 110 об., тогда̀ потща́ш*е*сѧ влады едо́м'скїа 111. Возможно, конечно, во всех подобных случаях

усматривать и морфологическое явление: смешение в позднейшем языке форм аориста и имперфекта, а также лиц 3-го ед. и 3-го мн. ч. Вероятно синтаксическое явление в фразе: ѡбраще бдаща — лѣнѧщеся 31 об., где второе причастие уже имеет неизменяемую форму деепричастия. Интересен случай: имѣяй — поножїю зелю 18 об., где можно видеть два винительных (первый от поножїи вследствие аканья), но можно в первом слове усматривать и дат. п. от слова ср. р. Может быть аканье в сядите 229 об. (= сѣдите), если здесь не видеть влияния сядж. Обыкновенно аканьем объясняют и те написания, где встречается *о* вместо ожидаемого старославянского и древнерусского *а*: писец употребляет *о* из опасения подпасть упреку в аканьи: ходотайцоу 131, ходотаиство 172, ходотѧ 177, ходотайственною 184, ходотай 204 об., ходотая 207 об., ходотайственно 228, ходотаиственнїи 255 об.; на родо 162 (= на радость). В «единонадесяте часа» может быть, следует усматривать утрату склонения в первой части сложного числительного; в бгослова 221 об. морфологическое явление; полато 189 об. — обычная передача иностранного παλάτιον — palatium.

На месте *е* из прарусского *ő*, стоящего после смягченного согласного, имеем *о* только после шипящих: воздвигшомꙋ 5 об., оумершомꙋ 16 об., просившой 190 об., созывающо 64 об., ѡбидящомꙋ 59, идꙋщомꙋ 41, вечоръ 94.

В связи с редукцией гласных, кроме аканья, находятся и некоторые другие явления в области гласных: появление *е* вм. *а* после мягких согласных: плащеницы 191 об., беспаметливъ 78 об., моли прїати мине заблꙋжденнаго 145 об. В некоторых случаях *і* на месте ожидаемого *е* может отражать старославянское и древнерусское и из ь: сїй днь 124 об., людій 140 и др.

В памятниках западнорусской редакции наблюдается смешение *ѣ* и *е*. Случаев этого явления в нашей рукописи мало, например, секꙋщїй при краесѣкомый 23, повеленїем 32 об., при рецѣ 35 об., во мѣре 168 (= в мире). Разсверѣпѣют 56 об. имеет старинное *е*, с которым чередуется и *ѣ*.

Встретилось несколько случаев появления *е* на месте *и*: лице л'вово и леце телчее 36; даже под ударением: свѣтеле 241 об., что стало возможным под малорусским влиянием, когда смешались звуки *ѣ* и *и*.

В смешении на письме *ѣ* и *и*, несомненно, сказывается влияние малорусской графики, основанной на произношении старого *ѣ* как *и*. Зародыши этого смешения можно видеть и в древнейшем почерке, но особенно часты они в новом. Переходя к перечислению случаев этого смешения, однако, следует оговорить примеры *ѣ* — *и* в формах «всѣ — вси» и т. д., где *ѣ* выводится из косвенных падежей старинных образований, а *и* из им. п. мн. ч.: всѣ 18 (а раньше было вси), ѡ всих 118, всѣ ꙗзыци 130 и под. Также подлежат оговорке формы повелительного от основ на -*и*-, в которых может быть *ѣ* по аналогии таких образо-

ваний, как «несѣмъ» — «несѣте»: ср. бл҃вѣте 193 об., превоˣносѣте 200 об., ȣготовѣте, творѣте (при размещи́те) 204 об. *И* в подобных случаях рядом с *ѣ* встречается и в старом почерке: рци́те 124 об. Старина конечно в процв*и*та́ющее 31, а также в *и* после отвердевшего *ц*: оуподобисѧ смоко́вниц*ы* 29, во тр҃ц*ы* 190. Во Їердан*и* 81 об. можно выводить от именительного Іердань.

Вообще же в новейшем почерке обычно смешение *ѣ* и *и* даже под ударением. Так *и* вм. *ѣ* имеем: в*и*дȣще 27 об., свѣд*и́*телѧ 15 об., свѣд*и́*тел 92 об., во свѣд*и́*телство 133 об., свѣд*и́*телствȣюща 150 об., вѣрї̀а (вереи) 133 об., верї̈а 150 об., верї̀а 156 об. — все с *і*, выводимым из -*ѣ*-; дїанїй ап҃лкиˣ 121; покол*и*бàсѧ 193, о сл*и́*по́мъ 195 об., воспї́ва̀емъ 196 об. — 197, в п*и*ˣлни 47 об. (в понедельник), срˣцев*и*дче 77, не в*и*дѧᵗ 84 об., вид*и*ᵛши 98 об., оув*и*д*и́*ша (= оувѣдѣшѧ) 146 об., в*и́*дѣвше 209 об., пл*и*нисѧ 191, плї̀нѣвъ 193 (пленив), ада пл*и*нѣвъ 195 об., плї̀нї̀вшаго 201 об., во всѣхъ ѩзыц*и*хъ 120; изм*и*нѧемȣ 201; повел*и́*лъ 201, во 'Іерлим*и*' 213, ѐ мир*и* 213, во сла́в*и* 214 (но во сла́вѣ ib.); оут*и*ши́теле 229 об., не лицем*и́*ре 248, пропов*и*да 215, пропов*и*да́ша 219, пропов*и*данї̈емъ 220 об.; с*и*дѣши бли³ исто́чнї̈ка 191 об., непоб*и*дѣмою 200; послѣднийшїй 34 об., ч҃лк н*и́*кї бѧше 39 об., раˣд*и*л*и́*телно 62 об., гласъ трȣбы свир*и*ли же и гȣсли 117, оузр*и*въ 124 об., исцѣл*и*хоᵐ 129 об., 166, непрезр*и́*вы 166, изˡ истл*и́*нїѧ 190.

Написания с *ѣ* вм. *и* находим — в корнях: ȣб*ѣ́*ти 201 об., оуб*ѣ́*ша 199, об*ѣ́*лно 192, се в*ѣ*динъ бысть (виден) 193 об., нев*ѣ*дѧщаго 199 об., в*ѣ́*дѣвша 201, в*ѣ*дѧ̀ свѣтъ 202, б҃гов*ѣ́*дцемъ 197 об., б҃гов*ѣ́*дцȣ 207 об., зав*ѣ*ᵗ 55, 58, зав*ѣ́*стї̈ю 30, 44, 84, [за́вѣст' 92 об., незав*ѣ́*стно 177 об., св*ѣ*токъ кни*ˣ*ны 57, св*ѣ́*тка 57, св*ѣ́*токъ 172; св*ѣ*рѣпиющее 22 об., св*ѣ*рѣпство 25 — в первом слоге двух последних слов *ѣ* может быть и на месте древнейшего *е*; совоздв*ѣ́*глъ ѐсй 188 об., сово³дв*ѣ*глъ 196 об., во³дв*ѣ*гнȣлъ 199, возˣв*ѣ*женȣ 200 об., во³дв*ѣ*же́нъ 201, оудѣвйшасѧ 187 об., оуд*ѣ*влѐни 196, д*ѣ́*вѧт'сѧ 203 об., оу̑д*ѣ*влѧющесѧ 204, з*ѣ*жди́телю 201, во воскл*ѣ*кнове́нїй 206 об., кн*ѣ́*га 200, с н*ѣ́*ми 201 об., кр*ѣ́*лѣ (крилѣ) и крылѣ 47, л*ѣ*ца̑ 203 об., во тр*ѣ́*ехъ л*ѣ́*цѣхъ 201 об., процвитѐ л*ѣ*ствї̈е 31, обл*ѣ́*че́нї̈е 195 об., во м*ѣ́*ре 168, н*ѣ́*же (= ниже́) 195 об., о̀бн*ѣ*ща̑вщомȣ 195, обн*ѣ*ща̑вый 204, подадъ ми водȣ п*ѣ́*ти 194, прос*ѣ́*лъ есй водȣ п*ѣ́*ти 194 об., б҃гоп*ѣ́*саннѣ 222 об., нар*ѣ*цати 90 об., с*ѣ́*лою 200, с*ѣ́*лȣ ib., с*ѣ́*лный 201, 206 об., с*ѣ*ленъ 201 об., с*ѣ́*рыхъ 203 об., по сѣ́х' 221, во Іер*ѣ*хо́нѣ 108 об., на ст*ѣ*ховнѣ 196 об. *Ѣ* вм. *и* в суффиксах: в сол*ѣ*лѣ 70, глȣб*ѣ́*на 191, род*ѣ́*телныхъ 195 об., масл*ѣ́*чнывѧ 206 об., хран*ѣ́*телнї̈ца 194, въ кȣп*ѣ*нѣ 29 об., ед*ѣ*но 191 об., жен*ѣ*хъ 194, зѣн*ѣ́*цы 196, наста̑вн*ѣ*че 200, л*ѣ́*ств*ѣ*цȣ 210, пое́мъ Ѿроков*ѣ́*це зача́тї̈е 210 об., сокров*ѣ*ще 205 об., согла́с*ѣ*е 1 об., род*ѣ́*теле 196, род*ѣ́*телѧ 202 об. В формах склонений и спряжений: рауˣйсѧ равв*ѣ* 75 об., в' па́перт*ѣ* 21, сре́дѣ 78, на тверд*ѣ* нб҃нѣй 119 об., ѩ̀в*ѣ* 193 об., во простотѣ власт*ѣ* 232, вѣтв*ѣ* садо́вныѧ ноша́хȣ 26, арома́т*ѣ* богатѣ́ю 52 (*ѣ* на месте вторичного *и* из *ы*), со³дателю ѐдов*ѣ* 112 об.

вм. въдовъı). гла́со̑ Илїинѣмъ ib. (из Илииным). В формах местоимения в им. и вин. п. мн. ч. (и двойств. ч.) может быть и живое явление — *ѣ* = *е*: нозѣ твоѣ 53, 69, плещ моѣ, лани́ты моѣ 72 об., друзи моѣ 75 об.; *ѣ* вм. *и* в других флективных окончаниях: вси ꙗзыцѣ 233 об., лю́дїе мно́зѣ 204, съ престымѣ оу́чнки с' нѣми же 149 об., ѿ иса́вовѣхъ сновъ 95 об., где *ѣ* на месте *и* из *ы*. В глаголах: наоучися вопѣти тебѣ 20 об., вопѣти 21 об., 139, 221 об., возопѣ 193, вопѣемъ ib., возопѣлъ еси́ к нѣмъ 196, возопѣвъ ib., что но́сѣте 191 об., видѣтс 192 об., свѣтѣся 194 об., славословѣмъ 199, прихо́дѣтъ 204 об., восхо́дѣтъ 209, ѡтѧготѣшися 31 об., си́дѣши 191 об., сѣдѣте 200, сораспнѣмся 37 об. (можно рассматривать и как правильное повелительное), ѡскорбѣхъ 91, ꙗ́вѣся 190 об., ꙗвѣстеся 219, ꙗвѣвся 190, оу́дивѣхся 190 об., родѣхся 195 об., пригво̑здѣша 191 об., 196 об., оудивѣшася 203 об., невидѣмый 187 об., видѣмый 209, неви́дѣмы̑ 195 об., висѣма 201, непобидѣмою 200, носѣма 203, обновѣлъ еси́ на́съ 198, совокупѣлъ 205 об., рядом с совокупилъ; родѣлся, изволѣлъ 206, сподобѣлася е̓си́ 209 об., родѣлся е̓си́ 213 об., ꙗвѣлся 193, 201 об., 206, 208, ꙗ́вѣлася 200 об.; 212, воминѣлся е̓си́ 192 (вменился), преполовѣвшуся 188, оумлосердѣвся 195 об., озарѣвше 196 об., плїнѣвъ 193 (пленив), ада плинѣвъ 195 об., родѣвыйся ib.

Нам уже неоднократно попадались случаи появления тех или других гласных, напр. *ѣ*, на месте *и*, возникшего вторично из *ы*. Здесь рассмотрим эти случаи подробнее. В памятниках юго-западнорусских довольно часто встречается «ти́сяча»: ти́сящї 39 об., тисящами 43; другие случаи, о которых речь ниже, объясняются исключительно малорусским влиянием: вѣри 153, ме́ртвїа (мрьтвꙑꙗ) 160 об., е̑ винꙋ 88, ѡде̑ди не и́ма̑ 33 об., 43 об., три̑ди 44, ри́зи 82 об., веселими ногами 122 об., во зе̑нїй Іерꙋсоли̑ 37 об., не стидѧшеся 38, ланити (accus. pl.) 70 об., на чти́ри 13 об., четире 95, чети́рехъ 36, четире̑ рядом с — во четырехъ 36 об. Противоположное явление — *ы* при русском литературном *и*, имеющее соответствие и в живой народной речи, находим в словах: поз̑ный 227, ра́ный (ранний) ib.

Что касается замены древнерусских глухих, то слабые ъ и ь обыкновенно исчезают, например, събо́ри (соборы) сты̑ 255 рядом с собо́ри ib., в ро́вѣ (во рву) 13 и т. д. Однако, говоря вообще, с предлогами *въ*, *къ*, *съ* дело обстоит довольно своеобразно: они принимают *о* не только перед группой согласных в начале зависящего от них слова, но и перед одним согласным. То же относится и к приставке *въз*, которая обыкновенно имеет вид воз. Примеры: вокꙋси́ при въкуси́ 158 об., во трцы 7 об., водхноу 8, во крѣпости 17 об., во тлѣ 124 об., воскꙋю 59 об., 252 об., во пещи 8, во ра́до̑ 9, во выни̑ 10 об., 21, во любви 12, во пѣсне̑ 15, во коне́цъ 15 об., во вышни̑ 16 об., по восхо́дѣ 17, во ми́ръ 21 об., 65, во сїѡнѣ 23, во полꙋнощи 31 об., во шесты́ 35 об., во пѧты́ ib., воходѧщи̑ 38 об., воходѧщꙋ 85 об., не вомѣстимаго вомѣсти́вшиѧ 45, ср. 45 об., вомѣнилъся 164 об., возыва́юще 166, вокоушъ' (вкусив) 168, во рꙋка́хъ 22 об., воходи̑ 22 об., возыва́ю 9, возыва́ю ти 18, возыва́юще 22, 98, возываю̑ ib., возыва́хꙋ

66 об., возира́ѧ 143, во пе́щи 181 об., во вавилонѣ 66, ворерзѝ и в горни́лъ 86 об., вовезйте 106 об., возы́де 115 об., возимает' 125, кто возима́ет' 151 об., возыска́ти 140, ко жизни 14, ко жи́тїю 15 об., ко лазарꙋ 14, не ко фарисеѡ 51, гла ко немоу 166 об., соходенїе 32 об., собꙋдетсѧ 79, сочетет — на зимо 105 об., со за́ди 109, не сога-рѧ́ше 128, ср. 151 об., со вѣрою 169, сохо́дит 230 об., со събо́ю 162 об. (чит. со собою). Слабый ь обыкновенно исчезает, оставляя после себя в известных случаях лишь мягкость согласного. В одном слове ь довольно часто заменяется посредством *е*: *ле́*сте 52 об., *ле́*стецъ 66 (а может быть *е* здесь на самом деле было под ударением?), *лести́*вно 75 об.

Отметим случай появления на месте ъ звука *ы*: изс*ы*шѐ глꙋбинà 64.

Есть несколько примеров, когда при *р* совершенно отсутствует гласный, в чем можно предположить существование слогового согласного, как в сербском и чешском языках: ѡд*р*жими 85 об., сре́б*р*никъ 125 при серебре́нико 61 об., сре́б*р*'ники 55 об., 63 об., 70, сре́б*р*ни (сребренники) 67 об., на оу́т*р*ни 10, 25 об., 131 об.

В области гласных еще обращают на себя внимание случаи закрытого *о*, изображаемого посредством *у*: *оу*страши́сѧ *оу*троко блгочести́выхъ, еди́нокрасотное дша, нескверное тѣло 32 об. — 33, но на 33 читаем также ѡтроко, во стꙋй второкъ 47 об., вꙋстави (восставь) 48.

Унаследованные от старины окончания *-ый* — *-ий* (из -ъјь — -ьјь) удерживаются во всей силе: дрꙋгї канóнъ 11, нѣкї глъ 60 об.

В образованиях, в состав которых входят глаголы ити, ѩти, начальное *и* после предлога на твердый согласный заменяется посредством *ы*; кроме того еще восстановляется *и*, становящееся кратким: из*ый*до́ша 190 об., об*ый*дѣте — и ѡбы́мѣте его 103.

Сокращение *и* после предшествующего гласного возможно и в других случаях: та́*й*нство 12 об., прї*й*мѣ 17 об.

Случай пропуска неслогового *й*: з мирною плащанице ѡбви́тъ 100.

Пропуск или слитие с другими гласными звука *е*: и к *к*тенй 31 об., не бы́ти гробомъ на́ши во *Ги́*птѣ 109 об.

Отметим случаи приставки *и* в начальных слогах, в которых после согласных *р*, *л*, *к* первоначально был ъ — ь: *и*рци словесà 56 об., *и́*рци 57, что *и*лсти́тесѧ 164 об., *и*где есть 59 об.

На границе гласных и согласных поставим *ṷ (ў)*. Для его изображения у писцов нашей рукописи не было средств; однако в ней можно найти указание на существование такого звука. Это написание: *ув*: за*ув*трєшнї 44; *в*: на*в*ходоносо́сарь 117; *у*: о*ỳ*кꙋса (вкуса) 84 об.

Согласный *р* был только тверд: случаев постановки после него «твердых» гласных вместо «мягких» не мало: *а*: Лазор*а* 10, преѡбр*а*щꙋ 111 об., ѿ Самар*а*ны́нѣ 187, Самар*а*нынп 192, озар*а́*ющїѧ 198 об., ꙋвѣр*а́*ѧ ib., гр*а*деть 205; ꙋ: стомоу Лазарꙋ 1, 13, па́стырꙋ 48 об., 206, борꙋщꙋюсѧ 199; *ы*: р*ы*зы 21, 27 об., 204 об., 210 об., ве́чер*ы* 29, ѡстр*ы*же 50, скр*ы*жали 62, въ тр*ы* 215 об., тр*ы*дне́венъ 198, тр*ы*не́венъ

212, трыдневно 222 об., трыстый 200, твары 201 об., тропары 207 об., прыпѣлъ 212 об.; в конце слов (ъ вм. ь): Лазаръ 6, 13, 14 об., 15 об., 16, тропаръ 10, 26 об., 31 об., 35, 35 об., 41, 86, 89, 167 об. и др., пастыръ 15, 103 об., ѱалтыръ 28 об., 31 об., вн8тръ 141 об., 205 об., мтръ 141 об., 212 об., разоръ (разорив) смертнаѧ врата 166, всѧ тваръ 189, тваръ 190 об., 191 об., ср. 207, 215, сотворъ (сотворив) 196, цръ 205, 206, 214, дверъ 210. Мягкость не обозначена посредством ь: горко 2 об., горко 75 об., горкою 163. Конечно, и традиционное обозначение мягкости в рукописи также встречается: Лазарь 1 об., тропарь 17, тропарїа 13 об., 21 об., 139 об., риз8 34 об., 215, користї 4 и т. п., но рядом с этим «мягкие» гласные иногда стоят на месте ожидаемых твердых: навходоносарь 117, Ѡригн8 132, мрїй (мудрый) 195, ридающи 197 об., зрѧкомъ 198, 213 об.

Вторичное отвердение наблюдается также среди губных согласных и губнозубных: скорбъ 26 об., 42 об., ѡсобъ 34, погрызеть тыквъ 108, любовъ 14, 236, цркв 23, 121, в црковъ 35, во црковъ 76 об., ср. 220, кровъ 137 об., 182 об., 227 об., семъ 39 об., 59 об., ѡсмъ 158 об., есмъ 32 об., 59 об., есмъ (1-е лицо ед. ч.) 110.

Старое *ц* перед *и* тоже отвердело: Ѡцы 215 об., ѻблацы 206 (им. п. мн. числа), на пол8нощницы 10, конницы 3.

Отвердели и все шипящие согласные, т. е. *ж*, *ш*, *ч*, и даже старославянские группы *жд* и *щ*; старѣшыны, велможы 2 об., воможъ 141, чоужым 236, чоужыми гласы 237 об., вождъ 183 об., виждъ 24, 55, не предаждъ 37, подаждъ 43, ср. 240 об., даждъ 112 об., ср. 143 об., 180, дождъ 175, дожда 47 об., снѣжъ 56 об., исповѣждъ 137 об.; желчъ 79 об., 86, 164 об., сне члчъ 56 об., мечъ 24 об., сирѣчъ 90 об., рѣчъ 231, кончыны 3, ср. 43 об., чынове 190, м8чытель 192, вечоръ 94; память о старом мягком *ч*: в чюждихъ 252 об. Твердое *ш*: ймашы 45, давшом8 46 об., 48 об., навыкшом8 48 об., Самараныни просившой 190 об., обнищавшом8 34 об., 38, ѡбнищавшом8 32 об., ѻбнѣщавшом8 195, наставшому 32 об., оумершом8 16 об., вогласившому 12, водвигшом8 5 об. и т. д. при обычных начертаниях, вроде — разр8шити 25. Твердое *щ*: нощъ 56, пещъ 45, 53 об., 182, 221, помощъ 2, помощъ 28, ср. 234 об., грѧдꙋщом8 16, 17 об., им8щом8 26, тщащом8сѧ 29, ср. 30, ид8щом8 41, ѡбидѧщом8 59, созывающо премрости 64 об.

Отвердение *л* трудно обосновать, так как в рассматриваемом памятнике вообще не обозначается мягкость *л*, стоящего перед согласными: всесилно 16, сѣлный (сильный) 201, явлсѧ 25 об., предалство 30, волн8ю 35, волное 67, всесилною 171 об., неѡпално 172 об.

Следов белорусского дзеканья и цеканья нет. Но встречается и смещение *ч* и *ц*. Попадающиеся случаи образований «оцѣстити» вместо «очистити» отражают подобное древнее югославянское образование:

ѡцѣсти (очисти) 144, дарȣй ѡцѣщенїе грѣхо 152 об., ѡцѣщае 168 об., ѡцѣстилъ 131 об. Под влиянием подобных форм явилось и образование ѡцистити вм. очистити 90 об., ѡцистилище 122 об., ср. 155 об.

Может быть на некоторое колебание в употреблении мягких и твердых *д* и *т* указывают случаи отсутствия написаний ь после этих согласных (сȣдбы 69) или даже появление ъ (ѿнюдъ 221, дожъ 175, пажитъ 222), хотя в подобных примерах можно видеть и влияние югославянской орфографии. Не без связи с белорусским дзеканьем и цеканьем может быть находятся и случаи употребления после *д* и *т* написания *ы* вместо ожидаемого *и*, хотя в них можно видеть и простое смешение на письме *ы* и *и* для обозначения звука равного современному украинскому *и*: распѧтые (распятие) 194 об., непостыжима 229 об. В тысȣщаѧ 182 об. (при тисяча) написание старое.

Вторичное умягчение согласных в — гнюснаго грѣха 53 об., приелеть дїаволѧ 77 об., зиблемȣю 173.

В двух примерах имеем *ж* на месте *з*: *ж*идитель 195 (под влиянием следующего *ж*), оупражнаетжесѧ 238.

Встретились случаи обозначения *j* посредством *ї* после губных, не сочетающихся с *а* после утраты ими мягкости: не имїаше 89 об. (=имъяше?), не имїаше 95 об., въ ѡбїатїа 171.

Слово преполовле́нїа 174 имеет *в* смягченное при посредстве вставки *л*.

Приставку *в* перед вторичным *о* имеем в выражении «великїй *во*торокъ» 44.

Праславянское *dj* смягчается по-русски в *ж*: гражанина 86 об. Вследствие этого несколько руссифицированы следующие выражения: хо*ж*ꙿа́ше 13, и*ж*ꙿжеже 118.

Отметим вставочное *т*: да с*т*рѣта́ю 101.

Перестановку согласного имеем в слове: ѿ при*чт*ѣ 4.

По-видимому описка в — тр*ȣты* имиже всȣе трȣди́хсѧ 60 об.

Старинное образование в ѡбѧза (обвязан) 14 об.

Везде позднейшее древнерусское гдѣ вм. старослав. къде.

Уподобление звонкого согласного глухому в — *ис* чре́ва 176 об.

Слитие согласных (*сс* из *зс*): восиѧлъ 229.

Обозначение ударения

В рассматриваемой рукописи на словах почти везде проставлены знаки ударения, иногда даже по два на одном слове. Если сравнить эту акцентовку с современным произношением, то очень часто окажется большая разница: в некоторых случаях будет совпадение с современным произношением общерусским или белорусским, в других — совпадение будет с местным белорусским или украинским, а кое-где совпадения с живыми говорами не окажется, и придется искать источник его в югославянском, особенно в болгарском произношении. Этого

вопроса в отношении ударения печатного Учительного Евангелия 1616 г. в Евьи мы касались уже в «Белорусах», т. II, 1, стр. 504—574; на этом же вопросе останавливается И. И. Огиенко в статье: Український наголос в XVI віці (Сборник ОРЯС, CI, № 3, 444—451). Много интересного для объяснения ударений в нашей рукописи можно найти в книге Л. Л. Васильева: О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XV—XVII вв. (Л. 1929, Сборник РЯС, I, вып. 2), ср., например, стр. 6—8, 48 и сл., а также Приложения и др. места.

К приведенному в указанных работах материалу прибавим следующий из нашей рукописи. Ударение в именах существительных (располагаем по падежам, числам и родам): четвéртокъ 69 об., пѧ́токъ (пятница) 93, вéчоръ 94, ѡтрóчищъ 115, гáврїилъ 132 об., зáконъ 184 об., сóблазнь 181, сѷмвóлъ 222, ѿблáкъ 253, избави́тель 197 об., ср. 184 об., лéстецъ 66, ходотáй 204 об.; бл́ѹда 56, евреани́на 59, Іѡ́ва чтенїе 71 об., врáга 161, 164 об., дамаски́на 122, áрона 174 об., пáче оу́ма 193 об., бóрца 5, твóрца 91, ср. 170 об., 192, 219, оутѣши́телѧ 239, ср. 203 об., на ѡтрóчища 112 об., зáкóноу 186, врáгѹ 246 об.; раули́сѧ рáввѣ 75 об., оутѣшитéлю блгѝ 10, оу́тѣши́телю 228, цáрю 117 об., сѣѧ́телю 161, избави́телю 172 об.; мéчемъ 219; на ѿдрѣ 89, при стѹдéнцы Іáковли 187 об.; пѹчинà 143 об., глѹби́на 170 об., глѹбѡ́на 191, плащени́ца 192 об., мéссїа, мéссїи 178 об., мéсїа, мéсїи 179 об., ср. 186, зáрѧ 183, сѹдїѧ 203; храмины̀ 49 об., ѿ храмины̀ 60 об., посредѣ̀ вóды 104, работы̀ 174 об., хвáлы 190 об.; работѣ̀ 90 об., блѹднїцы женѣ 187 об., на глáвѣ 235, во кѹпи́нѣ 163 об., нáземли́ 24, на пáвечерницы 51; землю̀ 40, ср. 87, 104, 164 об., 210 (на землю̀), на горѹ̀ 71, горѹ̀ 209 об., за рѹкѹ̀ 116 об., дажъ ми рукоу́ 143 об., ср. 163 об., водѹ̀ 11, 19, 187, чтоую водѹ̀ 227 об., цѣнѹ̀ 78, хвáлѹ 180 об., 203, росоу́ 230 об., кѹпи́нѹ 251 об.; Бгорóдительнице 62, ˌтрáпезо' 189 об., еди́нїце 201; съ минеéю 165 об., зáрею 225; радовáнїе 13, бѣсовáнїе 67 об., слышáнїе 75, чаáнїе 92 об., проповѣдáнїе 183, 246 об., послѣдовáнїа 177 об., проповѣдáнїем 175 об., вочлвѣчéнїе 181, вочеловѣчéнїе 232 об., облѣчéнїе 195 об.; жи́тїа рад 55 об., ср. 172 об. пи́тїа 63, пи́тїе (пиво) 122; бы́тїю 231 об., пàки бы́тїа 230, кóпїем 164 об., срéбра 174 об. — 175, кóлеса 36 об., éстество 5 об., тóръжество 252 об.; помóщъ наша 2 рядом с пóмощъ 28, пáжи́тъ 222; бóлѣз'ни 177 об.; оукрасѝ мѧ̀ оу́твáрїю 112 об., ср. 218 об.; ѐнóщи 91, во кѹпели 168 об.; ѐ цркóвъ 35, вéлїе имѧ̀ ѐгѐ 69 об., и̂мѧ̀ 87, ср. 116, 175, во и̂мѧ̀ твóе 178, и́мѧ̀ 223 об., времѧ̀ 42, во времѧ̀ смрти 99 об. Множественное число существительных: врáзи 160 об., 163 об., ѡтрóцы 24 об., облáцы (к им. облакъ) 203 об., хóлми 175 об., стóлпи дхóвнїи 251 об., мы тебѣ рáбы 3 об., дáры 253 об., нáроды 22 об., 164 об., 177 об., 186 об., нéдѹги 182, ѡтрóки 162 об., вóлки́ 223, влáсы 59, на врáги 249, клю́ча раздрѹшáютсѧ 13, лóвца 255 об., 228, ры́барѧ 226, сынóве 3 об., 109, чинóве 253 об., врáчеве 222, жены̀ (accus. pl.) 216, десницà (id.) 130, дѣ́ла 183 об., пóйте дѣ́ла 212, всѧ дѣ́ла 232, во врáта 112, 179, живонóснаѧ ти ребрà 82, ср. 140 об.,

знаме́нїа 123, 201 об., г8мна̀ (nom. pl.) 227, бо́лѣзни 60 об., люди̇̀ 71, возлюби̇̀ люди̇̀ 23 об.; тр8до́въ 60 об., ѿро́къ (genit. pl.) 200 об., пѣнѧзе́й 78, соуе́тї 231, две́рїй 51 об.; оу́ч҃нкомъ 182 об., ко две́ремъ 197 об.; клоб8́ки, сапо́ги 118; лица́ми 52, оу́шима 102, м҃лтва́ми 234 об., м҃лтва́мѝ 222, гла́вами 249 об.; в ко́лесѣхъ 47 об., сребре́ницѣхъ 77, во бо́лѣзнехъ 183 об.

Ударения в прилагательных: трислне́чны̋ 10, во ше́стый 187, всезла́тый 189 об., ч8встве́нный 200, пр҃нопа́мѧтный 221 об., б҃гоглаголи́вый 223, ѡгне́нны̋ гла̑ 229 об., мысле́ньный 233 об., оутѣши́те́лный 238; марѳи́но 16 об., кра́сно 89, дерзо́стное 177, вто́рое 177 об., прославле́нно 223 об., мі́рское 248 об.; лю́та́го 12 об., тайнстве́ннаго 223, бж҃стве́ннаго 240, ѿсмаго 250 об.; оутроу гл8бо́к8 151, ср. 156, зла́томоу ѿбразу 117, оубо́го́м8 4; на жребѧти ѡслѝ 26 об., а̋до́ва 247; дтве́наѧ 241, исполне́нна 249 об., тайнстве́нная 249 об.; огне́ннѣй 211, жи́вотнѡ̀ кни́зѣ 251 об.; родестве́н8 238 об., бж҃тве́нн8ю 182, оде́сн8ю 206 об.; волноую мо́рск8ю 98, бж҃тве́нною 168 об., ходотайстве́нною 184; множ. число: долнїи̇ 164 об., бж҃тве́ннїи 223, ѣрата мѡ́дѧнаѧ 150 об., немо́щныѧ 163, солне́чныѧ л8ча̀ 163 об., зе́мныѧ 180, мысле́нныѧ 223, ѕла́таѧ оу́ста̑ 223 об., с8е́тны 130, бж҃естве́нны 179; со расѣи́ными 111 об., слѡ́пы 8 об.; и̋стѣнпѡ́йшı 240, бж҃твен'нѡ́йшею 180 об., б҃говиднѡ́ишы 240.

Ударение в местоимениях. Личное: вовели́чи на́ мѧ ковъ 73; изменяемое по родам: во имѧ́ тво́е 178 рядом с имѧ́ твоѐ 116; твое́го 13 об., 178, свое́го 2 об., 94; г҃и и влко живот8̀ мое́м8 37, ко твое́моу 5, 30 об., ср. 96 об., 130 об., 177 об., 180 об., 209 об., свое́му 4 об.; главы мое́а 59, мое́ѧ 178 об., на́ ню 204; сі́ю 59, сі́е 185; камень самы́й 164; ѿни (оные) 163 об., и́мѝ 203; за коѐ дѣ́ло 88, и́наго 209 об., едино́ю 33 об.

Ударение в неизменяемых частях речи: но ни́же (= но ниже́) 7 об., внѐгда 175, бы҃ст по́лкъ вели́кї зѡ́ло 3, ѕѣ́ло 39, бж҃еве́нно 178 об., бж҃тве́ннѣ 251, преестеве́нно 200; воск8ю́ 59 об., 252 об., вза́имъ 232 об., посре́дѣ 177, ѫ́вѣ́ 193 об., вопре́ки гл҃ю 72 об., сра́сленно 243 об.

Ударение в глагольных формах. Инфинитив: навыкноу́ти 11, водви́гн8́ти 23 об., разр8ши́ти 25, радрѡ́шити 193, пророчествова́ти 102, помаза́ти 151, повѣда́ти 200, проповѣда́ти 162, радова́тисѧ 162, ѡбрѣза́тисѧ 183 об., м8дръствова́ти 185, дѣла́ти 196, не гл҃а́ти 215.

Настоящее время: славословлю́ 9, 158 об., возвигн8̀ 20, не испи́ю 63, не противлю́сѧ ни вопре́ки гл҃ю́ 72 об., ѿрин8̀ 78 об., оущедрю́ 95, славлю́ 178, 198 об., 201 об., 238 об., прославлю́ 105, ср. 110 об., ѡчищ8̀ 227 об., ѿверз8 251; подаси̇̀ 53 об., зна́ешы 42, извѣств8е́щи 234, ѿл8чи́ши 71, ѡбесмерти́ши 76, тво́рши 160, 161, исхити́ши 231,

ивйшисѧ 253 об.; да ре́четь 27, и̂ пі́еть 178, поболѣзнꙋ́еть 96, и̂зра́сти и прозѧ́бне 175, да подвижи́тсѧ 100 об., ви́си 161 об., испытꙋ́етсѧ 94, ѩко молні́й пора́зи и 248; не има́мы 89, согла́си 248 об., покло́нисѧ 225, 226, 237 об., мꙋдрствꙋи́мъ 185; е̂сте (estis) 216 об., восдастѐ 89, воздастѐ 91, выж'жетѐ 73, бі́ете 179 об., что стойтѐ 213 об., престоитѐ 247, оу̂молкнетѐ 109 об., чꙋ́дитесѧ 190, воцаритѐсѧ 175 об.; не могꙋ́т' 233, работа́ю 12 об., повѣда́ю 129, совѣтоу̂ют' 100, не ви́дѧ (= не вѣдать) 94, насытѧ́тъсѧ 221.

Повелительное наклонение: ѿверзи̂ 56 об., не ѿверзи̂ 225 об., сподоби̂ 12, 222 об., не пребꙋ́ди̂ 147, оу̂строи 244 рядом с оу̂стро́й ib., об., дарꙋ́й 152 об., готови́сѧ 30, не презри̂ 13 об., и̂спол'ни̂сѧ 240; исповѣда́йтесѧ 27, воскли̂кни́те 213 об., сохранитѐ и сотворитѐ 227 об., послѣдꙋ́йте 19, види́те види́те 41 об., ср. 183, видѣ́те 195, постани́те 41 об., оу̂слыши́те 202.

Остатки имперфекта: слыша́ше 232, бесѣдова́ше 182, рѣва́хꙋ 25 об. проповѣда́хꙋ 151.

Остатки аориста: ꙋслыша́хъ 12 об., оумрѐ 2, плака́сѧ 2 об., хс воскрсѐ 121 об., ср. 162, раверзе́ 155 об., на́иде 244, оуслыша̀ 8, содѣла̀ 70 об., 164 об., наслѣдова̀ 70 об., вѣрова̀ 182, пока̀за 232, проповѣда̀ 70 об., заповѣда̀ 102, 118 об., исповѣда̀ 147, не видѣ̀ 70, 197, сопротиви́сѧ ник'то́же 7 об., ꙋкраси́сѧ 'вечёрѧ оуготова́сѧ 73 об., изволи̂ 102, исполни́сѧ 190 об.; видѣ́ста 205 об.; гробъ дости́гоша 151, проповѣда́ша 219, исповѣда́ша 221 об., ѿринꙋ́ша 250 об., видѣ́ша жи́теле 3, ср. 162, оувиди́ша (узнали) 146 об., и̂ и̂сполни́ша 2 об., ср. 251, оудари́ша 81, помысли́ша 71, и̂сполни́шасѧ 228 об.

Прошедшее совершенное (perfectum): шествова́лъ 182 об., изволи́лъ есть 43, исхити́лъ 152 об., насыти́лъ 177 об., оукраси́лъ 180, ѡ̂чтсти́лъ 182 об., оумножи́лъ 182 об., сподоби́лъ 202, и̂сполни́л (нилъ) 234, оу̂ꙗ̂сни́лъ 250 об., покрыла̀ мѧ есть тма 13 об., роди́ла еси 5 об., ср. 77, 161, 166 об., 184.

Причастия. Настоящего времени действ. залога: провидѧ̀ 99, вѣдѧ̀ (видя) свѣтъ 202, имѣѧ̀ 204 об., проповѣдꙋѧ 193 об.; видѧ́щи 98 об.; славѧ́ще 8 об., 162, видѧ́ще 101 об., 182, подобѧ́щесѧ 162, глю́ще 249, видꙋ́ще 183, кланѧ́ющесѧ 130 об., посли̂дꙋ́юще 222 об.; пода́ющомꙋ 34 об., бꙋдꙋ́щаѧ 239, ѿемлю́щіи 253 об., видѧ́щим 181 об., славословѧ́щих 241, свѣдительствꙋ́юща 150 об., требꙋ́ющим 175 об., недꙋгꙋю́щїмъ 202, единомудрствꙋ́ющих 241, витїствꙋ́ющыѧ 244.

Прич. прошедш. вр. действ. залога: въз'се́дый 27, ѿтринꙋ́вый 54 об., воздвигнꙋ́вый 163 об., ср. 164, избави́выи 100, ѡчисти́вый 164, наста̂ви́вый 217 об.; не и̂стовствова́вшаго 221, повѣда́вших 222, вѣнча́вшаго 249, избави́вшꙋю 254 об.; проповѣда́вше 180 об., ѡчисти́вшесѧ ib. видѣ́вше 171, ви̂дѣ́вше 209 об.

Прич. настоящего вр. страдат. залога: Ѿемаема (отнимаемого) 8 об., колѣблемое 198, воспрїемлѐм8 206 об., славимаго 42 об., 183 об., висима 93 об., невидима 104, невидимо 218, видимы 249.

Прич. прошедшего вр. страдат. залога: оукраденъ 163, оукрадена сего 163, расслабленнаго 164, 168 об., 179 об., расслабленныѧ 182 об., водвѣженъ 201, избавлѐнны, ѡставленный 204 об., ѡбложѐна 222, ѡписанъ, не ѡписанный 14, проданъ 43, помазанъ 75 об., не водѣланно 162, не ѡписаннаго 168, несозданна 222, видѣн8 12, видѣнъ 170 об., ѡставлѐнъ 113, возлюбленнаго ib., исполнена 149 об.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Склонение имен. Белорусских или специально украинских черт, явно выраженных, почти не встречаем; везде отражение тех или других церковнославянских особенностей, принявших лишь местные фонетические отличия. Единств. число: белоруссизм — в склонении слова муж. рода с основой на *-а-* по образцу основ на *-о-*: ко Каїаф8 75. По неизвестной причине изменено родовое окончание: воверзи и в горнилъ 86 об. Удержано старинное окончание: ꙗко молнїй поразити 248. Из более редких окончаний именительного отметим *-и* у старых основ на *ū*: оутвердисѧ црькви зовѣщи 23, раУйсѧ црькви бжїѧ 27 об., црькви твоѧ 178 — *ви* при ст.-слав. ꙑ, окончание довольно распространенное и в других др.-русск. памятниках. В родит. падеже: и Іерлим8 174 об., поемъ Ѿроковѣце зачатїе 210 об., крвѐ 24, каменѧ 128 об., сегодне 237, Ѿ тлѧ спси 14, ис тлѧ свобоженїе 16, ис тлѧ мѧ возведи 66, ср. 124 — больше старинные формы. Дательн. п.: трцы 217 об., где *-ы* из старого *и*. Винит. п.: гор8 172 об., но обыкновенно ударение переносится на окончание. Зват. п.: сне, сн8 27, пастыр8 добрꙑ 46, члколюбе 65, животе 97 об., ѡ близньче 140 об., близнче 146 об., смрьти 172. Местн. п.: въ ѡктоих8 250 об.,

Двойств. число: двѣ полѣнци (к полѣнко) 112, четыри крылѣ 36 — подражание случаям с *два — двѣ*.

Множественное число: видѣша жителе 3, Іюдее хулѧх8 21, ср. 88, Іоудее и фарисее 89 об.; часове 126; Ѿблацы 189 (к облакъ); в послѣдна времѧ 182 об. (без -ен-), телеснїи колѣни 236 об. (измененная форма двойств. числа), прочее соборищи 70 (живое явление?), ключа разр8шают'сѧ 13 (винительный на месте именительного), соберитесѧ всѧ звѣрѧ селныѧ 69 (id.). Большинство приведенных окончаний — старославянские. Винит. п. множ. числа: собрати мѣстныѧ кнѧзѧ и и вожда и м8чителѧ 116 об., и с8дїа твоѧ хоще ѡбличити танѧ 147.

От числительного «пять» творительный образован по-новому: пѧтмы (*-ы* вм. *-и*) хлѣбы 182 об.

Прилагательные и местоимения в своих склонениях следуют также старославянским образцам; отступлений немного: црь ѿдѣте҃ восхвалѧемы 27 об., лежит мéртвы 161 об., невѣста бж҃аѧ 252 об. Более редки формы: вдовúча сн҃а 164, трапезѣ дх҃óвной 46 об., стóлпом ѡблачно, ѿгненном 109, не вомѣщáет чрéво назареѡвѣхъ 9 об.

В формах местоимения *вьсь* во множ. числе бывает *и* и *ѣ*, произносившиеся, по-видимому, в данной местности одинаково. Орфографическое *-ѣ-* объясняется влиянием форм косвенных падежей, а *-и-* по аналогии именительного падежа: всѣ̀ 33, висим 65 об. (dat. pl.), пред всúми 71 и т. д.

Спряжение. Особенности в образовании основ: огнем воспалаеми 246 об., равéрглъ 13 (рàзверзлъ), ѿбóлсѧ 64 об. (оболокся), ѡстры́ю же 56 (остригу).

Инфинитив: погреб'стѝ 2 об., почерстѝ 179 (зачерпнуть), почерпстѝ 187 об., ѿверстѝ 102 об.

3 лицо един. числа по старой памяти обыкновенно оканчивается на *-тъ*: ёстъ 134 об. (est), 139 об., восталъ ёстъ 169 об., возвѣстúтъ 204 об., оучúтъ 221 об., прихóдѣтъ 204 об., градéтъ 205; *-тъ* особенно обычно в дописанных после листах: не влияние ли здесь северномалорусских говоров? Окончание *-ть*, как местная белорусская особенность, совпадающая однако с окончанием обычным в др.-русских памятниках, также встречается: молить 30 об., дн҃ь нóсить 32, знáеть, вѣсть 43 об., вопїеть 52, оумрéть 88 об., ѿрыгаеть гл҃ъ 234, исполнить 234 об.; то же и в аористе: снѧть 161 об.; в 3 лице множ. числа: прúмѹть 53 об.

В повелительном интересны формы множ. числа с *ѣ* и на месте *и*, хотя они могут отражать в рассматриваемом памятнике обычное смешение *ѣ* и *и*: идѣте во прéднюю весь 19, прї́дѣте 25, изыйдѣте ѩзыцы и видѣте 26, прї́дѣте поклонисѧ 31 об., прї́дѣте поклонѣсѧ 37, зовѣте егò 59 об., рцѣте 127, прїйдѣте 162 об., почерпѣте 181 об., съраспнѣсѧ 30, не бѹдѣ 78, поклóнѣсѧ 80; даже — поч'те 144 об.

СИНТАКСИС

Особенности в употреблении чисел редки и больше походят на описки: се воистиннѹ гроби запечатлѣсѧ 163, настà днї и 174, трѝ лицѝ еди бг҃ъ 165, семъ дщéрѧ̆ 59 об., тридесѧт повергъ срéбрникѝ 70; рáхуитесѧ чтны женъ лúче 250.

Особенности в употреблении рода при согласовании: двéрем затворéнном 139, прéде сѣнь зáконнаѧ благти пришедшѹ 151 об., свободúлъ ѐси ѿ работы́ тѹжаго 135 об.

Выражение подлежащего формой звательного: самарѧны́ни гди женѣ бесѣдовáше 182.

Обращение выражается именит. падежом: речѐ и҆мъ. а҆́ще оу҆бо вои҆стиннꙋ седра́ха миса́ха и а҆веднаго богѡм моим не слꙋжите... ѿвѣщаша седраха мисаха 117 об.

Родит. п. определения (g. partitivus): еди́на безꙋмных жёнъ 60 об.

Родит. п. при восклицании: ѽ нрава несы́тна и де́рзости безчеловѣчны 70 об. В таком же смысле употреблен и дательный: ѡ Іоу́динꙋ ѡ҆каꙗнствꙋ 58.

Дательный принадлежности: г҃и и вл҃дко животꙋ моє́мꙋ 37, мо҆с҃е радѣл҆т҆е водѣ 132 об., к тебѣ прихождоу источникоу исцѣлѐнїемъ 166 об.

Формы дательного *ти* — *си* употребляются вм. соответствующего падежа «твой», «свой»: заповѣдѐ ти 139 об., на ч҃лколю́бїе ти 144, повелѣнїем си 8, рꙋкоу си 66 об., кр҃том сѝ 139 об., ребро̀ сѝ 141, воста́нїем си 164 об.

Винит. п. от названий предметов одушевленных в старинной форме: сп҃сѝ людѝ своꙗ 165 об., дѣти ражадати 184 об. В роли винит. п. стоит родительный: да сп҃се́ши мі́ра 124 об., плѣниввы а҆́да 160 об., и жа́да низложи 162 об., созиждеть домꙋ 36 об., закона восїа́вши 164 об.

Дополнение в творит. падеже: Ї҆еги́птом всѣм цр҃твова́вшаго 32 об., вели́чїи б҃жїими оу҆пова́ющїи не посрамлѧ́ютсѧ 242.

В сказуемом-глаголе настоящее употреблено на месте будущего: не ꙋмыва́еши (не умоешь) 73 об. Вместо неопределенного вида глагола употреблен многократный: что̀ жвомꙋ ми́ро приношаете 162. Пропущено сѧ: прослезил есѝ над дроугом 5 об. Вместо аориста других памятников употреблено perfectum: воста́лъ есть 122, превелъ е҆́ст 122.

В составном сказуемом творит. п.: чюдеж е҆ст м҃тре д҃вою быти 30 об. Сказуемое выражается причастием с вспомогательным глаголом: бѣ оужаса́ѧсѧ 143, ѿ лица̀ г҃нѧ бѣша бѣжа̀ 106 об.

Причастие утратило склонение, обратившись в деепричастие: возвдизаеши ла́зарѧ лежаще ме́ртва 21 об., видѣте ц҃рѧ входѧще 26, ѡбрѧщете ч҃лка скꙋдель во́ды носѧще 26 об., сего̀ ви́дим терпѧще 28, д҃ше воспрѧнѝ зовꙋще 31 об., не стѧжахъ горѧще свѣти́льника 45 об., видѣвши х҃а воскр҃таше 145, а҆́гг҃ла ѡбрѣтоша г҃лю́ще 152, видѣста его̀ идꙋще 205 об.

Пояснения с предлогами: продае́ши на тридесяти х сребре́ниц 63, за лани́тоу оудари́ша 81, дрꙋга ко дрꙋзѣ гл҃а́хꙋ 151 (одна к другой говорили), не доволно быти на ѿвча 105 об., ѡ҆кроплю на́ вы ч҃тоую водꙋ 227 об., пода́ждь на вра́ги побѣды 249, во свѣди́телство 133 об.

Бессоюзие: ра́еви врата ѿверзѐ вни́де 81 об.

Разделительное сочетание сказуемых: не противлю́сѧ ни вопре́ки г҃лю 72 об.

беспаметливъ: ѡ колики блгъ беспаметливъ бы 78 об.

брушти́нъ: и́лектра, вын. бр8тин 35 об.

бѣзсѣ́да: свою бѣзсѣ́д8 слышаше 245.

везекъ: животнаꙗ течах8 и вовращах8сѧ, ꙗко видѣ́нїе веѯекъ 36.

всеплодїе (жертва): ѡвча на всеплодїе 113 об., и вознеси его (Исаака) на всеплодїе 113.

второкъ 41, во второкъ 147.

вѣчн8ющїй: радо^ст подавая вѣчнующ8ю 170 об.

го́дѣ: ꙗкоже гви го́дѣ быст 50.

градаство: градаство твоѐ Бца ра́ди соблюди 253 об.

грѣнично мѣсто 114 об. (место в горнице).

диаконство: по се дїакоства ма́лаа 44 об., та дїакоства ма́лаꙗ 73, ср. 103, твори дїаконства вели́каа 121 об.

дшеспа̂сецъ: дшеспа́сче спсе 56, ср. 59.

дѣтинный: празн8й дѣтиннаꙗ вѣтвѣ р8ка́ми держа́щи 18 об.

ектéни 37 (ектения).

желтени́ца: ѡпрѣ́сно́къ со желтени́цею 105 об.

зача́ло премрости 176.

избава: избав8 дати 34 об.

Іерусалимита: Андрея Кри^т скаго Їероусалимиты 4 об.

лебза́нїе: продаа́ше гда лебза́нїе лсти́вы 78.

лице: трцоу лици тꙗ чтоу̑ 171.

мамъ: не ма́мъ 187 об., не има́мъ ib.

нафѳа (нефть): жг8ще пещъ нафѳо́ю и смоло́ю 119.

невѣстникъ: ннѣ готови́тес, в' нетлѣ́нны невѣстникъ хотѧщїи вни́ти 41 об.

нѧдра (нѣдра): в нѧдре ѡца 10, в нѧ́дрѣхъ 128, ѿ нѧдръ родѣ́телѧ 207 об.

ѡбожити (оживить): ѡбожи' 157 об.

ѡвама: та́мо и ѡвама 59.

ѡр8жїе (колесницы): во понтѣ покрѣ фараѡна со ѡр8жїе 229.

ѡтрыю (остригу): ѡтрыю же сїю паки главы моеа власы 59.

ѿщетиватисѧ (устраняться): ничто́же да ѿщетиваетсѧ 125.

патрїа́рха Іѡсифъ 30.

пе́рвѣ (во-первых): воспѣвше пе́рвѣ 23 об.

понеделокъ 41, в пнлокъ 128 об., ср. 146.

понѧвица (пелена): гробнаа понѧвица имѣѧ 163 об.

предалство (предательство): лестїю предалства 30.

презъ (через, в течение): поесѧ пре всю семи́ц8 165 об.

преповившꙋсѧ 178 вм. преполовившꙋсѧ в разных местах.

провозносити: провозноси 63 об.

продатель: продателѧ 78 об.

про8вѣрити: еже ѿ гро́ба твоѐ воста́нїе про8вѣрѧа 144.

раждещисѧ (разгореться): пла́мене иже раздего́стесѧ 88 об.

распалатисѧ: не согарѧше распалающесѧ 151 об., ѡгне распалаема 182.

свы́шше 140, ср. 143 об.

славенъ бꙋдꙋ 101 (прославлюсь).
сличный: пѣснь сли́чнꙋю 215 об.
смотрѝ 69 об. (на поле написано вм. зрѝ).
снꙋзникъ (разбойник): снꙋзницы сотвори́ша на́ ны трѝ по́лки 49 об.
согощи: ѡкова́ни бы́ша согоща́ми свои́ми и клобꙋ́ки и сапо́ги и ѿдежами своими 118.
согорꙋ̑ 47 (сверху).
сонмица: со́нмице лꙋка́ваꙗ — что̀ держиш завѣт 28.
сра́сленно 243 об.
средоный: средоны медом 140.
сщеннїи 100 (священники).
сѣдати: сѣдаеть 17 об. (садится).
тварь (польск. twarz лицо): ꙋ̑дарꙗтсꙗ въ тва́р' 74.
оуби́тель 68 (убийца).

28 августа 1928.

оуда́ва (удавление): оуда́воу 67 об.
оужаститисꙗ: да не оужасти́шисꙗ 56 об.
оустрабитисꙗ: оустраби́вшꙋжесꙗ отрочати 49 (когда был вскормлен), оустраби́сꙗ ѡстро́чищъ 115 (заболел).
оура́нше 147 (рано).
ходити (=пѣшешествовати): ꙗ̑ко по сꙋ́хꙋ ходи́въ Іиль 218 об.
царюющїй: црь црюющим 120.
чва́нецъ масла 112 (кувшин).
члоно́ве 84 об.
ю̑жники (узники) 93 об., 146, 193; ю̑жники иже имїаше (союзники) 168 об. — рядом с — оу̑жника 9 об., оужники 173.

ЧЕРВЕНСКИЙ ГОВОР

(Из белорусской диалектологии)[1]

Настоящие наблюдения основываются на следующем издании: *Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны.* Улажыў М. В. Шатэрнік. Пад рэдакцыяй М. Я. Байкова і Б. І. Эпимаха-Шыпілы. Менск — 1929. 8⁰ словарное. 6 ненум. + 320. Издание Белор. Академии наук. Новый выпуск областных словарей, издаваемых БАН, касается народного языка Червенщины, т. е. б. Игуменского уезда Минской губернии. Местность эта центральная белорусская и в отношении языка очень интересная. Материал для словаря приготовлен местным учителем Шатэрником и отличается вследствие этого выдержанностью фонетики, форм и последовательностью, не говоря уже о полной достоверности. Редакции принадлежат только заглавные слова и объяснения их значения, часто курьезные и неправильные, например стр. 140: «крэсла... клин, вставленный между двух *рукавов штанов* сверху для более свободного движения ног»; стр. 148: о «ложке» замечено, что это «русізм», надо де «лыжка», т. е. явный полонизм вводится в белорусскую речь; стр. 152: известное деепричастие «мога́», встречающееся в пословице во всем русском языке, рассматривается как существительное «мага́, і, ж.» (бяжы, як мага, хучэй) и под.

Что касается словарной точки зрения, то редких и неизвестных из других белорусских местностей слов, здесь немного, например: *собіла* ж табе етак абквэцацца 3 Стар. 76 — удалось; ня скажу, *або* ня ведаю 5 ib. — потому что; брытва добра *брыціць* 36 ib. — бреет; што таго народу на месьця *бясчур!* 40 ib. — весьма много; паганю *гавяду* на мох 61 Амельна Пух. р. — скот; ня бось бяз *ганавіцаў* холадна ў рукі 64 Дукора Смилов. р. — без рукавиц, обыкновенно ганавіцы штаны; кінь *гірду* ў дзяжу 67 Жораўкі Смил. р. — каменный топор; *глёўкі* хлеб 68 Стар. — сырой; наша Рагуля *дроўка* 87 Амельна Пух. р. — корова, отелившаяся в три года; булён стаіць у *каўсане* 133 Стар. — миска из дерева; *крымаль* ляжыць на стале 140 ib. — нож с отломанным концом; у сьвіця атарвалася *крыса* ib. — пола: на *міжыкалядзь* у вечара ня можна прасьці 158 ib. — святочные вечера; ня *наўда* вяліка 173 ib. —

[1] «Известия по русскому языку и словесности», т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 225—237 (*Ред.*).

печаль; ік доў *наўскапыта* ib. — галопом; *нахураво̂ў* 174 ib. — побранил; трэба ўкласьці ў пусты вуляй *ноўзы* 178 ib. — соты; *пагудзь* аднаго з іх 186 ib. — похули; *пamapcкóў* 199 ib. — редко посеял; баба, а рабіць *пачай* мужчыны 211 ib. — лучше (паче?); *прысьвялепіўсі* 232 Крамяні Пух. р. — прицепился; *райтузьнік* 242 Стар. — босяк; *Мінск* везде, например, 186, 243, 244; *розгалас* 247 Стар. — эхо; мо' дзе *рэчыцца* дастаць 251 Стар. — случится; дастаў заводных сьвіней ат *сьвесьці* 270 ib. — свояченицы; ты сягоньня *тужыкі* еў 280 ib. — поминальный обед; *умітуськi* бегаюць дзеці 287 ib. — в разные стороны; хлопцы *ходаюцца* 296 Белае, Пух. р. — борются; наняліі мы дзьве *цяраі* 299 Скрыль Пух. р. — работницы по терке; *чэўраюць* 307 Стар. — истощаются; *шабальбоны* 307 Зачай Пух. р. — помидоры; сарочку *запліknýў* шпонкаю 312 Стар. — застегнул; панюхаць *шумят* 313 ib. — мяту. Все эти слова интересны и заслуживают особого исследования. Но главное достоинство словаря в примерах, подтверждающих значение слов: эти примеры приводятся в точной записи, и по ним можно наблюдать фонетические, морфологические и синтаксические черты данной местности.

Не касаясь общебелорусских черт, отметим лишь особенности во всех указанных отношениях, имеющие местный характер.

В ф о н е т и к е. Появление *óў* на месте *áў* после твердых и мягких согласных, после *в*: абазвоўся 3 Старин., адзежу абарвоў у леся; абарвоўся 6 ib., нарвоўся 7 ib., атарвоўся біч ат цэпа 32 ib., ср. 49 ib., абудавоўся як мая быць 6 ib., адукавоўся 15 ib., нагаравоўся 171 ib., няківоўся 230 ib., добра аткірмашавоў 12 ib., мала полюдзкавоўся 198 ib., збунтавоўся 113 ib., згаблявоў дошку 114 ib., пачаставоў 211 ib., бусял аставоўся жыць на бярозя 22 ib., пабаранавоў 284 ib., ахвяравоўся 24 ib., заскавоў парасё сабаками 108 ib., запакавоў 105 ib., парвоўся 240 ib., сапсавоўся хлóпец 33 ib., хавоў, хавоў грошы, пакуль ня дахавоўся 80 ib., зачаравоў 111 ib.; после *г*: зачыкільгоў 112 Стар., цягоўся б 246 ib., сьцягоўся за дзень 274 ib.; после *д*: доў яму кія й мяла, і таго ашчэ мала 81 ib., ік доў наўцякача 81 ib., ня дадоў рубля 3 ib., аддоў же грахе 72 ib., прадоў 75 ib., удоўся агурочны расол 9 ib., падоўся вучыцца 186 ib., здагадоўся, чалавеча, уцячы, ато доўба 115 ib., так атспавядоў стага смаркача 14 ib.; после *ж*: я йспужоўся 28 Стар., спужоўся 88 ib., Пракоп ізжоў заломак 104 ib.; после *з*: зоўтра 72 Стар., ср. 119 ib., 206 ib., я казоў 8 ib., атказоў сыну ўсе грошы 11 ib., што сказоў, то й зрабіў 17 ib., яму з боку подказоў нехта, што казаць 118 ib., увязоўся 111, завязоў 129, кот зьлізоў увесь вяршок 60, палузоў же гарбузікі 65 ib., атпяразоўся пояс 13 ib., падпяразоўся поясам с кутасамі 143 ib., пяравязоў 140; после *к*: падшукоўся я на бычку: дзешава прадоў 192 ib., конь уцякоў, а я стоў 2 ib.; после *л*: такі воз наклоў балванак 28 Стар., ср. 117 Дайнава Пух. р.; после *м*: паламоўся вяз 59 Стар., галіну зламоў 63, зламоўся 110 ib., наламоўся 168 ib., трымоў ба 122 ib.; после *н*: гноў 284 Стар., пагноўся 240 ib., ср. 185 ib., застагноў хворы 109 ib., падхіноў 191 ib.; после *п*: папоўся 8 Стар., прышоў Пятрок — атпоў лісток 13 ib., камяням папоў у самая брыво 36 ib., папоўся 23 ib., прапоў 216 ib., воўк

паткап*оў*ся 24 ib., закап*оў*ся 70 ib., сп*оў* (спал) 90 ib., Сямёну рэз прып*оў* у самуй лагавіня 144 ib., падуп*оў* здароўям 191 ib., ўсё пахап*оў* 28 ib., нахап*оў*ся 173 ib.; после *р*: а мо' ета і пр*оў*да 18 Стар., ср. 28 ib., пр*оў*ду табе кажу 32 ib., ср. 46 ib., няпр*оў*ду 180 ib., ср. 181 Клятное Пух. р., пр*оў*дзіць гадалка 226 Стар., дайгр*оў*ся 76 ib., пайгр*оў* 286 ib., абабр*оў*ся етакі-то разумны 1 ib., абабр*оў* да йголачкі 3 ib., шмат набр*оў* 14 ib., ср. 33 ib., 46 ib., вады набр*оў*шы 156 ib., набр*оў*ся 42 ib., бабу сабе такую падабр*оў* 26 ib., бог забр*оў* 81 ib., мір народу сабр*оў*ся 158 ib., аткр*оў*ся ад гурту ды пашоў адзін 12 ib., мала назьбір*оў* 16 Вострава Смил. р., ср. 42 ib., задр*оў*шы 76 ib., пазір*оў* 22 ib., адны ганькі ўзар*оў* 170 ib., ср. 239 ib., стар*оў*ся 248 ib., укр*оў* 283 ib.; после *с*: атькас*оў* 11 Стар.; после *т*: ст*оў* 24 Стар., пахудзеў, ст*оў* нейкі бляды 33 ib., ср. 38 ib., ср. 43 ib., аст*оў*ся 22 ib., нідзе ня даст*оў* капейкі 4 ib., даст*оў*ся 247 ib., прыст*оў* 16 ib., уст*оў* 46 ib., ср. 70 ib., снапоў дзісятак абхваст*оў* жыта 7 ib., атхваст*оў* 15 ib., с кім ты там віт*оў*ся (= здоровался) 47 ib., стапт*оў* лапці 145 ib., зглыт*оў* малоко 115 ib.; после *х*: напх*оў* 130 Стар.; после *ц*: абяц*оў*ся 8 Стар.; после *ч*: я маўч*оў* 158 ib., пач*оў* 76 ib., што пазыч*оў* 10 ib., адзіч*оў* наш кот 11 ib.; после *ш*: купіла собѣ арш*оў*скаю хусту 21 Стар. Сочетание *оў* после *ј* и смягченных согласных: ужо й зба*ёў*ся 112 Стар., вазончык наш зав*ёў* 147 Забалоцьце Смил. р., чаго толька ён ня выраблёў 56 Стар., зацугл*ёў* жарабца; зацугл*ёў*шы спакайней 111 ib., куды ўз*ёў* нож 10 ib., накупл*ёў* 123 ib., наспраўл*ёў* 11 ib., ган*ёў*, ган*ёў* 18 Крамяні Пух. р., я нічога ня пан*ёў* 158 Стар., нан*ёў*ся 128 Дукарка Смил. р., так абц*ёў* яго 7 Стар.

По акцентным причинам, в связи с действием ложной аналогии, находится появление *о* вм. *а* в следующих случаях: ня зн*о́й*дзям 177 Стар., ён ня валад*о́*я ні рукамі, ні нагамі 42 ib.

Безударные гласные подвержены сильной редукции, вследствие чего здесь развито сильное аканье и другие изменения безударных гласных. Как более редкие случаи отметим *у* вм. *о*: я а бож*у*м сьвеця ничога ня ведаю 1 Стар., на ет*у*м тыдні 24 ib., сын жыве ў бацькаўск*у*й хаця 30 ib., у сам*у*й лагавіня 144 ib.; в полногласных формах: рану засыпалі дзяр*у*зою 85 ib., сеў сяр*у*д ха́ты 275 Раўнапольле Смил. р., под влиянием форм настоящего вр. *у*: стоў выдзьмух*у*ваць 52 Стар. Нередко имеем *а* вм. *у*: скін*а*ўся с печы 9 Стар., ляжыць выцягн*а*ўшыся, ік няживы 58 ib., каб ты выцягн*а*ўся ib., мне ня пакін*а*ў 115 ib., ета-ж ты насун*а*ў 172 ib., ўсун*а*ўся ў хату 234 ib., калі абеліш п*а*гаўё (= пугаўе) 8 Слопішча Шацк. р. *У* вм. *а* в сокращенном слове: к*у*ў (= казаў): я табе куў што етак 143 Стар. Даже *ы* в известной частице «бы» изменяется в *а*: послужиўб*а* 20 Стар., усё зрабіўб*а* 59 ib., трымо́ўб*а* 122 ib. То же в сокращенном выражении: «трэ' б*а*ла» (из трэба было), например 9 Стар., трэ' б*а*ла ацьціскаць 15 ib, ня трэ' б*а*ла яго варочаць 43 ib. Вследствие сильного аканья *е* в глагольных формах настоящего времени, будучи безударным обыкновенно (не без влияния вероятно принятой у белорусов орфографии) переходит в *а*: атвальва*я*цца 10 Стар., чаго вяж*а*сься 12 ib., атклёйва*я*цца сама папера 12 ib.

(но тут же: боляй дай клею ато атклéiцца); *а* вм. *е* — *и* (*ы*) имеем в др*а*гва 87 Навасёлкі Пух. р. Совершенно противоположное аканью явление представляют случаи появления безударного *і* на месте *е*, основного или вторичного, причем чаще в положении между смягченными согласными, или по крайней мере при одном мягком согласном: абля(*і*)мованыя рукавэ 4 Стар., к калодз*і*жу (*и* из ѧ) 34 ib., хай сынэ ц*і*пер робяць 13 ib., дз*і*н-дóбры 75 ib., да м*і*не 16 ib., атпудзілі ваўкоў ат с*і*бе 13 ib., н*і*ма 18 ib., нічога н*і*ма 11 ib., хотя здесь в составе слова можно видеть и отрицание «ни»; довольно странно *и* в *і*к из «як»: *і*к залезлі ў садок 10 Стар., *і*к хвац*і*ў бацька рэмень 13 ib., работа пашла, *і*к па маслу 14 ib., ляжыць акамянелы *і*к памёршы 17 ib., жыве сабе *і*к барынь які 30 ib., каб *і*краз было пуд 76 ib. и т. д. Переходной ступенью от «як» к «ік» конечно было южнобелорусское «ек». Иногда *і* здесь количественно совершенно редуцируется: 'к відзіш стаптоў лапці 145 Стар. Ничего общего не имеет с указанным переходом *а* в *і*: г*і*дліві 67 Крамяні Пух. р., г*і*дка й зесьці, жаль пакінуць 67 Клятное Пух. р., где *і* из *ы* (гыдъкъ); в этом же роде в*і*сокі 47 Стар.; вот в*і*сока журавэ ляцяць ib., где уже в старом белорусском рядом с *ы* встречалось и *и*. При сильном аканьи являются редкими случаи перехода безударного *а* в *ы* — *и*: етак сякучы можа вышчарбіцц*ы* тапор 59 Крамяні Пух. р., грызуцц*ы* цэлаю раньніцу 72 ib., абгароджан ч*ы*стаколом 2 Стар. По аналогии со словом — гл*ы*тáць, где *ы* на месте ъ, имеем *ы* и в слове «глыт»: малака асталося на 'дзін гл*ы*т 68 Стар. Редукцией количественной гласных объясняется и исчезновение в некоторых случаях безударных гласных: на скавардзе 20 Раўнапольлè Смил. р. (при сохранении вообще полногласных форм — парасюк 242 Стар.), жалваньня 18 Стар.; это особенно заметно в тех случаях, когда одно, обыкновенно краткое слово, оканчивается на гласный, а другое тесно примыкающее к нему начинается с гласного, так что как бы происходит слитие гласных: шклянка н*е*'к (= не як — как то) выранілася 56 Стар., кладзі ты харашэнька, а н*я*'бы (= не абы) як 135 ib., вецяр п*а*'буроў (= по об. . .) платэ 181 ib. Не будет утраты гласного, а особое прояснение старых глухих в: бярвіна 18 Стар., бярвіно 97 ib. (из бърьвьнò).

Несколько неясных случаев появления *э* вм. ожидаемого *о*: бег, бег, ды калі грэкнаў 72 Лядцо Пух. р., падатры сэплі 274 Вострава Смил. р., ссыпалася с клубка часэўка (= пасма) 305 Стар., рядом с «час*о*ўка» ib. Крамяні Пух. р.

Мелочи в области гласных: *ó* на месте *é* перед твердым согласным: Хоўра ўч*о*ра аснавала кросна 22 Вострава Смил. р., ня размулёўвай 241 Стар., пук лёну 235 ib. (где *е* из *ь* и должно бы исчезнуть); слово начинается с *ы*, явившегося вторично из *а*, *о*, *и*: *ы*т, падла нейкая 315 Стар., *ы*х, як прэ яблыкі ib., *ы*ш ты які хват! ib. *Ы* после твердого согласного: палажы яблыкі пад*ы*спад. Сала пад*ы*спадам 192 Стар. Приставочное *и* перед группой согласных, между которыми был глухой: у сьвіньні вялікія *і*клы 124 Стар., чорт ты *і*клаты (с большими клыками) ib.; у выльнè шмат дросяню 146 ib.; иначе объясняется *й* в «з вадою *й*зесьци» 22 Стар., где смешение предлогов *из* и *с*.

Народной этимологией объясняются некоторые случаи появления гласных не на своем месте: працярабілі лазу на с*ы*нажаці 226 Стар. (из сѣножати), с*у*ра*в*ежак 268 ib. (сыроежек), вядро стаіць на з*а*слоня 108 Турэц Смил. р., прысядзь во на з*у*слоня ib. Стар., падстоў з*ы*слон Дукора Смир. р., ў з*а*слоне 245 Стар., сук*а*ла 268 Стар., сук*ай*ла Маторов*а* Смил. р., сук*алья* Вострава Смир. р., пашла на зм*у*ршчыны 118 Стар. (от «миро»; которое в рукописях писалось мѵро), йшла «тамабіла» 276 Крамяні Пух. р. (автомобиль).

В области согласных выступают обычные белорусские особенности. Как более редкие случаи отметим: довольно частое отвердение *л*: выткала пасьце*л*ку 57 Стар., вясе*л*ца 61 ib., ся*л*цо 169 ib., за ко*л*ца прычэпляна 233 ib. Отвердение других согласных: засакатала — і ліха яе ма*т*ару разьбярэ 108 Стар., ліха іх ма*т*ары 184 ib., но только когда «маци» употребляется в ругательствах, обыкновенно — мацяры; с*т*эрва и сьцерва 267 Стар. — в том же употреблении. В слове «гнюс» (у ха́цця шмат г*ню*су; г*ню*с еты ўсё заг*ню*сіў 69 Стар.) — образование известное уже в старых белорусских памятниках. Сочетание *к* с *е* редкое в белорусских говорах: ціпер у с*ке*м трэба сьціснуць дошкі 257 Стар., высахла баба ў с*ке*пку 56 ib., ср. 257 ib., с*ке*міў, у чом дзела 257 ib. Стремление избегнуть звук *ф*: аштра*п*авоў 17 Стар., праз ар*х*у, новаю ар*п*у 21 Скобраўка Пух. р. Редкие случаи ассимиляции согласных: дра*м*ней рэж сечку 86 Вострава Смил. р., а*н*даваць, а*н*даць 18 Слабішчы Шацк. р., сёлета ла*н*ны авёс 144 Крамяні Пух. р., аста*нь*ні раз 22 Стар. В «адзіна*н*цацяра» 11 Стар. *н* под влиянием предлога *на*. Уподобление согласных по звучности в полной силе: а*д*гулёў 11 Стар., а*т*вага 9 ib., а*т*веўся 10 ib., а*т*вальваяцца ib., а*т*рэжуць нагу 19 ib. Как можно видеть из последних примеров, глухие стоят даже перед *в* и *р*. Чередование *г* и *ж*: няў*ж*о ета проўда, няў*ж*о-ж, няў*г*ож 181 Клятное Пух. р. Группа *шч* вм. ожидаемай *жд͡ж*: даволяй табе ўжо вішчаць 47 Стар. Отпадение согласных: *j*: ашчэ скаціна акалечыцца 17 Стар., ашчэ троха дадай 76 ib., ср. 316 ib.; *в*: *а*зьму пілу 16 Клятное Пух. р. (хотя здесь можно видеть и приставку *оз*, а не *въз*), купіла сабе *а*ршоўскаю хусту 21 ib.; отпадает также и развившееся из *в* — *ў*: які паляц ня ўкалі, 'сяроўна баліць 197 Амельна Пух. р. Перед начальным *о* обыкновенно приставляется *в*: атарвоўся *в*очап 49 Стар., но может его и не быть: хлапцэ пабеглі ў *в*арэхі, но — доў масла с *а*рэх 21 Стар.; пропуск начального *h* или точнее — замена его посредством *j*: абгаблюй *е*ту дошку 2 Стар., на *е*тум тыдні 24 ib.; приставочное *н*, как память о предлоге, оканчивавшемся на *н* в сочетании с глаголом; вместо него может быть *j* (i̯): ня хочу *ня*ць веры етаму, ня йму табе веры 181 Стар.; не приставка *й*, а смешение предлогов *из* и *с* в «вова йзесьць» 47 Стар. Редкий случай вторичного удвоения согласного в предлоге перед *j*: *йзьз*есьці 310 Стар., сала й то ня *изьз*еў 316 Стар. Вставочное *н* перед *др*: прынёс из а*н*дрыны сена 14 Раўнапольле Смил. р.

Еще несколько слов об отдельных звуках: пчала ік *джг*не жала 82 Стар.; *г* (g?) вм. *к*: усё было абмяргѐвана 5 Стар.; *зк* и *зг* (zg): нехта бра*зк*ая 35 ib. и пакінь бра*зг*аць ib. Крамяні Пух. р. В «коні рэуць»

247 Слопішча Шацк. р., старина. Народное перетолкование: сундук абабілі *зя*лезам 2 Стар. (не без влияния предлога *за*), урадзіла добрая буль*б*а, насыпалі два паграбэ буль*м*ы 37 Турэц Смил. р.; *н* вм. ожидаемого *м*: робячы панчоху ў паце*н*ку 49 Стар.; *х* вм. *б*: ўвадроў такую а*х*мылку 24 ib.; *д* и *н*: паві*д*на быць усё добра, паві*н*на свайго аўса хваціць на насеньня 184 ib.; *н'н — дн — л'н*: ся*нь*нік 275 Стар., ся*д*нік ib. Дукора, ся*ль*нік ib. Турэц Смил. р.

Переходя к морфологии, отметим несколько более редких словообразований. У имен *существительных*: пальчатка (перчатка) 198 Стар., цяпелца (огонек) 303 ib., на мардасах 155 ib., балдавешка 28 ib., на дварэ абліваха халадэча 4 ib., ср. 292 ib., пісоў пісака што ня разьбярэ й чытака 217 ib., ср. 307 ib., сучна (старая сука) 269 Вінча Пух. р., далячыня 77 Стар. У *прилагательных*: Сукно вышла вотаўсьця (несколько толстое) 48 Стар., прышыў бліщчустыя гузікі 33 Стар., наш азярод вышэйшы за ваш 59 ib., нейдзя выпараў малюпанькага (обыкн. малюпаньцінькага) грыбка 154 ib., мышасьцянькі конік 161 ib., прыкаратак (коротковатый) 229 ib., ён дык дужэразны (весьма сильный) 89 ib. Из *числительных*: яму шэйдзісят год 210 Стар., Из *местоимений* отметим: гэнаму чалавеку ня вер 74 Смиловичи, нейчы (чей-то) чужы тапор узёў 176 Стар. Целый ряд местоимений и и наречий местоименных могут иметь при себе «абы» в смысле «либо»: абы-дзе кіня, абы-каго ні папоў, абы-калі можна зайці, абы куды пайду, абы-чыё, абы-як 7 Стар. Из *союзов* отметим *а* = *и*; Казянінкі *а* Пўдзіцак 1 Стар., *ато* = так как, в противном случае: абкрыйся ты якою плаціпаю, ато дрыжыш 3 ib. У *глаголов* отметим причастия, обратившиеся в прилагательные: прыбіўся к нам валачашчы кот 41 Стар., купіў валяшчы тапор 42 ib., захацеў гуляшчага хлеба 73 ib., жывушчы, ік кот 95 ib., причем у некоторых причастий и самая форма несколько изменилась. Отглагольное *междометие*: чабох вядро вады 303 Стар. Из *наречий* отметим: образованные от существительных: *доля* (внизу, из долѣ) валяяцца бляшка 33 Стар., нейчая сьвіта валяяцца *доля* 86 ib., далоўкі 77 ib., дамоўкі 78 ib., дарма ніхто ня будзя табе рабіць, яму каб усё дарам 79 ib., сюдэю нельга прайці 176 ib., ср. 283 ib., сягодні 274 Запярыньне Пух. р., сягодня 275 Стар., вазьмі місу аберуч, абе́ручкі трымайся 3 Стар., стаяць поруч, яны пашлі поручкі 221 ib., дапраўды яно ўсё етак і было 78 Турэц Смил. р., дарэчы (= кстати) сказать 79 ib., дазваньня (= совершенно) высахла дзяўчына 76 ib., ік доў наўцякача 81 ib., дарога йдзе наўскасяк 173 ib., вядзі каня ўзбок, а ня мяжою 285 ib., пярун раз-па-разу жарыць 242 ib. В связи с прилагательными наречия: ня варта (= не следует) з дужым біцца 43 Лядцо Пух. р., змалацілі ёўню ашчэ дараньня, чуць аж ня да-ранку 79 Стар., надаляй 165 ib., даваляй табе ўжо гаманіць 63 ib., даваляй яе гнаіць 69 ib., ср. 75 ib., жаруць яблыкі, балазе шмат селята ё іх 28 Раўнапольле Смил. р., балазей Васільку: яму сынэ памогуць 28 Стар., ён барджэй садзіцца жраць

4 ib., сухама адзін хлѣб ня смашны 269 ib., што ты вельма атпіхаясься 13 ib., вельма трасе 35 ib., вельма грязь вялікая 176 ib., дзеці кінуліся ніцма (стремглав) да дому 178 Голацак Смил. р. В связи с местоимениями наречные выражения: адно (= только) ўсё крычыць 13 Стар., ціпер, гэнам (= вот так), ня такі сьвет стоў 74 Смиловичи, на што атаброў у дзіцяці цацку 9 Стар., то-ж-то 177 ib.

Слова сокращенные посредством утраты слогов: глї (≐ глядзі), што тут робіцца 68 Клятное Пух. р., знацца (= значыцца) я яму й кажу 118 Стар., зры' (= зрабі), што казаў табе 119 Клятное Пух. р., сягоньня ма' (= мае) быць будзя дождж 152 Стар., а мо' (= можэ) ета і проўда 18 ib., мо' жыватэ палепшаюць 68 ib., ня трэ' (= трэба) бала выкачуваць 53 ib., у картоплі чоршта (= чорт ведая што) асоту 22 ib., мая хлеба по вушы й грошай чоршта 38 ib., чоршта вугалю нагарэла 49 ib., грашá ў яго чоршта 71 ib.

Примеры сложных слов: крэпка зроблена хата веквечная 44 Стар., авёс пасеяў ў аднавор 12 ib., надзеў боты галоступкам 63 ib., дармаед 79 ib., злы́бяда 117 ib., усякі злыдзень 117 ib., ня вер ты етаму крутасьвету; думаясься крутасьветка ета табе проўду скажа 139 ib., жаба ты лапавухая 145 ib., скараспелка 224 ib., пустамалот еты 235 ib., трыгубіца 279 Турэц Смил. р., шмаравоз 311 Стар., рабаліцы 239 ib., сьціхамірыцца 274 ib., ат, гаварыш ты на вей-вецяр 61 ib., ой еты прайдзі-сьвет 224 ib., нарабілі куродыму поўну хату 143 Стар., далібóштачкі (= ей богу) 77 ib., па сяле ходзяць піластавы (= починяющие пилы) 217 ib., сьвінапас 271 ib., згубіў сваю труданошку (= сумку для денег) 279 Каробавічы Смил. р., цярасьсядзельнік 299 Стар.

Некоторые союзы и наречия местоименного происхождения: або (= разве полонизм) я ведаю што 5 Стар., даўжо-ж (= ну да), хіба и ты поедзяш са мною 80 ib., коні недзьдзя ходзяць 43 ib., тапор во(з)дзяка во 48 ib., вуньдзяка вунь наш конь ходзіць 50 ib., вэ́ньдзяка павук злавіў муху 184 ib., тутака, тамака 276 ib., кудэю тут прайці 141 Стар., тудэю 280 ib., сюдэю идзі 274 ib., усюдых ён побывоў 290 ib. Междометие: глё-глё-глё 68 Вострава Смил. р.

Переходя к *склонениям*, прежде всего отметим несколько случаев, интересных в отношении рода. Так на сонца найшоў аблáк 4 Стар., цень саўсім маленькі, баіцца свайго тня 298 ib., ср. 277 ib., копыт у каня цьвёрды 50 ib., на грыўня (от имен. п. грывень) купіў булку 72 ib., вот майстра атрабіў вазок 13 ib., самая брыво 36 ib. Так как безударное *о* окончания слов среднего рода переходит в *а* и такие слова по окончанию совпадают с женским родом, то и прилагательные при них становятся похожими на слова женского рода: вялікая шчаціньня 6 Стар., пяраламалася грабілна 70 ib., такая-ж ачамярэлая дзіця 25 ib., горкая дзіця 70 ib., зерня малоя 116 ib., парася 203 ib. В словах дзіця, зерня, парася последное *а (я)* конечно древнее из ę; при замене его посредством *е* прилагательное все же имеет окончание, сходное с окончанием женского рода: здохл*а* кацянё 116 Стар., наш*а* жарабё 124 ib., нейдзя прапал*а* адно куранё 142 ib.,

чыё ета сьвінчо етак*ая* сыт*ая* 271 ib., даже без существительного: але-ж каб лю́дзк*ая* што было 79 ib. Из других падежей единственного числа отметим более редкие случаи: с паўдня дождж пашоў 222 Стар., сватаўя наехала на вясельля 254 ib., нарвалі конскага шчоўя 137 ib., наварылі шчоўя 314 ib., з етым дзіцям 77 ib., угадай, у яком вуся зьвініць 120 ib. Во множ. числе в муж. роде очень распространена форма на *э — е:* абудва рукавѐ 7 Стар., аткашы рукавѐ, аткасоў штанѐ 11 ib., зьвяліся у нас бабрѐ 26 ib. (но усе бабры́ дабры́ 26 Слопішча Шацк. р.), асыпаюцца жалудэ 94 Стар., падай, сынку, абцугѐ 7 ib., мазге пацяклі 152 ib., бацьке́ кляпоцяцца 1 ib., ходзяць аблакѐ 4 ib., у батраке́ идзі 30 ib., будуць бураке 37 ib., пашлі ў буяке́ (=голубика) 38 ib., а кадуке́ (=бесы) яго ведаюць 125 ib., два жаніхе 93 іб., у сена запакавоў цьвіхе 105 ib., тры рубле 52 ib. Иного рода *е* в дзьве качарзе 133 Стар., и купіла соды на дзьве яйцы 316 ib., где *е — и — ы* из *ѣ — и* двойств. числа. Вин. п. пасу коні 13 Стар. Интересно конечное безударное *а (я)* из старого *ѣ* в сьвіньн*я* лазяць 241 Стар., ня будуць лазіць чужыя сьвіньн*я* 172 ib. Местн. п.: бегаючы па кусто*х* 58 ib.

В склонении прилагательных обращают на себя внимание следующие формы: род. п. жен. р. на *-аі* безударное, напоминающий украинское *-оі* из *-оѣ*, хотя белорусское *і* выводится и из *е* безударного, равного *ѣ:* з бел*аі* краскі паурывоў ліськікі 31 Стар., здатны да ўсяк*аі* работы 115 ib., і паветр*аі* німа на яго 184 ib., прынясі сьвеж*аі* воды 267 Матарава Смил. р., чырвон*аі* хварбы 307 Стар. В вин. п. женского рода, как во многих южновеликорусских говорах, бывает *-аю* вм. *-ую:* акзамянт здоў за сельск*аю* школу 17 Стар., узёў нейк*аю* бадзюку 27 ib., на багат*аю* куцьцю 217 ib., нов*аю* арпу 21 Скобраўка Пух. р., купіла бадзістав*аю* хустку 27 Слопішча Шацк. р., цэл*аю* вядзёрку нацякло бярозавіку 59 Стар., надзеў вышыван*аю* сарочку ib., у вялікадн*аю* суботу 60 ib., надзеў кужэлн*аю* сарочку 141 ib., вялік*аю* скепку 257 ib.; то же и у местоимения: ня 'ткараскацца ад благаты ет*аі* 11 Стар. В твор. п. мн. ч. «асінавамі дрывамі» 21 Стар. *а* на месте безударного *ы*.

Местоимение «той» играет роль члена: нечага братацца з злодзяям *тым* 35 Стар., лётая ік вашанё *тоя* 44 ib.

В *спряжении* обращает на себя внимание распространение основы глагола «лити — лью» прибавкой гласного *е*, который можно бы выводить из *ь* настоящего времени, но можно в нем видеть и отражение *ѣ* инфинитива кратного глагола: залеяўся жар у ямца, калёса зал*е*яліся ў глеі 104 Стар., ср. 250 ib., лі воду на рукі. Я добра л*е*ю. Із міскі л*е*яцца на стол 148 ib., нал*е*ялі пузыр газы 235 Крамяні Пух. р., дождж ік з вядра л*е*я 139 Стар., што дзень л*е*я дождж ды л*е*я 312 ib. О проникании в *-ова- у* из настоящего времени уже была речь: стоў выдзьмух*у*ваць пыл 52 Стар.

Более редкие случаи неопределенного: ета-ж можна аглухці 8 Стар., будзя мерзьці на дварэ 157 ib., набракці (набухнуть) 163 ib.

В настоящем распространена форма *ё* (есть): вярніся: ё к табе дачыненьня 81 Стар. В 1-м лице мн. ч. вместо ожидаемых *-ем*, *-им*

очень часто *-ом, -ам* (в случае безударности окончания) с отвердением предшествующего согласного: мы жыв*о*м 244 ib., хлеб яд*о*м 80 Стар., ср. 91 ib., 147 ib., зараз даграб*о*м 76 ib., хучэй дажн*о*м ды пойд*а*м ib., прадад*о*м 148 ib., зоўтра буд*а*м атвозіць 10 ib., асёлак буд*а*м касіць 21 ib., буд*а*м красіць 60 ib., жарабё буд*а*м самі гадаваць 61 ib., зоўтра пойд*а*м у грыбэ 72 ib., ср. 119 ib., бяз цібе абойд*а*мся 10 ib., для 'днаго абеду сем міль ед*а*м 3 ib. (вм. еду), аберн*а*м воз 1 ib., ці застан*а*м яго дома 173 ib., памог*а*м 168 ib.

В 1-м лице мн. ч. повелит. наклонения обыкновенно *-ма*, предполагающее *-мо:* аблужы*ма* троха пасолі на полудзянь 4 Стар., абмый*ма* ногі 5 ib., аблічы*ма* копы ды будам дзяліць сена 4 ib., бяжы*ма* атварачуваць коні 10 ib., бяжы*ма* туды 30 іб., аддыхні*ма* троха 11 Крамяні Пух. р., скачай*ма* віку ў валек 42 Стар., хуччэй ві*ма* путы ды павядом коні 47 ib., займай*ма* каровы да гані*ма* дамоў 101 ib.; давай знасі*ма* снапэ ды пойдам дамоў 119 ib., ня прымай*ма* боляй нікога 142 ib., разам пачынай*ма* 211 ib., дай распрастры*ма* коўдру 244 ib., но и «хадзім абарачваць вазэ» 1 Стар.; 2 л. мн. ч.:ваз*е*це дамоў сена 41 ib. Давнопрошедшее: кажуць, пан быў дзеўку ўмуравоў 287 Стар.

Несколько редких случаев постановки *ударения*: на мост прыцягнулі баб*ý* 26 Вострава Смил. р., пачакай, зараз у іх будзя бітв*á* 32 Стар., у Вахрэма ужо в*ý*сы парасьлі 50 ib., г*ó*спад 70 ib.

Переходя к с и н т а к с и с у, отметим следующие особенности: слова употребляющиеся только во множественном числе: ж а р т а ч к і: цэлу ночь юшка была аччыняна 16 Стар., ж а р т а ч к и, етулька часу змарудзіў 118 ib., ета ж а р т ы: так выпсаваць гэблік! 93 ib., у дрыжыкі кінула 88 ib., ходзиць дзяўчына і ж а ў т у х і ў Марціна выгаваравая 93 Навасёлкі Пух. р., л у к а ш а ч к і (=малое корыто) раскололіся 149 Белое Пух. р., бачыць, што ня п я р а л і ў к і 214 Стар., а мае вы д з е т к і! як жа ты замарыўся! 82 ib. — в последнем случае стереотипное выражение, применяемое и к одному предмету. Противоположное явление — единственное число для обозначения многих предметов: кругом жыве адна б я д н о т а 39 Стар., на благавешчаньня прылятая б у с е л 32 ib., м о ш к а ўсе ў полі поела 149 ib., неопределенно: калі абтынкаваць хату, дык я н о лепяй 6 Стар.

Предложения бессубъектные, иногда приближающиеся к личным: у века т р э б а новая абячэйка 8 Голацк Смил. р., ета-ж т р э б а атвага 9 Стар., т р э б а высячы агню закурыць 57 ib., ува ўсёй пасудзя т р э б а новыя дны 85 ib., пуга т р э б а на яго 146 ib.; духе с цібе ўперад в ы п р а 90 Стар., маўчыць — і духе яму з а ц я л о 90 ib., а каб табе з а н я л о. . ., дык аж духе з а н я л о 101 ib., саве ўсяроўна б а л і ц ь (=больно) 28 Запярыньне Пух. р., чуць в і д а ц ь маленькая зорачка 119 Стар., якія навіны у вас ч у в а ц ь 306 ib.; ч о р т я г о усіх здаволіць 115 ib.; ужо с т а л а брацца на зару 107 ib., сорам яму стала 261 ib.

Составные сказуемые в предложении: ціпер Юрка стоў вялікая асоба 22 Стар., пахудзеў, стоў нейкі бляды 33 ib., грозян рак, да ззаду вочы 71 ib., ня наўда вяліка, науда вялікая мне 173 ib.; наша (сьвіньня)

ўжо апарасіўшыся 19 ib. Более редкие случаи простого сказуемого: вот стоў бўрыць дождж 38 Стар., меўся ў лес ехаць 157 ib., кароў наганёўся 162 ib., бачыць што няпяраліўкі — ды ходу 177 Стар., ён баржджэй ходу с хаты 296 ib., цапу-лапу ды ўсё пахваталі 298 ib.

Отступления в согласовании: у хаці з а ц ь в і л а столь і куткі 111 Валае Пух. р., д а в а й, хлопцы, помогам на ету вагў падняць вугал 168 Стар. Похоже на описку следующее место: калі ня хочаш аддаць-*мя*, дык трэба адрабіць-*мя* 14 Смалярня Шацк. р.

Усиление отрицания при глаголе: саўсім атышла каса: ані ня бярэ травы 15 Стар.

Выражение взаимного действия: йзноў пачоў любіцца з дзеўкаю 150 Стар. шчупацца з дзяўчатамі 314 ib., ніяк яны ня падзеляцца паміж сабою 199 ib.

Пояснительные слова в род. п. (больше genet. partitivus): наброў веялку я ч м е н ю 46 Стар., аддай, дык дам п я р а й м а 213 ib., пазыч, кумок, мне р у б л я грошай 142 ib. (последние две формы можно рассматривать и как винительный в форме род. п.), глядзі, чалавеча, ато атсьцёбаю д у б ц а́ 15 ib., зрабіць курам к у р о с а д н я 143 ib., глядзі, а то палучыш л о ж к і па лабэціня 144 ib., маўчы, ато заробіш м о т а р я (= палка для носки ушатов) 159 Скрыль Пух. р., доў таму гіцлю добраі п р а б о р к і 222 Стар., можаш і сама схадзіць в а д ы 30 ib., пусьціўся с а р а м а чалавек 235 ib. (род. аблятивного происхождения).

Дат. п. вм. родительного: ч а м у ты стоў варт 43 Стар., жадзен к у с к у хлеба, ня жадны мы ні с а л у ні м а л а к у 92 ib., дзе т а б е, кажа, я броў тваю шапку! 82 Стар. (dat. ethicus).

Вин. п. времени: іці б л і з к і с ь в е т пяшком (= весьма далеко) 32 Стар.; для обозначения образа действия: доў тры рубле гатоўкаю 67 Стар.

Выражение некоторых обстоятельственных слов: у д в а і х будам накідаць гной 167 Стар., ці ета-ж добра: аблаяць чалавека б я з д а й п р ы ч ы н ы; нашто абгаваруваць чалавека б я з д а й р а ц ы 39 Стар., пяравязоў к р ы ж н а - к р ы ж 140 ib., ляжыць дагары, бараду задроўшы 76 ib., лёжма ляжыць 146 ib., бегая ўлукаткі 286 ib., рабіць на кепства 134 ib.; п а л е т у (летом) хаддзілі ў ягады 197 Клятное Пух. р., паміж сабою; бегая паміз платоу 199 Стар.

Усиление качества, степени действия посредством удвоения слов: в е к в е к о м нічога яны ня мелі 44 Стар., дарога тут была з д а в ё н - з д а ў н а 115 ib., л е д з ь - л е д з ь чуваць голас нейчы 146 ib., а м а л а - м а л а што ня хапая 153 ib., кидаямся с я к - т а к 275 ib., схапіў ш а т ы - л а т ы ды ходу 309 Заболоцьце Смил. р.

Пояснительные слова, выраженные с предлогами. Аб (= об): гаруа аб адной картоплі (с одною к.) 1 Стар.; *у* — *ў* — *ўв* (= в): усе ўв адно кажа 126 ib., палядзіся ў люстэрку 151 Дукоршчына Смил. р., зоўтра пойдам у грыбэ 72 Стар., *з* — *із* (= из — с): мала̀ з дзевак занамога 106 Стар., сьвиньня ўцякая з пастуха 301 ib., макацяр упаў із лаўкі 123 Белае Пух. р.; *за*: быў за грапа 71 Стар.; *на*: на брус навастры

нож (на брус: навастры н.!?) 35 ib., хто сьвяткуя на Ганны 64 ib., на шалях зважылі муку, на шальках 308 ib., дзіця захварэла на малачай 154 ib., павывучваліся: хто на каваля, хто на шаўца 184 ib., наўчыўся йграць на балабайку 27 ib., іграя на басэтлю 30 ib., іграя на катрынку 133 ib., йграць на цынбалы 301 ib., *праз* (через, о): во калі добры дохтар: абслухая й распытая п р а з усё 6 Стар., я сьпяю вам п р а з Каленіка 43 Дайнава Пух. р., у газэця піша п р а з вайну 62 Стар., ср. 223 ib.; *са* (=с): абазвоўся разы са два ды змоўк 3 Стар.

Примеры на сложное предложение: што край, то новы абыча́й 8 Дайнова Пух. р., ня лезь сюды, а б ы (=п. ч.) ногі па'дсаджвая 191 Стар., Мікіта сходаў Івана, абы дужэйшы 269 ib., каб ня подхіноў пад сібе сьвіты, д ы к ня памароўба 191 ib., ашчэ троха дадай, к а б ікраз было пуд 76 ib., побрыціў вусы, к а б у рот ня лезлі 182 ib., п а к у л ь дажджэсься ты добра, д ы к і духе с цібе вымя 99 Стар., абарвоўся, а ж страмна глядзець 6 ib., абудавоўся, я к мая быць 6 ib., выкасіў ўся роўна, ік выбрыціў 51 ib.

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

ИЗ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ[1]

1. К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕРДЕНИИ (НЕУМЯГЧИТЕЛЬНОСТИ) ЗВУКОВ *Е* И *И* В МАЛОРУССКОМ НАРЕЧИИ

Выдающаяся особенность малорусского наречия, которой оно решительно отличается от великорусской и белорусской речи, это — неумягчительность звуков *е* (из основных славянских є и ь) и *и* (=основн. слав. и). Перед этими звуками во всех малорусских говорах согласные бывают немягкие, чаще средние, а иногда и совсем твердые: дерево, пень, лихо=derevo, peń, licho — lycho. При изучении этого явления историка русского языка прежде всего интересует вопрос: исконна ли эта неумягчительность гласных *е* и *и*, или же она развилась в более позднее время? Другими словами: кто отступил от старины — великорусы с белорусами или малорусы?

Обращаясь к эпохе общеславянской, мы находим относительно *и*, что оно безусловно отличалось от *ы*; последний звук, хотя, быть может, и не такой твердый, как у великорусов с белорусами и поляков, в старину был известен всем славянским языкам; и до сих пор, кроме названных народов, знают его еще лужичане, некоторые говоры малорусского наречия, изредка болгарские говоры (Т. Д. Флоринский, Лекции, I, 82), в известных случаях чешский язык (dy, ny, ty) знал различие *и* и *ы* и др. церковнославянский язык. Звук *и* в праславянском действовал смягчающим образом на предыдущие согласные, однако не в такой степени, как j: зубные и губные перед *и* лишь несколько умягчались, но не подвергались полному смягчению, так как иначе на их месте явились бы звуки других органов речи. Вообще же все согласные в соединении с *и* палатализировались.

Что касается *е*, то уже чисто физиологически можно доказать, что его умягчительность не могла быть таковой, как у j: щель, образуемая языком и средним небом, при произношении *е* больше, нежели

---

[1] «Изборник Киевский, посвященный Тимофею Дмитриевичу Флоринскому». Киев, 1904, стр. 83—90 (*Ред.*).

при *i*; естественно, что соединявшиеся с *е* согласные были на первых порах только полумягкими (ср. А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. Смягченные согласные. «Известия», I, 1896 г.) Показания живых славянских языков ведут к тому же: болгарский обыкновенно знает *е* твердое; умягчительное *е* бывает лишь в некоторых особых случаях и диалектах. То же и в сербском языке, словинском, чешском, но словаки знают и ’е (мягкое — n’esu), польскому известно и то и другое е, но чаще умягчительное; так же обстоит дело и в лужицком языке. Великорусские и белорусские говоры знают исключительно умягчительное *е*. Памятники древнецерковнославянского языка кирилловские, знающие ѥ, ясно выделяют случаи соединения *е* с j от тех, где j предположить нельзя; но и є в них тоже вряд ли было сходно с нашим *э*. Есть целый ряд памятников, не говоря уже о глаголических, которые написанием є обозначают даже такие слоги, где, несомненно, перед є был j (єсть — Листки Ундольского); а это возможно было лишь тогда, если є было вообще несколько умягчительным. Из сказанного само собой следует заключение, что склонность к умягчительности у праславянского *е* уже была, но не во всех языках-потомках развилась в одинаковом направлении: в одних она стала такою же, как и у *i*, а в других отступила от этого звука. Говоря другими словами, в одних славянских языках смягченные согласные были одинаковой палатальности перед *i* и перед *е*, причем гласные и предшествующие им согласные в этом отношении вполне ассимилировались одни другим; в других же языках характер исконного умягчения перед *е* (неполного) одержал верх: согласные были полумягки, вследствие чего и *i* стало приближаться к *ы*.

Прарусский язык получил умягчительные *i* и *е* в одинаковой степени. Рассматривая древнейшие памятники русского языка, в них мы не находим смешения *и* и *ы*; значит, особый звук *i* был известен древнерусскому языку. Но памятники содержат данные, из которых следует, что и *е* в древнерусском языке было умягчительно. Это видно из того, что иногда в них вместо *е* пишется ѥ, которое несомненно обозначало умягчительное *е*: гнѥтѫть Остр. ев., умножитѥ Свят. сб. 1073 г., камѥни Минея 1095 г. и т. д. (А. И. Соболевский, Лекции, 2, 42). К такому же заключению относительно *i* и *е* нас приводят показания современных русских говоров: великорусское и белорусское наречия знают только умягчительные *i* и *е* (*э* в нескольких словах этому не противоречит). Да и занимающее нас малорусское наречие представляет такие факты, которые свидетельствуют о позднейшем отвердении в нем *е* и *i*. Если в начале некоторых слов в нем находим є (єсть, єю и под.), то здесь можно видеть и след *j*, бывшего уже в старину в подобных образованиях (ѥстъ, ѥѭ); на подобное же явление, пожалуй, указывает и є после удвоенного согласного: зiллє, смiттє и т. д., так как и здесь в окончании предполагается -ьѥ, -ьѭ и т. д. Но несомненно в пользу умягчительности всякого древнемалорусского *е* говорят три обстоятельства: а) появление умягчительного є в окончаниях имен прилагательных: синеє и синє; б) возникновение в известных случаях *о* с преды-

дущей мягкостью (*ё*) на месте *е*, что в зачатках произошло еще на почве общерусского языка: лён, слёза, трёх и под.; в) что особенно важно — сохранение мягкого согласного в формах повелительного, типа «робіть» при «робіте»; если бы отпавшее *е* не было умягчительным, то *т* было твердо.

Есть несомненные данные, которые свидельствуют и о позднейшем отвердении *и* в малорусском (ср. Шахматов. К истории звуков русского языка, Известия, I, 711—721). Если не упоминать о тех случаях умягчительного *і*, где перед ним можно предположить *j* (ім, іх и т. д., а также после гласных — поіти, своіх и под.), то есть еще такие факты, которые несомненно говорят только об умягчительности *і* в старину: имею в виду формы неопределенного на *т* мягкое рядом с формами на *-ти* (носить, хвалить). Отпадение *и* в таких формах произошло еще тогда, когда *и* было умягчительно, иначе *т* было бы твердо; его поддерживала бы и аналогия форм с *т* твердым у образований на *-ти* (нести). Сюда же относится — будь, сядь, из буди, сяди.

Значит, отвердение в малорусском *е* и *и* произошло уже на глазах истории: они обнаружили тенденцию из переднего ряда перейти в средний. Став средненебными, они начали ассимилировать себе предшествовавшие им согласные, лишая их мягкости. Затем и сами гласные перестали сохранять хотя бы слабую степень умягчительности.

Все сказанное до сих пор в настоящее время является, можно сказать, общепризнанным фактом. Но вот вопрос: как происходило отвердение согласных? Какие из них раньше испытали на себе эту перемену и перед которым из двух рассматриваемых гласных? При решении разных фонетических вопросов в малорусском наречии большую пользу приносит изучение северномалорусских и соседних белорусских говоров. Этим путем удалось более или менее удовлетворительно определить, например, процесс перехода основных *о* и *е*, стоящих в закрытых слогах, в *і* при посредстве разных дифтонгов. Так и в данном случае, если обратимся к белорусским говорам, пограничным с северномалорусскими, то найдем там следующее: звук *е*, вообще умягчительный у белорусов, в названных говорах после губных часто бывает неумягчителен. Приведу примеры из материалов, собранных мною в поездку летом 1903 г.: пэку́, вэзу́, но несу́ — м. Любеч: умэ̂рла, мэд, семэ̂йны, ле себэ̂ (= для себя), на цебэ̂, живэ̂, вэсе́ле при па́не, по́ле и т. д. с. Дятловичи Пинского уезда; забэрэ̂ и даже заборэ̂ — м. Лунин; мэне, удовэ̂ц, цепэ̂ра, бэрэ̂, мэд, вэдзе́м при несем и т. д. — м. Шерешово; двэ̂ры, зу́бэр, но несе, леци́ць — с. Беловеж. В некоторых из перечисленных местностей рядом с твердыми губными можно встретить и мягкие: процесс отвердения еще только начинается, но не завершился. С другой стороны, иногда можно встретить *э* и после *д* (в м. Любече и особенно в с. Дятловичах: дощ, идэць, дэ вы дзели?). Таким образом, можно предположить, что и в малорусском наречии в такой же последовательности шло отвердение *е*: сначала при губных, потом при *д* и наконец при остальных согласных. Что в данном случае отвердение началось с губных, это вполне естественно, так как

они очень рано отвердели на конце слов и утратили способность соединяться с умягчительными гласными *и* в середине слов, иногда даже развив после себя вторичный *j*, только бы избегнуть непривычного сочетания (ср. пъять, памъять, мъясо и др.). Но в говорах всех отмеченных местностей звук *i* до сих пор продолжает быть умягчительным. Значит, и в малорусском утрата мягкости согласных сначала произошла перед *е*, затем уже отвердевшие согласные ассимилировали себе и звук *и*; отвердение *и* произошло не без влияния также и того обстоятельства, что в малорусском приблизительно в это же время и звук *ы* из заднего ряда перешел в средний.

2. ЗВУК *У* ВМЕСТО *Ы* В НЕКОТОРЫХ БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ

Особенность, о которой ниже речь, если не ошибаюсь, впервые замечена Н. Янчуком во время его этнографической поездки по Минской губернии в 1886 г. (ср. Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, кн. IX, 70): «В речицких говорах я знаю, — говорит он, — одну интересную особенность, которая на первых порах может показаться странною: это именно употребление *у* вместо *ы*, напр. *му*, *сун*, *бук*, *буйстрый* — мы, сын, бык, быстрый и т. п.» Если обратиться к записям из Речицкого уезда[2], то там найдем следующее: штóб*у* Ш. III, 398, ре́чки б*у́*йстрыя ib. 413, в б*у́*йстрой ре́ченьки ib. 423, п*у*та́ць (= пытать — спрашивать) ib. 394, п*у́*тався ib. 413, п*у*та́е ib. 421, попу*та́*ць ib. 393, п*у*та́ци Д.-З., 110, рядом с — пыталася ib., коп*у́*цики Ш. I, 1 ч., 82,

П*у́*шна чеща, п*у*шна,
Прóцив зя́ця не в*у́*шла Ш. III, 409,

что ж в*у* не п*у*та́еще нас, чаго м*у* пришли́ ib. 393, в*у* ib. 394, 403, 407, нóв*у*ми сеня́ми Ш. I, 1 ч., 82 в*у́*вяў Ш. II, 640, в*у*дае́ Ш. III, 425, в*у́*йму ib. 414, в*у*нима́е ib. 410, в*у́*пиць Д.-З, 110, в*у́*пивши Ш. III, 395 397, в*у*пива́е ib. 410, в*у́*пусьцили Ш. II, 54, рядом с — вы́пусьциў ib., в*у*ре́зывае Ш. III, 415, в*у́*скочили Ш. II, 469, в*у*хóдзиць Ш. III, 410, 411, в*у́*цяну Ш. II, 54, в*у́*езд Ш. III, 417, дóбре здорóв*у* (= здоровы) 393, перейдзи́ се́ни ба́цьков*у* ib. 399, ба́цьков*у* кóни ib. 420, свёкров*у* к. ib., рушнички́ готóв*у* ib. 402, пере́зв*у* (= перезвы) ib. 412, вóйтов*у* сын ib. 416, си́в*у*й собуле́чки ib. 413, кучара́в*у*й повóзничку ib. 420, часов*у́*е стоя́ли Ш. II, 52, м*у* Ш. III, 395, 403, 407, 416, м*у́*сьлями Ш. II, 641, м*у́*ютца Ш. III, 425, из солóм*у* Ш. II, 53. Во время этнографической поездки истекшим летом мне пришлось встретиться с одним плотовщиком (плытником) из м. Петрикова Мозырского уезда. Несмотря на то, что это был человек бывалый, после губных он решительно произносил только *у* вм. *ы*: в*у́*пиў, гара-

---

[2] П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, томы I, ч. 1, II и III; М. В. Довнар-Запольский. Заметки по белорусской этнографии. «Живая Старина», 1894 г. № 1, стр. 110—114. Записи относятся к Якимовичской волости (с. Рубня), Дудичской, Дернавичской (с. Мухоеды) и Дзяковичской (с. Дзяковичи).

давўя (=городовые), пошли́ му у го́родзи Кременчу́гу, ву́дуць и оде-берýць, плуты́ (=плыты — плоты), мой плут, абу живо́го пусьци́ли. Изредка подобное явление замечается и в других местах (ср. А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии, 94—96, и наше: «К истории звуков и форм белорусской речи», 221). Иного происхождения нередки в разных местах Белоруссии буў, було́ и под. Ш. II, 52 и др. Как можно видеть из приведенных примеров, рассматриваемое явление в говорах Речицкого уезда и прилегающей местности Мозырского наблюдается только после губных *б*, *п*, *в*, *м*; после других согласных здесь везде *ы*: сы́на Ш. II, 53, тогды́ ib. 53, 469, четы́рыста ib. 53, госуда́рыни ib. 54, закрыва́й ib. 641, зык Д.-З., 111, палты́ну ib., 110, воды́ Ш. III, 399; сто зло́тых ib., 395 и т. д. Это наблюдение исправляет и неточность у Янчука. Но какая причина этого перехода? Янчук не прочь видеть здесь дославянскую старину; но вряд ли это так. Формы, вроде сивуй, плут, муютца, представляют *у* на месте *ы* не основного славянского, а ставшего таковым уже на почве отдельных русских наречий (белорусского и малорусского). Я думаю, что единственной причиной такого странного перехода является слишком лабиальное (как при *о — у*) произношение губных в названных говорах).

3. ЗВУК *К* НА МЕСТЕ *Х* У БЕЛОРУСОВ КОВЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Литовцы не знают *х*; даже в словах, заимствованных у славян с этим звуком, употребляют к: хытръ — kytras. Подобное нерасположение к звуку *х* замечается и в белорусском говоре м. Видз Ново-александровского уезда Ковенской губернии. По всей вероятности, лица, не знающие здесь *х*, обелорусившиеся литовцы. Вот, песня, записанная истекшей весною в этой местности В. А. Каминским:

Эй старшы сват!
Кешом[3] — пирок точиццця,
И нам яго кочеццця.
Кали не даси,
То й сам не зьэяси.
Як ты будзешь ѣкаць,
Твой пирок адберець
И кешени адарвець.
Эй старшы сват!
Твой пирок смачненький,
Только кусок маленький.

4. ОКОНЧАНИЕ *-ТЪ* В 3-М ЛИЦЕ ЕД. И МН. Ч. ВМЕСТО *-ТЬ*, *-ЦЬ*

Белорусские говоры, как и южновеликорусские, в 3-м лице ед. и мн. ч. имеют древнерусское *-ть*. Вследствие этого больше, чем неожиданностью, для меня было найти *-т* в народном белорусском говоре м. Шерешова Пружанского уезда Гродненской губернии. Встретив написания: ходзит, спит, душыт, говорыт, лежит, отдаст, ѣст, ест, чи-

[3] Коровай. Замечание Каминского.

тают, гуляют, несут, ходзят и т. д. в ответе г. Салтруковича на «Белорусскую программу», я полагал, что это обычный недосмотр наблюдателя; однако, побывав в Шерешове, я лично убедился в правильности записи: формы на *-ць* почти не встречаются. Не знаю, как смотреть на подобные же формы в записях, доставленных мне из м. Опсы Новоалекс. уезда Ковенской губернии, где читаем: разгараит, расчвитаит, ѣдзет, везет и т. п. Не влияние ли здесь северновеликорусских говоров? В Шерешове, вероятно, влияние северномалорусских говоров, изредка знающих и *т* твердое в 3-м лице ед. и мн. ч.

Варшава. Октябрь 1903.

МАЛОРУССКИЙ ЛУЦИДАРИЙ ПО РУКОПИСИ XVII в.[1]

ТЕКСТ, СОСТАВ ПАМЯТНИКА И ЯЗЫК

СОДЕРЖАНИЕ

Известная средневековая книга Lucidarius была довольно распространена и у русских. Как это уже давно доказано Н. С. Тихонравовым (Летописи, I [1859 г.], 34—35), к нам она проникла в XVI в. от немцев и, несмотря на враждебное отношение к ней известного Максима Грека, получила большое распространение среди тогдашней читающей публики. Проф. А. С. Архангельский (К истории древнерусского Луцидариуса. Ученые записки Казанского университета, 1898, янв., 146—154, вын.) насчитывает 59 списков этой книги; но как показывает печатаемый нами текст, русских списков Луцидария больше.

Текст древнерусского Луцидария[2] непосредственно примыкает к известной немецкой книге, в древнейших изданиях обыкновенно озаглавливаемой: «Diss bůch heysset Lucidarius. Das spricht zů teütsch also vil als ein erleuchter» и т. д. (Архангельский, Ученые записки Казанского университета, 1899, апрель, 47, 59). Равновидности рус-

[1] Варшавские университетские известия, 1905, IX, стр. 1—57. Отд. оттиск — Варшава, 1906.

[2] Издан Тихонравовым по списку XVII в. Синод. б. № 785 (Летописи, I) и Порфирьевым по рук. Соловецк. б. № 350 (261) XVII в. (Апокрифич. сказания о новозав. лицах и событиях. Сб. ОРЯС А.Н., т. 52). Значительные отрывки приводятся и в названной статье Архангельского.

ских редакций объясняются лишь тем, что основной русский переводный текст подвергался сокращениям и отчасти переделкам при переписке.

Издаваемый нами текст совсем иной редакции: он, несомненно, перевод с чешского Луцидария и постольку имеет отношение к немецкому, поскольку находится в связи с последним его чешский оригинал.

Замечателен он и по языку: малорусские особенности проведены строго последовательно, насколько можно было выразить их при посредстве графики XVII в.

Рукопись, из которой мы берем свой текст, принадлежала бывшему профессору Варшавского университета А. И. Смирнову. Она писана на бумаге, 4°, югозападнорусской скорописью XVII в. Один отрывок из нее напечатан у нас в работе: «Западнорусский сборник XV века, принадлежащий Императорской Публичной библиотеке, Q. I № 391», стр. 26—28; там же имеется и упоминание о Луцидарии, занимающем в рукописи листы 70—89 включительно.

Кроме заглавия и «предмовы до чительника», весь Луцидарий писан в два столбца не особенно старательным почерком. Начальные буквы в заглавии, предисловии, названии ученика и учителя, а также в вопросах и ответах писаны красной краской, которая от времени в некоторых местах обратилась в бурую или даже почти черную. Строчные буквы везде писаны чернилами, сильно полинявшими.

В заглавиях обыкновенно употребляются полууставные начертания; впрочем, некоторые буквы имеют особый вид. Так *а* иногда имеет форму А; ꙗ, ю и к принимают некоторые особенности скорописных: левая черта в ꙗ и ю имеет вид *J*, а к = *в*. Для заглавного g в заимствованных словах обыкновенно *T*.

И для обозначения чисел обыкновенно употребляются полууставные написания.

Строчные буквы имеют вообще особенности югозападнорусских скорописных букв XVII столетия, вследствие этого, например, *б* имеет своеобразное написание, *в* = *в* и ϑ (особенно часто), *г* для звука *h* = *г* и *J*, *г* для звука *g* = ґ и даже *g*, *д* = d, а иногда *d*, *е* всегда = є, *ж* имеет особое написание, *к* = ıc и ×, *м* = ɱ и *m*, *п* = *П*, *л*, *р* = ρ и ρ, *т* = *Ш*, *у* = оу, 8, ɣ, *ц* имеет хвост повернутый влево с точкой внизу, *щ* = щ, причем хвост повернут влево и оканчивается точкой, *я* всегда = ꙗ; лишь в заглавиях несколько раз встретилось ѧ.

Из надстрочных знаков очень распространены титла ⁻ и ˘, ., ʾ и ʹ. Точка систематически употребляется над *и*; при двух *и* над вторым бывает ʹ. Над і, употребляющимся редко, обыкновенно ¨ (*ї*). Очень распространено и взметывание букв над строкой. Из строчных знаков чаще всего встречается, притом без всякой системы точка (.); нередко вместо нее запятая (,) или нечто среднее между точкой и запятой (,).

В нижеследующем издании текста допущены следующие отступления от оригинала: 1) перенумерованы вопросо-ответы; 2) текст печатается не по строкам, а всплошную, вследствие чего везде опущены поставленные для удобства чтения внизу страниц начальные слова следующих страниц; 3) предлоги и союзы, которые обыкновенно пишутся слитно со следующими за ними словами, печатаются отдельно; 4) допущены некоторые упрощения в письме: вм. ε — е, вм. ѩ — я, вм. й — и; 5) киноварные написания передаются жирным церковнославянским шрифтом. Во всем остальном отступлений от оригинала нет.

Обращаясь к редакции нашего текста, заметим, что она, насколько нам известно, решительно одинока. В рукописи Виленской публичной библиотеки № 107 (по Описанию Добрянского), л. 26 и след. имеется отрывок, написанный в повествовательном виде, т. е. без вопросов и ответов, сходный по содержанию и отчасти по выражению с соответствующими местами нашего текста. Отрывок этот тоже на малорусском наречии (а не белорусском, как утверждает Добрянский. Описание, 232 стр.), хотя и не столь типичном, как рассматриваемая рукопись. Отрывок этот по копии напечатан г. Архангельским (Ученые записки Казанского университета, 1898 г., октябрь, 93—97). Должно быть некоторую мистификацию представляет заглавие этого отрывка: «Люцидарь книга, друкована в Москвѣ року а҃ х҃ к҃ в҃», так как подобное печатное издание неизвестно, да и вряд ли оно могло бы явиться в Москве. В нашем издании ссылки на виленский отрывок будут обозначаться буквой *В*.

Проф. А. С. Архангельский (К истории немецкого и славянского луцидариусов. Ученые записки Казанского университета, 1897 г., апрель) пришел к заключению, что чешский Луцидарий, хотя и имеет в основе своей немецкую редакцию этой книги, представляет и разные отличия от нее, свойственные в общем всем чешским изданиям рукописным и печатным. Чешский Луцидарий представляет обыкновенно переработку немецкого текста: с одной стороны, он короче немецкого, с другой — имеет и кое-что лишнее; так, между прочим, в чешском Луцидарии имеется несколько вопросов-ответов, которых нет в немецком, например (приведу эти вопросы по древнейшей рукописи половины XV в. — Фюрстенбергской; у проф. Архангельского, на стр. 185 и 213, они приведены по изданию XVII в. и 1783 г.):

1. Kto gie prwe slowo nalezl adamowi?
2. Ktere sslechty to drziewo bilo, z nyehoz gest swaty krziz stworzen?
3. Kterak gest wyneseno (z rage a od koho)?
4. Czo sie znamenawa ta leb, gesto pyssy bohu pod nohamy, kdiz stogy na kržiži?
5. Czož gesty tyem myenyl, ze gest trzikrat chwalil a trzikrat klel?
6. Czo znamenawa zwon?

Если хотя бы в указанном отношении (недостаточно, впрочем, серьезном, так как чешский текст не сопоставлен еще со всеми древ-

нейшими немецкими редакциями) мы рассмотрим наш памятник, то окажется, что и в нем все отмеченные вопросы и, конечно, ответы на них имеются, именно:

1. Хто адамови принеслъ имя?

2. Якъ ѡсляхенѣло било тое древо, съ которого кртсъ стъ ȣчиненъ естъ?

3. Якъ винесеꙴна тая квѣтка з раю?

4 Що значитъ адамова голова которȣю малюѣ под ногами бжаго мученія?

5. Для чого соломон три рази хвалилъ адамову голову а три рази клялъ?

6. Що значитъ звонъ?

Отсюда естественный вывод, что наша редакция примыкает не к немецкому оригиналу, а к чешскому. К этому же выводу можно прийти и путем сравнения остального текста нашего Луцидария с чешским. Это сравнение особенно удобно теперь, когда вышла очень интересная книга д-ра Ч. Зибрта. Staročeský Lucidář. Text rukopisu Fürstenberského a prvotisku z roku 1498. V Praze. 1903. В этой книге, между прочим, приведена и вся литература по изучению славянского и в том числе русского Луцидария.

Мы сравнили с чешским весь наш текст; в выносках к изданию приводим более выдающиеся и типичные случаи. Так как при существовании хорошего издания г. Зиберта, каждому самому легко произвести подобное сравнение и убедиться в тожестве редакции, то мы не особенно много делаем ссылок и приводим параллели недостаточно систематично, а лишь настолько, насколько это нужно для понимания нашего текста. Более заметные отступления у нас везде указаны. Их можно объяснить или тем, что в руках переводчика на малорусское наречие был чешский оригинал, в некоторых случаях отступающий от сохранившихся изводов XV в., или же тем, что и сам переводчик мог несколько отступать от чешского оригинала, распространяя, например, некоторые места на основании Св. писания и известных ему апокрифов, а, быть может, и текстов русского Луцидария (конечно, если малорусский перевод сделан не раньше второй половины XVI в.); мог быть ему известен и какой-либо югославянский извод, в свою очередь переведенный с чешского не без переработки, а такие Луцидарии тоже были (ср. Ив. Мильчетич: «Ueber den kroatischen und bömischen Lucidarius» Archiv für slav. Philol., XIX).

Зависимость нашего текста от чешского доказывается, кроме общей близости в изложении, еще массой чехизмов; таковы, например,

Вопросо-ответы	Наш текст.	Чешский текст.
9	красного (красивого, прекрасного)	krasneho F.
11	тамъ дойти (туда д.)	tam dogiti F.

13	ложе смерти (locus mortis)	lužie F. переводчик читал lůže — loze вм. louže (лужа)
—	смраду	smradu F.
25	души заживаю (3-е лицо мн. ч.)	zaživu 1498
39	наидено каузлостосъ (изобретено волшебство)	kauzelstwj XVII в.
—	прибуваетъ и убива	y ubywa F.
47	въ горахъ двери (дырки, норы)	diery F.
59	владнетъ	wladne F.
68	пропорции вм. папрски (лучи)	paprsky F.
70	крупи (капли)	krupy F. (krůpě).
71	вѣтри потикаю (3-е лицо мн. ч.)	potkagi F.
76	барву мудрую (синюю краску)	modru F.
—	буратую (бурую)	brunatnu F.

Кое-где встречаются и полонизмы; но появление их следует объяснять общими свойствами тогдашнего юго-западнорусского литературного языка. Таковы, например, случаи:

речи — rzeczy,
питает — pyta,
барзо — bardzo,
жродла — źródła,
южъ — już,
каляція — kolacya,
моци — mocy,
що колвекъ — co kolwiek
и некоторые другие.

То же детальное сравнение с чешским оригиналом хотя и ставит наш Луцидарий в самую близкую связь с редакцией XV в., однако же не дает права считать наш памятник непосредственным переводом с чешского. Этому противоречит то обстоятельство, что в нашем Луцидарии обыкновенно сильно искажаются латинские названия и собственные имена. Очевидно, перед нами одна из копий малорусского перевода с чешского, притом сделанная лицом, незнакомым с латинским языком. Отличия в собственных именах могут быть объясняемы и тем, что малорусский перевод мог быть сделан с такого чешского оригинала, который, хотя и был очень близок к тексту рукописи XV в., однако не совсем совпадал с ним. Текст этот в настоящее время, вероятно, утрачен или не разыскан, так как приводимые у проф. Ар-

хангельского отрывки из изданий XVII и XVIII вв. более далеки от нашего текста, нежели издания XV в.

После всего сказанного не вызывает затруднений и объяснение следующих слов, имеющихся в заглавии нашего Луцидария: «и̂ тепе́ръ з грецкаго на р8скій ызы́къ прело́женъ рок8 бж҃їѧ ҂ахлѕ». Нет сомнения, что греческий язык назван здесь либо по недоразумению или — что вероятнее — нарочно, чтобы вызвать побольше доверия к книге в глазах православных малорусов. Такую замену «з чешскаго» на «з грецкаго» мог сделать автор копии, а не перевода. И обозначение года 1636, может быть, относится ко времени копии, а не перевода.

В нижеследующем издании мы поступаем таким образом:

а) в выносках помещаем отличия от нашего текста, имеющиеся в виленском отрывке (*В*);

б) для сравнения обыкновенно приводим параллели из Фюрстенбергской рукописи (*F*);

в) если чтение последней не поясняет нашего текста, тогда обращаемся к первопечатному чешскому изданию 1498 г. и лишь в редких случаях к другим изданиям, больше по отрывкам, приведенным в обоих работах проф. Архангельского по Луцидарию.

Люцдаръ. Ико Всѣ Речи Сотворе́нны На нбсехъ И̂ на зе҃ли. И̂ тепе́ръ З Грецкаго На р8скій Ызы́къ Прело́женъ. Ро́к8. Бж҃їѧ ҂ахлѕ.

Пре҃мова до чителника.

Бг҃ъ которій естъ и будетъ· до ко҃ца· то нш҃ъ поча.. къ[1], а на тихъ книгахъ кто б8де читати, або и҃ сл8хати, том8 естъ законъ знаемій[2], бо тутъ оўче҃[3] пита҃е ма́стра[4], аби ем8 изявилъ[5] тий речи которий в книгахъ тих скритий, що с8тъ в нб҃ѣ й на зе҃ли и во ѡ̂болокахъ и во водахъ, которій тий книгй пишетъ то ся дх҃ъ ст҃ій ѡ̂повѣда҃е, то҃ на́ рачитъ на8чити, аби҃мо правд8 могли познати[6], а тий книги свѣтло҃тию зо҃вѣтъ[7], для того[8] що на ти҃ книгахъ закрито. люцида҃ то все ѡ̂свѣти҃[9], а нѣкоторий ихъ зов8тъ дороги҃ камъне҃[10], дорогшй с8тъ нежъ злото. а кто будетъ читати то много м҃рости в тихъ книжокъ наб8де[11].

---

[1] počatek F. [2] tomu gest znamenaty F — проще и яснее. Дальше еще обыкновенно прибавляется: kterak se o těch to wěcech wyprawuge 1783. [3] wčedlnjk 1783, в древнейших обыкновенно mladi F, mladssy 1498, mládenec 1783. [4] mystra F. «Манстеръ» поддерживалось немецким Meister, но восходит к латинскому magister, равно как и «ученъ» — «ученъ» к discipulus. [5] zgewil F. [6] которій — познати в древнейших чешских списках совершенно отсутствует соответствующее место. В издании 1783 г. читаем: gak ty wěcy swůg běh magj, a ce řjdi, Pán Bůh rač nas navčiti, a bychom mohli y prawdu poznati. [7] Týto pak knjžky nazwaně gsau swětlost 1783. [8] neb F. [9] to gest lucidarz wsse oswietil F. [10] a také někteřj gim řjkagj Zlatý (drahi F) kámen 1783. [11] nabude 1783.

1. Найпервѣй[12] оучень питаетъ якъ естъ вѣрити в бга.

Майстер ѡповѣдаетъ, такъ маем вѣрити въ бга, ижъ бгъ есть во трѡци а тая трѡца ес праваго[13] бжества.

2. Оученъ якъ ся может бжество на трое дѣлити.

Майстеръ,

На слнци естъ, свѣтлост краса и горачос[14] а гди[15] с тихъ трехъ речий една е[16] такъ стая Трѡца една праваго бжества[17] где ес ѡцъ тутъ естъ и снъ. и дхъ стй, где ес дхъ стй, тутъ естъ ѡцъ и снъ.

3. Ученъ.

Поневажъ[18] тий три речи не могутъ роздѣлитися. гдижъ[19] снъ принялъ члвчство такъ ли принял ѡцъ и дхъ стий.

Майстеръ,

Гди видимо слнце тогди[20] можемо добре зрозумѣти, якъ тая речь залежитъ бо слнце не можеся нѣгди роздѣлити, але посполу[21] маетъ свѣтлостъ красу и горачость а ѡ тихъ трех речий могло[22] ѡсобливе три дари ѡцъ нас сотворилъ, а снъ нас ѡкупил а дхъ с: насъ ѡсѣнилъ и такъ естъ стая Трѡца во всѣхъ стих дѣлехъ всегда не било разлученя нѣгди и не будетъ[23].

4. Оученъ.

Юж есми[24] повѣдалъ ѡ сотворителевѣ повѣд ми и ѡ сотвореню.

Майстеръ.

Ѡ бзѣ не смѣю читати а нѣ мовити. бо простий люде входятъ в блудъ[25]. гди глубоко речъ слишатъ[26] а не добре розумѣютъ, и такъ вѣрити[27] ижъ билъ бгъ завжди и будетъ.

5. Ученъ.

Билъ бгъ первие нежели свѣтъ сталъ.

Майстер.

Билъ самъ[28] але створеня того свѣта не було: пред тимъ ѡ початку.

6. оученъ.

Якимъ ѡбичаемъ[29] бгъ свѣтъ сотворилъ.

Майстеръ.

В трояκомъ бжествѣ естъ Троякое прирожене оуказалъ[30] моцю своею свѣт сотворилъ, мудростїю своею землю учинилъ, Милостїю своею потвердил еси[31].

---

[12] nayprwe F. [13] prawe F. [14] na slunczi gest swietlost, krasa a horkost F. [15] akde F. [16] в чешском еще прибавлено: tu gsu wsseczky F. [17] в чешском иная конструкция: gedno a prawe bozstwie F. [18] poněwádž 1783, в F kdiz. [19] kdiz F. [20] tehdi F. [21] ma spolu 1498. [22] magi F, mame 1498. [23] Swata trogicze tak w sswich Swatich dielech A ne bila gest nykdi rozdielena, anyz bude F. [24] giz smy F. [25] wendu w blud F. [26] kdiz to uslissy hluboku rziecz F. [27] в чешском еще прибавлено: gie nam F. [28] в чешском еще прибавлено: w sobie F. [29] в чешском иначе: procz F. [30] сокращено вм. чешского: Bozie gest troge przirozenye, mocz a mudrost a mylost, A proto gest stworzil, abi truogie prirozenye ukazal F. [31] gie potwrdil F.

7. Ѹчень.

"Ꙗково било первїе гди еще свѣтъ не билъ сотворенъ?

Майстеръ.

Нѣчого инъшого не било едно[32] словѐся Хаисъ[33] в той тмѣ било живоли[34] чтири речи = огнь вода земля ѝ вѣтеръ.

8. оучень.

Що бгъ сотворилъ напервѣй.

Майстеръ.

Найпервѣй сотворилъ бъ нбо и землю в томъ[35] аггли ѝ иншиа вся сотворенная[36]. а наѿстатокъ члвка.

9. Ѹчень.

"Ꙗкъ перпаго аггла звано.

Майстеръ.

Люциферъ того бгъ красного[37] сотворилъ, ажъ роспишавшися всякою пихою[38] и през великꙋю красꙋ и пихꙋ помислилъ бгꙋ ся ровняти теди для пихи для того зверженъ з неба ажъ до гарачого пекла[39] подъ землю:[40] бо бил в небѣ пол години.

10. оучень.

Прощо[41] его бгъ сотворилъ. гди его тхѣлъ[42] искинꙋти з неба.

Майстеръ.

Прото аби вибраний агглове[43] били подверженій бо гди люциферъ спалъ з нба для пихй[44] тогди аггли потверженій в моци[45] бжои ажъ далѣ не могꙋтъ стꙋпити з вѣри[46] бжой.

11. Ѹченъ.

"Ꙗкъ естъ пекло сотворено[47]

Майстеръ.

Пекло естъ яма[48] тое на семъ свѣтѣ. естъ предъ нимъ мгла и тма точися имъ жадний члвкъ живий не можетъ тамъ дойти.

12. Оученъ.

Ти мае дно пекло.

Майстеръ.

Пекло естъ з верхꙋ ꙋзко а зисподу[49] широко, а той широти не можетъ нѣхто дôти конца кромъ бга еднаго. а такъ естъ глꙋбокое же многїи дши завжди[50] летятъ а дна нѣколи не долетятъ.

13. Ѹченъ.

Колко именъ маетъ пекло.

---

[32] пропуск: tma ta 1498, в F длиннее. [33] chaos F. [34] cžtyřy žiwly 1498, elementa F. [35] a potom F. [36] stworzenye F. [37] krasneho F. [38] возгордившись гордостью. В чешском нет соответствующих слов. Есть это слово ниже в 10-м вопросо-ответе. [39] w horucze peklo. [40] пропущен вопрос: klerak bil dluho w nebessiech F. [41] procz F. [42] chtiel F. [43] angele F. [44] pro pichu F. [45] чешское «u mylosti» F менее соответствует смыслу места. [46] s mylosti F тоже [47] в чешском есть еще ответ и вопрос: Mistr wecze: w tu dobu, kdi gie luciffer pomyslil, chtie sie bohu protiwiti, Tehdi gest peklo Stworzeno sudem bozim. Mladssi wecze: czo gest peklo F. [48] в чешском иное: praczie hrziessnich F. [49] awezpod F. [50] wzdi F.

Майстеръ.

Первое сливется в пи^с^мѣ с^то^м лясѹсъ ме^р^тисъ[51] то естъ ложе[52] с̃мрти, бо д̃ши та^м^. тонѹтъ ꙗкъ в ложи[53]. второе слове̃ся ста^г^нѹсъ а^г^нѣсъ[54] то ест ѡзере ѿгне^н^ное. бо д̃ши грѣшниѝ горатъ в не^м^. Третое словется те^р^ра тенеброва[55] то естъ зе^м^ля те^м^ности[56] бо тая сте^ж^ка[57] которая и̂детъ до пекла полна е̃с смоли и сѣрки димѹ и смрадѹ[58], четве^р^тое слове̃ся, тера ѿблѣвѣ онѣсъ[59] то естъ зе^м^ля запамяталая[60], бо тиѝ д̃ши ко̃риѝ в пекло идутъ нѣ^г^ди не бѹдетъ в нихъ памятаня, пре^х^ цре^м^ всемогѹщи^м^. Пятое слове̃ся тартаро^м^[61] то есть мѹками̂ плачъ и̂ скреже̃ зѹбо^м^ ѡ то^к^ зе^м^лѣ и горачо^с^ти[62] нѣхто не може повѣдѣти[63] которая естъ в пеклѣ, шестое сло^г^веся гее^н^на[64] то естъ ѡгнъ пекелниѝ[65] нашъ ѿгнъ проти̂въ пекелнаго ꙗкъ тѣнъ[66]: се^д^мое слове^д^ся сти̂скъ[67] то естъ см̃ѹтокъ, ѿсмо^е^[68] словетъся ахиронъ[69]. Девятое словется ба^р^ратрѹмъ[70] то естъ те^м^но̃с и мѹчение̂ бо ся[71] та^м^ дияволи мечѹтъ сюда и туда я исри из ѿня[72]. десятое сло слове̃ся цедебр̃ѹсъ[73], червъ неусипаючиѝ[74], бо че^р^ви пожирают тело, а пекло пожира̃е д̃ши злѝ[75]. Пе^р^вое надесятъ словестъся фресотрѹмъ[76] то естъ рѣка. которая течетъ скрозъ пекло, тая вода смердитъ[77] смолою и сѣрко^ю^ а так барзо студеная же всѣ пеке^л^наѝ[78] перемагаетъ[79].

14. оѹ̆чень.

Где естъ муки,

Майстеръ.

На зе^м^лѝ естъ в б̃жой тае^м^ци[80], тѹтъ д̃ши при̂мѹ^ю^т̆ которѝ маютъ сп^с^нїи бити:

15. Ѹченъ.

Що то естъ н̃бо[81].

Майстеръ.

Єстъ твердость[82] и такъ н̃бо сотворе^н^но и̂жъ завждѝ бѣжитъ ѿ восходу ажъ до заходу. и на немъ бѣжитъ сл^н^це и мѣсяцъ.

---

[51] lacus mortis F. [52] lužie F. [53] wlužì F. Очевидно, здесь и в предыдущем «ложе» передает чешское louže лужа (ср. Lucidař 1783 г,. где lauže). [54] stagnum-ignis F. [55] terra tenebrosa F. [56] zemye temnosti F. [57] cziesta F. [58] smradu F. [59] terra obliuionis F. [60] zapomenuta F. [61] tartharus F. [62] в чешском яснее: od te zymy a od horkosti F. [63] лишние слова, не имеющиеся в чешском. [64] gehenna F. [65] пропущен перевод слов: neb ten ohen gest tak silny, ze F. [66] stien F. [67] в чешском (1498 г. в F нет): osme stix, to gest newesele, Nebo tu gest weliki smutek. [68] в чешском (1498 г.) dewate. [69] Achrron F. Следующее за ним объяснение у нас опущено. [70] Baratrum F без цифры после 6. [71] все следующее за этим местом до «десятое» в чешском поставлено раньше, после Achrron. [72] se czerti miczi sem y tam, iako giskry z wyhnie 1498 г. (в F czrtye muczie dusse). [73] cerberus 1498 г. в F только debrus. [74] в чешском: smrtedlny F и др. [75] только в поздних изданиях, например 1783 г., читаем zlau, в древнейших (1498) zatracene. [76] Flegeton F и в др. [77] smrdy F. [78] пропущено «огнѣ» — чешское ohnie F. [79] prziemaha F. [80] u božiem tagemstwý F. В чешском дальнейшее выражение вопросом, на который нет ответа. [81] этот вопрос в чешском F и 1498 г. почему-то опущен.

[82] ответ начинается несколько иначе: Nebo slowe firmamentum, to gest twrdost F.

16. Оучен҄.

"Якъ походитъ же нбо бѣжитъ и мсцъ.

Майстеръ.

Под нбомъ немашъ нѣчого на чом би мѣло стояти бо нбо естъ ѡкрѹглое· а про то бгъ его поставилъ, так ижъ не можетъ на едном [83] мѣсцѹ, стояти.

17. Ѹченъ.

Якъ естъ оустановленно нбо.

Майстеръ.

Нбо естъ оустановленно [84] зъ живіолъ [85] естъ подобно зеленой водѣ [86]. на том слнце ходитъ Третое нбо Мростъ барви. на том звѣзди ходятъ, а далѣй на заладомъ сам Гдь Бгъ пребиваетъ. со стими аггли своими [87].

18. Ѹченъ.

Еще [88] в тихъ що двох нбахъ.

Майстеръ.

Ѡ землѣ ажъ до мѣсяца сѹ злїе дхове тий поставленни [89] аби намъ перескажали [90] в добрихъ ѹчинкахъ, а к썩омѹ наводятъ тий словуся кавцедемарусъ [91], то злого вѣдомци [92], тий берутъ на себе тѣло ѿ повѣтра [93] ꙃди нам хотяся зявити [94]. а мѹчатъся тий дияволи на повѣтрѹ во ѿболоках ажъ до судного дня, а ѿ мсця ажъ до звѣздъ сутъ аггли тий нас |боронят| [95] на то Постановленний аби насъ ѿстерегали и боронили ѿ всего злого.

19. Ѹченъ.

"Якъ [96] естъ слнце сотворенно.

Майстеръ.

Слнце сотворенно четвертаго дня. и ѿ слнца свѣтъ оувесъ ѹкрашенъ [97].

20. Оученъ.

Где естъ адамъ соворен.

Майстеръ.

В томъ мѣстѣ где зовутъ небром иброн [98]. а там взялъ Хс рукою своею земли, з земли сотворил его [99]. и велъ его да раю, из ребра его

---

[83] na gednom F. [84] ustaweno F. [85] ze cžtyř žiwluow 1498 г., в F—ze cztirz element. [86] пропуск. Znamenay, nebe gsu trzi. Gedno nebe gest od Sluncze az do myesiecze, Druhe nebe gest od miesiecze az do hwiezd F. [87] в чешском про третье небо сказано короче: Trzetie nebe gest, kdezto gest nad zakladem, kdez to sam buoh przziebiwa s swymy Aposstoly, se wssemy swatimy F; барви, по-видимому, взято из заключений 18 вопросо-ответа; atu gest nebe yasne a wohnywe barwi F. [88] gest li F — понятнее. [89] в чешском еще: nato F. [90] pžekaželi 1498 г. [91] ati slowu kakademones 1498 г. [92] zleho widomcy 1498 г. [93] powietržie F. [94] ziewity F. [95] два последние слова лишние: tu gsu nato ustaweny F. [96] судя по ответу «"якъ» здесь неуместно; лучше как в чешском kdi F. [97] oswieczen F. [98] gessto slowe ebron F. [99] с «атам» до «его», по-видимому, собственное распространение автора данного извода; в чешском только: a kdiz to gest stworzen F.

сотвори Еѵв8[100] и там Адам оуложилъ имена всему створеню, которое бгъ сотворилъ. а гди[101] адам 8меръ. тогди несено тѣло его до то[102] мѣсця где створе билъ, и наполнена есть тая яма[103] с которой сотворен билъ.

21. Оученъ.

Где есть Рай.

Майстеръ.

На восходъ слнца есть. на семъ свѣтѣ. а есть вишше[104] всего свѣта.

22. Оученъ.

Поневажъ Рай на земли семъ[105] тамъ нѣхто не можетъ дойти.

Майстеръ.

Бо гори великїе есть пред нимъ лѣси пустий[106]. и мглй про то не може нѣхто там дойти.

23. Оученъ.

Якъ долго адамъ бил в рай.

Майстеръ.

Седмъ годинъ.

24. оученъ.

Ший ѡвоцй[107] котории били сотворенни для члвка на що били ѡберненни гди зъ раю адамъ вигнанъ[108]

Майстеръ.

Не ростетъ по порожници[109] бо ядятъ дши котории в рай.

25. Оученъ.

Тамъ тим дшамъ не потреба йсти и питй, бо кто йстъ и петъ[110], то м8ситъ корм8 заживати[111].

Мистеръ.

Таято есть речь ѡ телеснѣмъ покармѣ того не прагн8тъ дши которїи с8тъ в рай, бо якъ дши с8тъ дховний такъже и покармъ ихъ дховний, якъ слнце из с8кнѣ[112] вод8 витягаетъ такъ дши заживаю[113] своего покарм8 в рай.

26. Оученъ.

Якъ ся дши[114] родили[115] гдиби билъ адамъ не согрѣшилъ и зповсталъ[116] в рай.

---

[100] о сотворении Еввы обыкновенно особый вопрос, например: kde gest ewa stworzena. M. w.: vragy z adamowa zebra F. [101] akdi F. [102] dotoho F. [103] в чешском еще: gieho tielem F. [104] A lezy tak wisoko, ze gest wissy nez F. [105] вм. «на земли сей»: na tomto swietie F. Кроме того, здесь пропущен вопросительный союз; в чешском procz F. [106] очевидно, не поняты чешские a piesczi F или a pustie 1498 г. [107] owoce 1498 г. [108] в чешском: wystrczen 1498. [109] naprazdno F. [110] чит. и пьетъ, а может быть под влиянием чешского pie F [111] zaživati pokrm 1498, krmye žity F. [112] z struhi F. (вымоина, проток); это слово изменено в z ruchu 1498 (полотно); rucha (собств. rouchá) смешано с rucho (roucho) одежда, откуда наше из сукнѣ. [113] zaživu 1498. [114] в чешском правильнее: lide F. [115] plodily F. [116] (Adam a Ewa) by byli ostali 1498 г.

Майстеръ.

Ѳ позрѣня пожаᵡливости[117] и промиᶜломъ бжиймъ толко привитавшися собѣ мужъ з женою и стиснувшися собѣ за рѹки и заᶜ Роступяся[118], и та ся мѣли родити люде без грѣха.

27. Ѹченъ.

Якъ долго адамъ на свѣтѣ жилъ.

Майстеръ.

Девятсотъ лѣтъ и трᵡця[119] и ѿ сна его кайна забитий авел во триᵡцяти[120] лѣтехъ бра рожоний, и ѿтолъ почалися забивати, и вороги стали.

28. Ѹченъ.

Хто адамови принеслъ ймя,

Майстеръ.

И имя тое принеᶜлй чтир аггли кождй ѿ своей сторони по.ᶜловѣ. и тий слова бралй ѿ чотирохъ звѣздъ.

29. Оученъ.

Хто найпервѣй игри вимслилъ.

Майстеръ.

Ламехъ мѣлъ три сны едного звано воозъ[121] вторй Івоалъ[122], третй ивуѳалъ[123] тот игри вимиᶜлилъ, ивоалъ пѣᶜни, ѳовалъ[124] тотъ билъ ковалемъ, и почалъ ковати ѿ мѣди и желѣжа[125] и сребра, а тий братї мѣли еднѹ сесᶜтрѹ, именемъ неѿмея[126] тая найпеᵖвѣй вимиᶜлила якъ дѣти колихатй.

30. Ѹченъ.

Хто королемъ найпеᵖвѣй билъ на вᶜѣтѣ.

Майстеръ[127].

Ной трй сыны мѣ ѿ того на трое люде роздѣлеⁿни, с пеᵖваго сна з аѳета[128] пошли кролеве княжата каталяни[129] воеводй, з второго з сима[130] пошлй патрияᵖхй, владикй и всѣ дховний. а с третого котораго звано Хамъ с того пошли люде проᶜтий.

31. Ѹченъ.

Якъ звано диявола которй зрадилъ[131] адама и Евѹ в рай.

---

117 оба слова в чешском имеют в соответствие — od žadosti 1498. 118 в чешском короче: iakžby adam ž ženu ruče sklesli w žadosti a opiet rozpustili 1498. 119 в F только dewiett seth, в 1498; lcccc a xxxiiij let. 120 в F trzidcziety a sset let, в 1498; bylgest xxx let. 121 Baza XVII в. 122 Jobal XVII в. 123 Jozajobal XVII в. у нас все три имени поправлены применительно к славянской библии. 124 Baza XVII в. 125 od železa 1498. 126 Meomia XVII в.; в немецком Noemia. 127 Нижеследующий ответ переводчиков нашей редакции изложен самостоятельно на основании чешского материала. В издании 1498 г. первым королем назван Semow syn. В русском тексте, примыкающем к немецкому (ср. у Порфирьева, 428), в данном месте читаем следующее: То бѣ Мелхиседекъ, его же латыни глаголютъ быти Сима, сына Ноева. 128 везде первым считается Сим, и от него производятся короли и т. д. 129 в чешском hrabie F. 130 обыкновенно Jafet 1498, kaphet F. От него обыкновенно производятся только wladiky a pany F. 131 в чешском przielstil F, 1498, podwel 1783.

Майстеръ.

Єѹсъ каиѡнъ[132] тоѣ естъ единъ с княжатъ пеке̇лнихъ[133].

32. Оўченъ.

Повѣж ми ѿ со^с^тавленю[134] того свѣта.

Майстеръ.

Свѣтъ естъ прави́ ѿкрѹглй[135] але естъ оўвесъ ѿблитий[136] морем которй[137] плаваетъ в морѣ якъ жотокъ оў яйцѣ.

33. Ѹченъ.

Чимъ земля оўтвер^ж^де^н^на ижъ не можетъ потонѹтй поневажъ плаваетъ въ мори я̆къ жо^л^токъ оў яйцѣ.

Майстеръ.

Земли́ не де^р^жи́тъ нѣхто[138] и нѣхто нѣчого ино едно самъ Г^с^дъ бг҃ъ якъ[139] много водъ ѿколо зе^м^лѣ течетъ ижъбы хто билъ во ѿболокахъ, не зда^л^ би ся емѹ свѣтъ нѣчого ши^р^ше[140] едно якъ пѣнязъ[141]. бо всѣ жро^д^ла идутъ из мора, и всѣ за^с^ до мора рѣки́ идѹтъ.

34. Оўченъ.

Нако^л^ко ча^с^ти свѣтъ роздѣленъ[142]. першая зовеся азия дрѹгая евросия[143], третая африга[144]. Четве^р^тая ѿферига[145]. которѹю зовѹтъ азйя[146].

Майстеръ.

Язия починаеся где сло^н^це сходитъ[147], а в рай́ естъ една сту^д^ня с тей сту^д^нѣ чтири рѣки текутъ. пе^р^шая фисо^н^[148] дрѹгая геѡ^н^[149], третая тїеръ[150]. Четве^р^тая ефраѳъ[151].

35. Ѹченъ.

Кѹди текѹтъ тий рѣки.

Майстеръ.

Фисо^н^[152] тече̃ скроз^ь^ и^н^дию а течетъ чрезъ еднѹ горѹ которѹ^ю^ зовутъ атла^с^[153]. и ѿтоля течетъ[154] зкрозъ мѹри^с^кѹю[155] зе^м^лю, в че^р^воное море

---

[132] в чешском разные имена; близко к нашему Heuz-makalion 1498 г. [133] ближе к нашему: á gest geden z neywyižssých knjžat pekelných 1783. [134] o vstaweni 1498. [135] prawie okruhel gest F. [136] obyat F. [137] в чешском: a proto my plawamy F. [138] nycz F. [139] atak F. [140] nycz ssyržý F. [141] penyez F. [142] пропущено место, соответствующее чешскому: Mistr wecze: na trži F. [143] Evropia F. [144] afryga F. [145] в чешских памятниках XV в. этого места об Америке нет. [146] этот новый вопрос ученика так формулирован: powiez mi o te stranie, gessto slowie Azia 1498. [147] wschody F. С 34 по 41 вопросо-ответ имеются, за некоторыми пропусками, соответствия в виленском отрывке. За данным местом пропуск до начала 36 вопросо-ответа. [148] Fizon F. [149] Geon F. [150] очевидно Тигр, нем. 1540 г. das drit Tigris. В чешском, однако, иное: Třetie Nilus 1498: nyklus F. Устранить эту несообразность помогает русское чтение (Порфирьев, 429): вторая река Геонъ егда же іsыдетъ isъ рая, нарицается Нилъ; третия Тигръ, [151] effrates F. [152] в чешском речь начинается с р. Geon F. [153] обыкновенно Kaukasus 1498 г. или karykazus F. Атлас могло зайти из следующего, где идет речь о Ниле, который, по чешскому Луцидарию, течет через гору, которая называется Eklas 1498, Eglas F (в немецком berg heisst Atlas); в чешском издании XVII в. Atlas. [154] речь идет о Ниле, у нас пропущенном. [155] Murzenynsku F.

тигˣ[156] и ефраѳъ текꙋтъ скрозъ еднꙋ горꙋ которꙋю зовꙋтъ па҃раˢпа[157], ѿтоля течетъ скрозъ едну зеᵐлю которая словѐся армения[158]. а тий води текꙋтъ ѿчевиˢте едное зеᵐлею[159] ажъ до тиˣ горъ который сꙋтъ именований.

36. Ѹ҆ченъ.

Которая зеᵐля близжая ѿ раю.

Майстеръ.

Такъ наᵐ пиˢмо свѣᵈчитъ, ижъ до раю не можетъ ꙋвоти телеˢнй[160] члвѣкъ бо ѿколо раю сꙋт борй[161] и в ниˣ сꙋтъ гадове и смокове[162] лежатъ[163], который боронятъ[164], ижъ не можетъ жаᵈний, оу҆войти до раю, поᵈле рая лежитъ зеᵐля которая словѐся иⁿдия тая маетъ имя по единѡ водѣ, которая словется индисъ[165] а таᵃ течетъ з гори каᵈдиˢ[166] в чеʳвоное море[167], а з дрꙋгой сторони течетъ[168] двоякое море[169]. а к томꙋ велие пꙋщи же за чтири лѣта не можетъ перѐти. азия тая земля раздѣлеⁿна на л: и г:[170] волоˢти, и естъ в неᵐ люде дивний и различний. в той зеᵐли естъ три гори. пеʳвая геʳманиˢ[171], другаᵃ тиатриˢ[172], третая ѿреˢта[173], а на тихъ горахъ сутъ люде на ᵈва локтѣ звишъ люде тий оу҆ три лѣта починаѫся плодити[174], а за три[175] лѣта старѣются. а ѿсмого рокꙋ умираю[176], а на тиˣ гораˣ древо такъ високое же его повѣтре ѿпаляетъ. а естъ в той зеᵐлѣ два ѿстрови тй маютъ в собѣ полно злата и сребра, а черезъ рокъ[177] зеленй сутъ. бо таᵐ зима не биваетъ. и в рокꙋ два рази цвѣтѐтъ й овоци родятъ: а в тиˣ ѿстроваˣ естъ гори и в тихъ горах злота жадеⁿ доⁿти не можетъ. през смоки гади и чеʳви ядовитие. которй гаᵈ злота боронятъ. а межй тою гороѭ которою зовꙋтъ кагефисъ[178]. межи мореᵐ с которого тая гора имя взяла. таᵐ загнаˡ цръ алеѯандеръ двое Люде велми злие тий словꙋтся ґоґ и маґоґ а тий люде не йдятъ нѣчого иⁿшого едно звѣри[179] иний мяса сировие. в дрꙋгой иⁿдий естъ люде тий словутся миробитие[180] люде на ᵈванаⁿцятъ локотъ звиш[181] тий люде якъ левъ а маѭъ[182] перси[183] и пазґноти[184] якъ каня[185]. Потоᵐ в еᵈной волоˢти естъ люде. который словꙋтся аґротипїй[186]. маѫ великꙋю горачость ижъ ґди схо-

---

[156] Tigris 1498. [157] patrata F. Parchaka 1498, Pairata XVII в., русское Пархарата (Порфирьев, 430). [158] Nermenya F, skrze Armenyi XVII в. [159] в чешском яснее: a ty wzdi ne teku z rage, gedno po zemy F, gedno vždy podzemi 1498. [160] в чешском нет, но в русском (Порфирьев, 430) ему соответствует: сущу во плоти. [161] вм. горы: чешское hory wisoke F. [162] sanowe F. [163] lezie F. [164] branye F. [165] yndizz. [166] kaukazus F. [167] пропуск, соответствующий чешскому: Neb sgedney strany tecže diwoczie morže F, diwoké m. XVII в. [168] пропущено Индъ — yndiss F. [169] здесь лишние слова: место им выше (ср. 167 вын.) [170] we trzidcziety wlasty F. [171] гермона B, Karmanayus F, Germanus XVII в. [172] театъ B, coatras F, Datras XVII в. [173] oretas F, Orestae XVII в. [174] початокъ роженя мѣютъ B, třetjho leta rosum dostáwagj XVII в. [175] до седми лѣтъ B, sedmého giž se zstaragi a ssediwěgi XVII в. [176] пропуск в Виленском списке. [177] przies letho F. [178] kasyus F, Kaspius XVII в. [179] пропущено syrowa F. [180] матробиты B, Magcoby F. [181] в B еще: спереду; то же в чешском издании XVII в. z předu. [182] a magi F. [183] пера B, peržie F. [184] пазнокти B, paznehty F. [185] каня B, kanye F. [186] агрометы B, agrote F.

дя̃ся в҄ едно мѣсце то сами ся попаляю̃[187], Пото҇м. лежитъ една волос̃. а тий люде сутъ ѿбичаю такого[188] ижъ ґди ѡ̃цъ ихъ состарѣ̃ся албо мати. же южъ през старостъ не можетъ ни сидѣти ни ходити, тогди оучинятъ за мѣ҇стомъ кострѣ дровъ и запаля̃ и ззовутъ приятелё и ꙋчинятъ калацїю и вложатъ родичи на тий дрова и спаляютъ ихъ и вѣратъ, ижъ тий дш̃ы ко богꙋ идꙋтъ, а хто приятелей свои҇х избере̃ той не грѣшитъ. Пото҇м люде сутъ такого ѿбычаю ꙃди ся ихъ приятели со҇тарѣютъся, тогди их҄ ко҇рмятъ а ґди будꙋ̃ тлꙋ҇тии, тогди ихъ забиваю̃, а добре оуваривши и ядят҄ . а если з них который не ꙋчинитъ тӧ са҇м забитъ будетъ. еще тая естъ волостъ в которой перецъ ро҇сететъ у тихъ то людий що на҇два локтѣ звишъ ӧ которихъ первѣй повѣдалемъ. а тая волос̃ естъ полна гадꙋ а ґди перецъ дозрѣетъ тогди тий люде билїе пе҇рцевое попаляю̃, а гад оутѣкаетъ и ѡ̃ того перецъ чо҇рнѣетъ. а с прироженя ӧнъ бѣлй в четве҇ртой[189] и҇ндий сꙋ̃т люде таковие ѿбе҇рнение татами[190], а палцами назадъ. Палцо҇в маютъ ӣї оу ногахъ ӣї: [191] ꙋ рукахъ а маютъ песий голови, ѿдѣваются ко҇сматими скꙋрами котор̆ий и-звѣратъ[192] ѿбдираютъ, а ґди хотятъ мовити то скомлятъ якъ ѱи, то прото ихъ зовꙋтъ тѣми головами[193]. Потомъ сутъ таковий люде ґди ся и҇х народитъ дитя то сутъ че҇рвоний[194] а гди биваю̃ сере҇днии[195], то биваю бѣлий, а не ꙋмираю̃ едно ся топя̃[196], Поти҇м сутъ люде плодитӥ[197] ихъ жони по в̃ї: [198] дѣтей една родитъ, а такъ нетрвалий едно до ѡ҇сми лѣтъ[199]. живи то ꙋмираю̃, Пото҇м сутъ люде которӥ едну ногꙋ маю̃[200], тий бѣгаютъ вла҇сне[201] як птахъ лѣтае, а тая нога велми широкая бо естъ велика҇я горачостъ ѡ̃ сло҇нца, тогд҇и ляжетъ на зе҇мли и накриется тою ногою, та҇к же и пере҇д дощемъ прикривается[202], Потом естъ люде такий же маю̃ на челе[203] рогъ а едно ѿко[204], инший засъ ес̃ люде без голови тимъ стоятъ ѿчи в персахъ а щетини на хребтѣ. А засъ люде та҇м сутъ по҇дле води, которая слове̃ся татимий[205] люде живи, ѡ̃ яблꙋ҇к Пахнꙋчихъ. а если где иду̃ то аблꙋка при собѣ маютъ[206] а коли би яблꙋкъ при ни҇х не било то би заразъ поме҇рли[207]. Межи тими

---

[187] сами ся запаляютъ В; далее в В-м прибавлено: «родичовъ палятъ, родичовъ ѣдятъ» — это вместо почти целой страницы нашей рукописи. [188] obyčeje takowého XVII в. Вообще нижеследующее место в чешских памятниках XV в. изложено очень коротко; ближе к нам в издании XVII в. [189] W trzeti 1498. [190] читпятами; obratily paty F, а пяди напреди В: [191] пальцовъ у рукъ и въ ногъ по̃ мѣютъ В. [192] которіе изъ звѣрей одираютъ В. [193] a proto gim diegy psie hlawi F, gim rziekagi psohlawczy. 1498. [194] čerwene 1498. [195] а гды средними стаютъ В. [196] только топятся В. [197] есть люди плодныи такъ же их В. [198] ѕ̃і В, ženy miewagi pogednu patnaczte dieti 1498. [199] а не суть трвалими, только осмь лѣтъ поятши умираютъ В. [200] в В-м еще: велми широкую. [201] которою прудше бѣгаютъ В. [202] тоеюжъ передъ дощемъ и отъ горячости солнечной на землѣ положившись накрываются В. [203] na čele F. [204] пропуск в В [205] называемой ч[illegible]асъ В, в чешском XVII Gangis. [206] гды гдѣ идутъ и яблока зъ собою несуть В. [207] а гды бы не было при нихъ яблока, заразъ умираютъ В.

то люᵈми повѣдаютъ ижъ нѣякое ѿзеро различниим трoроᶜтми[208] и хвоᶜтами[209]. зароᶜлоᶜ и на тиˣ ростетъ лѣсний овоци якъ дозрѣетъ тогди ся в молодие гусениц[210] ся ѿбернутъ, а тий гусеⁿници падаютъ, с того дерева во ѡзере[211], а ґди потонутъ то вспатъ, ѿживꙋтъ[212], и по воде плаваютъ, а если з води вилизу͠ то заразъ оумираю͠ таᵐ же ихъ тий люде хватаютъ, королеᵐ и княжатамъ за великий дари розсилаютъ[213].

37. Ꙋченъ.

Ци бйваютъ тий люде посполу межи собою. ґдижъ такъ, розний родичи́ ихъ[214].

Майстеръ.

Бг҃ъ ихъ роздѣлилъ водами и горами же нѣґди ся в едно мѣсце не сходятся.

38. Оучень.

Такъ намъ повѣдаетъ ижъ людей много ѿ адама пошло якъ же то есть же люде дивнаго прироженя.

Майстеръ.

Ядамъ ґди билъ з раю вигнаⁿ знал кождое корѣня, и било едно корѣня таковой моци. ижъ би его которая невѣста скоᵚтовала то ей плоᵈ перемиииᵈся не в чл҃овѣчую тваръ[215], але во иную, тогди адаᵐ перeᶜтерѣгалъ едну свою цоᵖку, аби того корѣня не йла, а ѿна неᶜлꙋхала, почала тое йсти корѣня и зараᶻ ся ей плоᵈ переминилъ, в то зеᵐлѣ которая зове͠ся иⁿдйя. таᵐ сутъ гадове й смокове такъ великїе же еленя пожира͠ю, а такъ есть моцние же плава͠ю чрезъ море, которое словется ѿкиянъ, в тꙋ зеᵐлѣ есть едно звѣра, тое слове͠ся гладъ[216], а маетъ два роги а кождй рогъ на ᵈва сажнѣ. а ґди ся с ниᵐ[217] спо͠кае биетъ[218] то гди едиⁿ рогъ положитъ а дрꙋгиᵐ сѣче[219], и тое звѣра нѣчого не бойтся едно[220] червоной барви[221], а естъ такъ можно[222] на водѣ якъ на зеᵐли, ес-тежъ[223] в той зеᵐли едно[224] звѣра тое слове͠ся мон · нерꙋсъ[225], тое маетъ човечую тваръ. и голову и рꙋки ажъ[226] до пупа, а тѣло маетъ я́къ конъ[227], йз лꙋка добре тягнетъ, и стриляетъ, пруᵈко бѣгаетъ, и ес-теᶻ в тꙋ зеᵐлѣ звѣра я́къ коⁿ ноги свиⁿнии[228] роᵍ маетъ на тѣлѣ[229].

---

[208] стройма В., stromi XVII в. [209] форостами В. [210] w spůsob malých hausatek XVII в. [211] у воду В. [212] в В-м нет. [213] возсылаютъ В. [214] в В-м вопрос заменен словами: А тые люде нѣгды не сходятся в едно мѣсце. [215] gieгy plod promyenyl newczloweczi twarzi F. [216] зовется гала В, Elad F; далее следует: to gest naprzied yako lew, a nazad yako welblud. [217] s kym F. [218] а гды оно съ кимъ бiется В. [219] в В-м продолжается: якъ же ся тотъ утомитъ, того покладаетъ, а другой береъ. [220] только В. [221] barwy F. [222] моцно В. [223] естъ тежъ В. [224] в В-м прибавлено: «же и еленя пожираютъ и черезъ море-океанъ переплавуютъ. Естъ тамъ иное«... У нас было то же самое, но только раньше. [225] кoненеврусъ В, Monetrus F. Monstrakos 1498, Monocerus XVII в. [226] только В. [227] вместо следующих 5 строк в В-м. «очи свинiи, рогъ барзо ясный». Эти строки в нашей рукописи распространены самостоятельно: в чешском короче. [228] a oczas (хвост) yako swynye F. и др. [229] na czele F и др.

яснй [230] барзо ѿстрй якъ брива. а веʌми сердито щоколвекъ поткае то заразъ забиваетъ [231], с той землѣ приходи един камен магнесъ [232], тотъ къ себѣ желѣзо тягнетъ, в той землѣ естъ вода гагнусъ [233] в той водѣ естъ черепахи, такъ великие ижъ на сто локотъ вшир [234] и вдовжъ, а з нихъ скаралупъ тий люде доми собѣ ставлятъ [235], тамъ камен адаматъ [236], а ес такъ твердй же его нѣчим не роздѣлитъ. тико кровїю козловою [237].

39. Ѹченъ.

Юж еси [238] повѣдѣлъ ѿ той землѣ ѿ индий, повѣж ми еще ѿ той земле которая словеся персида [239].

Майстеръ.

Персида [240] починаеся, ѿт рики зовемой тигрй [241] в той земле лежи един городъ. которого зовутъ персида, тутъ наден каузлостосъ [242] с той земле приходитъ каменъ питеръ [243], той парит [244] якъ крапива. и дрѹгий же тамъ. естъ камен силеусъ [245], того прибуваетъ и ѹбива [246] якъ мсця [247].

40. Ѹченъ.

Повѣж мй ѿ той земле которая словеся Мезопотамия [248].

Майстеръ.

Маетъ [249] по двохъ рѣках [250]. имя которая словеся мезопотамия. которй то рѣки скрозь тую землю [251] текутъ, в той земле [252] естъ мѣсто вавилонъ. тое мѣсто стало по потопѣ лѣта. ѕ҃ф [253] в мѣстѣ том муръ такъ долгий на :о: миль [254] а мае сто брамъ, мосіонзовихъ [255], тое мѣсто збудовалъ един ѡлбримъ [256] котораго звано мемврохъ [257], в то земле естъ една волость аравїа ѿтоля приходитъ кадило. в той земле [258] етъ една гора Хоривъ [259], посполите зовѹтъ синай, на той горѣ Гсдь бгъ далъ мѡсеѡвѣ закон, в то земле лежитъ мѣсто дамаскъ. то оуставилъ авраамъ [260] подле того мѣста лежитъ три мѣта [261], тигръ ичидон [262] и ливания, ту ся [263] починае рѣка Іѡрдан, там лежит [264] палестина [265] Іюдея мѣсто, где мешкалъ Іюда снъ Іякова. с которого

---

[230] т. е. рогъ, swietly F и др. и еще прибавлено: yako katbunkulus. [231] то забіяетъ В. [232] Magnet XVII в.; в рукописи XV в. нет названия, а в изд. 1498 г. Adamas [233] гагнесъ В. Gangis XVII в. Далее в В-м 6 строк поставлено ниже. [234] вширки В. [235] будуютъ В. [236] нижеследующее только в чешском издании XVII в. [237] адамантъ камень, которого твердость кровію козлею роздѣляютъ В. [238] giz sme F. [239] parsida F взято из ответа; в вопросе patris. [240] Patria 1498. [241] Тигръ В. [242] kuzlo F, 1498 (kouzlo волшебство), kauzelstwj XVII в. [243] пиретъ В. [244] žže 1498. [245] силеушъ В, syleus F. [246] у ubywa F. [247] тотъ якъ мѣсяцъ прибываетъ и убываетъ В. [248] mezopotanya F и др. [249] здесь должно быть «имя», gmeno F, поставленное ниже. [250] в чешском еще: gesto skrzie tu zemy teczeta F, у нас ниже. [251] иже текутъ сквозь то В. [252] тамъ то В. [253] ҂ѯ В. Пропущено описание Ниневии, да и о Вавилоне сказано несколько иначе, нежели в известных мне чешских текстах. [254] миль В. В чешском размер определяется иначе. [255] sto mozazných bran XVII в. [256] ober XVII в. [257] Мемрохъ В. Nembrod XVII в. [258] там то В. [259] орив В., oreb F; после него в В-м еще «що»; Синая в чешском нет. [260] в чешском Abrahamuow ziett F. [261] мѣстъ три В. [262] сидонъ В. [263] тамъ ся В. В чешском другие города. [264] в В-м прибавлено: земля. [265] в Вм прибавлено: мѣсто.

били кролеве именований, ту̃ мѣсто хананея ѿ хамова сына, кайна[266] прозвищемъ, ижъ[267] в тои земли лежитъ Іерлимъ тое мѣсто оуставилъ сынъ ноевъ[268]. первй сщеⁿникъ[269] на земли. потоᵐ, в тую землю филистиᶜкую[270] пливе море чеᵖвоное тое море[271] такъ естъ свѣтло же наменшую рибу на днѣ в неᵐ побачитъ[272] як на долѣ[273], почииается потоᵐ египет, естъ едно мѣᶜто тебея[274], в тѡ землѣ естъ двѣ горѣ, една гора амения[275], на тѡ горѣ стои̃ ноевъ ковчегъ[276], а тое дерево не гние̃[277] до суду страшнаго, а дрѹгая гора аравія: на той горѣ наборнѣшее[278]. злото родися. Потоᵐ лежи̃ кападокия, таᵐже меⁿшая азия[279] потоᵐ лежи̃ мѣᶜто такъ великое ажъ поᵈ ѿболоки сягнетъ.

41. Ѹчень[280]

"Юж еᶜми повѣдѣлъ ѿ всемъ свѣтѣ. повѣᵈ ми еще ѡ тихъ ѿстровахъ що сутъ на морѣ.

Майстеръ.

Первий ѿстровъ ципрусъ[281]. вторй ѿстровъ, критъ, третй долносъ[282], тотъ естъ полнй злота. Потоᵐ ѿстровъ четвертй, дойласъ[283], перши оуказаᶜся по потопѣ, пятй пораᵐ[284] с того ѿстрова приходи̃ мармѹр сляхени̃[285], камѣнь сᵖадⁿи[286]. потомъ ѿстрововъ • ѕ҃з҃: [287] зацная ѿтоля била сибиля[288] родоᵐ, потоᵐ и селя и сициля[289], таᵐ естъ една[290]

---

[266] хаинана В. [267] ихъВ. Начиная с Аравии и до сих мест у нас изложено иначе и подробнее, нежели в чешском; несходно и с русским изводом, например у Порфирьева (434 стр.) и Тихонравова (50). [268] що надалъ Симъ сынъ ноевъ В. [269] в чешском prwey kral F [270] И еще земля Филистимля, в которую В. [271] в В-м еще: которое. [272] же на днѣ видносл рыбки и найменшіи В. [273] yako na dlan F. [274] Тебія В. [275] armenie 1498, далее в В-м: то есть Арарат. [276] корабль В. [277] зъ древа негніючого В. [278] навыборнѣйшее В. [279] В Виленской рукописи еще есть: «и зась лежитъ Ефесъ, гдѣ есть Богослова тѣло. Потомъ знову лежитъ мѣсто Понтъ островъ, на томъ былъ воеводою Пилатъ и отъ того Понтійскимъ Пилатомъ зовется. Европа начинается подля моря, а идетъ ажъ до горъ скрозъ землю Шкоцію, Дацію и Германію, и идетъ подъ Дунай (podle dunage doluow 1498) упять до моря. Тамъ земля французска (ffranska), швабска (sswabska), влоска (wlaska), санаска, еладска (Rzeczka), мишейска (Missenska), дуринска (Durinska), карманитска, польска, угорска (Vherska), седмигродска (sedm hradow). В земле угорской лежитъ една волость Далмація, тамъ естъ студня, въ которой часто видаютъ походнѣ (pochodnie 1498), же ся розсвѣчуютъ и высоко горятъ; и другая студня естъ, если хто що колвекъ въ ню умочитъ, заразъ каменемъ станетъ; и гора тамъ есть высокая Олимпусъ, до облакъ досягаючая. И еще волости Британская земля и Ванлицкая, Беринъ: оттоля родятъ дерева доброго способу; и земля Шконія (sskocia), в ней же л҃ дней солнца не видать около ст. Іоанна, только всегда ночь; тамъ в҃ естъ горъ, а една найбольша, за которою солнца не узришь; тамъ подле той островъ есть Іонія на немъ же дерево, съ котораго листъ нѣгды не опадаетъ; тутъ конецъ морю ліодоватому» (tu se dokonawá smrzlé moře). Приведенный отрывок в очень близком изложении имеется в чешских изданиях 1498 г. и XVII в. [280] Пропущено два вопроса: о широте и долготе земли и об Африке [281] Cziprus F. [282] Толкосъ Б, dolkus 1498. [283] Долосъ В., Dolas XVII в. [284] поромъ В., param 1496. [285] шляхетный В, sslechetny 1498. a drahý kámen, genž Sardyus sluge XVII в. [286] сардый В, sardius 1498. [287] ѕ҃ островъ Потом называется В, ten slowe Samos 1498. [288] сибелля В, sybilla 1498. [289] селля и сицеля з҃ я В, Silla a Sicilla 1498. [290] иня В, gedna 1498.

гора[291] с тô[292] гори ви^д^но сѣрку горачую, тамъ[293] задержани дши. который ся[294] висвободити маютъ. Пото^м^ ѡстровъ естъ якъ свѣ^д^чатъ пога^н^скïе книги ижъ та^м^ ковалѣ естъ тий кую громовий стрѣли, а та^м^ гора полна естъ ѡгню[295] и тихъ коваловъ зовутъ циклюпесъ[296] в томъ ѡстровѣ билъ конюнакъ[297] которй стережетъ пеке^л^нихъ вратъ. а и^н^ший книги[298] повѣдаю жеби то мѣли дияволи. бити[299], и тутъ мучася души[300] ковалѣ кую. пото^м^ ѡстровъ тотъ[301] словеся са^р^дïя[302] в то^м^ ѡстровѣ немашъ нѣчого ти^л^ко[303] корѣня такое естъ хто его скоштуе[304] смѣятися[305] будетъ на то^м^ же ѡстровѣ естъ една сту^д^ня[306] такая которй немощнй[307] скоштуе тоей води. то заразъ здоровъ будетъ· а если тô води злочи^н^ця ско^ш^товалъ би то заразъ ѡслѣпнетъ[308]. Пото^м^ естъ еди^н^ остро^в^ то потонулъ з лю^д^мъ и зе збожемъ[309], а болшй нѣжли деся зе^м^лей нашихъ[310], нашихъ и наздовжъ, а та^м^ естъ море легкое[311] по^д^ле того мора естъ еди^н^ ѡстровъ, тамъ ро^с^тетъ дерево ѡбанусъ тое дерево нѣгди не згаритъ и не зогниетъ, анѣ зсо^х^нетъ, по^д^ле того дерева естъ[312] сува то[313] естъ сту^д^ня тисяща[314] локотъ оуглубъ, а с тоей сту^д^не сл^н^це свѣтитъ: ѡ рожде^с^тва стаго Iѡана кре^с^тителя ажъ до самого дня, пото^м^ ес ѡстровъ, типе^р^тина[315] то є | тро^с^кошнй[316] зеленй якъ рай, до того ѡстрова оувôшолъ билъ члвкъ спригоди[317]. бо имѣлъ ѡ бга ла^с^ку, же лѣ пядесятъ[318] жи^л^ на^д^ свой животъ. бо тежъ члвека звано избрахват[319] са^м^ х^с^ъ г^с^дъ бгъ послалъ билъ члвка до того острова. и болше нѣхто не входилъ: Юже^м^ ти повидѣлъ якъ свѣтъ соворе^н^, чого ти еще питае^ш^ и тое ти повѣмъ.

42. Оученъ.

"Якъ ѡсляхенѣло[320] било тое древо с которого кр^с^тъ стъ учиненъ естъ.

Майстеръ.

Того древа нѣгде нема^т^ кро^м^ тоей квѣтки[321] которая з раю винесе^н^на, с тоей квѣки древо виросло.

43. Ученъ.

Якъ винесе^н^на тая квѣтка з раю.

Майстеръ.

---

[291] ta slowe Ethna 1498 — пропущено. [292] а в той В. [293] тутъ В. [294] котрiи В. [295] тамъ полно и огню сѣрчаного В. [296] циклопе В, cyklopes. [297] тамъ то и волканесъ былъ В, nad tim ohnjwým ostrowem panuge za krále Wulkánus, kterého werssowcy mocnářem nad hromi býti práwi XVII в. [298] иные В. [299] в чешском предположения о диаволах нет, но оно есть в немецком: Unsere Bücher wollen, dasz es Teufel seinen und die Seelen darin peinigen; то же в русском (Порфирьев 438). [300] в В-м перед этим: гдѣ и, [301] И еще естъ единъ островъ, который В. [302] Сардина В, Sardyna F, XVII в. [303] едно В, gedno F. [304] если человѣкъ снѣсть коренне В. [305] в В-м еще: безпрестане В. [306] вода В. [307] хорый В. [308] oslne F. Виленский отрывок здесь кончается. [309] sbozym y slidmy F. [310] nez ssest zemy czeskich F. [311] tu plawa lepke morže F. [312] в чешском: gest gedna hora, ta slowe Syna F. [313] tu F. [314] ssestdesat F. tisýc XVII в. [315] tysidita F, Typerdyka XVII в. [316] rozkossny F. [317] przyhodu F, случайно. [318] patnaste F. [319] по-видимому, переделка Swateho Brandana F, St. Brandan нем. Л. [320] ktere sslechty F. [321] ta wietew F.

"Адамъ ся билъ росхороваль, на смртъ. и послалъ едного сна своего. сиѳа [322] до херовима. которй стереже раю, аби ем8 пославъ лѣкарства с которого би моглъ живъ бити, тогди агглъ оуломилъ оу раскаго дерева. розк8 що посредѣ Раю стоитъ, с которого адамъ и еѵва. согрѣшили и далъ ем8 агглъ рек8чи неси адам8 своем8 ѿц8, потомъ 8ткни ей оуголовахъ ем8, а коли тая розка 8кажетъ ѡвоци то ѿцъ твой здоровъ боудетъ. а гди ся снъ верн8лъ тогди адамъ билъ оумерлъ. а снъ виполнилъ агглское росказанїе 8ткн8лъ ем8 тую квѣтк8 оу головахъ с той квѣтки виросло древо с которого кртъ стъ. оучинень и ѡ него адамъ оуздоровлен и все християнство [323].

44. Ѹчень.

Що значитъ адамова голова котор8ю малют под ногами бжаго мученїа.

Майстеръ.

Соломъ [324] едного часу, иха на иротофилїи [325] и знашолъ члвка, же ѡн вибралъ адамову голову. познавши ей соломон, оузялъ ей рек будь похвалена ѿ бга и ѿ мене, приложилъ ей ко серц8 своем8 и поцѣловалъ, кин8лъ ей ѿ себе и тр8тилъ [326] ногою. Мовячи будь проклятая [327] на вѣки. и 8чинилъ трикро велбилъ и проклялъ. а потомъ [328]. ей до ерслим8. и вложилъ ей в распадлин8 каменную [329]. потомъ в тую распадлин8 оуставилъши, жиди кртъ на которомъ хрста роспяли. и тогди адамъ естъ 8здоровленъ, и все хртиянство. и для того голову адамову под роспятїемъ, и теперъ малюютъ.

45. Оученъ.

Для чого соломон три рази хвалилъ, адамову голову. а три рази клялъ.

Майстеръ.

Про то хвалилъ жесмо всѣ з ней. вишли а клялъ що през ню в гнѣвъ бжй впали.

46. Ѹчен.

Повѣж ми ѿ прироженю води.

Майстеръ.

Вода маетъ трое прироженя. тий слов8тся, нотабилисъ [330] и лябисъ [331] патабилисъ [332], латинскимъ языкомъ. то естъ. плаванїе пиетъ прагнетъ [333], але море маетъ прироженя ведл8гъ мсця [334] гди мсць ростетъ, то и море ростетъ, а гди мсць оубиваетъ, тогди и море 8биваетъ.

47. Ѹченъ.

"Якъ то море ростетъ. албо оубиваетъ.

Майстеръ.

---

[322] Seth F. [323] wessken lid F. [324] Salomun F. [325] bil gest na pole prokratochwil (на прогулку) wygel F. [326] y strczi F. [327] bud prokleta F. [328] y wrze F. [329] w rosedly kamen F. [330] Natabilis F. [331] labilis F. [332] Potabilis F. [333] to gest, ze wnye plawagi, aže peru, aze gi pigi F. [334] podle myesiecze F.

Ꙋ морѣ есть двѣ горѣ великїе, а в тиˣ горахъ сꙋ двери[335] великїе, ґди двигнетъ вода. горѣ зоˣна[336] тогди море оумалися[337] и перетриваетъ седмъ дни.

48. Оўченъ.

Околя вѣтри походя.

Майстеръ.

Великїе вѣтри четирѝ есть[338], каждӥ ѡ ниxъ походятъ, а иние вѣтри тий словутся, коляторалисъ[339]. ґди ся тий потикаю. и будутъ таᵏ силний аж ся роздѣляютъ, на кї вѣтровъ и на веᶜ свет прохолода, из них виходят . а тий ветрове виходя дѣрами[340]. ґди ся повѣтра з дрꙋгиᵐ повѣтроᵐ изӥдетъ и с того учинитъ ся ѡ̆бецнїй[341] вѣтръ.

49. Ꙋченъ.

Повѣᵈжъ ми для чого зеᵐля трасе ся.

Майстеръ.

Ґди ся води изберꙋт. поᵈ зеᵐлю такъ великой моци аж ся земля двигати почнетъ.

50. Ꙋченъ.

"Ꙗкъ маетъ вѣтеръ скрозъ зеᵐлю прѡ̆ти. поневаж из зеᵐлѣ виходитъ, якъ ся земля ѡворитъ.

Майстеръ.

Земля якъ мясо бо чл҃къ маетъ тѣло мѣсто землѣ. коᶜти мѣсто камѣня. жили мѣсто корѣня. а волоси мѣсто трави, а ґди ся вѣтеръ поᶜтигнеь на веᵖхъ землѣ. тогли ся жили потоᵖжаю[342] то ся вѣтеᵖ рознесетъ, споᵈ зеᵐлѣ якъ немощъ во чловецѣ[343].

51. Оўченъ.

Повѣж ми ѡ̆ той волоᶜти. которая словеся сициля[344].

Майстеръ.

Сицилля есть тамъ з дзюри под зеᵐлю[345] ѝ на многихъ мѣстехъ. полно ес сѣрки и на многихъ мѣстѣˣ ѿгнъ. биваетъ скрозъ зеᵐлю.

52. Ꙋченъ.

Що в мори есть[346] же перевозници повѣдаютъ же ѱи щекаютъ[347].

Майстеръ.

В морѣ есть мѣсто сикилля[348]. таᵐ ґди ся води збираю. поᵈ землю, а текутъ по камѣню тогди и камѣня несꙋ и-собою на долъ, тогдѝ тїә камѣня ѡдиⁿ ѿ дрꙋгого чеᵖкаютъ перевозницѝ тое слишатъ и мовятъ же ѱи щекаюь.

53. Ꙋченъ.

Ѡколя зима походи.

Майстеръ.

---

335 diery F. (дырки). 336 že dna F. 337 в чешском наоборот: welmy wynde z brziehuow F. 338 в чешском прибавлено. tu slowy Cardynales F. 339 Colatales F. 340 diery gsu F. 341 obeczny F. 342 ztrhagi 343 yako nemocznєho czlowєka F. 344 Sytilla F. 345 Podzemy dierawa F. 346 gedno myesto F. 347 ssczekagy F. 348 Stylla F.

Ꙗкъ. горачое приходит ѿ огню, такъ. зима приходитъ ѿ води. бо вода холодна, и холодъ ѿ себе пускае, бо лѣтом слнце, над нами ходитъ близко, и ѿ того маетъ тепло, а зимою слнце бѣжитъ бокомъ низко, далеко ѿ нас и тимъ маемо студено, и ѿ того рокъ дѣлися на двое зима и лѣто[349].

54. Ꙋченъ.

Повѣж ми поневажъ слце лѣтѣ над нами близко а зимою оубокъ нас далеко[350]. зимѣ ден малй а в лѣтѣ великй.

Майстеръ.

Тотъ свѣтъ праве ѡкрꙋглый якъ яблꙋко. а ми посрединѣ свѣта. а гди идетъ слонце праве над нами. тогди его далей видим але моцъ маетъ великꙋю в собѣ то естх горачость, а не рихло под землю зайдетъ. тим ест зимѣ денъ малй, бо лѣтѣ слонце под землю оунонѣ[351] бѣжитъ низко, бокомъ и рихло вйдетъ, тимъ в лѣтѣ ночъ малая. а зимѣ также слонце в ночи землею идетъ не бокомъ але под ногам идетъ и не рихло вйдетъ землѣ. тимъ зимѣ ночъ великая.

55. Оученъ.

Для чого слонце бѣжи бокомъ.

Майстеръ.

Южем ти повѣдѣлъ же нбо ѡкрꙋглое якъ яблꙋко. на первѣмъ нбѣ мсцъ. на втором нбѣ слонце. а на третим нбѣ, звѣзди. мсцъ иною стежкою идетъ. коло мѣсяця, и над ними звѣзди. а мсцъ на бокъ насъ. для того жеби собѣ не перескозали[352]. бо гдиби едною стежкою ходили то би едно дрꙋгомꙋ свѣтлост крили. и врожай[353] би земний повтералй[354] би. вже би не родили ся. а нѣ збоза[355] а нѣ люде.

56. Ꙋченъ.

Ꙗкъ бгъ слонце далеко постави над мцемъ. звѣзди над слнцемъ. поневажъ не на едномъ нбѣ, тая, свѣтлост бжая естъ.

Майстеръ.

Ꙗкъ далеко ѿ землѣ до мѣсяця, такъ ѿ мсця до слца. а ѿ слонца до звѣздъ, бо звѣзди болшꙋю моцъ маю, то ажъ на виршомъ, нбѣ стоятъ.

57. Ꙋченъ.

Повѣж ми ѡ планетахъ нбних.

Майстеръ.

Колко маемъ днй въ недели, толко маемъ планетъ меншихъ. межи ними, слнце и мсцъ тии двѣ найболше нам свѣтъ[356]. и дрꙋгихъ естъ там[357] плане тий бѣжатъ на нбѣ високо, естъ межи ними един планетъ сатурнус[358]. тотъ бѣжитъ такъ високо же ледво во тридцатъ лѣтъ бѣгъ свой викониваетъ[359]. албо виполняетъ. вторй венусъ[360] того зовꙋтъ денница[361].

---

[349] в чешском этот ответ изложен короче. [350] kterak to przigde ze gest lethe tak dluh den a zymie kratek F. [351] оу ночѣ? ср. ниже «въ ночи»; в известных мне чешских памятниках нет соответствия всему отрывку. [352] prziekazely F. [353] урожаи. [354] поутеряли бы, погубили бы. [355] збожа. [356] свѣтятъ. [357] pieth F. [358] Saturnus [359] dokona F. [360] venus F. [361] denycze F.

58. Ѹченъ.

"Ꙗкъ можетъ звѣзда бити деⁿницею и звѣранїцею[362].

Майстеръ.

Такъ наᵐ ниᶜмо ст҃ое повѣдаетъ, иже едного рокȣ деⁿница, бѣжитъ преᵈ слоⁿцемъ. а дрȣгого рокȣ за ᶜлонⁿцемъ. г҇ди преᵈ слоⁿцеᵐъ то деⁿница. а г҇ди за слоⁿцемъ то звѣраница.

59. Оу҇ченъ.

Єдна то звѣзда деⁿница и вечеᵖница[363].

Майстеръ[364].

То естъ деⁿница[365] подобна. и вечеᵖници. ижъ его кождй розознати не можетъ[366], велми високо на бѣжитъ, на нб҃ѣ и для того. видаемо ей[367] рано, преᵈ слоⁿцемъ, а вечȣръ за слоⁿцемъ, пятая[368] планета меркуриȣшъ[369] то естъ[370] в сѣмъ[371] лѣтъ бѣгъ свой викониваетъ, ѿ той планетѣ повѣдаю҃ мдр҃ци ижъ влаᵈнетъ[372] муᵈроᶜтюю .ѕ҃.[373] планета юпѣтеръ[374] тотъ во ᵈванаⁿця҃ лѣтъ бѣгъ свой викониваетъ.

60. Ѹченъ.

Ꙗкъ тїй планети есь҃[375] великий слⁿце, и мᶜцъ и звѣзди.

Майстеръ.

Звѣздочеци҃ повѣдают҇ же мᶜцъ естъ такъ яᵏ оуве҇съ свѣтъ сей, ѿ мора до мора, а слⁿце ве ᵈвое боᴧше, а мᶜця а каждая звѣзда ве ᵈвое болшая ѿ слоⁿца, а ѿ мᶜця во чтири кротъ болшая кождая звѣзда[376]:

61. оу҇чень.

"Из землѣ видися҃, мᶜць и слоⁿце едниᵐ зроᶜтомъ, а звѣзда видися҃ и четвеᵖто҃ части не мае того що мѣᶜцъ албо слн҃це.

Майстеръ.

Звѣзди естъ сами в собѣ барзо великий, през самȣю високостъ. ѿ зеᵐлѣ до неба. здаютъся намъ презлишъ малеⁿкий. бо г҇ди слоⁿце такъ било ѿ насъ або мᶜць. видѣло би ся намъ еще меⁿшии нѣжаи звѣзди.

62. Ѹченъ.

"Ꙗкого сутъ прироженя звѣзди.

Майстеръ.

Ꙁ чотирохъ матерій[377]. то значится, то естъ[378] ижъ дш҃и котрий приходятъ ѿ бг҃а. всемогȣщаго ко ѿживленю тѣла дитиⁿнаго. оу҇ матеᵖней ȣтробѣ теди якъ бг҃ъ пуститъ. дш҃и из нб҃а. на зеᵐлю. и кра҃ которой звѣзди пойдутъ до дитиⁿнаго тѣла, ѿ той звѣзди тая дш҃а прироженіе возмет҇:

---

362 zwierzedlnycze F, zwierzeczie hwiezda 1498. 363 zwierzecie 1498. 364 пропущено место, соответствующее чешскому: An gest. Pata planeta, ta slowe Mars 1498. 365 ta gest hwiezdo k deniczy 1498. 366 дальше имеется: a hwiezdarzi prawie 1498. 367 widime gi 1498. 368 должна быть шестая: ssesta F. 369 mercurius F. 370 ta bieży F. 371 sedm F. 372 wladne F. 373 д. б. ҃ꙁ: sedma 1498. 374 Jupiter 1498. 375 gsu F. 376 рассуждение о звездах более обширно, нежели в чешском. 377 element F. 378 вм. двух предложений в чешском только: a znamenay F.

63. Оучень.

Якъ рози[з]нати лю[д]ское прироженя[379].

Майстеръ.

Нѣкоторий звѣздй суть студенаго[380] прироженя а иний горачого. а йний мокраго, а иний сухого, такъ члвкъ[381] гди студенаго[382], прироженя то есть невѣрнй[383], а хто прироженя мокраго[384] тотъ много мовитъ илжетъ. и рихло[385] повѣдаетъ, а хто горачого[386] тій[387] много женъ маютъ, а хто сухого тіи люде святобливий[388].

64. Оучень.

Повѣж ми ѿ м[с]нѣ[389].

Майстеръ.

М[с]цъ естъ наиме[н]шая планета, межи планетами бѣжитъ. наблизше. ѿ землѣ про то люде беръ розѹмъ. ѿ м[с]ця[390]. бо ябное прироженя естъ такъ мокрое[391] ижъ перемагаетъ[392] свѣтлостъ ѿ сло[н]ца а про то немашъ, диву же люде на мору и на земли беръ розумъ, ѿ м[с]ця[393] бо[394] естъ сотворе[н] з чотиро[х] материй.

65. Оучень.

Чому м[с]ця прибувае и ѿбуваетъ.

Майстеръ.

Гди м[с]цъ сотворенъ тогди много оу себе взялъ землѣ и води, прото не маетъ своей прироженой свѣтлости, толко то що возьметъ ѿ слнца, а гди ѿдалиться ѿ слнца тогди естъ полнй. а гди ся изближитъ из сло[н]цемъ, тогди естъ малий, бо сло[н]це м[с]цеви свѣтлость подаетъ ї и ѿимѹетъ.

66. оучень.

Що то чо[р]нѣетъ оу мцѣ. простии люде повѣдаю иж каи[н] авеляноситъ[395].

Майстеръ.

Повѣдале[м] ти ижъ м[с]цъ взялъ оу себе зе[м]лъ и води, много. и беретъ свѣтло[ст] ѿ сло[н]ца. а гди полнй будетъ, тогди тая зе[м]ля чорнѣетъ, в немъ, то ест студень, тая чорнѣетъ, которая естъ видимая в м[с]цѣ.

67. Оучень.

Про що ся м[с]цъ затмѣваетъ.

Майстеръ.

Гдй вйдетъ[396] м[с]цеви. двѣ неделѣ ста[р]. тог|гди ча[с][397] приходитъ, ижъ гди слнце будетъ з[ъ] ѿдной сторони з[ъ] землй[398], а м[с]цъ з другой сторони, противъ себе. тогди себѣ перескажаютъ бо слнце такую моцъ маетъ, же ѿимаетъ свѣтлост ѿ м[с]ця.

---

379 в чешском вопрос более подходящий: ktеrak to przigde F. 380 studeneho F. 381 в чешском еще: tahne nasie przirozenye podle hwiezdy F. 382 studeny a suche naturi F. 383 ten rad mlczi a gest nemoczny F. 384 studeneho a mokreho F. 385 rad 1498. 386 horkeho a sucheho 387 nahly a udatny gsu F. 388 в чешском иное, и в русских редакциях иначе. 389 od myesiecze F. 390 в чешском еще вопрос: kak to przigde F. 391 silne F. 392 в чешском иное: berze swietlo F. 393 znamenawa po myesieczi F. 394 nebo F и др. (ибо). 395 замечания о Каине и Авеле в чешском XV в. нет. 396 bude F. 397 czasto F. 398 zemie F.

68. Оучень.

Повѣж ми ѿ звѣздѣ кометѣ.

Маистеръ.

Тая звѣзда не зявися[399], толко гди ся перемѣна та естъ на королевство[400], албо що инаго, ѿ той звѣздѣ значатъ звѣздочетци ижъ пустят из себе, пропорции[401] а тая звѣзда межи иними звѣздами не бѣжитъ, повѣдаетъ намъ писмо же свѣлостъ[402] которѹ ей бгъ распаляетъ во ѿболокахъ,

69. Оучень.

Якъ то повѣдаютъ и стаетъ ижъ видимо ане[403] звѣзди падаю, люде повѣдаю ижъ то смокове лѣтаютъ.

Маистеръ.

Повѣдалем ти ижъ каждая звѣзда естъ болшая нѣжли мсць албо слнце. а про то можеся повѣдати[404], ижъ если би една. звѣзда спала з неба. то би полсвѣта забила би. а то приходи часто же тихо будетъ на земли. а во ѿболокахъ, воликое потиканїе.[405] вѣтровъ. тогди ѿгнь смѣсится, с повѣтрамъ. а гди ся огн ѡберне в повѣтра[406] тогди огн спускаетъ часть нѣякую з себе на низъ подъ звѣзди, а люде мовя же то звѣзди падаю або злїе духове.

70. Оучень.

Чему в лѣтѣ крупи[407] паду а в зимѣ того немашъ.

Маистеръ.

В лѣтѣ естъ слонце силно, а в зимѣ мало[408], а тягнетъ влагѹ то естъ мокрость, и млглѹ ко себѣ. якже ся повѣтра влагѹ то естъ мокрость, и мглѹ ко себѣ. якже ся повѣтра влагъ то естъ мокрос и мглѹ. исторгнетъ[409], то ся в немъ измерзнетъ и ѹчинитъся с того градъ, и крѹпи.

71. Оучень.

Отколь приходи громъ.

Маистеръ.

Гди вийдутъ чтири вѣтри из мора, тогди ся потикаю[410] такъ моцно в повѣтрѹ же ѿгнъ блиснетъ. а гди то зразитъ[411] то сполѹ в немъ. розирвется[412] и трѣснетъ. ажъ люде оучую. При рѣскѹ оукажеся с повѣтра ѿгнъ блиснетъ. ажъ будетъ червоно[413].

72. Оучень.

Отколя приходитъ снѣгъ.

Маистеръ.

Гди пара вийдетъ з горъ в повѣтра, тогди тѹю парѹ разбиетъ вѣтеръ аж ся оучинитъ густо. с того градъ[414] не может бити бо тутъ не

---

399 nezgewi F. 400 kdiz sie kralowstwie chcze promyenyty F. 401 pusty od sebe paprsky F. (лучи) 402 ze gest swietlo F. 403 вм. же: ze F. 404 wiediety F. 405 potkanye F (встреча, столкновение): 406 když se ohen od powietrzie oddieli 1498. 407 krupy F (krûpě капля). 408 mdlo (вяло, слабо) 409 powietrzie ztrhne F. 410 (wetrowe) potkagi F. 411 srazy F. 412 rozedrzie F. 413 cžrweno F. 414 krupy F.

може бити мгла, гди на зе^м^лю оупадетъ студено бути муситъ бо и^с^туденой материй естъ.

73. оўчень.

Щого дощъ походитъ.

Майстеръ.

Гди ся зе^м^ская пара изъ̆ зи^м^ною водою изъ̆ мглою по^м^тикаетъ[415]. тое не може̃ зг8стѣти на снѣгъ едно такъ спадаетъ на низъ дощемъ.

74. Ѹченъ.

Чем8 в лѣтѣ р8дий дощъ̆. идетъ що називаю̃ рудою[416].

Майстеръ.

Гди слнце пуститъ пропо^р^ций[417]. в че^р^воное море. албо в багно[418]. тогди тягнетъ к себѣ тую воду руду. а поти^м^ гди вбдетъ в повѣтра и червоний дощъ якъ кровъ будетъ.

75. Ѹченъ.

Для чого з дощемъ жа^в^ки грибки[419] падутъ.

Майстеръ.

Тое ся нѣ ѿ кого не стае[420] едно з озѣръ[421] албо с втавко^в^[422] малихъ, гди то слнце сво^ю^ горачость хочетъ ѿхолодити при ти^х^ водахъ, тогди наберетъ влаги злой, нагле тягнучи к себѣ же малй рибки и ж^в^бки в повѣтра по^р^вати маетъ. а е^д^на^к^же тои пари не можетъ долго держати. рихло на долъ спадетъ.

76. Ѹчень.

Що естъ дуга[423]

Майстеръ.

Гди биваетъ горачо̃с а роса идетъ ко горѣ ѿ зе^м^лѣ и злѣпитъся с повѣтрамъ. ѿ того оучинтся во ѿболокъ. гди станетъ противъ сл^н^ца покажетъ на собѣ барву[424] по чотирохъ живїолахъ[425]. то естъ чтири барви розмайтий мудр8ю[426] по повѣтр8, по ѿгнѣ зеленую по водѣ че^р^вонную, по зе^м^лѣ буратую[427], й ис того оучини̃ся.

77. Ѹченъ.

Чему в лѣтѣ вода оў студнѣ холо^д^ная, а зимою теплая.

Майстеръ.

Зимѣ ся зе^м^ля запечатуетъ[428], морозо^м^[429] же горачостъ з ней не можетъ вйти. Про то в зимѣ[430] тепла, а в лѣтѣ холо^д^на[431]. же вся студенъ запре̃ся в мори. и в зе^м^лѣ гл8боко, и ѿ мора идетъ жро^д^ло з студеностю в сту^д^нѣ и ѿ того холо^д^ная вода, а у ночи тая студенъ

[415] чит. потикаетъ (встретится). [416] в чешском весь вопрос проще и короче: procz krwawy desst gde F. [417] paprslky F. (лучи). [418] w czrwene bahno F. [419] чит. жабки и рыбки. [420] to sie nikdy nestawa F. [421] gedno podle bahen F. [422] чит. ставковъ. [423] duha F (радуга). [424] barwu F. [425] po cztyrzech Elementiech F. [426] modru F. (синюю). [427] brunatnu F (бурую). [428] sie zapeczety F. [429] запятая должна быть после морозом. [430] в чешском еще прибавлено: gest zemie F. [431] следующие отсюда и до конца ответа слова не имеются в известных мне чешских и русских луцидариях; впрочем ниже в чешском есть особый вопрос по этому предмету: odkud przichodi rosa a mraz F.

виходитъ парою на верх҃ и скоро сл҃нце явися то с того роса оучинися.

78. Оученъ.

Чему море солоно.

Майстеръ.

Тое[432] море лежитъ праве на всходъ сло҃нца, а варися в мори якъ оуколѣ. и прото солоно.

79. Оученъ.

За колко днй ѡснуется дитя в матери҃нскѡ оутробѣ.

Майстеръ.

Речъ тая естъ оу божѡ тае҃мници. и не слушная естъ речъ повѣдати[433]. и мовити. бо нѣхто. добре не свѣдомъ ани невѣста ани мужъ. кождая жена маетъ коморку[434]. которая словеся матракꙁъ[435] тая внурѣ косматая[436], естъ, для того аби мѣла пло҃д лѣтке[437] держати. а тая коморка маетъ се҃дмъ печати в собѣ. и не видно би. и то било коли би яка҃я невѣста. се҃дмъ дѣтей разомъ породила[438]. а гди ся маютъ зачати, тогди на се҃дмъ днй пре҃д тимъ молоко, а се҃дмъ днй кровъ, пото҃м зидеся тое по҃споλу[439] и буде якъ з҃гляганое[440] молоко, и се҃дмъ днй стве҃рдится ве҃дле ѡбичаю. а такъ сна҃дне[441] ему тѣло о пятихъ днехъ ростетъ емꙋ кожа. а в. м. днй. са҃м Г҃дь бг҃ъ влиетъ в тое тѣло душꙋ. идетъ[442] чл҃вкъ.

80. Оученъ.

Гди ся дитя починаетъ чи҃м воно естъ живо, в матери҃нской оутробѣ поки ся народитъ.

Майстеръ.

Естъ оу же҃нскомъ животѣ, двѣ жили, тоне҃нки҃х в тую комо҃рку дитяти покармъ идетъ скрозъ двѣ жили и сетъ[443] ихъ дитя, ѿколя молоко идетъ. бо тий жили. при самѣмъ оустѣхъ ꙋ жени[444], а той пока҃рмъ такъ чи҃сти҃н, и҃ж ся ним҃ живитъ дитя якъ росою сло҃нце, а то жени розумѣютъ ижъ имъ немощъ прироженая, гди тя҃жкими биваютъ.

81. Оученъ.

Якъ мозокъ сотворенъ человечй.

Майстеръ.

Мозокъ сотворенъ на трое роздѣле҃ний естъ, една частка же вла҃дне[445] мꙋдро҃стю. вторая разꙋмомъ. третая поцтиво҃стю. а гди ся тий ча҃стки право стоятъ. тогди члкъ здоровъ.

---

432 в чешском: nebo F (ибо), что более подходит. 433 a neslussy gi żadnémv mluwiti 1498. 434 komoru F. 435 matrix F. 436 kosmata F. 437 lepe F. 438 «и не видно — породила» по-чешски яснее: a proto nenie diw, że gedna żena vrodi po gednu sedmero dieti 1498. 439 spolu F. 440 posyrzene F. 441 в чешских изданиях XV в. нет. 442 bude 1498. 443 sse F. 444 перепутано. В чешском: A gdeta tie żile dwie prawe dietieti pżez vsta 1498. 445 Gedna czest wladne mudrosty F.

82. Ꙋчень.
"Якъ волоси ростуть.

Майстеръ.

О пари которая иде҃ и-жолудка.

83. Ꙋчень.
"Якъ ро҆туть пазнотй.

Майстеръ

О роси которая идетъ ѿ слонца[446]

84. Ꙋченъ[447].
Про що люде сивѣють.

Майстеръ.

"Якъ дѣти маютъ волоси бѣлий поки не маю҃ теле҆ной горачо҆ти, так҆ же по старо҆ти будутъ сивѣти. гдижъ ихъ горачостъ проминаетъ.

85. Оꙋченъ.
"Юж есми[448] повѣдилъ я кождая речъ маетъ початокъ. повѣж ми якъ еще конецъ будетъ.

Майстеръ.

Люде сутъ с уставйче҆ства[449], прото нѣгди не во҆мутъ ко҆ца, дш҃и пойду҃ ко богу ѿколъ пришли. а тѣла ѿбернутъся в҆ землю, в де҆ су҆ни. за҆ навернуся дш҃и до своихъ тѣлъ. през божїе повеленїе, яко[450] иѿа҆ богословъ пишетъ в зачалѣ ѕ҃ї. егда мр҃твїй оуслишатъ. гла҆ сн҃а бж҃їя, и ꙋслишавши ѿживꙋтъ. а и҆ши изйдутъ сотворше благая, во воскресенїе живота, а сотво҆ши злая во воскренїе суда. тотъ дх҃ъ. що в би҆лята ни з ꙋставичной речи ес҃, про тое[451] дх҃ъ ис тѣло҆ оумр҃етъ, такъ добутокъ муси҃ оузяти тя҆кую смр҃тъ нѣжли чл҃вкъ.

86. Ꙋченъ.
Якъ будетъ чл҃вчая речъ, ча҆ то естъ су҆нй дене[452].

Майсте҆ъ

Такъ естъ. хто якъ оу бога заслꙋжитъ собѣ. бо на҆ пи҆мо свѣ҆читъ и ѻзнамуетъ. и повѣдаетъ. ижъ кажд҃й чл҃вкъ маетъ҆ своего Агг҃ла. и злого дх҃а. кото[453] его стерегутъ дш҃и, гди҆ чл҃вкъ оумретъ[454], тогди агг҃лъ пре҆ нимъ зберетъ всѣ товариши сво҆, и ѿженетъ диявола ѿ дш҃и праве҆ной а дш҃ꙋ понесутъ в рай.

87. Оꙋченъ.
Хто мучи҃ тий дш҃и которий викуплени и сп҃се҆ни маютъ бити.

Майстеръ.

Тое чинятъ дияволи.

---

446 od srdcze F. 447 84 вопросо-ответ имеется только в чешском издании 1498 г. 448 giz smy F. 449 lide gsu zustawyczenstwye ustaweny F. 450 ссылка на Иоанна Богослова, по-видимому, сделана самостоятельно. 451 начиная с данного слова и до конца ответа довольно неискусно передается следующее место чешского оригинала: Ale ten duch gessto ma dobitek, ten nenye zustawiczne wieczi, ten duch umrże ystielem, A proto dobitek mussy tiezssy smrt wziety, nez czlowek F. 452 kterak bude czloweczie wiecz v posledny czas F. 453 чит. которые: gessto F. 454 после этого в чешском: gestly ze gest nabozie zasluzil F.

88. Ѹчень.

Ӕкъ грѣшную дш҃у мучатъ.

Маистеръ.

Гди грѣшная дш҃а изидетъ с того свѣта, тогди дияволъ прийде з великою грозбою[455], ко ней, а вжди агг҃лъ при ней. поки ѡсужденна будетъ во ѡболокахъ, а гди ѡсуждена до пекла. тогда агг҃лъ ей ѡставитъ з великою жалостю. а тая дш҃а зотменена будетъ[456] предъ бг҃омъ. а писмо намъ такъ повѣдаетъ, поки естъ дш҃а во мукахъ тогди тий ст҃ий которимъ ѡна слѹжила на семъ свѣтѣ. Тий ѡной дш҃и стокротъ потѣшенїе ѿ бг҃а приносятъ. гди ѡна в горачости будетъ, то ѡни ей приносятъ ѡхолоду. а гди ѡна в темности то свѣтлость ей приносятъ, а за тое ей тий ст҃ии тое чинятъ. то естъ за ей слѹжби. що тая дша бивши в тѣли на семъ свѣтѣ ѡнимъ служила.

89. Ѹчень.

Що значитъ звонъ.

Маистеръ.

Ӕкъ важимо[457] звоновъ голосъ. такъ в старомъ законѣ важили Труби, котории знаменуютъ жалосние ѡргани[458], бо якъ ерихона добито чрезъ труби же ся муръ трасся, ѿ трѹбиня, и розваливъся, такъ же весъ свѣтъ перреможенъ[459] маетъ бити, для звона голосомъ бж҃иимъ.

90. Ѹчень.

Що намъ значитъ ѡдѣянїе в црк҃ви слѹжебное.

Маистеръ.

Одѣянїе которое епископи носятъ. тое ведлѹгъ старого закону естъ. а тое фарбованїе ведле старихъ жидовъ то естъ бѣлой и розно, на знакъ земле ѿ колъ походитъ. зеленой на знакъ небесъ, котори сутъ жолтой на знакъ повѣтра которое з мора приходитъ. червоной на знакъ ѡгню которая з горачости походитъ. к тому кождий мѣлъ не челѣ золотую бляхѹ[460], на которой було написано еврей, имени бж҃їа с которихъ жаденъ не могъ знати. и тое знаменовало же старого бжества, гсдь нш҃ъ сотворителъ естъ. нб҃а и земли, и все его сотреня. а такъ и теперъ. ѡдѣяние которое свщенници носятъ. знаменуетъ намъ новый законъ.

91. Ѹчень.

Ст҃ий Іѡанъ пишетъ во ѕявенни прежъ рождествомъ хвымъ ижъ видѣлъ красна́го, агг҃ла, з нб҃а а бил ѡболченъ во ѡболокъ бѣлий.

Маистеръ.

Тотъ агглъ знаменова намъ Хс҃та Іс҃а, ѡболокъ бѣлий намъ двѹ мтрь бж҃їю.

92. Ѹчень.

Що знаменуетъ сукна[461] що била вся цѣла и бѣла, и не било в ней шва, жаднаго.

Маистеръ.

---

[455] hrosu F. [456] ne bude F. [457] ważymy [458] hrany F (перезвон). [459] przie-moren F. [460] plech (жесть). [461] sukna F. — из ответа; в вопросе każila.

Тая с8кня визначала с҃тое хри^стия^нство, бо певное и цѣлое оу вѣри Хр^стово̃. бо певное и цѣлое, оу̃ вѣри хр^стово̃ [462] бити маетъ.

93. Ꙋченъ.

Що знаменуетъ ѿморфо^р [463]. котори̃ Еп^пиъ носитъ.

Майстеръ.

Омофоръ маетъ два кон̃ца, то знамену҃е слово и 8чинокъ тое маетъ випо^лнити.

94. оученъ.

Юж е^сми повѣдилъ, все повѣж ми еще що ся буде҃ чинити в су^дномъ днѣ.

Майстеръ.

Тогди нбо и зе^мля заро^вно буде҃ все, а не будетъ слн҃ца, анѣ мѣсяца, анѣ жа^днаго свѣтила, кромѣ той свѣтло^сти, которая свѣтити маетъ, ѿ всего держителя бг҃а.

95. оученъ.

Якъ дш҃и великую млотъ будутъ мѣти ѿ г^сда бг҃а в дн҃ь судни̃.

Майстеръ.

Побожний засъ дш҃и тѣло возмутъ на себе, и да^{ст}имъ г^сдь бг҃ъ се^дмъ даро^в на тѣли, и засъ на дш҃и б8дутъ се^дмо разъ кра^снѣш҃и. нѣжли сло^нце, а будутъ такъ скро^мний [464], же проникнутъ през муръ. каме^нний. а будутъ в себѣ такую млос҃ [465] мѣти ижъ що еди^н оу̃ другого оу̃зритъ то ему и здаетъся. якъ би на собѣ тое маетъ. будут̃ мѣти великую честь ѿ бг҃а. а будутъ велми про^сторѣчний [466] и свобо^дний бо вже ся болшъ не буду҃ бояти см҃рти, але радост̃ вѣчную мѣти буду҃, к той радо^сти насъ рачъ, мило^стиви̃ бж҃е всѣ^х домѣстити право^славни^х [467] хр^стїя^н.

АМИ̃НЬ.

Напечатанный памятник замечателен и в отношении *языка*. Уже было отмечено (стр. 519), что малорусские особенности проведены в нем строго последовательно, насколько можно было выразить их посредством графики XVII в. Было указано также, что в памятнике есть полонизмы (стр. 522); и появление их вполне понятно, так как ими изобиловал юго-западнорусский литѐратурный язык того времени. Нередкие чехизмы объясняются влиянием чешского оригинала.

Как можно будет видеть из приводимых ниже в соответствующих местах примеров, наш памятник имеет и некоторые особенности, свойственные белорусскому наречию (аканье — изредка) или последнему вместе с северномалорусскими говорами (твердость *р*). Следы белорусских особенностей заставляют предположить, что напечатанный текст

[462] повторение по ошибке [463] infula [464] skrowne 1498. [465] mylost F. [466] prostorzeke F. [467] небезынтересные слова при решении вопроса о народности и религии переводчика или переписчика; в чешском оригинале их, конечно, нет.

не непосредственный перевод с чешского, а копия с белорусского перевода, сделанная малорусом, притом северным, быть может из Полесья.

Вот главнейшие особенности языка данного памятника[1].

ФОНЕТИКА

В *области гласных* на месте древнерусского *ѣ* находим обыкновенно *ѣ* и *и*; но, несомненно, переписчик и *ѣ* читал, как *и*; по крайней мере он нередко пишет *ѣ* на месте ожидаемого *и* в словах заимствованных (нѣґди nigdy 3, 37), или переписанных русскими буквами (ѡбѣвѣ онѣсъ oblivionis 13), а также в некоторых русских словах, сложенных с приставкой *ни-* (нѣчого не бйло 7, нѣколи [никогда] не долетя̃ 12, нѣхто [никто] 12, 13, 33); о том же говорят случаи, где в одном и том же слове пишется *ѣ* и *и* (рики 39, рѣки 40). *И* вм. *ѣ* имеем, например, в следующих случаях: *й*сти 25, 38, кто *й*стъ 25, не *й*дятъ 36[2], не *й*ла 38; *й*ха 44; вил*и*зу̃ 36, перем*и*нилъ 38, стр*и*ляетъ ib., пов*и*дѣлъ (powiedział) 41, д*и*ти^{н}наго 62. Сюда же отнесем: перві́е (прежде) 5, 7, из первѣе.

Древнерусское *ы* систематически заменяется посредством *и*; случаи с *ы* попадаются лишь как описки. Примеры: в приставке *вы-*: в*им*"слилъ 29, в*и*лизу̃ 36; в корнях — после губных: б*и*ло 3, б*и*лъ 5, ѿб*и*чаемъ 6, в*и*^{ш}ше 21, зв*и*^{ш} 36, п*и*тае̃ П, 1, ро^{с}п*и*шавшися всякою п*и*хою 9, пом*и*^{с}лилъ 9; после зубных: д*и*мȣ 13, ся пот*и*каю̑ (спотыкаются) 48, неуоп*и*паючий 13; сл*и*шатъ 6, сл*и*вется 13; даже после *р*: скр*и*т*и*й П. В окончаниях: знаем*й* законъ П, котор*й* ib., дх҇ъ стї҇й ib., пекелн*и*й 13, лѣс*и* пуст*и*й 22, злїе дх҇ове 18, речи котор*и*й П, дш҇и зл*й* 13, смол*и* ib., звѣзд*и* ходятъ 17, аб*и* П, тогд*и* 3, ґд*и* 2, 3, т*и*хъ П, 2 и др., пре^{д} т*и*мъ 5.

Звук *у* на месте *о* встречается в слове ябл*у*ко (ѿ яблȣ^{в} 36, яблȣко 54); *у* на месте *о* вторичного из *е* имеем в слове вечȣръ 59, где оно в закрытом слоге. Некоторое отношение к *у* из *о* закрытого, вероятно, имеет циклюпесъ (cyclopes) 41.

Звук *у* вместо *ы* очень обычно в формах глагола быть и производных от него словах: б*у*ти 72, б*у*ло 5, 90, приб*у*ваетъ и ȣб*и*ва (убывает) 39, приб*у*вае̃ и ѿб*у*ваетъ 65, доб*у*токъ 85.

Как и в других старинных малорусских памятниках в слогах закрытых изредка наблюдается *ѣ* на месте *е*: нѣжъ (нежели) П, зо^{с}вѣтъ (зовет) ib., камѣнь 41; в одном случае в подобном положении встретилось даже *и*: ѿ трȣб*и*ня 89.

Другие отличия в области гласных, либо не составляют исключительной особенности малорусского наречия, либо даже ему совсем не свойственны. Таковы:

---

[1] Ссылки делаются на номера вопросо-ответов, *П* — на «Предмову». Орфография та же, что и в издании памятника.

[2] Встречающееся также *ядять* 24, 36 можно объяснять или знакомством с церковнославянскими памятниками, или даже в *я* можно видеть белорусское аканье.

Появление *а* на месте *о* в следующих случаях: г*а*рачого 9, г*а*ратъ 13, велъ д*а* раю 20, съ повѣтр*а*мъ 69, ск*а*рал*ѹ*пъ 38, р*а*спаляетъ 68, при зро*з*ѹмѣти 3. Однако не во всех приведенных случаях можно видеть типичное аканье: в трех первых примерах *а* вм. *о* могло явиться под влиянием *а* следующего слога; «повѣтрамъ» могло быть образовано под влиянием именительного «повѣтра»; в «скаралѹпъ», при древнерусском скорол-, скорл-, может быть особое полногласное образование, что вообще не редкость, особенно в западнорусских памятниках (например, в переводах Ф. Скорины). Не исключительно малорусская черта и появление *а* вм. *е* после согласного, бывшего прежде удвоенным на месте группы согл. + j + *е*: зналъ каждое корѣн*я* 38.

Вместо *е* после шипящих нередко *о* под ударением и без него: ро*жо*ний 27, кни*жо*къ П, горач*о*с 2, и^нш*о*го 7 и т. д.

Полногласные формы в бо́льшем распространении, нежели в русской литературной речи: вороги 27, во ѿболокахъ П, 18, прохолода 48; польская огласовка изредка в «члов-»: чловечую 38; то же следует сказать относительно трикро 44.

Основное славянское сочетание ьг передается через *ер*: че^рвоное 40; но основное гь подверглось, по утрате безударного *ь*, вокализации плавного: не*тр*валий 36, откуда дальше *ри*: пере*три*ваетъ 47. И здесь попадаются случаи польской вокализации: ѿ с*ло*^нца 36.

Неслоговое *ў* на месте *у* в известном положении, вероятно, было, по крайней мере попадаются случаи появления *в* на месте *у*: по*в*терали бы (= поутеряли бы) 55.

Пропуск гласных встречается редко; такие случаи, как корй 13, чтир^ы (čtyry) 28, 60, ^хтѣлъ (chtiel F) 10, представляют особые образования или даже заимствования из чешского; нѣжли 61 распадается на неж + ли:; костръ 36 и ма́стра П, с пропуском *е*, аналогичные образования (как вѣтра). Даже не будет фонетического отпадения *и* в тех случаях, когда вместо *из* — *ис* имеем *з* — *с*: тут простое смешение этих предлогов, как можно видеть из нижеследующих примеров: яма *съ* которой 20, *з* зе^мли (изъ з-) ib., наоборот — *йз* землѣ (= съ з-) 61, *ис*кинѹти з неба 10, *из*ближитъ *из* сло^нцемъ 65. Отметим отпадение *и* в «мѣлъ» (= имѣлъ) 29.

Вставка гласных особенно бросается в глаза в предлогах *въ*, *къ*, *съ*, где она возможна даже перед гласными: во ѿболокахъ II, во тро́ци 1, ко богѹ 36, не зогниетъ (не сгніетъ) 41; в «зе збожемъ» 41 польская огласовка. В сравнениии с нашим обычным употреблением будет вставка *о* и *е* в моз*о*къ 81 (мозгъ), але*ѯа*^нд*е*ръ 36.

Приставку гласного находим в *и*лжетъ 63.

Лишь описка, а не слитие гласных в ма*лют* 44.

В *области согласных* больше встречаются черты, общие белорусскому и малорусскому наречиям. Сюда относятся:

Появление *ў* неслогового, а иногда, может быть, и чистого *у* на месте *в* в известном положении: ѹзялъ 65, особенно в роли предлога: *оу́* ногахъ, ѹ рукахъ 36, ѹ морѣ 47; иногда перед *в* развивается *у* и получается таким образом *ув*: *оу́в*о́шолъ 41, *оу́*весъ (= весь) 19, 32, 60.

Появление *ў* или быть может даже *в* на месте *л* в известных случаях на письме редко отражается: розвали*в*ъся (р҆-лъся) 89, в҆доᵉжъ 38, наздо*в*жъ 41. На это явление, вероятно, указывает и *л* на месте основного *в*: оустави*л*ъ[ши] 44.

Малорусскому и белорусскому наречиям свойствен звук *г* = *h*, для передачи которого в нашем памятнике употребляется обычное начертание *г* или даже, как это уже было отмечено (стр. 519), знак 𝒥; во всяком стучае *г* никогда не смешивается с *г* = *g*, известным словам заимствованным из польского; для него обыкновенно употребляется 𝒯, что мы передаем знаком ґ, напр.: ґди 2, 3, нѣґди 3, 37, ˇзґляґаное 79 и т. д.

В орфографии нашего памятника обращает на себя внимание смешение обозначения твердых и мягких согласных: очень часто в окончаниях слов вместо *ь* имеем *ъ*; тоже и в середине слов после согласных иногда (но вообще редко и больше в известных случаях) встречаем твердые слоги вместо мягких. Не могу решительно сказать, как смотреть на это явление; не думаю только, чтобы здесь были вполне твердые согласные (хотя таковые и слышатся в некоторых местах малорусского Полесья); быть может, отмеченная особенность орфографии обозначает только средние согласные, что́ в малорусском в некоторых говорах наблюдается и на самом деле. Примеры: 1. а) твердость *л* перед согласными, что́ бывает и в некоторых белорусских говорах: чите*л*ника П, ко*л*ко именъ 13, пеке*л*ний (bis) ib., па*л*цами 36, найбо*л*ше 57, ве*л*ми 95; б) твердость губных на конце слов: червъ 13, кровъ 74; в) твердость остальных согласных: при редком «учень» (ср. П, 1, 14) обыкновенно Оу҆ченъ 2 и т. д.; при крᶜтъ оу҆чиненъ 43 обыкновенно ѻ҆гнъ 13 (bis), тѣнъ 13, конъ 38, вся студенъ (с — ность) 77; ѿколъ пришли 85, твердостъ 15, мрᵈостъ 17, волостъ 36, старостъ ib., горачостъ ib., ᵈвана ⁿцятъ локотъ ib., 38 смр҇тъ 43, скрозъ 13, 35, оу҆весъ 19, засъ (затем) 36. 2) Твердые слоги: тре*т*ая 34, 81, тре*т*ое 13, тре*т*ого 30, сукн*а* (одежда) рядом с сукн*я* 92; кова*л*овъ 41, в пер*са*хъ 36, вс*па*тъ (вспять) ib.

Иного рода отвердение представляет звук *р*; тут не может быть и сомнения относительно твердости согласного. Явление это живое белорусское, известное и некоторым северномалорусским говорам: теперъ П, 44, лю҆ддаръ II, цръ 36, мор*а* 33, 41, 71, мор*у* 64, гор*а*чоc҇ 2, 36; гар҆*а*чого 9, гор*а*чую 41, гар*а*тъ 13, вѣр*а*тъ 36, пр*а*гнетъ 46, повтер*а*ли бы 55, повѣтр*а* 70, траᶜся 89, едно звѣр*а* 38, иˇзвѣр*а*тъ 36, звѣр*а*ница 58.

Есть несколько случаев, в которых можно бы видеть белорусское дзеканье и цеканье, хотя некоторые из них можно объяснить и иначе: *ци* (= ли) 37 рядом с *ти*: *ти* мае дно пекло 12, з *дз*юри 41, люᵈзское 63; в двух последних словах можно видеть и полонизмы.

Чисто малорусскую особенность следует видеть в мягком *ц* следующих слов: ѿ мᶜ*ця* 18, мѣся*ця* 56, мѣс*ця* 20, ᵈванаⁿ*ця*тъ 36.

Удвоение согласного на месте группы из согласного + *j* + гласный не бывает, но зато нет и *j* (орфогр. *ь*): памята*ня* 13, створе*ню* 20,

моцю своею 6, *з* студено*ст*ю 77, *п*етъ (= пьетъ) 25, изявилъ П, ср. еще 18, 68. Не будет фонетического удвоения согласного в Сици*лля* рядом с Сици*ля* 51, так как и в чешском (F) Sytilla. Другими причинами вызвано удвоение в причастиях на -нный: на̂де[н]но 39, винесе[н]на 43 и т. д.

Смягчение согласных *д* и *т* производится правильно по-русски (ро*ж*оней 27, повѣ*ж* ми 32, неусипаю*ч*ий 13 и т. д.); встречающиеся отступления — полонизмы: мо*цю* 6, *цо*[р]ку (= дочку) 38.

Старое смягчение задненебных находит отражение и в нашем памятнике: во челове*ц*ѣ 50; в двух нижеследующих примерах, вероятно, подражание церковнославянским формам, так как форма им. п. мн. ч. в памятниках XVII в. уже заменилась формой вин. п.: перевозници 52, сще[н]ници 90.

Как будто смешение *с* и *ш*, *з* и *ж* видим в нижеследующих примерах: пере*с*ко*ж*али 18, пере[с]ко*з*али 55 (при szkoda), збо*з*а 55 (сбожа), *ж*елѣ*ж*а 29, хотя два последние случая похожи на описки. Один раз встретилось *ч* на месте *ц*: лю*ч*идаръ л. 78[3] и *с* на месте *ц*: лю*с*идаръ л. 72.

Наш памятник писан в той малорусской области, которая знает уподобление согласных звуков одних другим по звучности, а также переход конечных согласных голосовых в безголосные. Указанная черта не проведена систематически и даже послужила основанием к ложноэтимологическим написаниям, как можно видеть из нижеследующих примеров: слове[д]ся и слове*т*ъся 13, по[д]вержений и по*т*ер[р]женний 10, зве[р]женъ *з* неба 9, *з* грецкаго П, и *з*зовутъ 36, *щ*ого 73 (= с чего = из чего).

Рядом стоящие одинаковые согласные, получившиеся путем уподобления или же вследствие выпадения между ними гласного звука, могут сливаться: иде и*ж*олудка 82, *с*етъ (= ссетъ) 80, и[ˇ]*з*вѣрятъ 36.

В изглашении слов *ждж* перешло в *щ*: до*щ*ъ 73, 74, причем, как и в белорусских памятниках, *щ* зашло и в другие падежи: пере[х] до*щ*емъ 36; в сочетании *зг* в слове мозо*к*ъ 81 (**мо𝔷гъ**) *к*, может быть, не без влияния суффикса *ок*.

На месте древнерусского *чьто* всегда *що* П. 24, 84 и др.

Шипящие согласные всегда тверды, как это можно было видеть из многих вышеприведенных примеров, а также из написания д̄ш*ы* 36.

Древнерусская группа *кът*, как и вообще в русском языке, заменилась посредством *хт*: нѣхто 12, 13, 33, хто 28, 41.

Сочетание *зг*, как иногда и в белорусском, при посредстве *zg* перешло в *зк*: ро*зк*ȣ 43.

В качестве приставочных согласных встретилось: а) *в*: чи[м] *в*оно живо 80 (чисто малорусская черта); б) *ј* при союзе *а*: зе[м]ли ѧ̆...П.

Так же *ј* в некоторых случаях отпадает: то *а*блȣка 36, с тих трехъ речи — 2, ср. 3, ажъ далѣ — не могȣт стȣпити 10.

Отпало и *в*, или точнее *ў* неслоговое, в сходитъ 34 (= всх-)

---

[3] Ссылка на лист, а не на номер вопросо-ответа, по-видимому, потому, что отмеченная форма встретилась наверху листа, где отмечается — «книга люцидаръ». Мы не приводим этих заглавий (*Ред.*).

МОРФОЛОГИЯ

Из морфологических явлений в области *склонений* коснемся некоторых более выдающихся особенностей.

У имен *существительных* после числительного «два», стоят обыкновенно формы на *ѣ*, в каковых можно бы видеть двойственное число, особенно у основ на *ŏ* средн. рода и у основ на *ā*. Рядом с ними однако бывают и окончания на *и*, заставляющие нас смотреть и на *ѣ*, как на графический двойник *и*. Примеры: на ᵈва локтѣ звишъ 36, на ᵈва сажнѣ 38, но два ѿстрови 36; двѣ горѣ 40, естъ двѣ горѣ великїе 47, вйдетъ двѣ недѣлѣ 67, но двѣ жили 80.

Некоторые слова переменили *род*: пара (= паръ) 73, рядом с «пятая планета» 59 имеем едиⁿ планетъ сатуᵖнуᶜ 57.

В формах *единственного* числа имен *существительных* следующие особенности.

Род. п. У слов муж. рода нередко *у*: ѿ початкȣ 5, кормȣ заживати (zaživati pokarm) 25, полна ѿгню 41, ѿ ŏгню 53. У слов женского рода основ на *ā* попадается *ѣ*: ѿколо зеᵐлѣ 38, из зеᵐлѣ 50, 61, йз сȣкнѣ 25, съ тей стуᵈнѣ 34, с тоей стуᵈнѣ 41, но полгодини 9, той широти 12.

Дат. п. У слов муж. р. отметим *-ови* — *-еви*: адамови 28, мᶜцеви 67, далъ мŏсеѿвѣ 40 (*ѣ* указывает на умягчительный *ї*).

Вин. п. Здесь отметим разве несколько образований, замечательных по своему роду и строению: во ѿболокъ 91, в чловечую *тварь* 38 (бывает в белор. и муж. рода), мтръ 91 (при имен. мати 36), падаютъ во ѿзере (у воду В) 36, где *е*, может быть, и под влиянием предыдущего слога.

Твор. п. Замечательных образований нет, кроме разве следующих: кровїю 38 (ц.—слав. особенность), муᵈроᶜтюю 59 (описка вм. мудростю).

Местн. п. В мягком различии основ на *-ŏ* и *-ā* встречается *-и*, в чем можно видеть и старину и малорусскую замену *ѣ*: на слⁿци 2, в рай 23, 31; но и *ѣ* тоже бывает: ŏ зеᵐлѣ 13, оу̑ яйцѣ 32. Один раз встретился дательный на *ѣ* вм. местного: ѿ совори́телевѣ 4. Местный на *у* тоже не редкость: на еᵈномъ мѣсцȣ 16, на мору 64, ŏ сотвореню 4, ѿ соᶜтавленю 32.

Во *множественном* числе *им. п.* встречается и со старым окончанием на *и*, в чем следует видеть отчасти церковнославянскую особенность, отчасти орфографическую: *и* вм. *ы*: аггли 8, три рази 45, волоси 50, перевозници 52, сщеⁿници 90. Один раз попалось *ѣ*, в чем, вероятно, следует видеть *и*: тамъ ковалѣ естъ 41. Довольно распространено *-ове* — *-еве*: агглове 10, дхове 18, кролеве 30, гадове и смокове 36, вѣтрове 48. Одно *-е* имеем в люде 4, 36. Вероятно, форма единственного в выражении тий братїᵃ 29.

В *род. п.* обращают на себя внимание формы на *-и* из *-ій*: трехъ речи 2, на коᵗко чаᶜти 34, седмъ дни 47. Не гармонирует с предыдущими форма «землей» (деся зеᵐлей) 41.

В *вин. п.* замечательны случаи употребления у названий одушевленных предметов форм, сходных с именительным (старинных винительных): мѣлъ три сны 29, ной три сыны мѣ 30, дѣти колихати 29, вложать родичи 36.

Еще замечание относительно заместителей старинных образований на —ьк. По фонетическим особенностям данного говора они стали оканчиваться в им.-вин. ед. ч. на *-ня* (зналъ каждое корѣня, и било едно корѣня 38, корѣня такое 41, маетъ трое прироженя 46), но род. п. к ним образован от старинного именительного на *-е*, вследствие чего он тоже оканчивается на *-я* (того корѣня 38, ко^с^ти мѣсто камѣня 50), естествен и дат. п. на *-ю* (по камѣню 52) и им.-вин. п. мн. ч. на *-я* (несȣ камѣня, тїе камѣня че^р^каютъ 52). Подобно образовано и повѣтра: ґдися повѣтра з дрȣги^м^ повѣтро^м^ изйдетъ 48.

У имен *прилагательных* в *род. п. ед. ч.* м. и ср. р. рядом с обычным *-аго* (в чем следует видеть церковнославянизм) находим и *-ого*: кра^с^ного 9, которого 40, 43, дрȣгого 52, старого 90. В женском роде *-ой*: бѣлой, зеленой, жо^л^той 90; то же у прилагательных, изменявшихся в старину по именному склонению: бж҃ой 10, бж҃ой ib. В местном: на трети^м^ 55.

В *мн. ч.* им. п. представляет следующие окончания: *-ии*, в котором, несомненно, следует видеть заместителя *-ыи* для м. и ж. р.: про^с^тий люде 4, вибраний агглове 10, лѣси пустий 22; речи которий П; скритий ib., ноги сви^н^ний 38; кроме того, часто также встречается *іе*, конечно из *ыѣ*: злїе дх҃ове 18, люде таковие ѿбе^р^нение 36, велие пȣщи ib., естъ двѣ горѣ великїе 47; один раз встретилась форма на *-ая*: всѣ пеке^л^ная (ohnie F) 13, где, по-видимому, церковнославянский средний род.

Отметим случаи сравнительной и превосходной степеней: ви^ш^ше 21, нѣчого ши^р^ше якъ пѣнязъ 33, зви^ш^36, дорогшй П, нáблизше 64, нáпервѣй 8.

В склонении *местоимений* отметим более или менее замечательные случаи: ѿ себе 44 (живая форма); собѣ 26 (дат. п.), 36 (местн. п.); *ей* — вин. п. ж. р.: ȣткни ей (розкȣ) 43, познавши ей (голову) 44, приложи^л^ ей ib. В «през ню» 45 (через нее), вероятно церковнославянизм. «Ей» употребляется и в значении род. п.: з ней 45 (из нея).

Уже в фонетике мы видели, что вместо «что» всегда «що» (щото 66 и др.), но в косвенных падежах обычная основа: чого 41, нѣчого не било 7.

Вместо *тъ* всегда той — тая — тое, но есть и «тотъ»: то҃ П; ж. р.: тая 1, таято 25, тое 11; род. п. ж. р.: а) той широти 12, тȏ води 44; б) тоей води 41, с тоей сту^д^нѣ ib.; в) съ тей сту^д^нѣ 34; твор. п. м. р.: пре^д^ тимъ 5; местн. п. ж. р. ȣ то^и^ зе^м^лѣ 13. Мн. ч. им. п. тий братї^а^ 29; местн. п.: на тихъ книгахъ П.

«Который» встречается и в более кратком виде (по-малорусски) кор҃й 13 и в полном: которою 36.

Очень распространено местоимение «який»: нѣякое.

Форм *числительных* встретилось немного. Более замечательные в том или другом отношении следующие случаи: ѡди[н] 52 со звуком *о*, но нередки формы этого слова и со звуком *е*: еднаго бг҃а 12, една 2. От «два»: в тихъ дво[х] нб҃ахъ 18. «Четыре» обыкновенно без *е* или *о*: чтири 7, 28, хотя: по чотирохъ 76. От «пять»: о пятихъ днехъ 79. Для 12-ти дв*ана*н*цятъ* (на [д]вана[н]цятъ локотъ 36, во [д]вана[н]ця҃ 59), с двумя морфологическими (*а* и *н*) и двумя фонетическими особенностями. Еще отметим: во три[д]цяти лѣтехъ 27, девят'сотъ лѣтъ *и* тр[д]ця҃ 27, тисяща 41, двое люде (два народа) 36.

В *спряжении* глагола отметим образования:

Неопределенное обыкновенно на *-ти*: слѹхати П, зрозѹмѣти 3, не смѣю читатй а нѣ мовитй 4, исти 25 (ѣсть) и т. д.

Настоящее вр. В 1-м лице отметим: повѣмъ 41. 3-е лицо обыкновенно представляет твердый согласный: естъ, будетъ П, рачитъ ib., питаетъ 1, кто йстъ 25 и т. д. Нередки также формы на *-е*: не може 13, птахъ лѣтае 36, это скоштуе 41. В 1-м лице мн. ч. очень распространено *-мо*: видимо, можемо 3, маемо 53, видаемо 59, важимо 89. В 3-м лице тоже твердое *т*: ходятъ 17, входятъ 4, не йдятъ 36, испалятъ ib., попаляю҃ ib., бѣжатъ 57, малюютъ 44, мовятъ 52, а также со смягченным губным: ставлятъ 38. Чешским влиянием следует объяснять случаи 3-го лица мн. ч. без *-тъ*: заживаю (zaživu 1498) 25, потикаю (potkagi F) 71.

Повелительное н. представляет обычные образования: повѣж ми 32, рекѹчи неси[ж] адаму 43 (*ж* [*е*] синтаксически здесь не оправдывается: не подражание ли здесь таким образованиям, как повѣж?), будъ 44 и т. д.

Прошедшее совершенное, кроме обычных образований (принеслъ 28 — даже с церковнославянским окончанием, не[с]лѹхала 38), представляет и случаи особенные: формы старые юго-западнорусские — ю҃ж *е*[с]*ми* повѣдалъ 4 (giz smy F) и даже заимствованные с сокращенными формами глагола *есмь* (юж е[ш] ти повидѣлъ 41), который, как в польском, даже сливается с глагольным окончанием: первѣй повѣдалемъ 36, повѣдале[м] ти 66.

Знакомо нашему памятнику и *давнопрошедшее* время (plusquamperf.): оу҆вѡшолъ билъ члвкъ 41, "Адамъ ся билъ росхоровалъ 43, ѿсляхе҃нѣло било 42.

Условное представляет обычные образования: аби емѹ изявилъ П, если тѡ ско[ш]товалъ би 41.

Будущее время образуется с глаголами «буду» и «маю»: кто бѹде читати П, мае[м] вѣрити 1, свѣтитй маемъ (swietity bude) 94.

Примеры *причастий*: да[в]ъ рекѹчи 43, оуваривши 36.

Страдат. залог: гди зъ раю адамъ вигнанъ (без былъ) 24, адамъ естъ ѹздоровле[н] 44.

Более редкие случаи в употреблении *ся*: сливется (слывет) 13, слове҃ся 35, ся потикаю҃ (спотыкаются) 48, ся изберѹт҃ (соберутся) 49, люде починаю҃ся плодити 36, якъ ся може҃т дѣлити 2.

В области *простого предложения* обращают на себя внимание:

1) употребление *безличных* оборотов вместо личных: ѧкъ пе[р]шаго аггла *зва[но]* 9, едного *звано* воѣзъ 29, котораго *звано* хамъ 30, ерихона *добито* черезъ труби 89.

2) Особенности в *согласовании* сказуемого с подлежащим: в ти[х] ѿстрова[х] *естъ* гори 36, тальъ ковалѣ *естъ* 41, великїе вѣтри четирй *естъ* 48, якъ тїй планети *естъ* великий 60, *вйдетъ* двѣ неделѣ 67.

3) Употребление единственного числа в *собирательном* смысле: *гад* оўтѣкаетъ 36, волос естъ полна *гадȣ* ib.

4) Особенности в употреблении падежей.

а) *Род. п.* для означения времени: ѿсмого рокȣ ȣмираю 38 (умирают 8 лет); род. п. после некоторых глаголов: чого ти питае[ш] 41, скоштуе тоей води ib., дōти ко[н]ца 12, злота жаде[н] до[н]ти не можетъ 36, дна не долетя 12.

б) *Дат. п.* «собѣ»: привитавшися *собѣ* мужъ з женою и стиснувшися *собѣ* за рȣкй и за[с] роступяся 26; принадлежности: тимъ стоятъ ѿчи (= у тех) 36; при глаголе: бгȣ ся ровнятй 9; отметим наречие «чему» 77 в смысле «почему», «за чем».

в) *Твор. п.* для усиления действия: ро[с]пишавшися всякою *пйхою* 9.

г) Редкие случаи употребления местного без предлога: слнце *лѣтѣ* на[д] нами близко 54, бо *лѣтѣ* сло[н]це бѣжитъ ib., *зимѣ* но[ч] великая ib., ти[м] естъ *зимѣ* денъ малй ib., *зимѣ* де[н] малй а въ лѣтѣ великй ib., *зимѣ* ся зе[м]ля запечатуетъ 77.

5) Особенности в употреблении некоторых *предлогов*:

«край» в смысле около: крӓ звѣзди 62;

«до» = в: идетъ до пекла 13, велъ да раю 20, до раю ȣвōти 36;

«отъ» при страдат. залоге: будь похвале[н]на ѿ бга 44; тот же предлог при сравнительной степени вм. *къ*: близшая ѿ раю 36; отношение усилено прибавкой «ажъ»: ѿ — ажъ до самого дня 41.

«для» = из-за: для пихи 9;

«чрезъ» рядом с «скрозь»: чрезъ горȣ (= по горе), скроз и[н]дию, скрозъ горȣ 35, черезъ рокъ (= в течение года) 36;

«надъ» = сверх: лѣ пядесятъ жи[х] на[д] свой животъ 41;

«на» = в: на що били ѿберне[н]ни 24 (= во что обратились);

«съ» = из; с тей сту[д]нѣ чтири рѣки текутъ 34;

«въ» = у (больше фонетически): въ тихъ книжокъ набȣде П.

Повторение предлога перед определением и именем: съ пе[р]ваго сна з аеета; з второго з сима 30.

В строении *сложного предложения* более или менее замечательны следующие случаи:

1) Противоположение при посредстве слова *ино*: не де[р]житъ — нѣхто нѣчого *ино* едно самъ гд[с]ъ 33.

2) Пояснение существительного: а съ третого котораго звано хамъ с того пошли люде про[с]тий 30, межи тою горо[ю] которою[4] зовȣтъ ка-

гефисъ 36; ѿстровахъ що сутъ на морѣ 41, дерева що стоитъ 43. в томъ мѣстѣ, где зовутъ 20; люде такий же маю 36, чл҃вка же ѡ҃ виоралъ 44.

3) Выражение времени: скоро сл҃це явися 77 (как только с. я.).

4) Выражение причины: прото хвалитъ же҃мо всѣ зъ ней випили. а клялъ що... 45.

5) Цель действия: посламъ до херовима — аби ем8 по҃лалъ лѣка҃ства 43.

6) Обозначение следствия: тако вѣрити, ижъ естъ... 1 точися и҃ — не може дойти 11. чимъ земля оутвер҃де҃на ижъ не можетъ потон8ти 33, ажъ далѣ не мог8т҃ ст8пити 10, аби҃мо правд8 могли познати П.

7) Выражение возможного действия: ґди би билъ адамъ не согрѣшилъ 26, то би полсвѣта забила би 69.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

Отмечаются только более или менее замечательные слова

Барва: барви 38
бляха: блях8 90
брама: брамъ 40

Вд҃о҃жъ 38
Вече҃ница 59
вз҃яве҃нѣ (явно) 91
владнути: вла҃нетъ 59
волостъ (область) 36
всегодержитель: ѡ҃ всегодержителя 94
впи҃ 38

Година: годинъ 23

Добутокъ 85
дойти: та҃ дойти 22

Едно (только) 7
едного часу 43 (однажды)

Живіоло: по чотирохъ живїолахъ 76
жродло: жро҃ла идутъ 33

Заживати корм8 25
заразъ (тотчас) 36
зацный: зацная 41
звишъ 36
звѣра 38 (зверь)
звѣраница 58
зґляґаное молоко 79
зисподу 12
знайти: зна҃шолъ 44

Квѣтка: квѣтки 42
колибы 36
колко 13
костръ 36
кроть: во чтири кроть болшая 60

Ле҃во 57

Маистеръ 1 и т. д.
мозокъ 81
можно (mocno) 38
муръ 95
мѣсто вавилонъ 40
мѣсце 37

Набыти: наб8де П
на҃первѣй 8
немашъ нѣчого 16, 41
нѣжли 61
нѣколи 12

Олбримъ 41
ѿтоля 35, 40

Пазґноти 36
пара (пар) 73

[1] Твор. п. вм. вин. по ошибке под влиянием предыдущего слова.

GRAMMATIK DER RUTHENISCHEN (UKRAÏNISCHEN) SPRACHE. Von Stephan von Smal-Stockyj und Theodor Gartner. Wien, 1913. 8°. XV + 550. Цена 15 корон[1]

После посвящения памяти Миклошича в предисловии составители заявляют, что малорусское наречие (ruthenische Sprache) даже славистам мало известно, несмотря на то, что оно является языком второго по величине славянского народа, расположенного в сердце славянского мира. Характер своего труда составители определяют следующими словами: «Wir beschreiben die lebende ruthenische Sprache und trachten zugleich ihre Beziehungen zu den anderen slawischen Sprachen aufzudecken; insoferne ist unsere Grammatik vergleichend» (V стр.). Но этому изложению особенностей живого малорусского наречия предпосылаются рассуждения об области распространения языка, об истории народа, о письменном языке, об учебниках и словарях, о передаче малорусских звуков на письме. Далее следуют пять частей грамматики: учение о звуках, причем отдельные малорусские звуки возводятся к праславянским, где нужно — приводятся сравнения из других славянских языков, небольшой отдел посвящен аналогии и народной этимологии; далее следует морфология, в которой особое внимание обращено на виды глагола; в склонении и спряжении слов сравнение производится с древнецерковнославянскими формами; наконец дается синтаксис, в котором особенно подчеркиваются те явления, которые составляют особенности малорусского наречия. Последняя глава: Die Stellung des Ruthenischen innerhalb der slavischen Sprachen (стр. 455—495) посвящена вопросу о месте малорусского наречия среди других славянских языков. Сопоставив в таблицах особенности малорусского наречия с чертами других славянских языков, составители рассматриваемой книги пришли к заключению, что малорусское наречие не находится в связи с русским языком, и что выводить его звуки, формы и т. д. из прарусского языка бесполезно: ср. стр. 480: Die blossen zahlen sprechen deutlich aus, dass zwischen Ruthenisch und Russisch keine nähere Verwandschaft besteht als zwischen anderen slawischen Sprachen. .;

---

[1] РФВ, т. LXXI, 1914, стр. 635—640 (*Ред.*).

стр. 493: Wir glauben hinreichend ausführlich nachgewiesen zu haben, dass kein «Urrusisch» gegeben hat; den Glauben an ein «Urwestslawisch» und «Ursüdslawisch» haben schon andere zerstört; стр. 495: ... erkennt man im Ruthenischen eine selbständige[2], einheitliche slawische Sprache.

В конце книги приложен указатель, заключающий в себе до 6000 объясненных слов и форм. Таково содержание книги и цель, намеченная ею.

С внешней стороны издание исполнено удовлетворительно, только заметно неуменье пользоваться древнецерковнославянским шрифтом. Не говоря уже о том, что в тексте исследования везде почему-то употреблена капитель, предназначающаяся для заглавий, причем росчерки букв ρ, χ, ү не выходят за строку, — в шрифте, воспроизводящем начертания XI в., везде ч (вм. ѵ), появившееся в полууставе; для ц кое-где употребляется знак сербских памятников ћ, только перевернутый, ср. пьцн стр. 319; кроме того, вм. оү обыкновенно употребляется ȣ (ср. стр. 282: ȣкмоȣ, оȣоȣмоȣ), что не имеет для себя никакого палеографического основания. Вообще корректура слов древнецерковнославянского языка небрежна: ср. плънъ 78, новоȣмоѵ 281, моженъ 327 и т. п.

Обращаясь к рассмотрению книги по существу, мы должны отметить, что, вообще говоря, она написана популярно; этим отчасти объясняется ее полунаучный характер со ссылками не на памятники языка, а на разные учебники, например, Лескина, Вондрака, откуда последние заимствуются; формы древнецерковнославянского языка часто приводятся фиктивные, не встречающиеся ни в одном из памятников старых и даже позднейших, вследствие чего их нет и в словаре Миклошича; таковы, например, прич. страд. зал. прош. вр. моженъ 327, лѣзенъ 329, плаканъ 343, оумѣнъ 347, криѵанъ 352, стоинъ 353 и под.; к некоторым из приведенных образований можно бы подыскать формы предложные, но тогда и следовало такие предлоги поставить в скобках. Стремлением к популярности изложения следует объяснять и рассуждения в фонетике в разных местах о соответствии основным славянским звукам написаний *е*, *ї*, *я*, *ю*, которые авторы правильно понимают как *je*, *ji*, *ja*, *ju* в начале слов.

Главный недостаток книги заключается в употреблении неподходящих методов исследования и изложения. Наметив себе целью доказать полную самостоятельность малорусского наречия и отсутствие связи его вообще с русским языком — современным и древним, составители настоящей книги пренебрегли всеми установившимися приемами исследования языка.

1) Они игнорируют данные диалектологии малорусской и русской вообще. Исходным пунктом у них является литературный галицкий украинский язык; наречие северномалорусское, которое сохранило наи-

---

[2] Ein Urteil in diesem Sinne hat auch die St.-Petersburger Akademie d. Wiss. gefällt (Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб. 1905); in der zur Abgabe dieses Gutachtens der Akademie eingesetzten Kommission befanden sich unter anderen F. E. Korsch, A. A. Schachmatov und F. F. Fortunatov.

более черт древности, роднящих его с белорусскими и великорусскими говорами, оставлено без внимания; в этом случае рассматриваемая книга представляет шаг назад даже в сравнении с работой Огоновского, не говоря уже о Житецком и Крымском. В сравнениях из русского языка берутся опять-таки данные преимущественно литературной речи и не привлекаются показания русских наречий, особенно северновеликорусского, наиболее близкого к малорусскому, хотя малорусское наречие в историческую эпоху с ним никогда не соприкасалось; даже в ссылках на белорусское наречие, наиболее близкое и географически и исторически и по многим чертам к малорусскому, немало всяких неточностей: авторы знакомы с ним в пределах данных, собранных лет 40 тому назад Миклошичем и Огоновским. Если держаться приемов гг. Смаль-Стоцкого и Гартнера (которым я, как будет видно ниже, не сочувствую), то можно для всех особенностей малорусского наречия, кроме появления *i* на месте *o* в слоге закрытом, подыскать параллели в русских народных говорах.

2) Составители рассматриваемой книги, будучи мало знакомы с историей русского языка и вообще с древнерусскими произведениями, не принимают во внимание данных истории языка. В этом случае они в развитии науки не стоят дальше времени Фр. Миклошича, который с зарождавшейся в его время историей русского языка также не был знаком. Придерживаясь главным образом «Сравнительной славянской грамматики» Вондрака, они прямо возводят живые звуки галицко-литературной малорусской речи к праславянскому языку; а формы сопоставляют почему-то с древнецерковнославянскими. Но эти непосредственные сопоставления, с одной стороны, нисколько не содействуют лучшему пониманию малорусских звуков и форм, с другой — не придают им и архаичности (особенно в сравнении с древнецерковнославянскими формами), каковая, несомненно, обнаруживалась бы при сопоставлении с звуками и формами прарусского и вообще древнерусского языка Принятое ими сопоставление с праславянским и старославянским языками не отнесет происхождения малорусского наречия к более древнему времени, так как каждый читатель, более или менее знакомый с лингвистическими методами исследования, поймет, что и любое наречие русского языка или даже говор может быть возведен таким же способом к праславянскому и старославянскому языкам. В свое время (в 1885 г.) в студенческой работе: «Обзор звуков и форм белорусской речи» и я поступил таким же образом, но тогда история русского языка еще была в зародыше; в «Белорусах» (т. I, II, 1—3) я уже поступаю совершенно иначе: везде исхожу из прарусских звуков и форм.

3) Особенно бросается в глаза ненаучность методов и приемов, примененных в последней главе: Die Stellung des Ruthenischen innerhalb der slawischen Sprachen. Каждому слависту, не говоря уже о лицах, знающих историю славянских языков, известно, что в каждом славянском языке есть черты, а) свойственные всем славянским языкам, возникшие еще на почве праславянского языка — единого славянского языка. При сравнении славянских языков с целью установления бли-

зости их между собою о таких чертах говорить не следует; б) в науке установлено теперь, что в праславянском языке были диалекты, черты которых особенно ясно обнаружились перед распадением праславянского языка; эти диалекты легли в основу живых теперешних славянских языков, в жизни которых были разные эпохи. Современное разнообразие в звуках, формах, синтаксисе, словаре каждого из живых славянских языков вызвано многими условиями исторической жизни языка и народа и относится не к одному времени. Поэтому желая сравнивать особенности разных славянских языков между собой, необходимо прежде всего в каждом языке их обозреть исторически, возвести к тому виду, в каком они были в древнейшую эпоху языка, а тогда окажется, что (выражаясь языком составителей настоящей книги) Urruthenisch = Urrussisch, ибо все, что свойственно в древнейшую пору малорусскому наречию во всей совокупности примет, оказывается особенностями прарусского языка, в тех или других видоизменениях существующими и до сих пор во всех наречиях и говорах русского языка. Чтобы не быть голословным, укажу эти общеизвестные черты главным образом для тех легковерных читателей, для которых последняя глава произведения Смаль-Стоцкого и Гартнера может показаться убедительной. Это: *α*) замена осн. сл. **ъ** и **ь** в известных случаях посредством *о* и *е*, β) замена осн. сл. ъ̑r̥ — ъ̑l̥, ь̑r̥ — ь̑l̥ (при церковнославянских **рѣ—лѣ, рь—ль**) посредством *ор—ол*, *ер—ел*, γ) полногласие: осн. сл. or̥—ol̥, er̥—el̥ = *оро—оло*, *ере—еле*; δ) осн. сл. и церковнославянские **ѫ** и **ѧ** = *у* и *а*, ε) появление *о* на месте **є**, **ѥ** в начале некоторых слов, ζ) замена осн. *dj* и *tj* посредством *ж* и *ч*, η) появление на месте осн. сл. *bj*, *pj*, *mj*, *vj* — *бл*, *пл*, *мл*, *вл*; ϑ) отсутствие *d* и *t* перед *l* и *n* (молити, плелъ), ι) одинаковые морфологические особенности: приставки *роз-*, *вы-*; сходство в окончании падежей в склонениях (твор. п. *-ом* из **ъмь**, *-ѣ* **в** им.-вин. мн. ч. основ на -i̯o- м. р. и род. ед. и им.-вин. основ на -i̯a- ж. р. при церковнославянском **ѧ**) и спряжениях (3-е лицо ед. и мн. ч. на **-ть**, утрата аор. и имперф. и т. д.), ϰ) одинаковые словарные особенности, например *сорокъ*, известное всем наречиям русского языка и неизвестное другим славянам, λ) в общем одинаковое ударение в словах, основанное на усилении голоса. Кроме этих главных особенностей, в настоящее время общепринятых в науке, можно бы указать еще несколько положений, из которых объясняются сходные или подобные явления в малорусских и великорусских говорах, например, появление *о* (*ё̂*) на месте *е* (из **є** и **ь**), стоявших в прарусском перед несмягченным согласным, появление *-оло-* на месте праславянских -el̥-, *-ол-* на месте -ъ̑l̥- и под.; в) все теперешнее разнообразие говоров русского языка — результат действия многих причин: некоторые из них заложены были еще в прарусском языке до распадения его на наречия, другие же развились отдельно в языке тех древнерусских племен, которые, с одной стороны, легли в основу малорусской народности (южная ветвь, знавшая продление гласного, а затем дифтонги на месте осн. сл. *о* и *е*, стоявших в закрытых слогах, ставших таковыми после утраты *ъ* и *ь*) и с другой — великорусской вместе с белорусской

(средняя и северная ветвь, утратившая продление *о* и *е* в указанном положении). Со временем в каждой из отмеченных групп являлись новые особенности, развившиеся в отдельных наречиях и говорах. Если бы мы вздумали сравнивать их без исторической перспективы, то получили бы результаты только курьезные.

Таким образом, только лицам, не знакомым с научными методами исследования языка, и вообще неспециалистам доводы составителей рассматриваемой книги могут показаться убедительными. Ничего не прибавляет и глухая ссылка (стр. 495) на С.-Петербургскую Академию наук, которая никогда не высказывалась в духе доводов, приводимых Смаль-Стоцким и Гартнером. Настоящий отзыв уже был приготовлен к печати, как в Варшаве была получена кн. 1-я «Україны», выходящей в текущем 1914 г. в Киеве. Первая статья этого научного журнала принадлежит А. А. Шахматову («До питання про початок української мови») и посвящена разбору рассматриваемой грамматики. Акад. Шахматов, сделав оговорку: «Вірю, що і автори розгляданої праці уложили її не на політичні цілі і що вони не зважуться зробити політичних висновків з тих наукових тверджень, що виставили. Тільки ся віра дае мені звагу піднести проти них закиди. Бо підносити наукові закиди проти політичного памфлету була б даремна річ», — дает мягкий, но очень основательный разбор, вполне опровергающий выставленные Смаль-Стоцким и Гартнером положения, и доказывающий, что употребленные ими методы и приемы ненаучны. Предположенная ими большая близость малорусского наречия к сербскому языку основана на целом ряде научных недоразумений.

КНИГИ, БРОШЮРЫ И ЖУРНАЛЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ ИРЯС[1]

Історичний словник українського язика. Т. I. А—Ж. Під редакціэю проф. Е. Тимченка. Зошит 1 (А—В). Уложив проф. Е. Тимченко. Харьків — Київ, 1930. 8° словарное. XXIV + 528.

Украинская Академия наук в книге, заглавие которой приведено, дает 1-й выпуск исторического словаря украинского языка, обнимающий слова на А—Г, кончая словом «глубина». По плану, выработанному Комиссией Исторического словаря украинского языка, предположено исчерпать то словарное богатство, которое имеется в памятниках письменности начиная с древнейших времен до XIX в. Но в истории украинского языка было два особых момента: один — когда в Киеве и в Галицко-Волынской области писали на церковнославянском языке русской редакции, в который проникали в разных областях в той или другой степени и местные особые слова, а также фонетические и морфологические особенности. Лексический фонд этого времени (обозначим его примерно до XV в.) на общеславянской основе был древнерусский, перешедший из праруской эпохи, с примесью и церковнославянских слов; специальных украинизмов в словаре, неизвестных в других русских областях, здесь было очень мало. Естественно, что слова из памятников этого времени должны войти в общерусский словарь древнейшей эпохи, чему посвящены «Материалы» И. И. Срезневского, далеко, впрочем, не исчерпывающие лексического состава памятников эпохи XI—XV вв. Другой такой важный момент в истории украинского языка — это XV—XVII вв. Эпоха совместной жизни с белорусами под властью Литвы и Польши. В это время в правительственных канцеляриях западной Руси выработался особый язык, на местной народной основе, заключавший в себе немало иностранных слов, перешедших больше через Польшу. Этим языком писали свои произведения писатели и украинские и белорусские, причем чем дальше, тем больше проникали в этот язык и местные (больше фонетические) черты. Как тут быть при составлении исторического словаря украинского языка? Комиссия в этом случае руководствовалась территорией, на которой писались и печатались памятники; но тут могут встретиться разные недоразумения: часто природному белорусу приходилось жить и действовать в Украине и украинцу в Белоруссии; произведения одного и того же автора писались частью в Белоруссии, частью на Украине. Мне кажется, что Академиям Украинской и Белорусской пришлось бы сообща издать один Исторический словарь украинского и белорусского языков или сообща выработать списки авторов и произведений, которые должны войти, с одной стороны, в Украинский исторический словарь и с другой — в Белорусский исторический словарь. В противном случае повторения будут неизбежны.

---

[1] «Известия по русскому языку и словесности», т. III, кн. 2. Л., 1930, стр. 636—640 (*Ред.*).

Что касается палеографической стороны издания, то при печатании выяснилось, что по техническим условиям типографского оборудования никаких диакритических знаков сохранить нельзя, не удержаны даже титла, вследствие чего получились написания вроде: до с п с о в а дне, ґмахи н б с н ы є, а до н б а провадит, б г ъ, б ж с т в а, породила с н а, и р е ч к нимъ Стославъ, е п с п ы, т р ц а, к р с т а х в а и т. п. Отчего в подобных случаях не вставить недостающих букв, хотя бы поместив их в скобках, или обозначив особым шрифтом, например курсивом? Конечно, трудно это сделать с таким написанием, как ч л к у — чоловику или иначе.

Алфавитному перечню слов предпослано обозрение авторов и источников (автори й джерела). Мы бы предпочли видеть в источниках белорусского исторического словаря Акты, относящиеся к истории Зап. России, тт. I—V; Соборъ в богоспасаємомъ градѣ Вільні бывшій 1509 г.; Учит. евангелие, изд. Вил. братства; может быть и «Казанья» Леонтия Карповича, печатанные в Евьи, лучше отнести в белорусский словарь. Никакого отношения к украинскому словарю не имеет новгородская рукопись Русской правды 1282 г. Язык Рымши из Несвижа также должен найти место в белорусском словаре, хотя его Хроника и напечатана в Остроге 1581 г. Не наместе и западнорусская Четья 1489 г., писанная уроженцем Новгородка Литовского (а пса сїю кнгоу нѣхто є^{ст} берез'ка з новагоро^{д}ка с лито^{в}ско^{г} попович).

В указателе источников кое-что изложено совершенно невразумительно, например на стр. XV: «*Крон. Лит.* Кроника о початку и назвиску Литвы, и о князехъ Литовских, о дѣлахъ ихъ, з історикoвъ польскихъ и Русскихъ Собраная». А где хранится этот источник, рукопись ли это или печатное произведение — неизвестно.

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

НАДПИСЬ САМУИЛА 993 г.[1]

В IV томе, вып. 1 «Известий Русского археологического института в Константинополе» помещено три статьи — Ф. И. Успенского, Т. Д. Флоринского и Л. Милетича, посвященных новооткрытой надписи царя Самуила, относящейся, как видно из самого памятника, к 993 г. Эта надпись оказывается самым древним датированным памятником кирилловского письма, вследствие этого необходимо остановиться на ней несколько подробнее.

Надпись открыта в селении Герман, поблизости от Преспы, лежащей на этнографической границе между Македонией и Албанией. Слухи о какой-то надписи с именем «Самоилъ» на надгробной каменной плите, найденной при постройке церкви в указанном месте, ходили еще в 1891 г. (ср. «Сборник за народни умотворения», кн. IV, стр. 40), но до обследования ее и издания директором Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенским она не была известна ученому миру.

Надпись находится на части каменной плиты, бывшей, по всей вероятности, на усыпальнице Шишмановичей[2]. Плита эта, имеющая на себе следы трех крестов, когда-то приколоченных к ней, в настоящее время несколько повреждена, вследствие чего утеряна и часть надписи; однако все существенное имеется, а утерянное легко восстановляется.

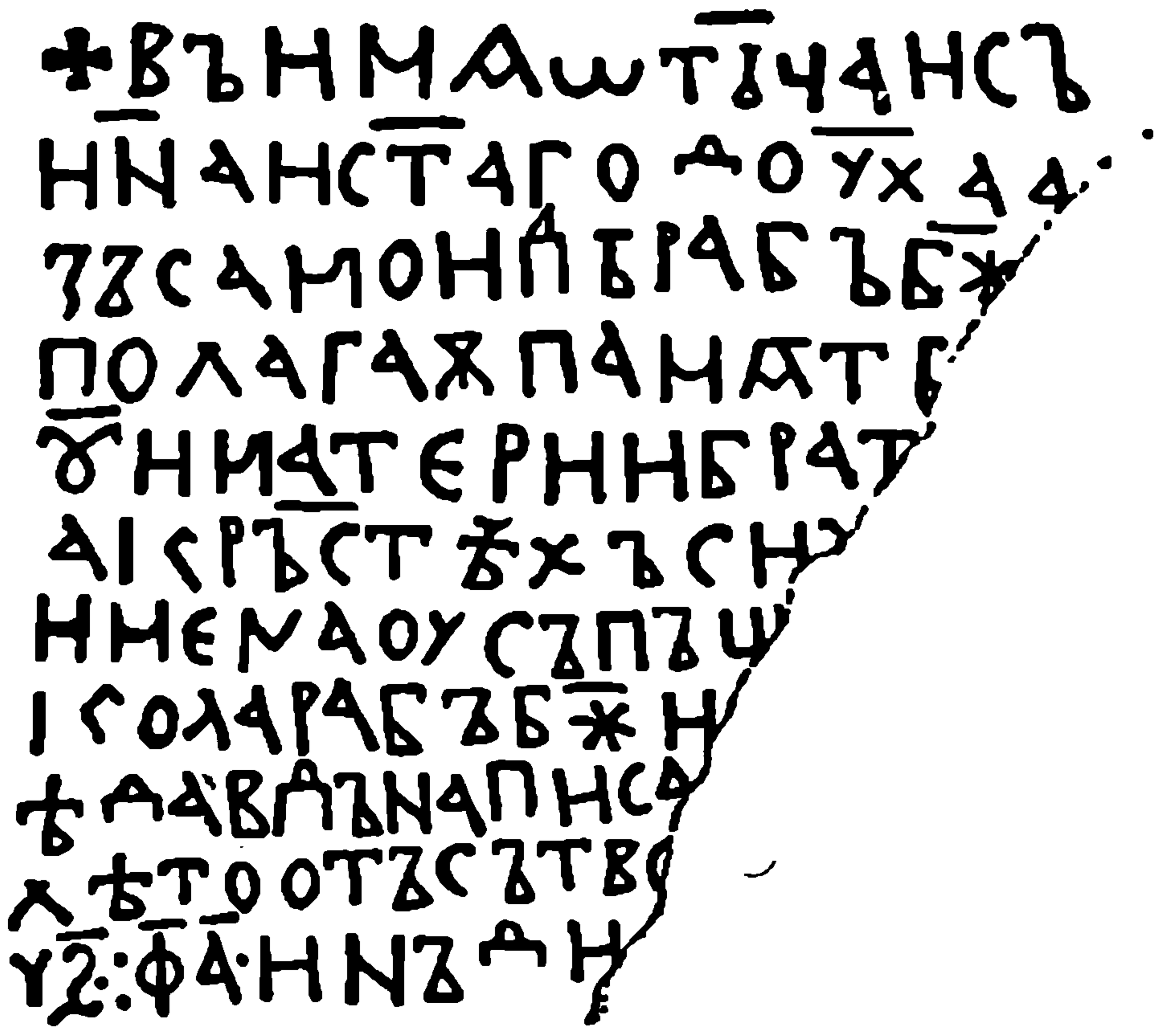
К статье г. Успенского приложен снимок с плиты, на которой высечена названная надпись, в уменьшенном виде и фотографический снимок с эстампажа самой надписи в естественную величину (?). Точная фотографическая копия последнего, уменьшенная почти в три раза[3], дается нами.

---

[1] РФВ, 1899, т. XLII, стр. 231—236 (*Ред.*).

[2] Странно, однако, что в надписи, как увидим ниже, при имени «Самоилъ» не прибавлено никакого титула, в роде: «въ Христа Бога вѣрный царь» или хотя бы просто «царь». В нашей древнейшей надписи на Тмутороканском камне 1068 г., несмотря на ее краткость, все же при имени «Глѣбъ» прибавлено «князь». Ввиду всего сказанного, нисколько не сомневаясь в подлинности надписи, нахожу необходимым с некоторой осторожностью выражаться о принадлежности ее именно *царю* Самуилу.

[3] На снимке в статье Ф. И. Успенского надпись имеет размер 27 × 27 *см*, у нас 11 × 11 *см*. *От ред.:* При переиздании надпись уменьшена и имеет размер 5,5×5,5 *см*.

т. е.:

+въ имѧ ѡтьца и съ
ина и с҃таго доуχа а
ʒъ самоилъ рабъ бж҃[и]
полагаѫ памѧть [ѡц]
ѹ҃ и матери и брат[оу н]
а кръстѣχъ сиχ[ъ си]
имена оусъпъш[иχъ ни]
кола рабъ бж҃и [натали]
ѣ давдъ написа[шѧсѧ въ]
лѣто отъ сътво[рениѣ миро]
у ҂ѕ҃ · ф҃а · инъди[кта г҃ ⁘]

или, с расстановкой знаков препинания и выводом слов из-под титл +въ имѧ ѡтьца и съина и с(вѧ)таго доуχа. аʒъ самоилъ, рабъ б(о)ж(и)[и], полагаѫ памѧть [ѡ(ть)ц]ѹ и матери и брат[оу н]а кръстѣχъ сиχ]ъ. си] имена оусъпъш[иχъ · ни]кола, рабъ б(о)ж(и)и, [натали]ѣ, дав[ы]дъ. написа[шѧ сѧ въ] лѣто отъ сътво[рениѣ миро]у ҂ѕ҃. ф҃а. инъди[кта ѕ҃ ⁘].

В скобках поставлено недостающее. Нахожу возможным держаться чтения, предложенного гг. Успенским и Флоринским, допуская изменения лишь в мелочах, вызванные соображениями палеографическими и лингвистическими. Резчик строго держался того правила, чтобы не переносить букв за намеченную линию, вследствие чего он даже разделил в первой строке ъи, т. е. ы; поэтому в восстановлении недостающего я строго сообразуюсь с остающимся местом: в 3-й строке на одну букву — и, в 4-й не больше, как на две — ѡц, в 5-й на три — оу н, в 6-й на три с половиной (часть χ имеется) — χъ си, в 7-й на пять — иχъ ни, в 8-й на шесть — натали, в 9-й тоже на шесть, так как часть места для седьмой буквы отходит на отломанный хвост а, — шѧ сѧ въ; 10-я строка состоит из несколько меньших букв, в числе которых должно быть два р, имеющие в нашем памятнике очень малую головку; поэтому нахожу возможным поместить здесь вместо ожидаемых восьми — девять, да еще дополнить отломанную половину о: рениѣ

миро; в 11-й строке, несомненно, было — кта ӡ; могло быть еще аминъ; но и без него надпись имела бы законченный вид.

Таким образом в предложенном мною чтении следующие отличия в сравнении с тем, какое находим в отмеченных выше статьях: памать ѡц҃ȣ вм. п. ѡтьц҃ȣ, так как в соответствующей строке имеется место только для двух отломанных букв; братоу на вм. братȣ на: имеется место для трех букв; — оу в дат., а не — ȣ, как раньше в ѡц҃ȣ, по аналогии с находящимся в последних двух строках мироу; в восьмой строке имеется место для шести букв, так что дополнить ее словом мари, как делает Т. Д. Флоринский, невозможно; на натали, конечно, настаивать нельзя; можно заменить его и другим именем, но состоящим с окончанием из семи букв; можно, впрочем, читать вместо бжи мари — бж҃ии мари; в 9-й строке я предполагаю написаша сѧ въ вм. написа сѧ въ, согласуя глагол с имена, да и места здесь имеется на шесть букв, а не на четыре; в 10-й строке вм. сътворенїѩ (Успенский) или сътворениѩ (Флоринский) читаю сътворенїѣ, так как в этом памятнике йотованные гласные, в том числе и ѩ, совершенно не употребляются; в последней строке читаю инъдикта ӡ, а не инъдиктъ ѕ, согласно с употреблением древнейших рукописей, напр. в лѣ. ҂ӡ. ѡ. ѳı. индита. ѳ (Цветная триодь 1311 г. Синод. б. № 896), в лѣ ҂ѕ. к ѿ к. мз.к. индикта. ві (Ев. Сийского м-ря. Виктор. № 1) и т. д. (ср. у Саввы в Палеографических снимках).

Палеографическая сторона памятника рассмотрена профессорами Флоринским и Милетичем. Оба они признают несомненную древность памятника и полное соответствие его письма с особенностями древнейших рукописей. Действительно, несмотря на то, что эта надпись вырезана на камне, очертания букв очень последовательны и в общем правильны. Резчик с усердием отдался своему делу, и только в одном месте допустил недосмотр, именно — в написании самоилъ, где ошибочно вырезал п и лишь потом исправил его, прирезав наверху л.

При первом взгляде на надпись бросается в глаза то, что все части букв помещаются в строке, не выходя вниз под строку. Это обстоятельство находит для себя оправдание в том, что: а) наш памятник состоит из крупных, так сказать, заглавных букв, которые в некоторых случаях отличались от строчных; так Р и Х всегда писались в строке; Р в таком виде и в нашей Тмутороканской надписи 1068 (мѣрилъ), в слове ГРИГОРИИ в Остр. ев.; б) в том, что как отметил Милетич, резчик (или лицо написавшее для него текст) был знаком с глаголическим письмом, в котором части букв обыкновенно не выводятся под строку. Этим объясняется помещение всего ц и д в строке. Рассматриваемый памятник в этом отношении не одинок: буква ц пишется в строке еще в Супрасльской рукописи, Листках Ундольского, недавно исследованном И. В. Ягичем Евангелии Добромира[4]. В напи-

[4] Ср. табл. II снимков в Sitzungsberichte d. Kaiserl. Akad. der Wissenschaften. Philosoph. — histor. Klasse. CXXXVIII B. На этом снимке много сходных написаний с нашим памятником, например а, ж, ѧ, ц, даже иногда р в строке (вь градѣ 3-я строка) и д (вьзьдвигѣ 7-я строка).

саниях этих трех памятников можно найти параллели для всех букв нашей надписи, за исключением разве ъ и ь, которые отличаются здесь крайне слабым развитием нижней закругленной части, да, кроме того, и вверху наблюдается некоторая путаница (ср. слова **самоилъ** и **памѧть**).

Из орфографии памятника обращают на себя внимание: 1) ъи для ы, как в Слуцкой псалтыри, где имеем **въинѫ**, изредка в Супр. р., где читаем: **прѣбъи|шѧ**, **несъи|тъствѣ**, Слепчен. апостоле — **прѣбъише**, Болон. пс. и некоторых других рукописях; 2) ѡ в слове **ѡтьца**; в этом случае аналогию могут составить листки Ундольского, где ѡ довольно обычно: **подѡбьно**, **ѡнъ**, **нарѡдъ**; 3) ȣ в [ѡц҃]ȣ, вм. ожидаемого оу, изредка бывает и в других памятниках, особенно в заглавиях; 4) в передаче греч. слова ἴνδικτος употреблено после н еще ъ, как это уже в Остр. ев. **начѧтъкъ инъдиктоу** (210б), быть может для обозначения некоторого частичного гласного, который здесь мог слышаться.

В отношении языка надпись Самуила принадлежит к древнему церковнославянскому типу, который наблюдается в большинстве глаголических памятников, а из кирилловских в листках Ундольского и Саввиной книге. Особенно бросается в глаза отсутствие йотованных гласных (**полагаѫ**, [**натали**]**ѣ**), написание **ръ** в **кръстѣхъ**, стянутые формы прилагательных: **ст҃аго**, вероятно **б҃жи** вм. **б҃жии**. В отношении синтаксиса обращает на себя внимание выражение **отъ сътво[рениѣ миро]у**, где употреблен, как отметил Милетич, старинный dativus possessivus.

Рассмотренный памятник очень мал; несмотря на это, из него можно извлечь много поучительных данных. Будем надеяться, что когда-либо будут прочитаны и изданы и те «следы славянских надписей», которые, по словам Ф. И. Успенского, можно видеть на скалах, окружающих Преспанское озеро и лежащих на его островах.

Сентябрь 1899 г.

ЛИСТКИ УНДОЛЬСКОГО, ОТРЫВОК КИРИЛЛОВСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ XI В.[1]

ФОТОТИПИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ТЕКСТА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПИСЬМА И ЯЗЫКА

Под названием «Листков Ундольского» в ученой филологической литературе разумеются два листка кирилловского письма XI в. из евангелия-апракос, принадлежавшие известному библиографу В. М. Ундольскому, а после его смерти вместе с другими рукописями поступившие в собственность Московского Публичного и Румянцевского музея. Хранятся они здесь под № 961. Содержат в себе эти листки два чтения: притчу о добром семени и плевелах (Мф. XIII, 24—30, 36—43) и рассказ об исцелении кровоточивой (Мр. V, 24—34); кроме того, здесь имеются указания на евангельские чтения во время служений в дни святых с 11 ноября по 4 декабря. Таким образом, сохранившийся отрывок принадлежит синаксарной части апракоса.

Судьба Листков Ундольского до поступления их в музей неизвестна. Самое раннее упоминание об них находим в 60-х годах XIX столетия в известном издании И. И. Срезневского «Древние славянские памятники юсового письма» (СПб., 1868). Здесь на стр. 3 читаем: «В нынешнем году удалось мне отметить еще один памятник не менее древний (чем Слуцкая псалтырь) — листки из книги Евангельских чтений, принадлежавшие покойному В. М. Ундольскому и ныне поступившие в собственность Московского музея». В другом месте того же труда (43—44) дается краткое описание этих листков и, наконец, на стр. 194—196 напечатаны они целиком с вариантами из Ассеманова евангелия.

Ничего нового не прибавляет к сведениям, имеющимся у Срезневского, и описание этого памятника в приложении к «Славянорусским рукописям В. М. Ундольского. М., 1870» в статье: «Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе», стр. 5, п. 9.

Замечательные особенности памятника, как со стороны палеографической, так и в отношении языка, несмотря на незначительный объем, обратили на него внимание ученых тотчас после его открытия. Уже сам Ундольский приготовил было для издания снимок с полуторы страницы памятника. По просьбе И. И. Срезневского, архиман-

[1] Памятники старославянского языка, т. I, вып. 3. СПб., 1904 (*Ред*).

дрит Амфилохий сделал для него полный снимок этого памятника (Др. П. Ю. П., 3). Издан не был, конечно, ни один из названных снимков. Вследствие доступности Листков для изучения снимки с них делались многими учеными и любителями науки неоднократно и после до самого последнего времени. Издаваемы они однако не были главным образом, вероятно, потому, что вследствие плохой сохранности Листков фотографии выходили плохими. Лишь в последнее время сделаны были попытки издавать их; так А. И. Яцимирский в брошюре: «Фотография в применении к славянорусской палеографии. М., 1901» (отд. оттиск из журнала «Фотографическое обозрение») поместил снимок 10 нижних строк 1-й страницы (рис. № 4), да у меня в «Очерке славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901» (стр. 385 и 386), а также в «Образцах славянского кирилловского письма с X по XVIII в.». Варшава, 1901 и 1902 (стр. 4 и 5), напечатаны автотипически первая и вторая страницы Листков, причем первая страница несколько реставрирована. В «Очерке палеографии» (стр. 350—351) те же страницы также напечатаны обычным способом с удержанием всех особенностей оригинала, насколько это позволяли типографские средства; корректура ведена по оригиналу.

Те же отрывки еще раньше были напечатаны у И. В. Ягича в «Образцах языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности. СПб, 1882», 48—49, с вариантами по другим евангелиям.

Орнамент Листков, как он ни незначителен, вследствие своих архаических черт также был предметом ученых наблюдений, например, В. Стасова, который в своем издании «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887» поместил снимки буквы Р и заставки (табл. I №№ 2 и 3) из нашего памятника. Довольно подробно рассмотрен он в статье В. Н. Щепкина «Листки Ундольского» (Сборник статей, посвященных учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Филиппу Федоровичу Фортунатову. Варшава, 1902, стр. 249—269).

Во всех, однако, перечисленных изданиях не имеется полного, во всех отношениях удовлетворяющего научным требованиям воспроизведения рассматриваемого памятника. Издание И. И. Срезневского, хотя и дает весь отрывок, во многих отношениях неточно. Не говоря уже о том, что текст напечатан гражданским шрифтом, не передающим часто даже приблизительно формы букв, он не лишен и явных погрешностей. Так в нем, например, находим следующие отступления:

напечатано:	должно быть:	напечатано:	должно быть:
3. Ре҃ гь	Ре҃гъ	28. съжизаѫтъсѧ	съжиѕаѫтъсѧ
7. прозѧ	проѕѧ	39. въ срѣ͆ стыѧ не	въ срѣ͆ : стыѧ͆
11. ѹ̓бо	ѹбѡ	55. мѧ͆	мцѧ
12. рѣша	рѣшѧ	61. полъзѧ	полъѕѧ
14. въстръзаѫще	въстръѕаѫщє		

Кроме того, нередко пропущены покрытия при выносных буквах (иⁱᵘ 36, Іѡⁿ 38, срѣ 39, сж 42, Ма ib. и др.), иногда и этих букв совсем не бывает (ср. раньше приведенное «не» вм. нє 39, то вм. то 46), даже пропускаются и титла (снъ 22, стыѧ 39, оцоу 48); не упоминаю уже о том, что покрытия выносных букв имеют не ту форму, какая в рукописи: печатается ⁻, изредка ˜, а в оригинале ^.

Издание И. В. Ягича, как сделанное по Срезневскому, представляет те же недостатки, что и у последнего.

Даже лучшая статья о Листках, принадлежащая В. Н. Щепкину, не лишена некоторых недосмотров. Так, например, в ней читаем: **полъѕж** (236 стр.) вм. **полъѕѧ**, **праведъници** (264) вм. **праведъни**, **тоучєніє** (267) вм. **тоучєниє**, и, что особенно неприятно, так как может повести к ложным заключениям, — утверждение (на стр. 267), что в Листках есть форма 2 л. **хощи** = **хощєши**, что на самом деле нигде в нашем памятнике найти нельзя.

Все сказанное оправдывает нашу решимость, при благосклонном содействии Отделения русского языка и словесности Академии наук, предпринять новое полное издание памятника.

Как уже отмечено, весь памятник обнимает два листка (4 страницы), которые и даются здесь в точном фототипическом воспроизведении.

Примечания к стр. 576—579.

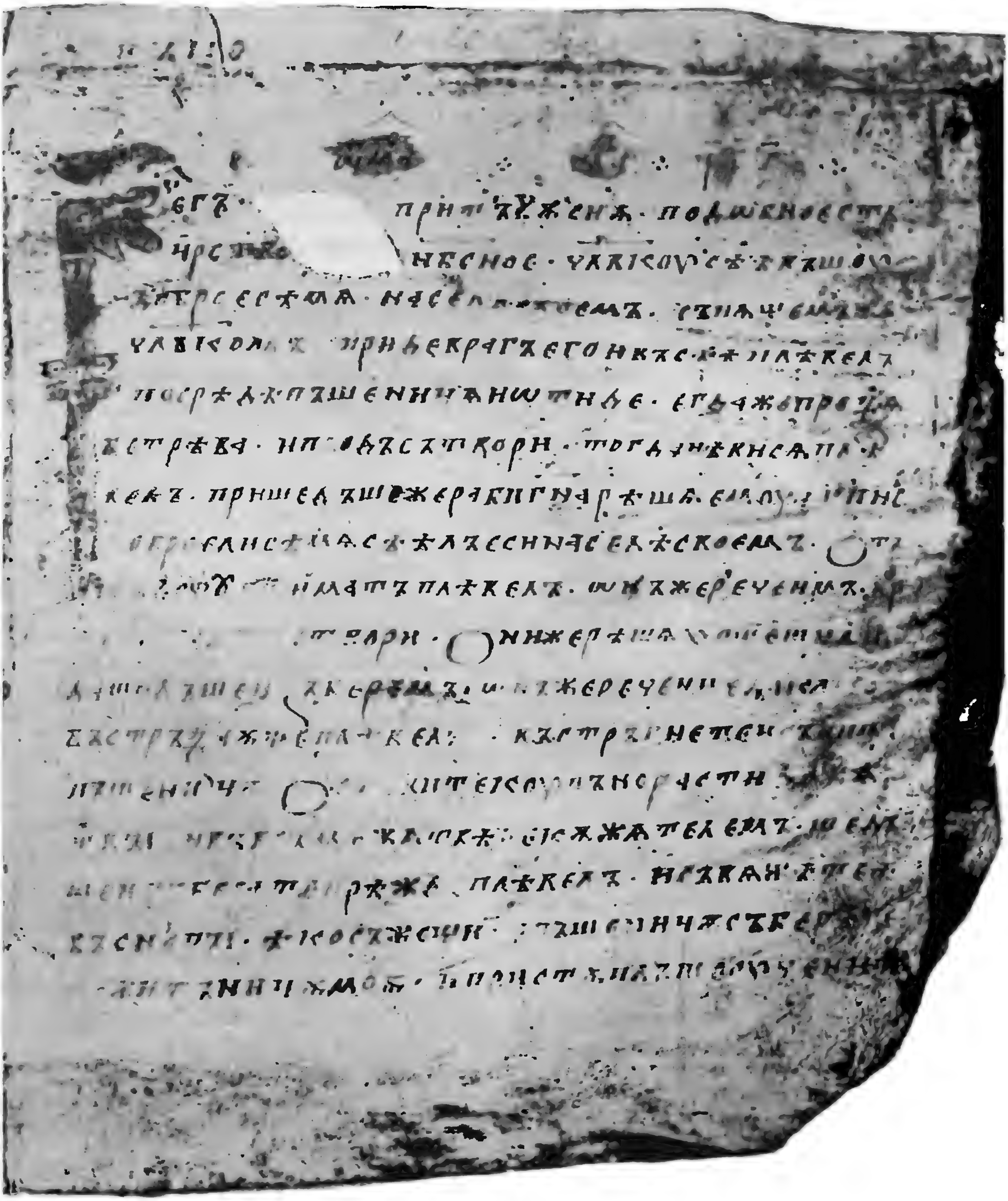
Вверху 1-й страницы имеется еще новая скорописная пометка карандашом: «Евангеліе апракосъ»; на снимке она вышла довольно неясно. 1 строка. В рукописи можно разобрать еще єд: понєд. 2. При числительном заметна под третьим титлом часть какой-то буквы, вероятно а: ꙁлѕ. 3. Инициал Р, занимающий 9 строк, в оригинале разбирается легко. Точно воспроизведен он у Стасова. 9. Перед гн в оригинале, по-видимому, 4 точки, хотя можно рассматривать их и как крестик. 11. Вместо вр в рукописи ѣра, где а после р приписано другими чернилами, а знак ˇ нижняя часть стертой буквы а, стоявшей над строкой. 19. В конце строки и поставлено по догадке: в оригинале что-то очень неясное.

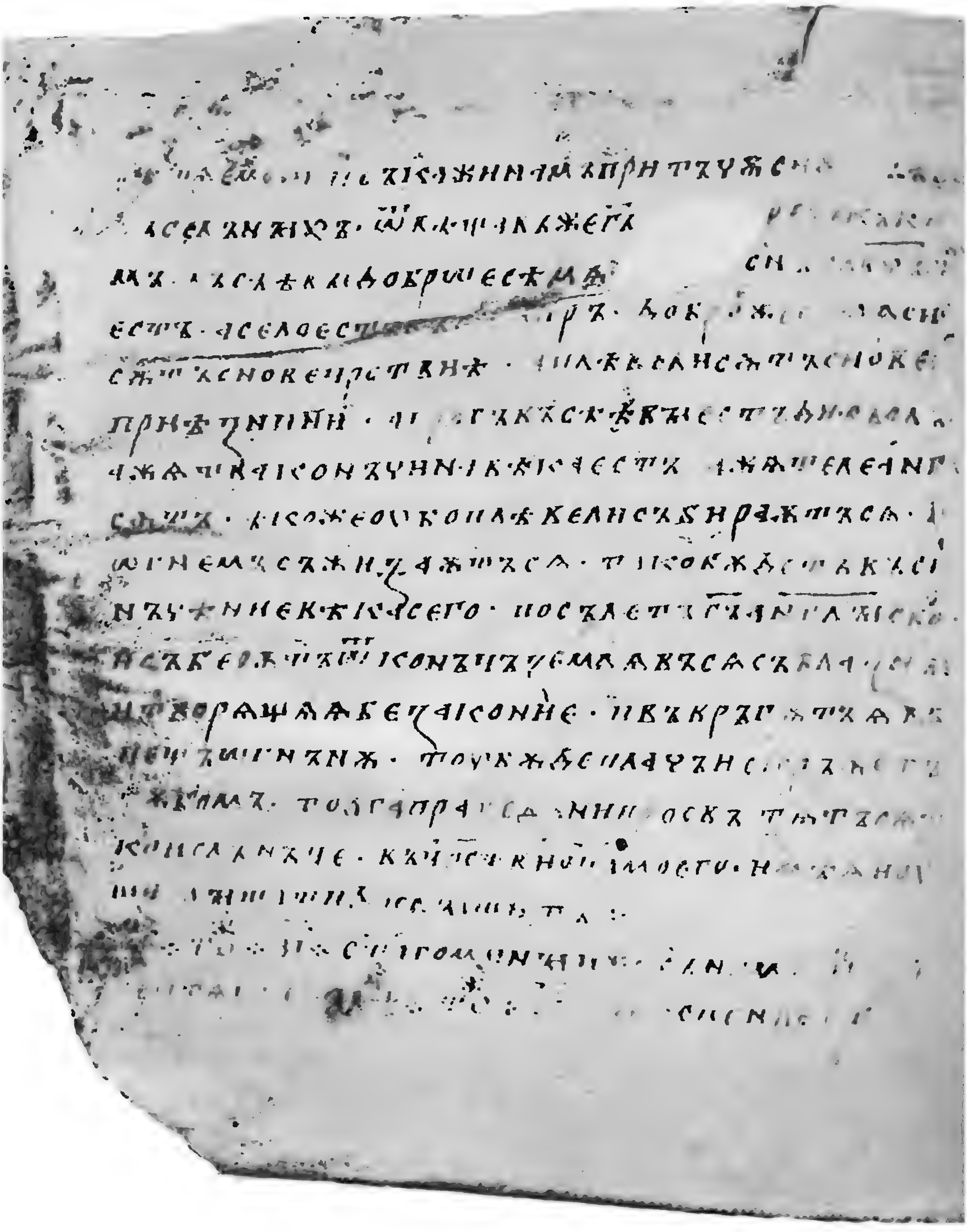
Вся 2-я страница в оригинале не имеет столько грязи, как на снимке, и поэтому читается легче. 23. въсъ — в оригинале конечное ъ вполне явственно. 39. В стыѧ действительно ы, а не ъ.

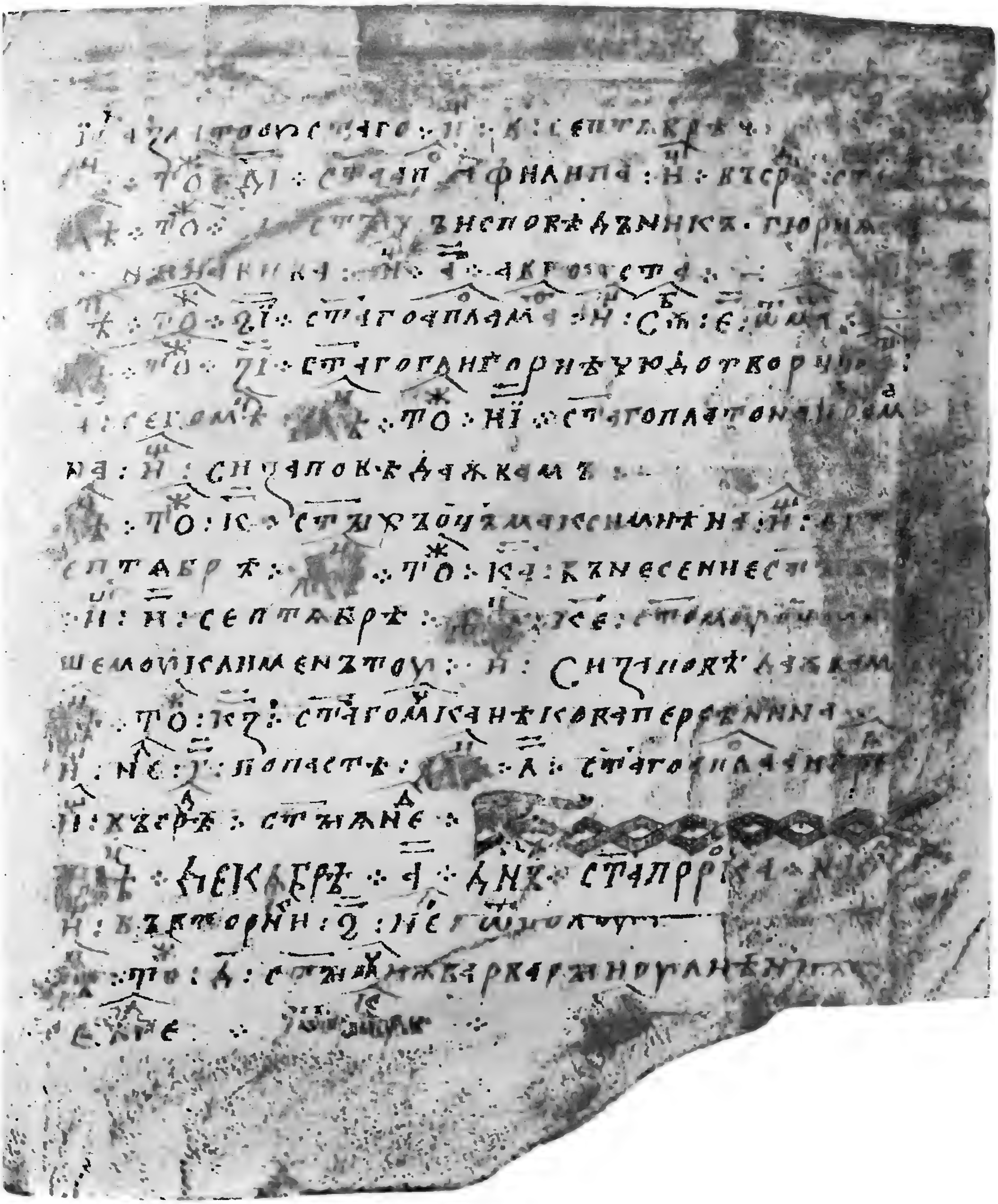
52. По типографским затруднениям опущена заставка, занимающая полстроки. 56. Стоявшее под двумя последними титлами так сильно замазано зеленой краской, что его решительно нельзя разобрать.

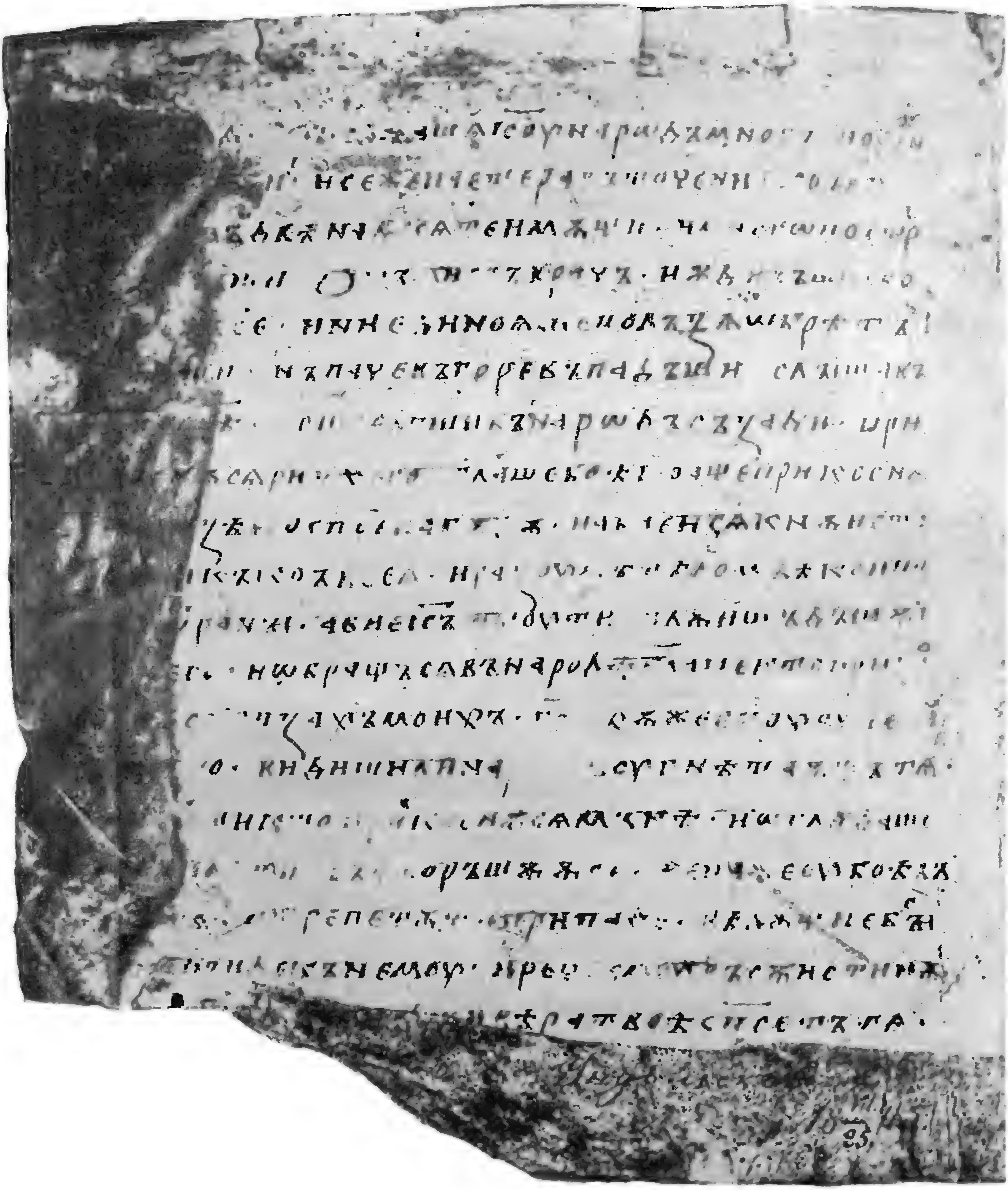
Правая сторона 4-й страницы и низ ее в оригинале менее темны, чем на снимке, и читаются довольно легко. Нетрудно рассмотреть и очертания инициала К, занимающего шесть слишком строк. 57. В послѣдовавш'ѧ без труда можно разобрать только ашѧ да ножки д, остальное дописано по догадке.

75. Начало строки в оригинале оторвано, далее до дщи замазано грязью, так что не может быть прочитано; да и в последнем слове только щи вполне ясно, от д видна лишь левая черта. По сообщению акад. А. А. Шахматова, в 1880-х годах довольно ясно было видно в рукописи: . . . . є єи дщи. Внизу пергамена по страницам, начиная с первой, имеется следующая новая запись: В библиотеку Архива | от Вукола | Ундольского $18\frac{VI}{25}45$.

Читаются Листки следующим образом:

Страница 1. **ВЪ ПОН**

ЄВГЄ ∴ Ѡ МА ∴ ГЛА ∴ Р А ∴ —

Реч҃е г҃ь притъчѫ сиѭ подобно есть

ц҃рство н҃бсное · ч҃ловкоу сѣвъшоу

доброе сѣма · на селѣ своемъ · съпащемъ же

ч҃лвкомъ · приде врагъ его и въсѣ плѣвелъ ·

посрѣдѣ пъшеницѧ и ѡтиде · егда же проꙃѧ

бе трѣва · и плодъ сътвори · тогда и ѣвиса плѣ

велъ · пришедъше же раби г҃на рѣшѧ емоу ·⁝· г҃и не

доброе ли сѣмѧ сѣѧлъ еси на селѣ своемъ · Отъ

кѫдоу ѹбо иматъ плѣвелъ · ѡнъ же рече имъ · вр

гъ ч҃лвкъ то сътвори · Они же рѣшѧ хощеши ли

да шедъше изъберемъ · ѡнъ же рече ни еда како

въстръꙃаѭще плѣвелы · въстръгнете и съ ними

пъшеницѫ · Оставите коупъно расти до жа

твы · и въ врѣмѧ жатвѣ рекѫ жателемъ · шедъ

ше изъберѣте прѣжде плѣвелъ · и съвѧжѣте ѣ

въ снопы · ѣко съжещи · а пъщеницѫ съберѣте

въ житъницѫ моѭ · и пристѫпльше оучениц[и]

Страница 2. рѣшѧ емоу г҃и съкажи намъ притъчѫ сиѭ · плѣве

лъ селънихъ · Ѿвѣщавъ же г҃ь рече къ ни

мъ · въсѣвꙑ добрѡе сѣма сн҃ъ ч҃лчьскꙑ

есть · а село ѥсть вьсь мнръ · добро же сѣма сн

сѫть сн҃ове црствнѣ · а плѣвели сѫть сн҃ове н

прнѣзннни · а врагъ въсѣвꙑ есть днѣволъ · 25

а жатва конъчнна вѣка есть · а жателе анг҃лї

сѫть · ѣко же оубо плѣвели съкнраѭтъса · н

ѡгнемъ съжнзаѭтъса · тако бѫдеть въ ск҃

нъчѣнне вѣка сего · посълеть г҃ъ анг҃лꙑ свое

н съберѫтъ ѿ коньцѹ земла въса съблазнꙑ · 30

н творащаа безаконне · н въврьгѫтъ а въ

пещь ѡгнънѫ · тоу бѫде плачъ н скрьжеть

зѫбомъ · тогда праведьнн просвьтатъса ѣ

ко н слъньце · въ црстві оц҃а моего · нмѣлн оу

шн слꙑшатн да слꙑшнтъ ⁘ ÷ 35

Мѣ ⁘ то ⁘ аї ⁘ ст҃аго мннꙑ нже съ ннмъ : н : еї :

септабрѣ ⁘ Мѣ ⁘ то ⁘ гї ⁘ Оуспенне ст҃аго

Страница 3. їѡа златооустаго ⁘ н ⁘ в҃ : септабрѣ ⁘

Мѣ ⁘ то ⁘ дї ⁘ ст҃а апла фнлнпа ⁘ н ⁘ въ срѣ : ст҃ыа

Мѣ ⁘ то ⁘ еї ⁘ ст҃ыхъ нсповѣдьннкъ · гюрна са 40

монꙑ н авнва ⁘ н ⁘ а ⁘ акгоуста ⁘ ÷

Мѣ ⁘ то ⁘ ѕї ⁘ ст҃аго апла ма ⁘ н : сѫ : е : ѿ ма ⁘ —

Мѣ ⁘ то ⁘ зї ⁘ ст҃аго грнгорнѣ чюдотворца : н :

: а҃ : сего мѣ : Мѣ ⁘ то ⁘ нї ⁘ ст҃аго платона н ром

на : н : сн заповѣдаѫ вамъ ⁘ — 45

Мѣ ⁘ то : к҃ ⁘ ст҃ыхъ оц҃ъ максимнѣна : н : еї :

септабрѣ ⁖ — мц҃ ⁖ то ⁖ ка : възнесение ст҃ы бц҃а ⁖ н : н҃ : септабрѣ ⁖ — мц҃ ⁖ ке : ст҃омоу оц҃оу на шемоу кlименътоу ⁖ — н : Си заповѣдаж вам : — мц҃ ⁖ то : кз ⁖ ст҃аго мч҃ка нѣкова персѣнина ⁖ 50
н : не : р : по пастѣ : мц҃ ⁖ л ⁖ ст҃аго ап҃ла андре : н : въ срѣ ⁖ стъıа не ⁖

мц҃ ⁖ декабрѣ ⁖ а҃ ⁖ днъ ⁖ ст҃а прр҃ка ⁖ наоу

: н : въ вторни : г : не : ѿ полоу :
мц҃ ⁖ то : д҃ : ст҃ы мч҃а варварꙑ и оулѣнина : ⁖ 55
(※) евге ⁖ ѿ маръ ⁖

Страница 4.

Въ ма · [послѣ]д[ов]анїа ісоу народъ многъ и оугнетахж и · и се жена етера въ тоуение кръви · лѣтъ двѣ на десате имжщи · и многω постр(а)давъши · Отъ многъ врачъ · иждивъши сво 60
е вьсе · и ниединоа же полъза ωбрѣтъши · нъ паче въ горе въпадъши · слꙑшавъши ω ісѣ · пришедъши въ народъ съзади · прикоснжса ризѣ его · гл҃аше бо ѣко аще прикоснжса ризѣ его сп҃сена бждж · и абие исакнж исто 65
чъникъ кръве еа · и разоумѣ тѣломъ ѣко ицѣлѣ ѿ ранꙑ · абие іс҃ъ ωщоути силж ишъдъшж ї з него · и ωбращъ са въ народѣ гл҃аше кто прик

сѧса ризахъ моихъ · гл҇аахѫ же емоу оученц҇і

ци его · видиши ли народъ оугнѣтаѭщь та · 70

и гл҇еши кто прикоснѫса мънѣ · и огладаше

са видѣти сътворъшѫѫ се · жена же оубоѣвъ

шиса · и трепещѫщи припаде · вѣдѫщи ͨ бъı

и приде къ немоу · и рече емоу въсѫ истинѫ ·

[онъ же реч]е еи дщи вѣра твоѣ сп҇сеть та · 75

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКА

Палеографическая сторона данного памятника рассмотрена отчасти у И. И. Срезневского и особенно в названной раньше статье В. Н. Щепкина. Вследствие этого мне нередко придется повторять наблюдения указанных лиц.

Довольно неправильной формы кусок пергамена, на котором написан приведенный выше текст, сложен вдвое, так что получилось два листа в малую четвертку; первый лист в наиболее длинном месте имеет 18,7 *см*, в наиболее широком — 16 *см*, второй лист длины 19 *см*, ширины 15. Весь лоскут представляет длину 31 *см*. На снимках памятник воспроизведен в естественную величину. Достаточно небольшого наблюдения, чтобы заметить, что сохранившийся до нашего времени отрывок евангелия был употреблен для прикрепления какой-то рукописи к переплету: верх обоих листков был у корешка (это заметно и на снимках, где некоторая чернота носит следы бывшего изгиба); кроме того, первая и четвертая страницы были приклеены к переплету. Следы клея очень заметны до сих пор; этим отчасти объясняется сравнительная неясность 1-й и 4-й страниц. Левая и нижняя строка 4-й страницы (самая темная на снимке), а также правая и нижняя первой были приклеены не к доске, а к коже, бывшей вдобавок довольно темного (коричневого) цвета.

Рукопись, из которой взят наш лоскут, по-видимому, не принадлежала к дорогим: пергамен толстый, плохо выделанный, имевший в себе дырки, даже довольно большие (ср. 1-ю и 2-ю страницы); не был этот лист даже правильно обрезан. В настоящее время он сильно покоробился; на снимке это сказалось в том, что строки часто пишутся, не придерживаясь прямой, а как будто кривой линии. Это произошло от того, что пергамен сильно подмочили, когда отрывали его от переплета. В тетради рассматриваемые листки занимали середину, так как текст второй страницы без перерыва переходит на третью.

Переплетены в папку эти два листка, вероятно, уже Ундольским.

Тетрадь, из которой взяты наши листки, была разлинована не в один прием, как обыкновенно, а в два. Первая половина имеет 18 строк, а вторая 19. Если тетрадь была quaternio, то в один прием разлиновывались 1—8-я страницы, а в другой 9—16-я. Что дело обстояло именно так, видно еще и из того, что на листе 2-м разлиновщик кое-где попрорезывал даже пергамен, хотя последний и довольно толст.

Несмотря на свой незначительный объем, Листки Ундольского дают некоторый материал и для суждения об орнаменте рукописи. Здесь мы имеем одну заставку (стр. 3) и два инициала (стр. 1 и 4); кроме того, некоторые заглавия помазаны зеленой краской. С художественной точки зрения орнаментальные особенности Листков очень обстоятельно рассмотрены, как я уже имел случай говорить, В. Н. Щепкиным. Он ставит их в связь с орнаментом глаголических рукописей: «Все рассмотренные особенности в области обозначения звуков, в технике письма, в стиле почерка и заглавных букв убеждают нас в близкой зависимости Листков Ундольского от глаголической письменности» (стр. 261). Затрудняясь высказать в этом отношении что-либо решительное в виду незначительного объема рассматриваемого памятника, а также вследствие недостаточного моего знакомства с орнаментом глаголических рукописей (снимки у Стасова, а также при изданиях глаголических рукописей, на мой взгляд, в сравнении с орнаментом древнейших кирилловских рукописей ничего особенно поучительного не дают), я не могу, однако, не отметить следующего наблюдения. Наш памятник по своему орнаменту, да и по почерку (как увидим после), старший после надписи царя Самуила 993 г. представитель той группы югославянских рукописей, к которым принадлежит еще Охридский апостол XII в. и Добромирово евангелие того же времени. Общая отличительная черта орнамента всех этих памятников — плетения в заставках, иногда с крутыми переломами углов (ср. орнамент на 3-й странице Листков Ундольского и на 121-м листе Евангелия Добромира), да рядом с обычными петлями и завитками клинообразные придатки, часто с шипами, в инициалах (ср. Р на 1-й странице и В на 4-й в Листках Ундольского и, например, Ү на 50-м листе в Охридском апостоле; ср. еще у Стасова табл. II №№ 10, 12, 17, 20; подобные клинообразные придатки можно наблюдать и в орнаменте Саввиной кн. Ср. стр. 22, 24, 25 в Рассуждении В. Н. Щепкина о языке Саввиной книги). Что касается подробностей, то нельзя не обратить внимания на то, что заставка по своей примитивности и по положению (занимает лишь часть строки) приближается к подобному орнаменту в Саввиной книге. Инициалы Р и В по своей композиции совершенно сходны, у В лишь прибавлен внизу завиток. Не могу вместе с В. Н. Щепкиным в Р видеть опрокинутое глаголическое Ь или, быть может, глаголические Ⱃ, Ⱃ. Пояски, которые обхватывают обе буквы посередине, далеко не известные части приведенных только что глаголических букв, а, как видно из Охридского апостола, где подобное же украшение у Ү, обычная форма византийского орнамента заглавных

букв, очень распространенная в памятниках разного времени, начиная с XI в. (ср. в моем «Очерке палеографии» П на стр. 3 из Слов Григ. Богосл. XI в., Б на стр. 110 из Супрасльской рукописи, Б на 396 стр. из Реймского евангелия, где даже и украшение вертикальной части буквы несколько напоминает подобное же в Листках Ундольского и др.). Орнамент Листков, кроме чернил, исполнен зеленой, красной-кирпичной и отчасти желтой красками. В заставке одна лента красная, а другая зеленая; образовавшееся между изгибами плетений пустое пространство заполнено желтой краской. В Р и Б чередуются те же цвета, желтые полоски только в поясках. Зеленой краской помазаны и некоторые заглавия, например на 1-й странице вся 2-я строка; на 2-й и 3-й страницах неоднократно встречающееся Мѣ[с], что заметно и на снимках: замазанные места вышли темнее. Подобное же применение зеленой краски замечаем и в некоторых югославянских рукописях, глаголических и кирилловских: в Синайской псалтыри; Синайском требнике, Ассемановом евангелии, Охридском апостоле, и в памятниках, находящихся в несомненной связи с югославянскими, как в кирилловской части Реймского евангелия, и даже в чисто русских памятниках — новгородских минеях 1095—1096 г.

Переходя к рассмотрению письма Листков, прежде всего отметим редкую их особенность, свойственную немногим югославянским кирилловским памятникам (например, некоторым листам Волканова евангелия XII в.) и старейшим глаголическим (Киевским отрывкам, Клоцову сборнику, Синайской псалтыри и некоторым другим), — это письмо под строками: начерченной линии касаются верхи букв, а не их низ, как это обыкновенно бывает в кирилловском письме. Даже незначительные инициалы, как О, М, Є, тоже висят вниз со строк. Крупные инициалы (Р и Б) следуют той же системе — верхней своей частью не поднимаются выше той строки, которую они начинают, но в этом случае их написание в Листках ничем не отличается от других памятников и объясняется тем простым обстоятельством, что перед написанием заглавной буквы верхние строки уже бывали заполнены. В своем способе письма под строками наш писец, очевидно, подражал греческой скорописи или, быть может, и глаголическому письму, если с ним он был знаком.

Общий характер письма Листков Ундольского также бросается в глаза своей оригинальностью — некоторым наклоном букв вправо, даже таких, как а, основные линии которых всегда бывают наклонены влево. По этой особенности наш памятник сближается с Хиландарскими листками, Охридским апостолом, Добромировым евангелием, отчасти Слепченским апостолом и Саввиной книгой. Этот наклонный почерк безусловно очень древнего происхождения и существовал параллельно с прямым. То же явление мы наблюдаем и в греческом литургическом уставном письме, где в IX в., как показывает Порфирьевская псалтырь 862 г., существовало скошенное письмо. Связь греческого наклонного письма со славянским скошенным мне представляется несомненной, и отрицание ее у В. Н. Щепкина (стр. 251) для

меня непонятно: из того, что большинство памятников XI в. из дошедших до нас представляют строго геометрическое письмо, являющееся отражением подобного же письма греческого, не следует, что не могла существовать параллельно, быть может, даже более древняя школа письма, находившая для себя опору тоже в современном ей греческом письме, только наклонном. Конечно, если предположить, что кириллица возникла при дворе Симеона, а не была изобретением Первоучителей славянских, тогда придется явный факт объяснять какою-либо затемненной гипотезой.

Из всех югославянских памятников с наклонным письмом наш, несомненно, один из старейших. Такое заключение можно построить на основании рассмотрения его почерка. Отличительный характер письма Листков — малая разница между толстыми и тонкими чертами, что видим, например, в почерке Супрасльской рукописи, причем основные линии букв тоже не толсты. Наглядно убедиться в сказанном легко, если сравнить письмо Листков, например, со вторым почерком Охридского апостола (ср. в «Очерке палеографии» стр. 401), где уже большая разница между толстыми и тонкими линиями. На преимущественную древность Листков перед другими подобными памятниками указывает также еще слабое развитие горизонтальных черт, особенно направленных влево, служащих покрытием для вертикальных линий разных букв. В сказанном опять не трудно убедиться, обратившись к рассмотрению почерка того же Охридского апостола.

Еще одною особенностью характеризуется письмо Листков — это присутствием некоторых закруглений в тонких линиях ү, χ, ҁ, как бы росчерков, подражающих естественному развитию ветки в природе. Подобные росчерки могли быть произведены лишь хорошо очиненным гусиным пером, а не тростью.

Чернила, которыми писаны Листки, как и в других старинных рукописях, с коричневым оттенком; лучше сохранились они на 2-й и 3-й страницах, бледнее на 1-й и 4-й.

После этих общих замечаний обратимся к рассмотрению написания отдельных букв.

Буква а имеет типичное начертание, состоящее в том, что левая его сторона слишком мала; прикреплена она посередине вертикальной линии и чаще имеет круглое очертание, изредка угловатое. Подобное а со слабо развитой левой стороной встречается уже в надписи 993 г., Листках Хиландарских, Супрасльской рукописи (несколько иного типа), а из более поздних — в Охридском апостоле, Добромировом евангелии и в некоторых других памятниках. Подобные же написания известны и древнейшим греческим рукописям (ср. Gardthausen : Griech. Pal., табл. 1, 675 г., и табл. II, 692 г.).

В Супрасльской рукописи, отчасти Хиландарских Листках и Охридском апостоле (2-й почерк) сходно с а по соотношению частей и л; нельзя сказать этого относительно нашего памятника: в нем, как и в надписи 993 г., л имеет сильно развитую и левую часть, да, кроме того, направление правой линии иное, нежели у а.

Д в Листках пишется своеобразно: сначала проводится левая наклонная, затем делается к ней подпорка справа и потом ножки. Случаи подобного письма из других древнейших памятников мне неизвестны. Ножки у д часто не выходят под строку, как это наблюдается и в надписи 993 г. и отчасти в Супрасльской рукописи.

Ж обыкновенно пишется в три приема, но не во всех случаях одинаково. Тут еще нет той в некотором роде округленности в наклонных линиях, какую можем наблюдать в Остромировом евангелии. Здесь еще только прямые линии и углы, в чем сказывается несомненная древность начертания (ср. надпись 993 г.).

Зѣло представляет два начертания: ꙃ в роли буквы (в словах проꙃѧбе 7, възтрѫꙃающе 14, съжиꙃаѫтъсѧ 28, полъꙃѧ 61) в тех случаях, где можно предполагать звук $\widehat{дз}$, как и в некоторых старших среднеболгарских памятниках (Слепченском апостоле, поучениях Конст. Болгарского — Син. б. № 262 и др.). В численном значении обыкновенно ꙅ (ꙅї 42 ꙅ 54). По своему повороту ꙅ Листков Ундольского имеет параллель уже в надписи 993 г., где ꙅ также в роли цифры.

ꙁ имеет тоже своеобразное написание: основная линия, вместо залома, округло переходит в длинный хвост, иногда естественно загибающийся. Такое ꙁ — индивидуальная особенность писца Листков и объясняется, вероятно, знакомством его с греческой скорописью, где подобное написание ꙁ дело обычное (ср. у Саввы: Палеографические снимки, табл. VI, X в.)

Из двух *и* (и и ї) обыкновенно употребляется осьмеричное, имеющее притом самую древнюю форму — с совершенно горизонтальной поперечной чертой посередине (н); десятеричное же ї и ı встречается лишь изредка в конце строк (англї | 26, ишъдъшѫ ї | ꙁ него 67—68, оучені | ци 69—70), да в числительных (аі 36, єї ib., гї 37, ді 39, ꙅї 42, ꙁі 43, иї 44), а также в собственных именах, написанных больше в сокращении (їѡа 38, іс҃ъ 67, іс҃оу 57, ѡ іс҃ѣ 63).

К имеет тоже старинную форму — правая сторона пишется довольно далеко от левой линии, — встречающуюся в самых древнейших памятниках, начиная с надписи 993 г.

В букве м две крайние линии не идут параллельно, как это бывает обычно в старинных памятниках с прямым письмом; средняя петля внизу у м, однако, закруглена и не выходит дальше двух крайних линий. Такое кажущееся отступление от старины в написании м объясняется приемами письма косым почерком. Подобное м в Добромировом евангелии, в Слепченском и Охридском апостолах. Только в последних памятниках, вследствие более позднего их происхождения, не встречается закругления в петле у м.

Буквы н, п, о имеют обычное старинное начертание; из них остановимся лишь на 5 случаях употребления отчасти в качестве заглавного О широкого. В. Н. Щепкин (255 стр.) в таком круглом о видит соответ-

ствие глаголическому ⱁ; но дело в том, что глаголическое ⱁ соответствует кирилловскому ѡ, в слове же, например, оуспение (написанном в Листках через о) 36 ѡ никогда не могло быть употреблено. Мне кажется, на это дело следует смотреть проще: в подобном употреблении круглого широкого о надо видеть знакомство писца или того оригинала, с которого он списывал, с обычным греческим широким уставным о древнейшего типа. Подобное о нередко в Супрасльской рукописи и также в начале слов (например, о̊тцоу 8, о̊нъ 9, о̊тити о̊тъ, и̊ о̊боуша ib.) и даже изредка в Остромировом евангелии (оусѣкновени́є 286 б). Не говорю уже о широком ф в памятниках последующего времени.

Начертание для р обычного уставного типа. В некоторых случаях, например, в заглавии во 2-й строке, р имеет главную линию прямую, притом довольно толстую, но в других случаях р не представляет заметных отличий; укажем разве, что иногда верхний угол имеет покрытие росчерком, вследствие чего получается как бы срез, что бывает и в других памятниках со скошенным письмом.

Написания с, т, оу обычны. Только у ү, как уже было отмечено, справа вверху бывает довольно правильный загиб. Вместо оу один раз встретилось лигатурное написание ȣ̂, притом даже в середине строки в начале слова (отъкждоу ȣбѡ 11), в чем видим совпадение с подобным же употреблением в надписи 993 г. (ср. ѡтьцȣ̆).

Буквы ф и х. Первая обычного письма; у х, как и у ү вверху справа имеется завиток, о чем уже была речь.

Буквы ц и щ имеют ту же общую особенность, что хвосты их помещаются в строке, а не выходят под нее. В этом случае для ц параллель можно указать в надписи 993 г., Супрасльской рукописи, Добромировом евангелии. Для щ, написанного вместе с хвостом в строке, параллели из кирилловских рукописей указать не могу. Но нельзя не отметить аналогии для такого щ в глаголическом ⱋ, которое также все пишется в строке.

Буква ѡ также встречается в нашем памятнике, и довольно часто, притом не только в словах, взятых из греческого языка (їѡ҃а 38), или в предлоге ѿ (2, 21 и др.), но и в чисто славянских словах: ѡбращъса 68, ѡбрѣтъши 61, ѡглдашеса 71, ѡгнемъ 28, ѡгнънж 32, ѡнъ 11, 13, ѡтиде 7, ѡщоути 67, добрѡє 22, нарѡдъ 57, 63, 70, подѡбно 3, ȣбѡ 11, многѡ 59. По форме своей — с тремя одинаковой высоты черточками — это ѡ напоминает подобное написание в надписи 993 г., Остромировом евангелии (средний почерк), Святославовом сборнике 1073 г. и др. Подобное же ѡ и в греческих рукописях того же времени.

Буквы ч, ш, ъ и ь по своему написанию замечаний не вызывают.

Буква ꙑ, встретившаяся один раз в виде ы (ст҃ыа 39), имеет ту отличительную особенность, что в ней обе части соединены горизонтальным пояском.

Ѣ всегда пишется в строке, не выдвигаясь своей вертикальной линией выше ее.

Ю, ѧ, ж, ꙃ представляют обычные начертания; только стилизация ж сходна с ж, т. е. нет той эластичности в изгибах, какая наблюдается в соответствующих буквах Остромирова евангелия, а заметна некоторая угловатость.

Из знаков препинания и вообще строчных знаков в Листках встретились: точка — обыкновенно на половине высоты букв — большею частью для обозначения естественной остановки голоса при чтении. Один раз с тою же целию, по-видимому, употреблено ·:· раби г҃на рѣшѧ емоу ·:· г҃и. 9). Соединение нескольких точек, иногда с придатком росчерков, крестиков в середине и угловатых покрытий, встречается в заглавиях и в конце отделов. В начале перед полным евангельским текстом два раза (2 и 56) встретились «⁜». Между отдельными словами заглавия находим ·:·, :·, : . Те же знаки, особенно : ,употребляются по обеим сторонам букв в значении чисел. В конце отделов бывают те же знаки, но к ним еще присоединяются ·—, ·∸, ∹; длина росчерка не во всех случаях бывает одинакова. Таким образом в Листках Ундольского знаки препинания такие же, какие вообще бывают в древнейших рукописях. Недостает в них только ᔕ или ~ и прямых крестиков (+).

Из надстрочных знаков в изобилии попадаются разного рода титла, реже другие знаки. Титла бывают: а) простые разного вида: ⁻, ˜, ⁻, ˜, ˜, ‾; длина их бывает различна, что зависит от места, занимаемого тем словом, над которым стоит титло; б) двойные: ⩦, ⩦, ═, ⩦, обыкновенно над именами числительными, хотя реже попадаются над ними и одиночные титла; в) буквенные, состоящие из вынесенной буквы, обыкновенно покрытой двускатным титлом ˆ; реже вынесенная буква не покрывается.

Под простыми титлами написаны следующие слова: англ҃ї, англ҃ы, бц҃ѧ, г҃ъ, г҃и, г҃на, гл҃аше, гл҃аχж, гл҃еши, іс҃ъ, іс҃оу, іс҃ѣ, нб҃сное, оц҃ь, оц҃а, оц҃оу, ст҃ы, ст҃аго, ст҃а, ст҃омоу, ст҃ыѩ, ст҃ыѧ, ст҃ыχъ, сп҃сена, сп҃сетъ, с҃нъ, с҃нове, цр҃ство, цр҃ствиѣ, цр҃стви, чл҃вкъ, чл҃вкоу, чл҃вкомъ, чл҃вчꙑъск.

Перечисленные слова встречаются под титлами уже в древнейших памятниках, как кирилловских, так и глаголических; и соответствующие греческие слова в рукописях того же времени также писались сокращенно. Самая форма приведенных титл тоже древнего рисунка. Длинные ровные титла уже высечены в надписи 993 г.; в таком же виде они в Супрасльской рукописи, Саввиной книге, отчасти в Остромировом евангелии, не говоря уже о евангелии Добромира. Как некоторую особенность Листков представляют подчас закругления левого края титл, вполне гармонирующие завиткам правой стороны у и χ.

Обычай ставить над буквами в роли чисел двойные титла, как уже отметил В. Н. Щепкин (256 стр.), наблюдается еще в Ассеменовом глаголическом евангелии (см. в издании Чернчича 1878 г. Pripomenak,

VIII, XXX). Численные обозначения встрѣтились следующие: 1 = ⁘а⁘ 41, :а: 44, ⁘а⁘ 53; 2 = ⁘в: 38; 3 = :г: 51; 4 = :д: 55; 5 = :є: 42; 6 = :ѕ: 54; 8 = :и: 48; 11 = ⁘аі⁘ 36; 13 = ⁘гі⁘ 37; 14 = ⁘ді⁘ 39; 15 = :єі: 36, 46, ⁘єі⁘ 40; 16 = ⁘ѕі⁘ 42; 17 = ⁘ӡі⁘ 43; 18 = ⁘иі⁘ 44; 20 = :к⁘ 46; 21 = ⁘ка: 47; 25 = ⁘кє: 48; 27 = :кӡ ⁘ 50; 30 = ⁘л⁘ 51; 131 = ⁘рл [а]⁘ 2.

С буквенными титлами вообще немного слов, и все они в заглавиях и календаре (большею частью они повторяются): апла, андре, бы, вторни, въма = въ оно врѣмѧ, гла, еѵге, и = иѡи. Їѡа = Їѡана, маръ, ма = матдеа, мѣ = мѣсѧца, мцѧ = мѫченицѧ, мка = мѫченика, не, ре, срѣ, сѫ, то = тогожде.

Буквы без покрытий вынесены в словах: ѿ, прркa, добро, а также в тех случаях, где буква не умещалась в конце строки кр|гъ 11—12 (см. выше на стр. 571 выноску к 11-й строке), чл҃къ | 22, н|приѣӡни 24—25, ск|нъчѣние 28—29, ско | 29, ром|на 44—45, наоу | 53, оугн|тахж 57, постр|давъши 59—60, прик|снжсѧ 68—69; с той же целью в одном случае вынесено целое слово (стыѧ 39), впрочем с покрытием. Угловатые покрытия при вынесении букв — обычное явление в Супрасльской рукописи: мць, бы 5б, апломъ 6 и др., да и Остромирову евангелию они небезызвестны, хотя и не преобладают: гла 9б, 10б, ева 11б и др., сѫ 76: особенно много двускатных покрытий в календарной части; ср., например, л. 242, где места, соответствующие Листкам Ундольского. И вынесение букв в конце строки, когда для них нет места, явление обычное в Супрасльской рукописи, да и в других памятниках.

Из других надстрочных знаков отметим две точки над ї, но есть і и без точек; в одном случае встретился значок вроде тонкого придыхания: послѣдовашѧ 57; в одном месте как будто стоит точка над с: въсє 61.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА

Фонетика

Вследствие небольшого своего размера Листки Ундольского мало дают для суждения о языке того памятника, часть которого они когда-то составляли. Но, несмотря даже на незначительный их объем, нельзя не заметить прежде всего отсутствия в них йотованных гласных, за исключением ю : є (нбсное 4, доброе 5, ск|нъчѣние 29, беӡаконие 31, моего 34, оуспение 37, вънесение 47, своe 60, абие 65; или в начале слов: ни єдинол 61, єго 65, єѧ 66 и т. д.), ꙗ, вместо которого обыкновенно употребляется ѣ (ѣко 18, оубоѣвъшисѧ 72, вѣра твоѣ 75,

црствиѣ 24, сѣѣвъшоу 4, въсѣѣ 6, въсѣѣвы 22, ѣвиса 8, ѣ [вин. п. ср. р. мн. ч.] 17, диѣволъ 25, скѣ|нъчѣние 29, :єї: септабрѣ 37, глигориѣ 43, максимиѣна 46, иѣкова 50, оулиѣниꙗ 55), ѫ (сиѫ 3, моѫ 19, събиражтъсѧ 27, съжиꙃажтъсѧ 28, ꙃаповѣдаѫ 45, оугнѣтажщъ 70, сътворъшѫѫ 72), ѫ (сво 29, творѧщѧꙗ 31, имѣѧи 34, гюриѧ 40, андре 51, стыѧ 39, оулиѣниꙗ 55, единоѧ 61). Отмеченная особенность нашего памятника, несомненно, указывает на его глубокую древность. Две из указанных черт — ѣ вместо ꙗ и ѫ вместо ѭ свойственны и надписи 993 г.: [натали]ѣ, полагаѫ; ѣ вм. ꙗ, є вм. ѥ свойственны и глаголическим памятникам. Но последние уже знают ѭ (ⰼⰵ) и ѩ (ⰵⰵ), хотя последний знак у них иногда употребляется и в роли ѧ. Если еще обратим внимание на то, что Листки, по-видимому, не знают ꙃ, неизвестного и глаголической азбуке (максимиѣна 46), что в них очень распространено щ, столь обычное в глаголице, мы должны будем видеть в них памятник, написанный на древнейшей кириллице, еще до снабжения ее новыми знаками, которые уже вполне обычны в памятниках XI в. Буква ю встречается в Листках два раза, после согласных: гюриѧ 40, чюдотворца 43.

Если по отсутствию употребления йотованных гласных, за исключением ю, Листки стоят на одной ступени с самыми древними памятниками старославянского письма, то по употреблению глухих, как отметил это уже В. Н. Щепкин (257 стр.), они «заключают решительное новшество». По сохранившимся отрывкам трудно судить, как обстояло дело с ъ и ь во всей рукописи; но, по-видимому, преобладал ъ, второй глухой — ь — попадался лишь спорадически: в рассматриваемых отрывках он встретился всего два раза (єсть 3, гь 21); зато случаев употребления ъ вм. ь много:

в корнях:

вьс-: въсъ 23, въсѧ 30, въсѫ 74;
свьт-: просвътѧтъсѧ 33;
льг-: полъꙃѧ 61;
пьш-: пъшеницѧ 7, пъшеницѫ 15, 18;
шьд-: ишъдъшѫ 67;

в корнях при р и л:

крьг-: въкрътѫтъ 31;
скрьг-: скръжетъ 32;
трьг-: въстръꙃажще 14;

в суффиксах в середине слов:

-ьн-: коупъно 15, житъницѫ 19, селъныхъ 21, ѡгнънѫ 32, праведъни 33, исповѣдъникъ 40, истоуъникъ 65—66;
-ьск- члвчъск 22;
-ьц-: слънъце 34, ѿ конъць 30;
-ьч-: скѣ|нъчѣние 28—29, конъчина 26;
-ьш-: сътворъшѫѫ 72, пристѫплъше 19;

в суффиксах флексии:

им. п. г҃ъ 3, 29, днъ 53, късъ 23, плаүъ 32, ѡбращъса 68;
вин. п. пещъ 32, оүгнѣтажщъ 70;

род. п. мн. ч. о҃цъ 46, конъцъ 30, краүъ 60;
твор. п. ед. ч. ѡгнемъ 28, тѣломъ 66.

В рассмотренном отношении наш памятник, однако, не отступает от общей тенденции других древнейших старославянских памятников, как Саввина книга, и особенно глаголических (Мариинск. ев., Зогр. ев.); даже в надписи 993 г. находим явное написание с ъ вм. ь в [н]а кръстѣҳъ, да и в других случаях видим как бы колебание резчика или лица, изготовившего образец надписи: вместо ь он иногда пишет ъ, в чем, может быть, следует видеть стремление дать ъ. Как отчасти в других отношениях, так и в рассматриваемом, по предпочтительному употреблению ъ, Листки идут по тому пути, который уже закончили Охридский апостол, Слепченский апостол и Болонская псалтырь. По-видимому, в том древнеболгарском говоре, особенности которого отражает в себе язык Листков, уже не чувствовалась разница между ъ и ь, чему много содействовала утрата глухими слогового характера в конечных открытых слогах, а также внутри слов в слогах неударяемых; смешение глухих могло начаться с положения после шипящих, а также при р и л.

Совершенную утрату глухого имеем в конечном слоге: вам 49. Сюда не относятся приставки и предлоги, обыкновенно и в других памятниках не имеющие на конце глухих: иꙁ-: ї|ꙁ него 67—68; такой же вид имеет этот предлог в сложении, равно как

къꙁ-: късторъгнете 14,
об-: ѡбращъса 68 и др.

Несомненный пропуск ъ в предлоге съ дают следующие слова: сѣ|нъүѣние 28, и, может быть, сп҃сетъ 75, если здесь не простое сокращение.

Пропуск глухого в середине слова: оүспение 37, вторни 54, кто 68, 71, многъ 57, 60, подѡбно 3, үюдотворца 43, дщи 75, днъ 53. Последний случай кажется несколько сомнительным. Конечно, слово дьнь, как показывает болгарское наречие *днес* (-дьньсь) и старорусское *днесь*, имело некогда ударение на конце; но возможно также в днъ видеть и просто сокращенное написание, лишь с опущением титла, для которого не было места под заставкой (ср. В. Н. Щепкин, 263).

Как и в других старославянских памятниках, в слогах, стоящих перед такими, которые заключали в себе глухой в положении не перед слогом со старым глухим гласным, иногда являются чистые гласные вм. глухих:

шьд-: пришедъше 9, шедъше 13, 16, пришедъши 63;
-ьд-: праведъни 33;
-ьт-: скръжетъ 32.

Примеров на появление ѻ вм. ъ не встретилось; тогда 8, 33 (тодга), конечно, только вариант при тъгда.

В климентоу 49, маръ 56 глухой, вероятно, обозначает частичный гласный, развившийся после плавного в группе согласных. Впрочем, писец мог поставить его и совершенно механически, как это он делал, вероятно, и в других случаях, где в своем говоре не слышал никакого звука.

Если по смешению глухих Листки Ундольского несколько приближаются к среднеболгарским памятникам, то зато по безусловно правильному употреблению юсов они решительно занимают первое место между самыми древними рукописями: из 80 примеров с носовыми гласными ни в одном не наблюдается смешения их между собой или с другими какими-либо гласными. Не перечисляя всех случаев с юсами, так как памятник невелик и их легко найти, отмечу лишь примеры.

Юсы в корнях: ѧ и ѫ:

вѧз-: съвѧжѣте 17;
жѧ-: жѧтвы 15, жѧтелемъ 16;
зѧб-: прозѧбе 7;
глѧд-: ѡглѧдаше 71;
сѧк-: исѧкнѫ 65;
бѫд-: бѫдетъ 28;
зѫб-: зѫбомъ 33;
стѫп-: пристѫплъше 19.

Юсы в словообразовательных формах: ѧ и ѫ:

—ѧщ—: съпѧщемъ 5, творѧщѧѧ 31;
—ѧт—: десѧте 53;
—ѫд—: отъкѫдоу 11;
—ѫщ—: вѣдѫщи 73, имѫщи 59, трепещѫщи 73, въстръзаѫще 14, оугнѣтаѫщъ 70.

В разных формах флексии примеров очень много. Примеры на ѧ: тѧ 70, 75, ѣвисѧ 8, ѡбращъсѧ 68, в окончании род. п.: еѧ 66, оулиѣниѧ 55, мцѧ 55, стыѧ 52, андре 51 [2], полъзѧ 61; в вин. п. мн. ч.: ѧ 31, сво 29, късѧ 30; в им. п. ед. ч.: сѣмѧ 23, врѣмѧ 16; в глаголах: рѣшѧ 9, послѣдоваша 57, имѣѧи 34, просвътѧтъсѧ 33. Примеры на ѫ: в вин. п. ед. ч.: късѫ 74, въ житъницѫ моѫ 19, истинѫ

---

[2] И. И. Срезневский (Пам. Юс. II., 44) здесь по какому-то недоразумению усмотрел смешение ѧ и ѣ (вероятно, стоящего на месте ꙗ: андреꙗ). Но такое предположение неправильно, так как род. п. андреѧ предполагает им. п. андреꙗ или андреа на месте греч. Ἀνδρέας. Можно бы такое смешение видеть в другом месте: шедъше изъберѣте прѣжде плѣвелъ. и съвѧжѣте ѣ 17, συλλέξατε πρῶτον τα ζιζάνια καὶ δήσατε αὐτὰ, где ѣ=ꙗ как бы вместо ꙙ (согласование по смыслу); но я думаю, что подобный недосмотр допущен переводчиком с греческого, который ζιζάνια передал словом мужского рода, а αὐτά, забыв, к чему оно относится, перевел средним родом.

74, нишъдъшѫ 67, притъчѫ 3, силѫ, сиѫ 3, сътворъшѫѫ 72; в глаголах: ꙁаповѣдаѫ 45, рекѫ 16, прикоснѫсѧ 64, оугн^ѣ|тахѫ 58, глахѫ 69, въвръгѫтъ 31, съжиꙁаѫтъсѧ 28, сѫтъ 24.

Звук ѣ, кроме замены им на письме ꙗ — а, о чем уже была речь (стр. 586), с другими гласными не смешивается. В съвѧжѣте, как отметил В. Н. Щепкин (265), вероятно, не смешение ѣ с а или с и, а образование по аналогии (как съберѣте). Слово трѣва 8 известно с ѣ и глаголическим памятникам, а также Супрасльской рукописи; из живых славянских языков болгарские говоры знают *трѣва* (*трява*).

Сочетание -ьj- в Листках всегда заменяется посредством иj, причем j, вследствие отсутствия в памятнике йотации, обыкновенно, за исключением иѣ = иꙗ, не находит на письме никакого отражения: авие 65, 67, беꙁаконие 31, вънесение 47, ск°|нъчѣние 29, тоүение 58, оуспение 37, глигориѣ 43, гюриѧ 40, оулиѣниѧ 55, максимиѣна 46.

Из других особенностей в области гласных отметим еще, что в памятнике исключительно употребляются стянутые формы а) в склонении членных прилагательных: стаго 36 у др., ꙁлатооустаго 37, селъныхъ 21, въсѣвкы 22, 25, үлвүъск^а 22, стыхъ 40; б) в спряжении: иматъ 11, оугн^ѣ|тахѫ 57, глаше 64, и др.; огладашесѧ 71. в) Даже в склонении имен существительных один раз допущена стянутая форма црстви 34. В отношении стяжения гласных Листки Ундольского решительно сближаются с надписью 993 г., где имеем стаго, бжи, к сожалению только под титлами, и особенно с Саввиной книгой. По появлению ы вместо ън или ъи рассматриваемый памятник сходится со многими глаголическими рукописями.

В области согласных остановимся на следующих явлениях:

Звук $\widehat{dz}$ передается, как мы видели (стр. 583), посредством ꙁ.

После губных перед бывшим некогда j является вставочный л: пристѫплъше 19, ꙁемлѧ 30; был ли здесь л мягкий согласный, или средний, сказать нельзя, так как смягчение его внешним образом не обозначено; ъ после л, конечно, не обозначает твердости последнего, так как употребление его здесь составляет лишь графическую особенность.

Смягченный р сохранил мягкость, что видно из таких написаний, как септѧбрѣ 37, 38, 47, 48 и декѧбрѣ 53, т. е. септѧбрꙗ, декабрꙗ.

Свистящие ꙁ, ц и с, по-видимому, не были мягкими: въстръꙁаѫще 14, съжиꙁаѫтъ 28 (в обоих примерах —ꙁа—, а не —ꙁѣ—), оцоу 48, оца 34, үюдотворца 43; на с надежных примеров нет, так как, например, весѫ 74, весъ 23 в своем обозначении твердости с могут представлять лишь графический прием.

Из шипящих, несомненно, мягок был ү: үюдотворца 43, ск|нъүѣние 29; другие же шипящие в подобном же положении были тверды:

шроути 67, **сѣѣкъшоу** 4, **слышати** 35. Как отмечено раньше (стр. 590), **ѣ** в **съкажѣте** 17 на мягкость ж не указывает. Больше примеров на ж, а также на жд нет.

Сочетание **-сцѣ** в склонении упрощалось в **-стѣ**: **по пастѣ** 51.

Сочетание **-сш-**, в котором **с** окончание предлога-приставки, переходило в одно **-ш-**: **ишъдъшж** 67.

Сочетание **-сц-**, в котором **с** окончание предлога-приставки, изменялось в одно **-ц-**: **ицѣлѣ** 66.

Сочетания **-сс-**, **-ѕѕ-**, где первый согласный окончание предлога-приставки, переходили в **-с-**, **-ѕ-**: **исмкнж** 65, **беѕаконие** 31.

Вместо **-ѕж-** является **-жд-**, как и в других памятниках: **нждикъши** 60.

В собственном имени Γρηγόριος, как это встречается иногда и в других югославянских произведениях, имеем случай диссимиляции плавных: **глигориѣ** 43. Ср. **глигорие** в приписке к Мирославову евангелию XII в.

В 40-й строке выражение греческого апракоса: τῶν ἁγίων ὁμολογητῶν · σαμονᾶ · γθρία καὶ ἀβίβου [3] передано посредством **с. н. гюриа самоны и авика**. В Остромировом евангелии в этом месте (л. 242), согласно с греческим текстом, читаем **гоурии**. Таким образом выходит, что в Листках сочетание **гю** как бы явилось на месте **гоу**. Но тут мы имеем не фонетическое явление, а приспособление одного имени к другому: имя Γεώργιος в древних церковнославянских и русских памятниках встречается в форме **гюрги** (Ев. 1270 г., Лавр. лет.); отсюда **гю** зашло и в рассматриваемое имя, где оно произносилось, вероятно, вроде ђу (ср. серб. Ђу̑ра).

В **тодга** 33, при **тогда** 8, **егда** 7, мы могли бы видеть описку; но то же находим, например, в евангелии Добромира (см. Sitzungsberichte der philosophisch — historischen Klasse der K. Akademie der Wissenschaften. Wien. 1898, B. 138, 9 в статье акад. Ягича) или, например, в Слепченском апостоле (см. Срезневского Пам. Юс. П., 117).

Морфология

Склонения

Из форм *именного склонения* в Листках Ундольского встречаются следующие:

От основ на -ŏ (слова мужского и среднего рода) в *единственном* числе:

Им. п. **врагъ** 6, 11, 25, **члвкъ** 12, **вторни*** 54, **диѣволъ** 25, **истоучъникъ** 65—66, **ісъ** 67, **миръ** 23, **народъ** 57, **плодъ** 8, **плѣвелъ** 8,

---

[3] Данное место берем из рукописи Моск. Син. б. № 15 по описанию Владимира (№ 43 прежнего каталога), л. 227 β. За выписки приношу благодарность В. А. Погорелову.

скръжетъ 32; плаѵъ 32; црстко 4, село 23; безаконие 31, бънесение 47, оуспение 37, ско|нъѵение 28—29, слънъце 34.

Род. п. авгоуста 41, авика 41, апла 42, 51, вѣка 26, 29, гна 9, нѣкока 50, їwа 38, максимиѣна 46, лка 50, персѣнина 50, платона 44, прρка 53, ромн|на 44, филипа 39, оца 34, ѵюдотворца 43; декмврѣ 53, септмврѣ 37, 38, 47, 48, глигориѣ 43; црствиѣ 24.

Дат. п. ісоу 57, клименътоу 49, ѵлккоу 4, оцоу 48.

Вин. п. нарwдъ 63, 70, плѣкелъ 6, 11, 17; горе 62, тоѵение 58.

Твор. п. тѣломъ 66.

Местн. п. w ісѣ 63, въ народѣ 68, на селѣ 5, 10; въ црстви 34.

Во *множественном* числе:

Им. п. аньлї 26, плѣкели 24, 27, раби 9, оуѵениц[и] 19, оуѵенї|ци 69—70; жтеле 26.

Род. п. испокѣдъникъ 40, плѣкелъ 20; лѣтъ 59; ѿ конъцъ 30, оцъ 46, враѵъ 60.

Дат. п. ѵлккомъ 6, зжбомъ 33; жтелемъ 16.

Вин. п. аньлъı 29, плѣкелъı 14, снопъı 18, съблазнъı 30.

На твор. и местн. п. мн. ч. примеров не встретилось.

Немного можем отметить и случаев именных форм прилагательных и причастий с основами на -ŏ. Таковы

в *единственном* числе:

Им. п. многъ 57; подwбно 3, многw 59.

Род. п. ста 39, 53.

Во *множественном* числе:

Им. п. н|приѣзнини 25, праведъни 33.

Род. п. многъ 60.

Формы причастий настоящего и прошедшего времени действительного залога:

Единственное число:

Им. п. ѿвѣщавъ 21, wбращъсм 68.

Дат. п. сѣкъшоу 4.

Вин. п. оугнѣтажщъ 70.

Множественное число:

Им. п. въстръзажще 14, пришедъше 9, шедъше 13, 16, пристжпльше 19.

Дат. п. съпмщемъ 5.

От слов с основами на -ā (женского рода и отчасти мужского) встречаются следующие формы.

Единственное число:

Им. п. вѣра 75, жена 58, 72, жтка 26, конъѵина 26, трѣва 8.

Род. п. **варвары** 55, **жѧтвы** 15, **минъı** 36, **ранъı** 67, **самонъı** 40—41, **андрѣ** 51, **бцѧ** 47, **гюриѧ** 40, **ʒемлѧ** 30, **мцѧ** 55, **полъʒѧ** 61, **пъшеницѧ** 7, **оулицѣниѧ** 55.

Вин. п. **житъницѫ** 19, **истинѫ** 74, **притъчѫ** 3, 20, **пъшеницѫ** 15, 18, **силѫ** 67.

Дат. и местн. п.: **жѧтвѣ** 16, **посрѣдѣ** 7, **по пастѣ** 51, **риʒѣ** 65.

Множественное число:

Местн. п. **риʒахъ** 69.

Именные формы прилагательных и причастий страдательного залога с основами на -ā:

Единственное число:

Им. п. **етера** 58, **спсена** 65.

Род. п. **стъı** 46, 55.

Вин. п. **ѡгнънѫ** 32.

Именные формы причастий настоящего и прошедшего времени действительного залога с основами на -ā:

Единственное число:

Им. п. **вѣдѧщи** 73, **имѧщи** 59, **трепещѧщи** 73, **въпадъши** 62, **нѫдивъши** 60, **ѡбрѣтъши** 61, **постр**[а]**|давъши** 59—60, **пришедъши** 63, **слъшавъши** 62, **оубоѣвъ|шиса** 72.

Вин. п. **ишъдъшѫ** 67.

Слова с основами на -ĭ (мужского и женского рода) представлены в немногих примерах.

Единственное число:

Им. п. **гь** 21, **гъ** 3, 29.

Род. п. только в наречии **съʒади** 63.

Вин. п. **въ пещъ** 32.

Зват. п. **ги** 9, 20.

Твор. п. **ѡгнемъ** 28.

Двойственное число:

Вин. п. **оу|ши** 34—35.

От основ на -*й* также немного случаев.

Единственное число:

Им. п. **снъ** 22.

Род. п. **ѿ полоу** 54.

Множественное число:

Им. п. **снове** 24 (bis).

От основ на -*ū* только два случая:

Род. п. ед. ч. **кръве** 66.

Дат. п. ед. ч. **кръви** 58.

Немногочисленны примеры слов и с основами на *согласные*:

На -*n*- мужского и среднего рода:

Им. п. ед. ч. **дн҄ъ** 53, **сѣмѧ** 23.

Вин. п. ед. ч. **сѣмѧ** 5, 10, 22, **въ врѣмѧ** 16, **въмѧ** (=**въ оно врѣмѧ**) 57.

На -г- женского рода:

Зват. п. ед. ч. **дщи** 75.

Склонение местоимений

От личных местоимений встретились следующие формы:

От местоимения 1-го лица дат. ед. ч. **мънѣ** 71; дат. п. мн. ч. **намъ** 20.

От местоимения 2-го лица вин. п. ед. ч. **тѧ** 70, 75; дат. п. мн. ч. **вам** 49, **вамъ** 45.

От указательных местоимений и склоняющихся по образцу их числительных **ѥдинъ** и **дъва** встретились следующие формы:

Тъ, тъжде: вин. п. ед. ч. ср. р. **то** 12; род. п. **то҃** (= **тогожде**) 36, 37, 39, 40, 42, 43, 44, 46, 47, 50, 55.

Къто: им. п. ед. ч. **кто** 68, 71.

Онъ: им. п. ед. ч. **ѡнъ** 11, 13; мн. ч. **они** 12.

Ѥдинъ: род. п. ж. р. ед. ч. **ниединоѧ** 61.

Дъва: лѣтъ двѣ на десѧте 59.

И: редкий случай им. п. ед. ч. ср. р. **е (е бъı)** 73, род. п. **его** 6, 65, 70, **ї҃ з** **него** 68, род. п. ж. р. **еѧ** 66; дат. п. **емоу** 9, 20, 69, 74, **къ немоу** 74, ж. р. **еи** 74, 75; вин. п. **и** 58; твор. п. **имъ** 11, **съ нимъ** 36. Мн. ч. им. п. м. р. **иже** 36; дат. п. **къ нимъ** 21; вин. п. **ѧ** 31 (м. р.), **ѣ** (=**ꙗ** ср. р.) 17; твор. п. **съ ними** 14.

Мои: род. п. **моего** 34, вин. п. ж. р. **моѭ** 19, род. п. мн. ч. **моихъ** 69.

Твои: им. п. **вѣра твоѣ** 75.

Свои: вин. п. ср. р. **свое** 60; местн. п. **на селѣ своемъ** 5, 10; вин. п. мн. ч. **анг҃лы сво҄** 29.

Нашь: дат. п. **нашемоу** 48—49.

Сь: род. п. **сего** 29, 44; вин. п. ср. р. **се** 72, ж. р. **сиѭ** 3, 20. Мн. ч. им. п. м. р. **си** 23; вин. п. ср. р. **си** 45, 49.

Вьсь: им. п. ед. ч. м. р. **въсъ** 23; вин. п. ж. р. **въсѭ** 74, ср. р. **вьсе** 61; мн. ч. вин. п. м. р. **въсѧ** 30.

Сложное склонение прилагательных

Отличительная особенность этого склонения в Листках Ундольского, как это отмечено в своем месте, стянутые формы: везде **-аго**, **-ъı**, **-ъıхъ**.

Единственное число:

Им. п. м. р. **чл҃вѣчьскъı** 22, **въсѣвъı** 22, 25; **-ии**, конечно, стяжению не подлежало: **имѣи** 34; ср. р. **добро҃е** 23, **н҃бсное** 4.

Род. п. **ст҃аго** 36, 37, 42, 43, 44, 50, 51, **златооустаго** 38; жен. р. **ст҃ыѩ** 39, **ст҃ыѩ** 52.

Дат. п. м. р. представляет форму по местоименному склонению: **ст҃омоу**.

Вин. п. ж. р. **сътворъшѫѭ** 72; ср. р. **доброе** 5, 10, **добрѡе** 22.

Множественное число:

Род. п. **стꙑхъ** 40, 46, **селънꙑхъ** 21.

Вин. п. м. р. **творѩщѩѩ** 31.

Спряжение

Неопределенное встретилось от следующих глаголов: **расти** 15, **видѣти** 72, **слꙑшати** 35, **съжещи** 18.

Формы *настоящего* для обозначения настоящего и будущего времени:

Ед. ч. 1-е лицо: **рекѫ** 16, **ꙁаповѣдаѭ** 45, 49; **бѫдѫ** 65, **прикоснѫсѩ** 64.

2-е лицо: **хощеши** 12, **гл҃еши** 71, **видиши** 70.

3-е лицо: **есть** 3, **естъ** 23 (bis), 25, 26; **иматъ** 11, **сп҃сетъ** 75, **посълетъ** 29, **бѫдетъ** 28, **слꙑшитъ** 35.

Отметим редкий случай 3-го лица без **-тъ**, как часто бывает и в Супрасльской рукописи: **бѫде** 32.

Мн. ч. 1-е лицо **иꙁъберемъ** 13.

2-е лицо: **въстръгнете** 14.

3-е лицо: **сѫтъ** 24 (bis), 27, **съберѫтъ** 30, **ввръгѫтъ** 31, **събираѭтъсѩ** 27, **съжиꙁаѭтъсѩ** 28, **просвътѩтъсѩ** 33.

Повелительное наклонение представляет лишь следующие формы:

Ед. ч. 2-е лицо: **съкажи** 20, **и҃щ** (=**ищи**) 36, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 54.

Мн. ч. 2-е лицо: **иꙁъберѣте** 17, **съберѣте** 18, **съкажѣте** 17, **оставите** 15.

Имперфект представляет только стянутые формы:

Ед. ч. 3-е лицо: **гл҃аше** 68, **ѡглѩдашесѩ** 71.

Мн. ч. 3-е лицо: **оугнѣтахѫ** 57—58; **гл҃ахѫ** 69.

Аорист. Бесприметный аорист представляет только формы 3-го лица ед. ч. на **-е**, которые, как известно, заменяют 2-е и 3-е лицо и у аориста темового с приметой **х**: **рече** 3, **рече** 11, 13, 21, 74, **ѡтиде** 7, **приде** 6, 74, **проꙁѩбе** 7, **припаде** 73.

Формы аориста с приметой **х**:

3-е лицо ед. ч.: **прикоснѫсѩ** 64, 71, **прик°|снѫсѩ** 68—69; **исѧкнѫ** 65; **ицѣлѣ** 66—67; **раꙁоумѣ** 66, **въсѣѣ** 6, **сътвори** 8, 12, **ѣвисѩ** 8, **ѡщоути** 67.

3-е лицо мн. ч.: **рѣшѩ** 9, 12, 20 [**послѣ**]**д**[**ов**]**ашѧ** 57

Прошедшее совершенное (perfectum) 2 лицо ед. ч.: **сѣлъ єси** 10.

Причастия действительного залога в отношении образования основ и флективных форм никаких отступлений от нормы не представляют (склонение их уже рассмотрено раньше). В памятнике встречаются следующие причастия а) *настоящего* времени: **трепещѫщи** 73, **имѫщи** 59, **вѣдѫщи** 73, **въстрѫзажще** 14, **оугнѣтажщъ** 70; **съпѧщемъ** 5, **творѧщаѧ** 31, **имѣѧи** 34; б) *прошедшего* времени: **шедъше** 13, 16, **пришедъше** 9, **пришедъши** 63, **ишъдъшѫ** 67, **обрѣтъши** 61, **въпадъши** 62, **сѣкъшоу** 4, **късѣкъі** 22, 25, **оубоѣвъшисѧ** 72, **Отвѣщавъ** 21, **пострa|давъши** 59—60; **слъшавъши** 62, **иждивъши** 60, **пристѫпльше** 19, **сътворъшѫѫ** 72, **обращъсѧ** 68.

Синтаксис

Для синтаксических наблюдений Листки Ундольского представляют очень мало материала.

Тут прежде всего отметим случаи *дательного принадлежности:* **въ врѣмѧ жѧтвѣ** 16 ἐν καιρῷ τοῦ θερισμοῦ, как и в Остромировом евангелии 241, Зогр. 31б, Ассем. по изд. Чернч. 142, вопреки Мариинскому, где (XIII) **жѧтвъі; скрьжетъ зѫбомъ** 33 βρυγμὸς τῶν ὀδόντων, как и в Остр. 242, Зогр. 32б, Асс. 143 и Мар. XIIIб; **се жена етера въ тоуение кръви** 58 γυνή τις οὖσα ἐν ῥύσει αἵματος при **тоуение кръве** Зогр. 88б, Асс. 144, Мар. LII, Савв. кн. 111б; в Остр. 243 род. п. мн. ч. **въ тоуении кръвии** (если это не описка). Предполагаю в Листках дательный падеж, а не родительный в виду **истоучъникъ кръве** 66.

При глаголе **прикасатисѧ** употреблен местный без предлога: **кто прик°|снѫсѧ ризахъ моихъ** 69 ἥψατο τῶν ἱματίων, как в Остр. 243б, Мар. LII, Асс. 114, Савв. 111б, вопреки Зогр. 89, где **късто прикоснѫсѧ ризъ моїхъ; прикоснѫсѧ ризѣ его** 64 и 65 ἥψατο τοῦ ἱματίου, как и в других евангелиях XI в.; **кто прикоснѫсѧ мьнѣ** 71 τίς μου ἥψατο сходно с другими памятниками.

Дательный самостоятельный встретился только в одном месте: **съпѧщемъ же уловкомъ приде врагъ его** 5—6 ἐν δὲ τῷ καθεύδειν τοὺς ἀνθρώπους ἦλθεν αὐτοῦ ὁ ἐχθρός; то же и в других памятниках. Как можно видеть из греческого текста, в старославянском языке этот оборот употреблен самостоятельно.

Особенность в *согласовании*: **лѣтъ двѣ на десѧте имѫщи** 59 ἔτη δώδεκα, как и в Зогр. 88, Ассем. 144, Мар. LII, Савв. 111б, при Остромировском **лѣтѣ ві**, согласно с греческим.

Множественное число при слове, обозначающем *собирательное* имя: [**послѣ**]**д**|**ов**]**ашѧ ісоу народъ многъ** 57 ἠκολούθει αὐτῷ ὄχλος πολύς. при Остр. 243, Асс. 144 **послѣдоваше** Зогр. 88б, Мар. LII, Савв. 111б **їдѣаше—идѣаше**.

В одном случае встретилось *согласование* указательного местоимения **сь** не с подлежащим, к которому оно относится. а с существительным,

на которое оно указывает: **добро же сѣмѧ си сѫтъ с҃нове цр҃ствиѣ** 23—24 τὸ δὲ καλὸν σπέρμα οὗτοί εἰσιν οἱ υἱοὶ τῆς βασιλείας. Подобная же передача греческого текста в Остр. (**сии сѫть** 241б), Асс. (**сіи сѫтъ** 142); в Мар. и Зогр. иное: в первом: **се сѫтъ с҃нве** LIIIб, во втором указательного местоимения совершенно нет: **доброе же сѣмѧ естъ с҃нове**.

Вместо греческого множественного числа местоимения чисто послявянски употреблено *единственное* для обозначения совокупности многих предметов: **иждикъши свое късе** 60—61 δαπανήσασα τὰ παρ' ἑαυτῆς πάντα; единственное число употребляется и во всех других древнейших списках, и только в более поздних находим поправку на греческий лад (ср. Г. Воскресенский. Евангелие от Марка, 175).

Как особенность, свойственную только Листкам Ундольского, по крайней мере в данном месте, отметим постановку усиливающего и не перед тем словом, которое им особенно выдвигается, а после первого слова в предложении: **тогда и ѣвисѧ плѣвелъ** 8 τότε ἐφάνη καὶ τα ζιζάνια, **въстръгнете и съ нимъ пъшеницѫ** 14 ἐκριζώσητε ἅμα αὐτοῖς καὶ τον σῖτον. В других древнейших текстах (Остр. 241, Зогр. 31б, Асс. 142, Мар. XIII) обычно: **и плѣвелъ (-ли), и пьшеницѫ**.

К ВОПРОСУ О РЕДАКЦИИ ТЕКСТА

Нам остается сказать еще несколько слов о редакции текста того апракоса, которому принадлежит рассматриваемый отрывок. Правда, что прийти к каким-либо вполне надежным результатам, ввиду незначительного объема Листков Ундольского, трудно. Конечно, их можно сравнивать лишь со старшими памятниками. Уже из предыдущего, где мы касались синтаксических особенностей, можно было видеть, что Листки содержат в себе древнейшие черты, отчасти свойственные и другим памятникам, отчасти представляющие индивидуальные особенности нашего отрывка. Очень большое значение при определении редакции старославянского перевода евангелия имеет рассмотрение словарных особенностей памятника. Но в Листках таких типичных слов нет: встретившиеся в них **етера** 58, **трѣва** 8, **н҃бсное** 4, **цр҃ство** 4 и **цр҃ствие** 24 попадаются и в других памятниках, явившихся в разных местах; более типичным является **плѣвелъ** 6 и др. в ед. ч. для передачи греч. мн. ч. ζιζάνια, но тут же довольно последовательно употреблено **плѣвели** 24 и **плѣвелы** 16; кроме того, при **плѣвелъ** местоимение поставлено во мн. ч.: **съвяжѣте ѣ въ снопы** 17. Академик И. В. Ягич, издавший часть Листков, как было уже упомянуто, в «Образцах языка церковнославянского», делает такое замечание о редакции текста нашего отрывка: «Отрывок... свидетельствует о том, что существовали книги евангельских чтений кирилловского письма, совпадавшие во всех особенностях языка и правописания с такими глаголическими памятниками, как Ватиканское евангелие» (49). Что касается правописания, то с Ассемановым евангелием Листки сходятся

только по отсутствию йотованных ѥ и ѩ, но в этом отношении они совпадают и с другими глаголическими памятниками, а также с древнейшим кирилловским (надписью 993 г.); другое дело язык, под которым, при суждении о редакции текста, мы можем разуметь только словарный состав, а также отчасти то или другое употребление форм. В этом отношении высказанное суждение требует более обстоятельного рассмотрения. Мнение И. В. Ягича, по-видимому, основывается на том, что у И. И. Срезневского в «Др. слав. пам. юсового письма» (194—196) приводятся к чтению Листков варианты из Ассеманова евангелия. Не знаю, почему приводил их Срезневский, но во всяком случае это сравнение далеко не говорит в пользу более близкого сходства между собою редакции рассматриваемых памятников. В дополнение к раньше отмеченным в синтаксисе рассмотрим хотя бы следующие параллели (см. таблицу на стр. 599).

Достаточно и приведенных случаев, чтобы видеть, что Листки Ундольского нисколько не ближе к Ассеманову евангелию, чем, например, к Остромирову. Из рассмотренных 36 случаев разногласия Листков с Ассемановым евангелием 10-ти нет в Остромировом евангелии, а есть, с другой стороны, 7 таких особенностей, какие исключительно свойственны только Листкам и Остромирову евангелию (рече гъ притъчж, жателемъ, праведьни, ісоу, своє късє, ицѣлѣ); в остальных 26 случаях Остромирово евангелие большей частью совпадает с Ассемановым. Не более сходны Листки с Ассемановым евангелием, нежели с Остромировым, и в календарной части[4]. Саввина книга безусловно другой редакции. Указанное сопоставление однако не говорит и за то, чтобы Листки были в особенно близкой связи с Остромировым евангелием. Они имеют такие черты, которые свойственны исключительно им; отмечу, например, не встретившиеся ни в одном из старших евангелий следующие особенности: изъберемъ, съкажѣте ѣ рече къ нимъ, оца моего, имжщи, к точение, к народъ, глахж же, спсетъ тя. Ясно, у переписчика Листков был оригинал, не совпадавший ни с одним из сохранившихся до нашего времени древнейших XI в.) кодексов. Конечно, кое что мог внести писец и от себя, как описки, кое в чем мог произвести и поправки применительно к той редакции греческого текста, с которою он мог быть знаком.

От дальнейших суждений о редакции евангельского текста Листков считаю более безопасным воздержаться, так как установленные Г. А. Воскресенским в известном его сочинении («Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям евангелия XI—XVI вв.») категории древних редакций, по моему убеждению, совершенно поколеблены и вполне

---

[4] Сравнений не произвожу, так как эта часть в рассматриваемых евангелиях лишь изредка совпадает. Короче всего она в Листках. В сравнении с ними в Ассемановом евангелии прибавлены лишние дни 13, 23 и 26 ноября, но нет 25, имеющегося в Листках; в Остромировом евангелии лишнее 13 и 28 ноября, но нет 1 декабря. Под тем или другим днем часто упоминаются и другие святые.

Листки Унд.	Ассем. ев.	Остром. ев.	Зогр. ев.	Мариин. ев.	Савв. кн.
3. ре гъ притъчж	Р. г. своимъ оучи-никомъ п.	как в Л. У.	начало иное, как в тетра.		В Савв. книге не имеется XIII гл. стих. 24—30, 36—43 от Матф.
9. ѣвиса плѣвелъ	ѣвишася и плѣвели	как в Л. У.	как в Л. У.	как в Л. У.	
10. отъкжадоу	и отъкждоу	как в Л. У.	как в Л. У.	как в Л. У.	
11. иматъ плѣвелъ	и. плѣвелы	как в Асс.	как в Л. У.	как в Л. У.	
13. да шедъши изъберемъ	д. ш. въʒберемъ ıа	д. ш. въʒберемъ ıе	д. ш. іплѣвемъ ıа	как в Зогр.	
15. оставите коупъно расти до жатвы	о. к. р. обое д. ж.	как в Асс.	как в Асс.	о. е. к. р. д. ж.	
16. жателемъ	жѩтелѣнемъ	как в Л. У.	дѣлателемъ	как в Зогр.	
17. съвжжѣте ѣ	съвѧжате ıа	как в Асс.	как в Асс.	с. и.	
18. съжещи	с. ıа.	с. ıа [1]	как в Асс.	как в Асс.	
19. оученици	оу. его	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.	
21. рече къ нимъ	р. имъ	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.	
22. снъ члвчъскы естъ	естъ сынъ чловѣчь	как в Асс.	е. с. члвскы	как в Зогр.	
25. въсѣвы	в. ıа.	как в Асс.	в. плѣвелъ	как в Асс.	
26. конъчина	кончание	как в Асс.	как в Асс.	как в Л. У.	
жѧтеле	жѩтелѣне	жѧтелиѩне	как в Л. У.	как в Л. У.	
28. съжиʒажтъсѧ	съжигаѩтъсѧ	как в Асс.	как в Л. У., но без — сѧ	как в Л. У., но без — сѧ	
тако бждетъ	т. б. и	как в Асс.	как в Л. У.	как в Л. У.	
33. тогда	тогда	тъгда	как в Остр.	как в Остр.	
праведъни	праведьниі	как в Л. У. (правьдьни)	как в Асс.	как в Асс.	
34. ѣко и слънъце	ѣ. с.	как в Асс. (ıако слнце)	как в Асс.	как в Асс.	
оца моего	о. ихъ	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.	
57. [послѣ]д[ов]ашѧ	послѣдоваааше	как в Асс.	іадѣаше	как в Зогр.	иадѣше
ісоу	исоусові	как в Л. У.	иначе, как в тетра.		по ісѣ
58. жена етера-имжщи	ж. е.-сжщи	ж. нѣкаıа — сжщи	ж. е. — с.	ж. една — с.	как в Мар.
в точение	въ точеніи	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.
60. иждивъши	иʒдаѣвъші	как в Л. У.	как в Л. У.	как в Л. У.	как в Л. У.
61. свое въсе	въсе свое	как в Л. У. (своıе вьсе)	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.
63. пришедъши въ народъ	п. въ народѣ	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.
65. прикоснжсѧ риʒѣ	п. понѣ риʒѣ	как в Л. У.	как в Л. У.	как в Л. У.	как в Л. У.
67. ицѣлѣ	цѣла естъ	как в Л. У. (исцѣлѣ)	іцѣлѣетъ	цѣлѣатъ	цѣ(лѣ)етъ
абие	и абие	как в Асс.	как в Асс. (і абье)	как в Асс.	как в Асс.
ѡ роути силж	о. въ себѣ с.	ощоущь въ с. с.	как в Остр.	как в Остр.	как в Остр.
68. іʒ него	отъ него	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.
69. глахж же	и. г.	как в Асс.	і глаша	как в Зогр.	как в Зогр.
74. приде	приде и припаде	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.	как в Асс.
75. спсетъ тѧ	съпасе тѧ. иди въ миръ.	спсе тѧ. иди съ миръмь	как в Остр.	как в Остр. (спстѧ и. с. м.)	как в Остр.

[1] И вместо ıа вследствие смешения этих букв в Остромировом евангелии, хотя может быть и то же явление, какое в 17-й строке Листков Ундольского (ср. сн. на стр. 589).

основательно М. Н. Сперанским в его рецензии на труды Г. Воскресенского в Отчете о XXXIX присуждении наград гр. Уварова.

Тем более не нахожу возможным отметить ту греческую редакцию евангельского текста, которая отражалась бы в славянском переводе Листков Ундольского. В имеющихся в моем распоряжении изданиях Нового завета Ветстения. (Ἡ καινὴ διαθήκη. Novum testamentum graecum editionis receptae cum lectionibus variantibus... opera et studio Joannis Jacobi Wetstenii. T. I. Amstelaedami MDCCLI) и Тишендорфа (Novum testamentum graece, editio octava critica major. Vol. I. Lipsiae. 1869) для суждения об этом предмете имеется очень мало данных. Текст Листков ближе к тому, который положен в основу у Ветстения. Последний, по-видимому, лежит и в основе сводного текста в издании Остромирова евангелия Востокова. В сравнении с последним, в нашем тексте следующие отличия, для которых нет объяснения в приводимых в указанных изданиях вариантах:

12. **они же рѣшѧ** — οἱ δὲ δοῦλοι εἶπον;

16. **рекѫ жѧтелемъ· шедъше изъберѣте** — ἐρῶ τοῖς θερισταῖς· συλλέξατε;

23. **село естъ късъ миръ** — ὁ δὲ ἀγρός ἐστιν ὁ κόσμος;

30. **съберѫтъ ѿ конъцъ землѧ** — συλλέξουσιν ἐκ τῆς βασιλείας;

34. **въ цр҃стви о҃ца моего** — ἐν τῇ βασιλείᾳ τοῦ πατρὸς αὐτῶν;

58—59. **въ точеније кръви. лѣтъ двѣ на десѧте имѫщи** — οὖσα ἐν ῥύσει αἵματος ἔτη δώδεκα;

63. **пришедъши къ нарѡдъ създи** — ἐλθοῦσα ἐν τῷ ὄχλῳ ὄπισθεν;

67. **абие іс҃ъ ѡщоути силѫ — и гл҃аше** — εὐθέως ὁ Ἰησοῦς ἐπιγνοὺς τὴν δύναμιν — ἔλεγε;

75. **вѣра твоѣ сп҃сетъ' тѧ** — ἡ πίστις σου σέσωκέ σε.

Что касается календарной части Листков, то и здесь сходного греческого текста нам не удалось найти. Соответствующие места греческого апракоса Моск. Синодальной библиотеки № 15 по описанию Владимира (№ 43 прежнего каталога) только отчасти подходят к нашему отрывку. Некоторые имена в этой рукописи, как и в издании Востокова, отсутствуют (**максимиѣнъ, романъ, оулиѣниѣ**). Нет и начала евангельских чтений, которые обыкновенно приводятся в Листках, Ассемановом и Остромировом евангелиях.

СЛОВАРЬ

А

а δέ 18, 23, 24, 25, 26 (bis.).

абие εὐθέως 65, 67.

авгоустъ αὔγουστος: **авгоуста** 41.

авивъ Ἄβιβος: **авива** 41.

азъ ἐγώ: **мънѣ** 71, **намъ** 20.

ангелъ ἄγγελος: **анг҃лі** 26, **анг҃лы** 29.

андреа Ἀνδρέας: **андр҃е** 51.

апостолъ ἀπόστολος: **ап҃ла** 42, 51.

Б

безаконие ἀνομία 31.

богородица Θεοτόκος: **бцѧ** 47.

быти εἶναι, γενέσθαι: **бѫдѫ** 65, **бѫдетъ** 28, **бѫде** 32.

В

варвара Βαρβάρα: **варвары** 55.

видѣти ἰδεῖν, βλέπειν 72, **видиши** 70.

врагъ ἐχθρός 6, 11, 25.

врачь ἰατρός: **врачь** 60.

врѣмѧ καιρός 16, 57.
въ εἰς, ἐν, ἐπί 1, 16, 18, 19, 28, 31, 39, 52, 54, 58, 62, 63, 68.
въврѣщи βάλλειν: въврьгѫтъ 31.
вънесение τὰ εἰσόδια 47.
въпасти ἐλθεῖν: въпадъши 62.
въстрѫгнѫти ἐκριζοῦν: въстръгнете 14.
въторьникъ ἡ τρίτη: вторни 54.
въстрьꙁати συλλέγειν: въстръꙁающе 14.
въсѣѣти σπείρειν: въсѣѣ 6, въсѣѣвꙑ 22, 25.
вьсь πᾶς: въсъ 23, вьсе 61, въсѫ 74, въсѧ 30.
вѣдѣти εἰδέναι: вѣдѫщи 73.
вѣкъ αἰών: вѣка 26, 29.
вѣра πίστις 75.

Г

глава κεφαλή: гла 2.
глаголати λέγειν: глеши 71, глаше 68, глахѫ 69.
григории Γρηγόριος: глигориѣ 43.
горѣ το χεῖρον 62.
господинъ κύριος, οἰκοδεσπότης: гна 9.
господь κύριος: гъ 3, 29, гъ 21, гн 9, 20.
гюриѣ Γουρίας: гюриѩ 40.

Д

да при передаче сослагат. и повелит. н. 13, 35.
декабрь δεκέμβριος: декабрѣ 53.
диѣволъ διάβολος 25.
до μέχρι 15.
добръ καλός: доброе 5, 10, 23, добрѡе 22.
дъщи θυγάτηρ: дщи 75.
дьнь ἡμέρα: днъ 53.

Є

евангелие εὐαγγέλιον: еѵге 2, 56.
егда ὅτε 7.
еда како μήποτε 13.
единъ εἷς: ни єдиноѧ 61.
есмь εἰμί: есть 3, естъ 23 (bis). 25, 26, сѫтъ 24 (bis), 27.
етеръ τίς: етера 58.

Ж

же δέ, 5, 7, 9, 11, 12, 13, 21, 23, 61, 69, 72.
жена γυνή 58, 72.
житьница ἀποθήκη: житъницѫ 19.
жѧтва θερισμός 26, жѧтвꙑ 15, жѧтвѣ 16.
жѧтель θεριστής: жѧтеле 26, жѧтелемъ 16.

Ꙁ

ꙁаповѣдати ἐντέλλεσθαι: ꙁаповѣдаѫ 45, 49.
ꙁемлѣ γῆ: ꙁемлѧ 30.
ꙁлатооустъ χρυσόστομος: ꙁлатооустаго 38.
ꙁѫбъ ὀδούς: ꙁѫбомъ 33.

И

и καί 6, 7, 8 (bis), 14, 16, 17, 19, 27, 30, 31 (bis), 32, 41, 44, 55, 57, 58, 59, 61, 65, 66, 68, 71 (bis), 73, 74 (bis).
(и αὐτός): и αὐτόν 58, е бꙑ 73, его 6, 65, 70, ꙇꙁ него 68, емоу 9, 20, 69, 74, къ немоу 74, нимъ 11, съ нимъ 36, еѧ 66, ен 74, 75, къ нимъ 21, ѧ 31, ѣ = ꙑ 17, съ ними 14.
иже ὅς, ὁ: иже 36.
иждити δαπανᾶν: иждивъши 60.
иꙁъ ἐκ: ꙇꙁ 67—68.
иꙁъбьрати ἐκλέγειν: иꙁъберемъ 13, иꙁъберѣте 17.
имѣти ἔχειν: иматъ 11, имѣѩи 34, имѫщи 59.
искати ζητεῖν: и 36, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 54.
исповѣдьникъ ὁμολογητής: исповѣдъникъ 40.
истина ἀλήθεια: истинѫ 74.
источьникъ πηγή: источъникъ 65—66.
исѧкнѫти ξηραίνεσθαι: исѧкнѫ 65.
ицѣлѣти ἰᾶσθαι: ицѣлѣ 66—67.
ишьдъ ἐξελθών: ишъдъшѫ 67.
иѣковъ Ἰακώβ: иѣкова 50.

I

ꙇисоусъ Ἰησοῦς: ісъ 67, ісоу 57, ісѣ 63.
ꙇѡанъ Ἰωάννης: ꙇѡа 38.

К

како πῶς 13.
климентъ Κλήμης: климентътоу 49.
коньць τὸ ἄκρον: ѿ конъцъ 30.
коньчина συντέλεια: конъчина 26.
кръвь αἷμα: кръве 66, кръви 58.
къ πρός 21, 74.
къто τίς: кто 68, 71.
коупьно ἅμα: коупъно 15.

Л

ли при вопросах 10, 12, 70.
лѣто ἔτος: лѣтъ 59.

М

максимиѣнъ Μαξιμιανός: максимиѣна 46.
маркъ Μάρκος: ѿ маръ 56.
матѳеи Ματθαῖος: ма 2, 42 (bis).
мина Μηνᾶς pro Μηνόδωρος (Stephanus): минꙑ 36.
миръ κόσμος 20.
мои ἐμός: моего 34, моѫ 19, моихъ 69.
мъногъ πολύς: многъ 57, 60, многѡ 59.
мѣсѧць μήν: мѣ 36, 37, 39, 40, 42, 43, 44 (bis), 46, 47, 48, 50, 51, 53, 55.
мѫченикъ ὁ μάρτυς: мка 50.
мѫченица ἡ μάρτυς: мца 55.

Н

на ἐν 5, 10.
народъ ὄχλος: народъ 57, 63, 70, въ народѣ 68.
наоумъ Ναούμ: наоу 53.
нашь ἡμέτερος: нашемоу 48—49.

тоуенне ῥύσις 85.
трепетати τρέμειν: трепещѫщ.и 73.
трѣва = трава χόρτος 8.
тоу ἐκεῖ 32.
тъ οὗτος: то 12.
тъжде αὐτός, ὁ αὐτός: то҃ 36, 37, 39, 40, 42, 46, 44, 46, 47, 50, 55.
ты σύ: тѧ 70, 75, вамъ 45, вам 49.
тѣло σῶμα: тѣломъ 66.

Оу (Ꙋ)

оубо οὖν 27, ꙋбо 11.
оубоѣтисѧ φοβεῖσθαι: оубоѣвъ|шисѧ 72—73.
оугнѣтати συνθλίβειν: оугн|ѣтахѫ 57—58, оугнѣтаѭщъ 70.
оулиѣнигѣ Ἰουλιανία: оулиѣнинѧ 55.
оусъпенне κοίμησις: оуспенне 37.
оухо οὖς: оуши 34—35.
оуеникъ μαθητής: оуениц[и] 19, оуенi|ци 69—70.

Ф

филипъ Φίλιππος: филипа 39.

Х

хотѣти θέλειν: хощеши 12.

Ц

цѣсарьствие βασιλεία: црствиѣ 24, въ црстви 34.
цѣсарьство βασιλεία: црство 4.

Ч

чловѣкъ ἄνθρωπος: члвкъ 12, члвкоу 4, члвкомъ 6.
чловѣчьскъ τοῦ ἀνθρώπου: члвчъскы 22.
чоудотворьць θαυματουργός: чюдотворца 43.

Ш

шьдъ ἀπελθών: шедъше 13, 16.

Ѣ (= Ꙗ)

ѣвитисѧ φανῆναι: ѣвисѧ 8.
ѣко ὡς, ὅτι 18, 66; ѣко и ὡς 33—34.
ѣкоже ὥσπερ 27.

ПОПРАВКИ

Стран. 571, примеч. к строке 11 Листков. В рукописи вполне ясно видно к[д]ра, где надписное д между к и р; верх этого д несколько расплылся или размазан.

Стран. 578 и 571. В строке 57 текста Листков должно быть [послѣ]д[ов]ашѧ̆ со значком над ѧ, а не над ш; также и в примеч. к строке 57 надо читать послѣдовашѧ̆.

Стран. 571, примеч. По свидетельству акад. Ф. Ф. Фортунатова, в начале 74 строки текста еще видно еи перед и приде; а в строке 75 даже теперь ясно видно е еи перед дщи. Я, к сожалению, ни в оригинале, ни в фотографическом снимке не мог разобрать ни того, ни другого.

Vaclav Vondrák. O PŮVODU KIJEVSKÝCH LISTŮ A PRAŽSKÝCH ZLOMKŮ A O BOHEMISMECH V STARŠÍCH CÍRKEVNĚSLOVANSKÝCH PAMATKÁCH VŮBEC.

V Praze. 1904. 8°. X + 116 + 4 снимка [1]

В книге две главы: I. Киевские Листки и II. Пражские Отрывки. В последней дан и текст Отрывков. Кроме того, в книге имеются предисловие, введение, статейка о происхождении церковнославянской легенды о св. Вячеславе; наконец даны два указателя: А. слов, находящихся в Киевских Листках, и В. всех слов Пражских Отрывков. В снимках фонетически воспроизведены 4 страницы Пражских Отрывков.

Киевские Глаголические Листки [2] представляют из себя замечательный памятник старославянской письменности во многих отношениях. Главная его особенность, которая бросилась в глаза уже первому его издателю, — это смягчение основных групп *dj* и *tj* посредством *з* и *ц*, группы *sk* посредством *шч* — как в памятниках чехо-моравских. Отмеченные особенности проведены очень последовательно. Это обстоятельство побудило Миклошича, Фортунатова, Гейтлера, Калину, Щепкина и Ляпунова предполагать, что указанные черты принадлежали тому церковнославянскому наречию, на котором написан памятник, а не внесены чехом-переписчиком. Где говорили на таком наречии, названные ученые думают разно: называют Македонию, восточно-болгарские области, земли придунайские, близкие к Моравии или Чехии. Ягич (Archiv f. sl. Ph., XX, 4) полагает, что перечисленные богемизмы

---

[1] РФВ, т. LIII, 1905, стр. 160—162 (Ред.)

[2] Изданы И. И. Срезневским в «Свед. и зам.» № LXXIII и LXXVII (Сб. ОРЯС, т. XV) и И. В. Ягичем в ст. «Glagolitica. Würdigung neuentdeckten Fragmente» (Denkschriften d. Kaiserlich. Akademie d. Wissenschaften. Wien. 1890). К литературе предмета: V. Oblak: Zur Provenienz d. Kiewer und Prager Fragmente (Archiv f. Sl. Ph., XVIII); Б. М. Ляпунов: «Д-р Ватрослав Облак. (Изв. ОРЯС. I, 940—942); В. Н. Щепкин. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899, стр. XVIII—XX; Н. К. Грунский. К истории ударений в памятниках древнецерковнославянского языка (РФВ, XLV, 32—34); Н. Каринский. Об ударениях в Киевских глаголических отрывках (Известия, VI, № 3, стр. 281—289).

принадлежат последнему переписчику Листков, сделавшему такое изменение ожидаемых *жд—шт* в *з—ц* и *шч*. Рассмотрев Киевские Листки в отношениях палеографическом, со стороны лексической, в отношении ударений (которые здесь довольно обычны в словах), Вондрак приходит к выводу, что Листки не могли быть написаны в Чехии или Моравии на севере или по соседству; не могли они появиться и в Македонии или Болгарии; возникли они у паннонских словинцев, где-то у Блатенского озера, где когда-то княжил Коцел, может быть, несколько южнее; есть некоторая литературная связь между ними и Фрейзингенскими Статьями (5 стр.); на обоих памятниках заметно влияние старонемецкой графики (6—7, 9); затем рассматриваемые Листки были переписаны на сербо-хорватской территории, что не обошлось без некоторого влияния на их язык, особенно в отношении ударения и долготы гласных (30). Эта сербо-хорватская земля была соседняя с болгарскими областями (31). Однако откуда же возникли богемизмы в Киевских Листках? Вопреки Ягичу, полагавшему, что богемизмы появились при переписке на чешской территории, Вондрак утверждает, что виновниками этих богемизмов были чешские глаголиты, которые каким-то образом попали с севера к своим хорватским братьям, где продолжала развиваться глаголица (40). В этом случае, как отмечает Вондрак, его мысль приближается к предположению, высказанному в свое время А. С. Будиловичем (Общесл. язык, II, 88) о том, что Киевские Листки были написаны в одной из областей приадриатических каким-нибудь словаком или чехом, жившим в среде бра́тии югославянского происхождения.

Как ни ценны соображения Вондрака, однако трудно предположить, что писец, хотя бы и чех, живший где-то в Сербии или Хорватии на границе с Болгарией, мог так систематически провести в фонетике основные черты своего родного наречия. Если писец Остромирова евангелия, диакон Григорий, делает отступления в пользу своего родного произношения в передаче юсов, смягчении *gj* в *ж*, то это у него далеко не последовательно, да и писал он у себя на родине, где все так говорили, как он. Отчего чешский писец не ввел и других богемизмов? Соображения Вондрака по этому поводу (43) малодоказательны. Не в пользу его говорит и предположение о том, что чешский писец переписывал более древний оригинал Киевских Листков, а не дошедшую до нас рукопись, которая будто бы переписана сербо-хорватом (44). Последний, несомненно, внес бы расстройство в систематическое употребление *з* и *ц*.

Когда написаны Киевские Листки? Держась предположения, что богемизмы были введены в Киевские Листки не последним писцом, а более старым, Вондрак решается приурочить их ко времени IX—X столетия. Изгнанные из Моравии ученики Мефодия не все попали в Болгарию, а некоторые из них, например Горазд, могли остаться в Хорватии, где, как им было известно, было заведено славянское богослужение (45). Такое предположение, конечно, ничего не говорит о времени появления дошедшей до нас рукописи Киевских Листков. Имея в виду,

что к ней присоединен и отрывок Апостола (Римл. XIII, 11—14; XIV, 1—4), хотя и писанный другим почерком и не имеющий богемизмов (ср. **изнемагающаго, [ѡ]сѫждаи**), но, несомненно, составляющий одну часть старинного миссала, мы должны предположить, что рукопись возникла не раньше XI в.: до этого времени, по наблюдениям Мураторія, и в латинских миссалах, послуживших оригиналом для глаголических славянских, еще не было чтений из св. Писания, которое тогда входило в состав других богослужебных книг — евангелистариев и лекционариев[3].

Во второй главе подобным образом исследуются Пражские Глаголические Отрывки. Рассмотрев мнения своих предшественников (литература предмета приводится тут же), Вондрак подвергает исследованию язык и палеографические черты, особенно написания букв в отрывках, и при этом приходит к заключению, что оригиналом их была рукопись болгарская, без русских особенностей (вопреки мнению Срезневского и Ягича); в отрывках в некоторых случаях сохранились тексты более древнего извода, нежели русский (58). Отрывки переписаны на чешской территории, а не на моравской или словацкой (61). Последним обстоятельством объясняются многочисленные богемизмы рукописи (64—65). Оба листка писаны в одной лингвистической среде, но не в одно и то же время: первый листок писан во второй половине XI столетия, ближе к концу, а второй несколько раньше; разница между их появлением — не больше 50 лет (75—76). Написаны они могли быть в Сазавском монастыре, где по историческим известиям в XI столетии было славянское богослужение.

---

[3] А. В. Михайлов. К вопросу о литературном наследии св. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях. Варшава, 1904, 35 (из РФВ, т. LI).

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ВЫХОДА «INSTITUTIONES» И. Добровского[1] 1822—1922[2].

Сто лет тому назад, в 1822 г., в Вене вышла книга, которая подвела итоги тому немногому, что было сделано до этого времени по изучению церковнославянского языка за границей и у нас, и наметила те задачи, которые славянская филология по этому предмету должна была разрабатывать в будущем. Эта книга «Josephi Dobrowski. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, serbos aliosque ritus Graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus latini slavos in libris saeris obtinet. Vindobonae, MDCCCXXII (8°, LXVIII + 722)[3]. Уже давно в науке установился взгляд, по которому аббат Иосиф Добровский, родом чех, считается отцом славянской филологии, а названная его книга — скажу словами А. А. Котляревского[4] — является «художественной анатомией славянского языка, замечательной по отчетливой строгости исследования, по внешней архитектонике и многим частным решениям». Добровский положил доброе начало научному исследованию старославянского языка; через сто лет наука далеко ушла вперед, однако все успехи, достигнутые в этой области, далеко не таковы, чтобы заслуги ее основателя совершенно поблекли, стушевались. Приглядевшись внимательнее к современным достижениям, мы очень часто корни их открываем уже в мыслях Добровского[5].

---

[1] Доклад, сделанный в заседании Исследовательского института имени А. Н. Веселовского 30 декабря 1922 г.

[2] Изв. ОРЯС, т. XXVII, 1922, стр. 195—206 (Ред.).

[3] Русский перевод: «Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем Россияне, Сербы и другие славяне греческого исповедания, и Далматы Глаголиты Римского исповедения имеют церковные книги. Сочинение Аббата Иосифа Добровского». Ч. I. Перевел с латинского М. Погодин. СПб., 1833. Ч. II и III. Перевел с латинского С. Шевырев. СПб., 1834.

[4] Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения. Воронеж, 1881.

[5] Связь Institutiones с другими трудами Добровского и вообще с предшествовавшей литературой отмечена у И. Снегирева: Иосиф Добровский. Его жизнь, учено-литературные труды и заслуги для славяноведения (Казань, 1884. Ср. стр. 284—319). Главнейшая библиография о Добровском приведена у И. В. Ягича. История славянской филологии. (ЭСФ, I, стр. 100 sq).

Книга его прежде всего замечательна по своему строению. Он не прямо приступает к изложению церковнославянской грамматики, а прежде всего старается определить место исследуемого языка среди других славянских (§ 1). Этот вопрос заставляет его еще больше углубить свои наблюдения, и он дает основания для деления всех славян по фонетическим, морфологическим и словарным особенностям на две группы: юго-восточную и северо-западную. Последующие ученые только усовершенствовали эти наблюдения, перенеся затем их на праславянскую эпоху; число групп увеличивали до трех, выдвигая, как особую, восточную русскую, но все же от Добровского и до Шахматова окончательного соглашения в этой области не достигнуто. Однако умалчивать об этих приметах и делениях не находят возможным, и во всех капитальных трудах дается на них тот или другой ответ.

Обращаясь затем к главному объекту своего наблюдения — к церковнославянскому языку, ставшему родоначальником большинства славянских литературных языков, он прежде всего касается вопроса об изобретении азбуки (§ 2). Хотя тогда еще не были известны те многочисленные памятники, которые подробно говорят о деятельности солунских братьев Константина и Мефодия, но в общем Добровский зарождение славянской письменности представляет правильно; обращает внимание на обе азбуки — кириллицу и глаголицу, хотя о происхождении последней не решается высказаться утвердительно, так как в то время еще не были известны древнейшие глаголические памятники. Знает он и про существование двух обрядов в славянском богослужении.

Следующие §§ (3—5) рассматривают произведения на древнецерковнославянском языке, известные Добровскому в заграничных и русских библиотеках, и старопечатные книги. Ему было уже известно Остромирово евангелие 1057 г. и сознавалась вся важность этого памятника. Добровский даже предлагал свои услуги по изданию этого памятника, притом characteribus vetustam formam referentibus. Перечисляя памятники, он уже довольно удачно разбирается в их редакциях, различая памятники русские от сербских или даже явившихся в Молдавии. Среди русских он отмечает и такие, на которых заметны диалектические черты, например белорусизмы. Нечего и говорить, что он не смешивает древних переводов с позднейшими, руководствуясь при этом главным образом лексическим составом. Вообще здесь можно найти ясно выраженные задатки того, что потом более рельефно и осязательно выступило в работах И. В. Ягича и его многочисленных учеников за границей и в России, а также подражателей (Воскресенского, Михайлова, аббата Вайса и др.). Попутно изложена история возникновения славянского книгопечатания в разных странах, что не безынтересно и для других сродных дисциплин.

Познакомив читателя с источниками по изучению древнецерковнославянского языка, Добровский переходит к пособиям. Последних оказалось очень мало; но умолчать об них нельзя было, хотя бы уже и потому, чтобы более ярко представить то, что сделал наш ученый. Устранив «ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ грамматік'у доброглаголиваго еллинословенскаго

языка» (1591 г.), как касающуюся собственно греческого языка, и сказав несколько слов о книге Л(авр.) З(изания) 1596 г. **«Граммаtіка словенска съвершенаго искꙋства осми частеи слова»**, он более подробно останавливается на работе Мелетия Смотрицкого **Грамматіки Славенския правилное Сѵнтагма, потщаніемъ Многогрѣшнагѡ Мніха Мелетіа Смотрискогѡ... к' ѣкю** 1619. Из всей предшествовавшей больше компилятивной литературы только на этой книге и можно было остановиться, так как Смотрицкий в свое время стоял на высоте тогдашней учености: хорошо знал греческий, латинский и польский языки прекрасно писал по-церковнославянски. Все последующие составители, церковнославянских грамматик (да и русских вплоть до Ломоносова) только переделывали труд Смотрицкого. Он дал правила орфографии для печатных новоцерковнославянских книг, установил образцы склонений и спряжений (в некоторых случаях и мнимые), которым следовали справщики и корректоры XVII и XVIII вв. К сожалению, он часто не различал западнорусских форм и слов от церковнославянских. В грамматике он отмечает части: орфографию, этимологию и синтаксис. По образцу классических грамматик присоединяет сюда «просодию» — учение **«стіхи слагати»**. С Смотрицким всегда и считается Добровский, больше однако указывая его погрешности и недостатки. Свои Institutiones он почел за нужное обработать по иному плану и методу, пересмотрев склонения и увеличив числа спряжений и расположив их иначе. Ввел он новый отдел — словообразование (quae vocum formas exponit). За Смотрицким он следовал лишь там, где последний указывал верную дорогу.

Таково содержание «Praefatio» к книге Добровского. Оно написано с соблюдением всех методологических приемов. В дальнейшем его книга дала образец для построения церковнославянских грамматик всего последующего периода, вплоть до нашего времени. В ней четыре главные части: I. Введение: буквы, орфография, звуки и ударение; II. Образование слов; III. Склонения и спряжения; IV. Синтаксис. Не то ли мы видим и у Миклошича в его Vergleichende Grammatik и в новейших трудах подобного рода, например Вондрака и др., различающих Lautlehre, Wortbildungslehre, Flexionslehre и Syntax?

Обратимся к содержанию книги.

Первая часть носит название Introductio in Institutiones linguae slavicae. В этом введении идет речь о церковнославянских буквах и их произношении. Начинается оно некоторыми рассуждениями палеографического характера, под которыми можно подписаться хоть сейчас, например: «форма этих букв передает греческие IX в., и чем древнее рукопись, тем это сходство очевиднее» (§ 4 главы 1). Сказано несколько слов и о позднейших изменениях начертаний, особенно в печатных шрифтах. Сведения о глаголической азбуке, с которой Добровский смешивает буквицу вследствие того, что тогда еще не были известны древнейшие глаголические памятники, отличаются неполнотой и неопределенностью. Глаголицу выводит он из кириллицы. Не обошел

Добровский молчанием и передачи в его время славянских звуков латинским письмом.

Переходя к звукам, он начинает с классификации их, причем не смешивает букв со звуками, от чего еще не был свободен М. Смотрицкий (§ 7). Очень правильно поняты йотованные гласные. В частности отмечается йотация є (ѥ), смешение є с ѣ в памятниках русских (§ 10), различение ꙑ и и (§ 11). Буквы ъ и ь Добровским еще не были поняты: он смотрел на них как на «твердый и мягкий» знаки[6], поэтому ъ он обыкновенно опускал на письме (§ 12). Во время приготовления к печати Institutionum знаменитое рассуждение Востокова о славянском языке 1820 г. еще не дошло до Добровского. Непонимание роли ъ и ь равно как и носовых ѫ и ѧ — существенный недостаток рассматриваемой книги, сказывающийся на всем протяжении ее. Явись гениальное рассуждение Востокова несколько раньше, работа Добровского имела бы совсем другой характер. По-видимому, рассказ о том, что, узнав о содержании рассуждения Востокова во время печатания своей книги, Добровский хотел ее сжечь, очень близок к истине, во всяком случае, прочтя рассуждение Востокова, по свидетельству Прейса, он сожалел, что грамматика его появилась в свет слишком рано.

Хотя Добровский везде имеет в виду церковнославянский язык на всем его протяжении и вследствие этого о звуках его делает заключение не только на основании старинных рукописей, но и позднейших памятников, даже печатных, тем не менее дух языка у него везде сознается правильно и характеристики даются настоящие. Так он единственно возможными признает для древнецерковнославянского языка сочетания къі, гъі, хъі, написания с ь после шипящих, с и после ц. И в других случаях употребление, например, ъ и ь при согласных у него обозначается правильно.

Отмечены такие тонкие наблюдения, как появление в некоторых памятниках перед и на конце предшествующих слов звуков ꙑ и и вм. ъ и ь (вѣнчалꙑ и, помажюти и), впрочем, объяснение таких случаев у него еще не вполне определилось (§ 19m). Не прошло незамеченным и написание в некоторых югославянских памятниках с ѣ вм. ꙗ: ѣко, крата вѣчьнаѣ (§ 20n).

О звуке, соответствующем ѣ в церковнославянском языке, еще не сложилось определенное мнение, но зато отмечено его современное произношение у поляков, сербов и отчасти чехов (§ 23).

Установлено правильное наблюдение, особенно подчеркиваемое со временем Ф. Ф. Фортунатовым, что в древнерусских памятниках отсутствует j в таких словах, как оунъ, оуноша и под., не говоря уже об оутро.

Замечено, что из, къз, без, низ, раз перед глухими (п, т, х, к, ц, ч) меняют свое з на с, а перед шипящими подвергаются дальнейшим упрощениям (§ 26, 6). Указано чередование щ и шт (§ 26, 9).

[6] Grassius enim et durius sonant literae, quibus ъ crassum (дебелое) affigi solet, tenuius autem et mollius, quibus ь tenue (тонкое) apponitur. Стр. 17.

II глава посвящена рассмотрению вопросов о благозвучии и перемене гласных и согласных. Факты русского полногласия и соответствия ему в других славянских языках отмечены правильно, но объяснения их еще никакого не дано (§ 1). Также правильно представлено чередование *о* и *а* в глаголах кратных (**бости—бадати**) (§ 2), указано даже изменение *о* в *е* под влиянием j(i̯) (§ 3). И в дальнейшем изложении (§§ 4—8) факты чередования гласных отмечаются правильно. Будущим поколениям ученых оставалось только более или менее рационально объяснить эти явления; из них некоторые, как начальное *о* в русском вместо инославянского є (озеро — єзеро, один — єдинъ) (§ 4г), до сих пор еще не нашли несомненного разрешения.

Так же правильно изложены и так называемые переходные смягчения согласных (§§ 10—15), не дано лишь хронологического распределения их, да не всегда уясняется и настоящая причина названных изменений; все это сделано значительно позже другими лицами, с общим развитием сравнительного языкознания.

Приставка н после предлога к формам местоимения и и в других случаях указана, но еще не объяснена (§ 16). Не знал истинного смысла этой приставки и Миклошич, и лишь Бодуэн де Куртенэ взглянул на дело правильно.

Замена основных славянских слогов ъr̥ — ъl̥ и rъ — lъ понята не совсем правильно, но фактического материала собрано достаточно (§ 18). То же следует сказать и относительно вставочных и приставочных беглых гласных (§§ 19 и 20): неправильности в объяснениях везде от незнания роли ъ и ь в древнецерковнославянском языке.

Распадение славянских языков в отношении смягчения губных на две группы тоже не оставлено без внимания (§ 22).

И для суждения о других фонетических явлениях также собрано немало интересного материала; объяснение его дается конечно больше в наши дни.

В III главе дается рассуждение о тоне или ударении. Правильно отмечается различие между местом ударения в сербском и русском языках. Верно также наблюдение, что в древнейших рукописях знаков ударения не было.

Глава IV — о сокращенных написаниях — имеет значение для палеографии, тем более, что здесь приложены даже снимки лигатур (см. лл. 68—69).

Собственно грамматику Добровский начинает с образования слов (de vocum formatione). Этот отдел, в сравнении с предшествовавшими труду Добровского грамматиками, представляет новинку, являющуюся у последующих авторов аналогичных трудов неизбежной частью. Части слова — корни, приставки, суффиксы, равно простые и сложные слова определяются в общем правильно, но само строение корней рассматривается очень механически, что и естественно, если припомнить, в каком состоянии вообще тогда находилось языковедение. Разбирая слова с разным строением корней, взятые из всего церковнославянского языка (до XVIII в.), Добровский приводит параллели и из дру-

гих славянских языков. По состоянию науки в то время, сопоставления бывают правильные и ложные. Всюду носится, так сказать, в воздухе идея праславянского языка: материал налицо, нужно сделать только отвлечение и обобщение.

Еще несколько частностей.

Говоря об изменении гласного в именах, образованных от глаголов (плету — плот), Добровский замечает, что это изменение не есть произвольное, а происходит secundum analogiae leges (стр. 254). Конечно, чередование гласных в корнях происходит и не вследствие законов аналогии, но образование новых слов всегда происходит по аналогии существующих, — мысль, которая неоднократно выдвигалась в разных трудах, например у Бодуэна-де-Куртенэ и других лиц.

Очень основательная критика дана этимологическим упражнениям президента Российской Академии адмирала Шишкова, который, например, от корня *мр* (мру) производил следующие 25 колен слов: мру, мерлуха, смрад, смерд, смородина, мерзость, мрак, смерчие, морщу, сморчок, морошка, смурый, хмуру, мравий, мурава, мурлычу, моргаю, мараю, морковь, мраз, море, морж, мрежа, мир и міръ (стр. 256—259). В своей критике Добровский выдвигает такие соображения, которые принимает даже теперешнее сравнительное языковедение, например соответствие слав. **с** звуку *к* в родственных языках (**осмь** — octo; **прасѧ** — porcus и т. п.).

Истинное филологическое чутье видно у Добровского, когда он производит король, **краль**, król от собственного имени Карл, имея в виду Карла Великого (240 стр.); eo fere modo, quo illi brada pro *Bart*... dicunt.

II глава посвящена окончаниям слов — производственным суффиксам, на которые оканчиваются именительные падежи всех чисел. Затем рассматриваются звуки, входящие в окончание и других падежей, а также глагольных окончаний.

III глава — имя существительное. Тут разбираются имена существительные «первообразные» и «производные» с разными суффиксами. Главный недостаток, который просвечивает во всем этом отделе, опять зависит от ложного представления о роли **ъ** и **ь** в церковнославянском языке. Слова с основами на согласные и -ū- еще смешиваются (§ 27). Но и тут есть немало правильных наблюдений фонетического и морфологического характера, например о том, что глаголы имеют в корне *е*, тогда как существительные того же корня *о* (**течеши** — **токъ**) (стр. 267, 270) или что **нощть** имеет *щ* из *kt* перед *ь*, ср. лат. nox — noctis (274).

При рассмотрении суффиксов существительных и прилагательных отмечается и их значение (гл. III и IV). Суффиксы числительных совершенно правильно рассматриваются вместе с суффиксами существительных и прилагательных. Миклошич, Буслаев и др. отсюда, несомненно, позаимствовали обильный материал. Числительным и местоимениям посвящены и особые отделы (главы V и VI).

Очень интересна глава VII о глаголе.

Добровский различает две основы глагола — настоящего времени и неопределенного и по последней основе впервые делит глаголы на классы, которых насчитывает шесть. Его деление с некоторыми поправками принято Миклошичем и затем повторялось много раз до С. М. Кульбакина.

При рассмотрении личных окончаний заметно стремление решительно поставить их в связь с местоимениями, даже кое-где приводятся параллели из греческого и древнеиндийского языков.

В причастиях не остались незамеченными даже такие формы, как русск. и чешск. *веда*, *неса* (§ 80).

Добровский же очень точно формулировал древнецерковнославянский супин на **-тъ**, названный Востоковым достигательным, о каковой форме у Смотрицкого нет и упоминания (§ 86). Он же в таблицы спряжения ввел и имперфект (praeteritum iterativum).

Совершенно правильно он устранил произвольно введенное Смотрицким только в подражание греч. формам на — τεον (γραπτέον, λεκτέον), лат. на — dum (scribendum, legendum) так называемое «причастодетие»: **писательно, читательно**, так как подобные формы образуются при посредстве именных суффиксов.

Очень резонно отвергнуто спряжение страдательного залога, так как в церковнославянском имеются лишь причастия страдательного залога (§ 88).

Главы о предлогах, наречиях, союзах и междометиях (VIII—XI вв.) также вносят много интересного и нового, хотя попадаются и неправильные объяснения, например в § 95 происхождения некоторых наречий от имен.

Большое внимание уделено указанию синтаксической роли разных неизменяемых частей речи, например (§ 103): «Союзы отличаются от других частиц не столько наружным видом, сколько употреблением, ибо и наречия употребляются вместо союзов». Правильно объяснено «бы» (стр. 443), хотя закончено объяснение довольно нерешительно.

Словообразование заканчивается экскурсом о сложных словах. Славяне и в древнейшую пору жизни имели сложные слова (**Свѧтославъ, медвѣдь** и т. д.), образованные в народном духе, но еще больше зашло их с принятием христианства от греков. Жаль только, что не отмечен очень искусственный состав многих из таких слов.

Часть об изменении слов содержит в себе главы о склонении и спряжении. По тогдашнему состоянию науки, единственно правильным делением слов на склонения было деление по родам имен и окончаниям. Так и поступает Добровский. Вместо 58 образцов Смотрицкого он делит все слова на 9 склонений, придерживаясь в этом случае окончания родительного падежа.

Так как учение о различии основ склоняемых слов тогда еще не было в ходу, то образование падежей объясняется совершенно механически (§ 4); отсюда появляются и смешанные склонения (например, сло́ва **господь**, 469 стр.). Однако большая начитанность в рукописном материале спасала от неправильных суждений о тех или других окон-

чаниях: везде Добровский различает, например, окончания слов с основами на -ĭ-, от окончаний слов с основами на -i̯a- и под. (§ 12).

Дав образцы склонений существительных и именного склонения прилагательных, Добровский затем в приложении и пояснениях приводит массу примеров на те или другие формы из памятников, чему затем в своей сравнительной грамматике подражает и Миклошич, лишь сопровождая свои примеры более точными ссылками.

Добровский решительно отметил сходство окончаний личных местоимений с падежными окончаниями слов женского рода с основами на -а (-оѭ, -ъı, -амъ, -ами). Отсюда и Миклошич ставит в связь с именным склонением изменение личных местоимений.

Переходя к склонению прилагательных, Добровский первый правильно определил характер его. Тогда как Смотрицкий учил, что краткие формы прилагательных явились через «усѣченіе» полных, Добровский решительно заявляет: «прежде чем представим изменения прилагательных определенных (adjectivorum definitorum), предпошлем им склонения местоимений, потому что первые свое окончание заимствуют от местоимения и (ін). Оно поставляемое на конце прилагательных, заменяет определенный член, находящийся в других языках» (493), Последующим грамматикам осталось более точно определить, как местоименные формы сливаются с именными.

И в дальнейшем (§ 17) даже у местоимений точно отличаются собственно местоименные окончания от сложных.

В склонении местоимений везде основательно исправляется Смотрицкий: формы, вымышленные последним, устраняются (§§ 18, 19, стр. 497 и 499).

В склонении числительных *три* и *четыре*, вследствие того, что автор старается охватить все эпохи церковнославянского языка, наблюдаются некоторые недосмотры, долго затем державшиеся в церковнославянских грамматиках, как, например, им. п. чєтъıриѥ (нигде не встречающееся) вм. чєтъıрє, поддерживаемый и у Миклошича.

В спряжении глаголов Добровский уже не может удовольствоваться двумя спряжениями: со 2-м лицом на -єши и -иши, как было у М. Смотрицкого, а находит необходимым применительно к трем видам причастия настоящего страдательного залога на -омъ, -ємъ, -имъ допустить три спряжения (стр. 518). Это вполне соответствует тому, что и теперь допускается в науке, принимающей, кроме основ на согласные, еще спряжения с окончаниями основы настоящего на -е- (-*не*-), -je- и -i- (несе-ши — двигне-ши, дѣлаѥ-ши, хвали-ши). Но вообще говоря, в спряжении еще много недосмотров, объясняемых слабым развитием языкознания. Таково, например, объяснение рѣхъ, сопоставляемого с «неупотребительным глаголом рѣю, отвечающим греч. ῥέω (549). Неудачны и объяснения личных окончаний -мь, -ть, -ши (-си), -х- в аористе (§ 41).

Отмеченные Добровским особенности в области церковнославянского синтаксиса отчасти согласно со Смотрицким, отчасти и самостоятельно, держатся в ученом и учебном обороте до сих пор.

О некоторых статьях не могу не сказать нескольких слов.

В § 4 впервые высказана мысль, поддержанная затем Потебней, о том, что «звательным падежом заменяется именительный», если мы обращаемся к подлежащему или называем его по имени. Насколько правильно это наблюдение — другой вопрос.

В § 13 устанавливается связь церковнославянских прилагательных полной формы с греческими прилагательными, употребленными с членом.

В § 24 рассмотрены случаи употребления **иже** в церковнославянском языке в разном значении, что затем повторено у Буслаева в синтаксисе и у его последователей.

В § 25 устранены грецизмы, введенные Смотрицким относительно двух отрицаний в предложении, причем восстановлено употребление древнейших рукописей.

В § 47 очень обстоятельно разобраны случаи употребления местного (localis) падежа в церковнославянском и древнерусском языках, причем приводятся примеры даже из Остромирова ев.

В § 48 подчеркнуто широкое значение творительного социативного (в переводе Шевырева — совокупительного), из которого Потебня и многие другие пытаются выводить разнообразные значения творительного.

В § 60 не оставлены без внимания даже такие статьи, как порядок слов.

Таково в общих чертах содержание Institutionum Добровского. Нельзя не видеть всей стройности их системы и глубокого понимания разных частных явлений. Влияние его работы в общем и в частностях на последующие труды других ученых по этому предмету несомненно. Их исследования показали, сколько у Добровского было прозорливости и ученого такта. Если у него попадаются и нередкие промахи, то, помня общее состояние сто лет тому назад языковедения, не станем осуждать его за них, следуя в этом случае известному афоризму, высказанному еще в X в. черноризцем Храбром: **оудобѣе бо ѥсть послѣже потворити, неже прьвое створити** (по списку 1348 г.).

Friedrich Lorentz. GESCHICHTE DER POMORANISCHEN (KASCHUBISCHEN) SPRACHE

(8° большое, XII+236+1 карта. Berlin u. Leipzig 1925)[1].

Немецкая фирма Walter de Gruyter et C°. предприняла издание на немецком языке «Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte» под редакцией профессоров Рейнгольда Траутманна и Максима Фасмера. Книга Ф. Лорентца, заглавие которой выше приведено, является первым выпуском широко задуманной славянской энциклопедии.

Во введении рассматривается область распространения кашубского языка (при устье Вислы), само название (kašëb'i čələ P^{u}om^{u}ořańi, словинцы, поляки), количество населения (до 140 000 чел.), диалекты — основные и переходные, место среди других славянских языков и особенно отношение к польскому, а также к языкам соседей, источники языка и богатая литература предмета. Учению о звуках предпослана статья, касающаяся транскрипции диалектических звуков — гласных и согласных. Далее рассматриваются звуки «поморянских» говоров. Автор везде восходит от прапоморских звуков к современным; но и первые он ставит в связь с праславянскими. Особенности современных говоров он старается проследить по немногочисленным старинным памятникам. Отдел фонетики заканчивается главою об ударении.

В отделе словообразования на кашубском материале рассматриваются способы образования слов и суффиксы существительных с указанием значения слов, образованных при посредстве их; суффиксы прилагательных; способы образования сложных слов; образование местоимений; суффиксы глаголов и образование глагольных основ; образование наречий и предлогов. В отделе флексии даны склонения и спряжения. Последний отдел посвящен синтаксису.

Автор рассматриваемого труда, д-р Лорентц, в настоящее время является большим знатоком языка вымирающих поморских славян особенно словинцев и кашубов. Вся его многолетняя филологическая деятельность была сосредоточена либо на подготовке к изучению их языка,

[1] Изв. ОРЯС, т. XXX, 1925. Л., 1926, стр. 489—492 (*Ред.*).

либо на самом изучении и обнародовании ценнейших данных, являющихся результатом этого изучения.

Очень рано мы встречаемся с ним, как с деятельным сотрудником Ягичева журнала «Archiv für sl. Philologie», где он поместил между прочим ценные статьи относительно судьбы носовых гласных в славянских языках («Die Behandlung der Lautgruppen *in*, *un* + Consonant im slavischen», т. XVIII) и в польской группе в частности («Die polnischen Nasalvocale», т. XIX); тут же печатаются его статьи по разным вопросам славяноведения, особенно касающиеся кашубских и словинского говоров (ср. т. XXVI, XXVII). В то же время для него открываются и страницы филологических журналов Бецценбергера и Куна; в первом он, например, касается общих вопросов языкознания о продлении гласных перед *-ns* («Vokaldehnung vor tautosyllabischen *ns* im Arischen». B. Beitrage, XXI); в Zeitschrift Куна он между прочим среди разных мелочей, больше этимологического характера, дает в иностранных журналах впервые правильное объяснение праславянского *vьsь, omnis' (т. XXXVII).

Но все свое внимание он все же сосредоточивает на славянах Померания. Будучи хорошо знаком с литературой по этому предмету, содержащей наблюдения русских, польских и др. ученых (Гильфердинга, Рамульта, Нича, Розвадовского и др.), он сам постепенно входит в эту область, печатая свои статьи на немецком языке в Archiv Ягича (например, «Das gegenseitige Verhältniss der sogenannten lechischen Sprachen», т. XXIV), в Mitteilungen des Vereines für kaschubische Volkskunde и в др. до Zeitschrift Фасмера включительно; на польском в местном журнале Gryf и отдельными статьями (например, «Polskie i kaszubskie nazwy miejscowości na Pomorzu kaszubskiem». Познань, 1923); и даже в русских изданиях — ЖМНП: «Славяне в Померании» (1903 г. янв.), в ИОРЯС: «Исчезнувший диалект поморский» (1912 № 4). Но главные его работы возникли при содействии незабвенного А. А. Шахматова на средства Отделения русского яз. и словесности АН, это: «Slovinzische Grammatik» (СПб. 1903. 8°. XX + 392), «Slovinzische Texte» (1905. 8°. VI + 150) и прекрасный двухтомный «Slovinziches Wörterbuch» (СПб. 1908—1912. 8°. IV + 738, IV + 1554). Завершением всех его трудов по языку поморских славян является разбираемый нами его труд. Естественно, что в рассматриваемой книге автор дает богатый, строго проверенный материал по народному языку данной местности. Везде фактическое изложение; фантазии представляется мало места. Взгляды автора в общем отличаются научностью.

Рассматриваемая языковая область ближе всего к польскому языку и относится она к северо-западной группе славянских языков. Она дает много интересных данных для решения вопросов о первоначальной группировке и взаимоотношениях славянских племен; для суждения о праславянском языке; таково, например, присутствие в нем форм с -ar- (Starogarda, словин. pârχ, pắrγ, vārnă, vŭǫrd и т. д.), -al- (словин. pė·u̯kăc полоскать, каш. mŏu̯kŏ). Но и для специально русского языковеда она дает много такого, на что нельзя не обратить

внимания и над чем приходится иногда задуматься. Всем известна статья покойного казанского слависта Н. М. Петровского: О новгородских «Словѣнахъ», напечатанная в XXV т. ИОРЯС, посвященном памяти А. А. Шахматова, в свое время мало обратившая на себя внимания, хотя она побуждала пересмотреть многие вопросы, считавшиеся уже окончательно решенными со стороны очень компетентных историков русского языка. Возможно, что кто-либо и предпримет такой пересмотр хотя бы в духе теории Иоганна Шмидта или в более радикальном направлении. Вряд ли он не найдет необходимым, в дополнение к приведенным у Петровского соображениям, принять во внимание, например, такие черты поморских говоров, как приведенные в рассматриваемой книге Лорентца нижеследующие: vω^{ł}k, pω^{ł}nï, Dω^{ł}ǵė, kω^{ł}ṕino, kω^{ł}bωsa, слов. kĕu̯bėu̯sa, vω^{ł}na, mω^{ł}čec, čω^{ł}n, pėu̯nï, словин. vė·u̯k и т. п.: или i̯izba, i̯istäbka (летописное истобка при южновел. хата); или смешение c, ʒ, s с č, ǯ, š: čekavï — cekavï, často — casto, ščiř — sciř, šlůb — slůb, škło — skło; или ůš при польск. już- или суффиксы -ůšk^{u}o: sĕrdůšk^{u}o, słonůško; išče при польск. isko: u̯ogńišče łóvišče, grabləšča, bab'išče; domišče; -icėl: k^{u}ṕicėl, nau̯učəcėl, prosəcėl, stw^{u}ořəcėl; или в склонении местоимений формы местного: ceb́e ceb́i, seb́e и tob́e, sob'e; род. ед. täw^{u}o, i̯ew^{u}o, k^{u}ow^{u}o, čew^{u}o; m^{u}oi̯ew^{u}o, našew^{u}o, mėw^{u}o, i̯ednäw^{u}o; есть родит. п. и на — *ho*; то же и у имен прилагательных: novėw^{u}o. Любопытно, что в родит. рядом с — *ho* билабиальное *w*.

В изданных Лорентцом двадцать лет тому назад «Slovinzische Texte» (СПб., 1905) встречаем любопытные параллели и по народной словесности, почти буквально сходные с соответствующими русскими. Назову сказки: «Лисица, волк и рыболов» (36—37) или прототип сказки, легшей в основу Пушкинской сказки «О рыбаке и рыбке» (113—115).

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ И БРОШЮРАХ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ[1]

Mladenov Stefan, Dr. Prof. an der Universität Sofia (Bulgarien). Geschichte der bulgarischen Sprache. Gross — Oktav. XII, 354 Seiten. 1929. Verlag von Walter de Gruyter & Co., Berlin W 10 und Leipzig (Grundriss der slavichen Philologie und Kulturgeschichte, herausgegeben von Reinhold Trautmann und Max Vasmer. Band VI)

Новый труд Ст. Младенова стремится полностью охватить историю болгарского языка. Автор — известный языковед; вследствие этого его книга дает историю болгарского языка, основанную на новейших данных изучения этого языка силами лучших славистов. Книга начинается интересным введением, в котором рассматриваются границы распространения болгарского языка и народа, поселение болгар на Балканском полуострове, их численность, этнографические и лингвистические отношения к другим народам — древним и современным (фракийцам, румынам, другим славянским племенам); далее указываются характерные черты болгарского языка, рассматриваются периоды, на которые распадается его история, диалектические черты, неславянские элементы в языке болгар; затем идет история изучения болгарского языка с древнейших времен и до последних дней со стороны славистов старых и молодых поколений, иноземных и болгарских. Источники по изучению истории болгарского языка даны не в сухом перечислении, а в генетической связи и с соответствующими характеристиками. Тут рассматриваются источники по изучению доисторического состояния болгарского языка, по исследованию тюрко-татарских элементов в болгарском языке, источники для знакомства с древнеболгарским языком — глаголические и кирилловские, среднеболгарские памятники с разделением их на группы по местностям, где они могли возникнуть (классификации Цонева и Кульбакина), материалы для знакомства с новоболгарским языком, начиная с XVII в. — с литературным и на-

[1] «Известия по русскому языку и словесности», 1929, т. II, кн. 2. Л., 1929, стр. 739—748 (*Ред*).

родным; изучение болгарских диалектов. Везде приводится обширная литература предмета. Введение заканчивается рассмотрением расселения болгарских славян на Балканском полуострове в Дакии и Паннонии; тут же имеется очерк заимствований из болгарского языка в румынском, мадьярском, в новогреческих говорах и албанском языке. Общая характеристика славянского языка Кирилла и Мефодия составляет особый параграф; к нему примыкает и рассмотрение церковнославянского языка в других славянских землях с указанием разных редакций древних памятников. Не оставлены без внимания и заимствования болгарским языком у других соседей. Изменением болгарской области в течение столетия, а также указанием на отличия в языке мусульман, католиков и протестантов из болгар заканчивается отдел. Хотя введение (стр. 1—77) при своем широком размахе не отличается соответствующей полнотой, этот недостаток искупается тем, что приводимые примеры строго проверены и что везде дана обширная литература предмета. Подробности во многом восполняются последующим изложением. Интересно изложена история гласных звуков (78—131). Отметив, что болгарскому языку, как и русскому, свойственно эспираторное ударение, автор рассматривает историю отдельных древнеболгарских звуков, сопоставляя их с праславянскими и основными индоевропейскими; дальше дается судьба каждого такого звука в среднеболгарских памятниках и в современных болгарских диалектах. Русскому исследователю бросается в глаза сходство болгарской редукции гласных с южновеликорусской и белорусской. Становится ясным, что одни и те же явления происходят в обоих языках при сходном положении. Что касается в частности белорусских говоров, то естественно припоминается одно сопоставление, на которое в свое время обратил мое внимание М. С. Дринов: именно, что одно из основных племен, вошедших в состав белорусов, — дреговичи — должно быть родственно племени δραγουβίται, жившему у Солуни, где была родина Константина и Мефодия, положивших местное наречие в основу литературного древнеболгарского языка. Вообще исследователь истории русского и белорусского языков в соответствующих местах труда проф. Младенова найдет много интересных параллелей.

То же отчасти следует сказать и относительно отдела согласных. Так, к удивлению, в новоболгарском имеем *черево*, *черета*, *черен* (чирен), *череп*, *черясло* и др. с полногласием, встречаем случаи отвердения, *р* (стр. 132), пропуск между гласными u̯ из v (стр. 138, 227), которого нельзя не привлечь к объяснению редких белорусских образований, вроде *дзякей* (дат. п. ед. ч. из *дзякеви*). Вообще разные изменения в области согласных в живых болгарских диалектах очень разнообразны, вследствие чего в них можно подыскать параллели к разным диалектическим чертам русского языка (ср. 146 стр. о смешении *ч* и *ц*, как в северновеликорусском, пропуск *ж* между гласными, стр. 153, как в белорусском: *кае* — *каже*, *мое* — *може* и др.).

Очень ценный отдел, на который обыкновенно мало обращали внимания в истории языка, составляет Die Akzentverhältnisse (155—181),

где вкратце рассмотрены разные вопросы, связанные с праславянским, древнеболгарским и современным болгарским ударением. Для изучающего историю русского ударения здесь можно найти много интересных параллелей и указаний. Древнерусские памятники, имеющие на себе знаки ударений, часто повторяют именно староболгарские оригиналы, хотя иногда отражают и черты разных диалектов и наречий русского языка. Это особенно следует иметь в виду при изучении белорусских и украинских памятников XV—XVIII вв.

История словообразования (Wortbildung, 182—213) изложена по принятой в науке системе также очень детально: не только на основании фактических данных болгарских говоров, не только на основании старинных древнеболгарских памятников и теоретически построенных праславянских форм, но везде приводятся и параллели из материалов индоевропейского языкознания. С точки зрения славянского читателя эти углубления иногда чрезмерны: корни слишком упрощаются и ничего не говорят об основном значении известных категорий слов. Сравнительное языкознание, конечно, все такие сопоставления не может не одобрить.

Историческая морфология дает обзор склонений и спряжений древнейшего времени и их отражений в современном болгарском языке. В склонениях имен объяснения древнеболгарских форм общепринятые. Недостаточно выяснена форма им. п. мн. ч. основ на *ā*, ы которого, при ѧ — ѩ в мягком различии, не может быть выведено из основ. индоевр. -ās (стр. 237). За рассмотрением склонения местоимений, прилагательных (и степеней сравнения), числительных, употребления члена дается обзор болгарских глагольных форм, а также неизменяемых частей речи (249—271). Везде приводится обстоятельная литература предмета.

В очерке синтаксиса (272—314), в основе которого лежит учение о предложении — простом и сложном, рассмотрены разные синтаксические явления древнеболгарского языка и соответствующие им отражения в современном болгарском языке.

Заключительные главы (315—352) посвящены исследованиям болгарских говоров. Здесь, кроме указания отличительных их черт, рассматриваются и исследования, посвященные тому или другому говору. Ввиду сравнительно небольшой территории, занимаемой болгарским языком, и большого количества ученых из болгар и других (ср., например, стр. 432) болгарские говоры исследованы всесторонне. Выдвинута даже проблема о географическом распространении тех или других слов (§ 200). Несколько слов уделено истории старинного и новоболгарского письменного языка (§ 201—203). Заканчивается исследование указанием еще предстоящих задач для историка болгарского языка.

ЯЗЫКОВЕДЫ-СЛАВИСТЫ

МИТРОФАН АЛЕКСЕЕВИЧ КОЛОСОВ

Из истории русского языковедения [1]

21 декабря 1878 года Варшавской цензурой была разрешена к выходу в свет 1-я книжка вновь нарождавшегося ученого журнала под редакцией М. А. Колосова «Русский филологический вестник». Предметами журнала были намечены: язык, народная поэзия и древняя литература славянских племен, преимущественно русского народа. Принять участие в новом журнале своими трудами обещали Ф. И. Буслаев, И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, Я. К. Грот, Л. Н. Майков, В. В. Макушев, О. Ф. Миллер, И. С. Некрасов, А. А. Потебня, И. И. Срезневский, А. И. Смирнов — из русских ученых, а из заграничных — Гейтлер и Крек. В первой же книжке журнала некоторые из них и поместили свои работы (Срезневский, Грот, Макушев, Потебня, Колосов).

Не легко было на первых порах вести специально филологический журнал с узкой программой. Материальные затруднения (в первый год было всего 189 подписчиков), нападки на издание, выходившее без ъ, по-видимому, пророчили недолговечность новому журналу; но денежная субсидия, оказанная Министерством народного просвещения, энергия и уменье редактора, не унывавшего при невзгодах, дали возможность журналу отстоять свои права на существование: он не только благополучно выдержал первый год, но даже в вполне удовлетворительном состоянии перешел со второго года (1880) к новой редакции проф. А. И. Смирнова, так как Колосов, вследствие приступов чахотки, от которой он вскоре и умер (14 января 1881 г.), не имел физической возможности продолжать издание.

Новый филологический журнал сразу обратил на себя внимание русских ученых, которые и не замедлили своими работами принять в нем самое деятельное участие. Редко кто из занимающихся в последние 25 лет русским языковедением не печатал в нем своих диссертаций, статей или заметок. Слишком долго пришлось бы перечислять имена

---

[1] РФВ т. L, 1903, стр. 1—41. Отд. оттиск — Варшава, 1903 (*Ред.*).

умерших и доныне здравствующих русских академиков, профессоров, преподавателей и вообще ученых, принимавших участие в Вестнике. Недостатка в ученых работах, особенно в последнее время, нет. Эта нравственная поддержка, оказываемая наследию Колосова, при отсутствии материальных выгод от издания, побуждала редакцию продолжать журнал. Настоящий том — L-й — заканчивает 25-й год издания. Самое лучшее, по нашему мнению, и начать его заметками об ученой деятельности первого редактора этого журнала.

Жизнь Колосова, часто полная глубокого трагизма, была непродолжительна (всего 41 год), а ученая деятельность обнимала лишь 13 лет[2]. Но и в этот короткий промежуток времени им написано немало ценных произведений. Место Колосова в истории русского языкознания в настоящее время уже более или менее точно определено в трудах А. А. Котляревского («Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения», № 66), И. В. Ягича («Критические заметки по истории русского языка». СПб, 1889, 7—9), П. В. Владимирова («Пятидесятилетие «Мыслей об истории русского языка»». Киев, 1899, 15—16, 17—19), С. К. Булича («Русский язык и сравнительное языкознание» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Россия, 832) и других работах.

В настоящее время, спустя почти 25 лет после смерти Колосова, когда русское языкознание, под влиянием развития общего языковедения, сильно ушло вперед, определять место прежних работников науки можно только применительно к их времени: в наследие для нас от них осталось немного; но роль их в общем развитии науки все же имеет свое значение, и пропустить их без нарушения цельности исследования невозможно. В частности, говоря о Колосове, следует помнить, что он кончил курс в Харьковском университете еще в 1865 г., только два года спустя после учреждения кафедры сравнительного языковедения в университетах; в Харькове на первых порах она и не была замещена, и Колосову сравнительного языковедения слушать не приходилось; чтения П. Лавровского хотя и были очень солидны, но все же по общему языкознанию почти ничего не давали. А. А. Потебня в это время еще только приступал к систематическим занятиям языком. Колосову приходилось самому пробивать себе путь в этой области.

В ученой деятельности Колосова можно отметить три рода работ: а) по старославянскому и русскому языкам вообще; б) по русской диалектологии и в) по русской словесности.

---

[2] Материалы для биографии: некрологи в РФВ, V, 1881 г., 208—218, А. С.; в «Новороссийском телеграфе», № 1816, ст. Асотского; там же, № 1880, ст. А. А. Кочубинского; в «Тавриде» 1881 г., № 13 и 14, ст. Шатова; в «Южном крае». 1881 г., № 28, ст. Потебни.

I

К первой категории относятся работы:

1) Старославянская грамматика. 1-е изд. 1868 г. При жизни автора выдержала 9 изданий. Новые издания, крайне неаккуратные, выходят до последнего времени;

2) Могут ли йотироваться ꙑ и ѣ? («Филол. записки», 1870 г., 1—6 стр.);

3) Вступительная лекция («Варш. ун. изв.», 1871 г., № 4, 1—16 стр.);

4) Отношения гласных звуков в старославянском языке. Воронеж, 1871 (Перепечатано из «Филол. записок», 1—8).

5) Звук ꙑ в его отношениях к ѹ в старославянском языке. Воронеж, 1872 (Перепечатано из «Филол. записок», 1—11).

6) Заметки о звуках русского и старославянского языков (По поводу 3-го издания Исторической грамматики Буслаева и 1-го тома Сравнительной грамматики Шерцля). Воронеж, 1872 (Перепечатано из «Филол. записок», 1—29).

7) Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие. Варшава, 1872. XII+192.

8) Загадочные звуки в истории русского языка. Варшава, 1876 (из «Варш. ун. изв.», 1876 г., № 6, и 1877 г., № 1). По поводу книги Житецкого «Очерк звуковой истории малор. наречия».

9) Почему в родительном падеже единственного числа прилагательных и местоимений окончание *-го* (*-аго*, *-ого*) сменилось на *-во* (*-аво*, *-ово*)? («Филол. записки», 1877 г., 71—74).

10) Отзыв о книге Будиловича. Первобытные славяне (РФВ, I, 108—112).

11) Отзыв об «Archiv für sl. Philol.» Ягича (РФВ, I, 302—314, II, 139—144).

12) Об изгнании ъ из русской орфографии (РФВ, I, III—VI, 317—320).

13) Отзыв о книге Малинина. Исследование Златоструя по рукописи XII в. (РФВ, II, 144—147).

14) Указатель и конспект книги Миклошича. Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. Wien. 1868—74. (РФВ, II, Педагогическ. Отд., 70—87, 97—109).

15) Зографское евангелие, изданное Ягичем (заметки о языке. РФВ, II, 271—280).

16) Отзыв о работах Миклошича. Altslovenische Lautlehre. Über den Ursprung der Worte von der Form altslov. trъt. Über den Ursprung der Worte von den Foren altslov. trět und trat. Über die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen (РФВ. II, 281—285).

Из перечисленных работ №№ 10, 11, 13, 14, 15, 16, как представляющие из себя незначительные отзывы, хотя бы и с некоторыми соображениями по языку, рассмотрению не подлежат. Да и из осталь-

ных работ некоторые трактуют об одном и том же, преимущественно об ѣı и ѣ, а затем о так называемом возвышении гласных (ср. №№ 2, 4, 5, 6, 8). Таким образом, здесь нам приходится говорить: а) о взгляде Колосова на ꙑ, ѣ и чередование гласных; б) об «Очерке истории звуков и форм русского языка»; в) об окончании родительного *во*.

В настоящее время, когда прочно установлено соотношение старославянских и основных славянских звуков со звуками других языков индоевропейской семьи, многие из тех вопросов, которые поднимались в 60-х и 70-х годах, решаются совершенно просто. Многие явления, которые тогда переносились даже не на почву основного славянского языка, а на старославянскую, теперь отодвинуты на почву индоевропейского праязыка: там они легко объясняются; подобные славянские явления представляют лишь отражение старины, а не происходят по воображаемым законам, например, старославянского языка. Сказанное относится прежде всего к чередованию звуков в основном индоевропейском языке, где в одних и тех же корнях, а иногда и в суффиксах, в зависимости от разных причин, больше акцентных, чередовались гласные краткие с долгими и с дифтонгами. Иначе на дело смотрел, согласно духу своего времени, Колосов: он говорит об усилении старославянских звуков, о возвышении одного в другой (ъ — о — а, ъ — ꙑ — оу, ь — и — ѣ); это «усиление» на старославянской почве кажется ему до того прозрачным, что он решается даже применить математический метод к выражению соотношения звуков: «Эта последняя сторона науки о языке (та часть языкознания, которая исследует звуки, представляющие ряд чисто физиологических явлений), имеющая материалом своих исследований непосредственные явления природы, развивающиеся и видоизменяющиеся без участия человеческой воли, думаю, может допустить названные приемы (математические формулы) и даже должна пользоваться ими» («Отношения гл. зв. в старослав. яз.», 1) Приведя отмеченные раньше соотношения, он и заключает: «Ясно, что если *о* $>$ *ъ*, то и *оу* $>$ *ы*» (3). Теоретически приведенное выражение правильно, но на самом деле нет: переведя указанные отношения на основные звуки, мы получим ŏ $>$ ŭ (а в некоторых случаях того же ŏ), eu̯ $>$ ū. А уж решительно неправильны с нашей точки зрения пропорции, приведенные в той же работе на стр. 4:

ъ : ъ = о : ы = а : оу (1)
ъ : ь = о : и = а : ѣ (oj) (2)
ъ : ь = ы : и = оу : ѣ (ов : oj) = ав : aj (3).

Переведя эти пропорции на основные звуки, получим:

ŏ : ŭ = ŏ (ă) : ū = ō (ā) : eu̯ (1)
ŏ : ĭ = ŏ (ă) : ei̯ = ō (ā) : oi̯ (2)
ŭ : ĭ = ū : ei̯ = eu̯ : oi̯ = ōu̯ : ōi̯ (3).

А между тем рассуждения у Колосова везде ведутся строго логически; неверны лишь те посылки, из которых делаются выводы; а неправильны они вследствие неверного взгляда тогдашнего языковедения на звуковые явления. Колосов слишком полагался в этом случае на

своего учителя Лавровского (19, Заметки о звуках...). А между тем, когда Буслаев говорит лишь о перемене гласных одного в другой, у него больше филологического чутья (ср. 5-е изд., I, 53—54).

По той же причине и с тою же логичностью говорит Колосов и о разложении оу, ѣ, ж, ѧ, чего на славянской почве никогда не было и быть не могло, так как известные основные сочетания eu̯, oi̯, on, en имели двоякие замены на славянской почве в зависимости от того, стояли ли они перед гласными (ов, оj, ъм, ьм) или перед согласными, а также на конце слов (оу, ѣ, ж, ѧ; вместо последних двух в известном положении ъ и ь). С математическою точностью эти небывалые разложения лучше всего формулированы в старославянской грамматике (§§ 11, 14) и, к сожалению, до сих пор кажутся многим составителям школьных учебников очень убедительными и с такою же убедительностью затем переносятся в головы учащихся, так что в высших учебных заведениях приходится положить немало труда для удаления подобных законов из без того небольшого запаса сведений учащейся молодежи.

Но если оставить в стороне эти два существенные недостатка отмеченных статей Колосова, так как причина их не зависела от него, то и в перечисленных работах можно найти немало ценного, не утратившего своего значения до сих пор. К таким положениям относятся суждения о тех явлениях, которые развились на славянской почве, например, изменение гласных о, ъ, ѣ, ы под влиянием *j* и предшествующих смягченных согласных; изменение ъ и ь под влиянием следующего *j*, объяснение форм, вроде **люблѭхоути и, проводихомъı и**, как «явлений того же рода, что **добрыи** вм. **добръи, вышьнии** вм. **вышньи**» («Заметки», 5): все это у Колосова определено очень точно, и новейшее языкознание внесло лишь некоторые поправки в мелочах (ср. «Могут ли йотироваться ы и ѣ», «Заметки о звуках русского и старославянского языков»).

Местами и в малых работах высказываются такие общие положения, которые в то время были безусловной новостью, а для некоторых остаются таковою даже до сих пор, например: «грамматика не есть наука о буквах, а наука о звуках» («Могут ли йотироваться ы и ѣ»); «неправильностей в языке нет и быть не может, как их нет и быть не может в природе неискаженной; исключения же возможны из дурнопостроенных грамматических правил, а не из законов, действующих в языке» («Вступительная лекция», 4); мне кажется не лишен значения и вывод относительно того, что «результаты, добытые заключениями от последующего к предыдущему, от позднейшего к древнейшему, не могут служить исходными точками при объяснении позднейших фактов языка» (ib., 10). Такое заключение сделано в виду возможности построения на основании сравнения родственных языков первоначального типа данного языка. Таким путем, по мнению Колосова, можно подойти только до некоторой степени к первоначальному типу известного языка.

Достоинства и недостатки главного труда Колосова в рассматриваемой области: «Очерка истории звуков и форм русского языка» уже в до-

статочной степени указаны как в подробном разборе его у А. А. Потебни. К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876, так и в общих обзорах, указанных мною раньше. «Очерк» Колосова представляет первый систематический свод данных, касающихся звуков и форм русского языка, начиная с древнейших памятников и оканчивая XV столетием. Эта задача и выполнена им очень тщательно и вполне добросовестно, насколько это можно было сделать в Варшаве, где нет рукописей, и при том в то время, когда о палеографически точном издании старинных памятников мало заботились. Все, что было сделано по изучению старинных памятников Востоковым Срезневским, Буслаевым, Лавровским, у Колосова принято в расчет. Приводимые звуки и формы попутно также объясняются. Автор имел в виду также указание филологических признаков, кроме палеографических данных, по которым можно отнести памятники к тому или другому веку. Кое-где Колосов обмолвился и относительно принадлежности известных черт, более особенных, северному — новгородскому или южному — малорусскому наречиям.

Недостатки своего сочинения автор отчасти и сам сознает. Он не пишет истории русского языка, так как задачи ее слишком обширны и появление ее невозможно даже в близком будущем. «Мы находимся еще в периоде собирания и предварительной разработки материала» (IV). Исторический очерк, по мнению Колосова, представляет лишь систематический свод тех данных, которые рассеяны во множестве изданных памятников. Но если мы приглядимся к системе, принятой Колосовым, то увидим, что она очень механическая: изложение фактов языка по столетиям слишком неудобно для уяснения развития тех или других явлений и распространения их в известных местностях. Сказанное станет ясным, если мы перенесемся в историю народа: какое представление о развитии, например, русской жизни мы получили бы, если бы стали излагать события, последовавшие хотя бы после смерти Ярослава, по годам, а не по отдельным княжествам, и не применяясь к тем деятелям и основным явлениям, возле которых они группировались. Таким образом, в рассматриваемом отношении все содержание очерка представляется отрывочным и, вследствие немногочисленности обнародованных тогда источников, нуждающимся в дополнениях, новой группировке материала и поправках. Две части книги — обзор особенностей древнерусского языка и свидетельства памятников — не связаны между собою: в первой части рассматриваются отличительные черты древнерусского языка, как они указаны разными учеными, во второй излагаются особенности разных памятников.

Объем задачи своей Колосов определяет словами: «Мы следим за изменениями не всего русского языка, а только великорусского», а между тем в исследовании вопрос о разделении русского языка на наречия не рассмотрен, равным образом не отмечено, и какие памятники относятся к тому или другому наречию. Предугадывая подобный упрек со стороны читателей очерка, Колосов (VIII) по вопросу о времени разделения русского языка на два главные наречия с уверен-

ностью заявляет: «не считаем возможным со стороны кого бы то ни было решительно в настоящее время ответить на этот вопрос». Как отметил в своем разборе рассматриваемой книги Потебня, и при имевшихся в то время средствах отмеченный вопрос мог быть довольно определенно решен: «можно теперь наверное сказать, что разделение русского языка древнее XI века, и вся история его, основанная на свидетельстве памятников, имеет диалектологический характер, и есть история русских наречий, в том числе и наречий письменных, к которым принадлежит и нынешний литературный язык» («К истории звуков», I, 2). Исследования последующих ученых, основанные на детальном изучении рукописного материала и свидетельств летописей (Соболевский, Шахматов и др.), дали возможность не только определить время распадения русского языка на наречия, но и указать старые диалектологические группы и обозначить даже памятники, писанные в той или другой области. Впрочем, Колосову в той обстановке, в какой он работал, нельзя было ничего подобного сделать.

Огульное распространение особенностей древних памятников на весь русский язык было причиной того, что некоторые черты, характеризующие лишь отдельные наречия, были приписаны всему древнерусскому языку, такова, например, мена *у* и *в* (14), принадлежность лишь некоторых говоров (новгородского, смоленско-полоцкого и, должно быть, галицко-волынского). Распространение добытых результатов из разных памятников на весь русский язык один из существенных недостатков работы Колосова.

Выставив в предисловии (IX) верное положение о том, что «от настоящего *можно* заключать к прошедшему, но *должно* лишь тогда, когда это прошедшее само не представляет нам достаточных данных для суждения о нем», Колосов слишком понадеялся на свидетельства своих источников и не привлекал для сравнения диалектологических данных живых русских говоров. Особенно полезны они были бы в тех местах, где идет речь о фонетике языка, так как о древних звуках и можно судить лишь по теперешним, а не по сбивчивым показаниям славянорусской письменности.

И сравнения с другими славянскими языками, хотя бы в самых незначительных размерах, напрасно не привлечены к делу. Тогда не пришлось бы допускать неестественных объяснений, например, причастия на *-а* (*мога*), род. п. ед. ч. ж. р. на *-е*, *-ѣ* (*недѣлѣ*) и др. (ср. стр. 60, 69 и др.).

После этих общих замечаний обратимся к некоторым частностям.

По поводу начального о вм. ѥ в русском языке Колосов приходит к заключению (16), что древнее старославянское ѥ; русское *о* вм. старославянского ѥ «должно быть объяснено из нелюбви русского языка начинать слова с этого последнего звука». В выноске к этому месту он совершенно основательно прибавляет, что это не есть еще окончательное объяснение явления. Действительно, до сих пор еще не уяснена окончательно причина этого явления в русском языке даже после известных наблюдений над ним Фортунатова и Шахматова. Перемена

начального *е* в *о* в славянских словах еще кое-как может быть объяснена, но подобная мена в заимствованных иностранных словах, особенно в собственных именах (*Овдотья*, *Офросинья* и т. п.) может быть объясняема пока только нелюбовью древнерусского языка к начальному ѥ или точнее к є, так как в иностранных словах ѥ даже в древнерусских памятниках обычно не встречается.

В области глухих, кажется, впервые точно установлено различие таких написаний, как **блъха, кръвь** (= соврем. русск. *блоха́*, *кровь*) и **плъкъ, тръгъ** (древнерусск. *пълкъ*, *търгъ*) и указана причина различия их огласовки. Этого явления не касался в своей известной статье о полногласии П. Лавровский.

Рассуждая об отражении носовых в русском языке (30—31), Колосов значительно опередил свое время в том отношении, что в появлении, например, *ен* на месте ѧ он усмотрел «только след некогда существовавшего ринезма в общеславянском языке», а не русском. Припомним, что И. И. Срезневский в «Мыслях» о юсах и русском языке выражался так: «И в новом своем виде они сохранили свою характерную особенность превращаться в *н* и *м* (например, дути — дъму, жати — жьну)» («Мысли»[2], 21). Почти то же повторяет Буслаев в «Истор. гр.» даже в 5-м изд. (1881), I, 46—47. Высказывая приведенное выше положение, Колосов не восстает решительно и против мнения Гатталы («Čas. mus. Kr. českého», 1862, I, 138—139) о том, что в древнейшую эпоху древнерусский язык знал носовые, так как на месте иностранных слогов *an*, *am*, *in*, *im*, *un*, *um* в словах заимствованных в дошедших до нашего времени памятниках стоят *я* и *у*, а не слоги с носовыми (ср. у Колосова, 30, вын. 4).

В статье о древнерусском *ѣ*, в заключении, высказывается впервые мнение, в настоящее время все более и более упрочивающееся, что общерусской заменой ѣ был дифтонг *ie*. «Допущением такого посредствующего звука можно было бы в равной степени объяснить как великорусское *е*, так и малорусское *i*. Последнее могло развиться в малорусском вследствие преобладания в вокализме этого наречия нёбного элемента» (38). Но и это предположение высказано очень осторожно с прибавкой: «Заметим однако, что на основании памятников доказать сделанное предположение невозможно: в них на месте *ѣ* является *ѣ* или *е* или *и*, но никогда *ie*».

В статье о замене др. *dj* и *tj* посредством *ж* и *ч* в древнерусском Колосов приводит соображение Буслаева (заметим от себя — удержанное и в последнем издании 1881 г., I. стр. 71) о том, что «замечательный остаток смягчения *т* в *щ* в древнерусском языке предлагают формы *вещий* (эпитет князя Олега и певца Бояна в С. о п. И). — и *провещать*, в былинах: провещится (проговорит)». Это соображение Буслаева вызывает в нем недоумение, так как «непонятно, как из *тj* могло явиться такое звуковое сочетание» (47). В выноске (ib.) он только указывает мнение Потебни, что «русские писцы, заимствуя из старославянского *шт*, *жд*, изменяли *шт* в *щ*». Буслаев относительно приведенных им слов мог бы сослаться еще на белорусское

могилевское «отвещать», однако и эта ссылка не свидетельствовала бы об архаичности для русского языка *щ*, так как в тех же могилевских говорах есть еще «отвестить», которое своим *-ст-* дает ключ к пониманию отмеченных Буслаевым слов: в них *щ*, если не заимствование из церковнославянского языка, то плод смягчения *стj*, что по-русски всегда дает *щ*.

Рассуждая о том, какой звук обозначает *г* древнерусских памятников (g или h), Колосов после рассмотрения всех относящихся к этому вопросу мнений, приходит вполне основательно к заключению, «что решение поставленного вопроса принадлежит будущему» (53). По поводу такого вывода мы можем сказать, что и теперь этот вопрос еще не решен окончательно. Несомненно, что для общеславянского праязыка придется предположить звук g, но и звук h возможно допустить диалектически в произношении некоторых лингвистических единиц, а также в некоторых отдельных формах (например род. на *-hо*). Вероятно, приблизительно в таком состоянии было дело и в общерусскую эпоху. В IX—X вв. южнорусская и западнорусская группы (древляне, волыняне, может быть поляне, затем дреговичи, радимичи, вятичи, северяне) уже знают только *h*. Доказательством этого служат показания современных белорусских, южновеликорусских (кроме смешанных) и малорусских говоров. В подтверждение того, что южнорусы уже в X в. знали *h*, говорит, по нашему мнению, также известное место из Константина Багрянородного (De administrando imp., 9): καὶ κατέρχονται εἰς τὸν ἕτερον φραγμὸν τὸν ἐπιλεγόμενον Ῥωσιστὶ μὲν Οὐλβορσί, Σκλαβινιστὶ δὲ Ὀ σ τ ρ ο β ο υ ν ί π ρ α χ, ὅπερ ἑρμηνεύεται τὸ νησίον τοῦ φραγμοῦ. Также и пятый порог у него называется Β ο υ λ ν η π ρ ά χ В обоих случаях -πραχ несомненно **прагъ**; значит, в этом слове **г** произносилось сходно с χ. Позаимствовать такое произношение у югославянских племен Константин Багрянородный не мог, так как они знали **г** = g. Такое заключение не противоречит тому выводу истории языка, по которому первоначально русскому языку свойствен был звук **г** = g (ср. А. И. Соболевского «Лекции[2], 45). Древний летописец писал вместо Hakun — Акун, вм: Gunarr — Гунарь потому, что такое чтение он находил в своих пособиях новгородского происхождения, где жили русские славяне, знавшие g. Да, кроме того, в Киеве, лежавшем на великом водном пути «из Варягъ въ Грекы», при постоянном передвижении князей и при сборном характере их дружины, могли уже в старину говорить на смешанном наречии, не предке нынешнего малорусского (ср. Шахматов: «К вопросу об образовании русских наречий», 24—25).

Со страницы 55 и до конца книги следует указание особенностей отдельных памятников, но тут без нужды часто приводятся и церковнославянские черты их, а иногда даже явные описки. Согласно тогдашнему состоянию науки, часто как нарушение правильных чередований и форм посчитаны именно правильные формы. Так в выноске 2-й, на на стр. 58, к числу случаев смешения *ы* и *и* отнесены такие образования, как твор. п. **свѧтителъı**, формы **би**, **бишѧ**; нередко отмечается

неродити καταφρονεῖν, как смешение *а* и *о*; смешение мягкого склонения с твердым, по Колосову, представляет форма учителехъ Сл. Гр. Б., где образование по согл. скл. Даже как «самая резкая особенность в древнерусском в сравнении с старославянским языком» выставлены местные на *-ъхъ* (*домъхъ*), представляющие совершенно правильные церковнославянские формы от основ на -й (стр. 70, 71). В этом же роде без основания Колосов видит *и* вм. *ь* в **кнси** Остр. ев. вм. **кьси**, **питицами**· Сб. 1073 г. вместо **пьтицами** — в обоих случаях явная описка под влиянием следующего *и* (ср. мой «Очерк палеографии», 9). Описку же, или связное написание следует видеть и в **бъкакть** ib. вм. **бъıвакть**; также описка в **примьть** Ж. Б. и Гл. (ср. 74 стр.).

Ложно-математическая пропорциональность при суждении о звуках, о которой мы говорили в начале этой статьи, сказывается иногда и в заключениях настоящего Очерка. Так, на стр. 81 читаем: «В частности — северное, новгородское наречие русского языка представляет по памятникам этого века (XII) три звуковых черты, которые не являются в памятниках XI века: 1) употребление *ь* вм. *ъ*, и согласно с этим, — 2) *е* вм. *о* и *и* вм. *ы*, 3) *и* из *ѣ*». Очевидно на этот вывод повлияла пропорция *ь* : *ъ* = *е* : о = *и* : *ы*. Однако на самом деле на употребление ь вм. ъ указано лишь 2 сомнительных случая: *противь*, *Всеволодь*, на *и* вместо *ы* только один тоже сомнительный случай «ниви» в Хутын. грам. На *е* вм. *о* указано в выноске (78 стр.) слово котерую, где конечно суффикс не *-тор-*, а *-тер-*.

В XIII в. массу новых особенностей, больше мнимых, дала известная договорная грамота смоленского князя Мстислава с Ригою 1229 г.

Если для древнейшего периода невозможно допустить безразличного пользования источниками, писанными в разных местах, где могли говорить не на одном и том же говоре, то тем более нельзя сделать этого для XIV в.; а между тем тут встречаем указание для великорусского языка старых западнорусских особенностей, как т*и* сячнаго в Акт. Зап. Росс. (ср. 105 стр.).

К несомненным достоинствам Очерка относится хорошо подобранный материал из летописей и юридических памятников, особенно по спискам XIV—XV в. Жаль только, что в основе его лежат не оригиналы и даже не литографированные списки, а издания Археографической комиссии, вообще очень неудовлетворительные. В заключении очерка дано обозрение языка Слова о полку Игореве.

В статье «Загадочные звуки в истории русского языка» Колосов рассматривает те же *ы* и *ѣ*, которых он уже несколько раз касался. Поводом обратиться к ним снова послужила работа Житецкого. Очерк звуковой истории малор. наречия. И здесь смешиваются явления старославянского и древнерусского языков; рассматриваются иногда на славянской почве явления еще индоевропейской жизни языка. И метод исследования употреблен тот же: математические пропорции, подстановки и т. п. Однако положения Колосова, часто опирающиеся на заключения Потебни («К истории звуков русского языка», I) о книге Житецкого, в общем оказываются правильными. Иногда,

впрочем, заметно стремление огульно осуждать все положения Житецкого, даже и вполне вероятные. Так мы читаем у Колосова (10 стр.): Г. Житецкий построил в своей книге многое на своей выдумке, будто бы «движение звуков в малорусском наречии, как и *во всех славянских наречиях*, началось... с потери глухих звуков ъ и ь, потери, которая обнаружилась еще на почве праязыка русского». Вряд ли назвал бы кто выдумкой мнение Житецкого теперь, когда основным положением истории русского языка считается следующее: «Важнейшим событием в древней истории звуков русского языка было исчезновение глухих ъ и ь... на конце, а иногда в середине слов». «Лекции»[2] Соболевского, 48). Житецкий, быть может, только несколько преувеличил свое совершенно правильное наблюдение, распространив его и на праязык русский. В последнем конечные глухие, а также вне ударения в середине слов могли быть лишь гласными неслоговыми (ъ̯, ь̯).

В конце этой работы Колосов делает предположение о том, какой звук свойствен был *ѣ* в основном славянском языке. Он думает, что таким звуком был дифтонг *i͡a*, или звук *а*, видоизмененный слитием с ним *i* и получивший вследствие этого видоизменения какое-то особенное произношение, быть может похожее на *ä*, *'а*. Переходною ступенью для древнерусского языка Колосов и здесь признает *i͡e* (43 стр.). Из этого сочетания он выводит все русские замены следующим образом: «Из основного, например, свѣтъ могли явиться теперешние русские формы этого слова таким путем:

свѣтъ — сви͡етъ — свйетъ < св'ет / свйит—сві́т.

Конечно, это только вероятно».

Что касается заметки о форме родительного падежа на *-во* вм. *-го*, то Колосов первый высказал вполне основательное предположение, что *во* могло явиться на место *ho*, а не *го* (=*go*). Хотя он своего предположения не развил в подробностях, но отсюда уже естественно следовало, что для древнейшей поры и северновеликорусских говоров следует предположить в некоторых случаях, например в указанных окончаниях родительного, кроме g и звук h.

В заключение этого отдела еще следует коснуться орфографических реформ Колосова. На русскую орфографию он имел совершенно здравый взгляд. По его мнению, принцип исторического правописания и уважение к преданию веков минувших — дело хорошее; бесцельное отречение от форм, завещанных стариною, нежелательно. Однако, когда сохранение этих форм теряет, наконец, вполне свой смысл и значение, следует отречься от них. Для тех, кто ясно различает звуки от букв, не может быть сомнения в том, что устранению из нашего письма подлежит ъ, который не является буквой, а лишь значком такого выговора согласных, какой сделает каждый и без этого значка. Дальше реформаторские стремления Колосова не шли. Букву *ѣ* он считал необходимым удержать, в виду целей этимологических и принципов исторического правописания. «Изгнание этой буквы повело бы

к затемнению для учащихся корней слов, к смешению их звуковых форм» (РФВ, I, IV стр.). Кроме того, не упоминая об этом нигде, Колосов не употреблял ѳ, не говоря уже об ѵ. Такие орфографические убеждения Колосов начал применять и на деле с 1876 г.: первая статья без ъ — «Загадочные звуки в истории русского языка». После этого он уже все свои статьи, даже церковнославянский учебник, впрочем, только на обложке, печатает без ъ. Нельзя не согласиться с правильностью взглядов Колосова. Ъ в конце слов в настоящее время не имеет решительно никакого смысла, тем более, что и употребляется он у нас очень неправильно, например после всех шипящих в известных случаях (слова м. р., род. мн. ч.) вместо старинного ь; сюда же относятся ъ вм. ь и в таких формах, как дамъ, ѣмъ. Устранение ъ значительно облегчило бы ученый труд: признано, что ъ составляет $^1/_{16}$ часть печатного набора; значит, в безъерых печати и письме приходится на $^1/_{16}$ тратить меньше времени для переписки и прочтения, не говоря уже о сбережении расходов на печатание и покупку книг на ту же $^1/_{16}$ часть. Другое дело ь: он необходим как значок, показывающий мягкость согласных; без него только люди опытные могут прочесть мягкие согласные правильно. Употребление вместо ь надстрочного значка только затруднило бы письмо (так как пришлось бы отрываться от строки) и печать. Удержание ѣ также безусловно необходимо. Кроме доводов в пользу этого, указанных Колосовым, можно выставить и тот, что в разных русских говорах, даже и в великорусских, до сих пор жива память об ѣ (различие в замене ударяемого е перед твердым согласным: м̓ о т и м̓ а̊ н а, не говоря уже о малорусском наречии, где заместители старого ѣ никогда не совпадают с е). Реформа, которую отстаивал Колосов, единственно возможная в настоящее время в нашей орфографии. Ввести ее во всеобщее употребление нельзя путем официальных распоряжений, но возможно сделать это при посредстве прессы: если бы почаще появлялись газеты, беллетристические произведения без ъ, читатели привыкли бы к такой орфографии, а затем могла бы не преследовать ее и школа.

II

В своей вступительной лекции, читанной еще в 1871 г., указывая задачи истории русского языка, Колосов решительно выдвигает следующее положение (стр. 11): «Историк языка должен иметь в виду по преимуществу элементы живого народного языка, который необходимо строго выделить из массы форм, звуковых сочетаний и синтаксических оборотов, свойственных языку книжному. Не различить особенностей живой народной речи в памятниках от особенностей книжной — значит исказить историю языка». Особенно это удобно делать в эпоху, современную исследованию: научные материалы возможно добывать не только из письменных памятников, но и из непосредственного источника, из живого языка. Но здесь исследователю языка приходится иногда встречаться с некоторыми трудностями: с диалектическим разнообразием живого языка; с невозможностью иногда непосредственно ознакомиться

с народными говорами, а пользоваться изданиями разных собирателей народных произведений, которые вольно и невольно, в большей части случаев, погрешают против народной речи, всего чаще сбиваясь существующей орфографией. Таким образом, уже на пороге своей профессорской деятельности Колосов сознавал всю важность знакомства с русской диалектологией; однако, отвлеченный изучением старинных памятников, к систематическому изучению народной речи мог приступить лишь с 1874 г. Сюда относятся следующие его труды:

1. Материал для характеристики северновеликорусского наречия («Варш. ун. изв.», 1874, № 5). 1—62.

2. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. СПб, 1876. 8°, 343 (из т. XVII Сб. ОРЯС). Та же книга без песен и сказок напечатана в приложении к т. XXVIII «Записок Имп. Академии Наук», № 4, и к т. XXX, № 3. СПб., 1876. 8°. 82, и СПб., 1877. 8°. 54.

3. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878. 8°. X + 268.

4. Архивные материалы по народному русскому языку и народной словесности (РФВ, 1879, I, 92—102, 149—180).

5. Отзыв о статье В. А. Воскресенского. Особенности русского народного языка (РФВ, II, Педаг. отд., 118). Речь идет о стилистической стороне языка былин.

В первой из этих работ Колосов, выходя из того правильного положения, что выводам должно предшествовать накопление материалов и их разработка, приступает к изучению уже имевшихся данных по говорам западной части северновеликорусского поднаречия. Эти материалы он берет из изданий Рыбникова. Песни, 4 тома, 1861—1867, Гильфердинга. Онежские былины, Е. Барсова. Причитания, ч. I. В этом стремлении начать изучение народной речи с северных говоров следует видеть глубокую обдуманность, так как, несомненно, в этом наречии сохранилось больше старинных особенностей русского языка, да, кроме того, южновеликорусское наречие Колосову, как уроженцу Курской губернии, и было больше знакомо. В рассматриваемой статье не столько объясняются факты народного языка, сколько описываются. По мнению Колосова, «для объяснений во многих случаях время еще не настало; во многих случаях мы можем только ставить вопросы и — ожидать решенья в будущем» (2). Впрочем, все, о чем можно было что-нибудь сказать, особенно пользуясь известными статьями Потебни, Колосов и здесь не оставляет без соответствующего освещения.

«Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия» представляют из себя пять отчетов Колосова Отделению русского языка и словесности Академии наук о поездках с целью изучения народной речи в губерниях: 1) Новгородской, 2) Олонецкой, 3) Вятском крае, 4) Владимирско-Суздальском и Ярославском крае и 5) в Архангельской, Вологодской и Пермской губерниях. Таким образом материалы для диалектологических наблюдений дал Ко-

лосову весь север. Но как он воспользовался этим материалом? Начав свои наблюдения с Новгородской губернии, а в ней с берегов озера Ильменя, исторического центра, основного гнезда севернорусского славянства, Колосов пришел к убеждению, что язык населения губернии представляет немало диалектического разнообразия, разобраться в котором крайне трудно. Главных примет выдавалось, например, три, но ни одна из них не оказалась замкнутою в известных пределах. «Во многих уездах местности, смежные одна с другой, не разделенные ни реками, ни озерами, ни лесами, ни болотами, представляют большие разности в звуковых чертах языка населения. Наоборот — нередко и то, что сходные и даже тожественные черты говоров можно встретить на разных противоположных концах губернии» (2). Подобные соображения привели наблюдателя к мысли о невозможности охарактеризовать отдельные говоры, и он решил ограничиться сведением в систему того, что было подмечено им на пространстве всей губернии; для того, однако, чтобы собранные материалы не потеряли своей цены и для характеристики отдельных говоров, при каждой сообщаемой особенности указывается место, где она была слышана Колосовым. Подобной системы держится наблюдатель и в остальных четырех отчетах. Таким образом, хотя и в меньшей степени, и здесь допущена та же ошибка, что и в «Очерке истории звуков и форм русского языка», именно, распространение на известный целый район тех черт, которые характеризуют только отдельные говоры. Этот недостаток, впрочем, в рассматриваемой книге не является существенным, так как она дает только материалы, записанные притом почти всегда самим Колосовым, лицом опытным и сведущим в этом отношении. Особенно ценны для изучающего русскую диалектологию те обильные материалы, содержащие в себе народные песни, заговоры и сказки, а также словарные особенности, которые приложены ко всем отчетам (4 длинных списка слов, 108 песен, 3 заговора и 17 сказок).

Материалы, собранные в рассмотренных двух работах, легли в основу «Обзора звуковых и формальных особенностей русского народного языка». И здесь, как и в «Очерке истории», специальным предметом исследования Колосова служило лишь великорусское наречие в тесном смысле этого слова; «не только малорусское», говорит он (I): «но и белорусское я лишь привлекаю к сравнению с великорусским; сами по себе эти наречия не составляли для меня предмета наблюдений». И в рассматриваемой работе автор не заботился о характеристике отдельных мелких великорусских говоров, хотя разности северновеликорусского поднаречия в сравнении с южным определены во всех случаях. Задача Колосова, по его словам (II), «заключалась в том, чтобы определить звуковой и формальный тип великорусского сравнительно с бело- и малорусским». Каждая особенность народной речи, по возможности, ставится в связь с другими; явления современного русского языка сопоставляются с соответственными в древнерусском. «Связь эту, к сожалению, далеко не всегда можно было определить: в цепи, соединяющей современное с древним, замечается нередко не-

достаток посредствующих звеньев» (Предисловие, II). С другой стороны, не всегда удавалось автору установить и зависимость между современными особенностями языка. Неудовлетворительность своих попыток в этом отношении Колосов приписывает недостаточному развитию современной ему науки о русском языке. Относя лингвистику к наукам естественным, имеющим конечной целью раскрытие законов, которые управляют совокупностью явлений, называемых языком, он думает, что «можно рассчитывать — в будущем — на такое состояние науки о языке, при котором, на основании некоторых известных черт, специалист будет в силах заключать о прочих, теоретически определяя звуковую физиономию данного языка или наречия» (III). Очень может быть, что указанная эпоха в науке о языке когда-либо и наступит; однако в настоящее время, по прошествии более 25 лет, русская диалектология все еще находится на первой ступени накопления и группировки материала; выводы о законах безусловно еще впереди, хотя некоторые из них, представлявшиеся Колосову довольно неясно, в слишком общих чертах, теперь уже выступают в науке довольно рельефно; остается установить лишь некоторые мелочи: таков, например, закон об изменении неударяемых гласных. Таким образом Колосов во взгляде на свои задачи был прав; ошибка его заключалась в том, что он недостаточно проделал подготовительные работы и из них главнейшую — не указал точно на географическое распространение тех или других диалектических особенностей, а также на цельные облики отдельных говоров, хотя материалы для составления их в «Обзоре» имеются: при каждой, ведь, звуковой черте указано место, где она наблюдается. Ввиду указанного понятно заключение о трудах Колосова, сделанное проф. В. А. Богородицким («Курс грамматики русского языка». Варшава, 1887, 196—197) и перепечатанное Владимировым («Пятидесятилетие«, 18): «Проф. Колосов не различает в своем исследовании главнейших неударяемых положений, отчего его изложение неударяемого вокализма страдает спутанностью... Далее, в исследовании г. Колосова мы не находим ни одного целостного обозрения какого-нибудь северновеликорусского говора, но только — примеры, взятые из разных говоров того или другого края, так что примеры эти, сопоставленные вместе, принадлежат в этой своей целостности фиктивному, не существующему говору. Исследователь, который пожелал бы проследить распределение фактов известного явления на основании поименованного труда, принужден отказаться от этого намерения. Труд проф. Колосова представляет, так сказать, экстенсивное исследование северновеликорусских говоров. В будущем надо ожидать появление исследований интенсивного характера, специальных для отдельных говоров». Впрочем, «неударяемые положения», как показали исследования последнего времени, к северновеликорусским говорам отношения почти не имеют. Здесь отражается больше влияние следующих и предыдущих согласных (твердых, мягких, а также различающихся по своему образованию), соседства слогов с теми или другими гласными, закрытости или открытости слогов и лишь отчасти

ударения. И новейшие труды интенсивного характера в своих обобщениях с успехом могут пользоваться материалами, собранными в рассматриваемой книге.

Остановимся еще на некоторых подробностях Обзора. Рассматривая замену глухих в русском языке, Колосов не мог обойти молчанием таких образований, как въдал*е*, Варлам*е*. Сначала (в «Очерке истории», 43) он видел здесь переход ъ в ь; в «Обзоре» он несколько иначе представлял дело: в *е* подобных образований он видел мену твердого гласного *о* на мягкий *е* (2); но этот твердый *о* явился на месте ъ конечного, который в северновеликорусских говорах еще даже в XIII в. будто бы чувствовался глухим. Это объяснение указанных форм еще в 1881 г. было опровергнуто А. И. Соболевским («Исследования в области русской грамматики», 40—49), предложившим видеть в них звательные падежи (старые или новообразования), ставшие на месте именительного; причастия и прилагательные в своих окончаниях внешним образом могли бы подражать им. Это объяснение с некоторыми дополнениями утвердилось было в науке (ср. Р. Ф. Брандт. «Лекции по историч. грамматике русск. яз.». М., 1892, 53). Однако в последнее время снова сделан поворот, не могу еще сказать — насколько основательный, в сторону толкований Колосова, только дело представлено несколько глубже и вообще хитрее. Имею в виду объяснение подобных явлений, сделанное Б. М. Ляпуновым в XIII главе сочинения: «Исследование о языке синодального списка 1-й Новгородской летописи». СПб., 1899, стр. 207—219. Случаи появления *е* вм. ожидаемого ъ здесь разделены на несколько групп, причем для каждой предлагаются не сходные толкования; в «Варламе», например, в конечном *е* предлагается видеть северо-западнорусскую особенность, состоявшую в качественном изменении конечного ъ в направлении к ь независимо от окружающих звуков (210), причем переходной ступенью был «иррациональный звук, близкий к ö или ü» (209).

В отделе о полногласии — втором и первом (стр. 30—54), рассмотрев в общих чертах разные объяснения, даваемые этому явлению, Колосов пришел к заключению, что вопрос о полногласии все еще не может считаться окончательно решенным. Далее он высказывает свой взгляд, который считает не верным, а только вероятным. Он находит связь в постановке глухого перед плавным в древнерусском языке с полногласием и выражает ее пропорцией:

ър и пр. : *оро* и пр. = ръ и пр. : ра и пр. Корни слов, имеющих в русском языке *ър* и пр., так же отличаются по строению от корней, имеющих в русском языке *ръ* и пр., как корни слов с *оро* и пр. от корней, имеющих в русском *ра* и пр. Признавая древнерусское *ъръ* и пр. в некоторых случаях фактами живого языка, Колосов полагал, что

ър : *ъръ* = *ор* : *оро* и т. д.

«Объяснение этой последней пропорции», говорит он, «и будет выражением моего взгляда на явление русского полногласия. Смысл этой

пропорции таков: как *ъръ*, какова бы ни была древность этого сочетания, явление более позднее, чем *ър*, так и сочетание *оро* позже *ор*» (46—47). Эпохе общеславянской он приписывает *ар*, *ал* и *ър*, *ъл* в формах, где являются глухие. С течением времени цельность общеславянского языка в отношении рассматриваемой звуковой черты нарушилась тем, что в одной его части обнаружилось стремление к перестановке гласного за плавный (**ра**, **ла**; **ръ**, **лъ**), так как здесь не терпимы были закрытые слоги; в другой части славянского праязыка, которая в рассматриваемое время еще терпела сочетания из гласного + *р*, *л* + согласный, несколько позже в отмеченных группах явилось стремление устранять сочетание плавных с следующими за ними согласными посредством вставки глухих, которые со временем стали вполне явственными (гардъ — гаръдъ — городъ). Не стану излагать мнения Колосова в подробностях, укажу лишь схему развития из основной форм всех славянских языков (48):

галва
глава   галва
галъва
голъва
голова глова.

Если сопоставим отмеченные соображения Колосова с теми положениями, которые содержатся в статьях Фр. Миклошича. Über den Ursprung der Worte von der Form altslov. trъt. Wien. 1877 и Über den Ursprung der Worte von der Form altslov. trět und trat. Wien. 1878, вышедших одновременно с книгой Колосова, то окажется, что в некоторых случаях у последнего высказываются более основательные взгляды, нежели у Миклошича. Так Колосов форм вроде «кръма» не выводит из основного «керма», а из «кърма», т. е. для таких слов не строит основную форму tert, а tъrt (ср. замечания А. Лескина в Archiv für Sl. Phil., III, 696—702). Формулы для полногласия в общем у обоих совпадают, только у Миклошича придана им более точная огласовка (tort, tert). Вот уже прошло 25 лет, а в вопросе о полногласии сделано мало нового. В основе объяснения этого явления лежат все те же формулы Колосова—Миклошича; они лишь несколько усовершенствованы, выражены более точно: предполагается, что согласный плавный был долог (r̄, l̄) или слоговой (r̥, l̥), способный развивать после себя частичный гласный. Таким образом, для слов типа *борода*, *голова*, *берег* и т. д. предполагаются основные славянские сочетания tor̥t—tol̥t, ter̥t—tel̥t. Для слов со вторым полногласием предполагаются подобные же сочетания, но с гласным глухим и притом неслоговым: *вьрьхъ*, *мълънии* и т. д. предполагают основные группы tъ̭r̥t — tr̭l̥t, tь̭r̥t — tь̭l̥t. Одно из новейших мнений, что праславянской следует считать постановку гласного после плавного слогового (r̥o — l̥o) (ср. Torbiörnsson. Liquida — metathese in den sla-

vischen Sprachen. Bezzenberger's Beiträge, XX, 1894 г.), в науке не привилось.

Рассмотрев явления так называемого аканья в южновеликорусских говорах, Колосов строит такую пропорцию:

о : *а* = *е* : *я* (*'а*).

При этом замечает: «параллель была бы полнее, если б пропорция могла быть выражена в следующем виде:

о : *а* = *ё* (*'о*) : *я* (*'а*).

Т. е. можно бы ожидать, что *е* не непосредственно переходит в *я*, а при посредстве *ё*: неударяемое *о* обращается в *а*, неударяемое *'о* (*ё*) в *'а* (*я*)». К такому заключению он пришел на основании рассмотрения данных северновеликорусского наречия (60—61). Отмеченное положение Колосова, благодаря наблюдениям А. А. Шахматова («К истории звуков русск. яз.», I), установившего для общерусской эпохи переход *е* в *ö* перед всяким несмягченным согласным (чистым или лабиализованным), в науке может считаться упроченным (ср. еще стр. 83—84): «С вероятностью можно допустить, что на превращение это влиял характер следующего за *е* слога»).

Отдел: «Смешение звуковых категорий» (89—120), где идет речь и об изменении безударных гласных, после разных работ Потебни, вышедших до 1878 г., мог бы быть написан лучше, — недостаток, поставленный на вид и проф. Богородицким. Положения, довольно точно формулированного в «Двух исследованиях» Потебни (61) о различном изменении безударного *о* в зависимости от удаленности слога от ударения, Колосов не хотел принять лишь потому, что по ложноматематически формулированным им законам «усиления гласных» *о* с *ы* не чередуется: «переход неударяемого *о* в *ы* есть явление кажущееся, а не действительное: не *о* переходит в *ы*, а возникшее из него по известному закону южновеликорусской фонетики *а*»... «Отношения этих трех звуков определяются, след., такою пропорцией:

ы : *а* = *а* : *о* (97)».

После наблюдений Богородицкого и других, в этом *ы* скорее следует видеть звук довольно неопределенный, который, вероятно, обозначался посредством ъ в старославянском. А при таком взгляде и Колосов без затруднений допустил бы переход *о* в ъ.

Отдел о согласных изложен еще слабее. В статье: «Мена согласных» (164—191) дается сбор таких явлений, которые представляют редкие единичные случаи, а не общераспространенные факты, и большею частью к фонетике никакого отношения не имеют.

Морфология, вообще говоря, изложена очень коротко и, кроме констатирования тех или других фактов, ничего больше не представляет.

В заключении своей книги Колосов касается вопроса о взаимном отношении главных частей русского языка. Исходя из той несомненной истины, что русский язык представлял некогда единую цельную лингвистическую особь, он рассматривает вопросы: когда совер-

шилось распадение русского языка на наречия и сколько главных частей заключает в себе русский язык.

По первому вопросу он приходит к заключению, что цельность русского языка нарушилась уже тогда, когда не только та или другая его часть выработала свои особые звуковые и формальные черты, но даже тогда, когда одна из этих частей потеряла какие-либо особенности, свойственные языку в древности. Тогда началось и распадение общерусского языка на наречия. Резкие особенности языка или наречия не являются сразу. Для их постепенной выработки требуются сотни лет. «Быть может уже в XI—X стол. русский язык не представлял со стороны звуков цельности в строгом смысле этого слова, — хотя без сомнения в эту отдаленную эпоху, и даже позже, звуковая разность речи севера и юга России была едва ощутимою. Раздвоение русского языка в ту пору было только намечено» (266). Это положение и до сих пор в полной силе в науке; лишь на обозначение века у Колосова следует взглянуть как на обычную у него опечатку и читать «IX—X стол.» В новейших работах по данному вопросу заметно стремление не только малорусские черты относить к началу исторической жизни русского языка, но даже и в таких чертах, как белорусское дзеканье, видеть глубокую старину (ср. А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. СПб., 1899, ЖМНП, апрель, 10). Другое дело образование самостоятельных русских наречий, представляющих известную совокупность разных черт, развившихся в органическое целое; время появления их, несомненно, относится к более поздней эпохе.

По вопросу о том, сколько главных частей представляет из себя современный русский язык, Колосов, после рассмотрения в общих чертах взглядов всех предшествовавших ему ученых, приходит к заключению, что может быть речь лишь о месте белорусского наречия, так как о существовании великорусского и малорусского наречий уже никто в его время не спорил. Еще в «Мыслях» И. И. Срезневский назвал белорусскую речь поднаречием великорусской; А. А. Потебня («Два исследования», 53) признал белорусское наречие частью южновеликорусского. Колосов по рассмотрении белорусских особенностей приходит к выводу, что «оно ближе к великорусскому, чем к малорусскому; но верно и то, что оно не отожествляется с первым. Поэтому старинное деление русского языка на части не может считаться решительно ошибочным» (264). И теперь дело обстоит так же, как и 25 лет тому назад. Признаются все те же три наречия русского языка. Лишь распадение его на части представляется несколько иначе, нежели как думал Колосов. Он полагал, что великорусское наречие, прежде чем распасться на северное и южное, должно было разделиться на собственно великорусское и белорусское. Академик Шахматов (в названной раньше статье) представляет дело так, что русские племена составляли в древнейшую эпоху три группы: а) севернорусскую, б) среднерусскую и в) южнорусскую. Со временем среднерусская группа распалась на западную (белорусскую) и восточную (юж-

новеликорусскую); таким образом явились четыре новые группы: 1) северновеликорусская, 2) южновеликорусская, 3) белорусская и 4) малорусская. Несомненно, однако, прибавим от себя, что если рассматривать отдельно каждую из отмеченных четырех групп, то они окажутся далеко не в одинаковой мере самостоятельными: степень близости или отдаленности этих наречий неравна.

«Архивные материалы по народному русскому языку и народной словесности» служат прекрасным дополнением к тем данным, которые приведены в «Обзоре». В них Колосов напечатал выписки из части тех собраний, которые накопились в 40-х и 50-х годах в Имп. Русском географическом обществе, поступив от разных лиц почти со всех концов России. Часть этих материалов в свое время была обнародована в «Этнографическом сб.» (I—VI, 1855—1864), но большая часть еще до сих пор хранится в картонах архива Общества. Некоторыми из этих рукописей пользовался в свое время В. И. Даль в статье о наречиях русского языка: «Что я относил (как и другие, конечно,) на счет личных его наблюдений над народным языком», говорит Колосов: «оказывается заимствованием, целиком или в сокращении, из рукописей архива» (РФВ, I, 92, вын. 2).

Напечатанные архивные материалы ценны не только в отношении языка, но и со стороны содержания; в последнем отношении они имеют даже больше значения.

Интересна между прочим в отношении передачи звуков одна запись из Заволжья в Нижегородской губернии (рукопись составлена дьяконом села Петровка Васильевского уезда Орловым), в духе модных в настоящее время дифтонгов. В виду краткости этой записи и редкости I т. РФВ привожу ее здесь:

У одновўо̄ Татэ̆а̄рина на гумнўо̄ свині̆а̄ пришлэ̆а да и давэ̆а̄й горўо̄х тюхтӗйть. Вўо̄т Татэ̆а̄рин глядӗйт на свӗйнью. Не зэ̆ам, говорӗйт, ест чўо̄ртова скотӗйна: абажрі̆о̄тца да околеит. Свині̆а̄ нажралы̆а̄сі̆а̄, пошлэ̆а̄ на клі̆ӯч да испилэ̆а̄. Испившэ̆й, опӗі̆а̄(ть) пришлэ̆а̄ к ворохо̆ӯ есть; поі̆е̄ла да у невўо̄ жэ̆а в омӗі̆о̄т в солўо̄му зарэ̆ы̄лась да и лёглэ̆а̄ (стр. 164).

Колосов в таких написаниях — ўо̄, э̆а̄, і̆а̄, ӗй, і̆ӯ, э̆й, э̆ы̄ — не прочь видеть обозначение долготы гласных «независимо от того, падает или не падает на них ударение» (165). Интересно бы проверить эту запись по живой народной речи.

В Варшавском университете в прежнее время практиковался прекрасный обычай печатать программы читаемых курсов. Для начинающих преподавателей они, несомненно, в свое время были очень полезны, так как знакомили с научными и педагогическими взглядами более опытных своих предшественников. Да и для потомства они тоже имеют цену, так как дают материал для истории науки и особенно той или другой кафедры. Колосов несколько раз печатал свои про-

граммы. Более полные из них и в то же время, быть может, и более научные помещены в «Варш. ун. изв.» за 1872 г. Так как они не велики по объему, нахожу возможным поместить их здесь.

1. Программа грамматики старославянского языка

Введение. Что такое старославянский язык. Место, которое занимает он в ряду родственных ему языков. Праязык. Разветвление индоевропейской семьи языков. Ближайшие родичи славян. Две ветви славянского языка. Различающие их признаки. Семья славянских языков. Научное значение старославянского языка [1].

Различные названия старославянского языка. Какой народ говорил им. Мнение Миклошича [2]. Возражения Шлейхера [3]. Мнение Гатталы [4]. Востоков по этому вопросу [5]. Лежер и Лавровский [6].

Письменные свидетельства о том, что церковнославянский есть древнеболгарский язык [7].

Письменность у славян в языческое время. Свидетельство о ней. Две славянские азбуки. Отношения между ними. Мнения об отношениях кириллицы к глаголице: Добровского [8], Копитара [9], Прейса [10], Срезневского [11], Григоровича [12], Шафарика [13]. Подпись попа Георгия. Сомнения в ней [14]. Состояние вопроса об отношении двух азбук в настоящее время.

Источники и пособия для биографии Кирилла и Мефодия. Краткий очерк их жизни и деятельности [15].

Мнения различных ученых о годе изобретения славянских письмен [16]. Свидетельство Черноризца Храбра. Содержание его сочинения «О письменехъ».

Кириловский алфавит. Его отношение к греческому. Его достоинства и недостатки. Замечания о буквах: ı, и, ѕ, ъı, ы, оу, ү, ȣ, ѫ, й. Устав, полуустав и скоропись. Характерные буквы устава. Палеография. Разряды рукописей. Школы писцов [17]. Грамматики славянского языка до Добровского. «Institutiones» etc. Добровского. Недостатки этого труда. «Рассуждение» и проч. Востокова и другие

---

[1] Шлейхер. Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индогерманских языков. Его же: Kurzer Abriss der Geschichte der slav. Spr. Beiträge I.

[2] Vergl. Gram. d. sl. Spr. I.

[3] Ist das altkirchenslavische altslovenisch? ст. в Beiträge I.

[4] O nosnih samoglasih.

[5] Рассуждение о славянском языке.

[6] Кирилл и Мефодий во французском сочинении. ЖМНП, 1869 г., ч. CLXI.

[7] О древнейшем свидетельстве, что церковный книжный язык есть древнебулгарский. Ст. Бодянского в ЖМНП, 1843 г., ч. XXXVIII.

[8] Glagolitica 1808.

[9] Glag. Cloz. 1836.

[10] ЖМНП, 1843, № 3-й.

[11] Древние письмена славян. 1848.

[12] ЖМНП, 1852, № 3-й.

[13] Изв. Академии наук, т. I. 1842, Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus 1858.

[14] Изв. Академии наук, т. X, в. 1-й.

[15] Лавровский. Кирилл и Мефодий, Бильбасов Кирилл и Мефодий, т. 1 и 2 и пр.

[16] О времени изобретения славянских письмен Бодянского.

[17] Пыпин. Материалы для славянской палеографии (2/4 Зап. Академии наук, кн. II, вып. 2-й). Востоков. Описание рукописей, Григорович. О древних памятниках церковнославянского языка (Изв. Академии наук, т. I, 1852) и замечание на эту статью Востокова и Срезневского (ibid.)

труды этого ученого по старославянскому языку. Vergl. Gram. Миклошича. Formenlehre der altkirchensl. Spr. Шлейхера. Сравнительная грамматика Шерцля. Словари по старослав. языку. Описания и издания важнейших памятников этого языка.

Грамматика. а) Фонетика[18]. Буквы и звуки старославянского языка, Твердые и мягкие гласные. Йотированные и нейотированные. Основные гласные. Согласные, сближающиеся с гласными, — *р* и *л*. Мнение о них Миклошича и Лавровского, с одной стороны, Шлейхера и Шерцля — с другой.

Соответствие чистым гласным старославянского гласных звуков родственных языков. Звук *оу*. Мнения о нем различных ученых.

Глухие звуки. Соответствия им в родственных языках. Доказательства их гласности. Как произносились. Употребление глухих при плавных. Позднейшие замены глухих. Где сохранились они. Есть ли в других языках соответствующие им явления.

Носовые. Доказательства ринезма в старославянском Востокова. Отрицание носовых Копитаром. Основания его. Возражения Миклошича. Разложение юсов. Замена юсов. Произношение их. Мнение большинства ученых, с одной стороны, и Боппа — с другой.

Звук *ѣ*. Его происхождение. Разложения. Соответствия в родственных языках. Сближение *ѣ* с *ia*. Двойственный характер звука *ѣ* по Миклошичу. Отношение *ѣ* к *и*. Мена *ѣ* с *а* и *ѧ*. *Ѣ* при группе согласных, заканчивающейся плавным. Замена *ѣ* в славянских наречиях.

Возвышение и ослабление гласных звуков.

Зияние и средства к избежанию его. Ассимиляция гласных.

Согласные звуки. Их разделение.

Двоякого рода изменения согласных: а) перед гласным звуком (смягчение), б) перед согласными.

Гортанные звуки — г и h. Условия для смягчения гортанных. Случаи обращения их в шипящие и свистящие. Отношения звуков *х* и *с*.

Зубные. Условия для их смягчения. Влияние j на согласные и гласные. Были ли в старославянском jи, jы, jѣ?

Смягчение губных. Значение *л* при этом смягчении.

Диссимиляция и ассимиляция согласных. Изменение *д* и *т* перед *т* и *л*, *кс* → *сс* → *с*. Превращение *з* в *с* и *с* в *з*, *кт*, *гт*, *хт* → *шт*, *ск* → *шт*. *Зж* → *жд*.

Мена согласных звуков. Вставка согласных. Опущение. Перестановка. Звуковые отличия старославянского от древнерусского.

б) Формы[19]. Разделение имен существительных на склонения по окончаниям тем. Видоизменение тематических *а*, *i*, *у* в славянских языках. Уравнение темы на *у* с темой на *а*. Причина. Следы тематического *у* в склонении имен. Случаи склонения на согласную тему в славянском языке. Соответствие окончаний в твердом и мягком склонении. Уменьшение форм склонения (как и вообще форм) — общее явление в жизни языков. Причина падения форм. Сравнение склонений имен главнейших из живых славянских наречий с склонениями старославянского. Склонение местоимений: а) безродных, б) родовых.

Склонение прилагательных: а) кратких, б) полных. Разложение окончаний последних: *аго* = *ааго* = *а* + *его* и т. д. Степени сравнения. Двоякое окончание сравнительной степени: *ии* и пр. и *ѣи* и пр. Объяснение этих окончаний и случаи употребления их. Изменения прилагательных сравнительной степени и аналогичные изменения причастий действительных настоящего и прошедшего времени.

Склонение имен числительных.

---

[18] Главными пособиями по фонетике служили: Formenlehre d. altkirchensl. Spr. Шлейхера; Vergl. Gram. d. sl. Spr. I Миклошича, Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков Шерцля, I. Фонетика.

[19] Formenl. Шлейхера. Vergl. Gram. Миклошича, т. III. Грамматика церковнославянского языка Востокова.

Глаголы. Две глагольные темы. Производство от них временных и причастных форм. Объяснение окончаний причастий действительных настоящего времени: -ѧ, -ѧща, -ѭща;- ы, -жща. Объяснение окончаний причастия прошедшего времени действительного залога: *-ъ, -ъша; -въ, -въша; -ь, -ьша*. Причастие спрягаемое на *-лъ* и пр. *О* и *е* перед окончанием *-мъ* причастия настоящего времени страдательного залога. *Е* перед *-нъ*, окончанием причастия пр. вр. стр. залога.

Признаки повелительного наклонения в старославянском.

Неопределенное и достигательное наклонения.

Остатки будущего времени в памятниках. Образование этого времени в историческую пору языка.

Личные окончания в настоящем и прошедших временах.

Аорист 2-й. Аорист 1-й на *-съ* и на *-хъ*.

Отличия преходящего времени от аориста: *ѣа* и *аа* в преходящем. Сложные формы прошедших времен. Условное наклонение. Страдательный залог.

Важнейшие особенности славянского *синтаксиса* сообщены будут при практических занятиях, на которые предназначается по несколько лекций в конце первого полугодия по фонетике и второго — по всей грамматике. Для практических занятий будет служить Остромирово евангелие. Практические занятия будут заключаться в чтении, переводе и разборе отрывков из этого памятника и в диктовке. При диктовке звуки и формы текста Остр. ев. будут изменяемы сообразно состоянию современного русского языка; задача студентов в этом случае состоит в воссоздании древнего текста.

2. Программа по истории русского языка

Курс истории русского языка будет прочитан в два года. В течение первого содержание курса составит обзор важнейших сочинений по русскому языку и его истории. Задача обзора двоякая: 1) представить последовательное развитие науки о русском языке, 2) представить добытые наукой выводы и объяснения касательно важнейших явлений в жизни русского языка. Преимущественное, если не исключительное, внимание обращено будет при выполнении этой последней задачи на звукословие русского языка. Объяснение явлений морфологических и синтаксических в настоящем году в цели преподавания не входит.

После краткого обзора русских грамматических сочинений до 1755 г. будет представлена оценка важнейших положений касательно русской фонетики в следующих сочинениях: 1) Ломоносова: Грамматика; 2) Востокова: Рассуждение о славянском языке; 3) его же: Русская грамматика; 4) Павского: Филологические наблюдения. Рассужд. 1; 5) Каткова: Об элементах и формах славянского языка; 6) Срезневского: Мысли об истории русского языка; 7) Лавровского: О языке северных русских летописей; 8) его же: О полногласии; 9) Потебни: О полногласии; 10) Бетлинга: Грамматические исследования о русском языке; 11) Буслаева: Историческая грамматика, т. I; 12) Шерцля: Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков, т. I (Отдел церковнославянского и русского языков).

Неполнота обзора обусловливается ограниченностью времени: 1 лекция в неделю. Впрочем, при оценке названных сочинений будут сделаны хотя краткие указания на значение и степень научного достоинства и некоторых других трудов [20].

[20] Академическая грамматика, труды Максимовича, мнения Миклошича о звуках русского языка в его Vergl. Gram. I и в ст. Über die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestors и пр. Само собою разумеется, что при оценке входящих в обзор научных трудов будут приняты в расчет и имеющиеся в науке о них сочинения; как, например, рецензия Буслаева — Филологические наблюдения Павского (От. зап., 1852, № 4 и 5), его же разбор книги Срезневского: Мысли об истории русск. яз. (Отеч. зап., 1850 № 10), разбор грамматики Буслаева П. А. Лавровского (Зап. Академии наук, т. VIII, кн. 1), разбор того же труда Гатталы (Časop. mus. kr. česk. 1862) и пр.

Определение звуковых изменений по наречиям русского языка найдет себе место в курсе следующего года. В настоящем году при оценке вышеобозначенных сочинений будет выяснено по русской фонетике следующее:

1. Гласные звуки. а) Глухие. Их открытие Востоковым. Употребленный им термин «полугласные». Отождествление им ь и *йотъ*. Различие между этими звуками. Теория Павского. Доводы против нее Буслаева, Срезневского и Лавровского. Различие в постановке глухих при плавных в старославянском и древнерусском. Что древнее для общеславянского: *ър* или *ръ*. Произношение глухих в древнерусском. Время исчезновения их из русского языка и их замена в современном языке.

б) Носовые. Их произношение в старославянском. (Мнение Боппа, с одной стороны, Миклошича и Гатталы[21] — с другой). Были ли носовые в русском языке в доисторическую пору? Замена юсов в славянских наречиях вообще и в русском в частности. Если ѫ = *он*, то почему заменяется он через *у*. Случаи соответствия малому юсу звука ы. Как понимают различные ученые это соответствие. Замена ы, соответствующего ѧ, в русском и других славянских наречиях.

в) *Ы* — *оу*. Произношение ы в древности. Мнение по этому вопросу Гатталлы[22]. Противоречия некоторых явлений языка этому мнению. Отношение ы к *оу*. Последний звук в старославянском дифтонг. Доказательство. Различие древнерусского *у* от того же звука в старославянском. Доказательство того, что *оу* и в русском языке должно было иметь место в доисторическую эпоху. Разложение *оу* (*ов*) и *ъı* (*ъв*), *ав* и *ва* по отношению к *оу* и ы. Йотация *оу* и *ъı*.

г) *Ѣ*. Отсутствие в русском языке этого звука с древнейших времен. В эпоху более отдаленную *ѣ* однако имело место в русском языке. Доказательства. Как должно было звучать *ѣ*. Мнения об этом звуке Добровского[23], Копитара[24], Шафарика[25], Каткова[26], Бетлинга[27], Шлейхера[28], Миклошича[29], Буслаева[30], Шерцля[31]. Свод всех тех случаев, которыми определяется характер этого звука. Замены *ѣ* в русском языке.

д) Полногласие. Литература вопроса. Изложение сущности статей Лавровского и Потебни. Постановка глухих *перед* плавными в русском языке не стоит ли в связи с явлениями полногласия?

е) Йотированные гласные. Замечания по поводу различения Миклошичем йотированных (präjotirten) и ерированных (präjerirten) звуков. Шерцль о том же вопросе. Доводы в пользу того, что *я*, *ю* и пр. и после согласных = *ja*, *jy*, а не *ьа*, *ьу*. Видоизменения в русском языке гласных звуков после *j* в смысле переглаcования.

ж) Возвышение и ослабление гласных. Недостатки учения об ослаблении и возвышении гласных у Буслаева и Шерцля. Неразличение звуковых градаций первым, смешение различных эпох языка вторым. Различие в отношениях гласных звуков между русским и старославянским языком.

2. Согласные. Что древнее — великорусское г (= g) или малорусское h. Согласные древнерусского языка сравнительно с старославянскими. *Р* и *л*. Мнение

---

[21] O nosnih samoglasih и Bugarštine etc.

[22] Zvukosloví jaz. staro i novo-českého.

[23] Institutiones ling. sl. vet. dialecti.

[24] Glagol. Cloz.

[25] Serbische Zesekörner. — Elemente der altböhm. Gram.

[26] Об элементах и формах славянорусского языка.

[27] Грамматические исследования и пр.

[28] Formenlehre d. kirchensl. Spr. — Beiträge I.

[29] Verge. Gram. der sl. Spr. I.

[30] Историческая грамматика, I. Рецензия на книгу Срезневского «Мысли» и пр.

[31] Сравнительная грамматика.

о их гласности Миклошича. Возражения Шлейхера[32] и Шерцля. Отношение Лавровского к этому вопросу в разные периоды его деятельности. Случаи смягчения зубных и губных в современном русском языке — остатки ли старины или проявление еще действующего закона?

Русский алфавит сравнительно со звуками русского языка. Отличия (звуковые) древнерусского от старославянского. Отличия (звуковые) современного русского языка от древнерусского. Периоды в истории русского языка. Время важнейших звуковых и формальных изменений в русском языке.

Несколько первых лекций, составляющих введение в курс, посвящены будут уяснению следующих общих вопросов о языке[33]. Что такое язык. Отношение языка к мышлению. Два периода в жизни языков: период возрастания и период упадка. Обратное отношение между историей развития данного народа и процессом развития языка его. Связь между внутренним значением слова и звуковым выражением его. Забвение этой связи. Причина забвения. Следствия забвения. Внутренние и внешние причины изменений языков. Внутренние и внешние изменения в языке. Классы языков. Органическая сила языка и ее проявление. Различие между органическими изменениями языка и искажением его. Мертвый язык. Различие его видоизменений от изменений живого языка. Сравнительное и историческое языкознание. Задачи истории языка вообще и истории русского языка в частности.

III

В заключение скажем несколько слов о работах Колосова по словесности. Сюда относятся:

1) Поэт и поэзия (Филол. зап., 1867 г.).

2) Теория поэзии (для средних учебных заведений) с прибавлением терминологического словаря словесности. Мне известно 3 изд., 1884 г.

3) Популяризаторы истории русской литературы (П. Полевой и Водовозов) (Фил. зап., 1872).

4) Новые данные былевого творчества Северного края. Онежские былины, собранные Гильфердингом (Фил. зап., 1875).

5) Отзыв об издании М. Драгоманова. Малорусские народные предания и рассказы (РФВ, I, 115—122).

6) Отзыв о «Материалах по этнографии русск. населения Арханг. губ.», собр. Н. Ефименком (РФВ, I, 122—132).

7) Отзыв о «Русск. нар. песнях», собр. Шейном (РФВ, I, 113—134).

8) Отзыв о «Загадках» Садовникова (ib. 134).

9) Отзыв об издании Новаковича. Српске народне загонетке (ib., 134—137).

10) Пробные листы опыта учебника истории русской литературы. I. Введение, 1—17, II. Народная поэзия, 8—17 (РФВ I., Педаг. отд.).

11) Отзыв о «Древней русск. литературе» Евстафьева (РФВ, I, Педаг. отд. 18—30).

---

[32] Formenlehre.

[33] Главным образом по Гумбольдту (О различии организмов человеческого языка) и Шлейхеру (Einleitung в его соч. Die deutsche Sprache).

12) Отзыв об «Учебнике теории поэзии» Белорусова (ib, 30—32).

13) Летопись Нестора (классное чтение и разбор) (ib., 37—51).

14) Отзыв о нескольких статьях по древней и новой русской литературе, напечатанных в «Трудах Киевской духовной академии» (РФВ, II, 147—156).

15) Рецензия на книгу А. Галахова. История русской словесности (учебник для среднеучебных заведений) (РФВ, III, Педаг. отд., 54—59).

Колосову принадлежит еще несколько мелких заметок по языку и словесности, явившихся большею частью в РФВ за 1879 г.

Из перечисленных работ более других замечательны:

«Теория поэзии», в которую вошла и первая статья, как часть. Этот краткий учебник в то же время отличается полнотой и замечательной точностью и ясностью выражения. Большинство современных так называемых «теорий словесности» непосредственно или из вторых рук пережевывают книгу Колосова, часто лишь затемняя то, что в ней выражено очень просто и доступно пониманию учащихся. Вышла она теперь из употребления в школе только потому, что расположена не по системе, рекомендованной учебными планами.

«Пробные листы учебника истории русской литературы» отчасти повторяют то, что имеется в «Теории поэзии», отчасти же дают новые сведения, касающиеся главным образом объема истории литературы. «История литературы (в тесном смысле этого слова) есть наука, определяющая в хронологической последовательности смену идеалов в жизни данного народа по литературным произведениям этого народа» (§ 6). Далее Колосов рассуждает: так как задача истории вообще состоит не только в определении фактов, но и в указании причин, вызвавших факты, то и история литературы должна представить не только изменение идеалов в жизни известного народа, но и развитие идей, вызвавшее это изменение. Вследствие этого, с одной стороны, движение мысли в среде данного народа, сказавшееся в его научных произведениях, не должно быть чуждо историку его литературы; с другой — и знакомство с общественным и государственным строем жизни данного народа также необходимо для историка литературы, потому что на образование идеальных представлений влияют также впечатления действительной жизни. «Из сказанного следует, что история литературы состоит в близкой связи с историей народа вообще и историей его цивилизации в частности» (§ 7). Таким взглядом на содержание истории литературы обусловливается и ее деление на периоды: в ней должны быть те же главные периоды, на которые разделяется и история народа (№ 13). В отделе о народной словесности обращает на себя внимание объяснение сходства в образцах и содержании народно-поэтических произведений разных народов. По Колосову, сходство народных сказаний у родственных народов объясняется одинаковостью происхождения их; сходство в поэтических представлениях народов неродственных объясняется тем, что все такие народы проходили одни и те же фазисы развития по одним и тем же законам (§ 38). Со временем в науке при объяснении подобных явлений при-

бавилась еще теория заимствований, а затем и теория развития у разных народов сходных представлений, ввиду действия одинаковых психических процессов у всех людей, более точно формулирована и развита в подробностях.

Вообще труды Колосова по истории и теории словесности, в том числе и рассмотренные, больше имеют в виду среднюю школу, поэтому на них следует смотреть лишь как на популяризацию господствовавших в свое время и отчасти теперь в науке положений, но не как на самостоятельные ценные работы, могущие обогатить науку.

ДВА ЮБИЛЕЯ: И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ и Я. К. ГРОТ[1]

В истекшем 1912 г. исполнилось два столетних юбилея со дня рождения выдающихся русских филологов, оставивших своими трудами видные следы в русской науке, И. И. Срезневского и Я. К. Грота.

ИЗМАИЛ ИВАНОВИЧ СРЕЗНЕВСКИЙ

1 июня истекшего года исполнилось сто лет со дня рождения известного профессора и академика И. И. Срезневского (1812—1880). Отделение русского языка и словесности императорской Академии наук почтило своего бывшего сочлена торжественным заседанием 20 января 1913 г., на котором рассмотрению разносторонней деятельности юбиляра были посвящены речи академика А. И. Соболевского и профессоров Н. Ф. Сумцова и В. А. Францева. Научные заслуги И. И. Срезневского уже неоднократно отмечались в разных работах, посвященных его памяти, например, в известном исчерпывающем некрологе, напечатанном акад. А. Ф. Бычковым в «Отчете о деятельности Второго отделения Академии наук за 1880 год» (Сборник Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н., т. XXII), стр. 19—126, где приведен и подробный список трудов покойного (389 №№), вышедших по день его смерти. Подробно рассмотрена его деятельность и И. В. Ягичем в 1-м вып. Энциклопедии слав. филологии (СПб., 1910), например, на стр. 319—330, 466—477 и др. Много ценного биографического материала имеется также в юбилейных брошюрах, выпущенных Академией наук: «1812—1912. Измаил Иванович Срезневский. Краткий биографический очерк. СПб., 1913» (8°. 40) и «1812—1912. Описание выставки в память столетия со дня рождения И. И. Срезневского. СПб., 1913» (8°. 39), снабженных многими портретами самого Срезневского, его жены и матери, а также снимками его почерка в разное время и почерка разных лиц, с которыми он был в переписке. В названных трудах содержатся указания и главнейших биографических данных.

Юрист по своему университетскому образованию (в 1829 г. Срезневский окончил курс факультета этико-политических наук Харьковского

[1] РФВ, т. LXIX, 1913, стр. 224—228 (*Ред.*).

университета), удостоенный даже степени магистра в этой области, И. И. Срезневский с учреждением при университетах кафедры истории и литературы славянских народов, будучи уже до тех пор не чуждым славяноведению, решается перейти в преподаватели по этой кафедре. Для того, чтобы получить подходящую подготовку для предстоящей деятельности, он в 1839 г. уезжает в научную командировку за границу в славянские земли, где с увлечением знакомится с народом, его бытом, живою речью, литературой, библиотеками, рукописями и особенно с представителями тогдашней славянской науки и литературы, например, с Шафариком, Палацким, Челаковским, Ганкою, Караджичем, Людевитом Гаем и др. Срезневскому удалось посетить все главные пункты славянского племени и запастись богатыми сведениями по всем областям своей науки. Вернувшись в Россию, в 1842 г. он начал читать славяноведение сначала в Харьковском университете, где получил и докторскую степень за работу: «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян, по свидетельствам современным и преданиям». Но Харьков не представлял достаточно материала для дальнейшего «усовершенствования познаний» слависта, поэтому с 1847 г. И. И. Срезневский переходит в С.-Петербург, куда его манили огромные рукописные сокровища и обширный круг людей, занимающихся ими и вообще избранными им науками. Здесь он читает свои лекции в университете и Педагогическом институте, состоит членом разных учреждений и ученых обществ, а с 1849 г. связывает свою деятельность и с Академией наук, членом которой остается до самой смерти.

Разносторонняя научная его деятельность обнимала славяноведение в разных его областях: народную поэзию и этнографию, археологию, язык и литературу, палеографию. По всем этим областям он оставил заметные следы. Особенно замечательна его палеографическая деятельность, давшая ему возможность подготовить много ценных материалов по изучению древнецерковнославянского и древнерусского языков. Эта его деятельность, несомненно, выше деятельности ученого-языковеда, хотя та и другая находится в тесной связи между собой, с перевесом в пользу археологии. Из его изданий в этом роде отметим: 1) Древние памятники русского письма и языка 1863 г. (из X т. «Известий») с прекрасным атласом снимков. Составление такого указателя памятников с определением хронологии каждого требовало самых разнообразных знаний, многосторонних соображений, справок и огромного труда. 2) Древние славянские памятники юсового письма 1868 г. (III т. «Сборника»). Здесь, кроме палеографического описания всех известных тогда церковнославянских памятников, напечатаны еще значительные отрывки из них, а малые и целиком; напечатана здесь даже вся Саввина книга. 3) Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках №№ I—XCI (томы I, XII, XV, XX, XXII «Сборника»). 4) Сказание о Борисе и Глебе по списку XIV в. (изд. Русск. археологич. общ.). 5) Его лекции по палеографии изданы уже после его смерти в 1885 г.: «Славяно-русская палеография XI—XIV вв.» — Взгляды И. И. Срезневского на древнецерковнославянский язык разбросаны в разных его

сочинениях, на древнерусский — более или менее объединены в работе: «Мысли об истории русского языка» (сначала в Акте СПб. университета 1849 г., отдельно с приложениями 1850 г., издание посмертное 1887 г.), — сочинении, положившем начало историческому изучению русского языка. Последнему посвящен и его словарь древнерусского языка, законченный изданием уже после его смерти, накануне столетия со дня рождения, его детьми, под заглавием: «Материалы для словаря древнерусского языка». СПб., 3 тома, 1890—1911. В «Материалах» часто церковнославянские и древнерусские слова не различаются, но при всем том издание это в высшей степени полезно и необходимо при изучении древней нашей письменности, языка, права и палеографии. — И. И. Срезневский имел отношение и к нашему журналу. Имя его имеется в числе сотрудников РФВ 1879 г., а 1-я книга начата его «Былиной о суде Любуши» (1—34). Имя И. И. Срезневского занимает почетное место в русской филологии и науке: он, как справедливо выразился А. Ф. Бычков, «является одним из насадителей у нас славяноведения и по всем отраслям этой обширной науки оставил неизгладимые следы; им впервые изъяснены научно судьбы нашего отечественного языка; он открыл большое число важных и любопытных древнеславянских и русских письменных и вещественных памятников и ознакомил с ними ученый мир; критическими исследованиями и изданием памятников древней церковной письменности осветил многие стороны как русской образованности того времени, так и православной славянской церкви; он значительно подвинул вперед славянорусскую палеографию; . . . наконец, под ближайшим руководством его образовалось несколько поколений русских ученых славистов и педагогов» (59—60).

ЯКОВ КАРЛОВИЧ ГРОТ

15 декабря истекшего года исполнилось 100-летие со дня рождения известного академика Я. К. Грота (1812—1893). Отделение русского языка и словесности императорской Академии наук почтило в указанный день память своего бывшего члена и вице-президента Академии публичным заседанием, на котором были сделаны сообщения П. О. Морозовым и проф. Е. В. Петуховым, а также прочтены воспоминания академика И. В. Ягича. Сыном покойного К. Я. Гротом к столетней годовщине рождения отца выпущены: 1) Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812—1893). Вступительный очерк. Предки, семья и детство (СПб., 1912. 8°. 70) и 2) Материалы и т. д. Хронологический обзор его жизни и деятельности (СПб., 1912. 8°. 51). В приведенных изданиях содержится указание с соответствующим освещением разных обстоятельств жизни Я. Карловича, а также перечисление его работ; самые сочинения покойного академика, благодаря старанию К. Я. Грота, своевременно прекрасно изданы в следующих сериях: а) Переписка Я. К. Грота с А. А. Плетневым. СПб., 1896. Три тома — ценные материалы биографического и историко-литературного характера; б) Труды Я. К. Грота. I. Из Скандинавского и Финского мира (СПб., 1898); II. Филологические Разыскания (СПб., 1899); III. Очерки из исто-

рии русской литературы (СПб., 1901); IV. Из Русской истории (СПб., 1902); V. Деятельность литературная, педагогическая и общественная (СПб., 1903). Кроме того, Академией наук выпущено 9 томов капитального издания сочинений Державина, приготовленных к печати Я. К. Гротом, снабженных им же очень ценными примечаниями и биографией (1863—1883), а также «Русское правописание», вышедшее в истекшем году 20-м изданием. Я. К. Грот, будучи очень отзывчивым человеком, несмотря на многосложность своих трудов, находил возможным уделять некоторые из них и для поддержания изданий, подобных нашему. Уже в I томе РФВ (стр. 35) была помещена его статья «О слове „шпильман" в старинных русских памятниках»; там же (стр. 103) напечатана его критическая заметка о статье: «Die Silbenanalyse als sprachliches Lehr- und Lern- Mittel. Von Castle Cleary». Другие выступления Я. Карловича в РФВ были связаны с выпущенным им «Русским правописанием»: ср. «Письмо по поводу Руководства к русскому правописанию» (XIII, 202), «Несколько орфографических разъяснений» (XV, I).

Деятельность Я. К. Грота в течение его долгой жизни отличалась замечательной интенсивностью и многосторонностью: начав службу канцелярским чиновником, он затем переходит в педагоги; пробует свои силы на поэтическом поприще; становится ученым на обширной почве русской истории, русской литературы и языка. Имя Грота, уже в достаточной степени знакомое литературному и ученому миру с половины прошлого столетия, с выходом в 1885 г. его «Русского правописания», когда Министерство признало его обязательным руководством по орфографии для всех школ, за которыми добровольно пошла и пресса, стало одним из известнейших в России.

А. А. ШАХМАТОВ КАК ИСТОРИК РУССКОГО ЯЗЫКА[1]

Тяжелая, непоправимая для русской науки утрата, вызванная безвременной кончиною Алексея Александровича Шахматова, находящегося в полном расцвете сил, не дала возможности исчерпывающе проявиться его творчеству на почве истории русского языка: его капитальнейший труд последнего времени, который по мысли покойного должен был обнимать итоги всего сделанного им и другими исследователями по этому предмету, увидел свет только в 1-м выпуске: «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Энциклопедия славянской филологии, вып. 11, 1 : Петроград, 1915), все же остальное заключено в отдельных исследованиях, вообще говоря, очень тщательных и разносторонних, дающих читателю картину постепенного развития взглядов гениального ученого на разные явления русского и других славянских языков.

Ученая личность А. А-ча особенно ярко выявится, когда поставим ее в связь с тем, что было сделано по истории русского языка до его выступления в этой области и во второй половине 80-х годов прошлого столетия. До него было собрано немало материала разного качества и достоинства для обширного здания истории русского языка, начали сортировать эти запасы и группировать их по частям, даже возводить постройку, но еще не была продумана, выражаясь языком первобытного миросозерцания, душа здания; не было, как следует, приспособлено оно к окружающей обстановке других исторических построек, лежащих поблизости к возводимому сооружению и в более отдаленном пространстве; не было согласовано оно с ними . . . Почти 40-летняя деятельность А. А-ча на этом поприще и была направлена на дополнение и пересмотр собранных материалов, на новую группировку их, на уяснение их качества. Но более всего потрудился покойный, стремясь уяснить сущность возводимого здания, пользуясь для этого всем сделанным до него и своими собственными изысканиями, обращаясь даже к очень сложным гипотезам.

История русского языка, как наука, зародившаяся в половине прошлого столетия благодаря блестящим трудам Ф. И. Буслаева и И. И. Срезневского, нашла деятельных работников в лице их младших современ-

[1] Изв. ОРЯС, т. XXV, 1920, Пгр., 1922, стр. 75—87 (*Ред.*).

ников А. А. Потебни, М. А. Колосова, П. И. Житецкого. Пользуясь показаниями старинных памятников и привлекая данные живых говоров, они пытались, хотя и осторожно, определить путь, пройденный теми или другими явлениями русского языка и даже всем им в совокупности во время его многовековой жизни. Одно время ту же работу деятельно старался продолжать И. В. Ягич, натолкнувшийся при изучении древних русских памятников на целый ряд вопросов, требующих разгадки и разъяснения. Но деятельность всех этих лиц по истории русского языка была либо непродолжительной, либо недостаточно углубленной, так как им приходилось отвлекаться в другие области, часто уделяя главное внимание другим интересам. Да и источники, которыми они пользовались, были обыкновенно не непосредственные — рукописи, а больше не совсем исправные издания их. При таких условиях в начале 80-х годов началась деятельность старшего современника А. А-ча, тогда профессора еще Киевского университета А. И. Соболевского, с деятельностью которого почти параллельно протекала и научная работа А. А. Шахматова. Уже первые труды Соболевского обнаружили в авторе обширное знакомство с древнерусскими произведениями и богатую проницательность, сказавшуюся в объяснении фактов языка. В хаотическую массу древнерусских памятников он внес некоторый порядок, отметив среди них несколько изводов, смотря по местности, среди которых они явились, поэтому и типичные особенности этих памятников распространены не на весь русский язык (что часто делали предшествовавшие ученые), а только на известные области. Это дало возможность выдвинуть диалектический элемент в истории русского языка, что со временем им же было сделано и в живом языке.

При таких условиях началась и продолжалась ученая работа А. А. Шахматова. После всего сделанного и предпринятого предшествовавшими исследователями ясно было, на чем должна была базироваться плодотворная работа нового ученого. Накопление рукописного лингвистического материала непосредственно из первоисточников, извлечение из уст народа живых данных языка, находящихся в преемственной связи с отдаленнейшим прошлым, доходящим до эпохи прарусской и часто даже праславянской, объяснение этих данных применительно к рациональным теориям сравнительного языковедения; после этой подготовительной работы — построение истории русского языка, попытка чего с значительным успехом к этому времени уже была сделана в известных «Лекциях» А. И. Соболевского. Все это и намеревался выполнить в широком масштабе и отчасти сделал А. А. Шахматов.

Ученик знаменитого языковеда Ф. Ф. Фортунатова, пользовавшийся в то же время руководством известных ученых В. Ф. Миллера и Ф. Е. Корша и других профессоров эпохи расцвета Московского университета, А. А-ч в своих занятиях историей русского языка следовал заветам своих учителей, применял их методы и развивал их взгляды на явления языка. Так, помня положение Фортунатова, что «исследование того или другого отдельного языка является научным только тогда, когда изучается история этого языка, но изучение истории того или

другого языка возможно лишь при сравнении его с родственными языками, и задача исследователя какого-либо индоевропейского языка состоит в том, чтобы проследить историю изучаемых явлений до эпохи распадения общего индоевропейского праязыка» (Лекции по фонетике старославянского языка, 5) покойный А. А-ч и не довольствовался рассмотрением какого-либо явления только на почве памятников русского языка, а строил прарусскую и праславянскую формы и подбирал для них аналогии в явлениях индоевропейского праязыка. Конечно, при таких операциях, когда необходимо было от фактов живого языка или от показаний памятников восходить к теоретически построенному прарусскому, праславянскому и основному индоевропейскому языкам, допускались широкие, иногда очень сложные гипотезы, что у предшественников и современников А. А-ча, стоявших больше на реальной почве фактов, наблюдалось лишь изредка. Если со временем оказывалось, что выставленная гипотеза не объясняет всех фактов или слишком сложна, наш ученый заменял ее другою. Отсюда нередкое несходство его взглядов, высказанных в начале ученой деятельности и впоследствии. И в этом случае — сходство с его учителем Фортунатовым, который нередко менял свои взгляды на разные явления языка. Видя в жизни языка преемственность, строгую эволюцию, постепенное развитие сложных форм из простейших элементов, А. А-ч живые явления языка возводил к старым, зарождение их часто допускал в прарусском языке, фонетические явления новых наречий он стремился объяснять из фонетических вариантов уже праязыка; с другой стороны, для объяснения старинных явлений, отражающихся в древнерусских памятниках он привлекает данные живого языка во всем разнообразии народных говоров.

Подобно своему учителю, и А. А-ч разные изменения в русском языке, те или другие отличия его форм, старается объяснять больше фонетически, детально исследуя все условия возникновения каждого явления, и лишь в редких случаях, когда о звуковых явлениях не могло быть и речи, обращался к факторам психологическим, к действию аналогии; но вообще он избегал злоупотреблять этим довольно легким способом объяснения фактов языка.

Очень близко знакомый с рукописным материалом, которым он начал заниматься еще с гимназической скамьи и не прекращал обращаться к нему в течение всей своей жизни, принимая между прочим деятельное участие и в издании старинных памятников, А. А-ч очень внимательно относится ко всем показаниям письма, видя отражение живых явлений часто там, где прежним исследователям представлялись только описки. Чтобы подобные факты не были униками, привлекались все новые и новые исторические и живые материалы. Только при таком положении дела А. А-ч мог высказать на все свой собственный взгляд, избегая повторять господствовавшие воззрения. Если иногда и возможно открыть сходство с чужими взглядами, то в этом не всегда придется видеть заимствование, а скорее нужно предполагать случайное совпадение, так как обнаружится, что у А. А-ча все продумано глубоко и заново. Вообще же

следует сказать, что во всех работах А. А-ча при беспристрастии исследования наблюдается замечательная широта кругозора, открывающая перед читателем нередко новые горизонты.

Достаточно бегло обозреть хотя бы главнейшие из напечатанных трудов Шахматова, чтобы убедиться в правильности данной общей характеристики его научной деятельности. Тут прежде всего устанавливается тесная связь с Фортунатовым. А. А-ч, выражаясь словами одного из ранних его критиков (Б. М. Ляпунова в 1894 г.), проникаясь до глубины своего существа точной лингвистической школой своего учителя, «усвоил и переработал ее внутри себя самостоятельно, а не заимствовал поверхностно; взгляды Фортунатова до такой степени усвоены его учеником, что они стали его собственными, и многие самостоятельные воззрения ученика обязаны именно тем задаткам, которые получены от учителя». И сам покойный не отрицает такой связи, везде ссылаясь на взгляды учителя, а в некрологе последнего прямо заявляя, что ученики унаследовали от учителя требование добросовестного изучения явлений живого и письменного языка, с другой стороны — критическое отношение к источникам знаний и самобытность во взглядах. Эта последняя особенно велика у А. А-ча и легко наблюдается беспристрастным исследователем во всех его трудах.

Работой по истории русского языка «Zur Kritik der altrussischen Texte» (Archiv f. sl. Phil. V) в 1881 г. еще на гимназической скамье началась ученая деятельность А. А-ча; той же области посвящено и большинство его последующих исследований, возникших в эпоху расцвета таланта; из этой же области развиваются темы и в главнейших трудах, сохранившихся в рукописях. Ученая деятельность покойного протекала строго систематически: сначала из-под его пера выходили труды, посвященные отдельным вопросам, рассматриваемым в истории языка. Из более крупных трудов этого рода назовем [2]: «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV в.» (СПб., 1885), написанное автором еще в бытность его студентом Московского университета. Кроме ценного с палеографической точки зрения издания грамот, здесь имеется и исследование о языке их, очень важное в научном отношении. К числу новых в науке и оригинальных выводов этой работы принадлежит мнение о звуковом значении ѣ в церковнославянском и древнерусском языках. Области фонетики языка и отчасти тех же звуков посвящена его диссертация: «Исследования в области русской фонетики» (Варшава, 1893), за которую Московский университет, минуя магистра, сразу дал автору степень доктора русской и славянской филологии. Здесь приводится масса исторических и диалектических данных, больше собранных самим автором, для определения характера древнерусских звуков *о* и *е*. Тут, например, основание (*ӧ*) для живого русского перехода *е* ударяемого, стоящего перед твердым согласным, в *о* (женà — жòны) возводится не только к праруcскому, но даже к праславянскому языкам; также и для разных замен

[2] Все они до 1914 г. включительно перечислены в автобиографической записке, напечатанной в т. III, ч. II «Имп. Академии наук» (Пг., 1916, 230—235). С дополнениями перепечатаны в настоящем издании.

основных русских *о* и *е* в наречиях русского языка указываются в зародыше основания еще в прарусскую эпоху. Здесь же находим подробную историю звука *ѣ* в русском языке, да и вообще тут рассмотрена судьба важнейших явлений в области русского вокализма. В ряде исследований под общим заглавием: «К истории звуков русского языка» (печатавшихся в «Известиях Отд. русск. яз. и слов. АН») рассмотрены вопросы о смягчении согласных, об общеславянском *ӑ*, о первом, втором и третьем полногласии и т. п. Области современного русского литературного и народного языка посвящена его работа «Русское и словенское аканье» (РФВ, 1902).

Данные живых русских говоров привлекаются не только для уяснения судьбы древнерусского вокализма и консонантизма, но и служат предметом самостоятельных изысканий. А. А-ч знакомился научно с народным языком не только по многочисленным собраниям других лиц, но и сам дважды (в 1884 и 1885 гг.) ездил в Олонецкую губернию для изучения северновеликорусских говоров; изучал ельнинские и мосальские говоры, чему и посвящена особая работа в РФВ за 1897 г., ездил в Егорьевский и Спасский уезды Рязанской губернии (в 1911 и 1912 гг.), изучал на месте и белорусские говоры в Борисовском уезде Минской губернии (1908 г.).

Рано заинтересовался Шахматов вопросом о русском праязыке и об образовании русских наречий. Первая попытка дать точную формулировку этого вопроса в связи с историей народа относится уже к 1894 г. (РФВ). В переработанном виде под заглавием «К вопросу об образовании русских наречий и народностей» статья об этом явилась в Ж.М.Н.Пр., 1899 г. Здесь А. А-ч для древнейшей эпохи предполагал распадение прарусского языка на три части: говоры южнорусские, легшие в основу малорусского наречия, среднерусские, — в своей восточной ветви послужившие основой южновеликорусского наречия, а в западной — для белорусского, наконец севернорусская часть прарусских говоров дала северновеликорусское наречие. Однако эта стройная гипотеза дала северновеликорусское наречие. Однако эта стройная гипотеза не удовлетворила взыскательного автора. Новые факты, накопленные диалектологией, и исторические исследования языка постепенно заставляют его углублять и изменять указанную схему. Уже в своих литографированных лекциях (СПб., 1910—11) он старается более точно формулировать высказанный раньше взгляд, «что в северном Поднепровье в эпоху общерусского единства различались три племенные группы: северная группа, отошедшая впоследствии к северу, восточная, отошедшая на восток, и западная, оставшаяся на прежних местах. . . Четвертую группу составляли южные племена, занявшие среднее, а затем южное Поднепровье» (19). Со временем, под давлением кочевников, восточнорусы с юго-востока стремятся в прежние свои пределы в верхнем Поднепровье и, слившись с оставшимися здесь племенами, образуют белорусскую народность; и южнорусы, несколько потесненные с юга, объединив все южные племена, дают народность малорусскую; восточнорусы и севернорусы оказывают взаимное влияние друг на друга и образуют

великорусскую народность (23). Во введении к «Очерку древнейшего периода истории русского языка» (Пгр., 1915) А. А-ч уже решительно утверждает, что «общерусский праязык выделил из себя первоначально три наречия — южное, северное и восточное» (VIII). В белорусском наречии тут он видит уже не западную ветвь среднерусских говоров, а «соединение северной группы южного наречия с западной группой восточного»; да и великорусское наречие рассматривается как соединение северного наречия с восточной группой восточного наречия. В том и другом не придется усматривать ветви распавшегося общерусского праязыка, необходимо будет признать образования эпохи, наступившей вследствие влияния одних наречий на другие в дальнейшей жизни языка. Во «Введении в курс истории русского языка» (Пгр., 1916, 46) он приходит к заключению, «что прародиной русского народа была территория антов, следовательно область между Прутом и Днепром». Отсюда анты были потеснены аварами в современную Волынскую и северную часть Киевской губернии. Эта область и стала колыбелью русского племени и русской прародиной (ib. 48). Исторические условия, вызвавшие движения среди русских племен, послужившие причиной образования теперешних наречий, и окончательную группировку их автор дает в своей последней печатной работе «Древнейшие судьбы русского племени» (Пгр., 1919). Восточное славянство, когда-то зашедшее далеко на восток, в VI в. автор помещает в бассейне среднего Днепра (22), где оно очутилось под давлением авар. Радимичей и вятичей, о которых летописец сообщает, что они пришли от ляхов, Шахматов заставляет двигаться в бассейн верхнего течения Днепра и к Оке, сделать что они опять были вынуждены аварами. Теперь же расширяется, по мнению А. А-ча, польское влияние на западные окраины, населенные дреговичами, радимичами и даже кривичами (38). В образовании великорусской народности придается огромное значение тем русским племенам, которые под властью хазар жили на юго-востоке Руси, в бассейне нижнего течения Дона и Азовского моря, и двинулись отсюда на северо-запад под давлением полчищ печенегов и половцев. Язык их уже называется восточнорусским или степным (64). Так постепенно складывался взгляд А. А-ча на распадение общерусского пранарода и его праязыка, на взаимоотношение русских племен и их языка, на образование теперешних наречий.

Прежде чем приступить к возведению здания истории русского языка, А. А-ч произвел подготовительные работы еще и в другом направлении: он занялся изучением славянских языков, чтобы представить себе более ясно праславянскую эпоху, к которой возводятся зародыши и общерусских черт. Результатом таких изучений явились, например, следующие его труды: «Отзыв о лекциях по славянскому языкознанию Флоринского» (ЖМНП, 1895), или его капитальнейшая рецензия на книгу Я. Гебауера «Historická mluvnice jazyka českého» (СПб., 1899. 8°, 105), или разбор трудов Балканской комиссии (Schriften der Balkankomission) (СПб., 1901. 8°, 15), или отзыв на книгу Л. В. Щербы «Заметки по истории лужицких языков» (Пг., 1917. 8°, 40).

Особенно много места и времени уделял А. А-ч изучению ударения в славянских языках, преимущественно в сербохорватском, так как характером ударения объясняются в праславянском и многие фонетические явления, особенно в группах из гласных в соединении с сонорными согласными. Тут назовем статьи: «К истории сербохорватских ударений» (РФВ, 1888—1890), печатавшиеся в течение трех лет; сюда относятся и его изучения Юрия Крижанича (ib., 1895) и статья в «Известиях» Отд. русск. яз. и слов. А. Н. (1898 г.) и отзыв о труде Решетара по тому же предмету (ib., 1902). К той же области принадлежит его статья «Об общих явлениях в греческих и славянских ударениях» (Χαριστήρια, 1896).

Для историка языка важны и те заимствования — лексические, а иногда фонетические, которые сделаны у соседей; иногда эти соседи, ассимилируясь, и совершенно сливались с русскими племенами. Еще более заметна их роль в передвижениях русских племен, чем отчасти обусловливалось и образование новых народностей. Все эти вопросы занимали А. А-ча. Им посвящены, например, статьи и издания: «Мордовский этнографический сборник» (СПб., 1910), «Сполы — исконные соседи славян» («Живая старина», 1911), «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях» (ИАН, 1911), «Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen» (Archiv f. sl. Ph. 1911), «Древние ляшские поселения в России» (Славянство, 1911), отзыв о книге Эндзелина «Славяно-балтийские этюды» (Изв. ОРЯС, 1913), «К вопросу о польском влиянии на др.-рус. говоры» (РФВ, 1913). Здесь же следует упомянуть и «Заметку об языке волжских болгар» («Ко дню 80-летия В. В. Радлова», I-й вып.).

Дать историю русского языка А. А-ч задумал давно. Его очерк «Русский язык» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (56-й полутом, 1900 г.) является как бы программой этого исследования. Много времени ушло на детальное обдумывание сочинения и на подготовительные работы, и только к 1913 г. в рукописи был готов 1-й выпуск: «Очерк древнейшего периода истории русского языка», вышедший из печати в 1915 г. (Пгр., 8° больш., XXVIII+L+369), где после нового пересмотра подведены итоги всему сделанному А. А-чем по древнейшему периоду истории русского языка в области фонетики. Труд этот предназначен для Энциклопедии славянской филологии, где он составляет только часть намеченного по программе «Очерка истории русского языка». Продолжением выпущенной части должны были явиться очерки звуков наречий великорусского, белорусского и малорусского. Вся же программа требует еще исторической морфологии и синтаксиса русского языка.

Обращаясь к выпущенной части работы А. А-ча, находим, что весь труд задуман глубоко. Автор дал пока введение в историю, составляющее обоснование всех его взглядов, прочный фундамент к воздвигаемому зданию истории русского языка. Тут изложены взгляды автора, касающиеся образования русских племен и русских наречий. Весь фонетический материал сгруппирован затем в шести отделах, именно: 1-й — дана характеристика звукового состава общеславянского праязыка для того, чтобы видеть, какие общеславянские черты унаследованы теми пра-

славянскими диалектами, которые легли в основу прарусского языка. Факты языка дают основание предполагать, что одно время все зарождающиеся славянские диалекты распадались на две группы — северо-западную и юго-восточную; к последней принадлежали и русские племена. 2-й отдел в работе Шахматова и посвящен изложению тех звуковых явлений, которые развились в эпоху этой общей жизни. Естественное содержание следующего 3-го отдела — рассмотрение тех явлений, которые возникли на почве общерусского пранарода и его праязыка, когда еще все племена, выделившиеся из него со временем, жили совместной жизнью. К нему примыкает 4-й отдел, составляющий собственно его часть — изображение звукового состава древнерусского языка перед его распадением на говоры; тут, значит, даны итоги всего того, с чем выступает перед нами общий древнерусский язык. В 5-м и 6-м отделах рассматриваются явления, свойственные еще всему древнерусскому языку, но возникшие уже после распадения общерусского праязыка. Тут же намечается и зарождение главнейших диалектических различий трех русских наречий.

Не место давать здесь подробную оценку этого капитального труда. Он, как и большинство других филологических работ Шахматова, находится в тесной связи с взглядами его учителя Фортунатова, на что сам автор и указывает неоднократно. С другой стороны, тут использован и весь материал, добытый самостоятельными изучениями А. А-ча, и выводы, к которым пришли другие ученые, занимающиеся теми же дисциплинами, хотя наш автор и относится к ним очень критически, стараясь везде проявить самостоятельность выводов и оценки фактов. В своей работе автор не столько заинтересован обилием диалектического и рукописного материала, русского и инославянского, сколько объяснением разнообразных лингвистических данных. Для этого и здесь нередко допускаются очень сложные гипотезы, только бы они вели к пониманию тех путей, какими в многовековой жизни народа шли больше физиологические изменения существовавших звуков и зарождение новых фонетических явлений. Весь лингвистический аппарат пересматривается и привлекается к делу. Например, в области гласных привлекается к делу и качество их (различие по образованию) и количество (сверхдолгие, долгие, краткие, полудолгие, полукраткие, слоговые, неслоговые, редуцированные и т. п.), разное ударение в слове, различное положение гласных в слове в отношении к другим гласным соседних слогов. В области согласных допускаются твердые, мягкие, полумягкие согласные; кроме того, и у обычных согласных подмечаются разные оттенки в образовании их; те или другие перемены ставятся также в связь с положением согласных в группах звуков как первичных, так и вторичных. Таким образом и при суждении об изменении звуков в их историческом прошлом на первом плане стоит их современное состояние у нас и у других славян, так как, по мнению автора, современное состояние языка в своих зародышах восходит к праязычным явлениям, часто даже индоевропейским. К свидетельству старых памятников он относится с осторожностью, полагая, что известное звуковое явление долго не находило в них отражения. Конечно, при таких слишком широких аналогиях и обобщениях возможны

и ошибки, так как легко принять, например, случайное сходство явлений, наблюдаемых в разных даже очень отдаленных местностях, основанное на одинаковости действия психических законов, за заимствование одной языковой группой у другой. К продолжению истории русского языка имеет отношение его статья: «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка» (Украинский народ в его прошлом и настоящем, II, 664—707).

Говоря о деятельности А. А-ча по истории русского языка, нельзя не подчеркнуть неоспоримой его заслуги по составлению словаря русского языка. Этим предметом он занялся с самого его избрания в члены А. Н. в 1894 г., редактором словаря он состоял и по день смерти. По мысли А. А-ча словарь русского языка должен был обхватывать все лексическое богатство русского народа, а не ограничиваться толь тем, что употребляли в своих произведениях русские писатели (как это делал Я. К. Грот в I-м томе). Шахматов стал в этом случае на ту единственно правильную точку зрения, что живой язык народа — корень и основание его литературного языка. Как история народа не может ограничиваться только бытописанием одних высших слоев, так и история языка не должна суживать свою сферу рассмотрением только того словесного запаса, который употребляет лишь одна часть общества, хотя бы и самая интеллигентная. Чтобы словарь служил не только целям практическим, но и научным, народные слова приводились в точной звуковой передаче их в источниках, кроме того, в словарь для сравнения вводились основные слова и из других русских наречий — белорусского и малорусского, а также большею частью и из других славянских языков, начиная от старославянского. Таким образом, и здесь, как и в истории языка, дело велось в широком масштабе: по собранным запасам можно было определить, что принадлежало всему русскому языку, а не только литературному или великорусскому наречию, что следует предположить для общерусского праязыка и даже — что восходит к праславянской основе. А вы знаете, какие широкие горизонты по культуре прарусского и даже праславянского племени открываются у исследователей, когда они владеют хронологией слов и когда могут определить, что унаследовано данным племенем от предшествующих формаций, что выработано им самим, что заимствовано у соседей непосредственно и т. д. Благодаря такому знанию могут быть безошибочно написаны первые страницы доисторической жизни народа.

Научные труды А. А-ча по русскому языку не ограничивались только историей последнего. Он уделял свои незначительные досуги и исследованию русского литературного языка, о чем свидетельствуют его курсы, читанные в университете, к сожалению, еще не изданные самим автором. Этому же предмету посвящена его статья «Русский язык. Его особенности. Вопрос об образовании наречий. — Очерк основных моментов развития литературного языка» (История русской литературы до XIX в. Под редакцией А. Е. Грузинского, I, 39—63). Он принимал самое деятельное участие и в заседаниях комиссий по вопросу о реформе русского правописания, начиная еще с 1904 г.

Таким образом, всестороннее изучение и научное исследование русского языка во всем его объеме, обыкновенно в связи с историей самого народа, составляло главнейшую задачу жизни и деятельности А. А-ча. Еще с гимназической скамьи он обнаружил изумительную для юноши любовь к филологии; ею он пылал во время своей студенческой жизни; ею же он согревался и в последующую жизнь при своих многочисленных филологических изысканиях. Эта любовь к русскому языку, скажем словами академика Сухомлинова, у него обратилась в страсть, которая с неодолимою и плодотворною для науки силою владела им до последней минуты.

ЗАСЛУГИ И. В. ЯГИЧА В ИЗУЧЕНИИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ[1]

Многосторонний талант И. В. Ягича охватывал всю славянскую филологию: нет такой области, куда бы он не сделал своего вклада. Но, несомненно, более всего он поработал по старославянскому и затем по русскому языкам. Им, особенно первому, посвящены его самые выдающиеся труды.

Понимая, что изучение старого языка не возможно без обстоятельного ознакомления с дошедшими до нас его памятниками, И. В. и обратил свое внимание на критически-научное издание древнейших памятников и в этом отношении он оставил славянскому языковедению капитальнейшие труды.

Уже в 1865 году он вместе с Рачким участвует в издании глаголицей знаменитого Ассеманова евангелия X—XI вв., принадлежащего Ватиканской библиотеке в Риме, в предисловии к которому помещает свое рассуждение об особенностях древнеславянского перевода евангельского текста. Затем исключительно на одного себя берет издание древнейшего славянского текста, сохраненного в глаголическом Зографском списке евангелия X—XI вв., выпущенного им в Берлине в 1879 г., под заглавием: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus, olim Zographensis, nunc Petropolitanus. Издание сделано более распространенным в науке Кирилловским письмом с добавлением даже особого знака для глаголического і с треугольным основанием, взятого Ягичем из греческого курсива (ι). Евангельскому тексту предпослано введение на латинском языке. Еще раньше своего издания Ягич по рукописи исследует язык этого памятника и печатает в основанном им Archiv für slavische Philologie (т. I и II) — Studien über das altslovenischglagolitische Zographos-Evangelium, где рассматривает главным образом судьбу звуков ъ и ь в этом памятнике. На средства нашей Академии наук в 1883 г. он выпускает в свет также кириллицей известное евангелие X—XI вв., вывезенное В. Григоровичем с Афона из монастыря Марии богородицы. Издание это во многих отношениях замечательное. Текст напечатан

[1] Изв. ОРЯС, т. XXVIII, 1923. Л., 1924, стр. 366—374 (*Ред.*).

строка в строку, знак в знак. К изданию приложен палеографический обзор памятника и подробный очерк языка; здесь издатель делает даже специальные экскурсы по разным грамматическим вопросам, напр., об образовании и происхождении старославянского имперфекта и т. п.; под текстом указываются варианты из других памятников того же времени, наконец, дается подробный словоуказатель, послуживший образцом для словарей, обыкновенно прилагаемых и настоящее время к лучшим изданиям подобного рода. Из кирилловских памятников Ягичем всесторонне исследовано Добромирово евангелие XII в. в труде — Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII Jahrhunderts (1898 г.). И здесь дан подробный грамматический и лексический анализ, разбор самого перевода и рассмотрено его отношение к кирилловским и глаголическим текстам. Из сравнения Ягич приходит к выводу о существовании редакций западномакедонской, к которой принадлежит и Добромирово евангелие, и восточноболгарской, к которой принадлежал, напр., оригинал Остромирова евангелия. Под наблюдением Ягича в Вене издавался древнейший сербский памятник XII в., знаменитое Мирославово евангелие. Если бы не это фотомеханическое воспроизведение памятника, исполненное на средства сербского короля, наука лишилась бы его навсегда или по крайней мере на долгое время, так как оригинал его после убиения Александра Обреновича неизвестно куда исчез. Лишь один лист его, вывезенный еп. Порфирием, имеется в Российской публичной библиотеке. Не только евангельские тексты привлекали внимание Ягича; ему принадлежит и лучшее издание одного из самых бедных по внешнему виду, но зато — можно сказать — самого замечательного по языку и по древности памятника (X—XI вв.) — Киевских глаголических отрывков римского миссала, не совсем точно изданных И. Срезневским. В издании Венской Академии наук Denkschriften (т. 38) и отдельно Ягич дал не только исправный текст памятника, но и sumptibus propriis сделанные и воспроизведенные фототипически снимки со всего памятника. Издание снабжено ценными историко-филологическими и палеографическими примечаниями. К вопросу о родине Отрывков Ягич обращался и позже: Zur Provenienz der Kiever glagol. Blätter (Arch. XX), Nochmals die Kiever Blätter, где он настаивает на моравском происхождении этого памятника. Наконец, уже в начале настоящего столетия Ягич дает капитальнейшее издание Болонской псалтыри XII—XIII вв.: Psalterium Bononiense (Вена, 1907 г.); для него был отлит особый шрифт по рисунку Супрасльской рукописи XI в., приготовлено было много фототипических снимков и всяких других приложений. Толкованиям псалмов в этой псалтыри посвящена даже одна из последних работ покойного: Supplementum Psalterii Bononiensis. Incerti auctoris explanatio psalmorum graeca ad fidem codicum (Vindobonae, 1917).

Переводные церковнославянские памятники возникали вместе с зарождением старославянского литературного языка. Вопросы о его родине, особенностях, изобретателях азбуки, первых переводах послужили материалом для позднейшей работы Ягича: Entstehungsgeschichte der kir-

chenslavischen Sprache (Berlin, 1913). Здесь вопрос рассмотрен научно и, можно сказать, художественно тонко. Более подробная речь об этом будет в следующем докладе, равно как и о палеографических взглядах И. В., которые он высказывал неоднократно в разных изданиях памятников и в специальных работах: «Четыре критико-палеографические статьи» (СПб., 1884 г.); особенно подробно в издании Энциклопедии Славянской Филологии «Глаголическое письмо» (1911 г.).

Здесь мы скажем несколько слов о работах Ягича собственно по старославянскому языку. Изучение церковнославянского языка, этого «санскрита» славянской филологии, по его мнению, является основой всего славянского языкознания не только в высшей, но и в средней школе: где глубже изучается этот древнейший представитель семьи славянских языков, тем яснее и содержательнее представляется понимание явлений своего живого родного славянского языка, как литературного, так и народного. В отношении языка Ягич желал стоять на реальной почве: действительные факты древнейшего представителя славянских языков он предпочитал всяким теоретически построенным образованиям, представляющим из себя гипотезы, легко уступающие место другим, подобным домыслам часто даже одного и того же ученого. Поэтому никого не должна удивить, например, фраза, которою он начинает свои «Чтения о церковнославянском языке» (1882 г. — печатное, но не выпущенное издание из Сб. ОРЯС. А. Н.): «Не только в историческое, но и в доисторические времена одного общеславянского языка не было, а были простонародные говоры, из которых потом возрастали наречия, из наречий же выделялись силою судеб исторических — языки книжные» [2]. О говорах в праславянском языке уже значительно позже заговорил Ф. Фортунатов, но до отрицания реального существования праязыков дошел лишь в последнее время Мейе. Такое рассуждение особенно интересно в устах Ягича, который в обозрении литературы по старославянскому языку с особенным вниманием останавливается на Formenlehre der kirchenslavischen Sprache Шлейхера (Бонн, 1852 г.), этого проповедника всяких праязыков, и работах И. Шмидта, А. Лескина, Ф. Миклошича, которые не только в изобилии вводили сравнительный элемент в свои исследования по старославянскому языку, но и обращались к построению праславянских и праиндоевропейских форм. Не стану характеризовать здесь не выпущенного печатного курса И. В. по старославянскому языку; не удобно было бы разбирать и его литографированные курсы, потому что они и не получили соответствующей обработки и, кроме того, не ответственны; но не могу не привести свидетельства одного ученика Ягича, известного теперь профессора-слависта — Б. М. Ляпунова — о характере изложения покойного учителя: «каждое фонетическое явление комментировалось целым рядом примеров из родственных языков несловянских. Здесь для меня открывался целый новый мир, и многие сближения, которые теперь кажутся элементарными фактами науки, тогда представлялись смелыми и непонятными» . . . (Ляпу-

[2] О том, что «общеславянский язык» фикция, Ягич подробно рассуждает в т. XXII, 1—38, Archiv'a.

нов. Краткий очерк ученой деятельности акад. И. В. Ягича. Одесса, 1901, 16).

В дальнейшем я остановлюсь лишь на некоторых работах И. В. Ягича по этому предмету, появившихся в печати, главным образом, в его Archiv'е f. sl. Philologie. Уже в своей диссертации «Das Leben der Wurzel *dê* in den slavischen Sprachen» (Agram, 1871) он обнаружил обширные познания по сравнительной грамматике индоевропейских и славянских языков и знание их лексического состава. Свой Archiv он открыл богатой по содержанию и ценной по выводам, а также замечательной по методу исследования работой, уже упомянутой нами раньше, Studien о языке Зографского евангелия, где применен статистический метод в изучении употребления ъ и ь. Старославянского языка касаются и специальные работы Ягича, посвященные явлениям его, и те многочисленные рецензии на книги, имеющие отношение к этому предмету, и небольшие заметки, в таком изобилии разбросанные, можно сказать, по всем 37 томам Archiv'а, вышедшим под редакций покойного. И в лингвистических статьях, касающихся других славянских языков, Ягич всегда привлекал к исследованию и данные старославянского языка. Приведем для примера несколько работ Ягича. Таков его экскурс в V и VI тт. Archiv'а «Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen, e, ê, ę in den slavischen Sprachen»; таковы его рецензии, например на сочинение Видемана — Beiträge zur altbulgarischen Conjugation (Arch. X), где, между прочим, продолжает рассматривать в некотором изменении освещения вопрос, разобранный им в приложении к изданию Мариинского евангелия о славянском imperfect'е. Рецензируя 2-е издание Grundriss'а Бругмана (XX т. Arch.), Ягич останавливается на вопросе о слоговых r и l в праславянском. Он допускает эти звуки в известных случаях в старославянском языке, но для праславянского (теоретическая фикция) он допускает предложенную Фортунатовым формулу tъr̥t с r слоговым (ср. ib. Einige Streitfragen, 3), не без колебания признав со временем равносильность в слоговом отношении и глухих и сонантов r и l (Arch. XXII, 262). Вообще вопрос о праславянской огласовке плавноглухих и плавночистых сочетаний долго занимал Ягича. Этого вопроса он уже касался при рассмотрении сочинения Иоганна Шмидта: Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus (I т. Arch.), когда он еще был приверженцем мнения о первоначальности старославянской огласовки ра-ла, рѣ-лѣ и не находил возможности допустить гласные о и е перед слоговыми r̥ и l̥, и в статье Einige Streitfragen (XX т.), где уже подходит к современному положению этого вопроса в науке. Вообще его Streitfragen представляют интереснейшие страницы в Archiv'е. В них Ягич или на основании новых данных, а также при другом освещении рассматривает разные трудные вопросы славянской филологии, или же вносит поправки и дополнения в свои прежние мнения. Таков, например, № 7: Klassifikation des slavischen Verbums (XXVIII т.), где он пересматривает основы классификации славянских глаголов по инфинитиву (взгляды Добровского, Миклошича и др.) и по основе настоящего времени (например, в Handbuch'е Лескина). Указывает практические удобства и недостатки каждой из систем и вносит свои поправки. Или № 8: Noch-

mals das slavische Imperfectum — здесь в третий раз рассматривается вопрос о старославянском имперфекте, при чем довольно убедительно доказывается его славянское происхождение из глагольной основы на ē и ā присоединением imperfect'а глагола esmь-ехъ. Можно бы еще на очень многих наблюдениях и заметках Ягича остановиться. Несомненно, что они не только много нового привнесли в науку, но и вызвали интерес у читателя, заставив его передумать существующие теории. Касаясь более выдающихся работ Ягича по старославянскому языку, нельзя не упомянуть его издания «Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковнославянском языке» (1895 г.). Здесь собраны статьи старинных грамотеев, касающиеся происхождения старославянской письменности, азбуки, палеографических особенностей письма, грамматической терминологии. Для многих статей указаны источники, даны объяснения. Издание это в высшей степени полезно для историко-литературных исследований старинных памятников.

Ставши членом ОРЯС нашей Академии, И. В. Ягич вознамерился предаться интенсивной деятельности и по русскому языку, аналогично тому, что он сделал по старославянскому. Он представил в Отделение записку, предлагая взять на себя «полное издание древнейших памятников русской письменности». Ближайшим следствием этой записки было издание им огромного тома около 1000 страниц, содержащего новгородские минеи за 1095—1097 гг. Труд по внешнему виду и по внутреннему достоинству капитальный. Он дал возможность многим ученым исследователям всесторонне ознакомиться с специфическими особенностями северновеликорусского наречия, уже в глубокой древности всплывающими наружу, а также расширить исследование этого вопроса, обратившись к изучению аналогичных памятников. По идее Ягича издание памятников было только подготовительной ступенью к лингвистическому изучению русского языка древнего периода: дальше и должно было последовать всестороннее грамматическое и лексическое рассмотрение их языка. Желая поставить и это дело на прочную почву, покойный академик предложил Отделению основать новую серию трудов «Исследования по русскому языку», давшую до сих пор уже несколько томов. В бытность Ягича в Петрограде, под его редакцией, здесь были напечатаны — в свое время образцовые по собранным материалам и методу исследования работы: М. Козловского о языке Остромирова евангелия, которая значительно осветила те данные, которые были собраны А. Востоковым и напечатаны при издании самого памятника еще в 1843 г., и А. Шахматова о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. с приложением текста этих памятников.

Ставши профессором истории русского языка в учебных заведениях Петрограда, И. В. серьезно занялся изучением старинных древнерусских произведений. Если судить по сохранившимся литографированным «Лекциям по исторической грамматике русского языка» (СПб., 1883—1884 гг.) и на них основанным «Критическим заметкам по истории русского языка» (СПб., 1889 г.), посвященным разбору «Лекций по истории русского языка» А. И. Соболевского, то окажется, что Ягичем внимательно изучены

отчасти по рукописям, отчасти по изданиям почти все известные к тому времени памятники древнерусского языка, кончая XIV в., а грамоты до XVI в. включительно, при том не только великорусские, но и белорусские, малорусские, и даже молдавские, на которых также сказалось влияние старого западнорусского языка. Памятники рассматриваются по векам, и грамматические особенности каждого выписываются и объясняются отдельно. К надлежащему освещению их привлекаются параллели из других славянских языков и даже из литовского. Особенности рукописей духовнорелигиозных характеризуются отдельно от летописей. Грамоты группируются и разбираются по лингвистическим и отчасти политическим областям: новгородские, смоленские, полоцкие и витебские, литовские (западнорусские) и юго-западной Руси, московские и молдавские. Конец лекций посвящен XV—XVI вв. — Киприану, Пахомию Логофету и новым приемам в графике и языке. По свидетельству ученика Ягича — Б. М. Ляпунова, «как введение к истории русского языка, он делал иногда краткий очерк некоторых вопросов славянской древности, например, приводя свидетельства древних писателей о расселении славян, касаясь вопроса о взаимных отношениях славянских наречий» и т. п. (все это есть и в названном раньше литографированном курсе).Как велось само преподавание, свидетельствует тот же ученик: . . .«едва ли кто либо из профессоров, и не уступавших быть может Ягичу в научной силе и знаниях, мог в такой мере содействовать возбуждению в слушателях научных стремлений, в какой он, и причину этого я вижу в том, что в чисто научные вопросы, не имеющие никакого отношения к злобам дня, он умел вносить искру горячего увлечения, заражая им слушателей и учеников, но предоставляя при этом им полную свободу относиться критически к сказанному и не соглашаться с мнением учителя, преподающего живую развивающуюся науку, не возможную без постоянной критики» (Л я п у н о в, 24—25). Еще два слова о «Критических заметках» Ягича. Этот разбор представляет извлечение из его литографированных лекций и дает не только характеристику замечательных в свое время и не потерявших значения до сих пор лекций Соболевского, но и дополняет их множеством фактов, которые, как выяснилось из ответа Соболевского (РФВ. 1889 г., № 4), хотя и были в изобилии известны последнему, но по его методическим соображениям не были внесены в курс. В «Критических заметках» дается краткое обозрение попыток написать историю русского языка в предшествовавшее время, чтобы тем правильнее определить должное место труду Соболевского; очень удачно подчеркнуты достоинства и недостатки работ в этом роде И. Срезневского, П. Лавровского, М. Колосова; характеризуются и другие выдающиеся труды того времени по научному изучению русского языка: Даля, Потебни; не забыт даже спор Максимовича с Погодиным. Дополнены разными указаниями приметы, характеризующие древнерусские изводы рукописей в зависимости от местностей, где они явились. Разные объяснения тех или других явлений русского языка у Соболевского Ягич старается либо упрочивать, либо подрывать своими соображениями. С точки зрения ученой критики некоторые из этих соображений со временем оказались неправильными

и неприемлемыми, но многие и вошли в научный оборот, напр., в трудах Шахматова (переход конечного *е* в *а* в древнерусском и др.).

Давая характеристику работ Ягича по старославянскому и русскому языкам, нельзя не упомянуть об его очень ценных исследованиях по синтаксису. Интерес к последнему у него уже виден в очень ранних работах (Književnik, II, 1865, рецензии на синтаксис Миклошича и записки Потебни), но особенно ясно выразился его взгляд на этот предмет в Beiträge zur slav. Syntax. 1899 (Denkschriften), где он при рассмотрении синтаксических вопросов, согласно Потебне, предлагает исходить из предложения, придерживаясь строго формальной точки зрения.

Не решаюсь больше утомлять внимание почтивших наше заседание гостей. Отмечу лишь, что Ягичем так много сделано по славянской филологии и в том числе по старославянскому и русскому языкам, что его издания, ученые труды и высказанные положения еще долго и долго будут служить основанием всяких новых исследований и изысканий в этой области, являясь для последующих поколений образцами работ и по внешней форме и по существу.

ТРУДЫ А. И. СОБОЛЕВСКОГО ПО ПАЛЕОГРАФИИ И ДИАЛЕКТОЛОГИИ[1]

Велики заслуги покойного А. И. Соболевского в области палеографии. Он был учеником Н. С. Тихонравова, который своим примером сумел заинтересовать молодого ученого рукописными богатствами наших библиотек, содержащими в себе источники для знакомства и с языком и с литературой. Уже в первых работах А. И., например, в отзывах об исследовании Златоструя Малинина (1879 г.), или о среднеболгарском служебнике Плотникова (1881 г.), или об отрывках древних рукописей Амфилохия (1881 г.) виден солидный ученый, в интересы которого входят старинные рукописи. Дальнейшая его деятельность по изучению древнерусского языка и основывается главным образом на изучении документальных данных, взятых непосредственно из рукописей (ср., например, его «Статьи по славянорусскому языку», 1882—1883 г., «Очерки из истории русского языка», 1884 г., и т. д.). Реалист в языкознании, чуждый «лингвистических мечтаний. . . вошедших в науку о русском языке» (предисловие к 3-му изд. «Лекций»), он и в своих «Лекциях» всюду выходит из рукописных данных, а не из печатных изданий памятников, как это делали многие из его предшественников (например Потебня, Колосов и др.). К началу 90-х годов палеографические наблюдения А. И. по древним рукописям были разносторонни: все особенности их были представлены в большом количестве примеров; черты славянорусских рукописей сопоставлены были с греческими византийскими. В это время А. И. нашел своевременным начать чтение курса палеографии в Петербургском университете и Археологическом институте. Уже литографированные его лекции по этому предмету пользовались большим распространением и заслуженным вниманием у лиц, интересующихся этим предметом. Мне приходилось неоднократно указывать, что и у меня интерес к палеографии возник под влиянием знакомства с курсами А. И. В переработанном виде его курс явился и в печати: «Славянорусская палеография» (2-е изд., СПб., 1908, со снимками). Под его редакцией на средства Археологи-

[1] Известия Академии наук СССР, VII серия. Отделение гуманитарных наук. 1930, № 1, стр. 45—48 (*Ред.*).

ческого института выпущено несколько альбомов снимков: «Палеографические снимки с рукописей XII—XVII вв.» (СПб., 1901); «Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII вв.» (СПб., 1906); вместе с С. Пташицким: «Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в.» (СПб., 1903). Им же готовилось для Славянской энциклопедии обозрение древнерусских памятников письменности; было сделано даже немало снимков и клише с них для печати, но неожиданная смерть помешала довести эту работу до конца. По истории кириллицы и глаголицы интересна его статья в «Богословской энциклопедии» (т. X). Для суждения о связи кирилловского письма с греческим ценны его «Образцы греческого письма по преимуществу IX—XI вв.» (СПб., 1913), обработанные вместе с Г. Ф. Церетели. Вместе с Е. Калужняцким им составлен «Альбом снимков с кирилловских рукописей румынского происхождения» (ЭСФ, П., 1916). Кроме этих главных трудов по палеографии А. И. Соболевскому принадлежит много мелких работ в рассматриваемой области, например «Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках» (СПб., 1894); сюда же относятся заметки, рассеянные в «Чтениях в Историческом обществе Нестора Летописца» и других журналах. Старые печатные шрифты подражают рукописным буквам, на самом деле лежащим в основе их. Этому предмету посвящено издание, сделанное Соболевским вместе с С. Пташицким: «Сборник снимков с славянорусских старопечатных изданий», I—II (СПб., 1895). Подбор снимков, больше с заставками и инициалами, выполнен опытной рукой.

Глубокий знаток русского языка и опытный педагог сказывается еще в одной области деятельности А. И. Соболевского — в трудах по русской диалектологии. К изучению этого предмета подходили и заинтересовывались им в той или другой степени и Потебня (два исследования) и Колосов, выдвинувший вопрос об изучении диалектологии еще в 1871 г. в своей вступительной лекции и пытавшийся дать ответ на него в своем «Обзоре звуковых и формальных особенностей народного русского языка» (Варшава, 1878). Но у Колосова материал был довольно однообразный, в малом количестве, и расположен по выдающимся диалектическим особенностям русского языка, а не географически — по местностям, где распространены те или другие черты. А. И., который так всесторонне исследовал русский язык в его историческом развитии, не мог обойтись без привлечения диалектических данных и вообще явлений живой русской речи. Всюду — и в отдельных исследованиях и в «Лекциях» — у него в изобилии приводятся эти данные. Собирает он их отовсюду: и из Губернских ведомостей и из памятных книжек, издаваемых статистическими комитетами, и из архивов Географического общества и других учреждений, получает и непосредственно из уст народа в ответах на разосланные краткие программы и опросные листки. Результатом было то, что и диалектологического материала у него накопилось достаточно, настолько, что он стал читать своим слушателям целые курсы по русской диалектологии, чего, по-видимому, не делали до него профессора русского языка в высших учебных заведениях. Эти курсы попали и в печать под заглавием: «Очерк русской диалектологии» («Живая Старина», 1892 г., № 1—4), где рассмот-

рены южновеликорусское и северновеликорусское наречия, белорусский и украинский языки. Во 2-м издании книга вышла под заглавием «Опыт русской диалектологии. Наречия великорусское и белорусское» (СПб., 1897). Здесь даются не только отдельные очерки целых наречий, но и отмечаются и разные диалектические разветвления. Диалектологическим вопросам уделяет свое внимание А. И. и после — в разных статьях и заметках, рассматривающих отдельные грамматические вопросы и характеризующих язык разных местностей. Нет сомнения, что и работы Соболевского по диалектологии в сильной степени заинтересовали исследователей русского языка явлениями живой речи и побудили их заняться более внимательным наблюдением над народным языком и собиранием, а также объяснением его особенностей. Дело этим не ограничилось: явилось желание поставить теперешнее состояние в связь с прошлым языка, а иногда даже видеть зарождение современных отличий в прарусском и праславянском языках. Нет сомнения, что теперешнее широкое развитие краеведения с изучением живой старины этнографической выродилось из той заинтересованности народностью, которая явилась следствием знакомства с трудами А. И. по диалектологии и истории русского языка.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО[1]

1883

1. Слово «человек» в производствах — Н. Н. Бодров. (ФЗ 1883 г., вып. 1. Воронеж). РФВ, т. X, № 3, 1883, стр. 139—144[2].

1884

2. Заметка на «Ответ рецензенту» Н. Бодрова (ФЗ. 1884 г., вып. 1), РФВ, т. XI, № 2, 1884, стр. 316—321.
3. Белорусские песни села Берёзовца Новогрудского уезда Минской губ. РФВ, т. XII, № 3, 1884, стр. 124—135.

1885

4. Продолжение «Белорусских песен с. Берёзовца». РФВ, т. XIII, № 2, 1885, стр. 266—283.
5. Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1885, 170 стр. (Извлечено из т. X Изв. Историко-филологического института кн. Безбородко).

1886

6. О так называемых барбаризмах в русском языке. Речь, произнесенная на акте 21 августа 1886 года. «Краткий отчет о состоянии Виленской 2-й гимназии за 1885/6 учебный год». Вильна, 1886, стр. 33—45.

---

[1] Нами использован список, помещенный в статье акад. Б. М. Ляпунова «Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского» («Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук», 1932, № 3, стр. 167—192).

Б. М. Ляпунов отмечает: «Список составлен на основании доставленных мне сыном покойного (С. Е. Карским. — *В. Б.*) материалов, значительно дополненных и уточненных мною по первоисточникам» (стр. 179).

Обращение к первоисточникам позволило и нам внести некоторые поправки и уточнения в список, составленный акад. Б. М. Ляпуновым.

Мы не сочли целесообразным включать в список статьи, напечатанные Е. Ф. Карским в газетах (эти статьи названы в «Очерке . . .» Б. М. Ляпунова). Большинство из них написано в 1919—1920 гг. и посвящено белорусской литературе (*Ред.*).

[2] Сокращения, принятые в «Списке»: ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения; ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук; ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности; ИРЯС — Известия по русскому языку и словесности; РГО — Русское географическое общество; РФВ — Русский филологический вестник; ФЗ — Филологические записки (*Ред*).

1887

7. Два новые источника для изучения белорусских говоров. Белорусский сборник. *Е. Романова*, т. I. Киев, 1886. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. *П. Шейна*, т. I, ч. 1, СПб., 1887. ЖМНП, 1887, октябрь, 320—330.

1888

8. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским. Вильна, 1888 [3].

1889

9. Белорусские песни деревни Новосёлок-Затрокских Виленской губернии, Трокского уезда. РФВ, т. XXI, 1889, стр. 243—259.
10. О преподавании церковнославянского языка в мужских гимназиях. РФВ, т.XXII, 1889. Педаг. отд., стр. 37—59.
11. Церковнославянская грамматика, изд. 2-е. Вильна, 1889.
12. О суффиксах в русских словах типа т е л е н о к, В а с е н ь к а, р у ч е н ь к а, б е л е н ь к и й. РФВ, т. XXII, 1889, стр. 179—183.

1890

13. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок *П. В. Шейном*, т. I, ч. II, СПб.,1890. 720+XXXI стр. ЖМНП, 1890, ноябрь, 175—190.

1891

14. Памяти М. Ю. Лермонтова. Речь, сказанная на годичном акте Виленских Первой и Второй гимназий, 22 сентября 1891 года, преподавателем Е. Ф. Карским. «Отчет о состоянии Виленской второй гимназии за 1890—91 учебный год». Вильна, 1891, стр. 29—47 (отд. оттиск — Вильна, 1891. 8°. 19 стр.).

1892

15. Церковнославянская грамматика, изд. 3-е. Вильна, 1891—1892.
16. Стихотворения и прозаические статьи для заучивания наизусть в гимназиях и прогимназиях. Сборник с примечаниями и разными приложениями. Вильна, 1892 (2-е изд. — 1901).

1893

17. К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893. 8°. IV+313 стр. (отд. оттиск из РФВ, т. XXIII, XXIV, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, 1890—1893).
18. Главнейшие течения в русском литературном языке. Вступительная лекция. Варш. ун. изв., 1893, № 4, стр. 1—12.
19. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Выпуск II, 1892. Разбор некоторых объяснений, касающихся фонетики и морфологии. РФВ, т. XXIX, 1893, стр. 164—167.
20. К вопросу о разработке старого западнорусского наречия. Библиографический очерк. Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна, 1892. Отдел III, стр. 3—48.
21. Два памятника старого западнорусского наречия: 1) Лютеранский катехизис 1562 г. и 2) Католический катехизис 1585 г. ЖМНП, 1893, август, стр. 406—430.
22. Грамматика церковнославянского языка, изд. 4-е. Вильна, 1893.

---

[3] Учебник по русскому языку для IV класса средних учебных заведений (*Ред.*).

1894

23. О языке так называемых литовских летописей. Варш. ун. изв., 1894, №№ 2 и 3' стр. 1—16 (отд. оттиск — Варшава, 1894. 8°. 64 стр.).
24. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок *П. В. Шейном*, т. II, СПб., 1893 г. 715+ XXИ стр. in — 8°. ЖМНП, 1894, апрель, 434—450.
25. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским. Курс средних учебных заведений. Составил А. Флеров. Одесса, 1894. РФВ, т. XXXI, 1894, стр. 345—356.
26. Польская псалтырь Николая Рея. РФВ, т. XXXII, 1894, стр. 305—307.

1895

27. Заметка по русской диалектологии. Белорусское óў на месте áл—áв. РФВ, т. XXXIV, 1895, стр. 157.
28. Отчет экстраординарного проф. Евфимия К а р с к о г о о научных занятиях в библиотеках С.-Петербурга, Москвы и Вильны в течение летних месяцев 1895 года. Варш. ун. изв., 1895, VII, стр. 1—12.
29. Особенности письма и языка Мстиславова Евангелия. РФВ, т. XXXIV, 1895, стр. 169—192 (отд. оттиск — Варшава, 1895. 8°. 24 стр.).
30. Русские наречия д о м о й, д о л о й. Изв. Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине, т. XV, № XI, Нежин, 1895, стр. 4—12.
31. Церковнославянская грамматика, изд. 5-е. Вильна, 1895.

1896

32. Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках. Варшава, 1896. 8° XIII+ 444 стр.
33. Некоторые редкие особенности белорусского наречия в Сокольском уезде Гродненской губ. РФВ, т. XXXV, 1896, стр. 220—221.
34. Новые труды по белорусской этнографии (за 1895 год). Рассмотрены работы: 1) Н. Я. Н и к и ф о р о в с к и й. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск. 1895. 8°. VIII+ 555+CLIV; 2) М. Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Белорусское Полесье. Песни пинчуков. Киев. 1895 (Оттиск из Ун. изв. 8°. XXVIII+205; 3) Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego gubernii Wileńskiej. Zapisal Adolf Černý (помещено в «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», т. XVIII, 1895 г.); 4) Dodatek do pieśni białorusko-polskich z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej, zapisanych przez Prof. Dr. Baudouin de Courtenay (там же)[4]. ЖМНП, 1896, май, стр. 153—163.
35. Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego gubernii Wileńskiej, Zapisal Adolf Černý (помещено в «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», т. XVIII, 1895 г.). «РФВ», т. XXXV, 1896, стр. 299—303[5].

1897

36. Программы для собирания особенностей народных говоров. III. Программа для собирания особенностей говоров белорусского наречия. Изд. ОРЯС. СПб., 1897 (перепечатано в ИОРЯС, т. II, 1897, кн. 2, стр. 501—560).
37. Из лекций по славянской кирилловской палеографии, читанных в Варшавском университете. Варшава, 1897, 8°. IV+173+1 стр. «Пермские письмена» (из РФВ,

---

[4] Песни, записанные проф. Бодуэном де Куртенэ, как отмечает акад. Е. Ф. Карский, напечатаны в т. XVI «Zbiór wiadomości». Этот том вышел в Кракове в 1892 г. (*Ред.*).

[5] Перепечатан отзыв, помещенный в ЖМНП, 1896, май, в связи с некоторыми искажениями в ЖМНП (см. Е. Ф. К а р с к и й. «Белорусы», т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903, стр. 327—328 (*Ред.*).

т. XXXV, XXXVI, XXXVII, 1896—1897 гг. В РФВ, т. XXXVIII, 1897, стр. 1—24 — Дополнения и поправки к «Лекциям по славянской кирилловской палеографии» Е. Ф. Карского, помещенным в т. XXXV—XXXVII РФВ.

38. Что такое древнее западнорусское наречие. Труды Девятого археологического съезда в Вильне 1893, т. II. М., 1897, стр. 62—70.
39. Западнорусский сборник XV века, Публичной Библиотеки в С.-Петербурге Q.I. № 391. Палеографические особенности, состав и язык рукописи. СПб., 1897, 8°. 73 стр. (из ИОРЯС, т. II, 1897, стр. 964—1036).
40. 1. Белорусские свадебные обряды и песни сравнительно с великорусскими. Составил *А. З-ч.* СПб., 1897. 8°. IV+114. 2. Простонародные приметы и поверья. Суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах в Витебской Белоруссии. Собрал Н. Я. Никифоровский. Витебск. 1897. 8°, X+308+30.ЖМНП, 1897, октябрь, стр. 387—393.
41. А. Соболевский. Опыт русской диалектологии. Выпуск I. Наречия великорусское и белорусское. СПб, 1897. ИОРЯС, т. II, стр. 1162—1164.
42. Критико-библиографические заметки. Отзывы о книгах Э. Калужняцкого (издание «Христинопольского Апостола XII века»), Ле-Жюжа, о Трудах Девятого Археологического съезда в Вильне, о книгах Н. Я. Никифоровского. РФВ, т. XXXVIII, 1897, стр. 338—348.
43. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. I, СПб., 1897 (ред. и автор сообщений № 1 и 2). ИОРЯС, т. II, 1897, стр. 561—575[6].
44. Церковнославянская грамматика, изд. 6-е. Вильна, 1897.

1898

45. Западнорусское сказание о Сивилле пророчице по рукописи XVI века. Текст сказания, его состав и язык. Варшава, 1898. 8°. 32 стр. (из Варш. ун. изв., 1898, II, стр. 1—32).
46. Несколько слов по поводу отзыва проф. Н. П. Некрасова о VI издании составленного мною учебника древнего церковнославянского языка. ЖМНП, 1898, август, стр. 477—489.
47. Заметка относительно дифтонгов в народном говоре с. Басловцев и д. Подлесья Слуцкого уезда Минской губ. РФВ, т. XL, 1898, стр. 325—327.
48. Отчет ординарного профессора Евфимия Карского о научных занятиях в библиотеках Москвы, Троице-Сергиевской лавры и Слуцка в течение летних месяцев 1898 года. Варш. ун. изв., 1898, IX, стр. 1—25.
49. L. v. Marnitz. Russische Grammatik auf wissenschaftlicher Grundlage für praktische Zwecke bearbeitet (Leipzig und Wien, 1897). РФВ, т. XXXIX, 1898, стр. 308.
50. Материалы для изучения белорусских говоров (вып. II. СПб., 1898) и Материалы для изучения северномалорусских говоров, а также переходных от белорусских к малорусским. (Полесье) (вып. I. СПб., 1898) (*ред.*). ИОРЯС, т. III, 1898, кн. 3, Приложения, стр. 1—67 и стр. 1—42.

1899

51. Церковнославянская грамматика, изд. 7-е. Вильна. 1899.
52. Краткий указатель к РФВ по языковедению. С I по XL том (с 1879 по 1898 г.). РФВ, т. XLI, 1899, стр. 1—29.
53. Особенности письма и языка рукописного сборника XV века, именуемого летописью Авраамки. Варшава, 1899. 8°. 44 стр. (оттиск из Варш. ун. изв., 1899, III, стр. 1—44).
54. Два древнейших русских документа главного архива Царства Польского в Варшаве. «Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», том первый, выпуск третий. М., 1899, стр. 543—550.

---

[6] Сообщения Е. Ф. Карского — стр. 562.

55. Новый польский труд по белорусской этнографии. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materyały do etnografii Słowiańskiej zgromadzone w latach 1889—1891 przez Michała Federowskiego. Том I W Krakowie. 1897. 8°, XX+509. ИОРЯС, т. IV, 1899, стр 349—353.
56. Сообщение об особенностях говора населения *Минской* губ., *Слуцкого* уезда, с. *Басловцов* и дер. *Подлесья*. «ИОРЯС», т. IV, 1899, кн. 3-я. Приложения, стр. 1—5.
57. Разбор этнографического труда П. В. Шейна. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Том I, часть I. СПб., 1887. Том I, ч. II. С.-Петербург. 1890. Том II. СПб., 1893. Отчет о первом присуждении премии П. Н. Батюшкова. «Записки Академии Наук». По Историко-филологическому отделению, т. IV, № 1. СПб., 1899, стр. 1—85 (отд. оттиск — СПб., 1899. 4°. 85 стр.).
58. О влиянии поэтической деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литературного языка. Речь, сказанная на торжественном акте Варшавского университета 26 мая 1899 г. проф. Е. Ф. Карским. РФВ, т. XLII, 1899, стр. 195—230.
59. Надпись Самуила 993 года. РФВ, т. XLII, 1899, стр. 231—236.

1900

60. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. III. СПб., 1900 (ред. и автор сообщения № 12) [7]. (ИОРЯС, т. IV, 1899, кн. 3-я. Приложения, стр. 1—32, кн. 4, стр. 33—69).
61. Церковнославянская грамматика, изд. 8-е. Вильна, 1900.
62. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб. 1899. Большое 8°. Ч. I. CCXII+512+XVIII (исследование и описание филиграней, с приложением 17 автотипических таблиц); ч. II. 424+248 (предметный и хронологический указатели); ч. III. DCXXX таблиц (альбом снимков); приложение, folio (таблицы, поясняющие в хронологическом порядке изменения формата и строения бумаги). РФВ, т. XLIII, 1900, стр. 262÷269
63. Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен (рукопись). «Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1899 г.» СПб., 1900, стр. 49—63.
64. Materyały antropologiczno — archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem Komisji antropologicznej Akademji Umiejętności w Krakowie (1896—1900 г. 4 тома). ЖМНП, 1900, декабрь, 495—500.
65. П. В. Шейн (Некролог). РФВ, т. XLIV, 1900, стр. 291—296.

1901

66. Церковнославянская грамматика, изд. 9-е. Варшава, 1901.
67. Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век. Варшава, 1901. 8°. VIII+80 стр.
68. Очерк славянской кирилловской палеографии (из лекций, читанных в Варшавском университете). Варшава, 1901. 8°. XIV+518 стр.
69. Заметки по белорусским говорам. РФВ, т. XLVI, 1901, стр. 275—281.
70. Критико-библиографические заметки. Отзывы о книгах и статьях акад. Ватрослава Ягича (Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Wien, 1900), д-ра В. Вондрака, д-ра Л. Милетича, В. Н. Перетца, об издании П. Н. Шеффера сборника Кирши Данилова. РФВ, т. XLVI, 1901, стр. 282—301.

1902

71. К вопросу об этнографической карте белорусского племени. ИОРЯС, т. VII, 1902, стр. 219—234.
72. Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век. Изд. 2-е. Варшава, 1902. 8°. VI+82 стр.
73. О задачах Отделения историко-филологических наук Общества истории, филологии и права при Варшавском университете (речь). «Записки Общества истории,

---

[7] См. выше, под пунктом 56-м.

филологии и права при Варшавском университете», вып. 1. Варшава, 1902 (сокращенные протоколы).

74. К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие. «Сборник статей, посвященных академику Филлиппу Федоровичу Фортунатову». Варшава, 1902, стр. 468—491.

75. Два новых сборника белорусских сказок. 1. Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. 6. Сказки. Могилев. 1901. 8°. IV+528. 2. M. Federowski: Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materyały do etnografii słowianskiej, zgromadzone w latach 1877—1893, том II. Baśne, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Część 1. Baśne fantasyczno-mityczne. W Krakowie. 1902. 8°. XXXII+370. ЖМНП, 1902, октябрь, стр. 410—433.

76. П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. III. СПб., 1902 (ред.).

77. Грамматика древнецерковнославянского языка, 10-е изд. Варшава, 1903.

78. Митрофан Алексеевич Колосов. Из истории русского языковедения. РФВ, т. L, 1903, стр. 1—41 (отд. оттиск — Варшава, 1903. 8°. 41 стр.).

79. XII Археологический съезд в Харькове. «Записки Общества истории, филологии и права при Варшавском университете», вып. 2. Варшава, 1903, стр. 23—34.

80. Белорусы, т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. С приложением двух карт. Варшава, 1903. 8°. X+466 стр.

81. «Материалы для изучения белорусских говоров», вып. IV. СПб., 1903 (Сб. ОРЯС, т. LXXV, № 5, 1903, стр. 1—72) и «Материалы для изучения северномалорусских говоров, а также переходных от белорусских к малорусским. (Полесье)», вып. II, СПб., 1903 (Сб. ОРЯС, т. LXXV, № 6, 1903, стр. 1—39) (*ред.*).

1904

82. Грамматика древнецерковнославянского языка, 11-е изд. Варшава, 1904.

83. К вопросу об издании снимков с древнейших русских грамот. — «Варшавские университетские известия», 1904, IV, стр. 1—28.

84. Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI века. Фототипическое воспроизведение текста и исследование письма и языка. Изд. ОРЯС. СПб., 1904. 8°. 40 стр.+4 фототип. снимка.

85. Критико-библиографические заметки. Отзывы о книгах и статьях акад. А. И. Соболевского, его же и С. Л. Пташицкого, Н. М. Тупикова, акад. А. А. Шахматова, В. Н. Щепкина, П. К. Симони, Н. Н. Дурново, А. И. Яцимирского и д-ра В. Вондрака. РФВ, т. LI, 1904.

86. Из русской диалектологии. 1. К вопросу об отвердении (неумягчительности) звуков *е* и *и* в малорусском наречии. 2. Звук *у* вместо *ы* в некоторых белорусских говорах. 3. Звук *к* на месте *х* у белорусов Ковенской губ. 4. Окончание *-т* в 3 лице ед. и мн. ч. вместо *ть* — *цъ*. «Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому». Киев, 1904, стр. 83—90.

87. Разбор историко-этнографических трудов Е. Р. Романова по Северо-Западному краю, вышедших в течение 1898—1901 годов. СПб., 1904. «Отчет о присуждении премии П. Н. Батюшкова». (Читан в публичном собрании Академии наук 29 декабря 1902 года). СПб., 1904, стр. 149—191.

88. К вопросу о реформе русской орфографии. РФВ, т. LII, 1904, стр. 154—174.

89. Алфавитный указатель авторов и их статей (в хронологическом порядке), помещенных в РФВ с I по LII т. включительно (1879—1904 гг.). РФВ, т. LII, 1904, стр. I—XXXVI.

1905

90. К вопросу о народном говоре Брянского уезда, Орловской губернии. «Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского». СПб., 1905, стр. 314—320.

91. К вопросу о разграничении русских наречий. «Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902», т. II. М., 1905, стр. 430—436.

92. По случаю исполнившейся двадцатипятилетней редакторской деятельности А. И. Смирнова. РФВ, т. LIII, 1905, стр. 1—6.
93. А. И. Смирнов (некролог со списком ученых трудов). ЖМНП, 1905, октябрь, Соврем. летоп., стр. 77—84.
94. К вопросу о границе белорусских говоров. По поводу статьи ак. А. И. Соболевского. Звук у вместо ы в некоторых белорусских говорах. РФВ, т. LIII, 1905, стр. 54—61.
95. Русский литературный язык. РФВ, т. LIII, 1905, Пед. отд., стр. 20—32.
96. А. Н. Пыпин (Некролог). РФВ, т. LIII, 1905. стр. 143—144.
97. Ряд отзывов и рецензий о трудах В. Вондрака (о происхождении Киевских листков и Пражских отрывков), Н. Каринского, «Новом сборнике статей учеников В. И. Ламанского», П. А. Лаврова (Югославянская палеография), П. К. Симони (Мстиславово евангелие начала XII в.), Д. К. Зеленина, Г. А. Ильинского, С. Северьянова, А. И. Томсона. А. А. Шахматова, М. Н. Сперанского, Т. Д. Флоринского, М. Г. Халанского и др. РФВ, т. LIII, 1905, стр. 156—178, 331—332, 336—356.
98. Отзывы о ежегоднике коллегии Павла Галагана, о трудах С. Н. Браиловского, С. Н. Прядкина и др. РФВ, т. LIII, 1905, Пед. отд., стр. 39—43, 97—100.
99. Критико-библиографические отзывы о книгах: Н. К. Грунского (Памятники и вопросы древнеславянской письменности), И. Евсеева. Э. Клиха (Белорусские тексты), М. И. Михельсона (Русская речь и мысль), А. М. Лукьяненка (Кайкавское наречие), Б. М. Ляпунова (Формы склонения), А. Л. Погодина, Ю. Поливки (Творительный падеж в словацких наречиях), Я. И. Трусевича (Изборник 1905 г.), И. Эндзелина (Латышские предлоги), А. И. Яцимирского и др. РФВ, т. LIV, 1905, стр. 226—234, 444—447.
100. Некрологи: 1. А. И. Смирнов. РФВ, т. LIV. 1905. стр. 185—187. 2. П. А. Сырку Там же, стр. 187—188.
101. Три малорусских песни из польского сборника XVII в., РФВ, т. LIV, 1905, стр. 400—402.
102. Отчет о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 года. Изв. РГО, т. XLI, вып. IV. СПб., 1905, стр. 705—736 (отд. оттиск — СПб., 1905. 8°. 32 стр.).
103. Отзывы о книгах И. Белорусова, П. Тюленева, В. Чернышева, Vocabularium etimologicum Linguae Latinae. «РФВ», т. IV, 1905, Пед. отд., стр. 78—79.

1906

104. Грамматика древнецерковнославянского языка, изд. 12-е: Варшава, 1906.
105. Отзывы и рецензии о трудах Е. Ф. Будде, Я. Демченка, Д. К. Зеленина, В. М. Истрина, Н. П. Кондакова, Д. Кудрявского, П. А. Лаврова, Н. П. Лихачева (Письмо Пия V к Ивану Грозному), А. И. Соболевского и др. (РФВ. т. LV, 1906, стр. 353—364), В. М. Истрина (Письма к акад. Билярскому), Б. П. Китермана, А. И. Томсона (Общее языковедение), В. А. Францева, Ив. Франко, А. И. Яцимирского, о «Записках Наукового товариства імени Шевченка» и др. (РФВ, т. LVI, 1906, стр. 407—421).
106. Некрологи: М. С. Дринов (РФВ, т. LV, 1906, стр. 316—318), Антоний Калина (там же, стр. 318), Ф. Н. Дьячан (там же, стр. 319).
107. Заметки о форме Гюрия в Листках Ундольского XI в. РФВ, т. LV,1905, стр. 320. Там же — о предприятии П. К. Симони.
108. Нормы для санитарного контроля за учебниками и учебными пособиями. РФВ, т LV, 1905, Пед. отд., стр. 39—40.
109. И. М. Белорусов. Учебник по русской грамматике. Издание 18-е переработанное. Орел. 1906. РФВ, т. LV, 1906, Пед. отд., стр. 44—52.
110. Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. Текст, состав памятника и язык. Варшава, 1906. 8°. 58 стр. Варш. ун. изв., 1905 — IX, стр. 1—57 [8].

[8] Варш. ун. изв., как отмечено на обложке и титульном листе, изданы 31 декабря (1905 г.), чем и объясняются различные даты оттиска и IX тома (*Ред.*).

111. М. И. Соколов (Некролог) РФВ, т. LVI, 1906, стр. 381—383.

112. Отзыв о книге Н Васильева (Избрани народни умотворения. Книга първа. Обредни и битови пѣсни. Пловдив, 1906. 8°. 106+V). «РФВ», т. LVI, Пед. отд., стр. 46.

1907

113. «Наймычка» Шевченка. Материалы для ее научного издания. РФВ. т. LVII, 1907, стр. 101—107.

114. Я. И. Трусевич. Изборник 1905 г. СПб., 1907. 8°. 24 стр. (из «Отчета о присуждении премий имени Д. А. Толстого в 1906 г.» и Сб. ОРЯС, т. 82, № 6. СПб., 1907, стр. 19—40).

115. Критико-библиографические заметки о книгах и статьях И. А. Бодуэна-де-Куртенэ («Лат.-итал.-слав. поминальник» и «Roty przysiąg»), В. И. Саитова (переписка Пушкина), В. И. Резанова (О сочинениях В. А. Жуковского), Г. А. Ильинского (Грамота бана Кулина), Н. Никольского (Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений), Sama Czambela (Slovenská reč. . .), В. Щурата (Грунвальдьска пісня), В. Н. Щепкина (Болонская псалтырь), Івана Франка, К. Студинського (Пам'ятки), С. Г. Вилинского, Е. Ф. Будде, Г. А. Ильинского (Македонский листок), В. Н. Перетца, П. К. Симони, Ст. Станоевича, А. И. Степовича, Е. Тимченка (Українська граматика), М. Р. Фасмера (Греко-славянские этюды), В. Ягича (Psalterium Bononiense), об издании Болгарских Старин, Историко-юридических материалов Дм. Ив. Довгялло, Описания рукописного отделения Виленской публичной библиотеки, Сборнике статей в честь В. И. Ламанского, Статьях по славяноведению под ред. В. И. Ламанского, об Украинско-русском архиве. РФВ, т. LVII, 1907, стр. 228—238 и 414—427.

116. Некрологи: А-ра Н. Веселовского, Вл. В. Стасова, В. Д. Спасовича, Алоиса Дурдина, Викентия Шерцля. РФВ, т. LVII, 1907, стр. 202—206.

117. Отзыв о «Полной этимологии русского языка» И. М. Дадыкина и о «Годишник па пловдивската гимназия». РФВ, т. LVII, 1907, Пед. отд., стр. 26.

118. Критико-библиографические отзывы о трудах В. А. Богородицкого, В. Гнатюка, Н. К. Грунского, Я. Розвадовского, П. К. Симони (Памятники старинного русского языка и словесности XVI—XVIII столетий), В. Щурата (Дві статі про Грунвальдську пісню), А. И. Соболевского, В. А. Францева, А. Харузина, И. С. Беляева, А. Л. Погодина, М. Р. Фасмера (Греко-славянские этюды. II) и речах при погребении проф. А. А. Кочубинского. РФВ, т. LVIII, 1907, стр. 229—238 и 421—425.

119. А. А. Кочубинский (Некролог). РФВ, т. LVIII, 1907, стр. 218—219.

120. Заметки (о предприятии Н. А. Янчука по изданию памятников белорусской народной словесности). РФВ, т. LVIII, 1907, стр. 220—221.

121. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Грамматика русского языка. М. 1907. 8°. 127. РФВ, т. LVIII, 1907, Пед. отд., стр. 16—21.

122. Отзывы о хрестоматиях П. Корханидзи и Г. Синюхаева и «Принципах грамматического анализа» В. М. Гуссова. РФВ, т. LVIII, 1907, Пед. отд., стр. 21 и 36—37.

123. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. V. СПб., 1907. 8°, 67 стр. (Сб. ОРЯС, т. LXXXII, № 8. СПб., 1907, стр. 1—67) (*ред.*).

124. Грамматика древнего церковнославянского языка (курс средних учебных заведений), изд. 13-е. Варшава, 1908.

125. Следы богатырского эпоса в белорусской народной поэзии. «Zbornik u slavu V. Jagića». Berlin, 1908, стр. 143—150.

126. «Белорусская Энеида на изнанку» с приложением текста сохранившихся отрывков. Харьков, 1908. 8°. 32 стр. (из сб. Харьковского Историко-филологического общества, т. XVIII, изданного в честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909, стр. 143—172).

127. Белорусы, т. II. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908. 8°. IV+XXIV+579 стр.

128. Ряд отзывов и рецензий о книгах: Е. Боброва, Вл Данилова, М. Драгоманова,

И. Н. Жданова, И. И. Замотина, П. А. Лаврова, A. Meillet, Извѣстия на семинара по славянска филология при университета въ София, кн. II под ред. А. Милетича, В. Поржезинского, А. И. Соболевского, Т. Д. Флоринского («Славянское племя»), Ю. А. Яворского, о XVII т. «Полного собрания русских летописей» и др. (РФВ, т. LIX, 1908, стр. 398—407), Д. И. Абрамовича, Т. Вержбовского, М. Возняка, Н. М. Каринского («Образцы глаголицы»), А. В. Михайлова, Ф. В. Ржиги, И. Свенцицкого, В. Ф. Трахтенберга, С. М. Кульбакина («Охридская рукопись»), о Сборнике статей, посвященных В. И. Ламанскому, об Энциклопедии славянской филологии, вып. 12 — Е. Ф. Будде «Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX век)», о сборнике в честь Ватрослава Ягича, о «Geschichte der älteren südslawischen Literaturen» M. Murko, о книгах А. И. Соболевского («Славяно-русская палеография»), Ф. Ф. Фортунатова («Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов»), А. А. Шахматова («Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (РФВ. т. LX, 1908, стр. 228—237 и 459—464); отзывы об учебниках В. Курдиновского, А. Сиротинина, «Работах Комиссии по русскому языку при Одесском кадетском корпусе» и др. («РФВ», т. LX, 1908, Пед. отд., стр. 20—22).

1909

129. Памяти А. С. Будиловича. РФВ, т. LXI, 1909, стр. 149-161.
130. Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка. РФВ, т. LXI. 1909, стр. 205—222.
131. Отзывы о книгах, статьях и изданиях: «Акты, издаваемые Виленскою Комиссиею», о книге Анђелковића (Бранчич), Эриха Бернекера (Slav. etymologisches Wörterbuch), Н. М. Васнецова (Материалы для областного Словаря вятского говора), о Сборнике памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, о Записках укр. наукового товариства в Києві, «Български старини изъ Македония», събрани Йорданъ Ивановъ, Slovenské Pohl'ady XXIX (1909), о книгах В. А. Богородицкого (Очерки по языковедению и русскому языку), «Българска Сбирка». Г. А. Ильинского (Рукописи Зографского монастыря), Н. Каринского (Язык Пскова и его области в XV в.), М. Р. Фасмера (Грекославянские этюды. III), В. А. Францева (чешский текст 1606 г. Исторического и правдивого повествования о том, как Московский князь Дмитрий Иванович достиг отцовского престола; Карты русского и православного населения Холмской Руси). РФВ, т. LXI, 1909, 196—202 и 339—345.
132. Отзывы о сравнительно-историческом комментарии В. А. Богородицкого к санскритскому тексту о «Български Старини» под ред. А. Милетича, о сборниках «Почесть» (в честь М. С. Дринова) и «Пошана» (в честь Н. Ф. Сумцова), об учебнике болгарского языка В. Н. Щепкина. РФВ, т. LXII, 1909, стр. 336—339.
133. Отзывы о «Praktická mluvnice ruského jazyka» Алоиса Эргарта, об «Опыте словаря неправильностей в русской разговорной речи» В. Долопчева и учебнике русского языка Ф. В. Ржиги, о книге В. А. Арнаутова «Домашняя подготовка детей к школьному учению». РФВ, т. LXI, 1909, Пед. отд., стр. 65—66 и 114—115 и РФВ, т. LXII, 1909, стр. 93—96.

1910

134. К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке. Речь при открытии в Варшаве летних курсов для учителей и учительниц начальных и городских училищ. Варшава, 1910. 8°. 15 стр.
135. Отзывы о трудах В. Адриановой, В. А. Богородицкого, Б. В. Варнеке, М. В. Довнар-Запольского, о сборнике «Памяти Гоголя», издании сочинений М. С. Дринова, о трудах Г. А. Ильинского (Македонский глаголический листок), Н. П. Кондакова (Македония), В. Мансикки, К. Михальчука и Е. Тимченка (програма — видання Укр. Науков. товар.), о «Полном собрании сочинений А. В. Кольцова» под ред. А. И. Лященка, о Л. Нидерле (Обозрение), И. Огиенка (Двійне число), В. А. Францева, А. А. Шахматова (о языке Псков. п.), А. И. Соболевского («Кириллица и глаголица»), об изданиях И. Вайса, С. А. Венгерова,

Е. Витошинского, М. Возняка, В. М. Истрина, С. И. Маслова, В. Поржезинского (Введение), А. Преображенского (Этимологический словарь), А. И. Томсона (2-е издание «Общего языковедения»), о труде В. Ягича «История славянской филологии». РФВ, т. LXIII, 1910, стр. 195—207, 419—424 и 424—427. О книгах А. Шварценберга, В. Ферри и работах Педаг. отд. Ист.-филол. общества при Новороссийском университете. Там же, Пед. отд., стр. 64—65.

136. Отзывы о трудах В. А. Богородицкого (Диалектология и история русского языка), Н. Дурново и Д. Ушакова (Хрестоматия по великорусской диалектологии), К. Михальчука и А. Крымского (Программа для собирания особенностей малорусских говоров), Вс. Ф. Миллера (Очерки русской народной словесности), М. Murko (Das Grab als Tisch), В. Поржезинского (Элементы языковедения) и др. РФВ, т. LXIV, стр. 407—410.
137. Некрологи: 1. М. Г. Халанский. «РФВ», т. LXIII, 1910, стр. 367—369; 2. О. И. Коларь (Josef Kolár). РФВ, т. LXIII, 1910, стр. 370—371.
138. Материалы для изучения белорусских говоров, вып. VI. Сб. ОРЯС, т. LXXXVIII. № 1, 1910, стр. 1—15 (ред.).

1911

139. Грамматика древнего церковнославянского языка, изд. 14-е. Варшава, 1911.
140. Белорусы, т. II. Язык белорусского племени. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911, 8°. XV+408 стр.
141. А. В. Михайлов. Опыт введения в изучение русского литературного языка и письма. Варшава. 1911. 8°. XV+V—366+8 рис. — ЖМНП, 1911, июнь, стр. 321—337.
142. Отзывы и рецензии о книгах Р. Ф. Брандта (Лекции по славяно-русской палеографии), Ол. Брока (Очерк физиологии славянской речи), И. Вайса, В. Вондрака, А. Евлахова, И. И. Замотина, С. Младенова, В. А. Погорелова, А. И. Соболевского, М. И. Соколова, В. А. Богородицкого (Общий курс русской грамматики), М. Возняка (Галицькі граматики української мови першої половини XIX ст.), О. Гуера (Slovanská deklinace jmenná), С. М. Кульбакина (Древнецерковнославянский язык), А. Мейе (Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков) и др. РФВ, т. LXV, 1911, стр. 269—277 и 482—492.

    Отзывы о книгах И. И. Огиенко (Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской разговорной речи), И. В. Посадского. РФВ, т. LXV, 1911, Пед. отд., стр. 18—19.
143. Отзывы и рецензии о книгах Г. А. Ильинского (Грамоты болгарских царей), Н. М. Каринского (Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам), П. К. Симони (Мстиславово евангелие начала XII века в археологическом и палеографическом отношениях; Собрание изображений окладов на русских богослужебных книгах XII—XVIII столетий), И. Эндзелина (Славяно-балтийские этюды), Т. Д. Флоринского (Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси), В. Чернышева (Правильность и чистота русской речи) и др. РФВ, т. LXVI, 1911, стр. 411—419.

1912

144. Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка. Речь, произнесенная 13 ноября 1911 года в торжественном собрании Варшавского Университета в память 200-летия со дня рождения Ломоносова. Варшава, 1912, 17 стр. См. также «РФВ», т. LXVII, 1912, стр. 65—80.
145. И. С. Беляев. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV—XVIII столетий, изд. 2-е. ИОРЯС, т. XVII, 1912, стр. 300—305.
146. Белорусы, т. II. Язык белорусского племени. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. Варшава, 1912. 8°. XV+347 стр.
147. Г. К. Ульянов (Некролог). РФВ, т. LXVIII, 1912, Пед. отд., стр. 55—73.

148. Отзывы и рецензии о сочинениях К. Буги (О личных именах литовцев), К. Я. Грота (О «Пушкинском лицее»), об «Извѣстия на семинара по славянска филология» под ред. проф. Л. Милетича, о песнях, собранных П. В. Киреевским, о трудах П. А. Лаврова, А. М. Лукьяненка, Й. Лунделя, А. А Назаревского, о белорусских песнях, собранных Н. Я. Никифоровским, об издании И. И. Огиенка, отчете об экскурсии В. Н. Перетца, статьях А. А. Шахматова о сполах, о финско-кельтских, финско-славянских и славяно-кельтских отношениях, о 3-ем выпуске «Энциклопедии славянской филологии» («Графика у славян» и «Глаголическое письмо» И. В. Ягича, «Греческое письмо IX—X столетий» В Гартгаузена) и др. РФВ, т. LXVII, 1912, стр. 429—440.

149. Отзывы о книгах, статьях и изданиях: «Акты Виленской археографической комиссии», собрании сочинений А-ра Н. Веселовского, о книгах В. Вондрака, Йордана Иванова, Д. Н. Кудрявского, С. М. Кульбакина, С. И. Маслова, «Материалах по этнографии Гродненской губернии», о книгах С. П. Розанова, В. К. Поржезинского, А. К. Сержпутовского, Е. Спекторского, А. И. Яцимирского, о книге И. А. Бодуэн-де-Куртенэ «Об отношении русского письма к русскому языку», о книгах А. Евлахова, о сборнике в честь проф. Л. Милетича в Софии, издании И. Вайса, о Летописи занятий Археографической комиссии за 1911 г., о книге А. В. Михайлова «Опыт изучения текста книги Бытия», описи документов Виленского центрального архива древних актовых книг, Семинарии русской филологии В. Н. Перетца, издании А. И. Соболевского, «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. III, вып. IV. Дополнения а—ѵ. СПб., 1912) И. И. Срезневского и др. РФВ, т. LXVIII, 1912, стр. 259—269 и 475—481.

150. Отзывы о книгах Л. К. Ильинского и А. М. Путинцева, Н. Веригина, В. А. Самсонова, Н. М. Соколова и Г. Г. Тумима, Г. Г. Тумима, А. М. Лебедева. РФВ, т. LXVIII, 1912, Пед. отд., стр. 39—41.

151. Образцы белорусского наречия. На правах рукописи. Издание студентов славяно-русского отделения историко-филологического факультета Варшавского университета под редакцией пр. Е. Ф. Карского. Январь—февраль 1912 г., 19 стр.

1913

152. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским (курс средних учебных заведений), 15-е издание. Варшава, 1913.

153. Некоторые отделы Учебника по русскому языку для IV класса средних учебных заведений. Приложение к XV изданию «Грамматики древнего церковнославянского языка сравнительно с русским (курс средних учебных заведений)». 2-е издание. Варшава, 1913.

154. Очерк славянской кирилловской палеографии. Лекции, читанные в 1912—1913 г. Издание (4-е) слушателей и слушательниц. Варшава, 1913. 8°. 212 стр.

155. Очерки по синтаксису др. церковнославянского и русского языков. Курс лекций, читанных студен. 2, 3 и 4 курсов славяно-русского отделения историко-филологического факультета Варшавского университета в 1912/1913 ак. г. Издание студентов. Варшава, 1913. Литограф. 204 стр.

156. Два юбилея: И. И. Срезневский и Я. К. Грот. РФВ, т. LXIX, 1913, стр. 224—228.

157. Архангельское евангелие 1092 г. По поводу издания Румянцевского музея. РФВ, т. LXIX, 1913, стр. 467—477.

158. В. С. Шимановский (Некролог). РФВ, т. LXIX, 1913, стр. 478—479.

159. Антоний Малэцкий (Некролог), РФВ, т. LXX, 1913, стр. 454.

160. Указатели к РФВ 1879—1913, I—LXX. Варшава, 1913. 8°. 144 стр.

161. Отзывы и рецензии о книгах Н. Дурново (Хрестоматия по малорусской диалектологии), Е. Р. Романова («К археологии Северо-Западного края России» и «Борисов камень в с. Высоком-Городце Сенненского у. Мог. губ.»), V. Jagić (Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache), J. Bolte u. G. Polívka (Anmerkungen zu den Kinder - und Hausmärchen der Brüder Grimm), А. Д. Григорьева (Повесть об Акире Премудром), о русском переводе О. Шрадера «Индо-европейцы», о кур-

сах по языковедению В. А. Богородицкого, Д. Н. Ушакова и В. Поржезинского, о болгарско-немецком словаре Г. Вайганда, о книге И. И. Замотина, о Ф. М. Достоевском и др. РФВ, т. LXIX, 1913, стр. 248—258 и 514—523.

162. Отзывы о V томе собраний сочинений Лермонтова, трудах А. С. Архангельского, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинского, С. П. Обнорского, А. Л. Погодина, Н. М. Петровского, Ю. Я. Яворского, Д. К. Зеленина, собрании сочинений М. Д. Чулкова. РФВ, т. LXX, 1913, стр. 177—183, 473—475.
163. Я. Васильев. Историческая записка по случаю 50 лет Варшавской IV мужской гимназии. РФВ, т. LXIX, 1913, Пед. отд., 85.
164. Отзывы о книгах Антонина Ирака и П. Тюленева, РФВ, т. LXIX, 1913, Пед. отд., стр. 139.
165. П. Е. Стоян. Краткий толковый словарь русского языка. СПб. 1913. РФВ, т. LXX, 1913, Пед. отд., стр. 135—136.

1914

166. Введение русской диалектологии и истории русского языка в среднюю школу. По поводу новой программы преподавания русского языка в IV классе. РФВ, т. LXXI, 1914, Пед. Отд., стр. 37—54.
167. Некрологи: В. Ф. Миллер, П. А. Кулаковский. «РФВ», т. LXXI, 1914, стр. 235—241.
168. Отзывы о книгах и статьях А. П. Доброклонского, Й. Лунделя, А. Мазона, П. Миндалева, В. Поржезинского, о новом издании песен, собранных Н. П. Рыбниковым, и др. «РФВ», т. LXXI, 1914, стр. 631—637; о брошюре Д. Н. Ушакова (Для просеминария по русскому языку) — там же, стр. 640.
169. St. Smal—Stockyj u. Theodor Gartner. Grammatik der ruthenischen (ukraїnischen) Sprache. РФВ, т. LXXI, 1914, стр. 635—640.
170. Учебник по русскому языку для IV класса средних учебных заведений. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским, изд. 16-е. Варшава, 1914.
171. Материалы по русской диалектологии (*ред.*). Варш. ун. изв., 1914, VI.
172. Отзывы о брошюрах Л. Н. Николаева и М. А. Тростникова. РФВ, LXXI, 1914, Пед. отд., стр. 151—153.
173. Н. П. Некрасов (Некролог). РФВ, т. LXXII, 1914, стр. 409—410.
174. Отзывы о статьях в «Библиографической летописи», кн. I, о книгах В. А. Богородицкого, Э. Дюшена, «Записки Наукового товариства імени Шевченка», Н. П. Кондакова, А. П. Доброклонского, А. Преображенского и др. РФВ, т. LXXII, 1914, стр. 427—432.

1915

175. Очерк славянской кирилловской палеографии. Лекции, читанные в 1914—1915 г. Издание слушателей и слушательниц. Варшава, 1915.
176. Лекции по истории русского языка в 1914/1915 акад. году. Варшава (без указания года). Литограф. 287 стр.+7 стр.
177. Отзывы о книгах и статьях В. Н. Добровольского (Смоленский областной словарь), Н. Дурново (Хрестоматия по истории русского языка), А. И. Соболевского и Г. Ф. Церетели «Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI веков», Б. М. Ляпунова (некролог Ф. Ф. Фортунатова), В. Вондрака (Древнецерковнославянский синтаксис, в русском переводе Н. Петровского), статьях А. Л. Погодина, В. Погорелова, В. А. Францева, о книге «Галичина, Буковина, Угорская Русь», составленной сотрудниками журнала «Украинская Русь», о переводе Н. Петровского «Грамматики древнеболгарского языка» А. Лескина, об «Апокрифах и легендах» А. И. Яцимирского и др. РФВ, т. LXXIII, 1915, стр. 180—189 и 440—444.
178. Отзывы о трудах Н. М. Каринского (О преподавании русского языка в VIII и педагогических классах женских гимназий и институтов и Историческая хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам), С. М. Кульбакина, А. Г. Преображенского, И. И. Солосина, Е. С. Истриной (Руководство по истории

русского языка), И. И. Огиенка (Иноземные элементы в русском языке), А. М. Пешковского (Школьная и научная грамматика), В. Чернышева (Правильность и чистота русской речи). «РФВ», т. LXXIII, Пед. отд., стр. 54—67 и 128—131.

179. Отзывы о книгах В. А. Водарского (Частушки), Г. П. Георгиевского (Рукописи Т. Ф. Большакова. . .), А. Д. Григорьева (Русский язык), Н. С. Державина, Д. К. Зеленина (описание рукописей Ученого архива Русского географического общества), С. М. Кульбакина (Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам), П. А. Лаврова (Палеографическое обозрение кирилловского письма), об «Исторических песнях русского народа XVI—XVII вв» (изданных под редакцией В. Ф. Миллера), о книге А. Л. Погодина «Славянский мир», о «Сказках и песнях Белозерского края» по записям Б. и Ю. Соколовых, о книге А. А. Шахматова (Очерк древнейшего периода истории русского языка), о сочинениях и изданиях Ю. А. Яворского, о сочинении Ан. Яриновича, о книге Л. В. Щербы «Восточнолужицкое наречие». РФВ, т. LXXIV, 1915, стр. 198—207 и 371.

180. В. М. Гуссов. Учебник русского языка. РФВ, т. LXXIV, 1915, Пед. отд., стр. 107—108.

181. Учебник по русскому языку для IV класса средних учебных заведений. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским, изд. 17-е. Варшава, 1915.

1916

182. Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. 1. Народная поэзия. М., 1916. 8°. XIV+557 стр.

183. Западнорусский ярлык хана Золотой орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392—1393 г. РФВ, LXXV, 1916, стр. 169—171.

184. Заметки по белорусскому наречию. РФВ, т. LXXV, 1916, стр. 136—139.

185. Отзывы о трудах В. А. Богородицкого (Лекции по общему языковедению. 1915) Н. Н. Дурново (Материалы и исследования по старинной литературе), Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова (Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии), Д. К. Зеленина (Великорусские сказки Вятской губернии), Б. М. Ляпунова (О языке «Слова» В. И. Григоровича) и др. РФВ, т. LXXV, 1916, стр. 318—324.

186. Отзывы о трудах Д. И. Абрамовича (Памятники древнерусской литературы), А. С. Архангельского (Введение в историю русской литературы), В. А. Богородицкого (Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков), Б. М. Ляпунова (А. В. Рыстенко и напечатанные им тексты Жития Нифонта), Н. М. Каринского (Очерки из истории письменности и языка), А. А. Покровского (Древнее псковско-новгородское письменное наследие), А. А. Шахматова (Повесть временных лет, т. I), о сборнике «Памяти Измаила Ивановича Срезневского», о книге Д. К. Зеленина (Очерки русской мифологии. Вып. I. Умершие неестественой смертью и русалки). РФВ, т. LXXVI, стр. 179—188 и 341.

187. А. М. Малоземов. Школьная грамматика русского языка. РФВ, т. LXXV, 1916, Пед. отд., стр. 72.

188. Программы для собирания особенностей народных говоров. III. Программа для собирания особенностей белорусского наречия. Второе издание ОРЯС. Пг. 1916.

189. Учебник по русскому языку для IV класса средних учебных заведений. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским, изд. 18-е. Варшава, 1916.

190. Отзыв о брошюре П. О. Потапова «К вопросу о введении в курс средней школы истории русского языка». РФВ, т. LXXVI, 1916, Пед. отд., стр. 93.

191. В. В. Данилов. Методика русского языка. РФВ, т. LXXVI, 1916, Пед. отд., стр. 136—137.

1917

192. Этнографическая карта белорусского племени. Петроград, 1917. 8°. VI+32+карта (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России, 2. Петроград, 1917).

193. К истории термина «глаголица». РФВ, т. LXXVII, 1917, стр. 189.

194. Отзывы о книгах и статьях П. В. Верховского, Д. К. Зеленина, Г. А. Ильинского (Праславянская грамматика), В. И. Ламанского (Три мира азийско-европейского материка. Посмертное (вторoе) издание), собрании сочинений В. И. Григоровича и др. РФВ, т. LXXVII, 1917. Пед. отд., стр. 279—285.

195. Отзывы о педагогических трудах В. В. Данилова, Н. С. Державина, Д. Н. Ушакова, брошюре «Первый всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы в Москве» и др. РФВ, т. LXXVII, 1917, Пед. отд., стр. 115—130.

196. Учебник по русскому языку для IV класса средних учебных заведений. Грамматика древнего церковнославянского языка сравнительно с русским, изд. 19-е. Сергиев Посад, 1917.

197. Отзывы о книгах В. П. Адриановой, П. Безобразова, В. А. Богородицкого, О. Брока, «Академической библиотеке русских писателей», вып. 9, Н. К. Гудзия, Н. Н. Дурново, Д. Н. Кудрявского, В. Н. Перетца, Н. М. Петровского, Н. Познанского и изданиях Общества любителей древней письменности. РФВ, т. LXXVIII, 1917, Казань, 1918, стр. 213—218.

1918

198. Этнографическая карта белорусского племени. Издание Белорусского Областного Комитета при Всероссийском Совете Крестьянских Депутатов. П., 1917. VI+32 + карта [9].

199. Белорусская речь. Очерки народного языка с историческим освещением. П., 1918. 8°. 60 стр.

200. Белоруссия и Брестский мирный договор. Двухнедельный журнал «Международная политика и мировое хозяйство», 1918, № 3, стр. 30—34.

1920 [10]

201. Беларускі народ і яго мова. Минск, 1920, 8°. 16 стр.

1921

202. Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западнорусская словесность. П., 1921. 8°. VIII+246 стр.

203. Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе? Минск, 1921, 8°. 4 стр.

1922

204. Белорусская речь арабским письмом. «Ученые записки высшей школы г. Одессы», отдел гуманитарно-общественных наук, т. II, посвященный проф. Б. М. Ляпунову. Одесса, 1922, стр. 1—2.

205. Беларуская мова арабскім пісьмом. То же по-белорусски. «Вестник Народного Комиссариата Просвещения ССРБ». Минск, 1922, № 1 (3). Январь, Беларускі аддзел, стр. 3—5.

206. Проф. Н. А. Янчук. Нарысы па гісторыі беларускае літературы. Старадаўны пэрыяд. Минск, 1922. «Вестник Народного Комиссариата Просвещения ССРБ» Минск, 1922, вып. 9—10. Август—сентябрь, стр. 33—35.

207. А. А. Шахматов, как историк русского языка. ИОРЯС, т. XXV, 1920. П., 1922, стр. 75—87.

208. Белорусы, т. III. Очерки словесности белорусского племени. 3. Художественная литература на народном языке. П., 1923. 8°. XVII+454.

---

[9] На карте отмечено, что она составлена в 1918 г. В «Предисловии» к брошюре указывается: «Настоящая карта является перепечаткой № 2 «Трудов Комиссии по изучению племенного состава населения России», издаваемых Российской Академией Наук» (стр. V) (*Ред.*).

[10] В течение 1919—1920 гг. Е. Ф. Карский подготовлял второй и третий выпуски третьего тома «Белорусов» (Очерки словесности белорусского племени). Отдельные главы из названных выпусков (преимущественно из третьего) были опубликованы в белорусских газетах (*Ред.*).

1923

209. Игнатий Викентьевич Ягич (Некролог). «Известия Российской Академии Наук», 1923, № 1—18, стр. 11—18.

1924

210. К столетию со дня выхода «Institutiones» И. Добровского. 1822—1922. ИОРЯС, т. XXVII, 1922, Л., 1924, стр. 195—206.
211. Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка). Л., 1924, 8°. 172 стр.
212. Заслуги И. В. Ягича в изучении старославянского и русского языков. ИОРЯС, т. XXVIII, 1923, Л., 1924, стр. 366—374.
213. Отчет Е. Ф. Карского о командировке на 1-й съезд славянских географов и этнографов в Праге в 1924 г. — Приложение к протоколу VIII заседания ОС[11] Российской Академии наук 20 августа 1924 года. «Известия Российской Академии Наук». VI серия. Том XVIII. 1924. Июнь—Декабрь, №№ 12—18. Вторая часть. Л., стр. 416—424.

1925

214. Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области. ИОРЯС, т. XXIX, 1924. Л., 1925, стр. 1—22.
215. Четыреста лет русской книги (1525—1925). «Наука и техника», 1925, № 23 (115). Издание «Красной газеты». Л., стр. 1—3.
216. Die weiszrussische Philologie in den letzten zehn Jahren. «Zeitschrift für slavische Philologie», Band I. Doppelheft ¾, 1925, стр. 429—432.
217. Новый журнал по славянской филологии. ИОРЯС, т. XXIX, 1924. Л., 1925, стр. 411—414.
218. Работа Академии в области русского языка. «Наука и техника», Издание «Красной газеты», Л., 1925, № 37 (129), стр. 2—3.

1926

219. Geschichte der weiszrussischen Volksdichtung und Literatur. — Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Berlin und Leipzig, 1926. 8° больш. X+202 стр.
220. Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною Историко-Археографической Комиссиею Академии наук СССР, т. I. Лаврентьевская летопись, вып. 1. Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926. 4°. VIII+286 стр. (Издание приготовлено к печати и корректировалось редактором издания акад. Е. Ф. Карским).
221. Friedrich Lorentz. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache (8° большое, XII+236+1 карта. Berlin u. Leipzig, 1925). ИОРЯС, т. XXX, 1925. Л., 1926, стр. 489—492.
222. Památce E. R. Ramanova. — «Narodopisny věstnik Českoslovansky». Ročnik XIX, č. 2. V Praze, 1926, стр. 89—95.
223. Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР. Сб. ОРЯС, CI, № 1, Л., 1926. 8°. VII+103 стр.
224. Отчет о командировке с научною целью за границу на летние месяцы академика Е. Ф. Карского. Приложение к протоколу VIII заседания ОС[11] Академии наук СССР 9 октября 1926 г., «Известия Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик». VI серия, т. XX. 1926. 15 Декабря, № 18. Л., стр. 1701—1713.
225. Die kyrillische Paläografie in den Jahren 1913—1926. «Zeitschrift für slavische Philologie», Band III, Heft ¾, 1926, стр. 447—452.

---

[11] ОС — Общего собрания (*Ред.*).

1927

226. Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянной Историко-археографической комиссией Академии наук СССР, т. I. Лаврентьевская летопись, вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 2-е. Л., 1927. 4°. Стр. 289—488 (Издание подготовлено к печати и корректировалось редактором издания акад. Е. Ф. Карским).
227. Dmitrij Zelenin, Russische (ostslavische) Volkskunde, Berlin—Leipzig, 1927. ИОРЯС, т. XXXII, 1927, стр. 299—302.
228. Работы по палеографии. «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет 1917—1927». Л., 1927, стр. 96—100.
229. Работы по русскому языку. Там же, стр. 116—122.
230. Павло Васильович Шейн, як білоруський етнограф. (За особистими спогадами й листуванням). «Ювілейний Збірник на пошану акад. Дм. Йв. Багалія», Київ, 1927 (Укр. Акад. Наук. Збірник історично-філол. відд., № 51), стр. 133—139.
231. Deux points de phonétique blanc—russe.-«Revue des études slaves», tome VII, 1927, fasc. 1—2, p. 22—26.

1928

232. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевской летописи. Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Сб. ОРЯС, т. CI, № 3. Л., 1928, стр. 39—42.
233. О некоторых особенностях белорусского языка. «Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski, Volumen II, Cracoviae, 1928, стр. 291—296 (Отдельный оттиск — 1927 г.)
234. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. 8°. XIII+494 стр.
235. А. В. Михайлов (Некролог). ИРЯС, т. I, кн. 1, Л., 1928, стр. 250—254.
236. Новые книги по белорусоведению. ИРЯС, т. I, кн. 1. Л., 1928, стр. 325—331 (о книгах П. А. Расторгуева, М. И. Касьяровича и др.).
237. Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссией АН СССР, т. I. Лаврентьевская летопись, вып. 3, приложения: продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. Изд. 2-е. Л., 1928. 4°. 477+3 стр. без нумерации (издание приготовлено к печати и корректировалось редактором издания акад. Е. Ф. Карским).
238. Труды Академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки. «Slavia», Ročnik VI, sešit 4, 1928, стр. 828—835.
239. Книжные новости. ИРЯС, т. I, кн. 2. Л., 1928, стр. 605—613 (о книгах Я. Бидло, П. Бузука «Спроба лінгвістычнае географіі Беларусі», Н. Дурново «Введение в историю русского языка», А. В. Миртова, Владимира Розова и др.).
240. Указатель авторов и их статей, напечатанных в Известиях Отделения русского языка и словесности за все время существования этого издания с 1896 г. по 1927 г., т. I—XXXII. Л., 1928. 8°. 55 стр.
241. Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. «Sbornik I. Sjezdu slovanských geografů a etnografů v Praze», 1924, стр. 251—255.
242. О научных достижениях в области этнографии в России с 1914 по 1924 г. Там же, стр. 255—257.
243. Moszyński K. Polesie wsochodnie. «Slavia», Ročnik VII, sešit 3. V Praze, 1928, стр. 662—664.
244. К истории славянской филологии в конце XIX и первые годы XX ст. Три письма И. В. Ягича. Там же, стр. 701—704.

1929

245. V. Lastoŭski. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Kovno, 1926, 4°, VIII+776 s. «Zeitschrift für slavische Philologie.» Band V. Heft ¾, 1929, стр. 498—503.
246. Piotuchovič M. M. Narysy historyi belaruskaj litaratury. I. —«Slavische Rundschau» I, № 3, 1929, стр. 192—193.

247. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. ИРЯС, т. II, кн. I, Л., 1929, стр. 1—75.
248. Книжные новости в области славяноведения, русского языка и литературы (по поступившим в редакцию изданиям). ИРЯС, т. II, кн. 1. Л., 1929, стр. 363—372 (о книге И. Ираска, «Rusko a my», «Запісках аддзелу гуманітарных навук», книгах С. Карцевского, Л. М. Клейнборта, Ол. Курило, Ч. Петкевича, М. М. Піотуховіча, сборнике «Русская речь» и др.).
249. Заметки о книгах и брошюрах, поступивших в редакцию. ИРЯС, т. II, кн. 2. Л., 1929, стр. 739—748 (о книгах: Г. А. Ильинского «Златоструй XI в.», П. Лаврова «Кирило та Методій в давньослов'янському пісьменстві», Ст. Младенова «Geschichte der bulgarischen Sprache», І. Огієнко «Пам'ятки старослов'янської мови X—XI віків», П. Н. Сакулина и др.)
250. Е. Ф. Будде (Некролог). ИРЯС, т. II, кн. 2. Л., 1929, стр. 687—689.
251. A. J. Sobolevskij (Некролог). «Slavische Rundschau». Jahrgang I. Nr. 10. Dezember 1929, Berlin—Leipzig—Prag, стр. 812—814.

1930

252. К истории белорусского языка в XVII столетии. ИРЯС, т. III, кн. I. Л., 1930, стр. 55—74.
253. Червенский говор (Из белорусской диалектологии). Там же, стр. 225—237.
254. Отзывы о поступивших в редакцию ИРЯС книгах и брошюрах: «Български прегледъ» 1929 г., И. Г. Голанова «Русская диалектология», «Краеведение на северном Кавказе», V. J. Mansikka «Litauische Zaubersprüche» «Наукові записки Харківської науково-дослідчої катедри мовознавства», J. Polivka «Lidové povídky slovanské», А. М. Селищева «Полог и его болгарское население» и др. Там же, стр. 360—368.
255. Отзывы о поступивших в редакцию ИРЯС книгах, брошюрах и журналах: об «Опыте терминологического словаря рыболовного промысла Поморья» И. М. Дурова, о книге «Історичний славник українського языка» Е. Тимченка, о «Донском словаре» А. В. Миртова и др. — ИРЯС, т. III, кн. 2, Л., 1930, стр. 636—640.
256. Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения указатели авторов и словарного состава. Л., 1930. 8°. IV+114 стр.
257. Труды А. И. Соболевского по палеографии и диалектологии. Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение гуманитарных наук, 1930, № 1, стр. 45—48.
258. Stan obecny etnograficznych badań na Białorusi. «Ruch Słowiański» Rok III. 1930 Numer 4—5, стр. 105—110.
259. Сатырыко-камічные творы беларускай літэратуры — Seslavenski zbornik. Spomenica o tisućugodišnjici hrvatskoga kraljevstva. Zagreb, 1930, стр. 108—119
260. Акад. Е. Ф. Карским написаны развернутые отзывы об ученых трудах кандидатов в члены-корреспонденты Н. Н. Дурново, Л. В. Щербы (1924), Фр. Лоренца (1925), М. Фасмера (1927), А. М. Селищева (1928), Д. К. Зеленина, Ст. Младенова (1931), С. П. Обнорского (1931).

ЛИТЕРАТУРА о Е. Ф. КАРСКОМ

1. Акад. Б. М. Ляпунов. Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского. Известия АН СССР. Отделение общественных наук, № 3. 1932.
2. В. И. Борковский. Академик Е. Ф. Карский. Ученые записки Ярославского пединститута, вып. 5, 1945.
3. Мікалай Лобан. Вялікі беларускі вучоны. «Беларусь», № 10, 1945.
4. В. И. Борковский. Евфимий Федорович Карский. «Русский язык в школе», № 1, 1951.
5. В. И. Борковский. Е. Ф. Карский как историк русского языка и палеограф (1961—1931). Известия АН БССР, 4. Июль—август, 1951.
6. М. А. Жидович. Е. Ф. Карский как историк белорусского языка. Там же
7. Ю. Ф. Мацкевич. Е. Ф. Карский как диалектолог. Там же.
8. В. Вольский. Академик Е. Ф. Карский как историк белорусской литературы. Там же.
9. М. Я. Гринблат. Е. Ф. Карский как белорусский этнограф. Там же.
10. «Карский, Евфимий Федорович» — статья в БСЭ, изд. 2-е, т. 20, стр. 256.
11. И. К. Белодед, В. И. Борковский, П. И. Горецкий. Изучение украинского и белорусского языков. Серия «История отечественного языкознания», вып. 1. М., 1958.
12. П. С. Кузнецов. Евфимий Федорович Карский (1861—1931). Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, т. XX. ., 1961, вып. 1.
13. А. А. Крывіцкі. Я. Ф. Карскі — выдатны беларускі вучоны (да 100-годдзя з дня нараджэння). Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1961, № 1.
14. М. Р. Судник. Бележит белоруски учен (100 години от рождението на акад. Е. Ф. Карски). «Език и литература», 2. Год. XVI — 1961.
15. Vladimír Barnet. Významné výročí běloruske filologie (Akademik J. F. Karskij, 1861—1931). «Slavia». Ročnik XXX. Praha. 1961. Sešit 3.
16. Antonina Obrabska — Jabłońska. Życie i praca naukowa E. F. Karskiego. «Slavia orientalis». Rocznik X. Warszawa, 1961, № 2.
17. Stanisław Glinka. E. Karski jako dialektolog. Там же.

ТРУДЫ АКАДЕМИКА Е. Ф. КАРСКОГО ПО СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ

Центральное место в числе написанных академиком Евфимием Федоровичем Карским исследований (опубликовано около 300 работ) занимают труды по белорусскому языку и словесности.

Будучи белорусом, родившимся в Белоруссии и проведшим детство и юношеские годы среди белорусов, Е. Ф. Карский горячо любил белорусский язык, народное творчество белорусов. Это в значительной степени определило круг его научных интересов. Вспомним слова Е. Ф. Карского в 3-м выпуске II-тома «Белорусов», что он работал с увлечением и любовью к белорусскому народу, в особенности потому, что сам является природным белорусом.

В записке от 24 апреля 1916 г. об ученых трудах Е. Ф. Карского, подписанной академиками А. Шахматовым, В. Перетцем, А. Соболевским и Н. Котляревским в связи с предложением избрать Е. Ф. Карского в ординарные академики, сказано что «Е. Ф. Карского можно по справедливости назвать основателем белорусского языкознания и белорусской филологии».

Действительно, то, что сделано Е. Ф. Карским в области белорусского языкознания, белорусской литературы и белорусской этнографии, так велико, что, говоря об Евфимии Федоровиче, мы, в первую очередь, назовем его «основателем белорусского языкознания и белорусской филологии».

Но даже и грандиозный памятник, который поставил себе автор при жизни, — многотомное исследование «Белорусы», монографии по белорусскому языку, белорусской словесности и этнографии (в их числе: «Обзор звуков и форм белорусской речи», «К истории звуков и форм белорусской речи», «Западно-русские переводы псалтыри в XV—XVII веках» и др.) — не оставляет в тени другие труды Е. Ф. Карского, в первую очередь, по русскому языку и палеографии, а затем и по другим славянским языкам — украинскому, южнославянским и западнославянским.

Об интересе Е. Ф. Карского ко всем славянским языкам (а также и литературам) говорят не только его специальные исследования по этим языкам, рецензии на вышедшие труды, но и многочисленные краткие отзывы, которые помещались в Русском филологическом вестнике, в Известиях Отделения русского языка и словесности, а затем в Известиях по русскому языку и словесности. Е. Ф. Карский откликался на выход буквально каждой книги по славянским языкам, напечатанной как у нас, так и за рубежом, на выход очередного тома того или иного периодического славистического издания. Нет возможности перечислить все рецензии, все отзывы в тексте этой статьи. Нет их полного перечня и в помещенном выше «Списке печатных работ академика Е. Ф. Карского».

Об интересе Е. Ф. Карского ко всем славянским языкам свидетельствует и то, что в своих трудах по белорусскому и русскому языкам Е. Ф. Карский привлекает данные других славянских языков.

Не осуществил Е. Ф. Карский задуманного им ценного научного предприятия — составления сравнительного словаря всех славянских языков: смерть застала Е. Ф. Карского за работой по подготовке картотеки словаря.

Об исследованиях Е. Ф. Карского по белорусскому языку и палеографических работах, посвященных специально западнорусским памятникам, нам недавно приходилось писать [1], поэтому в данной статье мы остановимся на работах Е. Ф. Карского по другим славянским языкам.

Вначале отметим исследования Е. Ф. Карского по русскому языку и палеографии, занимающие почетное место в русском языкознании.

Многие работы Е. Ф. Карского («Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи»; «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР», «Славянская кирилловская палеография» и др.) являются учебными пособиями в нашей высшей школе.

Ряд исследований Е. Ф. Карского посвящен истории русского литературного языка и современному русскому языку.

В 1886 г., когда Е. Ф. Карский был учителем 2-й Виленской гимназии [2], он произнес речь на годичном акте во 2-й Виленской гимназии 21 августа 1886 г. «О так называемых барбаризмах в русском языке» (напечатано в Вильне в 1886 г.).

В этой речи устанавливаются условия, при которых появились иностранные слова в русском языке (рассмотрены заимствования из различных языков), делается вывод, что иностранные слова следует употреблять только тогда, когда в них есть крайняя необходимость, а «при других условиях иностранные слова не только не украшают русской речи, не только свидетельствуют об образованности употребляющих их лиц, напротив того, они портят нашу речь, налагая на нее незаслуженный упрек в бедности, а лиц, без разбора употребляющих их, клеймят позором незнания богатств родной речи» (стр. 12). К вопросу об употреблении иностранных слов Е. Ф. Карский возвращается в речи при открытии в Варшаве летних курсов для учителей и учительниц начальных и городских училищ — «К вопросу об употреблении иностранных слов в русском языке» (напечатано в Вильне в 1910 г.).

Основные выводы те же, что и в речи 1886 г., и мы отметим только высказывание Е. Ф. Карского против замены одних иностранных слов другими, хотя бы им было придано русское окончание. Е. Ф. Карский приводит пример такой замены из практики почтового ведомства, употребившего «для передачи иностранного carte postale «почтовая карточка» вместо народного благозвучного «открытка» (стр. 8—9).

27 февраля 1893 года Е. Ф. Карский прочел в Варшавском университете вступительную лекцию «Главнейшие течения в русском литературном языке» [3], в которой большое внимание уделено западнорусскому литературному языку.

В речи дается характеристика русского литературного языка древнейшей поры, причем указывается, что заимствования слов германского происхождения были незначительными и остались почти незаметными в общей системе языка, а церковнославянская стихия явилась преобладающей в зарождающемся русском литературном языке.

Е. Ф. Карский отмечает, что в произведениях светских (грамотах, договорах, отчасти летописях) преобладает русский элемент, при этом даже в лексическом отношении. Е. Ф. Карский подчеркнул преобладание русского элемента и в лексике,

---

[1] См. Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. М., 1955, стр. 453—471 (статья «Исследования Е. Ф. Карского по белорусскому языку»).

См.: также И. К. Белодед, В. И. Борковский, П. П. Горецкий. Изучение украинского и белорусского языков. М., 1958, стр. 126—153.

[2] Назначен преподавателем этой гимназии с 1 июля 1885 г., по окончании Историко-филологического института имени князя Безбородко в Нежине.

[3] Варш. ун. изв. 1893, IV. См. также и опубликованную в 1905 г. в РФВ, т. LIII, статью «Русский литературный язык», в которой сохранены основные положения автора, высказанные им в 1893 г.

так как исходит из положения, что формы слов «упорнее сохраняют свою неприкосновенность» (стр. 2).

В 1892 г. вышел второй выпуск «Словаря русского языка», составленного вторым отделением Академии наук.

Е. Ф. Карский откликнулся в РФВ, т. XXIX за 1893 г., разбором некоторых объяснений отдельных слов и форм в словаре, предложив свои поправки в редакции этих объяснений.

В 1899 г. отмечалось столетие со дня рождения великого русского национального поэта-патриота А. С. Пушкина. Е. Ф. Карский произносит на торжественном акте Варшавского университета 26 мая 1899 г. речь «О влиянии поэтической деятельности А. С. Пушкина на развитие русского литературного языка» (напечатана в РФВ, т. XLII за 1899 г.) [4]

Для историка русского литературного языка эта речь представляет большой интерес. Основная ее мысль: «Язык Пушкина есть завершение всего предшествовавшего развития русского литературного языка. Однако, выразившись таким образом, мы сказали бы меньше, чем следует: Пушкин был не только завершителем, но и создателем языка; эту образовательную силу он почерпнул в постижении духа и средств языка» (стр. 197).

В своей глубоко содержательной речи Е. Ф. Карский неопровержимо доказал, что Пушкин был создателем русского литературного языка, что именно в языке Пушкина «пришли в надлежащее равновесие все стихии литературной речи. . .» (стр. 200—201): церковнославянизмы, живая народная речь, иностранные слова. Е. Ф. Карский анализирует язык А. С. Пушкина в его развитии (например, устанавливается постепенное освобождение языка Пушкина от церковнославянизмов, ненужных галлицизмов), особо рассматривает язык пушкинской прозы, противопоставляя его языку прозы карамзинистов, учитывает содержание произведения, стилистическую функцию слова, определенной формы в авторской речи, в языке персонажей.

Каждое положение подкреплено примерами из произведений А. С. Пушкина, высказываниями самого писателя о русском языке.

Е. Ф. Карский подчеркнул огромную любовь нашего великого национального поэта к русскому языку, показал, что А. С. Пушкин «дал блестящие образцы прозы и поэзии во всех их родах и видах, вследствие чего русский язык получил возможность выступить во всем своем величии» (стр. 230).

Речь Е. Ф. Карского заканчивается следующими яркими словами: «Пушкин вполне был прав, когда сказал о себе («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824):

> В гармонии соперник мой
> Был шум лесов, иль вихорь буйный,
> Иль иволги напев живой,
> Иль ночью моря гул глухой,
> Иль шопот речки тихоструйной»
>
> (стр. 230)

Нет необходимости указывать на большое значение этой речи, произнесенной тогда, когда не было ни одной значительной работы по языку А. С. Пушкина.

Отметим только, что и сейчас основные положения Е. Ф. Карского, высказанные им 26 мая 1899 г., сохранили свою силу.

В 1903 г. Е. Ф. Карский публикует в т. L «Русского филологического вестника» (с 1 января 1905 г. Е. Ф. Карский редактирует этот журнал и является редактором до 1917 г., когда «Русский филологический вестник» прекратил свое существование) статью, посвященную видному историку русского языка и диалектологу Митрофану Алексеевичу Колосову.

---

[4] О Пушкине, о значении великого поэта в истории русской словесности и языка Е. Ф. Карский произнес речь во время чествования памяти Пушкина в 1887 г. (50 лет со дня смерти) во 2-й Виленской гимназии. См. Краткий отчет о состоянии Виленской 2-й гимназии за 1886/7 учебный год. Вильна, 1887, стр. 7. К сожалению, эта речь не сохранилась.

Чтобы не прерывать изложения, отметим, что в дальнейшем появляется ряд статей Е. Ф. Карского, написанных (в связи с юбилейными датами, смертью) о многих представителях славянской филологии: об А. И. Смирнове, А. А. Кочубинском, А. С. Будиловиче, М. Г. Халанском, Г. К. Ульянове, И. И. Срезневском, Я. К. Гроте, Н. П. Некрасове, А. А. Шахматове, Е. Ф. Будде, А. И. Соболевском, И. В. Ягиче и др. Следует отметить, что много некрологов было посвящено и тем, кто не занял почетного места в науке, но по мере сил трудился на этом славном поприще.

Е. Ф. Карский обладал исключительным талантом дать сжатую и точную характеристику научной деятельности того или иного лица. Отметим оценку деятельности А. А. Шахматова в статье: «А. А. Шахматов, как историк русского языка» («Известия ОРЯС», т. XXV за 1920 г.).

В немногих словах Е. Ф. Карский четко рисует облик замечательного ученого, смерть которого — «тяжелая, непоправимая для русской науки утрата. . .» (стр. 75).

Бесспорной заслугой А. А. Шахматова, как историка русского языка, является, по мнению Е. Ф. Карского, то, что им привлекался рукописный лингвистический материал непосредственно из первоисточников, что были использованы живые данные языка, находящиеся «в преемственной связи с отдаленнейшим прошлым, доходящим до эпохи прарусской и часто даже праславянской» (стр. 77), что русский язык сравнивался с родственными языками.

С особенным удовлетворением говорит автор о взгляде А. А. Шахматова, редактора словаря русского языка (с момента избрания А. А. Шахматова в члены Академии наук в 1894 г. по день смерти), на состав словаря: «По мысли А. А-ча словарь русского языка должен был обхватывать все лексическое богатство русского народа, а не ограничиваться только тем, что употребляли в своих произведениях русские писатели (как это делал Я. К. Грот в I томе). Шахматов стал в этом случае на ту единственно правильную точку зрения, что живой язык народа — корень и основание его литературного языка» (стр. 86).

Е. Ф. Карский, всю жизнь посвятивший служению своему народу, науке, не мог не отметить этой черты в А. А. Шахматове: «. . . всестороннее изучение и научное исследование русского языка во всем его объеме, обыкновенно в связи с историей самого народа, составляло главнейшую задачу жизни и деятельности А. А-ча. Еще с гимназической скамьи он обнаружил изумительную для юноши любовь к филологии; ею он пылал во время своей студенческой жизни; ею же он согревался и в последующую жизнь при своих многочисленных филологических изысканиях. Эта любовь к русскому языку, скажем словами академика Сухомлинова, у него обратилась в страсть, которая с неодолимою и плодотворною для науки силою владела им до последней минуты» (стр. 87).

Многочисленные некрологи, статьи, посвященные тому или иному ученому (как в Русском филологическом вестнике, так и в Известиях Отделения русского языка и словесности и в других изданиях), послужили в значительной мере основой для напечатанной в 1926 г. работы «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР». На этом труде мы остановимся в дальнейшем.

Не останавливаемся на двух статьях, опубликованных Е. Ф. Карским в 1905 г.: «К вопросу о народном говоре Брянского уезда, Орловской губернии»[5] и «К вопросу о разграничении русских наречий»[6]. Основное внимание уделено в этих статьях белорусскому языку.

В 1909 г., в т. LXI РФВ Е. Ф. Карский публикует статью «Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка». Эта статья — речь, сказанная 20 марта 1909 г., в связи со столетием со дня рождения Н. В. Гоголя, на торжественном заседании Совета Варшавского университета и Общества истории, филологии и права.

В труде о Н. В. Гоголе дана характеристика языка писателя, определяется его роль в истории русского литературного языка как ученика и гениального продолжателя А. С. Пушкина. Особенное внимание уделено выяснению роли народных элемен-

[5] Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905.

[6] Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902, т. II. М., 1905.

тов в языке Н. В. Гоголя. Е. Ф. Карский указывает, что Н. В. Гоголь сознавал важность изучения народного языка, усилил, по сравнению с А. С. Пушкиным, народный элемент в произведениях, считая, что сила русского литературного языка в тех основных соках, которые его питают, — в русской народной речи.

13 ноября 1911 г. Е. Ф. Карский произносит речь в торжественном собрании Варшавского университета «Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка» [7].

В начале речи приводятся высказывания А. С. Пушкина о заслугах Ломоносова перед русской наукой и русским обществом, говорится вкратце об истории русского литературного языка до Ломоносова и затем дается характеристика сущности реформы Ломоносова: «Он определил словарный состав русского литературного языка, установил его грамматические формы и своими многочисленными произведениями во всех, можно сказать, родах прозы и поэзии доказал жизненность произведенной реформы» (стр. 70). Дальнейшее изложение является развитием и обоснованием приведенного выше тезиса. Говоря о глубоком знании Ломоносовым русского языка, Е. Ф. Карский особо подчеркивает патриотизм Ломоносова, его любовь к русскому языку (так, в частности, эпиграфом к речи является: «Языка нашего небесна красота. . . Ломоносов. Сочин. изд. Сухомл. II, XXV»), отмечает заслуги М. В. Ломоносова-языковеда: «Он дал нам первую грамматику русского языка и установил существующую до сих пор грамматическую терминологию» (стр. 74).

Созданную М. В. Ломоносовым «Российскую грамматику» Е. Ф. Карский оценивает как «замечательный труд» (стр. 76), отмечая, в частности, что «В основу русской грамматики Ломоносов кладет живую русскую речь, причем предпочтение отдается московскому наречию «не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты» (§ 115)» (стр. 76—77).

В 1924 г. был напечатан труд Е. Ф. Карского, который автор называет отголоском его курсов по русской диалектологии, читанных в университете за последние 25 лет,— Русская диалектология. Л., 1924.

Исходя из положения, что живой народный язык является корнем литературного языка (см. приведенные на титульном листе эпиграфы — высказывания А. С. Пушкина и В. И. Даля о народном языке), Е. Ф. Карский дает в своей «Русской диалектологии» и очерк русской литературной речи.

Когда Е. Ф. Карский писал свою книгу, он располагал не только монографиями по отдельным говорам, но и многочисленными ответами на программы Академии наук и Московской диалектологической комиссии [8], а в отношении говоров белорусского языка — и своими личными наблюдениями. Все эти материалы были использованы в «Русской диалектологии» при характеристике русских, белорусских и украинских говоров, и названная книга выгодно отличается своей полнотой от предшествующих работ по русской диалектологии других авторов.

Вполне понятно, что за 35 лет, истекших с момента издания «Русской диалектологии» Е. Ф. Карского, собран новый материал по русским, белорусским и украинским говорам, уточнены сведения о говорах и их границах. Благодаря работе многочисленных энтузиастов-диалектологов создаются лингвистические атласы русского языка («Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» вышел в 1957 г.), белорусского и украинского языков. Следует, однако, отметить, что именно Е. Ф. Карский еще в 1926 г., т. е. в то время, когда не была начата работа

---

[7] РФВ, т. LXVII, 1912. См. также Е. Ф. Карский. Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка. Речь, произнесенная 13 ноября 1911 года в торжественном собрании Варшавского Университета в память 200-летия со дня рождения Ломоносова. Варшава, 1912, стр. 17.

[8] Ответы на программы Московской диалектологической комиссии печатались Е. Ф. Карским, как редактором, в РФВ. Московская диалектологическая комиссия высоко ценила эту помощь Е. Ф. Карского и в письме от 21 января 1914 г. (в связи с 35-летием существования РФВ) благодарила его за предоставленную возможность опубликовать ценные диалектологические материалы.

над «Лингвистическим атласом», остро сознавал необходимость выпуска лингвистических атласов восточнославянских языков.

Намечая в своем труде «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» (1926) план первоочередных задач по изучению восточнославянских языков, Е. Ф. Карский первой поставил следующую задачу: «1. Составить диалектологический атлас живого русского языка по отдельным наречиям, с указанием территории распространения в каждом из них тех или иных черт» (стр. 99).

Большое значение придавал Е. Ф. Карский вопросам русского правописания. Ему принадлежит специальная статья «К вопросу о реформе русской орфографии» (в РФВ, т. LII за 1904 г.), возвращается к этому вопросу он и в статье «Работы по русскому языку» [9], в которой дается общий краткий итог достижений Академии наук по русскому языку в период с 1917 по 1927 г.: «. . .нельзя не вспомнить и заслуг Академии по упрощению русского правописания, много содействовавшему распространению просвещения в народных массах. Постановление Академической Комиссии по этому предмету состоялось еще 24 мая 1917 г., но решительно вошло оно в жизнь только в истекшее десятилетие» (стр. 122).

Мы считаем необходимым подчеркнуть в приведенном высказывании похвалу, с какой отозвался Е. Ф. Карский об упрощении русского правописания, отметив самое главное в реформе: она много содействовала распространению просвещения в народных массах.

Переходим к работам Е. Ф. Карского по истории русского языка и по палеографии, поскольку вторая область в трудах Е. Ф. Карского тесно связана с первой.

Считаем необходимым отметить, что мы не останавливаемся на палеографических работах, посвященных специально западнорусским памятникам: труды рассмотрены нами в названной выше статье «Исследования Е. Ф. Карского по белорусскому языку».

Еще будучи студентом Историко-филологического института имени князя Безбородко в Нежине, Е. Ф. Карский печатает в т. X РФВ за 1883 г. критическую заметку «Слово «человек» в производствах» — Н. Н. Бодров (ФЗ, 1883 г., вып. 1. Воронеж)»; в том же журнале, т. XI за 1884 г., помещена «Заметка на «ответ рецензенту»— Н. Бодрова (ФЗ, 1884 г., вып. 1)».

В своей рецензии студент Нежинского института устанавливает полную несостоятельность попытки Н. Н. Бодрова доказать, что «слово «человѣкъ». . . есть тождеслов тела. . .» и объяснить его при помощи древнееврейского языка.

Важно подчеркнуть, что молодой ученый уже в этой работе, своей первой печатной работе, обнаруживает не только превосходное знание славянских языков, греческого, латинского, других индоевропейских языков и древнееврейского языка, но и исключительное умение сопоставить и проанализировать данные различных языков.

В рецензии Е. Ф. Карский указывает ошибки Н. Бодрова в понимании этимологии отдельных слов, отмечает незнание Н. Бодровым законов фонетики славянских и других языков и, как результат этих ошибок и незнания законов фонетики, неверные сопоставления (как в отношении фонетическом, так и в отношении семасиологическом) слов из различных языков.

В «Заметке» Е. Ф. Карский доказал, что защита Н. Бодровым своих доводов оказалась такой же слабой и несостоятельной, как слабы и несостоятельны самые доводы.

Е. Ф. Карский справедливо отмечает, что тому, кто берется поколебать основные истины сравнительной филологии, недостаточно только знакомства с разными словарями, но «необходимо твердо изучить законы той или другой замены, того или другого чередования звуков по крайней мере в тех языках, с которыми приходится иметь дело» (стр. 321).

В 1888 г. выходит в свет учебник Е. Ф. Карского для средней школы, выдержавший 19 изданий (последнее — в 1917 г.), — «Грамматика древнего церковнославянского языка, сравнительно с русским».

---

[9] В книге: Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет. 1917—1927. Л., 1927.

Мы останавливаемся на этой книге, так как в ней содержится много ценных сведений по древнерусскому языку, формы старославянского языка сопоставляются с формами древнерусского языка, приводятся и объясняются сохранившиеся до нашего времени остатки старых форм. Научные сведения даны в доступной для учащихся IV класса форме. Вполне понятна поэтому исключительная популярность учебника, в котором (мы считаем это бесспорной заслугой автора) дано значительно больше сведений, чем требовала программа, почти совершенно исключавшая сравнительное изучение старославянского и русского языков.

В 1889 г. Е. Ф. Карский напечатал работу «О суффиксах в русских словах типа т е л е н о к, В а с е н ь к а, р у ч е н ь к а, б е л е н ь к и й» (РФВ, т. XXII).

Не соглашаясь с ходячим объяснением суффикса -ен-, как возникшим в результате разложения -ѧ-, Е. Ф. Карский считает, что в -е н о к- (в слове т е л е н о к) надо видеть не -ѧ- плюс - ъ к -, суффикс уменьшительных имен, а, возможно, основу - ь н ъ къ - т. е. суффикс прилагательного - ь н - в соединении с суффиксом существительных уменьшительных - ъ к ъ-.

Е. Ф. Карский отмечает, что суффикс - е н - (-ь н -) не чужд и именам существительным: о в ё н (о в ь н ъ), п о л о т н о (п л а т ь н о). Автор указывает, что в том случае, если на -ен- смотреть как на суффикс прилагательного, то переходной ступенью к слову т е л е н о к будет прилагательное * т е л ь н ъ, образованное при этом не от основы имени, а прямо от корня.

В словах В а с е н ь к а, С а ш е н ь к а, т е т е н ь к а - ь к - прибавлено тоже к корню, соединенному с суффиксом - е н-.

Слова м а м е н ь к а, п а п е н ь к а, р у ч е н ь к а образованы, по мнению Е. Ф. Карского, в подражание названным именам (прилагательное, произведенное от них, непременно оканчивалось бы на -и н -, а не на - е н -).

Относительно прилагательных б е л е н ь к и й и т. п. автор считает, что в них суффикс - е н ь к -, конечно, сродни названному выше *ь н ъ к ъ, но он был бы совершенно чужд ему, если бы -ен - считать разложением -ѧ-.

Изучая в течение лета 1895 г. в библиотеках Петербурга, Москвы и Вильны западнорусские памятники, Е. Ф. Карский рассмотрел и те древнерусские и древнецерковнославянские памятники, которые хранились в библиотеках указанных городов.

Особенно тщательно было изучено Мстиславово евангелие до 1177 г. (хранилось в патриаршей ризнице в Москве), один из самых выдающихся памятников древнерусской письменности, о котором не было напечатано ни одного исследования, рассматривающего памятник со стороны филологической.

Результаты своего ознакомления с указанным памятником Е. Ф. Карский опубликовал в РФВ в 1895 г., под названием «Особенности письма и языка Мстиславова евангелия» [10].

В этом небольшом исследовании (занимает 24 страницы) рассмотрены: письмо, употребление букв для выражения звуков, особенности в образовании склоняемых форм, спрягаемых форм, некоторые синтаксические черты, дан список слов, показавшихся автору в каком-либо отношении более или менее замечательными. Кроме того, Е. Ф. Карским в заключение приведен один отрывок из текста с соблюдением всех палеографических особенностей.

Была также изучена и копия со знаменитой Супрасльской рукописи, памятника древнецерковнославянского языка XI в., принадлежавшая Виленской публичной библиотеке. Эту копию и подлинник ученый сравнил с изданием Миклошича: Monumenta linguae paleoslovenicae e codice Suprasliensi. Vindobonae, 1851, установив неточности в издании Миклошича.

Отметим, что об итогах своих занятий в библиотеках Петербурга, Москвы и Вильны в течение лета 1895 г. Е. Ф. Карский сообщил в «Отчете экстраординарного проф. Евфимия Карского о научных занятиях в библиотеках С.-Петербурга, Москвы и Вильны в течение летних месяцев 1895 года» [11].

---

[10] РФВ, т. XXXIV, 1895. Отд. оттиск — Варшава, 1895.
[11] Варш. ун. изв., 1895, VII.

В 1895 г. Е. Ф. Карский печатает работу «Русские наречия д о м о й, д о л о й» [12], в которой предлагает свое решение вопроса о происхождении этих наречий.

Не соглашаясь с господствовавшей точкой зрения, что д о м о й, д о л о й развились из дательного д о м о в и, д о л о в и через посредство д о м о в ь, д о л о в ь (такова была точка зрения П. Лавровского, Ф. Буслаева и других ученых), и доказывая несостоятельность этого взгляда, Е. Ф. Карский приходит к выводу, что д о м о й — д о л о й, д о м о в ь — д о л о в ь, д о м о в и — д о л о в и не находятся ни в какой генетической связи между собой.

По мнению Е. Ф. Карского, д о м о в ь — д о л о в ь следует признать двойниковой формой местного рядом с д о м у — д о л у, при этом очень древней В формах же д о м о й — д о л о й автор видит форму тв. п. Е. Ф. Карский указывает, что 1) наречия отличаются большим произволом в образовании и потому могла возникнуть форма тв. п. на о й, которую мы находим только в склонении основ на -а; 2) в синтаксическом отношении возможно употребление тв. п. для обозначения предела движения.

В результате чтения в Варшавском университете студентам славяно-русского и исторического отделений курса славяно-кирилловской палеографии, Е. Ф. Карский, начиная с XXXV тома РФВ за 1896 г., публикует свой труд «Из лекций по славянской кирилловской палеографии» [13].

Собственно говоря, началом палеографических работ Е. Ф. Карского следует признать его статью 1893 г., напечатанную в г. Вильне, — «К вопросу о разработке старого западнорусского наречия». Библиографический очерк [14].

В 1901 г. этот курс лекций вышел под названием «Очерк славянской кирилловской палеографии (из лекций, читанных в Варшавском университете)». Варшава, 1901. 8°, XIV+518 стр. (переиздан в 1913 и в 1915 гг.) «Очерк» — не только переработанное, но и значительно дополненное издание труда «Из лекций. . .» Улучшению книги Е. Ф. Карского способствовала его поездка в Москву, Троице-Сергиеву лавру и Слуцк в 1898 г.[15] со специальной целью собирания и проверки палеографических материалов. Е. Ф. Карский имел в виду устранить неточности в напечатанном им в 1897 г. труде «Из лекций. . .», вызванных тем, что он основывался на печатном материале.

Отметим, что Е. Ф. Карский внес поправки и в «Славяно-русскую палеографию» (1885) И. Срезневского, где далеко не точно напечатано Послесловие Добрилова евангелия 1164 г. и послесловие Мстиславова евангелия XII в. (до 1117 г.).

В 1901 г. вышли в свет и «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век». Варшава, 1901. 8°, VIII+80 стр. (издание 2-е — Варшава, 1902; издание 3-е — Варшава, 1912).

После курса академика И. И. Срезневского (славяно-русская палеография XI—XIV вв. Лекции, читанные в С.-Петербургском университете в 1865—1880 гг. СПб., 1885) труды Е. Ф. Карского «Из лекций. . .» и «Очерк» были единственными печатными пособиями по славянорусской палеографии.

Литографированные курсы профессора А. И. Соболевского, сыгравшие видную роль в истории палеографии (Е. Ф. Карский указывал, что и его печатные курсы «возникли под влиянием знакомства главным образом с лекциями Соболевского (изд. 1893 г.)» [16], были напечатаны (в переработанном виде) в 1908 г.

---

[12] Изв. Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине, т. XV, № 11, 1895.

[13] РФВ, т.т. XXXV и XXXVI за 1896 г., в 1897 г. работа заканчивается печатанием — РФВ, т. XXXVII; в. т. XXXVIII за тот же год — «Дополнения и поправки». Оттиск из РФВ — Варшава, 1897. 8°, IV+173+1.

[14] Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна, 1892.

[15] Отчет ординарного профессора Евфимия Карского о научных занятиях в библиотеках Москвы, Троице-Сергиевой лавры и Слуцка в течение летних месяцев 1898 года. Варш. ун. изв., 1898, IX.

[16] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 77.

Значительно позже отмеченных трудов Е. Ф. Карского, в 1920 г., появился «Учебник русской палеографии» профессора В. Н. Щепкина.

Широкий круг вопросов и детальное рассмотрение каждого из них, стройность построения, убедительность научной аргументации, прекрасное литературное оформление — все это способствовало большой популярности «Очерка. . .», который стал не только незаменимым пособием для студентов-словесников, но настольной книгой для каждого палеографа, историка славянских языков.

Академия наук высоко, по достоинству оценила «Очерк» Е. Ф. Карского, и автору на заседании 29 октября 1901 г. была присуждена малая Ломоносовская премия.

К 1904 году относится работа по палеографии «К вопросу об издании снимков с древнейших русских грамот» [17].

Здесь указывается на важное значение для целей палеографических снимков с древних русских грамот, перечисляются все издания древнейших русских грамот, причем дается и оценка этих изданий, отмечаются погрешности в отношении чтения издателями тех или иных грамот.

В конце статьи автор приводит список всех древнейших грамот (с XII до конца XIV столетия) с указанием места хранения оригиналов и снимков с них, если таковые имеются.

Как отмечает Е. Ф. Карский, этот список восполнит и исправит те сведения, которые даны им в «Очерке славянской кирилловской палеографии», 1901 г.

Для всех изучающих грамоты (как со стороны палеографической, так и со стороны языка) названная выше работа Е. Ф. Карского является весьма ценным руководством, так как помогает не только критически подойти к тем или иным изданиям, но и найти нужную грамоту или снимок с нее. В том же 1904 году напечатан отзыв о «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (СПб., 1903) [18].

Е. Ф. Карский очень высоко оценил этот труд как выдающийся вклад в науку, но в то же время высказал ряд замечаний: по его мнению, не следовало совершенно устранять христианские имена (часто они стали неузнаваемыми, особенно в виде ласкательных и уменьшительных); деление словаря на три неравномерные части (I — имена мужские, II — имена женские и III — отчества) затрудняет пользование словарем; для практического пользования словарем гораздо удобнее расположить его в строго алфавитном порядке.

В 1913 г. Е. Ф. Карский печатает статью «Архангельское евангелие 1092 г. По поводу издания Румянцевского музея (Москва, 1912)» [19].

Статья об издании 1912 г. Архангельского евангелия выходит за пределы темы. Выступая как палеограф со своими замечаниями об этом редком издании (издатели стремились к тому, чтобы издание для палеографических целей заменило подлинник), Е. Ф. Карский как историк языка останавливается, помимо палеографических особенностей памятника, на его орфографии, фонетике, морфологии и синтаксисе.

Палеографический и лингвистический анализ позволяет автору предположить, что «югославянский оригинал, происходящий вероятно из восточной Болгарии, был сначала переписан на юге Руси, например в Киеве; эта последняя копия была переписана где-либо в средней Руси; среднерусская копия послужила оригиналом для писцов Архангельского евангелия» (стр. 476—477).

На основе палеографического анализа Евфимий Федорович приходит к выводу, что «можно признать датировку 1092 годом приблизительно правильной» (стр. 477).

К палеографическому анализу Евфимий Федорович прибег, несмотря на наличие приписки на л. 177 с датой написания, так как «эта приписка, очень неясная, полустертая, сохранилась на листе, написанном позднейшим почерком и быть может тою же рукою» (стр. 477).

---

[17] Варш. ун. изв., 1904, IV.

[18] РФВ, т. LI, 1904. См. также разбор этого труда, представленного в рукописи в Академию наук на соискание Ломоносовской премии в 1899 г. — «Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1899 г.» СПб., 1900.

[19] РФВ, т. LXIX, 1913.

Из многочисленных отзывов и рецензий Е. Ф. Карского следует упомянуть отзывы, напечатанные в 1913 г.[20], о книге Е. Р. Романова «К археологии Северо-Западного края России» и его же брошюре «Борисов камень в с. Высоком-Городце Сенненского у. Мог. губ.». Автор отзывов отмечает, какое чтение надписи XI—XII вв. на Вилейском камне (о ней говорится в названной выше книге Е. Р. Романова) и надписи 1171 г. на Борисовом камне является предпочтительным, предлагает свое чтение этих надписей.

Итогом чтения Е. Ф. Карским лекций по истории русского языка в Варшавском университете был напечатанный им курс — Лекции по истории русского языка в 1914/15 акад. году. Варшава (без указания года). Литограф., 287 стр.+7 стр.

В «Лекциях» даны сведения о книгохранилищах, где находятся древнерусские произведения, о памятниках письменности XI—XVII вв. и об исследованиях, посвященных этим памятникам, о пособиях по курсу, рассмотрены фонетические явления древнерусского языка в их истории (с изменениями, происшедшими в русском, белорусском и украинском языках), морфология (склонение и спряжение) древнерусского языка [21].

Не имея возможности подробно рассмотреть названный труд, считаем необходимым подчеркнуть два высказанных в нем положения: 1) влияние древнецерковнославянского (старославянского) языка сказалось не только в книжном древнерусском языке: «и устная народная речь восприняла немало его элементов» (стр. 3); 2) для выяснения вопроса, что́ в сохранившихся памятниках составляет исключительно принадлежность русского языка, «подмогой для нас служат данные живого, не книжного русского языка, показания разных народных говоров» (стр. 4).

Следует особо остановиться на одном грандиозном труде Е. Ф. Карского.

По поручению Постоянной историко-археографической комиссии, членом которой Е. Ф. Карский состоял, он редактирует Лаврентьевскую летопись. В 1926 г. выходит выпуск 1. Повесть временных лет, в 1927 г. — вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, в 1928 г. — вып. 3. Приложения: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели.

Е. Ф. Карский выполнил огромную работу: отредактировал и лично правил корректуру 39¾ печ. л., требовавших исключительного внимания, привел варианты из Радзивиловской летописи конца XV в. (они были проверены по рукописи), рукописи XV в. б. Московской духовной академии, десяти печатных листов погибшего в 1812 г. Троицкого списка XIV—XV в. В более темных местах редактором привлекаются варианты и из других списков.

В связи со сказанным уместно будет вспомнить слова Е. Ф. Карского, сказанные им сначала в 1922 г. при рекомендации А. В. Михайлова в члены-корреспонденты Академии наук, а затем в 1928 г. в некрологе «А. В. Михайлов» [22]: «В качестве исследователя древнего языка и нового проф. Михайлов проявил необычайное трудолюбие, бескорыстную преданность науке, так как приготовление к изданию и самое издание древних текстов с массой вариантов требует большой траты времени и некоторого самопожертвования» (стр. 252—253).

Необходимо особо отметить, что издание Лаврентьевской летописи под редакцией Е. Ф. Карского выгодно отличается от предшествовавших изданий Лаврентьевской летописи своей точностью. Вот почему это издание для лингвиста и историка равноценно подлиннику.

Редактируя Лаврентьевскую летопись, Е. Ф. Карский одновременно исследует синтаксис этого памятника, извлекая материал непосредственно из оригинала памятника.

---

[20] РФВ, т. LXIX, 1913.

[21] Вопросы синтаксиса рассмотрены в другом литографированном курсе — Очерки по синтаксису др.-церковнославянского и русского языков. Издание студентов. Варшава, 1913, 204 стр. Эти «Очерки» рассмотрены нами ниже, где мы говорим о работах Е. Ф. Карского в области старославянского языка.

[22] Изв. по русскому языку и словесности, т. I, кн. 1, Л., 1928.

Результатом этой работы явилась сначала, в 1928 г., небольшая заметка (написана в 1926 г.) в Сб. ОРЯС, т. CI, № 3 (сборник статей в честь академика А. И. Соболевского) «Из синтактических наблюдений над языком Лаврентьевской летописи» а затем, в 1929 г., исследование (написано в 1927 г). «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи» в Изв. по русскому языку и словесности, т. II, кн. 1.

В этом исследовании синтаксические явления не только систематизированы по отдельным рубрикам, но и объяснены, установлено, что́ принадлежит старославянскому языку, что́ является особенностью живой русской речи, выясняется хронология того или иного языкового факта. В то же время Е. Ф. Карский избегает широких обобщений, которые и нельзя было сделать на основе материалов одного памятника.

«Наблюдения», благодаря богатству заключающихся в них сведений по синтаксису древнерусского языка, являются не только ценным научным исследованием для специалистов по русскому языку, но и учебным пособием для студентов-филологов.

В «Наблюдениях» говорится об особенностях в употреблении рода, числа (в частности, большое внимание уделено собирательным словам и двойственному числу), о бессубъектных предложениях, о неполных предложениях, о способах выражения подлежащего и сказуемого (главное внимание уделено составному сказуемому; много ценных выводов сделано об употреблении различных времен), об употреблении различных падежей и об их значениях (рассмотрены как случаи употребления падежей без предлога, так и случаи употребления падежей с предлогом), о строении двучленных предложений.

Значительное место в «Наблюдениях» занимает сложное предложение, причем, останавливаясь на различных видах придаточных предложений, Е. Ф. Карский подробно говорит о союзах, при помощи которых эти придаточные предложения присоединяются к главным.

Труд Е. Ф. Карского оказал бесспорное, весьма благотворное влияние на изучение исторического синтаксиса русского языка.

Командировка в 1926 г. от Академии наук в славянские земли дала Е. Ф. Карскому возможность проверить по оригиналам ряд текстов из древних памятников, установить местонахождение некоторых рукописей, позволила закончить работу над «Славянской кирилловской палеографией», которая вышла в 1928 г.

Этот великолепный труд Е. Ф. Карского находится в связи с напечатанными им курсами по славянской кирилловской палеографии, но значительно отличается от них по широте разработки темы: привлечены новейшие материалы, исследования, изучены неизвестные раньше книги и документы и т. п.[23]

Чрезвычайно бережливый в отношении расходования государственных средств, Е. Ф. Карский, отказавшись от изготовления новых клише, использовал только те клише, которые имелись лично у него, а также в Академии наук СССР. Несмотря на это, исключительно полно представлены снимки с различных памятников, в книге много заставок (перед каждой главой), инициалов (в начале главы), конечных орнаментов (в конце глав).

Выпуская в свет свою книгу, Е. Ф. Карский выполнил пожелания, обращенные к нему не только со стороны научных работников СССР, но и со стороны научных работников зарубежных славянских стран, — дать пособие по палеографии.

Книга заключает в себе XIII+494 страницы in 8°, в ней приводятся в конце образцы письма — 124 снимка с рукописей, дан указатель личных имен, указатель рукописных книг, грамот и актов, надписей и старопечатных книг.

Это, действительно, фундаментальный труд, незаменимое для высшей школы учебное пособие, в котором студент найдет сведения не только по истории письма, но и по истории книгопечатания, настольная книга для каждого палеографа и языковеда.

---

[23] Вполне понятно поэтому, что свой отзыв (на немецком языке) об этой книге Н. Н. Дурново начинает словами: «Karskij bietet mehr, als der Titel verspricht» (Slavische Rundschau. Jahrgang I. Nr. 1—2 Januar-Februar 1929. Berlin—Leipzig—Prag, стр. 64). Действительно, «Карский дает больше, чем обещает заглавие».

Незадолго до смерти Е. Ф. Карский напечатал труд, имеющий значение и для палеографа, и для историка русского языка, — «Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава» (издание АН СССР, Ленинград, 1930).

Самое заглавие говорит о характере и значении данной работы Е. Ф. Карского, представляющей большой научный интерес.

Издание, выпущенное Е. Ф. Карским, — это первое и пока последнее лингвистическое вполне точное издание Русской Правды по списку Новгородской Кормчей 1282 г. (Русская Правда представляет здесь полный список).

Совершенно справедливо пишет акад. Б. М. Ляпунов, что названный труд Е. Ф. Карского, «лучшее издание этого важного памятника языка и юридического быта древней Руси», «является ценным вкладом в историю изучения этого памятника и единственным надежным и общедоступным его изданием» [24].

В труде Е. Ф. Карского даны текст Русской Правды по древнейшей рукописи 1282 г. и варианты к нему, фотомеханическое воспроизведение списка 1282 г., исследованы язык и отчасти история литературной стороны этого важнейшего юридического памятника древней Руси.

Несомненный интерес представляет вывод Е. Ф. Карского относительно Русской Правды по списку 1282 г.: «. . . наш памятник производит впечатление произведения, написанного на чисто народном русском языке» (стр. 20).

В конце нашего обзора о работах Е. Ф. Карского в области русского языка и палеографии считаем необходимым отметить большую работу Е. Ф. Карского, относящуюся к 1925—1926 гг. и напечатанную в 1926 г. в «Сб. ОРЯС», т. CI, № 1, — «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР». «Очерк» по своему содержанию значительно шире заглавия: в нем говорится не только об изучении русского языка, но также и других восточнославянских языков — украинского и белорусского, не остаются без внимания и работы по старославянскому языку и палеографии.

История научной разработки русского языка начата в «Очерке» с древнейшего периода и закончена 1925 г.

Напомним, что в «Очерке истории языкознания в России» С. К. Булича изложение доведено до 1825 г., в статье А. А. Котляревского «Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения» — до 70-х годов XIX столетия.

Подводя итоги научной разработки восточнославянских языков, Е. Ф. Карский с глубоким удовлетворением отмечает, что «Результаты изучения, особенно за последние 50 лет, могут считаться очень успешными» (стр. 99).

Дальше автор указывает, к каким заключительным работам можно приступить.

Это целая программа научной деятельности в области восточнославянской диалектологии (первой задачей Е. Ф. Карский называет составление диалектологического атласа), истории отдельных восточнославянских языков, истории русского литературного языка, общей истории восточнославянских языков (от эпохи выделения из праславянского языка), которая должна обнимать фонетику, словообразование, словоизменение, ударение и синтаксис.

Особое внимание Евфимий Федорович уделяет работам по лексике восточнославянских языков.

Е. Ф. Карский полагает, что необходимо составить исторические словари русского, украинского и белорусского языков, дать полный словарь русского литературного языка нового периода, разобрать лексический состав восточнославянских языков с указанием слов, известных всем восточнославянским языкам или лишь некоторым из них, дать этимологический словарь русского языка, точно выделив заимствования из других языков.

Даже краткий, далеко не полный, обзор трудов Е. Ф. Карского по русскому языку и палеографии, позволяет сказать, что в лице Е. Ф. Карского русское языкознание и палеография лишились выдающегося своего представителя.

[24] Б. М. Ляпунов. Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского. Изв. АН СССР, 1932. Отделение общественных наук. Л., 1932, стр. 178.

Надо было обладать исключительной работоспособностью, ярким лингвистическим талантом, чтобы, создав свои знаменитые труды в области белорусского языка и белорусской словесности, прославить свое имя и в других областях науки о языке, в первую очередь, в истории русского языка, палеографии и диалектологии.

Переходим к рассмотрению трудов Е. Ф. Карского по украинскому языку.

Следует отметить, что Е. Ф. Карского интересовали не только вопросы украинского языкознания, но и вопросы украинского литературоведения. Так, им были написаны статьи: Три малорусских песни из польского сборника XVII в.[25];«Наймычка» Шевченка. Материалы для ее научного издания [26].

Перу Е. Ф. Карского принадлежат многочисленные отзывы о книгах и статьях как по украинскому языку, так и по украинской литературе (первые значительно преобладают).

В «Русской диалектологии» Е. Ф. Карского, о которой мы говорили выше, есть глава, посвященная диалектам украинского языка, отметим также, что Е. Ф. Карский редактировал «Материалы для изучения северномалорусских говоров, а также переходных от белорусских к малорусским (Полесье)» (два выпуска) [27].

В статье «Два древнейших русских документа главного архива Царства Польского в Варшаве»[28] Е. Ф. Карский рассматривает и грамоту конца XIV или начала XV в., написанную украинцем, — донесение судьи перемышльского Костьки королю Владиславу о сборах податей и расходованьи денег в Перемышльской волости.

Как отмечает Е. Ф. Карский, этот документ еще нигде не был напечатан (у Е. Ф. Карского он напечатан по рукописи палеографически точно).

В работе Е. Ф. Карского «Из русской диалектологии» [29], первая из четырех заметок, при этом самая большая, посвящена вопросу об отвердении (неумягчительности) звуков *е* и *и* в украинском языке.

Е. Ф. Карский устанавливает, что утрата мягкости согласных сначала произошла перед *е*, затем уже отвердевшие согласные ассимилировали себе и звук *и*.

Специально исследован Е. Ф. Карским памятник XVII в. — Малорусский Луцидарий по рукописи XVII в. Текст, состав памятника и язык (Варшава, 1906) [30]. Это точное палеографическое и лингвинистическое издание рукописи, представляющей, как установил Е. Ф. Карский, копию белорусского перевода с чешского, сделанную украинцем. Украинские особенности проведены в памятнике строго последовательно, что убедительно показано автором при рассмотрении языка рукописи (фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики).

Из рецензий Е. Ф. Карского отметим две — в 1914 г. на украинскую грамматику С. Смаль-Стоцкого и Т. Гартнера, вышедшую в Вене в 1913 г.[31], в 1930 г. на первый выпуск книги «Істаричний словник українського языка» (составил и редактировал Е. К. Тимченко) [32].

Главным недостатком первой книги является, по мнению Е. Ф. Карского, то, что ее авторы, стремясь доказать полную самостоятельность украинского языка и отсутствие его связи с русским языком — современным и древним, пренебрегли всеми

---

[25] РФВ, т. LIV, 1905.

[26] РФВ, т. LVII, 1907.

[27] «Изв. ОРЯС», т. III, 1898, кн. 3, Приложения; Сб. ОРЯС, т. LXXV, № 6, 1903. Помещены ответы на программы для собирания особенностей белорусского языка, попавшие в местности с населением, говорящим на украинском языке или на смешанном говоре, с преобладанием особенностей украинских говоров.

[28] Древности. Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества, т. I, вып. 3, М., 1899.

[29] «Изборник Киевский, посвященный Тимофею Дмитриевичу Флоринскому». Киев, 1904.

[30] Оттиск из Варш. ун. изв., 1905—IX.

[31] Рецензия Е. Ф. Карского в РФВ, т. LXXI, 1914.

[32] Рецензия Е. Ф. Карского в Изв. по русскому языку и словесности, т. III, кн. 2, Л., 1930.

установившимися методами исследования. Авторы игнорируют данные украинской диалектологии, а также данные русской (великорусской) диалектологии, допускают неточности в ссылках на материалы белорусских говоров. Не приняты ими во внимание и данные истории русского языка и шире — истории славянских языков.

Е. Ф. Карский в своей рецензии на словарь высказывает мнение, что при отборе материала для словаря нельзя было руководствоваться только тем. на какой территории писались и печатались памятники. Е. Ф. Карский отмечает ряд случаев, когда в источники украинского языка попали белорусские памятники и не имеющая отношения к украинскому языку новгородская рукопись Русской Правды 1282 г.

Переходим к обзору работ Е. Ф. Карского по южнославянским и западнославянским языкам, отметив особо исследования по старославянскому языку и палеографии, кроме тех, которые были названы выше в связи с работами по древнерусскому языку и палеографии: «Грамматика древнего церковнославянского языка», «Славянская кирилловская палеография» и некоторые другие.

В IV томе, выпуске 1-м Изв. Русского археологического института в Константинополе за 1899 г. были помещены три статьи — Ф. И. Успенского, Т. Д. Флоринского и Л. Милетича, посвященные новооткрытой надписи царя Самуила, относящейся к 993 г. Е. Ф. Карский немедленно откликнулся статьей «Надпись Самуила 993 г.» [33].

Е. Ф. Карского надпись заинтересовала и как историка славянских языков, и как палеографа, тем более, что она оказалась самым древним датированным памятником кирилловского письма.

Е. Ф. Карский сообщает ряд сведений о надписи, дает снимок с нее, чтобы познакомить широкие круги русских ученых с этим памятником.

Отметив, что он находит возможным держаться чтения, предложенного Ф. И. Успенским и Т. Д. Флоринским, и допускает изменения лишь в мелочах, Е. Ф. Карский предлагает свое чтение некоторых восстапавливаемых мест (часть плиты отбита). Эти замечания (например, что в памятнике было написано оцу, а не отьцу, братоу, а не брату, инъдикта. а не инъдиктъ..., что имя матери — слово, состоящее из семи букв), подкрепленные палеографическим и лингвистическим анализом, в полной мере сохранили свое значение.

К 1904 г. относится работа по палеографии (в ней рассматриваются и вопросы языка): Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI в. Фототипическое воспроизведение текста и исследование письма и языка. (Изд. ОРЯС. СПб., 1904).

Работа «Листки Ундольского» — образцовое издание памятника XI в.

Е. Ф. Карский говорит в начале работы о содержании памятника, о судьбе Листков Ундольского, о предшествующих изданиях памятника (во всех их нет полного, во всех отношениях удовлетворяющего научным требованиям воспроизведения этого памятника).

Затем дано фототипическое воспроизведение текста (2 листка — 4 страницы), чтение этого текста, с замечаниями о некоторых написаниях.

После текста — глава «Палеографические особенности памятника», глава «Особенности языка» (в ней рассмотрены фонетика, морфология и синтаксис памятника), глава «К вопросу о редакции текста». В последней главе автор опровергает мнение академика И. В. Ягича об особенной близости в отношении языка и правописания Листков к Ассеманову евангелию, рассмотрев в качестве параллелей к Листкам соответствующие места в Ассемановом евангелии, Остромировом евангелии, Зографском евангелии, Мариинском евангелии и Саввиной книге. Е. Ф. Карский приходит к выводу, что «У переписчика Листков был оригинал, не совпадавший ни с одним из сохранившихся до нашего времени древнейших (XI в.) кодексов. Конечно, кое что мог внести писец и от себя как описки, кое в чем мог произвести и поправки применительно к той редакции греческого текста, с которою он мог быть знаком» (стр. 35). В конце издания дан «Словарь» (приведены греческие соответствия к словам текста).

В 1917 г. Е. Ф. Карский публикует статью «К истории термина «глаголица»» [34].

[33] РФВ, т. XLII, 1899.

[34] РФВ, т. LXXVII, 1914.

Большой труд Е. Ф. Карского по старославянскому языку — «Очерки по синтаксису др. церковнославянского и русского языков». Курс лекций, читанных студ. 2, 3 и 4 курсов славяно-русского отдел. истор.-фил. фак. В. У. профес. Е. Ф. Карским в 1912/1913 ак. г. Издание студентов. Варшава, 1913. Литограф. 204 стр.

В «Очерках» рассмотрен вопрос о частях речи (дана их классификация на основании формы и значения), о роде (в частности отмечено употребление ср. р. ед. ч. имени прилагательного без имени существительного), числе (ему уделено значительное внимание), разные виды простых предложений, их состав.

Е. Ф. Карский приводит примеры из старославянских и древнерусских памятников, из западнорусских памятников, из современных русского, украинского и белорусского языков, причем широко использованы материалы говоров этих языков. Привлекаются данные других славянских языков, а также балтийских, греческого, латинского и немецкого языков.

Центральная часть курса — это разные виды простых предложений и их состав (стр. 39—204), причем большое место (стр. 148—204) отведено употреблению падежей без предлога, выяснению того, что́ в этом употреблении принадлежит славянским языкам, а что объясняется греческим влиянием (случаев такого влияния немного).

Говоря о работах Е. Ф. Карского в области старославянского языка, считаем необходимым назвать две его статьи: «К столетию со дня выхода «Institutiones» И. Добровского 1822—1922»[35] и «Заслуги И. В. Ягича в изучении старославянского и русского языков»[36].

Е. Ф. Карский раскрывает содержание книги И. Добровского, отца славянской филологии, положившего доброе начало научному исследованию старославянского языка, отмечая, что́ в этой книге сохранило ценность в наше время, что́ стало основанием для дальнейших достижений науки.

Е. Ф. Карский указывает на стройность системы книги и глубокое понимание ее автором разных частных явлений в различных областях — в области палеографии, фонетики, морфологии, синтаксиса и приходит к выводу о несомненном влиянии работы И. Добровского и в общем и в частностях на последующие труды других ученых по старославянскому языку.

Автор отмечает: «Многосторонний талант И. В. Ягича охватывал всю славянскую филологию: нет такой области, куда бы он не сделал своего вклада. Но, несомненно, более всего он поработал по старославянскому и затем по русскому языкам. Им, особенно первому, посвящены его самые выдающиеся труды» (стр. 366).

Е. Ф. Карский специально останавливается на работах И. В. Ягича по старославянскому языку, подчеркивая при этом то положение И. В. Ягича, которое находило полный отклик у автора статьи: «Изучение церковнославянского языка, этого «санскрита» славянской филологии, по его мнению, является основой всего славянского языкознания не только в высшей, но и в средней школе: где глубже изучается этот древнейший представитель семьи славянских языков, тем яснее и содержательнее представляется понимание явлений своего живого родного славянского языка, как литературного, так и народного. В отношении языка Ягич желал стоять на реальной почве: действительные факты древнейшего представителя славянских языков он предпочитал всяким теоретически построенным образованиям, представляющим из себя гипотезы, легко уступающие место другим, подобным домыслам часто даже одного и того же ученого» (стр. 367—368).

Из рецензий Е. Ф. Карского, посвященных исследованиям по старославянскому языку и палеографии, особого внимания заслуживает рецензия на книгу В. Вондрака «O původu Kijevských listů a Pražských zlomků a o bohemismech v staršich cirkevněslovanských pamatkách vůbec. V Praze. 1904»[37].

Е. Ф. Карский не соглашается с выводом В. Вондрака, что Киевские глаголические листки, замечательный памятник старославянской письменности, возникли у паннонских словинцев, где-то у Блатенского озера, а затем были переписаны чехом, но не

[35] Изв. ОРЯС, т. XXVII, 1922.

[36] Изв. ОРЯС, т. XXVIII, 1923. Л., 1924.

[37] РФВ. т. LIII, 1905.

на чешской, а на сербо-хорватской территории, на той ее части, которая находилась рядом с болгарскими областями, и внесены в них чехизмы. Этот список, как полагает В. Вондрак, был несколько позже переписан сербом.

Е. Ф. Карский возражает и против предложенной В. Вондраком датировки Киевских листков (IX—X столетия) и приходит к выводу, что рукопись возникла не раньше XI в. Следует отметить, что теория В. Вондрака о Киевских глаголических листках была встречена критически и другими учеными-славистами. Спор о языке Киевских глаголических листков и времени их написания продолжается и в наши дни [38].

Выводы В. Вондрака о Пражских глаголических отрывках (оригиналом была болгарская рукопись, переписаны отрывки в XI в. на чешской территории) не встретили возражений со стороны Е. Ф. Карского.

Мы уже говорили выше, останавливаясь на работах Е. Ф. Карского по истории русского языка, что в 1895 г. он специально изучил копию со знаменитой Супрасльской рукописи, памятника древнецерковнославянского (старославянского) языка XI в.

Супрасльской рукописи уделено Е. Ф. Карским внимание и в отзыве, напечатанном в 1905 г.[39], о труде Сергея Северьянова «Супрасльская рукопись», т. I, Изд. ОРЯС. СПб., 1904.

Е. Ф. Карский в своем отзыве сообщает сведения о самой рукописи (где найдена, кем, дальнейшая судьба), об ее изданиях до С. Северьянова и, в связи с оценкой издания С. Северьянова, высказывает ряд интересных замечаний о принципах издания старинных рукописей.

Все изложенное выше в работах Е. Ф. Карского по старославянскому языку, а также и по древнерусскому языку свидетельствует, что Е. Ф. Карского интересовал старославянский язык различных изводов: восточнославянского, южнославянского и западнославянского (чешского).

Привлек внимание Е. Ф. Карского и один из старинных польских памятников (его текст, палеографическая сторона) — Польская псалтырь Николая Рея. Е. Ф. Карский нашел эту псалтырь половины XVI в. в библиотеке Варшавского университета, занимаясь подысканием источников для западнорусских переводов псалтыри в XVI—XVII вв.

Статья о Польской псалтыри Николая Рея была опубликована в 1894 г.[40], кроме того, о ней говорится и в исследовании Е. Ф. Карского «Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках» (Варшава, 1896. См. стр. 75—79).

Специальных работ по современным южнославянским и западнославянским языкам у Е. Ф. Карского нет, но об интересе Е. Ф. Карского к этим языкам, повторяем, ярко свидетельствуют многочисленные отзывы. Отметим два из них, относящиеся к последним годам жизни Е. Ф. Карского, — о книге Фр. Лорентца «Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache»[41] и книге проф. Ст. Младенова «Geschichte der bulgarischen Sprache» [42].

В первой рецензии Е. Ф. Карский знакомит читателя с построением книги, с самим автором как «большим знатоком языка вымирающих поморских славян» (стр. 490) и его трудами, расценивает рецензируемое исследование как завершение всех трудов Фр. Лорентца по языку поморских славян. Особое внимание уделяет Е. Ф. Карский тем чертам поморских говоров, которые представляют, в плане сравнения, несомненный интерес для специалиста в области русского языка (например, смешение *ц* и *ч*; *з* и *ж* и др.).

И в отзыве о книге Ст. Младенова Е. Ф. Карский, ознакомив читателя с ее содержанием, указывает на те места, где историк русского и белорусского языков найдет много интересных параллелей (в области редукции гласных, в наличии полногласных

---

[38] Киевским глаголическим листкам посвящена огромная литература. О них писали И. И. Срезневский, И. Ягич, В. Вондрак, В. Облак, Б. М. Ляпунов, А. И. Соболевский, Н. К. Грунский, С. М. Кульбакин, Н. Н. Дурново и многие другие ученые.

[39] РФВ, т. LIII, 1905.

[40] РФВ, т. XXX, 1894.

[41] Изв. ОРЯС, т. XXX, 1925. Л., 1926.

[42] Изв. по русскому языку и словесности, 1929, т. II, кн. 2. Л., 1929.

форм в новоболгарском языке, в случаях отвердения *р*, в смешении *ч* и *ц*, в области ударения и т. д.).

Этим подчеркиванием в обоих отзывах значения для историка восточнославянских языков работ по западнославянским (в данном случае — по кашубскому) и южнославянским (в данном случае — по болгарскому) языкам Е. Ф. Карский утверждает огромную роль сравнительно-исторического метода: без сравнения с другими славянскими языками нельзя в полной мере познать законы своего родного языка.

Еще будучи студентом Историко-филологического института имени князя Безбородко в Нежине, Е. Ф. Карский отстаивал необходимость применения сравнительно-исторического метода в славянском языкознании[43].

Это свое отношение к сравнительно-историческому языкознанию Е. Ф. Карский сохранил, как видим, до последних дней своей жизни.

Е. Ф. Карский был ученым-славистом в самом высоком смысле этого слова. Его исследования по славянским языкам, в первую очередь, конечно, по белорусскому, а затем по древнерусскому и старославянскому языкам, его труды по славянской палеографии — ценнейшее научное наследство.

Это наследство требует самого пристального внимания и глубокого изучения со стороны тех, кого интересуют вопросы славянской филологии.

---

[43] См. сказанное выше о рецензии и заметке Е. Ф. Карского в РФВ, т. X, 1883 и т. XI, 1884 в связи со статьей Н. Н. Бодрова «Слово «человек» в производствах».

ПРИМЕЧАНИЯ
К ТЕКСТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ Е. Ф. КАРСКОГО [1]

Стр. 35. Разбор Е. Ф. Карским рукописи Н. М. Тупикова — Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1899 г. СПб., 1900, стр. 49—63.

Стр. 130. В лекции «Главнейшие течения в русском литературном языке», помещенной в подотделе «Русский язык», много внимания уделено западнорусскому литературному языку, его истории. Автор устанавливает время возникновения «белорусского наречия» (конец XIV—начало XV в.) и определяет его отличительные черты.

Стр. 164. В речи «Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка», произнесенной более 50 лет тому назад, не оценены в полной мере возможности украинского литературного языка (см. стр. 172). Так, автор полагает, по-видимому, затруднительным перевод на украинский язык начала VII главы «Мертвых душ», где «изображается различие двух писателей, завидный жребий одного и тяжелый другого!»

Стр. 253. В статье «Что такое древнее западнорусское наречие» заслуживает особого внимания вывод автора в конце статьи (стр. 262), что старое западнорусское наречие следует называть белорусским языком.

Стр. 340. Из «Отчета» Е. Ф. Карского публикуется только часть, содержащая сведения о народных говорах в ближайших окрестностях г. Слуцка — с. Басловцев и д. Подлесья. Эта часть (она помещена в конце «Отчета») представляет самостоятельный научный интерес. Вопрос о том, есть ли в исследованном Е. Ф. Карским говоре дифтонги, освещен не только в «Отчете», но и в специальной заметке, напечатанной также в 1898 г.: «Заметка относительно дифтонгов в народном говоре с. Басловцев и д. Подлесья Слуцкого уезда Минской губернии» (РФВ, т. XL, 1898, стр. 325—327). См. также — Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа. Выпуск первый. Исторический очерк звуков белорусского языка. М., 1955, стр. 124, 208. О говоре с. Басловцев и д. Подлесья говорится и в сообщении Е. Ф. Карского (сообщение под № 12) в «Материалах для изучения белорусских говоров», вып. III. СПб., 1900 (см. также Изв. ОРЯС, т. IV, кн. 3. 1899).

Первая (не опубликованная в нашем издании) часть «Отчета» посвящена

---

[1] Мы ограничиваемся самыми краткими примечаниями, при этом только к некоторым из работ Е. Ф. Карского, так как труды Е. Ф. Карского по белорусскому языку рассмотрены нами в статье «Исследования Е. Ф. Карского по белорусскому языку» (Е. Ф. Карский. «Белорусы. Язык белорусского народа. Выпуск первый. Исторический очерк звуков белорусского языка». М., 1955, стр. 453—471), по другим славянским языкам — выше, в статье Труды акад. Е. Ф. Карского по славянским языкам.

Библиографические данные читатель найдет в «Списке печатных работ академика Е. Ф. Карского» (см. выше).

вопросам палеографии, поскольку главной целью поездки было собирание и проверка палеографических материалов в связи с подготовкой Е. Ф. Карским нового издания лекций по палеографии.

Стр. 373. В исследовании «Два древнейших русских документа главного архива царства Польского в Варшаве» исследованы две грамоты, из которых первая написана «на западнорусском наречии в том виде, в каком оно являлось в литовско-русских канцеляриях XIV века», вторая написана украинцем.

Стр. 399. В статье «К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губернии» основное внимание уделено белорусским особенностям, почему она и помещена в подотделе «Белорусский язык».

Стр. 405. В статье «К вопросу о разграничении русских наречий» автор указывает белорусские особенности, позволяющие установить пограничную черту между русскими и белорусскими говорами, а также между украинскими и белорусскими. В конце статьи говорится и о признаках, на основании которых устанавливается граница между русскими и украинскими говорами.

Стр. 412. Сам автор рассматривает свой «Отчет о поездке в Белоруссию в течение летних месяцев 1903 года» как дополнение к первому тому «Белорусов», изданному в 1903. Большое место отведено фольклору. Записи песен интересны в отношении языка — для выяснения диалектных особенностей.

Стр. 448. В названной статье рассматривается преимущественно влияние языка белорусской народности, а позже белорусской нации на языки западных соседей-литовцев (влиянию на литовский язык уделено особое внимание) и латышей, а также на язык татар и евреев, старых насельников литовского государства «еще во времена литовского и отчасти польского владычества» (стр. 458). Говорится и о влиянии русского (великорусского) языка, а также общерусского языка-основы.

Стр. 473. Обзор «Новые книги по белорусоведению» содержит ряд заметок (о девяти книгах), из которых нами приведены те, которые представляют наиболее развернутые рецензии, при этом на книги по белорусскому я з ы к у. Страницы, указанные в сноске (к данной работе и к другим, из которых приведены лишь отдельные отзывы), отсылают читателя ко в с е м у отзыву.

Стр. 477. В отзыве под общим заглавием «Книжные новости» рассмотрено тринадцать работ. Помещаем два отзыва, наиболее значительные и важные для белорусской диалектологии и для истории украинского и белорусского языков. Отзыв о труде В. Розова «Южнорусские грамоты», занимающем видное место в украинском языкознании, помещен в подотделе «Белорусский язык», так как Е. Ф. Карский вносит поправки, какие грамоты следует считать белорусскими, а не украинскими. Отметим идентичное издание труда В. Розова — В. Розов. Українські грамоти. Том перший. XIV в.—перша половина XV в. У Києві, 1928.

Стр. 479. Задача краткого обзора книги — Moszyński K. Polesie wschodnie состоит в том, чтобы привлечь внимание читателя к труду, содержащему ценные сведения по этнографии, фольклору и языку белорусского Полесья.

Стр. 481. Обзор «Книжные новости в области славяноведения, русского языка и литературы» рассматривает семь книг. Приводится только отзыв о книге Чеслава Петкевича, расширяющий наши сведения по белорусской диалектологии. Рецензент отмечает, на основании рецензируемой книги, наиболее интересные данные по фонетике, морфологии, синтаксису и особенно лексике жителей Полесья.

Стр. 512. В статье «Из русской диалектологии» из четырех заметок только первая посвящена украинскому языку, три других — белорусскому языку.

Стр. 563. В обзоре «Книги, брошюры и журналы, поступившие в редакцию ИРЯС» рассмотрено пять работ. Самый большой отзыв — о книге «Історичний словник українського языка».

Стр. 565. Когда была написана статья «Надпись Самуила 993 года», эта надпись была наиболее древней датированной надписью кирилловского письма. Позднее стали известны более древние надписи — середины X в.

Стр. 604. Киевским листкам и Пражским отрывкам, как отмечено в нашей статье «Труды академика Е. Ф. Карского по славянским языкам», посвящена огромная литература. История исследования этих глаголических памятников рассмотрена в первой главе кандидатской диссертации А. И. Багмута «Чешский и словацкий языки в истории русского и украинского языкознания». См. также автореферат под тем же названием (Киев, 1959), стр. 2—5.

Стр. 619. В обзоре «Заметки о книгах и брошюрах», поступивших в редакцию, рассмотрено пять книг. Наиболее полный отзыв о работе Ст. Младенова, имеющей большое научное значение.

Стр. 622. О М. А. Колосове см. еще — Е. Ф. Карский. Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР («Сборник ОРЯС», т. CI, № 1. Л., 1926), стр. 53—58 и др.

Стр. 649. О И. И. Срезневском см. еще «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР», стр. 42—44 и др.; о Я. К. Гроте — там же, стр. 71—73 и др.

Стр. 653. Об А. А. Шахматове. см. еще «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР», стр. 77—87 и др.

Стр. 663. И. В. Ягичу посвящен также некролог — Игнатий Викентьевич Ягич. «Известия Российской Академии наук», 1923, № 1—18, стр. 11—18. См. еще «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» (в различных местах книги).

Три письма И. В. Ягича к Е. Ф. Карскому — Е. Ф. Карский. К истории славянской филологии в конце XIX и первые годы XX ст. «Slavia», Ročnik VII, sešit 3, 1928, стр. 701—704.

Стр. 670. А. И. Соболевскому посвящен также некролог — A. I. Sobolevskij. «Slavische Rundschau», Nr 10. Dezember 1929, стр. 812—814.

См. еще «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР», стр. 59—66 и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Украинский язык

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ЯЗЫКОВЕДЫ-СЛАВИСТЫ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Евфимий Федорович Карский

Труды по белорусскому и другим славянским языкам

Утверждено к печати Отделением литтетуры и языка Академии наук СССР

Редактор издательства *Д. Э. Розенталь*. Технический редактор *А. П. Гусева*

РИСО № 35-6В. Сдано в набор 30 XII-60 г. Подписано в печать 8/II-62 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 44,5+2 вкл.=61,3 усл. печ. л. Уч. изд. л. 53,1 (52,8 + 0,3 вкл.). Тираж 2000. Изд. № 4861. Тип. зак. 35. Т-01089. *Цена 3 р. 40 к.*

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21.
1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.

Натрии.

ймѧ Гдне :. ... Хотѧщꙋ ти внити во стый градъ Гдн, вѣтви садовныѧ людїе ношахꙋ, тебе поюще всѣхъ Бл҃кꙋ: И зрѧще тѧ нажребѧти сѣдѧща, ꙗкоже нахерꙋвимѣхъ зрѧхꙋ. сего ради вопїахꙋ. Осана вcovышних, блгвенъ еси пришедый, и паки грѧдый воймѧ Гдне :. Б. Изыйдѣте ѧзыцы йзыйдите и людїе, и видѣте днесь цр҃ѧ нб҃наго, ꙗко на прт҃лѣ высоцѣ, нажребѧти хꙋдѣ во Їерлм входѧще. Роде Їꙋдейскїй невѣрный и прелюбодѣйный, приди и виждъ, егоже видѣ Їсаїа воплоти насъ дѣлѧ приити имꙋща, како обрꙋчаетсѧ сїонꙋ, ꙗко цѣломꙋдреный новый сїонъ, и отлагаетъ осꙋжденнꙋю сонмицꙋ; ꙗко внеблѧнно же бракꙋ и нескверно нескверная, стекошасѧ благохвалѧще, и нескверное ... дѣти. Снимиже и мы ... песнь ангелскꙋю : Осанна вовышних и мꙋщомꙋ велїю матъ :. Общее воскресенїе прежде вольныѧ страсти твоеѧ. воꙋверенїе всѣхъ предпоказавый хрт҃е Бж҃е. Лазарѧ ꙋбо во Виѳанїи, державною силою твоею. четверодневна мертва воскресил еси, слѣпцемже же видѣти, ꙗко свѣтодавецъ дарова

Наставнико

Подобаѥт вѣдати. яко Слжба Самарѧныни поется.
А днь. вѣлю. вѣстоѥпию. впято. и вседѹботѹ: понеж
убо. и второе. и всредѹ поѥ Слжба преполовлению:
и всредѹ благослв. поѥ ѧко ...: що вто ... чтению:

НДЛИ ѕ попасцѣ, ослѣпом: На велицѣй
вечерни, стиховне, Кн: всю. на Гди воззвах:
поста: сти: і. и пое стры вскрны Гла є:
чтным твои крто хе: воскресеніе да̂ли родѹ:
велїе чѹдо невидимый содѣ: вечернее поклоне:
началника спсніа нше: иже от кѹстодіа очин:
Гди ада плѣнивъ:. Стры ослѣпо, самогласны

Гла в. Слѣпый родивыйся помысли глаша: еда аз грѣх ради родителных, родихса без очию; еда аз за невѣріе языкъ родихса вообличеніе: недомышлаюса вопрошати, когда днь когда нощь, нетерпѣта ми нозѣ каменнаго преткновеніа. невидѣх бо слнца сіающа. ниже вообразѣ мене создавшаго: но молютися хе бже, призри нама и помилѹи нама:.

И паки тѹжде стрѹ:. Мимо хода іс от стнища. обрѣте чловѣка слѣпа от рожденіа, и ѹмилосердѣвса, положи бреніе на очию его, и рече къ немѹ: иди ѹмыйся в силоамѣ. и ѹмывса

АКАДЕМИЯ НАУК БССР
Институт языкознания им. Якуба Коласа

Е. Ф. КАРСКИЙ

ТРУДЫ ПО БЕЛОРУССКОМУ И ДРУГИМ СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ

Издательство Академии Наук СССР

МОСКВА — 1962